Типографія и Литографія А. Траншеля,
на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, домъ № 45 — 1.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 4-го Декабря 1870 года.

Оглавленіе «Нивы» за 1870 годъ.

15) Политическое обозрѣніе.

16) Фельетонъ.

17) Смѣсь.

Рисунки.

№ 1. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 р.
Для иногородныхъ: За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого. . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна за границей 5 талер.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ альбомъ (экспромтъ). Стихотв. А. Н. Майкова.—Подъ каштанами Саксонскаго сада (изъ Варшавскихъ воспоминаній). В. В. Крестовскаго. — Сверженіе ига татарскаго, съ рисункомъ профессора К. Е. Маковскаго. — Царицыно (съ рисункомъ) С. М. Любецкаго. — Фельетонъ.

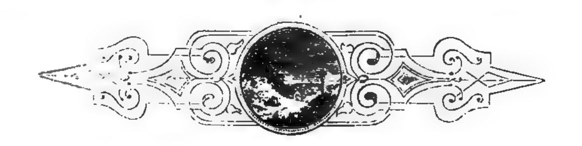
Въ альбомъ.....

(экспромтъ).

Мы—Москвичи! что дѣлать, милый другъ!
Кинь насъ судьба на сѣверъ иль на югъ,—
У насъ вездѣ, со всей своею славой,
Въ душѣ—Москва и Кремль золотоглавый.
Въ насъ заповѣдь великая жива,
И вѣра въ насъ досель не извелася,
На коихъ древле создалась Москва,
И чрезъ нее—Россія создалася.
Тамъ у гробовъ іерарховъ и царей,
Намѣтившихъ великія ей цѣли,
Онѣ виднѣй, и ты поймешь яснѣй
Куда идти.— какъ мы шли доселѣ,
И отчего, во дни народныхъ бѣдъ,
И внѣшнихъ бурь, и всякаго шатанья,
Для всей Руси, какъ дѣдовскій завѣтъ,
Родной Москвы звучало увѣщанье.
Храни жъ его, отцовъ завѣтъ святой,
Какъ Ермогенъ въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ сырой,—
И въ жизни путь всегда увидишь правый,
И посрамишь всякъ умыселъ лихой,
Всякъ вражій ковъ, и всякъ соблазнъ лукавый.

1867

А. Майковъ.



Подъ каштанами Саксонскаго сада.

(изъ варшавскихъ воспоминаній).

— Послушайте, Крестовскій, такъ вы рѣшительно не вѣрите?

— Рѣшительно не вѣрю.

— Но, другъ Гораціо, вспомните старую истину, что есть многое въ природѣ...

— Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.—Очень хорошо помню и знаю. Но такъ какъ я не мудрецъ, во первыхъ,—а вовторыхъ, такъ какъ мнѣ вообще очень многое снится, то я и тѣмъ паче могу не вѣрить.

— Такъ что-жь это, по вашему?

— Галлюцинація, обманъ зрѣнія, обманъ чувствъ, ощущеній...

— Ну, такъ, такъ, такъ! всеконечно такъ!.. Скажетъ человѣкъ себѣ хорошее слово въ родѣ какого-нибудь «рефлекса» или «галлюцинаціи»—и успокоится, и доволенъ собою, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ однимъ этимъ словомъ онъ все объяснилъ, все порѣшилъ, все покончилъ! Да скажите же вы мнѣ на милость: отчего, напримѣръ, эта самая ваша «галлюцинація» нигдѣ и никогда больше не повторялась со мною какъ «галлюцинація»,—и отчего, напротивъ, *ощущеніе* ея повторилось впослѣдствіи на яву, повторилось до поразительной тождественности съ тѣмъ самымъ ощущеніемъ, которое нѣкогда дала эта... ваша... «галлюцинація», какъ вы ее называете? Отчего-съ это?.. Что-же, въ самомъ дѣлѣ, Юмъ, что-ли, напустилъ ее на меня?

— Не Юмъ, а извѣстное настроеніе, извѣстное состояніе нервовъ...

— Знаю, знаю! за симъ по порядку должны идти «рефлексы» и прочее!.. Скажите, пожалуйста, вы какъ понимаете Юма?

— Юма?.. Я его никакъ не понимаю.

— Ну, нѣтъ, однако! Что это... какъ онъ, по вашему?

— Полагаю, что ловкій престидижитаторъ—не болѣе.

— Въ родѣ братьевъ Девенпортовъ? да?.. Нѣтъ, батюшка мой! Въ томъ то и сила, что это не фокусникъ, не шарлатанъ, а человѣкъ больной недугомъ той невѣдомой высшей силы, присутствіе которой въ немъ самомъ тяготитъ его. Что это за сила?—онъ и самъ того не знаетъ, но онъ боленъ ею. Замѣтьте еще вотъ какое обстоятельство: Юмъ никогда не дѣлалъ изъ своей силы предмета спекуляціи, онъ не давалъ за деньги публичныхъ представленій, не раскидывалъ афишъ, никогда не эксплуатировалъ своей способности въ пользу кармана. Мало того, —на сколько я его знаю,—онъ даже не любитъ говорить объ этой силѣ, онъ избѣгаетъ разговоровъ о томъ, что самому ему такъ тяжело, такъ непріятно. Онъ вообще очень скроменъ. Шарлатаны поступаютъ не такъ! Шарлатаны кричатъ, трубятъ о себѣ всевозможными способами, драпируются въ мантію таинственности и набиваютъ карманы рублями, мороча почтеннѣйшую публику. Братья Девенпорты, когда вамъ угодно, въ любую данную минуту, изобразятъ передъ вами свое спиритическое представленіе; съ Юмомъ же не такъ: зачастую у него проходитъ нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ, когда эта сила оставляетъ его, и онъ тогда становится такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ вы, какъ я, какъ всѣ мы, грѣшные. Въ это время—засыпьте вы его всѣми сокровищами Голконды и Калифорніи—онъ ничего не покажетъ вамъ, по той простой причинѣ, что это внѣ его человѣческой возможности, что это совсѣмъ отъ него не зависитъ. Онъ за нѣкоторое время, за нѣсколько часовъ, вдругъ, что называется, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ чувствовать приближеніе своего пароксизма. Онъ явно становится растроенъ, нервенъ, унылъ и просто боленъ передъ этимъ приближеніемъ—боленъ и послѣ пароксизма. Я видѣлъ его въ эти минуты и могу вамъ свидѣтельствовать, что это непритворно: такъ притворяться нельзя. Холоднаго пота на лбу и ста двадцати біеній пульса въ минуту—не сдѣлаешь себѣ никакимъ притворствомъ. Онъ видимо страдаетъ въ эти минуты. Онъ мученикъ своей собственной невѣдомой силы, игрушка ея прихотливыхъ наитій, ея капризъ, ея жертва, ея иронія и насмѣшка надъ человѣческимъ разумомъ, коли вы хотите! Вотъ что такое въ сущности этотъ Юмъ.

— Вы его знаете?

— Знавалъ въ Парижѣ.

— И видѣли его подъ наитіемъ этой «силы»?

— Видѣлъ разъ. Но пожалуйста не дѣлайте такихъ ироническихъ удареній надъ словомъ «сила»!

— Слушаю-съ. Что же такое вы видѣли?

— Мало того, что видѣлъ! Говорю вамъ: я—я самъ ощущалъ на себѣ дѣйствіе его воли и силы!

— Это любопытно.

— Вы думаете? Но я вамъ скажу нѣчто еще курьознѣе: въ ощущеніи этой «галлюцинаціи» былъ своего рода таинственный, пророческій смыслъ. Вы улыбаетесь?—погодите немножко! Успѣете потомъ!.. Если-бъ вы знали, что это была за галлюцинація и какое значеніе имѣла она для меня потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ! Вотъ бы вамъ тема для разсказа-то, для повѣсти! Чего вы опять такъ улыбаетесь?

— А вы хотите, чтобы я откровенно признался вамъ?

— Желалъ-бы, другъ Гораціо! желалъ бы!

— Извольте, принцъ. Я невольно, хоть можетъ быть и несовсѣмъ-то скромно, улыбнулся своей собственной мысли... Мы съ вами настолько хорошіе пріятели, что вамъ можно сказать ее. Видите-ли... Еслибъ вы знали, сколь часто и сколь много прелестныхъ дамъ и даже очень юныхъ барышень говорили мнѣ: «ахъ, monsieur Крестовскій, еслибъ вы знали мою жизнь, еслибъ вамъ разсказать ее—вотъ бы вамъ богатая тема для романа! вы бы непремѣнно описали ее!» — Эти прелестныя дамы очень искренно думаютъ себѣ, что нашему брату больше и дѣлать нечего, какъ только заниматься описаніемъ ихъ жизни. Иныя изъ нихъ и покушались описывать свои «чувствія», но, увы!—долженъ признаться вамъ—никогда никакой изъ этого темы не выходило!

— Гм!.. Понимаю!—Но меня утѣшаетъ то, что я не прелестная дама, а капитанъ генеральнаго штаба. Поэтому изъ моей темы, быть можетъ, нѣчто и выйдетъ. Только предупреждаю: если когда нибудь вы вздумаете «воздѣлать» ее, то вашъ разсказъ или вашу повѣсть посвятите духу царицы Семирамиды.

— Вавилонской?

— Ей самой.

— Это, въ нѣкоторомъ родѣ, conditio sine qua non?

— Всенепремѣннѣйше! Даете слово?

— Да я еще не знаю въ чемъ дѣло.

— А дѣло вы сейчасъ узнаете. Тсс!.. Постойте... Вотъ она!

* * *

Это было весной, въ Варшавѣ. Я встрѣтился съ моимъ хорошимъ пріятелемъ капитаномъ Черкутскимъ на главной аллеѣ Саксонскаго сада. Мы пошли рядомъ, повернули гуляючи на одну изъ тѣнистыхъ боковыхъ дорожекъ и усѣлись на чугунной скамейкѣ. Майское солнце было горячо, и ярко заливало своими лучами алмазныя брызги фонтана, широкую площадку съ группами нянекъ и ребятъ, густую, мягкую зелень каштановъ, разслабленнаго старичка, котораго ежедневно привозили сюда въ креслахъ грѣться на солнышкѣ и дышать ароматомъ свѣжаго, майскаго сада,—варшавскихъ «элегантовъ» съ неизмѣнными люишками, въ неизмѣнныхъ «камàшахъ и ружòвыхъ ренкавичкахъ», и группы гуляющихъ мужчинъ и женщинъ, въ легкихъ изящныхъ нарядахъ, прилетѣвшихъ сюда вмѣстѣ съ модными парижскими картинками послѣдняго весенняго сезона.

Каштаны были въ полномъ цвѣту, бѣлая акація благоухала. Сквозь просвѣты мягко нѣжащей глазъ, кудрявой зелени, не успѣвшей еще потемнѣть и запылиться по лѣтнему, виднѣлись тамъ и сямъ бѣлыя неподвижныя статуи и движущіяся фигуры гуляющихъ варшавянокъ, которыя издали казались тоже бѣлыми въ своихъ свѣтлыхъ легкихъ нарядахъ, подъ игрою свѣта и тѣни благодатнаго полдня.

Мы съ Черкутскимъ сидѣли въ густой тѣни, которая мелкой золотисто-рябящей сѣткой ложилась на песокъ дорожки.

Я невольно изумился, когда капитанъ вдругъ, дотронувшись слегка до моего колѣна, такъ неожиданно и такъ многозначительно проговорилъ мнѣ это: «тсс!.. Постойте... Вотъ она!»

— Кто *она*?.. гдѣ?.. которая? спросилъ я въ недоумѣніи.

— *Она!*.. глядите налѣво... Смотрите—смотрите... замѣтьте ее хорошенько!

По дорожкѣ шла женщина, все болѣе приближаясь къ намъ. Она должна была пройдти мимо насъ, въ какомъ-нибудь шагѣ разстоянія. Какъ и въ чемъ она была одѣта—я не замѣтилъ, потому что вниманіе мое всецѣло обратилось на нее *всю*, на ея общее, и потомъ на ея лицо. Помню только, что впечатлѣніе ея внѣшности, ея костюма было строго-изящное, аристократическое, что̀ очень рѣдко встрѣчается въ полькахъ. Онѣ обворожительны, но... привлекательность ихъ ужъ черезчуръ магнитнаго свойства. Эта же, которая къ намъ приближалась, была царица... строго хороша какъ статуя, изящна какъ женщина, проста какъ само изящество. Тутъ слегка сквозила и южная нѣга вакханки, и холодная сдержанность строгой Діаны; тутъ было отсутствіе всякихъ претензій, какъ въ ребенкѣ, и женственность Офеліи, и царственная простота королевы. Казалось, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ ей нечему бы было рисоваться собою, выдвигать себя. Затертая между сотнями женщинъ, она все-таки невольно выдвинулась бы одною только силой своей сущности. Это была и мадонна, и мефистофель—вмѣстѣ, въ одномъ существѣ, въ одной женщинѣ, въ одномъ полномъ и гармоническомъ сліяніи. Ея каштаново-золотистые волосы были особенно замѣчательны: при яркомъ солнцѣ она казалась блондинкой, въ тѣни же это была совсѣмъ брюнетка. Брюнеткою должна бы была казаться она и въ залѣ, при вечернемъ освѣщеніи. Въ ней нѣсколько проглядывалъ южный, какъ будто итальянскій типъ—и все вмѣстѣ было такъ хорошо, такъ изящно, что я невольно заглядѣлся на нее.

Она приближалась. Выразительно-очерченные глаза ея спокойно и холодно смотрѣли мимо насъ впередъ, вдаль по дорожкѣ.

Черкутскій почтительно и — какъ показалось мнѣ — отчасти смущенно привсталъ и поклонился ей.

Отвѣтомъ на это былъ мимолетный, равнодушный, легкій кивокъ совсѣмъ аристократическаго свойства.

— Вы ее знаете? спросилъ я, когда она была уже въ нѣсколькихъ шагахъ впереди насъ.

— Знаю. А что?.. Хороша?

— Излишне и спрашивать. Кто она?

— Она?.. Моя героиня.

* * *

Было очень жарко. Мы лѣниво пробрались на террасу садовой цукерни, и снова усѣлись подъ холщевой маркизой. Тутъ было и прохладно, и очень удобно: наше уютное мѣстечко, около маленькаго столика, со всѣхъ почти сторонъ обильно заслонялось олеандрами, гортензіями, померанцовыми и миртовыми деревьями. Мы спросили себѣ по «шклянкѣ» холодной содовой воды съ сиропомъ и закурили сигары.

— Объясните, пожалуйста, что̀ это значитъ: «моя героиня»? отчасти подозрительно спросилъ я.

— Каждый романъ имѣетъ свою героиню. Это вамъ, господа беллетристы, лучше всего должно быть извѣстно.

— А у васъ это котораго романа героиня?

— Того самаго, о которомъ я вамъ сейчасъ только говорилъ и дарилъ тему для повѣсти.

— Но... позвольте! перебилъ я: — вы мнѣ говорили о Юмѣ и о своей какой-то галлюцинаціи. Развѣ эта женщина и Юмъ съ царицей Семирамидой имѣютъ у васъ какое-либо соотношеніе?

— Вотъ въ томъ-то и сила, что имѣютъ.

— А! это, дѣйствительно, становится нѣсколько любопытно. Не знаю, каковъ будетъ вашъ романъ; но героиня, во всякомъ случаѣ, сама по себѣ достойна быть героиней.

— Такъ что-же? Разсказывать? Я, кстати, нѣсколько въ ударѣ.

— Непремѣнно разсказывайте. Я уже и теперь весь превратился въ слухъ и вниманіе настолько, что даже сигара моя потухла.

— Закурите ее снова и слушайте. Только — чуръ! — помните условіе насчетъ посвященія.

* * *

Я далъ слово, и теперь въ точности выполняю свое обѣщаніе.

* * *

Греза.

(Посвящено царицѣ Семирамидѣ.)

Это было въ Парижѣ, въ 1858 году. Я задавалъ себѣ обыденную дозу моціона въ Елисейскихъ поляхъ, въ тотъ часъ, когда паркъ кишитъ народомъ. Это — какъ вы знаете—самая пестрая выставка всего элегантнаго Парижа и его прожорливаго, вовсе неэлегантнаго демимонда.

Когда мнѣ ровно нечего дѣлать, я очень люблю глазѣть на пеструю, беззаботную суетливую толпу: это обыкновенно приводитъ меня въ хорошее настроеніе духа. Такъ было и въ тотъ разъ. Я гулялъ и глазѣлъ, и вдругъ

встрѣтился съ нашимъ княземъ Г***. Самъ по себѣ князь былъ милѣйшій человѣкъ, который съ большимъ достоинствомъ поддерживалъ въ Парижѣ убѣжденіе въ баснословномъ умѣніи нашихъ boyars russes жить и неистощимо сорить деньгами заграницей. Онъ шелъ подъ руку съ какимъ-то худощавымъ блондиномъ средняго роста, въ усахъ, съ физіогноміей, которая поразила меня своей болѣзненной нервностью. Это былъ Юмъ. Князь познакомилъ насъ. Раза два мы втроемъ прошлись взадъ и впередъ по аллеѣ.

— Какъ вы насегодня располагаете собою? спросилъ меня князь.

— И самъ еще не знаю! пожалъ я плечами.

— Если такъ, то приходите обѣдать.

Я обѣщалъ—и въ шесть часовъ былъ уже въ великолѣпномъ отелѣ князя. Насъ было всего пять человѣкъ, считая въ томъ числѣ хозяина и Юма, — одинъ молодой русскій натуралистъ, одинъ извѣстный французскій художникъ и я. Юмъ былъ молчаливъ и—какъ замѣтилъ я—ѣлъ очень мало. Ко всѣмъ разговорамъ относился онъ большею частію совсѣмъ безучастно, какъ-будто его мысль занята была совершенно другимъ въ это время. Печать гнетущей болѣзненности не сходила съ его лица, которое мгновеньями отсвѣчивало иногда подавляемымъ внутреннимъ страданіемъ. Это чувство особенно сказывалось въ его меланхолическихъ, голубовато-сѣрыхъ глазахъ. Послѣ обѣда князь подошелъ къ нему и спросилъ тихо:

— Вы, кажется, нѣсколько дурно себя чувствовали?

Лицо Юма—какъ показалось мнѣ — передернуло легкимъ нервнымъ движеніемъ.

— Нѣтъ, не то, отвѣчалъ онъ:—но со мною опять... опять начинается *это*. Я это чувствовалъ еще давеча утромъ.

— Васъ это тяготитъ, сколько замѣтно?

— Да, немного. Впрочемъ, я уже давно привыкъ. Это пройдетъ.

— Но какъ долго продолжается такое состояніе?

— Смотря какъ. Иногда очень долго, иногда нѣтъ. Чѣмъ скорѣй облегчишь себя проявленіемъ этой силы, тѣмъ легче проходитъ.

— Но вѣдь эти проявленія не обходятся вамъ безъ страданій!

— Отчасти. Но оно во всякомъ случаѣ сопровождается страданьемъ—и тѣмъ больше, чѣмъ далѣе сдерживаешь въ себѣ эту силу, чѣмъ долѣе не даешь ей выхода.

— Такъ чтожъ, доставьте себѣ это облегченіе.

Въ лицѣ Юма появилась на одно мгновенье тѣнь раздумчиваго колебанія.

— Пожалуй, согласился онъ:—если только это не будетъ вамъ и гостямъ вашимъ непріятно.

О непріятности нечего было и говорить. Присутствовать при спиритическомъ сеансѣ Юма, о которомъ въ тѣ годы столько говорили,—ктобъ отказался отъ такого рѣдкаго и счастливаго случая?

Мы перешли въ кабинетъ хозяина. Мраморный каминъ пылалъ тамъ яркимъ пламенемъ, отражавшимся въ такихъ фантастическихъ блесткахъ на стали рѣдкаго и богатаго оружія, которымъ увѣшаны были стѣны. Въ этихъ рыцарскихъ кольчугахъ, панцыряхъ и шлемахъ, глядѣвшихъ на насъ изъ оваловъ темно-пунцовыхъ щитовъ, казалось, были закованы ихъ древніе обладатели, окруженные, словно лучами, своими алебардами, копьями, самострѣлами и мечами. Лампы были потушены, за исключеніемъ одной, помѣщавшейся на массивномъ дубовомъ столѣ во вкусѣ моѣнажъ, который стоялъ посерединѣ комнаты, покрытый тяжелою ковровой скатертью, съ наваленными на него книгами, кипсеками и альбомами. Изъ нишъ, какъ-бы съ какимъ-то таинственнымъ любопытствомъ, выглядывали двѣ обнаженныя мраморныя женщины, рѣзца Розетти.

Юмъ сѣлъ отдѣльно, поодаль отъ прочихъ, въ высокое готическое кресло передъ каминомъ, лицомъ къ огню, такъ что этого лица никому не было видно. Я очень удобно помѣстился на широкой мягкой оттоманкѣ, столь располагающей къ грезамъ и послѣобѣденной нѣгѣ. Остальные тоже размѣстились, какъ кому было удобнѣе.

Наступала мертвая тишина.

Всѣ сидѣли почти неподвижно, только на лицѣ у каждаго мелькала невольная, ажитированная улыбка таинственнаго ожиданія чего-то особеннаго, сверхъестественнаго.

Прошло минуты три въ напряженномъ состояніи этого рода. Тишина ничѣмъ не прерывалась — каждый изъ насъ даже дыханье невольно сдерживалъ.

Вдругъ на дубовомъ столѣ послышался шорохъ.

Мы не безъ любопытства и съ явнымъ недоумѣніемъ переглянулись другъ съ другомъ. Ближе всѣхъ къ столу сидѣлъ ученый натуралистъ, но отъ него до борта этого стола оставалось по крайней мѣрѣ сажень разстоянія. Очевидно, никто изъ насъ никоимъ образомъ не могъ дотронуться до стола, чтобы незамѣтно, ради пріятельской мистификаціи, произвести этотъ легкій, но очень странный шорохъ, похожій на шелестъ газетной бумаги.

Я взглянулъ на Юма. Онъ сидѣлъ, глубоко погрузясь въ свое кресло, какъ-бы въ изнеможеніи опустивъ голову и прикрывъ глаза ладонью облокоченной руки. Ни малѣйшаго внѣшняго проявленія не выказалъ онъ при этомъ шорохѣ.

— Можетъ быть подъ столъ завалилась какъ-нибудь газета? скептически, полушопотомъ проговорилъ естествоиспытатель:—да не заползла ли туда ваша собака, князь?

— Встаньте, господа, кто-нибудь и поглядите, пожалуйста, тихо сказалъ Юмъ, не измѣняя своего положенія.

Натуралистъ всталъ съ мѣста, приподнялъ скатерть и внимательно поглядѣлъ подъ столъ.

— Ничего нѣтъ... пусто! проговорилъ онъ, недоумѣло пожавъ плечами.

Въ эту самую минуту одинъ изъ настольныхъ кипсековъ раскрылся самъ собою.

Натуралистъ невольно вздрогнулъ и еще невольнѣе попятился.

— Однако, что-жъ это! пробормоталъ онъ, опускаясь въ свое кресло.

Никто не отвѣчалъ ему. За исключеніемъ самого Юма, всѣ смотрѣли теперь на столъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Вдругъ листы этого кипсека сами собою стали медленно переворачиваться, одинъ за другимъ, какъ-будто чья-то невидимая рука постепенно перебирала ихъ, какъ-будто кто-то разсматривалъ тамъ рисунки.

Признаюсь откровенно: въ этотъ мигъ я почувствовалъ, какъ мое сердце стало вдругъ медленно и неровно колотиться въ груди полными, усиленными біеніями. Я испытывалъ неосязаемое присутствіе чего-то сверхъестественнаго, чего-то такого, что было выше моихъ силъ, выше моего пониманія. Но я видѣлъ ясно, что происходитъ на столѣ. Мои глаза не могли меня обманывать — я это чувствовалъ — или же глаза всѣхъ остальныхъ были равно подвергнуты одной и той же галлюцинаціи.

Іоаннъ III и татарскіе послы.

Оригинальный рисунокъ профессора К. Е. Маковскаго. Рѣзалъ на деревѣ граверъ К. Вейерманъ.

Вдругъ, прямо надъ моей головою, я услыхалъ сухое щелканье взводимыхъ курковъ. При этомъ, конечно, невольное движеніе и взглядъ вверхъ на стѣну: между восточными шашками, кинжалами и ятаганами на дорогомъ персидскомъ коврѣ висѣло нѣсколько турецкихъ пистолетовъ въ артистической, богатой оправѣ. Когда я глядѣлъ на нихъ, курки продолжали щелкать. Я замѣтилъ, что всѣ они стоятъ уже на второмъ взводѣ.

— Одинъ изъ пистолетовъ заряженъ! спѣшно предупредилъ князь: — давеча утромъ я стрѣлялъ въ цѣль и не успѣлъ разрядить его.

«А ну какъ его вдругъ дернетъ нелегкая спустить курокъ?» подумалось мнѣ—и не скажу, чтобы съ особенно пріятнымъ ощущеніемъ.

— Онъ не выстрѣлитъ; онъ сейчасъ тихо спуститъ курокъ! слабымъ груднымъ голосомъ успокоилъ Юмъ — и точно: я видѣлъ своими глазами, какъ тихо подалась назадъ стальная пуговка, замѣняющая въ азіатскомъ оружіи нашу собачку, и какъ осторожно опустился кремневый курокъ.

На душѣ у меня чуточку отлегло; однако, изъ понятнаго чувства предосторожности и самохраненія, я отодвинулся со своего мѣста нѣсколько впередъ въ сторону, и уже не прислонялся къ самой стѣнѣ, а предпочелъ облокотиться съ краю на боковой валикъ, такъ что между стѣной и моей спиною осталось около двухъ четвертей разстоянія. Это хотя и было нѣсколько менѣе удобно относительно сибаритскаго комфорта, но за то гораздо спокойнѣе въ разсужденіи взводимыхъ курковъ.

Молодой ученый — который, въ качествѣ есествоиспытателя, конечно считалъ себя и матеріялистомъ, и мыслящимъ реалистомъ,—поглядѣлъ на меня съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшливой ироніи, едва замѣтно скользнувшей по губамъ его, что, безъ всякаго сомнѣнія, я долженъ былъ отнести на счетъ моей храбрости, которая только что заявила себя съ несовсѣмъ-то блистательной и стойкой стороны. Вѣроятно, по его мнѣнію, я, въ качествѣ военнаго, да еще кавалериста, долженъ былъ безпрепятственно подставить свое темя подъ таинственный выстрѣлъ.

«Ладно, батюшка, иронизируй!» подумалъ я себѣ въ утѣшеніе: «посмотримъ, какъ-то ты у насъ улыбнешься, какъ если вдругъ съ тобой случится нѣчто не совсѣмъ-то пріятное для твоего мужества!»

Но это размышленіе мое нечаянно было прервано новымъ проявленіемъ чьего-то невѣдомаго присутствія. Представьте себѣ наше всеобщее изумленіе, когда книги, кипсеки, газеты и альбомы вдругъ стали слетать со стола во всѣ стороны, когда они полетѣли внизъ и запрыгали по полу словно бы въ конвульсіяхъ какой-то дикой книжной пляски! Это было и чудно, и уморительно, такъ что мы не могли удержаться отъ смѣха. А въ это же самое время на столѣ подъ ковровою скатертью запрыгали десятки чьихъ-то невидимыхъ рукъ. Онѣ приподнимали и волновали скатерть, на которой ясно можно было видѣть иногда очертаніе кончиковъ пальцевъ и цѣлыхъ рукъ, обращенныхъ кверху ладонями. Пляска святаго Витта продолжалась съ минуту подъ скатертью и на полу, потомъ руки исчезли одна за другой; книги также постепенно успокоились и совершенно неподвижно улеглись на коврѣ, какъ попало.

Въ это время на письменномъ столѣ самъ собою пошелъ бронзовый колокольчикъ по направленію къ борту и упалъ на полъ; но падая, онъ зазвонилъ порывисто и быстро самымъ сильнымъ пронзительнымъ звукомъ.

Непосредственнымъ и естественнымъ слѣдствіемъ этого звона было появленіе лакея, который остановился въ дверяхъ, съ почтительнымъ выраженіемъ вопроса на лицѣ, въ ожиданіи какого либо приказанія.

Мы опять переглянулись между собою: стало быть это не *кажется*, стало быть это опять-таки не галлюцинаціи зрѣнія и слуха, если посторонній, не заинтересованный ближайшимъ образомъ человѣкъ услыхалъ звонокъ и явился какъ бы по обычному требованію.

— Подбери эти альбомы и положи ихъ на столъ, приказалъ ему хозяинъ.

Лакей исполнилъ все, что было нужно, но подымая послѣднюю книгу, вдругъ одернулъ руку, преуморительно припрыгнулъ на мѣстѣ.

— Что съ тобой? спросилъ князь.

— Ничего, ваше сіятельство... такъ... не то кольнуло, не то щипнуло что-то въ руку и въ ногу.

— Ну, хорошо. Ступай себѣ.

Человѣкъ поднялъ съ полу книгу, на сей разъ уже безпрепятственно, и удалился, затворивъ за собою двери.

Послѣ этого на минуту опять воцарилась мертвая тишина и полное спокойствіе.

Вдругъ—глядимъ—нашъ молодой естествоиспытатель начинаетъ блѣднѣть, все болѣе и болѣе; глаза его неподвижно, съ выраженіемъ ужаса, вперяются прямо передъ собою; наконецъ все лицо его покрывается глубокою, смертельною блѣдностью: на немъ явно написанъ мучительный страхъ и даже боль какая-то,—и весь онъ словно бы оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

— Бога ради... Бога ради, нельзя ли это кончить! глухо-молящимъ и почти задыхающимся голосомъ пролепеталъ онъ, видимо ослабѣвая и чуть удерживаясь отъ обморока.

— Что съ вами? съ участіемъ кинулся къ нему хозяинъ.

— Я чувствую, что мою руку схватила чья-то другая холодная, тяжелая, мертвая рука.. Да; это мертвая рука! сжимаетъ точно желѣзными тисками.

— Теперь вы ничего больше не чувствуете? спросилъ Юмъ, не оборачиваясь и ни мало не измѣняя своего положенія.

— Теперь ничего... Отпустила, съ облегченнымъ вздохомъ проговорилъ ученый и, какъ бы приходя въ себя, провелъ по лбу ладонью.—Фу, Боже мой, какое непріятное, какое тяжкое и страшное ощущеніе! сказалъ онъ:—никогда не пожелалъ бы ни другимъ, ни себѣ испытать вторично такое дружеское пожатіе!

«Ага! что, братъ, мыслящій реалистъ?» подумалъ я себѣ: «гдѣ же твое матеріялистическое мужество?»—и молодой ученый, какъ показалось мнѣ, очень хорошо понялъ теперь, въ свою очередь, прямое значеніе моего взгляда, и потому послалъ мнѣ легкую улыбку дружескаго, пріятельнаго значенія.

— Не хочетъ ли кто, господа, испытать еще какое-нибудь ощущеніе? предложилъ Юмъ, изъ подъ своей облокоченной руки.

— Пожалуй, я хочу! только нельзя ли что-нибудь хорошее, пріятное? отозвался я.

— Отчего же нѣтъ! Что вы хотите? что именно?

Я въ затрудненіи пожалъ плечами.—«Чего бы, и въ самомъ дѣлѣ, пожелать мнѣ?»

— Ну, что же можетъ быть пріятнѣе поцѣлуя? съ чисто французскою живостью отозвался художникъ:—берите поцалуй, monsieur Tchercoutsky! et rien plus!

— Поцалуй? — пожалуй! Съ величайшимъ удовольствіемъ!—лишь бы только это не былъ ледяной поцалуй мертвеца, или какой-нибудь старой мегеры.

Я замѣтилъ, какъ Юмъ тихо улыбнулся изъ подъ руки своей.

Но прежде чѣмъ на мою долю выпало какое либо ощущеніе, я видѣлъ, какъ художникъ вдругъ неровно запрыгалъ, задергался и захохоталъ на своемъ креслѣ,—въ томъ родѣ, какъ хохочутъ маленькія дѣти, когда нянька, разставя два пальца и пошевеливая ими, постепенно приближаетъ руку свою къ грудкѣ или къ животику ребенка, приговаривая въ ладъ: «идетъ коза рогатая, идетъ коза бодатая, на маленькихъ ребятушекъ—быръ-быръ-быръ-быръ!»

Французъ корёжился, подпрыгивалъ и заливался неудержимымъ хохотомъ.

— Что съ вами? Чего вы? обращались къ нему всѣ съ невольнымъ смѣхомъ, при видѣ его комическихъ кривляній.

— О, Боже мой... ай, ой, ой, ой! черезъ силу лепеталъ онъ, захлебываясь отъ смѣху:—нѣтъ, нѣтъ, будетъ... оставьте!.. довольно... довольно же, прошу васъ!

— Да что такое съ вами?

— Меня по всему тѣлу щекочатъ болѣе десятка рукъ.

— Мужскихъ, или женскихъ? улыбнулся князь.

— Женскихъ! женскихъ! кажется, женскихъ!.. Ой, ой, ой, Боже мой!.. Оставьте же, умоляю! Ха, ха, ха! ха, ха, ха!

— Если женскихъ, то это должно быть вамъ пріятно, замѣтилъ ученый.

— Да, это пріятно въ принципѣ, заявилъ французъ, освободившись наконецъ отъ своей щекотки:—но на дѣлѣ, послѣ обѣда—благодарю покорно!

— Что-жъ, добрый смѣхъ помогаетъ пищеваренію.

— Благодарю покорно!.. благодарю покорно! отфыркивался художникъ.

— Это васъ ужъ не наши ли русскія русалки щекотали? обратился къ нему князь.

— А, можетъ быть, можетъ быть! любезно и охотно согласился французъ:—но какія же онѣ у васъ глупыя, эти ваши русскія русалки! Вѣдь такъ можно защекотать до смерти!

— Въ этомъ-то и состоитъ ихъ спеціальность.

— Совершенно неосновательная спеціальность! Совершенно неосновательная!

Французъ наконецъ успокоился, и опять водворилась тишина невозмутимая.

Вдругъ въ открытомъ кабинетномъ роялино тихо-тихо зазвенѣла струна — потомъ еще одинъ подобный же звукъ. Это не былъ тотъ обыкновенный звукъ, который издается отъ прикосновенія къ клавишамъ, но какъ будто кто-то дотронулся до самой струны. Онъ скорѣе походилъ на легкій музыкальный стонъ эоловой арфы.

Мы чутко насторожили уши.

Вдругъ,—тихій акордъ... другой... третій,—и словно бы подъ сурдину полилась тихая, сладкая и какая-то совершенно неизвѣстная мелодія, полная нѣги и мечтательной прелести, полная влюбленныхъ звуковъ, словно бы ожиданье, томленье, легкая грусть, и призывъ—призывъ кого-то къ любви и забвенію.

Я совершенно отдался обаянію этой дивной мелодіи, какъ вдругъ... Да, я это очень хорошо, очень живо помню — даже до мельчайшей отчетливости помню теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ, то, чтó испыталъ въ ту минуту! Я не видѣлъ, но ясно чувствовалъ, какъ кто-то изъ за спины тихо начинаетъ склонятся надо мною, надъ моимъ лѣвымъ плечомъ.

Я сидѣлъ все въ томъ же положеніи, какое принялъ въ моментъ, когда услышалъ надъ собою щелканье взводимыхъ курковъ, такъ что между мной и стѣною все еще оставалось достаточно пустаго пространства,—но почуявъ около себя близость какого-то существа, невольно отклонился въ сторону.

— Сидите покойно... не бойтесь, почти шопотомъ успокоилъ Юмъ, замѣтивъ мое движеніе.

Я принялъ прежнее положеніе. Теперь уже около меня никого не было.

Мнѣ стало даже нѣсколько досадно на себя за свою неумѣстную робость. «И нужно же было уклониться!» посылалъ я себѣ мысленные упреки: «теперь вотъ вспугнулъ, и можетъ быть уже ничего больше не почувствую. Этакая обида! этакая трусость нелѣпая!»

А чудная струнная мелодія межъ тѣмъ все лилась и струилась, млѣя въ своей влюбленной нѣгѣ, и сладко изнывая мечтательной грустью.

И вотъ—вотъ опять начинаю чувствовать, что надъ лѣвымъ плечомъ кто-то тихо-тихо склоняется—словно бы я въ сладостной дремотѣ и этотъ *кто-то* боится потревожить, боится разбудить меня.

Но теперь уже я самъ, осторожно, слегка повернулъ и склонилъ свою голову влѣво, поближе къ этому таинственному *существу.*

Вотъ, оно склоняется все ниже и ниже,—какъ будто хочетъ приблизиться, припикнуть къ самому лицу моему... Вотъ, по щекѣ моей какъ будто слегка скользнулъ чей-то мягкій, шелковистый локонъ... Да, я чувствовалъ, какъ мою щеку чуть-чуть задѣло это прикосновеніе, — и это именно была прядь волосъ, именно локонъ!

Я сидѣлъ не шелохнувшись, а сердце въ груди словно бы совсѣмъ затаило свое біеніе — оно начинало такъ сладко обмирать, легкою и будто тоскливою тревогой ожиданія.

Вотъ, я чувствую, что *кто-то* совсѣмъ уже близко, совсѣмъ почти у моей щеки; я невольно впиваю чье-то легкое скользящее по ней дыханіе — и это дыханіе такъ мягко, такъ тепло, такъ нѣжно и такъ сдержанно, словно бы тотъ, кто дышетъ, даже и этимъ боится пробудить меня. И вмѣстѣ съ тѣмъ я обоняю легкое чуть-замѣтное благоуханіе...Да, да, это тонкій ароматъ женщины,—изящной, изысканной женщины,—вѣчно, во всѣ времена и вѣки неотъемлемо присущій ей! Я узнаю его!

Но вотъ, еще одинъ мигъ—и я чувствую, какъ чьи-то мягкія, теплыя губы чуть-чуть прикоснулись къ моей щекѣ такимъ робкимъ, трепетнымъ, едва ощущаемымъ поцалуемъ, какимъ въ первый разъ въ жизни стыдливо цалуетъ дѣвственная, цѣломудренная душа—того, кто завладѣлъ ея любовью.

И вотъ, еще разъ—такой же тихій, стыдливый поцалуй.

Вотъ, эти невидимыя губы передвинулись нѣсколько дальше... Третье прикосновеніе уже смѣлѣе... еще смѣлѣе...

Эти ароматныя уста какъ будто ищутъ моихъ губъ... Вотъ они нашли уже ихъ уголъ, губную ямку, онѣ остановились у самаго края—и снова прикосновеніе нѣжное, любовное... Дальше, дальше — и наконецъ губы слились....

О, что это былъ за поцалуй! что за адски-божественный поцалуй! Клянусь вамъ,—до той блаженной минуты ни одна земная, живая женщина не дарила меня даже тѣнью подобнаго поцалуя! Неужели же то былъ поцалуй

мертвой женщины? Нѣтъ, то былъ поцалуй безплотнаго духа; но откуда онъ? съ небесъ, или изъ ада? Въ немъ было и то, и другое—и адъ, и небо, —и святость, и грѣхъ. Онъ трепеталъ такимъ могучимъ приливомъ страсти, такимъ изступленіемъ жгучаго желанія—и въ то же время такимъ нѣжнымъ, высокимъ блаженствомъ чистой безграничной любви, что ни одна земная женщина не могла бы сочетать въ своемъ поцалуѣ столько искушающаго соблазна и столько чистой дѣвственности!

Эти лобзанья закружили и одурманили мою голову. Глаза мои заволоклися туманомъ, дыханіе стало порывисто, сердце такъ трепетно и сладко обмирало,—я невольно, самъ того не замѣчая, простиралъ впередъ свои руки, силясь удержать, обнять, уловить неуловимое...

Но вотъ, она робко, какъ бы не хотя, какъ бы съ грустью оторвала отъ меня свои уста — я совсѣмъ обезсилѣлъ.

А невѣдомая мелодія, межъ тѣмъ все звучала такой безпредѣльной тоскою и безпредѣльною страстью. Эта мелодія дышала нѣгой азіатскихъ, тысячезвѣздныхъ, яркихъ и синихъ ночей... Быть можетъ, такіе звуки раздавались когда-то въ сѣдой отдаленной древности, среди роскошныхъ царственныхъ садовъ, на благословенныхъ берегахъ Тигра и Ефрата.

Но вотъ, *она* отлетѣла отъ меня; я уже не ощущалъ ея прикосновенія, не чувствовалъ ея близости—и вмѣстѣ съ этимъ струнные звуки тоже замолкли, какъ будто бы стихли и затерялись въ какой-то свѣтлой лунной безконечной дали... Одинъ только легкій неуловимый ароматъ, оставленный *ею*, все еще какъ будто чуялся, но вскорѣ и онъ испарился.

Если это былъ сонъ, то хорошо-бъ никогда не просыпаться.

Я чувствовалъ нѣгу, истому и слабость.

— Хотите еще? — смутно, какъ бы сквозь дремоту послышался мнѣ голосъ Юма.

— Нѣтъ, нѣтъ! довольно! прошепталъ я, отрицательно покачавъ головою:— это слишкомъ хорошо, чтобы повторяться такъ часто!.. Да у меня и силъ не хватитъ.

— Помните же, что вы сами сказали *довольно!* съ какою то странной многозначительностью проговорилъ Юмъ.

Эта послѣдняя фраза показалась мнѣ загадочной. «Чтобъ оно могло значить? надо спросить его, надо допытать!» думалось мнѣ.

. Сеансъ былъ оконченъ. Юмъ поднялся съ кресла и вытянулся во весь ростъ, заломивъ свои руки, какъ словно бы это у него была потягота послѣ долгаго и глубокаго сна. Никогда я не забуду лица его въ эту минуту. Оно было мертвенно-блѣдно и страдало каждой своею фиброй. Тяжолое утомленіе, какъ бы послѣ долгой непосильной борьбы, было разлито во всѣхъ чертахъ его; но глаза полные электричества и магнетизма—одни только глаза горѣли жарко, лихорадочно. Я никогда не видалъ до этихъ поръ, чтобы голубовато-сѣрые глаза сѣверянина могли горѣть такимъ образомъ.

На лбу его выступилъ холодный потъ. Нашъ молодой натуралистъ подошелъ къ нему и взялъ за пульсъ.

— Ого! сказалъ онъ,—сто двадцать въ минуту! Вамъ надо въ постель.

Юмъ тихо улыбнулся и отрицательно покачалъ головою.

— Мнѣ теперь, правда, нѣсколько тяжело, проговорилъ онъ, силясь вдохнуть въ себя побольше воздуха:—но за то черезъ часъ я буду здоровъ совершенно.

Когда онъ наконецъ совсѣмъ уже успокоился, я подошелъ къ нему и спросилъ о значеніи его загадочной фразы.

— Вы сами не захотѣли идти далѣе, улыбнулся онъ.

— А если бы я не сказалъ *довольно*, тогда бы что?

— Тогда?.. Тогда ощущенія ваши продолжались бы.

— Ну, и что-жъ?

— Не знаю. Могло бы кончиться, пожалуй, припадкомъ каталепсіи, если вы очень нервны.

— И это безконечно бы длилось—все тоже ощущеніе поцалуя?

— Не знаю. Можетъ быть.

— О, въ такомъ случаѣ, я готовъ каяться, что сказалъ «довольно».

— Хм!.. Онъ загадочно улыбнулся. — Вы готовы каяться, а что если, вмѣсто поцалуя, вы бы почувствовали, напримѣръ, какъ вокругъ вашего горла вдругъ захлестнулась змѣя, обвила бы и стянула вашу шею и стала бы перебирать по ней своими холодными, склизкими кольцами? Тогда что?

— О, нѣтъ! Это было бы ужасно! воскликнулъ я, содрогаясь при одной мысли о возможности такого ощущенія.

— И такъ, вы сдѣлали хорошо, сказавъ себѣ и *ей* довольно, заключилъ Юмъ, пожимая мою руку.

— Виноватъ, я еще одно хочу спросить васъ, обратился я къ нему.

— Что именно хотите вы?

— Вы говорите: «себѣ и *ей*». Я хочу знать, кто эта *она*? Кто цѣловалъ меня?

Юмъ поглядѣлъ на меня пристально и серьозно, но въ задумчивыхъ глазахъ его блуждала легкая улыбка.

— Васъ цаловала царица Семирамида, сказалъ онъ безъ малѣйшаго признака шутки. Но я усомнился.

— Вы это мнѣ серьозно говорите? спросилъ я.

— Я никогда не шучу этимъ дѣломъ. Болѣзнью и несчастьемъ вообще не шутятъ, отвѣтилъ онъ—и мы разстались.

Прошло нѣсколько лѣтъ—и что же?.. Какъ вы думаете: чѣмъ отразилось въ моей жизни это роковое, а можетъ быть и спасительное *«довольно»*?

Всеволодъ Крестовскій.

(Продолженіе будетъ).

Свержение ига татарскаго.

Въ 1241 году западная Европа была взволнована страшною, нежданною вѣстью. По свидѣтельству Матвѣя Парижскаго *), еще за три года передъ тѣмъ сарацине отправляли къ французскому королю посольство—съ извѣстіемъ о появленіи чудовищнаго и кровожаднаго племени, которое низверглось потокомъ съ сѣверныхъ горъ на обширныя и богатыя земли Востока, и разослало во всѣ окрестныя страны своихъ грозныхъ пословъ. По словамъ сарациновъ, эти варвары отличались огромною головою, питались сырымъ мясомъ и даже человѣчьимъ, были превосходными стрѣлками, переправлялись черезъ рѣки въ кожаныхъ лодкахъ, носимыхъ съ собою; они бы-

*) Historia major Angliae, seu Chronicon ab a. 1066—1259.

ли надѣлены громаднымъ ростомъ и страшною силою; безбожны и неумолимы; говорили на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ. Свирѣпый вождь ихъ назывался Каномъ (ханомъ), а сами они — татарами по имени рѣки Таръ. Сарацинскій посолъ, прося защиты отъ нашествія, обращался къ королямъ Франціи и Англіи, предваряя тѣхъ, что если сарацине не отразятъ варваровъ, то эти послѣдніе опустошатъ и Западъ. Французы не обратили вниманія на эти доводы, а епископъ винчестерскій даже сказалъ: «пусть себѣ собаки грызутся между собою и другъ друга истребляютъ; когда же дѣло дойдетъ до насъ, мы двинемся въ бой съ уцѣлѣвшими врагами Христа и сотремъ ихъ съ лица земли. Да властвуетъ надъ міромъ единая католическая церковь, и да будетъ едино стадо и единъ пастырь!»

Но въ 1241 году татары, разгромивъ Польшу, Богемію и большую часть Венгріи, готовы были вторгнуться въ самое сердце западной Европы—и произошло въ ней общее, великое смятеніе.

Гейнрихъ, графъ лотарингскій и палатинъ саксонскій, въ письмѣ къ тестю своему, герцогу брабантскому, сообщая о нападеніи татаръ на Богемію, умолялъ его немедля спѣшить на помощь, собравъ для того многочисленную и отважную конницу, а самъ лично собирался при содѣйствіи прелатовъ и проповѣдниковъ поднять всеобщій крестовый походъ. «Словомъ» гласило окончаніе письма: «церковь и народъ сѣверныхъ странъ до такой степени отягощены всевозможными бѣдствіями, что еще отъ вѣка не бывало такихъ лютыхъ невзгодъ въ этихъ краяхъ.» Въ этомъ же смыслѣ писалъ и герцогъ брабантскій къ парижскому епископу. «Что намъ дѣлать, сынъ мой?» съ плачемъ говорила Бланка, мать Людовика IX, короля французскаго: «всѣмъ намъ и св. церкви угрожаетъ нашествіе татаръ.» Король отвѣчалъ: «мы низвергнемъ татаръ въ тартаръ, или они намъ откроютъ путь на небо».

Другой средневѣковый лѣтописецъ, Альберикъ, монахъ троафонтенскаго аббатства, въ *хроникѣ* своей подъ 1241 г. разсказываетъ, что ханъ (между прочими своими посольствами) требовалъ покорности и отъ германскаго императора, Фридриха II, обѣщая въ замѣнъ трона важную должность при своемъ дворѣ; императоръ шутя отвѣчалъ, что считаетъ себя изряднымъ знатокомъ въ хищныхъ птицахъ и можетъ пригодиться въ должность великаго сокольничаго у хана. Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ былъ сильно озабоченъ предстоявшимъ нашествіемъ. Матвѣй Парижскій приводитъ письмо его къ англійскому королю, гдѣ императоръ описываетъ татаръ слѣдующимъ образомъ: «они стремятся уничтожить весь родъ человѣческій безъ разбора возраста, пола и личныхъ качествъ; полагаясь на свою силу и многочисленность, татары добиваются нераздѣльнаго господства надъ всею землею. Разграбивъ и перебивъ населеніе странъ, попадавшихся имъ на глаза, оставивъ за собою одни пустыни, они пришли въ многолюдную землю кумановъ (половцы) и покорили этотъ народъ, истребивъ мечомъ тѣхъ, кому не удалось спастись бѣгствомъ. Но близость ихъ не остерегла и не умудрила рутеновъ (русскіе), хотя врагъ былъ такъ близокъ, что они должны были ужаснуться невиданнаго народа и грозящаго бѣдствія, приготовиться къ отпору татарамъ, или иначе позаботиться о спасеніи.» Затѣмъ, описавъ раззореніе Кіева и всей русской земли, а далѣе—покореніе Венгріи, Фридрихъ взываетъ къ соединенію всѣхъ силъ тогдашней Европы: «Германіи, пылкой и страстной во время войны; Франціи, породившей и воспитавшей храброе рыцарство; Испаніи, воинственной и неустрашимой; плодоносной Англіи, преизобилующей героями и сильной флотомъ; Алеманніи, славящейся доблестью своихъ дружинъ; Даніи, первенствующей въ битвахъ на морѣ; неукротимой Италіи; Бургундіи; мятежной Апуліи; острововъ Адріатическаго, Греческаго и Тирренскаго морей, Крита, Кипра, Сициліи, отечества непобѣдимыхъ моряковъ; свирѣпой Ирландіи; острововъ и странъ, прилежащихъ къ Океану; Валлиса, болотистой Шотландіи и льдистой Норвегіи; словомъ (пишетъ онъ въ заключеніе), всѣ значительныя королевства Запада вышлютъ отборное войско подъ знаменіемъ животворящаго креста, который устрашаетъ не одинхъ супостатовъ, но и самое неистовство демоновъ».

Но хотя и не сбылись мечты германскаго императора, хотя и не состоялось его все-европейское ополченіе, тѣмъ не менѣе переполохъ западной Европы оказался напраснымъ. Послѣ битвы при Лигницѣ, въ которой полегло почти все нѣмецкое воинство и вождь его герцогъ Генрихъ, незаконнорожденный сынъ Фридриха II,—Монголы не рѣшились проникнуть въ «страну желѣзныхъ людей», отступили въ Венгрію и вернулись на Востокъ.

Окончательное же уничтоженіе орды выпало на долю «неосторожныхъ и немудрыхъ рутеновъ»—того самаго русскаго народа, котораго князья встрѣтили на берегахъ Калки еще первое нашествіе татаръ въ 1225 году.

Вотъ какъ повѣствуетъ о калкскомъ побоищѣ русская лѣтопись по Никонову списку (изданіе С.-Петербургской академіи наукъ, 1768 г.), если передать языкъ ея возможно близко къ подлиннику. «Того же лѣта (1225) по грѣхамъ по нашимъ пришли народы незнаемые, безбожные амовитяне, рекомые *татарами*, о которыхъ никому доподлинно неизвѣстно, кто они и откуда пришли, что̀ за языкъ ихъ и какая вѣра; зовутъ ихъ то Урменами, то Печенѣгами. Иные же говорятъ, что они суть тѣ самые, о которыхъ Меѳодій епископъ патарскій свидѣтельствуетъ, что они вышли изъ пустыни Евтрисскія, сущей межъ Востокомъ и Сѣверомъ, гдѣ Геонъ; а явиться имъ (слѣдуетъ) въ скончаніи лѣтъ и временъ, и поплѣнятъ всю землю отъ востока до Ефрата и отъ Тигра до Понтискаго моря, кромѣ Ефіопіи. Слышали же мы о нихъ, будто бы уже поплѣнили многія страны, ясовъ, обязовъ и касоговъ, и пришли въ землю половецкую; половцы же не могли противиться, бѣжали, иные были избиты, иные изгнаны были по Дону въ Лукоморье и тамъ перемерли, а иныхъ гнали до рѣки Днѣпра; Котякъ же, князь половецкій, бѣжалъ къ тому мѣсту, что зовется *валомъ половецкимъ*, а Данило Кобяковичъ и Юрій Кончаковичъ были убиты. Пришелъ Котякъ къ зятю своему, князю Мстиславу Мстиславичу Галичскому, и принесъ дары многіе, коней и верблюдовъ, буйволовъ и прочее, одарилъ всѣхъ князей русскихъ, кланяясь и говоря: «нынѣ землю нашу отняли татары, а вашу завтра пріидя возьмутъ, и мы это возвѣщаемъ вамъ, а вы, уразумѣвъ то, помогите намъ». Мстиславъ же Мстиславичъ Галичскій послалъ сказать братьямъ своимъ: «поможемъ имъ (половцамъ), не то если сложатся съ оными (татарами), то намъ будетъ тягостнѣе»,—и взялся помогать Котяку. Послѣ совѣщанія всѣхъ князей въ Кіевѣ, послали они во Владиміръ къ великому князю Юрію (въ патріаршескомъ спискѣ: Константину) Всеволодовичу за помощью; онъ же въ помощь послалъ имъ братанича своего, князя Василька Константиновича Ростовскаго, съ тѣмъ чтобы встрѣтить ихъ (татаръ) на чужой землѣ, а не на своей. И начали всѣ князья собирать воинствъ безъ числа, князь великій Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, внукъ Ростиславовъ, Черниговскіе и князь Мстиславъ Мстиславичъ Галичскій: сіи

были старѣйшины земли русской; а съ ними младшіе князья: Данило Романовичъ, князь Михайло сынъ Всеволода Чермнаго Черниговскій, князь Всеволодъ Мстиславичъ, и многіе другіе.»

«Тогда же крестился половецкій князь *Батый*; князья же русскіе, соединившись во множествѣ, со всею землею русскою пошли противъ татаръ. Когда же они пришли къ Днѣпру, къ острову варежскому, татары, услыхавъ о томъ, послали къ нимъ своихъ пословъ сказать: «всѣ мы человѣки и всѣ Адамово племя; зачѣмъ напрасно и безполезно кровь свою проливаемъ въ битвахъ? мы не на васъ пришли и ничего вашего не захватывали, а пришли на рабовъ своихъ, половцевъ, ибо половцы изстари были нашими конюхами; зачѣмъ же вы идете на насъ съ войскомъ и кровопролитіемъ? Ежели хотите быть добрыми, имѣйте съ нами миръ, а половцевъ отъ себя прогоните и не принимайте ихъ.» Князья же русскіе того не послушали, избили пословъ ихъ, а сами пошли противъ нихъ. Не доходя отшелья, стали у Днѣпра, и тутъ послали къ нимъ татары другихъ пословъ сказать: «такъ какъ вы послушали половцевъ, избили нашихъ пословъ, и противъ насъ идете съ войскомъ и кровопролитіемъ, а мы васъ ничѣмъ не обидѣли,—да судитъ Богъ между нами и вами, потому что Богъ есть всѣмъ творецъ и питатель.» Тутъ пришли къ нимъ (князьямъ) вся земля половецкая съ князьями своими; князь же Мстиславъ Мстиславичъ Галичскій съ двадцати-тысячнымъ войскомъ перешелъ Днѣпръ (напалъ на сторожи (передовые отряды) татарскіе и побѣдилъ ихъ, а остатки ихъ бѣжали съ воеводою Гонябекомъ, котораго погребли живымъ въ землю, желая спасти, но его нашли и убили. Прослыша о томъ, князья русскіе пошли за Днѣпръ рѣку съ безчисленнымъ воинствомъ: князь великій кіевскій Мстиславъ Романовичъ, внукъ Ростиславовъ, съ кіевлянами, князь великій смоленскій Владиміръ Рюриковичъ, внукъ Ростиславовъ, и черниговскіе князья и галичскіе, и волынскіе, и курскіе, и трубчевскіе, и путивльскіе и всѣхъ странъ князи со множествомъ воинства. Пришли *бауты*, и *гайгалы*, и *выгальцы*, и галичане въ ладьяхъ по Днѣпру въ море,—было же у нихъ слишкомъ двѣ тысячи ладей, — но изъ моря опять вернулись въ Днѣпръ, поднялись черезъ пороги и пришли къ рѣкѣ Хортицѣ на бродъ на Протолчивое; воеводами ихъ были Юрій Доморѣчичъ и Держикрай Владиславичъ. Тамъ до нихъ дошла вѣсть, что татары пришли высмотрѣть русское войско. Князь Данило Романовичъ и многіе другіе князья съ юными княжичами, сѣвъ на коней, поскакали осмотрѣть рати, и осмотрѣвъ послали сказать Мстиславу: «не стойте, пойдите противъ нихъ.» И выступили въ поле, и, встрѣтили ихъ, и тутъ стрѣльцы русскіе прогнали ихъ далеко въ полѣ, «сѣкуще», и забрали скотъ ихъ; татары же бѣжали съ остаткомъ скота; за ними гнались восемь дней до рѣки до Калки и тамъ встрѣтились съ передовыми отрядами; татары убили Ивана Дмитріевича и еще двоихъ, а затѣмъ отступили. Князь же Мстиславъ Мстиславичъ повелѣлъ князю Даниилу Романовичу перейдти съ полками своими рѣку Калку, а самъ пошелъ вслѣдъ, и придя, послалъ передовымъ отрядомъ Яруна съ половцами, а сами стали станомъ. За передовымъ отрядомъ двинулся и самъ князь Мстиславъ Мстиславичъ галичскій, увидалъ полки татарскіе и повелѣлъ вооружаться своему войску; а два князя Мстислава оставались въ станахъ, не вѣдая того, ибо онъ изъ зависти не повѣдалъ имъ. Началась битва и сошлись полки; впереди всѣхъ ѣхали князь Данило Романовичъ, князь Семенъ Ольговичъ и князь Василько Гавриловичъ, и тутъ князя Василька пронзили насквозь, а князя Данила Романовича прободали въ перси, полилась кровь; онъ же скакалъ, не чуя того по своей пылкости, будучи мужественъ зѣло и крѣпокъ на брани, хотя и младъ, лѣтъ осемнадцати,—и мужественно избивалъ татаръ полкомъ своимъ. Князь же Мстиславъ Нѣмый, видя князя Данила Романовича пронзеннаго, окровавленнаго и все же скачущаго, восплакалъ и возопилъ зычнымъ голосомъ: ибо и самъ онъ былъ крѣпокъ зѣло и сродникъ отцу его, питалъ къ нему любовь великую и ему же княженіе свое обѣщалъ по себѣ. Такъ же крѣпко бились и князь Олегъ курскій и половецкій князь Ярунъ; но половцы скоро побѣжали и смяли станы русскихъ князей, а князья не поспѣли ополчиться, татары же пришли съ великою силою, и такимъ образомъ полки русскіе смѣшались, и была злая сѣча грѣхъ нашихъ ради; всюду лежали мертвые, кровь лилась какъ вода, и свершилась побѣда надъ князьями русскими, какой не бывало отъ начала русской земли. Великій же князь кіевскій Мстиславъ Романовичъ, князь Андрей, зять его, и князь Александръ Дубровскій, видя сіе зло, вовсе не двигались съ мѣста, ибо стояли надъ рѣкою Калкою, а мѣсто это было «камено». Они огородились засѣкою изъ кольевъ, и три дня отбивались отъ двухъ татарскихъ воеводъ, Черкана и Текшака; а прочіе татарскіе князи и татары погнались за князьями русскими, и гнали ихъ «біюще» до Днѣпра. Съ татарами же были бродники, а воевода у нихъ Плоскиня, и этотъ-то окаянный цаловалъ крестъ Мстиславу Романовичу кіевскому и бывшимъ съ нимъ, обѣщая не избивать ихъ, но взять выкупъ, почему они и сдались ему. Онъ же окаянный предалъ ихъ татарамъ, и взявъ засѣку, изрубилъ весь людъ, а князей поклали подъ доски, сѣли на нихъ обѣдать, и такимъ образомъ задушили князей. А иныхъ князей перебили въ погонѣ до Днѣпра: князя Святослава Каневскаго, князя Изяслава Ингваревича, князя Святослава Шуйскаго, князя Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, князя Юрія Нѣверскаго и тысяцкихъ, и воеводъ, и бояръ множество, а воиновъ было побито столько, что и десятый не могъ убѣжать; Александръ Поповичъ и слуга его Торопъ, Добрыня Рязаничъ златый поясъ, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей — всѣ побиты были отъ татаръ за грѣхи наши гнѣвомъ Божіимъ. Князь же великій Мстиславъ Мстиславичъ галичскій прежде всѣхъ достигъ той стороны Днѣпра, а великій князь смоленскій Владиміръ Рюриковичъ бѣжалъ въ Кіевъ и сѣлъ на великомъ княженіи, ибо великій князь кіевскій Мстиславъ Романовичъ съ дѣтьми и зятемъ убитъ былъ татарами. Сія же великая побѣда надъ князьями русскими, великимъ княземъ кіевскимъ и надъ всею русскою землею произошла мѣсяца іюня въ 16 день. Татары гнались за христіанами до Новгорода-Сѣверскаго; христіане же, не вѣдая лютости татарской, вышли къ нимъ со крестомъ. Также ходили татары и къ другимъ городамъ, полонили и жгли волости и села; никто имъ не противился, ибо вся земля опустѣла, и ходили татары, воюя безъ опаски; говорятъ, что однихъ кіевлянъ избито въ то время до шестидесяти тысячъ; о прочихъ и сказать нельзя, сколько ихъ перебито: единый Богъ знаетъ число безчисленное... Татаръ же тѣхъ никто не зналъ—откуда они пришли и куда они дѣлись. Это первое прихоженіе татаръ на Русь.»

Всматриваясь пристальнѣе въ эти первыя попытки татаръ къ нашествію на западъ Европы и на востокъ ея—Россію, мы находимъ немало сходныхъ и весьма характеристичныхъ чертъ. Какъ на Западъ, такъ и въ Россію

прибываетъ посольство сосѣднихъ народовъ, уже потерпѣвшихъ бѣдствіе отъ чуждыхъ пришельцевъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь начинаютъ готовиться къ борьбѣ; русскіе князья даже принимаютъ къ сердцу дѣло своихъ сосѣдей — половцевъ, хотя изъ чисто-политическихъ побужденій; всеобщее ополченіе, въ Европѣ оставшееся мечтою, въ Россіи совершается по мановенію великаго князя. Даются двѣ битвы: въ той и въ другой варвары торжествуютъ; войско противной стороны полегло на полѣ сраженія, остатки его разсѣяны; послѣ обѣихъ битвъ, татары отступаютъ и скрываются такъ же внезапно, какъ пришли.... Но тутъ и оканчивается аналогія.

Послѣ лигницкой битвы татары какъ-бы забыли о странѣ «желѣзныхъ людей»; двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ калкскаго побоища они возвращаются на Русь подъ предводительствомъ Батыя—и въ то время, какъ западная Европа еще только волнуется, готовясь къ бою, почти вся русская земля уже лежитъ въ развалинахъ; матерь городовъ русскихъ, златоверхій Кіевъ сожженъ и разграбленъ; та же участь еще прежде постигла Рязань, Коломну, Москву, Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Городецъ, Юрьевъ, Переяславль, Дмитровъ, Тверь, Кашинъ, Волокъ и другіе города. Многіе князья съ женами и дѣтьми погибли отъ руки татаръ; множество народа пало жертвой ихъ звѣрства; иныхъ разсѣкали мечами, иныхъ поражали стрѣлами, инымъ вырѣзывали груди, сдирали кожу, забивали иглы и щепы подъ ногти... Вся страна была покорена и надолго обратилась въ безотрадную пустыню....

Слишкомъ двѣсти лѣтъ тяготѣло надъ русской землею варварское иго. Князья гибли мучениками въ ордѣ и въ своихъ стольныхъ городахъ подъ ножемъ татаръ; народъ уплачивалъ дань и время отъ времени выдерживалъ погромы. Но между тѣмъ понемногу оправлялось и наростало русское государство, обстроивались и сплочивались разоренные удѣлы, и все ярче разгоралась одна общая мысль, одно страстное желаніе — свободы отъ власти иноплеменныхъ. Однако, не смотря на уступчиво-хитрую и дальновидную политику перваго московскаго князя и собирателя земли русской, Ивана Калиты,—не смотря на славную попытку Дмитрія Донскаго въ открытой битвѣ на Куликовомъ полѣ,—година испытаній не миновала еще: иго татарское, подточенное и поколебленное въ его основахъ, но наружности оставалось почти въ прежней силѣ, и данничествомъ принижало народную гордость.

Чего-же недоставало русскимъ князьямъ, чтобы поровняться съ «желѣзными людьми»?

Недоставало именно того, что сдѣлало послѣднихъ «желѣзными» и не могло не поразить дикихъ варваровъ,—недоставало того наслѣдія древняго Рима и Греціи, которое, перейдя къ варварамъ германскимъ, какъ фениксъ изъ пепла возникло и развилось въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ,—недоставало государственнаго единства и цивилизованной силы.

Но вотъ, по смерти Василія Темнаго, на московскомъ столѣ сѣлъ его сынъ, Іоаннъ III Васильевичъ, женился на племянницѣ послѣдняго греческаго императора—Софьѣ, принялъ на себя всѣ права ея предковъ и византійскій гербъ, сталъ именоваться царемъ, построилъ въ Москвѣ каменныя стѣны съ башнями и стрѣльницами, каменные соборы и дворецъ, грановитую палату для торжественныхъ пріемовъ, началъ выписывать изъ за моря пушкарей, литейщиковъ, строителей и разныхъ мастеровъ, покорилъ Новгородъ — и наконецъ пересталъ посылать хану обычную дань. Ахматъ прислалъ ему своихъ грозныхъ пословъ; Іоаннъ вышелъ къ нимъ, взялъ у нихъ басму—изображеніе хана—бросилъ ее наземь, растопталъ, а пословъ повелѣлъ казнить, кромѣ одного, которому сказалъ: «ступай, разскажи хану, что я сдѣлалъ съ его басмою и послами; тоже будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ».

Этимъ поступкомъ великаго князя всенародно сорвана личина мнимой неодолимости татаръ—и какъ бы сдвинутъ первый, краеугольный камень твердыни ихъ владычества.... Слова же его были пророчествомъ о паденіи орды....

Рисунокъ профессора С. П. Академіи Художествъ, К. Е. Маковскаго, почтившаго наше изданіе своимъ сотрудничествомъ, представляетъ Ивана III въ минуту произнесенія этихъ знаменательныхъ словъ. За великимъ княземъ толпятся бояре — старая русь; кругомъ и вдали, недавно возникшіе каменные зданія и соборы—зачатокъ новой, грядущей. Іоаннъ, какъ бы на рубежѣ той и другой, попираетъ басму—символъ чуждаго ига; у подножія сами виновники бѣдствій, обезумѣвшіе отъ ужаса и изумленія.... Великій князь наглядно является завершителемъ настойчиваго труда своихъ предшественниковъ по собиранію земли русской и вмѣстѣ предтечею дальнѣйшаго ея преобразователя—великаго Петра...

Это значеніе освободителя отъ ига монгольскаго геніально указано и развито авторомъ «исторіи государства россійскаго» — Карамзинымъ. Современники же Іоанна (заканчиваемъ нѣсколькими строками изъ разсказа А. Н. Майкова «Москва—третій Римъ»), русскіе люди съ гордостью стали говорить: «государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пало, третій стоитъ (т. е. Москва), а четвертому не бывать.»

Царицыно,

Москва—ядро исторической жизни русскаго государства—колыбель истинно-государственной мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ городъ воспоминаній,—и не только самъ городъ обиленъ ими, но и всѣ окрестныя мѣстности, которыя какъ бы дополняютъ пробѣлы исторіи, наглядно и краснорѣчиво свидѣтельствуя о бытѣ нашихъ предковъ. Во многихъ загородныхъ дачахъ, за любой изъ московскихъ заставъ, находятся еще неостылые слѣды широкой жизни русскихъ бояръ, поселявшихся близъ Москвы на жалованныхъ имъ царями земляхъ, за вѣрную службу; жаль, что многія изъ этихъ дачъ нынѣ забыты и стоятъ въ запустѣніи, подъ меланхоличною сѣнію деревъ, со всей былою роскошью и богатствомъ, которымъ наполнены старинные, барскіе хоромы ихъ. Только со временъ Петра I бояре начали устроивать себѣ подмосковные пріюты для лѣтняго времени, а прежде живали они въ своихъ дальнихъ отчинахъ или въ самой Москвѣ, въ своихъ обширныхъ хоромахъ, окруженныхъ тѣнистыми рощами и ягодными садами, заключавшими въ себѣ и полосатые огороды, и луга для сѣнокоса, и пруды съ саженою рыбою и

островками на нихъ; однимъ словомъ: тамъ было всякое приволье и угодье.

Къ числу жалованныхъ загородныхъ дачъ принадлежитъ и *Царицыно*; не только само оно, но и близлежащія урочища производятъ на душу особаго рода впечатлѣніе угрюмой красотой запустѣнія и роскошью природы, отчасти измѣненной искусствомъ: таковы *Коломенское*, въ которомъ, какъ полагаютъ, родился Великій Петръ и дочь его Елисавета, *Царeборисово*, памятникъ Бориса Годунова, *Перервинской* Николаевской монастырь [1]), противъ Коломенскаго и пр. Мѣстность, называемая *Царицынымъ*, подарена была молдавскому господарю князю Димитрію Кантемиру Петромъ I, въ числѣ богатыхъ помѣстьевъ и селъ, которыми наградилъ царь новаго слугу своего, за доблестную его службу. Князь Димитрій въ новомъ отечествѣ своемъ, въ Россіи, основалъ на этой дачѣ лѣтнее мѣстопребываніе свое, построилъ на ней большіе брусяные хоромы [2]) и предался тамъ въ мирѣ и въ тишинѣ влеченію страсти своей къ наукамъ, за что онъ снискалъ любовь, дружбу и уваженіе монарха. Тамъ и сынъ его, Антіохъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ поэтовъ, извѣстный остроумный сатирикъ, занявшій почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы, получилъ первоначальное образованіе.

Императрица Екатерина II, бывъ въ Москвѣ во время коронаціи своей (въ 1763 г.), среди празднествъ и торжествъ, посѣщала только ближнія окрестности ея, села: Покровское, Измайлово и Семеновское; въ 1767 году она прибыла въ Москву тоже къ знаменательному событію; тамъ ожидали ее депутаты изъ всѣхъ окраинъ Россіи, отъ Ледовитаго и Каспійскаго морей, камчадалы, вотяки, тунгусы, луговые народы и прочіе, созванные для объявленія уготованнаго имъ и всему государству блага, для засѣданій вмѣстѣ съ вельможами, для уясненія и полученія новозданнаго *Наказа*, которымъ даны были всѣмъ званіямъ и состояніямъ разныя права и преимущества [3]). Кончивъ это важное занятіе, государыня, во время отдохновенія своего, отправилась наблюдательно осмотрѣть московскія окрестности. Сперва была она въ Коломенскомъ, потомъ поѣхала въ Цареборисовку, любовалась тамъ неоглядною колыхающеюся зыбью обширнаго пруда съ прекрасно устроенною плотиною и небольшимъ, уютнымъ, скромнымъ дворцомъ; оттуда, за три версты, внезапно увидала она сіявшій въ солнечныхъ лучахъ далекій крестъ на церкви Кантемирова села, задвинутаго лѣсами; оно поразило ее своею мрачно-прекрасною декораціею — и въ душѣ ея возникла мысль: пріобрѣсти эту дачу, сдѣлаться московскою помѣщицею, имѣть здѣсь свое *Царское село* и назвать его *Царицынымъ*.

Возвратясь въ Петербургъ, она поручила приближеннымъ своимъ уговорить наслѣдниковъ Кантемира—продать ей это село, на что и получила отъ нихъ полное согласіе.

На другой годъ покупки Царицына, Екатерина (въ 1775 г.) отправилась весною изъ Петербурга въ Москву праздновать славный міръ, заключенный Румянцевымъ съ турками при Кучукъ-Кайнарджи; пока дѣлались приготовленія къ большимъ торжествамъ, она совершила пѣшеходное путешествіе въ Троицкую лавру, съ большою свитою, для поклоненія мощамъ Преп. Сергія [4]). Возвратясь оттуда, она посѣтила Коломенское, Всесвятское [5]), Воробьевы горы, на которыхъ также существовалъ деревянный дворецъ ея,—и потомъ вздумала посмотрѣть на свое новое хозяйство въ Царицынѣ, гдѣ приготовлялся для нея сельскій праздникъ и гдѣ происходила постройка дворца еще по прежнему его плану. И вотъ, въ назначенный день, потянулся туда огромный поѣздъ приглашенныхъ гостей въ высокихъ, грузныхъ, разнообразныхъ каретахъ, по тогдашней модѣ, съ крыльцами по бокамъ; иныя изъ нихъ были съ зеркальными стѣнами, и стекла въ нихъ сверкали цѣльныя съ фацетами; иные экипажи уподоблялись вееру и были на низкихъ колесахъ; другіе баре и царедворцы двигались въ тяжелыхъ берлинахъ и въ осьмистекольныхъ раскидныхъ ландо, въ которыхъ виднѣлись напудреныя головы именитыхъ особъ; не смотря на дальнюю и лѣтнюю поѣздку, гости разодѣты были, изъ приличія и уваженія къ царственной хозяйкѣ, въ атласные и бархатные камзолы и кафтаны, унизанные блестками. Въ другихъ сквозныхъ каретахъ, запряженныхъ цугами, виднѣлись дамы,—роскошно одѣтыя въ глазетовыя длиннохвостыя робронты, въ пышныя полонезы съ прорѣзами на боку, въ фижмы или въ бочки, на подобіе распущенныхъ зонтовъ,—съ высокими флеровыми наколками на головѣ, съ пуклями, называемыми *палисадниками* и *бесѣдками*, съ символическими мушками на лицѣ.

Сзади каретъ стояли лакеи-гайдуки, одѣтые турками, албанцами, сербами, черкесами, гусарами, егерями, и природные арапы въ пунцовыхъ чалмахъ. Карета императрицы запряжена была осьмерикомъ кровныхъ, статныхъ лошадей, головы которыхъ убраны были кокардами; на ремняхъ кареты сидѣли пажи; вокругъ же экипажа двигались тяжелые кирасиры въ бѣлыхъ мундирахъ, на вороныхъ лошадяхъ, сверкая серебряными кирасами своими, а сзади галопировали легкіе уланы съ цвѣтными флюгерами на пикахъ [6]). Усатые кучера и форрейторы, тоже напудреные, съ длинными косами и бичами, въ треугольныхъ шляпахъ; прыткіе скороходы (ихъ называли еще бѣгунами-скоробѣжками) въ шелковыхъ курткахъ, въ бархатныхъ шапочкахъ съ кистями и страусовыми перьями, съ наколкою лентъ на рукавахъ и на колѣнкахъ, подпиравшіеся длинными булавами и дѣлавшіе широкіе, размашистые скачки; народъ, почти во всю дорогу стояв-

---

[1]) Онъ расположенъ недалеко отъ изгиба Москвы рѣки, на возвышенномъ, красивомъ мѣстѣ, откуда видна туманная панорама Москвы; по древнему преданію и по самому знаменованію слова *перервъ*, Москва рѣка текла прежде близь самаго монастыря, но *прервалась* и пошла другой дорогою. Неизвѣстно, кѣмъ основанъ монастырь; по преданіямъ видно, что онъ прежде назывался *Никола старый*; въ лѣтописяхъ упоминается только о находившемся близъ Москвы Николаевскомъ монастырѣ, въ который сосланъ былъ Грознымъ св. Филиппъ митрополитъ. До 20-хъ годовъ на Перервѣ находилась московская семинарія.

[2]) Они устроены были со всею причудливою барскою обстановкою: съ *мыльнею* (банею), *медушами* (погребами), *лазнями* (подвалами) и пр.

[3]) Эти депутаты носили на груди своей особенныя вычеканенныя медали и имѣли особаго своего представителя, маршала.

[4]) Это путешествіе представляло чудное зрѣлище: по совершеніи нѣсколькихъ верстъ пѣшкомъ, всѣ возвращались въ экипажахъ назадъ, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный обѣдъ; на другой день пріѣзжали опять къ тому мѣсту, съ котораго воротились, чтобы слѣдовать далѣе.

[5]) Екатерина, до парадняго въѣзда своего въ Москву, подобно императрицамъ Аннѣ и Елисаветѣ, останавливалась въ селѣ Всесвятскомъ и другаго помѣщенія со стороны Петербурга тогда еще не было. Петровскій *подъѣздный* дворецъ, по повелѣнію ея, началъ строиться въ 1776 г. архитекторомъ Козаковымъ; на мѣстѣ его была большая поляна, засѣянная рѣпою.

[6]) Екатерина рѣдко показывалась народу, но когда выѣзжала куда нибудь, то съ большою пышностію и съ конвоемъ, состоявшимъ большею частію изъ отряда кавалергардовъ-тѣлохранителей, замѣнившихъ лейбъ-компанцевъ императрицы Елисаветы.

Видъ дворца въ Царицынѣ (близъ Москвы). — Съ фотографіи рисовалъ В. С. Шпакъ, рѣзалъ на деревѣ граверъ К. Вейерманъ.

шій шпалерами и восторженно кричавшій: ура!—все это зрѣлище производило необыкновенное впечатлѣніе.

Въ Царицынѣ императрицу ожидалъ роскошный полдникъ; въ это время тамъ на лугахъ происходилъ сѣнокосъ, представлявшій настоящій дивертисеманъ: множество мужиковъ, рослыхъ, красивыхъ парней, въ бѣлыхъ косоворотыхъ рубахахъ съ красными ластовицами, въ поярковыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями, дружно, подъ звуки закатной пѣсни, размахивало свѣтлыми полосами косъ своихъ; а бабы и дѣвки, въ цвѣтныхъ понявахъ и въ кумачныхъ сарафанахъ, въ кикахъ съ дробницами изъ стекляруса, сгребали сѣно. Государыня съ приближенными своими сидѣла на душистомъ сѣнѣ и съ удовольствіемъ смотрѣла на это зрѣлище. По окончаніи работы, трудившимся приготовлено было обильное угощеніе, состоявшее изъ вина, густой бархатной браги, изъ груды калачей и витушекъ, изъ сусликовъ-пряниковъ съ позолотою, маковой избоины и разныхъ сочныхъ ягодъ. Тамъ приготовлены были для нихъ и высоко взмахивавшія, скрипучія *колыхалки* (качели), на которыхъ поселяне потѣшались съ гудками, самодѣльными дудками и свирѣлками. Императрица со всею своею блестящею свитою прохаживалась по царицынскимъ садамъ, осматривая свое возникающее хозяйство, и уже поздно вечеромъ отправилась въ обратный путь въ Москву. По этой дорогѣ стояли иллюминованныя версты и арки, и пылали смоляныя бочки, далеко отбрасывавшія зарево свое...

С. Любецкій

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ общій видъ царицынскаго дворца, моста и церкви, снятый съ натуры по нашему заказу, рисованный на деревѣ г. Шпакомъ игравированный г. Вейерманомъ.

Фельетонъ.

(Русскій министръ и нѣмецкій естествоиспытатель.—Какъ воображалъ себѣ нашу сѣверную столицу одинъ бухарецъ и какою нашелъ ее въ дѣйствительности.—Къ вопросу о независимости женщинъ.—Просьба къ читателямъ).

Со времени перваго открытія платины въ Уральскихъ горахъ и до 1826 года, найденныя и переданныя въ государственную казну количества этого металла были такъ незначительны, что обработка его съ финансовыми или промышленными цѣлями оказывалась невозможною. Въ теченіи всего этого времени, платины добыто было лишь 30 пудовъ, изъ которыхъ одна половина принадлежала казнѣ, а другая — частнымъ лицамъ Только въ 1827 году количество это возрасло до 26 пудовъ; впослѣдствіи же цифра эта годъ отъ году стала быстро увеличиваться.

Въ 1827 году во главѣ управленія министерствомъ финансовъ стоялъ Георгъ Канкринъ, тогда еще не возведенный въ графское достоинство.

Многостороннее образованіе и неутомимая дѣятельность дали ему возможность усилить прежніе источники финансовыхъ средствъ и открыть новые. Во время его управленія министерствомъ финансовъ—почти впервые стали надлежащимъ образомъ эксплоатироваться колоссальныя богатства Уральскаго хребта; Канкринъ преобразовалъ и русское горное вѣдомство; имъ же основанъ и технологическій институтъ.

Въ то время техническая и промышленная обработка платины, не смотря на ея высокую цѣну, была весьма незначительна. За исключеніемъ выпарныхъ чашечекъ и ретортъ на химическіе заводы, промышленность почти ничего еще не умѣла приготовлять изъ этого металла, котораго свойства почти однородны съ золотомъ. Не смотря на то, рыночная цѣна платины была и осталась довольно высокою. Эта цѣна колебалась въ то время между 160 и 200 талерами за фунтъ. Кромѣ Урала платина добывалась еще въ розсыпяхъ Хоко (Choco) и Барбакоса (Barbacoas) въ южноамериканской республикѣ Колумбіи, но въ количествѣ гораздо меньшемъ добываемаго въ Россіи, которая не пускала еще своихъ запасовъ въ торговлю—и потому, при постоянномъ ежегодномъ доходѣ и соотвѣтствующемъ спросѣ, легко могла преобладать на рынкѣ. Канкринъ возымѣлъ мысль—чеканить платину наравнѣ съ мѣдью, серебромъ и золотомъ,—и такимъ образомъ создать новый родъ монеты. О такомъ примѣненіи платины думалъ уже и генералъ Боливаръ, президентъ свободной Колумбіи, но не осуществилъ своей идеи.

Русскій министръ финансовъ горячо принялся за дѣло. Руду обработали и очистили, отчеканили пробныя монеты, и назначили имъ такую цѣну, чтобы она нетолько соотвѣтствовала русской децимальной системѣ, но годилась бы и для международнаго обращенія новыхъ монетъ. Въ то время только-что возвратился изъ своего путешествія въ Южную Америку и, пробывъ нѣкоторое время во Франціи, поселился въ Берлинѣ Александръ Гумбольдтъ, котораго столѣтній юбилей праздновался въ нынѣшнемъ 1869 году. Къ нему обратился Канкринъ письмомъ отъ 15 августа 1827 г., въ которомъ онъ подробно излагалъ «ученому, компетентному во всѣхъ отрасляхъ естествознанія», свои планы чеканки платиновой монеты и просилъ его одобренія этой мѣрѣ.

Съ этого началась частая переписка между русскимъ государственнымъ человѣкомъ и нѣмецкимъ ученымъ. Гумбольдтъ откровенно высказалъ свое мнѣніе, что платина, какъ металлъ малоупотребительный въ промышленности, никогда не будетъ имѣть такой устойчивой цѣны на всемірномъ рынкѣ, чтобы хотя приблизительно можно было опредѣлить на будущее время цѣну отчеканенныхъ монетъ; вслѣдствіе этого, когда платиновая монета распространится въ Европѣ, то при упадкѣ цѣны эта монета устремится назадъ въ Россію и причинитъ большіе убытки—какъ государству, такъ и частнымъ лицамъ. Послѣдствія показали, что естествоиспытатель былъ правъ. Не смотря на тщательное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ при созданіи монеты, — бѣлыхъ дукатовъ, какъ публика называла ихъ впослѣдствіи,—курсъ ихъ такъ упалъ, что уже въ 1845 году вышли два указа: о прекращеніи дальнѣйшей чеканки и о изъятіи изъ обращенія выпущенной монеты. Эта неудавшаяся финансовая мѣра впослѣдствіи принесла Россіи, равно какъ и всему свѣту большую выгоду, хотя въ совершенно иномъ отношеніи.

Въ одномъ изъ писемъ Канкрина, отъ 22 октября 1827 г., находится первое приглашеніе къ путешествію по Россіи, которое Гумбольдтъ предпринялъ на Уралъ и Ал-

тай. Канкринъ въ этомъ письмѣ замѣчаетъ, что Уралъ «весьма достоинъ посѣщенія величайшаго естествоиспытателя». А Гумбольдтъ 19 октября отвѣчалъ ему: «У меня одно пламенное желаніе — лично въ Россіи засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Уралъ, Араратъ и даже Байкальское озеро носятся предо мною въ самыхъ привлекательныхъ образахъ», и въ другомъ мѣстѣ: «видѣть Тобольскъ было мечтой моей ранней юности».

Ссылаясь на эти слова, Канкринъ подалъ на утвержденіе императору Николаю планъ путешестія; государь приказалъ — предварительно спросить у г. Гумбольдта, на какихъ условіяхъ онъ желаетъ пріѣхать въ Россію, чтобы вполнѣ быть довольнымъ.

Условія, предложенныя нѣмецкимъ ученымъ, служатъ почетнымъ свидѣтельствомъ добросовѣстности и скромности Гумбольдта, который все свое наслѣдственное состояніе (около 100,000 талеровъ) пожертвовалъ на службу наукѣ, и вынужденъ былъ жить въ Берлинѣ пенсіей въ 5000 талеровъ, назначенной ему королемъ прусскимъ.

Гумбольдтъ разсчитывалъ проѣздить 6 — 7 мѣсяцевъ и просилъ (въ письмѣ къ Канкрину), чтобы русское правительство уплатило ему то, что̀ онъ истратитъ сверхъ 2,500 — 3,000 талеровъ, т. е. половины своей ежегодной пенсіи. Въ этомъ письмѣ онъ самъ себя въ шутку называетъ бѣднымъ странникомъ по Ориноко, привыкшемъ къ умѣренности, и заканчиваетъ слѣдующимъ характеристичнымъ описаніемъ своихъ привычекъ: «Я не взыскателенъ; ѣду въ собственной дорожной каретѣ (halbchaise) французской работы, со стеклянными дверцами; со мною *одинъ* слуга-нѣмецъ (егерь, которому я желалъ бы доставить нѣкоторыя удобства, для сохраненія его здоровья во время путешествія) и профессоръ химіи и минералогіи, Густавъ Розе *), скромный и весьма ученый молодой человѣкъ. Такимъ образомъ насъ только трое; болѣе взять съ собою я счелъ неделикатнымъ; я весьма цѣню удобство, въ особенности чистоту, если они доступны; но при всѣхъ неизбѣжныхъ лишеніяхъ веселъ и доволенъ. Я равнодушенъ къ почетнымъ пріемамъ, но весьма признателенъ за дружескій. Я провелъ жизнь свою за границей въ чрезвычайно стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но никто не обвинитъ меня въ *непредусмотрительныхъ* тратахъ. На сколько позволятъ моя дѣятельность и скудныя (!) свѣдѣнія по горному дѣлу, галотехніи и технологіи, я обязанъ и желаю быть полезнымъ вашему государству—какъ устными, такъ и письменными сообщеніями касательно самаго дѣла (продуктовъ и заведеній), но не дѣятелей. Я охотно исполню всякое ваше желаніе, такъ какъ я при этомъ достигаю своихъ личныхъ цѣлей, будучи духовно заинтересованъ изученіемъ природы. Я съ благодарностью пріиму всякаго, кого вы назначите мнѣ въ спутники; *русскіе мнѣ всего болѣе по сердцу, ибо я всегда охотно и серьозно занимаюсь изученіемъ языка посѣщаемой мною страны, безъ чего народная жизнь оставалась бы мнѣ чуждою.* По окончаніи путешествія я уже болѣе не обезпокою В. И — ство никакими просьбами и притязаніями. Если вы будете мною довольны, если найдете, что я принесъ нѣкоторую пользу, то попросите Его Величество всемилостивѣйше подарить мнѣ одну книгу (невыпущенное въ продажу сочиненіе Палласа о животныхъ россійскаго государства); она будетъ сохранена въ моемъ семействѣ—какъ памятникъ моего путешествія на Уралъ и моей признательности къ благородному и человѣколюбивому монарху. Смѣю просить позволенія собрать карты хребта: я собираю ихъ для здѣшняго королевскаго минералогическаго кабинета, отнюдь не для себя. У меня нѣтъ никакого собранія—и все, что̀ я собралъ въ другихъ частяхъ свѣта, подарено мною публичнымъ музеямъ Берлина, Парижа и Лондона. Само собою разумѣется, что я поставлю себѣ въ пріятную обязанность передать въ тѣ изъ императорскихъ минералогическихъ кабинетовъ, куда вы назначите, геогностическіе образчики, которые могутъ пригодиться имъ.

*) Знаменитый химикъ Розе; позднѣе къ экспедиціи присоединился еще профессоръ ботаники и зоологіи — Эренбергъ.

На это письмо Гумбольдта Канкринъ отвѣчалъ оффиціальною бумагой съ приложеніемъ векселя въ 1200 дукатовъ на покрытіе путевыхъ издержекъ отъ Берлина до Петербурга и обратно. Въ этой бумагѣ сообщалось, что государь повелѣлъ вручить Гумбольдту по пріѣздѣ въ Петербургъ 10,000 руб. ассигнац., а равно уплатить и всѣ дальнѣйшія путевыя издержки по возвращеніи съ Урала въ Петербургъ; далѣе въ этой бумагѣ въ 9 пунктахъ значилось, что Гумбольдтъ и его спутники будутъ освобождены отъ всякихъ таможенныхъ пошлинъ, что въ Петербургѣ для этой экспедиціи заказаны двѣ коляски, что въ распоряженіе ея назначены чиновникъ горнаго вѣдомства и курьеръ, которымъ выдадутъ столовыя деньги, что отъ Гумбольдта вполнѣ зависитъ—куда и съ какою цѣлію онъ будетъ ѣздить, причемъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ и губернаторамъ предписано оказывать ему содѣйствіе, и, наконецъ, что онъ можетъ собирать минералы и рѣдкости, сколько пожелаетъ. Эта истинно-царская щедрость возбудила удивленіе всего ученаго міра; всѣ европейскія газеты прославляли великодушіе русскаго правительства. Въ апрѣлѣ Гумбольдтъ предпринялъ свое столь памятное всему ученому міру путешествіе. Въ Петербургѣ его приняли съ большимъ почетомъ. Императоръ Николай и императрица приглашали его къ своему столу. Онъ познакомился съ Канкриномъ и его многосторонне-образованною супругой. Тутъ же былъ окончательно утвержденъ маршрутъ, и Гумбольдтъ выѣхалъ изъ Петербурга 8 мая 1829 года, въ сопровожденіи профессоровъ Розе и Эренберга, а также и оффиціальныхъ спутниковъ.

Это замѣчательное путешествіе, которое самъ Гумбольдтъ называетъ достопамятнѣйшимъ изъ всѣхъ совершенныхъ имъ въ теченіе своей жизни, описано Густавомъ Розе въ его книгѣ: «Минералогически-геогностическая экспедиція на Уралъ, Алтай и въ Каспійское море». Самого же Гумбольдта оно привело къ чрезвычайно важнымъ заключеніямъ относительно горныхъ формацій, наслоенія пластовъ и наконецъ, опредѣленія изотермовъ и проч. Вліяніе этой поѣздки отразилось въ изданномъ вскорѣ затѣмъ «путешествіи въ экваторіальныя страны Новаго Свѣта» и преимущественно въ «Космосѣ». Далѣе, наблюденія, намеки и совѣты Гумбольдта касательно горнаго дѣла на Уралѣ—легли въ основаніе различныхъ административныхъ мѣръ и реформъ; наконецъ, многіе чиновники и ученые, на которыхъ Гумбольдтъ обратилъ вниманіе правительства, получили вполнѣ заслуженное поощреніе. Въ цѣломъ поѣздка эта обнимала собою 14,500 верстъ и продолжалась 23 недѣли. По возвращеніи въ Петербургъ, 1 ноября 1829 г., Гумбольдтъ получилъ орденъ св. Анны съ короною, первой степени, и всемилостивѣйшій высочайшій рескриптъ.

Переписка между Гумбольдтомъ и Канкриномъ непрерывно продолжалась во все время путешествія. Канкринъ внимательно слѣдилъ за научными результатами этой экспедиціи и старался извлекать изъ нихъ практическую поль-

зу. Трогательная заботливость сопровождала путешественниковъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Урала и Алтая: всюду высылались имъ нѣмецкія газеты и политическія извѣстія о ходѣ тогдашней войны Россіи съ Турками. Въ Міаскѣ 2 сентября Гумбольдтъ праздновалъ шестидесятую годовщину дня своего рожденія, который былъ торжественно встрѣченъ тамошними чиновниками; ученому была поднесена великолѣпная сабля съ амаскированнымъ клинкомъ. Тамъ же Гумбольтъ впервые открылъ присутствіе олова и предсказалъ находку алмазовъ, что и подтвердилось до окончанія путешествія. Всевозможныя юмористическія интермеццо въ перепискѣ Гумбольдта съ Канкриномъ указываютъ на дружескія отношенія ученаго къ государственному человѣку. Такъ, между прочимъ, Канкринъ выражаетъ желаніе, чтобы профессоръ Эренбергъ (жаловавшійся на отсутствіе рѣдкихъ видовъ растеній и животныхъ въ западномъ Уралѣ) нашелъ совершенно анти-берлинскую фауну по ту сторону хребта.

По возвращеніи въ Петербургъ Гумбольдтъ, изъ предоставленныхъ въ его распоряженіе двадцати тысячъ рублей ассигнаціями, возвратилъ графу Канкрину оставшіяся отъ издержекъ семь тысячъ пятьдесятъ рублей—безспорно почетное свидѣтельство безкорыстія Гумбольдта. Графъ Канкринъ въ одномъ изъ писемъ высказалъ Гумбольдту свое удивленіе по поводу возврата этой суммы и назначилъ эти деньги на новую экспедицію рекомендованныхъ Гумбольдтомъ ученыхъ — Гельмесена и Гофмана.

Столѣтній юбилей Гумбольдта вызвалъ на свѣтъ эту переписку (часть ея принадлежала профессору с.-петербургскаго университета, д. с. с. Шнейдеру),—замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ изданій по поводу этого праздника.

При содѣйствіи одного пріятеля, я получилъ возможможность представить на судъ читателей переводъ еще одного письма, которому прибытіе бухарцевъ въ Петербургъ придастъ двойной интересъ. Это письмо бухарца на родину къ одной изъ его женъ. Такъ какъ это характеристичное письмо говоритъ само за себя, то я воздержусь отъ всякихъ комментаріевъ. Точно также и по весьма понятнымъ причинамъ, имя автора письма остается неизвѣстнымъ:

«Моей Фатимѣ»!

«Свѣтъ очей моихъ и роза моего вертограда, въ настоящее время я нахожусь въ ста-двадцати-дневномъ пути отъ тебя, въ великомъ городѣ бѣлаго царя, который невѣрные называютъ Петербургомъ. Аллахъ единъ и Магометъ —пророкъ его,—но здѣсь все-таки очень холодно! Даже солнце съ самаго восхода мерзнетъ и радуется, что скорехонько можетъ снова закатиться. Огромное государство—эта земля бѣлаго царя, а невѣрные многочисленнѣе чѣмъ песокъ пустыни,—и Аллахъ не пребываетъ съ ними. Ихъ жизнь—забота, ихъ радости—скорбь. А кто изъ нихъ помогущественнѣе и побогаче—тѣ не знаютъ покоя и дневной сонъ бѣжитъ отъ нихъ. Самые важные Эффенди, которыхъ здѣсь такъ много, денно и нощно мучатся и жалуются. Ни съ одного минарета не слыхать здѣсь призыва къ молитвѣ; ни на восходѣ, ни при закатѣ солнца не знаю я, когда мнѣ молиться. Мнѣ предстоитъ очиститься, и помыться отъ многихъ грѣховъ и упущеній, когда я снова буду съ тобою—о, свѣтъ моей жизни! Царскій городъ обширенъ—и домовъ здѣсь многое множество, но цвѣтъ ихъ напоминаетъ ту грязь, что пристаетъ къ моимъ подошвамъ; съ виду же они похожи на клѣтки, въ которыхъ приговоренные къ смерти, ожидаютъ послѣдняго дня. Машаллахъ! правда, что жены невѣрныхъ прекрасны, но лицо ихъ не закутано покрываломъ и открыто дерзкому взгляду всякаго чужестранца. Я гляжу на каждую изъ нихъ, а невѣрные даже не примѣчаютъ, какъ я тѣмъ самымъ позорю ихъ; напротивъ они еще радуются. Они показываютъ чужестранцамъ нетолько старыхъ женщинъ,—какъ это дѣлаемъ мы, когда гяуръ проситъ насъ о томъ, —но даже молодыхъ и красивыхъ. Кто изъ нихъ побогаче и располагаетъ деньгами, тѣ покупаютъ сперва старую, а потомъ молодую жену, нерѣдко и двухъ.

Ѣдятъ здѣсь прескверно и пища нечистая, рисъ безъ шафрану, а въ бараниңѣ вовсе нѣтъ жиру. Пьютъ родъ шербета, которой хлопаетъ какъ изъ ружья, сладокъ на вкусъ и очень дорого стоитъ; а такъ какъ цвѣтомъ онъ вовсе не похожъ на вино, то и не воспрещается Магометомъ.

Мы живемъ здѣсь въ безостановочныхъ трудахъ: днемъ ѣздимъ по улицамъ или посѣщаемъ сокровищницы, вечеромъ же передъ нами пляшутъ и представляютъ Баядерки.

Посылаю тебѣ мое изображеніе, которое сдѣлалъ нѣкій человѣкъ, по имени Фотографъ, и при этомъ увѣрялъ меня, что ему помогало само солнце. Очень можетъ быть, ибо ликъ мой изображенъ такимъ же мутнымъ и соннымъ, какъ и само солнце. Да хранитъ тебя Аллахъ, роза моего вертограда и свѣтъ моихъ очей! Да пошлетъ намъ Аллахъ поскорѣе радостное свиданіе и долгій отдыхъ послѣ всѣхъ путевыхъ тревогъ».

Очевидно, что эмансипація женщинъ дѣлаетъ большіе успѣхи даже и на отдаленномъ востокѣ. Кто бы подумалъ, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, что жена бухарца будетъ вести изъ Самарканда такую дружескую переписку съ своимъ супругомъ.

Мы охотно сравниваемъ себя съ американцами Соединенныхъ Штатовъ во всемъ, что касается нашей общественной жизни. Точно такъ же и возникшій у насъ вопросъ о независимости женщинъ сравнивался съ домогательствомъ американокъ. Мнѣ кажется, что мы впадаемъ въ большую погрѣшность: у насъ конечная цѣль этого вопроса –ниспроверженіе всѣхъ препятствій, заграждающихъ женщинамъ доступъ къ образованію и заработку; въ Америкѣ же общій лозунгъ: «равноправность съ мужчинами при подачѣ голосовъ», но подъ этой фразой прячется «Know-nothing'ство» лицемѣрное ханжество, узкая, ограниченная воздержность, т. е. закрытіе всѣхъ увеселительныхъ и питейныхъ заведеній, театровъ, концертовъ и проч. Въ рѣчи, которую держала нѣкая Phoebe Cozzeus на митингѣ женщинъ въ с. Луи, въ штатѣ Миссури, говорилось, что если женщины получатъ право голоса, то всѣ питейные дома, театры и танцовальныя залы будутъ упразднены, и произойдетъ поголовное изгнаніе чужестранцевъ.

Чтожъ, по меньшей мѣрѣ—радикально!

При популярномъ изложеніи и отсутствіи всякой тенденціозной примѣси, фельетонъ «Нивы» будетъ давать отчетъ о наиболѣе крупныхъ новостяхъ дня. Что же касается перваго нумера, мы просимъ читателей имѣть въ виду, что (въ качествѣ пробнаго) онъ предназначался для четырехнедѣльнаго обращенія между желающими познакомиться съ нашимъ изданіемъ, что неизбѣжно должно было отразиться и въ самомъ содержаніи фельетона.

А. Т.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 5 Декабря 1869 г. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. Типографія А. Траншеля, на углу Невск. и Владим., д. № 45—

№ 2. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 5 р.
Для иногороднихъ: За годовое изданіе . 4 р.; За пересылку . . . — » 60 к.; За упаковку . . . . — » 40 »; Итого. . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Вэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна за границей 5 талер.

Первая бѣлая роза.

(Святочный разсказъ)

Посвящается Графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

Утро. Въ воздухѣ тепло. Садъ освѣщенъ мягкими лучами восходящаго солнца. Всѣ цвѣты проснулись. Имъ весело. Трепетно они сбрасываютъ съ себя собравшіяся за ночь на нихъ росинки, радостно и любопытно подымаютъ свои пестрыя головки, чтобы поглядѣть на Божій міръ.

Все такъ свѣтло, тихо, прекрасно!... Радость жизни могущественно охватываетъ эти крошечныя, пахучія созданія. Вдругъ между ними возникаетъ робкій, быстрый шопотъ.

— Посмотрите! Что это такое?! На Розу, на Розу взгляните! Что сталось съ ней? Неужели это та же самая Роза — наша славная Роза?... Куда же дѣлась ея алая, роскошная одежда? Ее узнать нельзя! Она-ли это?....

Такъ восклицаютъ цвѣты, и великіе, и малые, волнуясь и торопливо перебивая другъ друга.

— Вчера вечеромъ, засыпая, я еще такъ любовался ею, заговорилъ планшевый Левкой: — красавица изъ Розъ! думалъ я; а сегодня такая перемѣна!?...

— Сестрицы, подружки! толкала голубенькая Belle de jour своихъ сосѣдокъ (онѣ еще только полуоткрылись и опять задремали): — скорѣй, скорѣй, проснитесь совсѣмъ! Полно качаться! Не время дремать — надобно бодрствовать, когда творятся такія непостижимыя дѣла.... Взгляните на нашу Розу!... Всѣ Belles de jour разомъ совершенно раскрылись, и, увидѣвъ Розу, точно остолбенѣли отъ удивленія и ужаса.

— Случись что съ кѣмъ-нибудь другимъ изъ насъ, произноситъ медленно и отчетливо фіолетовая Георгина, — можно было-бы прямо спросить, разузнать; но Розу всегда считаютъ у насъ выше всѣхъ, боятся обратиться къ ней...

— А еще большой вопросъ, принадлежитъ-ли и въ самомъ дѣлѣ ей первенство, — нагибается къ Георгинѣ длинноногій, неуклюжій Комаръ: — это подлежитъ еще тщательному разсмотрѣнію.

— Давно извѣстно, что не всегда по заслугамъ воздается честь, отвѣчаетъ она сдержанно и съ выраженіемъ обиженнаго достоинства. — Но должно признаться, продолжаетъ она, гордо расправляя свои фіолетовые, бархатные лепестки, — что нѣжность и красота Розы имѣютъ особенную прелесть, и что....

— Ахъ, моя милая! перебиваетъ ее съ какой-то мѣщанскою развязностью Піонья: — вы все толкуете о *прежней* Розѣ — правда, ея цвѣтъ былъ и прежде всегда через-чуръ нѣженъ; но теперь, посмотрите, на что она похожа!...

— Я никогда не принадлежалъ къ числу ея поклонниковъ, замѣтилъ длинноногій Комаръ. — Я нахожу, что въ нашъ положительный вѣкъ подобныя мечтательныя созданія чрезвычайно жалки и смѣшны....

— Между нами будь сказано, обратилась прехорошенькая Божья Коровка къ Ландышу, — этотъ Комаръ, невыносимый педантъ!

— Ужъ не говорите! Онъ всегда непріятно дѣйствуетъ на мои нервы, — разсыпался быстрой, мелкой рѣчью Ландышъ, встряхивая своими колокольчиками, точно кудрями. — Да и Піонья хороша! И они вдвоемъ осуждаютъ Розу!.... Ахъ, право, иногда такая досада беретъ, а не передѣлаешь ихъ.... да и не обращаютъ много вниманія на насъ маленькихъ — мы остаемся въ тѣни. Къ тому же, какъ-то совѣстно громко, при всѣхъ, высказывать свое мнѣніе.....

Незабудки, выслушавъ замѣчаніе Ландыша, ничего не сказали, только съ дѣтской улыбкой переглянулись между собой и кивнули головками, въ знакъ совершеннаго согласія. Но члены чрезвычайно многочисленнаго семейства Анютиныхъ глазокъ, полулиловыхъ-полужелтенькихъ (большое родство: сестры, братцы, тетушки, дѣтки, внучата) заторопили всѣ въ унисонъ: «Да! Да! Правда! Все это такъ—такъ точно!»...

— Послушайте, любезные товарищи и милыя подруги! началъ серьозно и плавно стройный Тюльпанъ, темный съ желтыми и красными разводами,—мы всѣ замѣтили внезапную перемѣну въ Розѣ — мы всѣ находимся въ какомъ-то недоумѣніи. Я думаю, что нашъ прямой долгъ указываетъ намъ обратиться съ просьбою объ объясненіи этого страннаго явленія къ самой Розѣ. Съ ней произошло что-то необычайное — можетъ быть она нуждается въ нашемъ совѣтѣ, въ нашей помощи.....

— Ахъ нѣтъ, не надо!... робко перебила его Лилея:— я сегодня проснулась раньше всѣхъ васъ. Видъ Розы несказанно поразилъ меня. Я горячо люблю ее и хорошо изучила ея натуру — если она, такъ неожиданно для насъ, сбросила свою роскошную одежду и вдругъ, благодаря какому-то чуду, покрылась цвѣтомъ похожимъ на мое блѣдное одѣяніе, то тутъ, повѣрьте, кроется тайна— тайна тяжкой печали. Взгляните, она вся сомкнулась въ глубокой думѣ, и не внемлетъ нашимъ толкамъ. Не станемъ тревожить ее... Нескромные вопросы могли бы ее оскорбить — а вы знаете, мои добрые друзья, что о несчастіи ближняго не только надо скорбѣть, но и надо его уважать......

Слова Лилеи, произнесенныя тихо, но звучно и съ задушевной теплотой, вызвали между цвѣтами всеобщій шопотъ одобренія.

— Мнѣ кажется, вдругъ заговорилъ толстый и очень пестрый Червякъ, смиренно потупляя взглядъ,—что если Небо посылаетъ испытаніе, то его слѣдуетъ переносить мужественно и даже съ благодарностью, а не нѣжиться въ тоскѣ, для того чтобы возбуждать состраданіе.... Я никогда никого не осуждаю — но видъ отчаянья, который приняла Роза, противорѣчитъ всѣмъ правиламъ благочестія.....

— Приняла?.... перебила его Лилея.

— Я ничего не утверждаю, возразилъ Червякъ,—но это поведеніе Розы тѣмъ предосудительнѣе, что, судя по слухамъ ходившимъ въ послѣднее время о ней, она поступала *весьма* неосторожно, чтобы не сказать болѣе...

— Клевета! воскликнула Лилея.

— Это несовсѣмъ извѣстно.... сказалъ, съ неуклюжей ужимкой, длинноногій Комаръ. — Я придерживаюсь французской поговорки: «Pas de fumée sans feu»... прибавилъ онъ, выставляя одну ногу далеко впередъ.

— Если вѣрить всѣмъ толкамъ, которые сообщали мнѣ разные жучки, червячки и мошки, замѣтила Піонья,— то въ самомъ дѣлѣ....

— Вѣрить слѣдуетъ только фактамъ, перебилъ ее серьозно темный Тюльпанъ.—Я, по своей натурѣ, не могу во всемъ сочувствовать Розѣ, — но не позволю, чтобы бросали на нее тѣнь, основываясь на однихъ толкахъ — это безчестно.

— Вы желаете имѣть *факты*.... Гмъ!.... произнесъ Червякъ, сильно надувшись, но сдерживая свою злость и не оставляя тона смиренія,—еслибъ не великій принципъ: «не осуждай своего ближняго», которому, смѣю сказать, я искони поклонялся, я бы *легко* могъ указать вамъ на требуемые вами «факты»....

Какъ только началъ говорить Червякъ, между цвѣтами возникъ ропотъ. Они неодобрительно качали головками и быстро перешептывались. Но при послѣднихъ словахъ Червяка всеобщее волненіе приняло огромные размѣры. Всѣ цвѣты, забывъ даже присутствіе Розы и свое твердое намѣреніе не тревожить ее, возвысили голосъ. И самые маленькіе, и такіе застѣнчивые, какъ Ландышъ, Резеда, Незабудки, Анютины глазки, отбросили свою робость, всѣ, всѣ громко заговорили: «все это ложь! Клевета! Мы давно замѣчаемъ, что несравненная красота Розы возбуждаетъ зависть, — но мы не допустимъ, чтобы какой-нибудь Червякъ осмѣлился позорить нашу прелестную, нашу нѣжную, нашу мягкосердечную царицу!».. Прочь, долой его!.... перебивали они другъ друга.

— Я, признаться, не ожидалъ подобной *прыти* отъ цвѣтовъ,—зажужжалъ a mezza voce длинноногій Комаръ на ухо коричневому Жучку съ брюшкомъ.— Вотъ вамъ и «поэтичныя созданія». Какъ расходились! А?.... Это не мѣшаетъ намотать себѣ на усъ! А?....

Но коричневый Жучокъ съ брюшкомъ не высказывалъ своего мнѣнія; вообще онъ, какъ существо крайне положительное, всегда держалъ себя весьма осторожно —и этотъ разъ, на второе «А?» длинноногаго Комара, онъ отвѣтилъ только однимъ продолжительнымъ: Гмъ!... потомъ медленно подползъ къ кусту малины. «Это будетъ поинтереснѣе всѣхъ ихъ преній» пробормоталъ онъ про себя, откусывая молоденькій листочекъ.

Прогнанный толстый Червякъ скатился съ листа Тюльпана, гдѣ онъ съумѣлъ очень удобно пристроить себя, и тяжело повалился на земь. Онъ не на шутку струсилъ, и совсѣмъ съежился. Потеря теплаго мѣстечка, на листѣ тюльпана, также не мало тревожила его. Страхъ за будущность возвратилъ ему нѣкоторую бодрость.—Высокопочтенные цвѣты и глубокоуважаемые цвѣточки! началъ онъ вкрадчиво:—если вы не откажете мнѣ въ чести выслушать оправданіе мое, то вы—я твердо убѣжденъ въ томъ — по свойственному всѣмъ вамъ чувству справедливости....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! произнесли хоромъ всѣ цвѣты: — мы и слышать не хотимъ.

— Мало того, вдругъ съ неожиданною смѣлостью замѣтилъ Ландышъ:—я предлагаю, чтобы Червяку этому было заявлено, что мы всѣ признаемъ его существомъ явно-злонамѣреннымъ, и отнынѣ строго запрещаемъ ему селиться, или даже хотя бы гостить только, на нашихъ листьяхъ.

— Превосходно, превосходно! Мы принимаемъ предложеніе Ландыша, опять раздался хоръ цвѣтовъ.

— Какъ я рада, шепнула Божья Коровка Ландышу,— что досталось этому толстому Червяку. И какъ мнѣ

пріятно, что ты, мой другъ, принялъ на себя инипіативу этого справедливаго изгнанія..... Одобреніе большихъ цвѣтовъ польстило Ландышу; но, правду сказать, отраднѣе всего для него были тихія слова Божіей Коровки — онъ питалъ къ ней великое пристрастіе.

— Но позвольте, позвольте — я глубоко убѣжденъ, что по свойственному всѣмъ вамъ чувству справедливости — повторилъ Червякъ свою прежнюю фразу — и великодушію, вы не захотите разстроить судьбу бѣднаго Червяка, даже не выслушавъ его прежде! Вспомните, что Небо предписываетъ всѣмъ намъ снисхожденіе къ ближнему, прибавилъ онъ съ умиленіемъ. Но цвѣты опять перебили его.

— Нѣтъ! Мы тебѣ не повѣримъ—ты гнусный клеветникъ и извѣстный ханжа! Чтобъ тебя тутъ не было, прочь!.... И волненіе все болѣе и болѣе усиливалось. Близорукіе люди подумали бы, что цвѣты такъ закачались, листья такъ зашумѣли благодаря порыву бури — ни чуть не бывало! Все это было лишь выраженіемъ внутренняго негодованія. И говоръ, ропотъ и шумъ такъ усилились, что Роза встрепенулась. Она совсѣмъ очнулась отъ тяжкаго оцѣпененія, въ которое была погружена. Цвѣты, замѣтивъ это, разомъ всѣ замолкли.

— Вы такъ шумно бесѣдовали, сказала медленно Роза,—чтожъ вы затихли?... Иль нескроменъ мой вопросъ?... Вы молчите?... Я начинаю понимать — мой видъ пугаетъ васъ и внушаетъ вамъ жалость ко мнѣ... вы боитесь неосторожнымъ словомъ еще болѣе опечалить меня?... Благодарю васъ! Цѣню вашу ласку и любовь болѣе чѣмъ когда-либо. Да, жалѣйте меня—вы правы... Мои цвѣты и цвѣтики, мои друзья и подруженьки, мои дорогіе, родные, пожалѣйте меня бѣдную, горемычную!..

Всѣ цвѣты были донельзя тронуты этими словами. Даже гордая фіолетовая Георгина съ выраженіемъ грусти и почтительности склонилась передъ Розой. Разсудительный темный Тюльпанъ съ участіемъ взглянулъ на нее. Даже Піонья — и та сдѣлалась серьознѣе, и на этотъ разъ перестала охорашиваться и хвастать своимъ яркимъ нарядомъ. А Ландышъ — тотъ былъ такъ растроганъ, что быстро заколыхалъ своими колокольчиками и весь залился росиночками.

— Не думайте, продолжала Роза,—чтобы утрата красоты моей такъ печалила меня—къ чему она мнѣ теперь?... Не думайте, чтобы непонятная перемѣна, что сотворилась со мной, слишкомъ страшила меня — что̀ она въ сравненьи съ тѣмъ, что̀ происходитъ во мнѣ?... Нѣтъ, другая печаль гнететъ меня.....

— Давно ужъ я боялась и трепетала за тебя!... тихо сказала Лилея.

— Довѣрься намъ, разскажи намъ твою скорбь—тебѣ легче станетъ.... Мы тебѣ поможемъ!... обратились цвѣты къ Розѣ.

— Помочь мнѣ вы не можете. Но я разскажу вамъ все — меня постигло горе, такое лютое, что не въ силу мнѣ болѣе нести его одной.... Хочу также просить васъ избрать себѣ другую царицу....

— Какъ можно! Отчего же?! Мы никогда не перестанемъ поклоняться тебѣ! перебили Розу цвѣты.

— Нѣтъ, мои дорогіе! Возьмите себѣ царицу изъ моего же роду, но такую какою я когда-то была — исполненную жизни и силы, украшенную богатымъ пурпуровымъ одѣяніемъ. Для царскаго сана одних внутреннихъ достоинствъ недостаточно—и внѣшнее великолѣпіе необходимо — а что̀ я теперь?... блѣдна и бѣла я какъ тучка небесная, когда солнце давно закатилось.... иль какимъ дѣлается, разсказываютъ, свѣтлый дождикъ, когда приходитъ холодная, злая зима..... Я вся измѣнилась — и та царская корона изъ бриллiантовыхъ, крупныхъ росинокъ, что бывало я къ утру и къ вечеру всегда на себя надѣвала—посмотрите!—она превратилась въ однѣ тяжкія, горькія слезы.... Да и не въ моготу мнѣ было бы теперь переносить поклоненіе!... Роза, совсѣмъ утомленная, наклонила головку и задумалась.

Солнце стояло ужъ высоко. Было жарко. Цвѣты не дерзали прервать думу Розы. Они хранили глубокое молчаніе — ни одинъ листочекъ не шевельнулся. И долго бы, можетъ быть, Роза оставалась неподвижной, еслибъ не раздались отдаленные раскаты грома. Они не долго продолжались—двѣ-три молніи, и все опять затихло.

— Гроза!... прошептала Роза. — Для меня она миновала — моя судьба свершилась.... Слушайте, мои дорогіе, слушайте! Но она опять остановилась, у нея не хватало духу продолжать. А между тѣмъ уже всѣ цвѣты съ почтительнымъ вниманіемъ подняли головки.

— Дѣтки! обратилась мать семейства Анютиныхъ глазокъ къ двумъ самымъ меньшимъ (крошки-близнецы такъ были схожи между собой, что развѣ только материнскій глазъ могъ ихъ различить; даже совершенно одинаковое лиловое родимое пятнушко на нижнемъ желтенькомъ листочкѣ): — вы, дѣтки, слушайте хорошенько! наставляла она ихъ. — Вы, правда, очень молоды еще, но коротокъ нашъ вѣкъ цвѣточный — и рано мы должны пріобрѣтать опытность житейскую, да учиться уму-разуму!... Крошки-близнецы, выслушавъ это наставленіе, большое усиліе употребили чтобы придать себѣ серьозный видъ.

Незабудочки всѣ сжались въ кучку. Божья Коровка, сама точно красненькій цвѣточекъ, помѣстилась на листѣ Ландыша, такъ уютно, какъ-будто на кушеткѣ. Длинноногій Комаръ, сгорбившись, глубокомысленно сталъ вертѣть усами. А толстый Червякъ поспѣшилъ воспользоваться столь благопріятными для него обстоятельствами: пробужденіе и слова Розы до такой степени поглотили всеобщее вниманіе, что никто, казалось, и не думалъ болѣе о Червякѣ. «Благо забыли обо мнѣ» размышлялъ онъ: «а я, подъ шумокъ этого *участія* къ Розѣ, и поползу себѣ, поползу, и незамѣтнымъ образомъ опять-таки припасу себѣ тепленькое мѣстечко.... Ну, а если они припомнятъ свой приговоръ о моемъ изгнаніи?... Э, пустяки, какъ-нибудь увернусь! Да если и въ заправду меня выгонятъ, не велика бѣда будетъ — отсюда прогонятъ, а я обойду кругомъ, да съ другой стороны и приползу опять»... И въ самомъ дѣлѣ, прячась подъ кусточками да листочками, онъ подползъ къ самой Розѣ — ближе всѣхъ другихъ, совсѣмъ съежился чтобы до поры до времени быть менѣе замѣтнымъ, и устремилъ на нее взглядъ выражающій самое восторженное подобострастіе.

Роза видитъ, что все приготовилось слушать ее. Она, точно рѣшившись на полную откровенность, еще шире распустила свои безчисленные, бѣлоснѣжные лепестки, слегка вздрогнула, и такъ начала:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я всегда была окружена лестью. Всѣ пташки, всѣ насѣкомыя, всѣ мошки пѣли, жужжали мнѣ безконечныя похвалы. «Ты краше, ты лучше всѣхъ цвѣтовъ!...» «Ты совершеннѣйшее созданіе въ мірѣ!...» «Не только всѣ цвѣты, но и мы всѣ должны тебѣ поклоняться!» Вотъ что̀ съ самой ранней поры своей жизни, когда я едва-едва еще только начинала распускаться, я привыкла всегда слышать. Признаться, я

вскорѣ повѣрила этимъ похваламъ — но оставалась къ нимъ довольно равнодушной. Меня признали царицей... «значитъ, на то я рождена» было у меня въ мысляхъ. Радуясь пѣнію птичекъ и красотѣ нѣкоторыхъ жучковъ (особенно изумрудныхъ), я, правда, иногда гордилась тѣмъ, что они въ честь мою такъ звонко распѣваютъ и такъ ярко блестятъ; но часто, напротивъ, все это надоѣдало мнѣ. «Что имъ за охота на всѣ лады повторять то, что я сама такъ хорошо знаю?» думала я. Особенно мнѣ опротивѣлъ одинъ огромный панцырный жукъ, темнобронзоваго цвѣта. Онъ отъ меня почти не отходилъ—и непріятнымъ басомъ не переставалъ жужжать о своихъ нѣжныхъ чувствахъ ко мнѣ... Иногда даже я испытывала злость и досаду—«это становится обидно!» восклицала я: «не только этотъ грубый, отвратительный жукъ, но и каждая ничтожная мошка, каждый мелкій червякъ—считаютъ себя въ правѣ увѣрять меня, что они меня обожаютъ!..» Эта темная сторона моего существованія, впрочемъ, не мѣшала мнѣ наслаждаться радостью жизни—я была безпечно весела.»

«Разъ, вечеркомъ, я заслушалась пѣсни соловья. Никогда чудные переливы его голоса не казались мнѣ такими ласкающими, никогда они такъ томительно-сладко не отзывались во мнѣ... и въ эти самыя мгновенья, когда я упивалась звуками соловьиной пѣсни, я услыхала легкій шорохъ: около меня очутилось эфирное созданіе, невиданное мною—баснословной красоты!... Крошечными ножками оно прикасалось къ зеленому листочку, самому близкому отъ меня; большими, широкими крыльями—медленно, то подымая, то опуская ихъ—оно иногда, слегка, чуть-чуть затрогивало меня самую. Эти крылья были точно сотканы изъ лазури и звѣздочекъ небесныхъ, окаймлены темной опушкой, и по ней какъ будто яркій пламень прошелся замысловатымъ узоромъ. А глаза — они сверкали то сафиромъ, то изумрудомъ, то яхонтомъ, и своимъ глубокимъ взглядомъ обнимали меня всю, и согрѣвали жарче лучей солнечныхъ... Мнѣ мнилось, что это какое-то видѣніе—и не помню, долго ли оно продолжалось. Кажется, соловей все то время не переставалъ пѣть—но навѣрное не знаю, я все забыла!... Когда я пришла въ себя, загадочное созданіе уже покинуло меня. «Кто это?...» спросила я Лилею, дрожа отъ волненія.»

«Это Мотылекъ, отвѣчала она.»

«Не можетъ быть! воскликнула я: — мотыльки безпрестанно летаютъ передо мною—но какъ же сравнивать ихъ съ этимъ дивнымъ существомъ!.. Ты ошибаешься.»

«Нѣтъ, повѣрь мнѣ, это Мотылекъ, сказала она:— Я его хорошо знаю!... Онъ, правда, мотылекъ рѣдкій, какой-то заморскій, но изъ породы тѣхъ самыхъ легкомысленныхъ, коварныхъ созданій, что...»

«Возможно ли допустить, перебила я ее,—чтобы существо — одаренное такою прелестью—было способно на что нибудь дурное!...»

«Когда-то и я такъ думала, возразила Лилея:—но что толковать обо мнѣ—твоя судьба меня тревожитъ, за тебя я страшусь; умоляю тебя, не довѣряй этому Мотыльку!..»

«Я ничего не отвѣчала—но мнѣ были непріятны слова Лилеи. О, еслибъ я повѣрила имъ!...»

— Весьма прискорбно, что вы не изволили тогда переговорить со мною, забормоталъ толстый Червякъ, воспользовавшись минутнымъ молчаніемъ Розы.—Я посвятилъ цѣлый періодъ жизни тщательному изученію грѣшныхъ инстинктовъ мотыльковъ—съ той именно цѣлью, чтобы, обогатившись знаніемъ фактовъ, предохранять всѣхъ и каждаго отъ ихъ коварныхъ затѣй. И никто, слѣдовательно, не могъ лучше меня доставить вамъ точнѣйшія свѣдѣнія о продѣлкахъ этихъ гнусныхъ лгуновъ...

— Ахъ, фальшивое, недостойное созданіе! не выдержала и заговорила Божья Коровка:—ну ужъ характеръ, нечего сказать!... Цвѣты не тотчасъ догадались, чей это голосъ раздался—они говоруньи, по ея малости, и не замѣтили. Божья Коровка придвинулась на самый краюшекъ листа Ландыша и расправила свои крошечныя крылышки, что есть мочи, чтобы казаться хотя немножко побольше.— Я не принадлежу къ великимъ сего міра, произнесла она съ подобающей скромностью, вполнѣ сознавая впечатлѣніе производимое ею,—но я такъ возмущена послѣдней выходкой Червяка, что во что бы то ни стало хочу возвысить свой слабый голосъ. Сердечно любимые цвѣты и цвѣточки! Множество подленькихъ поступковъ, что творятся на землѣ, остаются незамѣченными вами—ваша цвѣточная жизнь, чистая, свѣжая, душистая, поставила васъ выше ихъ—и вы не мало удивитесь, когда скажу вамъ, что этотъ Червякъ, поносящій натуру и привычки мотыльковъ, *самъ принадлежитъ къ ихъ породѣ...*

— Охъ, охъ, охъ! какія небылицы взводятъ на меня!.. стоналъ Червякъ:—побойтесь вы грѣха!...

— Мало того! продолжала Божья Коровка, не удостоивъ Червяка отвѣтомъ и еще съ большей энергіей,—могу съ достовѣрностью сообщить вамъ, что онъ находится *въ самомъ близкомъ родствѣ* (не помню только въ какомъ колѣнѣ) *именно* съ тѣмъ самымъ лазурозолотистымъ Мотылькомъ, о которомъ идетъ рѣчь...

— Первый разъ слышу! замѣтилъ съ тупымъ недовѣріемъ длинноногій Комаръ.—Это что-то сомнительно, даже не правдоподобно...

— «Неправдоподобно»?... перебила его Божья Коровка, вся вспыхнувъ (она вообще была чрезвычайно вспыльчива) —Вы любите всюду и во все соваться, а не смотря на то, вы большей частью не замѣчаете нетолько чего нибудь поважнѣе, но даже того что происходитъ подъ самымъ вашимъ носомъ — вотъ что! Ужъ простите за излишнюю быть можетъ откровенность. Вы находите мое заявленіе «сомнительнымъ»?... Такъ позвольте еще прибавить, чтобы разсѣять *сомнѣнія* ваши, и доложить вамъ на счетъ этого Червяка, что вся цѣль его жизни, всѣ тайныя его стремленія состоятъ въ томъ, чтобы съ помощію долговременнаго терпѣнія и какого-то непонятнаго колдовства *превратиться* въ одного изъ *тѣхъ самыхъ* мотыльковъ, противъ пороковъ которыхъ онъ только-что ораторствовалъ... Послѣ этого что вамъ угодно будетъ замѣтить о *правдивости* и *честности* его побужденій, и о «сомнительности» моихъ словъ?...

Комаръ сильно сконфузился. Онъ выдвигалъ то одну, то другую ногу, съ неимовѣрной быстротой сталъ вертѣть усами—но рѣшительно не нашелся отвѣтить ни слова.

Цвѣты съ отвращеніемъ глядѣли на толстаго Червяка. Особенно Незабудки были поражены разсказомъ Божіей Коровки: въ своей дѣтской простотѣ онѣ и не подозрѣвали, что на свѣтѣ существуетъ столько зла...

«Я поступилъ, противъ своего обыкновенія, немного опрометчиво» упрекалъ себя, между тѣмъ, толстый Червякъ: «своимъ вмѣшательствомъ слѣдовало маленько подождать. Какъ знать? пожалуй изъ разсказа Розы еще выяснится, что, напротивъ, не безвыгодно было бы заявить о своемъ родствѣ съ Мотылькомъ! Во всякомъ случаѣ не лишнимъ будетъ задобрить Розу.»

— Все-прекраснѣйшая повелительница цвѣтовъ! началъ онъ, обращаясь къ Розѣ и извиваясь на всѣ стороны:—еслибъ не мое всегдашнее правило «съ смиреніемъ

переносить посылаемыя Небомъ невзгоды,» я конечно съумѣлъ бы проучить Божью Коровку. Но, впрочемъ, я мало забочусь о ней—моя главная забота, чтобы *вы* не оставили меня своей царской милостью!.. чтобы *вы* не усумнились въ чистотѣ и въ безпредѣльной преданности вѣрнѣйшаго изъ вашихъ рабовъ!...

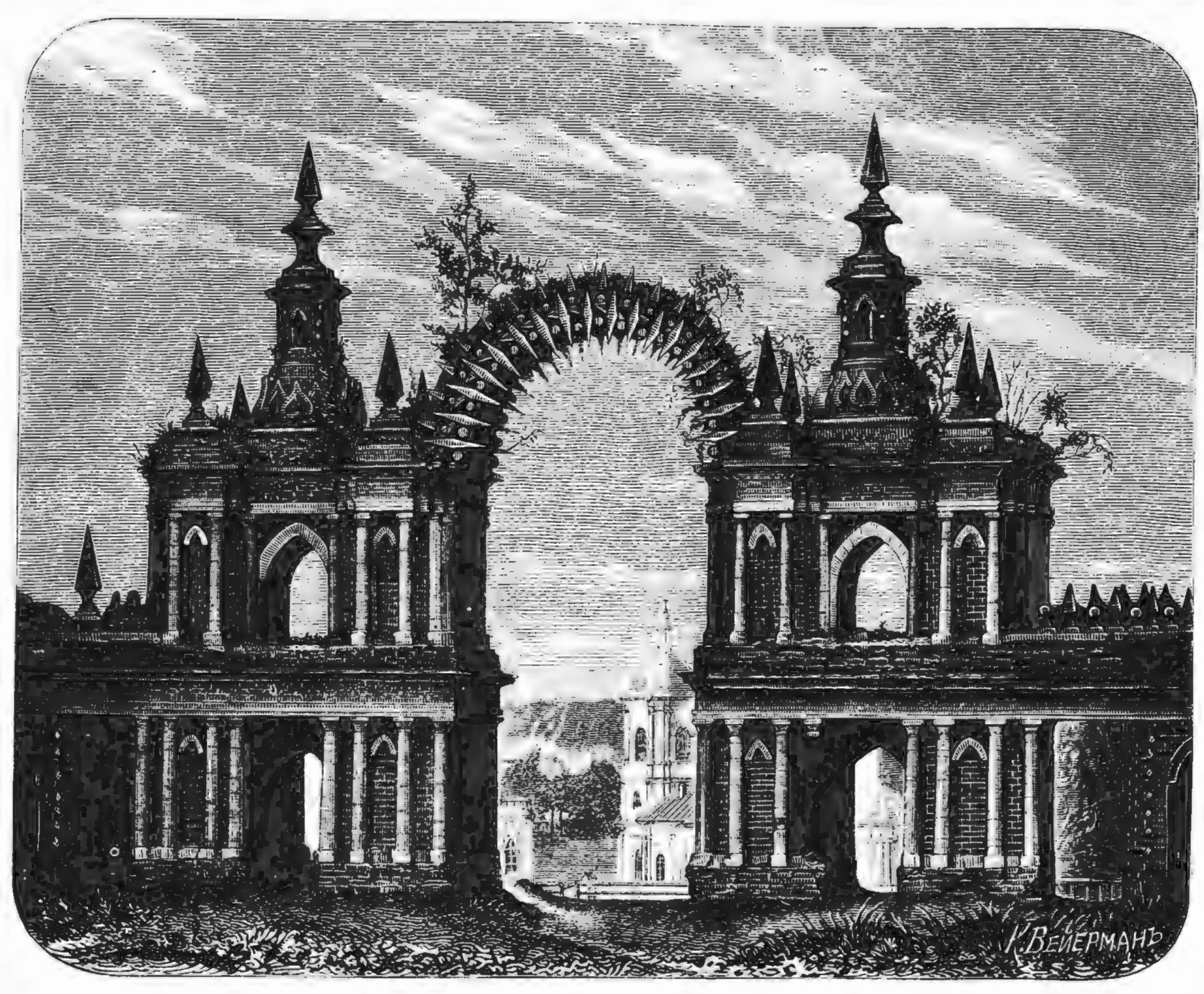
Роза взглянула на Червяка съ спокойнымъ величіемъ, какъ будто говоря ему: «ты даже и презрѣнія моего не стоишь», потомъ медленно отвернулась отъ него, и продолжала свой разсказъ:

Иза Г...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Царицыно *)

Императрица Екатерина любила въ зданіяхъ готическо-мавританскій стиль; вслѣдствіе этого, приказала она славному въ то время архитектору Бажанову представить себѣ планъ, для выстройки въ Царицынѣ дворца. Бажановъ, согласуясь съ ея вкусомъ, представилъ ей планъ и фасадъ таковаго дворца; она нашла его пре-



Арка царицынскаго дворца (близь Москвы).

Съ фотографіи рисовалъ П. Марковъ. Рѣзалъ на деревѣ граверъ К. Вейерманъ.

краснымъ, только убавила въ фасадѣ величину оконъ и ширину лѣстницъ. Вскорѣ послѣ этого, какъ-будто по манію волшебнаго жезла, началъ выростать царицынскій дворецъ, и съ нимъ вся тамошняя мѣстность стала преобразовываться. Работа кипѣла; вмѣстѣ съ дворцомъ созидались галлереи, оперный домъ, мосты, ворота, все каменной постройки, въ большихъ размѣрахъ, все въ готическомъ вкусѣ, дивно прекрасной архитектуры; но зависть (эта, какъ говорятъ, *косоокая мачиха талантовъ*) не допустила достроиться дворцу по плану Бажанова; нѣкоторые приближенные къ императрицѣ нашли въ немъ много недостатковъ, и вслѣдствіе этого дворецъ, близкій уже къ концу постройки, велѣно было сломать до основанія и на его мѣстѣ построить, или лучше сказать: *недостроить* нынѣшній, представляющій какую-то странную смѣсь древнѣйшаго зодчества съ новымъ [1])... Какой-то неизвѣстный, *подставной* архитекторъ, преемникъ Бажанова, отступилъ отъ прежняго, мавританскаго готическаго стиля и воздвигъ какое-то неопредѣленное зданіе, болѣе похожее на громадную темницу или сказочный очарованный замокъ Черномора, описанный Пуш-

*) См. журналъ «Нива» № 1.

[1]) Сохранился-ли планъ дворца, проэктированный Бажановымъ для потомства, не поглощенъ-ли и онъ временемъ?... жаль!...

кинымъ. Разница во вкусахъ и талантѣ обоихъ архитекторовъ особенно замѣтна—если существующій дворецъ сравнить съ мостомъ и съ нѣкоторыми другими зданіями, оставленными въ прежнемъ видѣ, по плану Бажанова. Не только архитектору-спеціалисту, но и всякому человѣку, обладающему эстетическимъ вкусомъ, съ перваго взгляда легко отличить ихъ отъ нынѣ-видимаго дворца, легко оцѣнить талантъ первоначальнаго зодчаго, признаннаго первокласснымъ въ Европѣ, проэктъ котораго для лѣстницы въ капитолій до сихъ поръ показываютъ въ Римѣ любознательнымъ путешественникамъ.

Есть преданіе, что фасадъ новаго дворца произвелъ непріятное впечатлѣніе на государыню, и потому онъ остался недостроеннымъ; вѣроятно потому она и охладѣла къ своему новому помѣстью.

При началѣ постройки прежняго дворца проведена была изъ Коломенскаго къ Царицыну прямая, широкая, укатанная дорога, обрамленная аллеею изъ березокъ (на двѣ версты) и окруженная непроницаемыми дебрями лѣсовъ; но по смерти Екатерины эту дорогу перестали поддерживать и такъ запустили, что по ней трудно было пробраться и пѣшеходу, вслѣдствіе разрушенія мостовъ, нѣкогда прочныхъ, твердыхъ и фигурно-красивыхъ,—и потому въ Царицыно стали ѣздить изъ Москвы по старой каширской дорогѣ, но она однообразна. Съ приближеніемъ къ Царицыну, является странная игра оптики: сквозь зеленую сѣтку лѣсовъ виднѣются черныя, высокія башни съ таковыми же верхами и шпицами по бокамъ; но чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ нему, тѣмъ мрачнѣе, суровѣе и насупленнѣе кажется оно: крыша дворца-замка, также черная и мрачная, представляется подобною крышѣ гробницы, окруженной католическими монахами, кармелитами, францисканами или капуцинами, безмолвно недвижно стоящими около нея, въ нахлобученныхъ на глаза шапкахъ, съ потухшими траурными факелами въ рукахъ. Но когда въѣзжаешь въ самые предѣлы Царицына на растилающійся, пестрѣющій цвѣтами и зеленью лугъ, замѣняющій красный дворъ, когда вступаешь на этотъ волнистый, самородный бархатъ — декорація перемѣняется, являются новыя картины: разбросанные тамъ и сямъ домики, изящно планированные сады въ англійскомъ вкусѣ, съ широкими густолиственными аллеями По саду разбѣгаются лабиринтныя дорожки, и по нимъ, если угодно, можно прогуливаться не возвращаясь на слѣды свои; обширные, полноводные пруды съ перекатными волнами, на которыхъ колыхаются шлюбки, разноцвѣтные ботики и утлыя лодочки,—еще болѣе оживляютъ эту мѣстность. Всѣ пруды впадаютъ одинъ въ другой; проточная вода въ нихъ чиста и прозрачна, какъ хрусталь, потому что они соединены изъ двухъ бойкихъ, быстрыхъ рѣчекъ. Пруды называются: *Орѣховскій*, *Лазаревскій*, *Верхній Хохловскій*, *Шапиловскій* и *Царе-борисовскій*; на двухъ послѣднихъ устроены мельницы, за ними опять журчатъ шумятъ непроглядныя рощи. Въ саду встрѣчается красивый каменный мостъ, соединяющій два берега, букетные островки, фигурныя купальни [2]) въ видѣ затѣйливыхъ игрушечныхъ павильоновъ и уединенная галлерея, называемая *храмомъ меланхоліи*. Тамъ есть и другой садъ, фруктовый, съ прекрасными оранжереями (въ началѣ текущаго столѣтія въ немъ ежегодно продавалось фруктовъ на 8 тысячъ рублей). Зелень въ саду подобрана съ особымъ искусствомъ; въ одной изъ аллей есть скромная бесѣдка, называемая *Кантемировою*. Тамъ нѣсколько бесѣдокъ устроены въ такомъ видѣ, что пріѣзжавшіе туда для гулянья могли располагаться въ нихъ даже нѣкоторымъ хозяйствомъ; при каждой изъ нихъ находилась небольшая кухня. Лучшая изъ бесѣдокъ въ Царицынѣ есть *Миловида*, она стоитъ на горѣ и будто царствуетъ надъ всею тамошнею мѣстностію; сквозная арка ея, составляющая залу, украшена разными мраморными бюстами. *Миловидою* назвала ее сама Екатерина; есть преданіе, что императрица смотрѣла отсюда на солнечный восходъ. Дѣйствительно, видъ изъ этой бесѣдки поразительно хорошъ: полноводные пруды, масса лѣсовъ, задвигающая своими зыбкими стѣнами всю окрестность, змѣйки-дорожки, вьющіяся по саду —все это представляетъ прекрасную панораму. Кромѣ Миловиды, тамъ есть замѣчательныя, по устройству своему, бесѣдки: *Хижина* и *Езопка*, названныя такъ П. С. Валуевымъ, бывшимъ начальникомъ дворцовъ и садовъ въ Москвѣ, въ началѣ текущаго столѣтія. Онъ далъ прозвища даже многимъ дорожкамъ и аллеямъ, напримѣръ: глухую аллею назвалъ онъ *Нестровою*. Бесѣдка *Езопка* сдѣлана изъ березовыхъ бревенъ съ корою, весьма оригинально; иные, по внутренней темнотѣ ея, называли ее *разбойничимъ вертепомъ*.

Все это устроивалось постепенно, при жизни Екатерины и послѣ царствованія ея.

По смерти императрицы, до вступленія въ управленіе Царицынымъ П. С. Валуева, оно было въ забвеніи: пруды тамъ стали затягиваться тиною, дорожки поросли травою, бесѣдки мохомъ, все опустѣло и какъ бы пріуныло; но при этомъ новомъ начальникѣ, оно опять явилось въ полномъ блескѣ оригинальной красоты своей [3]). П. С. живалъ въ Царицынѣ лѣтомъ съ своимъ семействомъ и неоднократно угощалъ тамъ бывшаго главнокомандующаго Москвы Ал. Андр. Беклешова сельскимъ обѣдомъ и пріятною прогулкою; чтимый гость ѣзжалъ отъ самаго дома, занимаемаго Валуевымъ, въ садъ, на разукрашенной шлюбкѣ. Его сопровождали другія шлюбки съ музыкантами, пѣсенниками и гребцами-молодцами [4]). Тутъ живалъ и помощникъ Валуева, кн. Грузинскій. По праздникамъ туда съѣзжалось множество московскихъ жителей, особенно купцовъ, изъ замоскворѣцкихъ гнѣздъ своихъ; тамъ, въ разныхъ мѣстахъ сада, расположена была музыка. Тамъ появились опять дивертисеманы, но не искуственные, каковые бываютъ на театральныхъ подмосткахъ, а настоящіе — составленные изъ поселянъ обоего пола, собиравшихся туда въ свободные гулевые дни изъ всѣхъ окрестныхъ деревень. Крестьяне веселыми группами расхаживали по саду и пѣли раздольныя русскія пѣсни, но не подъ фырканье нынѣшней *гармоники:* тогда лихой запѣвало, въ шапкѣ, козыремъ вскинутой на одно ухо, выщипывалъ струнки на балалайкѣ, съ посвистомъ, съ подтопываніемъ, съ присядкою и подсадкою. На тамошнихъ лугахъ составлялись и хороводы, но не такіе, какіе бываютъ нынѣ въ подмосковныхъ деревняхъ, гдѣ парни и игрицы только кружатся, чуть шевелясь на одномъ мѣстѣ и поютъ горлодерныя пѣсни; нѣтъ, прежніе старинные хороводы сопровождались соотвѣтствующими имъ играми, въ которыхъ есть своя идея, представляющая бытъ нашихъ поселянъ:

....

[2]) Одна изъ нихъ, роскошная, выстроена на мѣстѣ разобранныхъ Кантемировыхъ хоромъ.

[3]) Въ началѣ текущаго столѣтія.

[4]) Тогда начальники Москвы живали лѣтомъ въ Петровскомъ дворцѣ и въ Коломенскомъ.

ихъ радости и горе, ихъ красные и черные дни во всѣхъ періодахъ жизни....

Въ то время, славившійся своимъ кулинарнымъ искуствомъ, французъ Лекень, открылъ въ Царицынѣ ресторацію; тамъ былъ и русскій трактиръ, помѣщавшійся въ одной изъ дворцовыхъ развалинъ.

Въ настоящее время Царицыно сблизилось, почти сплотилась съ Москвою, благодаря желѣзной дорогѣ; современный бытъ его и обстановку можетъ видѣть всякій желающій и сравнить его съ историческимъ прошедшимъ. Иной вѣкъ, иные нравы....

С. Любецкій.

Крымскія впечатлѣнія.

I

Недолго я твоихъ небесъ
Блистаньемъ синимъ любовался...

Вы непремѣнно хотите, чтобъ я разсказалъ вамъ свои крымскія впечатлѣнія. Позвольте ужъ въ такомъ случаѣ не стѣсняться и начать съ конца. Я вернулся изъ Крыма 31 октября, и знаете ли, что̀ меня всего сильнѣе поразило въ Петербургѣ, что̀ наводило на меня каждый день тоску, и къ чему я не привыкъ вполнѣ и до сихъ поръ? На меня самое жуткое впечатлѣніе сдѣлала та темнота, тѣ непрерывные потемки, въ которые я попалъ и которые —увы!—не проходятъ до сихъ поръ.

Какъ мало свѣта! Какое скупое, тощее, тусклое освѣщеніе всѣхъ предметовъ! Это не день, а сумерки — дня въ Петербургѣ теперь не бываетъ и долго еще не будетъ. Но объ этомъ никто здѣсь и не догадывается, и люди живутъ и двигаются, не замѣчая, что они лишены величайшаго наслажденія—дневнаго свѣта.

Вотъ я въ полдень выхожу изъ дому и иду мимо Царицына Луга. Какой-то шумъ и крики—это кавалерійскій смотръ. Какіе удивительные кони! И сколько ихъ! Какъ выхолены, какъ лоснится шерсть на нихъ! А что за молодцы на нихъ сидятъ, на подборъ, одинъ лучше другого! Мѣдные нагрудники чисты какъ стекло, вся эта масса людей и лошадей доведена до невѣроятнаго однообразія, такъ чисто отдѣлана и отшлифована, смыкается въ такія правильныя массы, движется такъ стройно.

И что же? Все это великолѣпіе подернуто туманомъ; я не могу хорошенько разглядѣть дальнихъ рядовъ. Блестящій золотомъ генералъ видѣнъ мнѣ какъ тусклая фигура, и голоса команды глухо обрываются въ сыромъ воздухѣ. Съ тоской отворачиваюсь и иду дальше.

Кажется, солнце? Какъ я обрадовался! Да, да, вонъ видны ярко освѣщенныя края высокихъ облаковъ; нижніе облака проносятся, видна часть неба, а вотъ часть Михайловскаго замка освѣтилась лучами солнца. Боже мой! какое разочарованіе! Свѣту все-таки нѣтъ. Въ полдень здѣсь солнце свѣтитъ такъ, какъ оно тамъ свѣтитъ при самомъ заходѣ, когда край его уже опустился за горы и день скоро погаснетъ. Эти сумерки въ полдень были невыразимо непріятны—и я нисколько не жалѣю, что солнце опять скрылось.

Иду на Невскій. Какіе воротники, бакенбарды! Нагло и самодовольно блистаютъ глаза; съ великой гордостію несутъ на себѣ гуляющіе свои безукоризненныя шляпы и щегольскія пальто. Посмотрите на катающихся: экипажи блестятъ, какъ будто выѣхали на Невскій прямо изъ сарая каретнаго мастера; развалившіеся дамы и кавалеры разодѣты такъ, какъ будто съ нихъ тотчасъ станутъ снимать модныя картинки; кучера имѣютъ совершенно непонятную толщину и бородатость, и каждый правитъ чудесными конями съ такимъ же величіемъ, какъ будто онъ Зевесъ, управляющій міромъ; словомъ, все такъ неестественно, поднято на такія ходули, доведено до такой фантастичности лоска и красокъ, что все вмѣстѣ могло бы представить картину очень занимательную, очень пеструю и блестящую.

Но что же они дѣлаютъ, несчастные? Всѣ они думаютъ только о томъ, чтобы блистать; какъ же они не замѣчаютъ, что блистать въ этомъ сумракѣ рѣшительно невозможно? Они явились сюда, чтобы себя показать и другихъ посмотрѣть; какъ же не беретъ ихъ досада на то, что въ двадцати шагахъ уже ничего разсмотрѣть нельзя, что Невскій подобенъ въ настоящую минуту рѣкѣ сѣрожелтаго, грязнаго тумана, по дну которой они изволятъ ходить и ѣздить, прибавляя къ этому туману паръ своего дыханія и пота своихъ лошадей? Какая грязь на землѣ и въ воздухѣ! Какъ тускло сіяетъ весь этотъ лакъ, шолкъ, золото и шерсть! Въ пяти шагахъ вамъ нужно уже догадываться, что передъ вами нѣчто блистательное.

О, тутъ я понялъ, что̀ собственно нравится этимъ господамъ и госпожамъ, какія извращенныя чувства наполняютъ сердца ихъ заботами и волненіями. Они не о блескѣ хлопочутъ, т. е. не о настоящемъ блескѣ—не о томъ, который созданъ Богомъ и источникъ котораго есть солнце; они жаждутъ искуственнаго сіянія—того блеска, который создается людьми и находится въ ихъ распоряженіи. Требуется не удовлетворенія для глазъ, для настоящихъ глазъ дающихъ намъ радость свѣта и зрѣнія, а нужно поражать и насыщать внутреннее око ихъ душъ, т. е. тщеславіе, которымъ они все измѣряютъ и на основаніи котораго они судятъ о величинѣ и красотѣ предметовъ. Петербургъ вообще есть городъ субъективный, фантастическій, гдѣ настоящая жизнь, настоящая природа не имѣетъ никакого значенія,— гдѣ люди все создаютъ изъ себя, живутъ своими внутренними ощущеніями и мыслями, и не хотятъ знать дѣйствительности.

Не мудрено: свѣту мало!

Ночь въ Петербургѣ лучше. По крайней мѣрѣ не видишь, что темно, — т. е. я хотѣлъ сказать, ночью уже не смотришь и ничего не ищешь глазами, поэтому не замѣчаешь отсутствія звѣздъ, луны, того очарованія, которое имѣетъ въ южной ночи всякій лучъ свѣта, какъ бы онъ слабъ ни былъ. По крайней мѣрѣ темнота въ Петербургѣ настоящая, т. е. черная. Вотъ какой-то праздникъ—и зажгли иллюминацію. Да, это не дурно! Въ первый разъ тоскующіе глаза мои испытали нѣкоторое наслажденіе, доставляемое свѣтомъ. Горящій газъ даетъ очень красивый свѣтъ; особенно хороши его полосы по линіямъ оконъ и арокъ. Идя мимо Штанге и Кумберга, уставившихъ свои громадныя окна сплошь зажженными лампами, я живо почувствовалъ, что̀ значитъ для петербуржцевъ яркое и красивое вечернее освѣщеніе. Петербургъ живетъ собственно зимою и ночью. Тутъ-то онъ развертываетъ свой настоящій блескъ, тутъ получаетъ настоя-

щее свое значеніе все то, что не имѣетъ смысла при дневномъ свѣтѣ и что въ немъ не нуждается. Комнаты сухи, теплы, богато убраны и ярко освѣщены; вотъ настоящій часъ и мѣсто жизни петербуржцевъ. Что имъ за дѣло до солнца и природы? Весь міръ для нихъ не существуетъ —и всѣ эти степи, рѣки, моря совершенно естественно кажутся имъ излишнимъ украшеніемъ міра, безъ котораго они могутъ прожить самымъ благополучнымъ образомъ. Тутъ развиваются иныя страсти и наполняютъ душу другія желанія...

Не бойтесь однакоже! Я не буду увлекаться этими широкими темами, и оставлю про себя дальнѣйшія нравоученія и соображенія, которыя приходятъ мнѣ теперь на мысли. Вамъ я хотѣлъ сказать только одно: главнѣйшая прелесть южныхъ странъ заключается, по моему мнѣнію, именно въ обиліи свѣта и въ чистотѣ воздуха, въ силу которой тамъ можно видѣть ясно и далеко. Изъ поѣздки въ Крымъ я вынесъ то-же впечатлѣніе въ сильнѣйшей степени.

Что такое прекрасный видъ? Форма и цвѣтъ — суть два существенныя качества видимыхъ вещей. О формѣ и порядкѣ вещей я не стану говорить; это предметъ важный. Но что касается до цвѣта, то можно вообще сказать, что цвѣтъ какихъ-бы то ни было предметовъ всегда бываетъ прекрасный, когда мы видимъ ихъ издали. Давно замѣчено, что нашъ подлунный міръ раскрашенъ очень недурно: напримѣръ, небо голубое, трава и листья зеленые. Я хочу прибавить къ этому, что, по свойству воздуха, всѣ предметы, видимые на очень далекомъ разстояніи, получаютъ цвѣтъ необыкновенно пріятный для глазъ. Какого-бы цвѣта ни была гора (хотя-бы *табачнаго*, который Карлейлемъ считается хуже всѣхъ другихъ), цвѣтъ этотъ становится тѣмъ мягче, тѣмъ больше ласкаетъ глаза, чѣмъ дальше мы отойдемъ отъ горы. При очень ясномъ освѣщеніи и при чистомъ воздухѣ большія горы можно видѣть очень издалека, и тогда онѣ являются въ окраскѣ невыразимо очаровательной. Цвѣтъ ихъ въ одно время и нѣженъ и совершенно ясенъ, такъ что, наконецъ, они кажутся вамъ громадами подкрашеннаго стекла, или кованнаго серебра. И въ этомъ, по моему, заключается одна изъ главныхъ прелестей большихъ горъ.

Что касается до луны и звѣздъ, то всѣ согласны, что они свѣтятъ очень красиво (и все, конечно, благодаря ихъ большому разстоянію); въ южныхъ странахъ свѣтъ этотъ имѣетъ бо̀льшую силу и бо̀льшую ясность. Луна тамъ дѣйствительно *золотая* и звѣзды тоже *золотыя* —выраженія очень неправильно употребляемыя иногда относительно петербургской луны и петербургской звѣзды. Здѣсь въ Петербургѣ луна и звѣзды имѣютъ бѣловатый, лазурный, ледяной оттѣнокъ; звѣзды здѣсь не свѣтятъ золотомъ, а мерцаютъ льдомъ и всего скорѣе похожи на сверкающія снѣжинки, которыхъ никто не называетъ золотыми.

И вотъ, я прожилъ мѣсяцъ въ этой чудесной сторонѣ, гдѣ каждый взглядъ обнимаетъ далекіе предметы, гдѣ стоятъ горы, гдѣ движется море, гдѣ днемъ все залито яркимъ солнцемъ, а ночью по небу ходитъ золотая луна и золотыя звѣзды, гдѣ все такъ чисто, такъ ясно и отчетливо рисуется въ глазахъ, гдѣ видѣть и дышать — наслажденіе. Подъ конецъ я началъ привыкать ко всей этой прелести и, бродя по крутымъ тропинкамъ, начиналъ укорять себя въ разсѣянности; какъ это я забылъ, думалъ я, взглянуть на горы или на море въ этомъ уголку, куда я зашелъ въ первый разъ?

Я только-что начиналъ привыкать, какъ пришлось уѣхать. Ѣхалъ я десять дней, но дорогой, среди хлопотъ и думъ, я не испыталъ живаго чувства перемѣны. Когда же я пріѣхалъ сюда, когда все улеглось, и потекли равномѣрно сумрачные дни и тусклыя ночи, безъ ясныхъ зорь, безъ яркаго солнца, безъ всякого простора, по которому можно было-бы простирать взглядъ, безъ всякой краски, могущей потѣшить глазъ,—тогда мнѣ стало очень жутко.

II.

Знаете-ли вы, что такое «южный берегъ Крыма»? Если вы воображаете только, что это *берегъ*, т. е. граница, на которой открывается море со всею его чудесною жизнью, и что этотъ берегъ находится *на югѣ*, на самомъ южномъ, слѣдовательно на самомъ свѣтломъ и тепломъ краю Крыма,—то вы все-таки не имѣете никакого понятія объ этомъ удивительномъ мѣстѣ. «Южный берегъ» — мѣсто совершенно особенное; его очарованія зависятъ отъ совершенно исключительныхъ условій, въ которыхъ тамъ дѣйствуетъ свѣтъ, воздухъ и вода.

Все дѣло въ расположеніи горныхъ массъ. Представьте себѣ, что на берегу, который идетъ отъ востока къ западу, на самой линіи берега, граничащей съ моремъ, стоятъ непрерывнымъ хребтомъ горы вышиною въ три, въ четыре тысячи футовъ. Къ сѣверу, т. е. къ сушѣ, эти горы имѣютъ склонъ очень покатый, даютъ постепенно понижающіеся отроги. Но къ югу, т. е. къ морю, хребетъ обрывается почти вертикально, образуетъ не склонъ, а стѣну изъ сплошныхъ скалъ, до того близкихъ къ отвѣсному положенію, что на нихъ не можетъ удержаться ни горсти земли, не можетъ застрянуть и прорости никакое сѣмя, и потому нѣтъ никакой растительности. Голыя отвислыя скалы въ нѣсколько тысячъ футовъ! Если бы вы знали, какъ это красиво! Какая легкость, какой полетъ къ верху въ этихъ каменныхъ массахъ!

Если бы эта стѣна скалъ была открыта до самаго подножія и опускалась бы своимъ подножіемъ въ море, то и видѣть ее можно было-бы развѣ только съ корабля; тогда на южный берегъ было бы невозможно войти—и собственно не было бы того, что мы называемъ теперь «южнымъ берегомъ». Вѣроятно, такъ и было когда-то, или по крайней мѣрѣ дѣло когда-то было ближе къ такому положенію, чѣмъ теперь.

Но представьте себѣ, что стѣна скалъ понемногу осыпалась и кое-гдѣ разрушилась. Острые края по мѣстамъ оборвались, откололись громадные вертикальные пласты, съ грохотомъ упали къ подножію и разбились на части; вода, просачиваясь и размывая, раздробила ихъ еще больше и обратила наконецъ въ песокъ и глину. Такимъ образомъ, подножіе стѣны было закрыто ея обломками, образовалась насыпь, которая отдѣлила собою стѣну отъ моря. Насыпь эта представляетъ узкую полосу земли, круто спускающуюся къ морю, и на верху, у стѣны, усѣянную крупными оборвавшимися камнями, а чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе мягкую, и наконецъ состоящую изъ совершенно мелкихъ частицъ. На этой узкой полосѣ уже могли укрѣпиться растенія; она роскошно покрыта травами и деревьями, и она-то и есть «южный берегъ Крыма».

Теперь сообразите, въ какихъ благопріятныхъ условіяхъ находится эта полоса относительно свѣта и тепла. Съ сѣвера она отрѣзана и защищена своею громадною стѣною. Слѣдовательно, ея температура зависитъ только отъ тѣхъ вліяній, которыя идутъ съ юга. А съ юга у ней солнце и море. Если свѣтлый день, то для южнаго берега не пропадаетъ ни одного луча солнца, которое

весь свой путь проходитъ надъ открытымъ моремъ—и все тепло, приносимое этими лучами, сохраняется подъ защитою каменной ограды. Но еще важнѣе то, что воздухъ этой узкой полоски въ своей влажности и своемъ теплѣ вполнѣ зависятъ отъ моря, отъ этой громадной массы воды, которая зимою грѣетъ, а лѣтомъ холодитъ. Воздухъ тутъ болѣе морской, чѣмъ на всякомъ другомъ морскомъ берегу. Такъ какъ море на значительныхъ разстояніяхъ сохраняетъ одинаковую температуру, то безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что это тотъ же воздухъ какъ въ Константинополѣ или въ Малой Азіи—и даже еще лучшій, потому что холодные потоки воздуха, все-таки достигающіе сѣверныхъ береговъ Малой Азіи, едва-ли попадаютъ на нашъ «южный берегъ»; переносясь черезъ стѣну его скалъ, они должны пролетать *надъ* нимъ.

Вотъ какой это удивительный уголокъ; вотъ отчего зависитъ равность его климата и растительности. Между «южнымъ берегомъ» и остальнымъ Крымомъ разница громадная — можно даже точно опредѣлить — такая же какъ между Петербургомъ и Крымомъ. Если не ошибаюсь, цифры говорятъ слѣдующее: въ Петербургѣ средняя температура года $3^1/_2$° по Реомюру; въ Симферополѣ, т. е. въ самомъ Крыму, въ двухъ-трехъ десяткахъ верстъ отъ Южнаго Берега — 7°; на Южномъ Берегу $10^1/_2$°. Слѣдовательно, если мы переѣдемъ изъ Петербурга въ Симферополь, перемѣна въ климатѣ будетъ точно такая же, какъ если переѣдемъ изъ Симферополя на Южный берегъ.

И такъ Южный Берегъ — это уголокъ другаго міра, полоска жаркаго климата, занесенная въ климатъ умѣренный,—оазисъ тепла и пышной растительности, окруженный природою гораздо менѣе роскошною, сравнительно—даже суровою. Была минута, когда я это не только понялъ и почувствовалъ, а увидѣлъ такъ же ясно, какъ на такой географической картѣ, на которой климаты были-бы обозначены разными красками. 21-го октября, я простился наконецъ съ моими чудесными хозяевами. Когда я поднялся до Байдарскихъ Воротъ, т. е. до того пролома въ стѣнѣ, черезъ который сообщается Южный Берегъ съ остальнымъ Крымомъ,—я велѣлъ ямщику остановиться и сошелъ съ тележки. Тутъ, со стѣны, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ открывались двѣ картины. Съ одной стороны былъ Южный Берегъ, еще весь зеленый, покрытый деревьями, на которыхъ едва начали желтѣть листья. Я зналъ, что тамъ еще цвѣтутъ розы и только-что распустились многіе осенніе цвѣты. Съ другой стороны была Байдарская долина, одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ Крыма, еще недавно походившая на огромный садъ, разбитый въ живописной гористой мѣстности. Теперь эта долина открывалась мнѣ голая и печальная. Деревья стояли безъ листьевъ, и дулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Пока я ѣхалъ отъ Байдаръ до Балаклавы, наступила ночь, и я увидѣлъ «большую медвѣдицу», созвѣздіе, котораго за стѣною горъ не видалъ все время, проведенное мною на Южномъ Берегу. Даже и въ этомъ отношеніи можно было сказать, что надо мною уже были *другія небеса*.

Вслѣдствіе того устройства, которое я описалъ, Южный Берегъ имѣетъ какой-то особенный, свѣтлый, праздничный характеръ. Тамъ все обращено къ югу, все смотритъ на югъ, все стремится къ югу. Деревья, какъ извѣстно, вездѣ даютъ на югъ больше листьевъ и вѣтвей; но на Южномъ Берегу нѣчто подобное происходитъ и съ домами и съ людьми. Всѣ фасады домовъ обращены на югъ. Небольшіе домики и хижины татаръ обыкновенно строются даже такъ, что сзади, т. е. на сѣверъ, у нихъ нѣтъ оконъ. Такъ какъ вся мѣстность представляетъ крутой скатъ къ морю, то задняя стѣна домовъ часто до верху врѣзывается въ землю, а если и подымается надъ землею, то въ ней все-таки не дѣлается оконъ; эти окна не давали бы ни свѣта, ни вида.

Какъ дома и деревья, такъ люди здѣсь постоянно обращены лицомъ на югъ. На югѣ — далеко открывающійся видъ, просторъ, всегда притягивающій къ себѣ человѣческіе глаза; на югѣ — вѣчно ходятъ корабли, вѣчная дѣятельность человѣка, невольно приковывающая вниманіе жителя пустыни; на югѣ — море, съ его бурунами и прозрачными волнами, въ которыхъ можно купаться; на югѣ — виноградники и смоковницы и цвѣты; чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ меньше камней, тѣмъ мягче почва, тѣмъ укромнѣе, теплѣе, живописнѣе уголки, тѣмъ успѣшнѣе ростутъ всякія благодатныя травы и деревья. И вотъ почему всѣ лица обращены на югъ.

А какой воздухъ! Въ немъ нѣтъ избытка ни влажности, ни сухости, и не слыхать смѣшенія токовъ разнаго свойства. Октябрь стоялъ чудесный. Днемъ термометръ показывалъ 15, 16 градусовъ. Въ сумерки, пока еще можно было видѣть, я подходилъ къ термометру, повѣшенному на сучокъ кипариса, и находилъ 13 градусовъ. И вотъ, что меня восхищало безъ мѣры: въ какой-бы часъ ночи я потомъ ни подходилъ къ термометру, при огнѣ спички я всегда находилъ все также 13 градусовъ. Такъ продолжалось весь мѣсяцъ, почти безъ исключенія! Эти теплыя темныя ночи представляли прелесть невообразимую. Ни тѣни сырости, ни единой холодной струйки въ воздухѣ! Броди по саду, сколько хочешь; трава также суха, какъ днемъ; садись, куда попало, на сухую землю.

Всѣ лощинки проникнуты тепломъ; всюду такой же чистый, прозрачный, ласкающій воздухъ. Я не могъ вспомнить безъ отвращенія о сырыхъ петербургскихъ ночахъ, сырыхъ даже въ самые ясные и длинные іюльскія дни, о петербургскихъ зефирахъ всегда подбитыхъ холодкомъ. На Южномъ Берегу мнѣ было раздолье. Много часовъ и въ лунныя и въ безлунныя ночи я проброднлъ по огромному, старинному, заросшему саду Мшатки. Тишина, пустыня. Садъ спускается къ самому морю, которое одно шумитъ, не умолкая—ни днемъ, ни ночью. Безмолвно стоятъ громады горъ. Изрѣдка звонко раздастся стрекотанье кузнечиковъ или залепечутъ листья.

Часу въ десятомъ (мы ложились обыкновенно въ десять часовъ) я взбирался, наконецъ, къ освѣщенному домику, гдѣ въ комнатѣ съ настежъ-отворенными окнами ждали меня ужинать. Однажды, когда я пытался выразить все удовольствіе, которое испытываю, мой милый хозяинъ замѣтилъ:

«Какъ вы *подробно* восхищаетесь!»

Это мнѣ очень понравилось; я дѣйствительно подробно восхищался Южнымъ Берегомъ—и нахожу, что онъ вполнѣ достоинъ такого восхищенія.

Н. Страховъ.

20 ноября 1869 года.

(Продолженіе будетъ.)

О пищѣ и пищевареніи

съ медицинской и естественно-научной точки зрѣнія.

«Дѣятельность человѣка зависитъ единственно отъ порядочности въ употребленіи пищи». Это повидимому столь простое, основное положеніе естествознанія сосредоточиваетъ въ себѣ множество любопытныхъ и весьма важныхъ свѣденій, которыя мы изложимъ нашимъ читателямъ въ цѣломъ рядѣ статей.

Всѣмъ извѣстно, что питательныя вещества пріемлются ртомъ, пережевываются, и вводятся въ желудокъ посредствомъ глотанія. Затѣмъ, пища эта, какъ въ желудкѣ, такъ и въ кишечномъ каналѣ, переваривается, т. е. сначала становится жидкою и растворяется въ пищеварительныхъ сокахъ, а потомъ уже всасывается стѣнками органовъ пищеваренія, поступаетъ въ кровь и вмѣстѣ съ послѣднею проникаетъ въ ткани. Такимъ образомъ, пищевареніе, претвореніе въ кровь и образованіе тканей составляютъ три главные момента питанія.

Какъ же велико потребное тѣлу количество пищи? Такъ какъ вещество нашего тѣла расходуется въ весьма различной степени, смотря по большей или меньшей дѣятельности, а также по возрасту и величинѣ особей, то и правила относительно потребнаго количества пищи могутъ быть изложены лишь въ общихъ чертахъ.

Для здоровыхъ вѣрнѣйшимъ масштабомъ все таки служитъ ощущеніе сытости; впрочемъ надо имѣть въ виду, что оно въ значительной степени обусловливается привычкой.

Нерѣдко случается, что и въ пожилыхъ лѣтахъ количество пищи, потребное для насыщенія, остается тоже самое, къ которому привыкли смолоду. Но дѣйствительная потребность питанія въ зрѣломъ возрастѣ значительно менѣе, нежели въ юности, когда ростъ тѣла обусловливаетъ большій расходъ вещества. Такъ точно, люди въ теченіи многихъ лѣтъ привыкшіе къ работѣ, къ сильному труду, и впослѣдствіи предавшіеся менѣе дѣятельной жизни, все таки не уменьшаютъ количества своей пищи, потому что въ нихъ чувство насыщенія производится лишь обычнымъ ея количествомъ. Все это связуется тѣмъ, что чувство насыщенія зависитъ не только отъ удовлетворенія потребности въ пищѣ, но и отъ мѣстныхъ условій, въ которыхъ находятся желудокъ и его нервы. Если у животнаго перерѣзать нервъ десятой пары, идущій отъ головнаго мозга и дающій вѣтви къ желудку, то оно теряетъ всякое чувство насыщенія, — ѣстъ до тѣхъ поръ, пока съѣденное снова не возвратится въ глотку, и тутъ еще не перестаетъ ѣсть. Напротивъ того, употребленіемъ наркотическихъ веществъ, какъ напр. куреніемъ табаку, вызывается ощущеніе сытости, хотя при этомъ вовсе нѣтъ дѣйствительнаго удовлетворенія голода принятіемъ пищи.

Съ другой стороны, ежедневный опытъ показываетъ, что и механическія условія, въ которыхъ находится желудокъ, также вліяютъ на чувство насыщенія. Наполненіемъ желудка пищею, давленіемъ, производимымъ ею на желудочные нервы, также вызывается въ насъ ощущеніе сытости; поэтому объемистая, неудобоваримая пища, долго остающаяся въ желудкѣ и производящая на стѣнки его вышеупомянутое давленіе, весьма скоро насыщаетъ насъ, хотя бы она и не особенно споспѣшествовала дѣйствительному удовлетворенію потребности питанія. Есть народы, которымъ окружающая природа, какъ злая мачиха, отказала почти во всемъ, что употребляется въ пищу остальнымъ человѣчествомъ; мучимые голодомъ, они прибѣгаютъ къ сырой землѣ, наполняютъ ею свой желудокъ и чувствуютъ себя сытыми—покрайней мѣрѣ не на долго. Тоже самое встрѣчалось и у другихъ народовъ въ голодные, неурожайные годы.

Внутреннее давленіе, производимое пищею, можетъ быть замѣнено внѣшнимъ; голодные не напрасно стягиваютъ себѣ покрѣпче кушаки. Отчего такъ трудно насытить желудокъ, расширенный вслѣдствіе долговременнаго, непрерывнаго и чрезмѣрнаго наполненія пищей. Оттого что въ обширной полости его помѣщается весьма значительное количество питательныхъ веществъ, не производя упомянутаго давленія.

Чрезмѣрное питаніе влечетъ за собою и кромѣ того много вредныхъ послѣдствій – отчасти для желудка, отчасти же и въ отношеніи общаго состоянія тѣла. Первое случается, если въ желудокъ быстро и за разъ вводится питательныхъ веществъ болѣе, нежели можетъ быть переработано пищеварительными соками; при этомъ въ стѣнкахъ желудка происходятъ чрезмѣрное раздраженіе и приливъ крови, отдѣленіе желудочнаго сока и всасываніе перевариваемаго прекращаются, желудочный сокъ химически измѣняется и образуетъ изъ питательныхъ веществъ необычные продукты разложенія. Изъ веществъ, содержащихъ крахмалъ и сахаръ, въ желудкѣ развиваются кислоты: молочная, масляная и уксусная; онѣ производятъ непріятное ощущеніе, и, поднимаясь въ глотку, причиняютъ извѣстную изжогу. Изъ бѣлковинныхъ веществъ образуются гнилостные продукты разложенія, большею частію вмѣстѣ съ газами, которые, поднимаясь вмѣстѣ съ кислотами, производятъ во рту запахъ и вкусъ гнилыхъ яицъ; языкъ бѣлѣетъ; наступаетъ рвота и діаррея. Прибавимъ къ тому гнетущее стѣсненіе желудка, головную боль, упадокъ духа, дѣлающій насъ неспособными къ работѣ и мышленію, наконецъ полную потерю аппетита — и вотъ картина мало-отличающаяся отъ тяжелаго похмѣлья. Не берусь рѣшать, познаются-ли въ этомъ (какъ поетъ Бюргеръ о попойкѣ) свойства добраго молодца; во всякомъ случаѣ, гораздо легче найдти человѣка, небывавшаго ни на одной попойкѣ, нежели такого, что ни разу не обременялъ себѣ желудка. Этого-то ужъ никакъ не допустятъ праздничные пиры, особенно у нѣкоторыхъ народовъ.

Малабарцы судятъ о роскоши пира по числу лицъ, умершихъ отъ разстройства желудка послѣ столованія. Не всякій можетъ, подобно Милону Кротонскому, ежедневно убивать кулакомъ быка и затѣмъ съѣдать его дочиста втеченіи дня. Къ счастію, за такой переходъ естественныхъ границъ лишь немногіе расплачивались жизнью: смерть отъ обремененія желудка весьма рѣдко была наблюдаема—и то лишь въ такомъ случаѣ, когда нѣкоторыя части желудка вслѣдствіе предшествовавшихъ недуговъ были уже предрасположены къ разрушенію. Такъ, напр., переполненный желудокъ—въ силу собственной тяжести—отрывался отъ пищевода, или въ стѣнкахъ самого желудка отъ чрезмѣрнаго расширенія происходилъ разрывъ; сильный, непрерывный потокъ крови и содержимаго въ желудкѣ стремился черезъ отверстіе раны въ брюшную

полость,—и скоро внутреннее кровоистеченіе, или воспаленіе брюшной полости, причиненное выступившими комками пищи, обусловливало смертельный исходъ ужасныхъ страданій бѣдной жертвы. Подобною смертью умеръ одинъ голландскій офицеръ, имѣвшій похвальную привычку—по нѣскольку разъ въ день обѣдать. Не даромъ онъ въ юные годы изучалъ римскую исторію: достославный примѣръ императора Вителлія научилъ его—тотчасъ послѣ обѣда принимать рвотное и такимъ образомъ опрастывать мѣсто для вторичной трапезы. Въ одинъ прекрасный день, послѣ перваго пріема рвотнаго, онъ вдругъ чувствуетъ боль въ полости сердца, блѣднѣетъ, падаетъ, и—то былъ его послѣдній обѣдъ.

Менѣе ужасны послѣдствія черезъ-чуръ обильнаго питанія, если большія количества пищи принимаются исподволь и черезъ долгіе промежутки времени. Пищевареніе при этомъ мало страдаетъ; но кровотвореніе и питаніе тѣла измѣняются. Питаніе тѣла становится чрезмѣрнымъ—въ особенности образованіе новыхъ клѣточекъ въ ткани жировой клѣтчатки; происходитъ отучненіе всего тѣла; являются признаки полнокровія; переполненная питательными веществами кровь и преобладающій въ тканяхъ жиръ подавляютъ всякое развитіе тѣлесныхъ силъ и дѣятельности: особенно вяло функціонируютъ мускулы и нервы. Значительные умственные труды издревле совершались съ успѣхомъ лишь при умѣренной діетѣ. Глубокомысліе и тучность рѣдко уживаются вмѣстѣ. Когда у знаменитаго англійскаго философа Юма спросили, отчего онъ пересталъ писать, тотъ отвѣчалъ: «я слишкомъ ожирѣлъ.» Ньютонъ, занимаясь своими знаменитыми изслѣдованіями касательно тяготѣнія и свѣта, за все это время питался одними сухарями и небольшимъ количествомъ сладкаго вина. Никто не славился такой дивною памятью, какъ италіянецъ Magliabecchi; обычный обѣдъ его состоялъ изъ трехъ круто-сваренныхъ яицъ и глотка воды. Чрезмѣрное питаніе отягощаетъ голову; являются волненія крови, приливы къ мозгу и къ легкимъ—и эти накопленія крови могутъ легко повести къ опаснымъ разрывамъ сосудовъ и кровоизліяніямъ. Параличъ, подобно Дамоклову мечу, постоянно виситъ надъ полнокровной головой. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ явленій по большей части замѣчаются сильныя накопленія и сгустки крови въ брюшной полости; вѣтви воротной вены переполняются избыткомъ раствора переваренныхъ питательныхъ веществъ, всасываемыхъ ими изъ кишечнаго канала; сѣть кровеносныхъ сосудовъ прямой кишки сильно развивается и причиняетъ геморрой; наконецъ, нерѣдко дѣло доходитъ до подагрическихъ припадковъ.

Всѣ эти разнообразныя уклоненія особенно рѣзко проявляются при непомѣрномъ употребленіи въ пищу азотистыхъ веществъ. Если же, напротивъ того, обильные пріемы пищи ограничиваются веществами, содержащими преимущественно углеродъ, то прежде всего и въ сильнѣйшей степени возбуждается отложеніе жира, между тѣмъ какъ прочія ткани — особенно мускульная и нервная — отстаютъ въ своемъ развитіи; особи жирѣютъ и становятся пухлыми. Разсказываютъ объ одномъ англичанинѣ, который, на 29 году отъ роду, былъ до того тученъ, что его жилетъ застегивался вокругъ семерыхъ взрослыхъ людей за разъ. Еще толще была властительница Сеннаара въ Нубіи; по свидѣтельству путешественника Брюса, эта колоссальная негритянка была шести футовъ ростомъ и такъ толста, что ему не случалось видать большихъ размѣровъ въ обхватѣ ни у какихъ существъ, кромѣ слоновъ и носороговъ. При такой тучности отлагается и во внутреннихъ органахъ (особенно въ сердцѣ и въ печени) необычайное количество жиру—и это можетъ повлечь за собою весьма важныя, даже смертью грозящія послѣдствія. Обремененія желудка безазотистыми веществами также весьма опасны при злоупотребленіи спиртными напитками, ибо послѣдніе отнимаютъ кислородъ у веществъ богатыхъ углеродомъ; при этомъ не только уже введенныя въ тѣло жирныя вещества остаются безъ измѣненія, но часто изъ веществъ безазотистыхъ—именно изъ сахара и крахмала—образуется жиръ. Опыты Либиха показали, что въ животныхъ, которымъ вовсе не давали жиру, кормя ихъ исключительно крахмальною пищей, но въ избыткѣ,—подъ конецъ все-таки отлагалось необычайно-большое количество жиру. Это подтверждается и ежедневнымъ опытомъ при откармливаніи свиней и гусей. Пчелы, кормимыя однимъ сахаромъ, выдѣляютъ воскъ—также вещество жировидное. Можно искуственно, внѣ организма, посредствомъ гніющихъ органическихъ веществъ превратить сахаръ въ жирныя кислоты.

Слишкомъ уже часто приходится слышать, что тучность и толстота восхваляются, какъ признаки необыкновеннаго, превосходнаго здоровья, между тѣмъ какъ это—болѣзненное, неестественное состояніе. Какъ сильно грѣшатъ матери противъ дѣтей своихъ, пичкая ихъ безъ мѣры! Онѣ разстроиваютъ пищевареніе и душатъ жиромъ тѣлесныя силы. Спартанцы немного давали ѣсть своимъ дѣтямъ—за то изъ нихъ и выходили спартанцы. Филопоменъ, дабы укрѣпить свою власть надъ спартанцами, заставилъ ихъ отказаться отъ прежняго способа выкормки дѣтей, «ибо—говоритъ Плутархъ — онъ хорошо зналъ, что иначе они всегда сохранятъ величіе духа и возвышенность чувствъ». У Циммермана, относительно вліянія пищи встрѣчается еще два примѣра, которые мы приводимъ здѣсь ради курьоза.

Именно: одинъ слѣпецъ могъ натощакъ распознавать цвѣта осязаніемъ, но терялъ эту способность тотчасъ по наполненіи желудка; у одного мальчика вслѣдствіе голодухи (его поймали въ лѣсу) такъ сильно развилось обоняніе, что онъ отличалъ по запаху вредныя растенія отъ съѣдобныхъ,—и также, при болѣе обильномъ питаніи, утратилъ это свойство. Итакъ, непомѣрно-изобильное питаніе влечетъ за собою послѣдствія столь же вредныя, какъ и недостаточное.

Недостатокъ пищи также служитъ обильнымъ источникомъ болѣзней. Совершенное лишеніе пищи взрослый человѣкъ можетъ переносить въ теченіи 8-ми и даже до 20 дней. Приводятъ примѣры еще болѣе долгаго голоданія, но эти послѣдніе большею частію сопряжены съ умышленнымъ обманомъ: въ основаніи ихъ весьма нерѣдко лежитъ тайное соглашеніе съ поваромъ и пріемъ пищи украдкой. Слабонервныя дамы, а также ипохондрики всегда задавали задачи врачамъ; желаніе казаться интереснымъ, заставить поговорить о себѣ, прославиться, иногда спекуляція на кошельки суевѣрныхъ зрителей — подавали поводъ ко множеству врачебныхъ обмановъ. Впрочемъ, maximum срока, въ теченіи котораго можно переносить голодъ, весьма различно, смотря по лѣтамъ, полу и тѣлосложенію особей, по времени года и проч. и проч. Дѣти и старцы большею частію скорѣе умираютъ отъ недостатка пищи, нежели взрослые въ цвѣтѣ силъ. Если при голоданіи пить воду, то голодъ переносится гораздо долѣе—до 30, 40 и даже 60 дней. Явленія, сопровождающія голоданіе, извѣстны: тѣло питается на счетъ самого себя; прежде всего исчезаетъ жирная клѣтчатка, а за нею уже и другія ткани, въ которыхъ расходъ веществъ и уничтоженіе ихъ кислородомъ и тѣлесною дѣятельностью про-

должается по прежнему, между тѣмъ какъ въ замѣнъ потеряннаго ничего вновь не поступаетъ. Во Франціи производились опыты надъ животными—съ тѣмъ чтобы узнать, въ какомъ порядкѣ исчезаютъ при голоданіи различныя ткани. Заставляли голодать голубей и затѣмъ убивали ихъ по истеченіи болѣе или менѣе долгаго времени. Такимъ образомъ найдено, что, вслѣдъ за жировою клѣтчаткой, скорѣе всего убывали кости и мускулы, и что (противъ ожиданія) нѣжная, сложная, нервная ткань сохранялась долѣе всѣхъ прочихъ. Много хлопотали о томъ чтобы объяснить это послѣднее странное обстоятельство—особенно-крѣпкой связью внутреннихъ частей въ нервахъ; но все дѣло повидимому въ томъ, что нервная ткань лежитъ подъ тѣми, въ которыхъ происходитъ быстрѣйшій обмѣнъ веществъ, и потому она энергичнѣе прочихъ притягиваетъ къ себѣ питательныя соки крови. Когда же наступаетъ очередь и нервной ткани, то картина спокойнаго самопожирающаго пламени, представляемая до сихъ поръ голодающей особью, вдругъ измѣняется.

Какъ бы послѣднею вспышкой предъ окончательнымъ угасаніемъ—подымается бурная дѣятельность нервовъ, до сихъ поръ погруженныхъ въ апатію. Дикій бредъ и галлюцинаціи носятся въ воспаленномъ мозгу, порывы бѣшенства смѣняются минутами сознательнаго отчаянія, затѣмъ снова наступаетъ усталость, во время которой самый бредъ на время прекращается отъ недостатка силъ и возникаетъ вновь, пока наконецъ крайняя степень истощенія не положитъ предѣла страшной драмѣ. Кто не помнитъ башни голода и Уголино, этого отца, истощеннаго, искаженнаго бѣшенствомъ, который видитъ, какъ дѣти его, одинъ за другимъ, умираютъ мучительной голодною смертью, и самъ идетъ навстрѣчу этой смерти,—кто не помнитъ ужасающаго сплетенія душевной и тѣлесной муки, ростущей съ каждымъ мгновеніемъ, пока истощенный организмъ не впадаетъ въ полное безсиліе! Гораздо умѣреннѣе и медленнѣй развиваются послѣдствія въ томъ случаѣ, когда особь не вполнѣ лишена всякой пищи, но получаетъ ея недостаточное количество; тутъ лишь постепенно выступаютъ признаки недостаточнаго питанія тѣла: жизненная полнота и округлость членовъ исчезаетъ, глаза глубоко западаютъ въ глазныя впадины и вокругъ оттѣняются синевой; далѣе, разжиженная кровь выдѣляетъ воду въ подкожной клѣтчаткѣ и въ трехъ большихъ полостяхъ тѣла; мѣстами образуются нарывы, вокругъ которыхъ быстро распространяется воспаленіе; нервная система становится необычайно раздражительной, и такимъ образомъ истощенная особь можетъ постепенно приблизиться къ смерти.—Тѣ отдаленныя времена, когда люди постомъ добивались небеснаго наслѣдія, представляютъ множество примѣровъ, на которыхъ весьма удобно изучать вліяніе недостатка въ пищѣ. Анахореты, по свидѣтельству св. Іеронима, питались въ пустынѣ однимъ хлѣбомъ и солью; между ними былъ пустынникъ, который въ теченіи 30 лѣтъ ничего не ѣлъ кромѣ ячменнаго хлѣба и мутной воды; у другаго ежедневная трапеза состояла всего изъ 5 фигъ.

Причиною излишняго недостатка питанія весьма рѣдко бываетъ произвольное уменьшеніе количества пищи. Голодъ – это тиранъ, съ которымъ трудно бороться; но конечно есть исключенія. Монахи Ѳиваиды, по свидѣтельству Руффина, садились за трапезу не для того чтобы ѣсть, а только посмотрѣть и попробовать приготовленныя явства и затѣмъ снова встать изъ за стола; такимъ образомъ, насильнымъ подавленіемъ аппетита, еще болѣе возбужденнаго видомъ и вкусомъ пищи, они хотѣли высказать всю силу благочестиваго воздержанія. Настоятель Зенонъ, усталый, голодный, пришелъ однажды на поле, засѣянное огурцами; голодъ побуждалъ его поѣсть хоть огурцовъ; Зенонъ же простоялъ на этомъ полѣ 5 дней и 5 ночей, не сходя съ мѣста и глядя на огурцы, потомъ ушелъ—съ пустымъ желудкомъ. Макарій старшій во время поста стоялъ въ углу, не произнося ни одного слова, не вкушая ни пищи, ни воды и не позволяя себѣ даже прилечь. Кромѣ благочестивой восторженности и другія волненія могутъ отвлечь вниманіе отъ удовлетворенія потребности въ пищѣ; напр., горе, любовь и т. д. Ученые за работой также иногда забываютъ о пищѣ и питьѣ, какъ напр. философъ Карнеадъ, которому жена почти насильно клала куски въ ротъ. Наконецъ, бываютъ молодыя женщины, которыя во что бы то ни стало хотятъ казаться блѣдными, худощавыми, и для достиженія этого ѣдятъ какъ можно меньше. Чаще же недостаточность питанія зависитъ отъ болѣзненнаго съуженія пищевода, которое не допускаетъ поступленія пищи въ желудокъ, или отъ болѣзней самого желудка, препятствующихъ раствоpенію, всасыванію и переработкѣ введенныхъ въ него питательныхъ веществъ,—всего же чаще отъ несоотвѣтственной пищи, которая при большомъ количествѣ безполезнаго балласта весьма мало содержитъ себѣ дѣйствительно питательныхъ бѣлковинныхъ веществъ. Послѣднее нерѣдко встрѣчается въ средѣ бѣднѣйшаго класса, и потому въ немъ такъ распространены болѣзни, пораждаемыя недостаточнымъ питаніемъ, каковы: золотуха, англійская болѣзнь, легочная чахотка и проч.

Д-ръ Ф. Гевеліусъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Случай во время художественной экскурсіи.

Къ рисунку З. Лахенвица (стр. 29).

Съ каждымъ наступленіемъ весны, чистенькій, трудолюбивый Дюссельдорфъ примѣтно пустѣетъ: ватаги художниковъ направляются изъ него въ разныя стороны. Одни ведутъ путь къ югу, въ Швейцарію: это собственно живописцы животныхъ и пейзажисты въ обыкновенномъ значеніи слова. Маринисты ѣдутъ по преимуществу въ Голландію, Бельгію и Бретань; рѣже, въ Швецію и Данію. Историческіе живописцы одни остаются въ своихъ уютныхъ мастерскихъ, особенно если пылкое чувство, зовущее въ вѣчную столицу искуствъ, успѣло уже у нихъ угомониться, или карманъ фантазера неуспѣлъ обзавестись достаточнымъ количествомъ звонкаго металла.

Одному изъ такихъ туристовъ-художниковъ, З. Лахенвицу, случилось вмѣстѣ съ товарищами по искусству провести лѣтнюю вакацію въ самомъ живописномъ уголкѣ Альпъ, неподалеку отъ Титлиса. Къ небольшому кружку артистовъ присоединились еще двѣ личности: старикъ-швейцарецъ и сынъ его, оба охотники за сернами. Лахенвицъ, давно желавшій побывать на этой интересной и

Серна и горные орлы. (Съ картины З. Лахенвица).

опасной охотѣ, упросилъ старика взять его съ собою въ первую же экскурсію. Случай скоро представился, въ ночь на 21 іюля.

Былъ первый часъ ночи, когда чета молчаливыхъ путниковъ оставила свой лѣтній пріютъ. Мѣсяцъ, передъ тѣмъ было вышедшій, вдругъ скрылся за тучами, а потомъ и совсѣмъ сталъ невидимъ за грядою ближайшихъ, островерхихъ пиковъ, когда подошли герои наши къ подъему на гору Титлисъ. Форма ея, днемъ приводившая въ восторгъ художниковъ своею граціозностію, теперь чернѣла передъ ними безобразною массою, оставляя въ душѣ обидный холодъ. Была мертвая тишь. Сыпавшійся сверху снѣгъ сливалъ всѣ предметы, скрадывая разстоянія. Подъ бѣлымъ пологомъ исчезли недавно еще привлекательныя поля и мягко стушевались неровности почвы. Даже самый кустарникъ по скатамъ, рѣзко выступавшій на обыкновенномъ фонѣ каменныхъ скалъ, теперь обозначался однимъ рядомъ куполо-образныхъ возвышеній.

Оставивъ вправѣ гору Титлисъ, по камнямъ, черезъ обвалъ, тихо стали подниматься путники, не безъ волненія усматривая вдали цѣль своего странствованія—дикій Гайсбергъ, похожій своею заостренною столпообразною фигурою на колоссальную зубочистку. Подступъ къ нему представлялъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ переходовъ, по оледенѣлымъ полямъ, па краю пропастей, послѣ нѣсколькихъ перекатовъ черезъ острые хребты. Предоставимъ, впрочемъ, разсказывать самому очевидцу и главному дѣятелю въ этомъ трудномъ путешествіи, имѣвшемъ для него къ тому же интересъ перваго, неизвѣданнаго ощущенія. Мы разумѣемъ художника Лахенвица. «Наступилъ день», разсказывалъ онъ послѣ, объясняя содержаніе сцены въ горахъ, изображенной мастерски его же творческимъ карандашемъ: «а мы все идемъ, да идемъ къ этому страшному Гайсбергу, который на густой синевѣ холоднаго неба, при яркомъ отблескѣ снѣговъ, выдѣлялся рѣзко тремя своими конусообразными вершинами. Вотъ мы достигли уже до конца непріятной стремнины, образовавшейся отъ обрушенія острой вершины горы, какъ вдругъ неподалеку отъ насъ раздался выстрѣлъ.

При звукѣ этомъ мы оба машинально остановились. Съ устъ моего спутника невольно сорвалось что-то похожее на проклятіе. Впрочемъ, стоя на мѣстѣ какъ вкопанные, мы были, казалось, спокойны, но какая-то сила сковала языкъ и на мгновеніе остановила дыханіе. Мы жили, если можно такъ выразиться, только глазами и слухомъ. Старикъ владѣлъ собою впрочемъ больше меня и, скорѣе придя въ себя, указалъ рукою на противоположную стѣну скалъ. Я взглянулъ и увидѣлъ, что за краемъ ея словно копошились какія-то мелкія существа, то двигаясь безпорядочно взадъ и впередъ, то стоя на мѣстѣ, будто-бы прислушиваясь. Я видѣлъ хорошо, что на отдаленной грядѣ скалъ было множество животныхъ, однако какой именно породы — различить никакъ не могъ. Оба мы со старикомъ, въ это время, инстинктивно понимали, что зрѣніе наше показываетъ намъ не совсѣмъ то, что слѣдуетъ. И это очень естественно: внутреннее волненіе наше продолжалось, и мы отчетливо могли слышать біеніе сердца. Стадо отдаленныхъ животныхъ вдругъ понеслось внизъ по склону — и тутъ я узналъ ихъ: это были серны.

Между утесомъ, на которомъ мы стояли, и мѣстомъ, гдѣ видны были серны, протягивалась покрытая снѣгомъ, обширная плоскость, пересѣченная рытвинами. Только черезъ нее мы должны были подойти къ самому шпицу Гайсберга—и этотъ-то окончательный переходъ представлялъ наибольшія трудности. Къ довершенію всего, по мѣрѣ возвышенія солнца надъ горизонтомъ, съ сырыхъ долинъ сталъ подниматься густой туманъ и къ полудню образовалъ по сторонамъ отъ насъ густую бѣлую мглу, въ которой рѣшительно скрылись, ближайшія даже, возвышенности. Хотя ненадолго, оставаться здѣсь, потерявъ дорогу, было для насъ крайне мучительно, но мы многимъ рисковали и идя на удачу. Пустясь не въ ту сторону, куда слѣдовало, можно было упасть въ пропасть—и боязнь ожидаемой опасности увеличивала ее въ глазахъ нашихъ. Пришлось, прежде чѣмъ двинуться, тщательно присматриваться къ почвѣ.

Надъ одной изъ горныхъ вершинъ, еще при первомъ появленіи сернъ, подмѣтили я двѣ подвижныя точки, изъ которыхъ первая шла ближе, образуя широкіе круги. Я принялъ ихъ сразу за хищныхъ птицъ, изъ породы болѣе крупной, чѣмъ та которую мы видѣли часто и вблизи. Догадка моя дѣйствительно скоро оправдалась. Теперь, вспугнутые выстрѣломъ, если не раньше еще, онѣ, какъ и мы сами, имѣли виды на сернъ. Это оказывалось очень ясно. Подойдя на ближайшее разстояніе, я замѣтилъ, что одна серна бѣжитъ безъ обычной эластичности движеній, какъ-бы раненая. И рана эта должна быть тяжелая, хотя и свѣжая. Соперники наши (т. е. хищныя птицы) это тоже замѣтили, потому что не теряли изъ вида этой серны, слѣдя за нею постоянно: то стремглавъ бросались вмѣстѣ съ высоты въ густое, стѣснявшееся съ приближеніемъ ихъ, стадо сернъ, то подлетали къ сернамъ по одиначкѣ. Слѣдя за эволюціями соперниковъ съ выбраннаго нами пункта, мы отложили было намѣреніе свое стрѣлять по стаду сернъ, хотя ружья наши и лежали передъ нами, на готовѣ. Но вотъ, при повторившихся наскокахъ орловъ (преслѣдователи сернъ были они), все стадо наконецъ пустилось въ бѣгъ. За стадомъ поплелась и раненная серна, видимо отставая. Нападенія страшныхъ ловцовъ на несчастную теперь учащаются; поражаемая съ налета ударами вражьихъ крыльевъ, она совсѣмъ растерялась, и въ гибели ея не остается болѣе сомнѣнія. Почти теряя дыханіе, красивое животное тяжело падаетъ на краю стремнины, совсѣмъ обезсилѣвъ, и, въ это мгновеніе, одинъ изъ хищныхъ орловъ вскакиваетъ ей на спину, и съ налета вырываетъ ей глазъ своимъ острымъ клювомъ.

Я былъ весь погруженъ въ свои наблюденія, и потому невольно вздрогнулъ, услышавъ вдругъ два выстрѣла подлѣ себя. Одинъ изъ нихъ былъ особенно удаченъ; мертвый орелъ упалъ на земь; другой хищникъ скрылся въ отдаленіи. Серна еще разъ пошевелилась—и въ предсмертномъ движеніи, какъ удалось мнѣ схватить на рисункѣ, тихо скатилась въ лощину, изъ которой досталъ ее мой спутникъ. Вотъ какова была моя первая охота въ горахъ на сернъ».

Интересный случай, описанный очевидцемъ, налагаетъ на насъ пріятную обязанность—познакомить въ заключеніе читателей «Нивы» съ самимъ авторомъ живописцемъ. Францъ Зигмундъ Лахенвицъ, живописецъ животныхъ, родился въ Нейсѣ, въ 1820 году. Съ 1840 по 1847 проходилъ онъ курсъ ученія въ Дюссельдорфской академіи художествъ и еще въ то время проявилъ сильный талантъ въ схватываніи, съ поразительною живостью, характера животныхъ различныхъ породъ. «Лисица въ капканѣ», «Львиная берлога» и «Волкъ, застигнутый собаками въ то время, когда только собрался полакомиться», главныя его произведенія.

Фельетонъ.

Русскія святки. — Нѣчто о народной поэзіи и литературная новость. — Елки и дни предшествующіе праздникамъ.—Концертъ пѣвцовъ италіанской оперы, выставка картинъ професора Айвазовскаго, микроскопъ Тицнера и циркъ Гинне.—Петербургское земское собраніе, статистическая народная перепись и общество покровительства гувернантокъ.—Новый годъ.

Бойко и размашисто проносится по снѣжному пути ямщичья тройка; далеко, извилисто тянется «столбовая» дорога; рѣжутъ желѣзные полозья окрѣплый снѣгъ, а нашъ сѣверный морозный вѣтерокъ дозоромъ ходитъ, свѣжимъ снѣжкомъ слѣды запорашиваетъ. Разукрашенъ пышно дремучій боръ, блещетъ инеемъ-мхомъ и сосна, и ель, и пушисто разубраны кустики; зашумитъ вѣтерокъ—и лѣсъ словно живой пеленою кристальной одѣнется. Замететъ, завертитъ по полянѣ порой, словно туча столбомъ поднимается, но уляжется мятель—и не видно слѣда…

Свѣтъ Егорій съ гвоздемъ, а Никола съ мостомъ, стали рѣки большія и малыя, лишь «полынья» на нихъ страшнымъ зѣвомъ глядятъ, ребятишкамъ на страхъ на диковинку. Чу! и праздникъ на дворѣ: отворяй ворота, выходи старъ и малъ, православные…

И широкимъ, неудержимымъ потокомъ разлилось по русской землѣ рождественское веселье. Расправляются тяжелыя морщины на изнеможенномъ челѣ бѣлоруса, этого упорнаго труженика и покорливаго сына нашей неблагодарной средней полосы Россіи, гдѣ каждый шагъ обработываемой земли буквально обливается потомъ;— отправляетъ торжественные обряды святочнаго праздника съ неменьшимъ удовольствіемъ и малоросъ, обитатель юга Россіи, этой богатой и привольной хлѣбородной залежи; — за Ураломъ и по склонамъ Кавказа, вплоть до восточной границы Руси, въ одинаковой степени чувствуется приближеніе «русскаго» праздника, почти въ одинаковой степени воплотившагося въ легендарной поэзіи всѣхъ племенъ народа. Обычнымъ чередомъ тянутся святочныя увеселенія съ неразлучными при этомъ христославными рацеями, колядами и щедривками, и заповѣдными гаданьями.

Цѣлыя столѣтія переживаютъ остатки языческой обрядности, и народъ нашъ, столь наклонный къ мистическимъ вѣрованіямъ, все еще продолжаетъ дѣтски вѣрить въ чудесныя свойства гаданій—хлѣбнымъ зерномъ, птицей, уловомъ рыбы и проч. Но нигдѣ язычество не оставило столько слѣдовъ, какъ у обитателей такъ-называемой Украйны. Безсознательно наслѣдуя отъ предковъ нѣкоторыя обычаи, украинцы при отправленіи своихъ празднествъ невольно вызываютъ изъ памяти сказанія о празднествахъ въ честь Перуна, Дажбога, Волоса и друг., такъ какъ пріемы и чествованія душъ умершихъ людей и свадебныя обряды сохраняютъ въ этой средѣ и до сей поры свой первоначальный миѳическій характеръ. Художественные очерки Гоголя (столь близко знакомаго съ бытомъ народа издревле-поселившагося по Днѣпру, Днѣстру, Бугу) отчетливо передаютъ поэтическія наклонности обитателей раздольныхъ степей, названныхъ весьма справедливо русской Италіей. Не взирая на истеченіе двухъ столѣтій съ момента сліянія племенъ, возродившихся изъ общаго славянскаго корня, — нынѣшніе представители казачества упорно сохраняютъ не только завѣты своей «батькивской» старины, но даже и типичность костюма. Взглянувши на сѣрую свитку и червонные чоботы малоросовъ, невольно вспоминаешь и про кузнеца Вакулу, ѣздившаго верхомъ на сатанѣ въ Петербургъ, и про чернобровую Оксану, пожелавшую имѣть вмѣсто свадебнаго подарка тѣ самые черевички, въ которые обувается царица.… Эти золотые призраки причудливой фантазіи, воспроизведенные перомъ художника, выхвачены изъ жизни изобилующей такимъ богатствомъ нетронутыхъ силъ.

Странна судьба русской народной поэзіи! Историческіе ея памятники, начиная отъ древнѣйшихъ, остаются разбросанными по разнымъ сборникамъ и мало обработанными. Собиратели же нашихъ пословицъ, пѣсень и былинъ ограничиваются добываніемъ сырыхъ матеріаловъ—и вѣроятно только будущія поколѣнія разрѣшатъ задачу сведенія ихъ въ стройное цѣлое.

Говоря строго, и до нашихъ дней еще не было выяснено историческое значеніе такихъ гигантскихъ памятниковъ роднаго слова, каково напр. «слово о полку Игоревѣ», и только въ самое послѣднее время сдѣлана попытка—надлежащимъ образомъ познакомить читающую публику съ этимъ значеніемъ и красотами подлинника. Мы говоримъ о имѣющемъ появиться въ печати художественномъ переводѣ «слова о полку Игоревѣ» А. Н. Майкова, съ предисловіемъ, бросающимъ совершенно новый свѣтъ на древнѣйшее изъ русскихъ поэтическихъ произведеній. Нельзя не пожелать, чтобы примѣръ одного изъ немногихъ русскихъ поэтовъ-художниковъ вызвалъ какъ можно болѣе послѣдователей въ средѣ молодыхъ писателей: на этомъ пути есть надъ чѣмъ и стоитъ потрудиться.

Празднованіе святокъ въ городахъ, разумѣется, совершенно отлично отъ народнаго. Граждане, именуемые «обывателями», изобрѣтаютъ болѣе разнообразныя забавы. Для семейныхъ кружковъ классическій западъ пересадилъ на русскую почву «елку». Это эмблематическое вѣчно-зеленѣющее деревцо, парафиновое освѣщеніе, китайскіе фонарики, золотые орѣшки съ конфектами и всевозможные сюрпризы—какъ-бы стягиваютъ во едино по нѣскольку семействъ; праздники «елокъ», столь радостно встрѣчаемые подростающимъ поколѣніемъ, въ тоже время служатъ преддверьемъ праздниковъ, ожидаемыхъ взрослыми.

Нашъ туманный Петроградъ особенно интересенъ для наблюдателя въ дни предшествующіе праздникамъ. Еще за долго до Рождества по улицамъ столицы тянутся возы, до невозможности нагруженные по мѣстному выраженію «живностью». Эта «живность» путешествуетъ по улицамъ Петербурга, въ образахъ говяжьихъ и бараньихъ тушъ, дичи и замороженной домашней птицы. Представители «живности» всѣхъ родовъ и видовъ стекались къ одному преимущественно пункту — пункту, у котораго группируется весь плотоядный Петербургъ — *«Сѣнной площади»*.

Читатели этихъ строкъ вѣроятно не забыли «Петербургскихъ Трущобъ» и той роли, которую играетъ «Сѣнная» для алчущаго и жаждущаго населенія Петербурга и— дѣйствительно, только лишь въ праздничные дни обитатели «Вяземскаго дома, Таировской дачи и Малинника»

выползаютъ изъ своихъ норъ и трущобъ на свѣтъ Божій. Съ утра и до вечера шумъ и гамъ стоитъ надъ «Сѣнной», отдаваясь далеко по сторонамъ. Подвижные лавочки, балаганы, возы чуть не приступомъ берутся назойливыми покупателями. Недостаточный классъ населенія со всего Петербурга стекается на «Сѣнную», пестрота и смѣшеніе костюмовъ и языковъ необычайныя. Въ этой вѣчно двигающейся толпѣ столичнаго пролетаріата, голодное, оборванное человѣчество блуждаетъ по «Сѣнной», пожирая всѣ съѣдобные богатства, привезенныя въ Питеръ неряшливымъ «чухной» и аккуратнымъ нѣмецкимъ колонистомъ.

Въ послѣднее время въ Петербургъ было привезено огромное количество съѣстныхъ припасовъ и цѣна имъ сравнительно стояла невысокая, хотя большинство населенія, напуганное пожаромъ мстинскаго моста и увеличившеюся за недостаткомъ подвоза дороговизною, ожидало баснословныхъ цѣнъ на продукты.

Но заботясь о «хлѣбѣ насущномъ», Петербургъ, въ то же время, не забываетъ объ эстетическихъ наслажденіяхъ.

Правда, въ Александринскомъ театрѣ частенько распѣваютъ «птички пѣвчія», но за то въ Маріинскомъ поставлена одна изъ Мейерберовскихъ оперъ—инкогнито подъ именемъ «Іоанна Лейденскаго, а пѣвцы италіанской оперы устроили истинно музыкальное торжество, прекрасно составивъ концертъ, на которомъ исполнена была между прочимъ цѣлая обѣдня Россини, а въ видѣ дивертисмента — симфонія Tran-Tran, во время которой г. Цуккини весьма комично изображалъ капельмейстера, учащаго свой оркестръ, подпѣвая всѣмъ инструментамъ.

Другимъ, не менѣе блистательнымъ праздникомъ, для всѣхъ поклонниковъ искусства, является текущая выставка картинъ профессора Айвазовскаго, въ залахъ императорской академіи художествъ; нежданно-негаданно, словно по мановенію волшебнаго жезла, какъ бы развернутый боевой строй, вытянулся предъ ея посѣтителями цѣлый рядъ произведеній (24 картины) волшебной кисти знаменитаго пейзажиста; особенно хороши: «видъ Тифлиса», Дарьяльское ущелье», «обвалъ на Терекѣ» и громадный подлинѣ холстъ: «панорама Кавказа съ сѣверныхъ вершинъ». Послѣдній пейзажъ—истинное торжество перспективы: это поля рдѣющихъ колосьевъ, низменно узенькой полоской стелющіяся по плоской равнинѣ, а надъ нимъ широкая кайма небосклона; глазъ останавливается лишь на двухъ-трехъ фигурахъ конныхъ и пѣшихъ горцевъ, но и тѣ почти на первомъ планѣ, а даль цѣпи горъ тѣмъ не менѣе несомнѣнно и непроглядно тянется въ безконечное пространство за рамкой, и еще поразительнѣй, еще глубже перспектива чистаго прозрачнаго воздуха.

Любителямъ естественныхъ наукъ г. Тицнеръ ежедневно показывалъ свой солнечный микроскопъ, увеличивающій въ 1.000,000 разъ и отражающій на стѣну всѣ чудеса водяной капли, уксуснаго броженія, сырной плесени и проч.

Наконецъ, охотники до зрѣлищъ, сопряженныхъ съ болѣе или менѣе сильными ощущеніями, могли любоваться гоньбой оленей въ циркѣ Гинне, гдѣ около тридцати дамъ и кавалеровъ, въ кармазинѣ англійскихъ спортсменовъ, очертя голову несутся верхомъ въ карьеръ черезъ изгороди и по гигантскимъ ступенямъ на лѣстницу,—а также изумительно выдрессированными конями, которыхъ на свободѣ выводитъ Эмма Чинизелли, мастерствомъ и веселостью клоуновъ, братьевъ Приссъ и проч. и проч.

Болѣе солидное населеніе столицы занималось въ послѣднее время трактаціями о результатахъ засѣданій петербургскаго земскаго собранія. Нельзя не поблагодарить земство за его хлопоты по вопросу о развитіи народнаго образованія, на что ассигновано до 15 т. р. сер. Однимъ изъ гласныхъ собранія даже былъ возбужденъ вопросъ о составленіи особаго элементарнаго руководства для сельскихъ начальныхъ школъ,—думаемъ, что подобное мѣропріятіе на пользу образованія народа не можетъ принести особенной пользы, такъ какъ за послѣдніе пять лѣтъ русская педагогія успѣла выработать прочныя начала элементарнаго образованія и издано много руководствъ, вполнѣ удовлетворяющихъ своему назначенію.

Если земскія собранія прошли мирно и спокойно, то статистическая народная перепись не обошлась безъ курьозовъ. При собираніи статистическихъ свѣдѣній даваемы были такіе отзывы — въ графѣ: холостъ или женатъ — отмѣчалось: «отъ того и другаго не прочь»; на вопросъ о родѣ занятій, писались такіе отвѣты: «упражняюсь на гармоникѣ» или «отыскиваю квадратуру круга и законы вѣчнаго движенія». Licet Baeotiam adire!

Нельзя также пройти молчаніемъ или, вѣрнѣе сказать, нельзя не пожалѣть, что «Общество покровительства гувернантокъ» столь мало пользуется всеобщимъ сочувствіемъ. Недавно, названное общество собиралось для обсужденія вопросовъ, касающихся интересовъ лицъ состоящихъ подъ его покровительствомъ. Къ сожалѣнію, наша пресса отнеслась къ этому событію весьма хладнокровно и упомянула о немъ вскользь. Мы слышали, что въ послѣднихъ числахъ минувшаго декабря назначено было годичное засѣданіе общества, о результатахъ котораго не замедлимъ сообщить.

Новый 1870 годъ пожаловалъ въ невскую столицу съ надлежащею торжественностью. Магазины украшаются разнообразными nouveautés du jour; улицы пестрѣютъ цвѣтными нарядами прохожихъ; фонарные столбы и перекрестки улицъ увѣшаны афишами: о спектакляхъ, маскарадахъ и клубныхъ вечерахъ; разнощики газетъ звонче обыкновеннаго выкрикиваютъ заглавія брошюръ и книженокъ, посвященныхъ новому году и новымъ ожиданіямъ; все и вся хлопочетъ, суетится и волнуется... Одинъ лишь только старый годъ, съ величавымъ спокойствіемъ, подобно статуѣ командора, смотритъ на своего юнаго побѣдителя и какъ бы спрашиваетъ: что-то напишетъ человѣчество на бездевизномъ щитѣ счастливаго соперника? «Chi lo sà?» лепечетъ какъ и всегда не кстати подвернувшійся, вѣчно-глупый Лепорелло.

Le roi est mort, vive le roi! Съ новымъ годомъ, читатель!

А.

Почтовый ящикъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ подписчиковъ, полагая, что первый нумеръ «Нивы» составитъ въ качествѣ пробнаго нѣчто отдѣльное отъ годоваго изданія нашего журнала,—выслали намъ почтовую марку вмѣстѣ съ подписными деньгами. Таковымъ изъ гг. подписчиковъ мы высылаемъ первый нумеръ «Нивы» въ двухъ экземплярахъ: одинъ обыкновеннымъ порядкомъ по почтѣ, другой подъ бандеролью.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 5 Января 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. Типографія А. Траншеля, по углу Невск. и Владим. д. № 45.

№ 3. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна за границей 5 талер.

Первая бѣлая роза.

(Святочный разсказъ)

(Окончаніе).

«На другое утро,—послѣ того памятнаго для меня дня, когда я увидала *его* впервые,—ранехонько, только что проснувшись отъ неспокойнаго сна, я опять увидѣла *его*. Онъ летѣлъ — точно плывущій по воздуху чудный цвѣтокъ— прямо ко мнѣ!... Въ этотъ день онъ не молчалъ болѣе.... И что сталось со мной, когда изъ его устъ полились рѣчи любви, то нѣжныя, то страстныя?... Я слушала, слушала — потомъ я перестала ужъ слушать.... чувство какого-то блаженнаго забвенья всю меня охватило....

«Ты молчишь? Ты не отвѣчаешь мнѣ?! Моя Роза, моя ненаглядная!... сладко шепталъ онъ».

«Я боюсь тебя.... проговорила я».

«Меня?! спросилъ онъ, съ дѣтской улыбкой простоты и удивленія».

«Много я наслышалась о легкомысліи и коварствѣ мотыльковъ, отвѣчала я:—я думала, что ты—какое-то другое, небывалое созданіе... но мнѣ сказали, что и ты—Мотылекъ,—и я боюсь тебя.... Я несовсѣмъ говорила правду. Я боялась его потому, что со страхомъ сознавала, какъ быстро онъ завладѣвалъ всѣмъ моимъ существомъ. Но я уже вѣрила въ него — я его любила».

«Почти во всякой клеветѣ есть доля истины, началъ онъ грустно и серьозно.—Ничто такъ не противно мнѣ, какъ обманъ—и менѣе чѣмъ кого-либо мнѣ возможно было бы обмануть тебя, моя Роза, моя дорогая! Не стану, не хочу отрицать, что по своему происхожденію, я принадлежу къ роду Мотыльковъ; но я пользуюсь именно этой близостью съ ними, чтобы произвести въ ихъ нравахъ совершенный переворотъ и великую реформу. Если другія, постороннія существа возмущены зрѣлищемъ ихъ пороковъ и недостойныхъ продѣлокъ, то—подумай, моя безцѣнная,—что долженъ испытывать *я*, глядя на все это?.... Не могу отказаться отъ чувства родственной привязанности къ Мотылькамъ, и тяжко скорблю надъ ихъ паденіемъ! Почти всю свою жизнь я провожу поэтому въ слезахъ — только съ тобою, моя Роза, я забываю горе.... Но все свободное свое время, даже ночи, когда всѣ вкушаютъ покой (и цвѣты спятъ), я посвящаю глубокой думѣ и неутомимой дѣятельности — для улучшенія нравственнаго быта Мотыльковъ. Какъ результатъ моихъ размышленій и трудовъ, я могу назвать тебѣ, моя дивная, во первыхъ: двѣ рѣчи, произнесенныя мною передъ многочисленнымъ собраніемъ моихъ соплеменниковъ—одна *о необходимости водворить между ними плоды нравственнаго прогресса*—другая *о блаженствѣ постоянства*; во вторыхъ: непоколебимое намѣреніе служить имъ неизмѣннымъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей, и олицетворить собою идеалъ невиданнаго доселѣ между Мотыльками нравственнаго

совершенства. Но подобные вопросы не должны занимать тебя, прибавилъ онъ, покидая серьозный тонъ: — твой удѣлъ—быть любимой, наслаждаться жизнью и оставаться въ незнаніи ея темныхъ сторонъ... До какой степени, однако, испорченность Мотыльковъ сокрушаетъ меня—и при тебѣ я не могъ совершенно забыть тяжкія заботы о нихъ — при тебѣ!... Я думалъ, что со вчерашняго дня, съ тѣхъ поръ какъ я тебя узналъ, все остальное перестало существовать для меня — вѣдь ты вѣришь, что ты для меня дороже всего на свѣтѣ? Моя Роза! Вѣришь, не правда-ли»?

«Да!... отвѣчала я чуть слышно—«Да!» казалось мнѣ, радостно повторяетъ каждый, даже самый крошечный изъ моихъ листочковъ....»

«Съ той минуты Мотылекъ почти неотлучно былъ со мною. Онъ улеталъ только для того чтобы расправить свои крылья, и то чаще всего онъ парилъ около или вокругъ меня — и я могла любоваться его полетомъ, легкимъ, игривымъ,—могла смотрѣть, какъ, благодаря движенію, чудные золотистые узоры на его крыльяхъ двоились, переплетались, искрились, и онъ становился все краше и краше...»

«Свѣтлая, новая жизнь открылась для меня. И солнце сильнѣе грѣло меня, и дождикъ болѣе освѣжалъ, и много, много новыхъ пѣсенъ выслушала я у птицъ, и бездну прежде-небывалыхъ звѣздъ увидала на небесахъ. Роскошно, ярко расцвѣтала я — и съ невыразимой радостью сознавала свою красу.»

«Въ одно утро я проснулась позже обыкновеннаго. День былъ пасмурный, недобрый. Мотылька еще не было.... Злое предчувствіе защемило меня. Не случилась-ли съ нимъ бѣда какая?!...»

«Вы что-то сегодня грустны и задумчивы, раздался около меня знакомый, но *чужой* голосъ. Это былъ панцырный Жукъ. Признаться я въ послѣднее время забыла о его существованіи — и въ эту минуту ни чье присутствіе не было бы для меня такъ непріятно, какъ именно его.—Вы все пренебрегаете моимъ обществомъ, какъ и моей привязанностью, продолжалъ онъ, съ примѣсью маленькой ироніи:—напрасно! Я намѣревался развлечь васъ, сообщить вамъ интересную новость — гдѣ, какъ, а главное *съ кѣмъ* провелъ все это утро вашъ другъ и пріятель Мотылекъ. Онъ очень занятъ какой-то новой знакомой....»

«У меня захватило дыханье, но я сочла унизительнымъ для себя, для моего друга, долѣе слушать панцырнаго Жука — и поспѣшила отвернуться отъ него. А время шло.... Я ждала, томилась — Мотылька все не было. Серьозно, побраню его... думала я. Но вдругъ я увидала его! Онъ летѣлъ — только немного медленнѣе обыкновеннаго. Я забыла и досаду, и тоску, и злобные намеки панцырнаго Жука... Потомъ ужъ только, передъ прощаньемъ, я пересказала Мотыльку (такъ, ради шутки) слова Жука».

«Какой вздоръ! воскликнулъ онъ: — я прилетѣлъ поздно, потому что всю эту ночь провелъ въ серьозныхъ занятіяхъ и безъ сна — ужасно усталъ (при этомъ онъ слегка зѣвнулъ). Я ужъ разъ какъ-то объяснялъ тебѣ главныя побужденія и стремленія моей дѣятельности. Эту ночь трудился надъ составленіемъ новой поучительной рѣчи, которую намѣренъ произнести передъ сборищемъ Мотыльковъ. По послѣднимъ, дошедшимъ до меня слухамъ, ихъ нравы опять ухудшились — мое вмѣшательство становится необходимымъ. И вотъ для этой-то тяжелой обязанности я пожертвовалъ счастьемъ нѣсколькихъ часовъ!... Но я какъ-будто защищаюсь! прибавилъ онъ съ улыбкой:—подумай сама, моя Роза, возможно-ли чтобы я находилъ веселье съ другой, когда я разъ узналъ тебя?... Скажи, *кто* можетъ сравниться съ тобою?...»

«И тутъ онъ началъ, смѣясь, всѣхъ перебирать».

«Простите, если, передавая вамъ его слова, я быть можетъ оскорблю васъ — я хочу, чтобы вы знали всю истину».

«Что тебя пугаетъ? говорилъ онъ: —*идеальная* красота Піоньи? Посмотри, какъ глупо чванится—воображаетъ, что чѣмъ краснѣе и шире разодѣнется, тѣмъ болѣе будетъ походить на *барыню*; какой mauvais genre!... Или Лилея, эта, не знаю за что, воспѣваемая сентиментальная красавица — головка еще туды сюды, хотя блѣдна и безжизненна — но все остальное, tout le reste, fi donc!.... Какъ будто аршинъ проглотила, и точно дама забывшая надѣть юпки. Ужъ не находишь-ли *опасной соперницей* Георгину? Эту холодную педантку — настоящее разрѣшеніе математической задачи!..... Или тебя тревожатъ Левкой и Гвоздика, которые ужъ такъ надушились (c'est même passé de mode), что съ ними невозможно безъ сильнѣйшаго головокруженія провести и одной минуты,— чопорный Тюльпанъ, въ своемъ арлекинскомъ костюмѣ?... Не думаешь-ли ты, что мнѣ могутъ нравиться Belles de jour, что только днемъ показываются, а вечеркомъ (въ самое поэтическое время!...) спѣшатъ закрыться? Ces prudes ennuyeuses!... Душистый Горохъ, Ипомея, всѣ эти вьющіяся созданія, лишенныя и тѣни самостоятельности, и готовыя — да еще съ какой поспѣшностью, съ какимъ нахальствомъ — обвиться вокругъ перваго попавшагося сучка, или, все равно, примкнуть къ какой-нибудь дубинѣ?... Не говорю ужъ о всѣхъ оранжерейныхъ цвѣтахъ, объ этихъ скучныхъ, ходульныхъ *принцессахъ*— неимѣющихъ и малѣйшаго понятія о дѣйствительной жизни — съ ними, въ ихъ искуственной, томящей атмосферѣ, рѣшительно надобно задохнуться!... Ты станешь, пожалуй, бояться соперничества цвѣтовъ - крошекъ? Напримѣръ, Анютины глазки, что и въ старости лѣтъ не умѣютъ перестать быть дѣтьми; или Незабудки, Ландыши, ватага бордюрныхъ цвѣточковъ — вся эта мелюзга, которую не только *полюбить*, но и *разсмотрѣть* то порядочно невозможно безъ помощи микроскопа!... Сообрази, моя несравненная — плѣнившись тобою, станешь-ли глядѣть на другихъ?!... Да еще надо прибавить— природа ужъ такъ создала меня, что мнѣ нравится лишь одно *истинно* прекрасное — ужъ не говоря о томъ, что самая отличительная черта моей индивидуальности: *ничѣмъ непоколебимое постоянство*».

Не смотря на оговорку Розы, цвѣты, кто больше, кто меньше, но рѣшительно всѣ были задѣты передачею сужденій о нихъ Мотылька.

— Не стоитъ компрометировать себя изъ за пустяковъ, гордо замѣтила фіолетовая Георгина:—а то можно было-бы сообщить *интересные* факты въ опроверженіе мнѣній, высказанныхъ Мотылькомъ......

— Я всегда считалъ его пустымъ фатомъ... небрежно произнесъ темный Тюльпанъ.

Лилея ничего не сказала; она только чуть-чуть, съ дѣвственной скромностью, нагнулась и улыбнулась — такъ грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ умно и плутовски, что Божья Коровка (одаренная замѣчательной наблюдательностью) сразу высмотрѣла въ этой улыбкѣ цѣлую повѣсть.

— Ишь, тихая молчаливая *скромница!* проговорила она, указывая на Лилею.

— Что такое? безпокойно спросилъ Ландышъ.

— Когда-нибудь, на досугѣ, сообщу тебѣ мои замѣчанія.

— Опять что-нибудь объ этомъ Мотылькѣ?

— Да, кажется.....

Пуще всѣхъ разобидѣлась на сужденіе Мотылька Піонья. Она рѣшительно не съумѣла сдержать себя, и осыпала его такой пошлой бранью, что всѣ цвѣты сконфузились — и не знали, какъ унять ее.

Къ счастью, вдругъ раздался голосокъ чрезвычайно тоненькій; по своей необычайности онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Это былъ миньятюрный полевой цвѣточекъ, случайно попавшій въ садъ — Бѣлая Звѣздочка — по величинѣ и формѣ точно нерастаявшая въ кудрявой травкѣ снѣжинка.

— Считаю долгомъ, начала Бѣлая Звѣздочка, — по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ способствовать къ изобличенію этого *изверга*, лазуро-золотистаго Мотылька. Онъ, по разсказу высокоуважаемой Розы, такъ нагло насмѣхавшійся надъ ростомъ небольшихъ садовыхъ цвѣтовъ, увѣрялъ меня, не такъ еще давно (и должно сознаться, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ!...), что чѣмъ цвѣтокъ крошечнѣе, тѣмъ онъ достойнѣе обожанія...

— Кто эта маленькая? прищурясь, спросила фіолетовая Георгина.

— Право, не знаю... надменно отвѣчалъ пунцовый махровый Макъ. — Какая-то *безъименная*.... прибавилъ онъ съ уничтожающимъ презрѣніемъ.

— Настоящій parvenu! шепнулъ темный Тюльпанъ планшевому Левкою. — Я самъ превосходно помню его совершенно простымъ Макомъ посреди разной, неизвѣстной травы — а теперь, только что попалъ въ наше общество, и сталъ важничать — отвратительно и смѣшно! Кого онъ мнитъ обмануть?...

— Но Роза, продолжай, умоляю тебя! опять заговорила Бѣлая Звѣздочка, до такой степени заинтересованная разсказомъ, что окончательно забыла свою обычайную застѣнчивость. — Скажи, на другой день, послѣ всѣхъ этихъ насмѣшекъ надъ нами, онъ раньше прилетѣлъ къ тебѣ?

«Не на радость для меня пришелъ этотъ день! отвѣчала Роза. — Это было вчера. Опять увидала я передъ собой не его, а постылаго панцырнаго Жука».

«Напрасно вы все еще вѣрите ему! повторялъ онъ, качая головой. — Намедни мои слова уязвили васъ — я былъ не правъ — но наконецъ, вѣдь и я не изъ камня, хотя и покрытъ крѣпкой сталью... досада взяла меня... да и жалѣючи васъ, хотѣлъ переубѣдить васъ: вѣдь онъ — негодяй первостатейный, право! И что васъ такъ плѣнило въ немъ? То есть уму не постижимо! Ничтожный франтъ — все у него на шарамыгу: и рѣчи, и дѣйствія, и чувства, и одежда — вѣтеръ, одинъ вѣтеръ!... Не хочу хвастать, но подумайте сами, то ли дѣло я?... Я существо практическое, солидное — и защитить бы васъ при случаѣ съумѣлъ, не однимъ пустословіемъ, а своимъ личнымъ мужествомъ! Удостойте взглянуть, изъ какого металла выточены мои богатыя, блестящія латы! Было бы вамъ на кого опереться — не чета я вашему Мотыльку, котораго малѣйшій толчекъ можетъ швырнуть куда угодно, или совсѣмъ уничтожить.... И еслибъ вы знали, на кого онъ васъ промѣнялъ, еслибъ....»

«Перестаньте! прервала я Жука. — Ваша злоба на Мотылька внушаетъ мнѣ одно презрѣніе — я никогда не повѣрю вамъ».

«Да, я не вѣрила ему. Но солнце стояло уже высоко, а Мотылька все еще не было!... «Сегодня ужъ я ни за что не хочу быть милостивой, думала я, осыплю его упреками.... или простить его какъ вчера?...» Но солнце уже начинало заходить, а его все не было!... Горе, злое горе, какъ лютая безпощадная змѣя, уже ползло ко мнѣ, подступало все ближе и ближе, уже готовилось задушить меня, поглотить меня-бѣдную всю... «Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть!... воскликнула я — я хочу жить, вѣрить, любить, я хочу быть счастливой!... Я должна узнать истину, и все разъяснится...» Тутъ я увидѣла Соловья, того самаго, котораго я слушала, когда въ первый разъ прилетѣлъ ко мнѣ Мотылекъ. Какъ бы угадавъ мое страданіе, какъ бы желая утѣшить меня, онъ пѣлъ изо всѣхъ силъ, на близкой вѣткѣ. «Кто одаренъ свыше такимъ даромъ, тотъ долженъ быть добръ и благороденъ...» обратилась я къ нему. Онъ разомъ прервалъ свою пѣснь на звучной, энергической трели, и сталъ слушать меня съ грустнымъ вниманіемъ».

«Ты — пѣвецъ любви, ея радостей, ея печали; ты поймешь меня... кончила я: — не откажи же сослужить мнѣ въ дружбу — лети... ищи его!... Тебѣ легко всюду заглянуть, вездѣ тебѣ рады — и въ роскошныхъ садахъ, и въ дремучемъ лѣсу, и въ хоромахъ царскихъ, и въ хижинѣ бѣдняка... А коли найдешь его, то разскажи ему про меня, про мою тоску — только, знаешь, осторожно, чтобы не обидѣть, не огорчить его — и спроси его... когда онъ опять будетъ ко мнѣ?...»

«Полетѣлъ Соловей. Прождала я, промучилась цѣлый часъ!... Не знаю какъ у другихъ созданій, но для насъ, цвѣтовъ, часъ времени — вѣдь это большая часть нашей жизни... Но все проходитъ — пережила я и этотъ часъ».

«Вотъ возвращается Соловей....»

«Да кажется и Мотылекъ съ нимъ! Я знала, я была увѣрена!... Нѣтъ, то молнія сверкнула — я обманулась».

«Вернулся Соловей, сѣлъ на ту же вѣтку, и молчитъ...»

«Нашелъ его?... Ужъ сама не понимаю, какъ у меня хватило силъ спросить его».

«Нашелъ».

«Что-же?....»

«Онъ не стоитъ тебя».

«Говори мнѣ всю правду, не бойся за меня, я сильна.....»

«Постарайся забыть его».

«Да гдѣ ты его видѣлъ? Съ кѣмъ?....»

«Если Соловей заупрямился и не хочетъ говорить, то ужъ такъ и быть, *я* разскажу вамъ про этотъ казусъ, вмѣшался панцырный Жукъ (Я и не замѣтила, какимъ образомъ онъ тутъ же очутился). — Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи тайкомъ слѣдить за Соловьемъ. Онъ нашелъ вашего друга, мимолетомъ, тамъ гдѣ и не думалъ его искать, тамъ, гдѣ я вчера и сегодня его видѣлъ — въ сосѣднемъ *огородѣ* у Подсолнечника — это и есть его новая страсть».

«Въ огородѣ! Подсолнечникъ!... воскликнула я».

— Подсолнечникъ?! Подсолнечникъ!! съ выраженіемъ крайняго изумленія раздавалось и переходило, точно эхо, по всѣмъ рядамъ слушавшихъ Розу цвѣтовъ.

— Да! мои друзья и подруженьки... отвѣтила Роза на негодующій возгласъ цвѣтовъ.

«Я подслушалъ разговоръ вашего посланнаго съ Мотылькомъ, продолжалъ панцырный Жукъ: — съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ онъ разсуждаетъ о Подсолнечникѣ...

«Наконецъ» говоритъ «я нашелъ олицетворенie того идеала» говоритъ «къ которому я тщетно стремился всю жизнь!» говоритъ. «О, Подсолнечникъ!... Моя первая настоящая, моя послѣдняя любовь!»... говоритъ. «Полюбуйся, Соловей, на эту величественную осанку, на эту многолѣтнюю опытность, на это желанie приносить мiру существенную пользу, на этотъ яично-желтый цвѣтъ!» говоритъ. «Какъ ничтожны и скучны всѣ цвѣты въ мiрѣ въ сравненьи съ Подсолнечникомъ!» говоритъ, «особенно же моя послѣдняя знакомая, Роза — Ухъ! наконецъ-то отдѣлался отъ нея!»... говоритъ. Если я лгу, прибавилъ панцырный Жукъ,—то пусть Соловей изобличитъ меня».

«Но Соловей молчалъ».

«Прощай, проговорилъ онъ тихо, и вспорхнулъ крыльями: — не стану пѣть теперь — знакомые звуки, когда-то тѣшившiе тебя, еще сильнѣе растравили бы твою боль».

«Подсолнечникъ — да это даже смѣшно!...» сказала я, и попробовала засмѣяться — но не смогла. И что-то странное стала я ощущать: въ воздухѣ жарко, даже душно, а меня пронимаетъ страшный холодъ — точно морозъ, нашъ злѣйшiй врагъ, спѣшитъ безжалостно охватить меня. «Неужели уже зима?...» спрашиваю себя. Но нѣтъ — все покрыто роскошной зеленью, все въ цвѣту, жаворонки и малиновки радостно распѣваютъ — теперь лѣто, наша счастливѣйшая пора!... Отчего же я такъ мерзну, костенѣю:...»

«И почувствовала я, какъ этотъ непонятный холодъ глубоко, глубоко проникъ въ меня, — какъ блѣднѣютъ мои алые листочки, какъ стынутъ и леденѣютъ въ нихъ послѣднiя кровинки.... больше я не помню — я впала въ тяжкое забытье».

«Когда я сегодня утромъ очнулась, я себя не узнала— я была вся бѣлая!... Конченъ мой разсказъ. Объ одномъ еще попрошу васъ—помолитесь за меня!...»

Роза смолкла. И день ужъ клонился къ концу. Цвѣты и цвѣточки такъ были потрясены, что не съумѣли высказать своего участiя Розѣ. Всѣ они набожно наклонили свои головки, и, боясь громкими возгласами черезъ чуръ взволновать ее, начали молиться шопотомъ. Роза съ благодарностью взглянула на нихъ. Двѣ крупныя росинки трепетали на ея бѣлыхъ лепесткахъ. Одна тяжело скатилась. Другую остановилъ лучъ заходящаго солнца— съ любовью и состраданiемъ прижалъ онъ ее — и она незамѣтно исчезла.

Все затихло. Вдругъ запѣлъ Соловей. Пѣнiе это не походило на его прежнiя пѣсни — оно звучало какою-то необычайной, торжественной печалью. Но Роза узнала голосъ друга. «Мой Соловей... спасибо!...» прошептала она еще. И убаюканная соловьиной пѣснью, отогрѣтая солнечнымъ лучемъ, успокоенная молитвою цвѣтовъ, Роза задремала. Одинъ бѣлый лепестокъ задрожалъ и отпалъ, потомъ другой, третiй.... она начинала засыпать навсегда. Послѣднiй лучъ дня все еще, точно похоронный факелъ, освѣщалъ ее, и все еще раздавалась надгробная пѣснь Соловья и молились цвѣты.

Такъ Соловей, цвѣты и солнечный лучъ хоронили Бѣлую Розу.

А между тѣмъ, въ тиши растилающейся, звѣздной ночи, около умирающей Бѣлой Розы, уже распускается и пробуждается къ жизни ея дитя, и—о, чудо!—малютка также вся бѣлая!... Цвѣты такъ удивлены и взволнованы этимъ зрѣлищемъ, что на мгновенье перестаютъ молиться.

— Можетъ быть надобно разсказать этому бѣдному ребенку тайну его бѣлой одежды? спрашиваютъ они другъ друга съ заботливымъ недоумѣнiемъ.

— Къ чему?... говоритъ Лилея:—пусть это невинное молодое созданiе остается въ невѣденiи о горестяхъ, пережитыхъ *первой Бѣлой Розой*....

И юная Бѣлая Роза беззаботно, съ свѣтлой радостью встрѣчаетъ жизнь—такъ же мало подозрѣвая, что въ свѣтѣ бываютъ тяжкiя страданiя, какъ и не замѣчая, что въ эту минуту любуются ею, съ своихъ недосягаемыхъ высотъ, мирiады свѣтилъ и благоговѣйно дивятся одному изъ величайшихъ чудесъ мiрозданiя: рожденiю и красотѣ маленькаго цвѣтка на землѣ.

Ночь становилась все тише, спускалась все ниже, и уже, точно темнымъ покрываломъ, укутала цвѣты. Но они еще не засыпали... Совсѣмъ наклонившись, они продолжали что-то шептать — воздухъ наполнился дивнымъ благоуханiемъ — то была теплая молитва цвѣтовъ.

Иза Г....

Гоголь и Бѣлинскiй.

(*см. стр. 37*).

По концамъ Николаевской желѣзной дороги, въ двухъ главныхъ центрахъ русской общественной жизни, прiютились двѣ знаменательныя могилы. На окраинѣ первопрестольной столицы, неподалеку отъ Серпуховской заставы, надъ излучиною Москвы-рѣки высится съ насыпи Даниловъ монастырь—и въ одномъ изъ уголковъ его кладбища подъ развѣсистыми березами, стѣснилось въ кружокъ нѣсколько памятниковъ служителямъ русской мысли; тамъ, всторонѣ отъ легкой, бѣломраморной колонны, которую поставили одесскiе болгаре надъ прахомъ Венелина, близь темнаго саркофага Языкова, лежатъ могильная плита и каменная глыба, съ краткою надписью: «горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся». А въ Петербургѣ, на унылом пустырѣ Волкова кладбища есть другая могила. Въ первой, какъ извѣстно, похороненъ Гоголь, во второй — Бѣлинскiй.

Два имени—двѣ славы—два мiросозерцанiя.

Бѣлинскiй былъ самымъ яркимъ представителемъ всего того, что впослѣдствiи получило названiе западничества. Славянофилы причислили Гоголя къ *своимъ*,—по крайней мѣрѣ признавали его чуть не единственнымъ русскимъ поэтомъ. Прошло не болѣе двадцати лѣтъ по смерти того и другаго — и самыя слова «западникъ», «славянофилъ» потеряли всякое значенiе, въ наше недосужное время. Въ русскомъ лагерѣ нѣтъ болѣе ни западниковъ, ни славянофиловъ: остались одни русскiе люди — и таковыми несомнѣнно были Бѣлинскiй и Гоголь, если горячая, неподкупная любовь къ родинѣ даетъ право зваться ея сыновьями.

Читатели конечно не ждутъ отъ насъ ни бiографическаго очерка, ни посильной оцѣнки двухъ дѣятелей, которыми воспитано цѣлое поколѣнiе: дѣятельность ихъ слиш-

комъ громадна, судьба слишкомъ трагична, силы пишущаго слишкомъ ничтожны...

Помѣщая рядомъ портреты Гоголя и Бѣлинскаго, мы позволимъ себѣ лишь высказать нѣсколько мыслей по поводу прискорбнаго недоразумѣнія, возникшаго между великимъ поэтомъ и единственнымъ критикомъ сороковыхъ годовъ, — недоразумѣнія, возникшаго подъ конецъ жизни и едва ли не по окончаніи дѣятельности въ ея истинномъ, реальномъ смыслѣ: по крайней мѣрѣ и Гоголь, и Бѣлинскій въ то время находились въ колеблющемся, переходномъ состояніи. Бѣлинскій, защищавшій интересы науки—отъ глумленій и фантазій барона Брамбеуса, защищавшій искусство отъ наѣзда самозваныхъ ревнителей (теперь забытыхъ), сѣявшій философскія и эстетическія понятія въ массѣ читавшей публики, — вдругъ перешелъ къ вопросамъ соціальнымъ, политическимъ, жгучимъ, крайнимъ. Гоголь, въ апогеѣ своей славы, издалъ «переписку съ друзьями».

Кому не памятно, или по крайней мѣрѣ не извѣстно впечатлѣніе, произведенное этой книгой? «Я пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени» разсказывалъ о себѣ покойный С. Т. Аксаковъ. «Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія» говорилъ онъ по полученіи отвѣтнаго письма: «и продиктовалъ Гоголю другое, небольшое, но жестокое

(Рисовалъ К. О. Брожъ, рѣзалъ на деревѣ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ).

письмо.» Но тотъ же Аксаковъ въ 1852 году писалъ въ *московскія вѣдомости*: «смерть (Гоголя) все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе».

Бѣлинскій не дожилъ до этой «всепоправляющей» смерти поэта, и если друзья Гоголя смутились, если кроткій и престарѣлый авторъ «Семейной хроники» могъ вознегодовать до «жестокаго письма»,—удивительно-ли, что Бѣлинскій, въ тогдашнемъ его настроеніи, обрушился на Гоголя всей тяжестью своего карательнаго слова. Письмо Бѣлинскаго—къ Гоголю (писанное изъ Парижа)— не жестоко, оно ужасно: это конвульсивные удары, отъ которыхъ наносившій ихъ долженъ былъ страдать болѣе, нежели тотъ, на кого они падали. Гоголь написалъ въ отвѣтъ не менѣе рѣзко, но съ большею сдержанностью и даже не безъ теплоты, однако не послалъ этого письма, разорвалъ его — и оно лишь случайно уцѣлѣло въ клочкахъ между бумагами поэта. Въ другомъ письмѣ къ Бѣлинскому, положившемъ начало этой переписке, Гоголь говоритъ: «мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, даже нелюбящаго меня, тѣмъ болѣе васъ, который—думалъ я— любилъ меня». А Бѣлинскій не могъ не любить человѣка, котораго ставилъ такъ высоко и первый разъяснилъ его значеніе русской публикѣ. Какъ же должна была подѣй-

ствовать эта размолвка на такія чуткія, нѣжныя, болѣзненно-впечатлительныя натуры, какими надѣлены были Гоголь и Бѣлинскій?!.. И однако разрывъ послѣдовалъ — конечный.

Понятно, чѣмъ возбудила «переписка съ друзьями» такое страшное негодованіе въ Бѣлинскомъ, — который, съ одной стороны, находился въ то время подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ соціальныхъ идей запада, а съ другой— вполнѣ сознавалъ всю силу имени Гоголя, на заглавномъ листѣ книги, повидимому прямо враждебной всему западному.

Гораздо труднѣе вопросъ о томъ, что побудило Гоголя издать свою «переписку», — хотя объ этомъ вопросѣ въ свое время были написаны чуть не цѣлые томы. Послѣ опубликованія тѣхъ документовъ, въ которыхъ внутренняя жизнь автора «мертвыхъ душъ» выступаетъ съ полнотою—нетолько достаточною, но даже невѣроятною при скрытности характера Гоголя,—странно было бы повторять обвиненія въ желаніи достичь «небеснымъ путемъ— чисто-земныхъ цѣлей».

Еще страннѣе говоріть о какомъ-то крутомъ поворотѣ Гоголя къ религіознымъ идеямъ, или — какъ чаще говорилось — къ мистицизму. Въ письмахъ поэта и задушевныхъ бесѣдахъ его съ друзьями, отъ самой юности и до смерти, проходитъ эта религіозная мысль непрерывной нитью — и не замѣчать ея можно лишь умышленно.

Не помнимъ, кѣмъ впервые сдѣлано сравненіе «мертвыхъ душъ» съ «божественной комедіей» Данта; но нельзя не согласиться, что аналогія этихъ двухъ поэтическихъ произведеній несомнѣнна. Первый томъ «мертвыхъ душъ», со всѣми его мрачными сторонами русской жизни, вполнѣ соотвѣтствуетъ Дантову аду; второй (насколько онъ извѣстенъ) — чистилищу, переходному состоянію душъ; въ третьемъ — должны были предстать читателямъ райскія, свѣтлыя явленія, положительные русскіе типы. А извѣстно, какая роковая судьба тяготѣла надъ «положительнымъ типомъ» въ русской литературѣ: Пушкинъ умеръ — едва взявшись за него, Лермонтовъ мучился имъ и произвелъ одинъ слабый намекъ въ едва начатомъ отрывкѣ. Каковъ же долженъ былъ произойти переломъ въ міросозерцаніи Гоголя, который почти во всю свою дѣятельность «смѣялся горькимъ смѣхомъ», изображая отрицательныя стороны русской жизни?! Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что адъ, изображенный въ первой части «мертвыхъ душъ», постоянно терзалъ самого творца этого ада?

«Переписка съ друзьями», по словамъ самого автора была подготовленіемъ къ выходу изъ этой страшной обители скорби,—Гоголь хотѣлъ вызвать этою книгой всесторонніе отзывы, мнѣнія и сужденія, хотѣлъ заставить высказаться *русскаго человѣка*, чтобы еще ближе и глубже узнать его. Не будемъ разбирать ни искренности этого признанія, ни самаго содержанія книги, подавшей къ нему поводъ. Образъ Гоголя, умирающаго въ неизмѣнномъ настроеніи своего духа и предъ смертію сожигающаго свой «рай», слишкомъ величественъ, чтобы можно было усомниться въ искренности поэта, — или слишкомъ загадоченъ, чтобы сказать нѣчто положительное,—или же слишкомъ трагиченъ для какихъ бы то ни было обвиненій. Значеніе же его, какъ великаго писателя, конечно ни умножилось, ни уменьшилось по выходѣ въ свѣтъ «переписки съ друзьями»; такъ же какъ и значеніе Бѣлинскаго—вовсе не въ томъ политико-соціальномъ оттѣнкѣ, который такъ ярко проступаетъ въ послѣднихъ, предсмертныхъ его статьяхъ,—но до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не изсякнутъ интересы искусства, науки и философіи, имя Бѣлинскаго, какъ неутомимаго популяризатора ихъ, не будетъ чуждо тому народу, для котораго онъ трудился *до смерти* — и въ томъ и въ другомъ смыслѣ этого выраженія.

Заканчивая этимъ нѣсколько словъ къ прилагаемымъ портретамъ, мы не можемъ не выразить нашей признательности редактору «Голоса» и К. К. Случевскому, почтившимъ наше изданіе: первый — позволеніемъ скопировать для «Нивы» принадлежащій ему портретъ Гоголя, писанный масляными красками въ Римѣ, а второй — ссудою намъ двухъ гипсовыхъ масокъ, посмертныхъ слѣпковъ съ лицъ Бѣлинскаго и Гоголя.

Письма объ организаціи войскъ.

Мы живемъ въ такое время, когда всѣ говорятъ, что хотятъ мира,—и между тѣмъ вооружаются.

Война Пруссіи съ Австріею вызвала во всѣхъ государствахъ рядъ мѣръ, клонящихся къ усиленію войскъ и улучшенію ихъ вооруженія.

Во всѣхъ государствахъ потрачены громадныя суммы, преимущественно для снабженія войскъ оружіемъ — по прусскому образцу, и составленія резервовъ—тоже почти по прусскому образцу.

Въ 1867 году появилось въ печати нѣсколько словъ генерала Шангарнье, по поводу предпринимавшейся тогда во Франціи военной реформы. Вотъ что пишетъ онъ между прочимъ о прусскихъ ружьяхъ и ландверѣ. «Не считая игольчатое ружье (пресловутое, хотя и довольно посредственное военное оружіе) главною причиною прусскихъ побѣдъ, — признаемъ необходимость дать нашей пѣхотѣ такія-же ружья, или хотя-бы и кажущіяся таковыми, коими это счастливое государство такъ кстати вооружило свои баталіоны. Самые лучшіе генералы не въ состояніи передать духъ свой воину, если онъ будетъ думать, что онъ вооруженъ хуже непріятеля *) . . . . . .» и далѣе: « не смотря на легкія побѣды надъ «храбрымъ» австрійскимъ войскомъ, предводимымъ генералами, хотя и достойными его по мужеству, но коихъ образъ дѣйствія не долженъ былъ увѣнчаться успѣхомъ,—прусская армія, состоя изъ молодыхъ солдатъ и резервовъ, вдругъ оторванныхъ отъ мирныхъ занятій, доказала, что она не способна выдержать продолжительной кампаніи. Передъ непріятелемъ болѣе стойкимъ она-бы растаяла, несмотря на свою неоспоримую храбрость, гораздо ранѣе достиженія предназначенной ей цѣли.»

Съ этимъ взглядомъ мы совершенно согласны. Спросятъ — что-же однако нужно дѣлать, чтобы армія не таяла?

Надобно сдѣлать, чтобы она лучше удовлетворяла своему назначенію, т. е. была лучше организована.

*) т. е. если въ войскѣ будетъ игольчатая паника, какъ мѣтко выразился г. Драгоміровъ.

Организація должна обнимать все, что касается до быта, воспитанія, вооруженія и содержанія солдата. Въ тоже время она даетъ способы и правила, по которымъ отдѣльныя личности сводятся въ общія строевыя массы, и по которымъ эти массы дѣйствуютъ противъ непріятеля, въ походахъ и сраженіяхъ, для достиженія извѣстныхъ политическихъ цѣлей.

По этому организація состоитъ изъ А) набора, Б) обмундированія, обученія и довольствія войскъ, и В) способа управленія ими и ихъ употребленія.

Наборъ зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится государство въ извѣстный періодъ своего развитія. Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена мы встрѣчаемъ различные способы набора, отъ чего однако существенно зависитъ духъ войскъ. Во Франціи напр. по системѣ конскрипціи, для поступленія въ военную службу, нѣтъ никакой разницы между сословіями, отчего въ рядахъ войска встрѣчается много рядовыхъ различныхъ классовъ — и иногда даже высокаго образованія. При впечатлительности и воинственномъ характерѣ народа, очевидно подобное равенство сословій оказываетъ арміи значительную услугу и поддерживаетъ духъ войска въ весьма высокой степени.

Въ Англіи, какъ странѣ богатой, торговой и промышленной, военная служба весьма не любима народомъ. Обстоятельства дозволяютъ Англіи, сравнительно съ другими великими державами, содержать сухопутныхъ войскъ весьма немного, — да и на содержаніе того числа ихъ, которое есть, правительство ежегодно испрашиваетъ согласія у парламента. По этому въ военную службу набираютъ ежегодный контингентъ посредствомъ вербованія изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, изъ его подонковъ, какъ говоритъ Веллингтонъ. За весьма высокую цѣну набираются эти охотники по тавернамъ, кабакамъ и т. п. мѣстамъ и притонамъ всѣхъ многолюдныхъ городовъ. Въ офицеры большею частію поступаютъ, покупая себѣ чины, младшіе члены аристократическихъ семействъ, — и между офицеромъ и солдатомъ никогда не бываетъ того нравственнаго сродства, которое въ случаѣ надобности увлекло-бы солдата (какъ это, напротивъ, весьма обыкновенно во Франціи). Очевидно, что духъ британскихъ войскъ долженъ быть совсѣмъ иной, нежели французскихъ.

Австрія, состоящая изъ частей самыхъ разнородныхъ и часто враждебныхъ другъ другу, вынуждена формировать свою армію по національностямъ. Есть полки венгерскіе, кроатскіе, нѣмецкіе, чешскіе, италіянскіе и т. д., что́ не можетъ не отзываться вреднымъ образомъ на арміи, тѣмъ болѣе что для Австріи не можетъ быть такого непріятеля, который-бы не пользовался сочувствіемъ къ себѣ какой-либо изъ ея народностей.

Прусская система ландвера очень извѣстна: короткій срокъ службы, отъ чего — слабыя кадры во время мира, и сильная армія во время кампаніи. Но не мѣшаетъ однако припомнить и тѣ условія, при которыхъ она дѣйствуетъ. Возникнувъ въ одну изъ тѣхъ тягостныхъ эпохъ, когда дѣло шло о томъ: быть или не быть государству, — при всеобщемъ возстаніи Германіи въ 1813 году, когда народный инстинктъ, неумолимый въ своей ненависти противъ Наполеона, самъ изыскивалъ такъ - сказать способы и средства бить непріятеля (чему въ обыкновенное время войска обучаются только съ большимъ трудомъ) и при томъ при помощи побѣдной и закаленной въ бояхъ русской арміи, истребившей такую-же у ихъ притѣснителей, — германская армія, правда, явила чудеса энергіи и мужества. Тѣмъ не менѣе мы спросимъ: слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы система эта была такъ соблазнительна?

Принимая во вниманіе, что энтузіамъ нѣмцевъ къ единству общаго фатерланда, хотя-бы и подъ знаменами не очень любимой ими Пруссіи, постоянно одушевлялъ Германію съ самой войны 14-го года (такъ что въ 1849 году прусскому королю предлагали корону Императора Германіи), — принимая во вниманіе, а) что прусскіе корпуса всегда стоятъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ расположенія, и комплектуются изъ близь лежащихъ мѣстностей, б) что при незначительномъ пространствѣ Пруссіи, изрѣзанномъ желѣзными дорогами, въ ней нѣтъ почти никакой племенной разницы, в) что при густомъ населеніи въ городахъ и маломъ въ деревняхъ, при всеобщей грамотности, національныхъ гимнастическихъ и стрѣлковыхъ школахъ, въ прусскую армію поступаютъ люди хорошо физически и умственно развитые, — очевидно, что все ихъ обученіе должно заключаться только въ томъ, чтобы растолковать солдату, что́ отъ него требуется.

Когда онъ это понялъ, его смѣло можно уволить въ отпускъ, и въ случаѣ призыва на защиту отечества, отпускные возвратятся въ свои-же полки (какъ самые ближайшіе и съ коими они не прерывали своихъ связей), гдѣ найдутъ непремѣнно то же, что́ въ нихъ и оставили. Принимая, говоримъ все это во вниманіе, можемъ заключить, что эта система прекрасна для Пруссіи, въ особенности для войны непродолжительной. Но было-бы, кажется, большою неосторожностью увлекаться ею особенно, когда изъ взятыхъ нами примѣровъ ясно можно видѣть, какое вліяніе на войско оказываетъ страна и наборъ.

Нашъ наборъ состоитъ въ томъ, что съ каждой тысячи душъ мужскаго пола правительство призываетъ на службу ежегодно извѣстное число людей. При той разности правъ, которая существуетъ между сословіями, ни дворянство, ни духовенство, ни купечество не входятъ въ составъ арміи иначе, какъ съ извѣстными преимуществами. При слабомъ развитіи народнаго образованія, всѣ образованные люди, т. е. имѣющіе университетскія или гимназическія права, по необходимости раздѣляютъ тѣ-же преимущества. Такимъ образомъ вся повинность падаетъ на крестьянъ, т. е. сельскихъ землепашцевъ, или на мѣщанъ, мелкихъ промышленниковъ, причемъ послѣднихъ не болѣе 10% — даже менѣе.

Частые и большіе города, при густомъ многолюдствѣ на небольшихъ пространствахъ, и при легкихъ сообщеніяхъ, значительно вліяютъ на образъ жизни, занятія, мысли и потребности сельчанъ, производя на нихъ нѣчто подобное вліянію нѣкоторыхъ изъ нашихъ торговыхъ городовъ на пригородныя слободы, или нашихъ большихъ дорогъ на придорожныя деревни. Тамъ уже нельзя въ сельскомъ бытѣ отыскать чистаго типа, заключающагося по преимуществу въ крайнемъ консерватизмѣ. Напротивъ, народъ сживается тѣснѣе — и въ этомъ обобщеніи, развиваясь болѣе быстро и однообразно, приближается все ближе и ближе къ равенству сословій, по мѣрѣ своего образованія. Это именно Пруссія намъ и представляетъ.

На неисходномъ пространствѣ нашего отечества живетъ самою разнообразною жизнью множество племенъ, не только чуждыхъ другъ другу по языку, понятіямъ, религіи, обычаямъ, но даже иногда чуждыхъ и всякому пониманію чего-нибудь иного, кромѣ усвоеннаго ими ихъ образомъ жизни. Покорность судьбѣ, любовь къ родинѣ, привычку ко всякимъ трудамъ и лишеніямъ — вотъ все, что́ можетъ дать народъ нашъ, начиная съ господствующаго племени. Въ этихъ обстоятельствахъ армія наша является ассимилирующимъ и цивилизующимъ звѣномъ въ цѣпи нашихъ государственныхъ учрежденій. Инородцы

въ службѣ русѣютъ и передаютъ все усвоенное ими своимъ землякамъ; причемъ это совершается конечно само собою, помимо воли и сознанія передающихъ и принимающихъ, — путемъ чисто практическимъ. Ясно, что если армія есть громадная школа для громадной Россіи, то эта школа должна быть по преимуществу практическою — а для того, чтобы чему-нибудь научиться, нужно время.

Это приводитъ насъ къ различнымъ соображеніямъ о срокахъ службы. Сообразно развитію страны и продолжительность службы не бываетъ одинакова въ государствахъ. Она зависитъ прежде всего отъ тѣхъ элементовъ, изъ коихъ комплектуется армія, или другими словами — отъ степени умственнаго и экономическаго развитія страны, и большей или меньшей воспріимчивости и впечатлительности народа. Это такъ ясно, что не слѣдовало-бы объ этомъ и говорить, — если-бы многіе не были того мнѣнія, что вообще, чѣмъ срокъ службы короче, тѣмъ лучше. Но этого мало — нужно дать себѣ отчетъ, чего надо требовать отъ арміи и для чего нуженъ короткій или долгій срокъ службы. Мы сказали, что армія есть школа, но прибавили, что эта школа по преимуществу практическая, обучающая, какъ и самая жизнь. Она не въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Ея экзаменами повѣряется вѣрность престолу и отечеству, мужество и находчивость во всякихъ случаяхъ, готовность умереть на посту долга и чести, — словомъ: всѣ плоды знанія и любви военнаго дѣла, но не съ теоретической, а чисто съ военной, практической точки зрѣнія.

Посмотримъ, можетъ-ли быть желателенъ и полезенъ для нашей арміи короткій срокъ службы?

Если вообще всякая армія тѣмъ лучше, чѣмъ подъ ея знаменами болѣе опытныхъ и старыхъ солдатъ, — то имѣя въ виду какъ и изъ кого набирается наша, можно-ли надѣяться образовать ее въ короткое время?

Возьмемъ простаго, смирнаго, бѣднаго мужика, котораго обстригутъ, умоютъ, обмундируютъ, дадутъ въ ружье и поставятъ въ строй. Ему все дико, все внѣ его привычекъ, все рѣзко противуположно тому, чѣмъ онъ жилъ. Мысль объ родныхъ и брошенныхъ можетъ-быть безъ помощи женѣ и дѣтяхъ не будетъ-ли отвлекать его отъ требованій службы? Къ тому-же рекруты почти поголовно всѣ безграмотные — и не только не умѣютъ писать, но часто не умѣютъ назвать правильно мѣста своей родины, дабы извѣстить своихъ родныхъ, гдѣ находится полкъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что — по закону природы — чѣмъ долѣе находимся мы съ кѣмъ нибудь въ разлукѣ, тѣмъ рѣже является намъ мысль объ немъ; то поймемъ, почему старые солдаты тоскуютъ по родинѣ менѣе молодыхъ. Напротивъ, старики сживаются съ своимъ знаменемъ и не любятъ переходовъ — не только изъ полка въ полкъ, но даже изъ роты въ роту; побѣги между ними гораздо рѣже нежели между молодыми — и замѣчательно, что побѣги всего чаще бываютъ на 2-мъ или на 3-мъ году службы, т. е. именно тогда, когда рекрутъ осмотрѣвшись рѣшается или служить честно, или пропадать отъ тоски, какъ онъ выражается, — т. е. тогда, когда въ немъ окончательно происходитъ внутренній переходъ его отъ недавняго крестьянина въ настоящаго солдата. Если побѣги случаются раньше, то навѣрное — изъ наемщиковъ или мѣщанъ. Послѣдніе рѣдко бываютъ хорошими солдатами, ибо большая часть, будучи промышленниками, мастеровыми или сидѣльцами, при порядочномъ поведеніи навѣрно была-бы выкуплена хозяевами или обществомъ; если же идутъ въ рекруты, то потому, что по неблагонадежности не имѣютъ кредита въ обществѣ. Срокъ обученія рекрута у насъ полагается 6-ть мѣсяцевъ (иногда и 3), но обученіе это есть чисто механическое, способное только подготовить, разрыхлить умственную и нравственную почву рекрута и поставить его въ строй съ старыми солдатами. Это положительно все, чего можно достичь; по той простой причинѣ, что дабы сдѣлатся настоящимъ солдатомъ — надо втянуться въ службу и полюбить ее, а на это не хватитъ времени въ 6 мѣсяцевъ. Принимая во вниманіе, что по малому развитію ремеслъ и промысловъ въ Россіи, при ея рѣдкомъ населеніи, у насъ ни одна часть не можетъ обойтись безъ своихъ мастеровыхъ, что поступаютъ таковые весьма рѣдко, что приготовлять ихъ не легко и на это нужно цѣлые годы (почему настоящую пользу службѣ нашъ солдатъ и можетъ оказать только тогда, когда въ другихъ арміяхъ онъ уже подлежалъ-бы увольненію), — мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что по нашему мнѣнію 10-ти лѣтній, нынѣ закономъ установленный срокъ дѣйствительной службы есть тотъ наименьшій предѣлъ, за которымъ сокращеніе его едва-ли можетъ быть полезно — по крайней мѣрѣ при существующихъ условіяхъ.

Посмотримъ, однако, для чего желательна короткость службы въ видахъ самого солдата. Если сдѣлать, чтобы всѣ одинаково поступали на службу 20-ти лѣтъ *), то принять за правило, чтобы ранѣе этого возраста и не вѣнчали могущихъ быть призванными въ службу. Въ 30-ть лѣтъ, въ самой цвѣтущей порѣ, не мало испытавъ жизни, безсрочноотпускной солдатъ прійдетъ на свою родину и конечно можетъ устроиться, какъ ему угодно, — тѣмъ болѣе, что правительство даетъ ему и землю, и усадьбу. А можетъ быть онъ на службѣ и выучился чему-нибудь — грамотѣ или какому-нибудь мастерству **). Чего-жъ нужно? положеніе въ его кругу, кажется, довольно видное. Допустимъ, что онъ вступилъ на службу не 20-ти, а 21 года; случится тоже самое годомъ позже — вотъ и все. Для чего-же желать еще болѣе короткаго срока службы?

Если мы возьмемъ военное состояніе нашей арміи въ $1^1/_2$ милліона, что теперь и есть, будемъ сокращать сроки все болѣе и болѣе, то можемъ дойти конечно и до прусскихъ 2-хъ лѣтъ; значитъ, каждый годъ нужно будетъ набирать 375 тысячь рекрутъ на укомплектованіе кадръ, какъ половины безсрочно-отпускныхъ, и столько-же выпускать изъ кадръ. Другими словами: громадное количество народа будетъ бродить взадъ и впередъ по Россіи, будетъ тяготить наборами и рекрутскою повинностью земледѣльческое сословіе, которое конечно уже не станетъ пополняться безсрочными или отставными, ибо, отвыкши отъ сохи, къ ней привыкать трудно. Будетъ то, что, безъ пользы оторвавъ отъ дѣла однихъ и не выучивъ другихъ, мы наполнимъ армію дѣтьми неспособными выносить трудности похода. Никакой резервъ не выученный хорошо считаться имъ не можетъ. Это будетъ только родъ ополченія, боевое значеніе коего будетъ равно нулю, а финансовое, по случаю истребленія провіанта, весьма чувствительно. Споръ громадныхъ массъ съ ме-

*) Извѣстно, что государственные крестьяне по жеребьевой системѣ сдаются въ рекруты 21-го года, а освобожденные отъ крѣпостной зависимости по очередной — 20-ти лѣтъ.

**) Знаніе и умѣнье не одно и то же. Грамотностію можно пріобрѣсти первое, а мастерствомъ второе. Послѣднее пріобрѣтается солдатомъ легче, потому что не требуетъ развитія ума, и выгоды скорѣе и очевиднѣе.

нѣс многолюдною, но хорошо содержанною и выученною арміею—рѣшенъ давно.

Со временъ Даріевъ, Атиллъ и Чингисхановъ—сила войска всегда будетъ въ его вождѣ и его дисциплинѣ. Лучшія кампаніи Наполеона были не тѣ, въ коихъ онъ громилъ своихъ противниковъ съ полумилліонною ордой, —а напримѣръ, Италіянская, гдѣ дѣйствовалъ онъ 4-мя или 5-ью дивизіями. Мармонъ весьма основательно говоритъ, что арміею болѣе 100 или хотя 150 тысячъ уже нельзя хорошо командовать. Геніальнымъ соображеніямъ нѣтъ мѣста — все подчиняется средствамъ продовольствія. 12-й годъ это разительно оправдываетъ, равно какъ и война 53—56 годовъ. Хорошо организованная армія, по нашему, лучше, нежели многочисленная; къ тому же и дешевле.

Подполковникъ Коптевъ.

(Продолженіе будетъ.)

Церковь Василія Блаженнаго.

(Покровскій Соборъ во Рву).

Кто хочетъ знать Россію—побывай въ Москвѣ.

Карамзинъ

Исторія Москвы есть исторія Россіи отъ XIV вѣка до нашихъ временъ, а вѣковѣчные памятники, находящіеся въ древней столицѣ (эта каменная лѣтопись величія и бѣдствій ея), служатъ наглядньмъ дополненіемъ къ знаменательнымъ событіямъ, происходившимъ въ нашемъ отечествѣ. Къ числу замѣчательнѣйшихъ зданій въ Москвѣ принадлежитъ храмъ *Василія Блаженнаго*, находящійся подлѣ Кремля, близь Спасскихъ (въ древности Фроловскихъ) воротъ [1]); это есть громадный, величественный памятникъ важнаго событія, совершившагося въ XVI столѣтіи.

Хотя владычество татаръ надъ Россіею кончилось уже въ исходѣ XV вѣка и крестъ возсіялъ надъ луной, но разрозненныя междоусобіемъ татарскія орды ютились еще кое-гдѣ, особенно въ Казани и въ Астрахани; казанское царство [2]), это каменное гнѣздо, основанное на развалинахъ болгарскаго царства, было грозно, могуче и богато вслѣдствіе торговыхъ сношеній своихъ съ Азіею. Казанцы неоднократно производили далекіе набѣги на окрестныя русскія области, губили жителей ихъ и грабили ихъ достояніе. Иногда, одновременно съ казанцами, въ наши предѣлы вторгались соплеменные имъ крымцы и татары ногайскихъ улусовъ. Въ половинѣ XVI вѣка Русь сплотилась уже въ единое тѣло и давала отпоръ врагамъ своимъ; но пока въ ней гнѣздились непримиримые, алчные и коварные противники христіанства — не предвидѣлось конца рѣзнѣ и ожесточенному избіенію людей. Нѣсколько разъ уже русскіе воеводы подступали подъ Казань, но татары отсиживались въ ней подъ защитою твердынь своихъ.

Насталъ 1552 г.; въ это время царствовалъ въ Россіи Іоаннъ IV Васильевичъ, тогда еще не грозный; по совѣту бояръ своихъ и съ благословенія митрополита Макарія, Іоаннъ въ торжественномъ собраніи боярской думы произнесъ: «пора сразить кичливую главу Казани!»—и велѣлъ готовиться къ рѣшительному походу на враговъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, выступая изъ Москвы съ многочисленною дружиною и съ знаменитыми воеводами, Іоаннъ поручилъ вѣдать Москву супругѣ своей, Анастасіи, сказавъ ей: «милуй, благотвори здѣсь безъ меня». Въ августѣ того же года, помолясь предъ иконою Богоматери, находившеюся въ станѣ Дмитрія Донскаго во время битвы его съ Мамаемъ, Іоаннъ подступилъ подъ Казань.

Начались губительныя сѣчи, приступы, вылазки, ожесточенныя схватки; на далекое пространство стонала земля, упитанная кровію и устланная трупами; татары защищались отчаянно, русскіе самоотверженно бросались на твердыни казанскія, втискивались въ ряды враговъ и сражались съ ними съ перемѣннымъ успѣхомъ. Время длилось, наступала непогодливая осень, завыли бури—полуразрушенная крѣпость держалась еще. ..

1 октября, въ день Покрова Пресв. Богородицы, Іоаннъ объявилъ войску своему, чтобы оно готовилось въ этотъ день *пить общую чашу крови*, т. е. къ рѣшительному приступу; воины, очистивъ душу свою исповѣданіемъ грѣховъ и вкусивъ тѣла Христова, подъ громомъ бойницъ двинулись на приступъ. Вспыхнула утренняя заря, раздались звуки бубнъ и трубъ, іереи служили молебенъ, и едва дьяконъ, читая Евангеліе, произнесъ: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*, вдругъ послышались раскаты громовъ—это было страшное дѣйствіе подкоповъ. Дрогнула окрестность, въ густыхъ облакахъ дыма взвились обломки башенъ и домовъ... Татары, съ крикомъ: *аллахъ, аллахъ!* пустили въ русскихъ тучу стрѣлъ и камней, скатывали со стѣнъ своихъ бревна, давили ими русскихъ и обливали кипящею смолою; татары стояли еще твердымъ оплотомъ хищнаго гнѣзда своего: царь ихъ, Эдигеръ, отбивался отъ русскихъ въ укрѣпленномъ дворцѣ своемъ; самъ Іоаннъ, подъ сѣнію хоругви, ободрялъ воиновъ; глубокіе крѣпостные рвы были уже завалены трупами — наконецъ пали твердыни казанскія, пылающій городъ былъ взятъ.

Воевода, князь Воротынскій, первый поздравилъ царя съ побѣдой; «радуйся, царь благочестивый!» воскликнулъ онъ: «теперь что прикажешь дѣлать?» — «Славить Всевышняго», отвѣчалъ Іоаннъ—и собственноручно водрузилъ крестъ на вражеской землѣ.

Эдигеръ преклонилъ колѣна предъ русскимъ царемъ, Іоаннъ великодушно простилъ его, и, смиренно принявъ поздравленіе отъ окружавшихъ его воеводъ, велѣлъ очистить городъ.

Величественно и торжественно, на богатоубранномъ бѣломъ аргамакѣ, въ предшествіи духовныхъ сановниковъ съ крестами и воеводъ своихъ, въѣзжалъ царь въ покоренный городъ; тамъ, со слезами умиленія и восторга, встрѣтили его плѣнные русскіе.

Іоаннъ заложилъ въ Казани каѳедральную церковь Благовѣщенія и, распорядившись правленіемъ города, началъ

---

[1]) Они названы такъ по образу Всемилостиваго Спаса, находящемуся на нихъ; въ древніе времена на нихъ были часы съ боемъ, о которыхъ въ лѣтописи сказано, что тогдашнее *часомѣрье было самозвонно, самобойко, самодвижно и преухищренно.*

[2]) *Казань* сл. татарское, знач. *котелъ*

собираться въ обратный путь въ Москву. Въ концѣ октября государь приближался уже къ столицѣ; онъ заѣзжалъ въ Троицкую обитель св. Сергія поклониться *молитвеннику о всей землѣ русской* [3]), и на другой день былъ уже на берегахъ Яузы. Лѣтописи говорятъ, что все пространство отъ селенія Растокина до Москвы [4]) было занято восторженными жителями столицы, лобызавшими руки, ноги царя и края одежды его. Между тѣсными рядами народа медленно подвигался Іоаннъ съ дружиною своею, привѣтливо кланяясь на обѣ стороны. Подъѣхавъ къ посаду Кремля (къ Китаю-городу), царь снялъ съ себя воинскую одежду, надѣлъ корону Мономаха, и, въ величественномъ смиреніи, отправился за крестами въ свою отчину пѣшкомъ.

Загудѣли колокола по всей Москвѣ; Іоаннъ вступалъ въ Кремль чрезъ Лобное мѣсто въ Спасскія ворота; за нимъ несли корону казанскаго царства и булаву Эдигера.

Вскорѣ послѣ того, дабы ознаменовать взятіе Казани и совершенное уничтоженіе золотой орды (въ день Покрова Пресв. Богородицы) достойнымъ памятникомъ для будущихъ вѣковъ, царь, по обѣту своему, въ возблагодареніе Богу, заложилъ въ Китаѣ-городѣ около Спасскихъ воротъ великолѣпный храмъ: *Покровскій Соборъ* [5]).

Самыя народныя историческія преданія — устныя, письменныя и изображенныя въ картинахъ—суть: *Мамаево побоище и Казанское взятье.*

Для сооруженія такого громаднаго храма, въ Кремлѣ, наполненномъ другими соборами и храмами, разными подворьями, зданіями, царскими садами и пр., не нашлось бы мѣста. Китай-городъ представлялъ къ тому болѣе удобства; впрочемъ и въ немъ тогда тѣснилось много зданій Онъ основанъ въ 1524 г., въ это время мать Іоанна Грознаго, Елена Глинская, выстроила между Кремлемъ и Китаемъ каменную стѣну, которая охватила пространство на 66 десятинъ; башни на этой стѣнѣ выстроены при Грозномъ [6]). Здѣсь прежде были посольскія подворья и жалованныя боярамъ дачи; около же самыхъ стѣнъ Кремля устроены были лавки и балаганы, *торгу ради;* здѣсь кипѣла мелкая промышленность. Такимъ образомъ основалась и *красная* (т. е. красивая) площадь съ *лобнымъ мѣстомъ*; на ней находилось отъ Никольскихъ до Спасскихъ воротъ 15 церквей [7]). Къ тому же это мѣсто, для построенія на немъ храма, и въ то время ознаменовано было уже важными событіями; Спасскія ворота (въ которыя и квакеры не могутъ входить съ покрытою головою) освящены многими религіозными обрядами и торжественными процессіями: тамъ цари и митрополиты со священнымъ соборомъ встрѣчали св. иконы, приносимыя изъ разныхъ городовъ; тамъ же встрѣчали святителей и вел. князей, возвращавшихся изъ Кипчакской орды; тамъ развѣвалось черно-зеленое знамя Донскаго, при походѣ его на битву съ Мамаемъ; тамъ неистовствовали и татары, вторгаясь въ Кремль...

Подлѣ этихъ же воротъ находилась и *звонница* — башня съ набатнымъ колоколомъ, возвѣщавшимъ народу какое нибудь важное, радостное или печальное событіе [8]). На Красной площади читались царскіе указы; сюда святители приходили давать народу свое благословеніе; сюда по призывному колоколу, стекались граждане обсуживать свои дѣла; здѣсь производились и торговыя казни Грознаго, и пиры народные, и даже гулянья [9]). На взлобье горы, во время крестныхъ ходовъ, приходили преосвященные продолжать свою молитву; наконецъ—здѣсь объявлялись москвитянамъ и наслѣдники престола, готовящіеся *послужить народу своему.*

Покровскій Соборъ заложенъ Іоанномъ на мѣстѣ бывшаго деревяннаго собора во имя св. Троицы, въ подгорьѣ, на южномъ концѣ Красной площади, которая въ концѣ XVI ст. называлась *Троицкою* и *Лобною*. Въ годъ взятія Казани (въ 1552 г.) въ Троицкомъ Соборѣ погребено было тѣло св. Василія Блаженнаго [10]). Имя зодчаго, по плану котораго выстроенъ былъ Покровскій Соборъ, къ сожалѣнію осталось неизвѣстнымъ. Про этого зодчаго есть недостовѣрное преданіе, что будто-бы Іоаннъ призвавъ его къ себѣ, спросилъ его: «можетъ-ли онъ построить храмъ лучше этого?» Зодчій отвѣчалъ, что можетъ; тогда царь велѣлъ его ослѣпить, сказавъ: «не хочу, чтобы гдѣ-нибудь храмъ былъ лучше этого».

Дѣйствительно, прекрасная и величественная архитектура Собора поражаетъ взоры и настроиваетъ душу къ высокимъ, благоговѣйнымъ помысламъ; въ этомъ согласны и многіе иностранцы, посѣщавшіе Москву. Здѣсь можно видѣть въ одной громадѣ соединеніе совершенно противуположныхъ архитектуръ: здѣсь представляется затѣйливый, пестрый вкусъ индійскихъ зданій, въ родѣ мрачныхъ, насупленныхъ пагодъ (временъ Буддистовъ); здѣсь величіе и благородство итальянской архитектуры, изящество и легкость мавританскаго зодчества, изысканность и узорочность въ украшеніяхъ готическаго и отчасти византійскаго стиля [11]). Здѣсь нѣсколько церквей сгруппированы въ одномъ многоглавомъ храмѣ; но ни одна изъ главъ, осѣняющихъ Соборъ, не имѣетъ сходства съ другою—всѣ различаются размѣромъ, стилемъ, краскою и формою: одна изъ нихъ винтообразная, другая пирамидальная, третья чешуйчатая, овальная, шишковатая; одна зеленая, другая красная, третья съ золотыми звѣздами и т. д. Вообще же этотъ храмъ, при всемъ разнообразіи частей своихъ, представляетъ строгое единство.

---

3) Царскій дворецъ въ Троицкой Лаврѣ обращенъ въ духовную академію.

4) На шесть верстъ.

5) Москва изстари именуется *домомъ Пресв. Богородицы*, такъ какъ Кіевъ—*второю Византіею, русскою божницею*, Новгородъ—*домомъ св. Софіи*, а Псковъ—*домомъ Всемилостиваго Спаса.*

6) Одни полагаютъ, что *Китай*—слово татарское, значитъ *Средній*, (между Кремлемъ и Бѣлымъ городомъ); другіе думаютъ, что это мѣсто названо такъ по имени *Kitaygrot*, города въ Подольскомъ восводствѣ, родины Елены Глинской.

7) Большая часть престоловъ ихъ помѣщена въ Покровскомъ соборѣ. Въ настоящее время это одна изъ обширнѣйшихъ площадей Москвы, въ длину она имѣетъ 135 саж. а въ ширину—отъ кремлевской стѣны до рядовъ—75 саж.

Лобное, т. е. высокое, видное мѣсто; есть преданіе, что здѣсь найденъ чей-то черепъ и поэтому будто-бы площадь названа *лобною.*

8) Это былъ новгородскій вѣчевой колоколъ, языкъ отнятъ у него въ 1700 г.—а послѣ пропалъ. Въ 1803 г. этотъ колоколъ былъ снятъ и перемѣщенъ въ Оружейную палату. Есть преданіе, что Іоаннъ III, разгромивъ Новгородъ, приказалъ вѣчевой колоколъ—*душу Новгородцевъ*—утопить въ озерѣ Ильменѣ.

9) Одна изъ самыхъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ начинается: *Я пойду во Китай-городъ гулять.*

10) Мощи его обрѣтены были при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, (сынѣ Грознаго).

11) Вмѣстѣ съ византійскимъ зодчествомъ введены въ Россію и разные орнаменты: розетки, узоры, золоченые листы; цвѣты, зубчики, валики, желобки, шарики, колечки, шишечки, грани, звѣздочки, столбики и пр. Тогда главнымъ предметомъ зодчества и вмѣстилищемъ художественныхъ произведеній были храмы; этимъ выражалась религіозная жизнь народа. Кровли церквей тогда были крыты чешуйчатымъ гонтомъ, черепицею, бѣлымъ желѣзомъ и позолоченою мѣдью; отъ златоверхихъ храмовъ и Москва получила названіе *златоглавой.*

Какая фантастическая форма этой груды крылецъ и террасъ! Весь Соборъ окруженъ крытою стеклянною папертью, между массивныхъ столбовъ готической формы, которые находятся у двухъ входныхъ крылецъ. Замѣчательно, что колокольня храма устроена (сверхъ обыкновенія) не на западной сторонѣ, а на юго-восточной, у самыхъ алтарей. Въ настоящее время этотъ храмъ противъ прежняго нѣсколько измѣненъ; неоднократно былъ онъ возобновляемъ, украшаемъ и увеличиваемъ пристройками.

Вокругъ Покровскаго Собора находился большой, широкій ровъ, заросшій кустарникомъ и травою; въ немъ росла земляника и водились дикія собаки; черезъ него перекинуты были деревянные мосты. 1-го октября, въ день Покрова Пресв. Богородицы, въ этотъ храмъ изстари и донынѣ совершается крестный ходъ чрезъ Спасскія ворота. Въ старинныя времена въ этотъ день ходили въ Соборъ дѣвушки-невѣсты молиться о счастливомъ супружествѣ, приговаривая:

Святой Покровъ,
Дѣвичью главу покрой!

При Іоаннѣ Грозномъ придѣлы къ Собору устроивались постепенно, но неокончательно. Въ 1557 г. (29 іюля) совершилось освященіе митрополитомъ Макаріемъ Покровскаго собора съ большимъ торжествомъ, въ томъ же году освященъ былъ придѣлъ во имя Св. Николая Чудотворца; остальные же семь придѣловъ освящены были спустя два года послѣ того, по повелѣнію царя Θеодора Іоанновича и по благословенію патріарха Іова. Къ Собору пристроена была въ то-же время каменная церковь, во имя Св. *Василія Блаженнаго* (Христа ради юродиваго), вслѣдствіе чудесъ, открывшихся отъ гроба его, 2-го августа 1588 г. Вотъ съ этого-то времени Покровскій Соборъ и сталъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Василія Блаженнаго*. На паперти около храма, цари, въ поминальные дни своихъ родичей, такъ какъ и въ Кремлѣ, давали нищей братіи *кормы*, панихидные столы; туда въ изобиліи выносили разные съѣстные припасы изъ казенныхъ кремлевскихъ подваловъ, гдѣ хранился *царскій кусъ*. Около Собора было пристанище юродивыхъ болящихъ, *калекъ-лежанокъ* въ лубяныхъ тележкахъ, и темныхъ-невидущихъ, и слѣпцовъ-рапсодистовъ, распѣвавшихъ гнусливымъ голосомъ притчи объ убогомъ Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, объ Θедорѣ Тиронѣ и проч. святыхъ.

Выше сказано было, что въ Соборѣ произошло много измѣненій [12]). Въ 1680 г. въ немъ находилось уже 20 придѣловъ, вверху и внизу [13]); они существовали до 1783 г. При всѣхъ этихъ придѣлахъ находились особые священники до 1771 г. (годъ моровавго повѣтрія въ Москвѣ): въ чумное же время многіе изъ нихъ померли. Въ продолженіе слѣдующихъ годовъ и нѣкоторые придѣлы были уничтожены, а нѣкоторые поновлены и вновь освящены. Въ 1775 г. надъ гробомъ Василія Блаженнаго сдѣлана новая рѣзная сѣнь [14]). Нынѣ въ верхнемъ этажѣ Собора находится 9 предѣловъ, а въ нижнемъ 2.

Въ верхнемъ: 1-й, главный, самый пространный изъ всѣхъ, храмъ—Покровъ Пресвятыя Богородицы; придѣлы: 2 — Входъ въ Іерусалимъ; 3 — Іоанна Милостиваго; 4 — Муч. Адріана и Наталіи; 5 — Живоначальныя Троицы; 6 — Преп. Александра Свирскаго; 7 — Св. Николая Чудотворца; 8 — Преп. Варлаама Хутынскаго; 9 — Священномуч. Григорія Великія Арменіи.

Въ нижнемъ этажѣ: 1-й—во имя Св. Василія Блаженнаго, гдѣ лежатъ и мощи его подъ спудомъ, а на гробницѣ—два креста отъ веригъ; 2-й—во имя Рождества Богородицы; тамъ, также подъ спудомъ, находятся мощи Св. Іоанна Блаженнаго, надъ гробницей его висятъ вериги, а тяжелый желѣзный колпакъ, который носилъ онъ, пропалъ во время нашествія непріятелей въ Москву, въ 1812 г.

Что касается до иконостасовъ тамошнихъ придѣловъ, то надобно замѣтить, что иконостасы старинныхъ церквей вообще, особенно въ XVII ст., украшались искусною и затѣйливою рѣзьбой на деревѣ, также вычурными прилѣпами и фризами; въ древнемъ иконописаніи изображался союзъ ветхозавѣтной церкви съ новозавѣтной. Стѣнопись во фрескахъ изображала притчи Евангельскія въ лицахъ, семь вселенскихъ соборовъ или дѣянія Святыхъ, для неграмотныхъ въ замѣнъ грамоты, а грамотнымъ въ назиданіе [15]).

Въ дополненіе къ описанію этого достопримѣчательнаго храма, скажемъ, что, начиная съ XVI ст., въ недѣлю Ваій (вербную, цвѣтоносную) бывалъ туда, при большомъ стеченіи народа, крестный ходъ — изъ Успенскаго Собора, изъ котораго выносили огромное дерево, искусственно украшенное разными плодами; дерево устанавливали въ обширныя сани и медленно везли чрезъ Спасскія ворота. Около дерева стояли отроки въ бѣлыхъ одеждахъ, представляя собою ангеловъ. Предъ позднею обѣднею и царь, сопровождаемый свитою бояръ, отправлялся изъ хоромъ своихъ сперва въ Успенскій Соборъ, а вышедши оттуда, въ предшествіи патріарха присоединялся къ крестному ходу, и шли они оба на это *дѣйство* подъ сѣнію хоругвей. За ними слѣдовало по порядку (младшіе впереди) черное и бѣлое духовенство съ дымящимися кадильницами и дежественниками (пѣвчіе), славословя Спасителя. Предъ иконами шли подьяки съ большими зажженными свѣчами, а за ними патріархъ съ посохомъ; съ правой стороны его дьяконы несли Евангеліе, а по лѣвую—большой фонарь и златожемчужный крестъ. По обѣимъ сторонамъ священной процессіи стояли шпалерами стрѣльцы и высились большія, расписныя разными колерами, кадушки съ воткнутой въ нихъ вербой [16]).

Вся эта процессія подходила къ Покровскому Собору и располагалась лицомъ въ востоку. Патріархъ, давъ благословеніе народу, вступалъ съ царемъ и съ избранными чинами въ придѣльный храмъ *Входа въ Іерусалимъ*; тамъ патріархъ облачался въ свою блестящую, златокованную ризу, а царь надѣвалъ на себя всѣ регаліи свои. Лобное мѣсто устилалось алымъ сукномъ, на которомъ ставился аналой подъ бархатною пеленою; около него стоялъ и *осля* подъ бѣлой попоной, а въ колесницѣ, за перилами, *благолѣпная верба* блистала зеленью и плодами. Прибывъ на Лобное мѣсто, патріархъ вручалъ ваіи, сперва царю, потомъ, чинъ по чину, предстоявшимъ особамъ; потомъ архидіаконъ читалъ Евангеліе; наконецъ патріарху подводили осля [17]) съ постланнымъ на немъ ковромъ. Патріархъ съ

---

[12]) Въ 1635 г. въ Москвѣ былъ сильный пожаръ, который истребилъ внутренность многихъ придѣльныхъ церквей Собора.

[13]) Царь Θеодоръ Алексѣевичъ и патріархъ Іоакимъ въ 1680 году приказали разобрать на Красной площади деревянныя церкви, за ветхостію, а придѣлы ихъ перенести въ Покровскій Соборъ.

[14]) Въ недавнее время улучшенная и вызолоченая.

[15]) Древнѣйшая византійская иконопись сохраняется на Аθонской горѣ.

[16]) Вербу ломали на берегахъ рѣки Неглинной и въ другихъ мѣстахъ Москвы.

[17]) Иногда осля замѣняли лошадью, покрытою бѣлою попоною, такимъ образомъ, что у нея видны были только одни глаза.

евангеліемъ и крестомъ въ рукахъ, вспомоществуемый духовными сановниками, усаживался бокомъ на осля — и трогался съ мѣста. Царь же, поддерживаемый боярами, велъ осля за конецъ повода, подъ уздцы вели дьяки. Патріархъ, на пути своемъ, крестомъ осѣнялъ тѣснившійся по сторонамъ его народъ, а протодьяконъ кропилъ его святой водою. Подъѣхавъ къ Спасскимъ воротамъ, патріархъ останавливался и читалъ молитву городу; въ это время раздавался повсемѣстный колокольный звонъ. Прибывъ къ Успенскому Собору, патріархъ сходилъ съ осля, вступалъ въ храмъ, принималъ у Царя ваію и совершалъ съ нимъ обрядъ цѣлованія [18]).

Во время нашествія въ Москву французовъ Покровскій Соборъ былъ раззоренъ; всю недорогую утварь (цѣнная была увезена въ Вологду), французы разбросали, съ престоловъ святотатственно сорвали не только одежды, но и срачицы, а нижніе храмы обратили въ конюшню. Наполеону не понравилась архитектура этого храма; онъ назвалъ его мечетью и хотѣлъ сжечь; но голодъ и холодъ принудили Наполеона скорѣе выбираться изъ Москвы. По изгнаніи непріятелей изъ столицы, всѣ придѣлы Собора опять были освящены (въ началѣ 1813 г.) преосвященнымъ Августиномъ. Наконецъ, въ наше время (съ 1839—1845 г.) внутри и снаружи Собора всѣ ветхости были исправлены, а стѣны вновь росписаны.

Въ настоящее время видимъ мы эту церковь очищенною отъ бывшихъ около нея разныхъ неприглядныхъ зданій и торговыхъ балагановъ [19]); теперь видимъ мы ее стоящую совершенно отдѣльно, окруженную широкими проѣздами; холмъ, на которомъ она сооружена, обложенъ съ двухъ низменныхъ сторонъ дикимъ камнемъ и обнесенъ красивою желѣзною рѣшеткою, а со стороны Спасскихъ воротъ и Лобнаго мѣста, почва уравнена съ основаніемъ храма, такъ что и признаковъ бывшаго тамъ рва не осталось. Предъ храмомъ устроена прекрасная эстрада, на которой во время крестныхъ ходовъ совершаются молитвы. Еще издали, отъ сѣвернаго конца красной площади (отъ Иверскихъ воротъ), представляется этотъ храмъ во всемъ величіи своемъ.

Въ дополненіе же къ описанію Спасскихъ воротъ прибавимъ, что въ нихъ, послѣ татарскаго періода, въѣзжалъ съ торжествомъ самозванецъ, сопровождаемый блестящею свитою, состоявшею изъ *крылатой* польской конницы; а вскорѣ послѣ того—Шуйскій, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой обнаженный мечъ, чтобы свергнуть съ престола самозванца. Что-же касается до Красной площади, то на ней (гораздо позднѣе описанныхъ происшествій) Петръ встрѣчалъ *новолѣтіе*—не съ 1-го сентября, какъ прежде, а съ 1-го января 1700 года по особому указу, по которому, хотя и съ сожалѣніемъ къ старому порядку, освященному вѣками, надобно было исполнить державную волю Петра. Накануиѣ новогодія на Красной площади все было приготовлено для встрѣчи его. Петръ самъ зажегъ тамъ первую ракету, это былъ сигналъ—вдругъ всѣ улицы ярко освѣтились, при колокольномъ звонѣ, при пушечной пальбѣ, при громкихъ восклицаніяхъ: ура! и при звукахъ трубъ и литавръ. На рубежѣ двухъ годовъ царь сталъ всѣхъ поздравлять съ новымъ столѣтіемъ и съ новымъ годомъ.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, предъ появленіемъ моровой язвы въ Москвѣ, на Красной площади стояли заштатные попы изъ разныхъ епархій, которыхъ граждане приходили туда нанимать (подешевле) служить литургію, всенощную, панихиды и прочія церковныя требы, напрям., *молитву въ шапку говорить:* за дальностію мѣстожительства нѣкоторыхъ обывателей неудобно было священникамъ посѣщать ихъ, въ такомъ случаѣ они и совершали этотъ печальный обрядъ; наниматели же, по невѣжеству своему, довольствовались имъ и приносили молитву въ шапкѣ домой. Нѣкоторые изъ поповъ держали въ рукахъ калачи, и, чтобы скорѣе покончить дѣло съ нанимателями, грозились, что вотъ-де сейчасъ закусятъ калачъ и послѣ уже не могутъ служить литургію. Преосвященный Амвросій уничтожилъ всѣ эти предосудительные поступки церковнослужителей, и предписалъ имъ строгія правила, какъ должно поступать при совершеніи требъ, соотвѣтственно ихъ сану. Тогдашнее духовенство за это не взлюбило преосвященнаго—и непріязнь эта къ нему была отчасти причиною убіенія его бунтовщиками въ страшное чумное время; это фактически извѣстно изъ описанія его жизни.

На широкомъ пространствѣ Красной площади Наполеонъ, которому душно было въ Кремлѣ, дѣлалъ парадный разводъ своей гвардіи. Храмъ Василія Блаженнаго былъ нѣмымъ свидѣтелемъ многихъ, многихъ важныхъ событій....

Въ заключеніе всего напомнимъ современникамъ, какъ ярко и великолѣпно былъ иллюминованъ Покровскій Соборъ въ 1856 году, августа 26, въ день коронованія нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра II: вся громада древняго зданія, арки его, узорные портики, карнизы, ниши — унизаны были огненными гирляндами. Особенно, съ Замоскворѣчья видъ на свѣтозарный Соборъ былъ поразительно хорошъ—и старецъ-храмъ какъ-будто ликовалъ въ это время....

С. ЛЮВЕЦКІЙ.

[18]) Иностранцы, видѣвшіе эту процессію, охуждали ее: они считали за стыдъ царю—вести за поводъ осла; но мы видимъ, что въ Вѣнѣ австрійскій императоръ въ великій четвергъ омываетъ ноги своимъ подданнымъ, представляющимъ Апостоловъ; это мистеріи изъ новозавѣтной церкви. Извѣстно, что ѣзда на осляти изображаетъ вшествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Этотъ обрядъ продолжался въ Россіи до Петра I.

[19]) До 30-хъ годовъ текущаго столѣтія здѣсь былъ ягодный рынокъ, переведенный нынѣ на Ильинскую площадь.

О пищѣ и пищевареніи,

съ медицинской и естественно-научной точки зрѣнія.

(*Продолженіе* *)

Бóльшая или мéньшая удобоваримость пищи зависитъ отъ весьма различныхъ обстоятельствъ. Чтобы изучить въ какой степени удобоваримо то или другое изъ питательныхъ веществъ, брали собакъ и дѣлали въ стѣнкахъ ихъ желудка разрѣзъ—фистулу, чрезъ которую можно было вводить питательное вещество извнѣ прямо въ полость желудка, смотрѣть въ самый желудокъ и слѣдить за его дѣятельностью, и наконецъ обратно вынимать пищу, послѣ

(*) См. Журналъ «Нива» № 2.

Покровскій Соборъ (Василій Блаженный) въ Москвѣ.

Рисовалъ К. О. Брожъ, рѣзалъ на деревѣ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

того какъ она переварится. Такимъ образомъ, судя по большей или меньшей продолжительности времени, въ теченіи котораго то или другое изъ питательныхъ веществъ совершенно переваривалось, можно было съ достовѣрностью опредѣлить различную степень ихъ удобоваримости. Но опредѣленіе это все таки основывалось на свойствахъ желудка собачьяго; какъ же относятся питательныя вещества къ желудку человѣческому — этого съ точностію не знали еще, и могли заключать лишь по аналогіи. Попытались приступить къ дѣлу инымъ путемъ. Одинъ знаменитый физіологъ давалъ людямъ проглатывать пищу, прикрѣпленную на снуркѣ, затѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени вытаскивалъ ее обратно въ ротъ, — смотрѣлъ, насколько она переварилась, и хотѣлъ по этому вычислить время, въ теченіи котораго извѣстное питательное вещество должно оставаться въ желудкѣ для полнаго сваренія. Впрочемъ, этотъ пріемъ далъ весьма невѣрные результаты, тѣмъ болѣе что добрый профессоръ производилъ свои опыты надъ студентами, заставляя послѣднихъ проглатывать прикрѣпленные на снуркѣ пряники, а коварная молодежь предпочитала перекусывать снурокъ и удерживать пряники въ желудкѣ на болѣе долгое время.

Впослѣдствіи, при обзорѣ питательныхъ веществъ мы коснемся и большей или меньшей удобоваримости ихъ; Теперь же изложимъ вообще тѣ условія, отъ которыхъ она зависитъ. Само собой разумѣется, что это составляетъ весьма важный отдѣлъ въ ученіи о питаніи. Неудобоваримая пища легко порождаетъ болѣзни желудка и кишечнаго канала — преимущественно потому, что требуетъ чрезмѣрной дѣятельности этихъ органовъ, долго въ нихъ остается, обусловливаетъ развитіе газовъ и кислотъ, и всѣмъ этимъ производитъ сильное раздраженіе. Отсюда, при слабости пищеваренія, выборъ легкой и удобоваримой пищи составляетъ главную задачу гигіены. Удобоваримость обусловливаетъ также и оцѣнку самой пользы тѣхъ или другихъ яствъ—такъ какъ тѣло наше тѣмъ болѣе всасываетъ питательныхъ веществъ, чѣмъ болѣе, а слѣдовательно и чѣмъ легче они перевариваются. Иная пища можетъ по своему составу казаться весьма питательною, но если она не переварена какъ надо, то извергается безъ всякой пользы—и вся питательность ея пропадаетъ даромъ.

Удобоваримость обусловливаютъ:

1) Химическій составъ питательныхъ веществъ. Вещества легкорастворимыя въ водѣ, каковы нѣкоторыя соли, сахаръ, животный и растительный студень, пектинъ (вещество, содержимое овощами) не требуютъ особенной силы пищеваренія. Они сами собой растворяются въ желудочной жидкости, не вызывая растворяющей ея дѣятельности. Перевариваніе крахмальныхъ веществъ уже нѣсколько труднѣе: они должны быть дѣйствительно переварены, т. е. превращены помощію особаго химическаго процесса въ растворимыя вещества; но работа эта достается не желудочному соку, а слюнѣ. Наибольшія требованія отъ желудка предъявляются бѣлковинными веществами, которыхъ растворенiе требуетъ сильнаго содѣйствія желудочнаго сока; поэтому и преработка ихъ гораздо тяжелѣ въ сравненіи съ веществами крахмальными. Труднѣе же всего одолѣваются жиры. Извѣстно, какъ сильно противится жиръ растворенію въ жидкостяхъ.

2) Частичность питательныхъ веществъ; жидкія вещества усвоиваются легче твердыхъ, которыя сначала должны раствориться въ желудочныхъ сокахъ; поэтому плотныя бѣлковинныя вещества перевариваются тѣмъ легче, чѣмъ они менѣе плотны, — мясо молодыхъ животныхъ легче мяса старыхъ—такъ какъ мускульныя волокна подъ старость становятся жестче и плотнѣе.

3) Количество и расположеніе неудобоваримыхъ составныхъ частей въ питательныхъ веществахъ. Эти части составляютъ ненужный и вредный балластъ въ органахъ пищеваренія. Чѣмъ болѣе такихъ частицъ содержитъ въ себѣ какое либо вещество, тѣмъ оно тяжелѣ для желудка. Хуже всего, если растворимыя составныя части (какъ въ нѣкоторыхъ растительныхъ веществахъ) одѣты нерастворимою клѣтчаткой и верхнею кожицею, затрудняющею пищеварительнымъ сокамъ доступъ—и тѣмъ болѣе, чѣмъ толще слой клѣтчатки и кожицы. Толщина его особенно велика у стручковыхъ и бобовыхъ растеній, а у всѣхъ вообще увеличивается съ большею зрѣлостью.

4) Плотное или рыхлое состояніе питательныхъ веществъ. Чѣмъ плотнѣе пища, чѣмъ менѣе въ ней поръ, тѣмъ труднѣе она переваривается. При этомъ пищеварительные соки дѣйствуютъ лишь на поверхность пищи, тогда какъ рыхлыя, пористыя вещества насквозь проницаемы. Квашенная (т. е. разрыхленная образованіемъ углекислоты) мучная пища удобоваримѣе прѣсной, хлѣбъ удобоваримѣе сухарей.

Въ вопросѣ удобоваримости немаловажную роль играетъ и самое состояніе желудка у различныхъ особей; оно обусловливаетъ многія уклоненія отъ вышеизложенныхъ правилъ. Такъ, напр., дѣти легче выносятъ легкую, удобоваримую пищу, нежели сильно возбуждающую и тяжелую; у многихъ же взрослыхъ, привыкшихъ къ тяжелой пищѣ, весьма нерѣдко эти самыя, легкія, удобоваримыя вещества перевариваются труднѣе прочихъ кушаньевъ—именно потому, что желудокъ, привыкшій къ сильному возбужденію и вслѣдствіе того ставшій менѣе чувствительнымъ, возбуждается ими слишкомъ недостаточно для того, чтобы отдѣлять желудочный сокъ въ избыткѣ; а по недостатку пищеварительнаго сока, вещества эти не перерабатываются какъ слѣдуетъ;—между тѣмъ какъ тяжелая пища, доставляя желудку привычное ему, сильное возбужденіе, вызываетъ обильное отдѣленіе желудочнаго сока, и потому легко переваривается.

Д-ръ. Ф. Гезеліусъ.

(Продолженіе будетъ.)

Новыя изобрѣтенія.

Воздухоплаваніе. — Велосипеды.

Изобрѣтеніе снаряда, съ помощію котораго можно было бы не только подниматься на воздухъ, но и двигаться по всѣмъ направленіямъ, даже противъ преобладающаго потока вѣтра,—т. е. постройка удобоуправляемаго воздушнаго корабля, составляетъ одну изъ тѣхъ задачъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ непрестанно трудится человѣческое остроуміе и духъ изобрѣтательности. Большая часть знатоковъ утверждаютъ, что въ данномъ случаѣ рѣшеніе невозможно. Впрочемъ, подобные приговоры должны быть произносимы съ крайнею осмотрительностью: ибо многое изъ того, что нѣкогда считалось за невозможное, впослѣдствіи сдѣлано возможнымъ. Наибольшее число

попытокъ, относящихся къ воздухоплаванію, произведено было въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Объ исходѣ подобныхъ попытокъ время отъ времени сообщаетъ «Scientific American»; мы полагаемъ, что нѣкоторое извлеченіе изъ новѣйшихъ извѣстій не безъ-интересно будетъ для нашихъ читателей.

По извѣстіямъ упомянутаго журнала, докторъ С. П. Андрусъ (Andrews) изъ Пертъ Амбоа, въ штатѣ Нью-Джерсей, болѣе всѣхъ и давно уже занимался воздухоплаваніемъ, жертвуя для такихъ попытокъ большею частію своего значительнаго состоянія. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ устроилъ воздушный корабль, возбудившій большія ожиданія; корабль этотъ устроенъ слѣдующимъ образомъ. Его составляютъ три цилиндра, каждый ста футовъ длины и двадцати въ поперечникѣ. Цилиндры, впрочемъ, только на три четверти длины своей цилиндричны, оканчиваются же съ обѣихъ сторонъ конусами; всѣ три цилиндра плотно соединены между собою продольными своими стѣнками и лежатъ рядомъ горизонтально. Будучи наполнены, они заключаютъ въ себѣ 80,070 кубическихъ футовъ газа и (если газомъ этимъ будетъ водородъ) поднимаютъ 5,720 фунтовъ. Корабль снабженъ нѣкоторымъ подобіемъ руля. Футовъ на 30 подъ нимъ виситъ, прикрѣпленная множествомъ веревокъ или проволокъ, сплетенная изъ тростника, открытая, 16 футовъ длины, лодка для воздухоплавателей; а въ ней во всю длину протянутъ канатъ, на которомъ (посредствомъ ворота и двухъ, устроенныхъ на концахъ лодки, блоковъ) ходитъ корзинка съ балластомъ, легко передвигаемая съ одного конца лодки на другой. Баластъ обыкновенно покоится въ центрѣ лодки, къ которому канатъ отпущенъ. Если передвинуть тяжесть на задній конецъ лодки, то корабль изъ горизонтальнаго положенія переходитъ въ наклонное подъ угломъ 10—20 градусовъ, а если при этомъ выкинуть немного балласта, корабль начинаетъ подниматься выше, и въ то же время давленіе на него верхнихъ слоевъ воздуха гонитъ его впередъ. Достигнувъ желаемой высоты, передвигаютъ тяжесть на передній конецъ лодки, отчего корабль наклоняется въ другую сторону, и если вмѣстѣ съ тѣмъ выпустить часть газа, то корабль, продолжая двигаться впередъ вслѣдствіе сопротивленія нижнихъ слоевъ воздуха, опускается на землю. Тутъ можно запастись новымъ балластомъ, выпущенный газъ пополнить изъ резервуара, въ которомъ содержится сильно сжатый водородъ, снова подняться на высоту и повторять это сколько угодно. Докторъ Андрусъ совершилъ уже одно путешествіе на такомъ кораблѣ, но по неизвѣстнымъ причинамъ вторичнаго путешествія не предпринималъ.

Другой воздушный корабль, въ видѣ модели для опытовъ, подъ названіемъ «Авитора» былъ выставленъ 2 іюля 1869 года въ нарочно-устроенномъ обширномъ зданіи Фридрихомъ Маріоттомъ, въ Шелль-моундъ-лекѣ. Корабль этотъ имѣетъ форму сигары, и состоитъ изъ аэростата, оплетеннаго тростникомъ или проволокой, 37 футовъ длины и 11 футовъ въ срединномъ поперечникѣ. Съ боковъ устроены два крыла, похожихъ на плавники рыбъ, а на заднемъ концѣ аэростата—винтъ снабженный лопатчатыми крыльями; — тѣ и другія приводятся въ движеніе паровой машиной. Въ закрытомъ пространствѣ Авиторомъ весьма удобно управлять, но на чистомъ воздухѣ это становится невозможнымъ, такъ какъ и этотъ корабль, подобно всѣмъ прежнимъ, слишкомъ зависитъ отъ направленія вѣтра.

Что же касается другой области изобрѣтеній въ сферѣ передвиженія, такъ называемыхъ самокатовъ, то Фр. Трефцъ въ Штутгартѣ изобрѣлъ новый велосипедъ, двигающійся *впередъ* и *назадъ*, и притомъ съ учетверенною противъ прежнихъ силою. Кромѣ того на эти велосипеды одинаково легко и удобно садиться, какъ на машины самыхъ большихъ размѣровъ, такъ и на маленькія.

Смѣсь.

Домашніе страусы.

Необыкновенная дороговизна крупныхъ, красивыхъ и притомъ безъ малѣйшаго изъяна, страусовыхъ перьевъ часто возбуждаетъ справедливыя жалобы дамъ. Цѣны этого товара въ послѣдніе годы возросли до чудовищныхъ размѣровъ; значительныя суммы перешли въ Алжиръ, Марокко, Египетъ и особенно въ Капскую колонію на мысѣ Доброй Надежды: она ежегодно высылаетъ этого товара на $1^1/_2$ милліона талеровъ; страусовыя перья стали втрое дороже противъ прежней цѣны—крупныя, бѣлыя перья продаются по 270 талеровъ за фунтъ, мелкія по 100 талеровъ, сѣрыя перья—по 30 талеровъ; впрочемъ перья изъ хвоста громадной птицы—гораздо дешевле: отъ 7 до 30 талеровъ за фунтъ.

При огромныхъ барышахъ доставляемыхъ этимъ товаромъ торговлѣ, весьма естественно возникъ вопросъ—нельзя ли акклиматизировать и размножить въ нашихъ странахъ ту птицу, которая доставляетъ столь цѣнныя украшенія. Прежде всего за это дѣло взялись въ Африкѣ—отечествѣ страуса.

Первые опыты были произведены въ Колесбергѣ (въ Капской колоніи) нѣмецкимъ поселенцемъ; онъ помѣстилъ 17 молодыхъ страусовъ въ огороженномъ пространствѣ; ихъ содержали и кормили такъ же какъ индѣекъ; перья собирались дважды въ годъ. Предпріимчивый поселенецъ весьма скоро нашелъ себѣ послѣдователей—и теперь прирученные страусы вовсе не рѣдкость въ Капской колоніи. Изъ отчета свелендамскаго общества сельскаго хозяйства видно, что средній двухгодичный его доходъ отъ каждаго страуса равняется 310 франкамъ.

На европейской почвѣ опыты впервые произведены были въ Мадридѣ и Марсели, но тамъ они удались лишь отчасти. Одинъ изъ парижскихъ торговцевъ назначилъ премію въ 2,000 франковъ за акклиматизированіе и размноженіе страуса въ Парижѣ, но преміи этой никто еще не заслужилъ, между тѣмъ какъ въ Алжирѣ, Санъ-Донато (близъ Флоренціи) и въ Гренoблѣ страусъ уже размножился до нѣсколькихъ поколѣній, и перьями его успѣшно торгуютъ.

Мы ограничимся сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣденій о страусномъ садѣ въ Гренoблѣ, гдѣ опыты начались еще въ 1864 году. Пара страусовъ, которую кормили травою и хлѣбнымъ зерномъ, начала рыть ямку въ пескѣ своей загородки. Вскорѣ затѣмъ самка снесла яйца, но высиживаніе ихъ предоставила самцу, который посвящалъ этому не менѣе 22 часовъ въ сутки. Разсказы о томъ, что будто бы страусъ не высиживаетъ яицъ, оставляя ихъ просто на солнечномъ припекѣ,—чистая выдумка. По истеченіи 44 дней произошли на свѣтъ первые пернатые граждане города Гренобля; за ними послѣдовали многочисленные братья и сестры; молодые страусы были не крупнѣе обыкновенной утки. Они рылись въ пескѣ, бѣгали за старками и, по видимому, чувствовали себя какъ нельзя лучше во французскомъ климатѣ; они приручились и выросли. Воспитатель этихъ страусовъ пишетъ: «я убѣжденъ, что размноженіе ручныхъ страусовъ можно уже считать фактомъ». Съ полутора-

годовалыхъ птицъ въ первый разъ собрали перья и выручили хорошія деньги. Но этого мало: страусовое яйцо, равняющееся двумъ дюжинамъ куриныхъ, вслѣдствіе толстой скорлупы его чрезвычайно долго не портится; на вкусъ оно превосходно и доставляетъ нѣсколько фунтовъ яичницы. Почему на карточкахъ нашихъ гостиницъ, возлѣ капскаго вина, не фигурировать и этой omelette à l'autruche? Наконецъ, мясо страуса имѣетъ вкусъ заячьяго и приготовляется различными способами. Но и тѣмъ еще не исчерпывается польза, приносимая этой птицей. Если смѣло заглянуть въ будущее, то въ страусѣ можно предвидѣть опаснаго конкуррента велосипедамъ. Онъ легко носитъ на себѣ человѣка, и африканцы нерѣдко ѣздятъ на немъ верхомъ. Онъ не уступаетъ скаковымъ лошадямъ. «Но это ужъ мечты», скажутъ намъ. Очень хорошо, не будемъ же забѣгать впередъ и ограничимся отчетомъ гренобльскихъ акклиматизаторовъ. Онъ гласитъ: «годовой расходъ на прокормъ каждаго страуса не превышаетъ у насъ 90 франковъ. Въ 1866 году мы выручили 300 франковъ за перья и 180 франковъ продажею яицъ. Такъ какъ валовой итогъ дохода составляетъ 480 франковъ, а расходъ на содержаніе нашей пары страусовъ—200 ф., то мы получили отъ *одной пары* 280 франковъ чистой прибыли; въ теченіе же 1865—67 годовъ, продавая молодыхъ, мы выручили 560 франковъ съ пары». Это уже вознаграждаетъ за трудъ и поощряетъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ.

Ядовиты-ли жабы?

Эти уединенныя животныя, какъ извѣстно, вовсе не принадлежатъ къ числу пригожихъ: зеленоватый цвѣтъ, большіе круглые глаза, широкое брюхо, медленная неуклюжая походка — все сложилось какъ-бы нарочно для того, чтобы возбуждать отвращеніе; къ тому же, про нихъ идетъ дурная слава, будто-бы они ядовиты, такъ что не всякій рѣшится брать ихъ въ руки, хотя собственно въ этомъ нѣтъ никакой опасности. Жабы дѣйствительно надѣлены однимъ изъ самыхъ сильныхъ ядовъ, но употреблять его для своей защиты онѣ не могутъ; онѣ не могутъ ни кусаться, ни выпрыскивать его.

Если внимательно разсматривать жабу, то на спинѣ ея замѣтно нѣсколько маленькихъ, кожею покрытыхъ бугорковъ. Если вскрыть ихъ скальпелемъ, то изъ нихъ потечетъ бѣловатая, чрезвычайно горькая жидкость, въ составъ которой входитъ сильнѣйшій ядъ.

Докторъ Карлъ Лёффлеръ въ послѣднее время многократно изслѣдовалъ это ядовитое вещество. Жабья жидкость дѣйствовала лишь на млекопитающихъ и птицъ, на пресмыкающихся же не оказывала никакого вліянія. Введенная въ кровь — она причиняла смерть; принятая же внутрь, въ органы пищеваренія, она не влекла никакихъ вредоносныхъ послѣдствій, такъ же какъ и змѣиный ядъ: можно совершенно безопасно высосать ядъ изъ ранки, нанесенной зубомъ ядовитой змѣи.

Нѣсколько маленькихъ птицъ были первой жертвою опытовъ д-ра Лёффлера. Онъ дѣлалъ легкій надрѣзъ въ перепонкѣ крыльевъ и вводилъ въ ранку нѣсколько миллиграммовъ сухаго или влажнаго жабьяго яду. Тотчасъ по отравленіи, птица, посаженная въ клѣтку, казалась ошеломленной и умирала минутъ черезъ пять или десять. Четверти грамма достаточно было для того, чтобы убить козла, который впрочемъ былъ старъ и боленъ. Ядъ ввели ему въ лопатку. Въ первые полчаса животное какъ-будто не замѣчало, что смерть разливается въ его жилахъ; но вскорѣ за тѣмъ показались признаки ея приближенія. Козелъ остановился неподвижно, вытаращилъ глаза, упалъ въ судоргахъ и околѣлъ черезъ полтора часа по введеніи яда въ его кровь.

Вотъ доказательства того, что жабы надѣлены сильнѣйшимъ ядомъ, хотя—повторяемъ—животныя эти вполнѣ безвредны, ибо ядъ этотъ глубоко залегаетъ подъ кожею и никогда не выступаетъ наружу.

Король Билли, послѣдній Тасманецъ.

Близь южной оконечности Новой Голландіи, отдѣленной отъ австралійскаго материка лишь узкимъ проливомъ, лежитъ большой плодоносный островъ Тасманія, нѣкогда пользовавшійся весьма дурной славою въ качествѣ колоніи для ссыльныхъ и болѣе извѣстный подъ именемъ Вандименовой земли. Въ то время, когда англичане впервые завладѣли этимъ островомъ, на немъ считалось до 200,000 туземцевъ, а 3-го марта 1869 года похоронили послѣдняго изъ уцѣлѣвшихъ. Тамъ свершилось ужасное дѣло: многочисленное населеніе исчезло всего въ какихъ-нибудь 66-ть лѣтъ, такъ какъ англичане лишь съ 1803 года начали колонизировать Вандименову землю. Наша европейская культура, наша цивилизація подѣйствовали какъ смертельный ядъ на темнокожихъ, нищихъ духомъ, туземцевъ, находящихся на самой низкой степени человѣческаго развитія. Болѣзни, занесенныя къ нимъ европейцами, водка и систематично-предпринимаемыя охоты на людей довершили остальное — и о тасманцахъ нынѣ говорятъ какъ о народѣ бывшемъ и вымершемъ. «Недоразумѣніе» стало причиною того, что съ самаго перваго вступленія англичанъ на этотъ островъ—между ними и туземцами возникла смертельная вражда. Грязная внѣшность, непріятныя, пожалуй даже отвратительныя привычки темнокожихъ—ѣвшихъ за лакомство червей, гусеницъ и насѣкомыхъ: все это сдѣлало ихъ ненавистными европейцамъ. Но этого мало для оправданія жестокостей, которыя совершались послѣдними. Каковы же онѣ были — видно уже изъ прокламаціи одного губернатора (въ 1810 г.), гласящей, что всякій, кто безъ причины или хладнокровно выстрѣлитъ въ туземца, подвергнется высшей мѣрѣ законнаго наказанія.

Меньшія же насилія въ то время почти вовсе не наказывались: нѣсколько ударовъ плетью считалось достаточнымъ возмездіемъ тому, кто изувѣчивалъ темнокожаго ребенка, напр., обрубалъ носъ и уши.

Естественнымъ слѣдствіемъ подобныхъ жестокостей—съ обѣихъ сторонъ разгорѣлась война до уничтоженія и съ одинаковой яростью. Ни одинъ поселенецъ не выходилъ изъ дому безъ оружія, на каждомъ шагу ожидая нападенія дикихъ — изъ за угла, изъ за куста, отовсюду. Весьма нерѣдко поселенцы выступали гурьбой, дѣлали облаву на дикихъ и стрѣляли ихъ какъ дичь. Въ 1830 году правительство нашло себя вынужденнымъ устроить всеобщую облаву на дикихъ, извѣстную въ лѣтописяхъ Тасманіи подъ именемъ «Черной линіи».

Равняясь въ линію, другъ возлѣ друга, цѣпью шли поселенцы по острову, надѣясь переловить дикихъ, но это не удалось. Однако число туземцовъ болѣе и болѣе таяло въ послѣдующія войны и особенно отъ болѣзней; послѣдніе изъ уцѣлѣвшихъ были пойманы въ теченіи 1830—35 годовъ и отправлены на островъ Флиндерса: ихъ оставалось всего 310 человѣкъ отъ многочисленнаго народа; но и тѣ перемерли въ теченіе 30-ти лѣтъ за исключеніемъ одного послѣдняго тасманца, Вильяма Лание, болѣе извѣстнаго подъ именемъ короля Билли, и трехъ тасманокъ.

Вильямъ Лание (король Билли) былъ крѣпкаго тѣлосложенія, красивъ и даже уменъ, если взять въ разсчетъ его расу. Онъ вступилъ матросомъ на китоловное судно и совершилъ нѣсколько рейсовъ по южному океану. Высокое происхожденіе Билли (отъ какого-то вождя) не мѣшало ему заниматься черной работой и любить ромъ; послѣдняя страсть и сгубила потомка властителей Тасманіи: онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ, 34-хъ лѣтъ отъ роду, 3-го марта 1869 года въ Гобартъ-тоунѣ, главномъ городѣ острова. Изъ трехъ тасманокъ—въ живыхъ осталась одна Труганина, по прозванію Лалла-Рукъ.

Нынѣ островъ Тасманія — цвѣтущая Британская колонія, со 100,000 жителей бѣлаго племени, многолюдными городами, обработанными полями пшеницы и желѣзными дорогами.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 15 Января 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. Типогр. А. Траншеля, на углу Невск. и Владим., д. № 45—

№ 4. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . . — » 60 к.
За упаковку . . . . — » 40 »
Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна за границей 5 талер

Маленькая графиня.

Повѣсть Октава Фелье.

(*Переводъ съ французскаго*).

Жоржъ Л. Полю Б. въ Парижъ.

Розель, 15-го сентября.

Уже девять часовъ, мой другъ, и ты только что пріѣхалъ изъ Германіи. Тебѣ отдаютъ мое письмо, и ты видишь по штемпелю, что меня нѣтъ въ Парижѣ. И вотъ, ты дѣлаешь недовольную мину, и ругаешь меня бродягой. Между тѣмъ ты садишься въ самое покойное кресло, вскрываешь мое письмо и узнаешь, что я поселился въ одной изъ мельницъ Нижней Нормандіи. — На мельницѣ! чортъ знаетъ что такое! что же онъ тамъ дѣлаетъ? — Ты жмуришься, брови твои сдвигаются; оставя на минуту чтеніе письма, ты уже воображаешь, что постигъ всю тайну — только однимъ усиліемъ воображенія. Внезапно, добродушная веселость озаряетъ твое лицо; насмѣшливая улыбка мудреца, умѣряемая снисходительнымь чувствомъ друга, дополняетъ выраженіе твоей физіогноміи; тебѣ кажется, что ты видишь сквозь театральное облако, на сценѣ комической оперы, хорошенькую, напудренную мельничиху, въ коротенькой, воздушной юбочкѣ, ажурныхъ чулкахъ, словомъ — твое воображеніе рисуетъ одну изъ тѣхъ крестьянокъ, которыхъ сердце бьется въ тактъ съ оркестромъ.

Но эти-то Граціи, носящіяся передъ тобою, и сбиваютъ съ пути твою мысль: моя мельничиха настолько похожа на ту, которая создана твоей фантазіей, насколько я похожъ на юнаго Колена; мельничиха въ дѣйствительности носитъ огромный чепецъ, покрытый густымъ слоемъ муки, юбка на ней изъ толстой шерстяной матеріи, способной оцарапать шкуру слона: короче, мнѣ часто случается смѣшивать мельника съ мельничихой, послѣ чего для тебя станетъ ясно, что я вовсе не интересуюсь біеніями ея сердца. По правдѣ сказать, я не зналъ какъ убить время въ твоемъ отсутствіи, и такъ какъ я не ожидалъ твоего возвращенія раньше мѣсяца, то и рѣшился испросить себѣ порученіе.

Генеральный совѣтъ *** департамента изъявилъ въ это время желаніе, чтобы развалины нѣкоего аббатства, называемаго Розель, были помѣщены въ число историческихъ памятниковъ: вслѣдствіе этого мнѣ поручили изслѣдовать на мѣстѣ законность такого притязанія. Я поспѣшно собрался и уѣхалъ въ главный городъ этого *артистическаго* департамента. Я прибылъ туда съ важнымъ видомъ человѣка, держащаго въ своихъ рукахъ судьбу памятника, близкаго сердцу мѣстныхъ жителей. И каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что никто и не подозрѣваетъ существованія аббатства Розель, или даже того, чтобы оно существовало гдѣ-нибудь на сто льё въ окружности. — Я явился въ префектуру подъ вліяніемъ этого разочарованія: префектъ, г. В......, котораго ты знаешь, принялъ меня съ обычной любезностью, но на вопросъ о развалинахъ Розель, которыя надлежало сохра-

нить въ памяти потомства, онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкой, что жена его можетъ сообщить мнѣ болѣе подробныя свѣденія объ этомъ предметѣ, такъ какъ она видѣла одну часть этихъ развалинъ. Онъ пригласилъ меня обѣдать, и вечеромъ госпожа В......, послѣ обычныхъ колебаній его горчивой стыдливости, показала мнѣ свой альбомъ, въ которомъ было набросано нѣсколько эскизовъ знаменитыхъ развалинъ, не безъ художественнаго таланта. Она разсказывала мнѣ съ жаромъ, сдержаннымъ строгимъ приличіемъ, о почтенныхъ остаткахъ этого историческаго памятника; по ея словамъ, великолѣпная мѣстность, чрезвычайно удобная для загородныхъ прогулокъ, окружаетъ эти развалины. Умоляющій и страстный взглядъ закончилъ ея разсказъ.

Мнѣ кажется, что эта молодая женщина интересуется болѣе всѣхъ этими развалинами: члены генеральнаго совѣта изложили свое искреннее желаніе, какъ видно, только изъ любезности. Я совершенно согласенъ съ ними: аббатство имѣетъ за себя прехорошенькіе глазки; объ немъ слѣдуетъ позаботиться — оно такъ и будетъ.

Предметъ изслѣдованій существовалъ, но его надо было еще описать, опираясь на нѣкоторые вѣскіе документы. Къ несчастію, мѣстные архивы и библіотеки почти ничего не упоминаютъ о предметѣ моихъ изслѣдованій: послѣ двухъ дней тщательныхъ поисковъ, я успѣлъ собрать нѣсколько незначительныхъ документовъ, которыхъ содержаніе можетъ быть выражено въ слѣдующихъ двухъ строкахъ: «аббатство Розель, находящееся въ общинѣ Розель, было обитаемо монахами съ незапамятныхъ временъ, — послѣ разрушенія этого аббатства, монахи покинули его». Вотъ почему я рѣшился немедленно ѣхать туда; я хотѣлъ вырвать тайну у этихъ безмолвныхъ развалинъ и, въ случаѣ нужды, дополнить искусствомъ карандаша вынужденный лаконизмъ моего пера.

Въ среду утромъ я выѣхалъ въ мѣстечко ***, лежащее въ трехъ льё отъ аббатства; норманская телѣжка, съ придачею кучера-норманца, тащила меня впродолженіи цѣлаго дня вдоль норманскихъ изгородей, какъ какого-нибудь изнѣженнаго монарха. Къ вечеру я сдѣлалъ 12 льё, а кучеръ мой успѣлъ 12 разъ поѣсть. Страна прекрасная, хотя нѣсколько однообразная. Рощи зеленѣютъ роскошною, но монотонною растительностью, въ чащѣ которой пасутся жирные быки. Я понимаю совершенно, почему мой кучеръ ѣстъ 12 разъ въ день: безпрестанное желаніе поѣсть должно необходимо являться у людей, которые окружены такой благодатной, обильной природой; здѣсь даже трава возбуждаетъ аппетитъ.

Къ вечеру, однако, видъ пейзажа измѣнился: мы ѣхали по болотистымъ равнинамъ, голымъ какъ степь. Они разстилались по обѣимъ сторонамъ дороги, и стукъ колесъ, катившихся по дорогѣ, былъ звученъ, — казалось, они ѣхали надъ пустымъ пространствомъ.

Вдали, сквозь сумерки и дождевую занавѣсь, я увидѣлъ двухъ или трехъ всадниковъ, скакавшихъ во весь опоръ они какъ сумасшедшіе неслись чрезъ эти безконечныя пространства; они скрывались по временамъ въ глубинѣ пастбищъ и потомъ снова показывались, бѣшено пробѣгая чрезъ пространство.

Я не могъ придумать, къ какой идеальной цѣли стремились эти конные призраки. На слѣдующій день я отправился въ аббатство, взявъ съ собой здороваго мужика, у котораго волосы были желты какъ у Цереры.

Этотъ человѣкъ родился и жилъ въ двухъ шагахъ отъ занимавшаго меня памятника; онъ слышалъ, какъ я распрашивалъ о дорогѣ утромъ, на дворѣ гостинницы, и любезно предложилъ проводить меня до развалинъ. Мнѣ не нужно было провожатаго, но я все-таки не отказался отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія: я увидѣлъ въ немъ словоохотливаго парня и думалъ, что услышу отъ него какую-нибудь интересную легенду; но лишь только онъ усѣлся со мною въ телѣжку, какъ вдругъ будто онѣмѣлъ: мнѣ показалось даже, что мои распросы внушали ему глубокое недовѣріе, близко подходящее къ гнѣву. Слѣдовательно, я имѣлъ дѣло съ геніемъ-хранителемъ этихъ развалинъ, ревниво оберегающимъ ихъ тайну. Я-же, съ своей стороны, имѣлъ удовольствіе доставить его въ моемъ экипажѣ до дому: онъ, вѣроятно, только этого и хотѣлъ, — и могъ, слѣдовательно, остаться совершенно доволенъ моею любезностью. Высадивъ этого пріятнаго спутника у дверей его дома, я долженъ былъ и самъ выйти изъ экипажа: рядъ скалъ тянулся извилинами по одной сторонѣ равнины и оканчивался узкою долиною, куда я направлялся. Небольшая рѣка протекаетъ тамъ подъ ивами, и раздѣляетъ на двѣ части прекрасный лугъ, покрытый мягкою и роскошною травою. Черезъ рѣку перекинутъ мостъ въ одну арку; абрисъ ея граціозно отражается въ водѣ.

На правой сторонѣ холмы сходятся въ видѣ цирка, кривыя линіи ихъ контуровъ какъ бы смыкаются въ одной точкѣ; на лѣво они идутъ расширяясь и исчезаютъ въ зеленѣющей массѣ огромнаго лѣса. Долина, такимъ образомъ, заперта со всѣхъ сторонъ, и представляетъ собою картину, которой тишина, свѣжесть и пустынность глубоко охватываютъ душу. Если миръ и тишина возможны внѣ самого себя, то лишь въ этомъ прекрасномъ убѣжищѣ: оно поддерживаетъ, по крайней мѣрѣ на минуту, эту иллюзію.

Достаточно было видѣть эту мѣстность чтобы угадать, почему именно здѣсь находилось аббатство. Въ тотъ періодъ соціальныхъ революцій и потрясеній, которымъ начинается христіанская эра, нѣжныя натуры и созерцательные умы необходимо должны были жаждать покоя и самоуглубленія.

Я читаю это въ сердцѣ монаха, поэта, спиритуалиста, словомъ, въ сердцѣ всѣхъ, кого судьба заносила на эти зеленѣющіе холмы; въ самый разгаръ этого страшнаго вѣка они постигли всѣ сокровища уединенія: я живо представляю себѣ сладкое чувство успокоенія усталаго мечтателя при видѣ этой тихой безмятежной природы — и почти раздѣляю это чувство. Эпоха, въ которой мы живемъ, не смотря на большія различія, не лишена нѣкоторой связи съ началомъ среднихъ вѣковъ: нравственная испорченность, грубая алчность и варварское насиліе — существенныя черты, характеризующія эту страшную эпоху нашей исторіи, — удалены отъ насъ не болѣе какъ на разстояніе, отдѣляющее теорію отъ практики, умыселъ отъ исполненія, и порочную душу отъ преступной руки.

Развалины аббатства кажутся какъ бы прислоненными къ лѣсу. Не многое уцѣлѣло отъ этаго стариннаго памятника: при входѣ во дворъ, грандіозныя ворота; часть зданія въ стилѣ XII вѣка, гдѣ помѣщается семейство мельника, у котораго я теперь нахожусь въ гостяхъ; зала капитула, замѣчательная по элегантнымъ аркамъ и нѣсколькимъ остаткамъ стѣнной живописи; наконецъ двѣ, или три кельи, изъ которыхъ одна, какъ кажется, служила мѣстомъ исправительнымъ, судя по прочности двери и задвижекъ. Остальное все разрушено до основанія, — камень, изъ котораго было выстроено это зданіе, пошелъ на постройку многихъ сосѣднихъ домиковъ. Церковь, почти соборъ по размѣрамъ, хорошо сохранилась и производитъ истинно художественное впечатлѣніе. Исчезъ порталъ и

наружная стѣна алтаря; все остальное сохранилось: внутренняя архитектура и украшенія, своды, колонны — все это какъ будто окончено вчера. Смотря на храмъ, можно думать, что великій артистъ проэктировалъ планъ разрушенія: кажется, будто порталъ и наружная стѣна алтаря разрушена однимъ могучимъ, мастерскимъ ударомъ молота. Стоя у порога церкви, вы видите насквозь лѣсъ: взглядъ вашъ погружается въ зеленую даль, проходя какъ бы сквозь тріумфальную арку. Въ этомъ уединеніи — это и неожиданно, и торжественно. Я былъ въ восторгѣ.

— Милостивый государь, сказалъ я мельнику, который со времени моего прибытія смотрѣлъ на меня недовѣрчиво, — мнѣ поручено описать и срисовать эти развалины. Эта работа займетъ у меня нѣсколько дней: не можете ли вы помѣстить меня на это время у себя, такъ какъ ежедневная ходьба изъ мѣстечка къ развалинамъ была бы для меня неудобна?

Мельникъ, коренной норманецъ, молча окинулъ меня взглядомъ, какъ человѣкъ знающій пословицу, что «въ пору умолченное слово—золото»: онъ оглядѣлъ меня со всѣхъ сторонъ, и наконецъ, разжавъ свои губы, позвалъ жену. Мельничиха показалась тогда на порогѣ залы капитула, которая превращена въ хлѣвъ для телятъ, — и я долженъ былъ повторить ей мою просьбу. Она, въ свою очередь, начала меня разсматривать, но не такъ долго какъ ея мужъ, и произнесла наконецъ заключеніе подобное *praeses* въ *Больномъ:* — Dignus es intrare. Мельникъ, увидя, какой оборотъ принимаетъ дѣло, снялъ свой колпакъ и наградилъ меня улыбкой. Впослѣдствіи, когда недовѣріе ихъ исчезло, эти добрые люди всячески угождали мнѣ, желая заставить меня позабыть о слишкомъ большой осторожности при первой встрѣчѣ. Они хотѣли уступить мнѣ свою комнату, украшенную *Приключеніями Телемака*, которой я предпочелъ — что и Менторъ бы сдѣлалъ — келью, окно которой выходило на разрушенный порталъ и черезъ церковь — въ лѣсъ.

Еслибы я былъ нѣсколько моложе, то эта поэтическая обстановка конечно восхитила бы меня; но вѣдь у меня пробиваются сѣдые волосы, другъ Поль, — по крайней мѣрѣ, я боюсь этого, и всегда стараюсь объяснить игрою свѣта сомнительный цвѣтъ волосъ на своей бородѣ. Во всякомъ случаѣ, если предметъ мечтаній измѣнился, то сама способность еще существуетъ и услаждаетъ меня. Мое поэтическое чувство нѣсколько измѣнилось, и я думаю, что оно стало возвышеннѣе. Образъ женщины не составляетъ необходимаго элемента моихъ грёзъ: мое сердце болѣе спокойно, и стремится удержать за собой это состояніе, удаляясь понемногу изъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ долженъ дѣйствовать разсудокъ. Признаюсь, я не въ состояніи найти достаточное удовольствіе въ сухихъ размышленіяхъ чистаго разсудка: нужно чтобы сперва заговорило мое воображеніе, и дало толчекъ моему мозгу, потому что я родился романтикомъ и таковымъ умру; все что можно отъ меня требовать, все что я могъ самъ выработать въ себѣ — это убѣжденіе въ возможности писать романы безъ любовной интриги, что, разумѣется, болѣе прилично въ извѣстныя лѣта.

Памятники прошедшаго удивительно поддерживаютъ это неизлѣчимое настроеніе моего ума: они помогаютъ мнѣ воскрешать нравы, страсти, идеи ихъ прежнихъ обитателей; они, эти памятники, заставляютъ меня искать отвѣта, въ разнообразныхъ чертахъ прошедшихъ эпохъ, на то, что такое жизнь. Въ этой кельѣ, гдѣ я тебѣ пишу эти письма, мое воображеніе вызываетъ каждый вечеръ прежнихъ обитателей въ волосяницахъ, съ исхудавшими лицами: вдругъ мнѣ является монахъ — то на колѣняхъ въ углу кельи во время горячей молитвы, отрѣшившись отъ всего земнаго, — то облокотясь на этотъ черный дубовый столикъ, покрывая золотомъ пергаментъ молитвенниковъ, увеличивая своею работой произведенія этихъ минувшихъ столѣтій, — или, наконецъ, онъ чудится мнѣ въ моментъ упорнаго преслѣдованія научной истины, до предѣловъ волшебства. Другое привидѣніе, стоя у окна, смотритъ влажными глазами въ глубину этихъ лѣсовъ, которые напоминаютъ ему блестящія охоты рыцарскихъ временъ. Говори что хочешь, а я люблю все-таки монаховъ, конечно не эпохи упадка, не толстыхъ, веселыхъ и праздныхъ монаховъ, которые составляли радость нашихъ отцовъ, и которые мнѣ вовсе не нравятся. Я люблю и уважаю древнюю монастырскую общину, какой я себѣ ее представляю: набранную изъ среды несчастныхъ побѣжденныхъ народностей, сохраняющую среди варварскаго міра любовь и наклонность къ умственной дѣятельности, и принимающую радушно въ свое убѣжище — единственно возможное въ то время — всякій проблескъ таланта. Сколько поэтовъ, ученыхъ, артистовъ, неизвѣстныхъ изобрѣтателей должны были благословлять, въ теченіи десяти вѣковъ, это священное право убѣжища, которое избавляло ихъ отъ животной жизни крѣпостныхъ людей! Аббатство принимало съ любовью этихъ мыслителей-плебеевъ, и способствовало развитію ихъ способностей: оно обезпечивало за ними дневное пропитаніе и сладкій покой часовъ досуга; оно гордилось и украшалось ихъ талантами. Хотя сфера дѣятельности ихъ была узка, но они пользовались полной свободой въ развитіи природныхъ дарованій: они жили счастливо, хотя и умирали въ неизвѣстности.

Что позднѣе монастырь удалился отъ этихъ благородныхъ и строгихъ преданій, что онъ въ постепенномъ паденіи дошелъ до братьевъ Фредонъ — все это возможно: монастырь постигла та же судьба, какая постигаетъ всякое учрежденіе, отжившее свой вѣкъ. Во всякомъ случаѣ весьма возможно, что насмѣшливый гальскій умъ эмансипированной буржуазіи, къ которому присоединился духъ реформъ, — нарисовалъ на стѣнахъ нашихъ старыхъ аббатствъ болѣе каррикатуръ, чѣмъ портретовъ. Какъ-бы то ни было, даже читая Рабле, никто не усомнится, что въ теченіи мрачной ночи среднихъ вѣковъ — послѣдній лучь высшей интеллектуальной жизни озарялъ блѣдное чело монаха.

До настоящаго времени я не чувствовалъ скуки въ моемъ уединеніи. Представь себѣ, что я ощущаю даже странное довольство: мнѣ кажется, что я за тысячу лѣтъ отъ окружающаго міра, и что для меня насталъ отдыхъ, минута успокоенія, послѣ жалкой рутины моего существованія — и бурнаго, и банальнаго въ одно и тоже время.

Я наслаждаюсь моей полной независимостью, съ наивной веселостью двѣнадцатилѣтняго Робинзона. Я рисую, когда захочется; остальное время я гуляю по окрестностямъ, стараясь не переступать границъ священной долины. Я сажусь на перилы моста и смотрю на теченіе воды; я хожу на изслѣдованіе развалинъ, — углубляюсь въ подземелья; взбираюсь по разрушенной лѣстницѣ колокольни, потомъ затрудняюсь сойти, представляя собой весьма смѣшную фигуру, пока наконецъ мельникъ не подставитъ мнѣ лѣстницу. Я брожу ночью въ лѣсу и любуюсь дикими козами, при лунномъ свѣтѣ.

Все это меня пріятно убаюкиваетъ и оставляетъ за собой впечатлѣніе сна, дѣтскаго по мысли, но видѣннаго мною въ зрѣлыя лѣта.

Твое письмо, писанное изъ Кельна и которое мнѣ переслали сюда, нѣсколько нарушило мое блаженство:

мнѣ досадно, что я уѣхалъ изъ Парижа почти наканунѣ твоего возвращенія.

Теперь мнѣ остается только торопиться моей работой; но откуда взять историческіе документы, которыхъ у меня вовсе нѣтъ?

Я серьезно желаю спасти отъ забвенія эти руины: пейзажъ прелестный, вообще картина цѣнная—и нельзя дать погибнуть всѣмъ этимъ красотамъ, не сдѣлавъ себѣ упрека въ варварствѣ.

И потомъ, я сказалъ тебѣ, что люблю монаховъ, хочу почтить ихъ тѣни этимъ доказательствомъ моей симпатіи. Живи я лѣтъ тысячу тому назадъ, я вѣроятно искалъ-бы покоя въ тиши монастырской жизнии,— какого рода существованіе оказалось бы для меня болѣе подходящимъ? Не заботясь о дѣлахъ міра сего и увѣренный въ блаженствѣ будущей жизни, я писалъ-бы поэтическія легенды, въ которыя-бы самъ вѣрилъ; я разбиралъ-бы съ любопытствомъ неизвѣстныя рукописи, и со слезами восторга нашелъ-бы Иліаду или Энеиду; я рисовалъ-бы соборы, приготовлялъ составы — и можетъ-быть изобрѣлъ-бы порохъ.

Это конечно было-бы не лучшимъ моимъ изобрѣтеніемъ. Однако пора—полночь, любезный другъ: пора спать.

P. S. Здѣсь водятся привидѣнія! Когда я оканчивалъ это письмо, до меня долетѣли таинственные и неясные звуки, которые раздавались снаружи и походили на говоръ толпы; я приблизился къ окну—и мнѣ трудно было-бы опредѣлить тебѣ, что я почувствовалъ при видѣ церкви, великолѣпно-освѣщенной: колосальный порталъ и колоннада бросали на лѣсъ цѣлые потоки блестящаго свѣта; ясно— это не былъ пожаръ; сквозь щели разрушенныхъ стѣнъ и причудливо выдающіеся контуры камней—рисовались громадныя человѣческія тѣни; онѣ двигались, какъ-бы исполняя странную церемонію.

Я внезапно открылъ мое окно; въ ту же минуту раздались въ развалинахъ звуки трубъ, эхо повторило ихъ въ глубинѣ лѣса; затѣмъ я увидѣлъ цѣлую кавалькаду всадниковъ, ѣдущихъ по два въ рядъ; они трубили и освѣщали свой путь факелами; иные были одѣты въ красное, другіе въ черное.... на головахъ шлемы.

Эта странная процессія двинулась въ стройномъ порядкѣ, съ тѣмъ-же блескомъ, при звукѣ трубъ, по тѣнистой дорогѣ, окаймляющей роскошные луга. Кавалькада въѣхала на мостъ и остановилась: я видѣлъ, какъ факелы задвигались и заискрились въ ночной темнотѣ, рога издавали протяжный и дикій звукъ; потомъ — свѣтъ исчезъ, все стихло, и громадная пелена мрака покрыла долину среди мертвой, полночной тишины.

Вотъ что я видѣлъ. Ты недавно пріѣхалъ изъ Германіи, не встрѣчалъ-ли ты чернаго охотника?

Нѣтъ?...

II.

16 Сентября.

Лѣсъ, нѣкогда принадлежавшій аббатству, составляетъ собственность маркиза Малуэ, котораго замокъ образуетъ собой какъ-бы соціальный центръ этого края; почти каждый день охотятся въ лѣсу, въ это время года: вчера охотничій праздникъ окончился ужиномъ на лугу, за которымъ послѣдовало возвращеніе въ замокъ, при свѣтѣ факеловъ.

Я, право, задушилъ-бы честнаго мельника, который объяснилъ мнѣ утромъ, въ своей простой безъискуственной рѣчи, поэтическую балладу прошедшей ночи.

И такъ, люди снова окружили меня, среди моего дорогаго уединенія. Я проклинаю ихъ, Поль, со всей горечью обманутой надежды.

Конечно, я былъ обязанъ людямъ тѣмъ прекраснымъ полночнымъ видѣніемъ, которое меня очаровало; но я обязанъ имъ также смѣшнымъ приключеніемъ, надъ которымъ только я одинъ не смѣюсь, такъ какъ я самъ его герой.

Мнѣ не хотѣлось работать сегодня утромъ, но я рисовалъ все-таки до двѣнадцати часовъ.

Голова моя была тяжела, мнѣ было скучно, я какъ-бы чуялъ въ воздухѣ что-то недоброе. Я зашелъ на минуту, чтобы оставить мои снаряды, придрался къ удивленной мельничихѣ за какое-то кушанье, совершенно туземное, которое было подано мнѣ на завтракъ; грубо оттолкнулъ дѣтей этой доброй женщины, за то, что они трогали мои карандаши, и ударилъ ногой собаку, сказавъ знаменитое изрѣченіе: пойми, за что я тебя ударилъ!

Не слишкомъ-то довольный собой по совершеніи этихъ трехъ маленькихъ пакостей, я направился въ лѣсъ, желая по возможности укрыться отъ дневнаго свѣта. Я гулялъ около часа, но не успѣлъ отдѣлаться отъ меланхолическаго предчувствія, которое мной овладѣвало. Усталый, я бросился подъ тѣнь густаго дерева; меня мучили упреки, но я усталъ наконецъ, и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Ахъ, зачѣмъ этотъ сонъ не былъ вѣчный! Я не знаю, сколько времени я спалъ; меня разбудило сотрясеніе почвы, неподалеку отъ меня: я быстро вскочилъ и увидѣлъ въ четырехъ шагахъ отъ себя молодую женщину на лошади. Мое внезапное появленіе немного испугало лошадь, которая слегка попятилась. Молодая женщина еще не замѣтила меня и успокоивала лошадь, гладя ее рукой по шеѣ.

Она показалась мнѣ хорошенькой, худенькой, элегантной; я увидѣлъ ея бѣлокурые волосы, брови были нѣсколько темнѣе, глаза живые, полные смѣлости, на головѣ войлочная шляпа съ голубымъ перомъ, надѣтая ухорски. Для того чтобы уяснить себѣ то, что будетъ дальше, нужно тебѣ сказать, что я былъ одѣтъ въ блузу туриста, всю обрызганную красной охрой; глаза мои, вѣроятно, дико блуждали, какъ у человѣка, только что проснувшагося; я думаю, что моя физіономія была и смѣшна, и жалка; прибавь къ этому растрепанные волосы и бороду въ сухихъ листьяхъ, которые застряли въ ней во время сна на травѣ,—и ты поймешь весь ужасъ молодой женщины, который отчетливо выразился въ ея взглядѣ: она тихо вскрикнула, повернула лошадь и ускакала галопомъ.

Я не обманывался касательно впечатлѣнія, произведеннаго мною: оно не заключало ничего лестнаго для моей особы.

Ну что-же, вѣдь мнѣ тридцать пять лѣтъ!

Взглядъ женщины, благосклонный болѣе или менѣе, не въ состояніи нарушить моего душевнаго спокойствія; я посмотрѣлъ, улыбаясь, въ слѣдъ убѣгавшей амазонкѣ; въ концѣ той аллеи, гдѣ мы встрѣтились, она быстро повернула лошадь налѣво и поѣхала по другой, шедшей паралельно.

Мнѣ оставалось только пересѣчь чащу, раздѣляющую эти двѣ дороги, чтобы увидѣть, какъ она подъѣхала къ кавалькадѣ, состоявшей изъ десяти или двѣнадцати лицъ, которые по видимому ее ожидали; она, еще издали, закричала имъ:

— Господа! Господа! Я встрѣтила въ лѣсу какого-то дикаря!

Заинтересованный этимъ началомъ, я спрятался за кустъ и навострилъ уши.

Молодую женщину окружили — думали, что она шу-

Память сердца.

Съ картины Сентэна рисовалъ П. А. Богдановъ, рѣзалъ на деревѣ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

титъ, но волненіе ея казалось слишкомъ сильнымъ, чтобы считать его безпредметнымъ. Она видѣла не то чтобъ дикаря, но человѣка въ лохмотьяхъ, блуза котораго была разорвана и покрыта красными пятнами; лицо и руки этого человѣка были отвратительно грязны, борода — не расчесана, глаза какъ-бы выскакивали изъ орбитъ; короче, это было существо, предъ которымъ самый страшный разбойникъ Сальватора Розы — не болѣе какъ пастушокъ, писанный кистью Ватто.

Никогда еще самолюбіе человѣка не было предметомъ такого ликованья.

Эта изящная женщина добавила, что я угрожалъ ей и что готовъ былъ броситься къ лошади, какъ привидѣніе Манскаго лѣса.

Услышавъ этотъ волшебный разсказъ, все общество единодушно вскрикнуло: «будемъ на него охотиться! окружимъ, затравимъ его! Гопъ! Ура!» — И почва содрогнулась подъ конскимъ топотомъ, кавалькада понеслась, подъ предводительствомъ прекрасной разказчицы.

Мнѣ оставалось только спокойно сидѣть за кустомъ, чтобъ сбить съ моего слѣда охотниковъ, такъ какъ они поскакали въ аллею, гдѣ я встрѣтилъ прекрасную всадницу. Къ несчастью, я вздумалъ для большей безопасности перебраться въ чащу лѣса, которая была противъ меня; въ то время, какъ я осторожно пробирался чрезъ дорогу, дикій крикъ радости заставилъ меня понять, что я замѣченъ; кавалькада повернула и быстрымъ потокомъ ринулась по направленію ко мнѣ. Мнѣ оставалось только остановиться и сдѣлать удивленную мину человѣка, котораго безпокоятъ, и, такимъ образомъ, смутить осаждающихъ спокойствіемъ и достоинствомъ моей позы; но подъ вліяніемъ ложнаго стыда, который легче понять, нежели объяснить, — убѣжденный, наконецъ, что энергическое усиліе совершенно въ состояніи освободить меня отъ этого назойливаго преслѣдованія и ненужныхъ объясненій — я все-таки сдѣлалъ несчастную ошибку, ускоривъ шагъ или, вѣрнѣе, обратившись въ бѣгство. Я пробѣжалъ чрезъ дорогу съ быстротою зайца, и углубился въ чащу, привѣтствуемый веселыми возгласами цѣлой компаніи. Съ этой минуты всякое объясненіе становилось невозможно; я вступилъ явно въ борьбу съ наименьшими шансами успѣха.

Впрочемъ, я еще не совсѣмъ лишился присутствія духа, и, разсѣкая кустарники съ яростью, убаюкивалъ себя размышленіями успокоительнаго свойства. Густая полоса кустарниковъ отдѣляла меня отъ моихъ непріятелей, такъ что я могъ уже посмѣяться надъ ихъ тщетными поисками. Но эта иллюзія вскорѣ была разрушена: проклятая кавалькада раздѣлилась на двѣ части, и каждая изъ нихъ ожидала меня на двухъ противуположныхъ выходахъ. При видѣ меня снова поднялась цѣлая буря крика, шума, смѣха, и звуки охотничьихъ рожковъ раздались со всѣхъ сторонъ. У меня закружилась голова, лѣсъ запрыгалъ передъ моими глазами, и я бросился бѣжать по первой попавшейся мнѣ на глаза тропинкѣ. Легіонъ неумолимыхъ охотниковъ бросился по моимъ слѣдамъ съ удвоеннымъ рвеніемъ и какою-то безсмысленною радостью; имъ предводительствовала все та же хорошенькая женщина, которая отличалась какимъ-то исключительнымъ ожесточеніемъ, — я искренно пожелалъ ей подвергнуться всѣмъ несчастнымъ случайностямъ верховой ѣзды. Она-то и подстрекала своихъ дерзкихъ сообщниковъ; когда мнѣ удавалось укрыться на минуту отъ ихъ преслѣдованія, она откапывала меня, каждый разъ съ адскою проницательностью, и тотчасъ указывала на меня концомъ своего хлыстика, — потомъ она дико смѣялась, видя меня усталаго, убѣгающаго, запыхавшагося, растеряннаго, сконфуженнаго. Не знаю, долго ли я бѣгалъ такимъ образомъ, совершая чудеса гимнастики, разсѣкая колючіе кустарники, перепрыгивая чрезъ рытвины, падая, снова вскакивая на ноги, съ эластичностью мускуловъ тигра, дѣлая скачки на удалую, безъ цѣли и смысла, но съ страстнымъ желаніемъ провалиться сквозь землю.

Наконецъ — чистая случайность — потерявъ всякое топографическое представленіе мѣстности, я увидѣлъ передъ собою развалины аббатства; я сдѣлалъ послѣднее усиліе и разомъ перепрыгнулъ чрезъ пространство, отдѣлявшее ихъ отъ лѣса; я пробѣжалъ чрезъ церковь какъ какой нибудь отверженный, и, изнемогая отъ усталости и волненія, подбѣжалъ наконецъ къ дверямъ мельницы. Мельникъ и жена его стояли у порога; услыша шумъ кавалькады, преслѣдовавшей меня, они безсмысленно посмотрѣли на меня, и я не нашелся что имъ отвѣтить; за тѣмъ, послѣ невѣроятныхъ усилій я глупо проговорилъ: — Если меня будутъ спрашивать... то скажите, что меня нѣтъ здѣсь!...

Потомъ я взбѣжалъ по лѣстницѣ въ мою келью, и упалъ на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Между тѣмъ, любезный Поль, толпа охотниковъ съ шумомъ ворвалась на дворъ аббатства; я слышалъ конскій топотъ, голоса всадниковъ и стукъ ихъ сапоговъ о каменныя плиты, — изъ чего я заключилъ, что нѣкоторые изъ нихъ сошли съ лошадей и угрожали мнѣ послѣднимъ приступомъ: я вскочилъ съ яростью и началъ осматривать мои пистолеты. Къ счастію, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ мельникомъ, охотники удалились, давъ мнѣ однако почувствовать, что если они и перемѣнили мнѣніе о моей нравственности, то уносятъ съ собою весьма нелестное понятіе о странности моего характера.

Вотъ тебѣ, другъ мой, самый подробный отчетъ объ этомъ злополучномъ днѣ, въ который я по доброй волѣ стяжалъ себѣ такую знаменитость, которую всякій французъ охотно бы промѣнялъ на извѣстность преступника. Въ настоящее время я имѣю удовольствіе знать, что служу предметомъ насмѣшекъ блестящаго общества, собирающагося въ сосѣднемъ замкѣ. Я сознаю, кромѣ того, со времени моего флангового движенія (такъ называютъ на войнѣ всякое поспѣшное отступленіе), что я потерялъ нѣкоторое уваженіе къ своему собственному достоинству, — и не могу скрыть отъ себя, что не пользуюсь болѣе прежнимъ уваженіемъ моихъ сельскихъ хозяевъ.

Видя себя столь сильно скомпрометированнымъ, я рѣшился подумать о своемъ положеніи: результатомъ совѣщанія съ самимъ собой было то, что я отбросилъ малодушное рѣшеніе оставить мѣсто жительства и уѣхать въ Парижъ.

Я рѣшился работать, наслаждаться сельскою жизнію, стать выше непріятныхъ случайностей, и доставить случай мельнику, амазонкамъ, охотникамъ и центаврамъ видѣть мудреца, гордо переносящаго всякія превратности.

(*Продолженіе будетъ.*)

Память сердца

(*см. стр. 53.*)

О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!...
А. Пушкинъ

Этимъ стихомъ великаго поэта мы перевели подпись на картинѣ Сентэна «deuil de coeur», не найдя лучшаго выраженія для передачи ея смысла. Мысль этого художественнаго произведенія — запечатлѣннаго граціозностью французской школы — и ясна, и въ то же время несовсѣмъ опредѣленна, какъ все поэтическое. Откуда это выраженіе грустной задумчивости, почти скорби, въ изящныхъ, женственныхъ чертахъ молодаго лица? Крепъ и темный прозрачный флеръ въ костюмѣ молодой женщины, надгробный вѣнокъ на вазѣ съ цвѣтами—тоже какого-то погребальнаго характера, — все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о недавней утратѣ, постигшей владѣлицу уютнаго, комфортабельнаго будуара. Кого бы ни лишилось это сердце—подруги-ли, которой портретъ видѣнъ за зеркаломъ, или другой нѣжнѣйшей привязанности — не въ томъ дѣло; зритель не видитъ, чье изображеніе приковываетъ къ себѣ отуманенный слезами взглядъ молодой женщины,—не знаетъ, какія перемѣны въ судьбѣ ея были слѣдствіемъ недавней утраты,—но тѣмъ болѣе обобщается мысль художника, тѣмъ сильнѣе и доступнѣе каждому впечатлѣніе, производимое его картиной.

Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria! Нѣтъ скорби горше воспоминаній несчастливца объ утраченныхъ счастливыхъ дняхъ, говоритъ италіанскій поэтъ,— и тѣмъ сочувственнѣе намъ чужое горе, чѣмъ менѣе оно заслужено, чѣмъ безупречнѣе страдающее сердце; а прошлое молодой женщины, изображенной на прилагаемомъ рисункѣ, *должно* быть чисто и свѣтло— это сквозитъ въ самомъ спокойствіи ея скорби, въ строгомъ благородствѣ малѣйшихъ чертъ прекраснаго лица, въ каждой мелочи обстановки, напоминающей о тихихъ радостяхъ семейной жизни.

Въ портфелѣ редакціи запасено между прочимъ еще нѣсколько снимковъ съ картинъ подобнаго жанра, отъ котораго вѣетъ семейственностью, домашнимъ очагомъ со всѣми его радостями и печалями, — и мы надѣемся доставить удовольствіе читателямъ, помѣщая время отъ времени такія произведенія на страницахъ «Нивы».

Устье Дуная.

Ни при чемъ такъ не убѣждаешься въ справедливости поговорокъ, что товаръ надо лицемъ покупать и что свой глазъ—лучшій судья, какъ при переѣздахъ изъ края въ край. Читая описанія путешествій и разсматривая прилагаемыя картины, никогда не получишь совершенно вѣрнаго понятія о неизвѣстной странѣ. Горы на дѣлѣ и горы на картинахъ лучшихъ художниковъ — такъ же разнятся, какъ дѣйствительная степь и степь по описанію.

Прежде, когда я читалъ разсказы о Сахарѣ и Аравійской пустынѣ, или описанія Малороссійской степи, эти безлѣсныя пространства представлялись мнѣ какими-то безконечными песочницами, болѣе или менѣе усѣянными камнями, или роскошными скатертями густой, зеленой травы, которая доходитъ до пояса, изъ-за которой человѣка почти не видно и по которой ходить трудно. Можетъ-быть и есть такія степи, но та, о которой хочу поговорить, совершенно на нихъ не похожа. Эта степь —уголокъ той великой степи Стараго Свѣта, которая начинается на востокѣ Монголіи, проходитъ плоскими возвышенностями Средней Азіи и, прорвавшись между сѣверными скатами Небесныхъ Горъ и южными отрогами Урала, доходитъ до Балкановъ на западъ, а къ сѣверу идетъ вплоть до Бѣлаго моря. Сѣверъ этой равнины, поросшей съ незапамятныхъ временъ лѣсомъ, называется теперь Европейской Россіей, а черноземный югъ ея доходитъ до Чернаго моря, гдѣ и кончается неподалеку отъ Варны.

Въ первый разъ, когда я очутился въ этой степи на югъ отъ Дуная, возлѣ города Кюстенджи, гдѣ нѣкогда жилъ въ ссылкѣ Овидій,—предъ глазами моими раскрылось необъятное пространство, изрѣдка перерѣзанное послѣдними отрогами Балкановъ, которыя въ этомъ краю даже и горами назвать нельзя и которыя тянутся грядками невысокихъ и пологихъ холмовъ по степи, усѣянной курганами; а кто накопалъ эти курганы, наука доселѣ не знаетъ. Степь эта, какъ и вообще весь степной край по Черноморскому берегу, столько разъ мѣняла хозяевъ, что въ нѣдрахъ ея почіютъ кости несмѣтнаго множества существующихъ и исчезнувшихъ съ лица земли народовъ. Нѣкогда скифы тутъ жили, но кто именно были скифы и куда дѣвались они — наука почти ничего не знаетъ. Былъ это народъ воинственный, приземистый, широкоплечій, съ широкими лицами и орлиными носами, но онъ исчезъ, — на мѣсто его явились русокудрые готы. Покочевали они по степи и ушли завоевывать царства въ Италіи и Испаніи. Вслѣдъ за ними владычество надъ этими необъятными, черноземными равнинами досталось народамъ Алтайскаго племени, т. е. нынѣшнимъ татарамъ, являвшимся подъ названіемъ то печенѣговъ, то половцевъ, то хозаръ. Эти выходцы изъ Азіи, если еще и не совсѣмъ исчезли со степи, то исчезнутъ съ нея быстро, смѣнясь смѣсью русскихъ съ малороссами, болгарами, сербами, румынами. То, что осталось отъ татаръ, до сихъ поръ напоминаетъ Среднюю Азію. Тѣ же остроконечныя шапки, тѣ же неизбѣжные кони, верблюды, бараны; тѣ же лица съ узкими глазами, прорѣзанными нѣсколько вкось, по кошачьи; бѣлки коричневатаго отлива; широкіе носы, будто приплюснутые къ лицу, широкія скулы—и уши, точно въ подражаніе носу и скуламъ, стоящія торчкомъ; руки очень и очень малы, а ногти на изящныхъ пальцахъ

такой правильной и овальной формы, что имъ позавидовала бы любая красавица. Но теперешніе татары уже не то, что были въ старину; эти далеко не воители— они народъ смирный, тихій, добродушный, и ведутъ другой образъ жизни. Не только при русскихъ, но и при турецкихъ порядкахъ кочевать становится годъ отъ году затруднительнѣе – и волей-неволей приходится браться за хлѣбопашество. Татары наставили себѣ деревушки изъ низенькихъ глиняныхъ хатъ, съ крохотными окнами, и въ этихъ хатахъ у нихъ нѣтъ ни лавокъ, ни столовъ, потому что кочевникъ привыкъ сидѣть поджавъ ноги и ѣсть не со стола, а съ доски или блюда, поставленнаго прямо на полъ. Даже печами обзавелись очень немногіе, потому что въ кибиткахъ печей, само собою разумѣется, не клали; огонь разводится прямо посреди комнаты на полу—и какъ ни стараются татары, чтобы жилья ихъ были почище и побѣлѣе, вся обстановка ихъ дышетъ безпорядкомъ, неряшливостью и неумѣньемъ примѣниться къ новому быту.

Я въѣзжалъ въ степь глухой осенью; меня везъ на легонькой бричкѣ Петро, мадьярскій мужичекъ, бѣжавшій въ Турцію отъ солдатчины, или, просто на просто, за 1849 годъ. Объясняться съ нимъ можно было только по-турецки, а я по-турецки зналъ плохо—и потому разговоръ нашъ не отличался особеннымъ интересомъ. Колеса звенѣли по подмерзшей землѣ; дорога была гладка какъ скатерть, хотя съ сотворенія міра эту дорогу никто не мостилъ, а проложилась она сама собою проѣзжими и прохожими. Ухабы на ней дождь заглаживаетъ, ямы вѣтеръ заметаетъ; она идетъ прямо, сворачивая только для объѣзда кургановъ, да балокъ. Балками въ степи называются овраги, глубиною въ двѣ, три, изрѣдко въ четыре сажени. Въ нихъ весною текутъ глубокіе, бурные ручьи, а въ жаркую пору не то что курица, а сплошь рядомъ и воробей пѣшкомъ бродъ переходитъ. Балки эти не извиваются во всевозможныхъ направленіяхъ, а тянутся съ одной стороны къ Черному морю, съ другой—къ желтому Дунаю. Дунай—рѣка дѣйствительно желтая, какъ Эльба; это вовсе не петербургская Нева, въ которой, почти на сажень глубины, видна каждая щепка и каждый камешекъ.

Широко, пространно. Только холмы да курганы нѣсколько разнообразятъ эту желто-зеленую гладь, разбѣгающуюся во всѣ стороны, покуда небо съ землей не сойдется. Осеннее солнце блеститъ и жжетъ съ полусѣраго неба; грудь дышетъ свободнѣе; свѣжій воздухъ льется въ грудь здоровѣе, и на душѣ какъ-то спокойно и торжественно. Предъ этимъ безконечнымъ пространствомъ будто умолкаютъ личныя боли и тревоги, будто забываешь, что *самъ*—человѣкъ, утопленный, съ тѣхъ поръ какъ себя помнишь, въ омутѣ моря житейскаго,—и кажется, будто составляешь центръ міра, этого желто-зеленаго круга, накрытаго сѣроватосинимъ полушаріемъ,—и не знаешь, гдѣ начинается этотъ кругъ и насколько самъ занимаешь въ немъ мѣста. Это не кейфъ на зеленыхъ берегахъ Босфора; это не отдыхъ подъ сонату Бетховена, не молитвенное настроеніе въ храмѣ; — это просто на просто исключеніе личности въ природѣ, сознаніе себя нераздѣльной частицей ея, и какая-то жажда покоя, и какое-то подготовленіе къ дѣятельности. Я понимаю, почему тамъ степняки кромѣ кургановъ ничего великаго не создали, если не считать египетскихъ пирамидъ и храмовъ, вызванныхъ, кажется мнѣ, тѣмъ же невольнымъ стремленіемъ ко всему колоссальному. У здѣшнихъ степняковъ это высказывалось только дикими набѣгами да созданіемъ такихъ колоссальныхъ монархій, какъ царства хозарское и монгольское. Можетъ быть, самая ширь степи, самая привычка созерцать безпредѣльность отвращаетъ отъ сооруженій, потому что всякое сооруженіе уже само собой полагаетъ предѣлы и связываетъ свободу.

Встрѣчныхъ мало: это большею частію татары въ телѣгахъ, въ которыя впряжена пара угрюмыхъ буйволовъ съ развѣсистыми рогами, желѣзныхъ мускулами и цвѣтомъ. Тяжелыя телѣги устланы соломой, узлы какіе-то лежатъ, сидятъ бабы въ чадрахъ; свѣжія, разлатыя лица ребятишекъ щурятся узкими глазками на проѣзжаго; иногда верблюдъ проплетется съ тѣми же татарами; угрюмый и непріязненный на видъ болгаринъ проѣдетъ на парѣ воловъ—и вдругъ раздастся колокольчикъ: толстыя, откормленныя лошадки бѣгутъ, потряхивая дугой; на легонькой телѣжкѣ, въ нагольныхъ тулупахъ и бараньихъ шапкахъ, видятся русскіе— тѣ же бороды, тѣ же красные кушаки, тѣ же привѣтливыя и смѣтливыя лица. Это наши старообрядцы и всякаго рода бѣглая братія, ушедшая за Дунай—кто спасать волю отъ помѣщика, кто бороду отъ военной службы, а кто просто на просто для того, чтобъ въ новомъ краю, подъ новымъ именемъ, начать новую жизнь. Родимые братья! видя ихъ, окличать хочется, хочется остановить и заговорить, даже благодаренъ становишься имъ за то, что не совсѣмъ чужая для русскихъ эта Добруджа, нѣкогда край славянъ-добручей, вдоль и поперекъ исхоженный войсками Святослава. При видѣ ихъ чувствуешь, что Русь не одна—что есть Русь, единая намъ по языку, по вѣрѣ, по обычаямъ, по самому духу, но правитъ ей не бѣлый царь, а царь султанъ Абдулъ Азисъханъ, какъ Галицкой Русью правитъ цесарь Францъ-Іосифъ. И вотъ переносишься мыслію въ тѣ далекія времена, когда понятно было, что одинъ русскій живетъ подъ рукою великаго князя московскаго, а другой подъ рукою великаго князя рязанскаго, тверскаго или Великаго Новгорода и Св. Софіи,—и отрадно русскому, потерявшему родину, что она все-таки не въ конецъ для него пропала; что все-таки есть уголъ на свѣтѣ, хотя и тѣсный, мужицкій, малокнижный, но гдѣ слышится русское слово и видится русская жизнь.

Кромѣ очень небольшаго количества русскихъ, болгарскихъ, татарскихъ, молдованскихъ, турецкихъ, нѣмецкихъ селъ, раскинутыхъ по этому благодатному краю, главное его населеніе составляютъ птицы. Нигдѣ не видалъ я такого количества птицъ, какъ въ устьяхъ Дуная; это положительно птичья сторона, потому что и самъ царь птицъ—орелъ—очевидно считаетъ ее своимъ мѣстопребываніемъ. Какъ называется по ученому тотъ орелъ, который водится въ устьяхъ Дуная, я не знаю,—это очень большая птица сѣрокоричневаго цвѣта съ ожерельемъ на шеѣ. Къ человѣку относится онъ съ большимъ презрѣніемъ, можетъ быть потому, что человѣкъ его не трогаетъ.

Въ открытой степи, или въ камышахъ, вамъ постоянно встрѣтится эта величественная фигура, которая сидитъ отъ васъ шагахъ въ двадцати и спокойно клюетъ какую-нибудь падаль; кругомъ — стая воронъ, которыя дѣлятъ съ орломъ его трапезу. Ворона—птица завѣдомо крикливая, надоѣдливая и суетливая; она вѣчно перепрыгиваетъ съ мѣста на мѣсто, зачѣмъ-то взлетаетъ на воздухъ, крыльями хлопаетъ, каркаетъ, однимъ словомъ—ведетъ себя какъ всякая человѣческая чернь. Орелъ сидитъ неподвижно, изрѣдко дѣлаетъ шагъ, медленно расправитъ и медленно сложитъ крылья—и не то съ гордостью, не

то съ любопытствомъ посмотритъ на васъ однимъ глазомъ, потомъ поворотитъ голову—другимъ посмотритъ, очевидно раздумывая: стоитъ ли глядѣть въ сторону, чтобы не оскорбили его ненужнымъ сближеніемъ. Если вы мирно проходите или проѣзжаете, орелъ продолжаетъ свое дѣло; но если вы остановитесь, онъ какъ-то съ досадой взмахиваетъ крыльями—и не взлетитъ, а всплыветъ на воздухъ. Полетъ величественнѣе орлинаго трудно себѣ представить: орелъ не хлопаетъ крыльями, не мечется какъ воробей и не паритъ какъ ворона, а рѣжетъ воздухъ неторопливо, спокойно, съ тѣмъ величіемъ и сознаніемъ, съ какимъ опытный пловецъ держитъ руль челна, какая бы буря ни шумѣла и какъ бы ни пѣнились взбудораженныя ею волны. Можетъ быть, онъ потому такъ спокоенъ, что на него нападать надобности никому нѣтъ: онъ живетъ падалью, мелкими животными степей—и рѣдко когда орелъ утащитъ ягненка, поросенка или курицу; чтобъ онъ таскалъ дѣтей—даже и не слышно. Я разъ слышалъ, а другой разъ самъ видѣлъ, какъ онъ рыбу ловитъ,—и признаться сказать, хотя позы его были очень смѣшны, но до такой степени оригинальны и будто сознательны, что поневолѣ я сталъ въ тупикъ. По Дунаю шелъ ледъ; я сидѣлъ на берегу, верстахъ въ пяти отъ Тульчи. Плыла льдина, на краю ея сидѣлъ орелъ и медленно поворачивалъ голову то вправо, то влѣво, посматривая кругомъ и въ воду,—вдругъ онъ присѣлъ на одну ногу, другую запустилъ подъ льдину и вытащилъ изъ подъ нея какую то довольно крупную рыбу (какъ мнѣ показалось, стерлядку), длиною въ полъаршина. Стерлядка билась, извивалась; орелъ наступилъ на нее другой ногою, ударилъ ее разъ или два клювомъ и вытянулъ ее на льдину, на которой продолжалъ плыть такъ же спокойно, осматривая воду и берегъ то тѣмъ то другимъ глазомъ, пока опять не присѣлъ, опять не вытащилъ рыбу и не взвился съ обѣими ими въ когтяхъ—куда-то на берегъ. А кругомъ была тишь, только ледъ глухо шумѣлъ по расходящейся рѣкѣ, да ручьи роптали; ни живой души не было видно, ничто не напоминало ни о людяхъ, ни о ихъ страстяхъ, ни о ихъ политическихъ и житейскихъ дрязгахъ; льдина плыла за льдиной ровно, медленно, тихо,—изрѣдка одна льдина всползала на другую, тутъ же ломалась, съ тихимъ шумомъ падала въ воду и опять плыла; по берегамъ виднѣлись вязы съ ихъ причудливыми сучьями и съ толстыми стволами; вороны каркали и кружились; солнце садилось въ сѣромъ туманномъ небѣ, а кругомъ все тихо и ничто не напоминаетъ человѣка. Далеко на сѣверѣ, въ Россіи мало кто знаетъ объ этой сторонѣ кромѣ военныхъ, бывавшихъ въ ней въ турецкія войны, да старообрядскихъ вожаковъ, которымъ попостоянно извѣстно все, что дѣлали здѣсь «главы русскаго населенія»: Гончаръ, Носъ, епископъ Аркадій, епископъ Іустинъ; а за тѣмъ не было здѣсь ни одного русскаго путешественника, ни одного ученаго, который бы изучилъ этотъ край, забытый Русью, чуть что не со временъ паденія Царьграда.

Верстъ за двѣсти до впаденія въ море, Дунай начинаетъ разбиваться на такъ-называемыя гирла,—малороссійское слово, значущее горло т. е. рукавъ рѣки. Между этими гирлами огромная, нѣкогда славянская рѣка, намыла безчисленное множество низкихъ островковъ изъ глины и чернозема, поросшихъ лозой, вербой, ольхой, а главное—камышомъ. Острова эти называются на мѣстномъ языкѣ плавнями. Понятно, что плавни бываютъ совершенно плоскія; лѣтомъ онѣ покрыты густой сочной травой и камышемъ вышиною въ полтора роста человѣка. Камышъ этотъ иногда бываетъ такъ густъ, что даже пробраться сквозь него трудно; мѣстные жители употребляютъ его на всевозможныя домашнія надобности, изгороди дѣлаютъ изъ него, крыши имъ кроютъ, даже печи имъ топятъ. Его же рыбаки, или, какъ на Дунаѣ говорятъ, рыбалки привязываютъ къ бортамъ своихъ лодокъ, чтобъ онѣ не такъ легко опрокидывались въ воду; словомъ сказать, камышъ такъ же нуженъ въ жизни дунайца, какъ солома и дерево въ средней полосѣ Россіи. Нашей соломы тамъ нѣтъ, потому что хлѣбъ молотятъ не цѣпами, а просто лошадьми: расчищаютъ удобное мѣсто, раскладываютъ снопы, хозяинъ становится въ середку и на поводу гонитъ по нимъ лошадь; копыта выбиваютъ зерна, а солома превращается почти что въ сѣнную труху, впрочемъ очень годную для корма скота. Изъ соломы тамъ ничего не плетутъ и хатъ ею не кроютъ, хотя эта же избитая солома мѣшается съ глиной для постройки мазанокъ.

Хорошо ранней весной смотрѣть съ нагорной, т. е. съ турецкой стороны Дуная, какъ выжигаютъ плавни. Выжигать ихъ небходимо, для того, чтобъ прошлогодній камышъ не мѣшалъ рости новому. Выжиганье продолжается недѣли двѣ, какъ только прошло половодіе. Сухой камышъ поджигаютъ, пламя идетъ повѣтру, повсюду слышится запахъ дыма, и горизонтъ на необъятное пространство пылаетъ желтымъ и краснымъ огнемъ. Въ эти весенніе вечера я любилъ уходить изъ города—и тамъ, на холмѣ, на оставшейся русской батареѣ, сидѣть и смотрѣть на этотъ необъятный пожаръ. Все кругомъ горѣло: солнце жгло, западъ утопалъ въ въ алыхъ облакахъ, а темносинее южное небо почти въ то же самое время начинало загораться звѣздами, а сѣверъ пыламъ краснымъ огнемъ, а надъ этимъ огнемъ лежали облака густаго, какъ будто недвижнаго чернаго дыма. Чѣмъ ярче выступали звѣзды, чѣмъ кровавѣе и кровавѣе становились облака, тѣмъ краснѣе дѣлалось пламя, и тѣмъ яснѣе вырѣзывались въ дыму огненные языки прошлогодняго, пережившаго вѣкъ свой, людямъ ненужнаго, и самому себѣ хода недающаго камыша. Весною вѣтеръ дуетъ спокойно безъ порывовъ, какъ то упрямо; дымъ не клубами идетъ, а плавно стелется; плавня вспыхиваетъ, звѣзды смотрятъ на нее, молчаливо мерцаютъ, точно такъ же какъ мерцали Святославу и его дружинѣ, какъ мерцали готамъ и скифамъ; а внизу въ бѣлой, глиняной Тульчѣ, утопающей въ зелени своихъ персиковыхъ садовъ, загораются огоньки и слышится благовѣстъ двухъ русскихъ церквей, греческой, молдаванской, болгарской, армянской, костеловъ, какъ незадолго передъ тѣмъ слышался крикъ муезина съ высокаго и красиваго минарета. Плавня горитъ кровавой полосою, въ воздухѣ дымно, но дымъ этотъ не заглушаетъ благоуханія весны, не скрываетъ что отвсюду, изъ каждой горсти земли нарождается новая жизнь, живая, бойкая, которая скоро покроетъ эти желтые остатки прошлаго — новой, свѣжей зеленью, роскошными тюльпанами, астрами и тысячью породъ пестрыхъ насѣкомыхъ, этихъ подвижныхъ цвѣтовъ лѣта. Становится холодно, спѣшишь домой къ самовару, а кругомъ кромѣ вѣтра ничего не слышно, развѣ гдѣ нибудь проскрипитъ телѣга на колесахъ, по обычаю не обтянутыхъ шиною и не мазаныхъ—для того не мазаныхъ (говорятъ мѣстные жители), чтобъ всякій зналъ, что честный человѣкъ ѣдетъ. Бродить лѣтомъ по плавнѣ—наслажденье великое: та же тишина, та же пустыня и отсутствіе людей. Сочный, зеленый камышъ, махая своими ме-

телками, шумитъ и качается, уродливая лоза зеленѣетъ, ивы нависли надъ водою, неизбѣжный орелъ или кружитъ медленно въ облакахъ, или сидитъ подлѣ дороги и также задумчиво осматриваетъ васъ по очереди то однимъ, то другимъ глазомъ, какъ бы допытывается: зачѣмъ васъ занесло въ это безмолвное царство. Точно также осматриваютъ васъ—на каждомъ шагу встрѣчающiеся журавли, цапли всѣхъ возможныхъ породъ и величинъ. Онѣ разгуливаютъ по берегу ровными, длинными шагами, и на каждомъ шагу покачиваютъ шеей и присматриваются къ землѣ каждымъ глазомъ по очереди. Мнѣ кажется, что птица потому осматривается недовѣрчиво, что она впереди себя, предъ собою, ничего не видитъ; она видитъ только то, что дѣлается по сторонамъ, и отъ того какъ будто не довѣряетъ своимъ впечатлѣнiямъ. Положенiе ея да и большей части млекопитающихъ—чрезвычайно неловкое и смѣшивающее всякое понятiе. Если одинъ глазъ видитъ воду, то другой видитъ берегъ,—одна сторона головы говоритъ о землѣ, другая о небѣ; по неволѣ должно произойдти невѣроятное смѣшенiе понятiй и поневолѣ придется постоянно вертѣть головою, чтобы повѣрить одинъ глазъ другимъ. Юлiй Цесарь составлялъ исключенiе изъ людей, потому что могъ диктовать разомъ тремъ секретарямъ; но Юлiи Цесари попадаются еще и до нынѣ, до нѣкоторой степени каждый изъ насъ болѣе или менѣе Юлiй Цесарь: можно въ одно время читать, пить чай, курить и, если угодно, болтать ногами для препровожденiя времени,—словомъ сказать, давать работу нѣсколькимъ секретарямъ. Но при каждой птицѣ приставлены два секретаря, изъ которыхъ одинъ говоритъ одно, а другой совершенно другое; а при такомъ положенiи, разумѣется, далеко не уйдешь, особенно когда опасаешься, какъ бы не ткнуться во что нибудь носомъ.

Голенастые обитатели плавенъ тоже не боятся людей, которые за невкусное ихъ мясо рѣшительно ихъ не трогаютъ; птицы только не любятъ присутствiя человѣка, не любятъ чтобъ онъ подлѣ нихъ стоялъ или сидѣлъ, и отлетаютъ отъ него точно также лѣниво, неохотно какъ орлы. Ихъ такое множество въ плавняхъ, что вы встрѣчаете ихъ почти на каждой десятой сажени; куда ни обернетесь, вездѣ эта длинная фигура, которая или шагаетъ, или стоитъ на одной ногѣ, подвернувъ голову подъ крыло. Если кто изъ нихъ и попадается въ плѣнъ къ человѣку, то это журавль, птица, кажется родившаяся на то, чтобъ сдѣлаться домашней. У меня было очень много знакомыхъ журавлей, пойманныхъ въ плавнѣ во время ихъ первой юности; они выростали въ домахъ и привязывались къ своимъ хозяевамъ, какъ комнатныя собаки; куда хозяинъ ни пошелъ бы—за нимъ, покачивая шеей, шагаетъ журавль, и что всего забавнѣе, не пускаетъ на дворъ или въ комнату никого чужаго, захлопаетъ крыльями, зашипитъ, разинетъ клювъ и щипнетъ весьма и весьма больно, почему ихъ очень опасно держать, такъ какъ этимъ острымъ клювомъ очень легко можно обезобразить ребенка.

И вотъ эта-то зеленая плавня, по которой вы ходили и въ которой такъ хорошо и привольно, съ ея камышами, съ ея летучимъ населенiемъ,—въ половодье представляется совершенно другой. Когда вы бродите по плавнѣ, у васъ волей неволей возникаетъ отшельническiй вкусъ: такъ бы вотъ, кажется, слѣпилъ въ этой пустынѣ мазанку, завелъ бы въ ней ружье, котелокъ, полку книгъ, и ушелъ бы на вѣки вѣчные въ пустыню, какъ уходили въ смутныя времена благочестивые люди въ отшельничество. Но плавни существуютъ только лѣтомъ да зимою. Эти двадцать пять верстъ, которыя я столько разъ проходилъ пѣшкомъ изъ Тульчи въ Измаилъ, и изъ Измаила въ Тульчу, весной мнѣ приходилось проѣзжать на лодкѣ; стволы знакомыхъ вербъ скрывались подъ водою, и отъ камыша виднѣлись только верхушки, а прилетавшiя съ юга, маленькiя птицы тоскливо вились надъ знакомой плавнею,—какъ будто недоумѣвая, куда же она дѣвалась, такъ что и присѣсть негдѣ.

Эти двадцать пять верстъ отъ Тульчи до Измаила пришлось мнѣ разъ проходить не по плавнѣ, а по саранчѣ. Было это въ концѣ сентября, когда саранча «парится». Къ ужасу мѣстныхъ жителей, мѣстомъ для этого свадебнаго времени саранча выбрала именно плавню, которой грозила на слѣдующую весну порожденiемъ несмѣтнаго множества этихъ кузнечиковъ, т. е. полнымъ разоренiемъ. Къ счастью, опасность эта миновала, такъ какъ молодое поколѣнiе куда-то отнесъ вѣтеръ, по всей вѣроятности въ Черное море, гдѣ и погибаетъ большая часть саранчи; весь воздухъ кишилъ этими насѣкомыми, крылья ихъ звенѣли; ихъ можно было ловить руками, потому что они летаютъ чрезвычайно тяжело; трава и листья были, само-собою разумѣется, на половину съѣдены; саранча парами покрывала всю землю и хрустѣла подъ ногами, ноги скользили, мяли ее, но она не пугалась человѣка и не старалась улетать при шумѣ шаговъ. Все пространство въ 25 верстъ длиною—и еще не знаю во сколько шириною—было въ буквальномъ смыслѣ слова покрыто саранчею.

Спрашивается, какой-же цифрой можно выразить количество этихъ страшныхъ насѣкомыхъ и какiя мѣры можно принять для избавленiя отъ нихъ? разумѣется, ихъ можно мести метлами, давить катками, свиней на нихъ высылать, но все это такiя ничтожныя мѣры при такихъ огромныхъ пространствахъ.

В. Кельсiевъ.

(Окончанiе въ слѣд. №).

Львы въ звѣринцахъ.

Каждый ребенокъ, еще прежде чѣмъ научится читать, знаетъ, что левъ—царь животныхъ,—и весьма естественно мечтаетъ о томъ, какъ бы поскорѣе увидѣть этого царя. Но и для взрослаго этотъ величественный звѣрь такъ занимателенъ, что звѣринецъ, въ которомъ нѣтъ льва, считается неполнымъ, и дѣла такого звѣринца значительно отъ этого терпятъ. Даже зоологическiе сады въ этомъ отношенiи не могутъ противиться теченiю. Такъ напримѣръ, въ Дрезденѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, пришлось прiобрѣсти пару львовъ (не смотря на то, что еще не было отстроено помѣщенiе для хищныхъ животныхъ) для того только, чтобы отвѣтить на неизмѣнный вопросъ: «а гдѣ же львы?» Вслѣдъ за львами публику болѣе всего привлекаютъ тигры, леопарды, безобразныя гiены, вообще—опасныя животныя, и потому этихъ животныхъ всего больше запасается. Скажемъ нѣсколько словъ о большихъ звѣряхъ семейства кошекъ, конечно, не имѣя въ виду богащенiя естественныхъ наукъ.

Въ большомъ звѣринцѣ Акена самый крупный левъ сидѣлъ въ одной клѣткѣ съ тигрицей,—и отъ нихъ вышла помѣсь, которую можно было видѣть еще много лѣтъ спустя въ звѣринцѣ Крейцберга, часто бывавшемъ въ Москвѣ и Петербургѣ. У Акена былъ еще другой левъ по имени Вильгельмъ; онъ родился и выросъ въ самомъ звѣринцѣ, и тутъ же продавались печатныя стихотворенія въ честь его. У Акена вообще умѣли устроивать все чрезвычайно привлекательно для публики. Такъ, между прочимъ, бывали дни, когда звѣрей кормили одними живыми животными; если это жестоко съ одной стороны, то съ другой стороны хищные звѣри чрезъ это здоровѣе, такъ какъ подобная пища указана имъ самой природой. Передъ кормленіемъ приносили нѣсколько деревянныхъ брусьевъ и стучали ими о клѣтки. Львы, уже приведенные въ возбужденное состояніе, приходили отъ этого въ совершенную ярость, впивались въ дерево зубами и когтями—и въ мигъ разрывали его на щепки. Надо было удивляться, какъ они при этомъ не ушибались и не заноживали себѣ лапъ и пастей—чего никогда не случалось замѣчать.

По упраздненіи звѣринца Акена, довольно долго не появлялось новаго, сколько нибудь значительнаго; казалось—и львы меньше стали. Замѣчателенъ левъ, бывшій въ славившимся въ то время звѣринцѣ Шрейера—томъ самомъ, въ которомъ въ первый разъ показывали жирафа. Левъ этотъ жилъ вмѣстѣ съ небольшой собачкой; когда Діана укладывалась на хребтѣ Марса—такъ звали льва—и оба засыпали, нельзя было не любоваться ими; только левъ всегда былъ ужъ черезъ чуръ угрюмъ и не въ духѣ. Онъ принадлежалъ къ той породѣ, у которой на плечахъ и на животѣ нѣтъ длинныхъ волосъ, и которая, кажется, распадается на два видоизмѣненія: красно-желтое и сѣровато-желтое.

Уходъ за звѣрями у Шрейера былъ ввѣренъ главнымъ образомъ двумъ сторожамъ: тирольцу Бранделю и итальянцу Анджело; у перваго волосы были рыжіе, а у второго черные какъ уголь. Въ клѣтку льва входилъ больше тиролецъ, и заставлялъ его продѣлывать штуки—довольно, впрочемъ, немудреныя; собачка въ это время обыкновенно сидѣла прижавшись въ уголъ. Тиролецъ признавался, что, входя въ первый разъ ко льву, онъ былъ несовсѣмъ въ своемъ видѣ, потому что однихъ убѣжденій хозяина звѣринца оказывалось недостаточно, и надо было прибѣгнуть къ вину. Впрочемъ, сошло съ рукъ благополучно. Вѣроятно, послѣ этого подвига тиролецъ вообразилъ себя великимъ укротителемъ и потому, для пущей важности, отростилъ себѣ огромную бородищу, которая, однако, нисколько не уменьшала добродушности его физіогноміи.

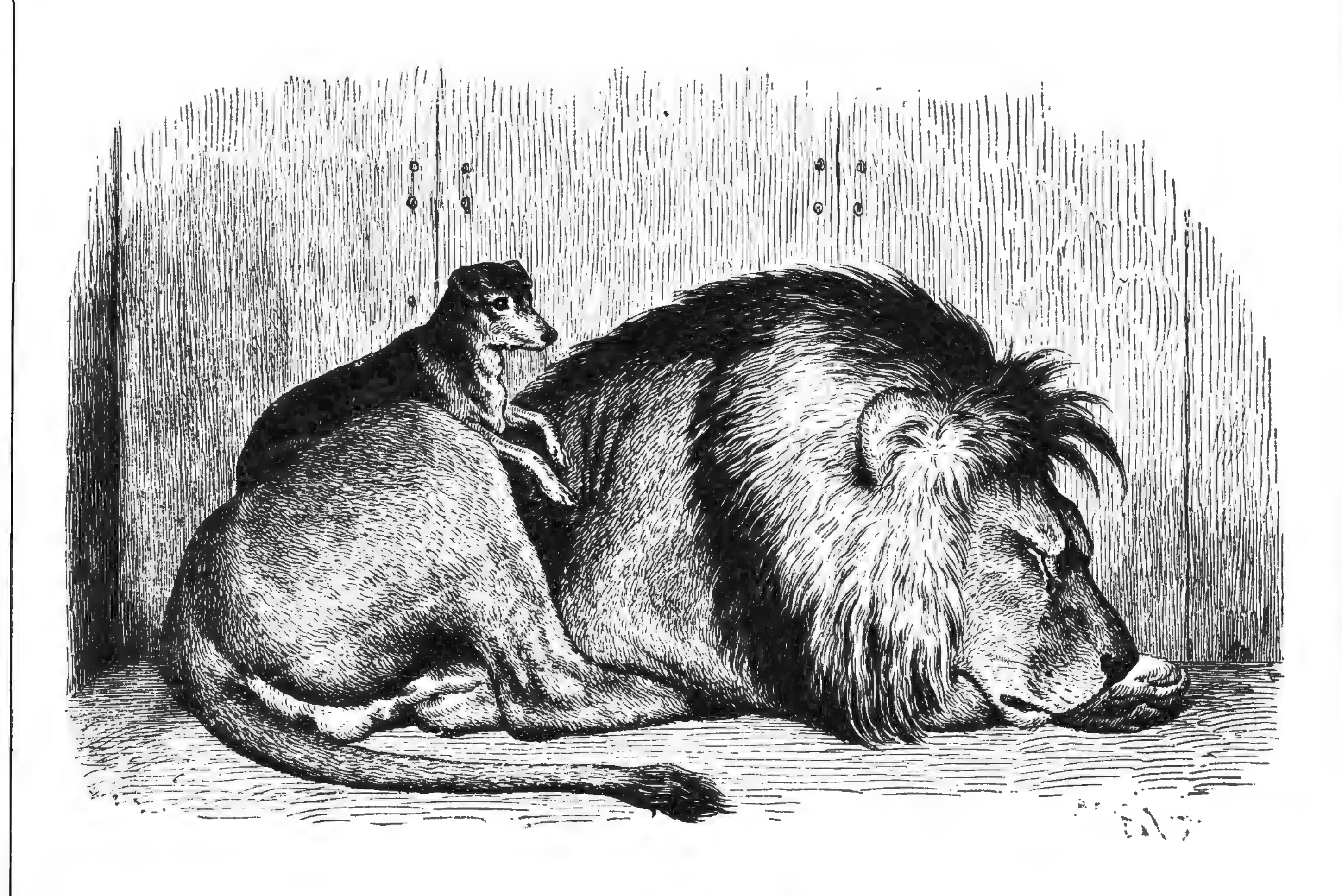
Само собою разумѣется, что публику всего болѣе занимаютъ молодые звѣри, рожденные въ звѣринцѣ—особенно же львы. Для этой цѣли и потому еще, что одиночество вредно дѣйствуетъ на животныхъ, содержатели звѣринцевъ всегда стараются помѣстить, напримѣръ, льва со львицей въ одну клѣтку; но это не всегда удается, если животные другъ къ другу не привыкли. Подобный случай былъ въ звѣринцѣ Прейсера. Левъ и назначенная ему львица были сосѣди, но еще никогда не видались. На первый разъ рѣшились вынуть верхнюю доску изъ раздѣлявшей ихъ двери, чтобъ они могли полюбоваться другъ на друга и завести знакомство. Львица, казалось, отлично понимала, въ чемъ дѣло, и принимала живое участіе въ работѣ, вообще обнаруживала сильное нетерпѣніе увидѣть своего сосѣда, присутствіе котораго она давно почуяла. Но левъ находился, какъ нарочно, въ самомъ нелюбезномъ настроеніи духа: онъ угрюмо сидѣлъ въ углу, и глухимъ ворчаньемъ ясно выражалъ свое неудовольствіе. Наконецъ вынули доску. Львица немедленно стала на заднія лапы, чтобы въ отверстіе взглянуть на льва, но тотъ едва замѣтилъ ее—сердито рявкнулъ и однимъ прыжкомъ бросился на нее. Его поспѣшили отогнать, но онъ уже успѣлъ глубоко поранить ее въ переднюю лапу. Озадаченная, въ глубокомъ разочарованіи, стояла она на трехъ лапахъ, потряхивая четвертой, между тѣмъ какъ левъ, въ высшей степени разгнѣванный и раздраженный, какъ бѣшеный metался по клѣткѣ. Опытъ такъ и неудался,—и львица нѣсколько дней лежала у себя въ клѣткѣ и зализывала лапу, которая впрочемъ скоро зажила.

Если этотъ случай доказываетъ, что привязанность не всегда зарождается въ особахъ одной породы, съ другой стороны есть множество примѣровъ, показывающихъ, что если ужъ звѣри привыкнутъ другъ къ другу, то они сильно привязываются, хотя бы принадлежали къ совершенно различнымъ типамъ, неимѣющимъ между собою ничего общаго. Если бросить къ нимъ собаку—они и съ собакою подружатся, только бы съ перваго раза приняли ее милостиво.

У молодыхъ, неотупѣвшихъ еще львовъ эта слабость привязываться—особенно сильно сказывается. Въ звѣринцѣ Лингарда было два молодыхъ южно-африканскихъ льва, очевидно одного помета. Эти великолѣпныя животныя относились свирѣпо и непокорно ко всѣмъ, кромѣ самого Лингарда, но другъ съ другомъ были нѣжны до крайности. Часто случалось, что одинъ ничкомъ ложился передъ другимъ на полъ, и оба начинали лизать другъ другу морды—точно въ самомъ дѣлѣ цѣловались. Когда они спали или даже просто отдыхали, они обыкновенно лежали обнявшись. Подобныя ласки какъ-то особенно поражаютъ въ такихъ могучихъ звѣряхъ. Въ звѣринцѣ Шрейера, по смерти основателя, когда заведеніе, какъ водится, начинало приходить въ упадокъ, въ одной клѣткѣ сидѣли два прехорошенькихъ львенка — самецъ съ самкой. Они тогда еще оба были совершенно здоровы, и трудно было отличить ихъ другъ отъ друга, потому что у самца только что еще чуть-чуть начинала отростать грива. Нѣсколько времени спустя—молодаго льва едва можно было узнать. Грива у него подросла, но онъ сдѣлался совсѣмъ калѣкой: спина сгорбилась, переднія лапы выгнулись наружу—и прежняя бодрая, величавая осанка превратилась въ понурую, выражающую безъисходную хандру и тоску. Грустно было смотрѣть на него; понятно, что главною причиною этого состоянія было продолжительное заточеніе въ тѣсной клѣткѣ, хотя оно и не подѣйствовало, повидимому, на здоровье львицы. Такого же мнѣнія должно-быть былъ и Анджело, тогда исполнявшій должность распорядителя; чтобы доставить больному нѣкоторый моціонъ, онъ его часто выводилъ изъ клѣтки и пускалъ въ первыя мѣста. Такъ, одинъ изъ посѣтителей, прійдя въ звѣринецъ пораньше утромъ, не мало испугался, увидѣвъ на пустыхъ первыхъ мѣстахъ свернувшагося клубкомъ льва, привязаннаго просто веревкой. Анджело подошелъ къ посѣтителю и успокоилъ его. Дѣйствительно, льву не до того было, чтобы на кого нибудь броситься: онъ насилу ноги волочилъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, опять ложился. Но всего трогательнѣе тутъ было отчаяніе львицы. Левъ былъ привязанъ какъ разъ насупротивъ ихъ общей клѣтки, такъ что онъ былъ у нея постоянно

передъ глазами. Съ глухимъ, совсѣмъ особаго рода ворчаніемъ она безъ устали расхаживала по клѣткѣ, не сводя глазъ съ бѣднаго товарища. Иногда она останавливалась, прижималась лбомъ къ рѣшеткѣ, и еще пристальнѣе вперяла глаза въ полуумирающаго. Она, казалось, тутъ только вполнѣ поняла его отчаянное состояніе — когда увидѣла его почти на совершенной свободѣ, но неспособнымъ пользоваться ею. Она принималась рычать, но рычаніе переходило у нея въ стонъ; словомъ, во всѣхъ ея поступкахъ выражалось глубокое участіе, страстное желаніе опять быть вмѣстѣ съ своимъ бѣднымъ другомъ. Спасти льва не было никакой надежды. Анджело нянчился съ нимъ какъ съ ребенкомъ, ночью даже на улицу водилъ гулять, но все было тщетно.

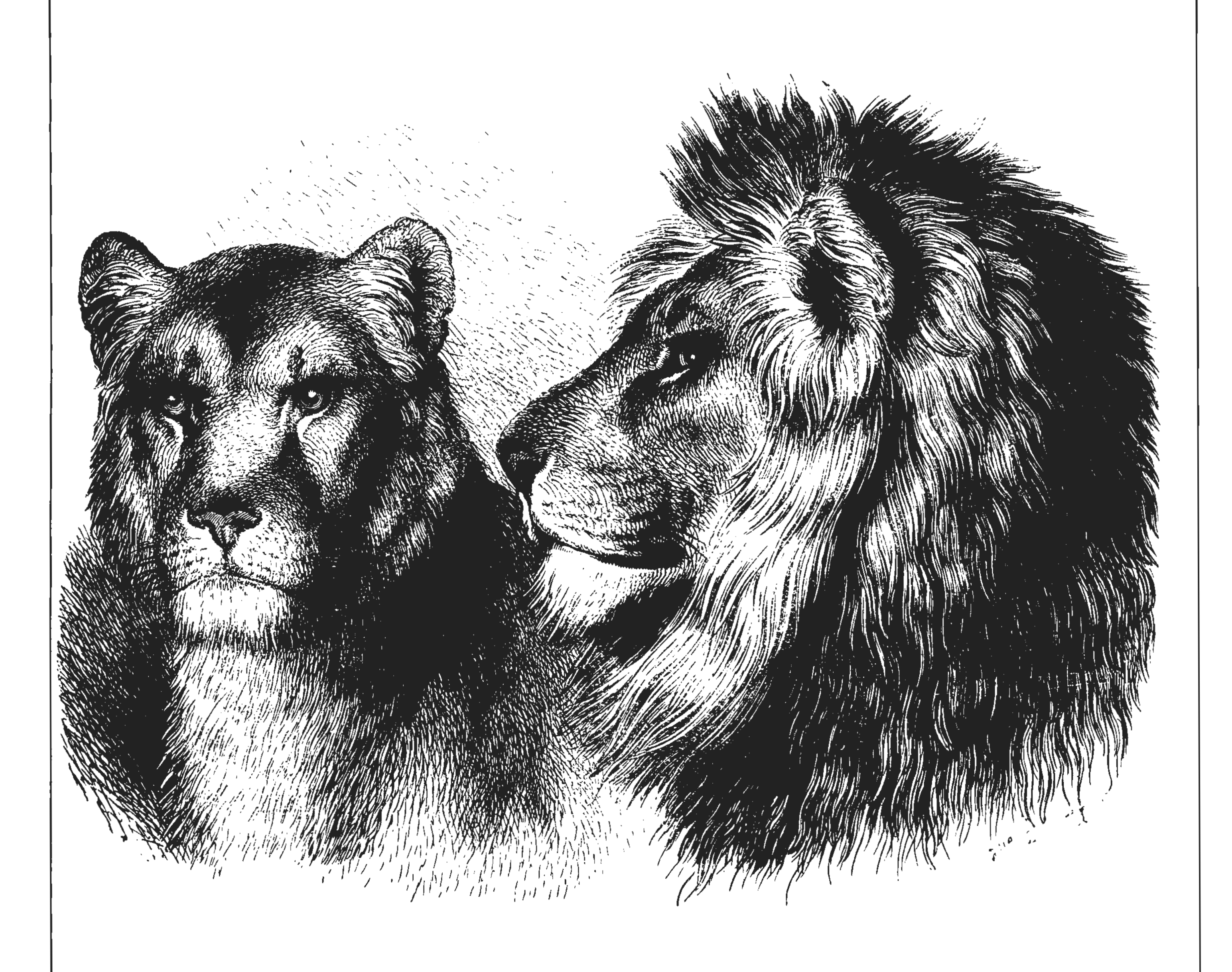
Но довольно объ этой грустной сценѣ. Обратимся лучше отъ нея къ парѣ, изображеніе которой приложено на этихъ страницахъ. Это левъ и львица—великолѣпные, истинно царственные звѣри, которые долгое время находились въ звѣринцѣ Крейцберга. Не только шея, но и плечи льва были покрыты совсѣмъ черной гривою, которая становилась свѣтлѣе только около самой морды и продолжалась широкой, мохнатой полосой еще вдоль живота; это отличительная черта южно-африканской породы. Можно ли было бы подумать, что этотъ левъ, не смотря на свою внушительную, величественную наружность, очутится когда нибудь въ крайне-комичномъ положеніи? Это случилось, однажды, во время чистки его клѣтки. Для этой операціи берется щетка съ длинной ручкой, къ которой левъ относился весьма равнодушно. Разъ однако ему надоѣло это нарушеніе его покоя: онъ бросился на щетку и вырвалъ ее изъ рукъ сторожа. Въ подобныхъ случаяхъ звѣри бóльшей частію ломаютъ завоеванный предметъ на мелкіе куски; но нашъ левъ, увидя, что у него хотятъ отнять щетку, захватилъ ее въ зубы—и, съ гордо выпрямленной головой, задѣвая то однимъ концомъ, то другимъ по стѣнамъ и рѣшеткѣ, зашагалъ по клѣткѣ съ такой уморительной важностью, что даже служители, не особенно впечатлительные въ этомъ отношеніи вообще, хохотали до упаду. Немного погодя, натѣшившись и достаточно доказавъ, что онъ умѣетъ при случаѣ отстаивать свои хозяйскія права, онъ позволилъ взять у себя щетку безъ сопротивленія.



Марсъ и Діана.

Какъ вообще въ жизни смѣшное граничитъ вмѣстѣ трагическимъ, такъ точно бываетъ и въ звѣринцахъ; таковъ уморительный случай, бывшій въ звѣринцѣ Лингарда, хотя не львы на этотъ разъ играли комическую роль. Одинъ изъ двухъ чудныхъ долгохвостыхъ попугаевъ, очень рѣдкой породы, какъ-то улучивъ минуту, вылетѣлъ изъ клѣтки и началъ летать по балагану. Въ

ту самую минуту, когда вбѣжалъ сторожъ, попугай толкнулся о клѣтку выше упомянутыхъ молодыхъ южноафриканскихъ львовъ; они спокойно лежали рядомъ, но увидѣвъ птицу, вскочили и кинулись къ ней. Попугай успѣлъ во̀время отлетѣть отъ рѣшетки и сѣлъ на приколоченную впереди ея доску, къ которой привѣшивались лампы, а львы стояли жадно впоривъ въ него взоры. Сторожъ осторожно, чтобы не вспугнуть птицу, взлѣзъ



на барьеръ, раздѣлявшій первыя мѣста отъ клѣтки, тихонько выпрямился, протянулъ руку и схватилъ попугая за хвостъ,—и крѣпко же онъ держалъ его т. е. хвостъ, потому что самъ попугай (вѣроятно, зная, что хвостъ отростетъ) оставилъ его въ рукахъ своего гонителя и съ крикомъ улетѣлъ точно птица другой породы. Напряженное вниманіе, выражавшееся въ позѣ львовъ, озадаченная физіогномія молодого сторожа и оживленное лицо входившаго въ эту минуту Лингрда представляли весьмаинтересную, разнообразную картину.

Въ началѣ этой статьи упоминалось о парѣ львовъ, которые были куплены для дрезденскаго зоологическаго сада, чтобы удовлетворить требованіямъ публики. Они принадлежали къ коллекціи исключительно-африканскихъ животныхъ, привезенныхъ изъ Африки г. Казановою, владѣльцемъ сгорѣвшаго въ Москвѣ театра обезьянъ. Въ этой коллекціи кромѣ нѣсколькихъ жирафовъ, мно́жества гіенъ съ пятнами, настоящаго африканскаго слона, значительнаго числа леопардовъ и пр. было и нѣсколько львовъ—все молодыхъ. Когда г. Казанова еще былъ въ Лейпцигѣ, онъ держалъ львенка, крошечнаго леопарда и четырехъ гіенъ побольше— въ одной клѣткѣ. У нихъ постоянно шла война, причемъ львенокъ всегда держалъ сторону леопарда и наоборотъ. Послѣдній еще съ трудомъ жевалъ, и гіены отнимали у него его порцію мяса; но львенокъ всегда энергично заступался за него. Противный, гортанный крикъ гіенъ и рычанье ихъ юныхъ враговъ составляли весьма оригинальную музыку, неособенно пріятную для нервовъ.

Всемірное торжество въ Африкѣ.

(письмо изъ суэца).

Въ Портъ-Саидѣ ждалъ я великаго момента открытія Суэцкаго канала — того момента, въ который должно было оказаться, будетъ ли это просто удобный торговый путь или памятникъ на всѣ грядущіе вѣка, будетъ ли Лессепсъ преданъ осмѣянію или возведенъ въ званіе одного изъ величайшихъ подвижниковъ прогреса.

Торговая депутація, которой я былъ членомъ, должна была открыть шествіе на большомъ военномъ корветѣ «*Мехметъ-Али*». На улицахъ было еще совсѣмъ темно, когда мы пробрались къ порту, увязая въ пескѣ; сквозь сумерки виднѣлись, точно призраки, трубы пароходовъ; дымъ столбами валилъ изъ нихъ, потому что уже разводились пары. Самъ Лессепсъ еще ночью прошелъ впередъ, одинъ изъ корветовъ вице-короля тоже ночью ушелъ въ каналъ; въ 6 часу должно было тронуться торжественное шествіе.

На берегу насъ обступили лодочники и на своемъ ломаномъ путаномъ жаргонѣ, заимствованномъ изъ всевозможныхъ языковъ, разсказали намъ, будто одинъ изъ нашихъ упалъ въ воду. Такъ какъ мы разсѣлись по нѣсколькимъ лодкамъ, не было возможности всѣхъ пересчитывать,—да если бъ даже и въ самомъ дѣлѣ одинъ свалился, во всякомъ случаѣ поздно было спасать его.

На «*Мехметъ-Али*», большомъ красивомъ египетскомъ военномъ суднѣ, происходила церемонія, не лишенная своеобразія: помощью толстой веревки поднимали и собирали экипажъ. Мы же, заспанные или, вѣрнѣе, невыспавшіеся, пошатываясь бродили по палубѣ,—или, измученные безсонной ночью, въ растяжку лежали на великолѣпныхъ диванахъ, въ роскошныхъ каютъ-компаніяхъ. Начало свѣтать. Съ востока лѣниво поднималось солнце, багровое какъ огненный шаръ. Но человѣкъ, всю ночь не смыкавшій глазъ, не въ состояніи любоваться даже такимъ зрѣлищемъ.

Вдругъ узнаемъ, что «*Латифъ*», египетскій военный корабль, ушедшій впередъ ночью, засѣлъ въ каналѣ, и что насъ поэтому велѣно пересадить на другое судно поменьше—«*Александру*». Опять началась возня съ багажемъ. «*Александра*» стояла подлѣ насъ. самъ Нубаръ-Паша, на маленькомъ почтовомъ пароходикѣ, явился помогать намъ при пересадкѣ; представьте же себѣ министра иностранныхъ дѣлъ—собственноручно таскающаго поклажу, чтобы не терялось времени! Со смѣхомъ передавалъ онъ лодочникамъ одинъ сакъ-вояжъ за другимъ; наконецъ, когда все пришло въ порядокъ, дружески пожалъ намъ всѣмъ руки, и ушелъ впередъ, показывая намъ дорогу.

«*Александра*» вышла изъ гавани, пройдя мимо всѣхъ большихъ судовъ, назначенныхъ для участія въ торжествѣ—въ томъ числѣ и нарадныхъ судовъ «*Aigle*» «*Greif*» «*Grille*» да голландскаго корабля: на первомъ ѣхала императрица Евгенія, на второмъ — императоръ австрійскій, на третьемъ — наслѣдный принцъ прусскій; наконецъ, на голландскомъ суднѣ ѣхали принцъ и принцесса голландскіе. Мы прошли между двумя обелисками, нарочно поставленными по случаю празднества, и вышли въ каналъ подъ безоблачно яснымъ небомъ. Было 8 ч. ут. По обѣимъ сторонамъ стлались отлогіе песчаные откосы, закрывая отъ насъ озеро Венгале, черезъ которое долженъ былъ вести насъ каналъ.

Наконецъ, поровнявшись съ Пеликанскими островами, мы увидали справа и слѣва синюю гладь озера, слегка рябившую отъ свѣжаго вѣтра, который всегда дуетъ въ каналѣ. Тутъ намъ представилось зрѣлище, интереснѣе котораго нарочно нельзя бы было приготовить для гостей: цѣлые легіоны длинношеихъ фламинговъ, большими и меньшими отрядами, собрались въ водѣ, а впереди плыли тяжеловѣсные пеликаны. На всемъ пространствѣ, которое обнималъ глазъ, ничего не видать было, кромѣ бѣлой массы, отливающей розовымъ оттѣнкомъ. По мѣстамъ подниималась цѣлая компанія этихъ птицъ и перелетала къ другому отряду. Геніальнѣйшій режиссеръ не съумѣлъ бы устроить постановки такого громаднаго міроваго представленія; намъ казалось, что Лессепсъ велѣлъ собрать сюда фламинговъ и пеликановъ изъ всего верхняго Египта, чтобы достойно угостить пріѣзжихъ.

У меня не хватило бы времени, если бы я захотѣлъ передать всѣ подробности торжества. Постараюсь разсказать покороче, не забывая главнѣйшаго. Лессепсъ еще накапунѣ вечеромъ прочелъ намъ телеграмму изъ Суэца, извѣщавшую, что исполинскія машины, преграждавшія путь, убраны, и что проходъ свободенъ. У Эль-Кантара весь этотъ громадный рабочій матеріалъ былъ вытянутъ по берегамъ, въ два длинныхъ ряда. Рабочіе стояли тутъ же и привѣтствовали насъ громкими криками. На песчаныхъ бугоркахъ, разбросанныхъ вдоль берега, сидѣли арабы съ женами и дѣтьми и тоже привѣтствовали насъ. Засѣвшій было, но снятый съ мели на буксиръ, пароходъ «*Латифъ*» салютовалъ насъ выстрѣлами, между тѣмъ какъ капитанъ (англичанинъ, какъ мнѣ говорили), съ хмѣля посадившій его на мель, высыпался въ своей каютѣ.

Съ этого мѣста дорога направо отъ берега ведетъ въ Сирію, а на самомъ берегу устроена станція для снабженія каравановъ прѣсной водою.

Все шло отлично. Маленькіе турецкіе почтовые пароходики такъ и сновали мимо насъ, дымясь и пыхтя; на одномъ изъ нихъ пронесся мимо насъ Нубаръ Паша, постоявъ въ Эль-Кантарѣ. Мы сначала приняли его за почтамтскаго чиновника, но едва узнали его, поднялись крики «ура! *Evviva* Нубаръ-Паша!», на которые онъ отвѣчалъ, дружески раскланиваясь. Нубаръ заслужилъ искреннее расположеніе всѣхъ иностранцевъ; безъ него ни одинъ изъ гостей не можетъ теперь и представить себѣ Египта. Гдѣ только не показывался Нубаръ, его принимали восторженно.

Въ $2^1/_2$ ч. мы достигли высокихъ тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ на берегу передъ кіоскомъ вице-короля. Насъ встрѣтили сотни любопытныхъ, махая шляпами и платками. Мы тотчасъ-же направились къ озеру Тимзахъ, и передъ нами развернулся городъ Измаиліе (центръ торжества) изъ котораго Измаилъ-Паша, давъ ему свое имя, хочетъ сдѣлать центральный рынокъ Азіи и Африки,—такъ какъ эти двѣ части свѣта раздѣлены, какъ извѣстно, однимъ каналомъ—и человѣку, который чихнетъ на азіатскомъ берегу, съ африканскаго можно крикнуть: «на здоровье!»

Прошло четыре дня съ нашего перваго пріѣзда; Измаиліе тогда еще только наряжался на праздникъ, теперь-же онъ былъ въ полномъ блескѣ—и, боже! какую удивительную картину представляла вся эта песчаная равнина! *Та-*

кой картины не написать ни одному живописцу, не создастъ фантазія поэта въ своемъ самомъ смѣломъ полетѣ. Всѣ до сихъ подъ видѣнныя мною великолѣнія востока, всѣ сказочные образы, съ которыми знакомитъ насъ Шехеразада, всѣ грезы, которыми мое собственное воображеніе поэтизировало оазисы пустыни,—все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ представился намъ Измаиліе въ эти праздничные дни.

У дебаркадера насъ встрѣтили арабскія мелодіи, исполненныя египетскимъ хоромъ военной музыки. Разставленные шпалерой солдаты обозначали дорогу на главную улицу. Съ арабскаго лагеря приносился оглушительный шумъ барабановъ, визгливыхъ дудокъ, прерываемый меланхолическими арабскими мотивами; а на самой улицѣ стоялъ страшный гулъ отъ крика ословъ и погонщиковъ верблюдовъ, отъ безчисленныхъ голосовъ, отъ пестрѣвшей, гудѣвшей толпы пріѣзжихъ, уже привалившихъ по желѣзной дорогѣ. Направо отъ улицы было расположено помѣщеніе для гостей: двойной рядъ шатровъ,—потому что городъ, собственно говоря, еще не построенъ; онъ еще только задуманъ, такъ-сказать начерченъ на пескѣ, который, однако, скрываетъ плодороднѣйшую почву, нѣкогда бывшую житницей Египта. Пальмы, бананы, миндальныя и апельсинныя деревья, насаженныя передъ немногими уже состроенными домами, во время сооруженія канала, принялись великолѣпно и не теряютъ свѣжести, какъ ни палитъ ихъ солнце—что достаточно свидѣтельствуетъ о тучности почвы, прикрытой слоемъ песку, нанесеннаго съ пустыни. Куда ни глядѣли глаза—вездѣ шатры. За помѣщеніемъ для гостей, т. е. за каналомъ прѣсной воды, что тянется передъ самымъ городомъ, красовались большіе арабскіе шатры, убранные пестрыми коврами, въ раздвинутые пологи которыхъ видна была богато отдѣланная внутренность. У входа висѣли лампы, шары, фонари, гирлянды изъ фонарей сбѣгали отъ шатровъ къ прѣсному каналу и вдоль его берега; тысяча флаговъ и штандартовъ развѣвались съ шатровъ и между шатрами; мимо нихъ разъѣзжали бедуины на своихъ высокихъ, важно выступающихъ верблюдахъ, съ копьми и щитами, на роскошныхъ, а иногда и очень дорогихъ чапракахъ: они отправлялись на «*фантазію*» или турниръ—единственное увеселеніе этаго трезваго, воздержнаго народа. Между верблюдами рысцой бѣжали или шагомъ плелись ослы, поматывая ушами; барабаны и дудки не прерывали своего уши-раздирающаго концерта, а арабы орали и горланили наперерывъ. Иностранцы съ большими «куффіями», т. е. бурыми платками и шалями всѣхъ цвѣтовъ, обмотанными вокругъ шляпъ, гнали по улицамъ лошадей, ословъ, верблюдовъ; только-что-пріѣхавшіе тянулись гурьбами—за ними арабы носильщики съ чемоданами—суматоха страшная, какою не похвалится никакая ярмарка. Я счелъ за лучшее устроиться съ пріятелмъ на «*дагабіе*» (т. е. на баркѣ изъ тѣхъ, что ходятъ по Нилу), нежели на берегу въ шатрѣ, въ которомъ не было ничего кромѣ кровати да стола; барки же стояли за арбскимъ лагеремъ, въ озерѣ, шагахъ во ста отъ берега. Моему пріятелю, въ качествѣ служащаго при Нубаръ-паши, не трудно было завоевать въ конторѣ билетъ на квартиру—и до смерти усталые, мы бросились въ экипажъ и поѣхали къ Эминъ-бею, завѣдывавшему распредѣленіемъ помѣщеній на баркахъ. На одной изъ нихъ мы застали молодаго чиновника, съ которымъ я познакомился еще въ Александріи, и онъ посовѣтывалъ намъ обратится къ Рейсъ-Тагибу, владѣльцу третьей или четвертой барки отъ той, на которой онъ помѣстился. Рейсъ-Тагибъ, черный какъ бываютъ черны только одни нубійцы, принялъ насъ ласково и провелъ въ каютъ-компанію. Тутъ все дышало изяществомъ и комфортомъ. Каюта была всего шага въ четыре шириною, но не смотря на это въ ней стояли два дивана, обитые синимъ штофомъ, и столъ; за нею были еще двѣ каморки съ четырьмя кроватями, зеркалами, розовыми занавѣсами, вообще убранныя такъ нарядно, что могли бы служить будуаромъ любой графинѣ. Одно только было неудобство—куда ни повернись, нельзя было не стукнуться головой или локтями. Оставалось какъ можно скорѣе пріютиться на палубѣ, надъ гостиной, гдѣ подъ навѣсомъ тоже стояли два дивана, съ которыхъ можно было наслаждаться безподобнѣйшимъ видомъ на озеро и на весь лагерь бедуиновъ.

Рейсъ-Тагибъ только-что собирался принести намъ кофей наверхъ, гдѣ мы, растянувшись на диванахъ, любовались чудной голубизной неба и прислушивались къ отдаленному шуму съ неизбѣжными барабанами и дудками, — какъ вдругъ насъ встревожили пушечные выстрѣлы съ военныхъ кораблей, стоявшихъ за нами на якорѣ. Было $4^1/_4$ ч. по полуди. Императрица Евгенія первая въѣзжала въ озеро Тимзахъ—тремя часами позже насъ, ибо услыхавъ рано утромъ, что «Латифъ» сѣлъ на мель, она послала ко всѣмъ капитанамъ французскихъ судовъ, находившихся въ Портъ-Саидѣ, спросить, посовѣтуютъ ли они ей рискнуть въѣхать въ каналъ. Капитаны ее успокоили—и она наконецъ рѣшилась отправиться.

Долго гремѣли пушки и застилали озеро густымъ дымомъ, бедуины пуще прежняго забили въ барабаны и затрубили въ свои дудки,—и въ оградѣ, вмѣщающей верблюдовъ и лошадей, произошло сильное движеніе: два отважныхъ бедуина начинали въ честь императрицы французовъ большую «фантазію». Они верхомъ наѣзжали другъ на друга съ нацѣленными копьями; но я не видалъ, чтобы они друга поранили или ушибли.

Чрезъ полчаса опять началась канонада: въ озеро въѣзжали императоръ австрійскій, наслѣдный принцъ прусскій, принцесса голландская съ мужемъ. Стало быть, знатнѣйшіе изъ гостей всѣ благополучно проѣхали первую половину канала, и ничто уже не мѣшало началу празднествъ.

Лессепсъ самъ пріѣхалъ за императрицей въ экипажѣ, запряженномъ семью верблюдами; другія коронованныя особы тоже собирались сходить на берегъ—пора было и намъ подниматься. Поглощенный созерцаніемъ окружавшей меня волшебной панорамы, стоялъ я на палубѣ. Солнце уже низко склонилось къ западу, и небо окрасилось сѣрножелтымъ свѣтомъ, въ которомъ верблюды на песчаныхъ высяхъ принимали гигантскіе размѣры. Вечернее освѣщеніе окутывало всѣхъ бедуиновъ, двигавшихся по этимъ высямъ, въ легкую дымку, сквозь которую послѣдніе лучи солнца сверкали золотыми нитями. Надъ всѣмъ лагеремъ арабовъ стлался тотъ же легкій, прозрачный покровъ, по которому точно бѣлая молнія мелькали солнечные лучи, отражаемые стеклами фонариковъ. Пестрые шатры, разноцвѣтные костюмы бедуиновъ, сѣроватожелтый цвѣтъ верблюдовъ, сверканіе копій, мечей, полумѣсяцовъ, водруженныхъ надъ шатрами—всѣ эти соединенныя детали составили такое волшебное цѣлое, котораго не въ состояніи описать даже тотъ, кто, подобно мнѣ, уже много лѣтъ привыкъ писать восточныя картины восточными красками.

Пройдемся по лагерю бедуиновъ. Вотъ они всѣ—по манію вице-короля стеклись они съ юга, съ востока, съ запада, изъ глубины Нубіи, Сеннаара, Сирійской, Аравійской и Ливійской пустыни, со всѣми своими своеобразными особенностями, представляющими такой контрастъ съ

франкскими костюмами. По истинѣ никогда еще непроисходило такого дружескаго слiянiя западной культуры съ исламизмомъ отдаленнѣйшихъ странъ Азiи и Африки,—и благороднѣйшiе изъ европейцевъ не могли бы оказать сынамъ пустыни болѣе широкаго, великодушнаго гостепрiмства, нежели оказанное европейцамъ тѣми, которыхъ мы величаемъ фанатиками, изувѣрами, представителями тупоумной нетерпимости. Громадный лагерь былъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ немъ помѣщались шатры многочисленныхъ, высокочтимыхъ шейховъ и эмировъ—и сами эти вельможи, большею частью маститые старцы, съ длинными бѣлыми бородами, сидѣли въ своихъ открытыхъ шатрахъ, и каждаго чужестранца, съ любопытствомъ проходившаго мимо, встрѣчали ласковымъ привѣтомъ: «*мерхаба*!»—«добро пожаловать». Нужно было понимать, какiя силы и власти собрались сюда изъ глубины двухъ нецивилизованныхъ частей свѣта, чтобы вполнѣ уразумѣть значенiе этого лагеря. Для большей части прiѣзжихъ все оканчивалось только поразительнымъ, оригинальнымъ зрѣлищемъ. Для массы публики было много болѣе интереснаго, чѣмъ эти важные сѣдобородые старики съ ихъ непонятными костюмами и странными манерами,—напр. танцовщицы (алмеи), съ ихъ лѣнивыми, далеко невоздушными тѣлодвиженiями, въ золотыхъ, иногда и брилiантовыхъ уборахъ, исполнявшiя свои пляски подъ звуки флейты, однострунной гитары и глухаго тамтама. Далѣе, большая палатка съ музыкантами, играющими на тѣхъ же инструментахъ и акомпанирующихъ пѣвцу—тенору, который гнусливо тянулъ какую-то заунывную мелодiю, прерываемую мѣстами протяжнымъ припѣвомъ хора безъ словъ на одну гласную: «а-а-а!» Всего привлекательнѣе оказывался богатѣйше-разубранный шатеръ дервишей-Iаадiйе, змѣѣдовъ—безспорно вѣнецъ всѣхъ прелестей арабскаго лагеря, вокругъ котораго къ вечеру сплошными массами толпились любопытные. Въ числѣ зрителей сидѣли министры великихъ европейскихъ державъ, даже коронованныя особы, угощаемые кофеемъ,—и лучше представленiя, какъ дервишъ ѣлъ живую змѣю, могло быть развѣ только одно: если-бы змѣя съѣла живаго дервиша.

(*Окончанiе въ слѣд.* №)

Смѣсь.

Мормоны.

По извѣстiямъ изъ Вашингтона видно, что конгресъ въ скоромъ времени намѣренъ серьозно заняться мормонскимъ вопросомъ. Вопросъ этотъ не требовалъ немедленнаго разрѣшенiя, пока «святыхъ» отдѣляли отъ восточныхъ и западныхъ штатовъ Скалистыя Горы и обширная степь,—тѣмъ болѣе, что первая попытка противъ нихъ увѣнчалась результатомъ не особенно лестнымъ для Соединенныхъ Штатовъ. Но степь теперь уже болѣе не существуетъ; она, равно какъ и Скалистыя Горы, прорѣзана желѣзной дорогой. Прижатые съ двухъ сторонъ двумя теченiями, изъ которыхъ одно претъ отъ Миссури, другое—отъ береговъ Тихаго Океана, мормоны тщетно упираются противъ слитiя съ общимъ американскимъ населенiемъ. Наступаетъ критическая минута, является вопросъ: что дѣлать съ мормонами? Какимъ образомъ истребить въ Утахѣ многоженство, этотъ остатокъ варварскихъ временъ? Нельзя предполагать, чтобы стали выгонять самихъ мормоновъ изъ Утаха, но будутъ приняты энергическiя мѣры противъ многоженства. Въ самомъ Утахѣ дѣло, повидимому, принимаетъ тотъ оборотъ, который предсказывалъ Самуэль Боульзъ, когда онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посѣтилъ владѣнiе мормоновъ въ сопровожденiи нынѣшняго вице-президента. По послѣднимъ извѣстiямъ съ Солянаго озера, Бриггэму Юнгу, мормонскому пророку, недавно было весьма многознаменательное откровенiе. Надо замѣтить, что на его имя, какъ главы общины, въ англiйскомъ банкѣ хранится изрядный кушъ: 25 миллiоновъ долларовъ. Откровенiе ему было такого рода, чтобы онъ употребилъ эту сумму на выселенiе мормоновъ на Сандвичевы острова. Говорятъ, что «святые» Солянаго озера встрѣтили первые слухи объ этомъ весьма явными проявленiями неудовольствiя. Всего вѣроятнѣе, что повеленiе Божiе, возвѣщенное этимъ откровенiемъ, до поры до времени не будетъ исполнено. Очевидно только то, что самъ пророкъ понимаетъ, что влiянiе Тихо-океанской желѣзной дороги въ какой нибудь годъ или два вынудитъ его либо отказаться отъ многоженства, либо уйти изъ Утаха. Сверхъ того, между самими мормонами произошелъ расколъ. Сыновья Джозефа Смита, основателя секты и перваго ея пророка, стали въ положенiе враждебное Бриггэму Юнгу и обвиняють его въ ереси, утверждая, что отецъ ихъ, первый и единственный истинный пророкъ, осуждалъ многоженство. У нихъ теперь уже составилась очень сильная партiя между «святыми». Многiе мормоны, отказавшiеся отъ многоженства, возвратились въ свою прежнюю родину—въ Индепенденсъ въ графствѣ Джэксонъ, въ штатъ Канзасъ, перекупили тамъ свои прежнiя земли и намѣреваются на прежнемъ мѣстѣ вновь поставить мормонскiй храмъ.

Таинственная находка.

Въ газетѣ «Universel» напечатано слѣдующее письмо, присланное изъ Испанiи:

«Я слышалъ о странной находкѣ, сдѣланной на дняхъ въ Провiи, маленькомъ портѣ въ Астурiи. За достовѣрность факта мнѣ ручаются люди заслуживающiе полнаго довѣрiя, очевидцы: 7-го декабря, рыбакъ, по имени Реституто, послѣ бурной ночи, какiя часто бываютъ въ эту пору года въ Бискайскомъ заливѣ, нашелъ небольшую шкатулку между двумя утесами, куда ее выкинуло волнами. Она очевидно долго пробыла въ водѣ, потому что была вся покрыта раковинками и морскими травами; по осмотрѣ, она оказалась замкнутой на ключъ; кромѣ того, на ней висѣло два заржавленныхъ замка; края были обиты мѣдью. Реституто попробовалъ вскрыть ее ножемъ, но это ему не удалось. Тогда онъ отнесъ шкатулку къ приходскому священнику и при его помощи осторожно вскрылъ ее. Легко себѣ представить, въ какое удивленiе и ужасъ оба пришли, когда въ шкатулкѣ нашли женскую руку, отрѣзанную повыше кисти! Рука была изсушена на подобiе мумiи, чрезвычайно мала и изящной формы. Она очевидно принадлежала молодой прелестно-сложенной женщинѣ. Стройную кисть обхватывалъ браслетъ, украшенный семью изумрудами чистѣйшей воды. Шкатулка была такъ герметически задѣлана, что въ нея не попало ни капли воды. Рука лежала на маленькой бархатной подушкѣ, зеленой и почти не полинявшей. Ни имени, ни числа не было—ничего, чтобы могло навести на какую нибудь догадку. Какая-то тутъ кроется драма!..»

Редакторъ В. Клюшниковъ.

№ 5. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна за границей 5 талер

Маленькая графиня

Повѣсть Октава Фелье.

(Продолженіе).

III.

20-го сентября.

Я получилъ твое письмо. Ты, право, принадлежишь къ Мономатонской породѣ друзей. Но что за дѣтство! Вотъ настоящая причина твоего внезапнаго возвращенія! Пустяки, злой кошмаръ въ которомъ ты услышалъ мой голосъ, звавшій тебя на помощь. А! вотъ они плоды этой скверной нѣмецкой кухни! Въ самомъ дѣлѣ, Поль, ты поглупѣлъ. Письмо твое трогаетъ меня, однако, до слезъ. Я не въ состояніи отвѣчать тебѣ такъ, какъ-бы ты хотѣлъ. Сердце мое готово высказать многое — слово не повинуется: я никогда не могъ рѣшится сказать кому-нибудь: «я васъ люблю». Какой-то ревнивый демонъ искажаетъ въ моихъ устахъ слова любви, и придаетъ имъ оттѣнокъ ироніи. Но, слава Богу, ты меня хорошо знаешь. Я думаю, что ты смѣешься, когда слова твои заставляютъ меня плакать. Ну, что-жь, тѣмъ лучше. Да, мое доблестное приключеніе въ лѣсу имѣетъ продолженіе.... безъ котораго я могу легко обойтись. Всѣ несчастія, которыя ты мнѣ предсказывалъ, уже случились—будь спокоенъ.

Слѣдующій день, послѣ приключенія моего въ лѣсу, я началъ попыткою возстановить о себѣ мнѣніе моихъ хозяевъ: я разсказалъ имъ откровенно всѣ интересные эпизоды моего бѣгства. Они отъ души смѣялись, особенно мельничиха, поминутно раскрывавшая свои мощныя челюсти. Никогда въ жизни не случалось мнѣ видѣть отвратительно-грубаго проявленія веселости въ сферѣ скотнаго двора. Въ знакъ полнѣйшаго возобновленія симпатіи, мельникъ спросилъ меня, люблю-ли я охоту, и снялъ съ гвоздика заржавленное ружье, выхваляя смертоносныя качества этого орудія. Я принялъ эту любезность съ видомъ живѣйшаго удовольствія, такъ какъ не имѣю привычки разубѣждать людей тогда, когда они думаютъ мнѣ доставить удовольствіе. Я взялъ ружье въ лѣсокъ, покрывающій холмы, неся въ рукахъ, на подобіе копья, почтенное оружіе смерти, которое, въ извѣстномъ смыслѣ, мнѣ показалось дѣйствительно опаснымъ.

Я усѣлся къ кустахъ, положивъ подлѣ себя это длинное ружье, потомъ забавлялся отгоняя молодыхъ кроликовъ, неосторожно-подбѣгавшихъ къ воинственному орудію, за которое я и самъ не могъ отвѣчать. Благодаря таковой предосторожности — все обошлось благополучно. Мнѣ не хотѣлось снова встрѣтиться съ кавалькадой, и я предпочелъ просидѣть на одномъ мѣстѣ тотъ часъ, въ который она выѣзжала на охоту. Въ два часа по полудни, я поднялся съ своего ложа, сдѣланнаго изъ мяты и жирной дятлины, въ полной увѣренности, что никого не встрѣчу.

Я отдалъ карабинъ мельнику, который выразилъ удивленіе, при видѣ охотника возвращающагося съ пу-

стыми руками, — или можетъ-быть потому, что не думалъ увидѣть меня въ живыхъ.

Затѣмъ я направился къ порталу, желая докончить общій видъ развалинъ — великолѣпный пейзажъ писанный акварелью, которому непремѣнно суждено получить одобрительный отзывъ господина министра.

Я былъ совершенно погруженъ въ мои занятія, какъ вдругъ услышалъ шумъ, похожій на конскій топотъ, который со времени моего злополучнаго приключенія безпрестанно огорчалъ мой слухъ. Я быстро повернулся и увидѣлъ врага въ двухстахъ шагахъ отъ себя; на этотъ разъ онъ былъ одѣтъ по городскому, какъ-бы для прогулки; численность его увеличилась особами обоего пола, такъ что масса имѣла внушающій видъ. Хотя я и былъ приготовленъ ко всякой случайности, но все таки почувствовалъ себѣ неловко, при видѣ этихъ неутомимыхъ бездѣльниковъ; во всякомъ случаѣ, мысль обратиться въ бѣгство мнѣ не приходила въ голову: я навсегда потерялъ вкусъ къ отступленію. По мѣрѣ приближенія кавалькады, я услыхалъ сдержанный хохотъ и шопотъ, которыхъ смыслъ не ускользнулъ отъ меня; признаюсь тебѣ откровенно, что въ моемъ сердцѣ закипѣла злоба— и продолжая мою работу съ большимъ по видимому интересомъ, я слѣдилъ съ мрачнымъ вниманіемъ за ходомъ сцены, происходившей позади меня. Окончательное рѣшеніе кавалькады было, на этотъ разъ, пощадить меня: вмѣсто того чтобы слѣдовать по тропинкѣ, у которой я помѣстился,—она повернула немного направо, соблюдая полнѣйшую тишину. Одинъ изъ всадниковъ, отставъ отъ компаніи, быстро повернулъ въ сторону и остановился въ десяти шагахъ отъ моей походной мастерской; хотя я сидѣлъ наклонившись надъ рисункомъ, я чувствовалъ— что и каждый испыталъ вѣроятно на себѣ—упорно направленный на меня, человѣческій взглядъ; я поднялъ глаза, равнодушно посмотрѣлъ вокругъ и снова опустилъ ихъ. Тогда я увидѣлъ, что нескромнымъ наблюдателемъ была дама съ голубымъ перомъ—первая причина моего злополучія. Она сидѣла на лошади, слегка приподнявъ голову, прищуря глаза и разсматривая меня съ головы до ногъ, съ удивительнымъ нахальствомъ; изъ уваженія къ ея полу, я рѣшился сперва не защищаться отъ ея дерзкаго любопытства, но вскорѣ потерялъ терпѣніе и пристально посмотрѣлъ на нее. Она покраснѣла, а я поклонился; она также слегка кивнула головой, поскакала въ галопъ, и исчезла подъ сводами стараго храма. На этотъ разъ поле сраженіе оставалось за мной; я радовался, что одержалъ побѣду надъ этой маленькой особой, которую повидимому не легко было сконфузить.

Прогулка въ лѣсу длилась не болѣе двадцати минутъ, блестящая кавалькада снова показалась подъ сводами портала; я снова притворился погруженнымъ въ глубокое раздумье. На этотъ разъ отдѣлился опять одинъ всадникъ и направился ко мнѣ; онъ ѣхалъ столь прямо на мою маленькую мастерскую, что я началъ подозрѣвать въ немъ желаніе переѣхать черезъ нее, чтобы потѣшить дамъ; я наблюдалъ за нимъ украдкой—и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ моей табуретки; снявъ шляпу, онъ сказалъ: «милостивый государь, позвольте мнѣ взглянуть на вашъ рисунокъ». Я отдалъ ему поклонъ и кивнулъ головой въ знакъ согласія, не прерывая работы. Спустя минуту, послѣ молчаливаго созерцанія рисунка, конный незнакомецъ произнесъ нѣсколько хвалебныхъ эпитетовъ, какъ-бы исторгнутыхъ силою впечатлѣнія; потомъ, обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «милостивый государь, позвольте мнѣ похвалить вашъ талантъ; только благодаря ему сохранятся для потомства эти развалины—краса нашей страны».

Я старался показаться любезнѣй и отвѣчалъ, какъ всегда въ подобномъ случаѣ, что оцѣнка моего таланта слишкомъ снисходительна и любезна, и что я, такъ же какъ онъ, желалъ-бы спасти отъ забвенія эти прекрасныя развалины,—но что самая серьезная часть моей работы не подвигается впередъ, за недостаткомъ историческихъ документовъ въ мѣстныхъ архивахъ.

— Въ моей библіотекѣ, милостивый государь, сохранилась большая часть архива этого аббатства. Пересмотрите что́ осталось. Я буду вамъ очень благодаренъ.

Я поблагодарилъ. Я выразилъ сожалѣніе, что не зналъ этого прежде. Я думалъ, что буду отозванъ въ Парижъ письмомъ, котораго ждалъ въ тотъ же день. Между тѣмъ, объясняя ему это обстоятельство, я всталъ, стараясь прикрыть любезной формой неудовлетворительность содержанія; въ то же время я началъ внимательно разсматривать моего собесѣдника: это былъ красивый старикъ съ широкою грудью, который, повидимому, бодро пережилъ шестьдесятъ зимъ; глаза большіе, голубые; въ нихъ свѣтилось добродушіе и прямота.

— Ну, полно! вскричалъ онъ.—Будемъ говорить откровенно; вамъ не хочется вступать въ эту компанію веселыхъ вѣтренниковъ, которыхъ я не могъ вчера удержать отъ глупости, за что и приношу вамъ сегодня мое извиненіе. Я маркизъ де-Малуэ. Кромѣ того, вы герой нынѣшняго дня: васъ желали видѣть, а вы не хотѣли этого; за вами осталось послѣднее слово. Чего же больше?

Я не могъ не улыбнуться, услыша такое выгодное толкованіе моего печальнаго бѣгства.

— Вы смѣетесь! возразилъ маркизъ:—браво, мы поймемъ другъ друга. Посмотримъ, что можетъ помѣшать вамъ провести нѣсколько дней у меня? Моя жена поручила мнѣ пригласить васъ: она поняла все, что́ произошло вчера для васъ непріятнаго..... Она ангельской доброты, эта женщина..... она уже не молода, постоянно болѣетъ.... это дуновеніе, но это ангелъ.... Я помѣщу васъ въ моей библіотекѣ, гдѣ вы можете жить отшельникомъ, если вамъ угодно.... Боже мой! я понимаю въ чемъ дѣло: мои вѣтренники васъ пугаютъ.... вы человѣкъ серьезный: я знаю эти характеры!... Ну, чтожъ! вы все-таки найдете съ кѣмъ поговорить... Моя жена очень умная женщина.... да и самъ не чувствую особеннаго недостатка въ умѣ.... Я люблю тѣлесныя упражненія.... это необходимо для моего здоровья.... но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я былъ грубое животное.... Чортъ возьми! даже вовсе нѣтъ! Я васъ удивлю.... Любите вы вистъ?—мы будемъ играть.... Вы любите хорошо пожить, какъ и всякій человѣкъ со вкусомъ и смысломъ. Я это понимаю. Ну, чтожъ! если вы любитель хорошей кухни, то мы съ вами сойдемся; у меня прекрасный поваръ.... у меня ихъ даже два въ настоящее время: одинъ, отходящій отъ меня; другой, только-что прибывшій.... происходитъ, видите-ли, соревнованіе.... артистическая борьба.... академическій турниръ.... И вы поможете мнѣ назначить премію побѣдителю.... Полноте! добавилъ онъ, смѣясь добродушно надъ своей болтовней,— дѣло рѣшеное, не правда-ли? я похищаю васъ?

Счастливъ тотъ, любезный Поль, кто во время умѣетъ сказать: «нѣтъ!»

Такой человѣкъ господинъ своего времени, своей судьбы и своей чести. Нужно умѣть говорить: «нѣтъ» даже бѣдному, даже женщинѣ, даже добродушному старику, подъ страхомъ безполезной растраты своего милосердія, своего

достоинства и своей независимости. За неумѣньемъ мужественно сказать *нѣтъ*, сколько бѣдствій, паденій, преступленій совершилось.... со временъ Адама!

Въ то время, какъ я взвѣшивалъ полученное приглашеніе, всѣ эти мысли нахлынули въ мою голову; я призналъ ихъ весьма мудрыми — и сказалъ: «да». Роковое «да», благодаря которому я утратилъ мой маленькій рай: уединеніе, гдѣ я былъ свободенъ, работалъ, мечталъ — все это я промѣнялъ на свѣтскую жизнь, тревожную и глупо разсѣянную.

Я испросилъ время, необходимое для сборовъ, и господинъ Малуэ оставилъ меня, объявивъ при этомъ, что я ему очень понравился, и что онъ непремѣнно побудитъ своихъ двухъ поваровъ сдѣлать мнѣ достойный пріемъ.— Я объявлю имъ, что къ намъ будетъ артистъ, поэтъ; это возбудитъ ихъ воображеніе.

Къ пяти часамъ двое слугъ, присланныхъ изъ замка, явились взять мой тощій багажъ и доложили, что меня ожидаетъ карета.

Я простился съ моей кельей, поблагодарилъ хозяевъ и поцѣловалъ ихъ ребятишекъ — какъ они ни были грязны.

Этотъ мелкій людъ, казалось, съ сожалѣньемъ разставался со мной, да и мнѣ было скучно. Что за странное чувство привязывало меня къ этой долинѣ — не знаю; сердце болѣзненно сжалось, какъ бы разставаясь съ отечествомъ.

До завтра, Поль, не могу больше.

IV.

26 Сентября.

Замокъ Малуэ — массивное зданіе, построенное лѣтъ сто тому назадъ, архитектуры довольно вульгарной; прекрасныя аллеи, обширный дворъ и паркъ вѣковыхъ деревьевъ — придаютъ ему истинно барскій видъ. Старый маркизъ встрѣтилъ меня внизу лѣстницы, взялъ меня подъ руку, и пройдя со мной цѣлый рядъ корридоровъ, ввелъ въ большую гостинную, гдѣ царствовалъ полнѣйшій мракъ; я смутно увидѣлъ вдали, благодаря мерцающему свѣту камина, человѣкъ двѣнадцать обоего пола, сидѣвшихъ небольшими группами. Этотъ полумракъ былъ какъ нельзя болѣе кстати: мое вступленіе въ этотъ кружокъ совершилось благополучно.

Госпожа Малуэ привѣтствовала меня тихимъ и симпатичнымъ голосомъ. Она тотчасъ взяла меня подъ руку, и мы всѣ вышли въ столовую; маркиза, повидимому, не хотѣла отказать въ любезномъ пріемѣ — человѣку, умѣвшему бѣгать такъ быстро. За столомъ однако я замѣтилъ, что мои гимнастическіе подвиги вчерашняго дня еще не забыты, и что я былъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточивалось вниманіе цѣлаго общества; я выдержалъ перекрестный огонь насмѣшливыхъ взглядовъ, съ одной стороны находясь подъ прикрытіемъ цѣлой горы цвѣтовъ, украшавшихъ середину стола, и поддерживаемый, съ другой стороны, въ оборонительномъ положеніи моею благосклонною и умною сосѣдкою—госпожою де-Малуэ, принадлежащей къ числу тѣхъ рѣдкихъ старыхъ женщинъ, которыхъ возвышенный умъ и необыкновенная нравственная чистота предохранили отъ отчаянія на сороковомъ году, а изъ остатковъ молодости уберегли только одно прелестное свойство, но свойство высшаго порядка — грацію. Маленькая, худенькая, съ пожелтѣвшимъ лицомъ отъ постоянныхъ страданій, она дѣйствительно оправдывала выраженіе своего мужа: это дуновеніе, проникнутое умомъ и добротой. Никакихъ претензій, смѣшныхъ въ ея лѣта, необыкновенно изящное отношеніе къ своей особѣ, безъ тѣни кокетства, полнѣйшее забвеніе утраченной молодости, какая-то стыдливость старухи и трогательное желаніе не то чтобъ нравиться, а какъ бы получить снисхожденіе.

Такова эта маркиза, которую я обожаю. Она много путешествовала, много читала и прекрасно изучила Парижъ. Мы коснулись тотчасъ-же многихъ вопросовъ, быстро, не останавливаясь, какъ люди встрѣтившіеся въ первый разъ и желающіе узнать другъ друга; мы пробѣжали обширный кругъ отъ одного полюса до другаго, все задѣвая, разговаривая весело и во многомъ соглашаясь съ обоюднымъ удовольствіемъ. Г. де Малуэ воспользовался минутой, когда убрали со стола гигантское блюдо, чтобы освѣдомиться, насколько мы ознакомились,—и сказалъ мнѣ своимъ звучнымъ голосомъ: «милостивый государь, я уже говорилъ вамъ о моихъ поварахъ-соперникахъ; теперь настала минута, когда вы должны оправдать тотъ отзывъ, который я сдѣлалъ объ васъ, какъ о знатокѣ, этимъ двумъ артистамъ.... Увы! мнѣ суждено потерять старѣйшаго изъ нихъ, и, безъ сомнѣнія, одного изъ наиболѣе свѣдущихъ маэстро—знаменитаго Жана Ростена. Пріѣхавъ ко мнѣ, два года тому назадъ, изъ Парижа, онъ высказалъ мнѣ слѣдующую прекрасную мысль: «человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ, господинъ маркизъ, не можетъ болѣе жить въ Парижѣ; тамъ развивается какая-то странная кухня.... романическая, которая не поведетъ къ добру!» Короче сказать, милостивый государь, Ростенъ классикъ: этотъ рѣдкій человѣкъ успѣлъ составить себѣ опредѣленныя убѣжденія! Ну, вотъ вы сейчасъ кушали два блюда, въ которыхъ сливки составляютъ главное основаніе: по моему, они оба хорошо приготовлены, но твореніе рукъ Ростена все-таки выше.... теперь очередь за вами: скажите, слѣдуя моему указанію, которое чье.... и воздайте Кесарева Кесареви... Ага! посмотримъ!»

Я посмотрѣлъ украдкой на остатки двухъ кушаньевъ, и назвалъ классическимъ то, которое украшалъ храмъ Любви, съ изображеніемъ этого бога изъ раскрашеннаго тѣста.

— Вѣрно! вскричалъ маркизъ. — Браво! Ростенъ это узнаетъ и возрадуется. Ахъ, милостивый государь, зачѣмъ я раньше не встрѣтился съ вами! я удержалъ-бы можетъ быть Ростена, или, вѣрнѣе, Ростенъ удержалъ-бы меня при себѣ. Не могу скрыть отъ васъ, господа охотники, что вы не пользуетесь расположеніемъ стараго маэстро, и я право думаю (что бы онъ тамъ ни говорилъ), что ваше равнодушіе къ его таланту мотивируетъ его отъѣздъ. Я думалъ сообщить ему пріятное извѣстіе, объявляя о вашемъ скоромъ пріѣздѣ въ замокъ на охоту, но Ростенъ отвѣчалъ мнѣ: «господинъ маркизъ, я не могу раздѣлять вашъ взглядъ—во первыхъ, потому, что охотникъ не ѣстъ а пожираетъ, онъ садится за столъ *iratum ventrem* *), какъ говоритъ Горацій, и поглощаетъ безъ разбора, *gulae parens* **), самыя серьезныя произведенія артиста; во вторыхъ: сильное тѣлесное упражненіе развиваетъ у охотника ненормальную жажду, которая удовлетворяется безъ всякой умѣренности. Господину маркизу вѣроятно извѣстенъ взглядъ древнихъ, касательно чрезмѣрнаго употребленія вина во время обѣда: оно притупляетъ вкусъ — *exsurdant vina palatum*! Тѣмъ не менѣе, господинъ маркизъ,—добавилъ онъ,—я буду готовить обѣды для вашихъ гостей съ моей всегдашней добро-

*) Съ разъяреннымъ желудкомъ.

**) Подобно прожорѣ.

совѣстностью, хотя и увѣренъ, что меня не оцѣнятъ». Сказавъ это, Ростенъ завернулся въ свою тогу, взглянулъ на небо, какъ непризнанный геній, и вышелъ изъ моего кабинета.

— Я полагаю, сказалъ я маркизу,—что вы не остановились-бы ни предъ какими жертвами, чтобъ удержать этого замѣчательнаго человѣка.

— Вы судите обо мнѣ очень вѣрно, но увидите также, что онъ самъ довелъ меня до границъ невозможнаго. Восемь дней тому назадъ, господинъ Ростенъ попросилъ у меня аудіенціи и объявилъ мнѣ, что онъ, къ сожалѣнію, долженъ оставить меня. — Боже! что съ вами, господинъ Ростенъ! Вы оставляете меня! Куда-же вы ѣдете?—Въ Парижъ.—Какъ! въ Парижъ?! Но вы отряхнули у вратъ этого Вавилона прахъ отъ вашихъ сандалій! Упадокъ вкуса, всеохватывающее развитіе романтической кухни!... вѣдь это ваши слова, Ростенъ... Онъ вздохнулъ.—Безъ сомнѣнія, господинъ маркизъ, но жизнь въ провинціи имѣетъ грустныя стороны, которыхъ я не предчувствовалъ. — Я предлагалъ ему баснословное жалованье, но онъ отказался. — Посмотримъ, другъ мой, въ чемъ дѣло? А! понимаю: вамъ не нравится дѣвушка, находящаяся при кухнѣ; она прерываетъ ваши мечты своимъ грубымъ пѣніемъ — хорошо, я ее расчитаю!.... Не то? Вамъ не нравится Антуанъ —и того прогоню! Такъ не кучеръ-ли?—и того вонъ!—Короче сказать, господа, я хотѣлъ принести ему въ жертву всю мою прислугу. На эти чудовищныя уступки старый маэстро только качалъ головой. — Но наконецъ объясните-же въ чемъ дѣло, господинъ Ростенъ! вскричалъ я.—Боже мой! господинъ маркизъ, отвѣтилъ мнѣ Жанъ Ростенъ, я долженъ вамъ признаться, что не могу жить тамъ, гдѣ для меня нѣтъ партнера для партіи на бильярдѣ!.... Ну, это уже было чрезъ-чуръ! добавилъ маркизъ, съ забавнымъ добродушіемъ:—не могъ же я согласиться быть его партнеромъ! Нечего было дѣлать — я покорился и немедленно написалъ въ Парижъ, откуда мнѣ выслали молодаго повара, который пріѣхалъ вчера вечеромъ. Онъ объявилъ мнѣ, что его зовутъ Жакмаръ (изъ Двухъ-Севръ). Классическій Ростенъ, движимый величественнымъ порывомъ къ стяжанію славы, пожелалъ раздѣлить трудъ г. Жакмара (изъ двухъ-Севръ) на первыхъ порахъ,—и вотъ почему, господа, вы скушали сегодня великій эклектическій обѣдъ, котораго таинственныя достоинства, мнѣ кажется, оцѣнилъ только я и мой новый знакомый.

Г. де Малуэ всталъ изъ за стола, окончивъ эпопею о Ростенѣ. Послѣ кофе, я пошелъ за курящими въ садъ. Вечеръ былъ великолѣпный. Маркизъ повелъ меня въ аллею; дѣлая видъ, что разговариваетъ небрежно, онъ старался ближе познакомиться со мной и убѣдиться, что я достоинъ того вниманія, которое онъ мнѣ оказывалъ изъ простой любезности. Мы не соглашались во многомъ, но спорили откровенно и добродушно. Этотъ эпикуреецъ—мыслитель; мысль его, всегда дѣльная, подъ вліяніемъ уединенія принимаетъ иногда странный и неожиданный оборотъ. Вотъ тебѣ образчикъ: онъ поставилъ меня въ въ затрудненіе слѣдующимъ внезапнымъ вопросомъ:

— Какого вы мнѣнія о дворянствѣ, какъ объ институтѣ, въ настоящую эпоху и въ нашей Франціи?

Онъ замѣтилъ, что я колебался. — Скажите откровенно! вы видите, что я самъ откровененъ!

— Милостивый государь, я смотрю на институтъ дворянства съ точки зрѣнія художника: въ моихъ глазахъ это національный памятникъ... прекрасная историческая развалина, которую я люблю, которую уважаю, когда она благоволитъ не давить меня своею тяжестью.

—Ого! возразилъ онъ смѣясь,—здѣсь путь къ соглашенію длиненъ! Я никогда не соглашусь, чтобъ это была развалина—хотя бы историческая. Я конечно удивлю васъ, если скажу, что Франція, по моему, немыслима безъ дворянства?

— Вы положительно удивили бы меня.

— Это однако мое убѣжденіе—и я полагаю, что оно серьезно. Я не могу представить себѣ націи безъ дворянства — также какъ арміи безъ генеральнаго штаба. Дворянство — это нравственный вождь страны.

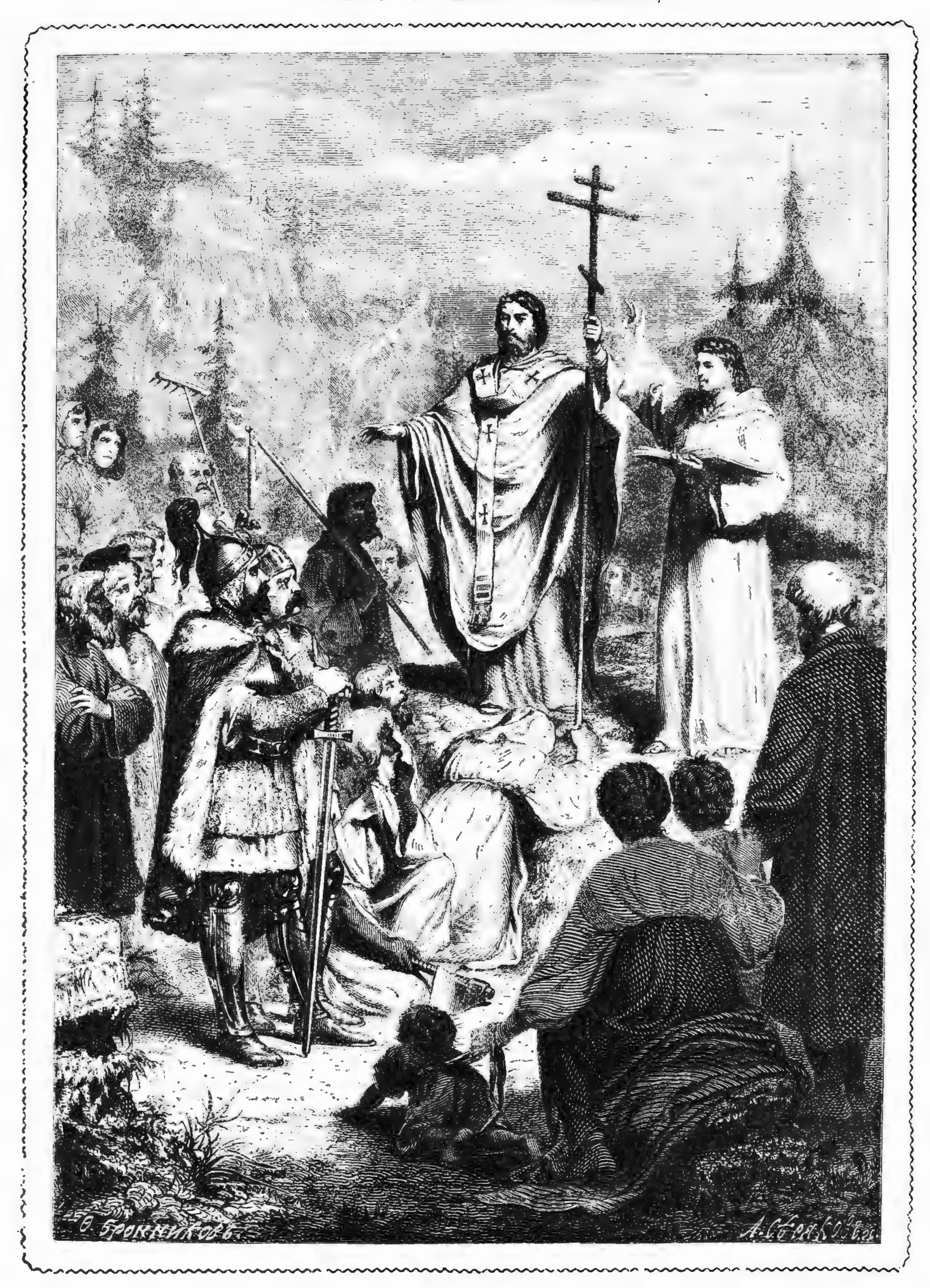
— Но таково-ли оно во Франціи?

— Прежде оно было всѣмъ чѣмъ хотите, въ размѣрахъ тогдашней цивилизаціи,—и головой, и сердцемъ, и правой рукою страны. Потомъ, это правда, особенно въ прошедшемъ столѣтіи, дворянство не сознало новой роли, которую налагала эра. Теперь оно постигла эту роль, но постоянно забываетъ ее. Если бы у меня былъ сынъ.... а! это больная струна моего сердца!... я поставилъ бы себѣ въ священную обязанность исторгнуть его изъ этой надменной праздности, въ которой живутъ и умираютъ, сожалѣя о прошедшемъ, послѣдніе представители нашей старой фаланги. Не мѣшая ему быть первымъ по личной храбрости, — старинная добродѣтель, бывшая всегда полезной отечеству,—я постарался бы сдѣлать изъ своего сына—одного изъ образованнѣйшихъ людей; я развилъ бы въ немъ вкусъ, любовь къ наукѣ—словомъ: все въ чемъ выражается благородная умственная дѣятельность, обезпечивающая за нами извѣстное мѣсто на землѣ! А! скажите мнѣ, что аристократія должна слѣдить за ходомъ цивилизаціи своего времени и своей страны, и не только слѣдовать за ея развитіемъ, но и руководить имъ. Скажите мнѣ, что аристократія не должна быть замкнутымъ сословіемъ, но свободнымъ, освѣжающимъ себя новыми силами, вербовкою своихъ членовъ изъ другихъ слоевъ общества; что она не должна стремиться къ первенству всегда и вездѣ;—это и мое мнѣніе. Но не говорите только, что нація можетъ обойтись безъ аристократіи, — или позвольте васъ спросить, кстати, какого вы мнѣнія объ американской цивилизаціи: эта страна, дѣйствительно, свободна отъ всякаго вліянія аристократическихъ началъ.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ я уклончиво,—что у насъ во Франціи существуетъ сословіе руководящее прогрессомъ—это аристократія ума и труда. Такое главенство совершенно законно—и представляетъ собой нормальный порядокъ вещей. Такая аристократія у насъ всегда будетъ. Придавать ей формы и условія государственнаго института—значитъ съужать ея умственную дѣятельность и тормозить развитіе. Зачѣмъ вводить юридическіе и государственные распорядки тамъ, гдѣ сама природа заботится о ростѣ и преуспѣяніи?

— Эге! вскричалъ съ жаромъ маркизъ:—вотъ новость-то! Неужели вы думаете, что національный геній можетъ явиться, развить свои силы или сохраниться — только путемъ естественнаго нарожденія? Спросите исторію, или—что еще ближе—посмотрите на Америку: Соединенные Штаты, я полагаю, также имѣютъ свой контингентъ умныхъ и талантливыхъ людей, но гдѣ-же ихъ національный геній? укажите мнѣ, въ чемъ онъ состоитъ? гдѣ проявился?... ну, хоть одну черту... Ба! да у нихъ и столицы нѣтъ даже!—это мое убѣжденіе. Столица—это мѣстопребываніе аристократіи. Нѣтъ, милостивый государь, одного естественнаго факта недостаточно; есть одинъ законъ, котораго нельзя не признать: нѣтъ ничего проч-

ПЕРВОУЧИТЕЛИ СЛАВЯНЪ,



Св Кириллъ и Меѳодій,

ПРОПОВѢДУЮЩІЕ НА РУСИ СВ. ЕВАНГЕЛІЕ.

Рисунокъ этотъ, исполненный профессоромъ Ѳ. Бронниковымъ и рѣзанный на деревѣ граверомъ Е. И. Величества, академикомъ Л. Сѣряковымъ, извлеченъ изъ великолѣпнаго изданія слѣпца-путешественника Г. И. Ширяева: «Святые равноапостольные КУРИЛЛЪ и МЕѲОДІЙ, просвѣтители Славянъ».

наго, великаго, устойчиваго на землѣ безъ власти, единства и традицій. Эти три условія величія и устойчивости могутъ быть соединены вмѣстѣ только въ постоянномъ институтѣ. Намъ нуженъ избранный классъ, который видѣлъ-бы наслѣдственную гордость въ распространеніи и развитіи добродѣтелей, общежительности, гражданственности, наукъ, искусствъ, ремеслъ — что вмѣстѣ составляетъ то стройное цѣлое, которое міръ называетъ французской цивилизаціей! Представьте себѣ аристократію, которая опиралась бы на свои нравственныя достоинства, которая постигла бы свою роль.... наше общество, наша цивилизація, наше отечество — достигли бы до высоты величія. Не будетъ такъ — ничего не будетъ. Парижъ, этотъ аристократическій символъ, продержитъ это еще нѣкоторое время. Вотъ и все.... А! что вы отвѣтите на это?

— Я отвѣчу вамъ вопросомъ, если позволите: какъ распоряжаетесь вы своей особой въ этомъ маленькомъ уголкѣ Франціи?

— Превосходно — и совершенно согласно съ моими принципами: я считаю себя лучшимъ и высшимъ выраженіемъ нашей эпохи и нашей страны. Я всюду вношу здравый смыслъ, изящный вкусъ — и хозяйственныя улучшенія. Я даже служу меромъ въ нашей общинѣ. Я устраиваю своимъ крестьянамъ школы, пріюты, церкви — понятно, на свой счетъ.

— Ну, и какъ же крестьяне относятся къ этому?

— Ненавидятъ меня!

— Вотъ видите-ли, сказалъ я смѣясь, — духъ времени вѣетъ не по направленію вашихъ теорій: ваше званіе дворянина, несмотря на всѣ благодѣянія, удаляетъ отъ васъ сердца крестьянъ.

— А! новый духъ, новое вѣяніе! вскричалъ маркизъ: — ну чтожъ, не въ ту сторону вѣетъ, говорите вы; такъ нужно направить его теченіе! Ахъ, молодой человѣкъ, вѣдь это безсиліе! Я скажу вамъ какъ Ростенъ: если вы рабски повинуетесь новому направленію, вы учредите въ своемъ родѣ романтическую кухню, которая не поведетъ къ добру!... Однако, мой юный другъ, отправимся къ дамамъ и сыграемъ партію въ вистъ.

Приближаясь къ замку, мы услышали шумъ и смѣхъ и увидѣли въ низу лѣстницы съ десятокъ молодыхъ людей, которые прыгали, стараясь какъ бы вскочить безъ помощи ступенекъ на платформу, которой оканчивалась лѣстница; при лунномъ свѣтѣ мы увидѣли на площадкѣ лѣстницы женскую фигуру въ бѣломъ платьѣ. Очевидно, это былъ турниръ, гдѣ особа въ бѣломъ платьѣ раздавала награды. Молодая женщина стояла облокотившись на балюстраду, на головѣ у ней были цвѣты, плеча были голыя, несмотря на сырой осенній вечеръ; она слегка наклонялась и подавала что-то скачущимъ молодымъ людямъ — это была сигарета, сдѣланная вѣроятно ея хорошенькими ручками; сцена эта была очень мила, но господинъ де-Малуэ повидимому нашелъ ее не совсѣмъ приличной, и сказалъ нетерпѣливымъ и сердитымъ голосомъ: «ну, такъ и есть! Это *«маленькая графиня!»* Нѣтъ нужды прибавлять, что я узналъ въ маленькой графинѣ мою безжалостную амазонку съ голубыми перьями. Едва мы взошли на лѣстницу, какъ маленькая графиня, вѣроятно сконфуженная присутствіемъ маркиза, протянула мнѣ сигаретку, минуя всѣхъ претендентовъ, — и отдавая ее мнѣ, сказала: «возьмите! это вамъ. И дѣйствительно, вы скачете лучше всѣхъ». И сказавъ эту остроту, которая одинаково огорчала и побѣдителя и побѣжденныхъ. — исчезла. Таковъ былъ послѣдній эпизодъ этого вечера.

Послѣ виста я поспѣшилъ удалиться подъ предлогомъ усталости — и господинъ де-Малуэ любезно провелъ меня въ приготовленную для меня комнату, обитую хорошенькимъ ситцемъ и смѣжную съ библіотекой. Меня долго еще безпокоилъ стукъ каретъ и монотонные звуки фортепьяно — эти признаки цивилизаціи — и я горько пожалѣлъ о моей бѣдной ѳиваидѣ.

(Продолженіе будетъ).

Просвѣтители Славянъ, св. Кириллъ и Меѳодій.

Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Славянъ выражается ихъ стремленіемъ къ болѣе или менѣе рѣшительному объединенію въ языкѣ и въ политической жизни. Девятый вѣкъ походилъ на нынѣшній тѣмъ, что, дотоле разрозненныя и полудикія, славянскія племена точно такъ же, ни для кого неожиданно, проснулись и сознали потребность принять цивилизацію и зажить государственной жизнью. Потребность того и другаго высказалась у нихъ такъ странно, какъ не высказывалась ни у Германцевъ, ни у Галловъ, ни у Латинянъ и ни у какого либо другаго племени. Можетъ быть, что первый толчекъ этого пробужденія славянства въ IX вѣкѣ дали предки тѣхъ же Нѣмцевъ, которые въ XIX вѣкѣ усиленной германизаціей довели Чеховъ и Хорватовъ до народнаго самосознанія. Величайшій изъ европейскихъ государей того времени, Карлъ Великій врывался съ огнемъ и мечомъ въ Саксонію, тогда еще языческую, въ земли Балтійскихъ и Дунайскихъ Славянъ, разрушая храмы, силою водружая кресты на мѣстѣ священныхъ липъ и дубовъ, и руша всякіе слѣды языческой цивилизаціи. Германцы напирали силою на славянскій міръ; они не говорили о своемъ нравственномъ превосходствѣ, котораго кстати у нихъ и не было, они ничего не проповѣдовали, а приказывали только жить по ихнему, молиться на ихъ святыню. — и казнили всякаго, кому эта христіанская святыня была покуда чужда, кто не успѣлъ понять ее, и кто былъ на столько добросовѣстенъ, что предпочиталъ гибель — поклоненію тому, чего не знаетъ. Давленіе Германцевъ уничтожило не только самостоятельность, но и самую народность Балтійскаго Поморья: лучшіе люди должны были бѣжать — кто въ устья Невы и Волхова, давно связанныя съ балтійскимъ міромъ торговыми сношеніями; кто поднимался на ладьяхъ въ верховья Лабы (Эльбы), Одера, Вислы, къ единоязычнымъ и единовѣрнымъ народамъ; — и всѣ выходцы несли съ собою грустную вѣсть, что старымъ бытомъ ничего не подѣлаешь. Опасность грозила страшная, нужно было сплачиваться въ кучи, и лучшіе люди того времени, т. е. бояре и такъ-называемые старцы, представители простаго народа, приходили къ убѣжденію, что для славянскихъ племенъ необходима государственность и необходимо христіанство. Но которое исповѣданіе? Свое собственное,

не силой навязанное, не ставящее народы въ зависимость отъ нѣмецкаго цесаря и римскаго папы, — такое чтобъ съ нимъ жить можно было, чтобъ оно стало душою народнаго существованія, другомъ а не царемъ совѣсти.

На Среднемъ Дунаѣ, занятомъ теперь Мадьярами, сложилось уже могучее государство Моравское; на Вислѣ затѣвалось государство Польское, на Волховѣ государство Русское. Въ Новгородѣ въ это время княжили наемные, заморскіе князья, со своими дружинами, такъ называемые Варяги. Но эти новыя государства были не прочны, потому что были не въ привычку народамъ, въ которыхъ каждый привыкъ жить съ родомъ своимъ, какъ въ недавнее время жили Шотландцы кланами, или наши Кавказскіе горцы аулами. Каждый родъ велъ свою собственную политику и заключалъ союзы съ другими. При возникновеніи государства, у подобныхъ племенъ невольно возникаетъ вопросъ: съ которымъ родомъ будетъ особенно дружить владыка? гдѣ жить будетъ? съ кѣмъ водиться будетъ? которой вѣры будетъ держаться? и которое мѣсто особенно полюбится ему для богомолья? Поэтому первыя попытки монархической жизни вездѣ не удавались; вездѣ боялись сдѣлать ее наслѣдственной; вездѣ старались сохранить за собой право смѣнять государей, чуть поступки ихъ окажутся противными общественнымъ интересамъ. Но лучшіе люди, т. е. прогрессисты и либералы IX вѣка, всѣ поголовно были монархистами въ самомъ неограниченномъ смыслѣ этого слова. Выборъ былъ простъ: остаться по старому — значило погибать на вѣки вѣчные отъ Нѣмцевъ, на западѣ и сѣверѣ, и отъ Хозаровъ и Грековъ, на востокѣ и на югѣ. Самое слово *Король* въ славянскихъ языкахъ происходитъ отъ имени Карла, такъ какъ славянскіе языки ставятъ гласную послѣ буквы *р* всегда, когда въ нѣмецкомъ она стоитъ передъ *р*; напр. arm — *рамо*, breg — *берегъ*, marmor — *мраморъ*, karl — *краль* (и затѣмъ русскій языкъ всѣ подобныя слова произноситъ полногласно, т. е. *брегъ* — *берегъ*; *сребро* — *серебро*; *краль* — *король*). Другое слово для названія монарха было одно изъ древнѣйшихъ во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ. У Германцевъ монархъ былъ konung или könig, у Литовцевъ kuningas, а у Славянъ сначала *Кунѣнгъ*, потомъ *кънѣнгъ*, далѣе *кънензь* и наконецъ *кнезь*, *князь*; древнее г сохраняется до сихъ поръ въ словѣ *княгиня*. Третье слово для обозначенія монарха было взято съ латинскаго *caesar* — и въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности является оно въ формѣ *цѣсарь*, какъ и теперь слѣдовало бы писать въ словахъ: *цѣсарскій*, *цѣсаревичъ*; затѣмъ звукъ *е* (*ѣ*) выпалъ и стало писаться *цсарь*, и наконецъ просто *царь*. *Князь* было словомъ древнѣйшимъ и самымъ знакомымъ Славянамъ, потому что князьями назывались у нихъ всѣ *государи*, т. е. крупные хозяева; отсюда, начальникъ нѣсколькихъ родовъ звался княземъ, какъ до сихъ поръ въ Босніи княземъ называютъ деревенскаго старосту, или у насъ на свадьбахъ называютъ молодыхъ княземъ и княгинею, потому что они во время пиршества какъ бы царятъ надъ всѣми собравшимися. *Король* или *цѣсарь* значило такой властитель, который состоитъ въ союзѣ съ церковью, считается не только первымъ сыномъ ея, но и законнымъ ея защитникомъ; а потому ни на Волховѣ, ни на Вислѣ, ни на Дунаѣ, ни на подчиненномъ Хозарамъ Днѣпрѣ, Славяне не считали себя вправѣ давать такой высокій титулъ своимъ монархамъ. Долгое время спустя, титулъ короля получали славянскіе владѣльцы отъ папы, а наши великіе князья московскіе назвались царями только по паденіи Цареграда, когда къ нимъ перешелъ византійскій двуглавый орелъ и съ нимъ вмѣстѣ первенство надъ всѣмъ православнымъ міромъ. Теперешніе славяне считаютъ русскаго монарха единственнымъ законнымъ *царемъ* на свѣтѣ, хотя этотъ же титулъ даютъ и австрійскому цесарю; первому — потому что онъ занимаетъ мѣсто византійскихъ царей; другому — потому что онъ преемникъ монархіи Карла Великаго. Въ русскомъ языкѣ XVII и даже XVIII вѣка, русскіе государи назывались *царями*, а австрійскіе — *цѣсарями*, и до сихъ поръ простой народъ называетъ австрійцевъ — *цѣсарцами*, а извѣстную африканскую курицу, завезенную къ намъ изъ Австріи — *цѣсарскою*.

Славянскіе народы никому не были обязаны идеею создать государство; ее вызвала у нихъ горькая необходимость бросать плугъ для меча, отстаивать свои села и своихъ боговъ. Но вѣра въ боговъ въ IX вѣкѣ была поколеблена: у римлянъ и у грековъ уже давнымъ давно язычникъ назывался paganus, что вполнѣ соотвѣтствуетъ по происхожденію, а отчасти и по значенію французскому paysan, или нашему русскому *деревенщина*, *мужланъ*, *сиволапъ*. Язычество тѣснило все живое и все развитое, требовало соблюденія обрядовъ, потерявшихъ смыслъ, и ставило въ смѣшное положеніе каждаго приходившаго въ столкновеніе съ христіанскимъ міромъ; а христіанскій міръ, возникшій и развившійся на почвѣ древне-греческой и римской образованности, былъ міръ книжный, міръ цивилизаціи, міръ высшихъ вопросовъ, — и смотрѣлъ на себя не съ узкой, родовой точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія *вселенской*, гдѣ нѣтъ ни евреевъ, ни еллиновъ, гдѣ всѣ братья во Христѣ. Отсюда во всѣ концы земли должно было исходить послѣднее слово науки, Слово Божіе; — и не принадлежать къ этому міру — значило отрѣшиться отъ прогресса и сводить всѣ свои интересы въ узкую рамку какого нибудь села Горохова. Это же самое явленіе повторилось у насъ при Петрѣ Великомъ и повторяется до сихъ поръ, когда вслѣдствіе тѣсноты старыхъ формъ московской жизни мы рванулись и рвемся слиться съ западомъ. Но мы ревность имѣемъ не по разуму: вмѣсто того чтобъ попирать истукановъ, какъ люди IX вѣка, мы съ истуканами сплошь и рядомъ попираемъ не только завѣты отцевъ нашихъ, не только святыню нашей старины, наше прошлое, но даже и самую нашу народность, какъ поляки, отрѣшившіеся отъ своей — во имя западной. Но это временное увлеченіе замѣтнымъ образомъ проходитъ, — доказательствомъ чему служитъ уже то обстоятельство, что мы начинаемъ припоминать о св. Кириллѣ и Меѳодіи.

Замысломъ передовыхъ людей, мірскою думою, вѣчемъ, Славяне поставили себѣ государей. Такимъ же мірскимъ сходомъ и тѣмъ же совѣтомъ бояръ и стариковъ порѣшили они, что какъ ни мудры были прежніе старики, а все-таки старые боги явно служить отказываются, и что какія жертвы имъ не приноси (барановъ ли, людей ли) а толку отъ нихъ мало. Что въ самомъ дѣлѣ это за боги, что стоятъ въ красномъ углу каждой избы? — они сшиты изъ тряпокъ, начиненныхъ посконью; у этихъ боговъ, какъ до сихъ поръ выражается народъ, была «рожа шитая, носъ плетеный, языкъ строченый, ушки собачьи, ножки телячьи»; или у деревянныхъ истукановъ — «рожа какъ у кошки, глаза будто плошки, ротикъ ящичкомъ, спинки шкапчичкомъ»! Глубокое сознанье, что не ладно «жить въ лѣсу, на

пень Богу молить»., вѣрить въ священныя деревья — проникло въ славянство. Куклы въ божницахъ, болваны на площадяхъ, священныя липы въ лѣсахъ—все оставалось по прежнему; но всѣ ждали, нельзя ли чѣмъ нибудь замѣнить ихъ.

Прежде всего для этой замѣны приходилось выбирать между вѣрами. Старики были народъ основательный: торопиться, горячиться, дѣлать реформы изъ кулька въ рогожку—далеко не въ славянскомъ характерѣ, — и вотъ началось *исканіе правой вѣры*. Смышленыхъ, хитрыхъ стариковъ посылали всюду—и въ Римъ, и въ Царьградъ, и къ Хозарамъ, высшее сословіе которыхъ приняло іудейство, и въ Азію—допытывать по тонку, до всего доходить, и прямо и стороной развѣдывать, въ какомъ понятіи какая вѣра состоитъ, чтобъ не было въ ней какого-либо обмана или какого подвоха противъ Славянъ. Вѣру хотѣлось выбрать вѣрную, которую стоило бы принять, за которую стоило бы постоять,—такую вѣру, чтобъ ею гордиться можно было.

Дѣло затѣвалось великое, и относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и съ надлежащей осторожностью!..

Исторія принятія христіанства у всѣхъ славянскихъ племенъ, которыя приняли его добровольно, по собственному побужденію, постоянно упоминаетъ объ этомъ исканіи правой вѣры. Но славянская осторожность и добросовѣстность высказалась при этомъ чрезвычайно ясно и характеристично: принять новую вѣру Славяне хотѣли сознательно и хотѣли сами сдѣлаться охранителями ея чистоты. Римъ это право себѣ присвоилъ: какъ рѣшитъ папа съ своимъ конклавомъ, такъ всѣ должны вѣровать; право судить о догматахъ принадлежитъ только ученымъ богословамъ, народъ долженъ имъ повиноваться; что за дѣло народу, какія молитвы произноситъ священникъ въ церкви или при совершеніи требъ: народъ—теменъ, его дѣло слушаться а не разсуждать. Да и наконецъ, какая выгода Риму въ распространеніи Слова Божія на какихъ нибудь варварскихъ, славянскихъ, германскихъ, гальскихъ нарѣчіяхъ—когда итальянецъ такъ легко выучивается по латыни! Этого и довольно: не унижаться же образованному итальянцу для того, чтобъ самую литургію служить на этихъ грубыхъ, невыработанныхъ нарѣчіяхъ? не отнимать же ему у самого себя права быть епископомъ въ Прагѣ, въ Ахенѣ, въ Дублинѣ? и наконецъ, гдѣ же будетъ единство церкви, если Римъ не будетъ управлять церковью черезъ своихъ людей? Римское духовенство—это духовенство папы, а самъ папа есть намѣстникъ Спасителя. Римъ, поддерживаемый изъ личныхъ расчетовъ великимъ западнымъ цесаремъ Карломъ, старавшимся слить воедино Галлію и Германію, нуждается въ наружномъ единствѣ церкви; а для единства церкви нужно единство языка, понятнаго всѣмъ *образованнымъ* людямъ Италіи, Галліи, Испаніи и Германіи.

Имперія Карла великаго была основана и держалась баронами, т. е. дружинниками норманскихъ и германскихъ конунговъ, усѣвшихся въ крѣпкихъ замкахъ подъ названіями графовъ, бароновъ, и державшихъ при помощи своей дворой челяди (или, какъ у насъ въ старину называли, *отроковъ*) туземное населеніе въ своей власти. Славянскіе бояре были вовсе не дружинники—это были крупные землевладѣльцы, богатые, именитые люди, первые въ бою и первые въ совѣтѣ,—и не отличавшіеся ни языкомъ, ни образованіемъ отъ чернаго народа. Какъ отцы ихъ, такъ и сами они поклонялись однимъ богамъ со своими подвластными; бояръ никто не боялся; ихъ уважали и повиновались имъ такъ, какъ до сихъ поръ въ деревняхъ народъ повинуется голосу богатаго хозяина, или въ городахъ слѣдуетъ за богатымъ купечествомъ. На западѣ *престолъ поддерживался*, въ полномъ смыслѣ этаго слова, дворянствомъ; у насъ — въ равной степени дворянствомъ и народомъ. Турки истребили у Сербовъ и у Болгаръ дворянскіе роды, дѣла народныя ведутся у нихъ купечествомъ и зажиточными простолюдинами: оттого революціонныя стремленія могли родиться и получить смыслъ только на западѣ, гдѣ дѣйствительно дворянство опора престола — было врагомъ народа и помѣхой его благосостоянію. У насъ противъ дворянства и противъ аристократіи никто никогда не вопіялъ, и если бы не крѣпостное право, то и вопросъ не возникалъ бы: нужно ли въ Россіи дворянство или нѣтъ? Исторія наша не можетъ бросить ни малѣйшей тѣни ни на московскихъ бояръ, ни на петербургскихъ вельможъ XVIII вѣка: это были первые люди въ совѣтѣ, въ отвѣтѣ и въ ратномъ дѣлѣ. У русскаго дворянства не было ничего общаго ни въ чувствахъ, ни въ интересахъ съ польскимъ магнатствомъ или нѣмецкимъ баронствомъ; оно служило не своему сословію на чужой сторонѣ, а исключительно русскому государству. Если славянскіе бояре IX вѣка и имѣли нѣкоторое сочувствіе къ Римской церкви, то принятіе отъ нея христіанства не могло быть выгодно ни простому народу, ни князьямъ,—потому что, при созданіи западной аристократіи, простой народъ терялъ бы свой голосъ на вѣчахъ и на земскихъ соборахъ—а государи становились бы подданными папы, и съ тѣмъ вмѣстѣ подданными римскаго цесаря, т. е. императора Германіи и всего католическаго міра.

Затѣмъ, можно было обратиться къ мусульманамъ и къ евреямъ. Но еврейская вѣра, почему-то понравившаяся Хозарамъ, была черезъ чуръ исключительна, а во вторыхъ—не привлекательна, какъ и замѣтили евреямъ кіевскіе бояре съ княземъ Владиміромъ: что же должна быть эта за вѣра, за которую Богъ разсѣеваетъ своихъ послѣдователей по лицу всей земли и осуждаетъ ихъ на общее отвращеніе, которая дѣлаетъ послѣдователей своихъ ненавистными всему роду человѣческому, а добровольно-пріемлющихъ ее ставитъ въ унизительное положеніе предъ настоящими потомками Авраама, Исаака и Іакова. Принять іудейство—значило признать Творца несправедливымъ,—и само собой разумѣется, Славяне не пошли въ вѣру торгашей.

Во всемъ блескѣ, въ избыткѣ энергіи, окруженное ореоломъ науки и искусства цвѣло тогда мусульманство, которому еще и двухъ вѣковъ не минуло съ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ божій — было символомъ вѣры послѣдователей ислама. Ни идоловъ у нихъ нѣтъ, ни иконъ, все ученье заключалось въ маленькомъ коранѣ, въ двухъ или трехъ толкованіяхъ первыхъ сподвижниковъ пророка; головоломнаго въ ней не было ничего; а въ полтораста лѣтъ съ ея появленія мусульманство надѣлало пропасть чудесъ, изумляло міръ своимъ быстрымъ распространеніемъ, ученостью, искусствомъ—и чуть ли не болѣе всего безукоризненностью, отвращеніемъ отъ лжи, честностью, смѣлостью, прямодушіемъ,— когда христіане, и восточные и западные, къ несчастью, въ послѣднемъ отношеніи даже равняться съ ними не могли. Всѣмъ бы взяло мусульманство и привлекло бы она на свою сторону молодое племя, ищущее правды и вѣры, если бы не тотъ же проклятый огонь и мечъ, который не позволялъ разсуждать и который такъ былъ

знакомъ уже въ рукахъ римскихъ католиковъ. Да сверхъ того, то-же непремѣнное условіе, что не зная арабскаго языка, нельзя и о вѣрѣ знать. Мусульманство, какъ іудейство и какъ католичество, лишаетъ послѣдователей предлагаемой имъ правды—возможности понимать, въ чемъ состоитъ эта правда. Нельзя же требовать—не то что отъ всего народа, но даже и отъ передовыхъ его людей—знанія чужаго языка, какъ своего родного, и въ то же время нельзя заставлять ихъ слѣпо полагаться на приговоръ богослововъ; вѣра должна быть народнымъ достояніемъ, вѣра и связанные съ ней обряды должны быть подъ контролемъ церкви въ полномъ смыслѣ слова, тогда какъ у католиковъ церковь замкнулась въ мірѣ духовенства, а въ мусульманствѣ сдѣлалась принадлежностью міра ученыхъ. Отъ этого у католиковъ вышло страшное невѣжество и забитость простого народа, а у мусульманъ вѣра—упала, и лучшее ея время, время калифовъ, было началомъ ея паденія и того омертвѣнія, въ которомъ мы ее теперь видимъ.

Стало быть, осталось одно православіе, если только это православіе согласится сдѣлаться *славянскимъ*, т. е. будетъ такъ откровенно и смѣло, что не побоится перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ, отдастся славянамъ беззавѣтно, съ полнымъ довѣріемъ, ничего отъ нихъ не требуя и не обязывая ихъ ставить интересы грековъ выше своихъ собственныхъ, не унизитъ гордости ихъ государей и ихъ, и слѣдовательно ихъ народнаго достоинства—не потребуетъ отъ нихъ принесенія себя на жертву интересамъ прочихъ христіанскихъ народностей....

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Очерки альпійской жизни.

Много тысячъ любопытныхъ туристовъ всѣхъ націй, языковъ и вѣроисповѣданій перебывало въ Швейцаріи и ежегодно туда валитъ со всѣхъ концовъ свѣта, съ жаждой новыхъ, болѣе или менѣе сильныхъ ощущеній,—такъ много, что еслибы собрать ихъ всѣхъ, не вмѣстила бы ихъ крохотная страна, хотя бы ими наполнить не только города и села, долины и уступы горъ, но всѣ ущелья, всѣ пещеры населить ими—даже ледники и вѣчные снѣга. Но изъ этихъ тысячъ огромное большинство возвращается во свояси скорѣе въ разочарованномъ, чѣмъ восторженномъ настроеніи, не смотря на удивительныя и своеобразныя красоты природы, которая могла-бы удовлетворить или—вѣрнѣе—превзойти самыя смѣлыя ожиданія. Дѣло въ томъ, что эти господа, начитавшись и наслушавшись дома о чудесахъ жизни въ Альпахъ, предаются несбыточнымъ фантазіямъ, и лишь только переступятъ границу Союза—просто негодуютъ, что имъ на каждомъ шагу не представляется отвѣсной скалистой стѣны, высотой въ 900 футовъ, съ бурно-стремящимся съ нея водопадомъ въ родѣ Штаубаха,—или что, разъѣзжая по озерамъ на пароходѣ, имъ не удается даже при помощи наилучшаго патентованнаго бинокля полюбоваться на воздушные прыжки стада игривыхъ дикихъ козочекъ по окружающимъ высямъ. Между тѣмъ, кажется, не трудно-бы сообразить, что явленія дикой, волей-неволей-первобытной горной жизни отступаютъ все дальше и глубже въ твердыни недоступныя пока для цивилизаціи, такъ точно какъ ужасы и прелести дѣвственныхъ лѣсовъ далекаго Американскаго Запада отступаютъ передъ топоромъ и плугомъ отважнаго піонера.

Въ чудесахъ нѣтъ недостатка въ старыхъ Альпахъ, только прячутся они отъ пріѣзжаго люда въ такія дебри, куда можетъ проникнуть только человѣкъ обладающій бо́льшимъ мужествомъ, болѣе развитыми мускулами, большимъ хладнокровіемъ, нежели какими обыкновенно одарены бываютъ жители равнинъ, которымъ, кромѣ всѣхъ другихъ опасностей, грозитъ почти вѣрная гибель отъ непреодолимаго головокруженія. А что заглянуть хочется въ этотъ особый, дикій, замкнутый міръ, ревниво охраняемый отъ постороннихъ грозными льдами, хмурыми хребтами да мрачными озерными водами,—такъ это желаніе вполнѣ понятное, вполнѣ естественное, которое не выведется, пока не выведется въ человѣкѣ страсть и порывъ къ необычайному, къ чудесному, словомъ—къ поэзіи. Одна бѣда—неудобоудовлетворимо это желаніе, и приходится отводить душу на разсказахъ и описаніяхъ, которые опять-таки, подобно морской водѣ, скорѣе раздражаютъ, чѣмъ утоляютъ жажду.

А подлинно, что заманчивъ и дивенъ и загадоченъ этотъ горный міръ намъ, дѣтямъ широкихъ полей да просторныхъ степей, да плоско-раскинутыхъ городовъ,—намъ, у которыхъ духъ спирается и сердце колотится отъ восхожденія на какой-нибудь пятый этажъ! И трудно намъ представить себѣ такое сельское житье, въ которомъ каждая повидимому-пустѣйшая треба деревенскаго быта—насеніе стадъ, сѣнокосъ, перевозъ товаровъ и почтъ—сопровождается ежеминутной опасностью жизни, но за то и жгучимъ наслажденіемъ, неразрывнымъ съ борьбою, съ сознаніемъ силы одиночной, сознательной, а не гуртовой, инертной.

Вглядитесь хорошенько (хоть въ подзорную трубу) въ какую-нибудь широкую скалу, поднимающуюся этакъ на 6—8000 футовъ надъ уровнемъ морскимъ, иногда стѣною, а чаще причудливыми неровными уступами, съ глубокими извилистыми разсѣлинами. Почти на каждой изъ такихъ циклопскихъ стѣнъ, вы увидите извивающіеся зигзагами по ней выступы или карнизы, гдѣ пониже, а гдѣ поуже, мѣстами и небольшую террасу, точно висящую въ облакахъ и напоминающую балконъ на высокомъ за́мкѣ; иной разъ такая терраса образуетъ сравнительно легкую отлогость—развѣ немножко покруче крыши обыкновеннаго дома. Эти воздушные уголки, едва-ли замѣтные на голый глазъ, представляютъ крайне-пріятный, освѣжительный контрастъ съ однообразнымъ сѣрымъ цвѣтомъ обнаженной скалы, а когда собирается гроза или просто солнце садится, одѣвая горы въ золото и пурпуръ, свѣтятся и блещутъ какъ изумруды. Это—владѣніе горнаго косаря! Дороги не видать, кромѣ упомянутой выше темной ленты, вьющейся зигзагами, мѣстами до того узкой, что едва хватаетъ мѣста постановить одну ногу передъ другою—но это горца не останавливаетъ.

Когда въ тѣхъ холодныхъ полосахъ, гдѣ прекращается даже самая тщедушная древесная растительность,

за исключеніемъ развѣ малорослой сосны, въ концѣ іюля, послѣ едва замѣтной весны; наступаетъ короткое лѣто, эти оазисы покрываются низкой, тонкостебельной травой. Превращенная въ сѣно, трава эта необыкновенно-благоуханна и чрезвычайно сильно дѣйствуетъ на коровъ, значительно увеличивая количество молока; во многихъ мѣстахъ она даже считается лекарствомъ противъ разныхъ болѣзней скота, такъ что въ каждомъ почти хозяйствѣ круглый годъ берегутъ вязанку этого сѣна на всякій случай. Около половины августа косари снаряжаются въ свои рисковыя экспедиціи, добывать драгоцѣнную траву — въ буквальномъ смыслѣ, потому что иной разъ покупается ужь очень дорогой цѣною. На эту работу отправляются не безпечные мальчики и дѣвушки, а мужчины въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, испробованной силы, испытанной ловкости и присутствія духа, а главное—застрахованные отъ великаго ворога: головокруженія. Отправляются они до разсвѣта, съ косой и веревками, въ широкихъ и длинныхъ башмакахъ, а иногда просто сандаліяхъ, съ желѣзными шипами. Каждаго косаря обыкновенно сопровождаетъ его младшій братъ или сынокъ лѣтъ пятнадцати. Это парню — хорошее ученіе. Если собираются далеко и высоко, берутъ съ собою еще козу и котелокъ—кипятить молоко или, пожалуй, сварить молочный супъ. На полдорогѣ они начинаютъ громко аукать, останавливаются, дожидаясь не откликнутся ли опередившіе ихъ косари, чтобы не совершить понапрасну восшествія. Безъ этой предосторожности они рисковали бы неожиданно наткнуться на соперниковъ, а въ такихъ случаяхъ не разъ завязывались рукопашныя схватки изъ-за права первенства и оканчивались иногда низверженіемъ побѣжденнаго въ бездну. Прійдя на мѣсто, косарь обматываетъ себя веревкой и даетъ конецъ ея держать сопровождающему его мальчику, а самъ спускается по обрыву и начинаетъ косить въ самыхъ неудобовообразимыхъ позахъ—надъ головою, наклонившись впередъ, далеко подъ ногами, бокомъ, какъ придется. При надлежащей ловкости и осторожности, для опытнаго горца тутъ еще нѣтъ большой опасности, особенно если дѣло обойдется безъ неожиданнаго дождя и вѣтра. Настоящая опасность начинается лишь тогда, когда косарь взвалитъ на свою широкую, могучую спину громадную вязанку свѣжаго душистаго сѣна и сноситъ по той-же тропинкѣ въ лучше-укрытое мѣсто, гдѣ вѣтру не такъ легко разнести его сокровище. Тутъ уже стоитъ ему слегка споткнуться, мало-мальски оступиться, чуть-чуть задѣть краемъ своей ноши о какой-нибудь выдающейся впередъ камень,—чтобы слетѣть вмѣстѣ со своей ношей въ вѣчнозіяющую и манящую въ себя пропасть. Въ довершеніе ужаса, высоко надъ косаремъ вьется, не отставая отъ него, хищный и кровожадный альпійскій орелъ (geieradler), настоящая гіена поднебесья—поджидая минутнаго колебанія или неловкаго шага, чтобы стрѣлой спуститься на косаря и, если тотъ не твердъ на ногахъ, столкнуть его съ края ударомъ своихъ мощныхъ крыльевъ. Одного присутствія memento mori было-бы достаточно чтобы парализовать нервы менѣе закаленные.

«Какое жалкое существованіе! сколько труда и опасности изъ-за нѣсколькихъ грошей!» воскликнетъ не одинъ читатель. Шиллеръ — того-же мнѣнія, когда онъ въ своемъ Вильгельмѣ Теллѣ испрашиваетъ у намѣстника помилованіе одному провинившемуся горцу, на томъ основаніи, что онъ—косарь, и что подобный промыселъ самъ по себѣ уже достаточное наказаніе за какую угодно вину. Самъ-же косарь взглянулъ-бы большими глазами на того, кто-бы при немъ высказалъ подобное мнѣніе. Онъ прежде всего и не смотря ни на что—непосредственная, крѣпкая, веселая, физически и нравственно здоровая натура; ему не сидѣлось-бы дома, когда товарищи отправляются на родныя выси на работу. Постоянная борьба съ природой имѣетъ для него то же обаяніе, что громъ пушекъ для стараго воина, и онъ приходитъ въ такое-же восторженное состояніе, когда разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ. Если-же когда-нибудь и непосчастливится, ему некогда долго сокрушаться о послѣдствіяхъ своей отваги: онъ или на мѣстѣ гибнетъ, или спасается и тотчасъ-же снова начинаетъ. Опасность онъ въ грошъ не ставитъ, онъ почти съ младенчества съ нею сжился, она ему приглядѣлась и полюбилась. Надо замѣтить, что каждый косарь—непремѣнно и охотникъ, и гоняясь за сернами, число которыхъ съ каждымъ днемъ уменьшается, вслѣдствіе немилосерднаго избіенія ихъ (нѣкоторые удальцы убиваютъ ихъ по нѣсколько сотенъ на своемъ вѣку, а одинъ знаменитый охотникъ, умирая 66-ти лѣтъ, могъ безъ преувеличенія похвалиться, что уложилъ своимъ ружьемъ 2800 этихъ милыхъ, безвредныхъ животныхъ)—ему нипочемъ странствовать по ледникамъ, на нѣсколько часовъ пути, а если застигаетъ его злѣйшій врагъ, туманъ — улечься и проспать ночь на узкомъ карнизѣ, нависшемъ надъ бездною, принявъ единственную возможную предосторожность — т. е. привязавъ себя веревкой къ какому-нибудь подходящему для этого утесу.

Объ ужасахъ и опасностяхъ такъ-называемыхъ «горныхъ тропинокъ», по которымъ до сихъ поръ перевозится большая часть товаровъ на вьючныхъ лошадяхъ, современный путешественникъ тоже не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, а если-бы могъ взглянуть собственными глазами, что это такое,—весьма вѣроятно отказался бы отъ удовольствія ближе познакомиться съ этой издревле сохранившейся чертой альпійской жизни, и удовлетворился бы тѣми (все-таки далеко не дюжинными) впечатлѣніями, которыя можно вынести изъ переѣзда черезъ большіе почтовые пути — сплюгенскій, симплонскій, сенъ-готардскій, сенъ-бернардскій, и пр. особенно въ зимнее время. Лѣтомъ, при той осторожности, съ которой производится перевозъ путешественниковъ, несчастныхъ случаевъ почти что не бываетъ. Развѣ попадется на встрѣчу партія рогатаго скота, пригоняемая съ юга, и почтальонамъ нелегко выпутаться изъ массы упрямыхъ тупыхъ животныхъ — повернуть назадъ нѣтъ возможности, а они дороги не даютъ, а то еще испугаются и начнутъ метаться. Но это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что бываетъ зимою. Зима же весьма ранней осенью уже совсѣмъ поселяется въ этихъ возвышенныхъ полосахъ. Приходится, первое дѣло, пересаживаться въ сани. На французскихъ альпахъ и это еще ничего, потому что сани держатъ закрытые, шестимѣстные. Въ валлисскихъ-же и граубюнденскихъ альпахъ багажъ и пассажировъ пересаживаютъ въ маленькіе саночки, которые такъ и лежатъ на боку на краю дороги безо всякаго присмотра—никто не польстится. Каждому пассажиру дается плащъ изъ буйволовой шкуры, которой не не прострѣлитъ, кажется, энфильдской винтовкѣ; въ каждые сани впрягается по одной лошади. Поѣздъ открывается почтальономъ и заканчивается кондукторомъ, остальные сани предоставляются премудрости самихъ лошадей. Если за ночь выпало много снѣгу, посылаютъ впередъ сани запряженные быкомъ съ людьми, которые въ труднѣйшихъ мѣстахъ лопатами разгребаютъ дорогу. Одна изъ главныхъ опасностей грозящихъ

въ подобныхъ переѣздахъ—раскаты на крутыхъ поворотахъ. Тутъ уже коренастымъ горнымъ лошадямъ приходится напрягать всю силу мускуловъ и смышленость, приводящую робкаго путника въ безконечное изумленіе. Бывали случаи, что, когда сани, раскатившись, повисали всей задней половиной надъ пропастью, — лошадь сама догадывалась лечь на землю, упираясь всѣмъ тѣломъ о скалу, и спокойно ждала, чтобъ подошли вожатые и выручили. Еще опаснѣе то обстоятельство, что весною, когда вьюга разметаетъ снѣгъ, его сноситъ на край дороги, гдѣ образуется высокій сплошный валъ, карнизомъ выдающійся далеко надъ бездною. Весьма легко случается, что весь поѣздъ, вмѣсто того чтобы тянуться по твердой дорогѣ, катитъ себѣ по этому не слишкомъ-то надежному висячему мосту, построенному природой безъ арокъ и быковъ. Въ морозъ мосты эти впрочемъ довольно прочны, но позднѣе, когда они отъ теплаго южнаго вѣтра начинаютъ подтаивать снизу, достаточно самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, чтобы сбросить въ пропасть цѣлый караванъ. Вѣроятно, именно этому обстоятельству, въ соединеніи съ частыми лавинами, часть сплюгенской дороги обязана своимъ некрасивымъ названіемъ: «Passo della Morte» — проходъ смерти.

Но то-ли еще бываетъ на безчисленныхъ альпійскихъ «тропинкахъ», по которымъ и думать нечего пройти на колесахъ или полозьяхъ. О такихъ путяхъ могли бы разсказать римскіе легіоны Марія или когорты Аннибала. Какими были эти пути чуть не въ доисторическія времена, почти такими они и остались, только поторнѣе стали, протоптанные столькими десятками поколѣній. Тутъ нѣтъ ни искуственныхъ галлерей, ни домовъ, могущихъ служить прибѣжищемъ отъ бури или лавины—это считается лишней роскошью. Много-много если на самомъ хребтѣ поставлена лачужка, гдѣ бы можно покормить лошадей. Какъ путь каравана въ пустынѣ обозначается бѣлѣющими черепами и костями лошадей и верблюдовъ, такъ тутъ не въ диковину встрѣтить оставъ погибшей лошади. Вьючнымъ лошадямъ всегда надѣвается намордникъ, а передней привѣшивается колокольчикъ, чтобы, въ случаѣ тумана или мятели, вожаки по звуку могли различить направленіе, принятое умнымъ животнымъ, руководимымъ своимъ безошибочнымъ чутьемъ. Эти «тропинки» обыкновенно скучно тянутся между высокими хребтами—и несчастья случаются на нихъ несравненно чаще, чѣмъ на большихъ шоссейныхъ дорогахъ.

На одной изъ прилагаемыхъ гравюръ наглядно представлена участь, нерѣдко постигающая смѣлыхъ до самозабвенія горныхъ охотниковъ и пастуховъ. Здѣсь изображено дѣйствительное происшествіе, въ свое время надѣлавшее шуму въ большомъ околодкѣ вслѣдствіе извѣстности, которую стяжалъ себѣ герой его—и жертва—своей сумашедшей отвагой. Это былъ молодой парень, по имени Ганъ-Бишъ (Іоганнъ Баптистъ), служившій работникомъ у главнаго пастуха, которому въ теченіи восьми или девяти лѣтнихъ недѣль ввѣренъ надзоръ надъ 130—140 головами скота, пасущагося на сѣверномъ скатѣ исполинскаго Сэнтиса, въ обнесенной высокими скалами лощинѣ, гдѣ кромѣ того гнѣздится маленькое сельцо, зимой необитаемое, въ шестнадцать бѣдныхъ хижинъ. На высшей точкѣ поставленъ большой деревянный крестъ; тамъ, на сравнительно плоской возвышенности, по субботамъ собираются пастухи покалякать и вмѣстѣ прочесть вечернюю молитву. Съ этого мѣста, на неизмѣримой глубинѣ мрачно свѣтится черно-синее озеро, и скалы съ окаймляющею ихъ головоломной тропинкой точно свѣсились и смотрятся въ него. На половинѣ этой тропинки есть глубокая ниша въ скалѣ, довольно правильной круглой формы, извѣстная подъ названіемъ «Чортовой Часовни», и послѣ грозы съ вершины ея стремится небольшой, но довольно красивый водопадъ. Для сумасброднаго Гана не было больше удовольствія, какъ забраться на высочайшую скалу и выдѣлывать тамъ такіе прыжки и гимнастическія упражненія, что пасторъ однажды счелъ своимъ долгомъ сдѣлать ему увѣщаніе, замѣтивъ, что если-бы ангелъ-хранитель не удержалъ его, онъ непремѣнно слетѣлъ-бы. «Туда ангелъ-хранитель не заберется», со смѣхомъ отвѣчалъ сорви-голова и продолжалъ свои шалости. Однажды послѣ грозы, пастухъ приказалъ ему свести молодаго быка внизъ въ деревню, формально наказавъ при этомъ непремѣнно идти нижней, сравнительно безопасной дорогой. Но Бишу это показалось далеко, страха же и головокруженія онъ не зналъ. Поэтому, ведя быка за собою на на длинной веревкѣ, онъ не задумываясь пошелъ верхней тропинкой. Благополучно дошелъ онъ до «Чортовой Часовни»; съ нея вода шумно лилась; быкъ остановился и уперся. Парень поднялъ палку и сердито дернулъ за веревку; но быку было не до шутокъ: онъ бѣшено наклонилъ голову, бросился на Гана, поднялъ его на рога и какъ мячикъ подбросилъ на воздухъ. Съ силой отчаянія Ганъ держался за веревку—и быку пришлось всѣми силами упереться, чтобы и его не стянуло въ страшную бездну. Въ это мгновеніе веревка порвалась—и несчастный Ганъ внизъ головою полетѣлъ въ пропасть. Хотя и не могъ никто быть очевидцемъ этого ужаснаго происшествія, но не трудно было жителямъ деревни догадаться, что оно совершилось именно такимъ образомъ, когда къ нимъ явился быкъ, изнеможенный, весь въ мылѣ, съ волочившейся за нимъ оборванной веревкой, другой конецъ которой они нашли въ рукѣ бездыханнаго, обезображеннаго трупа, лежавшаго у подошвы отвѣсной скалы.

Политическое обозрѣніе.

Начало 1870 года ознаменовалось въ Европѣ великимъ событіемъ, отодвинувшимъ на второй планъ всѣ другія политическія явленія. Императоръ Наполеонъ III, въ продолженіи двадцати лѣтъ неограниченно распоряжавшійся судьбами Франціи, вдругъ добровольно отказался отъ личной власти, и передалъ правленіе конституціонному министерству. Давно уже общественное мнѣніе требовало этой перемѣны, «этого довершенія зданія» (couronnement de l'édifice) неоднократно обѣщаннаго французскому народу. Вся европейская печать выразила свое одобреніе этому великому акту повелителя Франціи, хотя весьма различно обсуждались причины, побудившія его къ такой перемѣнѣ. Поднялись толки, что энергія его ослабла, что лѣта и болѣзни не дозволяютъ ему заниматься по прежнему дѣлами государства, что перемѣна правленія была единственнымъ средствомъ

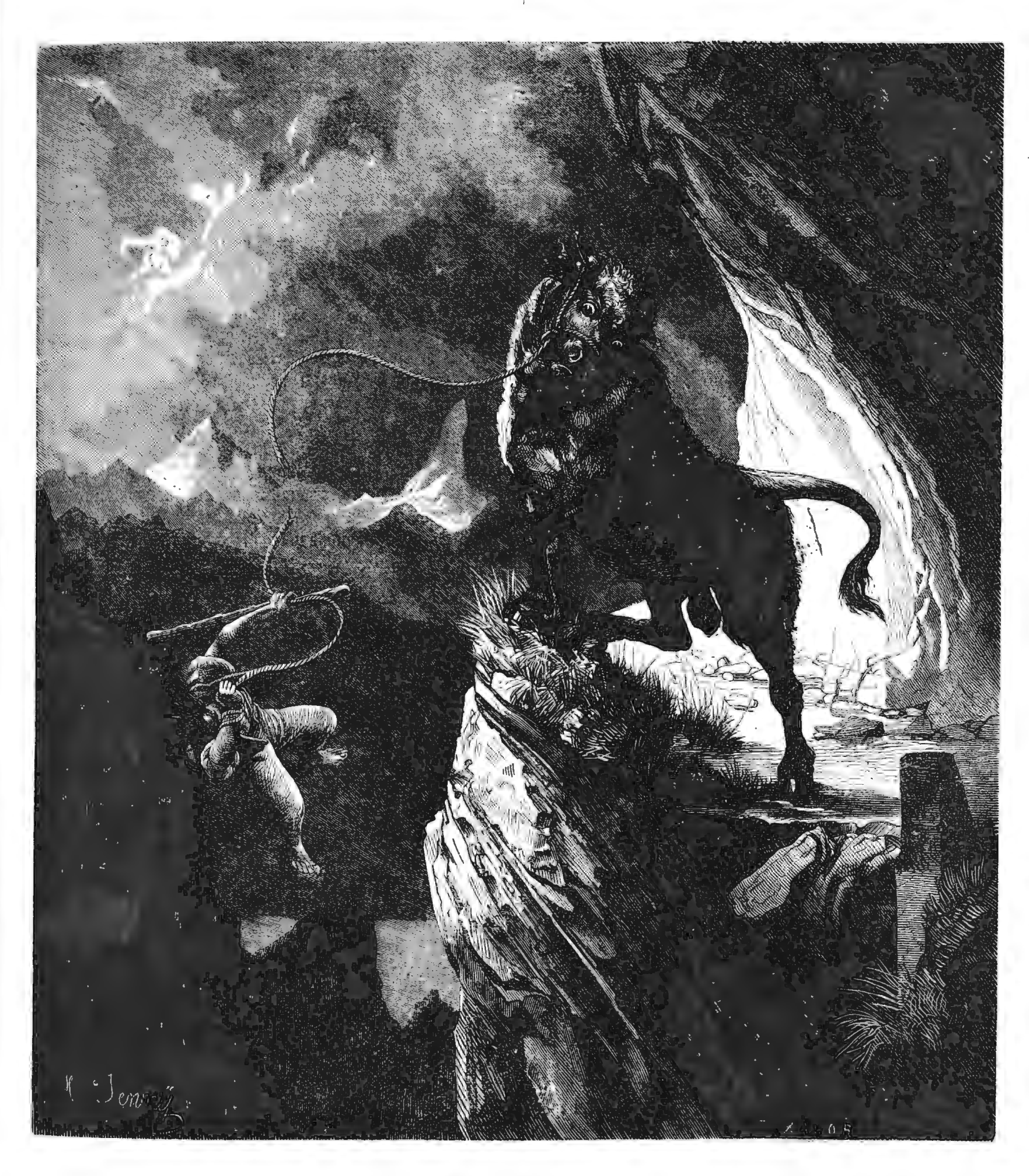
упрочить будущность его династіи... Все это до нѣкоторой степени можетъ быть и справедливо, но фактъ остается фактомъ: Наполеонъ III возстановилъ парламентарное правленіе и поручилъ составить министерство г. Эмилю Олливье, предоставивъ ему полную свободу назначить себѣ товарищей, какихъ онъ заблагоразсудитъ, лишь бы новый кабинетъ имѣлъ на своей сторонѣ большинство законодательнаго корпуса. Порученіе

Скользкій путь.

(См. стр. 75)

было не легкое, въ виду партій, на которыя раздѣлялся законодательный корпусъ; но г. Олливье успѣлъ согласить между собою двѣ самыя многочисленныя изъ этихъ партій: правый и лѣвый центры—и составить министерство, заслужившее общее одобренье страны. Имена новыхъ министровъ и ихъ прошедшее свидѣтельствуютъ о твердой рѣшимости императора Наполеона совершенно измѣнить свою внутреннюю политику: всѣ они за (исключеніемъ военнаго министра, генерала Лебефа, и морскаго, адмирала Риго-де-Женульи, которые входили въ составъ прежняго кабинета) принадлежали нѣкогда къ оппозиціи и даже были личными врагами императора. Таковъ на-

примѣръ графъ Дарю, министръ иностранныхъ дѣлъ, который, послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, предсѣдалъ въ историческомъ собраніи представителей въ меріи 10-го округа и предложилъ предать суду президента республики, принца Лудовика Наполеона, за что и провелъ нѣкоторое время въ заточеніи въ Венсеннѣ. Той же участи и потому же поводу подвергся и маркизъ де-Талуэ, нынѣшній министръ публичныхъ работъ. Прочіе



Гибель пастуха

(См. стр. 75).

(См. стр. 75).

члены новаго кабинета, г. Шевандье-де-Вальдромъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Бюффе, министръ финансовъ, г. Сегри, министръ народнаго просвѣщенія, и г. Луве, министръ торговли и земледѣлія, принадлежали къ оппозиціи, но они пользовались уваженіемъ палаты и страны, какъ люди честные и дѣльные. Себѣ г. Олливье взялъ портфель юстиціи, а другу своему, г. Морису Ришару, предоставилъ министерство изящныхъ искусствъ, образованное изъ департамента, входившаго прежде въ составъ министерства императорскаго двора; во главѣ послѣдняго остался по прежнему престарѣлый маршалъ Вальянъ.

Либеральная программа новаго кабинета и первыя заявленія его по предметамъ внутренней и иностранной политики, въ законодательномъ корпусѣ и въ сенатѣ, вызвали общее одобреніе публики и печати. Недовольны были только крайняя правая сторона, органомъ коей служитъ газета «Pays», и крайняя лѣвая или такъ-называемые *непримиримые*, представители коей въ печати: «Rèveil», «Rappel», «Reforme» и выходящая съ 18 января подъ редакціей г. Рошфора «Marseillaise». Первая была недовольна потому, что ей тяжело было разстаться съ личнымъ правленіемъ, которое она постоянно выставляла панацеей противъ всяческихъ золъ. Непримиримые же —потому,что никакое правительство, какъ бы оно ни было либерально,не удовлетворило бы ихъ—уже потому, что оно правительство, а имъ нужны революціи и безпорядки, и своею задачей они поставили нападеніе на царствующую династію; правда, дикія выходки и оскорбленія, —которыя въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, благодаря терпимости императорскаго правительства, дозволяла себѣ непримиримая печать,— произвели спасительную реакцію въ умахъ, и подняли популярность наполеонской династіи, значительно ослабѣвшую въ послѣднее время. Во всякомъ случаѣ, на сторонѣ новаго кабинета было громадное большинство націи, ибо революціонный элементъ, существующій еще въ Парижѣ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ, становится все слабѣе по мѣрѣ развитія промышленности и благосостоянія, для сохраненія которыхъ необходимо спокойствіе и прочный порядокъ вещей. Тѣмъ не менѣе, либеральному министерству на первыхъ же порахъ предстояли тяжкія испытанія, но оно вышло изъ нихъ съ честью и доказало, что обладаетъ энергій и предусмотрительностью, необходимыми въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Испытаніями этими было дѣло принца Петра Бонапарта и стачка рабочихъ въ Крезо.

Принцъ Петръ Бонапартъ, третій сынъ Люціана Бонапарта, носившаго по своему владѣнію въ Италіи названіе князя Канино,родился въ 1815 году—и всю молодость свою провелъ въ разныхъ приключеніяхъ въ Европѣ и въ Америкѣ, гдѣ постоянно отличался своимъ буйнымъ характеромъ, и даже нѣкоторое время провелъ въ заключеніи въ крѣпости св. Ангела въ Римѣ. Въ 1848 году онъ возвратился во Францію, гдѣ, благодаря своему имени, получилъ мѣсто баталіоннаго командира въ арміи и потомъ избранъ былъ въ законодательное собраніе депутатомъ отъ Корсики. Нарушеніе дисциплины въ Алжиріи, куда онъ отправленъ былъ съ полкомъ, и буйство въ самой палатѣ были причинами удаленія его въ частную жизнь, изъ которой онъ уже не выходилъ, не смотря на близкое родство свое съ императоромъ Наполеономъ. Съ Тюльерійскимъ дворомъ онъ не имѣлъ почти никакихъ сношеній, проживалъ большею частію въ Корсикѣ, потомъ въ Бельгіи, а послѣднее время поселился онъ въ Парижѣ въ улицѣ Отёль, гдѣ и произошла катастрофа, взволновавшая Парижъ и всю Францію. 10-го января къ принцу явились секунданты отъ г. Паскаля Груссе, сотрудника «Marseillaise», г.г. Викторъ Нуаръ и Ульрикъ - де - Фонвьель; что происходило при этомъ свиданіи—сказать невозможно (единственные свидѣтели этой сцены, принцъ Петръ Бонапартъ и г. де-Фоньвель показываютъ о ней различно), но оно кончилось тѣмъ, что принцъ Петръ Бонапартъ убилъ г. Виктора Нуара выстрѣломъ изъ револьвера.

Г. Олливье, въ качествѣ министра юстиціи, тотчасъ отдалъ предписаніе арестовать принца, но тотъ предупредилъ это распоряженіе, явившись лично въ Консьержери, гдѣ находится и въ настоящую минуту. Къ слѣдствію приступлено было немедленно, и, на основаніи закона, наряженъ верховный судъ для разсмотрѣнія этого дѣла, такъ-такъ принцъ принадлежитъ къ семейству императора. Похороны убитаго Виктора Нуара подали поводъ къ демонстраціи, которая не имѣла никакихъ послѣдствій, благодаря предусмотрительности правительства. Г. Рошфоръ въ своей газетѣ печаталъ приглашенія къ парижскому населенію явиться на эти похороны, и вмѣстѣ ругательныя статьи противъ императора и его семейства. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Шевандье де-Вальдромъ, принялъ всѣ мѣры предосторожности, сосредоточилъ войска въ Парижъ, и сами зачинщики демонстраціи отказались отъ намѣренія своего провезти трупъ Виктора Нуара по улицамъ Парижа и отвезли его прямо изъ его жилища на кладбище Нёльи. Народу, большею частью блузниковъ, собралось нѣсколько сотъ тысячъ, но все дѣло ограничилось возгласами: «да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Рошфоръ!» и пѣніемъ *Марсельезы*. На пути къ кладбищу процессія не встрѣтила ни одного городскаго сержанта; но когда на обратномъ пути оттуда толпа направилась къ законодательному корпусу, то около дворца промышленности министръ внутреннихъ дѣлъ двинулъ на нее отрядъ кавалеріи,—и толпа тотчасъ же разсѣялась, такъ что дѣло окончилось безъ малѣйшаго кровопролитія, которое вызвать желали революціонеры. Къ вечеру того же дня (13-го января) порядокъ былъ возстановленъ. Онъ не былъ нарушенъ и тогда, когда правительство потребовало отъ палаты разрѣшенія предать суду г. Рошфора (такъ какъ г. Рошфоръ—депутатъ, то безъ разрѣшенія палаты его нельзя было предать суду) за оскорбленіе императора и за воззваніе къ вооруженному мятежу,—когда палата разрѣшила это преслѣдованіе,—и даже когда состоялся приговоръ исправительнаго трибунала, присудившій г. Рошфора къ шестимѣсячному тюремному заключенію и къ штрафу въ 3,000 фр.

Не менѣе энергіи выказало правительство и во время стачки рабочихъ въ Крезо. Крезо есть мѣстность въ департаментѣ Соны и Луары, съ населеніемъ около 24,000 душъ, гдѣ находятся самые обширные во всей Франціи желѣзные заводы, состоящіе подъ управленіемъ г. Шнейдера, президента законодательнаго корпуса, который неутомимою заботливостью довелъ это заведеніе до совершенства и вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ благосостояніе рабочимъ, число коихъ простиралось до 11,000 и которые постоянно отличались трудолюбіемъ и спокойнымъ характеромъ. Въ этой-то мѣстности, отъ причинъ чисто-случайныхъ, 19-го января организовалась стачка. Г. Шнейдеръ тотчасъ же поспѣшилъ на мѣсто, и тогда же по распоряженію правительства въ Крезо двинуто было войско въ числѣ 3,500 человѣкъ; быстрота, съ которою дѣйствовало правительство, предупредила всѣ столкновенія,—а такъ какъ недовольные составляли меньшинство, то работы возобновились 21-го; а 24-го все пришло въ порядокъ.

Относительно иностранной политики, новый французскій кабинетъ въ программѣ своей далъ самое успокоительное обѣщаніе — не вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ государствъ; правило это онъ примѣнилъ и къ Римскому собору. Въ началѣ, клерикальныя тенденціи нѣкоторыхъ министровъ возбуждали сомнѣнія въ либеральной печати; но заявленіе графа Дарю въ сенатѣ и нота, отправленная имъ къ французскому послу при папскомъ

дворѣ графу де-Банвилю, гдѣ онъ ясно высказался въ пользу невмѣшательства въ дѣла Римскаго собора, успокоили общественное мнѣніе.

Засѣданія этого собора, открывшагося 8-го декабря прошедшаго года, до сихъ поръ сохраняются въ тайнѣ, и эту тайну обязались соблюдать всѣ участвующіе въ немъ прелаты. Вотъ почему всѣ извѣстія о совѣщаніяхъ, происходящихъ въ базиликѣ св. Петра, ограничиваются одними слухами. Достовѣрно только одно, что римскую курію всего болѣе занимаетъ возведеніе въ догматъ папской непогрѣшимости, для чего собственно и созванъ былъ соборъ. Но Пій IX до сихъ поръ не рѣшается предложить этотъ вопросъ на обсужденіе собора, въ виду явнаго нерасположенія къ нему многихъ французскихъ епископовъ (и въ томъ числѣ монсиньора Дюпанлу, епископа орлеанскаго, пользующагося большимъ вліяніемъ во Франціи), также нѣмецкихъ и восточныхъ; правда, папа увѣренъ въ большинствѣ голосовъ, но пренія на соборѣ по этому предмету могутъ вызвать заявленія, непріятныя для папской власти. По всѣмъ этимъ соображеніямъ римская курія рѣшилась дѣйствовать путемъ postulatum. Двадцать епископовъ подписали актъ о признаніи догматомъ папской непогрѣшимости и передали его своимъ товарищамъ, чтобы они также приложили къ нему свою подпись. Этотъ документъ ходитъ теперь между отцами собора, но сколько подписей онъ имѣетъ — сказать трудно, такъ какъ газеты сообщаютъ объ этомъ самыя противорѣчивыя извѣстія. Клерикальная «Univers» утверждаетъ, что до 500 прелатовъ (общее число отцевъ собора 750) уже подписали означенный документъ, но показаніе ея едва-ли вѣроятно, ибо другія газеты сокращаютъ это число на половину. Вообще, европейскія правительства относятся къ Римскому собору съ полнѣйшимъ равнодушіемъ — и даже итальянское, которое не препятствовало своимъ епископамъ отправиться въ Римъ, но объявило, что не считаетъ рѣшеній собора для себя обязательными, если они будутъ противорѣчить законамъ государства. Въ политической жизни итальянскаго королевства не произошло въ послѣднее время ничего замѣчательнаго — и даже финансовый вопросъ, самый жизненный для него, замолкъ до времени, такъ какъ засѣданія палаты отсрочены до 7-го марта.

Испанія остается до сихъ поръ въ переходномъ состояніи — и вотъ уже полтора года не можетъ пріискать себѣ короля. Всѣ кандидаты, которыхъ имѣли въ виду различныя партіи: король донъ-Люисъ португальскій, отецъ его — донъ-Фернандо, герцогъ Аостскій, второй сынъ короля Виктора-Эммануила, и герцогъ Ѳома Генуэзскій, племянникъ его, отказались отъ предложенной имъ испанской короны, такъ что теперь единственнымъ серьезнымъ кандидатомъ остается герцогъ Монпансье, котораго поддерживаетъ одинъ изъ вліятельныхъ членовъ правительства, адмиралъ Топете. Многіе полагаютъ, что маршалъ Примъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся власть (регентъ маршалъ Серрано хотя и пользуется титуломъ высочества и носитъ названіе главы государства, но въ правительствѣ имѣетъ весьма мало значенія), мечтаетъ о диктатурѣ и не желаетъ вовсе избранія короля; впрочемъ, въ засѣданіи кортесовъ 24-го января онъ горячо возражалъ республиканцу г. Кастелару, предложившему устраненіе отъ престола всѣхъ Бурбоновъ, и предложеніе это было отвергнуто.

Въ Англіи, въ ожиданіи открытія парламента 8-го февраля, общественное вниманіе сосредоточивается на положеніи Ирландіи и на другихъ предметахъ, которымъ должна быть посвящена будущая сессія. Королева пока пребываетъ въ Осборнѣ, на островѣ Вайтѣ, и въ послѣднее время страдала сильною невралгіей. Она, какъ слышно, возвратится въ Виндзоръ не ранѣе 13-го февраля, и слѣдовательно и на сей разъ не откроетъ лично парламента. О планѣ министерства г. Гладстона для рѣшенія вопроса о поземельныхъ отношеніяхъ ирландскихъ фермеровъ къ ихъ землевладѣльцамъ пока еще ничего положительнаго неизвѣстно. Члены правительства, коимъ приходилось говорить рѣчи къ своимъ избирателямъ, какъ-то лордъ Кларендонъ, маркизъ Гартингтонъ, и въ послѣднее время гг. Джонъ Брайтъ и Стансфельдъ, были крайне осторожны относительно этого пункта и не высказали даже никакихъ намековъ. Достовѣрно только, что между всѣми министрами, вопреки разнымъ толкамъ, господствуетъ полное согласіе и что программа ихъ должна уже быть готова. Кромѣ ирландскаго вопроса, какъ можно судить изъ рѣчи г. Стансфельда, правительство предполагаетъ обратить вниманіе парламента на мѣры объ элементарномъ образованіи, о реформѣ акцизныхъ патентовъ и о введеніи баллотировки при выборахъ. — Страшная нищета, отъ которой страдаютъ нѣкоторые кварталы Лондона, подала мысль, что лучшимъ средствомъ для ея облегченія можетъ быть эмиграція, и, на бывшемъ для обсужденія этого вопроса митингѣ въ Лондонѣ, рѣшено просить для сей цѣли пособія отъ правительства въ обширныхъ размѣрахъ. Сомнительно, впрочемъ, чтобы послѣднее согласилось на дѣйствительное пособіе эмиграціи средствами казны, такъ какъ оно въ нынѣшнемъ году предполагаетъ еще болѣе, чѣмъ въ прошедшемъ, произвести сбереженій въ государственныхъ расходахъ.

Въ Германіи, какъ въ государствахъ сѣвернаго союза, такъ и въ южныхъ, не принадлежащихъ къ оному, засѣдаютъ сеймы, занимающіеся мѣстными дѣлами. Весь интересъ сосредоточивается на Пруссіи, которая, вѣрная своей цѣли объединенія, или, правильнѣе, пруссификаціи Германіи, сдѣлала еще шагъ на этомъ пути. Берлинскій кабинетъ предложилъ всѣмъ государствамъ Германіи упразднить ихъ миссіи при иностранныхъ дворахъ и сосредоточить въ рукахъ прусскихъ агентовъ все дипломатическое представительство Германіи. Отнынѣ прусскіе посланники принимаютъ названіе посланниковъ Сѣверо-Германскаго Союза и служатъ представителями при иностранныхъ дворахъ одновременно всѣмъ государствамъ Германіи, что́ ставитъ послѣднія еще въ большую зависимость отъ Пруссіи.

Новый годъ засталъ Австрію въ самомъ разгарѣ тревожнаго министерскаго кризиса; возникнувъ въ концѣ 1869 года вслѣдствіе разногласія воззрѣній членовъ министерства на вопросы внутренней политики, кризисъ получилъ весьма важное значеніе. Въ борьбѣ большинства министерства съ болѣе либеральнымъ меньшинствомъ (министры графъ Тааффе, Бергеръ и Потоцкій) отразилась давняя борьба двухъ враждебныхъ государственныхъ принциповъ: централизма и федерализма. По желанію императора Франца-Іосифа обѣ стороны изложили свою программу въ особыхъ пространныхъ меморандумахъ. Большинство съ несокрушимымъ упорствомъ не допускаетъ и мысли объ уклоненіи отъ старой системы, высказывается противъ соглашенія съ національностями, считаетъ возможными лишь мелкія, частныя уступки и требуетъ прежде всего энергическихъ репрессивныхъ мѣръ. Меньшинство, подвергая безпощадной критикѣ дѣйствія своихъ противниковъ и порицая ихъ програму, стоитъ за умѣренность во внутренней политикѣ, за расширеніе самостоятельности областей, за миролюбивое соглашеніе съ оппозиціею, за измѣненіе избирательнаго порядка и за созывъ

новой имперской думы (рейхсрата) на новыхъ, болѣе справедливыхъ началахъ. Колебанія кризиса то въ ту, то въ другую сторону завершились принятіемъ отставки меньшинства и порученіемъ, даннымъ императоромъ министру Пленеру составить новый кабинетъ. Послѣднія извѣстія австрійскихъ газетъ сообщили, что порученіе это уже исполнено и что новый кабинетъ сталъ истиннымъ представителемъ централистическаго направленія. Все большинство прежняго министерства осталось въ новомъ, и къ нему примкнулъ генералъ Вагнеръ, удаленный незадолго передъ тѣмъ изъ Далмаціи, гдѣ возбудилъ всеобщее неудовольствіе своими пристрастными дѣйствіями и былъ однимъ изъ виновниковъ возстанія; затѣмъ креатура министра Искры, нѣкто Бангансъ, еще недавно управитель одного княжескаго имѣнія въ Чехіи, полная политическая бездарность, и наконецъ Штремайеръ, доселѣ неизвѣстный ничѣмъ въ политическомъ отношеніи. — Торжество противниковъ соглашенія повело за собой раздраженіе національной оппозиціи; во время преній въ нижней палатѣ, по поводу адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь, польскіе, словенскіе, тирольскіе и русскіе депутаты рѣзко порицали правительство; обиженные докладчикомъ адресной коммиссіи, обвинявшимъ ихъ въ измѣнѣ отечеству, депутаты отъ нѣмецкаго Тироля сложили съ себя полномочія и вышли изъ думы. Есть основаніе полагать, что словенскіе и польскіе депутаты послѣдуютъ вскорѣ этому примѣру и имперская дума станетъ учрежденіемъ невозможнымъ, состоя въ виду многоплеменнаго состава имперіи изъ однихъ лишь нѣмецкихъ депутатовъ.—Возстаніе въ Которѣ (Каттаро) можно считать оконченнымъ, благодаря перемѣнѣ тактики австрійскихъ властей; вновь назначенный начальникомъ войскъ въ Далмаціи, генералъ Радичь, съумѣлъ склонить инсургентовъ къ покорности, выхлопоталъ имъ амнистію и нѣкоторыя льготы. — Отношенія Австріи къ Пруссіи повидимому улучшаются; очевиднымъ признакомъ того была поѣздка эрцгерцога Карла-Лудовика въ Берлинъ, имѣвшая цѣлью отблагодарить наслѣднаго принца прусскаго за посѣщеніе имъ Вѣны во время его путешествія на Востокъ. Эрцгерцогъ былъ принятъ въ Берлинѣ весьма радушно, и въ честь ему даны были торжественные банкеты, представленія и концерты.—Въ послѣднее время пущенъ слухъ о попыткахъ къ еще болѣе тѣсному сближенію Австріи съ Франціею и о проектѣ брачнаго союза французскаго императорскаго принца съ эрцгерцогинею Жизелью, дочерью императора Франца-Іосифа.

Положеніе Турціи далеко не удовлетворительно; столкновеніе ея съ Египтомъ казалось оконченнымъ, послѣ согласія хедива выдать султану панцырныя суда, заказанныя во Франціи, и игольчатыя ружья, закупленныя для его арміи. Но выдача судовъ и оружія, за которыя султанъ долженъ заплатить, какъ говорятъ, 12 милліоновъ фунт. стерл. (сумма огромная при разстроенныхъ финансахъ Турціи) нисколько не заставила хедива отречься отъ своихъ плановъ. По словамъ аугсбургской «Allgemeine Zeitung», послѣдній заказалъ въ Америкѣ два монитора и продолжаетъ свои вооруженія. Порта, по увѣренію константинопольскаго корреспондента той-же газеты, также вооружается и предписала всѣмъ редифамъ быть на готовѣ. Между тѣмъ получаются извѣстія о частныхъ возстаніяхъ въ Албаніи и Ѳессаліи, и о всеобщемъ недовольствѣ въ славянскихъ областяхъ имперіи. Приводя эти извѣстія изъ Турціи, французская офиціозная газета «France», принадлежащая къ числу самыхъ серьезныхъ органовъ печати, говоритъ въ № своемъ отъ 31-го января, что одной искры достаточно для взрыва и для разрушенія Турецкой имперіи. Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе читателей на телеграмму изъ Петербурга отъ 27-го января, напечатанную и въ другой французской газетѣ «Parlement», гдѣ говорится, что между державами идутъ дѣятельныя сношенія для энергическаго заявленія Портѣ, что сосредоточеніе ея войскъ на черногорской границѣ грозитъ опасностью европейскому миру.

Въ Греціи въ началѣ января произошелъ частный министерскій кризисъ, который едва ли можетъ имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ, такъ какъ перемѣнились только два министра, а главой кабинета остался тотъ-же г. Займисъ. На дняхъ король Георгій посѣтилъ островъ Санта-Мауру (Левкаду), опустошенный сильнымъ землетрясеніемъ, и оказалъ жителямъ самое дѣятельное пособіе.

Почтовый ящикъ.

Отвѣты редакціи.

Въ Ростовъ на Дону, И. И. Лит—ву. Корреспонденціи не входятъ въ программу нашего журнала; не пожелаете ли прислать намъ небольшой этнографическій или бытовый очеркъ, или какую нибудь статью, изъ которой мы могли бы ознакомиться съ характеромъ Вашихъ литературныхъ трудовъ?

Въ Курскъ, автору разсказа «Мятель». Редакція не можетъ печатать такихъ рукописей, въ которыхъ не значится имени автора и точнаго его адреса.

Въ Вязьму, М. В. Г—вой. Просимъ Васъ извѣстить автора статьи «Совѣтъ родителямъ», что она не будетъ помѣщена въ «Нивѣ», такъ какъ журналъ нашъ отнюдь не педагогическій.

Въ Владикавказъ, Кан—му. Драматическія произведенія не входятъ въ програму нашего журнала.

Въ Кіевъ, въ контору пароходства по Днѣпру, І. Р—лю. Мы затруднились бы помѣщеніемъ Вашего перевода, такъ какъ переводнымъ отдѣломъ «Нивы» завѣдываютъ постоянные сотрудники.

Въ Тюмень, Тобольской губ., А. Ф. Г—ко; въ Курскъ, В. А. Д—ну; въ Москву, А. В—ву; въ Дмитровъ, Е. В. Р—му; въ село Подкопаево, Калужской губ. Мѣщовскаго уѣзда, В. З—ко; въ Ростовъ на Дону, въ домъ Петрококина, Р. С—ву; въ Камышинъ, П. А. С—еву; въ Павлоградъ, А. А. Кр—чу; въ Рязань; Я. С—ву. Мы весьма рѣдко печатаемъ стихотворенія — и притомъ лишь извѣстныхъ авторовъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 28 января 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. Типогр. А. Траншеля, на углу Невск. и Владим., д. № 45—1

№ 6. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . . — » 60 к.
За упаковку . . . . — » 40 »
Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна за границей 5 талер

Маленькая графиня.

Повѣсть Октава Фелье.

(*Продолженіе*).

V.

26 сентября.

Я нашелъ въ библіотекѣ маркиза необходимые мнѣ документы. Они прежде находились въ аббатствѣ, и представляютъ собой большой интересъ для фамиліи маркизовъ Малуэ. Гильомъ де-Малуэ, одинъ изъ благородныхъ рыцарей 12-го столѣтія, реставрировалъ церковь и построилъ аббатство, съ согласія своихъ сыновей, для монаховъ бенедиктинскаго ордена, уступивъ этой конгрегаціи, въ числѣ прочихъ доходовъ и довольствій, право распоряженія людьми находящимися при аббатствѣ, десятину со всѣхъ его доходовъ, половину собираемой шерсти отъ стадъ, право на полученіе трехъ бочекъ воску ежегодно, пользованіе рѣкою, лугами, лѣсами, мельницей — *et molendinum in eodem situ* (*). Я прочелъ также описаніе этой прекрасной мѣстности, на скверномъ латинскомъ языкѣ того времени. Она не измѣнилась.

Хартія основанія относится къ 1145 году. Послѣдующія хартіи показываютъ, что аббатство Розель имѣло въ XIII столѣтіи нѣчто въ родѣ главенства надъ всѣми учрежденіями ордена святаго Бенедикта, находившимися тогда въ Нормандіи. Тамъ собирался ежегодно капитулъ этого ордена подъ предсѣдательствомъ аббата Розели— десятокъ другихъ монастырей присылалъ туда своихъ представителей. Монастырская дисциплина, работы, правила для жизни духовной и тѣлесной — все это устанавливалось, контролировалось, или преобразовывалось капитуломъ для неуклоннаго исполненія всѣмъ прочимъ монастырямъ; строгость предписаній и рѣшеній вполнѣ выражается въ протоколахъ этого маленькаго собора. Засѣданія происходили именно въ той залѣ, которая теперь такъ постыдно осквернена. И такъ, аббатство Розель стояло во главѣ всего ордена, и имя его напоминаетъ все что́ трудъ заключаетъ въ себѣ возвышеннаго и благочестиваго: это титулъ, объясняющій вполнѣ великолѣпіе церкви и желаніе сохранить ея развалины. Я обладаю теперь всѣми пособіями для этого интереснаго труда, и часто увлекаюсь чтеніемъ документовъ, которые наполнены живыми и интересными подробностями вседневной жизни; они переносятъ меня въ самое сердце, въ самый разгаръ дѣйствительности временъ отдаленныхъ, которыя хотя и уступаютъ настоящей эпохѣ, но отличаются отъ нея во многомъ,—можетъ быть также, что изучая, а затѣмъ усвоивая себѣ идеи, побужденія и привычки людей которые намъ предшествовали, мы ощущаемъ удовольствіе распространяя свое личное существованіе на времена отдаленныя, по-

(*) И право на безплатный помолъ хлѣба по всему околодку маркизата.

тому что жизнь одного человѣка ограничена слишкомъ короткою будущностью: желаніе перечувствовать сердцемъ всѣ ощущенія вѣковъ минувшихъ — становится понятно.

Кромѣ архивовъ, эта библіотека богата книгами, что́ также отвлекаетъ меня. И потомъ, вихрь свѣтской жизни свирѣпствуетъ въ замкѣ и лишаетъ меня отчасти свободы. Мои дорогіе хозяева тоже посягаютъ иногда на мою независимость: какъ свѣтскіе люди вообще, они не имѣютъ понятія объ усидчивомъ занятіи, которое одно можетъ назваться трудомъ; они думаютъ, что два часа чтенія въ день — составляютъ высшую мѣру труда. «Пожалуйста, не стѣсняйтесь! работайте, сколько хотите!» говоритъ мнѣ каждое утро г. де-Малуэ; чрезъ часъ, онъ уже стучится въ мою дверь.—Ну что, мы еще работаемъ?—Да я только началъ.—Какъ! да вы сидите болѣе двухъ часовъ! Вы убиваете себя, мой другъ. Впрочемъ, какъ хотите.... А моя жена въ гостиной....... Когда вы окончите, то пойдете съ ней побесѣдовать, да?—Да, конечно.—Но только когда покончите ваши занятія, не раньше! И затѣмъ, онъ уѣзжаетъ на охоту, или просто идетъ гулять на взморье. Я же, зная, что меня ожидаютъ, дѣлаюсь разсѣяннымъ, и убѣдившись, что ничего путнаго не сдѣлаю, отправляюсь въ гостинную бесѣдовать съ госпожею де-Малуэ, которая разговариваетъ или съ священникомъ, или съ Жакмаромъ (изъ двухъ Севръ): она—безпокоитъ меня, я—стѣсняю ее, и оба пріятно улыбаемся. Такъ проходитъ половина дня.

Утромъ я катаюсь верхомъ съ маркизомъ, который любезно желаетъ меня избавить отъ участія въ кавалькадѣ; вечеромъ я играю въ вистъ, потомъ разговариваю съ дамами и возстанавливаю отчасти мою репутацію: я—нелюдимъ, и эта оригинальность моего характера очень не нравится мнѣ. Серіозный характеръ доходящій до нелюбезности, даже въ отношеніи женщинъ, имѣетъ что-то неуклюжее, вовсе не идетъ къ самымъ талантливымъ людямъ, и дѣлаетъ смѣшными бездарныхъ. Потомъ я удаляюсь и работаю въ библіотекѣ до поздней ночи. Это самое удобное время.

Общество, собирающееся гостить въ замкѣ, бываетъ весьма многочисленно въ это время. Оно состоитъ частію изъ пріѣзжихъ, частію изъ окрестныхъ обывателей. Эта веселая пора въ жизни замка мотивируется всегда пріѣздомъ единственной дочери маркиза, которая ежегодно проводитъ осень въ своемъ семействѣ. Эта особа пластичной красоты; она веселится съ достоинствомъ королевы, разговариваетъ съ каждымъ смертнымъ односложными звуками, которые произноситъ густымъ басомъ. Она вышла замужъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ за англичанина, лорда А....., служащаго при дипломатическомъ корпусѣ; онъ такъ-же красивъ и безстрастенъ какъ и его супруга. Они обмѣниваются иногда между собой односложными звуками, онъ—по англійски, она—по французски. Между тѣмъ, три маленькіе лорда величественно двигаются вокругъ этой олимпійской пары, овидѣтельствуя о тайномъ согласіи, существующемъ между обѣими націями, которое ускользаетъ отъ вульгарнаго пониманія. Другая пара, нѣсколько менѣе замѣчательная, пріѣзжаетъ каждый день изъ сосѣдняго замка. Мужъ—это нѣкій г. де Брейльи, бывшій гвардеецъ и пріятель маркиза. Это весьма живой старикъ, очень еще красивый, съ сѣдыми волосами, остриженными подъ гребенку. Онъ имѣетъ недостатокъ—можетъ быть природный—слегка растягивать и отчеканивать каждое слово. Онъ былъ бы весьма пріятнымъ господиномъ, если бы не былъ такъ ревнивъ и не старался скрывать эту слабость, которая всѣмъ бросается въ глаза. Трудно объяснить, что́ побудило его жениться въ пятьдесятъ пять лѣтъ на хорошенькой молоденькой женщинѣ и вдобавокъ еще креолкѣ, если не ошибаюсь.

— Г. де-Брейльи! сказалъ маркизъ, представляя меня ревнивому джентльмену, — мой лучшій другъ и будущій вашъ непремѣнно.... что́ вовсе не помѣшаетъ ему также непремѣнно убить васъ, если вы будете ухаживать за его женой.

— Боже мой! любезный другъ, воскликнулъ де-Брейльи, вовсе не веселымъ смѣхомъ и ударяя по привычкѣ на каждомъ словѣ,—зачѣмъ выдавать меня за какаго-то Отелло нижней Нормандіи! М-сье Л. конечно можетъ..... совершенно свободно...... оставаясь въ границахъ приличія...... Позвольте, милостивый государь, познакомить васъ съ госпожею де-Брейльи и поручить ее вашему вниманію.

Нѣсколько удивленный этимъ монологомъ, я имѣлъ наивность повѣрить ему буквально.

Мы усѣлись съ госпожею де-Брейльи, и я началъ съ нею бесѣдовать...... оставаясь въ границахъ приличія. Между тѣмъ г. де-Брейльи зорко слѣдилъ за нами: зрачки его глазъ искрились какъ уголья, онъ громко смѣялся, дѣлалъ гримасы, топалъ ногами и ломалъ себѣ руки, такъ что пальцы трещали. Г. де-Малуэ подошелъ ко мнѣ, и предлагая карту, тихо сказалъ мнѣ: «что вы дѣлаете?»

— Я? ничего.

— Развѣ я не предупреждалъ васъ? Это дѣло серіозное; посмотрите на Брейльи! Это единственная слабость этого любезнаго человѣка, и ее здѣсь всѣ уважаютъ. И вы поступайте такъ же—прошу васъ.

И такъ, единственная слабость этого любезнаго господина дѣлаетъ то, что жена его обрѣчена на вѣчный карантинъ. Воинственный характеръ мужа имѣетъ нѣкоторую прелесть, но никто не пожелаетъ, однако, рисковать своею жизнію—даже безъ намека на какое либо вознагражденіе; здѣсь же вы имѣете человѣка, который готовъ по меньшей мѣрѣ устроить вамъ публичный скандалъ. Это обстоятельство видимо отбиваетъ охоту у самыхъ предпріимчивыхъ, такъ что около госпожи де-Брейльи всегда можно видѣть два пустыхъ кресла, не смотря на то, что она очень граціозна, что у ней большіе черные глаза, которые, не смотря на ихъ умоляющій взглядъ, какъ бы говорятъ: «Боже мой! неужели никто не прельстится мной!»

Ты думаешь, что затворничество этой бѣдной женщины успокоиваетъ ея мужа,—ничуть не бывало. Онъ и здѣсь умѣетъ отыскивать предлоги для подозрѣній.—Другъ мой, сказалъ онъ вчера маркизу Малуэ,—ты знаешь, что я не ревнивѣе всякаго другаго мужа; но если я не Оросманъ, то не желаю быть и Жоржемъ Данденомъ. Меня вотъ что безпокоитъ: вѣдь ни кто не ухаживаетъ за моей женой, не правда ли?

— Гм! если тебя безпокоитъ только это....

— Разумѣется: согласись, что это не натурально, вѣдь моя жена хороша собою. Почемужъ за ней не ухаживаютъ, какъ за другими женщинами? Тутъ что-то есть.

Къ счастію, не всѣ хорошенькія жещины, пріѣзжающія въ замокъ, находятся подъ присмотромъ такихъ аргусовъ. Нѣкоторыя дамы, и въ числѣ ихъ двѣ-три парижанки, ведутъ себя очень вольно; онѣ выказываютъ такую любовь къ удовольствіямъ, такую роскошь нарядовъ, что переступаютъ границы всякой скромности. Ты знаешь, что я не оправдываю такихъ наклон-

ностей въ женщинѣ — это не соотвѣтствуетъ ея обязанностямъ; но я все-таки, не колеблясь, болѣе сочувствую этимъ вѣтренницамъ, ихъ поведеніе становится въ моихъ глазахъ идеаломъ пышной дѣйствительности,— когда слышу сплетни благочестивыхъ матронъ, изливающихъ на этихъ молоденькихъ женщинъ всю злобу провинціальнаго сердца.

Впрочемъ, не нужно даже выѣзжать изъ Парижа чтобъ видѣть эти грязныя проявленія скудной провинціальной жизни; все что эти почтенныя дамы называютъ порокомъ, т. е. молодость, изящество, представительность—составляетъ только качества, которыя эти праведницы утратили, или которыхъ никогда не имѣли. Хотя я питаю великое отвращеніе къ этимъ мегерамъ, но долженъ согласиться, что касательно одной изъ своихъ жертвъ онѣ пожалуй правы: поведеніе одной изъ молодыхъ женщинъ можетъ подать поводъ къ порицанію.

Самъ ангелъ снисхожденія отвернулся бы предъ тѣмъ законченнымъ типомъ вѣтренности, бойкости и свѣтскаго безразсудства, которому имя графиня де-Пальмъ, а прозваніе — маленькая графиня, хотя она вовсе не мала ростомъ, а только худенькая и стройная. Госпожѣ де-Пальмъ 25 лѣтъ; она вдова, зиму проводитъ въ Парижѣ у своей сестры, а лѣтомъ живетъ въ Нормандіи у тетки, госпожи де-Понбріанъ. Позволь мнѣ сперва раздѣлаться съ теткой.

Эта тетка принадлежитъ къ одной, весьма старой дворянской фамиліи и отличается съ перваго взляда двумя качествами: любовью къ аристократическимъ преданіямъ и удивительной набожностью. Это можетъ служить хорошей рекомендаціей въ моихъ глазахъ: всякое искреннее убѣжденіе должно быть уважаемо въ наше время. Къ несчастію, госпожа де-Понбріанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ набожныхъ женщинъ, которыя вовсе не христіанки. Она только придерживается обрядовъ и, какъ всѣ ей подобныя, гордится исполненіемъ ихъ до смѣшнаго. Это внѣшнее проявленіе вѣры придаетъ ей какой-то противный, отталкивающій видъ, что, безъ сомнѣнія, не увеличиваетъ числа прозелитовъ. Обрядовая сторона религіи совершенно удовлетворяетъ совѣсть этихъ женщинъ: доброты, милосердія, особенно смиренія—ни признака.

Знатный родъ, бѣганіе по церквамъ и ежегодныя посѣщенія одного знаменитаго изгнанника—внушаютъ госпожѣ де-Понбріанъ столь высокое мнѣніе о себѣ и столь глубокое презрѣніе къ ближнимъ, что она сдѣлалась даже необщительна. Она постоянно погружена въ созерцаніе своихъ достоинствъ; она бесѣдуетъ только съ Богомъ, и конечно Богъ очень милосердъ, если слушаетъ ее.

Подъ покровительствомъ этой мистической дуеньи, маленькая графиня пользуется абсолютной свободой, которой страшно злоупотребляетъ. Живя зимой въ Парижѣ, гдѣ она загоняетъ по парѣ лошадей въ мѣсяцъ—для того чтобы имѣть удовольствіе потанцовать на нѣсколькихъ балахъ въ одинъ и тотъ же вечеръ,—госпожа де-Пальмъ отправляется на лѣто вкушать удовольствія сельской жизни. Она пріѣзжаетъ къ теткѣ, вскакиваетъ на лошадь и рыскаетъ по окрестностямъ. Что ей за дѣло, куда она ѣдетъ,—ей все равно, лишь бы ѣхать. Чаще всего она бываетъ въ замкѣ Малуэ, гдѣ хозяйка дома принимаетъ ее особенно ласково, чего я совершенно не могу себѣ объяснить. Любезная съ мужчинами, дерзкая съ женщинами, маленькая графиня представляетъ обширное поле для ухаживанія — первымъ, и для непримиримой ненависти — вторымъ. Равнодушная къ общественному мнѣнію, она, кажется, съ жадностью вдыхаетъ въ себя ѳиміамъ самой грубой лести; но въ чемъ она больше всего нуждается, такъ это въ шумѣ, движеніи, и вихрѣ свѣтскихъ удовольствій до изнеможенія; она любитъ охоту и управляетъ ею съ какою то бѣшеною страстью; она ведетъ азартную игру въ ланскнехтъ и адски рискуетъ чтобы сорвать банкъ, и танцуетъ до упаду по цѣлымъ ночамъ. Мнѣ кажется, что одна минута покоя, размышленія или самоуглубленія—къ чему она впрочемъ неспособна—убила бы ее. Нельзя представить себѣ существованія болѣе наполненнаго и въ то-же время болѣе пустаго, дѣятельности болѣе кипучей, но столь безплодной.

Такъ пробѣгаетъ она поле жизни, торопливо, безъ устали, граціозно, беззаботно, невѣжественно—точь въ точь какъ ея лошадь. Когда эта женщина дойдетъ до роковаго предѣла—она упадетъ изъ пустоты своего празднаго величія въ бездну вѣчнаго успокоенія, и никогда серіозная человѣческая мысль не коснется, хотя слегка, ея мозга, который скрывается подъ этимъ прекраснымъ по глупымъ челомъ.

Можно бы подумать, что маленькая графиня умретъ точно такою, какой она родилась,—если бы можно было допустить, что она сохранила невинность, насколько удержала до сихъ поръ дѣтскую мелочность. Есть ли душа у этой полоумной? Чуть не сказалъ: нѣчто похожее на душу. И въ самомъ дѣлѣ трудно представить, что бы могло остаться отъ этого существа, когда тѣло утратитъ свою горячечную суетность и оживляющее дыханіе. Я слишкомъ хорошо знаю свѣтъ чтобы вѣрить безусловно въ тѣ обвиненія, которымъ подвергается госпожа де-Пальмъ со стороны своихъ соперницъ и недоброжелательныхъ матронъ, завидующихъ ей. Не съ этой точки зрѣнія я осуждаю ее. Когда мужчины бываютъ безжалостны въ своихъ приговорахъ относительно женщинъ—они весьма часто забываютъ, что сами вызвали на свѣтъ тѣ ошибки, за которыя потомъ упрекаютъ. Но въ описанномъ мною женскомъ типѣ есть нѣчто болѣе оскорбляющее, чѣмъ сама безнравственность,—это *нѣчто*, впрочемъ, трудно отдѣлимо отъ нея.

Не смотря на рѣшимость ни въ чемъ не отличаться отъ другихъ, я не могъ пристать къ толпѣ обожателей, которую водитъ за собой госпожа де-Пальмъ.

Я не знаю, замѣчаетъ ли она это: ходя иногда мимо меня, она бросаетъ украдкой презрительные взгляды; это мнѣ подаетъ поводъ думать, что мое равнодушіе сердитъ ее. Впрочемъ, гораздо проще объяснить эти враждебные симптомы тою природною антипатіею, которая всегда раздѣляетъ два существа, столь мало похожія другъ на друга, какъ мы. Я, съ своей стороны, смотрю на нее съ тѣмъ страннымъ удивленіемъ, которое возбуждается у всякаго мыслящаго человѣка при видѣ такого чудовищнаго психологическаго феномена. Такимъ образомъ, мы квиты. Вѣрнѣе слѣдовало сказать, мы были квиты: со времени одного маленькаго происшествія, которое случилось вчера вечеромъ, она состоитъ у меня въ долгу—госпожа де-Пальмъ получила такой авансъ, что ей трудно будетъ уплатить его.

Я уже говорилъ тебѣ, что госпожа де-Малуэ очень расположена къ ней. Разговаривая вчера вечеромъ съ маркизой, я позволилъ себѣ сказать ей, что показывать расположеніе къ такой женщинѣ какъ госпожа де-Пальмъ, значитъ подавать дурной примѣръ,—добавивъ при этомъ, что я всегда плохо понималъ то мѣсто изъ Евангелія, гдѣ говорится объ исправленіи одного грѣшника, чествуемомъ больше нежели благочестивая жизнь тысячи пра-

ведниковъ, и что такая несправедливость должна оскорблять послѣднихъ.

— Во первыхъ, отвѣтила мнѣ госпожа де-Малуэ,— праведники не оскорбляются; во вторыхъ, ихъ вовсе не существуетъ. Не считаете-ли вы себя безгрѣшнымъ?

— Конечно, нѣтъ: я даже убѣжденъ въ противномъ.

— По какому же праву вы судите такъ строго о ближнихъ?

— Я не признаю г-жу де-Пальмъ своимъ ближнимъ.

— Это весьма удобно. Г-жа де-Пальмъ, милостивый государь, была дурно воспитана и страшно избалована; но повѣрьте мнѣ, это настоящій брильянтъ, хотя и въ корѣ.

— Эту послѣднюю я только и замѣчаю.

— Будьте увѣрены, что ей не достаетъ только умнаго мужа, который съумѣлъ бы отполировать этотъ рѣдкій брильянтъ.

— Позвольте мнѣ пожалѣть этого будущаго мужа.

Госпожа де-Малуэ провела ногою по ковру и сдѣлала еще нѣсколько жестовъ, выражавшихъ нетерпѣніе; сначала я затруднился истолковать ихъ, но потомъ, немного подумавъ, догадался въ чемъ дѣло: я не сомнѣвался, что открылъ слабую сторону и единственный недостатокъ этой почтенной женщины. Она одержима страстью устроивать свадьбы, и желая исторгнуть маленькую графиню изъ бездны погибели, возымѣла желаніе столкнуть туда и меня вмѣстѣ съ нею, хотя недостойнаго.

Проникнутый этимъ скромнымъ убѣжденіемъ, я держался въ оборонительномъ положеніи, что, вѣроятно, было очень смѣшно.

— Боже мой! сказала госпожа де-Малуэ:— только потому что вы сомнѣваетесь въ ея начитанности!...

— Я даже сомнѣваюсь, умѣетъ-ли она читать.

— Но однако, скажите серіозно, въ чемъ вы ее упрекаете? продолжала госпожа де-Малуэ взволнованнымъ голосомъ.

Я хотѣлъ сразу разрушить матримоніальныя тенденціи маркизы, и сказалъ ей: «я упрекаю ее въ томъ, что она выражаетъ собой въ глазахъ свѣта торжествующее ничтожество и гордую безнравственность. Я самъ не безупреченъ, это правда; но во мнѣ есть (какъ, напримѣръ, въ театральной публикѣ) тѣ начала нравственности и здраваго смысла, которые возмущаются порочными героями пьесы, и не желаютъ чтобъ они восторжествовали.

Волненіе маркизы увеличивалось: «неужели вы думаете, что я рѣшилась бы ее принимать, если-бы она заслуживала тѣ упреки, которыми осыпаютъ ее клеветники?»

— Я думаю, что вы неспособны вѣрить въ дурное.

— Ба! увѣряю васъ, что вы не проницательны въ данномъ случаѣ. Всѣ интриги, которыя ей приписываютъ... это на нее такъ мало похоже! Она ребенокъ, не знающій даже, что такое любовь?

— Я увѣренъ, сударыня. Ея пошлое кокетство служитъ тому достаточнымъ доказательствомъ. Я полагаю даже, что увлеченія воображенія и страсти совершенно чужды ея ошибкамъ, которыя слѣдовательно остаются безъ всякаго извиненія.

— Боже мой, вскричала госпожа де-Малуэ,— замолчите же! Это бѣдное, оставленное всѣми дитя! Я больше васъ ее знаю... повѣрьте, что подъ этой легкомысленной внѣшностью скрывается и умъ и сердце.

— Я думаю, сударыня, что того и другаго какъ разъ поровну.

— Это просто несносно! сказала г-жа де-Малуэ, опустивъ какъ-бы съ отчаяніемъ свои руки. Въ это время я увидѣлъ, что портьера быстро зашевелилась—и въ дверяхъ промелькнула маленькая графиня; въ сосѣдней комнатѣ играли въ какую-то игру—и госпожа де-Пальмъ, подчиняясь требованіямъ этой игры, спряталась за портьеру.

— Какъ! она все время стояла за дверьми!

— Да, и все слышала, и все видѣла. Я дѣлала вамъ разные знаки, но вы ихъ не поняли!

Я нѣсколько сконфузился. Я сожалѣлъ о рѣзкости моихъ выраженій, потому что скорѣе увлекся споромъ, нежели чувствомъ негодованія противъ этой молодой женщины. Въ сущности, я къ ней равнодушенъ, но не могу вынести, когда ее хвалятъ.

— Но чтожь мнѣ дѣлать теперь? сказалъ я

Маркиза подумала съ минуту и отвѣчала, слегка пожавъ плечами:

— Я полагаю, ничего: это наилучшее, что́ вы можете сдѣлать.

Эта непріятная сцена была какъ-бы каплей переполнившей сосудъ: мнѣ стало скучнѣе прежняго среди этого веселаго общества. Эти танцы, это судорожное движеніе, эти катанья, обѣды, скачки, словомъ: все это поголовное веселье вѣчно праздничной жизни—опротивило мнѣ до невозможности. Я сожалѣю, зачѣмъ я потерялъ столько времени на занятія не относившіяся къ моему оффиціальному порученію, нисколько не подвинувъ его; я горько сожалѣю, зачѣмъ согласился на неотступныя просьбы моихъ хозяевъ—погостить въ замкѣ; я сожалѣю о моей Темпейской долинѣ; больше всего, Поль, сожалѣю о томъ, что не вижу тебя.

Въ окружающемъ меня обществѣ есть нѣсколько лицъ, съ которыми можно вступить въ серіозныя отношенія, но эти лучшіе элементы поглощаются массою тривіяльныхъ обожателей госпожи де-Пальмъ. Господинъ де-Малуэ съ женой и г. де Брейльи, когда онъ только не въ припадкѣ ревности, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ избраннымъ умамъ; но одно различіе въ лѣтахъ образуетъ уже между нами пропасть. Что касается до молодыхъ людей, то они всѣ болѣе или менѣе идутъ по стопамъ маленькой графини. Видя, что я не вступаю въ ихъ ряды, они оказываютъ мнѣ нѣкоторую холодность, которая близко подходитъ къ антипатіи. Я съ своей стороны слишкомъ гордъ, чтобы сдѣлать шагъ къ сближенію—несмотря на то, что двое или трое изъ нихъ весьма неглупые люди, и показываютъ задатки достойные лучшей жизни чѣмъ та, которую они ведутъ. По этому поводу я ставлю себѣ иногда слѣдующій вопросъ, любезный Поль: мы-то съ тобой лучше-ли этой веселой и пустой молодежи, или же просто отличаемся отъ нея. Подобно намъ, они тоже имѣютъ понятіе о чести и благородствѣ, и, также какъ мы, не имѣютъ ни добродѣтели, ни религіи—въ широкомъ значеніи этихъ понятій. До сихъ поръ мы равны. Мы расходимся во вкусахъ и удовольствіяхъ: все вниманіе ихъ поглощено мелкими мыслями салонныхъ разговоровъ, заботами о томъ, чтобы нравиться, или наконецъ матеріальною дѣятельностью; мы же склонны любить исключительно умственную дѣятельность, и анализировать продукты ума и таланта. Съ точки зрѣнія конкретной истины и обыкновенной оцѣнки явленій—перевѣсъ на нашей сторонѣ; но относительно высшаго порядка идей, нравственнаго строя, всеобщей истины предъ Богомъ, удерживаемъ-ли мы это преобладающее положеніе? Не подобно-ли имъ слѣдуемъ мы абсолютному влеченію своихъ наклонностей, съ тою

Ханское кладбище въ Бахчисараѣ.

только разницей, что мы идемъ по одному направленію, а они по другому, — или можетъ быть мы повинуемся великому долгу? Умственная и нравственная дѣятельность имѣетъ-ли истинную заслугу предъ Богомъ? Иногда мнѣ кажется, что мы вѣруемъ въ умъ до идолопоклонства, что не имѣетъ ни какой цѣны въ Его глазахъ и, скорѣе, оскорбляетъ Его. Чаще, впрочемъ, мнѣ приходитъ на мысль, что работа ума и духа соотвѣтствуетъ Его волѣ даже тогда, когда направлена противъ Него: я вѣрю, что Онъ радуется каждому полезному сотрясенію того благороднаго великаго орудія, которое Онъ вложилъ въ нашу голову.

Въ эпохи сомнѣній и смутъ, скорбь не составляетъ-ли благочестія? Мнѣ пріятно это думать. Мы похожи съ тобой на тѣхъ задумчивыхъ сфинксовъ, которые столько вѣковъ тщетно вопрошали глушь пустыни о вѣчной тайнѣ жизни.

Неужели это — болѣе преступное заблужденіе, чѣмъ счастливое невѣденіе маленькой графини! Сомнительно. Пока, любезный другъ, старайся сохранить ту тихую грусть, которая просвѣчиваетъ сквозь твою игривую веселость; слава Богу, ты не педантъ: ты любишь жизнь, ты умѣешь смѣяться и даже громко; но въ глубинѣ души ты смертельно грустенъ—вотъ почему я люблю до смерти твою рѣдкую, родственную мнѣ душу.

(Продолженіе будетъ).

Кладбище хановъ татарскихъ въ Бахчисараѣ.

Кому не памятно преданіе о Гиреѣ и Маріи Потоцкой, воспроизведенное геніемъ Пушкина въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»,—кому не знакомъ этотъ фонтанъ слезъ, во дворцѣ хановъ, въ древней столицѣ крымскихъ татаръ? Подъ навѣсомъ одного изъ многочисленныхъ дворцовыхъ переходовъ, съ высокаго столба тихо струятся его воды, и падая послѣдовательно въ три водоема, дробясь на тонкія струйки, чуть сочатся, наконецъ, въ видѣ капель—истиннаго подобія слезъ....

До 1784 года, когда на зубчатыхъ стѣнахъ Бахчисарая впервые водружено русское знамя, здѣсь царили потомки тѣхъ грозныхъ монголовъ, которые въ XIII столѣтіи подчинили своей власти остатки Аланъ, Готовъ, Кумановъ (половцевъ) и другихъ племенъ, разсѣянныхъ великимъ переселеніемъ народовъ, — и обратили Тавриду въ *Крымъ*, т. е. крѣпость, твердыню своего царства. Всякій слѣдъ прежнихъ обитателей исчезъ безвозвратно, ни одинъ камень не свидѣтельствуетъ о Кимерійцахъ и Скиѳахъ, лишь въ поэзіи сохранились имена Ѳоаса, таврическаго царя, да Ифигеніи, приносившей тамъ человѣческія жертвы, пали стѣны греческихъ городовъ, процвѣтавшихъ по берегамъ полуострова, изрѣдка и съ великимъ трудомъ выкапывается монета Босфорскаго царства, даже великій властитель Понта Митридатъ не оставилъ по себѣ памятника, и самыя дѣянія Римлянъ поглощены потокомъ варваровъ, —одни монголы или татары сохранили потомству отрывокъ изъ древней исторіи Крыма.

Когда Потемкинъ окончательно привелъ его подъ руку мудрой правительницы Россіи, Екатерина видѣла одно средство подчинить своей державной волѣ непокорный народъ—и средство это заключалось въ пощадѣ народныхъ обычаевъ и достопамятныхъ мѣстностей. Прежде всего она отдала приказъ позаботиться о сохраненіи ханскаго дворца и его мечети, величайшей изъ всѣхъ въ Бахчисараѣ, и отвела самый городъ въ исключительное пользованіе татарамъ. Даже въ наши дни, если бы древніе ханы возвратились на родное пепелище, они мало нашли бы въ немъ перемѣнъ; сады сіяютъ прежнею, райскою роскошью цвѣтовъ и фонтановъ, куполы и минареты мечети по прежнему вздымаются къ небу, въ залахъ дворца по стѣнамъ еще висятъ старые ковры, зеленые и алые диваны все такъ-же манятъ къ отдохновенію, и громадная зала совѣта готова хоть сейчасъ принять грознаго властителя съ его безчисленной ордой совѣтчиковъ....

И еслибъ могли вернуться эти древніе ханы, путь ихъ былъ бы весьма недалекъ: они всѣ еще здѣсь на лицо — въ окрестномъ саду, хотя садъ этотъ совершенно особаго рода. Въ огороженномъ пространствѣ за мечетью, которой минаретъ виднѣется на приложенномъ рисункѣ, подъ сѣнію зеленаго шатра покоятся владыки и знать крымскихъ татаръ. Бренные остатки рода Гиреевъ пріютились въ двухъ склепахъ, гдѣ насчитывается до двухъ десятковъ гробовъ—частію деревянныхъ, частію мраморныхъ. Кромѣ того множество хановъ вкушаетъ послѣдній, долгій сонъ подъ открытымъ небомъ. Кругомъ затишье.—Сквозь гибкую сѣть виноградниковъ и зелень листвы проглядываетъ ясное, голубое небо. Даже крымская война не коснулась этихъ гробницъ, которыя уцѣлѣли до сихъ поръ—и боковыя отвѣсныя плиты по прежнему указываютъ вѣнчающею ихъ чалмой или персидскимъ головнымъ уборомъ, кто подъ ними схороненъ: мужчина или женщина. Надписи на гробницахъ, мастерски вырѣзанныя, полны изрѣченій—хоть бы и не татарской мудрости. Такъ, напримѣръ, на памятникѣ Девлетъ Гирею вовсе нѣтъ крыши, и надпись гласитъ въ объясненіе: «ибо онъ находилъ небо столь недосягаемо-прекраснымъ, что даже изъ гроба вѣчно-созерцаетъ это жилище Божіе». А вотъ погребенъ Тохтамышъ-Ханъ, который повелѣлъ, вмѣсто памятника, насадить надъ своимъ прахомъ виноградную лозу — «дабы онъ, владыка, хотя по смерти приносилъ плоды, которыми такъ бѣдна его жизнь». А тамъ Селимъ Гирей, приказавшій схоронить его подъ дождевымъ стокомъ мечети — «въ надеждѣ, что воды небесныя современемъ омоютъ грѣховныя нечистоты его, которыя, по его мнѣнію, многочисленнѣе капель, падающихъ съ облака.» И наконецъ, еще одинъ татарскій властелинъ велѣлъ обнести свою гробницу каменными стѣнами — «не для того только, чтобъ возможно болѣе отрѣшиться отъ міра, но и потому еще, что не считалъ себя достойнымъ хотя бы единаго луча солнечнаго.»

Растительность этого сада одинакова со всѣми садами крымскими. Здѣсь прежде всего глазъ поражается громадными, развѣсистыми, волошскими орѣхами (Juglans regia), маслиной, круглой верхушкой и лапчатыми пятернями каштана (Castana vesca), кустарниками лавра и

лавровишни съ ея красными ягодами; изъ этихъ разнообразныхъ купъ изрѣдка стрѣлою въ небо выбѣгаетъ пирамидальный тополь и черные кипарисы — живое подобіе минарета, что немало краситъ пейзажъ; а дикій виноградъ (или самъ собою, или покорясь волѣ человѣка) вьется по дубамъ, по изгородямъ, и снова свѣшивается до земли; плющъ выросъ вездѣ и опуталъ все что можно — даже памятники и скалы; а вокругъ по всему саду разносится благоуханіе — это разные виды розъ, шиповника и множество самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, смотря по времени года.

Съ тѣхъ поръ какъ большинство татаръ, послѣ крымской кампаніи, выселилось въ Турцію, сады опустѣли, заглохли.... но и въ одичалости этой южной флоры есть своя прелесть, которую трудно даже представить себѣ, не видавъ. Какъ будто поджидая удаленія человѣка, вдругъ со всѣхъ сторонъ врываются незванные гости къ холенымъ питомцамъ садовника: это совершенный набѣгъ растительности — такъ и лѣзутъ разные виды крушины, глодъ, сливнякъ; особый видъ ежевики облѣпляетъ цѣлые рвы, а про мелюзгу и говорить нечего.

Среди всего этого выдѣляется низкій, круглый, какъ опрокинутая чашка, куполъ мечети и готическій минаретъ, съ котораго муэзинъ протяжно зоветъ къ молитвѣ.

А тамъ дальше горы.... самыя дальнія — лиловыя съ заснувшими на нихъ облаками, ближнія посѣрѣй, и по склонамъ ихъ тоже дремлющіе, совершенно синіе лѣса.... всюду золотые блики.... чистый, прозрачный воздухъ....

Немногіе оставшіеся татары — смирный народъ, ведущій мелкую торговлю на рынкѣ, преимущественно фруктами; они же держатъ верховыхъ лошадей для желающихъ предпринять прогулку въ горы, привозятъ дрова съ горныхъ, лѣсистыхъ склоновъ, работаютъ на виноградныхъ плантаціяхъ, а также и на табачныхъ, продавая тотъ самый табакъ, что мы по большей части куримъ подъ названіемъ константинопольскаго, наконецъ добываютъ кумысъ и пр., и пр.

Дома ихъ потонули въ садахъ, цвѣтахъ и зелени.

Самое имя города Бахчисарай въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «садовый дворецъ.»

Просвѣтители Славянъ, св. Кириллъ и Меѳодій.

(Продолженіе).

Къ концу IX вѣка уже давнымъ давно не существовало Западно-Римской Имперіи, а Восточная говорила по славянски; греческій языкъ держался только въ городахъ, особенно въ Царьградѣ, и по всему архипелажскому приморью. Несчетныя полчища Славянъ, то вызываемыя самими Греками, то наслышанныя объ естественныхъ богатствахъ Балканскаго полуострова, шли на югъ съ женами и дѣтьми, заселяли нынѣшнюю Сербію, Болгарію, Македонію. Со временъ Юлія Цесаря варварамъ въ Римской Имперіи былъ открытъ доступъ не только въ званіе патриціевъ, но даже и къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Уже не одинъ варваръ перебывалъ въ Римской Имперіи на цареградскомъ престолѣ византійскихъ царей, какъ напримѣръ, Юстиніанъ, иконоборецъ и великій государственный человѣкъ — Левъ Исавряниnъ (Юстиніанъ былъ Славяниnъ, Левъ Исавряниnъ былъ Армяниnъ). Въ IX в. славянскій міръ сплошною массою рухнулся отъ балканскаго на архипелажское поморье — и этотъ-то міръ, реформирующійся изъ самого себя (вслѣдствіе великаго кроваваго столкновенія на западѣ съ нѣмцами, а на югѣ — съ блестящею греческою цивилизаціею), искалъ себѣ вѣры. На самомъ берегу Архипелажскаго моря, въ городѣ Солунѣ, иначе Ѳесалоникѣ, или просто Салоникѣ, жила одна очень вліятельная и значительная (какъ при царьградскомъ дворѣ, такъ и въ администраціи) личность, по происхожденію можетъ-быть Грекъ, а всего вѣроятнѣе Славяниnъ — нѣкто Левъ. У Льва было семь сыновей, изъ которыхъ извѣстны только старшій, Меѳодій, и младшій, по прозванію Константинъ, впослѣдствіи въ иночествѣ — Кириллъ. Меѳодій еще съ ранней молодости занималъ уже значительный постъ начальника или князя (въ томъ древнемъ смыслѣ, о которомъ уже говорилось въ предшествующей главѣ) надъ мѣстными Славянами. Но IX вѣкъ былъ вѣкомъ людей не отъ міра сего: лучшихъ людей того времени томила мысль о томъ, что все видимое проходитъ, — что всякія привязанности не прочны, потому что умираютъ дорогія личности, — что богатство тлѣнно; человѣкъ живетъ черезъ чуръ мало для того, чтобы стоило хлопотать о житейскихъ удобствахъ или о собственной старости, а впереди, тамъ, за гробовою доскою, предстоитъ иная жизнь, или полная вѣчныхъ мукъ адскихъ, или безконечнаго блаженства — чуть-что не сліянія съ самымъ божествомъ.

Эта мысль о кратковременности и суетности жизни до такой степени поглотила собою умы образованнѣйшихъ людей того времени, что они почти всѣ рано или поздно бросали свои занятія, дѣлили имущества, и уходили куда-нибудь спасаться отъ этихъ житейскихъ декорацій, называемыхъ общественнымъ положеніемъ, имуществомъ, карьерою, — и въ отшельнической жизни старались углубляться въ самихъ себя, развивать свое внутреннее *я* до такой степени, чтобы духъ побѣдилъ плоть, и чтобы плоть не мѣшала сліянію его съ божествомъ. Иночество въ IX вѣкѣ было жизненной потребностью для пылкихъ и даровитыхъ натуръ, которыя не находили удовлетворенія въ суетѣ суетъ, всяческой суетѣ, — для натуръ, которымъ нужно было сосредоточиться. Житія и сочиненія аскетовъ того времени какъ нельзя лучше показываютъ намъ, чего стоила имъ эта работа самоосвобожденія, и сколько умственныхъ и нравственныхъ силъ они положили на эту задачу изъ задачъ рода человѣческаго: понимать Вѣчное, стараться приблизиться къ Нему и уготовать себѣ жизнь безконечную. — Меѳодій ушелъ на Олимпъ и сдѣлался инокомъ.

Младшій братъ, Константинъ, былъ отъ природы человѣкъ сосредоточеннаго права. Разсказываютъ, что когда ему было всего семь лѣтъ, приснилось ему, будто бы мѣстный воевода собралъ городскихъ дѣвушекъ и предлагаетъ ему выбрать изъ нихъ невѣсту, а онъ выбралъ изъ нихъ самую красивую, самую разряженную, которую звали Софія. Въ семействѣ, этотъ сонъ поняли такъ, что онъ изо всѣхъ невѣстъ выбралъ себѣ *Премудрость Божію*, и, разумѣется, совѣтовали ему, чтобы онъ сохранялъ вѣчный союзъ съ своей избранницей. Мальчикъ сталъ учить-

ся, обгонялъ товарищей понятливостью и толковостью на удивленіе всѣмъ, — а онъ все-таки росъ въ аристократическомъ домѣ, въ роскоши, и ему нельзя было (да вѣроятно тогда и не хотѣлось) отказывать себѣ въ обыкновенныхъ тогдашнихъ увеселеніяхъ, а особенно въ охотѣ. Соколиная охота, теперь почти уже не существующая, въ то время была въ большой модѣ, и у малолѣтняго Константина былъ свой соколъ. Какъ-то, въ бурную погоду, выѣхалъ Константинъ въ поле, соколъ полетѣлъ по вѣтру и исчезъ. Происшествіе было пустое и обыкновенное, но Константинъ очень любилъ своего сокола, потеря любимой птицы была ему очень тяжела, а эта потеря подтверждала опять величайшую истину девятаго вѣка, что все земное не прочно, а стало-быть и привязываться къ чему бы то ни было не стоитъ. «Таково то ли есть житіе се, сказалъ онъ себѣ, — да въ радости мѣсто печаль пребываетъ? отъ сего дни по инъ ся путь иму, иже есть сего лучшій» — онъ начертилъ въ своей комнатѣ крестъ на стѣнѣ и сталъ молиться; Григорій Богословъ былъ любимымъ его писателемъ. «Григорій, тѣломъ человѣкъ, душою ангелъ!» молился Кириллъ: «уста твои, какъ уста серафима, Бога прославляютъ, всю вселенную просвѣщаютъ ученіемъ православнымъ. Пріими прибѣгающаго къ тебѣ съ любовью и вѣрою, будь мнѣ великій святитель и учитель». И онъ сталъ наизусть учить творенія этого пастыря церкви.

Намъ, черезъ тысячу лѣтъ послѣ Константина, страннымъ можетъ показаться именно этотъ путь развитія даровитой личности. Но человѣческая мысль и наука въ девятомъ вѣкѣ высшею задачею ставила самоусовершенствованіе, приближеніе къ Перво-причинѣ, къ Началу и Концу всего существующаго, а затѣмъ распространеніе свѣденій объ этомъ въ массахъ. Для служенія правдѣ, или тому, что составляетъ высшую правду каждаго вѣка, лучшіе люди всегда отрекаются отъ всего на свѣтѣ, точно такъ же бросаютъ карьеру, родныхъ, связи, и дѣлаются подвижниками своихъ убѣжденій. Константинъ вдался въ науку. Наука того времени состояла въ изученіи великихъ писателей церкви и въ граматикѣ. Сочиненія отцовъ церкви было доставать трудно, потому что до книгопечатанія книги стоили дорого; но добиться знанія граматики, безъ великихъ учителей, было еще труднѣе. Подъ словомъ *граматика* понималось тогда не только ученіе объ спряженіяхъ, склоненіяхъ и синтаксисѣ, какъ теперь, но въ курсъ граматики входили — риторика, теорія словесности, критика, философія и метафизика. Былъ въ Солунѣ какой-то странникъ, знавшій граматику, — Константинъ умолялъ посвятить его въ эту науку изъ наукъ, но странникъ почему-то отказался. Въ то-же самое время, малолѣтній греческій императоръ, сынъ Ѳеодоры, Михаилъ третій. слушалъ лекціи у блистательнѣйшихъ учителей того времени: Льва и Фотія (впослѣдствіи великаго патріарха, спасшаго восточную церковь отъ римскихъ притязаній). Для малолѣтняго императора искали товарищей изъ круга тогдашней аристократіи — и Константинъ попалъ ко двору, потому что былъ извѣстенъ своей любознательностью. Въ столицѣ тогдашней учености, въ кругу ученыхъ, Константинъ съ жаромъ взялся за изученіе не только граматики, но даже прошелъ астрономію, изучилъ музыку — то-есть сдѣлался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, и получилъ титулъ *философа*, равняющійся нынѣшнему званію доктора какого-нибудь факультета, или даже академика; а такъ какъ въ наукѣ былъ тогда всего одинъ факультетъ, то философами называли людей, принявшихъ всю мудрость классическихъ и христіанскихъ временъ. Блестящая карьера ожидала юношу. Одинъ изъ вліятельныхъ людей при дворѣ желалъ имѣть его своимъ зятемъ, но Константинъ былъ настолько ученъ, чтобы лучше кого другаго понимать, что на землѣ все проходитъ, что все видимое есть суета суетствій, — и рвался душою въ монахи. Полюбить женщину и жениться — значило свести свои нравственные интересы на уровень суетливой домашней жизни и постоянно дрожать отъ боязни лишиться жены, дѣтей, а что еще хуже, увидѣть дѣтей своихъ дураками или безнравственными людьми. Царь предлагалъ ему принять священство и сдѣлаться библіотекаремъ при Святой Софіи, т. е. говоря теперешнимъ языкомъ, быть предсѣдателемъ Академіи Наукъ и главноуправляющимъ Публичной Библіотекой, — но Константинъ бѣжалъ моря житейскаго; онъ исчезъ — и только чрезъ шесть мѣсяцовъ его отыскали *уже инокомъ*, на одномъ изъ небольшихъ островов, при сліяніи Босфора съ Мраморнымъ моремъ. Усиленными мольбами воротили его въ Цареградъ, гдѣ и заставили его сдѣлаться профессоромъ философіи, т. е. всѣхъ тогдашнихъ наукъ. Въ то время жилъ въ изгнаніи ожесточенный иконоборецъ, низверженный греческій патріархъ Іаннесъ. Это былъ человѣкъ ученый, умный, добросовѣстный и глубоко-убѣжденный, что поклоненіе иконамъ было — идолопоклонство. Въ ссылкѣ онъ считалъ себя мученикомъ. Восторжествовавшіе православные заставили его держать у себя икону — онъ велѣлъ своему дьякону глаза этой иконы выколоть!... Гордый протестъ и стойкость знаменитаго старика подрывали въ массахъ довѣріе къ почитанію иконъ. Иконоборцы были пуританами IX вѣка. Всякое внѣшнее выраженіе религіознаго настроенія было имъ противно; они буквально понимали великую истину, что духъ живитъ, а плоть мертвитъ — и преклоняясь передъ духомъ, отнимали у него крылья, лишая его поэтическихъ способовъ выраженія. Мысль ставили они выше формы, не замѣчая, что словесная молитва ни чѣмъ не выше нарисованной, что священныя событія могутъ быть разсказываемы не только книгами, но и образами, — словомъ, они, какъ нигилисты XIX вѣка, думали, что поэзія и искуство не дополняютъ, а затемняютъ мысль, что одна сторона духа человѣческаго можетъ затмить другія. Іаннесъ былъ вождь людей этого настроенія, онъ былъ живой протестъ искусству — и нужно было переубѣдить его. Къ нему отправили живаго человѣка, инока Кирилла — и живое слово и теплая душа молодаго ученаго, музыканта и поэта, впослѣдствіи писавшаго первые книжнаго стиля стихи по славянски, пошатнули упрямаго изгнанника, и онъ призналъ силу искусства.

Затѣмъ, мусульмане, бывшіе въ то время, какъ мы уже говорили выше, въ полномъ блескѣ своей учености, безпокоили христіанскій міръ не только набѣгами и болѣе или менѣе насильственнымъ отторженіемъ отъ церкви чадъ ея, но еще тѣмъ, что у христіанъ не было такихъ ученыхъ, какъ у нихъ. Христіянство враждовало съ древнимъ міромъ, а мусульмане жадно переводили на арабскій Платона, Аристотеля, не чуждались свѣтскихъ наукъ. Цареградскимъ богословамъ было трудно полемизировать съ ними, а мусульмане постоянно приглашали этихъ богослововъ на диспуты. Отказываться отъ такихъ диспутовъ — значило бояться мусульманской логики, а являться на нихъ — срамиться. На

одинъ изъ такихъ диспутовъ, посланъ былъ и философъ Кириллъ.

Ловкій діалектикъ, онъ смѣло принялъ вызовъ. Въ малоазійскихъ мусульманскихъ владѣніяхъ, на дверяхъ христіанскихъ домовъ торжествующіе послѣдователи Магомета малевали разныя неблагопристойныя фигурки — чтобы опоганить самый входъ въ дома христіянъ чтобы унизить ихъ, какъ идолопоклонниковъ, суевѣровъ или какъ людей вообще отсталыхъ. Философу указывали съ насмѣшкой на это униженное положеніе его единовѣрцевъ. «Это образъ демоновъ, острилъ онъ, указывая на одну изъ такихъ намалеванныхъ фигуръ,—а изъ этого заключаю, что тутъ христіанинъ живетъ. Если бы демоны могли ужиться съ нимъ, то зачѣмъ было бы имъ быть на улицѣ.»

Само-собою разумѣется, пренія представителей двухъ рѣзко - противуположныхъ исповѣданій привести ни къ чему не могли. У мусульманъ тогда уже вполнѣ сложились религіозныя убѣжденія; но пренія эти производились не столько для того чтобы добиться истины, сколько для того чтобы блеснуть остроуміемъ и ученостью. Такой находчивый человѣкъ, какъ цареградскій философъ, былъ, само-собой разумѣется, принятъ съ честью и съ сочувствіемъ. Для него задавали пиры. Магометанскіе философы, астрономы, математики сближались съ нимъ и сыпали передъ нимъ цвѣты восточнаго краснорѣчія. «Смотри, философъ» говорили они ему, показывая на свои богатства, на зеленѣющій виноградникъ, на мечети роскошной архитектуры, сіяющія арабесками: «смотри на эти чудеса! Какова сила и каково богатство повелителя Сарацыновъ?» «Что-жь, отвѣчалъ онъ,—диковиннаго ничего нѣтъ: хвала и слава великому Богу, сотворшему сія вся!...»

Затѣмъ онъ воротился въ Царьградъ съ новою славою, въ новомъ блескѣ, но все болѣе и болѣе отстранялся отъ общества: молился, постился, пекся объ нищихъ, пока наконецъ не удалился на Олимпъ, гдѣ, также отрѣшившись отъ міра, велъ уединенную жизнь братъ его, Меѳодій.

Во время этого затворничества, въ Царьградъ явились послы Хозаръ — просить у царя учителей, которые обличили-бы мусульманъ и евреевъ,—которые ясно-бы доказали, что христіанство именно и есть та правая вѣра, которой ищутъ язычники. Хозары заявили готовность креститься, если правота христіанства будетъ доказана.

Хозары кочевали въ то время при устьяхъ Волги и около сѣверныхъ склоновъ Кавказа. Это былъ народъ, по языку и по обычаямъ, близко напоминающій теперешнихъ киргизъ-кайсаковъ, т. е. татары. Еще за долго до Чингисъ-Хана, татары, подвигавшіеся на южно-русскія степи подъ названіемъ Половцевъ, Хозаръ и т. п., брали дань съ славянскихъ племенъ, сидящихъ по Днѣпру. Долгое время послѣ нихъ кіевскіе князья титуловали себя *каганами*, т. е. *хаанами* или попросту *ханами*. Такъ долго владѣли они Днѣпромъ, что татарское слово *Ханъ* въ то время такъ же обрусѣло какъ латинское Caesar или нѣмецкое Karl. Представители этого хозарскаго государства были татары, а подданные были разноплеменные,—и, какъ ниже увидимъ, весьма вѣроятно, что за учителями правой вѣры посылали именно Славяне. Самъ ханъ хозарскій былъ сильно склоненъ къ іудейству; а чрезъ Персію и чрезъ нынѣшнюю Хиву, по Волгѣ, торговали съ Болгаріею (теперь Казанская губернія) аравійскіе купцы. Но вотъ, изъ Цареграда вызвали знаменитаго діалектика—и онъ отправился на Востокъ съ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, до сихъ поръ не выступавшимъ на поприще церковной и государственной дѣятельности.

Первымъ движеніемъ философа было отправиться къ Хозарамъ пѣшкомъ — но дворъ не согласился на это, находя, совершенно справедливо, что къ варварамъ представители христіанской церкви должны являться съ достоинствомъ, чтобы возбуждать не состраданіе ихъ а уваженіе, чтобы не подкупать ихъ ненужнымъ смиреніемъ. Они отправились въ Корсунь, городъ тогда знаменитый торговлей и совершенно разноплеменный. Въ Корсуни было пропасть евреевъ, а евреи держали въ своихъ рукахъ все хозарское государство.

Св. Кириллъ занялся у нихъ изученіемъ еврейскаго языка, который по всей вѣроятности и прежде зналъ. Ему не хотѣлось упустить отличнаго случая практически изучить этотъ языкъ — прислушаться къ говору, бойко читать писаніе и пополнить свои свѣденія по еврейской грамматикѣ. Разсказываютъ, что одинъ самарянинъ, сблизившись съ нимъ, принесъ ему такъ - называемый самарянскій текстъ Библіи, отличающійся отъ принятаго церковью нѣкоторыми разницами въ чтеніяхъ, а въ особенности отсутствіемъ въ немъ многихъ книгъ Писанія. По самарянски пишется древнею еврейскою азбукою, которая относится къ общеупотребительной почти такъ же, какъ наши письменныя буквы къ церковнымъ. Насколько былъ свѣдущъ философъ въ еврейскомъ языкѣ—показываетъ то обстоятельство, что, помолившись наединѣ, чтобы Господь Богъ далъ ему уразумѣть самарянскій текстъ—къ утру сталъ онъ читать его такъ же легко, какъ обыкновенный еврейскій. Этимъ онъ такъ поразилъ самарянина, что у послѣдняго окрестился сынъ, а за сыномъ окрестился и самъ онъ.

Въ Корсуни представилось другое, неожиданное для братьевъ обстоятельство. За нѣсколько лѣтъ до прибытія ихъ въ эту столицу Чернаго Моря, бралъ Корсунь новогородскій князь Бравалинъ (имя дошедшее до нельзя въ искаженномъ видѣ), вторгался въ храмы и хотѣлъ ограбить раку мощей св. Стефана епископа Сурожскаго — но случилось чудо, заставившее князя увѣровать въ христіанство, креститься, и съ тѣхъ поръ на славянскій языкъ было переведено Евангеліе и Псалтырь. До насъ не дошло, на которомъ именно нарѣчіи былъ сдѣланъ этотъ переводъ, и какими буквами онъ былъ писанъ; но довольно того, что переводъ этотъ попалъ въ хорошія руки—и подалъ мысль братьямъ заняться серіознымъ изученіемъ славянскаго языка, знакомаго имъ съ дѣтства, но для котораго не было ни установленнаго правописанія, ни оборотовъ не было придумано для передачи тѣхъ отвлеченныхъ понятій, которыя такъ легко выражались обработаннымъ греческимъ языкомъ.

Въ бытность же братьевъ въ Корсуни, вымыло изъ моря трупъ, который церковь признала мощами св. мученика Климента папы Римскаго, утопленнаго въ Корсуни въ 102 году.

Между тѣмъ, покуда великій учитель изучалъ въ одно время еврейскій языкъ и задумывался надъ славянскимъ переводомъ христіанскихъ книгъ, Хозары обступили Корсунь. Городъ былъ въ опасности. Св. братья, какъ представители Восточной Римской имперіи и христіанской церкви, вступили въ переговоры съ предводителемъ Хозаръ, склонили его къ христіянству и побудили его оставить городъ въ покоѣ.

Затѣмъ, до самаго Азовскаго моря, ѣхали они бере-

гомъ, посреди дикихъ народовъ, и чуть-чуть не погибли отъ бродившихъ по степи Угровъ, которые захватили ихъ во время утренняго богослуженія. Всѣ дикіе народы южной Россіи имѣли суевѣрный страхъ передъ духовенствомъ, и не посмѣли тронуть братьевъ. Братья пріѣхали по Азовскому морю на Кавказъ. Какой-то очень хитрый хозарскій посолъ явился навстрѣчу имъ убѣдиться, дѣйствительно-ли они такіе умные свѣдущіе люди, какихъ нужно было искателямъ правой вѣры. Пріемъ этотъ до такой степени русскій или вообще славянскій, что нельзя почти сомнѣваться, что св. братья ѣздили къ намъ, а не къ татарамъ.

Приняты они были ханомъ съ надлежащимъ почетомъ, и, опять-таки по коренному русскому обычаю, возникъ вопросъ, на какое мѣсто ихъ за столъ посадить? До сихъ поръ у насъ красный уголъ считается самымъ почетнымъ; особенно важный гость садится по правую руку хозяина. Въ былинахъ нашихъ, незнакомца постоянно спрашиваютъ: «ты скажи-скажи, добрый молодецъ, какого ты роду-племени? по племени тебѣ мѣсто дать, по изотчеству тебя чествовать» — доказательство общеарійской аристократичности славянскихъ нравовъ. Остроумный проповѣдникъ и тутъ нашелся блистательнымъ образомъ: онъ не сталъ хвалиться своимъ происхожденіемъ и цареградскими связями,—потому что являлся проповѣдникомъ того убѣжденія, что Христіане всѣ братья,—а сказалъ, что предокъ его былъ великій человѣкъ, приближенный къ своему царю, но не захотѣлъ пользоваться этой честью и *своевольно* удалился; «я и родился въ изгнаніи» продолжалъ онъ: «а предка моего звали Адамомъ». Библейская исторія очевидно была хорошо знакома пригласившимъ просвѣтителей. Они поняли отвѣтъ и возымѣли къ братьямъ глубокое уваженіе — за находчивость, за глубокое примѣненіе къ дѣлу основныхъ положеній христіанства, а особенно еще и за то, что тѣ не обидѣли ни одного изъ ихъ собственныхъ родовъ, считавшихся съ поконъ вѣка мѣстами. Затѣмъ шли обычныя пренія съ магометанскими и еврейскими учеными—и составленъ приговоръ, что кто себѣ не врагъ, тотъ пускай крестится, а что іудейство и мусульманство запрещается подъ смертною казнью. Изъ этого можно опять заключить, что св. братья имѣли дѣло не съ самыми Хозарами, а съ ихъ славянскими подданными, которые жили у подножья Кавказа, гдѣ впослѣдствіи долгое время существовало русское Тмутораканское княжество. Двѣсти человѣкъ крестилось, оставило языческія требы и беззаконное сожитіе. Ханъ отписалъ царю Михаилу лестное письмо о просвѣтителяхъ, отпустилъ ихъ и, по ихъ просьбѣ, подарилъ имъ двадцать человѣкъ плѣнныхъ грековъ (по всей вѣроятности просто христіанъ) вмѣсто обыкновенныхъ даровъ—и братья отправились тѣмъ же путемъ къ Цареграду. Шли они солончаками, гдѣ чуть-чуть не умерли отъ жажды, и, въ рѣшительную минуту, когда усталый Кириллъ хотѣлъ хоть горькой воды напиться — Меѳодій почерпнулъ ему прѣсной. Помолились братья Богу, такъ чудесно указавшему имъ свѣжую прѣсную воду, и дошли до Корсуни, гдѣ философъ предсказалъ близкую смерть тамошняго архіепископа.

Въ городѣ Филѣ былъ большой дубъ, сросшійся съ черешнею; дубъ этотъ звали тамъ Александромъ, приносили ему жертвы, женскій полъ къ нему не допускали, и полагали, что отъ дуба зависитъ дождь. Въ славянскихъ вѣрованіяхъ говорится про старъ матеръ кряковистый дубъ, который корнями вверхъ стоитъ—этотъ дубъ извѣстенъ впрочемъ и у Германцевъ (Игдразилъ), а равно и у всѣхъ арійскихъ племенъ. Онъ означалъ собою тучи, которыя представлялись какъ бы вѣтвями огромнаго дерева росшаго съ неба, а съ вѣтвей этихъ капала медвяна роса—дождь. Всякое идолопоклонство начиналось съ подобнаго рода метафоръ; съ аллегорическаго небеснаго дуба представленіе переходило на какой нибудь простой большой дубъ, и отъ молитвы подъ облаками начинались молитвы подъ вѣтвями.

Женщинъ нельзя было подпускать къ дубу, потому что богъ громовъ считался завѣдомымъ волокитой—а такъ какъ дождевая туча была жена его, то или она могла бы съ сердцовъ отказать въ дождѣ, или онъ самъ, завидѣвъ какую нибудь красавицу, ушелъ бы изъ тучи, а безъ грома дождь не въ дождь: взглядъ чисто славянскій.

Философъ собралъ сходку и сталъ упрекать народъ въ суевѣріи. Ему отвѣчали, опять-таки совершенно по славянски, что такъ-де пошло отъ отцовъ и прадѣдовъ нашихъ, затѣмъ разъяснили, что даже просто оскорбить дубъ значитъ на смерть себя обрѣчь; а срубить его—такъ и дождя во вѣкъ вѣковъ не будетъ. Но св. Кириллъ обладалъ такою силою убѣжденія, что жители рѣшились дать ему въ руки топоръ и подойти за нимъ рубить дубъ. Въ житіи говорится, что онъ рубилъ дубъ *тридцать три* раза, что опять заставляетъ думать, что въ Филѣ жили русскіе (славяне), потому что именно у русскихъ число *тридцать три* считалось священнымъ. Тридцать лѣтъ и три года ничего богатыри не дѣлаютъ, тридцать лѣтъ и три года богатырскій конь къ двѣнадцати цѣпямъ прикованъ, и черезъ тридцать три года и богатырь и конь освобождаются отъ гнетущей ихъ враждебной силы. Топоръ у славянъ (какъ и у германцевъ) представлялъ собою молнію, которая въ щепы, въ черепья пожевыя разбивала старъ кряковистый дубъ облаковъ,—при чемъ, съ изчезновеніемъ облаковъ, стало-быть съ гибелью дуба погибалъ и самъ небесный дроворубъ. Стало быть, всякій, кто наносилъ ударъ дубу Александру, долженъ былъ, какъ говорили жители Филы, погибнуть.

Но тридцать три удара, нанесенныхъ священному дубу представителемъ науки IX вѣка, убѣдили славянъ, что дубъ ихъ дѣйствительно очень дубоватъ; а они шли къ дубу уже съ бѣлыми свѣчами въ рукахъ и церковнымъ пѣніемъ—они въ душѣ уже исповѣдывали христіанство, только дуба боялись. Послѣ тридцати трехъ ударовъ философа, попробовали и другіе треснуть завѣщанную отцами и дѣдами святыню; она пошатнулась и рухнула. Никто не погибъ.—Но оставалось нерѣшимымъ, откуда теперь дождь будетъ браться, когда дубъ свалепъ? Ночью однако полился дождь—и жители Филы, собственнымъ опытомъ убѣдившіеся въ несостоятельности язычества, прославили Бога, и съ торжествомъ и съ честью воротились въ Цареградъ проповѣдники. Царь настаивалъ на возведеніи ихъ въ епископскій санъ—но они отказались. Меѳодій удовольствовался званіемъ игумена въ Полихронской обители на южномъ берегу Мраморнаго моря, близь полуострова Кизика, не подалеку отъ озера и села Майносъ, гдѣ живутъ теперь наши Некрасовцы. А Кириллъ остался въ Цареградѣ, при церкви св. апостоловъ, гдѣ упражнялся въ постѣ и въ молитвѣ, не оставляя науки и дѣлая разныя археологическія открытія, читая надписи на древней утвари Софійскаго собора, и обдумывая великое предпріятіе перевода св. писанія на славянскій языкъ.

(Окончаніе будетъ).

В. Кельсіевъ.

Письма объ организацiи войскъ.

(*Продолженiе*).

II.

Перейдемъ къ одеждѣ, амуницiи и вооруженiю солдата. *Одежда:* Не мало дани, можетъ быть, заплочено войсками смерти и болѣзнямъ, отъ необращенiя должнаго вниманiя на одежду. Предразсудки старыхъ временъ долго требовали въ одеждѣ узкихъ мундировъ, пестроты выпушекъ, блестокъ, называвшихся въ старинныхъ курсахъ тактики «предохранительнымъ оружiемъ», къ коему въ наше время можно отнести и тесаки. Не входя въ споръ о вкусѣ, смѣло можно сказать, что все это было очень неудобно и очень дорого. Нашему времени суждено было въ этомъ дѣлѣ сдѣлать поворотъ къ лучшему. Спросимъ однако: все-ли сдѣлано? и обмундированiе можетъ-ли быть —безъ вреда—совершенно произвольно и болѣе или менѣе всюду одинаково? Стоитъ взглянуть на разность одежды простаго народа во всѣхъ земляхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что она зависитъ отъ географическихъ условiй и степени развитiя промышленности. Конечно, образованный и достаточный классъ людей во всей Европѣ носитъ одинакую одежду; но очевидно, что это явленiе есть только искуственное, происходящее отъ того, что при равномъ образованiи является одинакiй уровень потребностей. Совсѣмъ не то въ низшихъ классахъ народа — одежду свою простолюдину выбирать не-изъ-чего. Онъ по необходимости беретъ ее изъ матерiаловъ, находящихся у него подъ рукой, и притомъ самыхъ дешевѣйшихъ,—строитъ ее по образцу наиболѣе пригодному для своихъ занятiй и сообразно требованiямъ климата. Покрой его платья настолько всегда простъ, чтобы, за неимѣнiемъ портныхъ, его могла сшить каждая баба. Вотъ эти-то и подобныя имъ причины и налагаютъ особенную печать на своеобразную наружную физiогномiю каждаго народа. Такъ какъ армiи въ значительномъ числѣ поглощаютъ самый цвѣтъ народныхъ силъ, то ясно, что необходимо—во-первыхъ: беречь этотъ цвѣтъ и для того вообще избѣгать слишкомъ рѣзкихъ переходовъ изъ обыденнаго быта, а во-вторыхъ: имѣя въ виду, что черезъ всякiй наборъ у населенiя уменьшаются рабочiя силы, а съ ними и народное богатство и доходы казначейства (при чемъ на государство налагается лишнiй расходъ по содержанiю этихъ силъ, въ экономическомъ отношенiи непроизводительныхъ),— стараться о возможно большей дешевизнѣ этого расхода. Для достиженiя перваго условiя, кажется, можно желать, чтобы обмундированiе войскъ подходило какъ можно ближе къ одеждѣ народа, дабы тѣмъ облегчить переходъ изъ одного быта въ другой, чтó весьма важно для здоровья; а для втораго—отказаться отъ всякой лишней красоты, заключающейся въ безполезныхъ выпушкахъ, султанахъ и т. п. вещахъ, оставя ихъ лишь въ томъ размѣрѣ, котрый необходимъ для различенiя дивизiй и полковъ. Сдѣлаемъ общее замѣчанiе о формахъ; трудно не согласиться съ мнѣнiемъ Потемкина, который говорилъ, что солдатъ долженъ быть таковъ: какъ всталъ, такъ и готовъ.

Воинъ дѣйствительно, какъ эмблема неизмѣнной вѣрности, долженъ имѣть неизмѣнно одну и единственную форму во всѣхъ случаяхъ жизни: въ походѣ, въ бою, парадѣ, караулѣ. Вся разница можетъ состоять только въ степени опрятности, или въ срокахъ постройки формы. Обстоятельство это весьма важно для офицеровъ; иначе придется вовлекать ихъ въ безполезныя издержки, при содержанiи и безъ того ограниченномъ.

Съ перваго раза можетъ показаться, что только одинъ старообрядческiй, квасной патрiотизмъ, только одно щепетильное желанiе народнаго покроя вызываетъ сказанную мысль. Казалось бы, что наши настоящiе мундиры представляютъ всѣ эти удобства, но это не совсѣмъ такъ. Оставя въ сторонѣ больше половины безполезныхъ пуговицъ (напр. на фалдахъ) и выпушекъ (хотя бы на шароварахъ, которые на полтора милiона людей что нибудь стоятъ), обратимъ вниманiе на то, что нашъ мундиръ долженъ быть сшитъ на каждаго отдѣльно, безъ чего онъ совершенно безобразенъ. Но вѣдь мундиры, какъ и должно быть для всякой вещи, имѣютъ сроки—и, особенно при переформированiи частей, мундиры приходится весьма часто и много разъ пригонять съ одного на другаго, и съ другаго на третьяго, а тутъ и выказывается неудобство ихъ покроя. Всякая пригонка требуетъ настоящей перешивки, болѣе сложной чѣмъ шитье вновь. Талiя то удлиняется, то укорачивается; петля то прорубается, то затачивается. Результатъ выходитъ довольно печальный: мундиръ смотритъ выслужившимъ срокъ, сидитъ безобразно, стоитъ дорого, а время потеряно. Совсѣмъ не то въ кафтанахъ русскаго покроя, такъ какъ они во всякомъ случаѣ требуютъ меньше передѣлокъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мундиры необходимо шить въ полкахъ, а кафтаны можно строить въ особыхъ мастерскихъ и выдавать въ полки готовыми, что особенно важно во время войны или кампанiи, когда обшивать людей не представляется возможности и каждый солдатъ дорогъ. А чѣмъ менѣе отвлекается изъ строя людей для хозяйственныхъ нуждъ, тѣмъ армiя сильнѣе.

Амуницiя: Изъ амуницiи обращаетъ на себя главное вниманiе поясъ. Онъ служитъ связью многочисленной системы ремней—и къ нему прикрѣпляются ранцевые ремни, патронныя сумки, штыковые и тесачные ножны и шанцовый инструментъ (топоръ, лопатка и проч.).

Нельзя не сознаться, что пригонка всего этого несовсѣмъ удобна. Въ походной амуницiи съ полнымъ ранцемъ солдатъ до того опутанъ разными ремешками, что не можетъ одѣться одинъ безъ посторонней помощи, особенно зимою, въ шинели сверхъ полушубка или мундира. Кромѣ того, ему нельзя разстегнуть пояса (что иногда бываетъ необходимо), иначе всѣ ремни расползутся въ разныя стороны. *)

Скорое снимание и надѣванiе ранца весьма важно, ибо иногда стрѣлку бываетъ необходимо употребить его вмѣсто завала и лежа стрѣлять, прикрываясь имъ на открытой мѣстности, которую нужно упорно отстаивать.

Кромѣ патронныхъ сумъ на поясѣ ничего не должно быть. Котелки въ походѣ и шанцевый инструментъ лучше носить черезъ плечо на ремняхъ, подобно шашкамъ фельдфебелей, а тесаки, какъ не приносящiе никакой пользы, отмѣнить, равно какъ штыковые ножны.

---

*) Сообразно этому кажется удобнѣе было бы возвратиться къ старымъ ранцевымъ перекрестнымъ ремнямъ—съ тѣмъ, что

Вооруженіе: когда войскамъ будутъ розданы новыя скорострѣльныя винтовки, то вооруженіе ихъ будетъ на высотѣ требованій нашего времени. Можетъ однако представиться вопросъ: возможность слишкомъ частой стрѣльбы въ жаркомъ дѣлѣ не заставитъ ли также часто перемѣнять и стрѣлковыя цѣпи за разстрѣляніемъ патроновъ? Обстоятельство это столь важно, что легко можетъ вызвать необходимость прибавить еще по одной стрѣлковой ротѣ на баталіонъ, дабы успѣть освѣжать стрѣлковъ новыми патронами. За то впрочемъ, кажется, уже не будетъ необходимости въ особыхъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, кромѣ развѣ немногихъ—собственно для движенія стрѣлковаго образованія и примѣра полковымъ стрѣлковымъ ротамъ. Полезно, кажется, было бы придать человѣкъ по 40 стрѣлковъ на каждую пѣшую баттарею—какъ для внутреннихъ карауловъ при паркахъ, стоящихъ обыкновенно внѣ селеній и жилыхъ мѣстъ, такъ и для того чтобы въ походѣ помогать орудіямъ въ движеніяхъ при спускахъ и подъемахъ дороги; а въ бою, размѣщаясь по звѣну на флангахъ баттареи и интервалахъ между орудіями, они могли бы направлять свой огонь исключительно на непріятеля, дѣйствующаго противъ баттареи,—и служить первымъ прикрытіемъ въ случаѣ прорыва на баттарею разсыпной атаки, пока подоспѣютъ сосѣднія войска. Чѣмъ большее число орудій будетъ на позиціи, тѣмъ польза такихъ артиллерійскихъ стрѣлковъ будетъ очевиднѣе.

Хотя теперь многіе спросятъ о пользѣ пикъ для передней шеренги кавалеріи, но мы остаемся твердо убѣждены въ необходимости этого оружія, и сообразно этому думаемъ, что кромѣ общаго кавалерійскаго оружія—сабли или палаша — для передней шеренги необходимы пики при сомкнутой атакѣ *) и пистолетъ для сигналовъ и разныхъ случаевъ, а для задней—скорострѣльныя винтовки, какъ для наѣздничества, такъ и для стрѣльбы въ случаѣ спѣшиванія. Безъ огнестрѣльнаго оружія нельзя обойтись и на аванпостахъ.

Войска набраны, одѣты и вооружены. Надо ихъ образовать, воспитать для трудовъ похода и войны, научить ихъ себя беречь, дать имъ ту закалку, которая необходима, чтобы армія не таяла по госпиталямъ и лазаретамъ и не влачилась бы въ отсталыхъ позади операціонной линіи. Образованіе солдата тѣмъ должно быть разностороннѣе, чѣмъ разностороннѣе требованія его обстановки. Главное затрудненіе не въ томъ, чтобы выучить солдата строевой части (доказательствомъ этому служитъ то, что даже 3-хъ-мѣсячнаго рекрута можно поставить въ строй со старыми—солдатами и онъ порядочно будетъ дѣлать свое дѣло), но въ томъ, чтобы развить его до пониманія и любви къ его высокому и славному призванію. Кромѣ любви къ престолу и отечеству, присущей всякому русскому человѣку, въ немъ нужно развить способность къ самоотверженію, неустрашимость, приверженность къ своему званію и чувство долга; надобно развить въ немъ самоувѣренность, находчивость какъ среди опасностей, такъ и среди всякаго рода нуждъ и лишеній; надобно выучить его умѣнью себѣ помочь во всякой бѣдѣ. Эта задача не кратковременная — во всякой арміи, а тѣмъ болѣе въ нашей, гдѣ часто бываетъ нужно выучить солдата то плотничать, то печи класть, то землянки рыть, то шить и кроить, то кожи мять и т. д., а не то въ нашихъ степяхъ и пустыняхъ цѣлыя арміи могутъ придти въ полное разстройство. Турецкія войны въ Новороссійскихъ краяхъ и за Дунаемъ не разъ доказывали эту истину.

Обученіе солдатъ разнымъ мастерствамъ необходимо для арміи, которая должна удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, будучи часто вынуждена заводить цѣлыя колоніи и полагать начало заселенію и образованію огромнаго края. Въ такихъ именно обстоятельствахъ находится кавказская армія, ташкентскій отрядъ, войска на Амурѣ и Уссури. Въ такихъ же обстоятельствахъ находилась армія Суворова на Альпахъ, гдѣ косами и шарфами связывала мосты (напр. знаменитый Чортовъ мостъ въ Швейцаріи), а изъ патронныхъ сумъ шили сапоги, шаровары употребляли вмѣсто земляныхъ мѣшковъ (въ Мутенталѣ). Съ нашей арміей въ этомъ отношеніи не могла до сихъ поръ равняться ни одна изъ европейскихъ. Обученіе мастерствамъ важно еще и тѣмъ, что отставному солдату даетъ средства пропитанія и безбѣдной трудовой жизни, и въ этомъ отношеніи замѣняетъ пенсіонъ, и слѣдственно является неизмѣримо важнѣе всякой грамотности. Въ арміи нашей, грамотности обучаются почти всѣ—и этимъ приносится неоспоримая польза всему народу; но отъ того же, между прочимъ, сама армія весьма нуждается въ писаряхъ и умѣющихъ толково писать унтеръ-офицерахъ: поголовно всѣхъ выучить понимать и своими словами передать прочитанное, а тѣмъ болѣе на письмѣ,—въ короткій срокъ службы вещь невозможная; а весьма нетрудно было бы завести нѣсколько военныхъ школъ, для приготовленія писарей и будущихъ унтеръ-офицеровъ. Въ школахъ этихъ слѣдуетъ обучать, кромѣ чистописанія, Закону Божію, ариѳметикѣ и фехтованію. Сказаннаго здѣсь достаточно для того чтобы видѣть, въ чемъ должно состоять образованіе солдата. Но спрашивается: можно ли достигнуть этого въ шесть мѣсяцевъ?

Нельзя не пожелать и распространенія у насъ обязательнаго обученія обоего пола дѣтей, отъ 8 до 12 лѣтъ, въ приходскихъ школахъ, чѣмъ весьма удобно могло бы заниматься духовенство.

Переходя къ довольствію и содержанію солдата и перенесясь мыслью лѣтъ съ небольшимъ за двѣнадцать назадъ, когда солдатъ даже въ походѣ, напр. на Кавказѣ, не зналъ другой пищи кромѣ кашицы изъ крупъ съ горько-соленымъ саломъ, и то на харчевую артельную сумму (составляемую вычетомъ по 30 к. изъ его ограниченнаго жалованья);—нельзя не быть глубоко благодарнымъ за улучшеніе его быта. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы дѣло продовольствія арміи было установлено на раціональномъ основаніи. Стоитъ лишь взглянуть на правила веденія ротнаго хозяйства, не говоря уже о многихъ проектахъ таковаго, доказывающихъ, что всѣ эти попытки стараются разрѣшить неопредѣленное уравненіе съ двумя неизвѣстными: эти правила опредѣляютъ норму

какъ теперь ранцы уже и длиннѣе, и длина ихъ доходитъ до пояса, то съ низу ранца приспособить 2 помочные ремешка, которые бы прицѣплялись къ поясу, и тѣмъ поддерживая ранецъ на спинѣ, облегчали бы его давленіе на грудь. Этимъ достигнется весьма значительная выгода, измѣняющая совершенно условія крестообразнымъ ремней; именно: когда устаетъ грудь, стоитъ ослабить ремни—и тяжесть ранца перейдетъ на поясъ; для облегченія же поясницы, подтянувъ ранцевые ремни, можно вовсе разстегнуть поясъ. Отъ этой перемѣнчивости груза всякій можетъ его легко распредѣлить совершенно уравнительно по всему своему стану, отпуская или туже затягивая поясъ; самая же пригонка будетъ проще и прочнѣе.

*) Въ сраженіи подъ Дрезденомъ въ 1813 году австрійцы, стоявшіе за Плауэнскимъ оврагомъ, не смотря на дождь, замочившій ружья и препятствовавшій стрѣлять, два раза успѣшно отбивались отъ атакъ французской кавалеріи. Но когда къ Мюрату подоспѣли 4 эскадрона польскихъ улановъ, вооруженныхъ пиками, австрійцы немедленно были смяты—и дивизія Мечко (изъ корпуса Гіюлая) положила оружіе.

отпуска хозяйственной суммы и, вычитая болѣе или менѣе опредѣленный ротный расходъ на разныя надобности, остальную сумму предназначаютъ по извѣстнымъ раскладкамъ собственно на пищу; между тѣмъ, все зависитъ отъ двухъ непостоянныхъ данныхъ—нормы категорическихъ денегъ и цѣнности продуктовъ, отъ чего по большей части оказывается, что денегъ мало, а пища неудовлетворительна. Проще было бы составить опредѣленные раціоны (наприм. праздничный и будничный скоромные и праздничный и будничный постные дни), а слѣдовательно и число этихъ раціоновъ было-бы легко вычитать отъ одного и до ста человѣкъ; затѣмъ, или отпускать деньги по стоимости продуктовъ, или принимая опредѣленный отпускъ таковыхъ не иначе какъ вспомогательнымъ, дополнять необходимую по продуктамъ сумму вычетомъ изъ зарабочихъ денегъ, сколько прійдется по разсчету. Вообще можно замѣтить, что лучше солдата обезпечить вполнѣ содержаніемъ,—относя къ этому не только пищу, но и баню и мыло для мытья (и себя и бѣлья) и все необходимое для чистки оружія и амуниціи (чего онъ самъ безъ приказу никогда не сдѣлаетъ),—нежели давать ему большое жалованье. Жалованье свое большая часть считаетъ обязанностію поздравить или пропить. Да и дѣйствительно оно не на столько значительно, чтобы его беречь съ видимою пользою; а съ другой стороны, солдатъ такъ немного имѣетъ удовольствій, и такъ мало развитъ, что весьма понятно, чѣмъ и какъ постарается онъ себя позабавить—и этого долго никакой грамотностію не передѣлаешь; примѣры: большинство писарей.

Зубръ и волки.

(*Окончаніе будетъ*).

Зубръ и волки.

Когда родъ человѣческій впервые проникъ въ среднюю Европу, люди нашли тамъ уже многое множество опасныхъ и враждебныхъ сосѣдей: пещернаго медвѣдя, пещерную гіену, кабана, мамонта, носорога, оленя-великана, и проч., и проч.; въ числѣ этихъ первобытныхъ животныхъ были зубры и волки. Ископаемые остатки зубра вмѣстѣ съ костями другаго быка громадной величины — bos primigenius — были найдены въ свайныхъ постройкахъ каменнаго періода, въ объѣдкахъ *) Даніи, а также въ различныхъ пластахъ Франціи (Амьенъ, Ориньякъ), гдѣ доселѣ найдены и человѣческіе останки. По изслѣдованіямъ Рютимейера, въ складѣ фризской домашней коровы обнаруживается происхожденіе ея отъ bos primigenius; по величинѣ она вовсе не уступаетъ своему великорусскому предку. Прирученіе же самого bos primigenius, — за которымъ, какъ упоминается въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, охотились въ Вормскихъ лѣсахъ, — кажется, впродолженіи каменнаго періода дѣлалось только въ видѣ попытокъ, оставленныхъ въ пользу прирученія другихъ видовъ. На сѣверѣ, напротивъ, это прирученіе продолжалось очевидно до новыхъ временъ, и сообщило дюжій складъ рогатому скоту на низменныхъ равнинахъ.

Зубръ (или европейскій бизонъ) былъ распространенъ гораздо менѣе, нежели bos primigenius; остатки его никогда не попадаются вмѣстѣ съ мамонтомъ и носорогомъ; только въ торфѣ встрѣчаются уже они вмѣстѣ съ ирландскимъ оленемъ-великаномъ. Зубръ никогда не былъ прирученъ, хотя еще въ историческія времена онъ былъ распространенъ въ средней Европѣ — при описаніи Зигфридовой охоты (Нибелунги) упоминается вмѣстѣ съ bos primigenius. *) Но какъ бы громко ни звучали названія этихъ колоссовъ животнаго царства — главнымъ врагомъ человѣка въ тѣ отдаленныя времена былъ волкъ, и въ значительной степени остался таковымъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ тѣ громадные звѣри давно уже изнемогли въ борьбѣ за существованіе, вымерли и залегли въ видѣ ископаемыхъ остатковъ по различнымъ пластамъ земли. Уцѣлѣлъ только зубръ — и Россіи по отношенію къ нему выпала та-же роль, что островамъ Ильдефрансу и Бурбону по отношенію къ исчезнувшей птицѣ дронту, и Новой Голландіи — къ исчезающему аптериксу: именно, въ Гродненской губерніи, въ знаменитой Бѣловѣжской пущѣ, живетъ послѣднее стадо зубровъ (головъ 800). Бѣловѣжская пуща отчислена въ казенное вѣдомство, на зиму зубрамъ заготовляется сѣно, пуща вся подѣлена на лѣсные участки, эти послѣдніе еще на обходы, т. е. меньшіе участки, раздѣленные просѣками, и постоянная стража изъ стрѣлковъ и осочниковъ (заготовляющихъ сѣно) оберегаетъ заповѣдную пущу, куда запрещено постороннимъ входить съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а за нарушеніе этого правила и за каждаго убитаго зубра положенъ тяжелый штрафъ.

Бѣловѣжскую пущу, гдѣ подъ сѣнію громадныхъ сосенъ и титаническаго обхвата дубовъ бродятъ косматые зубры, можно разсматривать какъ остатокъ тѣхъ Герцинскихъ горныхъ лѣсовъ (на девять дней пути поперекъ и на шестьдесятъ въ длину), въ которыхъ Готы выбирали себѣ короля, сажали его въ повозку, запряженную волами, и отправлялись расшатывать Римскую имперію. Отъ Бѣлостока до рѣки Наревки, пересѣкающей пущу какъ разъ по срединѣ, путь лежитъ въ обширныхъ равнинахъ, усѣянныхъ болотами, озерами и лѣсами. До какой степени истреблялись эти лѣса — на это указываетъ не только безчисленное множество срубленныхъ пней, вывороченныхъ корней и хворосту, но и развалины упраздненныхъ заводовъ стеклянныхъ и поташныхъ, смоляныхъ печей, угольныхъ копей и т. п. Но главное богатство и краса необозримой пущи, встарину простиравшейся отъ Березины до Чудскаго озера, сплавлялось въ видѣ мачтоваго и корабельнаго лѣса по каналамъ и притокамъ Нѣмана въ Балтійское море, а оттуда переправлялось въ Англію. Большая часть обветшалыхъ на службѣ или бурями разбитыхъ англійскихъ мачтъ и кораблей происходитъ изъ бѣловѣжской пущи. Цѣлые участки ея давались въ награду. Такъ, послѣднее польское правительство подарило графу Тышкевичу 25.000 десятинъ пущи, а императрица Екатерина II — графу Румянцову 20.000 десятинъ. Такимъ образомъ, пуща нынѣ покрываетъ пространство всего въ 1050 квадратныхъ верстъ. Въ самомъ лѣсу виденъ памятникъ, поставленный въ 1752 году Августомъ II, королемъ польскимъ, въ воспоминаніе блестящихъ охотъ его; на каменной пирамидѣ этого памятника записанъ не одинъ разсказъ о ловкости, съ которой король и супруга его поражали косматыхъ и круторогихъ обитателей пущи. При отступленіи наполеоновской арміи изъ Россіи, въ 1812 году, число зубровъ уменьшилось до 350 штукъ, — и многіе думаютъ, что они истреблены были частью французскихъ войскъ послѣ перехода черезъ Березину. Вѣроятно и польское возстаніе не обошлось безъ нѣкотораго вліянія на численность зубровъ.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ — вслѣдствіе какихъ причинъ зубры, водившіеся нѣкогда почти во всей Европѣ, нынѣ (за исключеніемъ Бѣловѣжской пущи) совсѣмъ исчезли съ лица земли: были ли они насильственно истреблены человѣкомъ, или составляютъ то, что въ наукѣ называется вымирающими типами, т. е. типами изжившими свое содержаніе, состарѣвшимися (ибо виды старѣются такъ же, какъ и отдѣльные особи), подобно тому, какъ въ семьѣ народовъ исчезаютъ предъ натискомъ цивилизаціи таитяне и другіе дикари, несмотря на то, что во многихъ случаяхъ европейцы не только не преслѣдуютъ ихъ (какъ американскихъ индійцевъ и тасманцевъ), а напротивъ всѣми мѣрами заботятся о поддержкѣ ихъ существованія (Таити).

Вопросъ этотъ предстоитъ рѣшить практически обществамъ акклиматизаціи — и если можно судить по нѣкоторымъ успѣшнымъ попыткамъ, то, кажется, въ сохраненіи зубровъ не можетъ быть сомнѣнія. Такъ, превосходная пара зубровъ, находящаяся въ Московскомъ зоологическомъ саду, дала приплодъ — и молодой зубренокъ пользуется наилучшимъ здоровьемъ. Немалымъ под-

---

*) Такъ называются груды раковинъ, отъ 3 — 5 и даже до 10 футовъ вышины, сложенныя на многихъ прибережьяхъ Даніи. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что въ доисторическія времена здѣсь жили люди, преимущественно питавшіеся моллюсками и мясомъ, и объѣдки складывали въ кучи, въ которыхъ попадаются грубая утварь изъ глины и кремня, зола и уголья.

*) Карлъ Фогтъ, *человѣкъ и мѣсто его въ природѣ.*

твержденіемъ этому мнѣнію служитъ и глубокая старость, которой достигаютъ нѣкоторые особи въ дикомъ состояніи, по крѣпямъ бѣловѣжской пущи.

Совершенную противуположность зубру, относительно устойчивости въ борьбѣ за существованіе, представляетъ волкъ. Не смотря на ожесточенную войну съ человѣкомъ, ведомую съ незапамятныхъ, доисторическихъ временъ, волки распространены по всему материку Европы, въ Пиренеяхъ, италіанскихъ Альпахъ, по низовьямъ Дуная, въ лѣсахъ и степяхъ Россіи, въ Финляндіи, Лапландіи и Норвегіи,—и только въ одной Великобританіи, благодаря островному положенію, удалось истребить ихъ до чиста. Откуда эта сила сопротивленія? Какъ возможно, чтобы такой, сравнительно небольшой звѣрь удерживалъ за собою первое мѣсто въ сохраненіи породъ? Отвѣтъ легокъ: при хитрости и смѣлости, волкъ пользуется еще тѣмъ преимуществомъ, что онъ—животное общественное. Въ лѣтнюю пору выводки молодыхъ онъ живетъ порознь, семьями; но едва наступаетъ зима — волки соединяются въ стаи (до 100 штукъ), и такимъ образомъ становятся сильнѣе всякаго врага въ отдѣльности — даже зубра. Прилагаемый рисунокъ наглядно представляетъ, какъ это огромное, сильное и свирѣпое травоядное должно наконецъ уступить соединеннымъ усиліямъ хищниковъ, не смотря на то что побѣда обходится имъ дорогою цѣною.

Всемірное торжество въ Африкѣ.

(*Продолженіе*).

Много уже было писано объ сектѣ змѣеѣдовъ,—здѣсь остается только мелькомъ упомянуть о нихъ. Это зрѣлище сколько занимательно, столько же и варварское, — и жадность, съ которою мы, европейцы, бросались смотрѣть его, только лишній разъ доказала, какіе мы, при всей своей хваленой цивилизаціи, охотники до безобразій. Извѣстно, что есть секты арабскихъ дервишей, которыя ѣдятъ стекло, живыхъ куръ, горящіе уголья, глотаютъ мечи и выдѣлываютъ всякаго рода штуки, которыхъ мы насмотрѣлись у нашихъ фокусниковъ. У арабовъ—отъ природы большая ловкость и талантъ къ фокусничеству, такъ что иногда 18-ти лѣтній мальчишка привелъ бы въ конфузъ самаго Боско. Совершенно подъ ту же рубрику подходитъ и ѣденіе змѣй. Арабовъ, умѣющихъ укрощать змѣй, несчетное множество; они въ Каирѣ шляются по всѣмъ улицамъ и предлагаютъ цѣлые мѣшки ручныхъ гадовъ—даже скорпіоновъ, или заставляютъ ихъ выдѣлывать штуки на мостовой посреди улицы. Опаснымъ породамъ змѣй выламываютъ ядовитые клыки, сперва продержавъ змѣю въ мѣшкѣ до тѣхъ поръ, пока вынутъ ее полумертвою отъ голоду; послѣ этого ее уже такъ же легко и безопасно приручать, какъ и прочихъ. Но дервиши Садіэ дѣлаютъ изъ этого—особаго рода культъ, сопровождаемый дикими, граничащими съ безуміемъ, обрядами. Въ шатрѣ, постановленномъ въ Измаиліи для увеселенія пріѣзжихъ охотниковъ до сильныхъ ощущеній, собрались дервиши, начали дикую пляску и заговариванія змѣи, обрѣченной на съѣденіе. Долго продолжалась церемонія, прежде чѣмъ дошло до катастрофы. Наконецъ, главный дервишъ схватилъ довольно большую змѣю, придавилъ ей спину большимъ пальцемъ, въ какомъ-то экстазѣ откусилъ ей голову, проглотилъ ее, откусилъ еще кусокъ, и еще, не смотря на ужасное извиваніе бѣднаго животнаго. Ярость дервиша возрастала (видно, въ самомъ дѣлѣ l'appetit vient en mangeant), такъ что товарищи должны были броситься на него и силою отнять у него хвостъ, чтобы онъ и того не съѣлъ. Экстатикъ не унимался—другіе дервиши окружили его, оттащили. Затѣмъ опять началась бѣшеная пляска; дервиши составили что-то въ родѣ кадриля, вертѣли головами, изгибались станомъ во всѣ стороны, испускали какіе-то дикіе звуки, сперва тихо, потомъ все громче и громче, пока у всѣхъ не закружилась голова и они не свалились въ одну кучу.

Сказочно-роскошное освѣщеніе два дня сряду обдавало лагерь потоками свѣта. Толпы любопытныхъ длинными волнами гудѣли и колыхались по улицамъ; только около середины лагеря за шатрами было потише. Тамъ стояли лошади, ослы, верблюды, привязанные за ноги; тамъ же сидѣли слуги и невольники, молча покуривая трубки или вполголоса напѣвая грустныя мелодіи подъ звуки тамтама. Мѣстами также сидѣли благородные Сиди-эфенди пустыни—за кофеемъ, пилавомъ или кускусу, разсказывая другъ другу длинныя исторіи, пока не перевалило за полночь, когда понемногу стало стихать, темнѣть, пустѣть.

На второй день императрица Евгенія явилась, со своими дамами, на верблюдѣ. Ей видимо все хочется перепробовать и подчиниться всѣмъ мѣстнымъ обычаямъ. За нею ѣхалъ большой экипажъ Лессепса, запряженный верблюдами, съ мужской половиной свиты. Вечеромъ наконецъ состоялся большой смотръ верблюжьей кавалеріи вице-короля. Ни у одного государя на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ такой великолѣпной кавалеріи. Для насъ главная прелесть ея конечно въ ея крайней оригинальности, и мы не можемъ не восхищаться ею, хотя это такая махина, съ которой ничего не подѣлаетъ самый опытный кавалерійскій генералъ. Впрочемъ и для не-спеціалиста ясны нѣкоторыя преимущества, представляемыя подобной конницей: такъ, напримѣръ, пѣхотѣ пришлось бы идти противъ нея въ аттаку не иначе какъ съ лѣстницей.

Вечеръ закончился блестящимъ баломъ въ новомъ дворцѣ вице-короля. На построеніе дворца этого употреблено всего пять мѣсяцевъ и потрачено не болѣе девятисотъ тысячъ франковъ—въ Африкѣ вѣдь эти вещи дешево стоятъ! Балъ былъ назначенъ въ 8 ч., но открылся не ранѣе одиннадцати, потому что часть мебели была получена только къ вечеру, такъ что еще пришлось ее распаковывать и устанавливать. Тутъ опять въ полномъ блескѣ выказалось неистощимое гостепріимство вице-короля. Безчисленные иностранцы, получившіе пригласительные билеты, были угощены истинно по-лукулловски. У меня теперь уже не было бы ни одного волоса на головѣ, если бы я долженъ былъ отдать по волосу на каждый франкъ, который потраченъ за эти шесть недѣль на угощеніе представителей почти что цѣлаго земнаго шара. Расходы оцѣнены въ тридцать милліоновъ, т. е. по смѣтѣ утвержденной Хедивомъ; но ему навѣрное придется еще прикинуть, потому что даже сегодня, когда уже окончились всѣ празднества и ожидается только возвращеніе

наслѣднаго принца прусскаго съ Нила, онъ поручилъ Нубаръ-пашѣ передать намъ, чтобы мы отнюдь не торопились отъѣздомъ, такъ какъ мы, сколько бы ни остались, всегда будемъ у него дорогими гостями. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ увѣряютъ, находится въ очень стѣснительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и въ настоящую минуту старается выпутаться новымъ займомъ 60 милл., т. е. собственно даже не займомъ, такъ какъ онъ по уговору со здѣшней фирмой Оппенгеймъ въ теченіи пяти лѣтъ не имѣетъ права заключать новаго займа—стало быть онъ принужденъ закладывать свои билеты казначейства (bon du trésor). Словомъ сказать, Хедивъ сидитъ безъ копѣйки денегъ, и г. Оппенгеймъ совсѣмъ забралъ его въ свои руки—а давно ли г. Оппенгеймъ самъ началъ обдѣлывать свои дѣла, которыя перевели милліоны изъ кармана вице-короля въ его карманы.

Балъ кончился въ третьемъ часу утра. Я долженъ признаться, что видѣлъ развѣ только тѣни иностранныхъ царственныхъ особъ—такъ полны народомъ были громадныя залы! Блестящій фейерверкъ, не смотря на лунную ночь, свѣтилъ гостямъ на пути домой.

На слѣдующее утро мы поѣхали въ Каиръ—но что за поѣздка! Все ринулось къ станціи желѣзной дороги; въ вагонахъ не хватало мѣста; во всѣ окна бросали ящики, шкатулки, мѣшки, сундуки, чемоданы, ни мало не заботясь о томъ: не раскроитъ ли угломъ черепъ кому-нибудь изъ пассажировъ. Я все-таки нашелъ себѣ мѣстечко и, окруженный багажемъ сверху, снизу и съ боковъ, благополучно доѣхалъ въ Каиръ, потому что не считать же пустяковъ въ родѣ того, что въ нашемъ вагонѣ два раза на дорогѣ загорѣлась ось. Въ жизнь свою не видалъ я подобной груды поклажи — но моей поклажи по прибытіи въ Каиръ не оказалось. Я совсѣмъ уже потерялъ надежду, и только утѣшалъ себя мыслью, что смѣлымъ Богъ владѣетъ, какъ вдругъ въ часъ ночи передъ моей дверью остановился оселъ съ моимъ багажемъ, — откуда, кѣмъ отысканнымъ и кѣмъ доставленнымъ — до сихъ поръ для меня тайна.

(*Окончаніе будетъ*).

Смѣсь.

Ливингстонъ. Наконецъ полученъ текстъ письма Ливингстона къ д-ру Кирку въ Занзибаръ, отъ 30 мая 1869, содержаніе котораго было уже сообщено по телеграфу. Въ письмѣ этомъ говорится о затрудненіяхъ, которыми окруженъ путешественникъ вслѣдствіе непріязненности торгующихъ невольниками жителей *Уйиджи* (или *Юджиджи*, въ текстѣ *Ujiji*); кончается же оно слѣдующими словами. «Что касается задачи, которую мнѣ еще остается разрѣшить, она заключается теперь уже только въ томъ, чтобы соединить источники, открытые мною (въ 500 — 700 миляхъ на югъ отъ источниковъ открытыхъ Спикомъ и Бэкеромъ), съ источниками Нила. Масса воды, текущая на сѣверъ отъ 10° южной широты, такъ велика, что, по моему мнѣнію, я имѣлъ дѣло съ источниками не только Нила, но и Канго. Мнѣ теперь надо идти по восточному руслу до поворота Бэкера. Танганіика и Ніидже-Чоуэмби (Озеро-Бэкера?)—составляютъ одну и ту же рѣку; источникъ ея (head)—на 30 миль южнѣе. Западное и восточное русла соединяются въ одно еще никѣмъ не посѣщенное озеро, на западъ или югозападъ отсюда. Истокъ этого озера — въ Канго ли или въ Нилъ оно переходитъ — мнѣ еще остается изслѣдовать. Тамошніе люди, называемые *Маніема*, — людоѣды, если вѣрить арабамъ. Можетъ быть, мнѣ прежде всего туда придется отправляться, и если меня не съѣдятъ, идти внизъ по теченію Танганіика, чтобы отыскать моихъ новыхъ людей изъ Занзибара. Надѣюсь, что вы сдѣлаете все что́ сможете, чтобы снабдить меня людьми и товарами».

Президентъ Грантъ въ школѣ методистовъ. Англійскій пасторъ Гэрри Джонсъ разсказываетъ въ газетѣ «Guardian» объ одномъ школьномъ торжествѣ, на которомъ президентъ Грантъ терпѣлъ истинное мученичество. Праздновался юбилей воскресной школы при методисто-епископальной церкви—и комитетъ упросилъ президента, послѣдователя этого исповѣданія, осчастливить праздникъ своимъ присутствіемъ. На эстрадѣ въ залѣ, устроенномъ на манеръ театра, сидѣло около 1100 учениць воскресной школы въ бѣлыхъ платьяхъ — многія изъ нихъ совсѣмъ взрослыя дѣвушки болтали между собою и поигрывали вѣеромъ. Президентъ съ женою и нѣсколькими пріятелями, привѣтствуемый безконечными рукоплесканіями, помѣстился въ ложѣ, гдѣ онъ скромно и спокойно надѣялся просидѣть до конца представленія, въ программу котораго входило исполненіе нѣсколькихъ музыкальныхъ пьесъ,—но судьба, школьный комитетъ и страсть американцевъ къ оваціямъ рѣшили иначе. Главное мѣсто во второй части программы занималъ знаменитый хоръ Генделя: «See, the conquering hero comes» «Се, грядетъ побѣдоносный витязь». Для большаго эффекта рѣшено было угостить публику настоящимъ живымъ «витяземъ». Нѣсколько членовъ комитета явились въ ложу президента, схватили его за руки и, какъ онъ ни упирался, вывели изъ ложи на сцену, а тамъ поставили за кулисы, гдѣ онъ долженъ былъ простоять до стиха: «See, the godlike youth advancing». «Се, грядетъ богоподобный юноша». При этихъ словахъ ему пришлось направиться къ креслу, поставленному на авансценѣ, и тозсѣсть на него, лицомъ къ зрителямъ, съ огромнымъ букетомъ въ правой рукѣ, очевидно въ весьма незавидномъ расположеніи духа. По окончаніи хора его просили сказать рѣчь. Грантъ очень уменъ—и, какъ извѣстно, по возможности избѣгаетъ публично говорить. Но требованія были такъ громки и настойчивы, что онъ не могъ отказаться. Онъ началъ говорить такъ тихо, что раздались крики: «громче»! Онъ подалъ видъ, что не понялъ и принялъ эти крики за позволеніе перестать, а потому преспокойно сѣлъ опять. Но этимъ еще не окончилось его испытаніе: ему не дали сидѣть, а заставили ходить по сценѣ, чтобы всѣ ученицы могли его видѣть Для молодыхъ дѣвушекъ это оказалось слишкомъ сильнымъ искушеніемъ, онѣ вскочили со стульевъ и бросились цѣловать «богоподобнаго юношу» (которому, между прочимъ, подъ 50 лѣтъ) кто куда попало, въ глаза, въ уши, въ носъ, въ бороду; онѣ только что не пожирали его—и такъ какъ онъ очень не большаго роста, долгое время отъ него ничего не видать было, кромѣ темноволосой макушки головы въ облакахъ бѣлой кисеи. Это вышло до того комично, что вся публика расхохоталась. Бѣдный президентъ долго не могъ освободиться изъ объятій своихъ мучительницъ, и когда онъ наконецъ одержалъ побѣду въ этой неравной борьбѣ, то, не медля ни минуты, уѣхалъ домой. Едва ли опять поймаютъ его на подобное праздниство!

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 6 Февраля 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. Типогр. А. Траншеля, на углу Невск. и Владим. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . . . — » 60 к.
За упаковку . . . . . — » 40 »
Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Вэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Маленькая графиня.

Повѣсть Октава Фелье.

(Продолженіе).

VI.

1 октября.

Поль, здѣсь происходитъ нѣчто-такое, что мнѣ не нравится. Я желалъ-бы узнать твое мнѣніе: отвѣчай мнѣ скорѣе на это письмо.

Въ четвергъ утромъ, окончивъ мое письмо, я сошелъ внизъ чтобы отдать его почтальону, который приходитъ рано; потомъ, такъ какъ оставалось всего нѣсколько минутъ до завтрака, я отправился прямо въ гостиную. Тамъ никого не было. Я взялъ съ камина номеръ Revue и началъ его перелистывать, какъ вдругъ дверь отворилась съ шумомъ; я услыхалъ шорохъ шелковаго платья, повернулся и увидѣлъ маленькую графиню—эту ночь она провела въ замкѣ.

Если ты вспомнишь непріятный разговоръ, который происходилъ наканунѣ между мной и госпожею де-Малуэ, то повѣришь мнѣ безъ труда, что я вовсе не желалъ встрѣтиться съ г-жею де-Пальмъ и бесѣдовать съ нею tête-à-tête. Я всталъ и поклонился, она слегка кивнула головой, но и этого было много послѣ вчерашняго происшествія. Первые шаги она сдѣлала какъ-то нерѣшительно—точно куропатка подстрѣленная въ крыло. «Куда пойдетъ она?» мелькнуло у меня въ головѣ: «направо, налѣво, къ роялю или къ окну?» Ясно было, что она и сама этого не знала; но нерѣшимость не составляетъ недостатка подобныхъ характеровъ: она твердымъ шагомъ прошла чрезъ огромную гостинную и остановилась у камина, напротивъ меня.

Стоя у своего кресла съ номеромъ Revue въ рукахъ, я молча ожидалъ, что будетъ; я былъ серіозенъ—и думаю, что на лицѣ моемъ отразилось чувство тайнаго опасенія, которое ощущалъ я въ эти минуты. И дѣйствительно, я имѣлъ поводъ думать, что между нами произойдетъ непріятное объясненіе. Въ такихъ случаяхъ шансы не равны: мужчина лишенъ нѣкоторой свободы защиты, онъ не можетъ переступить извѣстныхъ границъ; женщина, напротивъ, имѣетъ огромныя преимущества въ подобныхъ случаяхъ,—разумѣется, если она имѣетъ дѣло съ приличнымъ и образованнымъ мужчиной. Въ эти спеціально-критическія минуты, когда я дѣйствительно чувствовалъ себя виновнымъ, когда припоминалъ ту оскорбительную форму, въ которую облекъ мою мысль—я рѣшилъ не защищаться и отдать себя на жертву мести этой молодой женщинѣ. Должно быть, видъ мой былъ очень жалокъ.

Госпожа де-Пальмъ остановилась въ двухъ шагахъ отъ меня, положила правую руку на каминъ, и протянула къ огню лѣвую ногу, обутую въ узорную туфлю. Устроившись такимъ образомъ, г-жа де-Пальмъ посмотрѣла на меня наслаждаясь, какъ видно, моимъ смущеніемъ. Тогда я сѣлъ и снова принялся читать, спросивъ у нея изъ лю-

безности:—не желаете-ли прочесть этотъ номеръ Revue, сударыня?

— Благодарю васъ, милостивый государь, я не умѣю читать. Таковъ былъ отвѣтъ, данный мнѣ сухимъ, отрывистымъ голосомъ. Я сдѣлалъ головой весьма любезный жестъ, которымъ выразилъ сожалѣніе объ открытой мнѣ немощи, — затѣмъ усѣлся. Я даже успокоился: противникъ выстрѣлилъ въ меня—честь была удовлетворена.

Тѣмъ не менѣе, спустя нѣсколько минутъ молчанія, я снова почувствовалъ всю неловкость моего положенія; тщетно старался я углубиться въ чтеніе: маленькія туфли постоянно мерещились въ глазахъ. Самая непріятная сцена была-бы для меня пріятнѣе: непріязненное молчаніе госпожи де-Пальмъ, однообразный стукъ ея золотыхъ колецъ о мраморную доску, нервное расширеніе ноздрей и подергиваніе ногой—все это вмѣстѣ сильно волновало меня. Я вздохнулъ свободнѣе, когда отворилась дверь и въ комнату явилось новое лицо, которое я могъ почитать за союзника. Это была одна дама, другъ дѣтства лэди А......., нѣкто госпожа Дюрметръ. Она вдова, необыкновенно хороша собой, и степеннѣе своихъ сверстницъ. По этимъ двумъ причинамъ, г-жа де-Пальмъ ее ненавидитъ и называетъ *вдовою Малабарскою*, намекая этимъ на темный цвѣтъ платьевъ, которыя постоянно носитъ г-жа Дюрметръ, на томный характеръ ея красоты, и нѣсколько вялый элегическій разговоръ. Госпожа Дюрметръ далеко не умна, но понятлива; не безъ образованія, но слишкомъ мечтательна. Она воображаетъ, что очень краснорѣчива. Видя, что я не обладаю никакими свѣтскими качествами, она вбила себѣ въ голову, что я владѣю даромъ слова, и пожелала въ этомъ удостовѣриться. Слѣдствіемъ этого было то, что мы начали весьма дружелюбно бесѣдовать, и я дѣйствительно съ религіознымъ вниманіемъ выслушиваю крошечный меланхолическій паѳосъ ея рѣчей, къ которому она такъ привыкла. Я дѣлаю видъ, что раздѣляю его; а она мнѣ благодарна за это. Все дѣло въ томъ, что мнѣ пріятно слушать музыкальный звукъ ея голоса, видѣть прекрасныя черты ея лица и любоваться большими черными глазами, которые покрыты рѣсницами какъ-бы таинственною полутѣнью. Какъ-бы то ни было, не безпокойся, пора любить и быть любимымъ — прошла для меня: кромѣ того, любовь—такого рода болѣзнь, которую можно всегда уничтожить вначалѣ. Когда дверь отворилась, госпожа де-Пальмъ повернула голову: увидя г-жу Дюрметръ, глаза ея свирѣпо засверкали, — случай посылалъ ей добычу. Она подождала, пока прекрасная вдова сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ, своей граціозно-лѣнивой походкой,—и потомъ, громко разсмѣявшись, сказала патетическимъ тономъ: «браво!... шествіе на казнь! жертва влекомая къ подножью алтаря! Ифигенія.... или скорѣй Герміона.... Постойте, откуда это?» продолжала она: «я олицетвореніе невѣжества! Ахъ, да! другъ вашъ, господинъ Ламартинъ, написалъ это! Онъ вѣрно думалъ о васъ, моя милая!

— А! вы занимаетесь стихами? сказала г-жа Дюрметръ, не найдя другаго возраженія.

— А почему-бы и нѣтъ? Развѣ вамъ принадлежитъ монополія? «Pleurante après son char........» Я слышала въ этомъ монологѣ Рашель........ Да! вѣдь это не Ламартина, а Буало........ Скажу вамъ откровенно, милая Натали, я желала-бы взять у васъ нѣсколько уроковъ, чтобы научиться вести серіозные и возвышенные разговоры.... Это такъ пріятно! и для начала, позвольте спросить, кого предпочитаете вы, Ламартина или Буало?

— Но, Батильда, здѣсь не можетъ быть сравненія, отвѣчала г-жа Дюрметръ совершенно вѣрно, хотя крайне не остроумно.

— А! возразила г-жа де-Пальмъ, и указавъ на меня пальцемъ, добавила: — вы можетъ-быть его ставите выше всѣхъ—онъ также пишетъ стихи?

— Я не пишу стиховъ, сударыня; вы ошибаетесь, отвѣчалъ я.

— А!... я думала.... извините!

Госпожа Дюрметръ, сознающая свою красоту и стоическую безмятежность своего духа, отвѣтила насмѣшливой улыбкой. Она сѣла на кресло, которое я уступилъ ей.

— Какое скучное время! сказала она мнѣ:—это осеннее небо давитъ душу! Я сейчасъ взглянула въ окно: деревья похожи на кипарисы, вся природа—на кладбище. Подумаешь что....

— Ахъ! нѣтъ!... прошу васъ, Натали, перебила ее г-жа де-Пальмъ,—не идите дальше: натощакъ и этого довольно. Вамъ сдѣлается дурно.

— Но, любезная Батильда, я право начинаю думать, что вы скверно спали сегодняшнюю ночь, сказала прекрасная вдова.

— Я, милая моя! полноте, что вы! Я видѣла чудные сны.... Мной овладѣлъ экстазъ.... экстазъ, вамъ знакомо это чувство?... Моя душа бесѣдовала съ другими душами.... подобными вашей.... Ангелы улыбались мнѣ въ тѣни кипарисовъ.... и все тому подобныя туфли....

Госпожа Дюрметръ слегка покраснѣла, пожала плечами и взяла номеръ Revue, который я положилъ на каминъ.

— Кстати, Натали, сказала г-жа де-Пальмъ,—не знаете-ли, кто изъ мужчинъ пріѣдетъ сегодня къ обѣду?

Добрѣйшая Натали назвала господина де-Брейльи, еще двухъ-трехъ женатыхъ мужчинъ и приходскаго священника.

— Вы знаете, возразила госпожа де-Пальмъ съ невозмутимымъ апломбомъ,—что я люблю только общество мужчинъ; я различаю три класса лицъ, которые не принадлежатъ, по моему, ни къ какому полу: это женатые люди, священники и ученые. Окончивъ эту сентенцію, г-жа де-Пальмъ снова посмотрѣла на меня; не трудно было догадаться, что она причисляетъ меня къ третьей категоріи существъ средняго рода, хотя я не имѣю на это ни какого права,—но вѣдь такъ мало нужно, чтобы прослыть ученымъ во мнѣніи такихъ дамъ!

Почти въ ту же минуту раздался звонъ колокола на дворѣ замка, и госпожа де-Пальмъ сказала:

— А! вотъ и завтракъ!.. слава Богу, я чертовски голодна — пусть не негодуютъ на меня за это возвышенные умы и томящіяся души. Затѣмъ, она быстро проскользнула по паркету до противуположнаго конца гостинной, и бросилась на шею маркизу де-Малуэ, который входилъ въ сопровожденіи гостей. Я предложилъ мою руку госпожѣ Дюрметръ, стараясь изгладить, моей любезностью, непріятное впечатлѣніе произшедшей сцены, которую та навлекла на себя за нѣсколько симпатичное отношеніе ко мнѣ. Какъ ты могъ замѣтить изъ моего разсказа, маленькая графиня выказала впродолженіи этой сцены свое обычное и безтактное многословіе, тѣмъ не менѣе я нашелъ ее умнѣе нежели предполагалъ; несмотря на то, что она при этомъ употребила свои умственныя усилія противъ меня, я все-таки благодаренъ ей, — такъ искренно ненавижу я глупыхъ людей, думая, что они болѣе вредны чѣмъ злые. Кромѣ того, мщеніе, которому я подвергся, не было слишкомъ ужасно: три четверти ударовъ сыпались

на невинную голову; порывъ, вызвавшій нападеніе со стороны г-жи де-Пальмъ, происходилъ не отъ дурнаго сердца; это скорѣй была шалость нежели злая выходка, — весьма часто ненависть женщинъ бываетъ сильнѣе изъ за гораздо меньшихъ причинъ.

Вообще, я не разъ внутренно улыбался во время этой перестрѣлки, которая послужила даже смягчающимъ обстоятельствомъ для непріятеля въ моихъ глазахъ. Къ прежнему чувству презрѣнія примѣшивалось какое-то состраданіе къ этому дурно-воспитанному ребенку и мало развитой женщинѣ. Женщины весьма ловко схватываютъ эти оттѣнки, и это обстоятельство дѣйствительно не ускользнуло отъ г-жи де-Пальмъ. Она смутно поняла, что я нѣсколько измѣнилъ о ней свое мнѣніе; она даже преувеличила эту перемѣну, и рѣшилась злоупотреблять ею.

Впродолженіи двухъ дней она преслѣдовала меня своими взглядами, которые я переносилъ добродушно, и отвѣчалъ ей предупредительностью и вниманіемъ: у меня все еще вертѣлся въ головѣ злополучный разговоръ съ госпожею де-Малуэ; я полагаю, что недостаточно искупилъ рѣзкость своихъ выраженій—тѣмъ слабымъ нападеніемъ, которому я подвергся вмѣстѣ съ прекрасною вдовою Малабарскою.

И такъ, госпожа де-Пальмъ начала обращаться со мной какъ съ побѣжденнымъ, и обнаружила желаніе присоединить новаго Улисса къ остальнымъ спутникамъ. Третьяго дня она испытывала на мнѣ силу своего вліянія, и я поспѣшилъ оказать ей двѣ-три маленькія услуги, съ приличною вѣжливостью, но съ явнымъ равнодушіемъ къ ея особѣ. Между молодыми людьми, посѣщающими замокъ, происходитъ даже соревнованіе по поводу ухаживанія за маленькой графиней. Это любовно-рабское поведеніе имѣетъ нѣкоторую прелесть, если оно произвольно,—но не во всякія лѣта, и не при всякомъ характерѣ, женщина можетъ требовать поклоненія своимъ прелестямъ.

Серіозные люди не должны угрюмо уклоняться отъ требованій свѣтскаго общежитія и элегантной любезности, но должны держаться строго необходимаго: только одна молодость и свѣтскій лоскъ уничтожаютъ смѣшную сторону ухаживанья.

Не смотря на то, что я отвѣчалъ полною холодностью на опыты госпожи де-Пальмъ, она, кажется, повѣрила въ свой успѣхъ, и думала, что ей осталось только приковать меня къ своей колесницѣ; это былъ жалкій успѣхъ, но она вѣдь сомнѣвалась и въ немъ. Вечеромъ, когда я окончилъ играть въ вистъ, г-жа де-Пальмъ подошла ко мнѣ, и пригласила на котильонъ. Я отказывался, смѣясь; она настаивала, увѣряя меня, что я напрасно сомнѣваюсь въ своей ловкости, потому что доказалъ совершенно противное во время бѣгства въ лѣсу. Затѣмъ, какъ-бы желая прекратить всякіе разговоры по этому поводу, она взяла меня за руку, сказавъ при этомъ, что она не привыкла, чтобъ ей отказывали.

— И я не привыкъ быть посмѣшищемъ, сударыня.

— Какъ! даже и для того чтобъ мнѣ понравиться?

— Даже и такъ, сударыня; даже еслибъ я зналъ, что это единственное средство понравиться вамъ. Я поклонился ей улыбаясь, оканчивая эту фразу, и она не настаивала больше. Она отдернула свою руку и подошла къ группѣ танцующихъ, слѣдовавшихъ за нами съ видимымъ интересомъ. Ее встрѣтили улыбкою и шопотомъ; она отвѣтила имъ что-то вскользь, и я разслышалъ только слово *возмездіе*. Не обративъ на это вниманія, я удалился витать въ заоблачномъ мірѣ съ госпожею Дюрметръ.

На слѣдующій день была назначена большая охота въ лѣсу. Я устроилъ дѣло такъ чтобы въ ней не участвовать, желая серіозно присѣсть за работу.

Въ полдень охотники собрались на дворѣ замка, и воздухъ оглашался въ теченіи получаса звуками трубъ, лаемъ собакъ и конскимъ топотомъ. Потомъ, вся эта толпа людей и животныхъ понеслась по аллеѣ, все стихло мало-по-малу—и я остался одинъ. Пріятно почувствовать себя хозяиномъ своего времени и своихъ мыслей, среди полной тишины, которая столь рѣдко достижима подъ нашимъ меридіаномъ. Я наслаждался уже нѣсколько минутъ своимъ одиночествомъ, какъ вдругъ услыхалъ въ аллеѣ топотъ лошади, скакавшей въ галопъ. «Запоздавшій охотникъ!» подумалъ я, и взявъ перо, началъ дѣлать выписки изъ огромнаго in-folio, Neustria pia, изъ главы о генеральныхъ капитулахъ отцовъ бенедиктинцевъ; моя работа была прервана вновь—и еще болѣе непріятнымъ образомъ: кто-то постучался въ дверь библіотеки. Я повернулся, и сказалъ: «войдите!» тѣмъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ: «выйдите вонъ!» Дверь отворилась. Нѣсколько минутъ тому назадъ я видѣлъ г-жу де-Пальмъ впереди кавалькады, но былъ крайне удивленъ теперь, увидѣвъ ее въ двухъ шагахъ отъ себя. Она была безъ шляпы, волосы какъ-то странно зачесаны назадъ, въ одной рукѣ она держала хлыстикъ, въ другой—длинный шлейфъ амазонки. Оживленіе отъ быстрой ѣзды увеличивало смѣлое выраженіе ея физіогноміи; самоувѣренности было менѣе въ голосѣ, когда она сказала мнѣ войдя: «А! извините!... госпожи де-Малуэ нѣтъ здѣсь?» Я всталъ.— «Ея нѣтъ здѣсь, сударыня».

— Извините! вы не знаете, гдѣ она?

— Не знаю, сударыня, но я освѣдомлюсь, если вамъ угодно.

— Благодарю васъ, благодарю.... я пойду къ ней... со мной произошелъ маленькій случай....

— Въ самомъ дѣлѣ?

— О! это пустяки.... вѣткой дерева оторвало перья съ моей шляпы....

— Ваши голубые перья?..

— Да, мои голубыя перья — и вотъ я вернулась въ замокъ чтобы пришить ихъ.... Вамъ здѣсь удобно заниматься?

— Совершенно, лучшаго желать нельзя.

— И вы очень заняты въ эту минуту?

— Да, сударыня, очень занятъ.

— А!... тѣмъ хуже!

— Почему такъ?

— Потому что... я желала бы... мнѣ пришла въ голову мысль попросить васъ—покататься со мною въ лѣсу... Эти господа будутъ уже возвращаться, когда мы выѣдемъ отсюда.... я не могу ѣхать одна.... такъ далеко....

Неловкость этихъ извиненій и видимое смущеніе маленькой графини усилили во мнѣ чувство недовѣрія къ причинамъ ея внезапнаго появленія.

— Сударыня, отвѣчалъ я,—вы приводите меня въ отчаяніе: я буду сожалѣть цѣлую жизнь, что упустилъ случай быть любезнымъ; но мнѣ необходимо окончить мою работу поскорѣй, и отослать ее завтра министру, который ожидаетъ ее съ нетерпѣніемъ.

— Вы боитесь потерять мѣсто?

— Я не служу, сударыня; и такъ...

— Ну что-жъ, министръ можетъ подождать — это польститъ мнѣ.

— Это невозможно.

— Но... сказала она сухо:—это, право, очень странно!... Какъ! вы вовсе не желаете быть любезнымъ со мною?

— Сударыня, отвѣтилъ я сухо въ свою очередь,—быть любезнымъ—да, но я нисколько не желаю доставить вамъ случай выиграть пари.

Я сдѣлалъ этотъ намекъ немного на удачу; припоминая кое-какія подробности моего разсказа, ты конечно поймешь меня. Во всякомъ случаѣ, я попалъ вѣрно. Г-жа де-Пальмъ покраснѣла, сказала невнятно два-три слова, и вышла изъ комнаты совершенно сконфуженная.

Это поспѣшное бѣгство также смутило меня.

Я не могу допустить, чтобы уваженіе къ слабому полу доходило до повиновенія всѣмъ капризамъ, въ ущербъ нашему достоинству и спокойствію,—но признаю, вмѣстѣ съ тѣмъ, что право обороны съ нашей стороны въ подобныхъ случаяхъ заключено въ болѣе узкія границы: я думалъ, что переступилъ ихъ. Мнѣ достаточно знать, что г-жа де-Пальмъ изолирована въ свѣтѣ и безъ всякой протекціи, кромѣ той что она женщина,—и я никогда не простилъ бы себѣ излишняго раздраженія на ея выходки. Въ то время какъ я старался увѣрить себя, что мы одинаково виновны другъ передъ другомъ, кто-то снова постучался въ дверь. Это была госпожа де-Малуэ. Она была взволнована.

— А! сказала она: — что у васъ тутъ произошло?

Я пересказалъ ей слово въ слово нашъ разговоръ, и выражая глубокое сожалѣніе о томъ что случилось, я прибавилъ, что поведеніе г-жи де-Пальмъ мнѣ кажется очень страннымъ,—что въ теченіи 24-хъ часовъ я былъ два раза для нея предметомъ пари, и что я просилъ бы ее не обращать вниманія на человѣка, который вовсе не занятъ ея особой.

— Боже мой! отвѣчала мнѣ маркиза:—но я не упрекаю васъ, впродолженіи нѣсколькихъ дней я слѣдила за вашимъ поведеніемъ, — однако, все это крайне непріятно. Этотъ ребенокъ, рыдая, бросился мнѣ на шею. Она думаетъ, что вы поступили съ ней какъ съ послѣднею тварью....

— Сударыня, вскричалъ я,—вы знаете нашъ разговоръ, судите сами!

— Не слова оскорбили ее, а манера, тонъ... М-сье Жоржъ, позвольте мнѣ объясниться съ вами откровенно — не боитесь-ли вы влюбиться въ г-жу де-Пальмъ?

— Вовсе нѣтъ, сударыня.

— Вы желали бы, чтобъ она влюбилась въ васъ?

— Еще того менѣе, увѣряю васъ.

— Въ такомъ случаѣ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе: отложите пока ваше самолюбіе въ сторону, и поѣзжайте съ госпожею де-Пальмъ на охоту.

— Сударыня!

— Совѣтъ вамъ кажется страннымъ, но повѣрьте мнѣ, что я предложила его подумавши. Вы удаляетесь, а это именно и притягиваетъ къ вамъ избалованнаго ребенка, съ которымъ вы имѣете дѣло. Она раздражается сопротивленіемъ, потому что не привыкла къ нему. Покажите, что смиренно уступаете ей. Сдѣлайте это для меня.

— Серіозно, сударыня, вы думаете что...

— Я думаю, отвѣчала смѣясь г-жа де-Малуэ,—что если она увидитъ васъ въ толпѣ своихъ поклонниковъ, то вы утратите въ ея глазахъ ваше главное достоинство.

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, вы представляете мнѣ все дѣло въ новомъ свѣтѣ. Я не думалъ, что-бы выходки г-жи де-Пальмъ были вызваны столь лестнымъ для меня чувствомъ.

— И вы совершенно правы, возразила она:—до сихъ поръ, слава Богу, нѣтъ ничего подобнаго; но это могло бы случиться. Я увѣрена, впрочемъ, что вы слишкомъ порядочный человѣкъ чтобы желать къ себѣ такого чувства, которое вы раздѣлять не можете.

— Буду слѣдовать вашимъ указаніямъ, сударыня, и сейчасъ же беру мою шляпу и перчатки. Остается узнать, какъ приметъ г. де-Пальмъ мою любезную готовность.

— Очень хорошо, будьте увѣрены, если покажете ей нѣкоторую искренность.

— Постараюсь сдѣлать все, что могу.

Затѣмъ я поцѣловалъ руку г-жи де-Малуэ, съ большимъ уваженіемъ, но безъ особенной благодарности.

Когда я вошелъ въ гостинную, г-жа де-Пальмъ сидѣла на креслѣ и прикалывала перья къ своей шляпкѣ. Она взглянула на меня и тотчасъ же опустила глаза, которые были заплаканы.

— Сударыня, сказалъ я,—мнѣ такъ досадно, что я огорчилъ васъ... прошу извиненія за мою непростительную нелюбезность. Я къ вашимъ услугамъ; если вамъ непріятно будетъ мое общество, что я впрочемъ заслужилъ, то почту себя болѣе несчастнымъ нежели виновнымъ. Г-жа де-Пальмъ меньше обратила вниманія на мой дипломатическій паѳосъ, чѣмъ на взволнованный голосъ, которымъ я произнесъ эту тираду. Она протянула мнѣ руку, пожала ее, и воспользовалась этой точкой опоры чтобы вскочить съ кресла. Нѣсколько минутъ спустя, мы уже выѣзжали изъ воротъ замка. Мы проѣхали всю аллею, не сказавъ ни слова. Я чувствовалъ, насколько это молчаніе, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, было неловко и смѣшно; но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, я не зналъ о чемъ говорить и съ чего начать. Я пріискивалъ приличную тему для разговора, и чѣмъ болѣе я старался, тѣмъ болѣе это мнѣ не удавалось. Кромѣ того, я былъ взволнованъ совершенно новыми и тягостными размышленіями, на которыя меня навела госпожа де-Малуэ. Я спрашивалъ себя, въ какой степени она была права въ своихъ заключеніяхъ, и до какой степени совѣты ея благоразумны и основательны. Я вспоминалъ о высокомѣрной живости характера молодой женщины, ѣхавшей подлѣ меня; я зналъ, что она своенравна и даже капризна,—и теперь видѣлъ ее какъ бы изнемогшую, покорную. Все это смущало и трогало меня. Бездна, раздѣлявшая меня отъ этой женщины, конечно существовала; но, если можно такъ выразиться, я ощущалъ пространство и не чувствовалъ удаленія.

Госпожа де-Пальмъ, не угадывавшая моихъ мыслей, вѣроятно не пришла бы въ восторгъ отъ различныхъ тонкихъ оттѣнковъ, которые, однако, говорили въ ея пользу,—и, нетерпѣливо, прервала молчаніе.

— Не поѣхать ли намъ шибче? сказала она.

— Поѣдемъ, отвѣчалъ я, и мы поскакали галопомъ, что весьма облегчило меня.

Между тѣмъ, волей-не-волей намъ пришлось замедлить ѣзду на вершинѣ извилистой дороги, ведущей въ долину Развалинъ. Заботливость объ управленіи лошадью на такой опасной дорогѣ — могла объяснить, впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, мое упорное молчаніе; но когда мы въѣхали въ долину, то я увидѣлъ себя въ необходимости начать разговоръ во что-бы то ни стало. Вѣроятно я сказалъ бы что нибудь очень банальное, но госпожа де-Пальмъ предупредила меня.

— Говорятъ, милостивый государь, что вы очень умны?

— Сударыня, отвѣчалъ я смѣясь,—вы можете судить объ этомъ сами.

— Съ большимъ затрудненіемъ—по крайней мѣрѣ до сихъ поръ—даже еслибъ я была способна обсудить этотъ вопросъ, въ чемъ вы конечно сомнѣваетесь... О! не отпирайтесь! Это совершенно безполезно послѣ того разговора, который я случайно подслушала...

— Сударыня, я такъ грубо ошибся въ вашихъ достоинствахъ, что вы легко можете объяснить мое смущеніе въ вашемъ обществѣ.

— Въ чемъ именно вы ошиблись?

—Во всемъ, я думаю.

— Но вы не увѣрены въ этомъ... Согласитесь, по крайней мѣрѣ, что я не злая женщина...

— О! соглашаюсь, отъ чистаго сердца, сударыня!

— Вы правду сказали... я вѣрю вамъ... Вы тоже не злой человѣкъ, я думаю; а между тѣмъ вы были ко мнѣ жестоки.

—Это правда.

— Что вы за человѣкъ, скажите? продолжала маленькая графиня порывистымъ голосомъ. —Я здѣсь ровно ничего не понимаю. По какому праву и въ силу чего вы меня презираете? Положимъ, что я виновна во всемъ, въ чемъ меня упрекаютъ: что же вамъ до этого? Развѣ вы святой, сами? или реформаторъ? Развѣ у васъ никогда не было любовницъ? Развѣ вы болѣе нравственны, чѣмъ всѣ остальные люди вашихъ лѣтъ и вашего общественнаго положенія? Какое вы имѣете право презирать меня? Объясните мнѣ это.

— Сударыня, еслибы обвиненія ваши были справедливы и мнѣ пришлось бы отвѣчать вамъ, то я напомнилъ бы вамъ только ту неоспоримую истину, что люди никогда не судятъ сообразно съ своимъ личнымъ поведеніемъ—о поступкахъ своего ближняго: всякій живетъ какъ можетъ, но судитъ какъ должно судить; въ частности, это весьма обыкновенная непослѣдовательность, вслѣдствіе которой люди презираютъ тѣ слабости, которыми сами-же пользуются. Что до меня касается, то я строго воздерживаюсь отъ подобнаго ригоризма — непростительнаго для человѣка, и преступнаго для христіанина... Несчастный случай доставилъ вамъ возможность подслушать разговоръ, въ которомъ неумѣренность моихъ выраженій сильно исказила мою мысль; — это обида, которую мнѣ не изгладить, я знаю, — но я объясню вамъ по крайней мѣрѣ откровенно то, что я думалъ. Всякій имѣетъ свои наклонности и свои воззрѣнія на жизнь: мы до того не похожи другъ на друга, что при первомъ столкновеніи почувствовали взаимную антипатію. Такое расположеніе, сударыня, должно было, конечно съ одной стороны, измѣниться на основаніи болѣе точныхъ данныхъ, но оживленность спора увлекла меня за предѣлы благоразумія: васъ огорчили, безъ сомнѣнія, мои слова; но повѣрьте, что меня еще болѣе огорчаетъ та глубокая несправедливость, въ которой я виноватъ предъ вами.

Эта апологія, болѣе искренняя нежели ясная, не удостоилась отвѣта. Мы проѣзжали въ это время чрезъ церковь аббатства, и очутились внезапно въ послѣднихъ рядахъ кавалькады. Наше появленіе было встрѣ-

Лакомый кусочекъ.

чено говоромъ между суетившимися охотниками. Госпожу де-Пальмъ тотчасъ окружила веселая толпа всадниковъ, которые, казалось, поздравляли ее съ выигрышемъ пари. Она приняла равнодушно, даже съ неудовольствіемъ эти поздравленія, и пришпоривъ лошадь, выѣхала впередъ кавалькады. Между тѣмъ, г. де-Малуэ встрѣтилъ меня еще съ большею любезностью, чѣмъ обыкновенно, и, не расправшивая о причинѣ моего появленія на этотъ охотничій праздникъ, всячески старался развлекать меня. Вскорѣ послѣ этого собаки, выгнали оленя, и я поскакалъ за ними—не безъ интереса къ этому мужественному удовольствію, хотя и недостаточному для того чтобы сдѣлать меня счастливымъ въ этомъ мірѣ. Стая собакъ три раза сбивалась со слѣда — день окончился въ пользу оленя. Въ четыре часа мы уже ѣхали по дорогѣ въ замокъ. Когда мы проѣзжали обратно чрезъ долину, контуры деревьевъ и вершинъ холмовъ отчетливо рисовались на небѣ: таинственная тѣнь спускалась на лѣса, и бѣловатый туманъ начиналъ леденить траву луговъ, въ то время какъ густой мракъ оттѣнялъ извилины маленькой рѣчки. Погруженный въ созерцаніе этой картины, которая напоминала мнѣ лучшіе дни, я внезапно увидѣлъ возлѣ себя госпожу де-Пальмъ.

—Я думаю, послѣ нѣкотораго размышленія, что вы болѣе презираете мое невѣжество, чѣмъ предполагаемую легкость моего поведенія.... Вы цѣните болѣе умъ, нежели добродѣтель.... не такъ-ли?

—Разумѣется, нѣтъ, отвѣчалъ я смѣясь:—не то, совершенно не то. Во-первыхъ *презрѣніе* должно быть вычеркнуто—ему здѣсь мѣста нѣтъ.... во-вторыхъ, я не вѣрю, что-бы вы были невѣжественны, и вполнѣ вѣрю въ вашъ умъ.... Наконецъ, я ничего не ставлю выше добродѣтели, когда вижу ее—а это случается рѣдко. Меня, право, удивляетъ, сударыня, какой вы придаете вѣсъ моимъ словамъ.... Тайна моихъ предпочтеній и антипатій очень проста: я питаю религіозное уваженіе къ добродѣтели, но самъ лично ограничиваюсь исполненіемъ весьма не многихъ обязанностей, и потому не имѣю права требовать многаго отъ другихъ.... Что касается ума—признаюсь, я очень уважаю его, и жизнь мнѣ кажется слишкомъ серіознымъ дѣломъ, чтобы смотрѣть на нее какъ на вѣчный праздникъ —отъ колыбели до могилы. Кромѣ того, произведенія ума — и особенно искусства — составляютъ предметъ моихъ страстныхъ занятій; поэтому весьма натурально, что я люблю говорить о томъ, что меня интересуетъ. Вотъ и все.

— Неужели нужно всегда имѣть на языкѣ разные экстазы души, кладбище и Венеру Милосскую —чтобы прослыть въ вашемъ мнѣніи за образованную женщину?... Впрочемъ, вы правы —я никогда ни о чемъ не думала; еслибы я стала серіозно думать—мнѣ кажется, я помѣшалась бы, моя голова не вынесла бы этого.... О чемъ думали вы въ кельѣ стараго аббатства?

— Я много думалъ о васъ; особенно, вечеромъ того дня, когда вы охотились за мной—я отъ души проклиналъ васъ.

— Это понятно!... и она засмѣялась; потомъ, оглянувшись вокругъ, сказала:—какая прекрасная долина! какой прекрасный вечеръ!... А теперь—вы проклинаете меня?

— Напротивъ, я отъ души желалъ бы сдѣлать что-нибудь для вашего счастія.

— И я также, сказала она просто.

Въ отвѣтъ на эти слова я поклонился, и разговоръ прервался на нѣсколько секундъ.

— Еслибы я была мужчина, сказала г-жа де-Пальмъ, —то непремѣнно сдѣлалась бы отшельникомъ.

— О! это жалко!

— Васъ не удивила эта мысль?

— Нѣтъ, сударыня.

— Относительно меня, васъ ничто не можетъ удивить, признайтесь? Вы думаете, что я на все способна—рѣшительно на все, можетъ-быть даже полюбить васъ?...

— А почему бы нѣтъ? Не изъ такой дали иные возвращаются! Я очень люблю васъ; да, въ эту минуту! Послѣдуйте хорошему примѣру.

— Вы мнѣ позволите объ этомъ подумать?

— Только не долго!

— Пока.... теперь мы друзья, не правда ли?

— Если мы уже друзья, то больше нечего ожидать, сказалъ я, протягивая руку маленькой графинѣ. Она осторожно пожала ее, и разговоръ прекратился. Мы ѣхали по вершинѣ холмовъ; тьма упала на землю, мы быстро помчались по дорогѣ въ замокъ.

Въ то время какъ я сходилъ внизъ къ обѣду, я встрѣтилъ въ коррпдорѣ госпожу де-Малуэ.

— Ну что! сказала она смѣясь:—вы послѣдовали моимъ приказаніямъ?

— Свято, сударыня.

— Вы притворились побѣжденнымъ?

— Да.

— Прекрасно: и она спокойна, и вы тоже.

— Аминь, сказалъ я.

Вечеръ прошелъ безъ всякихъ приключеній. Я оказывалъ г-жѣ де-Пальмъ маленькія услуги, которыхъ она у меня не требовала. Два или три раза она оставляла танцы, и добродушно шутила со мной; когда я уходилъ, она проводила меня глазами до самыхъ дверей, дружелюбно улыбаясь. Теперь, прошу тебя, Поль, вывести нравоученіе изъ всей этой исторіи. Я бы желалъ, чтобъ ты увидѣлъ въ этомъ одну игру воображенія, которое придало размѣръ цѣлаго происшествія этому вздорному эпизоду свѣтской жизни; но если ты усматриваешь здѣсь что-либо серіозное, какую-либо опасность—то напиши мнѣ откровенно; я прекращу обязательство, которое заставляетъ меня остаться здѣсь еще 10 дней, и тотчасъ уѣду въ Парижъ.

Я не люблю г-жи де-Пальмъ, не могу и не хочу ее любить. Но мое мнѣніе о ней очевидно измѣнилось; я смотрю на нее какъ на добрую молоденькую женщину. Она вѣтрена, и всегда останется такою; поведеніе ее гораздо лучше, нежели о немъ говорятъ,—хотя можетъ быть и хуже, нежели она сама увѣряетъ; сердце ея не лишено достоинствъ. Я чувствую къ ней дружбу, какую-то отеческую привязанность, и ничего другаго между мной и ею не существуетъ —- насъ раздѣляетъ цѣлая бездна. Мысль быть ея мужемъ—заставлять меня смѣяться; быть ея любовникомъ—мнѣ кажется отвратительно. Капризъ въ ней я допускаю; страсть—нѣтъ.

Вотъ и я очутился на ея этажеркѣ вмѣстѣ съ другими побрякушками—и я думаю, подобно госпожѣ де-Малуэ, что этого съ нея довольно. Во всякомъ случаѣ, Поль, что ты объ этомъ думаешь?

Прошу тебя, любезный другъ, не забывать, читая нѣкоторыя мѣста сомнительнаго свойства, что я никогда не былъ фатомъ. Я сказалъ тебѣ истинную правду. Я полагаю, что фатовство состоитъ не въ томъ чтобы замѣчать, что женщина жметъ вамъ руку, когда она просто стискиваетъ ее,—но въ хвастовствѣ о такого рода успѣхѣ, который выпадаетъ рѣдко на долю истинно-достойныхъ.

Я всегда вспоминаю объ одномъ старомъ, дряхломъ, безобразномъ, глупомъ комедіантѣ, который разсказывалъ мнѣ, что однажды вечеромъ подошла къ нему хорошенькая женщина и сказала: «о! ты не человѣкъ, а божество!» Я увѣренъ, что онъ говорилъ правду. Да, одинъ изъ самыхъ безобразныхъ смертныхъ, нашъ другъ Г...., членъ института, вѣроятно слышалъ отъ какой-либо женщины, хоть разъ въ свою жизнь, что онъ красивъ, какъ ангелъ.

Такъ было во всѣ времена—вотъ почему фатъ и дуракъ всегда были синонимами. Всякій слѣпой находитъ собаку, водящую его, но не гордится этимъ. До свиданія.

(*Продолженіе будетъ*).

Плата за лакомый кусочекъ,

(*См. стр. 102*).

Ни одна птица не поддается прирученію такъ охотно, какъ попугай. Правда, нѣкоторыя привыкаютъ брать кормъ изъ рукъ своего хозяина и даже садиться къ нему на руку, на плечо,—но все же онѣ рѣшаются на это съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и страхомъ; попугай же, напротивъ, наслаждается ласками, какъ ребенокъ приникаетъ къ людямъ, а приглаживаніе перьевъ и легкая щекотка головы доставляетъ ему такое же удовольствіе какъ домашней кошкѣ. Общество человѣка становится его потребностью, но въ особенности любезенъ онъ съ дамами—и крѣпкій клювъ его, надѣленный силою желѣзныхъ клещей, нерѣдко ломающій металлическія прутья клѣтки, съ истинно-рыцарскою вѣжливостью касается нѣжныхъ рукъ и розовыхъ устъ.

Одинъ изъ тѣхъ большихъ, бѣлыхъ какаду, что составляютъ украшеніе залы, былъ пріученъ своей хозяйкой привѣтствовать ее поутру или вообще отвѣчать на ласки—поцѣлуемъ. Попка охотно исполняетъ волю хозяйки, но онъ себѣ на умѣ; въ награду за поцѣлуй онъ привыкъ получать какое нибудь лакомство, или, если угодно наоборотъ, отплачивать это за лакомство поцѣлуемъ. Но вотъ надъ нимъ захотѣли схитрить, спрятали лакомый кусочекъ за спиною и подошли къ нему съ протянутыми губками; Попка посматриваетъ зоркимъ глазомъ, видитъ что дѣло не въ порядкѣ, недоумѣваетъ, упрямится и... сцену эту, схваченную бойкимъ карандашемъ художника, изображаетъ прилагаемый рисунокъ. Какъ аукнется, такъ и откликнется!..

Чехославяне.

(культурный очеркъ).

«Если только можетъ какая-нибудь страна хвастаться неутомимою народностью, то это безъ всякаго сомнѣнія Чехія. Какъ авангардъ славянской семьи, въ сердцѣ Германіи, чешскій народъ водворился въ этой странѣ, между горами, какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, изъ котораго доблестно сопротивляется всѣмъ своимъ врагамъ. Обрѣченный такъ-сказать по своему положенію на героизмъ, онъ существуетъ вопреки всякой вѣроятности. Заимствуя искусства и науки отъ Запада, онъ натерпѣлся, но ни какъ не погибъ въ чужой цивилизаціи. Среди всѣхъ своихъ заимствованій отъ Запада, онъ глубоко сохранилъ свою оригинальность. Чешскій народъ въ средніе вѣка стоялъ во главѣ умственнаго движенія въ Европѣ, а именно основаніемъ пражскаго университета, втораго послѣ парижскаго, который былъ самымъ старшимъ въ Европѣ; пражскіе студенты позднѣе основали другіе младшіе университеты въ Германіи. Народъ этотъ претерпѣлъ гоненіе за свободу совѣсти, ради которой Чехи первые провозгласили въ Европѣ невѣроятную борьбу, продолжавшуюся въ теченіи двухъ вѣковъ. Пораженный, побѣжденный и, разумѣется, разсѣянный количествомъ своихъ враговъ, разоренный, уничтоженный и даже преданный забвенію, чешскій народъ — какъ казалось — потерялъ воспоминаніе о самомъ себѣ, пока въ новомъ времени не пробудили его опять историки и литераторы; тутъ онъ началъ сознавать себя и, пробужденный, нашелъ опять свои права на прежнюю славу. Изученіе его народнаго языка, пѣніе его старинныхъ богатырскихъ пѣсенъ согрѣло снова его патріотизмъ. Чехи сбросили съ себя ржавчину германизма и Европа опять признала ихъ старыми Чехами. Народъ, который пережилъ такіе тяжелые удары, не погибнетъ; такой народъ блистательно побѣдилъ уже смерть».

Такими словами начинаетъ французскій авторъ Масіэ-дэ-Клерваль свою чешскую исторію, представляющую Французамъ жизнь чешскаго народа до Бѣлогорскаго сраженія (въ 1620 г.), когда все, что только заслуживало какого-бы то нибыло удивленія и уваженія у Чеховъ—старина, дворянство, наука, риторика, святыня—все погибло подъ сѣкирою и на веревкѣ палачей Фердинанда II. Въ самомъ дѣлѣ, Чехія представляла тогда самую жалкую страну! Языкъ чешскій замѣненъ былъ латинскимъ и нѣмецкимъ, университетъ былъ закрытъ, чешскія книги (какъ еретическія) переданы пламени іезуитами и доминиканцами,—и мученичество чешскаго народа продолжалось такъ строго-систематично, что изъ 5-ти слишкомъ милліоновъ народонаселенія въ отечествѣ философа Ѳомы Штитнаго, мученика Яна Гуса, осталось едва 800,000 обывателей, на опустошенной и разграбленной шведскими и саксонскими шайками землѣ, кои раззорили болѣе половины славныхъ чешскихъ городовъ и сожгли болѣе 6000 богатыхъ деревень въ родной землѣ св. Вячеслава. Большая часть старинной чешской народной аристократіи погибла или въ сраженіяхъ, или подъ мечами палачей, или выгнана и замѣнена авантюристами нѣмецкими, валонскими, испанскими и итальянскими, которые между собою раздѣлили имѣнія чешскаго дворянства. Венгрія, Польша, Германія, Голландія, Англія и даже Америка служили чешскимъ изгнанникамъ новымъ отечествомъ, гдѣ было прибѣжище цвѣту чешскаго народа. Кто не знаетъ условій донынѣшней жизни Славянъ подъ владычествомъ Турокъ, или Ирландцевъ подъ игомъ

Англичанъ, тотъ не можетъ понять положенія Чеховъ съ 1620 года до начала девятнадцатаго столѣтія, до котораго не осталось и слѣда духовной жизни въ Чехіи: не было чешской литературы, чешской журналистики, чешской соціальной жизни, не было даже чешскаго дворянства и чешскаго гражданства.

Какъ и во всѣхъ странахъ опустошенныхъ, плѣненныхъ, попранныхъ подъ ноги чуждаго владычества, но нравственно не завоеванныхъ высшею идеею, такъ и въ Чехіи, въ тысячѣ глухихъ уголковъ, подъ соломенными сельскими крышами было пристанище, куда прибѣгли остатки народной жизни чешскаго народа, устраненнаго въ то время отъ всякой политической дѣятельности. Тутъ, у домашняго очага, сохранились въ самыхъ низшихъ классахъ, въ хатѣ чешскаго седлака (поселянина), послѣдніе остатки чешскаго духа. У этихъ порабощенныхъ страдальцевъ сохранилась искра богатѣйшаго наслѣдія народнаго чешскаго генія — *чешская народная пѣсня*, *чешская сказка*, *повѣсть и чешская пословица*. Подъ такою соломенною кровлею, или въ курной избѣ, чешскій седлакъ умѣлъ укрыть отъ любопытныхъ глазъ іезуита свои священныя старинныя книги о прошлой чешской славѣ, о своихъ прежнихъ воеводахъ, князьяхъ и короляхъ, о Премиславахъ и Вацлавахъ.

Рядомъ съ седлакомъ стоялъ и духовный его другъ и помощникъ—чешскій священникъ съ чешскою молитвою, съ чешскими проповѣдями и съ чешскимъ гимномъ. Онъ хранилъ, онъ возбуждалъ, онъ утѣшалъ, онъ училъ, онъ проповѣдывалъ по чешски чешскимъ седлакамъ; онъ же началъ и писать—конечно, опять на своемъ отечественномъ языкѣ—и распространять въ народѣ любовь къ чтенію чешскихъ книгъ, такъ что элементы враждебные народной жизни совсѣмъ и незамѣтили этого. Изъ чешскаго духовенства, къ которому нѣкогда принадлежалъ и славный Милійчъ, Матвѣй изъ Янова, Янъ Гусъ, Коменскій Августъ, вышли многіе извѣстные воскресители и весьма почитаемые дѣятели народа (какъ напр. Балбинъ, Бецковскій, Благославъ, Добровскій, Добнеръ, Дурыхъ, Кинскій, Прохазка, Пухмаеръ, Раутенкранцъ, Сихра, Слама Крамеріусъ, Ѳамъ, Стахъ, Гнѣвковскій, Пеѣдлый), и по слѣдамъ первыхъ предприняли эту громадную задачу — образовать вновь, на почвѣ здраваго сельскаго сословія, цѣлую страну и весь чешскій народъ путемъ чисто-духовнымъ и основать такимъ образомъ новый культурный періодъ чешскаго народа; въ этомъ періодѣ участвовали и прославились главнымъ образомъ слѣдующіе дѣятели: Крамеріусъ, Юнгманъ, Ганка, Палацкій, Пуркинѣ, Шафарикъ, Клицпера, Колларъ, Челаковскій, Яблонскій, Кузманы, Ондракъ, Сметана, Сушилъ, Гирзинъ, Штульцъ, Винарицкій, Камариты, Хмеленскій, Каменицкій, Штуръ, Гурбанъ, Тылъ, Рубешъ, Эрбенъ, Маха, Коубекъ, Шумавскій, Томичекъ, Клацелъ, Марекъ, Янъ изъ Гвѣзды, Хохолушекъ, Калина, Лангеръ, Крольмусъ, Шнайдръ, Воцелъ, Шембера, Запъ, Томекъ, Ригеръ, Гавличекъ Малый, Риттербергъ и другіе современные чешскіе литераторы.

Всѣ эти дѣятели, по большей части сыны чешскаго седлака, съ опасностью своей жизни, смѣло отвалили тяжелый камень, положенный врагами на могилу погребенной чешской народности,—и благодаря этимъ скромнымъ дѣятелямъ и ихъ неутомимой борьбѣ, дѣятельности и прилежной подготовкѣ ими самого народа, чешскій народъ воскресъ, и показалъ міру представителей уже не только чешскаго, а даже общеславянскаго самосознанія. Съ ними воскресли опять чешская литература, чешская наука, чешскіе театры, чешская политика и чешская нація. Именно, чешскіе же священники, въ качествѣ учителей и капеллановъ у богемскаго дворянина, барона, графа или князя, старались возбудить въ дѣтяхъ аристократовъ національное чувство, образовать изъ ихъ дѣтей — чешскихъ патріотовъ. Такимъ тихимъ дѣятелямъ Чехи должны быть благодарны за то, что многіе изъ чешскихъ аристократовъ снова начали ближе понимать свой народъ, одушевляться его правами и полюбили свой отечественный языкъ и свое отечество; и такимъ образомъ Чехія опять получила пріятелей и защитниковъ политическихъ правъ чешскаго, прежде столь прославленнаго королевства —между высшими сословіями. Изъ всѣхъ историческихъ именъ чешско-моравской аристократіи, какъ: Кламъ-Мартиницъ, Шварценберги, Лобковицы, Чернины, Тунъ-Гогенштейны, Гарахи, Кауницы, Коловраты, Виндишгрецы, Ностицы, Кинскіе, Шёнборны, Буква, Фирштенберги, Хотки, Деймы, Лажанскіе, Шлики, Берхтольдовы, Штернберги, Вальдштейны, Туриъ-Таксисъ, Сальмы, Белькреди, Логотеты, Сайлерны и проч.,—почти ни одного нѣтъ въ противномъ чешскому народу лагерѣ или въ прямой оппозиціи противъ справедливыхъ правъ чешской короны и чешско-моравскаго народа.

Съ 1848 года между Чехами начало развиваться, вслѣдствіе перваго славянскаго съѣзда въ Прагѣ, сильное славянское чувство и самосознаніе—и съ этой эпохи число народныхъ дѣятелей въ литературѣ значительно увеличилось. Къ извѣстнымъ уже именамъ присоединились еще многіе молодые и энергичные славянскіе дѣятели по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ; а къ литературнымъ дѣятелямъ пристали даже и политическіе поборники, стремящіеся къ полному возобновленію древней самостоятельности земель, принадлежащихъ къ чешской коронѣ—Чехіи, Моравіи и Силезіи. Съ этого времени славянская народность развивается у Чеховъ въ гигантскихъ размѣрахъ, именно съ 1860 года, какъ мы это отчасти видѣли при московскомъ съѣздѣ и въ нынѣшнемъ положеніи Чеховъ относительно Австріи.

Чешскій народъ все умножается, какъ никогда прежде, и все крѣпче сопротивляется своимъ врагамъ. Всѣхъ Славянъ въ Чехіи до восьми милліоновъ душъ, кои касательно образованія, просвѣщенія, прилежанія въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности, постоянства, настойчивости и военныхъ качествъ —занимаютъ первое мѣсто между народами подъ жезломъ Австро-Венгріи. По этимъ именно качествамъ враги и называютъ ихъ «интеллигентною коронною землею» или «жемчугомъ австрійской короны», которой доставляли Чехи самое большое число дѣльныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, самыхъ лучшихъ техниковъ, агрономовъ, архитекторовъ и машинистовъ, учителей и профессоровъ. На какой степени совершенства должно быть сельское хозяйство въ Чехіи, видно уже изъ того, что обыватели чешскаго королевства, живущіе на пространствѣ 1.440 миль, платятъ ежегодно до 100 милліоновъ гульденовъ въ австрійскую казну разныхъ и многочисленныхъ податей и налоговъ (больше нежели Баварія, Виртембергъ, Венгрія, Бельгія, Данія, Швейцарія, Греція, Голландія, Португалія, Швеція и Норвегія). Дабы убѣдиться въ томъ, что главное стремленіе Чеховъ направлено къ просвѣщенію, стоитъ лишь обратить вниманіе на то, что они сдѣлали въ послѣднее время для развитія своихъ училищъ. Въ цѣлой имперіи нѣтъ такихъ училищъ, какъ

въ чешскихъ земляхъ и такихъ учителей, какъ у чешскаго народа. Чешскія общинныя училища показываютъ намъ въ самомъ блестящемъ видѣ современную чешскую культуру. Городъ Прага жертвуетъ въ годъ на народныя школы 180.000 гульденовъ, между тѣмъ какъ богатая Вѣна всего 120.000 гульденовъ. Образцовыя чешскія училища: высшая реальная школа въ Прагѣ, Пискѣ, Таборѣ, пражская высшая школа для дѣвицъ, и кромѣ того чешское политехническое превосходное училище — это настоящій технологическій университетъ съ превосходными средствами; это такое уважаемое заведеніе, что нѣмцы, знающіе чешскій языкъ, посѣщаютъ чешскія лекціи съ большею охотою, нежели нѣмецкія. Нынѣ въ чешскихъ земляхъ до 6.000 народныхъ училищъ, посѣщаемыхъ молодыми людьми и дѣвицами, до 4.000 главныхъ школъ, до 120 училищъ исключительно для дѣвицъ, промышленныхъ школъ до 20, библіотекъ до 1.000, гимназій больше 30, реальныхъ школъ 15, богословскихъ 7, сельскаго хозяйства 5, коммерческихъ 8, горная 1, военныхъ 10, для лѣсоводства 2, для музыки и искусствъ 15, политехническихъ двѣ и одинъ университетъ. Вотъ сколько въ Чехіи раціональныхъ земледѣльческихъ и индустріальныхъ училищъ и каковъ ихъ прогрессъ въ настоящую минуту, и сколько тамъ образцовыхъ народныхъ школъ, которые заслужили лестный отзывъ европейскихъ педагоговъ,—особенно со времени послѣдней парижской выставки, на которой тѣ познакомились съ чешскими учебными пособіями и средствами, такъ высоко ими отличенными, хотя *нарочно* имъ были отведены весьма невыгодныя мѣста. Студенты и вообще чешская молодежь одушевлена почти непонятною ревностью къ наукѣ и образованію, и рѣдко гдѣ найдете, чтобы молодые люди, будучи сыновьями седлаковъ (поселянъ), окончившіе курсъ высшихъ наукъ, опять воротились къ плугу, какъ это часто случается у Чеховъ. Въ Будѣіовицахъ, напримѣръ, крестьяне, по желанію просвѣщеннаго церковнаго пастыря своего, построили для своихъ сыновей чешскую гимназію изъ частныхъ взносовъ, и добровольно привозили на сотнѣ возовъ разный матеріялъ для постройки этого заведенія, получившаго названіе «гимназіи св. Вячеслава».

Многочисленныя ученыя общества, между которыми общество чешскаго музея и ученое королевское общество (чешская академія) имѣютъ европейскую извѣстность, поощряютъ ученую дѣятельность во всѣхъ отрасляхъ строгой науки. Самое сильное вліяніе и культурное значеніе имѣли въ чешскомъ народѣ тысячи «обществъ для чтенія», частные театры любителей, гимнастическія общества «Соколъ», пѣвческія общества «Глаголъ», распространенныя почти по цѣлой Чехіи. Нигдѣ въ цѣлой австрійской имперіи не распространена такъ народная журналистика и нигдѣ не имѣетъ такого вліянія на мнѣніе народа; нигдѣ нѣтъ такого количества отборныхъ, полезныхъ, ученыхъ журналовъ и періодическихъ изданій, какъ у Чеховъ. Не найдешь и самой бѣдной хаты у Чеховъ, гдѣ бы не обнаруживалось стремленіе къ просвѣщенію подпискою на тотъ или на другой журналъ! Грамотныхъ въ чешскихъ земляхъ вслѣдствіе того отъ 98% до 100%. Книжныхъ магазиновъ въ чешскихъ земляхъ до 60-ти; журналовъ, газетъ и періодическихъ изданій выходитъ болѣе 100 и печатаются въ 50-ти слишкомъ типографіяхъ.

Но для того, чтобы высокая степень культуры чешскаго народа, во всѣхъ его сословіяхъ, обнаружилась самымъ блистательнымъ образомъ, надо упомянуть о быстромъ развитіи кредитныхъ ассоціацій, распространившихся въ цѣломъ чешскомъ народѣ. Въ Чехіи теперь 31 нѣмецкій и 220 чешскихъ займообразно-ссужающихъ банковъ по системѣ Шульце-Делича. Эти чешскія кассы, учрежденныя незначительными людьми, соединились по своей собственной иниціативѣ, чтобы основать чешско-моравскій банкъ, имѣющій нынѣ до 300 филіальныхъ кредитныхъ обществъ, съ народнымъ капиталомъ въ 20 милліоновъ гульденовъ.

Почти нигдѣ не найдемъ столько сельско-хозяйственныхъ обществъ, основанныхъ поселянами, какъ въ Чехіи у доблестнымъ седлаковъ, неустрашимыхъ борцовъ противъ чужаго капитала и правительства, которое имъ запрещало основывать эти общества, хотя было убѣждено въ пользѣ этого для сельскаго хозяйства.

Чешскіе седлаки также составили компаніи, основанныя на началахъ ассоціаціи, и устроиваютъ сахарные заводы, паровыя мельницы и разныя общества, учреждаемыя исключительно крестьянами для крестьянъ же. Сахарныхъ заводовъ «цукроваровъ» находится вслѣдствіе того въ чешскомъ королевствѣ до 105, изъ которыхъ 22 устроены поселянами на акціяхъ. У остальныхъ почти 30 милліоновъ жителей въ остальной Австро-Венгріи только 35 подобныхъ заводовъ; промышленная Англія имѣетъ ихъ только 71, Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты 47, а Италія, Турція и Греція *ни одного*.

По примѣру поселянъ, даже и чешскій промышленникъ увлеченъ и основываетъ многочисленныя общества промышленности, и даже чешскіе рабочіе отличились основаніемъ многихъ обществъ, заемновспомогательныхъ кассъ и разныхъ ассоціацій по системѣ Шульце Делича, которыхъ въ Чехіи 248, такъ что сами нѣмцы въ восторгѣ отъ этого,—и все это совершилось въ весьма короткое время, какъ будто какимъ-то чудомъ, такъ что многимъ непонятно, какъ возможно было преобразоваться до такой степени чешскому народу въ столь короткое время, при такомъ великомъ притѣсненіи со стороны правительства.

Вотъ до чего удалось Чехамъ, этимъ близкимъ соплеменникамъ Русскихъ, добиться неутомимою борьбою съ многочисленными препятствіями—своею собственною инициативою. По этому понятно ихъ современное настойчивое стремленіе къ полной самостоятельности, послѣ того какъ они достигли такого выгоднаго положенія, что могли бы сами вполнѣ располагать ежегодно суммою *во сто милліоновъ*, въ пользу народнаго просвѣщенія и жизненныхъ интересовъ чешскаго народа,—вмѣсто того, чтобы высылать эти суммы въ Вѣну, не зная для какихъ цѣлей употребляетъ ихъ правительство, неимѣющее ни смысла, ни понятія, ни симпатій для Славянъ вообще и для Чеховъ въ особенности.

И. Я. Вацликъ.

Письма объ организаціи войскъ.

(*Окончаніе*).

Настоящіе кадры (основа) войскъ суть унтеръ-офицеры. Поэтому, чѣмъ чаще перемѣнять личный составъ войскъ, т. е. чѣмъ короче срокъ службы, тѣмъ кадры эти должны быть постояннѣе, тверже, и тверже сохранять заведенный порядокъ и славныя преданія. Ясно, что унтеръ-офицеры должны перемѣняться какъ можно рѣже. Поэтому позволительно бы желать, чтобы въ безсрочные и продолжительные отпуски унтеръ-офицеровъ вовсе не увольнять, но, по истеченіи 10-ти лѣтъ, прямо давать имъ чистую отставку, а жалованье на службѣ увеличить. Кромѣ того, они непремѣнно должны быть въ полномъ комплектѣ по боевому положенію. Тогда только кадры будутъ въ состояніи выполнять свое назначеніе—и притомъ надобно, чтобы въ каждой ротѣ не перемѣнялось бы унтеръ-офицеровъ болѣе $^1/_{10}$ части въ годъ.

Говорить о содержаніи офицеровъ—значитъ повторять то, что всѣмъ вѣроятно уже наскучило; довольно только нѣсколькихъ словъ: желательно, чтобы жалованье выдавалось имъ помѣсячно; а въ наше время трудно жить, получая менѣе 50 руб. въ мѣсяцъ. По военному положенію полагается въ ротахъ: по 4 офицера въ линейной, и по 5 въ каждой изъ стрѣлковыхъ.

Смѣло можно бы убавить по одному, а еслибы убавить расходы по взысканію доходовъ и всѣ слишкомъ большія содержанія, то потребная сумма безъ большаго труда могла бы отыскаться, особенно въ виду настоящаго некомплекта. Я здѣсь имѣю въ виду только строевыхъ, потому что имъ это болѣе необходимо. Кромѣ того, кажется, нѣтъ особенной причины дѣлать въ разрядахъ жалованья столько подраздѣленій по чинамъ, которыхъ даже слишкомъ много. Оберъ-офицерское, штабъ-офицерское, генеральское—вотъ 3 категоріи содержанія, которыхъ было бы вполнѣ достаточно; я говорю здѣсь вообще о содержаніи, принимая въ немъ и столовыя и всякія другія прибавочныя суммы. Въ сущности, различій между этими суммами можно было бы и не дѣлать вовсе. Но какъ цифра жалованія нужна для расчета пенсій, то надобно поговорить и о послѣднихъ.

Недостаточность пенсій такъ ясна, что эта очевидность равняется только физической невозможности имѣть въ государствѣ столько денегъ, сколько нужно чтобы обезпечить бытъ старыхъ инвалидовъ. Эта же недостаточность вынуждаетъ очень многихъ лицъ, во чтобы то ни стало, дослуживать года къ выслугѣ возможно большей суммы, отчего иногда служба терпитъ вдвойнѣ, какъ отъ упадка силъ извѣстныхъ дѣятелей, такъ и отъ ежегоднаго ихъ содержанія въ ущербъ личностей болѣе полезныхъ. Сроки для выслуги полныхъ пенсій слишкомъ продолжительны, а короче трудно ихъ сдѣлать по безденежью.

Если ввести въ статутъ низшей степени какого-либо ордена, что награжденный имъ за отличіе или за извѣстное число лѣтъ безпорочной службы (отъ 15 до 20 лѣтъ) кавалеръ, въ силу пожалованія онымъ, имѣетъ право на отводъ въ собственность по его выбору изъ свободныхъ государственныхъ земель до 100 десятинъ (или 1 квадратную версту), съ правомъ голоса въ собраніяхъ дворянства,— для чего ежегодно публиковать въ календаряхъ, сколько въ какомъ уѣздѣ и какихъ имѣется земель (теперь свободенъ почти весь черноморскій Кавказъ),—то каждый заранѣе могъ бы расчитать, гдѣ взять ему удобнѣе, и во всякомъ случаѣ былъ бы совершенно обезпеченъ, въ особенности въ заботѣ о дѣтяхъ, потому что, давъ имъ образованіе, могъ бы указать и имъ тотъ славный путь, который подъ старость доставитъ почетное и безбѣдное существованіе. При этомъ условіи всѣ пенсіи, кромѣ увѣчнымъ въ сраженіяхъ, на будущее время возможно было бы замѣнить единовременными вспоможеніями на первоначальное обзаведеніе, а между тѣмъ на прежнемъ основаніи составлять инвалидный капиталъ для того отдаленнаго времени, когда въ Россіи земли будетъ недостаточно. Подобная мѣра могла бы легко бѣдняка, пѣшкомъ приходящаго за ничтожнымъ пенсіономъ, превратить въ зажиточнаго собственника и исправнаго плательщика податей. Спрашивается: что выгоднѣе для государства?

III.

Перейдемъ къ способу управленія войскъ, т. е. къ ихъ составу и занятіямъ.

Первая строевая единица, въ которую сводятся отдѣльныя личности, набранныя въ военную службу,—есть рота.

Эта единица—по преимуществу хозяйственная. Для солдата она есть артель въ тѣсномъ смыслѣ слова. Рота для каждаго—все равно что семья. Все имущество, всѣ дружескія связи и знакомства, праздники и радости, горе и труды — все для солдата сосредоточивается въ ротѣ. Каждый проникается въ ней общимъ духомъ, общими интересами, общимъ порядкомъ ея управленія, веденія ея хозяйства, заботится о состояніи ея лошадей и даже собакъ. Предоставленныя сами себѣ, роты вообще любятъ соперничать между собою бóльшими своими средствами или заработками, лучшими угощеніями на праздникахъ, лучшими пѣсельниками, бóльшею веселостью и довольствомъ. Солдаты любятъ офицеровъ, поддерживающихъ въ ротѣ веселое настроеніе духа и принимающихъ живое въ ней участіе,—напротивъ, не довѣряютъ офицерамъ необщительнымъ и слишкомъ методичнымъ. Понятно, отчего частыя перемѣны офицеровъ и людей въ ротахъ убиваютъ духъ ротъ. Это своего рода разкассированіе.

Лучшій численный составъ ротъ по военному времени долженъ, кажется, быть кромѣ фельдфебеля, 4-хъ капральныхъ, 20 десяточныхъ унтеръ-офицеровъ и 4-хъ музыкантовъ — въ 200 человѣкъ рядовыхъ, изъ нихъ 20 ефрейторовъ. Въ противномъ случаѣ, при большей многочисленности трудно вести правильно артель; а будучи слабѣе—рота для боевой дѣятельности окажется мало состоятельною, такъ какъ черезъ два мѣсяца кампаніи въ ней навѣрно около 20% не будетъ налицо за болѣзнями и расходомъ.

Первая тактическая строевая единица — есть батальонъ или дружина.

Административная единица — есть полкъ. Для войскъ, при управленіи коими никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду ихъ по преимуществу боеваго назначенія,—этихъ трехъ единицъ однако недостаточно. Боевыя цѣли требуютъ, по большей части, силъ не только болѣе полка, но и разныхъ родовъ оружія, и употребленія ихъ на бо-

лѣе значительныхъ пространствахъ. Кромѣ того, начальникъ, облеченный властью для извѣстнаго рода цѣли, не можетъ никогда достичь ее успѣшно, будучи только начальникомъ случайнымъ, неизвѣстнымъ въ полкахъ, которыми предводитльствуетъ. Матерьяльной, формальной такъ сказать власти, происходящей въ силу назначенія, далеко не достаточно. Для успѣха нужна власть нравственная, т. е. постоянная и внушающая довѣріе. Надобно, чтобы начальникъ и подчиненные знали другъ друга и вѣрили другъ въ друга. Отсюда вытекаетъ необходимость еще въ одной болѣе крупной единицѣ, чисто боевой — это есть дивизія. Ясно, что она должна состоять изъ соединенія всѣхъ трехъ родовъ войскъ.

Въ военное время оно по необходимости такъ обыкновенно и бываетъ, но въ мирное мы видимъ это въ одной лишь Пруссіи, и нельзя не сознаться, что это вполнѣ основательно. У насъ, при существованіи корпусовъ, также было подобное соединеніе, хотя по трудности и дороговизнѣ корпусныхъ сборовъ почти не достигало назначенія своего — пріучать войска къ дѣйствію въ совокупности съ другими родами оружія; а нынѣ съ устройствомъ округовъ эта органическая связь частей совсѣмъ почти нарушена, такъ какъ далеко не всѣ войска округа могутъ быть въ сборѣ во время учебныхъ лагерей,—да и находясь въ оныхъ, мало занимаются другъ другомъ, зная, что едва-ли имъ случится сойтись вмѣстѣ противъ непріятеля, и что при первой же войнѣ имъ придется служить, по всей вѣроятности, врозь и совсѣмъ при другихъ высшихъ начальникахъ, которыхъ войска не знаютъ и коимъ сами неизвѣстны. Неудобству постояннаго раздѣленія частей, обязанныхъ дѣйствовать въ совокупности, могло бы помочь органическое ихъ соединеніе въ дивизіяхъ, безъ чего трудно ожидать успѣшнаго ихъ употребленія въ бою, —какъ отъ непривычки самихъ начальниковъ къ сложнымъ маневрированіямъ, незнакомства ихъ съ артиллерійскими и кавалерійскими командирами и нуждами того и другаго войска,—такъ и по свойству всякой вообще сводной части, никогда не имѣющей той твердости, которая такъ свойственна части хорошо и цѣльно организованной, гдѣ все такъ-сказать срослось другъ къ другомъ и проникнуто однимъ духомъ, одною мыслью. По числу нашей кавалеріи и артиллеріи, безъ большаго неудобства, легко кажется придать нашимъ дивизіямъ соотвѣтственныя артиллерійскія бригады и 1 кавалерійскій или казачій полкъ. Дабы дивизія имѣла вполнѣ твердый боевой составъ, необходимо имѣть при ней кромѣ того и дивизіонное интендантство, подвѣдомственное контролю окружныхъ интендантствъ. Тогда всѣ отпуски дѣлались бы скорѣе и вѣрнѣе, что въ особенности важно при формированіи на военное положеніе и вступленіи въ кампанію. Организованная подобнымъ образомъ дивизія, представила бы для боевыхъ дѣйствій силу болѣе грозную, нежели теперь. При соединеніи различныхъ родовъ оружія а) устранится напрасная трата денегъ на лишнія управленія, наприм., кавалерійской, дивизіи б) артиллерійскія лошади будутъ болѣе привычны къ ружейному огню и атакамъ несущейся на батарею кавалеріи, отчего будетъ менѣе безпорядка и въ бою; для этой же цѣли полезнѣе было бы имѣть и въ мирное время батареи съ 8-ю запряженными орудіями и пороховыми ящиками, в) присоединеніе кавалеріи къ пѣхотнымъ дивизіямъ тоже не можетъ составить для нея особеннаго неудобства. Опыты минувшихъ войнъ показываютъ, что большія кавалерійскія массы не всегда бываютъ выгодны, и что пользоваться ими нужно весьма умѣючи. Прейсишь - Эйлау, Лейпцигъ, Ватерлоо наглядно показываютъ, какъ истребляется прекраснѣйшая кавалерія не-во-время употребленная. Къ тому же, большая дальность и мѣткость огня какъ пѣхоты, такъ и артиллеріи, большее развитіе культуры въ Европѣ, — гдѣ мѣстности открытыя застраиваются, пашни обсаживаются изгородями, прорѣзываются каналами, — все это стѣсняетъ кругъ дѣйствій кавалеріи. Напротивъ, одинъ или два эскадрона, брошенные во время въ атаку (наприм., противъ непріятельской цѣпи, или противъ пѣхоты въ минуту встрѣчной атаки, или во флангъ части наступающей) могутъ принести неисчислимыя выгоды, и тѣмъ сильнѣе произвести потрясающее дѣйствіе на непріятеля, чѣмъ скрытнѣе была кавалерія укрыта и атака неожиданнѣе. Все это достигается съ небольшою кавалерійскою частью, наприм., съ полкомъ, или даже съ дивизіономъ. Для подобныхъ цѣлей, кажется, лучше имѣть въ кавалерійскомъ полку, при одномъ и томъ же числѣ коней, больше эскадроновъ; наприм., вмѣсто 4-хъ эскадроновъ въ 120, лучше имѣть 6 въ 80 лошадей. Дружнѣе ударъ и удобнѣе для повторительныхъ атакъ.

Вообще можно сказать, что послѣ Зейдлица рѣдко умѣли хорошо употреблять кавалерію. Лучшіе примѣры ея дѣйствій: Палена — подъ Витебскомъ, движенія Уварова подъ Бородинымъ, Милорадовича подъ Гридневымъ, Баговута подъ Кюрукъ-Дара.

Наполеонъ употреблялъ свою кавалерію въ большихъ массахъ, потому что мало на нее надѣялся и находилъ, что французы—плохіе кавалеристы. Атака ихъ подъ Прейсишь-Эйлау хотя и была сопряжена съ огромною потерею, но была однако вызвана необходимостію заслонить такъ-сказать пустоту, послѣ истребленія корпуса Ожеро, и дать время возстановить боевую линію; но какую цѣль могли имѣть атаки подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо, когда ихъ даже въ случаѣ успѣха совершенно нечѣмъ было поддержать?

Тоже можно почти сказать и о дѣйствіяхъ французской кавалеріи подъ Бородинымъ, когда она перешла за Семеновскій оврагъ. Дѣйствія же Мюрата подъ Краснымъ, Гридневымъ, Тарутинымъ—ниже критики. Спрашивается: къ чему привели большія массы?

Правда, кавалерійскій резервъ въ войнѣ необходимъ такъ-же, какъ и артиллерійскій. Но вѣдь ничто-же и не препятствуетъ формировать его изъ дивизіонной кавалеріи, какъ формируется изъ артиллерійской бригады артиллерійскій резервъ. Во всякомъ случаѣ, выгоднѣе имѣть организацію войска болѣе приспособленнаго къ обыкновеннымъ, а не исключительнымъ обстоятельствамъ.

Наконецъ, у насъ есть кавалерійскій резервъ—первый въ мірѣ: гвардейскій кавалерійскій корпусъ.

Арміи вообще стоятъ дорого; но худо организованная, состоящая изъ молодыхъ солдатъ, мало-выносливыхъ, и изъ частей носящихъ сводный характеръ отъ частыхъ перемѣнъ,—какъ въ личномъ составѣ, такъ и въ административныхъ мѣрахъ—сравнительно стоитъ гораздо дороже арміи твердо организованной и хорошо содержанной, потому что послѣднюю можно съ увѣренностью повести противъ непріятеля, а для первой нуженъ по крайней мѣрѣ годъ кампаніи, для того чтобы ее сплотить предварительно во что-нибудь годное для боя и побѣды. Кромѣ того, отъ самыхъ занятій войскъ много зависитъ облегчить государству свое содержаніе, напримѣръ,—устройствомъ себѣ хорошихъ штабъ-квартиръ, дабы уменьшить постойную подводную повинности;

въ этихъ квартирахъ въ случаѣ похода войска могли-бы оставлять всѣ свои тяжести и семейства, а слѣдовательно сдѣлаться гораздо подвижнѣе; —устройствомъ лагерей не иначе какъ на стратегическихъ мѣстахъ (какъ Шалонскій), напримѣръ, у Гродно, Варшавы, Сандоміра и Каменецъ-Подольска; вмѣсто учебныхъ саперныхъ работъ, пропадающихъ безслѣдно, легко было-бы воздвигнуть на этихъ мѣстахъ грозные укрѣпленные пункты, коими во время нужды могли-бы пользоваться арміи*). Работы на желѣзныхъ дорогахъ, при постройкѣ каналовъ и мостовъ (какъ строили Римляне и кавказская армія), конечно принесли-бы не мало пользы не только странѣ, но и самому войску, превративъ его до нѣкоторой степени даже въ производительную силу. Весьма замѣчательный расчетъ фельдмаршала князя Барятинскаго, въ его проэктѣ желѣзной дороги отъ Поти до Баку, показываетъ наглядно, какъ иногда бываетъ экономичнѣе содержать цѣлую дивизію на боевомъ положеніи, нежели въ кадровомъ составѣ. Тоже самое легко вывести для всѣхъ вообще войскъ, ибо ясно, что они во многомъ могутъ заработать свое содержаніе. Для примѣра разберемъ хоть устройство штабъ-квартиръ.

Начнемъ съ того, что казармы стоятъ дорого и притомъ портятъ войска, потому что солдатъ воспитанный въ казармахъ почти никогда не негоденъ въ полѣ и въ походѣ - отъ недостатка находчивости и опытности. Попасть изъ казармъ на войну все равно, что институткѣ прямо съ классной скамьи сдѣлаться хозяйкой. Поэтому казармы годны только въ городахъ для того, чтобы не стѣснять жителей и имѣть возможность лучшаго надзора за людьми. Содержаніе войскъ въ казармахъ дорого, потому что все необходимое нужно покупать на чистыя деньги. Значитъ, казармы хороши только въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Много еще здѣсь можно было-бы сказать касательно, напримѣръ, системы наградъ и наказаній, аттестацій и назначеній, спеціализированія войскъ, организаціи резервныхъ батальоновъ и даже значенія военныхъ округовъ (которые скоро кажется будутъ уничтожены и во Франціи— мѣстѣ своего рожденія), но этимъ мы закончимъ. Для желающихъ мыслить и искать правды письма наши представляетъ достаточно вопросовъ.

Подполковникъ Коптевъ

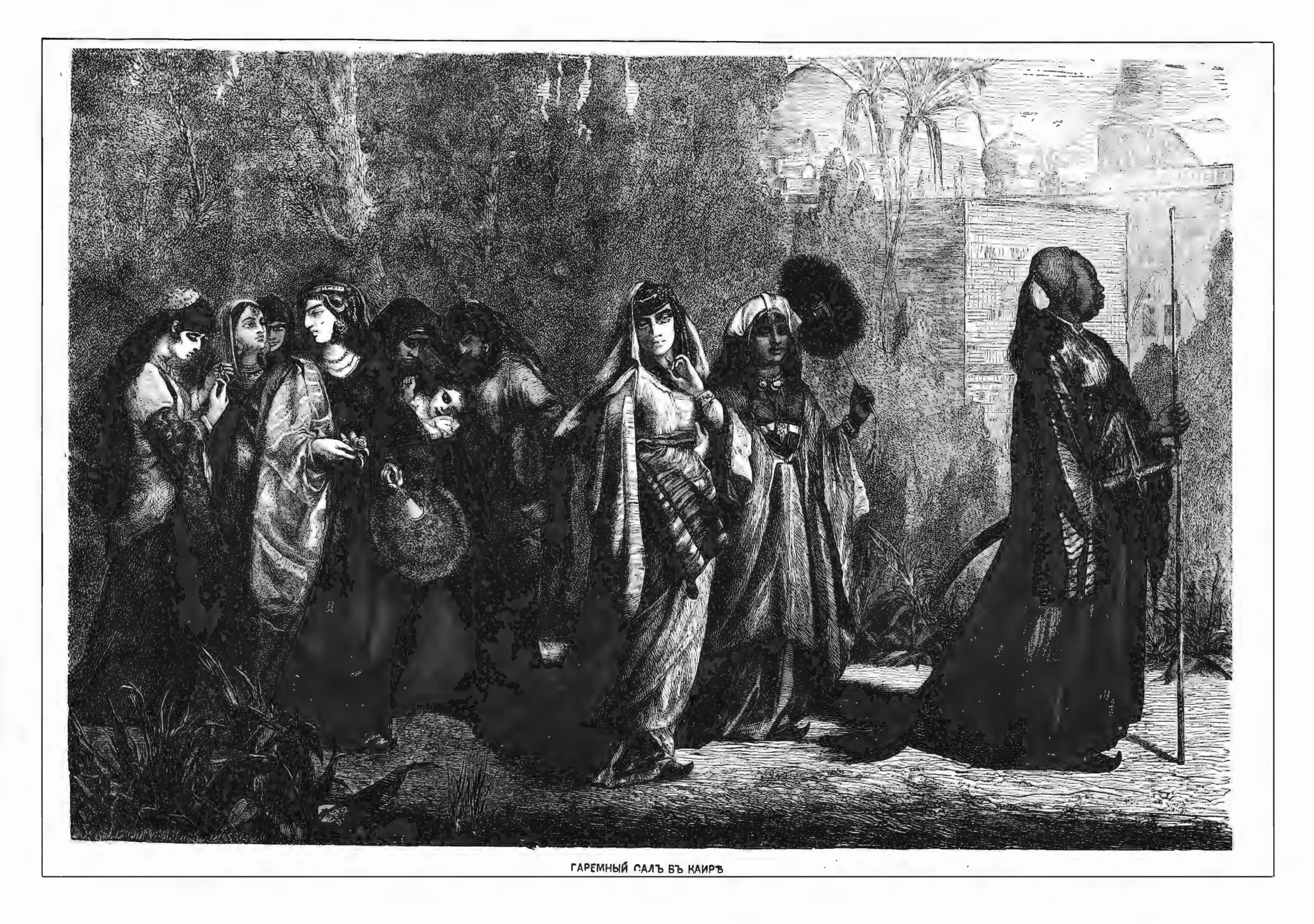
Бриггсъ-отель въ Чикаго.

Передвиженіе домовъ.

Въ Америкѣ, за послѣдніе годы, отъ движущихся столовъ перешли къ движущимся домамъ, нисколько впрочемъ не безпокоя духовъ, а только прибѣгнувъ къ помощи простыхъ машинъ: рычага, винта и катка.

Передвиженіе по вертикальному направленію, т. е. подъемъ домовъ на высоту, въ громаднѣйшихъ размѣрахъ производилось въ Чикаго. Городъ этотъ можетъ служить блистательнымъ примѣромъ быстраго развитія американскихъ городовъ: основанный въ 1830 году, въ 1867 онъ уже заключалъ въ себѣ 230,000 жителей. При основаніи его вовсе не разсчитывали на такое скорое увеличеніе населенія, а топографическое положеніе города оказалось чрезвычайно невыгоднымъ, такъ какъ городская земля находилась отчасти на одномъ уровнѣ съ озеромъ Мичиганъ, отчасти ниже его. Неудобства этого не замѣчали, пока городъ не разросся до того, что перевести его жителей въ другое мѣсто не представлялось уже никакой возможности; дальнѣйшее же процвѣтаніе города было возможно лишь при подъемѣ цѣлыхъ улицъ и даже участковъ. Задача оказывалось нелегкою; но развѣ Янки становятся въ тупикъ передъ чѣмъ бы то ни было? Нашли средство приподнимать помощію винтовъ громаднѣйшія зданія, какъ, напримѣръ, Бриггсъ-отель, изображенный на прилагаемомъ рисункѣ. Дома поднимались на аршинъ отъ поверхности земли, причемъ на работы требовалось не менѣе шести недѣль. Надо замѣтить, что

*) Необходимо также устроить небольшой фортъ на рѣкѣ Бобрѣ, при пересѣченія ея съ дорогою изъ Лыка въ Бѣлостокъ, что прикроетъ Варшавскую желѣзную дорогу.



ГАРЕМНЫЙ САЛЪ ВЪ КАИРѢ

въ домахъ Чикаго лишь наружныя стѣны — каменныя, внутри же — деревянныя, такъ что зданія эти сравнительно легки на подъемъ; но будь они даже гораздо тяжелѣе—и тогда бы винтъ преодолѣлъ ихъ тяжесть. Для того чтобы приподнять зданіе, подъ него подсовывается рѣшетка изъ деревянныхъ балокъ, а подъ нею перпендикулярно утверждается множество крѣпкихъ желѣзныхъ винтовъ, которыхъ на большое зданіе потребно нѣсколько тысячъ. Винты помощію рычага возможноравномѣрно повертываются и при этомъ выступаютъ изъ своихъ гаекъ вверхъ, приподнимая лежащую надъ ними тяжесть.

Но это еще не все: дома передвигаютъ не только въ вертикальномъ направленіи, а также и въ горизонтальномъ, т. е. вдоль или въ ширь по улицѣ, что несравненно труднѣе подъема. Въ Бостонѣ понадобилось удлиннить нѣкоторыя улицы, а для исполненія этого надо было передвинуть футовъ на четырнадцать громадное зданіе отель-Пельгамъ. По смѣтѣ оказалось, что передвиженіе обойдется дешевле сломки и постройки вновь, вслѣдствіе чего и было приступлено къ первому, не смотря на сомнѣнія въ успѣхѣ предпріятія. Эти сомнѣнія имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ зданіе было семиэтажное и занимало 5,800 квадратныхъ футовъ на поверхности земли, а вѣсъ его простирался до 100,000 центнеровъ, кромѣ всей меблировки, которой не хотѣли выносить изъ дому при его передвиженіи; сверхъ того, ни одинъ жилецъ не былъ потревоженъ, и чтобы не нарушить обычнаго порядка въ домѣ соединили газопроводные и водопроводныя трубы посредствомъ каучуковыхъ съ уличными резервуарами. Путь, по которому предстояло двигатся дому, вымостили тяжолыми гранитными плитами; надъ нимъ устроили цементированный каменный помостъ, а сверху наложили полосы шиннаго желѣза. Подъ каждую стѣну дома были подведены желѣзные катки полутора дюйма въ поперечникѣ, а между ними деревянные брусья, въ дюймъ шириною; надъ катками помѣстили еще рядъ желѣзныхъ полосъ, а надъ послѣдними каменныя плиты. Нижнюючасть стѣнъ кругомъ обложили рамой изъ прочныхъ деревянныхъ балокъ, скрѣпленныхъ между собою помощью желѣзныхъ слегъ, проходившихъ сквозь все зданіе. Передвиженіе производилось такъ-же посредствомъ винтовъ; позади зданія выкопанъ былъ ровъ, въ которомъ укрѣпили балку длиною во весь фасадъ зданія, а въ ней установили 72 винта въ два дюйма толщины, которые, вывинчиваясь изъ гаекъ, упирались въ стѣну дома. Весь отель стоялъ на 904 каткахъ; приготовительныя работы продолжались около трехъ мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ самое передвиженіе совершено было въ четыре дня и потребовало только сорока работниковъ. Издержки простирались до 30,000 долларовъ.

Всемірное торжество въ Африкѣ.

(*Окончаніе*).

Довольно разсказывать о баснословномъ гостепріимствѣ вице-короля; поговорю лучше о его гостяхъ, и о томъ какъ они отблагодарили его за это гостепріимство.

Въ началѣ, когда приглашенія на торжественное открытіе Суэцкаго канала попадали въ руки замѣчательныхъ людей, или людей пользующихся высокими протекціями, эти приглашенія до нѣкоторой степени ручались за умственное превосходство получившихъ ихъ. Обойденные конечно не разъ спрашивали, чѣмъ заслужилъ такой-то или сякой подобное отличіе; выборъ иной разъ дѣйствительно выходилъ не совсѣмъ справедливъ, но все таки падалъ на людей болѣе или менѣе порядочныхъ, потому что египетское правительство отдало пригласительные билеты въ распоряженіе консуловъ, не будучи лично знакомо со всѣми замѣчательными людьми во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Консулы же препроводили приглашенія къ своимъ правительствамъ, если не предпочли хоть часть ихъ оставить у себя. Какъ-бы то ни было, «просвѣщенные умы» пріѣхали заблаговременно. Первая партія прибыла 16-го числа изъ Марселя, чтобы поспѣть къ поѣздкѣ въ Верхній Египетъ, такъ любезно устроенной хедивомъ. Слѣдующія, по одиночкѣ или группами, продолжали прибывать изъ Тріеста, Марселя и Бриндизи. Съ ними же пріѣхали и гуртовые туристы, совершавшіе поѣздку на собственный счетъ, наконецъ депутаціи отъ разныхъ правительствъ и торговыхъ палатъ. Депутаціи, разумѣется, были немедленно зачислены въ списокъ гостей вице-короля. Изъ прочихъ значительное число выхлопотало приглашенія, такъ какъ Нубаръ-паша, по желанію своего повелителя, не скупился на нихъ. Нѣкоторыя изъ правительствъ просили выслать еще добавочныя приглашенія, что и было сдѣлано съ величайшею предупредительностью. Такимъ образомъ, первоначальное число приглашенныхъ болѣе чѣмъ удвоилось; каждый, кто пріѣхалъ безъ приглашенія, старался выхлопотать его, если только была возможность, а возможность большею частью была.

Въ самыхъ смѣлыхъ мечтахъ своихъ, гости не могли себѣ представить ничего подобнаго встрѣтившему ихъ неистощимому гостепріимству, возможному только на Востокѣ. Но совершенно естественно, что тамъ гдѣ все давалось—не было границъ требованіямъ. Нашлись господа, которые отплатили своему хозяину за безконечную любезность самымъ дерзкимъ нахальствомъ— объ этихъ-то господахъ я и поведу рѣчь свою.

Разъ убѣдившись, что все дается даромъ, что ни за что платить не приходится, что правительство взяло на себя всѣ заботы, эти господа находили возмутительнымъ, если у нихъ просили простаго бакшиша (на водку), —и просителей отсылали къ вице-королю. Въ распоряженіе гостей было отдано хедивомъ значительное число драгомановъ, и когда одинъ изъ этихъ господъ присвоивалъ себѣ драгомана, протаскавъ его цѣлый день, отъ ранняго утра до поздняго вечера по жгучимъ пескамъ пустыни, онъ выдавалъ ему (вмѣсто платы или просто бакшиша) билетъ на казначейство. Чиновники, каждый день сводившіе счеты въ гостинницахъ, узнали такія возмутительныя черты скаредности и безсовѣстности, что только покачивали головами. Это не могло не дойти и до вице-короля, но его неистощимое добродушіе ничѣмъ не смущалось, и только разъ случилось ему, какъ говорятъ, замѣтить, что въ шампанскомъ, выпитомъ французами на

одномъ изъ кораблей, могъ-бы плавать фрегатъ. Нѣмцы вообще, а въ особенности англичане, отличались скромностью и благовоспитанностью; за то ужъ требованія французовъ часто бывали до гадости наглы. Многіе изъ нихъ заставляли вице-короля платить даже за стирку, и достовѣрно извѣстно, что въ Александріи одинъ французъ, проигравъ въ рулетку три тысячи франковъ, далъ банкиру на вице-короля чекъ, по которому и было получено. Такъ, между прочимъ, въ «Hôtel dunil» одинъ нѣмецъ взялъ взаймы отъ хозяина, тоже нѣмца, два талера и совѣтовалъ ему поставить ихъ на счетъ вице-королю.

Виновато тутъ собственно само египетское правительство. Чѣмъ болѣе оно раздавало приглашеній, тѣмъ болѣе подвергалось опасности злоупотребленія его гостепріимствомъ, —и потому не мудрено, что, когда вице-король любезно предоставлялъ какой нибудь любезной компаніи экстренный поѣздъ или пароходъ на небольшую экспедицію, и компанія не находила вездѣ блестящаго завтрака—она возвращалась въ полномъ негодованіи на «невниманіе» вице-короля. Любезность всегда оказывается ямой, въ которую самъ проваливаешься.

Въ надеждахъ насчетъ ожидаемаго дождя Мэджидіе и Османджіе тоже вѣроятно многіе обманулись — никто ни одного ордена не получилъ, не потому чтобы хедивъ нарочно не давалъ ихъ, а потому что всѣ разъѣхались, пока еще не была рѣшена длинная распря между нимъ и Высокой Портой, отъ которой ему, какъ извѣстно, приходится брать бланковые дипломы. Самому хедиву, безъ всякаго сомнѣнія, чрезвычайно прискорбно безсиліе выразить свое благоволеніе иначе какъ на словахъ, и можетъ-быть онъ еще вознаградитъ за ожиданіе, если только уладится распря. Весьма прискорбно было бы, еслибъ на этотъ благословенный край обрушилась какая нибудь катастрофа. Если вице-король во всемъ опередитъ своего сюзерена—это будетъ неоцѣнимымъ благодѣяніемъ для цивилизаціи, если только послѣдняя съумѣетъ воспользоваться предлагаемыми преимуществами. Къ чему всѣ резолюціи, подписанныя въ Европѣ представителями европейскихъ торговыхъ палатъ, и торжественнѣйше поднесенныя хедиву, если европейскія державы не желаютъ принять даже труда способствовать улаженію распри между Константинополемъ и Каиромъ? Къ чему вся комедія съ каналомъ, если турецкій сюзеренъ, который нисколько не нуждается въ прогрессѣ, можетъ безъ дальнихъ разговоровъ задушить въ началѣ всѣ лучшія надежды? Каждый, кто пріѣзжалъ въ Каиръ изъ Стамбула, не могъ не замѣтить громадной разницы между прогрессивными стремленіями и совершеннымъ застоемъ. Въ Египтѣ все сосредоточивается на личности вице-короля и въ особенности Нубара-паши; если ихъ стремленія удастся затормазить—Египетъ въ нѣсколько лѣтъ станетъ похожъ на богатую руду, покинутую инженерами и рабочими.

Какъ-бы то ни было, великое дѣло совершено: два громадные материка, Африка и Азія, нѣкогда соединенные между собою на подобіе близнецовъ, разсѣчены на двое,—и на мѣстѣ Суецкаго перешейка явился Суецкій каналъ, открывающій европейцамъ прямой путь изъ Средиземнаго моря въ Индію. Выполненіе этого громаднаго предпріятія выпало на долю послѣдней трети XIX вѣка, но идея и первыя попытки кроются въ глубокой древности.

«Лучшая» полоса земли Египетской, отданная Фараономъ Іосифу и дѣтямъ Израиля, страна Гесемъ, лежала къ востоку отъ низовьевъ Нила, у пустыннаго озера Тимзахъ, посрединѣ того кряжа, что недавно еще носилъ названіе Суэцкаго перешейка. При этомъ надо замѣтить, что въ тѣ отдаленныя времена самое очертаніе суши между Чермнымъ и Средиземнымъ морями нѣсколько разнилось отъ нынѣшняго. Ниже Мемфиса (нынѣ Каиръ) Нилъ раздѣлялся на семь рукавовъ, изъ которыхъ самые восточные, при городахъ Таннисѣ и Аварисѣ (Pelusium), безъ посредства озера Мензале (въ то время еще несуствовавшаго) прямо изливались въ море и составляли главный путь сообщенія всей страны. Съ юга заливъ Эритрейскаго (Чермнаго) моря простирался верстъ на сорокъ далѣе теперешняго, захватывая весь водоемъ такъ-называемаго Горькаго озера, которое въ то время именовалось заливомъ Гіеропольскимъ. Что же касается лежащаго верстахъ въ восьми сѣвернѣе, вышеупомянутаго озера Тимзахъ, то сомнительно — составляло-ли оно такъ-же лагуну Чермнаго моря; но слѣдуетъ допустить, что озеро это соединялось съ восточнымъ рукавомъ Нила посредствомъ протока, шедшаго отъ города Бубаста (нынѣ Загазигъ) черезъ страну Гесемъ. Каналъ этотъ былъ выкопанъ фараономъ Рамзесомъ II или Сезострисомъ, тѣмъ самымъ, который угнеталъ евреевъ тяжкими работами: изготовленіемъ кирпичей на постройку большихъ городовъ Рамзеса и Питума (Гіерополиса). Неподалеку отъ послѣдняго города, нѣсколько южнѣе, Моисей перевелъ народъ свой чрезъ рукавъ Чермнаго моря, который почти пересыхалъ во время отлива.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, Рамзесъ III или Рампсинитъ держалъ на Чермномъ морѣ флотъ въ 400 кораблей и первый задумалъ соединить Гесемскій (Бубастскій) протокъ съ заливомъ Гіеропольскимъ: таковъ былъ первичный проэктъ суэцкаго канала; но при послѣдующихъ династіяхъ о немъ забыли. Только Нехао, сынъ и наслѣдникъ друга грековъ Псамметиха, въ VI вѣкѣ до Р. Х. взялся за это столь важное для торговли предпріятіе. Отъ Бубаста чрезъ Рамзесъ до Гіерополиса повелѣлъ онъ провести каналъ, верстъ въ 80 длины и и 15 сажень ширины, причемъ (по свидѣтельству Геродота) погибло 120,000 рабочихъ. Но такъ въ то время не знали системы шлюзовъ и полагали, что уровень Средиземнаго моря не одинаковъ съ Чермнымъ, то прорытіе канала остановилось у Гіерополиса — и прямаго соединенія двухъ морей не послѣдовало.

По завоеваніи Египта персами, Дарій Гистаспъ хотѣлъ продолжать дѣло Нехао, но такъ-же не рѣшился на послѣдній шагъ; за то очистилъ занесенный песками рукавъ, которымъ Чермное море соединялось съ заливомъ Гіеропольскимъ—и съ тѣхъ поръ каналъ этотъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ «канала фараоновъ».

Планы Александра Македонскаго, касательно прямаго соединенія основанной имъ Александріи съ Чермнымъ моремъ, такъ же не осуществились, — и только одному изъ Птоломеевъ (именно второму, Филадельфу) удалось наконецъ прорыть Гіеропольскую преграду и соединить морской заливъ съ каналомъ Нехао посредствомъ системы шлюзовъ, причемъ и «каналъ фараоновъ», снова занесенный песками, былъ очищенъ и возстановленъ въ прежнемъ видѣ. Но двѣсти лѣтъ спустя, всѣ каналы снова занесло пескомъ до такой степени, что флотъ Клеопатры не могъ спастись бѣгствомъ въ Чермное море и долженъ былъ сдаться въ Александріи побѣдителю при Акціумѣ.

Нѣсколько столѣтій спустя послѣ римскаго владычества, во время котораго лишь Адріанъ сдѣлалъ безуспѣшную

попытку востановленія канала, Египетъ подпалъ власти ислама. Година голода, наступившая въ Аравіи, обратила вниманіе правовѣрныхъ на сообщеніе Нильской дельты съ Чермнымъ моремъ. По приказу халифа Омара, старые каналы въ теченіи одного года (640 по Р. Х.) были снова раскопаны и сдѣланы настолько судоходными, что по нимъ отправлялись въ Геджасъ лодки, нагруженныя хлѣбомъ; но въ 767 году халифъ Альманзоръ, изъ дома Абассидовъ, основатель Багдада, велѣлъ засыпать весь этотъ водный путь, называвшійся «каналомъ повелителя правовѣрныхъ», — дабы прекратить вывозъ хлѣба въ мятежную Мекку. Съ тѣхъ поръ, каналы Нехао и Фараоновъ исчезли безслѣдно, Гіеропольскій заливъ сталъ замкнутымъ озеромъ, воды котораго постепенно пересохли, отложивъ громадное количество соли. Между тѣмъ, всемірная исторія шла впередъ. Колумбъ открылъ Америку, а Васко де-Гама нашелъ морской путь въ Индію вокругъ мыса Доброй-Надежды. Транзитная торговля Венеціи чрезъ Египетъ съ Индіей пала. Португалія, Голландія и Англія овладѣли морями. Египетскіе султаны только изрѣдка мечтали о возстановленіи прежняго воднаго пути. Такъ продолжалось до Бонапарта, который въ 1799 году велѣлъ инженеру Леперу изслѣдовать почву суэцкаго перешейка. Планы эти не осуществились, но Египетъ снова сталъ вступать въ политическую жизнь. Мегеметъ Али, паша Египетскій съ 1806 года, обратилъ особенное вниманіе на систему каналовъ, и Англія не могла не видѣть, что со введеніемъ паровыхъ судовъ суэцкій перешеекъ—по самому положенію своему—возвратитъ себѣ прежнее громадное значеніе во всемірной торговлѣ. Въ 1837 году наконецъ установилось пароходство между Индіей и Суэцомъ, а также между Александріей и Англіей; вскорѣ затѣмъ проложили желѣзную дорогу изъ Александріи въ Каиръ. Между тѣмъ снова поднятъ былъ вопросъ о прямомъ сообщеніи двухъ морей. Въ 1847 году Толаботъ представилъ свой планъ, за нимъ явился Эмиль Барро съ таковымъ же; оба хотѣли соединить Александрію съ Суэцомъ помощію Нила каналомъ въ 400 — 500 километровъ. Въ то же время Фердинандъ де-Лессепсъ ревностно занялся изученіемъ кратчайшаго пути отъ Суэца на сѣверъ къ Средиземному морю.

Сынъ графа Матье де-Лессепса, представителя Франціи въ Египтѣ Фердинандъ де-Лессепсъ родился въ Версалѣ 19 ноября 1805 года, и въ 1825 уже вступилъ на дипломатическое поприще, въ качествѣ attaché при генеральномъ консульствѣ въ Лиссабонѣ. Съ 1831 по 1838 г. пребывалъ онъ въ Египтѣ сначала вицеконсуломъ, потомъ генеральнымъ консуломъ, былъ посылаемъ въ Роттердамъ, Малагу и Барселону, отличился при бомбардированіи послѣдняго города 4-го ноября 1842 года, въ 1848 году получилъ посольскій постъ въ Мадридѣ, а въ 1849 вышелъ въ отставку, не исполнивъ даннаго ему французскимъ правительствомъ порученія къ римскому двору. Пять лѣтъ спустя Лессепсъ послѣдовалъ за назначеннымъ въ Египетъ вице-королемъ Саидъ-пашею и представилъ ему давно задуманный и вполнѣ созрѣвшій планъ *Суэцкаго канала*. 15-го ноября 1854 года Лессепсу дана была первая концессія на исполненіе его плановъ, а 5-го января 1855 утвержденъ статутъ предложенной имъ компаніи. 25-го іюня 1856 года вышелъ первый нумеръ газеты «L'isthme de Suez», посвященной этому предпріятію, которая безпрерывно издавалась до послѣдняго времени и мало-по-малу пріобрѣла общеевропейское участіе къ титаническому дѣлу, сначала казавшемуся несбыточной химерой. Въ ноябрѣ 1858 года въ Парижѣ началась подписка, а въ 1860 году 15 го мая состоялось первое общее собраніе «компаніи Суэцкаго канала», по начатіи работъ 25 апрѣля 1859 г. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; затраченный капиталъ простирался до 404.373.378 франковъ, наличнаго въ кассѣ оставалось еще 47$^1/_4$ милліоновъ франковъ; на производство работъ потребовалось 12,000 людей и 20,000 животныхъ, 15 локомотивовъ, 60 локомобилей, 100 пароходовъ, не считая прочихъ машинъ.

Въ концѣ 1863 года оконченъ былъ прѣсноводный каналъ между Суэцомъ и Загазигомъ; 1866 совершено первое плаваніе по морскому каналу отъ Портъ-Саида до Измаиліе. 18-го марта 1869 потекли воды Чермнаго моря въ южную половину канала и наполнили водоемъ Горькаго озера. Главныя работы кончены, гигантское дѣло сдѣлано—и Суэцкій каналъ (въ 160 километровъ длины) открытъ мореплавателямъ.

Станетъ ли онъ всемірнымъ путемъ сообщенія или, подобно предшествовавшимъ, будетъ занесенъ песками,— рѣшатъ грядущіе вѣка; но можно сказать почти навѣрно, что при современномъ развитіи техническихъ знаній и средствъ, послѣдній исходъ невѣроятенъ.

Смѣсь.

Новая парижская мода,

сумасбродствомъ превышающая всѣ прежнія. Чтобы не одѣваться какъ всѣ,—т. е. какъ всѣ женщины достаточнаго средняго класса, которыя вечеромъ придѣлываютъ къ короткимъ платьямъ шлейфъ, — маркиза Г. заказала себѣ платье изъ голубаго атласа, которое волочится на метръ не сзади только а *кругомъ*. Само собою разумѣется, что передъ платья нужно подбирать, что и дѣлается посредствомъ золотой цѣпочки съ брилліантовымъ фермуаромъ. Понятно, что подъ это платье требуется юпка еще богаче самаго платья.

Отравленіе матеріями.

Недавно въ Берлинѣ заболѣли двѣ дамы (одна пожилая, другая молодая) отъ отравленія, причиненнаго тарлатановымъ платьемъ. Платье это было изслѣдовано нѣсколькими экспертами, которые нашли, что на 100 фунтовъ красильнаго вещества, которымъ пропитана матерія, приходится 13$^1/_2$ фунтовъ мышьяку т. е. больше восьмой доли — ядъ. Нынѣ дѣятельно производятся офиціальныя розысканія о томъ, кого слѣдуетъ предать суду за это отравленіе. Интересно было бы знать, какъ именно проникла отрава въ желудокъ.—

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 12 Февр. 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр. д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Нев. пр., д. № 45—1.

№ 8. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ **С.-Петербургѣ**. 4 р.
Безъ доставки въ **Москвѣ** у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » **Итого . 5 р. — »**

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи **5** талер

Маленькая графиня.

Повѣсть Октава Фелье.

(*Окончаніе*).

VII. 7 октября.

Любезный Поль, отъ глубины сердца сочувствую твоему горю. Позволь мнѣ, однако, тебя увѣрить что изъ твоего письма я вижу, что состояніе здоровья твоей, добрѣйшей матери не внушаетъ никакого серіознаго опасенія. Это одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые не опасны; зима, ты знаешь, самое опасное для нея время года. Терпѣніе и мужество!—умоляю тебя.

Я желаю имѣть твое формальное согласіе, чтобы рѣшиться примѣшивать мои мелкія тревоги къ твоимъ серіознымъ заботамъ. Ты мѣтко угадалъ, что въ то время, когда я получу твое письмо, мнѣ скорѣе будутъ необходимы утѣшенія, нежели совѣты. Сердце мое неспокойно, и что еще хуже, совѣсть—также; впрочемъ я исполнилъ свой долгъ. Хорошо ли я его понялъ, дурно ли—ты будешь моимъ судьей. Боже мой! Какъ я завидую иногда тѣмъ, которые могутъ безъ борьбы, сомнѣнія, по одному животному инстинкту, уступать тому, что ихъ притягиваетъ или отталкиваетъ! Сколько мученій причиняетъ совѣсть истинно честной душѣ, которой не управляютъ извѣстные принципы и не поддерживаетъ абсолютная вѣра! Начинаю съ тѣхъ отношеній, въ которыя мы стали съ г-жею де-Пальмъ, когда я писалъ тебѣ мое послѣднее письмо.

На слѣдующій день послѣ нашего объясненія я старался поддержать наше знакомство на той же дружеской почвѣ. Другихъ отношеній, по существу самаго дѣла, и желать нельзя было. Мнѣ казалось, что она была весела въ этотъ день также какъ и всегда: я замѣтилъ только, что всякій разъ какъ она обращалась ко мнѣ, голосъ ея дѣлался серіознѣе и нѣжнѣе; на слѣдующіе дни, не смотря на то, что я велъ себя одинаково, въ г-жѣ де-Пальмъ произошла нѣкоторая перемѣна: она сдѣлалась менѣе весела, казалась озабоченной — что придавало грустный оттѣнокъ ея лицу. Она удивляла танцоровъ своею разсѣянностью: она носилась въ вихрѣ танцевъ, но уже не управляла ими. Вдругъ, посреди вальса, она отговаривалась усталостью, безъ всякой церемоніи оставляла своего кавалера, и садилась гдѣ нибудь въ углу залы, задумчивая, будто недовольная. Если подлѣ меня стояло пустое кресло, она садилась и начинала вести какой то странный разговоръ. Вотъ тебѣ образчикъ:

— Если я не могу сдѣлаться отшельницей, то я поступлю въ монахини. Что бы вы сказали еслибы увидѣли, что я поступила въ монастырь?

— Я сказалъ бы, что вы чрезъ день выйдете оттуда.

— Вы не вѣрите въ мою рѣшимость?

— Когда она безумна, нѣтъ.

— Мнѣ только и можетъ придти въ голову безумное, по вашему!

По моему, вы превосходно вальсируете. Танцовать такъ какъ вы—это искуство, почти добродѣтель.

— Друзьямъ не льстятъ!

— Я говорю безъ лести. Я не сказалъ вамъ ни одного слова, которое бы не серіозно выражало мою мысль. Я человѣкъ серіозный, сударыня.

— Со мной—нѣтъ. Мнѣ кажется, вы хотите, чтобы я возненавидѣла смѣхъ насколько его прежде любила.

— Я васъ не понимаю.

— Какъ вы меня находите сегодня?

— Великолѣпной, какъ всегда.

— Это слишкомъ много. Я знаю, что я не красавица.

— Слава Богу! Я чувствую, что это правда. Вдова Малабарская дѣйствительно красавица.

— Да, я желалъ бы ее видѣть на кострѣ.

— Чтобы броситься туда вмѣстѣ съ нею?

— Именно.

— Вы скоро уѣзжаете?

— На будущей недѣлѣ, я думаю.

— Вы будете у меня бывать въ Парижѣ?

— Если позволите...

— Нѣтъ, я вамъ не позволяю.

— Почему это?

— Потому что я не думаю возвратиться въ Парижъ.

— Это серіозная причина. А куда уѣзжаете вы, сударыня?

— Не знаю. Не хотите ли отправиться путешествовать пѣшкомъ, вдвоемъ?

— Весьма! Такъ отправляемся?

Не стану утомлять тебя изложеніемъ подобныхъ разговоровъ, въ которыхъ г-жа де-Пальмъ упражнялась нѣсколько дней сряду: это было съ ея стороны усиліемъ выйти изъ обыкновенной колеи и вступить на болѣе интимную почву; съ своей стороны я упорствовалъ остаться въ прежнихъ отношеніяхъ и объяснялся чисто салоннымъ жаргономъ; она замѣчала это и часто смѣялась, иногда сердилась, постоянно удивляясь, что вся серіозность внезапно перешла на ея сторону. Подобное поведеніе неускользнуло отъ наблюдательнаго взгляда завистниковъ, которые слѣдятъ за каждымъ шагомъ маленькой графини: она, дѣйствительно, вела себя дѣтски-наивно. Она замѣчала иногда, что любопытные взоры окружающихъ мнѣ непріятны.

— Я компрометирую васъ, говорила она, я уйду!

Я успокоивалъ ее, но не удерживалъ. Ты меня знаешь, Поль, и вѣришь, что подобная холодность и равнодушіе были совершенно искренни. Я взялъ себѣ за правило: сдѣлать все, чтобы оттолкнуть отъ себя г-жу де-Пальмъ — и лучше вести себя было невозможно, хотя и это ни къ чему не повело. Если бы мнѣ пришлось подвергнуться сужденію кого-либо другаго, а не твоему, другъ Поль, то я могъ бы сказать въ свою защиту, что я дѣлалъ иногда весьма достойныя усилія, не для того чтобы оттолкнуть несчастный ореолъ, которымъ свѣтъ окружаетъ побѣду одержанную мной, но чтобы удержать затаенныя движенія моего сердца, которое не могло остаться равнодушнымъ къ граціи и благосклонности этой молодой женщины. Подхожу къ сценѣ, которой завершилась эта тяжелая борьба. Г. и г-жа дь-Малуэ давали балъ, по случаю отъѣзда своей дочери, на который были приглашены всѣ сосѣди, живущіе на десять льё въ окружности. Къ десяти часамъ огромная масса гостей наполняла обширныя залы перваго этажа; туалеты, блескъ освѣщенія, цвѣты—все это сливалось вмѣстѣ. Проходя въ большую залу, я столкнулся съ г-жею де-Малуэ, которая отвела меня въ сторону, и сказала: — Дѣла плохи! — Боже мой! развѣ что случилось?—Ничего, но будьте осторожны. Боже мой!... Какъ все это дурно идетъ!.. я вамъ вполнѣ довѣряю, милостивый государь; вы не обманите се, не правда-ли? — Голосъ ея дрожалъ, глаза были влажны.

— Сударыня, сказалъ я, вы можете на меня положиться... мнѣ нужно было бы уѣхать съ недѣлю тому назадъ. Но кто же могъ это предвидѣть?... Тише!...

Я повернулся и увидѣлъ госпожу де-Пальмъ, выходящую изъ залы; толпа гостей разступалась передъ ней съ какою то робкой поспѣшностью, съ какимъ то почтительнымъ ужасомъ, который возбуждаетъ въ мужчинахъ верховная грація женской красоты.

Въ этихъ королевахъ, царствующихъ не рѣдко одну только ночь, есть что то волшебное, когда онѣ являются намъ среди свѣтскаго блеска, проходя твердымъ, увѣреннымъ шагомъ побѣдителя чрезъ свое крошечное, но изящное царство:—чело ихъ надменно, блестящіе, упоительные взоры держать толпу въ какомъ то непонятномъ очарованіи.

Въ этотъ вечеръ г-жа де-Пальмъ была, дѣйствительно прекрасна: на лицѣ ея было странное выраженіе, глаза восторженно блестѣли, душевное волненіе преображало ея черты.

— Я нравлюсь вамъ? сказала она. Я отвѣчалъ не внятно, какъ бы смутившись; но женскій взглядъ не могъ ошибится; она прочла утвердительный отвѣтъ на моемъ лицѣ.

— Я искала васъ... хотѣла показать вамъ теплицу, это нѣчто волшебное; пойдемте. И она взяла меня подъ руку. Мы направились къ двери, находившейся на другомъ концѣ залы: она вела въ теплицу, отбрасывая до самаго парка, сквозь ліаны и другія душистыя тропическія растенія, ослѣпительный блескъ этаго великолѣпнаго бала. Въ то время какъ мы любовались эффектомъ, который производили горящія жирондоли среди этой роскошной, могучей тропической флоры, много кавалеровъ подходило къ госпожѣ де-Пальмъ: они приглашали ее на вальсъ; она отказывала, я убѣждалъ ее согласиться.

— Наши роли нѣсколько измѣнились, сказала она; Я—удерживаю васъ, вы—прогоняете меня.

— Нѣтъ, но я не желаю, чтобы вы изъ любезности ко мнѣ лишали себя удовольствія, которое любите, и которое васъ любитъ.

— Нѣтъ! я знаю, что заискиваю въ васъ, а вы отъ меня убѣгаете. Въ глазахъ свѣта все это покажется глупо, но мнѣ все равно. Этотъ вечеръ я хочу веселиться какъ умѣю. Я запрещаю вамъ нарушать мое счастіе. Я, въ самомъ дѣлѣ, очень счастлива. У меня все есть: и цвѣты, и хорошая музыка... и другъ подлѣ меня. Только—и это единственная черная точка на моемъ голубомъ небѣ—я болѣе увѣрена въ музыкѣ и цвѣтахъ нежели въ другѣ.

— Вы совершенно не правы.

— Объясните же мнѣ разъ на всегда ваше поведеніе. Отчего не хотите вы поговорить со мною серіозно? Зачѣмъ вы такъ упорно уклоняетесь высказать мнѣ довѣріе, интимность, дружбу, наконецъ?

— Потрудитесь подумать, сударыня: куда бы это повело насъ?

— Что вамъ за дѣло до этого? Поведетъ куда-нибудь. Любопытно, что вы заботитесь объ этомъ больше нежели я!

— Хорошо! что вы подумали бы обо мнѣ, если бы я сталъ за вами ухаживать?

— Я не прошу васъ за мною ухаживать, сказала она съ живостью.

— Нѣтъ, сударыня, но такой оборотъ приняло бы дѣло, если бы я хоть на минуту оставилъ свѣтскій банальный разговоръ. Ну чтожь! признайтесь, что на свѣтѣ есть одинъ человѣкъ который начни онъ ухаживать за вами, непремѣнно заслужилъ бы ваше презрѣніе, а этотъ человѣкъ—я. Не скажу вамъ чтобы я былъ доволенъ тѣмъ, что сталъ относительно васъ въ такое положеніе; но это совершилось, и я не могу этого забыть.

— Весьма большая причина!

— И большое мужество, сударыня.

Она покачала головой, и продолжала послѣ минутнаго молчанія:—знаете-ли что вы говорите со мной, какъ съ распутной женщиной?

— Сударыня!

— Конечно. Вы думаете, что я не вижу другого намѣренія въ мужчинѣ какъ сдѣлать меня своей любовницей. Такъ думаютъ потерянныя женщины, но я не такова; не вѣрьте мнѣ если хотите, клянусь вамъ Богомъ, что я говорю правду... да, Богомъ клянусь; онъ видитъ и знаетъ все, я молюсь ему чаще нежели думаютъ. Онъ до сихъ поръ предохранялъ меня отъ всего дурнаго... и въ будущемъ я надѣюсь на него; но есть вещи въ которыхъ онъ не властенъ... Она остановилась на минуту и сказала: — вы тутъ можете много помочь.

— Я, сударыня?

— Я допустила васъ, сама не знаю какъ... нѣтъ, я совершенно не знаю!... до рѣшительнаго вліянія на мою судьбу... Хотите вы воспользоваться этимъ? Вотъ вопросъ!

— Но по какому праву... въ качествѣ чего могу я этимъ воспользоваться, сударыня? — сказалъ я медленнымъ, холодно-вѣжливымъ тономъ.

— А! вскричала она, глухимъ но энергичнымъ голосомъ, и вы спрашиваете меня объ этомъ? А! это слишкомъ жестоко! вы меня унижаете! Она оставила мою руку и быстро пошла въ залу.

Я остановился въ нерѣшимости, что предпринять. Я хотѣлъ идти къ г-жѣ де-Пальмъ и сказать ей, что она ошиблась въ значеніи моихъ словъ. Она, по видимому, отнесла мой отвѣтъ прямо къ волновавшему ее чувству, которое я вовсе не зналъ и не понялъ изъ ея разговора; но подумавъ нѣсколько минутъ, я рѣшился избѣгнуть новой непріятной встрѣчи. Я предпочелъ остаться подъ тяжестью обвиненія и молча переносить чувство горькой досады, наполнявшее мое сердце. Я вышелъ изъ теплицы въ садъ, желая укрыться отъ бальнаго шума и блеска, который меня безпокоилъ. Ночь была холодная, но прекрасная. Какое-то грустное предчувствіе повело меня въ неосвѣщенную сторону сада. Я быстро шелъ въ густой мракъ деревьевъ, какъ вдругъ меня остановила чья-то рука; по голосу я тотчасъ узналъ ее. Мнѣ нужно съ вами поговорить! сказала она.

— Сударыня, ради Бога!... что вы дѣлаете! вы компрометируете себя... пойдемте въ залу! Я васъ провожу, хотите?

И я старался поймать ее за руку.

— Я хочу съ вами поговорить... я рѣшилась.... О! Боже мой!... но какъ я неловко принимаюсь за дѣло, неправда-ли? Вы болѣе чѣмъ когда-либо презираете меня! А между тѣмъ не за что.... я не виновна... Богъ видитъ, что я говорю правду. Вы первый... для кого я позабыла... все что забываю теперь. Да, вы первый! Но никто не слыхалъ отъ меня ни единаго слова любви, никогда!... вы мнѣ не вѣрите!

Я взялъ ея обѣ руки:—клянусь, что я вѣрю вамъ и что люблю васъ какъ свою дочь... Но, послушайте меня, ради Бога! не пренебрегайте открыто мнѣніемъ свѣта—оно неумолимо... возвратитесь въ залу, я также приду туда, даю вамъ слово... но только ради Бога, не компрометируйте себя! Бѣдное дитя залилось слезами; я почувствовалъ, что она зашаталась и поддержалъ ее. Я посадилъ ее на скамейку и держалъ ее руку. Вокругъ насъ былъ совершенный мракъ; я смотрѣлъ въ пустое пространство и слышалъ тихій ропотъ ручья, протекавшаго подъ елями, судорожное рыданіе этой молодой женщины, и ненавистные звуки оркестра. Такія минуты навсегда памятны.

— Наконецъ, она оправилась; казалось, прежняя твердость характера возвратилась къ ней. Послушайте, сказала она вставая, не безпокойтесь о моей репутаціи. Свѣтъ привыкъ къ моимъ выходкамъ. Я приняла всѣ мѣры, чтобы на этотъ разъ никто ничего не замѣтилъ. Впрочемъ, это мнѣ все равно. Вы единственный человѣкъ, уваженіе котораго я могу цѣнить; но къ несчастію вы меня презираете... Это ужасно... Что-то говоритъ вамъ однако, что я этого не заслуживаю? неправда-ли?

— Сударыня!

— Выслушайте меня! О, да убѣдитъ васъ Богъ! это роковой, самый страшный часъ въ моей жизни. Съ перваго взгляда я любила васъ... и вся принадлежу вамъ... Я еще никогда никого не любила... хотите я буду вашей женою?... Я этого достойна... клянусь передъ Богомъ, который насъ видитъ.

— Дорогое, любезное, дитя мое... ваша доброта... ваша нѣжность... глубоко трогаютъ меня.... ради Бога, успокойтесь... дайте мнѣ собраться съ мыслями.

— А! Если ваше сердце заговорило — слушайтесь его! Умомъ меня нельзя судить... я чувствую, что вы сомнѣваетесь еще въ моемъ прошедшемъ... О, Боже мой! это общественное мнѣніе, которымъ я такъ пренебрегала, какъ оно мститъ мнѣ!... какъ оно меня убиваетъ!...

— Нѣтъ, сударыня, вы ошибаетесь... Ну что-жъ я могу предложить вамъ взамѣнъ того, чѣмъ вы для меня жертвуете:—привычками, наклонностями, радостями цѣлой жизни?

— Но эта жизнь мнѣ противна! Вы думаете, что я буду сожалѣть о ней? И снова сдѣлаюсь такой какой была... сумасшедшей? И вы это думаете! Но чѣмъ убѣдить васъ? А между тѣмъ я увѣрена, что недоставлю вамъ этого огорченія,—и никакого другаго... Да, никогда! Я прочла въ вашихъ глазахъ новый міръ, болѣе достойный, болѣе возвышенный, о которомъ я прежде не имѣла понятія... и внѣ котораго я больше жить не могу... Да! но вы должны чувствовать, что я говорю правду!

— Да, сударыня, вы говорите мнѣ правду... правду настоящей минуты... лихорадочной экзальтаціи... но этотъ новый міръ, который смутно рисуется въ вашемъ воображеніи, этотъ идеальный міръ, въ которомъ вы хотите укрыться отъ минутныхъ неудачъ, никогда не дастъ вамъ того, что вы ожидаете... Обольщенія, сожалѣнія, несчастія—вотъ что васъ тамъ ожидаетъ... И не одну! Я не знаю, есть-ли хоть одинъ человѣкъ, достаточно умный и благородный, который-бы заставилъ по-

любить тотъ чудный міръ, о которомъ вы мечтаете; подобная задача... была такъ пріятна... но она свыше моихъ силъ; я былъ бы безумный, — и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣнный, если бы взялъ на ее себя.

— И это ваше послѣднее рѣшеніе? Размышленія не измѣнятъ его?

— Нѣтъ.

— Прощайте!... Боже, какъ я несчастна!... Прощайте! Она схватила мою руку, судорожно пожала ее и удалилась. Когда она исчезла, я опустился на скамейку, на которой она сидѣла; тогда, мой милый Поль, силы меня оставили. Я схватился обѣими руками за голову и зарыдалъ какъ ребенокъ. Благодаря Бога, она не возвратилась! Я долженъ былъ собрать все свое мужество, чтобъ снова явиться на балъ; я увидѣлъ, что мое отсутствіе не было замѣчено. Г-жа де-Пальмъ танцовала; она была лихорадочно весела. Вскорѣ всѣ перешли въ столовую, гдѣ былъ накрытъ ужинъ, и я воспользовался этой минутой, чтобы удалиться въ свою комнату.

На слѣдующее утро я желалъ поговорить съ г-жею де-Малуэ: — мнѣ казалось, что я долженъ былъ это сдѣлать. Она слушала мой разсказъ, и была сильно взволнована, но не удивлена.

— Я уже угадывала, сказала она, нѣчто подобное... и не спала всю ночь. Вы поступили, какъ умный и честный человѣкъ. Да, это такъ; но все-таки тяжело это перенести. Свѣтская жизнь тѣмъ именно ужасна, что создаетъ искуственные характеры и страсти, неожиданныя положенія, неуловимые оттѣнки, которые, страннымъ образомъ, усложняютъ обязанности и затемняютъ естественный ходъ отношеній, которому всегда такъ легко слѣдовать... И теперь, вы хотите уѣхать, не правда-ли?

— Да, сударыня.

— Хорошо. Но останьтесь еще дня два или три: такимъ образомъ вашъ отъѣздъ не будетъ имѣть видъ бѣгства, которое, послѣ всего что могли замѣтить, имѣло-бы много смѣшнаго и даже обиднаго. Я прошу у васъ этой жертвы. Сегодня мы всѣ обѣдаемъ у г-жи де-Брейльи: я извиняюсь за васъ; по крайней мѣрѣ, этотъ день вы проведете спокойно. Завтрашній день также устроимъ все къ лучшему, и послѣ завтра вы уѣдете.

Я согласился. И такъ, до скораго свиданія, другъ Жанъ...

Какъ чувствую я себя оставленнымъ, одинокимъ! Какъ я желалъ бы пожать твою честную руку и услышать отъ тебя слова: ты хорошо поступилъ!...

VIII.

Розель, 10-го октября.

Вотъ я опять въ моей кельѣ, любезный другъ. И за чѣмъ я покидалъ ее! Никогда еще человѣческое сердце не билось столь сильно въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ, какъ мое бѣдное, измученное сердце! Я не хочу проклинать человѣческій разумъ, нашу мудрость, мораль, философію — все что есть наиболѣе благороднаго и возвышеннаго! Но, Боже мой, какъ этого мало! какіе ненадежные руководители! какая слабая опора!

Выслушай грустный разсказъ. — Вчера, благодаря г-жѣ де-Малуэ, я просидѣлъ одинъ цѣлый день; я былъ, слѣдовательно, спокоенъ, насколько могъ. Въ полночь я услышалъ стукъ кареты; затѣмъ все снова умолкло. Уже нѣсколько дней я сплю тревожно и въ эту ночь меня разбудилъ стукъ отворявшейся и затворявшейся двери. Не знаю почему, такой простой случай возбудилъ мое вниманіе; я вскочилъ съ кресла, на которомъ дремалъ, и подошелъ къ окну: я увидѣлъ отчетливо человѣческую фигуру, пробиравшуюся къ аллеѣ. Я легко догадался, что онъ вышелъ черезъ дверь, ведущую въ правый флигель замка, смежный съ библіотекой. Тутъ помѣщается г-жа де-Пальмъ, когда проводитъ ночь въ замкѣ. Ты понимаешь, какого рода мысль мнѣ пришла въ голову; то я отвергалъ ее какъ безумную, то находилъ ее возможной, на основаніи наблюденій и опыта; тогда я относился къ ней съ какой-то циничной ироніей и даже съ любовью останавливался на ней, какъ на страшной, но рѣшительной развязкѣ.

Первые лучи свѣта застали меня въ нѣмомъ безпокойствѣ; я припоминалъ всѣ мельчайшія обстоятельства, которыя могли-бы подтвердить мои подозрѣнія; наконецъ я измучился и впалъ въ оцѣпенѣніе; когда проснулся, я былъ убѣжденъ, что видѣлъ все это на яву; но мнѣ показалось, что я объяснилъ видѣнное мной съ безумной поспѣшностью. Мнѣ было грустно убѣдиться въ испорченности женскаго сердца путемъ такого безстыднаго, тяжкаго, грустнаго доказательства; но я потерялъ право оскорбляться! чувство простаго достоинства мнѣ это воспрещало; если мнѣ желали отмстить, то пусть же не прочтутъ на моемъ лицѣ слѣды подобной побѣды. Что касается до моихъ страданій, то я сказалъ себѣ, что мой отъѣздъ излечитъ ихъ и уничтожитъ эту жгучую, острую, невыносимую боль.

Въ половинѣ одиннадцатаго я сошелъ въ гостинную. Г-жа де-Пальмъ уже была тамъ: она слѣдовательно ночь провела въ замкѣ; она казалась спокойной такъ что я убѣдился въ невѣрности моихъ подозрѣній. Тяжелый камень свалился съ моего сердца. Мнѣ показались забавными мои опасенія и я радовался, что всѣ мои воспоминанія остались чистыми. Съ радости я охотно согласился на катанье верхомъ по берегу моря, предложенное г-жею де-Малуэ.

Въ два часа наша кавалькада выѣхала со двора замка. Я былъ очень веселъ, какъ вдругъ г-жа де-Пальмъ быстро ко мнѣ подъѣхала.

— Я сейчасъ сдѣлаю подлость, сказала она; я дала себѣ слово, что непремѣнно сдѣлаю... Ахъ, я задыхаюсь! Я посмотрѣлъ на нее: глаза ея блуждали, выраженіе лица было странное; меня охватилъ ужасъ.

— Ну, чтожъ! сказала она, такимъ голосомъ, который я никогда не забуду, вы хотѣли этого... Я, потерянная женщина! она ударила лошадь и ускакала въ одно мгновеніе.

Я остался въ нѣмомъ оцѣпенѣніи, пораженный этой утонченной местью; но въ голосѣ этой несчастной женщины не слышалось, однако, ничего нахальнаго, циничнаго: это былъ голосъ отчаянія, болѣзненный крикъ сердца и горькій упрекъ. Все это страшно угнетало мою душу, оскверняя и разбивая въ прахъ мои лучшія чувства, возбуждая глубокое сожалѣніе въ моей неспокойной совѣсти. Когда я собрался съ силами и посмотрѣлъ вокругъ себя я замѣтилъ, что около г-жи де-Пальмъ увивается нѣкій г-нъ де-Мотернъ. Это весьма красивый господинъ, моихъ лѣтъ, очень элегантный, но фатъ. У него много свѣтскихъ талантовъ, но—ни капли ума. Онъ дерзокъ и самонадѣенъ; онъ велъ себя такъ съ г-жею

Рафаэль и Форнарина.

де-Пальмъ, что, казалось, не боялся соперниковъ. Онъ наклонялся къ ней и говорилъ ей на ухо, вѣроятно, чтобъ показать всѣмъ, что онъ пользуется ея благосклонностью. Но свѣтъ, который любитъ казнить за вымышленныя преступленія, весьма часто не замѣчаетъ дѣйствительной виновности. Самыя разнообразныя мысли путались въ моей головѣ: это былъ какой-то хаосъ — страшная, непримиримая, вѣчная злоба къ этому глупому человѣку. Я былъ оскорбленъ предпочтеніемъ, которое ему оказали: это былъ первый встрѣчный—не болѣе; его выбрали, съ какимъ-то равнодушіемъ и даже презрѣніемъ, какъ оружіе, которымъ хотятъ лишить жизни. А мои чувства къ ней? Ты ихъ угадываешь: я не чувствовалъ гнѣва, но душевно оскорбѣлъ, сожалѣлъ объ ней; смутный упрекъ не давалъ мнѣ покоя и страстное, бѣшенное сожалѣніе меня терзало! Только тогда я узналъ, какъ сильно любилъ ее.

Всѣ препятствія, которые казались мнѣ столь сильными, исчезали предъ бездной, которая открылась между нами: вотъ единственная пропасть, которая существовала между нами! Страшное дѣло! Я видѣлъ, что дѣло неисправимо и не могъ примириться съ этимъ; я убѣждался, что эта женщина умерла для меня, такъ, какъ будто-бы, уже заколотили крышку ее гроба, но не могъ отъ нее отказаться!... Я строилъ безумные планы придраться къ г-ну де-Мотеринъ и вызвать его на дуэль... Кажется, я раздавилъ-бы его!... Потомъ, я хотѣлъ убѣжать съ нею, жениться и прикрыть ея позоръ, отвергнувъ ее тогда, когда она была такъ чиста и прекрасна!... Да, этотъ безумный планъ очень меня прельщалъ, но я говорилъ себѣ, что отчаяніе, отвращеніе будутъ единственнымъ результатомъ союза этой опозоренной чести и окровавленной руки... Ты поймешь, сколько я выстрадалъ!

Въ продолженіи прогулки, г-жа де-Пальмъ выказывала необыкновенное, лихорадочное оживленіе и совершала чудеса верховой ѣзды. Иногда до моего уха долеталъ ея смѣхъ, и онъ казался мнѣ какимъ-то глухимъ, раздирающимъ стономъ. Еще разъ проѣзжая мимо, она сказала мнѣ: — Вы чувствуете ко мнѣ отвращеніе, неправда-ли? Я покачалъ головой и молча опустилъ глаза. Мы возвратились въ замокъ къ четыремъ часамъ. Шумъ, крикъ и суматоха въ корридорѣ остановили меня, когда я поднимался въ свою комнату. Я замеръ. Я сбѣжалъ поспѣшно и мнѣ сказали, что съ г-жею де-Пальмъ сдѣлался сильный нервный припадокъ. Ее положили въ гостиную. Я услыхалъ, чрезъ открытую дверь, кроткій, серьезный голосъ г-жи де-Малуэ, къ которому примѣшивались жалобные стоны какъ бы больнаго ребенка. Я убѣжалъ. Я рѣшился немедленно покинуть эти несчастныя мѣста; ничто въ мірѣ не могло меня удержать. Твое письмо могло служить приличнымъ предлогомъ къ внезапному отъѣзду: здѣсь знаютъ, что мы дружны.

Я сказалъ, что ты меня просишь пріѣхать немедленно и распорядился, чтобы мнѣ прислали карету и лошадей изъ ближайшаго города. Въ нѣсколько минутъ я собрался и приказалъ кучеру ожидать меня въ концѣ аллеи, пока я буду прощаться.

Г. де-Малуэ, казалось, не подозрѣвалъ: добрый старикъ разчувствовался, когда я благодарилъ его за вниманіе, и онъ, дѣйствительно, оказалъ мнѣ много любезности во время моего пребыванія въ замкѣ. Г-жа де-Малуэ пожелала проводить меня нѣсколько шаговъ дальше мужа; я чувствовалъ, что рука ее дрожала, когда она мнѣ давала различныя порученія въ Парижъ. Когда мы прощались, она съ чувствомъ пожала мнѣ руку и сказала съ кротостью:

— Ну, Богъ, какъ видно, не благословилъ нашу мудрость!

— Сударыня, Онъ видитъ наши сердца и знаетъ, что я страдаю — и надѣюсь, Онъ проститъ меня.

— Конечно... безъ сомнѣнія, сказала г-жа де-Малуэ, но она? Она!... Ахъ, бѣдная дитя!

— Утѣшайте ее, сударыня. Не оставляйте ее, прощайте!

Я поспѣшно удалился. Но вмѣсто того, чтобы отправиться въ мѣстечко, я приказалъ ѣхать по дорогѣ въ аббатство до вершины холмовъ; приказавъ кучеру завтра пріѣхать сюда за мною. Я не могу объяснить тебѣ, отчего мнѣ такъ сильно хотѣлось взглянуть еще разъ на это тихое убѣжище, гдѣ я былъ такъ счастливъ!

Вотъ я опять въ своей кельѣ, но она кажется мнѣ такой холодной, мрачной, печальной! Да, и небо что-то хмурилось! Въ этотъ осенній вечеръ дулъ на долину страшный, леденящій ураганъ, сильные порывы вѣтра свистѣли въ щеляхъ развалинъ, отрывая камни, которые тяжело падали на землю; проливной дождь стучитъ въ мои окна — мнѣ кажется, что это горючія слезы!

Слезы! они уже давно меня душатъ.... но ни одна слеза не выкатилась еще изъ моихъ глазъ! Я даже молился, долго молился — не тому не осязаемому Богу, котораго мы тщетно преслѣдуемъ за предѣлами звѣздныхъ міровъ, но Богу дѣйствительному, готовому на помощь бѣднымъ и огорченнымъ, — словомъ, Богу моего дѣтства.... Богу этой несчастной женщины! Ахъ, не о чемъ больше я не хотѣлъ бы думать, какъ о томъ, чтобы скорѣе съ тобой увидѣться, послѣ завтра, мой другъ, и можетъ быть даже прежде чѣмъ это письмо....

. . . .

Поль, пріѣзжай. Если ты можешь оставить твою мать, пріѣзжай, умоляю тебя; поддержи меня:—меня Богъ наказываетъ! Я писалъ эту недоконченную строку, какъ вдругъ, среди неяснаго шума бури и свиста вѣтра, до моего слуха долетѣлъ тихій, жалобный стонъ; я бросился къ окну, перегнулся въ этотъ страшный ночной мракъ и увидѣлъ на черной и грязной землѣ, какое-то неясное очертаніе, нѣчто въ родѣ бѣлаго свертка. Въ тоже время послышались стоны, но уже яснѣе. Страшная истина мгновенно промелькнула у меня въ головѣ. Я добрался въ потьмахъ до дверей мельницы, у порога которой была привязана осѣдланная въ женское сѣдло лошадь; я бросился къ противоположной стѣнѣ развалинъ и нашелъ на камнѣ, подъ окномъ моей кельи, эту несчастную женщину. Она сидѣла какъ бы раздавленная тяжестью горя, она дрожала всѣмъ тѣломъ; проливной, холодной дождь безжалостно, безъ устали мочилъ ея легкій, бальный туалетъ. Я схватилъ ее за руки, стараясь поднять.

— О, несчастная дитя!... Что вы сдѣлали? Боже! несчастная.....

— Да, я несчастна, глухо простонала она.

— Но вѣдь вы убиваете себя!

— Тѣмъ лучше.... Да! лучше....

— Вамъ нельзя остаться!... Пойдемте.

Но она не могла встать.

— Боже, всемогущій, Боже! что мнѣ дѣлать?... Что съ нею будетъ? Что вы хотите отъ меня?...

Она ничего не отвѣчала. Она вздрагивала и зубы

ея стучали. Я взялъ ея на руки и унесъ. Скоро обдумываешь въ такія минуты! Это уже не могло укрыться отъ свѣта. Оставалось только спасти жизнь. Я быстро вбѣжалъ въ мою келью и посадилъ ее въ кресло, около печи, въ которой тотчасъ же развелъ огонь, потомъ я разбудилъ моихъ хозяевъ. Я далъ имъ кой-какое объясненіе случившагося. Первая помощь была подана г-жѣ де-Пальмъ мельничихой. Самъ мельникъ поскакалъ съ моимъ письмомъ къ маркизѣ де-Малуэ. Вотъ что я писалъ ей:

«Сударыня!

«Она здѣсь умираетъ. Умоляю васъ, поспѣшите, придите утѣшить и благословить ту, которая можетъ получить прощеніе только отъ васъ; потрудитесь сказать г-жѣ де-Понбріанъ, что найдете нужнымъ».

Она позвала меня и я подошелъ къ ней; она не хотѣла лечь на постель, которую ей приготовили. Замѣтя меня,—странная привычка женщинъ,—ея первая мысль была снять свое платье, вымоченное водою, и испачканное грязью, и одѣться въ крестьянское. Она смѣялась, показывая на себя, но смѣхъ этотъ сдѣлался вскорѣ конвульсивнымъ, который я едва могъ унять. Я сѣлъ возлѣ нее; она никакъ не могла согрѣться и лихорадочно дрожала; глаза ее блестѣли. Я умолялъ ее лечь, что было необходимо въ ея состояніи.

— Къ чему мнѣ? сказала она, я не больна. То, что меня убиваетъ, это не лихорадка, не ознобъ, это мысль, которая меня пожираетъ — это стыдъ, это ваше презрѣніе и ваша ненависть, — теперь дѣйствительно заслуженныя!

Мое сердце сжалось, Поль; я ей сказалъ все: мою страсть, мои сожалѣнія, мои раскаянія! я покрылъ поцѣлуями ея дрожащія руки, ея холодный лобъ, ея сырые волосы.... Моя душа была переполнена всѣмъ, что есть нѣжнаго, благочестиваго, обожающаго! Она поняла, что я ее любилъ; она не могла въ этомъ сомнѣваться, она меня слушала съ восторгомъ....

— Теперь меня нечего жалѣть, сказала она. Никогда въ моей жизни я не была такъ счастлива. Я не заслужила это.... Я не могу болѣе желать ничего.... Нечего желать больше!... Я не буду сожалѣть ни о чемъ.

Она задрожала. На ея губахъ была чистая и тихая улыбка; по временамъ ужасная дрожь пробѣгала по ея тѣлу, черты ея страшно измѣнились. Я сижу у ея изголовья и пишу тебѣ это письмо.

Госпожа де-Малуэ только-что пріѣхала съ своимъ мужемъ. Я не обманулся въ ней! Ея голосъ и ея слова были истинно материнскія. Она привезла съ собою доктора. Больная лежитъ въ спокойной постели, хорошо обставленная, всѣми любимая. Я спокоенъ, хотя при пробужденіи она страшно бредитъ.

Госпожа де-Понбріанъ на отрѣзъ отказалась навѣстить свою племянницу. Я не ошибся въ этой набожной христіанкѣ! Я поставилъ себѣ въ обязанность не входить болѣе въ келью, изъ которой госпожа де-Малуэ болѣе не выходитъ. Поведеніе г. де-Малуэ меня просто пугаетъ, хотя онъ и увѣряетъ, что докторъ не произнесъ еще рѣшительнаго приговора.

Докторъ только-что вышелъ. Я говорилъ съ нимъ.

— У нея воспаленіе легкихъ, сказалъ онъ мнѣ, и кромѣ того нервная горячка.

— Это серіозная болѣзнь, не правда-ли?

— Очень серьезная.

— Она въ опасности?

— Я скажу вамъ это сегодня вечеромъ. Ея болѣзненное состояніе столь сильно, что не можетъ длится слишкомъ долго. Нужно, чтобы уменьшился кризисъ, или чтобъ натура уступила:

— Вы не надѣетесь, докторъ?

Онъ посмотрѣлъ на небо и удалился.

Я не знаю, другъ мой, что происходитъ внутри меня.... Всѣ эти удары такъ часто слѣдуютъ одинъ за другимъ!

Пять часовъ вечера.

Сейчасъ призывали священника, котораго я встрѣчалъ въ замкѣ. Онъ другъ г-жи де-Малуэ — простой, благочестивый старикъ. Онъ выходилъ на минуту изъ этой роковой комнаты, но я не осмѣлился его расспрашивать. Я не знаю, что происходитъ. Мнѣ страшно узнавать, и между тѣмъ, мое ухо прислушивается къ малѣйшему шуму, къ самымъ слабымъ звукамъ: дверь-ли запирается, шаги-ли слышатся на лѣстницѣ—я вздрагиваю отъ ужаса. Впрочемъ.... такъ скоро!... это невозможно!

Поль! другъ мой.... братъ мой!... гдѣ ты?... Все кончено!...

Часъ тому назадъ я видѣлъ доктора и священника, когда они вышли изъ кельи. Г. де-Малуэ слѣдовалъ за нимъ: — Пойдемте, сказалъ онъ мнѣ, мужайтесь, милостивый государь, будте мужчиной. Я вошелъ въ келью: г-жа де-Малуэ была одна въ комнатѣ; она стояла на колѣняхъ около постели, и сдѣлала рукою знакъ, чтобы я приблизился. Я взглянулъ на страдалицу. Нѣсколькихъ часовъ было достаточно, чтобы измѣнить это прекрасное лицо и наложить страшную печать смерти: но жизнь и мысль еще свѣтились въ ея глазахъ; она тотчасъ узнала меня. — Милостивый государь, проговорила она,—потомъ, послѣ нѣкоторой паузы:—Жоржъ! я васъ очень любила. Простите меня за то, что я отравила вашу жизнь этимъ грустнымъ воспоминаніемъ!— Я упалъ на колѣни, хотѣлъ говорить, но не могъ; горячія слезы текли по моимъ щекамъ и падали на ея руку — безжизненную, холодную какъ мраморъ. — И вы тоже простите меня.... за страданія, которыя я вамъ причинила! продолжала она, обратясь къ маркизѣ. — Дитя мое, сказала ей г-жа де-Малуэ, благословляю васъ отъ чистаго сердца. Затѣмъ, послѣдовало нѣкоторое молчаніе, среди котораго послышался внезапно глубокій, тяжкій вздохъ.... и этотъ послѣдній вздохъ, это предсмертное рыданіе смертельной скорби,—Богъ услышалъ, Онъ принялъ ея послѣдній вздохъ! Онъ услышалъ его.... а также и мою горячую молитву!... Мнѣ хочется этому вѣрить, мой другъ. Да, чтобы не впасть въ отчаяніе въ подобныя минуты, нужно искренно вѣрить въ Бога, который насъ любитъ, который смотритъ милостивымъ окомъ на страданія, раздирающія наши слабыя сердца, и скрѣпляетъ безжалостною смертію разрушенныя связи!... И предъ безжизненнымъ трупомъ обожаемаго существа, чье сухое сердце, чей мозгъ, поврежденный сомнѣніемъ, не рѣшится оттолкнуть отъ себя преступную мысль, что священныя слова: Богъ, правда, любовь, безсмертіе — не болѣе, какъ пустые звуки, лишенные всякаго смысла!

Прощай, Поль. Ты знаешь, что мнѣ осталось дѣлать. Если ты можешь пріѣхать, то ожидаю тебя; если нѣтъ — то ожидай меня. Прощай.

IX.

Маркизъ де Малуэ, Г. Полю Б...: въ Парижъ.

Замокъ Малуэ, 20-го октября.

Милостивый Государь, я поставляю себѣ въ непремѣнную и грустную обязанность описать всѣ обстоятельства, которыя сопровождали катастрофу, уже извѣстную вамъ, но которая была изложена вамъ кратко, изъ вниманія къ истинно дружескимъ вашимъ чувствамъ. Это печальное происшествіе жестоко поразило наши сердца. Едва узнали мы съ женой вашего друга и полюбили его, какъ уже пришлось, намъ вѣчно сожалѣть о немъ.

Не стану говорить вамъ о печальныхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этой катастрофѣ. Вы уже знаете, до мельчайшаго оттѣнка, весь ходъ роковой страсти, которую возбудилъ къ себѣ въ молодой женщинѣ вашъ другъ. Теперь мы оплакиваемъ это достойное, прекрасное существо. Не стану говорить также о трогательныхъ сценахъ, происходившихъ послѣ смерти г-жи де-Пэльмъ. Новое горе покрыло ихъ въ нашемъ воспоминаніи. Поведеніе г. Жоржа, въ продолженіи этихъ печальныхъ дней, его глубокая чувствительность и въ тоже время нравственная возвышенность—окончательно покорили ему наши сердца. Я уговаривалъ его ѣхать къ вамъ, Милостивый Государь; я хотѣлъ удалить его изъ этого печальнаго мѣста и отвести его лично къ вамъ, такъ какъ грустныя обязанности удерживали васъ въ Парижѣ,—но онъ поставилъ себѣ долгомъ не удаляться такъ скоро отъ того, что напоминало ему о несчастной.

Мы приняли его къ себѣ и окружили его попеченіями. Онъ выходилъ изъ замка только на могилу покойницы; ему нравилась эта благочестивая, грустная прогулка. Его здоровье растроилось замѣтно. Третьяго дня г-жа де-Малуэ уговорила его прогуляться верхомъ, вмѣстѣ со мной и г-мъ де-Брейльи. Онъ согласился, но не охотно. Мы отправились. Дорогой онъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы разговаривать съ нами, такъ какъ видѣлъ, что мы старались развлекать его. Онъ даже улыбался, чего давно уже съ нимъ не случалось, какъ вдругъ, на поворотѣ дороги, мы встрѣтились съ г-мъ де-Мотернъ.

Этотъ молодой человѣкъ также ѣхалъ верхомъ: двое пріятелей и двѣ дамы сопровождали его. Мы ѣхали по тому же направленію, но лошади ихъ шли болѣе скорымъ аллюромъ: онъ проѣхалъ мимо насъ и поклонился; что до меня касается, я не затѣтилъ ничего особеннаго въ его физіономіи, и потому чрезвычайно удивился когда услышалъ, что г. де-Брейльи сказалъ: — Это страшная подлость!—Г-нъ Жоржъ, который поблѣднѣлъ при этой встрѣчѣ и слегка повернулъ голову, посмотрѣлъ на г-на де-Брейльи и спросилъ:—Что такое? Милостивый государь, о чемъ вы говорите?—О наглости этого фата! Я началъ оспаривать г. де-Брейльи, выговаривая ему за его страсть къ ссорамъ, и утверждалъ, что тутъ ничего не произошло даже похожаго на оскорбленіе, и что лицо г-на де-Мотерна ничего не выражало особеннаго.

— Полно, другъ мой, возразилъ г-нъ де-Брейльи, или вы закрыли глаза—или должны были видѣть также какъ и я, что этотъ негодяй засмѣялся, увидѣвъ г-на Жоржъ! Я право не понимаю, для чего вы хотите, чтобы они переносили такое оскорбленіе за которое мы съ вами заставили бы дорого поплатиться! Едва онъ докончилъ эту несчастную фразу, какъ г-нъ Жоржъ пришпорилъ свою лошадь и поскакалъ.

— Ты съ ума сошелъ, сказалъ я де-Брейльи, который пытался меня остановить, — что значитъ эта выдумка?—Другъ мой, отвѣтилъ онъ, надо же, чтобъ это бѣдное дитя немного разсѣялось.

Я пожалъ плечами и вырвавшись отъ него, поскакалъ за г-мъ Жоржъ; но лошадь его была лучше моей и онъ уѣхалъ далеко впередъ. Я былъ уже въ ста шагахъ отъ него, когда онъ догналъ г-на де-Мотернъ, который остановилъ свою лошадь, поджидая его. Они обмѣнялись нѣсколькими словами, и въ ту же минуту я увидѣлъ, какъ г-нъ Жоржъ замахнулся и началъ бить г-на де-Мотернъ хлыстомъ по лицу. Мы подоспѣли съ г-мъ де-Брейльи какъ разъ во время, и помѣшали этой сценѣ принять отвратительный характеръ драки. Дуэль между ними; была неминуема мы взяли съ собой гг. де-Кируа и Эстлей, двухъ пріятелей, сопровождавшихъ г-на де-Мотернъ. Г-нъ Жоржъ поѣхалъ впередъ домой. Выборъ оружія принадлежалъ безъ сомнѣнія противнику; но видя равнодушіе или колебаніе двухъ секундантовъ между пистолетомъ и шпагой, мы надѣялись съ нѣкоторой ловкостью побудить выбрать то оружіе, которое для насъ было благопріятнѣе. Мы спросили объ этомъ г-на Жоржъ, и онъ не колеблясь выбралъ шпагу. Но вы хорошо стрѣляете изъ пистолета замѣтилъ ему г-нъ де-Брейльи: я это видѣлъ. Пожалуста не ошибитесь! продолжалъ де-Брейльи, развѣ вы лучше владѣете шпагой? это серіозная дуэль!

— Я въ этомъ убѣжденъ, отвѣчалъ онъ, улыбаясь; но я буду держаться шпаги пока это будетъ возможно.

Услыша такое желаніе, мы только могли радоваться выбору оружія. Такъ и рѣшили драться на шпагахъ, и встрѣча была назначена на слѣдующій день въ девять часовъ.

Остатокъ дня г-нъ Жоржъ былъ веселъ и обнаруживалъ полное спокойствіе духа. Мы удивлялись съ г-жею де-Малуэ, которая затрудиялась объяснить это явленіе. Моя бѣдная жена не знала этого послѣдняго происшествія.

Въ десять часовъ онъ удалился, и чрезъ два часа я видѣлъ еще огонь въ его комнатѣ. Въ двѣнадцать часовъ, побуждаемый моимъ расположеніемъ къ нему, я вошелъ въ его комнату и засталъ его совершенно спокойнымъ: онъ только что окончилъ писать, и печаталъ конверты.

— Вотъ, сказалъ онъ мнѣ, отдавая пакетъ, теперь самое главное сдѣлано, и я могу уснуть спокойно. Я далъ ему еще нѣсколько совѣтовъ касательно фехтованія шпагой, но онъ слушалъ ихъ разсѣянно; потомъ, протягивая мнѣ руку сказалъ: пощупайте мой пульсъ. Я взялъ его руку и убѣдился, что его спокойствіе совершенно натурально. Съ такимъ пульсомъ, бываетъ убитъ только тотъ кто этого самъ добивается. Спокойной ночи, маркизъ. Я поцѣловалъ его и вышелъ.

Вчера въ восемь съ половиною часовъ, мы отправились—г-нъ Жоржъ, де-Брейльи и я—на назначенное мѣсто для дуэли, которое находилось всторонѣ и лежало на одинаковомъ разстояніи отъ Малуэ и Мотернъ.

Нашъ противникъ прибылъ почти въ одно время съ своими секундантами, гг. де-Кируа и Эстлей. Характеръ оскорбленія не допускалъ даже попытки къ примиренію. Мы приступили къ поединку.

Едва г-нъ Жоржъ сталъ въ позицію, какъ мы тотчасъ убѣдились, что онъ вовсе не умѣетъ владѣть шпагой. Г. де-Брейльи съ ужасомъ посмотрѣлъ на меня. Впрочемъ, когда шпаги скрестились—это имѣло еще нѣкоторый видъ борьбы: но за третьимъ ударомъ, г-нъ Жоржъ упалъ, пронзенный шпагою въ грудь. Я бросился

къ нему: онъ уже умиралъ. Несмотря на это, онъ слабо пожалъ мнѣ руку, улыбнулся, и въ послѣднемъ вздохѣ передалъ мнѣ свою мысль, которая была о васъ, милостивый государь: «скажите Полю, что я его люблю, что запрещаю ему мстить, что я умираю........ счастливымъ». И онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Я ничего не прибавлю къ этому разсказу, милостивый государь; онъ былъ и такъ слишкомъ длиненъ, и дорого мнѣ стоилъ; но я обязанъ былъ отдать вамъ подробный отчетъ. Я долженъ былъ полагать, что вы, какъ другъ, захотите прослѣдить шагъ за шагомъ послѣдніе дни того человѣка, который былъ такъ дорогъ вашему сердцу—и столь заслуженно. Теперь вы все знаете, все поняли, даже мое молчаніе.

Онъ покоится подлѣ нея. Вы, конечно, пріѣдете, милостивый государь. Мы ожидаемъ васъ. Мы вмѣстѣ будемъ оплакивать эти два любимыя существа, столь добрыя и прекрасныя, сраженныя страстью и похищенныя смертью съ неумолимой быстротой, среди разгара много-обѣщавшей жизни.

Просвѣтители Славянъ, св. Кириллъ и Мееодій.

(*Окончаніе*).

Мы выше сказали, что тамъ, гдѣ живутъ теперь Мадьяры, сидѣли независимыя славянскія племена, уже имѣвшія своихъ князей. Изъ этихъ князей особенно замѣчателенъ былъ Ростиславъ въ нынѣшней Моравіи, племянникъ его, состоявшій отъ него въ зависимости, Святополкъ, княжившій въ земляхъ на югѣ отъ Моравіи, и Коцелъ у Блатнаго, или, какъ теперь говорится, у озера Платена. Эти три государя были могущественнѣе всѣхъ тогдашнихъ славянскихъ князей, и имъ чаще всего приходилось быть въ столкновеніи съ германскими императорами. Не одинъ изъ нихъ, а всѣ трое отправили они пословъ въ Цареградъ за учителями правой вѣры. Въ посланіи къ царю Михаилу они заявили, что народъ ихъ уже отрекается отъ язычества, но что имъ нужны учителя, которые могли бы разъяснить имъ и народу христіанство на ихъ собственномъ языкѣ, и затѣмъ они выразили надежду, что этому примѣру послѣдуютъ и другіе языческіе народы тогдашней сѣверной Европы. Уже самое требованіе учителей, которые бы разъяснили вѣру на народномъ языкѣ, показываетъ, какъ серіозно относились къ дѣлу эти три князя; а такъ какъ князь ничего не дѣлалъ безъ совѣта бояръ и стариковъ, то и слѣдуетъ, что призваніе учителей было дѣломъ въ полномъ смыслѣ народнымъ. Цареградскій дворъ обратился за этимъ опять къ философу, несмотря на его очень слабое здоровье, такъ какъ кромѣ его выполнить подобнаго великаго дѣла никто не могъ. «Я слабый, больной человѣкъ» отвѣтилъ философъ: «но пойду съ радостію, только съ условіемъ чтобы у Славянъ была азбука; иначе, проповѣдывать имъ —значитъ писать на водѣ, или, чего добраго, прослыть еретикомъ, потому что, не понявъ ученія, они сдѣлаютъ изъ него путаницу, прибавятъ къ нему собственныя свои мнѣнія и—вмѣсто принятія христіанства—примутъ новое язычество.» Азбуки у Славянъ того времени, кажется, еще не было, хотя извѣстно, что у нихъ были попытки писать рунами, или какими-то чертами, или рѣзами. Есть весьма большая вѣроятность, что въ тоже время существовала у Славянъ другая странная азбука, называемая теперь «глаголицей»; по крайней мѣрѣ, буквы: *ж*, *ъ*, *з*, *ь*, *ю* и нѣкоторыя другія, недостающія въ азбукѣ греческой, -- обычное упрощеніе глагольскихъ начертаній этихъ же звуковъ.

Какъ бы то ни было, на основаніи греческихъ буквъ, почерка IX вѣка, философъ Константинъ создалъ для Славянъ нынѣшнія, такъ называемыя у насъ церковныя, изъ которыхъ впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, въ Галицкой Руси калиграфы, въ подражаніе округленности лѣтописныхъ буквъ, сочинили нынѣшнія гражданскія, перенесенныя Петромъ Великимъ въ Москву и въ Петербургъ, а изъ Москвы и Петербурга онѣ распространились въ Болгаріи и Сербіи. Константинъ философъ отправился въ Моравію вмѣстѣ со своимъ братомъ, съ цареградскою грамотою и съ дарами князя Ростислава. Въ грамотѣ было ясно выражено, что Славяне причисляются къ великимъ народамъ, прославляющимъ Бога на своемъ языкѣ, и что азбука для нихъ уже составлена. Просвѣтитель отправился въ Болгарію, уже тогда населенную Славянами, вышедшими изъ нынѣшней Россіи, откуда ихъ двинули въ Болгарію по всей вѣроятности волжскіе чуваши, долгое время владѣвшіе ими, но въ настоящее время совершенно исчезнувшіе за Дунаемъ. Путешествіе по Болгаріи дало просвѣтителямъ возможность сильно укрѣпить христіанство у тамошнихъ славянъ, и едвали не оттуда взяли они себѣ помощниковъ для распространенія его на сѣверномъ Дунаѣ; по крайней мѣрѣ, судя по языку перевода ихъ, есть полное основаніе думать, что переводъ этотъ былъ составленъ именно на томъ языкѣ, которымъ тогда говорили Болгаре и вообще по южному Дунаю, т. е. опять-таки языкомъ выходцевъ изъ Россіи. Переводъ ихъ еще тѣмъ замѣчательнѣе, что нельзя не подивиться тому пониманію духа и законовъ славянскаго языка, на которомъ они основали свое правописаніе. Корень словъ ихъ, выраженія окончаній чаще для указанія склоненій и спряженій, опредѣлены ими такимъ строгимъ правописаніемъ, что древнеславянскій языкъ въ этомъ отношеніи становится, по своей прозрачности и чистотѣ, на одинъ уровень съ санскритскимъ. Ростиславъ принялъ ихъ съ честью и съ сочувствіемъ, и тотчасъ отдалъ имъ въ ученіе грамотѣ и христіанству молодыхъ людей, по всей вѣроятности, изъ самыхъ знатныхъ моравскихъ родовъ. Братья учили грамотѣ, переводили книги на славянскій языкъ, строили церкви, и въ первый разъ послышалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Сознательно входили Славяне въ новый для нихъ міръ грамотности и цивилизаціи; но вдругъ поднялась до сихъ поръ продолжающаяся интрига противъ славянскаго языка и противъ славянской политической и духовной самостоятельности.

Уже до пріѣзда братьевъ, по Дунаю строились церкви нѣмецкимъ духовенствомъ, переселившимся изъ глубины Германіи, знавшимъ только латинскую азбуку и настолько понимавшимъ латинскій языкъ, чтобы совершать требы. Духовенство это требовало отъ новообращенныхъ полнаго и безусловнаго повиновенія себѣ, т. е. соблюденія обрядовъ, а затѣмъ ему уже все равно было, что думаютъ язычники объ этихъ обрядахъ, какъ они ихъ понимаютъ,—была бы соблюдена наружность. Появленіе книгъ на славянскомъ языкѣ было очень невыгодно для Нѣмцевъ: во 1) у Славянъ, крещенныхъ ими,

отпала всякая охота посѣщать ихъ церкви, гдѣ служеніе было для нихъ непонятно, а во 2) эти самые бывшіе ихъ ученики перестали обращаться къ нимъ за разъясненіемъ всего непонятнаго въ догматахъ и въ обрядахъ, потому что сами могли, помимо духовенства, читать и понимать церковныя книги. Сознаніе отдѣльной славянской церкви было еще тѣмъ болѣе непріятно Нѣмцамъ, что для нихъ закрывалось каѳедръ, духовныхъ мѣстъ, приходовъ епископскихъ множество — потому что отнынѣ, для того чтобы быть священникомъ или епископомъ у Славянъ, нужно было учиться по славянски, и, стало быть, этимъ отнималась карьера у множества молодыхъ людей духовнаго званія въ Ахенѣ, Мюнхенѣ и Зальцбургѣ. Хуже того: самое введеніе славянской письменности было вредно для Нѣмцевъ въ политическомъ отношеніи. До сихъ поръ всѣ акты, договоры, правительственныя распоряженія, даже приговоры судей излагались или на латинскомъ, или. въ рѣдкихъ случаяхъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Возникновеніе славянской грамотности опять таки ставило Нѣмцевъ въ то неловкое положеніе, что Славяне могли требовать, чтобы къ нимъ присылали только людей знающихъ ихъ языкъ, ихъ письменность. Самые интересы тогдашней науки и тогдашней цивилизаціи могли пострадать отъ этого созданія литературы для огромнаго славянскаго племени, потому что до сихъ поръ вся литература и вся наука существовала только по латынѣ и по гречески; даже по нѣмецки ничего не сочинялось, кромѣ пѣсенъ, былинъ и развѣ изрѣдка какихъ нибудь маленькихъ лѣтописей, правительственныхъ актовъ и т. п... Міръ былъ одинъ. Ветхій Римъ царилъ такъ же въ Ирландіи, какъ и въ Венеціи, а тутъ вдругъ противъ него поднимался міръ новый, загадочный, съ новою азбукою, съ новыми задатками, и что всего хуже, съ попыткою къ самостоятельности — потому что славянская литургія, какъ и славянская письменность, была не новизною Славянамъ и создалась по ихъ собственной иниціативѣ, по ихъ собственному вызову и желанію. Въ средѣ нѣмецкаго духовенства явилось мнѣніе, что для цивилизаціи, т. е. для церкви существуютъ только три языка: греческій, еврейскій и латинскій, потому что и на самомъ крестѣ надпись была сдѣлана только на этихъ трехъ языкахъ. Противъ этого мнѣнія и тогда говорили, что надпись эта сдѣлана была никѣмъ другимъ какъ малодушнымъ и безхарактернымъ язычникомъ Пилатомъ; но какъ бы то ни было, вопросъ все-таки состоялъ въ томъ, что выгодно-ли цивилизаціи распадаться на множество нарѣчій, число которыхъ даже неизвѣстно. Переводъ книгъ на славянскій языкъ отнялъ у Славянъ даже самое уваженіе къ западному православію. Нѣмецкое духовенство не могло быть такъ учено какъ славянское, потому что по латинѣ оно знало только для церковнаго обихода, а на нѣмецкій языкъ отцы церковные, и даже самая библія, не были переведены; стало быть, Славяне могли смѣяться и надъ вѣрованіями и надъ проповѣдями, въ особенности надъ тѣмъ совершенно языческимъ мнѣніемъ, что подъ землею живутъ люди съ большими головами, которые созданы дьяволомъ, что змѣю убить девять грѣховъ отпускается, человѣкоубійцѣ три мѣсяца изъ деревянной чаши пить, а къ стеклянной посудѣ не прикасаться. Оказалось, что нѣмецкое духовенство, само полуязыческое, не запрещало приносить жертвъ, легко смотрѣло на многоженство и т. п. Между тѣмъ, въ то же самое время патріархъ Фотій произнесъ отлученіе на римскаго папу Николая и торжественно предалъ анаѳемѣ заблужденіе римской церкви, т. е. начался расколъ латино-германскій и греко-славянскій, который въ то же время кончился ссорою двухъ патріарховъ, возникшею вслѣдствіе недоразумѣнія. На востокѣ его объяснили простымъ упорствомъ и властолюбіемъ папы; а между тѣмъ дунайскіе земли принадлежали въ церковномъ отношеніи римскому престолу, — по католическимъ же правиламъ, духовенство имѣетъ право проповѣдывать и священнодѣйствовать только съ мѣстнаго разрѣшенія епархіальнаго начальства, стало быть Кириллъ и Меѳодій были въ зависимости отъ Рима. Не смотря на разрывъ Рима съ Константинополемъ, ни папа Николай, ни славянскіе просвѣтители не думали, чтобы этотъ разрывъ сдѣлался вѣчнымъ, — и потому Николай совершенно справедливо признавалъ за собою власть надъ Славянами, обращенными въ христіанство царьградскимъ учителемъ, а этотъ учитель, находясь въ его патріархіи, не имѣлъ права отказаться отъ повиновенія ему. Онъ вызвалъ братьевъ въ Римъ, и они не могли отказаться, тѣмъ болѣе, что, можетъ, богословъ Кириллъ думалъ какъ нибудь содѣйствовать примиренію двухъ великихъ церквей, а сверхъ того ему необходимо было увѣрить Римлянъ, что изобрѣтеніе славянской азбуки не только не вредно, но даже полезно для многочисленнаго племени, — которое само такъ честно и такъ искренно проситъ примкнуть къ цивилизованному міру, что оттолкнуть его въ его стремленіяхъ было бы и нерасчетливо и опасно, — и что интриги нѣмецкаго духовенства положительно вредны для христіанства. Братья отправились въ Римъ, взяли съ собою нѣсколькихъ учениковъ, для того чтобы посвятить ихъ тамъ въ духовное званіе, взяли свои переводы, а также и мощи святаго Климента папы римскаго. По дорогѣ они посѣтили Коцела, который такъ обрадовался азбукѣ, что самъ принялся изучать и отдалъ философамъ пятьдесятъ человѣкъ для обученія ихъ грамотѣ — и предложилъ имъ, какъ и Ростиславъ, всякіе дары, но они даровъ ни отъ кого не принимали, а точно такъ же, какъ и у Хозаръ, выпросили свободу плѣннымъ. У Коцела было плѣнныхъ 900 человѣкъ, и онъ освободилъ ихъ всѣхъ. Уже эта черта изъ жизни двухъ братьевъ достаточно показываетъ, какого закала были эти люди, почему обѣ церкви, и восточная и западная, признаютъ ихъ святыми, и почему нельзя безъ глубокаго уваженія говорить или писать о нихъ. Въ Венеціи западное духовенство накинулось на нихъ съ упреками и отрицало право славянскаго языка быть языкомъ церковнымъ, опять таки на томъ безсмысленномъ основаніи, что Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ только по еврейски, по гречески, и по латыни. Философы приводили имъ въ примѣръ армянъ, персовъ, грузинъ, готѳовъ, коптовъ, сирійцевъ, которые всѣ славятъ Бога на своемъ языкѣ, приводилъ текстъ священнаго писанія, что «всякое дыханіе да хвалитъ Господа», «пойте Господу вся земля», «шедше поучайте всѣ языки»; но честолюбивое западное духовенство, у котораго проповѣди великихъ братьевъ отнимали вліяніе и карьеру, не могло ничѣмъ убѣдиться и стояло на своемъ. Въ Римѣ застали они уже не Николая, а папу Адріана II, который вышелъ на встрѣчу къ мощамъ святаго Климента съ соборомъ духовенства, со свѣчами, освятилъ славянскія книги, положилъ ихъ въ церковь святой Маріи, и по книгамъ этимъ была совершена литургія. Папа сильно возсталъ противъ пилатниковъ и произнесъ отлученіе на нихъ; но сила была вовсе не въ Пилатѣ, а сила въ томъ, что введеніе въ церковь славянскаго языка было противно интересамъ западнаго духовенства. Отъ трехъязычной ереси могли отказаться; но унизиться до того, чтобы, приходя къ вар-

варамъ, не имѣть возможности служить въ ихъ храмахъ, было свыше силъ и противорѣчило всѣмъ разсчетамъ. Въ Римѣ признали переводъ, во всѣхъ римскихъ церквахъ служили славянскую литургію; враги патріарха Фотія ухватились за славянскій переводъ, потому что не поддерживать его—значило бы навсегда утратить власть надъ Славянами, что было невыгодно, какъ для папы, такъ и для поддерживавшихъ его значеніе и его главенство надъ христіанскимъ міромъ западныхъ патріарховъ. Все повидимому шло хорошо и успѣшно, но къ несчастію слабое здоровье философа окончательно измѣнило ему. Онъ угасалъ, и понявъ, что конецъ его близокъ, вдругъ запѣлъ Давидовъ псаломъ: «возвеселихся о рѣкшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ»! Онъ одѣлся какъ могъ лучше и пробылъ цѣлый день, какъ будто все еще былъ проповѣдникомъ, поборникомъ просвѣщенія, безкорыстнымъ и искреннимъ церковнымъ и общественнымъ дѣятелемъ, затѣмъ объявилъ «отселѣ нѣсмь азъ ни царю слуга, ни иному кому на землѣ, но токмо Богу Вседержителю», и на другое утро принялъ схиму, т. е. окончательно отрекся отъ міра. Дней пятьдесятъ по принятіи схимы оставался онъ еще въ живыхъ и все молился за успѣхъ начатаго имъ великаго дѣла, прощался со своими собратами, уговаривалъ ихъ не оставлять Славянъ и переводъ книгъ на славянскій языкъ, и сказалъ брату слѣдующія поэтическія слова, которыя передалъ намъ одинъ изъ его близкихъ сподвижниковъ. Эти слова были сказаны по славянски и дышатъ тогдашнимъ славянскимъ земледѣльческимъ бытомъ, точно въ послѣднія минуты ему видѣлись эти села съ околицами, бѣлыя расшитыя рубахи съ косымъ воротомъ. Все вокругъ него говорило о посѣвѣ, объ урожаѣ, о тѣхъ самыхъ волахъ съ широкими развѣсистыми рогами, на которыхъ и до сихъ поръ пашутъ землю по всему Дунаю. «Се, брате, супруга бяховѣ, едину бразду тяжуща и азъ на лехѣ надаю, свой день скончавъ, а ты любиши гору (Олимпъ) вельми, то не мози горы ради оставити ученія своего» т. е. «братъ, были мы съ тобою пара воловъ и одну борозду проводили; и вотъ я сваливаюсь на браздѣ, покончивъ дни свои, а ты гору свою очень любишь, только ради горы неоставляй своей задачи». Онъ умеръ на 42-мъ году отъ рожденья, 14-го февраля 869. Въ Римѣ очень хорошо поняли и оцѣнили эту великую личность; папа распорядился, чтобы все духовенство восточнаго и западнаго обряда служило по немъ панихиды и готовило ему великолѣпныя похороны. Св. Меѳодій просилъ папу, чтобы онъ позволилъ ему взять съ собою тѣло покойника, потому что мать заклинала обоихъ братьевъ, чтобы тотъ изъ нихъ, кто переживетъ другаго, взялъ бы съ собою его тѣло и похоронилъ въ своемъ монастырѣ, такъ чтобы они и по смерти не разставались. Адріанъ согласился; по его приказанію, гробъ философа былъ поставленъ въ другой ящикъ, забитъ гвоздями, и Меѳодій сталъ готовиться въ путь; но высшее римское духовенство заставило папу перемѣнить свое рѣшеніе. Политика западной церкви требовала, чтобы всѣ великіе подвижники христіанства погребались именно въ Римѣ. Создатель славянской азбуки, знаменитый миссіонеръ, самое имя котораго будетъ знаменемъ входящаго въ исторію племени, долженъ былъ лежать именно въ Римѣ, потому что тогда на поклоненіе его мощамъ сталъ бы ходить весь Римъ, а это доставило бы Риму, не считая денежныхъ доходовъ, просто огромное, ничѣмъ не отразимое вліяніе. Мощи святаго Кирилла служили бы на вѣчныя времена залогомъ подчиненія Славянъ западной церкви, доказательствомъ того, что именно она (а не Царьградъ) просвѣтила ихъ, что въ Римѣ придумано было перевести церковныя книги, что Риму Славяне всѣмъ обязаны; а затѣмъ это открывало опять таки блестящую карьеру всякимъ аббатамъ, всевозможнымъ прелатамъ, ничего не знающимъ кромѣ латинской азбуки, и возможность получать доходныя мѣста въ славянскомъ мірѣ, самое протяженіе котораго было тогда никому неизвѣстно.

Затѣмъ св. Меѳодій возвратился одинъ къ Славянамъ, и Славяне воротили его въ Римъ для рукоположенія въ епископы — значитъ, даже и славянскаго епископа не хотѣлъ поставить имъ Римъ. Мало этого, Нѣмцы два года продержали его въ тюрьмѣ — въ Римѣ велѣли имъ выпустить его, что и было исполнено; но уничтоженіе дѣла святыхъ братьевъ пошло такъ усердное что моравацы, чехи, хорваты и поляки принуждены были принять латинскую литургію, а славянскія книги систематически уничтожались.

В. Кельсіевъ.

Изъ кавказскихъ воспоминаній.

Осенняя кампанія 1843 года кончилась для насъ полною неудачею. Это было время, когда начавшееся, при Кази-Муллѣ, религіозное движеніе въ Дагестанѣ нами было еще не вполнѣ уяснено, когда рядомъ разнообразныхъ попытокъ и полумѣръ мы еще думали разъединить горцевъ, и надѣясь на преданность къ намъ и вліяніе нѣкоторыхъ изъ бывшихъ прежде владѣтельныхъ лицъ, то ласками, то угрозами отвлечь отъ Шамиля преданныя мюридизму горскія племена. Между тѣмъ, революціонная система равенства и священная война противъ невѣрныхъ (казаватъ) самымъ пламеннымъ фанатизмомъ охватывали все болѣе и болѣе — темныя вѣковыя дебри Чечни и угрюмыя скалистыя трущобы Дагестана, въ которомъ съ нашей стороны было разбросано около 12-ти слабыхъ батальоновъ, каждый силою не больше 400 штыковъ и даже менѣе.

Кавказомъ управлялъ тогда генералъ Нейдгардтъ. Но власть его далеко не имѣла той самостоятельности, какою, со времени назначенія намѣстникомъ князя Воронцова, пользовались въ послѣдствіи главнокомандующіе кавказскою арміею. Генералъ-адъютанту Нейдгардту часто приходилось приводить въ исполненіе мѣры, задуманныя въ Петербургѣ, вдали отъ театра дѣйствія, и иногда не совсѣмъ пригодныя; а рѣшительность Вельяминова вовсе не была въ его характерѣ *). Къ числу именно такихъ

*) Извѣстно, что по поводу разномыслія своего съ военнымъ министромъ, касательно способа военныхъ дѣйствій на берегахъ Чернаго моря, генералъ Вельяминовъ, бывшій начальникомъ кавказской линіи, между прочимъ писалъ: «Ежели Государь-Императоръ, и на этотъ (т. е. 3-й) разъ, на основаніи изложенныхъ мною фактовъ, не осчастливитъ меня отмѣною сказаннаго проэкта, то прошу какъ милости,—назначить на мое мѣсто болѣе меня способнаго генерала, подъ начальствомъ котораго я готовъ служить простымъ солдатомъ. Но по долгу совѣсти и присяги, я не могу принять на себя выполненіе мѣръ, которыя, по моему убѣжденію, вмѣсто пользы принесутъ только одинъ вредъ. Присягая Государю, я обѣщалъ не только повиноваться, но и оберегать славу и интересы Его Императорскаго Величества и русскаго государства, по моему крайнему разумѣнію».

мѣръ принадлежало распоряженіе не сосредоточивать Дагестанскаго отряда, дабы угрозой экспедиціи не тревожить горцевъ и не возбуждать кровопролитія.

Горцы тоже сидѣли пока смирно, ожидая окончанія уборки хлѣба—и опасаясь, чтобы мы не истребили жатвы.

Но когда они ее собрали — въ началѣ сентября— дѣла перемѣнились.

На одной сторонѣ были: даровитый, энергическій Шамиль, полное знаніе мѣстности, фанатизмъ и ясно поставленная цѣль — было единство цѣли и дѣйствія. На другой—цѣль не ясно понимаемая и нерѣшительность въ выборѣ средствъ ея достиженія.

Послѣдствіемъ было: истребленіе батальона Веселицкаго подъ Унцу-кулема, очищеніе нами Аваріи и всего нагорнаго Дагестана, потеря нами 13 укрѣпленій, около 40 орудій и артиллерійскаго парка, взятіе Шамилемъ Гергебиля, блокада Пассека въ Зерянахъ и Гурко въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

При этомъ у насъ тысячъ до 4-хъ выбыло изъ строя.

Для возстановленія дѣлъ нашихъ на Кавказѣ потребовались сильныя подкрѣпленія: большая часть 5-го пѣхотнаго корпуса была двинута на кавказскую линію. Самъ корпусный командиръ, генералъ Лидерсъ, принялъ начальство надъ дагестантскомъ отрядомъ, и раннею весною 1844 г. прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Планъ кампаніи состоялъ въ томъ, что чеченскій отрядъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Гурко, направится изъ крѣпости Грозной въ Салатовію, и перейдя черезъ теренгульскій оврагъ, отдѣляющій салатовскія высоты отъ чеченской плоскости, — близъ Буртуная соединится съ дагестанскимъ отрядомъ, которому для этой цѣли надлежало, съ своей стороны, овладѣть съ боя переправою черезъ рѣку Сулакъ, у Ахатловъ или Черкея, и потомъ подняться къ Буртунаю; послѣ чего предполагалось общее наступленіе обоихъ отрядовъ, подъ начальствомъ самаго генералъ-адъютанта Нейдгардта,—на Аварію, черезъ такъ называемыя Андійскія ворота. Генералъ Нейдгардтъ находился при чеченскомъ отрядѣ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда дивизіонъ изъ 6-ти орудій горной баттареи, гдѣ я служилъ, приближался въ началѣ мая къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Въ началѣ апрѣля, стояли мы на Самурѣ, въ Зеа-фурахъ. По Самуру обыкновенно зимовалъ весь южно-дагестанскій отрядъ, предводимый княземъ Аргутинскимъ. Именно въ то время, когда получено имъ было повелѣніе отправить наши 6 орудій на усиленіе дагестанскаго отряда въ Шуру,—получено было извѣстіе о вступленіи огромной (около 12,000) партіи горцевъ въ кумухское ханство, съ цѣлью истребить ханскій преданный намъ домъ, такъ же какъ былъ истребленъ домъ хановъ аварскихъ, присоединить жителей къ мюридизму, и уничтожить небольшой фортъ, устроенный нами въ Кумухѣ. Отъ Самура до Кумуха, около 120 верстъ, дорога идетъ по глубокому ущелью, по которому извивается горная рѣчка, составляющая съ прочими притоками Казы-Кумыхское Койсу. Чемисъ-дагъ и Чирахскій перевалъ — въ двухъ мѣстахъ пересѣкаютъ этотъ мрачный коридоръ, и представляютъ какъ бы природныя баррикады, на одной изъ коихъ былъ разбитъ лезгинами шахъ-Надиръ въ походѣ своемъ на Дагестанъ, съ потерею 8 пушекъ, находившихся теперь у горцевъ. Надо было во чтобы то ни стало предупредить послѣднихъ на Чирахскомъ перевалѣ, иначе трудно было бы выбить ихъ съ этого мѣста, а слѣдовательно и подать своевременную помощь кумухскому гарнизону, и защитить Казы-Кумыхъ. Князь Аргутинскій, располагая весьма незначительными силами, всего 4 батальона, рѣшился удержать пока наши орудія—и быстрымъ переходомъ, продолжавшимся безпрерывно около 2-хъ сутокъ, захватить непріятеля врасплохъ. Войска выступили вечеромъ, шли всю ночь,—и утромъ, какъ часто бываетъ въ суетахъ, оказалось, что артиллерія забыта: ей не послали приказанія. Раздраженный князь побранилъ офицера генеральнаго штаба, и рѣшился пока съ одной пѣхотою поспѣшить къ Чираху, пославъ нашей баттареѣ предписаніе спѣшить не жалѣя силъ на соединеніе съ отрядомъ.

Но Самуръ былъ въ разливѣ, и не смотря на наши усилія, мы едва успѣли переправиться черезъ него около 8 часовъ вечера, и слѣдовательно потеряли времени болѣе сутокъ; къ тому же, нужно было дать людямъ время сварить передъ походомъ пищу и нѣсколько отдохнуть, такъ какъ они хлопотали цѣлый день на переправѣ.

Мы остановились около Гилляръ.

Чудесный былъ вечеръ: теплый, свѣтлый. По лавровымъ и олеандровымъ кустамъ, бывшимъ въ полной зелени, пересвистывались соловьи.

На буркѣ, раскинутой на чистой лужайкѣ, всѣ офицеры и два-три юнкера пили чай.

Капитанъ Тачинскій, бывшій нашъ командиръ, печально допивалъ свой стаканъ и посматривалъ на лошадей, соображая сколько изъ нихъ будетъ набито отъ вьюковъ, по случаю труднаго ночнаго перехода. Это былъ худощавый, плѣшивый старикъ, бывшій офицеромъ еще въ 1812 году, когда онъ командовалъ какимъ-то паркомъ, впослѣдствіи провинившійся, за что былъ разжалованъ въ рядовые, и вновь былъ произведенъ только за отличіе при Миллидюзѣ, въ турецкую войну 1829 года.

Онъ былъ очень храбръ, щедръ для солдатъ, но циникъ, вольтеріанецъ—и когда сердитъ, то жестокъ съ своими подчиненными, какъ и большая часть старыхъ командировъ того времени. Въ веселыя минуты, его сѣрые глаза принимали обыкновенно прищуренное, лукаво-насмѣшливое выраженіе.

— Да, набьютъ спинки у моихъ лошадокъ! сказалъ онъ, снимая фуражку и вытирая платкомъ потъ, катившійся съ его лысой головы, лоснящейся какъ фарфоровый чайникъ.—Изъ 6-ти орудій позабыли не болѣе какъ полдюжины. Хорошо что мало, а то бы совсѣмъ растерялись. Какъ вы думаете, Александръ Тихоновичъ?

Штабсъ-капитанъ Москалевъ, къ которому обратился Тачинскій, былъ высокаго роста, плотный, дородный брюнетъ, съ настоящимъ типомъ простаго русскаго лица, круглаго, добродушнаго и немного флегматическаго, оживленнаго умными глазами.

— Да, это случается, Иванъ Павловичъ, отвѣчалъ тотъ.—Знаете, отъ забывчивости при передачѣ приказаній, въ 1787 году австрійцы подъ Бѣлградомъ больше 10 тысячъ людей потеряли.

— Ну, вѣдь кромѣ австрійцевъ никто же и не ухитрится этакой штуки выкинуть. Кто бы подумалъ, что, когда батюшка нашъ Суворовъ спасалъ ихъ подъ

Императоръ оцѣнилъ мысль своего вѣрно-подданнаго, отмѣнилъ свое двукратное повелѣніе и осыпалъ Вельяминова милостями. Это напоминаетъ сцену Петра и Долгорукова. Вотъ настоящая строго-законная оппозиція, которую англичане назвали бы оппозиціею ея величества.

Рымникомъ, они угораздятся въ другомъ мѣстѣ побѣжать отъ Турка.

— Да подъ Рымникомъ нельзя же было, сказалъ я. Всѣ засмѣялись.

поручикъ Шликевичъ,—да и люди пусть ужь лучше хорошенько поужинаютъ; а то вѣдь дня два, а пожалуй и три, будутъ только одни сухари.

— Опять въ риѳму, смѣясь въ полголоса шепнулъ

Возвращеніе съ аукціона.

По оригинальному рисунку В. Е. Маковскаго, на деревѣ рѣзалъ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

— Развѣ только, что нельзя, сказалъ Тачинскій: —да ну ихъ! а вотъ бы теперь славно намъ двинуться, да лошади еще не обсохли послѣ переправы, приходится подождать.

— Мокрую лошадь сѣдлать не годится, замѣтилъ Яковлевъ. Мы съ Яковлевымъ были самые младшіе офицеры, и это былъ нашъ первый походъ. Шликевичъ былъ уже старый поручикъ. Русый, небольшаго роста, съ веселою физіогноміей, сѣрыми бойкими глазами, густымъ басомъ,—и говорилъ часто въ риѳму, когда слу-

чайно, когда и нарочно. Теперь никого увы! уже нѣтъ изъ первыхъ моихъ сослуживцевъ. Тачинскій, Яковлевъ отдали Богу душу, Москалевъ и Шликевичъ умерли смертью храбрыхъ подъ Карсомъ. Да и другіе, съ кѣмъ бывало приходилось дѣлить молодость, и радость и горе, и изобиліе и нужду—гдѣ они?

«Однихъ ужь нѣтъ, а тѣ—далеко».

Миръ праху вашему, добрые товарищи! Не долго ужь и намъ-старикамъ поминать васъ.

— Вы прежде въ какой бригадѣ служили? спросилъ Тачинскій Шликевича.

— Въ 12-й..

— При васъ тамъ случилась эта исторія съ Б...?

— Да при мнѣ.

— Раскажите, пожалуйста, какъ это было?

Шликевичъ разсказалъ слѣдующее: «На одной скучной стоянкѣ, въ западныхъ губерніяхъ, Б. замѣтилъ дѣвочку лѣтъ семи, игравшую въ дождевой лужѣ. Дѣвочка эта была очень хорошенькая. Б. подманилъ ее, далъ ей конфектъ, потомъ подарилъ розоваго ситцу на платьеце, и узналъ, что она сирота, живетъ у своего дяди, кузнеца той деревни, и конечно ростетъ безъ всякаго призора и воспитанія. Б. отъ нечего дѣлать сталъ ее учить грамотѣ. Дитя оказалось очень понятливо и привязалось къ своему случайному учителю; многіе изъ офицеровъ тоже съ удовольствіемъ стали заниматься съ нею, кто чѣмъ хотѣлъ. Года черезъ два, когда баттарея должна была выступить на другую стоянку, Б. взялъ къ себѣ эту дѣвочку, со всѣми ея бумагами, и рѣшился докончить серіозно ее воспитаніе. Самъ онъ былъ прекрасный музыкантъ и хорошо говорилъ по французски. Все это онъ передалъ ей.»

«Такъ прошло 10 лѣтъ. Она вышла красавица, мило и хорошо образованная, любимая всѣми офицерами, а онъ былъ человѣкъ со средствами. Ясно также, что оба влюбились другъ въ друга, потому что жили одними и тѣми же понятіями и образомъ мыслей. Б. рѣшился на ней жениться и написалъ объ этомъ къ своему отцу. Отецъ и слышать не хотѣлъ, а чтобы Б. не женился противъ его воли, онъ письмомъ просилъ бригаднаго командира дать сыну его какую-нибудь командировку, а безъ него, съ помощію кузнеца-опекуна, выдать дѣвушку замужъ, на что и выслалъ приличную сумму. Б., ничего, разумѣется, не знавшій, отправленъ былъ за ремонтомъ. Въ отсутствіе его выписали опекуна, и съ его помощію выдали бѣдную замужъ за фейерверкера, представленнаго въ офицеры.»

«Немедленно послѣ брака, прямо изъ церкви, молодая исчезла.»

«Всѣ розыски не привели ни къ чему; ни слуху, ни духу.»

«Возвращается Б.»

«Только-что онъ пріѣхалъ, она является къ нему на квартиру....»

«На другой день вытащили изъ рѣки два трупа: шея *его* была обвита *ея* черною косой,—руки переплелись въ послѣднемъ пламенномъ объятьи....»

Ударили между тѣмъ подъемъ. Пора выступать, пока ночь темная,—выплыли звѣзды яркія, разлилась веселая пѣсня.

— Ваше благородіе! Степаненко не можетъ идти. Какъ прикажете?

— Отчего онъ не можетъ идти? Что съ нимъ?

— Ничего не видитъ, какъ солнышко сядетъ. Куриная слѣпота, значитъ.

— Такъ дать ему въ руки лямку, пускай идетъ за орудіемъ; а гдѣ очень будетъ опасно, такъ пусть проведутъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Послѣ трехчасоваго ходу, дорога стала подниматься въ гору все выше и круче; едва свѣтилась кремнистая тропа; по воздуху носились обманчивые, неясные звуки, изрѣдка прерываемые бряцаніемъ цѣпи или металлическимъ стукомъ подпрыгнувшаго на лафетѣ орудія. Съ трудомъ можно было различать бѣлыя портупеи на людяхъ, и на нихъ да на голоса передовыхъ фейерверкеровъ коноводы вели своихъ лошадей. Вдругъ что-то загремѣло и раздались громкіе крики. Въ кручу оборвалось и полетѣло съ лошадьми одно орудіе. Какой-то огонекъ описалъ вслѣдъ за нимъ нѣсколько кружковъ.

— Которое? раздался голосъ командира баттареи.

— Пятое!

— Ну, такъ!... ослы, удержать не умѣли! А что тамъ за огонекъ такой былъ?

— Степаненко полетѣлъ съ пальникомъ.

Бѣдный Степаненко! какъ онъ держался за лямку, такъ вмѣстѣ съ орудіемъ и рухнулся въ кручу.

Лишь только выбрались на полянку, надо было остановиться. Осмотрѣлись кое-какъ въ темнотѣ, по голосу Степаненки добрались и до него. Слава Богу, всѣ упали очень удобно: саженяхъ въ двухъ случилась небольшая площадка, поросшая мелкимъ терновникомъ, на которой они и остановились; и онъ, и лошади уцѣлѣли; но у орудія, неизвѣстно какъ, отскочила мушка. Съ большимъ трудомъ вытащили все на дорогу, и еще немножко поднявшись—всѣ улеглись ожидать разсвѣта.

(*Продолженіе будетъ*).

Фельетонъ

Кое что о дняхъ минувшихъ и настоящихъ.—Земство и народное образованіе.—Земледѣльческіе пріюты.—Сбытчики фальшивыхъ ассигнацій въ Одессѣ.—Дама съ пистолетомъ въ театрѣ.

Было время, читатель, когда общественная жизнь русскаго человѣка не испытывала никакихъ треволненій, оставаясь такою же спокойной и невозмутимой, какъ гладкая поверхность озера въ тихій лѣтній день. Что бы не дѣлалось вокругъ насъ, внѣ извѣстнаго кружка намъ не было никакого дѣла; вся наша забота ограничивалась своей собственной передней—и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ личный интересъ уступалъ интересу общества. Тѣ же стремленія проглядываютъ, довольно замѣтно, и теперь въ средѣ лицъ, не легко разстающихся съ старымъ порядкомъ вещей; за то мы съ удовольствіемъ можемъ указать на значительное число лицъ, дѣятельность которыхъ не носитъ исключительно личнаго характера, но имѣетъ и общественное значеніе. Возьмемъ, напримѣръ, дѣятельность земства—этого офиціальнаго представителя русскаго общества передъ правительствомъ. Каждый изъ представителей земства въ своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ въ виду прежде всего интересы своего сословія, но это ни-

сколько не мѣшаетъ ему относиться сочувственно къ тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ значеніе для лицъ иного состоянія. Изъ отчетовъ засѣданій земскихъ собраній за минувшій годъ—мы видимъ похвальную готовность земскихъ дѣятелей способствовать поднятію уровня народнаго образованія, которое, какъ извѣстно, находится у насъ въ положеніи довольно неудовлетворительномъ. Кромѣ недостатка денежныхъ средствъ на содержаніе училищъ, у насъ нѣтъ и лицъ способныхъ посвятить себя учительской дѣятельности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи земскимъ дѣятелямъ Новгородской губерніи принадлежитъ прекрасный почипъ устройства школы для приготовленія народныхъ учителей изъ крестьянъ. Насколько эта мѣра можетъ считаться необходимой и полезной, легко убѣдиться, если обратить вниманіе на личный составъ народныхъ учителей. Обученіе крестьянскихъ дѣтей въ сельскихъ школахъ чаще всего ввѣряется: или мѣстному причту, или-же наставникамъ изъ семинаристовъ. Безпристрастная оцѣнка педагогической дѣятельности этихъ послѣднихъ лицъ выставляетъ на видъ тотъ совершенно понятный фактъ, что учителя изъ семинаристовъ смотрятъ на свои занятія какъ на дѣло, которому они посвятили себя временно и которое они бросятъ при болѣе выгодномъ предложеніи. Отсюда частая смѣна учителей—и школа остается временно безъ преподавателя. Тотъ-же недостатокъ существуетъ и въ тѣхъ училищахъ, гдѣ преподаютъ сельскіе священники: вслѣдствіе соединенія нѣсколькихъ разнородныхъ обязанностей, священникамъ приходится отвлекаться отъ своего побочнаго занятія въ школѣ, для исполненія главныхъ обязанностей въ качествѣ пастырей церкви. При такомъ положеніи дѣла, мысль образовать учителей изъ среды крестьянской—есть тотъ логическій выводъ, къ которому необходимо должно было придти земство, и мы надѣемся въ недалекомъ будущемъ встрѣтить наставниками народныхъ училищъ не тѣ лица, которыхъ безвыходное положеніе въ жизни заставляетъ пускаться въ педагогическую дѣятельность, но болѣе даровитыхъ представителей сельскаго населенія.

Отъ вопроса народнаго образованія, принимающаго по иниціативѣ новгородскаго земства иное, болѣе отвѣчающее современнымъ нуждамъ направленіе, слѣдуетъ перейти къ вопросу не менѣе важному и имѣющему въ своей основѣ также образованіе, только не сельскаго, а городскаго трущобнаго люда.

Кому приходилось заниматься воспитаніемъ дѣтей, тому конечно извѣстна та несомнѣнная истина, что ребенокъ, получая первыя понятія и привычки изъ окружающей его среды, бываетъ одинаково впечатлителенъ какъ къ хорошему, такъ и къ дурному. Сумма этихъ впечатлѣній опредѣляетъ его будущія убѣжденія — и обусловливаетъ направленіе его дальнѣйшей дѣятельности. Отсюда, чѣмъ полнѣе и правильнѣе будетъ развитіе въ ребенкѣ нравственныхъ основъ, тѣмъ въ будущемъ его ожидаетъ лучшая участь, и наоборотъ, при полномъ незнаніи и неумѣніи отличать хорошее отъ дурнаго, ребенка ожидаетъ самая шаткая будущность. При такой зависимости отъ воспитанія, на долю бѣдныхъ и сиротъ выпадаетъ грустная участь, чаще чѣмъ на дѣтей достаточныхъ родителей. Правда, у насъ существуетъ не малое число пріютовъ не только въ обѣихъ столицахъ, а даже и въ губерніяхъ, въ которыхъ правительство и частная благотворительность имѣютъ въ виду воспитаніе бѣдныхъ и круглыхъ сиротъ; но эти пріюты такъ переполнены, что зачастую отказываютъ въ пріемѣ ребенка на воспитаніе. Что-жъ остается дѣлать безпріютнымъ, если и тутъ не выручитъ ихъ частная благотворительность? Одно изъ двухъ: или умереть съ голоду, или же заняться побирапьемъ—нищенствомъ—и войти въ ту удушливую атмосферу трущобнаго міра, который обезображиваетъ характеры, подготовляя будущихъ бродягъ, воровъ и т. д. Объемъ нашего журнала не позволяетъ намъ остановиться на разборѣ статистическихъ данныхъ, доказывающихъ прогрессивное развитіе числа преступленій; скажемъ только, что на долю этихъ несчастныхъ выпадаетъ до 10% общаго числа преступленій совершаемыхъ въ Россіи!

Въ виду этихъ данныхъ и всѣмъ извѣстнаго недостаточнаго числа исправительно-воспитательныхъ заведеній въ Россіи, а также и того пагубнаго вліянія, какое оказываетъ на несовершеннолѣтнихъ преступниковъ заключеніе въ тюрьмѣ, какъ бы прекрасно въ будущемъ эти мѣста заключенія ни были устроены,—нельзя не привѣтствовать зрѣлую мысль устройства земледѣльческихъ колоній, въ которыхъ малолѣтнимъ преступникамъ и нищимъ было бы дано необходимое практическое воспитаніе, обезпечивающее ихъ дальнѣйшую будущность. Уставъ подобнаго учрежденія подъ названіемъ «общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ» утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 15 января.

Но довольно о вопросахъ, практичность которыхъ покажетъ будущее; перейдемъ къ настоящему.

Изъ Одессы пишутъ, что тамъ пойманы сбытчики фальшивыхъ ассигнацій. При арестѣ найдено, говорятъ, около 30 тысячъ наличными деньгами, сдѣланными такъ хорошо, что трудно отличить отъ настоящихъ. Продажа ихъ въ Одессѣ, по слухамъ, шла до того успѣшно, что въ короткое время продано на сумму 2-хъ милліоновъ; сбытчики имѣ-агентовъ въ Херсонѣ, Николаевѣ, Харьковѣ и другихъ мѣстахъ южной Россіи. Говорятъ, что много лицъ привлечено къ этому дѣлу—и даже нѣкоторыя изъ довольно хорошо обставленныхъ.

Въ Москвѣ недавно случилось происшествіе, составляющее предметъ самыхъ разнообразныхъ толковъ мѣстной публики. При началѣ спектакля въ большомъ театрѣ къ содержателю театральнаго буфета, какъ пишутъ въ одной Московской газетѣ, подошла дама, передала ему небольшой пистолетъ и просила сохранить его до конца спектакля, предупреждая, что пистолетъ заряженъ. Буфетчикъ взялъ пистолетъ у барыни, но затѣмъ заявилъ о немъ кому слѣдуетъ. Полиція принялась отыскивать барыню—и нашли ее сидящей въ креслахъ амфитеатра съ своею дочерью. Обѣ онѣ были приглашены въ контору. Барыня оказалась поручицей Е—вой. Она женщина лѣтъ за сорокъ и у нея дочь—молодая и красивая дѣвушка. Про переданный ею буфетчику пистолетъ она объяснила, что носитъ всегда съ собою огнестрѣльное оружіе для безопасности, какъ собственной, такъ и своей дочери. Она откровенно призналась что безъ заряженнаго оружія въ карманѣ у ней душа не на мѣстѣ.

Если это и плохая шутка, то все же бываютъ шутники гораздо хуже, хотя бы изъ тѣхъ, что одержимы непреодолимою страстью знакомиться, не разбирая обстоятельствъ времени и мѣста.

Форнарина Рафаэля.

(См. стр. 117).

Знаменитый біографъ художниковъ, Джорджьо Вазари потому и незамѣнимъ въ своемъ амплуа, что изъ-подъ пера его выходили не формулярные списки живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ, а очерки, приподнимавшіе завѣсу внутренней жизни этихъ людей, съ ихъ любовью и ненавистью, симпатіями и антипатіями. Ему извѣстна была вся подноготная любаго маэстро, и изъ этого источника умѣлъ онъ черпать наиболѣе выдающіеся факты, подъ-часъ приправленные и колоритомъ полусвѣта, во всѣ времена интересовавшаго жадное до сплетень человѣчество. Факты такого рода маэстро Джорджьо никогда не выяснялъ вполнѣ, и всегда, касаясь ихъ какъ бы случайно, давалъ, своими неопредѣленными намеками, мѣсто самымъ оригинальнымъ догадкамъ и, чаще всего, наиболѣе безплодныиъ розыскамъ.

Таковъ, между прочимъ, и эпизодъ Форнарины (говоря въ переводѣ на русскій—булочницы) Рафаэля, единственной, по словамъ Вазари, первой, искренней и полной любви divino Sanzio. «Кто она? Какъ имя этой женщины? Кто эта женщина?»—безплодно повторяемъ мы уже два вѣка, неустанно пускаясь въ изслѣдованія, и для насъ вопросы эти остаются безотвѣтными, какъ вопросъ Юлія II Рафаэлю, подлѣ котораго грозный папа увидѣлъ въ своемъ Ватиканѣ это лицо, страстно-пламенное и полное могучей чувственности. Правда, итальянскіе ученые, частью догадками, частью наполовину-произвольнымъ *наведеніемъ*,—нелишеннымъ, впрочемъ, остроумія,—успѣли разъяснить кое-что. И это *кое-что* остается до времени итогомъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній о Форнаринѣ.

Около 1509 года Рафаэль, двадцати шести лѣтъ отъ роду, написалъ свой портретъ, дружкою къ которому служитъ изображеніе страстнаго женскаго, миловиднаго и вмѣстѣ суроваго, лица транстеверинки, названной «Форнариною» отъ одного изъ кварталовъ Транстеверы, гдѣ, говорила сплетня, нашелъ Санціо эту свою «жемчужину» (Маргарита) и свой «божій даръ» (Доро-тея). Изъ эпитетовъ, нами приведенныхъ, позднѣйшіе кропатели извѣстій о Рафаэлѣ составили мнимоподлинныя имена его любовницы. Даже образовались двѣ ярыя партіи, изъ которыхъ одна стоитъ за первое имя, не принимая и не желая слышать другаго. Другая партія, конечно, смотритъ на дѣло обратно. Черты лица предмета этихъ споровъ очень хорошо знакомы и изучены до того уже, что изслѣдователи успѣли составить списокъ мадонъ, писанныхъ съ Форнарины, и по времени ихъ исполненія безошибочно опредѣляютъ, что, послѣдніе двѣнадцать лѣтъ жизни Рафаэля, его милая «Маргарита» всецѣло царила въ воображеніи величайшаго изъ художниковъ, какъ идеалъ женственной красоты, созданной имъ исключительно.

Оставаясь неизвѣстною для потомства, какъ лицо не идеальное, а существовавшее и родившееся въ самомъ Римѣ эпохи *возрожденія*, Форнарина не могла не сдѣлаться предметомъ вдохновенія для живописцевъ нашего вѣка. Многіе изъ нихъ, какъ авторъ помѣщаемаго нами рисунка, прямо брали портреты Рафаэля и таинственной любви его, придумывая только, въ своихъ композиціяхъ, приличныя позы къ положенію лицъ несомнѣнной точности и подлинности; другими словами, списывая съ натуры все что можетъ дать она имъ. Приэтомъ, конечно, достигается прежде всего портретное сходство и обстановка, подходящая къ дѣйствительности.

Прибавимъ, съ своей стороны, что авторъ выбранной нами картины желаетъ выразить, совершенно въ смыслѣ вѣка возрожденія, благодѣтельное вліяніе на Рафаэля Форнарины его—предложеніемъ освѣжиться плодами и виномъ среди пламеннаго созданія, какова «Сикстинская мадонна», высшее изъ геніальнѣйшихъ его твореній. Геній, для продолженія безсмертныхъ созданій, истощающихъ его слабыя силы, какъ человѣка, нуждается въ угожденіяхъ любящаго сердца, въ нѣжныхъ ласкахъ и заботахъ о прозаической существенности. И эту-то тяжелую, неблагодарную, во всякомъ случаѣ, и не оцѣняемую часто, роль—выполняла Форнарина цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, неся иго любви до конца. Она пережила любимое существо и скрылась въ неизвѣстность, кончивъ съ Рафаэлемъ свою задачу жизни.

Не стоитъ-ли одинъ этотъ подвигъ самъ по себѣ—*безсмертія*!

Возвратъ съ аукціона.

Рисунокъ В. Е. Маковскаго. (См. стр. 125).

Прошло почти восемь вѣковъ надъ Русью, съ тѣхъ поръ какъ усилившееся племя іудино, темными спекуляціями хитраго ума, успѣло въ стольномъ Кіевѣ возбудить къ себѣ народную ненависть. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось въ жизни народа русскаго. Центръ тяготѣнія съ юга переходилъ въ три пункта сѣверной территоріи отечества; успѣлъ угаснуть домъ Рюриковичей; сложилась, окрѣпла, воцарилась, развилась окончательно Москва и должна была уступить мѣсто созданію Петра I—своей преемницѣ, а чада израилевы на Руси не перестаютъ держать въ рукахъ своихъ извѣстный видъ торговли въ большихъ городахъ—хламъ. На рынкахъ столичныхъ, въ тряпичномъ ряду, жидовки—непремѣнная принадлежность характерной картины, безъ нихъ не мыслимой и утрачивающей всю свою обаятельность для своего класса покупщицъ. Въ то время когда дщери іудейскія шныряютъ съ заднихъ крылецъ по знакомымъ домамъ мотовокъ, отдавшихся выгодной на видъ, почему нибудь, ихъ эксплуатаціи, patres familiae положительно слѣдятъ за ходомъ всякаго рода дешевыхъ продажъ.

Вотъ—пара этихъ «цесныхъ» возвращается, повѣряя другъ другу виды на барыши отъ совершенной ими выгодной закупки всякаго рода утварей и вещей, казалось бы негодныхъ ни на какое употребленіе. Не такъ думаетъ еврей-промышленникъ. На этомъ негодномъ основываетъ онъ, рѣдко ошибаясь въ разсчетѣ, виды на вѣрный сбытъ съ барышомъ *башъ на башъ*. Не думайте, что затруднитъ его или заставитъ задуматься пріобрѣтеніе рядомъ: тростей, старинной шпаги съ треуголкою, лейки, сундука, портрета казачьяго офицера, ему рѣшительно неизвѣстнаго, картонки и подноса металлическаго, сомнительной пробы. Ни мало. Вотъ уже младшій, длинный Іосель, присѣвъ на корточки, съ сладкою котовской улыбкой, на ломаномъ жаргонѣ своемъ, высчитываетъ престарѣлому Хаиму: сколько процентовъ въ семидневный срокъ, до будущаго пятка, дастъ этотъ разнокалиберный наборъ. Что касается до тюфяковъ, на которыхъ возсѣдитъ смиренный Ванюха, лѣниво держа возжи своей косматой кобылки, то они назначены въ подарокъ отъ щедраго Хаима своей невѣсткѣ Заркѣ, подругѣ жизни его ненагляднаго дальнозоркаго Іоселя. Пріятное съ полезнымъ—тенденція буквально, хотя по своему, исполняемая каждымъ изъ евреевъ, лично для себя, а потомъ для своего племени.

Что бы казалось невиннѣе такой логики? Все дѣло въ разности взглядовъ нашихъ съ еврейскими. Крѣпко заставляетъ задуматься сцена, схваченная Маковскимъ, и много серьезнаго можетъ навѣять она, какъ повнимательнѣе вглядишься въ два лица евреевъ, ихъ покупки и беззаботный типъ православнаго мужичка—извощика.

Смѣсь.

Дѣтская стачка. Недавно иногородцевъ, попавшихъ въ Верье, разсказываетъ «Аахенская газета», должно было поразить весьма странное зрѣлище. По улицамъ расхаживала, обращая на себя общее вниманіе, большая толпа дѣтей, 400—500 человѣкъ, и впереди несли знамя. Это было стачка. Дѣти эти заработывали себѣ хлѣбъ на бумагопрядильныхъ заводахъ привязываніемъ концевъ къ *сельфакторамъ*—и причиной неудовольствія было то, что дѣтей держали за работою отъ 5 ч. у. до 10 ч. веч. Они требовали, чтобы сократили ихъ рабочее время на четыре часа, а именно держали бы ихъ съ 6 ч. у. и до 7 ч. веч. Они прекратили работу, но вели себя такъ спокойно и разсудительно, что полиція не имѣла повода вмѣшиваться и не трогала ихъ. Маленькіе рабочіе достигли своей цѣли, и снова явились на работу, прогулявъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ гуляли и заводы.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 18 Февр. 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр. д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Нев. пр. д. № 45—1.

№ 2. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . . — » 60 к.
За упаковку . . . . — » 40 »
Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Вэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер

ТѢНЬ ПРИЗРАКА.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

(переводъ съ англійскаго).

Съ тѣхъ поръ, какъ я завелся собственнымъ хозяйствомъ, сестра моя Летти жила со мною. Она у меня хозяйничала до моей женитьбы. Теперь она неразлучна съ моей женой, и дѣти мои обращаются къ своей милой тетѣ за совѣтомъ, утѣшеніемъ и помощью во всѣхъ своихъ маленькихъ невзгодахъ и затрудненіяхъ. И однако же, не смотря на то, что она окружена любовью и удобствами жизни,—съ лица ея не сходитъ грустное, сосредоточенное выраженіе, которое приводитъ въ недоумѣніе знакомыхъ и огорчаетъ родныхъ. Что же этому за причина? несчастная любовь? Да — все та же старая исторія. Сестрѣ не разъ представлялись выгодныя партіи, но, лишившись предмета своей первой любви, она уже никогда не позволяла себѣ мечтать о томъ, чтобы любить и быть любимой.

Джорджъ Мэзонъ приходился женѣ моей двоюроднымъ братомъ; онъ былъ морякъ. Они съ Летти встрѣтились на нашей свадьбѣ и влюбились съ перваго взгляда. Отецъ Джорджа тоже былъ морякомъ и особенно отличался въ Арктическихъ моряхъ, гдѣ онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, предпринятыхъ для отысканія сѣвернаго полюса и сѣверо-западнаго прохода. Я, поэтому, не удивился, когда Джорджъ по собственной охотѣ вызвался служить на «*Піонеръ*», который снаряжался на поиски за Франклиномъ и его потерянными товарищами. Будь я на его мѣстѣ, едва-ли бы я устоялъ противъ обаянія подобнаго предпріятія. Летти это, разумѣется, не нравилось; но онъ успокоилъ ее увѣреніемъ, что моряковъ, добровольно просившихся въ арктическую экспедицію, никогда не теряютъ изъ вида, и что онъ такимъ образомъ въ два года уйдетъ дальше въ своей карьерѣ, чѣмъ ушелъ бы въ двѣнадцать лѣтъ простой службы. Не могу сказать, чтобы сестра и тутъ искренно помирилась съ его рѣшеніемъ, но она перестала спорить; только облако, теперь не покидающее ея лица, но рѣдко являвшееся въ ея счастливой молодости, иногда стало пробѣгать по чертамъ ея, когда она думала, что никто ея не видитъ.

Младшій братъ мой, Гэрри, въ то время учился въ академіи художествъ. Теперь онъ составилъ себѣ нѣкоторую извѣстность, но тогда еще только начиналъ, и, какъ всѣ начинающіе, задавался всякими фантазіями и теоріями. Одно время онъ бредилъ венеціанской школой, а у Джорджа была красивая голова итальянскаго типа— онъ и написалъ съ него портретъ. Портретъ вышелъ похожъ, но какъ художественное произведеніе—весьма посредственъ. Фонъ былъ слишкомъ теменъ, а морской мундиръ слишкомъ яркокъ, такъ что лицо черезъ чуръ уже рельефно выдѣлялось бѣлизной. Поворотъ былъ въ три четверти, но вышла одна только рука, опиравшаяся на

рукоять кортика. Вообще, какъ Джорджъ самъ говорилъ, онъ на этомъ портретѣ скорѣе походилъ на командира венеціанской галеры, чѣмъ на современнаго лейтенанта. Летти, впрочемъ, осталась вполнѣ довольна—о художественности она очень мало заботилась, лишь бы сходство было. И такъ, портретъ съ подобающимъ уваженіемъ былъ вставленъ въ раму—ужасно массивную, заказанную самимъ Гэрри—и повѣшенъ въ столовой.

Приближалось время разлуки. «Піонеръ» только ждалъ послѣднихъ инструкцій. Офицеры перезнакомились между собою. Джорджъ очень сошелся съ лекаремъ Винсентомъ Гривомъ, и, съ моего разрѣшенія, раза два привозилъ его къ намъ обѣдать. Правду сказать, онъ мнѣ съ перваго взгляда не особенно понравился, и я почти пожалѣлъ, что пригласилъ его. Это былъ высокій, блѣдный молодой человѣкъ, блондинъ, съ довольно грубыми, рѣзкими чертами шотландскаго типа, съ холодными сѣрыми глазами. Въ выраженіи лица его тоже было что-то непріятное—не то жестокое, не то хитрое, а вѣрнѣе и то и другое вмѣстѣ. Мнѣ, между прочимъ, показалось весьма неделикатно съ его стороны, что онъ не отходилъ отъ Летти, во всемъ предупреждалъ Джорджа, — однимъ словомъ, явившись въ домъ въ качествѣ пріятеля ея жениха, просто открыто ухаживалъ за нею. Джорджу это, кажется, тоже не нравилось, но онъ приписывалъ эту безтактность незнанію свѣтскихъ приличій—и молчалъ. Летти была крайне недовольна: ей хотѣлось передъ разлукой какъ можно больше быть съ Джорджемъ; но, чтобы его не огорчать, она терпѣла и тоже молчала.

Самому Гриву очевидно и въ голову не приходило, чтобы онъ велъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ былъ вполнѣ веселъ и счастливъ. Только портретъ почему-то тяготилъ его. Когда Гривъ въ первый разъ увидѣлъ его, то слегка вскрикнулъ, а когда его за обѣдомъ посадили прямо напротивъ портрета, онъ замялся, съ явной неохотой сѣлъ, но тотчасъ опять всталъ.

— Я не могу сидѣть напротивъ этого портрета, пробормоталъ онъ,—я самъ знаю, что это ребячество, но не могу. Это одинъ изъ тѣхъ портретовъ, глаза которыхъ точно слѣдятъ за вами, куда ни повернитесь, а я отъ матери унаслѣдовалъ отвращеніе къ подобнымъ портретамъ. Она вышла за мужъ противъ воли отца, и когда я родился, была при смерти больна. Когда она настолько поправилась, что могла говорить связно, безъ бреда,—она умоляла всѣхъ убрать висѣвшій въ ея комнатѣ портретъ моего дѣда, увѣряя, что онъ грозно смотритъ на нее, хмурится и шевелитъ губами. Суевѣріе ли это, или темпераментъ, только я не терплю подобныхъ портретовъ.

Джорджъ кажется счелъ эту выходку своего пріятеля за хитрость, чтобы получить мѣсто рядомъ съ Летти, но я видѣлъ испуганное выраженіе его лица и не могъ не повѣрить его словамъ. Прощаясь съ ними вечеромъ, я вполголоса, больше въ шутку, спросилъ Джорджа, приведетъ ли онъ опять къ намъ своего новаго друга. Онъ весьма энергично отвѣтилъ, что нѣтъ, потому что Гривъ очень милъ въ мужской компаніи, но въ дамскомъ обществѣ не умѣетъ себя держать.

Но зло было уже сдѣлано. Винсентъ воспользовался тѣмъ, что былъ представленъ намъ,—и сталъ приходить чуть не каждый день, чаще даже Джорджа, которому, по долгу службы, приходилось проводить большую часть времени на кораблѣ, тогда какъ Гривъ, закупивъ и уложивъ всѣ нужныя аптечныя снадобья, былъ совершенно свободенъ. Въ послѣдній его визитъ, на канунѣ выхода въ море «*Піонера*», Летти прибѣжала ко мнѣ сильно разстроенная: онъ имѣлъ нахальство объясниться ей въ любви! Онъ сказалъ, что знаетъ о ея помолвкѣ за Джорджа, но что это не мѣшаетъ влюбиться въ нее и другому, что отъ любви такъ же точно нельзя уберечься, какъ отъ лихорадки. Летти строго, съ высоты своего величія осадила его, но онъ объявилъ, что, по своему мнѣнію, не дѣлаетъ ничего предосудительнаго, высказывая ей свою любовь, хотя и безнадежную.

— Мало-ли что можетъ случиться, сказалъ онъ въ заключеніе,—отъ чего можетъ не состояться ваша свадьба; тогда вы вспомните, что васъ любитъ другой.

Я очень разсердился и хотѣлъ самъ объясниться съ этимъ фатомъ; но Летти сказала, что она его уже выпроводила изъ дома, и просила не говорить ничего Джорджу, чтобы не дошло до ссоры и чего добраго—дуэли. Джорджъ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ и просидѣлъ до разсвѣта, когда ему пришлось разстаться и отправиться на корабль. Проводивъ его до дверей и еще разъ пожавъ ему руку, я воротился въ столовую, гдѣ бѣдная Летти рыдала на диванѣ.

Я невольно вздрогнулъ, взглянувъ на портретъ, висѣвшій надъ нею. Страннымъ, сумрачнымъ свѣтомъ занимавшейся зари едва-ли можно было объяснить чрезвычайную блѣдность лица. Подойдя ближе, я замѣтилъ, что оно покрыто влагою, и подумалъ, что вѣрно Летти въ первомъ припадкѣ горя бросилась цѣловать портретъ милаго, и что влага эта—слѣды ея слезъ. Долго спустя я какъ то подшутилъ надъ нею по этому поводу—и тутъ только узналъ, что ошибся. Летти торжественно объявила, что портрета не цѣловала.

— Вѣроятно лакъ напотѣлъ, замѣтилъ Гэрри. Тѣмъ и кончилось, потому что я промолчалъ; но я, хотя и не художникъ, зналъ очень хорошо, что лакъ совсѣмъ не такъ потѣетъ.

Летти съ дороги получила два письма отъ Джорджа. Во второмъ онъ писалъ, что едва ли теперь скоро удастся подать о себѣ вѣсть, потому что они забираются въ очень высокую широту, куда не заходятъ торговыя суда, а только однѣ ученыя экспедиціи. Всѣ, по его словамъ, были веселы и здоровы, льду пока встрѣчалось мало, и Гривъ сидѣлъ безъ дѣла, потому что никто еще даже не хворалъ.

За этимъ письмомъ послѣдовало долгое молчаніе—прошелъ цѣлый годъ, безконечный для бѣдной Летти. Разъ только мы читали замѣтку объ экспедиціи въ газетахъ—все обстояло благополучно. Прошла еще зима—наступила опять весна, ясная, благорастворенная, какою иной разъ бываетъ она даже угрюмыхъ, измѣнчивыхъ сѣверныхъ климатахъ.

Однажды вечеромъ мы сидѣли въ столовой у раскрытаго окна. Хотя мы давно перестали топить, въ комнатѣ было такъ душно, что мы съ жадностью вдыхали вечернюю прохладу. Летти работала; она, бѣдненькая, никогда не роптала, но очевидно тосковала по Джорджу. Гэрри стоялъ, на половину высунувшись изъ окна, и любовался при вечернемъ освѣщеніи фруктовыми деревьями, которыя были уже въ полномъ цвѣту. Я сидѣлъ у стола, и, при свѣтѣ лампы, читалъ газету. Вдругъ въ комнату пахнулъ холодъ. Это былъ не вѣтеръ, потому что оконный занавѣсъ даже не шевельнулся. Просто вдругъ сдѣлалось холодно—и сейчасъ-же опять прошло. Летти, какъ и меня, пробралъ ознобъ. Она взглянула на меня.

— Какъ странно—вдругъ холодомъ обдало! сказала она.

— Это маленькій образчикъ погоды, которою наслаждается бѣдный Джорджъ у полюса, отвѣтилъ я съ улыбкой.

Въ то-же время я невольно взглянулъ на портретъ— и онѣмѣлъ, кровь хлынула къ сердцу, и недавній холодъ замѣнился ощущеніемъ горячечнаго жара... На столѣ, какъ я уже говорилъ, горѣла лампа, чтобъ мнѣ можно было читать; но солнце только еще заходило—и въ комнатѣ далеко не было темно. Я ясно видѣлъ ужасную перемѣну, происшедшую съ портретомъ; это была не фантазія, не обманъ чувствъ: вмѣсто головы и лица Джорджа, я увидѣлъ обнаженный, осклабляющійся черепъ, съ темными впадинами глазъ, бѣлыми зубами, голыми скулами—какъ есть, мертвая голова! Не говоря ни слова, я всталъ, и пошелъ прямо къ портрету. По мѣрѣ того какъ я приближался, мнѣ точно застилало глаза туманомъ, а когда подошелъ совсѣмъ близко—я увидѣлъ уже лицо Джорджа. Адамова голова исчезла.

— Бѣдный Джорджъ! проговорилъ я безсознательно.

Летти подняла голову. Мой тонъ испугалъ ее—выраженіе лица моего не успокоило ея.

— Что это значитъ? Ужъ не слыхалъ ли ты чего? О, Робертъ, ради Бога, скажи!

Она встала, подошла ко мнѣ, и положивъ руку на мою руку, умоляющими глазами смотрѣла на меня.

— Нѣтъ, душа моя, сказалъ я: — откуда-же мнѣ слышать? Мнѣ только невольно припомнились всѣ труды и лишенія, которые ему приходится терпѣть. Мнѣ напомнилъ этотъ холодъ....

— Какой холодъ? спросилъ Гэрри, тѣмъ временемъ отошедшій отъ окна.—Что это вы толкуете? Этакій вечеръ, а они—холодно! Лихорадка у васъ, что ли?

— Мы оба съ Летти почувствовали сію минуту сильный холодъ. А ты?

— Ничего не чувствовалъ!.. а мнѣ, кажется, ближе-бы —я стоялъ на три четверти высунувшись изъ окна.

— Какое сегодня число? спросилъ я, еще съ минуту подумавъ, какъ странно, что этотъ холодъ только пронесся по комнатѣ — точно въ самомъ дѣлѣ повѣялъ прямо съ полюса, и находился въ связи съ замѣченнымъ мною сверхъ-естественнымъ явленіемъ.

— 23-е, отвѣчалъ Гэрри, взглянувъ на нумеръ газеты.

Когда Летти вышла изъ комнаты, я разсказалъ Гэрри, что я видѣлъ и чувствовалъ,—и просилъ его записать число, опасаясь, не случилось ли чего съ Джорджемъ.

— Записать--запишу, сказалъ онъ, вынимая памятную книжку:—только у васъ съ Летти или желудки разстроены, или приливъ крови къ головѣ—что-нибудь въ этомъ родѣ.

Я конечно не сталъ съ нимъ спорить. Летти немного погодя прислала сказать, что ей не совсѣмъ здоровится и что она легла въ постель. Жена моя вошла и спросила, что случилось.

— Не слѣдовало сидѣть съ растворенным окномъ, сказала она.—Вечера хотя и теплые, но ночной воздухъ иногда вдругъ проберетъ холодомъ. Во всякомъ случаѣ, Летти должно быть сильно простудилась: ее знобитъ.

Я не пускался въ объясненія, тѣмъ болѣе что Гэрри очевидно склоненъ былъ подтрунивать надо мною, за мое суевѣріе; но позже вечеромъ, оставшись одинъ съ женою въ нашей комнатѣ, я разсказалъ ей все, что было, и высказалъ ей мои опасенія. Это ее сильно встревожило, и я почти раскаялся, что сказалъ ей.

На слѣдующее утро Летти было лучше—и такъ какъ никто изъ насъ болѣе не упоминалъ о случившемся, то вчерашнее происшествіе какъ-будто забылось, но съ того вечера я постоянно поджидалъ дурныхъ извѣстій. Наконецъ предчувствіе мое сбылось.

Однажды утромъ, я только что сходилъ въ столовую къ завтраку, какъ раздался стукъ въ дверь, и Гэрри вошелъ — противъ заведеннаго порядка, потому что онъ утра проводилъ у себя въ мастерской и заходилъ къ намъ обыкновенно только вечеромъ по дорогѣ домой. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Летти еще нѣтъ здѣсь? спросилъ онъ, и не дождавшись отвѣта, сдѣлалъ новый вопросъ:—какую газету ты получаешь?

— «Daily News», отвѣчалъ я:—почему ты спрашиваешь?

— Летти навѣрное еще не выходила изъ своей комнаты?

— Нѣтъ.

— Слава Богу. Посмотри!

Онъ вынулъ изъ кармана газету и подалъ мнѣ, указавъ на коротенькій параграфъ. Я понялъ въ чемъ дѣло, какъ только онъ спросилъ о Летти.

Параграфъ былъ съ заглавіемъ: *Несчастный случай съ однимъ изъ офицеровъ на «Піонерѣ»*. Въ немъ говорилось, что, по извѣстіямъ полученнымъ въ адмиралтействѣ, экспедиція не отыскала пропавшихъ, но напала на слѣдъ ихъ. По недостатку запасовъ ей пришлось воротиться, но командиру хотѣлось, лишь успѣютъ сдѣлать нужныя поправки, опять пойти по найденнымъ слѣдамъ. Далѣе говорилось, что «несчастный случай лишилъ экспедицію одного изъ лучшихъ офицеровъ, лейтенанта Мэзона, который упалъ съ *ледяной горы* и убился до смерти, отправившись на охоту съ докторомъ. Его всѣ любили, и смерть его навѣяла тоску на эту горсть безстрашныхъ изслѣдователей.»

— Въ «Daily News» слава Богу еще нѣтъ, сказалъ Гэрри, пробѣжавъ нумеръ, пока я читалъ:—но тебѣ надо будетъ остерегаться, чтобъ не попало ей въ руки, когда будетъ напечатано—чего не миновать рано или поздно.

Мы взглянули другъ на друга со слезами въ глазахъ.

— Бѣдный Джорджъ! бѣдная Летти! вздохнули мы.

— Но надо-же будетъ когда-нибудь сказать ей, проговорилъ я погодя.

— По неволѣ, возразилъ Гэрри:—но это убьетъ ее, если она узнаетъ такъ вдругъ. Гдѣ твоя жена?

Она была въ дѣтской, но я послалъ за нею и сообщилъ ей недобрую вѣсть.

Она старалась подавить свое волненіе ради бѣдной Летти, но слезы текли по ея щекамъ, несмотря на всѣ ея усилія.

— Какъ рѣшусь я сказать ей? повторила она.

— Тише! произнесъ Джорджъ, схвативъ ее за руку и взглядывая на дверь.

Я обернулся: на порогѣ стояла Летти, блѣдная какъ смерть, съ полураскрытыми губами, и тупо глядѣвшими глазами. Мы не слыхали, какъ она вошла, и не знали, сколько она слышала изъ нашего разговора—во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы не нужно было болѣе ничего сообщать ей. Мы всѣ бросились къ ней; но она рукой отстранила насъ, повернулась и ушла на верхъ, не сказавъ ни слова. Жена моя поспѣшила за ней и нашла ее на колѣняхъ подлѣ кровати—безъ чувствъ.

Послали за докторомъ; она скоро очнулась, но нѣсколько недѣль пролежала опасно больная.

Прошло около мѣсяца послѣ ея полнаго выздоровленія, и она уже сходила внизъ, когда я увидѣлъ въ газетахъ извѣстіе о возвращеніи «Піонера»; но такъ какъ оно уже не имѣло для насъ интереса, то я ни съ кѣмъ не по-

дѣлился этой вѣстью, тѣмъ болѣе что сестрѣ больно было-бы слышать самое это имя. Вскорѣ послѣ того, я сидѣлъ у себя и писалъ письмо—вдругъ слышу громкій стукъ въ парадную дверь. Я оторвался отъ своего занятія и сталъ прислушиваться, потому что голосъ посѣтителя показался мнѣ несовсѣмъ незнакомымъ. Поднявъ глаза въ недоумѣніи, я случайно остановилъ взглядъ на портретѣ бѣднаго Джорджа — и не зналъ, во снѣ ли я или на яву. Я уже говорилъ, что онъ былъ изображенъ съ рукою, опиравшейся на рукоять кортика. Теперь-же я ясно видѣлъ, что указательный палецъ былъ поднятъ, точно въ предостереженіе отъ чего-то. Я пристально вглядывался, чтобъ убѣдиться, что это не игра воображенія,—и еще замѣтилъ двѣ кровяныхъ капли, ярко и ясно выступавшія на блѣдномъ лицѣ. Я подошелъ къ портрету, ожидая, что и это явленіе исчезнетъ, подобно мертвой головѣ, но оно не не исчезало; только приподнятый палецъ, при близкомъ осмотрѣ, оказался маленькой бѣлой мошкою, сидѣвшею на полотнѣ. Красныя капли были жидки, но конечно не кровяныя, хотя я сначала не зналъ какъ объяснить ихъ. Мошка была въ состояніи спячки; я ее снялъ съ картины и положилъ на каминъ подъ опрокинутую рюмку. Все это заняло меньше времени, чѣмъ потребовалось на описаніе. Въ ту минуту, какъ я отходилъ отъ камина, служанка принесла карточку и сказала, что джентльменъ ждетъ въ передней и спрашиваетъ, могу ли я его принять. На карточкѣ было имя Винсента Грива. «Слава Богу, что Летти дома нѣтъ,» подумалъ я и вслухъ сказалъ служанкѣ: «просите; но если жена и миссъ Летти придутъ домой прежде, чѣмъ этотъ джентльменъ уйдетъ,—скажите имъ, что у меня гость по дѣлу, и я прошу сюда не входить.

Я пошелъ къ двери встрѣчать Грива. Переступая порогъ, еще прежде чѣмъ могъ видѣть портретъ, Гривъ остановился, весь содрогнулся и поблѣднѣлъ, даже до губъ.

— Закройте этотъ портретъ, прежде чѣмъ я войду, проговорилъ онъ торопливо, глухимъ голосомъ.—Вы помните, какъ онъ и тогда на меня дѣйствовалъ; теперь будетъ еще хуже послѣ этого несчастія.

Я лучше прежняго понималъ его чувство — самъ довольно намучился съ портретомъ и не безъ страха глядѣлъ на него. И такъ, я снялъ скатерть съ небольшаго кругленькаго столика, стоявшаго у окна, и накинулъ ее на картину. Тогда только Гривъ вошелъ. Онъ сильно измѣнился. Лицо его было еще худощавѣе и блѣднѣе, глаза и щеки впали; кромѣ того, онъ какъ-то странно сгорбился, и взглядъ его выражалъ уже не хитрость, а какой-то ужасъ—точно у травленаго звѣря. Я замѣтилъ, что онъ ежеминутно поглядывалъ въ сторону, какъ-будто слыша кого-то за собою. Этотъ человѣкъ мнѣ никогда не нравился, но теперь я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ нему — такое отвращеніе, что радъ былъ вспомнивъ, какъ, исполняя его просьбу закрыть картину, я не подалъ ему руки. Я никакъ не могъ говорить съ нимъ безъ холодности, притомъ я рѣшился объясниться съ нимъ напрямикъ. Я сказалъ ему, что я конечно радъ его благополучному возвращенію, но что не могу просить его по прежнему бывать у насъ,—что я бы желалъ узнать подробности смерти бѣднаго Джорджа, но не позволю ему, Гриву, видѣть мою сестру,—и въ то-же время, по возможности деликатнѣе, намекнулъ на непристойность его поведенія передъ отъѣздомъ. Онъ выслушалъ меня очень спокойно; только глубоко, тоскливо вздохнулъ, когда я сказалъ, что долженъ просить его не повторять своего визита. Онъ былъ очевидно такъ слабъ и боленъ, что мнѣ пришлось предложить ему рюмку вина, и онъ съ явнымъ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе. Я самъ досталъ изъ шкафа хересъ и бисквиты, и поставилъ на столъ между нами; онъ налилъ себѣ рюмку и съ жадностью духомъ выпилъ.

Мнѣ стоило немалаго труда заставить его разсказать мнѣ о смерти Джорджа. Наконецъ онъ съ явной неохотой разсказалъ, что они вмѣстѣ пошли на бѣлаго медвѣдя, котораго увидѣли на ледяной горѣ, причалившей къ берегу. Гора заканчивалась съ одной стороны остріемъ, какъ крыша дома, и отлогость выдавалась надъ страшной бездной. Они взобрались на самый верхъ, и Джорджъ неосторожно ступилъ на покатую сторону.

— Я звалъ его, продолжалъ Гривъ,—я просилъ его вернуться, но было поздно. Онъ пробовалъ поворотить назадъ, но поскользнулся. Послѣдовала ужасная сцена. Сначала медленно, а потомъ все быстрѣе, онъ скользилъ къ краю. Не за что было ухватиться—ни малѣйшаго выступа или шероховатости на гладкой поверхности льда. Я скинулъ сюртукъ, и наскоро прикрѣпивъ его къ ружью, протянулъ ему—не хватало. Прежде чѣмъ я успѣлъ привязать еще галстухъ, онъ соскользнулъ еще дальше и продолжалъ стремиться внизъ съ возрастающей быстротою. Я въ отчаяніи закричалъ, но не было никого по близости. Онъ понялъ, что участь его рѣшена,—и только успѣлъ сказать мнѣ, чтобы я передалъ его послѣднее *прости* вамъ и... и ей...Голосъ Грива оборвался, однако онъ продолжалъ: — мгновеніе спустя все было кончено: инстинктивно уцѣпился онъ на секунду за край и—исчезъ!

Гривъ едва произнесъ послѣднее слово, какъ у него отвисла челюсть, глаза его точно собирались выкатиться изъ впадинъ... Онъ вскочилъ на ноги, указалъ на что-то сзади меня, замахалъ по воздуху руками—и съ громкимъ крикомъ свалился, какъ подстрѣленный. Съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей болѣзни.

Я невольно обернулся, въ то-же время бросаясь поднимать его съ полу: скатерть сползла съ портрета—и лицо Джорджа, казавшееся еще блѣднѣе отъ красныхъ пятенъ, сурово глядѣло на насъ. Я позвонилъ. Къ счастью, Гэрри подошелъ тѣмъ временемъ—и когда служанка сказала ему о случившемся, онъ прибѣжалъ и помогъ мнѣ привести Грива въ чувство. Картину я, разумѣется, опять закрылъ.

Когда Гривъ совсѣмъ пришелъ въ себя, онъ объяснилъ, что съ нимъ бываютъ такіе припадки. Онъ тревожно разспрашивалъ, не говорилъ-ли и не дѣлалъ-ли чего особеннаго, пока продолжался припадокъ,—и видимо успокоился, когда я сказалъ ему, что ничего не было. Онъ извинялся въ причиненномъ безпокойствѣ и объявилъ, что какъ только почувствуетъ себя посильнѣе—простится съ нами. Говорилъ онъ это, облокотившись на каминъ. Бѣлая мошка бросилась ему въ глаза.

— У васъ вѣрно былъ уже кто нибудь съ «Піонера?» спросилъ онъ нервно.

Я отвѣчалъ, что никого не было, и спросилъ, почему онъ такъ думаетъ.

— Да вотъ этой бѣлой мошки не бываетъ въ такой южной широтѣ, сказалъ онъ:—это одинъ изъ послѣднихъ признаковъ вымирающей жизни на дальнемъ сѣверѣ. Откуда она у васъ?

— Я ее поймалъ здѣсь, въ этой комнатѣ.

— Это очень странно. Никогда я ничего подобнаго не слыхалъ. Я послѣ этого не удивлюсь, если начнутъ разсказывать о кровяныхъ дождяхъ.

Перенесеніе мощей благовѣрнаго князя св. Александра Невскаго Петромъ Великимъ въ Петербургъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. МЕНЬШИКОВЪ. АПРАКСИНЪ. ЯГУЖИНСКІЙ.

Съ фреска профессора Басина рисовалъ Адамовъ, на деревѣ рѣзалъ Вейерманъ.

— Я васъ не понимаю, сказалъ я.

— Эти насѣкомыя въ извѣстное время года испускаютъ изъ себя капли красной жидкости—иногда въ такомъ количествѣ, что люди суевѣрные воображаютъ, будто бы это кровяной дождь падаетъ съ неба. Я видѣлъ мѣстами большія красныя пятна отъ нихъ на снѣгу. Берегите ее—это большая рѣдкость на югѣ.

Когда онъ ушелъ—а ушелъ онъ почти сейчасъ же,—я замѣтилъ красную крапинку на каминѣ подъ рюмкой. Этимъ объяснялось пятно на картинѣ—но откуда взялась мошка?

Была еще одна странность, въ которой я не могъ хорошенько удостовѣриться, пока Гривъ былъ въ комнатѣ, такъ какъ въ ней горѣли двѣ или три лампы,—но относительно которой я не могъ остаться въ сомнѣніи, лишь только онъ вышелъ на улицу.

— Гэрри, ступай сюда—скорѣй! крикнулъ я брату:—ты художникъ—посмотри и скажи, не замѣчаешь-ли чего особеннаго въ этомъ человѣкѣ?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ было Гэрри, но потомъ спохватился и сказалъ измѣнившимся голосомъ:—вижу—клянусь Юпитеромъ, *у него двойная тѣнь!*...

Вотъ чѣмъ объяснились взгляды, которые онъ бросалъ по сторонамъ, и его согбенная осанка: ему всюду сопутствовало что-то такое, чего никто не видѣлъ, но отъ чего ложилась тѣнь. Онъ обернулся—и увидѣвъ насъ у окна, немедленно перешелъ на тѣнистую сторону улицы. Я все разсказалъ Гэрри—и мы рѣшили, что лучше Летти не говорить.

Два дня спустя, я навѣстилъ Гэрри въ его мастерской—и возвратясь домой, нашелъ у себя страшный переполохъ. Летти сказала мнѣ, что въ мое отсутствіе явился Гривъ. Жена моя была на верху. Но Гривъ не ждалъ чтобъ о немъ доложили, а прямо прошелъ въ столовую, гдѣ сидѣла Летти. Она замѣтила, что онъ старается не глядѣть на портретъ—и, чтобы вѣрнѣе не видѣть его, сѣлъ подъ нимъ, на диванъ. Затѣмъ, несмотря на ея негодующій протестъ, повторилъ свое объясненіе въ любви, увѣряя ее, что бѣдный Джорджъ, умирая, умолялъ его отправиться къ ней, охранять ее и—жениться на ней.

— Я такъ разсердилась, что не знала какъ и отвѣтить ему, продолжала Летти:—вдругъ, не успѣлъ онъ произнести послѣднихъ словъ, что-то звякнуло, точно гитара разбилась и... право не понимаю какъ это сдѣлалось—только потретъ упалъ, угломъ тяжелой рамы раскроило Гриву високъ, и онъ лишился чувствъ.

Его снесли на верхъ по приказанію доктора, за которымъ жена моя послала, какъ только узнала объ этомъ происшествіи,—и положили на кушетку въ мою уборную, куда я и отправился. Я намѣревался упрекнуть его за то, что онъ опять пришелъ не смотря на мое запрещеніе,—но нашелъ его въ бреду. Докторъ сказалъ, что это престранный случай, потому что однимъ ударомъ, хотя и сильнымъ, едва-ли объясняются симптомы горячки. Когда онъ отъ меня узналъ, что больной только воротился на «Піонерѣ»,—то сказалъ, что можетъ быть перенесенные имъ труды и лишенія надорвали организмъ и положили начало болѣзни.

Мы послали за сидѣлкой по настоянію доктора.

Конецъ моей исторіи не долго разсказать. Посреди ночи меня разбудили громкіе крики. Я наскоро облачился—и выбѣжавъ изъ спальни, засталъ сидѣлку съ Летти на рукахъ... Летти была безъ чувствъ. Мы ее снесли въ ея комнату—и тамъ сидѣлка объяснила намъ въ чемъ дѣло.

Оказалось, что около полуночи Гривъ сѣлъ на постели и началъ бредить—говорилъ онъ такія ужасныя вещи, что сидѣлка испугалась. Она конечно не успокоилась, замѣтивъ, что хотя у нея горѣла одна свѣча—на стѣнѣ означились двѣ тѣни. Обезпамятѣвъ отъ ужаса, она прибѣжала къ Летти и объявила, что ей страшно одной; Летти, добрая и не трусиха, одѣлась и сказала, что просидитъ съ нею ночь. Она тоже видѣла двойную тѣнь—но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что она слышала. Гривъ сидѣлъ уставившись глазами въ невидимый призракъ, отъ котораго падала тѣнь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ умолялъ его оставить его, умолялъ простить ему.

— Вѣдь ты знаешь, говорилъ онъ,—что преступленіе было не предумышленное. Ты знаешь, что внезапное наважденіе дьявола заставило меня толкнуть тебя въ пропасть. Онъ искусилъ меня воспоминаніемъ о ея прелестныхъ чертахъ... о нѣжной любви, которая, не будь тебя, могла бы принадлежать мнѣ. Но она не внимаетъ мнѣ! Смотри, Джорджъ Мэзонъ,—она отворачивается отъ меня—точно знаетъ, что я убилъ тебя...

Эту страшную исповѣдь сама Летти повторила мнѣ шопотомъ, прижимаясь лицомъ къ моему лицу.

Теперь я все понялъ. Я только-что собрался разсказать сестрѣ всѣ странныя обстоятельства, которыя скрывалъ отъ нея,—когда опять вбѣжала сидѣлка съ извѣстіемъ, что больной исчезъ: онъ въ бреду выскочилъ изъ окна. Два дня спустя, тѣло его было найдено въ рѣкѣ.

Изъ кавказскихъ воспоминаній.

(*Продолженіе*).

День недолго заставилъ ожидать себя. Вскорѣ первый румянецъ зари заигралъ на снѣжной вершинѣ Шахъ-Дага, прямо почти находившейся передъ нами, на южной сторонѣ самурской долины. Затѣмъ, розовый оттѣнокъ перешелъ на ней сначала въ золотистый, а потомъ въ ярко-серебряный, какъ бы усыпанный бриллiантами, и заалѣли верхушки прочихъ горъ, ярко рисовавшихся на лазури неба. Но глубина долины тонула еще во мракѣ. Еще нѣсколько минутъ—и свѣтъ солнечнаго восхода озолотилъ огромное пространство Каспія, и ярче выступила зелень долины, бѣлыя сакли деревень и голубая лента Самура. Видъ былъ величественный и великолѣпный. Вправо и влѣво виднѣлась, вся въ цвѣту и чудномъ освѣщеніи, верстъ на 60 въ каждую сторону, вся долина отъ Ахтовъ до Каспійскаго моря; вдоль за ней, высокій снѣжный хребетъ, со всѣми малѣйшими выступами, гдѣ сильно выдающимися впередъ, гдѣ какъ бы прячущимися въ тѣни, и у подножія его—цѣлый рядъ ауловъ и укрѣпленій, изъ коихъ поднимался дымокъ;—все это составляло картину среднюю между перспективой и ландкартою. Съ этой высоты, на которой мы находились, казалось—такъ легко было всѣмъ повелѣвать и распоряжаться, и какъ-то странна была увѣренность, что нельзя лично передавать словесно всѣ приказанія. Позади—на сѣверъ—виднѣлись болѣзненно-изрытыя массы горъ, нагроможденныхъ одна на другія, нови-

тыхъ хлопчато-образными облаками, бѣлыми, опаловыми, сѣрыми. Зелень чуть только виднѣлась тонкими нитями въ глубинѣ ущелій и по русламъ бѣгущихъ въ нихъ ручьевъ. Все было грозно, каменно, дико и сурово. Туда! туда! тамъ война и слава!

— Синее море и снѣжныя горы портятъ васъ, татарскіе воры, сказалъ Шликевичъ.

— Ну, Богъ знаетъ, портятъ ли они здѣшній край, замѣтилъ я, — не будь войны, не было бы и поэзіи на Кавказѣ... И разговоръ пошелъ на тему, сколько привлекательной своеобразности утратитъ Кавказъ съ водвореніемъ мира.

— Ящики на вьюки! раздалась команда, и вскорѣ вся баттарея вытянулась въ дальнѣйшій путь — и картина, нѣжно ласкавшая взоръ, осталась навсегда за нами, превратилась въ чудное воспоминаніе, блистающее свѣтлою точкою въ отдаленной перспективѣ минувшаго.

— Что это за крестъ? спросилъ я у Москалева, показывая на некрашенный деревянный крестъ, утвержденный между глыбами огромныхъ камней.

— Это могила Резалуйлова. Мы пройдемъ тутъ церемоніальнымъ маршемъ.

Подполковникъ Резалуйловъ былъ родомъ сербъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ служилъ на Кавказѣ и не разъ замѣченъ былъ Ермоловымъ, не любившимъ, какъ извѣстно, сыпать наградами. Храбрость его славилась даже между храбрыми на Кавказѣ. Никто не умѣлъ лучше его схватить какъ бы мимоходомъ всѣ выгоды мѣстности, или уловить самый удобный моментъ, чтобы броситься на непріятеля и озадачить его неожиданною аттакою. Онъ былъ раненъ несчетное число разъ, и послѣднее время командовалъ батальономъ мингрельскаго полка. На Кавказѣ батальоны часто назывались по фамиліи своихъ храбрыхъ командировъ. Таковы были Волжинцы, Бибаловцы, Резалуйловцы. Но не пулѣ врага суждено было пресѣчь дни доблестнаго героя.

Слѣдуя по той же дорогѣ, по которой слѣдовали и мы, онъ съ своими резалуйловцами сдѣлалъ тутъ привалъ — и самъ только-что подошелъ напиться къ роднику, какъ параличъ положилъ его на мѣстѣ. Тутъ и схоронили его и поставили этотъ крестъ. На крестѣ короткая надпись на одной сторонѣ: «Здѣсь умеръ Резалуйловъ», и на другой: «Упокой Господи душу усопшаго раба Твоего».

Войска всегда проходятъ церемоніаломъ мимо этой могилы. Когда проходили мы, то крестъ былъ нѣсколько на боку. Тачинскій приказалъ укрѣпить его какъ слѣдуетъ. Не хитрая, но трогательная почесть памяти героя — отъ героевъ!

Часовъ въ 10 утра мы опять сдѣлали привалъ около Кабира. На полугорѣ, влѣво отъ дороги, онъ рисовался передъ нами красивымъ амфитеатромъ. Мы всѣ собрались закусывать къ батарейному командиру. Сыръ, печеныя яйца, холодная жареная оленина, сдобныя лепешки, водка, вино — вотъ что обыкновенно можно было имѣть въ походѣ. Но чѣмъ походъ продолжительнѣе, тѣмъ конечно скуднѣе и припасы. Кабиръ намъ однако представилъ нѣкоторые ресурсы. Въ немъ удалось намъ купить пару фазановъ и ячменя для лошадей нѣсколько саквъ. Пока мы закусывали и торговались съ нѣкоторыми изъ жителей, кому-то изъ насъ пришло въ голову посмотрѣть на аулъ въ зрительную трубу. Дома были видны какъ на ладони. Горцы никакъ не могли понять, зачѣмъ мы смотримъ въ столь странный инструментъ; но когда мы предложили имъ самимъ сдѣлать опытъ, то многіе были этимъ видимо заинтересованы и громко передавали другъ другу свои замѣчанія — такъ какъ они легко могли наблюдать даже женщинъ, находящихся внутри. Одинъ изъ горцевъ немедленно побѣжалъ домой — къ общему смѣху не только насъ, но и своихъ товарищей. Что именно онъ увидалъ — неизвѣстно. Верстахъ въ 7 отъ Кабира, поднимаясь на небольшую нагорную полянку, я съ Москалевымъ ѣхалъ нѣсколько впереди баттареи; вдругъ, по мѣрѣ нашего подъема въ гору, шагахъ въ 60 немного правѣе дороги, увидѣли мы стадо кабановъ. Тихо мы махнули на орудія, чтобы они остановились — и осторожно зарядивъ одно орудіе картечью, съ разрѣшенія Тачинскаго, подтянули его на рукахъ къ нашей позиціи, и выстрѣлили. Стадо бросилось со всѣхъ ногъ, но три кабана, изъ которыхъ одинъ громадный, остались на мѣстѣ. Живо они были окончательно добиты и порѣзаны по частямъ. Вечеромъ въ котелъ было наложено провизіи по крайней мѣрѣ на два дня, и солдаты радовались неожиданно-счастливой охотѣ съ артиллеріею на горную дичь.

Рано утромъ стали мы взбираться на Чирахскій перевалъ. Гора дымилась, и разноцвѣтныя темныя тучи, густыми слоями передвигавшіяся по ея бокамъ, ясно говорили намъ объ атмосферическихъ непріятностяхъ, которыя насъ ожидали. Дѣйствительно, сначала грязь, туманъ, рѣзкій пронзительный вѣтеръ, затѣмъ изморозь, дождь, снѣгъ, метель и настоящій буранъ, при сильномъ морозѣ — сдѣлали намъ навсегда памятнымъ этотъ тяжелый 40-верстный переходъ. Нигдѣ ни малѣйшаго закрытія. Снѣгъ — чуть не по поясъ — замедлялъ движеніе и безъ того не особенно быстрое, по какому-то скорѣе призраку нежели дѣйствительной дорогѣ. Къ счастію, спустившись къ Чираху, нашли мы одинъ батальонъ, ожидавшій насъ и великодушно приготовившій для насъ закуску, а для людей горячую пищу. До ночи оставалось около 2-хъ часовъ; но ночью опять слѣдовало идти далѣе, чтобы на другой день присоединиться къ отряду.

Мы видѣли уже, что князь Аргутинскій, съ одною только пѣхотою, спѣшилъ подойти къ Кумуху, еще не аттакованному горцами, благодаря переговорамъ, которые завязалъ съ ними для выигрыша времени Ибрагимъ-ханъ-Казы-Кумыкскій. Скопище горцевъ было огромное, подъ предводительствомъ Хаджи-Мурата и Кибаша-Магомы, двухъ лучшихъ наибовъ Шамиля. Въ ружейномъ огнѣ они надъ нами имѣли полный перевѣсъ, какъ по преимуществу дальнобойныхъ ихъ винтовокъ передъ гладкоствольными нашими ружьями, такъ и по большему искусству горцевъ въ стрѣльбѣ, сравнительно съ нашими войсками. Перевѣсъ у насъ былъ только въ огнѣ артиллерійскомъ, да въ количествѣ патроновъ, которыхъ мы менѣе могли жалѣть нежели горцы, — отчего вообще на одинъ непріятельскій выстрѣлъ мы отвѣчали по крайней мѣрѣ 20-ю, да и это, при пересѣченной закрытой мѣстности, едва-ли уравнивало съ обѣихъ сторонъ взаимную потерю. Впрочемъ, мы сейчасъ увидимъ, что кто умѣлъ бить горцевъ, у того вообще трата людей всегда была не велика. Таковъ именно и былъ кн. Аргутинскій.

Часовъ около 11-ти утра, я съ двумя орудіями остановился на авангардной позиціи, у деревни Икралео. Батальонъ тифлисскаго полка полковника Радкевича и нѣсколько казаковъ содержали цѣпь и служили главнымъ карауломъ. Позади насъ, каменистая мѣстность спускалась крутизною къ аулу Шаурилю, между коимъ и Кумухомъ расположены были главныя силы отряда. Впереди, версты на двѣ шла довольно ровная открытая мѣстность, за которою не очень высокою стѣной, паралельно

нашей позиціи, тянулась горная гряда, съ расположенными по склонамъ ея небольшими аулами. Кругомъ и въ нихъ видно было большое оживленіе. Такова была позиція, занимаемая горцами. Наша была нѣсколько прикрыта только огромными камнями, за коими прятались мы, такъ какъ палатокъ было очень мало—и бивакировали подъ открытымъ небомъ.

Небо нѣсколько прояснилось—и всѣ невзгоды были забыты. Любопытство меня одолѣвало. Я буквально почти не отрывалъ глазъ отъ зрительной трубки.

Съ нетерпѣніемъ вглядывался я въ движеніе, которое можно было замѣтить въ крайнемъ (правомъ отъ насъ) аулѣ. Мнѣ казалось, что скопленіе мюридовъ въ немъ было значительнѣе чѣмъ въ другихъ, и такъ какъ отъ него мимо праваго нашего фланга шла дорога къ Шаурилю, то я думалъ, не собираются ли горцы сдѣлать въ этомъ направленіи нападеніе на насъ. Я очень боялся, чтобы Тачинскій не прислалъ ко мнѣ одного изъ старшихъ офицеровъ, который лишилъ бы меня свободы дѣйствія,—и тѣмъ не похитилъ бы лавровъ, которые казались мнѣ не только близки, но даже совершенно неминуемы. Въ воображеніи моемъ, впереди мелькала реляція, съ моей фамиліей во главѣ, затѣмъ георгій, чины, и чуть ли не Андреевская лента.

Какой прапорщикъ не мечталъ подобнымъ образомъ?

Но мечты мои не во всемъ далеки были отъ истины.

Нѣсколько конныхъ непріятельскихъ партій показалось впереди нашей казачей цѣпи. Послѣдняя стала тихо отходить, отстрѣливаясь. Завязалась даже довольно оживленная перестрѣлка—хотя совершено не военная, потому что пули всѣ конечно летали даромъ. Въ первый разъ просвистали тогда онѣ и мимо моихъ ушей. Это придало мнѣ, въ моихъ глазахъ, какую то особенную цѣну—и еще болѣе вселило въ меня увѣренность въ самомъ себѣ. Такъ какъ стрѣлять изъ орудій гранатами противъ отдѣльныхъ всадниковъ было невозможно, то приказавъ на всякій случай зарядить ихъ дежурною картечью и прислугѣ быть готовой, я даже самъ выѣхалъ впередъ, чтобы удобнѣе можно было полюбоваться на картинную джигитовку. Туда же выѣхалъ и командиръ батальона. Было часовъ около четырехъ.

— Не подвинемся ли мы немного впередъ, полковникъ? спросилъ я.

— Зачѣмъ это? Здравствуйте, молодой человѣкъ.

— Да я думалъ, что полезнѣе было бы отогнать ихъ.

— Не совсѣмъ. Сей часъ подойти долженъ къ намъ Юсуфъ-Ханъ-Кюринскій съ сотней своихъ нукеровъ. Тогда ихъ можно будетъ пугнуть нѣсколько.

— Такъ вы думаете, полковникъ, что сегодня серіознаго дѣла не будетъ?

— Я думаю. Еще люди не совсѣмъ стянулись и отдохнули, да кромѣ того и позиція горцевъ не совсѣмъ извѣстна.

— А это что же? невольно сказалъ я, рукою указывая впередъ.

— Такъ себѣ—декорація для легонькой драматической интермедіи. Вотъ, немного погодя, поѣдемте ко мнѣ чай пить: тамъ мы съ вами поговоримъ. Вы вѣдь въ моемъ отрядѣ начальникъ артиллеріи, кажется?

Я отрекомендовался. Онъ протянулъ мнѣ руку.

Вдругъ послышались со всѣхъ сторонъ крики: «желѣзнякъ! желѣзнякъ!»

Казаки называютъ желѣзняками мюридовъ носящихъ кольчуги, подобныя тѣмъ, которыя можно видѣть на черкесахъ собственнаго Его Величества конвоя.

Одинъ горецъ дѣйствительно быстро вынесся изъ среды прочихъ—и выстрѣлилъ довольно близко въ казака.

Казакъ уронилъ пику и повернулъ назадъ.

При крутомъ поворотѣ, лошадь казачья споткнулась и сдѣлала маленькую остановку. Шашка сверкнула надъ головою несчастнаго, и онъ полетѣлъ съ лошади, которая одна понеслась по направленію къ нашей цѣпи.

Ближайшіе казаки сомкнулись—чтобы броситься отбить тѣло. Въ то же время, къ мюриду подскочило нѣсколько товарищей. Одинъ изъ нихъ, съ неистовою радостію и страшнымъ гиканьемъ, потрясалъ на окровавленной пикѣ отрубленною головой казака.

Все это сдѣлалось гораздо быстрѣе чѣмъ можно разсказать.

— Экая досада! сказалъ батальонный командиръ:— чтобы достать этотъ трупъ, они навѣрно уложатъ около него двадцать другихъ.

Но къ счастію этого не случилось. Показалась партія Хана Кюринскаго, и немедленно понеслась къ мѣсту происшествія. Горцы сочли достаточнымъ удовольствоваться одною головой—и оставивши трупъ казака, однако уже обнаженнымъ, быстро бросились обратно къ своимъ auламъ. Вскорѣ цѣпь опять заняла прежнее мѣсто—и въ ней водворилось спокойствіе.

Эпизодъ этотъ оставилъ во мнѣ тяжелое чувство.

— И отчего не случилось, чтобы казакъ этотъ убилъ горца! сказалъ я.

— Достается и имъ, батюшка, поѣдемте-ка домой! Вы были уже въ какихъ-нибудь дѣлахъ? спросилъ меня полковникъ.

— Ни въ какомъ еще, но скоро надѣюсь.

— Ну, такъ все-таки вы — мой крестникъ теперь, потому что видѣли смерть и слышали пули. Но не думайте долго объ этомъ. Насмотритесь еще и не на такія представленія.

Въ это время подъѣхалъ къ намъ Юсуфъ-бекъ-Ханъ-Кюринскій, ловкій и красивый молодой брюнетъ. Подъ нимъ былъ прекрасный золотистый карабахскій конь. На чухѣ ни одного галуна, но оружіе и уздечка блистали дорогой оправой. Ханъ хорошо говорилъ по русски и былъ по видимому очень доволенъ удачнымъ дѣйствіемъ своей милиціи. Раскланявшись съ нами, онъ сообщилъ, что лазутчики дали знать, что передъ нами лишь незначительная часть непріятеля, но что гораздо правѣе насъ, около Кумуха, горцы скрываются на очень крѣпкой позиціи, и что съ ними есть артиллерія. Ясно было, слѣдовательно, что центръ дѣйствія предстоялъ не на нашей мѣстности. Вечеръ провели мы у полковника Р. съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ его офицеровъ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе—зорко слѣдить за непріятелемъ въ теченіи ночи, и быть ежеминутно готовыми къ выступленію.

Ночью дали знать съ аванпостовъ, что непріятель потянулся отъ насъ вправо. Часовъ около 2-хъ получилось приказаніе и намъ снять наблюдательные посты, и безъ шума двинуться къ Кумуху.

— Вотъ это такъ; теперь пожалуй что и будетъ дѣло, сказалъ полковникъ, когда мои два орудія гремя въѣзжали въ общую колонну, между среднихъ ротъ его батальона. — Я не здороваюсь съ вашими людьми, прибавилъ онъ, — чтобы не вызывать шума, впрочемъ мы отлично знаемъ вашу молодецкую артиллерію.

Было 7 часовъ утра, 21-го апрѣля, когда послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ священники окропили свя-

той водою весь нашъ отрядъ, собранный на площадкѣ возлѣ Кумуха.

— Поздравляю васъ съ назначеніемъ въ авангардъ, сказалъ мнѣ Москалевъ:—Иванъ Павловичъ велѣлъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы выдвигались опять за тифлисцами. Я буду тоже вамъ помогать, но не подумайте, чтобы я васъ стѣснялъ.

— Очень радъ, Александръ Тихоновичъ, и думаю, что лучше вы нежели кто-нибудь другой. Вы мнѣ укажите, пожалуйста, на общія-то распоряженія, чтобы я яснѣе могъ понять, что совершается, и правильнѣе оцѣнить значеніе каждой части отряда. Вы, я думаю, уже привыкли къ этому.

— Ну, это не всегда очень ясно бываетъ. Скажу только, что если вы этимъ интересуетесь, то для васъ это скоро будетъ яснѣе чѣмъ для другихъ. Двигайтесь пока, а тамъ во время дѣла поговоримъ.

Мы тронулись.

— Баринъ! баринъ-батюшка, — простимтесь! Богъ знаетъ, увидимся ли! со слезами на глазахъ кричалъ мой слуга, Андрюшка, который съ малыхъ лѣтъ находился при мнѣ.

— Теперь онъ схватилъ мое стремя и цѣловалъ мою ногу.

— Э, не бойся Андрей. Смотри мои дѣла, чтобы у тебя чай былъ скорѣе Не отставай далеко со вьюкомъ.

— Дай Господи! А то, что я буду дѣлать, да въ случаѣ чего, Боже упаси, какъ я и домой на глаза покажусь! Я наклонился и поцѣловалъ его съ лошади.—На мою пулю еще и руды не копали, смѣясь сказалъ я.

Онъ крѣпко впился въ меня поцѣлуемъ—и мы, перекрестивши другъ друга, расстались.

— А у васъ видно нѣтъ никакого предчувствія? спросилъ Москалевъ.

— Никакого... а что?

— Ну, значитъ все будетъ хорошо, а передъ смертью всегда бываетъ. Я много примѣровъ видѣлъ.

— А что, крикнулъ я,—у вторыхъ нумеровъ ножи наточены— срѣзывать пластырь съ гранатныхъ трубокъ?

— Наточены ваше благородіе, отвѣчалъ фейерверкеръ: — Сидоровъ было свой потерялъ, да другой раздобыли.

— Ну вотъ я посмотрю, какъ онъ свое дѣло будетъ дѣлать. Дамъ я ему терять казенныя вещи!... Сидоровъ, молодой, статный солдатъ, проходя мимо, посмотрѣлъ на меня; взглядъ его говорилъ: «и увидите, что я молодецъ.»

— А вы видно вашъ взводъ въ рукахъ держите? сказалъ Москалевъ.

— Это я такъ, чтобы сказать что-нибудь. Я иду въ дѣло въ первый разъ, со старыми солдатами. Нужно показать имъ все таки, что они находятся подъ моей командой. Краснѣть же за мою власть надъ ними я не надѣюсь. А впрочемъ, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

— Выйдетъ все хорошо. Разобьемъ непріятеля, а тамъ вспоминать прошлое съ удовольствіемъ будемъ.

(Продолженіе будетъ).

Устье Дуная.

Кабинетные люди очень охотно и очень смѣло приписываютъ разныя замѣчательныя явленія русской жизни чужимъ вліяніямъ, а въ особенности византійскому и татарскому. Я очень усердно искалъ татарскаго и молдованскаго вліянія на нашихъ Русскихъ, живущихъ въ ущельяхъ Дуная большими селами, дворовъ въ 200, либо въ 300, и потомъ составляющихъ промышленное населеніе Тульчи, Измаила; около Браилова есть также ихъ большія села, и затѣмъ они встрѣчаются, тоже селами, по всей Молдавіи и даже заходятъ въ Австрію и въ Буковину. Въ Буковинѣ, въ Бѣлой Криницѣ мнѣ не удалось у нихъ побывать; въ Черновицахъ я видѣлъ ихъ нѣсколько человѣкъ—и только тутъ замѣтилъ, что говоръ ихъ нѣсколько сбивается на малороссійскій, какъ у прусскихъ старообрядцевъ сильно отзывается мазурскимъ. Зато въ Молдавіи, въ устьяхъ Дуная и въ малой Азіи, рѣчь ихъ чисто великорусская съ яснымъ московскимъ оттѣнкомъ. Одежда ихъ точно такъ же ничѣмъ не разнится отъ обыкновенной русской; чуйки, впрочемъ, попадаются рѣдко: ихъ замѣняютъ старые, короткіе кафтаны со сборами позади. Зимой носятъ бараньи шапки, безъ суконнаго верха, а лѣтомъ соломенныя шляпы съ широкими полями, привезенныя изъ Австріи. Утварь въ домѣ та-же, а столъ отличается отъ нашего отсутствіемъ ржанаго хлѣба (потому что рожь на Дунаѣ не ростетъ), отсутствіемъ грибовъ, гречневой каши, квасу, и употребленіемъ борща вмѣсто щей; меду варить они тоже не умѣютъ. Вмѣсто бревенчатыхъ избъ строятъ себѣ мазаныя, малороссійскія хаты, которыя содержатъ въ изумительной чистотѣ. Красный уголъ точно также убранъ иконами. На стѣнахъ развѣшены ручники, вышитые красными нитками; но старинная холщевая рубаха, съ вышитыми красными и синими нитками грудью, рукавами и подоломъ, быстро выводится, потому что и сюда уже проникла дурно-понятая цивилизація, мертвящая русское искусство. Рубахи съ расшитою грудью молодые парни презираютъ—и въ насмѣшку называютъ ихъ рубахами съ праздниками, потому что узоръ для груди составляется изъ красныхъ и синихъ квадратовъ, напоминающихъ своимъ чертежемъ образъ двѣнадцати великихъ праздниковъ. Молодые парни точно такъ же начинаютъ носить проборъ по серединѣ или сбоку, зашедшій на Русь вмѣстѣ съ париками, введенными Петромъ Великимъ; старики и люди по-степеннѣе пробора не дѣлаютъ—и до сихъ поръ носятъ средневѣковую прическу, въ скобку, такъ что всѣ волосы идутъ отъ макушки, какъ радіусы отъ центра. Эта простая и красивая прическа придаетъ ихъ лицамъ чрезвычайно серіозное и сосредоточенное выраженіе. Макушку почти никто не простригаетъ, это даже и у безпоповцевъ сильно выводится. Нынѣшнія рубахи дѣлаются ситцевыя, и узоръ (какъ для нихъ, такъ и для нижняго платья) выбирается крупный. Въ праздникъ старообрядцы щеголяютъ, напримѣръ, въ яркожелтой рубашкѣ, по которой пущены огромные синіе букеты съ пунцовыми розами, и въ зеленомъ нижнемъ платьѣ съ розовыми незабудками и съ синими листиками.

Что тутъ не Востокъ виноватъ —видно уже изъ того, что турки узорчатаго платья не носятъ, за исключеніемъ развѣ турчанокъ, которыя употребляютъ такіе же ситцы на шаровары. Если бы паспортная система и боязнь спо-

шеній русскихъ старообрядцевъ съ ихъ заграничными единовѣрцами не убила въ концѣ сороковыхъ годовъ нашей заграничной торговли съ Молдавіей, Турціей и Австріей, то, разумѣется, дунайскіе старообрядцы одѣвались бы совершенно такъ какъ наше простонародье; но и теперь дунайцу-купцу, если онъ старообрядецъ или молоканинъ, все еще трудно ѣздить въ Кишиневъ, въ Одессу, —а русскому старообрядцу-коробейнику и тоготруднѣе проникнуть въ этотъ край, еще не давно зависѣвшій отъ Россіи въ торговомъ отношеніи. Затѣмъ, купецъ старообрядецъ, изъ внутреннихъ губерній, не отваживается туда ѣхать—изъ боязни подпасть подъ подозрѣніе, что онъ ведетъ съ Добруджей не торговыя дѣла, а церковныя. Между тѣмъ, заграничные старообрядцы имѣютъ очень мало вліянія на нашихъ московскихъ коноводовъ, и если иногда получаютъ отъ нихъ пособія на построеніе церквей или заказывается имъ напечатаніе въ Яссахъ какого нибудь окружнаго посланія—это случаи рѣдкіе и исключительные. Бѣлая Криница въ Австріи, какъ извѣстно, считается митрополіей только по имени.

Въ домашнемъ быту старообрядцы очень почтительны, они гуманно обходятся съ женскимъ поломъ—и старообрядка всегда большая барыня. Ни на великоруссовъ, ни на малороссовъ, ни на болгаръ, и подавно на молдованъ—ни малѣйше не повліяло турецкое затворничество женщинъ: въ будни и праздникъ женщины сидятъ на заваленкахъ, или на скамейкахъ у воротъ, толкуютъ, свободно ходятъ по улицамъ; а малоросски и молдованки, въ праздникъ, чуть не живутъ въ шинкахъ. Великоруссы съ болгарами отличаются отъ малороссовъ и молдованъ тѣмъ, что у первыхъ женщины ведутъ себя съ большимъ достоинствомъ и представляютъ собою типъ какой-то высокой недоступной матроны. Вы не услышите, чтобъ онѣ ругались, сплетничали—и хозяйки не любятъ мѣшаться въ мірскія дѣла. Онѣ скопидомки, тогда какъ малоросски и молдованки то и дѣло что съ утра до вечера порхаютъ по сосѣдкамъ, перебраниваются между собою—и если мужья не даютъ денегъ, то таскаютъ у нихъ гарицы ячменя, картофель и дыни въ шинокъ, служащій для нихъ клубомъ. Отъ грековъ, вѣчно вертлявыхъ, суетливыхъ, шумливыхъ и съ утра до вечера толкующихъ о политикѣ, старообрядцы тоже ничѣмъ не заимствовались. Они живутъ сами по себѣ, мирно блюдутъ свою старину, искренно радовались вѣсти объ освобожденіи крестьянъ, о введеніи новыхъ судовъ, негодовали на поляковъ за ихъ повстаніе,—но, къ несчастью, свыклись съ мыслью, что Россія подчинена вліянію европейскихъ державъ, и что французъ или англичанинъ что̀ хочетъ, то и велитъ ей, или запретитъ: этого они наслышались отъ вассаловъ западной Европы,турокъ, и отъ вассаловъ Турціи и тойже западной Европы, молдованъ; впрочемъ, они до-нельзя бываютъ довольны, если имъ станутъ доказывать, что западная Европа вовсе не имѣетъ такого огромнаго вліянія на русское правительство.

Въ каждомъ великорусскомъ селѣ—церковь, довольно красивой постройки, съ макушками, обитыми бѣлой жестью, которая въ ясную погоду серебромъ сіяетъ,—и при каждой церкви, само собою разумѣется, колоколъ вывезенный изъ Россіи. Рядомъ съ этими великоруссами печальное и странное явленіе представляютъ малороссы, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, руснаки. Руснакъ носитъ молдованскую стеганую куртку, не брѣетъ бороды и почти вовсе не куритъ, волосы стрижетъ въ кружокъ, какъ великорусскій подгородный крестьянинъ; языкомъ онъ говоритъ среднимъ между украинскимъ или галицкимъ нарѣчіемъ—и до такой степени примѣшалъ къ нему великорусскій говоръ, которымъ позаимствовался отъ тѣхъ же старообрядцевъ, что слѣдующее поколѣніе руснаковъ будетъ говорить совершенно книжнымъ языкомъ. Старообрядца, или, какъ тамъ называютъ, липованина онъ считаетъ человѣкомъ высшей породы, умнѣе себя, просвѣщеннѣе,—и крѣпко завидуетъ тому, что старообрядцы заняты не однимъ только будничнымъ интересомъ. Въ самомъ дѣлѣ, сектанство имѣетъ ту выгодную сторону, что сектантъ заботится не объ одномъ только необходимомъ; отъ плуга и топора или отъ работъ на мельницѣ, даже не отдохнувъ, онъ начинаетъ рыться въ св. отцахъ, подыскивая разрѣшеніе какого нибудь запавшаго ему въ голову, во время работы, вопроса. У него, кромѣ его пашни и его хозяйства, есть другіе интересы: высшій вопросъ о вѣчной, незыблемой истинѣ,—тогда какъ у руснака рѣшительно ничего этого нѣтъ.

Покойный братъ мой завелъ было для нихъ школу въ Тульчѣ, но долженъ былъ сдѣлать ту уступку руснакамъ, что преподаваніе слѣдуетъ вести по такъ называемой кіевской граматикѣ, т. е. по церковной азбукѣ, и затѣмъ довершить его часословомъ и псалтыремъ. Брату пришлось согласиться, но для роздыха онъ сталъ разсказывать дѣтямъ кое-что изъ географіи; руснаки перепугались и пришли къ нему съ просьбою: о географіи имъ ничего не говорить.

— Мы не американцы, говорили они: — наше дѣло—пара воловъ; а заводить дѣтей въ пучину морскую—значитъ ихъ только съ толку сбивать.

Не только страшное невѣжество, но какое-то одичанье подавляетъ этихъ несчастныхъ, боящихся пучины морской; но въ тоже время народность ихъ, уже сильно передѣлавшаяся на Дунаѣ на великорусскій ладъ, постоянно поглощается молдованской и болгарской. Чуть руснакъ поселится въ городкѣ или селѣ, гдѣ большинство жителей состоитъ изъ болгаръ или молдованъ,—онъ года черезъ два одѣвается по молдовански или по болгарски, а лѣтъ черезъ пять, даже въ домашнемъ быту, русскій языкъ позабываетъ. Я видѣлъ въ Галацѣ одного крестьянина, бѣжавшаго отъ панщины изъ подольской губерніи, онъ былъ ломовой извощикъ; мнѣ нужно было знать его имя, и онъ сказалъ: «меня зовутъ Василій руссъ».

— Отъ чего же тебя руссъ зовутъ? спросилъ я его по молдовански.

— Отъ того, отвѣчалъ онъ,—что я настоящій руссъ.

— Изъ русской земли? спросилъ я.

— Изъ русской земли.

— Такъ ты стало-быть говоришь по русски? сказалъ я ему уже не по молдовански.

— А, якъ же, отвѣчалъ онъ,—я говорилъ, говорилъ, ma acum toti am uitatu (да теперь все забылъ).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни силился онъ заговоритъ со мною по русски, ему положительно не удавалось; онъ забылъ самыя простыя слова. На другой сторонѣ Дуная то же самое происходитъ у нихъ съ болгарскимъ языкомъ. Къ довершенію всего, то же самое можно сказать объ русскихъ въ Угорщинѣ, гдѣ они чрезвычайно легко претворяются въ мадъяръ, словаковъ, румыновъ. Въ русской по населенію Буковинѣ быстро развивается румынская народность. Въ нашихъ западныхъ губерніяхъ южно-руссы превращаются въ поляковъ. Наконецъ, припомнимъ, что до XIV вѣка вся эта Молдавія и Валахія была положительно населена племенемъ среднимъ между южно-руссами и болгарами. Берлатъ и Галацъ были русскіе города; вѣроятно русскими же былъ построенъ на

турецкомъ берегу Русчукъ, или Рущукъ какъ у насъ большинство пишетъ,—а на Валахскомъ берегу есть безчисленное множество мѣстностей, въ названіяхъ которыхъ попадается слово *русъ*; но румуны спустились изъ Седмиградской области черезъ Карпаты—и языкъ ихъ со дня на день вытѣсняетъ русскій, хотя на сѣверѣ Молдавіи около Ботушанъ я знаю много селъ, гдѣ до сихъ поръ говорится южно-русскимъ языкомъ буковинскаго говора, очень близкимъ къ говору Угорской Руси и къ тому кіевскому, который доходитъ до насъ въ памятникахъ того времени, когда еще буква *о* не мѣнялась въ *и*. Тамъ, гдѣ южно-руссы живутъ отдѣльными селами, не смотря на чистоту хатъ и на кажущійся порядокъ домашняго быта, господствуетъ у нихъ страшная неурядица. Старообрядцы живутъ зажиточнѣе; у руснаковъ все идетъ какъ-то безпутно, всякое добро прахомъ идетъ, торговли у нихъ нѣтъ: есть всего одинъ руснакъ, который рыбой торгуетъ; остальные мельницы держатъ, шинки,—но завести что-нибудь покрупнѣе, лавку, или съѣздить куда-нибудь, въ Одессу, въ Царьградъ, на это у нихъ не хватаетъ предпріимчивости. Мірскія сходки или круги у старообрядцевъ до сихъ поръ имѣютъ серіозное значеніе, хотя сильно рушатся вслѣдствіе общей перемѣны нравовъ. У южно-руссовъ громады даже собрать нельзя. Староста, или какъ ихъ называютъ, чорбуджи не имѣетъ ни голоса, ни вліянія, и вѣчно играетъ роль какой-то жертвы, принесенной міромъ на закланіе турецкимъ властямъ. Его дѣло: подать сбирать,—а если онъ не представитъ ее къ сроку, то его, какъ представителя общества, административная власть сажаетъ въ тюрьму; общество не помогаетъ ему собирать подать—и чорбурджи недѣли двѣ или три сидитъ въ тюрьмѣ и подвергается ругани турецкаго казначея; значитъ ничего сдѣлать не можетъ. Жалованье ему за всѣ эти мытарства полагаютъ невѣроятно маленькое; обидятъ турки какъ-нибудь умышленно или неумышленно эту безтолковую громаду—громада ропщетъ на чорбуджи. Забраться куда-нибудь въ губернскій городъ или съѣздить въ Царьградъ—выхлопотать себѣ положительныя права, которыя такъ охотно даетъ Порта всѣмъ просящимъ, руснаки не могутъ, потому что не то что боятся, а такъ просто почему-то не желаютъ. Въ мою бытность казакъ-баши въ Добруджѣ, какъ-то разъ собралъ я—и то съ невѣроятными усиліями—умнѣйшихъ изъ руснаковъ и предложилъ предоставить имъ безъ всякаго вмѣшательства съ ихъ стороны хотя какія-нибудь права, которыя поставили бы ихъ внѣ притѣсненій болѣе бойкихъ и болѣе дѣятельныхъ греческихъ, болгарскихъ и еврейскихъ обществъ; руснаки ни на что не могли рѣшиться, даже съ громадами своими не рѣшались перетолковать, а между тѣмъ по существующимъ турецкимъ порядкамъ я ничего не могъ сдѣлать, не имѣя въ рукахъ просьбы отъ общества. Я служилъ тамъ при трехъ пашахъ—и всѣ трое рады были немедленно исходатайствовать руснакамъ тѣ права, которыя необходимы были для огражденія ихъ благоденствія при мѣстномъ условіи. Руснаки это знали и ничего не подписывали. Мнительность ихъ доходитъ до идіотизма; то имъ кажется, что ихъ хотятъ въ новую панщину забрать, то записать въ турецкіе казаки Михаила Илларіоновича Чайковскаго, или переселить куда-то жить внѣ Болгаріи, или силою оттянуть въ Крымъ, чего они очень боятся послѣ неудачной попытки переселенія куда то на солончаки, чуть-ли не къ самому Гнилому морю.

Востокъ также не оказалъ ни малѣйшаго вліянія на русскій языкъ: турецкихъ и молдованскихъ словъ попало въ него очень немного: аккеръ — солдатъ; дюмрюкъ, или правильнѣе, дюмрикъ — таможня; поры, порички — деньги; джебы или диджаны — дамы; всего словъ не болѣе двадцати. Точно также нашихъ Русскихъ не коснулись и повязки молдованскія, греческія или турецкія. Словомъ сказать, народность сохранилась совершенно чистою и неприкосновенною: фактъ замѣчательный въ томъ отношеніи, что имъ значительно опровергается мнѣніе о непомѣрной силѣ турецкаго, финскаго и византійскаго вліянія, о которомъ столько говорятъ въ послѣднее время, но доказать которое до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, никто еще не могъ.

Самый значительный промыслъ Русскихъ въ устьяхъ Дуная — это рыболовство, или какъ тамъ говорятъ—рыбалство. Рыбачить выѣзжаютъ они въ устье Дуная и въ черноморскіе лиманы на лодочкахъ, длиною сажени въ двѣ, и уходятъ въ море такъ далеко, что земли не видно. Лиманы эти турецкое правительство сдаетъ откупщикамъ, большею частью армянамъ и грекамъ, а откупщики отдаютъ эти лиманы русскимъ. Въ послѣднее время непомѣрно-высокая цѣна на откупъ и страшный налогъ на соль значительно ослабили русскій рыбный промыслъ, который, кажется, не долго выдержитъ. Между тѣмъ, что за рыбаки были еще въ недавнее время наши дунайцы—видно изъ того, что у нихъ вовсе не считается особеннымъ подвигомъ: отправиться на рыбную ловлю къ Варнѣ, Гиргасу, даже къ Трапезонду. Точно такъ же никого не удивляетъ, что на этихъ крошечныхъ лодочкахъ малоазіатскіе некрасовцы заѣзжаютъ въ Дунай или въ Смирну. Дунайскіе Русскіе имѣютъ всѣ задатки для созданья нашего черноморскаго торговаго флота, точно такъ же, какъ и осташи наши, которые Невою уходятъ ловить рыбу въ Рижскій заливъ; при маленькой поддержкѣ правительства, при заведеніи у нихъ морскихъ училищъ, они могли бы обрусить Финскій заливъ, до сихъ поръ исключительно финскій и любекскій. Заграничные паспорты въ Турціи выдаются чрезвычайно легко, такъ что это вовсе не препятствуетъ развитію торговли какъ у насъ; во-первыхъ, въ Турціи, для обучающагося за границей вовсе нѣтъ надобности просить увольненія отъ общества; уплатилъ онъ подать или не уплатилъ, онъ отправляется къ губернатору въ сопровожденіи двухъ поручителей, изъ хозяевъ, которые росписываются въ томъ, что буде за нимъ есть какая-либо недоимка, то недоимка эта должна быть взыскана съ нихъ. Это простая и чрезвычайно дѣльная система даетъ возможность получить заграничный паспортъ въ любомъ губернскомъ или портовомъ городѣ въ полтора часа времени, тогда какъ у насъ излишняя формальность, переписка съ обществами мертвитъ нашу внутреннюю и внѣшнюю торговлю,—а еще въ весьма недавнее время купечество наше ходило съ обозами въ Турцію или Персію, на Лейпцигскую ярмарку, но трудность достать заграничный паспортъ отбила у него охоту къ веденію внѣшней торговли, а вмѣстѣ съ охотою едва не отбила и самую привычку. Затѣмъ, въ Турціи нѣтъ никакой регламентаціи касательно рыбныхъ ловель: каждый рыбалка можетъ отправиться въ море на суднѣ какой угодно постройки и отплывать отъ берега такъ далеко, какъ вздумается. Если онъ погибнетъ, то, само собою разумѣется, родные его должны пенять на него, а никакъ не на правительство. Правительству нѣтъ дѣла, переплываетъ-ли онъ Дунай между льдинами, когда тронулся ледъ, или пѣшкомъ черезъ него переходитъ, перепрыгивая съ льдины на льдину; словомъ сказать, въ

этомъ отношенiи у турокъ нѣтъ полицiи: каждый отвѣтчикъ самъ за себя, а выгода выходитъ та, что задунайскiе русскiе самостоятельнѣе нашихъ. Если состоится предполагаемое поселенье этихъ задунайскихъ русскихъ на черноморскомъ берегу Кавказа, Россiя прiобрѣтетъ въ липованахъ-рыбалкахъ (людяхъ русскихъ языкомъ и русскаго происхожденiя) драгоцѣнное морское населенiе; но они не поѣдутъ туда, если имъ не дозволено будетъ имѣть свои церкви съ колоколами, а духовенству ихъ не будетъ разрѣшено торжественно совершать всякiя требы, т. е. похороны, крестные ходы и тому подобное. Вообще говоря, заселенiе праваго фланга Кавказа русскими—дѣло чрезвычайно не хитрое, тѣмъ болѣе, что въ Австрiи, именно въ Буковинѣ, Молдавiи и Угорщинѣ, въ настоящее время страшно раззорены отъ невозможныхъ податей и рекрутскихъ наборовъ русскiе горцы, называемые гудцулами, лемками и бойками. Вѣроисповѣданiя они всѣ русскаго, т. е. даже и не подозрѣваютъ объ унiи и считаютъ поминанье папы на эктеньѣ такою же формальностью, какъ поминанье мѣстнаго австрiйскаго главы церкви: въ Россiи они станутъ поминать святѣйшiй синодъ. Гудцулы, лемки и бойки—отличные овцеводы, сыровары и сверхъ того имѣютъ склонность быть разнощиками и торговать скотомъ. Переселенье на Кавказъ этихъ воинственныхъ горцевъ и заселенье берега липованами, кажется, разрѣшило бы разъ навсегда вопросъ объ этой нашей окраинѣ и естественной крѣпости; а затѣмъ проведенiе желѣзной дороги вплоть до Кавказа—дало бы возможность воспитательнымъ домамъ водворять своихъ воспитанниковъ не по внутреннимъ губернiямъ, гдѣ они совершенно безполезны, а тамъ въ горахъ, гдѣ изъ нихъ могло бы образоваться именно такое воинственное промышленное населенiе, въ которемъ мы нуждаемся. Липоване, а равно и руснаки, не принося намъ въ Турцiи и Молдавiи никакихъ существенныхъ интересовъ, не сближая насъ ни въ чемъ съ тамошнимъ населенiемъ, сильно страдаютъ тамъ вслѣдствiе крутыхъ передѣлокъ въ турецкомъ и молдавскомъ законодательствѣ. Перемѣны эти произошли во вредъ имъ, такъ какъ болѣе ихъ развитые и промышленные греки и армяне получаютъ свѣдѣнiя о предполагаемыхъ реформахъ раньше ихъ, и въ то время, когда у русскихъ нѣтъ ни малѣйшаго права на землевладѣнiе (кромѣ доселѣ признававшагося и въ Турцiи и въ Молдавiи права — перваго занявшаго землю), греки и армяне выхлопатываютъ себѣ крѣпости, строятъ чуть-что не на поляхъ русскихъ хуторы, и, что всего хуже, содѣйствуютъ страшному распространенiю у нихъ пьянства. Пьянство распространяется такимъ образомъ, потому что новые турецкiе и молдавскiе законы никому не воспрещаютъ открывать гдѣ угодно питейныя заведенiя—и потому питейныя заведенiя устраиваются теперь въ каждомъ селѣ въ несмѣтномъ количествѣ. Только еще въ Малой Азiи некрасовцы отстояли за собою право не позволять никому строить шинки въ ихъ селѣ Майносѣ.

Въ дунайскихъ селахъ и въ молдавскихъ, шинки не только являются въ несмѣтномъ количествѣ, но и подорвали русское винодѣлiе. Русскiе въ старые годы очень заботились о доброкачественности своихъ винъ, и ни одно село не позволяло къ себѣ ввозить чужаго издѣлья, такъ что собственно русскiя вина шли на мѣстное потребленiе, а потомъ на продажу. Шинкари греки, армяне и евреи сочли невыгоднымъ покупать у русскихъ ихъ дорогiя вина, и этимъ отняли у нихъ мѣстное потребленiе, а затѣмъ и самое производство вина для одного вывоза сдѣлалось убыточно. Земли у русскихъ отняты; рыболовство стѣсняется страшнымъ солянымъ акцизомъ и откупной системою. Защитниковъ у нихъ ни въ Тульчѣ, ни въ Букарештѣ, ни въ Царьградѣ нѣтъ—и если правительство дастъ имъ какой-либо исходъ изъ ихъ стѣснительнаго положенiя, они будутъ чрезвычайно рады; но одно, что они будутъ упорно отстаивать — это ту свободу вѣроисповѣданiя, которой они пользуются на чужой сторонѣ.

В. Кельсiевъ.

Искусственное разведенiе устрицъ.

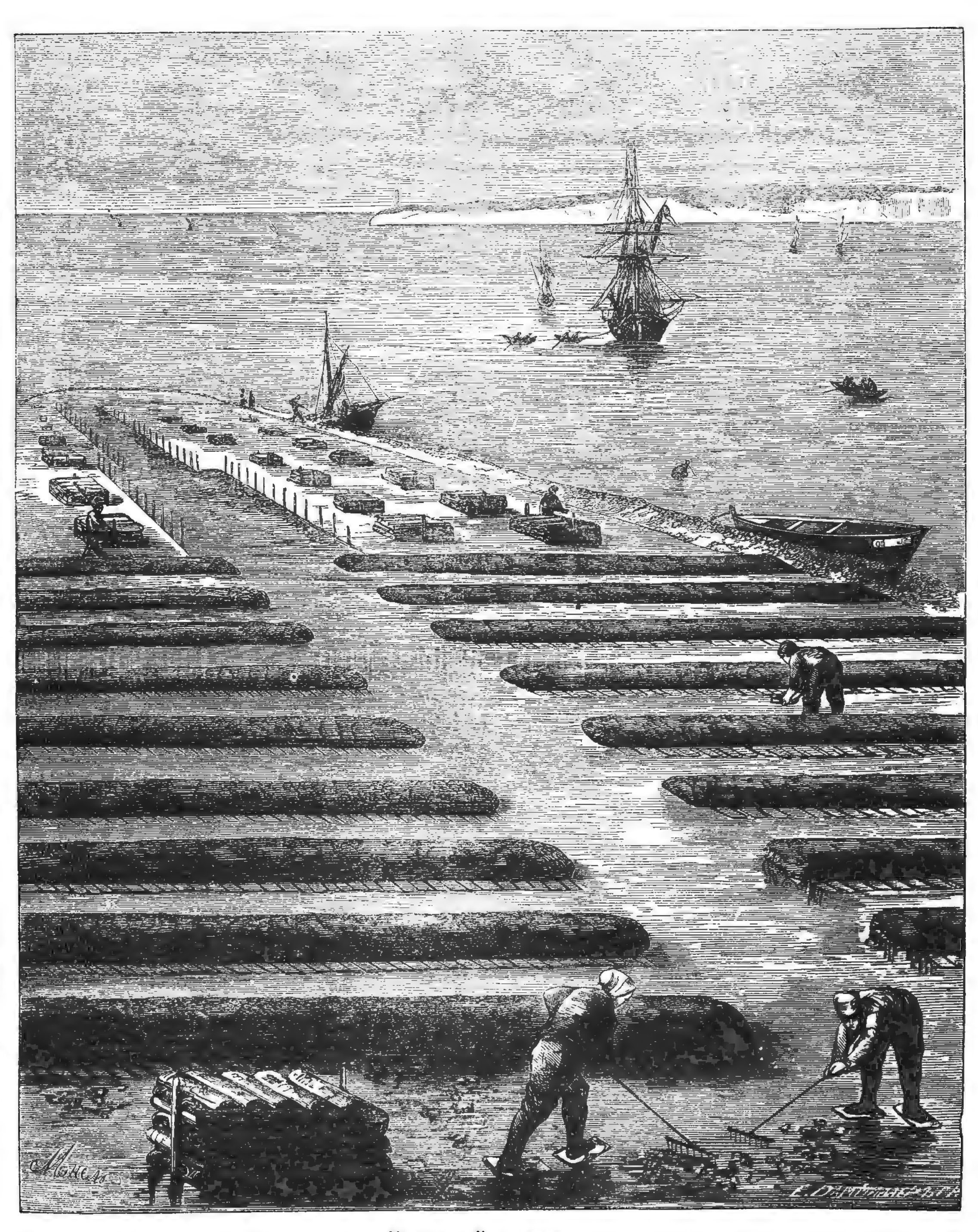
«*Pali di ostriche!*» отвѣчалъ лодочникъ на мой вопросъ, что это за шесты. Это было въ бухтѣ Цаоле, близъ Трiеста, и наша лодка наѣхала на садокъ для устрицъ — по крайней мѣрѣ я его замѣтилъ не прежде, чѣмъ она задѣла за одинъ изъ сучьевъ, и удивленному взору моему представился цѣлый лѣсъ сучьевъ, всаженныхъ въ полужидкiй илъ, которымъ покрыто дно этой бухты. Весьма незадолго передъ тѣмъ стало извѣстно о начатыхъ во Францiи попыткахъ въ огромныхъ размѣрахъ къ искусственному разведенiю устрицъ— и мнѣ вдвойнѣ было интересно въ первый разъ собственными глазами познакомиться съ этимъ искусствомъ, которымъ занимались уже древнiе римляне.

Смуглый Истрiанецъ, владѣтель садка, скромная хижина котораго стояла невдалекѣ отъ берега,—какъ только я ему выразилъ желанiе осмотрѣть его заведенiе,—выдвинулъ свою лодку, положилъ въ нее длинныя, красныя рѣзныя весла и длинный шестъ, оканчивавшiйся чѣмъ-то въ родѣ большихъ ножницъ, и осторожно перебрался черезъ полосу ила, почти-что обнаженную наступившимъ отливомъ. Войдя въ глубокiй фарватеръ, онъ распустилъ парусъ, и, движимые имъ и быстрыми какъ крылья веслами, мы скоро очутились на мѣстѣ, гдѣ, между тѣмъ, кончики насаженныхъ прутьевъ начинали показываться изъ-подъ воды. Рыбакъ взялъ свой шестъ съ особымъ на концѣ его инструментомъ, который, при разсмотрѣнiи, оказался довольно сложнымъ: одна сторона его была зубчатая, а другая управлялась посредствомъ привязанной къ ней веревочки, какъ ножницы для стрижки деревьевъ. Этимъ-то инструментомъ онъ схватилъ одинъ изъ сучьевъ у самаго дна, вырвалъ его изъ ила съ такимъ усилiемъ, что лодка набокъ наклонилась, и положилъ его къ нашимъ ногамъ.

Это былъ огромный, коренастый сукъ, футовъ въ 9 — 10 длиною, раздѣленный на множество мелкихъ вѣтвей, сплошь усаженныхъ, до самыхъ кончиковъ, устрицами разной величины до объема блюдечка,—впрочемъ, во многихъ мѣстахъ и просто древовиднымъ, мохообразнымъ полипникомъ. Въ числѣ множества маленькихъ, еще недоросшихъ устрицъ, навѣрное было нѣсколько и такихъ, которыя годились въ продажу, такъ что, если разсчитать, что въ садкѣ нѣсколько сотенъ такихъ сучьевъ, всего на нѣсколько десатинъ, то окажется, что этотъ подводный лѣсъ представляетъ

собою не малый капиталъ, во всякомъ случаѣ большій, чѣмъ какое-нибудь поле ржи или картофеля.

На чемъ же основано это искусственное разведеніе устрицъ? Дѣло весьма простое. Устрицы каждый годъ позднимъ лѣтомъ мечутъ сотни тысячъ живыхъ дѣтенышей, свободно движущихся въ водѣ при помощи плавательныхъ рѣсничекъ. Спустя нѣсколько часовъ, однако, они уже утрачиваютъ эти орудія движенія и опускаются на дно; если оно твердое, каменистое или устлано раковинами, они прикрѣпляются къ нему—и тутъ же происходитъ ихъ дальнѣйшее развитіе. Такъ бываетъ на природной устричной мели, съ которой устрицъ добываютъ желѣзными граблями съ придѣланнымъ къ нимъ неводомъ. Если же дѣтеныши попадутъ на тинистый грунтъ, они безпомощно всасываются иломъ (не имѣя болѣе средствъ тронуться съ мѣста) и погибаютъ. Такое морское дно, слѣдовательно, не можетъ безъ искусственнаго пособія производить устрицъ; пособіе же это заключается просто въ томъ, чтобы доставить дѣтенышамъ удобныя мѣста, къ которымъ бы они могли прирости, и охранить ихъ отъ поглощенія тиною.



Устричный садокъ.

Что описанные выше, воткнутые въ илъ сучья отлично къ этому годятся — дѣло ясное и притомъ подтверждаемое опытомъ. Но эта метода, давно уже вошедшая въ употребленіе на Адріатическомъ морѣ, сопряжена и съ нѣкоторыми неудобствами. Одно изъ главныхъ — неправильная, неаппетитная форма, которую устрицы принимаютъ, и которая значительно понижаетъ рыночную цѣну на нихъ. Каждый, кто привыкъ къ

красивымъ остендскимъ устрицамъ и въ состояніи платить за нихъ, отнесется съ пренебреженіемъ къ произведеніямъ тріестскаго садка. Кромѣ того, самые сучья дорого обходятся, потому что очень скоро гніютъ и требуютъ частой смѣны. Наконецъ методу, годную для средиземныхъ морей, потому уже нельзя перенести на берега океана, что на первыхъ разница между уровнемъ моря въ приливъ и отливъ несравненно меньше.

Въ 1858 году императоръ Наполеонъ поручилъ парижскому профессору Косту начать опыты на французскихъ берегахъ, гдѣ естественныя устричныя мели пришли въ упадокъ вслѣдствіе плохаго присмотра. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ заливѣ Сен-Бріе слѣдующимъ образомъ: на пространствѣ, покрывающемъ 1000 гектаровъ, морское дно вымостили пустыми раковинами, и эту мостовую усѣяли тремя милліонами живыхъ устрицъ. На нихъ спустили полосами фашины изъ хвороста, съ прикрѣпленными къ нимъ для тяжести камнями, и перевязанныя гальванизированными желѣзными проволоками. Успѣхъ былъ блестящій: черезъ полгода фашины оказались усѣяны маленькими устрицами. Тогда стали придумывать болѣе подходящіе аппараты для подбиранія ихъ. Сначала устроили подводныя кровли, крытыя гонтомъ, съ наложенными для вѣса камнями, на шестахъ; но устрицы такъ крѣпко прилипали къ нимъ, что едва можно было отдѣлить ихъ. Послѣ многихъ, разнообразныхъ опытовъ, наконецъ остановились на слѣдующемъ способѣ, изображенномъ на нашемъ рисункѣ.

Изготовляютъ полые кирпичи, покрываютъ ихъ легко отдѣляющимся слоемъ цемента и накладываютъ ихъ слоями, между кольевъ изъ гальванизированнаго желѣза—такими правильными грудами, какъ это показано на первомъ планѣ рисунка, на такихъ мѣстахъ, которыя еле-еле обнажаются во время самаго сильнаго отлива. Въ надлежащую пору, весною, кладутъ достаточное число матокъ въ полые кирпичи, къ стѣнкамъ которыхъ дѣтеныши прилипаютъ. Этимъ, однако, дѣло еще не кончается. Дѣтенышей такъ много, что они, когда начинаютъ подростать, тѣснили бы другъ друга—и опять-таки произошло бы искривленіе раковины. Поэтому отъ времени до времени часть ихъ отдѣляютъ и перемѣщаютъ въ большой садокъ, раздѣленный на ровныя части невысокими каменными плотинами и соединенный отводнымъ каналомъ, такъ что расположеніе выходитъ наподобіе огородныхъ грядъ.

Изображенный на нашемъ рисункѣ садокъ Лагильонъ въ Аркамонской бухтѣ занимаетъ пространство въ 40 гектаровъ, а устроенъ такъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ онъ остается обнаженнымъ всего 62 часа; все остальное время онъ подъ водою. Между плотинами вода никогда не выводится, такъ какъ въ большой холодъ или сильную жару это было бы вредно для устрицъ. Эти плотины еще для того нужны, чтобы на днѣ не накоплялся илъ, чему препятствуютъ слѣдующимъ образомъ: когда во время отлива вода опустится до уровня плотинъ, устья отдѣленій садка и отводный каналъ представляютъ единственные пути для стока воды—и происходятъ сильныя теченія, которыми вымывается весь накопившійся во время прилива илъ.

Близь Ла-Рошели этотъ принципъ удаленія ила примѣненъ въ большихъ размѣрахъ и съ наилучшимъ успѣхомъ. Тамъ нашли грунтъ отъ природы покрытый раковинами, но онъ оказался занесеннымъ иломъ. Французское правительство переселило туда три тысячи человѣкъ пролетаріевъ, раздѣлило имъ мѣсто участками —и началась работа. Посредствомъ минъ взорвали громадныя береговыя скалы и изъ добытаго такимъ образомъ камня надѣлали плотинъ на 1,500 садковъ. Затѣмъ внутри этихъ садковъ, на разстояніи около двухъ футовъ другъ отъ друга, на дно спустили и перпендикулярно поставили по большому камню. Во время отлива камни эти раздѣляли убывающую воду на маленькія, быстрыя теченія, такъ что въ короткое время весь илъ само-собою снесло. Приливомъ принесло устричное племя съ лежащихъ за садкомъ естественныхъ устричныхъ мелей—и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ все дно морское, равно и плотины и стоячіе камни были какъ есть сплошь засѣяны маленькими устрицами. Успѣхомъ остались такъ довольны, что уже въ 1861 г. принялись за сооруженіе еще 2.000 садковъ.

Въ Германіи тоже начинаютъ разводить устрицъ на берегахъ Шлезвигъ-Гольштейна, Бременскаго поморья, и проч., и образовались по этому поводу новыя общества въ Гамбургѣ, Бременѣ и проч. Удобныхъ мѣстъ для этого промысла оказывается множество по берегамъ всего Нѣмецкаго моря.

Св. Александръ Невскій.

Помѣщенная на страницѣ 133 картина, съ фрески профессора Басина въ Исакіевскомъ Соборѣ, представляетъ перенесеніе, изъ Владиміра въ Петербургъ, мощей св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Перенесеніе мощей совершено было торжественно. Лодкою правилъ самъ великій преобразователь, за веслами сидѣли его министры, въ томъ числѣ и герцогъ Ингерманландскій свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ и другіе. Перенесеніе это произошло 30 августа 1724 года. Мощи были положены въ ново-сооруженной Александро-Невской Лаврѣ, усыпальницы всѣхъ значительныхъ людей петербургскаго періода нашей исторіи, и почіютъ теперь въ великолѣпной ракѣ изъ первопріобрѣтеннаго въ Сибири серебра. Въ день перенесенія этихъ мощей изъ Казанскаго Собора, бываетъ крестный ходъ въ Александро-Невскую Лавру, въ благодарность за побѣды одержанныя надъ шведами. Въ честь Александра Невскаго учрежденъ особый кавалерскій орденъ, возлагаемый только на особъ царствующаго дома и на высочайшихъ государственныхъ сановниковъ.

Спрашивается, кто-же такой былъ этотъ великій князь, что только его мощи перенесъ Петръ въ Петербургъ, и что именно въ память его учрежденъ самый значительный изъ нашихъ кавалерскихъ орденовъ.

Св. Александръ Невскій былъ однимъ изъ величайшихъ людей нашей исторіи; счастливый полководецъ въ битвѣ со шведами и съ нѣмцами и величайшій дипломатъ въ сношеніяхъ съ татарами того труднаго времени, когда Россія управлялась ихъ страшными баскаками. *Баскакъ* или *Даруга* по монгольски значитъ *выжимальщикъ*, *выдавливатель*, *притѣснитель*, а

затѣмъ, собирающій всѣми правдами и неправдами подати. Великій князь Александръ Невскій первый избавилъ Россію отъ этихъ притѣснителей и первый создалъ ту систему политики, которая не только избавила Россію отъ татарскаго ига, но подчинила ей Казань, Астрахань, Крымъ и Сибирь. На этотъ разъ мы вкратцѣ разскажемъ его жизнь.

Наше первое столкновеніе съ татарами—какъ извѣстно—произошло при Калкѣ въ 1224 году. Мы были разбиты, но почти что забыли о татарахъ, какъ вдругъ въ 1237 году они опять на насъ нахлынули; вмѣсто того чтобы приготовиться къ встрѣчѣ ихъ, наши князья упражнялись въ междуусобіяхъ и попались совершенно врасплохъ. Батый началъ завоеваніе Россіи съ Волги, разорилъ болгарское царство и послалъ къ намъ пословъ требовать съ насъ доли государственнаго дохода. Русскіе князья отказали, а великій князь Юрій Всеволодовичъ хотѣлъ въ одиночку отразить татаръ. Татары двинулись разорили Рязань. Князь Юрій Рязанскій былъ убитъ, княгиня Евпраксія съ маленькимъ сыномъ своимъ бросилась изъ окна высокаго терема, чтобы не попасть въ татарскій гаремъ.

Затѣмъ татары разорили Пронскъ, Бѣлгородъ, перешли Оку и явились у самыхъ золотыхъ воротъ столицы Сѣверной Россіи—Владиміра. Владиміръ былъ взятъ 7 февраля 1238 года. Великая княгиня Агаѳья со всѣмъ великокняжескимъ семействомъ, съ епископомъ Митрофаномъ и съ множествомъ бояръ забрались въ соборную церковь; татары подожгли эту церковь—и тѣ задохнулись въ дыму. Чрезъ мѣсяцъ, 4 марта 1238 года, въ битвѣ на берегу Сити, палъ самъ великій князь Юрій Всеволодовичъ. Сынъ его, князь Василько въ плѣнъ попалъ; въ плѣну велъ себя гордо, не хотѣлъ поклониться татарамъ и былъ зарѣзанъ. На другой день былъ взятъ Торжокъ, нынѣшняя тверская губернія была опустошена; уже Новгородъ готовился погибнуть, но татары повернули на югъ, гдѣ послѣ долгаго сопротивленія взяли городъ Козельскъ, а оттуда ушли на Донъ. Сѣверная Русь была уничтожена—и на развалины Владиміра, ея столицы, пріѣхалъ братъ Юрія Всеволодовича Ярославъ Всеволодовичъ.

Казалось бы, послѣ такихъ страшныхъ бѣдствій междуусобные счеты князей могли бы стихнуть, но въ Южной Руси шелъ по прежнему княжескій раздоръ. Въ 1240 году, татары взяли Кіевъ и въ полномъ смыслѣ слова стерли его съ земли. Вѣка прошли, прежде чѣмъ онъ возникъ изъ развалинъ. Оставался цѣлъ и не подчинился татарамъ только Новгородъ. А въ Новгородѣ княжилъ тогда сынъ новаго великаго князя Ярослава Всеволодовича, Александръ Невскій. Желая спасти христіанство отъ татаръ, папа усердно приглашалъ Русь, Сербовъ, Болгаръ признать католичество и предлагалъ намъ-восточнымъ помощь Европы. Помощь восточные постоянно отвергали, потому что не хотѣли купить независимость измѣною церкви, которую сами признали при Моравскомъ Ростиславѣ и при Кіевскомъ Владимірѣ. Ливонскіе рыцари и шведы старались подвести насъ подъ свою власть, а шведскій король Магнусъ послалъ въ Неву къ устью Ижоры зятя своего Биргера съ большимъ флотомъ. Александръ выступилъ имъ на встрѣчу—и въ нѣсколько ударовъ привелъ шведовъ въ замѣшательство. Самъ Александръ ранеиъ копьемъ въ лицо. Побѣда была блестящая—и за юнымъ княземъ осталось прозваніе Невскаго. Только что развязался онъ со шведами, какъ ливонцы построили крѣпость на берегу Финскаго залива въ Каполіи, въ нынѣшнемъ ораніенбаумскомъ уѣздѣ; шведамъ хотѣлось захватить въ свои руки устья Невы. Александръ опять двинулся, взялъ Копорію перевѣшатъ измѣнниковъ и на долгое время упрочилъ Неву въ русской власти. Уже изъ этого одного понятно, почему его прозвали Невскимъ и почему Петръ такъ благоговѣлъ предъ его прахомъ.

Между тѣмъ на Русь были присланы баскаки изъ Орды, изъ глубины монгольской степи въ верховьи Амура, требовать, чтобы великій князь всея Россіи явился туда представиться ко двору хана Угедея, т. е. нужно было, чтобы мы формально признали надъ собою власть татаръ, чтобы мы вошли въ систему ихъ улусовъ, чтобы мы зависили отъ нихъ, какъ теперь зависятъ отъ насъ потомки того же Чингисъ-хана султана Киргійскаго. Отецъ Александра Невскаго, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ отправился на Волгу къ Батыю, а въ Азію послалъ сына своего, Константина. Но Монголамъ этого было мало: имъ нужно было видѣть русскаго монарха—и несчастный Ярославъ долженъ былъ поѣхать въ Монголію. Путешествіе не легкое и въ наше время, а тогда почти-что неисполнимое и стоившее страшно дорого. Ханъ Угедей между тѣмъ умеръ; въ Монголіи избирали въ то время новаго хана Куюка. Должно было покланяться, пить противный кумысъ. Ярославъ умеръ на возвратномъ пути.

По старому русскому праву, на престолъ вступилъ братъ его Святославъ Всеволодовичъ, но въ семействѣ покойнаго великаго князя,—представителемъ котораго былъ Александръ Невскій, какъ человѣкъ самый талантливый,—возникла мысль, что единственное средство возстановить истощенныя силы полоненной Россіи состоитъ въ условной покорности Татарамъ. Святославъ сдѣлался великимъ княземъ безъ ихъ согласія, этого было довольно чтобы навлечь на Русь новое татарское нашествіе. Александръ Невскій и братъ его Андрей поѣхали на Волгу къ Батыю, сдѣлали все возможное, чтобы ему полюбиться, отъ Батыя проѣхали въ главную Монголію и воротились съ тѣмъ, что Андрей сдѣлался великимъ княземъ всей сѣверной Россіи, т. е. Владимірской, а Александръ—всей южной Россіи, т. е. Кіевской. Но Андрей былъ человѣкъ безпечный, любитель пировъ, охоты; онъ не съумѣлъ поладить съ татарами и довелъ до того, что ордынцы вторглись въ сѣверную Русь; онъ бѣжалъ къ себѣ въ свою Швецію. Великій князь Владимірскій, Александръ Ярославичъ сдѣлался Невскимъ героемъ и великимъ дипломатомъ; Россія при немъ мигомъ успокоилась. Первою задачею великаго князя было — подавлять всякія междуусобія, требовать полной покорности себѣ всѣхъ русскихъ князей и карать каждаго, кто или его не слушался, или затѣвалъ какое нибудь возстаніе противъ татаръ. Александръ Невскій по натурѣ своей не былъ деспотомъ, но только сильная власть могла спасти Россію. Въ орду онъ ѣздилъ часто и на 5-мъ году своего великаго княженія съумѣлъ избавить Россію отъ баскаковъ, взявъ на себя обязанность собирать дань для орды; легче было имѣть дѣло со *своими* чѣмъ съ разными хивинцами, бухарцами, которые брали дань на откупъ. Онъ согласился признать задуманную еще министромъ Чингисъ-Хановымъ Елюй-Чуцаемъ систему подушной; онъ самъ объѣхалъ всю Русь съ татарами для производства народной переписи, сдѣлалъ перечисленіе народа, выхлопоталъ духовенству освобожденіе отъ платежа податей, и сверхъ того за-

ставилъ *даже незавоеванныхъ татарами Новгородцевъ* пойти на эту перепись, платить дань татарамъ, потому что иначе Новгородъ былъ бы завоеванъ ими, или, что еще хуже, вышелъ бы изъ состава русскихъ земель. Съ тѣхъ поръ баскаки не являлись на Русь, народность наша была спасена. Князь даже съ родными и съ собственнымъ сыномъ ссорился изъ за того, что покорялъ Русь татарамъ; но онъ далъ ей этимъ глубоко задуманную политическую систему, при которой внукъ его, Иванъ Даниловичъ Калита, сдѣлалъ Русь почти независимой, которая дала возможность Дмитрію Донскому, его правнуку, одержать блистательную побѣду на Куликовомъ полѣ. Затѣмъ, Иванъ Васильевичъ Грозный могъ завоевать Казань, Астрахань и Сибирь. Почти всѣ потомки его, великіе князья, при помощи бояръ своихъ, ни на шагъ не отступали отъ его политики.

Этотъ великій, одинъ изъ дальновиднѣйшихъ русскихъ монарховъ умеръ 14 ноября 1263 года, возвращаясь больной изъ орды. И совершенно была права русская церковь, что причислила его къ лику святыхъ; и совершенно правъ былъ Петръ Великій и его преемники, что съ именемъ Александра связали память о высочайшихъ государственныхъ заслугахъ, и что до сихъ поръ у насъ продолжаютъ его великую систему: не ссориться ни съ кѣмъ по пустякамъ, не шумѣть, не хвастать, а молчкомъ создавать и укрѣплять наше государство и стремиться къ освобожденію и объединенію дорогихъ намъ по вѣрѣ и по языку народностей.

Шестистолѣтній юбилей этого великаго дѣятеля Русской земли не былъ празднованъ, и мало кто знаетъ, какую огромную службу сослужилъ нашему государству этотъ князь, первый изъ *собирателей* его.

Смѣсь.

Не любо не слушай, а лгать не мѣшай

Великолѣпнѣйшія утки, до сихъ поръ прилетавшія къ намъ чрезъ атлантическій океанъ, жалки и ничтожны въ сравненіи съ слѣдующимъ новѣйшимъ экземпляромъ этой породы. Да положатъ скептики въ ротъ перстъ изумленія и слушаютъ. 18 апрѣля 1868 г., въ Бразиліи, въ тюрьмѣ города Вильярика (въ области Минасъ-Херасъ) было совершено двѣ казни (въ Бразиліи казни совершаются въ самой тюрьмѣ, при закрытыхъ дверяхъ). Врачъ Лоренсо-и-Кармо, изъ Ріо-Жанейро, прославившійся своими замѣчательными опытами надъ вліяніемъ электричества на человѣческое тѣло и своей необыкновенной ловкостью въ автопластическихъ операціяхъ, рѣшился, съ разрѣшенія начальства, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы доказать блестящимъ экспериментомъ могущество электричества и объяснить его соотношеніе съ нѣкоторыми жизненными явленіями. До тѣхъ поръ дѣлались отдѣльные опыты надъ головою и туловищемъ; Лоренсо-и-Кармо придумалъ соединить голову съ туловищемъ для своего опыта. Головы приговоренныхъ почти одна за другою скатились въ одну и ту же корзину — сперва голова Каринеса, потомъ голова Авейро. Тотчасъ послѣ второй казни, студенты, сопровождавшіе хирурга, произвели давленіе на сонныя артеріи чтобы остановить кровотеченіе. Трупъ положили на приготовленную заранѣе кровать. Затѣмъ докторъ Лоренсо приставилъ одну изъ головъ, поданную ему однимъ изъ его ассистентовъ, какъ можно плотнѣе къ перерѣзанной шеѣ и велѣлъ придерживать ее въ этомъ положеніи. Сильный электрическій аппаратъ былъ приведенъ въ соприкосновеніе съ шеей и грудью... и вдругъ — дыханіе возстановилось! Такъ какъ кровь черезъ поверхность разрѣза въ большомъ количествѣ проникала въ развѣтвленія дыхательнаго горла, то докторъ сдѣлалъ наружный прорѣзъ въ горлѣ — и дыханіе стало совершаться правильно. Посредствомъ частаго шва и особаго рода перевязки, голову придѣлали къ туловищу. Физіологу хотѣлось только убѣдиться, на сколько времени можно такими искусственными средствами удержать въ организмѣ искру жизни. Каково же было его удивленіе, когда, по истеченіи двухъ часовъ, онъ увидѣлъ, что дыхательный процессъ, подъ вліяніемъ электрическаго тока, продолжается, но въ кровообращеніи установилась нѣкоторая правильность. Пульсъ бился слабо, но ощутительно. Опытъ продолжался безъ перерыва. Съ возрастающимъ изумленіемъ замѣтили, что края разрѣза начинаютъ заживать. Немного спустя, въ головѣ и членахъ явились признаки жизни и движенія. Тутъ только тюремный смотритель, въ первый разъ вошедшій въ залу съ тѣхъ поръ, какъ начался опытъ, замѣтилъ, что въ попыхахъ была сдѣлана ошибка — къ туловищу Авейро придѣлали голову Каринеса. Этимъ открытіемъ докторъ однако не смутился и продолжалъ свое дѣло. Три дня спустя дыханіе происходило уже самостоятельно — и электрическій процессъ нашли возможнымъ прекратить. Докторъ и его ассистенты даже въ ужасъ пришли отъ такого неожиданнаго результата и могущества силы, возвратившей въ рукахъ ихъ жизнь тѣлу, которое законъ лишилъ права существовать. Ученый хирургъ, имѣвшій въ виду физіологическій опытъ, употребилъ все свое искусство чтобы довершить дѣло, начатое природою противъ всякаго ожиданія, при чудодѣйственномъ пособіи науки. Посредствомъ зонда или трубочки стали вливать въ желудокъ жидкую пищу. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, прорѣзъ совершенно зажилъ — и движеніе возстановилось, хотя съ трудомъ. Наконецъ, послѣ семи съ половиной мѣсяцевъ, Авейро-Каринесъ могъ встать и пойти, причемъ чувствовалъ только еще нѣкоторую неповоротливость въ шеѣ и слабость въ членахъ. Такъ разсказываютъ американскія газеты — стало быть...

Хорошая сторона эмансипаціи женщинъ. — Въ Глостерѣ, городѣ штата Массачусетса, эмансипація женщинъ сдѣлала недавно шагъ какъ нельзя болѣе пріятный и выгодный для сильнѣйшаго пола: дѣвицы этого города дали прелестный балъ, и не только пригласили своихъ знакомыхъ мужчинъ, но всѣ расходы взяли на себя.

Почтовый ящикъ.

Многіе изъ нашихъ подписчиковъ въ послѣднее время обращаются къ намъ съ требованіемъ *полнаго* экземпляра вышедшихъ до нынѣ нумеровъ «Нивы». Первые четыре нумера нашего журнала, первоначально печатавшіеся въ количествѣ 7500 экземпляровъ, нынѣ отпечатаны вторымъ изданіемъ и будутъ высылаться вмѣстѣ съ прочими по первому требованію.

Мы часто получаемъ отъ иногородныхъ подписчиковъ жалобы на недоставленіе имъ съ почты того или другаго нумера «Нивы». Сдавая на почту для пересылки въ губерніи, мы аккуратно провѣряемъ количество экземпляровъ по спискамъ подписчиковъ — и затѣмъ въ редакціи остается квитанція газетной экспедиціи въ пріемѣ отправляемыхъ экземпляровъ сполна. Поэтому, тѣхъ изъ г. г. подписчиковъ, которые не получатъ какого либо нумера нашего изданія, редакція покорнѣйше проситъ обращаться съ жалобами непосредственно въ почтовое вѣдомство.

Нѣкоторые изъ нашихъ корреспондентовъ, посылая намъ рукописи, прилагаютъ въ томъ-же пакетѣ и письма въ редакцію. Мы покорнѣйше просимъ отправлять письма отдѣльно, такъ какъ за каждое неоплаченное письмо редакція платитъ значительный штрафъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 18 Февр. 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр. д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Нев. пр., д. № 45—1.

№ 10. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Вэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер

Подъ каштанами Саксонскаго сада. (*)

(изъ Варшавскихъ воспоминаній).

(*Продолженіе*).

Какъ и во что̀, обыкновенно, влюбляются люди? Вы скажете: въ женщину?—Это совершенный предразсудокъ. Можно влюбиться не въ женщину, а въ часть женщины: такъ сказать, не въ цѣлое, а въ дробь. Я знаю, что эта мысль на первый взглядъ можетъ показаться парадоксомъ... Вы скажете даже, что это нелѣпость. Пусть такъ. Но развѣ нелѣпость не можетъ быть фактомъ? Приводя себѣ на память общественную и частную, историческую, политическую и всякую иную жизнь, вы конечно согласитесь, что это зачастую бывало такъ, что самая повидимому-невозможная нелѣпость переходила въ область «совершившагося факта». А если такъ, то чтожь мудренаго въ томъ, что можно влюбиться не въ женщину, а въ часть женщины? Покрайней мѣрѣ въ моей жизни это было тоже «совершившимся фактомъ».

Вамъ, конечно, извѣстно то мѣсто человѣческой шеи, которое въ просторѣчіи очень характерно называется «душкой».—И такъ, я былъ влюбленъ въ женскую душку.

Это была самая прелестная, самая очаровательная душка изъ всѣхъ, какія я знавалъ и знаю на свѣтѣ! Я готовъ надавать ей бездну самыхъ восторженныхъ эпитетовъ—и это не мудрено: я говорю о ней—какъ человѣкъ влюбленный о предметѣ своей страсти. Хотя это было и давно, но... я всегда склоненъ хранить въ душѣ хорошее, свѣтлое и благодарное чувство воспоминанія о всемъ томъ, что было мною любимо когда-то; да и при томъ-же, все, что̀ изящно и прекрасно по самой своей сущности, что̀ въ состояніи привлекать и увлекать человѣка—то, конечно, всегда имѣетъ неотъемлемо законное право на яркій, восторженный эпитетъ. И эпитетъ, въ этомъ слуаѣ, будетъ лишь самою бѣдною долею хвалы и почтенія, какую можетъ воздать человѣкъ прекрасному.

* * *

Влюбиться въ женскую душку—и только въ одну душку, исключительно въ нее—согласитесь сами—обстоятельство до нѣкоторой степени экстраординарное. Случилось оно со мной въ лѣто 1859 года. Я уже былъ тогда въ Варшавѣ. Но, хотя и въ краткихъ словахъ, а надо начать дѣло ab ovo. Еще во время моего заграничнаго путешествія познакомился я въ Швейцаріи съ одною—во всѣхъ отношеніяхъ достойною и прекрасною—особой. Случай—и одинъ только случай сдѣлалъ такъ, что недѣли полторы мы прожили ближайшими сосѣдями въ одномъ женевскомъ отелѣ, сходясь ежедневно за табль-д-отомъ; случаю же угодно было свести насъ потомъ у подошвы Юнгфрау, на которую мы взбирались въ упорно-безмолвномъ сообществѣ какого-

(*) Продолженіе этой повѣсти посланной авторомъ замедлилось вслѣдствіе потери рукописи на почтѣ.

то англичанина—одного изъ тѣхъ характерно-типичныхъ представителей джентльменскаго типа съ плэдомъ и гидомъ, которые неизмѣнно суются вамъ на глаза въ любомъ уголкѣ западной Европы. И раньше еще, и во время этого взбиранья на Юнгфрау, я имѣлъ возможность и охоту оказывать сказанной особѣ кой-какія маленькія услуги, что̀ и послужило первоначальнымъ поводомъ къ нашему знакомству. Тотъ же всемогущій и слѣпой случай столкнулъ насъ потомъ въ Парижѣ, въ гостинной одного очень порядочнаго и почтеннаго русскаго семейства, которое до того времени очень долго жило въ Варшавѣ. Я познакомился съ этимъ семействомъ въ Парижѣ, она же была съ нимъ старая знакомка. Довольно частыя встрѣчи въ этомъ домѣ сблизили и даже нѣсколько скрѣпили наше знакомство. Я никогда не позволялъ себѣ тѣхъ отношеній къ этой женщинѣ, которыя называются пошлымъ по всей справедливости словомъ «ухаживаніе». Я никогда, ни разу, ни одной минуты не ухаживалъ за нею—и можетъ быть, ничто иное, какъ именно отсутствіе съ моей стороны какихъ бы то ни было поползновеній этого свойства, послужило нашему сближенію. Мы съ нею стали мало по малу просто-себѣ добрыми знакомыми. Общность нѣкоторыхъ симпатій, впрочемъ болѣе артистическаго, чѣмъ политическаго свойства, общность нѣкоторыхъ взглядовъ и понятій сдѣлала изъ насъ въ послѣдствіи, пожалуй, хорошихъ пріятелей— но и только. Не смотря на то, что она была и молода и прекрасна, и какъ вдова—совершенно независима, и кромѣ того имѣла въ себѣ всѣ данныя, существующія на сладкую пагубу непрекрасной половины рода человѣческаго,—не смотря на все это, ни одна грѣшная мысль не заползла въ мою голову: желаніе увлечься ею, влюбиться въ нее—и самъ не знаю почему, только ни разу не закралось въ мою душу. А чего бы, казалось, естественнѣй и проще! Но—видно такъ было спокойнѣй, пожалуй даже оригинальнѣй, если хотите, и потому мы оставались при одномъ тихомъ, доброжелательномъ чувствѣ простой пріязни. Мы стали съ нею пріятелями совершенно такъ, какъ становятся ими мужчина съ мужчиной, женщина съ женщиной. Я могъ только сказать про нее, что она, молъ, хорошій человѣкъ,—и она про меня тоже.

Когда въ началѣ 1859 года я былъ переведенъ на службу въ Варшаву, мы встрѣтились тамъ какъ старые, совсѣмъ хорошіе знакомые. Отношенія, завязавшіяся между нами заграницей, и здѣсь теперь невыходили изъ своей, однажды взятой, привычной нормы. Она была полька и при томъ варшавянка. Это было еще во времена доповстанскія, когда въ массѣ польскаго общества далеко не сказывалось той враждебной розни и отчужденія въ отношеніи русскихъ, какія проявились съ 60-го и особенно съ 61-го года. При томъ же, благодаря уже чисто мой фамиліи, смахивающей на польскую, варшавскіе паны зачастую принимали меня тоже за «родовитаго пана»—и потому нисколько не шокировались встрѣчами со мною въ гостинной пани Б***. Впрочемъ, въ тѣ времена и притомъ какъ новый человѣкъ въ Варшавѣ, я былъ еще слишкомъ наивенъ относительно истинныхъ чувствъ питаемыхъ панами къ «наѣзду», и не подозрѣвалъ, въ невинности души своей, чтобы встрѣча въ знакомомъ домѣ съ русскимъ офицеромъ и порядочнымъ человѣкомъ (какимъ я имѣю слабость считать себя) могла бы кого либо шокировать. А въ сущности, ни до пановъ, ни до ихъ чувствъ, и ни до кого, и ни до чего мнѣ дѣла не было: я зналъ себѣ только одно, что мнѣ очень пріятно вечера два въ недѣлю проводить у пани Амеліи; зналъ, что и ей это не скучно;—и потому относился къ этому дѣлу чисто эгоистически, не принимая ни въ какое соображеніе пановъ, встрѣчавшихся мнѣ порою въ ея домѣ.

* *
*

Разъ какъ-то прихожу я къ ней вечеромъ. Уже давно было получено мною право входить къ ней безъ особенныхъ докладовъ и церемоній: просто, бывало, спросишь себѣ: дома?—«дома».—Принимаютъ?—«принимаютъ»—и идешь прямо въ гостинную. Такъ было и теперь; беззвучными шагами, благодаря мягкой ковровой дорожкѣ, прошолъ я до самой гостинной, дверь въ которую была полураствореиа,—и невольно остановился на порогѣ.

Въ глубинѣ этой комнаты, на маленькомъ столикѣ стояла лампа, покрытая темнымъ абажуромъ, который оставлялъ всѣ предметы въ полумракѣ; но яркій розоватый свѣтъ обильно падалъ изъ подъ него на часть кушетки, на которой въ бѣлой батистовой блузѣ полулежала *она*, совсѣмъ закинувъ назадъ свою голову. Она вѣроятно дремала, потому что вовсе не замѣтила моего присутствія. Въ комнатѣ, какъ видно, стояла долгая, ничѣмъ не возмущаемая тишина.

Видя, что панна не перемѣняетъ своего положенія, я остался въ нерѣшительности—будить ли ее, или нѣтъ,—въ дверяхъ, на своемъ мѣстѣ.

Лица ея не было видно: оно оставалось въ тѣни, но за то яркій свѣтъ ударялъ на ея грудь, на ея плечи и шею.

Какая же это прелесть! Какая строгая правильность очертаній! Что за роскошная шея и какъ она артистически создана! Я помню одну картину—кажется, что Поль-Делароша, — впрочемъ, навѣрное не ручаюсь: я видѣлъ многія галлереи и помню самыя картины, т. е. тѣ изъ нихъ, которыя дѣлали на меня впечатлѣніе; но—грѣшный человѣкъ!—не особенно злопамятенъ на имена художниковъ, и откровенно сознаюсь въ такомъ «вандализмѣ». И такъ, я помню одну картину: по серединѣ залива, колоритъ котораго дышетъ Италіей, плыветъ большая, просторная лодка, щедро устланная и драппированная богатыми коврами; широкія тяжелыя складки одною изъ нихъ ниспадаютъ за бортъ и полощатся въ тихой влагѣ соннаго залива. Въ лодкѣ—группа изъ нѣсколькихъ мущинъ и женщинъ. Что за прелестныя женскія головки! Въ рукахъ у нѣкоторыхъ музыкальные инструменты, мандолина, ноты, и посреди этой изящно скомпанованной группы возвышается одна стройная, роскошная женская фигура. Она стоитъ въ лодкѣ, въ рукахъ у нея ноты, голова приподнята, чудные итальянскіе глаза полны страстнаго вдохновенья и смотрятъ впередъ, какъ будто въ гаснущій край далекаго неба. Она поетъ—и вы словно чувствуете, какія полныя, звучныя ноты волною плывутъ изъ этой сильной, богатой груди. И какая славная, лебединая, царственно-артистическая шея у этой итальянки. У геніальныхъ пѣвицъ, такъ-сказать у пѣвицъ прирожденныхъ непремѣнно должна быть именно такая шея, такое горло.

Что-то знакомое молніей мелькнуло въ моей памяти. Гдѣ я видѣлъ это? Когда я видѣлъ? Во снѣ? наяву?—нѣтъ, именно я видѣлъ это на той самой картинѣ!

Яркій свѣтъ лампы падалъ теперь на точно такую же лебедино-роскошную, красивую шею.

И увы!—обладая такою шеей, пани Амелія все же не была пѣвицей.—Это, впрочемъ, доказываетъ только общеизвѣстную истину, что нѣтъ правила безъ исключенія.

И странное дѣло! И какой же я чудакъ, однако! Ну, какъ это, право: быть столько времени такъ хорошо знакомымъ съ женщиной—и ни разу, до этой самой минуты не замѣтить, что она обладаетъ такою прелестью! Правда, что *вся* она очень хороша собою; но правда опять же, что и я съ первой и до послѣдней минуты, зная какъ она хороша, тѣмъ не менѣе съ какимъ-то равнодушіемъ какъ бы не чувствовалъ, не замѣчалъ этого, какъ бы пропускалъ мимо глазъ и сердца ея наружность, цѣня въ этой женщинѣ одно только доброе пріятельское расположеніе къ моей особѣ.

Не знаю, право, находитъ ли это на человѣка совсѣмъ особенное, безотчетное настроеніе—знаю только одно, что подъ впечатлѣніемъ первой минуты, весь отдавшись ему, я стоялъ неподвижно и глядѣлъ на неподвижно-лежавшую женщину... Никакихъ особенныхъ помысловъ, никакихъ особенныхъ своекорыстныхъ желаній, ничего этого мнѣ и въ голову отнюдь не приходило: я просто глядѣлъ и любовался, не будучи въ состояніи даже и самому себѣ дать отчета, зачѣмъ и для чего я это дѣлаю—словно бы изъ темнаго фона большаго холста передъ глазами рельефно выдѣлялся одинъ залитый свѣтомъ уголокъ, въ которомъ случайно совмѣстилось нѣсколько живыхъ чертъ прекрасно-созданной картины. Да; это именно было то самое чувство и впечатлѣніе, съ какими вы невольно останавливаетесь передъ мастерской картиной, нечаянно бросившейся вамъ въ глаза,—и я не знаю, сколько времени я въ состояніи былъ бы простоять подъ обаяньемъ этого безотчетнаго наслажденья, если бы она наконецъ не приподняла чутко свою голову, почувствовавъ, вѣроятно, сдержанное присутствіе посторонняго человѣка.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Она нервно вздрогнула.

— Ахъ, Боже мой, это вы!.. А мнѣ сквозь дремоту почудилось, будто въ дверяхъ кто-то стоитъ и смотритъ, проговорила она, подавая руку.

— Вы не ошиблись: я точно и стоялъ, и смотрѣлъ... и, кажись, довольно долгое время.

Она съ легкимъ удивленіемъ оглядѣла мое лицо.

— Что это, въ васъ какъ будто особенное что-то сегодня?

— Мудренаго нѣтъ. Вы знаете, на что глядѣлъ я и чѣмъ любовался?

И я, полушутя, полусеріозно разсказалъ ей все, чѣмъ былъ пораженъ за минуту передъ этимъ.

Она выслушала меня съ дружескимъ смѣхомъ. Въ лицѣ ея играла не то лукавая, не то снисходительная улыбка.

Я просидѣлъ у нея цѣлый вечеръ, болтая какъ и всегда, и точно такъ же какъ всегда запасъ нашихъ разговоровъ—то серьозныхъ, то шутливо-веселыхъ—не истощался и на этотъ разъ; но я не могъ не замѣтить, что она въ теченіе этого вечера раза три—не знаю, нарочно, или случайно—закидывала на нѣсколько мгновеній свою голову, позволяя любоваться своей шеей. И каждый разъ послѣ этого, замѣчая мой любующійся взглядъ, она встрѣчала его своими тонко-улыбающимися глазами, въ которыхъ сквозь полушутливую и полуукорливую строгость проглядывало неуловимое женское кокетство. Она какъ будто дразнила меня своей чудною шеей.

* *
*

Я ушелъ отъ нея подъ страннымъ впечатлѣніемъ, которое преслѣдовало меня всю дорогу и потомъ дома всю ночь, даже и во снѣ не давая покою. Я старался не думать о немъ, настроивалъ свои мысли на другіе предметы, старался развлечься музыкой, принимался за чтеніе, начиная съ польскаго историка Шайнохи и кончая Польдекокомъ—все было напрасно! Ни Шопенъ, ни Мендельсонъ, ни Шайноха, ни даже самъ Польдекокъ, составляющій, какъ извѣстно, по преимуществу «офицерское чтеніе» — никто изъ нихъ не настроилъ на иной ладъ мои мысли, ничто не перебило моего перваго впечатлѣнія. Мендельсонъ съ Шопеномъ, напротивъ, еще помогли усилить его. Спать мнѣ рѣшительно не хотѣлось—и потому-то я и хватался то за то, то за другое.

Въ воображеніи моемъ неотступно рисовалась полулежащая женская фигура съ закинутой назадъ головою, освѣщенная розоватымъ свѣтомъ. Она выступала передо мною словно бы изъ какого таинственнаго волшебнаго мрака, со своею красивой, антично-выточенной шеей—и впечатлѣніе этой грезы было столь велико, что стоило лишь закрыть глаза—и она ужь рисуется такъ рельефно, такъ полно, какъ будто наяву, какъ будто и впрямь она передъ глазами.

Я приписалъ это просто разстройству нервъ и—volens-nolens—подчинился своему неотвязному впечатлѣнію, тѣмъ болѣе что въ немъ не было ничего для меня непріятнаго.

Я былъ увѣренъ, что оно «пройдетъ сномъ», какъ говорится,—что на утро я все позабуду и примусь за обычныя свои дѣла и занятія; но настало утро, а съ нимъ и дѣла, и занятія, а я... я не избавился отъ вчерашняго. Правда, впечатлѣніе было теперь значительно слабѣе, чѣмъ тогда: дневной свѣтъ и житейская толчея брали таки свое; но все же порою, или лучше сказать, мгновеньями, передо мною вставалъ вчерашній образъ. Словно бы насильственно врывался онъ, незванный и непрошенный, въ мои мысли, въ мою душу, въ мое воображеніе—и своимъ появленіемъ озадачивалъ разсудокъ: «зачѣмъ? къ чему? и что это, наконецъ, творится со мною? И что такое въ этой шеѣ? И почему же не другое что, не лицо, не глаза, которыя у нея дѣйствительно прелестны, почему наконецъ не вся она, а именно одна только шея этой женщины мерещится мнѣ вездѣ и повсюду—и даже не шея, а то, что называется женскою душкой?!»

Днемъ это было слабѣе, но вечеромъ, когда я остался одинъ у себя дома—вчерашнее впечатлѣніе снова встало передо мною со всею вчерашнею силой. Такъ прошло дня три, и каждый слѣдующій день являлся точнымъ повтореніемъ прошлаго—въ мірѣ моей внутренней жизни.

Проклятая душка! Неотступная греза!.. Я, наконецъ, просто сталъ досадовать и негодовать на себя. «Это ничто иное, какъ непозволительная нравственная распущенность, капризъ празднаго воображенія, это все «отъ нечего дѣлать» со мною! Надо встряхнуться и выбросить вонъ изъ головы эту нелѣпую грезу!»—Такіе-то упреки, и такіе-то выговоры посылалъ я самому себѣ и прини-

малъ такія дѣльныя рѣшенія,—а нелѣпая греза словно бы и знать не хотѣла ни строгихъ упрековъ, ни мудрыхъ рѣшеній, и что ни вечеръ—всецѣло охватывала мой внутренній міръ и уносила за собою воображеніе. У меня родилось дикое, до болѣзненности настойчивое желаніе поцѣловать эту душку. Кажись что только поцѣловать—и всему конецъ, все какъ рукой сниметъ! Я самъ не могъ не смѣяться надъ собою за такую странную, причудливую прихоть. Но смѣхъ и досада ни мало не помогали дѣлу: болѣзненно-дикій капризъ властвовалъ надо мною во всей своей силѣ.

Я вамъ разсказываю исторію, до нѣкоторой степени весьма странную; тѣмъ не менѣе—это глубокоправдивая исторія. Это исторія одного изъ болѣзненныхъ уклоненій воли человѣческой, которое, богъ-вѣсть почему и какъ ворвавшись въ нравственный организмъ, незамѣтно переходило въ idée fixe, въ своего рода манію. Подобнаго рода состояніе вѣроятно представило бы собою извѣстный интересъ для психіатра. Представьте себѣ положеніе помѣшаннаго человѣка, который вполнѣ сознавая, что онъ помѣшанъ,—знаетъ и источникъ и пунктъ своего помѣшательства и всѣ его симптомы, и отлично сознавая все это, тѣмъ не менѣе никакъ отъ него не можетъ отдѣлаться. Со мною было нѣчто подобное.

Всеволодъ Крестовскій.

(Продолженіе будетъ).

Малороссійская сходка.

(См. стр. 149).

Проѣздомъ черезъ любой малороссійскій хуторъ, особенно подъ вечеръ, когда полевыя работы кончены,—на большой улицѣ, у волостнаго правленія или возлѣ старостиной хаты (въ прежнее время, у хаты головы) иногда встрѣчается кучка крестьянъ, стоящихъ кружкомъ, подпершись на батожки; лица ихъ степенны и важны; тихій, сдержанный говоръ гудитъ какъ въ ульѣ: Это *громада*, мірская сходка. Отъ великорусской отличается она именно этой сдержанностью, спокойствіемъ, тишиною—въ противоположность извѣстному галдѣнью міроѣдовъ и крикуновъ на сходкахъ въ средней полосѣ Россіи. Ихъ и нѣтъ этихъ міроѣдовъ—и не изъ чего было бы хлопотать крикунамъ, такъ какъ въ Малороссіи нѣтъ и не было ни круговой поруки, ни передѣловъ полей, ни самой общины. «Гуртовè якъ чортовè» говоритъ малороссъ; т.е. что общее—то ничье Накопится ли недоимка за какимъ-нибудь захудалымъ крестьяниномъ—въ прежнее время за помѣщичьихъ платилъ помѣщикъ, за вольныхъ голова самъ раскладывалъ недоимку на общество, зная что хохлы и не пойдутъ на сходку изъ-за такой бездѣлицы; во всемъ же прочемъ — каждый отвѣтчикъ самъ за себя. Голова собиралъ громаду—или въ случаѣ полученія какой-либо оффиціальной бумаги по земскимъ дѣламъ, или въ случаѣ рекрутскаго набора и т. п.; сама собою громада собиралась чрезвычайно рѣдко, а въ прежнее время это бывало едва ли не исключительно по дѣламъ довольно-комическаго свойства и неимѣющимъ почти никакого значенія, но которымъ малороссы, за отсутствіемъ дѣлъ серіозныхъ, придавали большую важность.

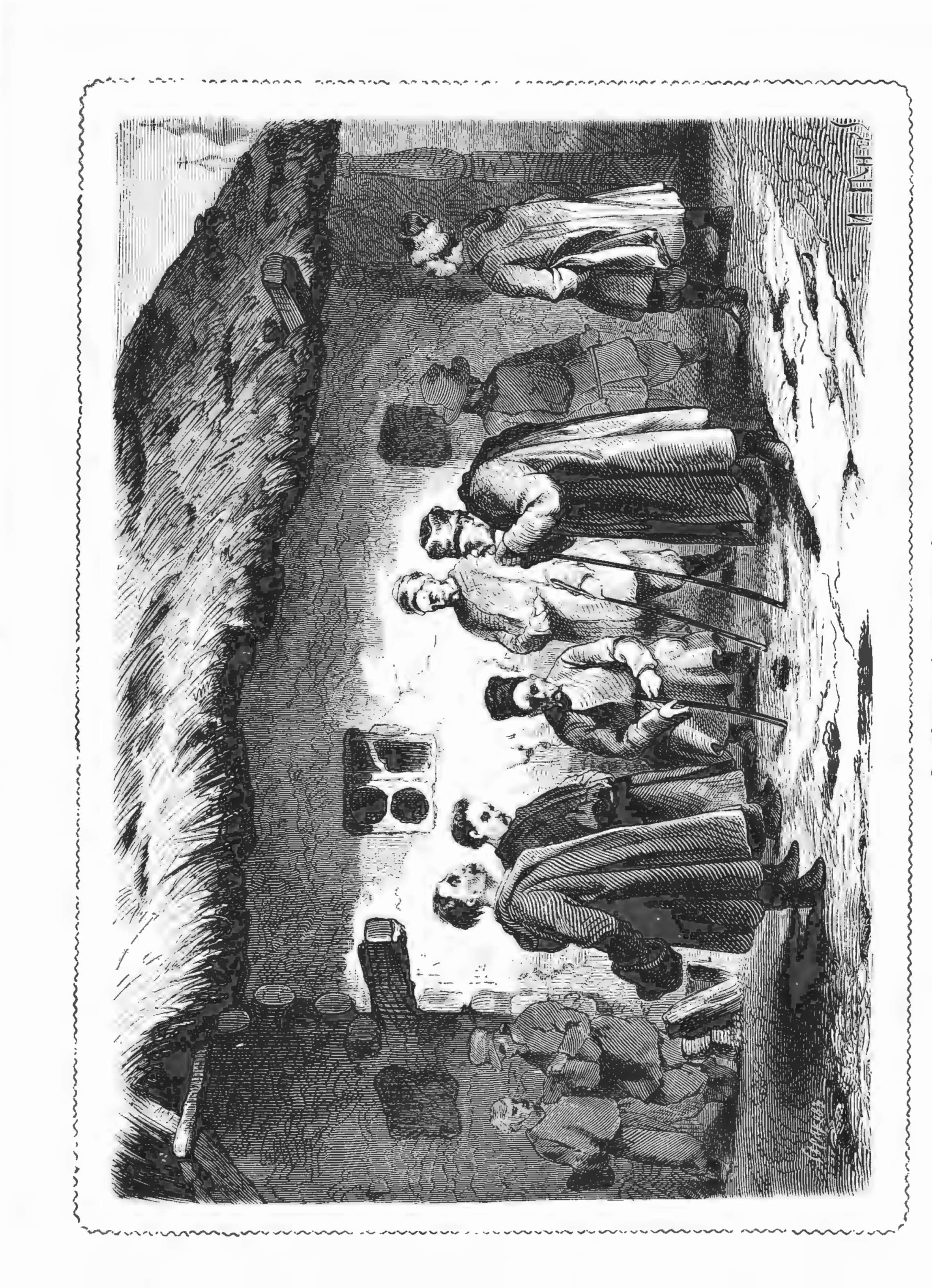
Одну изъ такихъ юмористическихъ сценъ изображаетъ прилагаемый рисунокъ малороссійскаго поэта и живописца Шевченки.

Изъ Кавказскихъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Между тѣмъ, мы, имѣя впереди горскую милицію, рядами спускались по косогору къ руслу Козыкумыкскаго Койсу. Рѣка шумнымъ водопадомъ, представляя взору одну только бѣлую сѣдую пѣну, стремилась по цѣльному камню, съ неудержимою быстротою. Берега были сажени на двѣ отъ воды почти отвѣсно-круты; одинъ только мостикъ безъ перилъ, кой-какъ переброшенный надъ бездной, велъ къ прямому и узкому подъему на верхъ противоположной горы, увѣнчанной завалами, изъ за коихъ ясно выглядывали жерла двухъ орудій. Выбрать мѣсто, чтобы уставить баттарейку и обстрѣлять эти завалы—не было никакой возможности. Тропинка была до того узка, что съ трудомъ выбрали мы даже мѣстечко слѣзть съ лошадей, и передать ихъ какъ нибудь запаснымъ нумерамъ. Ежеминутно взглядывали мы на грозныя орудія—и удивлялись, отчего непріятель такъ долго не открываетъ по насъ огня. Милиціонеры наши уже перешли мостъ, и начали подниматься вверхъ. Вотъ уже и головныя роты показались за мостикомъ, и онъ вскорѣ закачался подъ тяжестью моихъ единорожковъ, какъ вдругъ сзади насъ раздалось громкое *ура*, и въ тоже время, впереди, въ вышинѣ раздалось гиканье, суматоха—и на насъ посыпался градъ камней, съ глухимъ шумомъ и трескомъ ломаемыхъ ими обломковъ — летѣвшихъ мимо нашихъ головъ въ бѣшеную Койсу. Оказалось, что непріятель не выждалъ ихъ дѣйствія, и самъ бросился въ шашки, надѣясь сбить нашу милицію, чѣмъ и заслонилъ свою артиллерію и даже возможность сбросить на насъ заранѣе заготовленныя для того груды дикого камня. Милиція наша повернула уже было и назадъ, но раздавшееся *ура* и штыки нашихъ двухъ храбрыхъ тифлисскихъ ротъ шедшихъ впереди — заставили ее опять обратиться на непріятеля. Все это въ одно мгновеніе и густой, нестройною, но полною отваги и одушевленія толпой—очутилось на завалахъ, и перестрѣлка закипѣла неумолкаемыми перекатами.

Лошади съ большимъ трудомъ и при помощи людей, почти выбиваясь изъ силъ, вытащили однако на верхъ мои орудія. Когда первое изъ нихъ только-что вступило на вершину, оказалось, что шагахъ въ 200 впереди большая масса горцевъ съ быстротою старается увезти изъ подъ нашихъ выстрѣловъ свои пушки. Одна изъ нихъ уже спряталась въ небольшую лощинку, а по прикрытію другой мнѣ удалось таки влѣпить полный зарядъ картечью, что однако и ей не помѣшало исчезнуть вслѣдъ за первою. Вправо и влѣво отъ меня, отдѣльными небольшими группами, дрались и перестрѣливались обѣ стороны,—а сзади въ гору вытягивались съ тяжело нагруженными ранцами, въ огромныхъ походныхъ



Се діло треба разжувати!..

Съ факсимиле Т. Шевченки рисовалъ И. Пановъ, гравировалъ Л. А. Сѣряковъ.

сапогахъ, запыхавшіеся солдатики остальныхъ ротъ нашего храбраго батальона. Нужно было нѣсколько минутъ пріостановиться, чтобы буквально успѣть перевести духъ. Вслѣдъ за непріятелемъ я приказалъ уже бросать гранаты.

Онъ видимо старался скорѣе выйти изъ подъ нашихъ выстрѣловъ—и быстро отступалъ, прикрываясь, однако, густою цѣпью, производившей довольно оживленный, но вовсе не мѣткій и почти безполезный огонь. Кругомъ насъ и впереди—враги оставили труповъ до 50, и нѣсколько мѣшковъ, въ которыхъ оказались жареныя пшеничныя зерна, что̀ составляетъ обыкновенный провіантъ у дагестанцевъ. Повидимому, наступленіе наше застало ихъ врасплохъ *).

Позиція, которую мы занимали, состояла изъ небольшаго плоскаго плато, впереди коего тянулся тотъ же намъ знакомый коридоръ, какимъ мы шли и прежде, и вдоль котораго, почти у правой окраины долины, по узкому каменистому руслу, стремилась къ сѣверу, только что перейденная нами, шумливая Койсу. Слѣва—горы нѣсколько отходили отъ нея, и какъ разъ противъ нашего лѣваго фланга, не далеко отъ вершины, возвышался повидимому оставленный аулъ; это былъ Марглю. Я сказалъ Москалеву, что, по моему мнѣнію, прежде чѣмъ двинуться впередъ за отступавшимъ непріятелемъ, не мѣшало бы аулъ этотъ занять, или по крайней мѣрѣ хорошенько осмотрѣть—нѣтъ-ли въ немъ или за лежащими близь него горами какой-либо засады.

— Да вотъ князь, отвѣчалъ Москалевъ, — скажите ему сами, если представится возможность.

Я оглянулся. Между орудіями, прохаживаясь взадъ и впередъ, тяжело выступалъ тучный, средняго роста, сѣдой, но съ черными глазами и бровями и орлинымъ носомъ — Аргутинскій. Онъ курилъ трубку, и изрѣдка взглядывалъ на насъ и окружающую мѣстность. На немъ былъ старый, отъ времени подъ цвѣтъ зеленаго стола, сюртукъ безъ эполетъ и на поясномъ ремнѣ старая грузинская сабля. Онъ подошелъ къ орудію, возлѣ котораго стоялъ я приложивъ руку къ козырьку.

— Попади-ко мнѣ, любезнѣйшій, вотъ въ эту кучку. Стукни хорошенько въ этихъ подлецовъ, сказалъ онъ мнѣ грузинскимъ-особымъ оттѣнкомъ и показывая рукою на небольшую толпу, собравшуюся у маленькаго возвышенія. Орудія были наведены—и послѣдовали одинъ за другимъ два выстрѣла, оба весьма удачные.

— Ты, однако, хорошо стрѣляешь, сказалъ князь:—какъ фамилія?

Онъ вступилъ въ разговоръ со мною и Москалевымъ, котораго зналъ прежде и любилъ за храбрость и честность (князь былъ ужасно скупъ на казенныя деньги, а Москалевъ никогда не выпрашивалъ у него ничего, что̀ могло бы увеличивать расходы), и мы сообщили ему мысль о занятіи аула.

— Послать можно, да едва-ли тамъ теперь что-нибудь есть, отвѣчалъ онъ. — А впрочемъ, обратился онъ къ одному изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ,—поѣзжай-ко, любезнѣйшій, скажи тамъ мингрельцамъ, которые идутъ, чтобы туда послали одну роту. Да поторопи ихъ, долго поднимаются. Скажи, что мы ихъ ждемъ.

Прошло около $^{1}/_{2}$ часа. Мы видѣли, какъ рота вошла въ аулъ и выслала на верхъ нѣсколько патрулей. Вдругъ тамъ раздалась сильная перестрѣлка.

— Тутъ есть засада, ты угадалъ, сказалъ князь, обращаясь ко мнѣ и протягивая руку.

Оказалось, что это была нетолько засада, но даже главныя силы горцевъ, скрывавшіяся за лѣвыми высотами долины—съ тою цѣлью, чтобы спуститься на насъ съ горъ, когда мы двинемся впередъ по ущелью, и взять насъ во флангъ и даже въ тылъ, и отрѣзавъ отъ Кумуха, сначала истребить насъ, а потомъ овладѣть Кумухомъ и Кюринскимъ ханствомъ до самаго Самура. Вотъ почему они и не уничтожили моста подъ Кумухомъ, и отдали намъ свою первую позицію почти безъ сопротивленія, желая заманить насъ далѣе въ ущелье, гдѣ тоже ими для встрѣчи насъ былъ выстроенъ завалъ.

Когда же, разгадавъ планъ непріятеля, князь Аргутинскій подкрѣпилъ посланную въ Марглю роту батальономъ съ двумя орудіями, то уже онъ, съ своей стороны, взялъ во флангъ горцевъ, и тогда—не смотря на ихъ сопротивленіе и желаніе удержаться на 7 избранныхъ позиціяхъ—общее наше наступленіе превратило все это дѣло въ одно самое успѣшное преслѣдованіе до самой ночи, на разстояніи 15 верстъ, до высоты Дурча-Гаттыра. Въ блестящемъ этомъ дѣлѣ мы потеряли 2-хъ убитыми и 3-хъ легко ранеными. Вотъ какъ мало теряется людей при жаркомъ преслѣдованіи отступающаго непріятеля, такъ какъ отступленіе почти всегда превращается въ бѣгство, если только въ арміи нѣтъ сильной дисциплины. Горцы поэтому и не могли выполнить хорошо задуманнаго плана. Часу во 2-мъ ночи, при свѣтѣ полнаго мѣсяца, воротились мы на нашу первую позицію, у Марглю. Вьюки наши и остававшіяся позади войска стояли на ней въ порядочномъ безпорядкѣ, кто гдѣ попалъ. Мертвые трупы валялись обнаженные на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ поразила ихъ смерть, и, освѣщаемые блѣднымъ и обманчивымъ свѣтомъ луны, казались еще блѣднѣе и ужаснѣе. Лица нѣкоторыхъ сохраняли выраженіе невыразимаго страданія, но попадались и совершенно спокойныя, точно у спящихъ. Вообще же поле усѣянное мертвецами, между коими суетились живые, представляло какую-то необыкновенно ужасную, потрясающую картину, среди которой самою отрадной точкой былъ для меня мой Андрей, ожидавшій меня по своему обѣщанію съ самоваромъ. Онъ завидѣлъ меня первый—и съ визгомъ радости бросился на меня.

— Слава тебѣ Господи! кричалъ онъ:—батюшка, баринъ милый! Экая страсть какая!

— Ну, хорошо, хорошо! Спасибо, братъ; давай, давай скорѣе, что̀ у тебя тамъ есть. Ты, чай, тутъ безъ меня отпился и отъѣлся на цѣлую недѣлю.

— Какая ѣда тутъ, батюшка, и глаза-то всѣ просмотрѣлъ! Всѣхъ мертвыхъ переглядѣлъ: все искалъ, нѣтъ ли и васъ. Изъ отряда-то никто не приходилъ, и раненыхъ не таскали, такъ все думалось, что благо-

*) При преслѣдованіи горцевъ, удалось мнѣ увидѣть вещь необыкновенную: одинъ милиціонеръ, грузинъ Карумидзе, юноша лѣтъ 16-ти—я полагаю — не болѣе, съ огромнымъ кумухскимъ кинжаломъ длиною въ добрый аршинъ, наскочилъ на одного здороваго и рослаго мюрида въ шубѣ, со значкомъ въ рукѣ, стоявшаго впереди своей цѣпи. Мюридъ, примѣтивъ его, схватился было за пистолетъ, потомъ за кинжалъ, наконецъ видно оторопѣвъ, рѣшился просто отразить своего врага ударивъ его значкомъ въ грудь. Но Карумидзе какъ-то особенно ловко, по видимому нисколько не торопясь, лѣвою рукой схватилъ и отвелъ отъ себя древко значка, а правою—рѣзнулъ по мюриду, и какъ есть на высотѣ пояса перерубилъ мюрида пополамъ. Всѣ удивились такому удару и такой силѣ. Князь Аргутинскій доставилъ Карумидзе Георгіевскій крестъ, а подъ Цудахаромъ за отбитіе у непріятеля одной пушки, онъ былъ произведенъ и въ прапорщики милиціи.

получно идетъ для нашихъ — это только малехонько и утѣшало.

Наскоро закусивъ и напившись чаю, я завернулся въ бурку и вскорѣ уже спалъ сномъ праведника до глубокаго утра.

Когда я открылъ глаза, оказалось, что Тачинскій стоялъ передо мной и толкалъ меня въ бокъ чубукомъ.

— К..., вставать скорѣе! Пейте чай, да пожалуйста идите къ Аргутинскому. Лошадей кормить совершенно нечѣмъ. Просите отъ меня ускорить отпускъ фуражныхъ. Я вамъ дамъ и бумагу.

— Хорошо, Иванъ Павловичъ; да что это вамъ пришло въ голову записать меня въ дипломаты? Онъ пожалуй прогонитъ меня къ Асѣеву. Штабсъ-капитанъ Асѣевъ былъ у него—по хозяйственной части отряда—правою рукой.

— Да съ кѣмъ же послать? Надо вѣдь ему объяснить, что лошади даже хвосты и гривы другъ у друга поѣли, да надо же съумѣть и съ Асѣевымъ потолковать. Ужъ идите пожалуйста! Андрей, давай скорѣе твоему барину чаю, да неси ужъ и мнѣ стаканъ.

Когда я пришелъ къ Аргутинскому, стоявшему въ деревнѣ Марглю, я засталъ его въ старѣйшемъ халатѣ; князь лежалъ на походной кровати, и деньщикъ натиралъ ему курдючьимъ саломъ грудь. На столѣ передъ нимъ лежала карта Испаніи, и на ней Жомини, разсказъ о Саломанкѣ. «Эге!» подумалъ я: «старина-то изучаетъ горную войну, да еще по французски». Я поклонился и подалъ конвертъ.

— Здравствуй, любезный К...! Положи на столъ. Что, тебя не задѣли?

— Нѣтъ, слава Богу, в. с—ство.

— Я доволенъ тобой. А что это ты принесъ мнѣ?

Только-что я заговорилъ объ деньгахъ, глаза князя приняли насмѣшливое выраженіе, и онъ велѣлъ мнѣ сѣсть, сказавъ: «поговоримъ лучше. Ты по французски умѣешь?»

— Умѣю, в. с—ство.

— Вотъ эту книгу ты знаешь? Это хорошая книга. Я тебѣ совѣтую ее чаще читать. Который маршалъ тебѣ болѣе нравится?

— Лучше другихъ, мнѣ кажется, Мармонъ и Сюше—изъ тѣхъ, которые были въ Испаніи, сказалъ я.

— А! догадался, объ чемъ я спрашиваю, сказалъ князь улыбнувшись.—Отчего жъ ты думаешь, что я говорю объ Испаніи?

Я засмѣясь показалъ на карту. Валенсія на ней была подчеркнута карандашемъ, и возлѣ былъ сдѣланъ крестикъ.

— Да, кто хочетъ быть полезнымъ воиномъ, надо тому многое, многое изучать, любезнѣйшій К... Все тому надобно знать, потому что все можетъ понадобиться. А ты не знаешь, Тачинскій читаетъ?

— До книгъ ли теперь ему, ваше с—ство, когда лошади умираютъ съ голоду. Вѣдь вотъ еще длинный походъ предстоитъ—въ какомъ же видѣ придемъ мы въ Шуру? У всякаго командира на умѣ, что объ немъ подумаютъ, когда лошади никуда не годятся. Отъ скотовъ репутація зависитъ.

— А что жъ подумаютъ?—и подумаютъ, что онъ проигралъ въ карты болѣе тысячи платинокъ. Вотъ кабы онъ ихъ не проигрывалъ, у него бы деньги и были, хотя свои, когда нѣтъ казенныхъ.

— Я не знаю, ваше с—ство, когда и сколько проигралъ Тачинскій, но могу вамъ справедливо доложить, что фуражныхъ денегъ нѣтъ—и отъ этой задержки баттарея можетъ пострадать серіозно, а съ нею вѣдь и побѣда можетъ быть связана.

— Нѣтъ у меня денегъ: коммиссіонеръ остался въ Ахтахъ, на Самурѣ. Такъ и скажи ему, пусть посылаетъ въ Ахты, или занимаетъ у того, кому проигралъ.

Я откланялся и вышелъ съ печальнымъ отвѣтомъ. Оказалось, что пока я былъ на аванпостахъ у Икралео, Тачинскій дѣйствительно проигралъ у полковника М... 1200 платинокъ, изъ своихъ, хотя и экономическихъ денегъ, которыя сберегъ ему Москалевъ. Озадаченный Тачинскій послалъ меня и Джераева въ Ахты съ требованіемъ къ отрядному коммиссіонеру.

Прапорщикъ Джераевъ былъ грузинъ, плотный, небольшаго роста, но съ большими черными усами; храбрый, веселый и простой — онъ былъ ходячая газета. Зналъ онъ всѣ кавказскіе языки, былъ въ дружбѣ со всѣми штабными чинами и со всѣми лазутчиками, и уже находился два года въ самурскомъ отрядѣ съ своимъ взводомъ—и татары, между коими онъ имѣлъ по общительности своего характера много кунаковъ, звали его Сулейманъ-бояръ. Лучшаго товарища въ путешествіи нельзя было и желать. Мы отправились, взявъ съ собой еще одного ѣздоваго, дабы смотрѣть за нашими лошадьми. Перевалившись черезъ негостепріимный чирахскій перевалъ, съ тѣми же неудобствами, какъ и въ первый разъ, мы рѣшились остановиться ночевать въ аулѣ Усу, а отъ него взять вправо, съ тѣмъ чтобы оставя влѣво аулы Курагъ *) и Кабиръ, горною дорогою выйдти прямо на Ахты. Было уже темно въ ущельѣ, когда подъѣзжали мы къ Усу; вдругъ на дорогѣ замелькалъ огонекъ. Поселенія тутъ, какъ намъ помнилось, никакого не было. Что же бы это могло значить? Огонекъ мелькалъ на самой рѣчкѣ. По мѣрѣ нашего приближенія, мы увидѣли, что это былъ бѣдный лезгинъ, который—на сковородѣ, прикрѣпленной на длинную палку—развелъ огонь (съ помощію щепъ), и этимъ костромъ освѣщалъ воду. На свѣтъ стремилась форель, и прыгала вверхъ, противъ небольшаго водопада, гдѣ, вспрыгнувъ, на нѣсколько мгновеній отдыхала. Мгновеній этихъ было достаточно для ловкаго лезгина, чтобы схватить ее и выбросить на берегъ. Въ ведеркѣ возлѣ него было этихъ форелей около десятка.

— Джераевъ, остановимся здѣсь до зари!.. Овесъ есть; Кострюлька въ переметной сумкѣ у вѣстоваго есть. Будемъ варить уху, а чуть свѣтъ—ѣдемъ далѣе.

— Остановимся. Эй, кунакъ! рыбу продашь? и они стали по горски долго говорить съ лезгиномъ; послѣдній уступилъ намъ свою форель за два абаза (абазъ—двугривенный).

Мы развели огонь—и подъ прикрытіемъ скалы, завернувшись въ бурки, занялись приготовленіемъ ухи.

— А что если у насъ лошадей украдутъ? сказалъ я, видя, что нашъ вѣстовой больше превратился въ кухмистера, нежели въ конюха.

— А что если насъ перерѣжутъ? сказалъ Джераевъ.

— И это легко можетъ случиться, да тогда ужъ мы хоть за солдата и казенную лошадь отвѣчать не будемъ; а впрочемъ насъ трое, надо одному по очереди не спать.

— Не бойтесь. Вотъ ужъ и этотъ лезгинъ знаетъ,

*) Столица Кюринскаго ханства.

что мы побѣдили подъ Кумухомъ, и потому все будетъ смирно, изъ страха раззоренія. А если бы насъ побили, то мы и съ отрядомъ сюда не дошли бы.

— Справедливое имѣете разсужденіе въ мысляхъ; умныя рѣчи пріятно и слушать, а только отчего же это въ другихъ-то мѣстахъ случается?

— Въ Чечнѣ случается: тамъ лѣсъ—иди куда хочешь. А въ Дагестанѣ никогда не случается. Куда дѣнется съ нашими лошадьми и вещами воръ въ этомъ коридорѣ? а случись что-нибудь съ нами, Аргутинскій и Чирахъ и Усу такъ обработаетъ,—знаете?—первый сортъ: не то что стѣнъ, а и сковороды рыбу ловить не останется. Горцы это все отлично понимаютъ, поговорите-ка съ ними.

— Я бы давно ужъ поговорилъ, да не мастеръ по ихнему.

— Въ Ахтахъ съ Орбельяномъ поговоримъ; вы знаете Захарію?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ я васъ съ нимъ познакомлю. Славный, храбрый это человѣкъ—помните дѣло подъ Рычей? это его дѣло.

Подъ Рычей (на чирахскомъ перевалѣ), князь Захарій Орбельянъ, будучи капитаномъ артиллеріи, находился старшимъ въ небольшомъ отрядцѣ въ 1 роту, съ 1 горнымъ орудіемъ и взводомъ кавказскаго саперналго батальона подъ начальствомъ прапорщика Моголова. Онъ отразилъ и разбилъ непріятеля послѣ жаркаго двухдневнаго боя, въ 1842 году, во время передачи самурскаго отряда Заливкинымъ князю Аргутинскому.

— Знаю дѣло, знаю и мѣстность. Подробности разскажите.

Мы разговорились. Я теперь не буду ихъ вспоминать. Къ чему? Нѣтъ уже ни любезнаго и привѣтливаго князя Захаріи, ни храбраго Джераева, и не знаю, живъ-ли храбрый Моголовъ, верхомъ на пушкѣ банникомъ отбивавшійся отъ непріятеля. Все это прошло и минуло. Кавказъ уже не тотъ, и кавказцы уже не тѣ что были. Говорятъ: «умнѣй они»; ну, и слава Богу!

Звукъ гремящихъ колокольчиковъ, которые обыкновенно привѣшиваютъ кавказцы на своихъ верблюдовъ, прервалъ нашъ дружескій разговоръ. Въ вышинѣ посвѣтлѣло и взошелъ мѣсяцъ. Въ ущельѣ хотя его еще не было видно, но его отсвѣтъ слабо освѣщалъ воду горной рѣки, шумѣвшей передъ нами. Караванъ, везшій провіантъ въ нашъ отрядъ, оживлялъ дико-превосходный пейзажъ, достойный кисти великаго художника. Вѣстовой нашъ давно уже покоился въ объятіяхъ храповицкаго.

— Послѣдуемъ-ка братъ и мы примѣру Евсѣева, сказалъ я:—утро вечера мудренѣе; и мы заснули. Чудная молодость!

Въ виду Ахтовъ, спускаясь съ горъ въ долину Самура, увидѣли мы впервые опять цвѣтущую, смѣющуюся природу. Передъ нами за рѣкой раскидывался, въ зелени садовъ, широко разбросанный аулъ. Влѣво, не доѣзжая до рѣки, у самаго подножія горы, бѣлѣлось ахтинское укрѣпленіе, неизвѣстно для чего построенное такъ близко къ горамъ и такъ далеко отъ аула. Въ укрѣпленіе это можно было съ горъ стрѣлять отвѣсно, такъ что ему нужна была скорѣе крыша, нежели брустверъ. Небольшой висячій мостъ, устроенный на виноградныхъ лозахъ вмѣсто каната, велъ къ аулу. «Вотъ бы гдѣ слѣдовало быть укрѣпленію» подумалъ я: «во избѣжаніи потери при осадѣ». Комиссіонера мы не застали. Онъ поѣхалъ въ Хазры, а оттуда долженъ былъ слѣдовать по распоряженію князя Аргутинскаго въ отрядъ къ Кумуху, и далѣе на Турчи-Дагъ и къ Цудахару.

«Скверная штука» подумалъ я: «видно крѣпко сердитъ на нашего Тачинскаго князь—и слѣдовательно никто изъ насъ ничего не получитъ за блистательное дѣло; иначе не скрылъ бы онъ, что комиссіонеръ скоро долженъ прибыть въ отрядъ. Развѣ онъ разсчитываетъ, что баттарея съ нимъ встрѣтится на походѣ, и далъ сообразно этому свои предписанія?» Мы, однако, рѣшились догонять его. Прекрасныхъ и сытныхъ два часа провели мы въ гостяхъ у князя Захаріи Орбельяна, пока отдыхали лошади.

Правымъ берегомъ Самура, на Тифлисское укрѣпленіе, направились мы къ Хзарамъ.

— До чохта, пхосто до чохта дѣла! кричалъ какой-то прапорщикъ линейнаго хазринскаго батальона, когда вечеромъ, часовъ около 7, входили мы на крыльцо безстекольнаго дома воинскаго хазринскаго начальника, штабсъ-капитана З...—Чохтъ знаетъ, что это такое? Съ утха не могу пховіанта добиться. Куда только ни совать кого, такъ вѣчно меня! Это ни на что не похоже!

— Не здѣсь ли отрядный комиссіонеръ? спросилъ я.

— Только часъ какъ уѣхалъ—и чапаръ ужъ назадъ воротился.

— А гдѣ воинскій начальникъ?

— Что вамъ угодно? спросилъ меня офицеръ безъ эполетъ, съ широкимъ, рябоватымъ и блѣдноватымъ лицомъ.

Я разсказалъ ему наши розыски комиссіонера и просилъ дать немедленно намъ чапара (проводника) для переправы черезъ Самуръ.

— Едва-ли вы можете сегодня переправиться, сказалъ онъ:—Самуръ вѣдь вы знаете; теперь, по случаю таянья снѣговъ, въ теченіи цѣлаго дня, въ немъ самая высокая вода. Комиссіонеръ будетъ ночевать въ въ Гиллярахъ, такъ я просилъ бы васъ лучше ко мнѣ на ужинъ, а завтра часа въ три утра—съ Богомъ! Вы его еще застанете.

Я очень усталъ и съ удовольствіемъ согласился. Но Джераевъ, прежде стоявшій въ Гиллярахъ, и имѣвшій свои причины желать и теперь въ немъ переночевать, предложилъ взять чапара, бумаги,—и поѣхать впередъ съ тѣмъ, чтобы утромъ меня тамъ дождаться и затѣмъ уже опять продолжать дальнѣйшее наше странствованіе.

Такъ и сдѣлали. Онъ отправился впередъ, а мы съ Евсѣевымъ рѣшили слѣдовать за нимъ утромъ. Только вмѣсто бумагъ, я далъ ему копію и записку къ комиссіонеру; и ту и другую скрѣпилъ и засвидѣтельствовалъ штабсъ-капитанъ З..., съ приложеніемъ казенной печати, на всякій случай.

Самуръ былъ въ разливѣ. Онъ разливался на многіе рукава и образовывалъ множество острововъ, поросшихъ лѣсомъ; главный его рукавъ былъ быстръ и глубокъ. Бѣда на горныхъ рѣкахъ попасть въ глубину! Она катитъ огромныя камни, и быстротокъ увлекаетъ съ камнями и путника и лошадь. Въ крайнемъ случаѣ, не правьте конемъ и бросьте поводья—пусть инстинктъ животнаго спасаетъ васъ; иначе, и вы и конь полетите внизъ по теченію, и развѣ разбитые о камень трупы ваши вытащатъ гдѣ-нибудь на берегъ, либо они уплывутъ въ Каспійское или Черное море.

Чуть брезжилъ свѣтъ, какъ подъѣхалъ я съ Евсѣевымъ къ первому рукаву Самура. До главнаго русла все шло довольно благополучно, но когда подъѣхали мы къ послѣднему, видъ его былъ до того грозенъ, что, признаюсь, раздумье меня взяло: выдержатъ ли наши лошади быстрый напоръ воды, бьющій поверхъ сѣдла. Дѣлать, однако, было нечего—благословясь рѣшились.

— Влѣво! больше влѣво! Держите противъ теченія больше, раздался съ острова голосъ Джераева, — на меня держите!

— Слава Богу, выбрались! Какъ ты здѣсь? спросилъ я.

Джераевъ ночевалъ на островѣ, чапаръ утонулъ; слабая, маленькая лошадка его была снесена быстротокомъ. Одинъ ѣхать далѣе Джераевъ не рѣшался.

Къ баттареѣ, выступившей между тѣмъ въ Шуру, присоединились мы въ Маграмкентѣ, и оказалось, что она нигдѣ не встрѣтилась съ комиссіонеромъ. Тачинскій, предвидя впрочемъ возможность подобныхъ шассе-круазе, оставилъ въ Чирахѣ прапорщика Ст... съ фейерверкеромъ. Чезаевъ (имя послѣдняго) былъ изъ казанскихъ татаръ, и умѣлъ объясняться съ горцами, среди коихъ пріобрѣлъ себѣ много друзей. Честный, храбрый и смѣтливый, онъ оказался величайшею помощію для Ст.... провезшаго въ перемѣтной сумкѣ больше 3-хъ тысячъ рублей звонкою монетой, черезъ всѣ табасары отъ Чираха до Дербента, гдѣ наконецъ мы съ нимъ соединились.

Къ сожалѣнію, мы надолго растались съ Москалевымъ и Джераевымъ, которыхъ князь Аргутинскій оставилъ при себѣ. Мы съ ними простились въ Маграмкентѣ.

Тачинскому было ужасно досадно, что мы не поймали интенданта. Онъ сталъ упрекать меня, зачѣмъ въ тотъ же вечеръ не отправились мы вслѣдъ за нимъ, изъ Хазровъ, и находилъ, что вообще при большей скорости мы бы навѣрно захватили его еще и въ Ахтахъ.

— Все бы это могло быть, сказалъ я,—но вѣдь мы дѣлали наши переходы не на перемѣнныхъ, а на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ. Надо же было ихъ и кормить, для чего нужно время,— а не то и онѣ тоже уплыли бы въ Каспійское море по Самуру.

— То-то что лошадей-то надо кормить, а чѣмъ прикажете?

— Да сложитесь у кого сколько есть, и дойдемъ до Дербента, а тамъ можно взять изъ комендантскаго управленія. Вотъ что у меня.

Я вынулъ длинный, синій съ стальными блесками кошелекъ. Въ немъ было три полуимперьяла, двѣ платинки, старая красненькая бумажка и два грузинскихъ двуабазника.

Всѣ засмѣялись, увидя такое богатство, но тѣмъ не менѣе складчина удалась; собрали до 150 рублей, чего до Дербента хватило даже съ избыткомъ, и Тачинскій успокоился.

(*Продолженіе будетъ*).

Будущность земли.

Уже Сенека заявлялъ ту разницу между человѣкомъ и животными, что послѣднія живутъ лишь настоящимъ, тогда какъ люди подвержены вліяніямъ былаго и грядущаго. Второе особенно замѣтно въ наше время, и рѣдкій изъ сыновъ человѣческихъ не печется и не думаетъ о будущности — пожалуй даже болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Охотнику до такихъ помышленій быть-можетъ пріятно будетъ найдти въ слѣдующихъ строкахъ нѣкоторый просторъ для удовлетворенія своей страсти заглядывать въ будущее; а кто и не расположенъ къ подобному времяпровожденію — бѣда не велика: ему нечего особенно смущаться *будущностью земли*—онъ можетъ спокойно предоставить это позднѣйшимъ своимъ потомкамъ.

Изъ прошлыхъ временъ земли мы знаемъ, что она много видала на своемъ вѣку и пережила различныя перемѣны. Воспитатели ея, огонь и вода, сильно трудились надъ нею, и до сихъ поръ еще не прекратили своихъ педагогическихъ опытовъ или, если угодно, враждебныхъ попытокъ. Отсюда мы въ правѣ заключать, что и впредь оно также будетъ продолжаться— пока Богу угодно. Долго-ли это продлится? Какая судьба ожидаетъ нашу планету? Задавъ этотъ вопросъ геологамъ и астрономамъ, въ отвѣтъ получимъ то самое, что говорятъ намъ врачи, когда мы спрашиваемъ у нихъ: какова будетъ кончина человѣка, предрасположеннаго къ различнымъ недугамъ. Всѣ врачи безъ исключенія согласны въ томъ, что онъ долженъ нѣкогда умереть, —но чѣмъ и когда именно—на это даются отвѣты самые разнообразные. Такъ и геологи всевозможныхъ школъ единогласно утверждаютъ, что земля не вѣчно будетъ существовать; но когда и какъ она погибнетъ —на это отвѣчаютъ весьма различно, хотя неувѣренность при этомъ значительно менѣе чѣмъ въ вопросѣ о смерти человѣка, такъ какъ и причины полагающія предѣлъ существованію земли не столь разнообразны и гораздо малочисленнѣе.

Именно, если впослѣдствіи не возникнетъ новыхъ дѣятелей враждебныхъ существованію земли, то мы имѣемъ дѣло пока лишь съ четырьмя вѣроятностями, которыя могутъ прекратить всякую жизнь на землѣ, уничтоживъ не только необходимыя условія обитаемости этой планеты, но даже возможность какихъ бы то ни было перемѣнъ въ толщахъ или на поверхности земли, —и даже угрожаютъ самому бытію ея.

Которая изъ этихъ вѣроятностей наисбыточнѣе— пока еще неопредѣлимо, и каждому предоставляется на свой вкусъ выбрать любое предположеніе относительно того пути, какимъ погибнетъ земля. Оно и хорошо, такъ какъ самые разнообразные, даже совершенно противоположные вкусы могутъ быть удовлетворены, ибо землѣ предстоитъ нѣкогда—или быть совершенно покрытой водами, или совершенно пересохнуть, или замерзнуть, или сгорѣть.

Мы сейчасъ покажемъ, какимъ образомъ эти предсказанія могутъ быть составлены по нѣкоторымъ признакамъ, замѣтнымъ уже и въ наше время.

Первая вѣроятность—что земля нѣкогда покроется водою—всего ближе и всѣхъ очевиднѣе, хотя и нельзя сказать, чтобы она была наиболѣе сбыточною. Всякій ежедневно видитъ, или покрайнѣй мѣрѣ день за день можетъ наблюдать—дѣйствіе текущихъ водъ. Какъ въ человѣческомъ тѣлѣ кровь непрестанно стремится отъ

сердца по всему организму, и послѣ разнообразной дѣятельности снова возвращается къ сердцу,—такъ точно происходитъ непрерывное круговоротное движеніе воды изъ морей чрезъ атмосферу на твердыни земли, а отсюда по русламъ источниковъ, рѣчекъ и рѣкъ обратно въ моря. Круговоротъ этотъ обусловливаетъ нѣкоторыя измѣненія суши, которыя—будучи почти незамѣтными порознь, въ разныхъ мѣстахъ и въ теченіи немногихъ лѣтъ,—въ совокупности весьма значительны, а по прошествіи столѣтій и тысячелѣтій достигаютъ необычайныхъ размѣровъ. Этотъ круговоротъ стремится подчинить водѣ всю землю, потопить сушу во влажной стихіи—двояко: сначала тѣмъ, что каждый ручей, каждая рѣчка размываютъ и уносятъ съ собою твердыя частицы земли, частью механически увлекая ихъ, частію въ химическомъ растворѣ; а потомъ—тѣмъ, что каждая песчинка, каждая частица земли, попадая въ море, точно такъ-же возвышаютъ его уровень, какъ мелкіе камешки бросаемые въ сосудъ съ водою—заставляютъ ее подниматься все выше и выше. Каждымъ пониженіемъ суши тотчасъ-же обусловливается соотвѣтственное возвышеніе воды,—и такъ какъ оба эти процесса идутъ непрерывно, то весь вопросъ заключается лишь въ срокѣ, по истеченіи котораго наконецъ уже не останется твердой почвы и земля совершенно покроется водою. Но и злѣйшій пессимистъ не особенно встревожится, пройдясь по берегамъ рѣки, которая грозитъ подобной участью его родинѣ; онъ подумаетъ про себя, что много еще воды утечетъ и унесется песчинокъ вдоль... ну хоть, напримѣръ, по Рейну, прежде чѣмъ Германія замѣтно уменьшится въ своихъ размѣрахъ. Впрочемъ, достаточно и того что̀ есть, какъ это видно изъ слѣдующаго вычисленія.

Рейнъ ежедневно уноситъ изъ Германіи до 6480 милліоновъ кубическихъ футовъ воды, слѣдовательно въ годъ около $2^1/_3$ билліоновъ, въ которыхъ (смотря по высотѣ уровня воды) содержится по вѣсу $^1/_{100}$—$^1/_{10000}$ механической примѣси въ видѣ ила и $^1/_{10\,000}$—$^2/_{10000}$ растворенныхъ веществъ. Если взять за среднее отношеніе тѣхъ и другихъ вмѣстѣ къ водѣ $^3/_{10\,000}$ то принимая удѣльный вѣсъ земляныхъ частицъ въ $2^1/_2$ получимъ не менѣе 283 милліоновъ кубическихъ футовъ земли, увлекаемыхъ этою рѣкою въ море. На плоскости въ квадратную географическую милю они образовали-бы слой толщиною до $^3/_4$ фута. Если сообразимъ, что Рейнъ составляетъ лишь незначительную часть всей проточной воды и что всѣ рѣки дѣйствуютъ подобнымъ же образомъ, то само собою станетъ ясно, что результатъ ихъ совокупнаго дѣйствія достигаетъ значительныхъ размѣровъ даже въ теченіи одного года, хотя мы и не замѣчаемъ натиска воды. Манфреди считаетъ возможнымъ допустить, что совокупная дѣятельность всѣхъ рѣкъ доставляетъ достаточно матеріалу для того, чтобы въ теченіи 1000 лѣтъ приподнять морское дно на 1 футъ,—и слѣдовательно сушу (поверхность которой въ $2^2/_3$ раза менѣе морской) уменьшить на $2^2/_3$ фута. А такъ какъ, по вычисленіямъ Александра фонъ-Гумбольдта, средняя высота всѣхъ вообще материковъ (*) не достигаетъ и 1000-чи футовъ, то по прошествіи $1000 \times 1000 : 2^2/_3$ т. е. 384,615 лѣтъ рѣки наши настолько размоютъ всю землю, что она покроется сплошнымъ моремъ.

(*) Подъ именемъ средней высоты разумѣется такая, которая получилась-бы если-бы уничтожить всѣ неровности, засыпавъ горами болѣе низменныя мѣста.

Кому это кажется черезчуръ долгимъ временемъ, тотъ можетъ посократить срокъ, принимая въ разсчетъ возвышеніе самаго уровня моря и производимое приливомъ и прибоемъ волнъ разрушеніе береговъ, которое также весьма значительно. Тѣмъ-же, кому этотъ видъ пустыннаго моря представляется непомѣрно-мрачнымъ, въ утѣшеніе можно изложить другую вѣроятность, а именно—что вода можетъ и до чиста исчезнуть, причемъ земля совершенно пересохнетъ.

Вода, какъ мы выше видѣли, совершаетъ непрерывный круговоротъ: изъ моря поднимается въ воздухъ, падаетъ въ видѣ дождя и снѣга на землю, и по ней протекая рѣками возвращается въ море. Давно уже и неоднократно задавали себѣ вопросъ, много-ли воды возвращается морю рѣкою, въ сравненіи съ количествомъ дождя выпадающаго въ округѣ этой рѣки,—и при тщательномъ изслѣдованіи, сравнивая количество воды въ рѣкѣ съ количествомъ выпадающаго дождя, нашли, что лишь половина всей дождевой воды попадаетъ въ рѣку. Но куда же дѣвается другая половина? Часть ея вновь испаряется, часть-же просачивается въ землю,—и каждому горнорабочему извѣстно, что вода попадается въ самыхъ глубокихъ копяхъ—и дажетѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ глубже копь. Этимъ уже оправдывается опасеніе, что земля, постоянно поглощая воду, мало по малу изведетъ ее въ конецъ. А чтобъ это опасеніе стало вполнѣ основательнымъ — опять надо бросить взглядъ на прошедшее земли. Было время, когда на нашей планетѣ вовсе не было воды въ жидкомъ состояніи,—то время, когда сама планета была до того раскалена, что вся масса воды въ видѣ паровъ облегала землю; лишь послѣ того, какъ постепенное охлажденіе и отвердѣніе коры земной понизило температуру на поверхности земнаго шара, могла вода низвергнуться изъ атмосферы и дать начало морямъ. Отвердѣлыя же части земли, какъ всегда при переходѣ веществъ изъ расплавленнаго въ твердое состояніе съ уменьшеніемъ объема, должны были дать множество трещинъ, въ которыя и проникла вода. Съ той поры началась подземная борьба воды съ огневою внутренностью земли. Отбрасываемая калильнымъ жаромъ расплавленной массы, извергаемая наружу въ видѣ паровъ, вода непрестанно повторяла свои вторженія внутрь земли, съ каждымъ разомъ завоевывая себѣ все большее и большее пространство. Охлажденная, вырванная изъ подъ власти огня, кора земная становилась плотнѣе и толще, а раскаленное ядро сжималось и становилось меньше и меньше, отступая предъ натискомъ воды. Если спросятъ, какъ далеко можетъ проникнуть вода въ глубь толщей земли, то отвѣтить на это весьма легко: ровно настолько, насколько это позволитъ увеличивающаяся вмѣстѣ съ глубиною внутренняя температура земли. Но такъ какъ предѣлъ этотъ отступаетъ все глубже и глубже, то и масса вторгающейся воды постоянно возрастаетъ; — а слѣдовательно, количество воды, совершающее свой круговоротъ на поверхности земли, непрестанно должно убывать. Изъ фактовъ, извѣстныхъ намъ относительно приращенія теплоты по мѣрѣ углубленія внутрь земнаго шара, слѣдуетъ заключить, что нынѣ вода не можетъ проникнуть глубже одной географической мили въ кору земную, потому что за этимъ предѣломъ температура должна быть выше точки кипѣнія воды. Если принять за среднюю глубину всѣхъ морей $^1/_2$ географической мили (что̀ почти несомнѣнно подтверждается изслѣдованіями), — то, при отношеніи

земной поверхности къ поверхности водъ = 3:8, количество морской воды опредѣлится въ 3.374.480 кубическихъ миль, т. е. составитъ $^{1}/_{785}$ всего земнаго шара. Это количество вовсе не такъ велико, чтобы не могло со временемъ до чиста исчезнуть въ толщахъ земли, оставивъ насъ въ совершенно безводной пустынѣ. Пусть земная кора охладится всего лишь до глубины какихъ-нибудь пяти миль и притомъ настолько, что вода можетъ проникать туда, не обращаясь въ пары, — тогда вся совокупность морей займетъ лишь $7^{1}/_{3}$% пространства, занимаемаго слоемъ земной коры въ 5 миль толщины; а если этотъ слой достигнетъ десяти миль въ толщину, то всѣ воды составятъ лишь $3^{2}/_{3}$% пространства имъ занимаемаго. До сихъ поръ у насъ нѣтъ еще данныхъ, по которымъ было бы возможно вычислить скорость, или, вѣрнѣе, медленность охлажденія внутреннихъ толщей земли; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что и охлажденіе это, и вторженіе воды во внутренность земнаго шара, происходятъ ежеминутно и непрерывно, обусловливая уменьшеніе водяныхъ массъ на поверхности земли.

Кого ужаснетъ это воззрѣніе, тому можно утѣшиться третьимъ исходомъ существованія земли, третьею вѣроятностью, при которой вода не исчезаетъ съ поверхности суши, но сполна превращается въ ледъ, земля получаетъ видъ полярныхъ странъ въ зимнее время года, все покрывается вѣчнымъ снѣгомъ и вѣчнымъ мракомъ. Этимъ утѣшительнымъ выводомъ обязаны мы новѣйшей астрономіи. Издавна извѣстно, что поверхность земли получаетъ теплоту единственно отъ солнца; въ міровомъ пространствѣ, пробѣгаемомъ нашей планетой, господствуетъ необычайный холодъ, что доказывается убійственною для всякой жизни стужею полярныхъ странъ въ зимнее время года; измѣряя потерю теплоты, испускаемой землею въ міровое пространство, можно опредѣлить его температуру приблизительно въ 80—100° ниже точки замерзанія. Если бы солнце вполнѣ охладилось, тогда эта температура, невыносимая даже и для бѣлыхъ медвѣдей, распространилась бы по всей землѣ. Новѣйшія же открытія, извѣстныя подъ названіемъ *спектральнаго анализа*, придаютъ высшую степень вѣроятности тому предположенію, что солнце есть шаръ сплошь раскаленный до-бѣла и распространяющій теплоту и свѣтъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ распространяютъ свѣтъ и теплоту расплавленныя массы желѣза или стекла, но притомъ подчиненный однимъ и тѣмъ же законамъ постепеннаго охлажденія. При громадномъ поперечникѣ солнца, которое могло бы вмѣстить въ себѣ не менѣе 1.413.700 земныхъ шаровъ, — весьма естественно, что это охлажденіе должно происходить весьма медленно. Тѣмъ не менѣе охлажденіе это происходитъ постоянно, и такъ какъ потеря теплоты не вознаграждается соотвѣтственнымъ притокомъ ея, то нашему солнцу предстоитъ та же судьба, что и другимъ солнцамъ, которыя, въ видѣ темныхъ массъ на звѣздномъ небѣ, проявляютъ свое существованіе единственно лишь тяготѣніемъ на непогасшія еще звѣзды, — словомъ, нашему солнцу грозитъ участь, постигшая уже всѣ планеты. Эти послѣднія нѣкогда находились въ такомъ же состояніи, какъ и солнце: были раскалены, расплавлены и даже свѣтились. Въ замѣнъ утраченныхъ ими собственной теплоты и собственнаго свѣта, нынѣ ихъ грѣетъ и освѣщаетъ солнце; когда же и оно покроется твердою, холодною корою, планеты вмѣстѣ съ нимъ будутъ странствовать во мракѣ и въ холодѣ, при скупомъ мерцаніи прочихъ свѣтящихся звѣздъ, которыя также одна за другою постепенно угаснутъ.

Подобно тому, какъ геологія предоставляетъ намъ на выборъ два совершенно противоположные исхода жизни на землѣ, точно такъ же и астрономія обладаетъ менѣе леденящею гипотезой; именно, весьма возможно, что прежде нежели наступитъ одна изъ вышеописанныхъ случайностей, земля будетъ погребена въ солнцѣ, какъ бы въ огненной могилѣ.

Всѣ планеты обращаются вокругъ солнца въ извѣстныхъ отъ него разстояніяхъ; небольшія измѣненія этихъ разстояній, обусловливаемыя притяженіемъ со стороны другихъ планетъ, по истеченіи опредѣленнаго времени прекращаются—и продолжительнаго разстройства въ порядкѣ нашей солнечной системы такимъ путемъ произойдти не можетъ, какъ доказываютъ тщательнѣйшія наблюденія и точнѣйшія вычисленія. Но въ послѣднія десятилѣтія замѣчалось нѣчто иное, указывающее на возможность только что описаннаго исхода—не только для земли, но и для всѣхъ планетъ. Въ прежнее время, всѣ вообще полагали, что пространство, въ которомъ планеты обращаются вокругъ солнца, пусто—или по крайней мѣрѣ что въ немъ нѣтъ ничего могущаго задерживать движеніе планетъ вокругъ солнца. Только въ силу такого предположенія и можно было допускать, что разстоянія планетъ отъ солнца постоянны. Но какъ только въ міровомъ пространствѣ есть хоть что-нибудь задерживающее бѣгъ планетъ, эти послѣднія должны постепенно приближаться къ солнцу, двигаясь по улиткообразно-завитымъ линіямъ, которыя приведутъ ихъ наконецъ и потопятъ въ огненное море солнца. Ну, вотъ новѣйшая астрономія и открыла, что присутствіе такой задерживающей среды въ высшей степени вѣроятно,—или правильнѣе, показала, что такъ-называемый эфиръ, волнообразнымъ движеніямъ котораго мы единственно обязаны свѣтовыми лучами небесныхъ тѣлъ, и который слѣдовательно повсюду распространенъ въ промежуткахъ между этими тѣлами, не есть вещество лишенное всякой силы сопротивленія, но въ самомъ дѣлѣ нѣсколько задерживаетъ движеніе планетъ. Правда, что этого не удавалось еще подтвердить наблюденіемъ надъ громадами большихъ планетъ, но весьма удобно было видѣть это на легковѣсныхъ и мелкихъ кометахъ, которыя въ безчисленномъ множествѣ съ возрастающей быстротой приближаются къ солнцу, подобно рою мухъ кружащихся вокругъ свѣчки, а многія уже и попадали въ солнечное пламя. Видя, что перо падаетъ на земь гораздо медленнѣе камня, мы въ первомъ случаѣ только явственнѣе замѣчаемъ сопротивле- воздуха, оказываемое паденію,—и слѣдовательно въ правѣ заключить, что и камень (хотя незамѣтно) задерживается воздухомъ. Точно такъ-же мы должны заключить, что если легковѣсныя кометы въ своемъ движеніи явственно задерживаются эфиромъ, то послѣдній—хотя-бы въ безконечно меньшей степени—долженъ сопротивляться и движенію планетъ. Потому планеты неизбѣжно приближаются къ солнцу и наконецъ съ ужасающей силой рухнутъ на него. Само собой разумѣется, что это происходитъ чрезвычайно медленно. До сихъ поръ еще не представлялось никакой возможности подмѣтить приближеніе земли къ солнцу; вслѣдствіе этого приближенія, года на землѣ будутъ становиться короче и короче, а солнце должно представляться все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, какъ бы выростая на глазахъ обитателей земли. Лѣтъ черезъ 1000 астрономы быть-можетъ вычислятъ срокъ,

по истеченіи котораго земля наконецъ почіетъ на солнцѣ, а геологи опредѣлятъ перемѣны въ ея внѣшнемъ видѣ. Тогда нашимъ потомкамъ нельзя уже будетъ воображать себѣ тотъ или другой родъ разрушенія земли сообразуясь съ своимъ личнымъ вкусомъ; тогда уже можно будетъ съ точностію сказать, какая именно изъ четырехъ опасностей, грозящихъ землѣ, предупредитъ прочія своимъ наступленіемъ, — если только до той поры не разовьется новыхъ болѣзненныхъ задатковъ въ жизни нашей планеты.

Охота на жирафа.

Въ тропическихъ полосахъ Африки, на необозримыхъ степяхъ передъ глазами путника развертывается новый, богатый, разнообразный міръ животныхъ. Тамъ дикая собака *семехъ*, съ виду похожая на бульдога, цѣлыми стадами гонится за робкими антилопами; левъ рыкая ходитъ вокругъ огня, у котораго расположенъ ночной бивуакъ какого-нибудь кочующаго племени; муравьеѣдъ и ящеръ разрываютъ почву, мѣстами песчаную, мѣстами глинистую, покрытую рослою травою или густымъ непроходимо-переплетеннымъ кустарникомъ. Но всѣхъ животныхъ не только этой полосы, но и всего земнаго шара, по странности своей наружности превосходитъ жирафъ, коренной обитатель пустыни. Маленькая, узенькая голова его, съ шишкообразнымъ наростомъ на лбу, и коротенькими рожками, обросшими волосами, приставлена къ длинной, сдавленной съ боковъ шеѣ, которая, со своей стороны, ничего общаго не имѣетъ съ широкой, выпуклой грудью. Короткое туловище съ покатой спинкой покоится на длинныхъ ногахъ, очень сильныхъ въ колѣнахъ, широкихъ у копытъ. На бѣловато или коричневато-желтомъ фонѣ шерсти точно вырисованы рыжевато-коричневые треугольники, трапеціи и многоугольныя фигуры, почти что съ математической правильностью, что вмѣстѣ составляетъ удивительно-пріятное глазу сочетаніе цвѣтовъ. Движенія животнаго не лишены нѣкоторой граціи; шагъ его, даже въ спокойномъ настроеніи, довольно быстръ, — въ испугѣ же оно мчится по равнинѣ съ ужасающей скоростью. Арабы называютъ это странное созданіе «*эль-серафе*», т. е. «миловиднымъ», откуда взялось и наше названіе «*жирафъ*». Но негры племени Декка, живущіе у Бѣлаго Нила, величаютъ его «*миръ*», т. е. «высокимъ», «возвышеннымъ».

Жирафъ не водится въ горахъ и въ трудно проходимыхъ тропическихъ лѣсахъ; ему необходимы открытыя равнины южной половины Африки, гдѣ много акацій, луга и рѣдкія рощи южной Нубіи, или лѣсные луга Сеннаара, богатые дикой спаржей, лиліями разнаго рода. Онъ срываетъ ростки акацій, обвивая ихъ своимъ длиннымъ и тонкимъ, червеобразнымъ языкомъ, не смотря на то что ихъ защищаютъ шипы длиною почти въ палецъ, и преспокойно разжевываетъ ихъ, нисколько не опасаясь поранить свое твердое какъ сталь нёбо. Онъ кормится не только листьями съ легкодоступныхъ ему деревъ а разыскиваетъ себѣ пищу и на землѣ, согнувъ свою длинную шею и раздвинувъ ноги.

Въ Сеннаарѣ за жирафомъ усердно охотятся негры Фунги и бедуины. Провѣдавъ, что въ степи ходитъ стадо, охотники собираются въ одно мѣсто. Каждый садится на дромадера, безъ сѣдла, на горбѣ котораго держится одной силой мускулистыхъ ногъ. Вымазанное коровьимъ масломъ лоснящееся тѣло охотника, темнобронзоваго цвѣта, обнажено, за исключеніемъ куска бумажной ткани, вольно наброшеннаго на бедра и плечи; за лѣвымъ плечомъ виситъ, въ красныхъ кожаныхъ ножнахъ, длинный мечь съ рукояткой крестомъ. За охотниками издали ѣдетъ человѣкъ на верблюдѣ, съ привязанными къ сѣдлу мѣхомъ съ водой и другимъ съ *белиле*, т. е. сырымъ зерномъ *сорго*, размоченнымъ въ водѣ. Горсть этого зерна да глотокъ воды — вотъ и все, что требуется для трезвыхъ, воздержныхъ въ пищѣ степняковъ. Много часовъ несутся они по равнинѣ, сквозь траву въ ростъ человѣческій, кусты, кущи малорослыхъ пальмъ, древообразныхъ кактусовъ и густую сѣть перевившихся, переплетенныхъ ліанъ; а на горизонтѣ поднимаются синія горы надъ лживымъ зеркаломъ «чортовой воды» — этого ужаснаго оптическаго обмана, завлекшаго уже не одного умирающаго отъ жажды путника. Наконецъ, послѣ долгаго безплоднаго рысканія, вдали показывается стадо. Тогда прекращается бѣшеная скачка; охотники скрываются за кустами и медленно осторожно подъѣзжаютъ. Еще мигъ — и мечъ выхватывается изъ ноженъ; острый, блестящій клинокъ горитъ на солнцѣ; всадникъ щелкнулъ языкомъ, слегка дернулъ лѣвой рукой за недоуздокъ — и дромадеръ, фыркая и всхрапывая, выкидывая ногами, летитъ прямо на обреченныхъ къ погибели жирафовъ. Тѣ заблаговременно замѣчаютъ опасность и обращаются въ бѣгство. Длинныя шеи колышатся взадъ и впередъ на подобіе маятника, сухая трава и сучья трещатъ подъ копытами, во всѣ стороны летятъ камни и кочки, пыль поднимается столбомъ. Но не спасаетъ ни быстрота бѣга, ни отчаянные прыжки въ сторону. Задыхаясь, свѣсивъ изъ пѣнящагося рта языкъ, принявшій уже свинцовый оттѣнокъ, выкативъ глаза, бросая кругомъ испуганные, безнадежные взоры — «миловидный» все еще мчится, но уже выбивается изъ силъ. Вотъ одинъ изъ охотниковъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей добычи — великолѣпнаго животнаго. По тому какъ жирафъ на ходу шатается и спотыкается — ясно видно, что онъ быстро слабѣетъ. Вотъ охотникъ перегнулся впередъ, вѣрнымъ глазомъ намѣтилъ сочлененіе заднихъ ногъ жирафа, замахнулся, ударилъ мечомъ, — и гигантъ, обливаясь кровью, падаетъ на бокъ, судорожно бьетъ по воздуху и землѣ ногами, взрывая рыхлую, песчаную почву: охотникъ перерубилъ ему тяжи, и жирафъ беззащитный въ его рукахъ. Воздухъ оглашается громовымъ возгласомъ: «слава Богу, Аллахъ милосердъ», со всѣхъ сторонъ подъѣзжаютъ, соскакиваютъ съ дромадеровъ, и доканываютъ бѣдное животное ударами въ шею и ноги. Тутъ же сейчасъ сдираютъ съ него шкуру, дѣлятъ мясо, потомъ разрѣзаютъ на длинныя ремнеобразныя полосы, которыя, высушенныя на солнцѣ, составляютъ самую любимую и удобную дорожную провизію. Только въ такомъ случаѣ, если компанія сильно проголодалась, наскоро разводится огонь изъ сухихъ сучьевъ и степной травы (посредствомъ тренія дерева о дерево), слегка поджаривается нѣсколько кусковъ мяса и съѣдаются почти сырые. Затѣмъ охотники возвращаются домой.

Шкура жирафа служитъ къ изготовленію щитовъ

Охота на жирафа.

и сандалій, а хвостомъ съ пучкомъ волосъ на концѣ отгоняютъ мухъ. Съ таза счищаютъ мясо и сухожилія, натягиваютъ струны кишки, и употребляютъ этотъ нехитрый инструментъ для аккомпанимента при исполненіи воинственныхъ или любовныхъ пѣсней.

Если при стадѣ есть маленькіе жирафы, ихъ безъ особаго труда берутъ въ плѣнъ, послѣ того какъ матки убиты или разсѣяны. Они сами даются въ руки охотникамъ, если только сначала утомить ихъ нѣсколько травлей. Тѣ что постарше—легко попадаются на арканъ, которымъ африканскіе охотники владѣютъ такъ же ловко, какъ южноамериканскій степной житель владѣетъ своимъ *лассо*. Эѳіопскіе вожди очень любятъ держать при себѣ прирученныхъ жирафовъ, также какъ и турецкіе правители. Молодыхъ легко вскормить верблюжьимъ молокомъ, потомъ зерномъ и соломой *сорго*, и по своей кротости и граціозности они дѣлаются однимъ изъ лучшихъ украшеній эѳіопскаго княжескаго двора.

Нѣкоторыя кочующія племена охотятся на жирафовъ на лошадяхъ, но на дромадерахъ удобнѣе и безопаснѣе, потому что если загнанное животное начнетъ защищаться (что иногда случается), оно не такъ легко можетъ нанести ударъ въ грудь копытомъ дромадеру, какъ лошади: а у жирафа въ заднихъ ногахъ, такая сила, что онъ можетъ имъ нанести ударъ, который оглушаетъ, а иногда и убиваетъ даже льва.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ вышеописанную охоту со словъ очевидца, съ вѣрнымъ соблюденіемъ мѣстной характеристики костюмовъ и пр.

Фельетонъ.

Конецъ зимняго сезона и предстоящая выставка портретовъ.—Два слова о нашихъ знаніяхъ и исповѣдь профессора.—Грустное положеніе заштатныхъ чиновниковъ.

Послѣ шумнаго и веселаго масляничнаго гулянья, закончившаго собой то, что называется у насъ зимнимъ сезономъ, наступилъ великій постъ, а съ нимъ неизбѣжные концерты, семейные и литературные вечера, живыя картины и пр. Всѣ эти предстоящія удовольствія давно и хорошо знакомы петербуржцу, хотя и не пользуются съ его стороны большимъ расположеніемъ, вслѣдствіе однообразнаго, а подчасъ даже и скучнаго ихъ характера. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ году кромѣ обычныхъ великопостныхъ удовольствій предполагается еще новое, до настоящаго времени небывалое въ Россіи,—это выставка портретовъ коронованныхъ особъ и наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей за три послѣднія столѣтія. Портретная выставка устраивается обществомъ поощренія художниковъ и будетъ помѣщаться въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, у александринскаго театра. Помѣщеніе выставки довольно обширно и занимаетъ одиннадцать комнатъ. Въ первой изъ этихъ комнатъ размѣщены изображенія Іоанна Грознаго и другихъ царственныхъ особъ до Петра Великаго; въ слѣдующихъ затѣмъ комнатахъ расположены портреты Петра I, Екатерины I и членовъ ихъ августѣйшаго семейства; далѣе слѣдуютъ портреты Петра II и его невѣстъ; затѣмъ—Анны Іоанновны, Бирона, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны и Петра III. Кромѣ этихъ изображеній на выставкѣ много портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей знаменитаго въ исторіи вѣка Екатерины II, а также самой императрицы и Павла Петровича. Общее число портретовъ, какъ говорятъ, болѣе 600 и нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ самымъ рѣдкимъ экземплярамъ, съ большимъ трудомъ добытымъ на время выставки распорядителями отъ частныхъ лицъ. Съ портретовъ сняты фотографическія карточки, которые будутъ продаваться на выставкѣ по самой доступной цѣнѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ планъ предстоящей первой въ Россіи портретной выставки. Мы не сомнѣваемся, что посѣщеніе ея доставитъ многимъ истинное удовольствіе, особенно тѣмъ, кто будетъ искать въ выставкѣ не удовлетворенія празднаго любопытства, но нагляднаго знакомства, при помощи каталога, съ замѣчательными русскими дѣятелями. До сихъ поръ, мы русскіе не можетъ похвастаться знаніемъ своей родины, столь богатой историческими воспоминаніями,—и фактъ нашего относительнаго невѣжества безпримѣренъ и рѣзко бросается въ глаза. Не говоря уже о тѣхъ русскихъ, которые получили воспитаніе за границею или провели тамъ лучшіе годы своей жизни, когда наблюдательность болѣе всего свойственна человѣку,—даже тѣ, которые прожили безвыѣздно въ Россіи, очень и очень мало знаютъ свою родину, родную литературу, исторію, статистику и пр., за то поражаютъ подчасъ иностранца безукоризненнымъ произношеніемъ на иностранныхъ языкахъ. Вотъ, напр., разсказъ покойнаго Т. Н. Грановскаго о томъ, какъ одинъ изъ нашихъ профессоровъ, посѣтивъ знаменитаго ученаго Риттера, очутился въ очень неловкомъ положеніи, когда Риттеръ изъ любознательности началъ разспрашивать русскаго профессора о Россіи: «просто, говоритъ, не зналъ, что и отвѣчать: вопросы были такъ естественны и просты, что отговориться незнаніемъ совѣстно, а врать не безопасно...» Приведенный разсказъ, конечно, не единственный въ своемъ родѣ; кому случалось бесѣдовать съ иностранными учеными о Россіи, тотъ по всей вѣроятности чувствовалъ себя не разъ въ такомъ же неловкомъ положеніи, какъ профессоръ, о которомъ упоминаетъ Грановскій. Съ нѣкотораго времени, у насъ вообще не любятъ подражать иностранцамъ, потому что не все примѣнимое въ какомъ нибудь уголкѣ Франціи или Германіи можетъ быть пригодно для Россіи—и съ тѣмъ, конечно, нельзя не согласиться; тѣмъ не менѣе, однако, намъ весьма бы не мѣшало позаимствовать отъ нашихъ западныхъ сосѣдей весьма почтенную черту ихъ характера — это уваженіе къ знанію своего отечества. Такое позаимствованіе нисколько не можетъ быть обиднымъ для нашего самолюбія, хотя бы ради того чтобы не быть иностранцами посреди своей родины, какими мы зачастую въ ней являемся.

Предстоящая портретная выставка, какъ намъ кажется, должна отчасти восполнить пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ, тѣмъ болѣе что огранизаторъ ея позаботился составить, по возможности полный, и если можно такъ выразиться, живой указатель. Громадный трудъ этотъ, исполненный почтеннымъ сотрудникомъ нашего журнала, знатокомъ археологіи, П. Н. Петровымъ, будетъ имѣть болѣе широкое назначеніе, чѣмъ всякіе другіе каталоги. Если въ художественной выставкѣ, бываетъ достаточ-

но упомянуть вскользь въ указателѣ, что картина означаетъ то-то, или такой-то сюжетъ заимствованъ оттуда-то; въ портретной, предназначаемой для ученой цѣли, такая краткость будетъ далеко неумѣстна. Въ числѣ выставленныхъ портретовъ найдется, конечно, не мало такихъ лицъ, которыя хотя и замѣчательны, тѣмъ не менѣе мало понятны большинству публики. Каталогъ, съ краткимъ жизнеописаніемъ, безъ сомнѣнія,сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ свое дѣло.

Кромѣ портретной выставки, открытіе которой ожидается въ текущемъ мартѣ, въ средѣ нашихъ художниковъ возникла не менѣе почтенная мысль—устройство передвижныхъ провинціальныхъ выставокъ. Какъ скоро эта мысль получитъ практическое примѣненіе—мы достовѣрно не знаемъ, хотя и говорятъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ можно ожидать первой изъ подобныхъ выставокъ осенью нынѣшняго года въ Петербургѣ и затѣмъ начнется странствованіе по широкой матушкѣ Россіи. Говорятъ, что выставка будетъ состоять исключительно изъ оригинальныхъ произведеній художествъ—и расходы по устройству ея и странствованію этой выставки предполагается покрыть изъ сбора съ посѣтителей, а въ случаѣ недостатка и изъ собственныхъ средствъ экспонентовъ. Если мы припомнимъ то сочувствіе, какое встрѣчаютъ въ публикѣ и въ литературѣ годичныя академическія выставки, выражающееся съ одной стороны въ ежегодномъ увеличеніи числа посѣтителей выставокъ, съ другой въ оживленныхъ журнальныхъ толкахъ по поводу выставленныхъ картинъ,—то станетъ ясно, насколько необходимы и желательны подобныя выставки въ провинціи, гдѣ мѣстная публика лишена возможности видѣть лучшія произведенія нашихъ художниковъ. Намъ кажется, что иной формы выставки, кромѣ передвижныхъ, устроить въ нашихъ провинціальныхъ городахъ едвали возможно, по недостатку мѣстныхъ художественныхъ средствъ и по дороговизнѣ транспортировки отдѣльныхъ картинъ.

Хотя несовсѣмъ удобно перейти отъ художественной выставки къ вопросу о надѣленіи отставныхъ заштатныхъ чиновниковъ землею,—тѣмъ не менѣе, въ виду того что этотъ вопросъ снова возбужденъ въ печати, мы принуждены сказать о немъ нѣсколько словъ.

Кто всматривался въ положеніе чиновника оставленнаго, вслѣдствіе превратностей судьбы, за штатомъ съ крайне ограниченной, а подчасъ даже и совсѣмъ безъ пенсіи—тотъ конечно не могъ не придти къ заключенію, что этотъ многочисленный и несчастный людъ можетъ быть названъ пролетаріями въ полномъ значеніи слова, а потому и устройство судьбы его лежитъ на обязанности общества, среди котораго онъ живетъ. Но какъ пристроить человѣка, который чуть ли не съ самаго дѣтства привыкъ только къ одному занятію—перепискѣ и перебѣливанію всякаго рода входящихъ и исходящихъ бумагъ? Дать новое казенное мѣсто едва-ли возможно, такъ какъ заштатныхъ чиновниковъ цѣлый легіонъ; посодѣйствовать опредѣленію этихъ несчастныхъ къ частной службѣ тоже трудно, такъ какъ всякая частная контора, всякое общественное учрежденіе ищетъ – свѣжихъ и способныхъ исполнять возложенныя порученія—молодыхъ силъ. И вотъ, среди этого безотраднаго положенія чиновники пролетаріи должны волей-неволей: или пускаться въ дѣятельность самаго темнаго свойства, или же осаждать камеры мировыхъ судей съ предложеніемъ тяжущимся своихъ услугъ, по веденію ихъ исковъ. Еслибы дѣятельность несчастныхъ была полезна хотя на этомъ—почти единственномъ для нихъ честномъ—поприщѣ, намъ осталось бы привѣтствовать ихъ будущую судьбу; но, къ сожалѣнію, поприще это, требующее знанія, смѣтливости и ума, менѣе всего удобно для человѣка отупѣвшаго надъ канцелярской перепиской. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ самой цѣлесообразной мѣрой является возможность чиновнику заняться дѣятельностью промышленнаго характера—въ родѣ земледѣлія и ремесленнаго производства. Правда, такое занятіе требуетъ также извѣстнаго рода познаній, но не слѣдуетъ забывать и то, что всякое механическое ученіе усвоивается гораздо легче чѣмъ умственное образованіе.

Политическое обозрѣніе.

Истекшій февраль мѣсяцъ не богатъ событіями, особенно важными въ политическомъ отношеніи. Болѣе всего выдаются пренія въ парламентахъ парижскомъ, берлинскомъ и лондонскомъ, а также споръ на римскомъ соборѣ о папской непогрѣшимости. Въ цѣломъ, повсюду одна и та же старая закваска—борьба либеральныхъ идей противъ феодальной іерархіи, или та же самая игра подъ другимъ названіемъ, какъ напримѣръ въ Парижѣ—борьба новаго министерства, во главѣ котораго стоятъ люди истиннаго прогресса, каковы Олливье, Дарю и проч., и которое поставлено межъ двухъ огней — съ одной стороны оно подвергается нападкамъ красныхъ демагоговъ: Рошфора, Гамбетты, Пельтана и т. п.; съ другой стороны ему грозитъ феодальная, крайняя правая сторона, предводимая бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Пинаромъ. Отрадное и поучительное зрѣлище представляетъ собою еще такъ недавно поносимый Олливье, нынѣ краснорѣчиво отражающій ударъ за ударомъ нападки красныхъ и феодаловъ—и вызывающій удивленіе самыхъ враговъ своихъ. Кромѣ упроченія истинной конституціонной свободы во Франціи, Олливье оказалъ и прессѣ немалую услугу нововведеніемъ — доселѣ неслыханнымъ. Онъ учредилъ въ самомъ зданіи министерства пріемные дни, по которымъ туда собираются журналисты и литераторы; младшій братъ министра принимаетъ редакторовъ и проч., и сообщаетъ газетамъ въ лицѣ ихъ издателей политическія новости, насколько онѣ становятся извѣстны французскому правительству.

Переходя къ Пруссіи, отмѣтимъ пренія на сеймѣ—по поводу новаго уложенія о наказаніяхъ, причемъ передовые люди высказались противъ того параграфа, которымъ узаконено въ государствѣ сохраненіе смертной казни. Намъ, русскимъ, должно казаться удивительнымъ, что заграницей до сихъ поръ удерживается наказаніе, которое въ Россіи съ самаго начала нынѣшняго столѣтія примѣнялось лишь въ особенныхъ случаяхъ, каковы злодѣйскія преступленія противъ особъ императорскаго дома, государственная измѣна съ вооруженнымъ возстаніемъ, неслыханно-звѣрское убійство съ цѣлью грабежа и т. п.

Если графъ Бисмаркъ и поддерживалъ сохраненіе смертной казни, а слѣдовательно—не смотря на прежнія свои либеральныя воззрѣнія относительно этого наказанія—какъ бы присягнулъ средневѣковой идеѣ; то изъ нѣкоторыхъ заявленій, сдѣланныхъ имъ на сеймѣ, можно заключить, что онъ въ этомъ случаѣ уступилъ давленію свыше, такъ какъ король Вильгельмъ не желаетъ отка-

заться отъ права: миловать приговоренныхъ, или утверждать своею подписью смертный приговоръ. А такъ какъ сеймъ остался при своемъ мнѣніи, то весьма вѣроятно, что вслѣдствіе этого весь проэктъ новаго уложенія разлетится прахомъ.

Что касается Австріи, мы можемъ сообщить читателямъ краснорѣчивое дополненіе къ статьѣ И. Я. Вацлика, помѣщенной въ № 7 *Нивы*, приведя in extenso письмо чешскихъ патріотовъ Ригра и Сладковскаго въ отвѣтъ на приглашеніе ихъ въ Вѣну министромъ внутреннихъ дѣлъ Искрою. Письмо это, адресованное фонъ Коллеру и представляющее собою истинное торжество дипломатической ловкости, гласитъ: «ваше п-ство! Хотя скорое и справедливое разрѣшеніе несогласій по поводу государственныхъ правъ чешской короны, нашихъ учрежденій и нашей народности — какъ въ интересахъ Австріи, такъ не менѣе и въ интересахъ нашего народа и отечества, составляетъ гредметъ самыхъ пламенныхъ желаній нашихъ; хотя мы считаемъ себя обязанными всечасно, съ величайшею готовностью, не щадя лучшихъ силъ — содѣйствовать соглашенію въ средѣ созванныхъ дѣятелей; — но переданное намъ нынѣ чрезъ милостивое посредство вашего п-ства и для насъ конечно весьма почетное приглашеніе его п-ства г-на министра Искры мы дожны съ почтительнѣйшею благодарностью, а также съ искреннимъ сожалѣніемъ отклонить: ибо, обсудивъ безпристрастно настоящее положеніе дѣлъ, мы не могли усвоить себѣ убѣжденія въ томъ, чтобы эти офиціально-предполагаемыя переговоры съ однимъ изъ членовъ стоящихъ во главѣ цислейтанскаго правительства, — будучи серіозно направлены къ достиженію политической цѣли и выходя изъ предѣловъ простаго обмѣна словъ (pourparler) ради выясненія нашей и безъ того уже въ декларации ясно выраженной точки зрѣнія, — могли въ настоящее время повлечь за собою выгодныя нашей странѣ и нашему народу послѣдствія. Соглашенію съ е. п-ствомъ нынѣшнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, поскольку мы считаемъ его передовымъ и вліятельнымъ вождемъ нѣмецко-національной партіи, мы всегда придали бы особенную цѣну. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ о соглашеніи съ нынѣшнимъ правительствомъ, которое составилось изъ сеймоваго большинства, выросшаго на почвѣ декабрскихъ законовъ, февральскихъ выборовъ, при помощи разнообразныхъ — такъ-сказать чрезвычайныхъ мѣръ. Сколь сильно бы мы ни желали почтительнѣйше отвѣтить на это, повторяемъ, почетное приглашеніе, но имѣя въ виду важность предмета, не можемъ подавить въ себѣ убѣжденія въ томъ, что министерству высказавшему въ своемъ меморандумѣ убѣжденія и взгляды, принятые всѣми Австрійскими Славянами съ живѣйшею горестью и не безъ ощутительнаго оскорбленія въ глубинѣ ихъ безкорыстно-доказанныхъ чувствъ вѣрноподданности монарху и государству, — министерству, которое и нынѣ еще упорно придерживается выработанныхъ безъ содѣйствія чешской націи формъ управленія, и которое такъ недавно еще объявило, что бездна, раздѣляющая эти формы отъ нашей декларации, ничѣмъ не можетъ быть наполнена, — невозможно въ настоящее время одушевиться искреннимъ желаніемъ перешагнуть эту бездну. Мы даже думаемъ, что это дѣло, при современныхъ обстоятельствахъ становящееся болѣе и болѣе затруднительнымъ, можетъ быть выполнено лишь безпристрастными, чуждыми духа партій, довѣрія достойными государственными людьми, при огромномъ усердіи, самоотверженной терпѣливости, и не безъ благосклоннаго вмѣшательства короны, на которую наша нація прежде всего возлагаетъ свои надежды. Но для подготовительныхъ работъ было бы справедливо и политически-мудро — привлечь въ сотрудники всѣхъ вліятельныхъ политическихъ дѣятелей изъ чешскихъ коронныхъ земель. Съ этой точки зрѣнія мы тѣмъ болѣе не можемъ никоимъ образомъ одобрить (особливо если государственныя права чешской короны — какъ это неизбѣжно должно случиться — будутъ разъясняться) того, что ни одинъ изъ завѣдомо-повѣренныхъ славянскаго большинства обширной и значительной коронной земли Моравіи не будетъ приглашенъ къ участію въ этомъ дѣлѣ. Съ почтительнѣйшею благодарностью за милостивую передачу намъ этого приглашенія, прося ваше п-ство сообщить г. министру внутр. дѣлъ настоящее выраженіе нашего мнѣнія, имѣемъ честь свидѣтельствовать вашему п-ству наше высокое уваженіе. Прага 23 февр 1870. Д-ръ Ф. Л. Ригеръ, Д-ръ К. Сладковскій.»

По новѣйшимъ, только что полученнымъ нами извѣстіямъ изъ Вѣны, — оказывается, что гг. Ригръ и Сладковскій были вполнѣ правы отклонивъ это приглашеніе, — такъ какъ изворотливый протестантскій іезуитъ, министръ Бейстъ заявилъ, что у него съ д-ромъ Искрою и остальнымъ министерствомъ нѣтъ ни малѣйшаго разногласія, и онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе о полнѣйшей невозможности соглашенія съ чешскою оппозиціей, потому что подобная политика неизбѣжно повлекла бы за собою паденіе австрійской имперіи и габсбургской династіи — и соглашеніе такого рода было бы не выигрышемъ, а конечною гибелью для Австріи. Къ чему же и съ какою цѣлію было этимъ министрамъ приглашать въ Вѣну чешскихъ патріотовъ?

Англичанъ сильно озабочиваютъ умножающіяся съ каждымъ днемъ аграрныя убійства въ Ирландіи. Триста лѣтъ тому назадъ Ирландія была цвѣтущею богатою страною, которая въ отношеніи сельскаго хозяйства и промышленности далеко превосходила тогдашнюю Англію. Зависть побудила англичанъ подавить эти естественныя богатства посредствомъ законодательныхъ мѣръ такого стѣснительнаго свойства, что въ Ирландіи вскорѣ должна была прекратиться всякая фабричная дѣятельность, отчего и самая торговля, нѣкогда процвѣтавшая, сильно пострадала. Все ирландское законодательство кишило вывозными пошлинами, стѣсненіями льняныхъ фабрикъ и т. п., той же участи подпало и земледѣліе — и вся страна обѣднѣла въ конецъ. Когда же все было раззорено и самая Ирландія стояла на краю погибели, тогда прибыли богатые англійскіе бароны и скупили за безцѣнокъ роскошнѣйшія помѣстья и земли. Подъ защитою англійскихъ законовъ, наслѣдники этихъ бароновъ стали истинными властителями Ирландіи. Арендаторы же этихъ земель, ирландцы, настолько въ рукахъ землевладѣльцевъ, что послѣдніе ежечасно, ежеминутно могутъ лишить ихъ пристанища и куска хлѣба. Вотъ причина аграрныхъ убійствъ — вотъ въ чемъ заключается вся суть такъ-называемаго *ирландскаго вопроса*. Пройдетъ еще много лѣтъ, прежде нежели онъ будетъ окончательно разрѣшенъ.

Изъ Рима нѣтъ ничего новаго, кромѣ того, что папу окончательно забрали въ руки іезуиты иводятъ его въ совершенныхъ потемкахъ. Гибкое изворотливое большинство епископовъ добьется того, что папа будетъ объявленъ непогрѣшимымъ — и не столько по добровольному побужденію епископовъ, сколько по собственному его приказу.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногороднихъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер

Подъ каштанами Саксонскаго сада.

(изъ Варшавскихъ воспоминаній).

(*Продолженіе*).

Однажды воротясь домой, я нашелъ у себя на столѣ запечатанную записку:

«Что это значитъ, что вы шестой день уже глазъ не покажете? Вы не больны, потому что васъ ежедневно встрѣчаютъ на улицахъ. Сегодня вечеромъ я дома. Пріѣзжайте каяться въ своемъ проступкѣ.»

— Въ самомъ дѣлѣ, поѣду и... и покаюсь, покаюсь! разскажу ей всю правду,—авось хоть этимъ избавлюсь отъ своей нелѣпости! рѣшилъ я и поѣхалъ.

— Что за причина, что вы такъ долго глазъ не показали?

— Причина?.. причина есть—и пожалуй довольно для меня уважительная.

— Какая?

— Ну, назвать ее вамъ я бы нѣсколько затруднился.

— Только *нѣсколько*?—значитъ не *совсѣмъ*! Я, вѣдь вы знаете, очень любопытна и потому хочу знать причину!

— Видите ли, это вещь до такой степени дикая и нелѣпая, что вы, конечно, прежде всего расхохочетесь.

— Тѣмъ лучше! Я ужь давно не смѣялась.

— А если... если къ смѣху прибавится нѣкоторое чувство оскорбленія?

— Оскорбленія?.. На кого, или на что?

— На вашего покорнѣйшаго слугу.

— Какой вздоръ! за чтожь я могу на васъ оскорбиться?

— За то, что моя нелѣпость въ извѣстной мѣрѣ дерзка.

— Добрымъ пріятелямъ иногда и дерзость прощается.

— И вы обѣщаете простить?

— Не только простить, но обѣщаю даже не разсердиться. Видите ли, какое великодушіе!

— Не вѣрнѣе ли сказать: величественное презрѣніе съ высоты собственнаго пьедестала?

— Охъ, какъ кудряво и витіевато! Нѣтъ!—и потому нѣтъ, что величественнымъ презрѣніемъ мы даримъ только нѣкоторыхъ нашихъ поклонниковъ, а съ вами мы только друзья, и вы не поклонникъ мой. Это уже уравниваетъ отношенія; для васъ я не мадонна, я не на пьедесталѣ, а на землѣ,—поэтому кайтесь, исповѣдуйтесь: я буду слушать «въ извѣстной мѣрѣ дерзкую» нелѣпость.

— Извольте: во первыхъ—я просто боленъ; а во вторыхъ—я боленъ оттого что влюбленъ.

— Ба!.. поздравляю!.. Въ кого же? въ молодую дѣвушку?

— Нѣтъ.

— Въ женщину?
— Нѣтъ.
— Ну, наконецъ, въ меня, что-ли?!
— И... несовсѣмъ-то.
— Такъ въ кого же, Богъ мой?!
— Въ шею.
— Какъ?.. Что вы сказали?..
— Я сказалъ: въ шею, то есть въ душку, вотъ въ это мѣсто.

Она вскинула на меня удивленные глаза—и отъ всей души расхохоталась.

— Что вы въ самомъ дѣлѣ за нелѣпости говорите!
— Кому—нелѣпости, а мнѣ такъ и жутко приходится.

Я разсказалъ ей, въ какой мѣрѣ преслѣдуетъ меня моя неотступная греза, какое странное желаніе порождаетъ она во мнѣ—и какъ порою самъ я не знаю куда бы дѣваться и какъ избавиться отъ нея. Я говорилъ совершенно серіозно, потому что и въ самомъ дѣлѣ это уже становилось тяжело для меня: я опасался развитія въ себѣ маніи—и притомъ маніи столь исключительной по своей сущности. Мнѣ уже было не до шутокъ; я говорилъ съ горечью и непритворною досадой на самого себя за свое малодушіе и болѣзненность воли.

Начавши смѣхомъ, она подъ конецъ слушала меня уже очень серіозно; только въ глазахъ ея, устремленныхъ на меня, невольно просвѣчивало недоумѣнье и изумленіе какое то.

— Да вы это и точно не шутя?.. медленно и тихо проговорила она, обводя меня озабоченнымъ и испытующимъ взглядомъ.—Какъ же помочь вамъ?

— Просить о помощи не стану! предупредилъ я:—да если я и разсказалъ-то вамъ про это, такъ только потому лишь что думалъ-себѣ, не избавлюсь-ли хотя посредствомъ разсказа отъ этого кошмара.

— Лекарство, судя по вашимъ словамъ, есть, но, признаюсь, очень ужъ радикальное! улыбнулась она.—Вы лучше займитесь-ка дѣломъ какимъ нибудь посеріознѣе: это отвлечетъ васъ, и вы вылечитесь.

— Благодарю за совѣтъ! и я имъ непремѣнно воспользуюсь, лишь бы вылечиться. А если нѣтъ?

— Если нѣтъ... Ну, тогда... тогда посмотримъ!, не то шутя, не то загадочно какъ-то сказала она съ лукавой улыбкой.

* *
*

И зачѣмъ были сказаны ею эти послѣднія слова! зачѣмъ сопровождались они такою усмѣшкой! Все это было сдѣлано съ такимъ лукавымъ женскимъ коварствомъ, какимъ кажись съ особенною щедростію надѣлила природа истыхъ варшавянокъ. И для чего ей понадобилось смущать еще болѣе мою душу—ей, съ которою мы такъ хорошо и просто, такъ «по человѣчески» сдружились?—Такъ! ни съ того, ни съ сего, ради одной кокетливой прихоти, изъ мимолетнаго каприза! А впрочемъ, кто ее знаетъ!—быть можетъ, оттого-то именно и сдѣлала, что я слишкомъ долго и слишкомъ упорно видѣлъ въ ней только человѣка и не хотѣлъ совсѣмъ видѣть женщину. Но, какъ бы то ни было, а только ея тонъ, ея взглядъ, улыбка и послѣдняя фраза, подающая какую-то смутную, неопредѣленную надежду—все это въ совокупности было причиной, что моя греза не улетучивалась... Напротивъ, эта женщина какъ будто подстрекнула меня. Порою, мнѣ становилось досадно на нее за эту выходку: я какъ-то привыкъ глядѣть на нее съ болѣе серіозной стороны, а это—если хотите—было въ отношеніи меня ужъ даже и не по пріятельски, а чисто по женски, и через чуръ ужь по женски! Однако жь досадуя и на себя, и на нее, я тѣмъ не менѣе не разставался съ своей маніей, которая—что дальше, тѣмъ все глубже да крѣпче коренилась въ моемъ сердцѣ, въ моей односторонне-направленной фантазіи!

Желая добросовѣстно послѣдовать совѣту, я принуждалъ себя заняться «какимъ нибудь» серіознымъ дѣломъ, и даже брался за разныя занятія, одно другаго будто «серіознѣе», но увы! все сіе оставалось втунѣ.

Съ этого времени въ отношеніи меня у пани Амеліи стала проявляться весьма тонкая кокетливость, какой я никогда не замѣчалъ въ ней доселѣ. Она *умѣла* быть кокетливой, такъ что это у нея, дѣйствительно, выходило хорошо. Женскій тактъ и свѣтская ловкость указывали ей достодолжную мѣру, и потому въ ея кокетливости было нѣчто изящное. Множество женщинъ умѣютъ *кокетничать*, но очень рѣдкія изъ нихъ умѣютъ быть изящно и тонко кокетливыми. Кокетничанье первыхъ нерѣдко оскорбляетъ ваше эстетическое чувство, зачастую смѣшитъ, а еще чаще бываетъ просто противно; кокетливость же вторыхъ имѣетъ въ себѣ нѣчто влекущее, обаятельное, даже и тогда, когда вы знаете, что это нарочно дѣлается ради той или другой цѣли.

Въ отношеніяхъ нашихъ прозвучалъ какой-то новый мотивъ; они оттѣнились нѣсколькими новыми штрихами, которыхъ не замѣчалось прежде. Она по прежнему считала себя моимъ добрымъ пріятелемъ, но... это уже былъ для меня пріятель-женщина. Въ этого пріятеля я былъ влюбленъ самымъ страннымъ, самымъ причудливымъ образомъ — и пріятель, вовсе не по пріятельски, заботился исподволь раздувать во мнѣ эту искорку, которая, безъ его заботъ, очень можетъ быть что и потухла бы вскорѣ.

Я не заводилъ съ ней болѣе разговоровъ о моемъ болѣзненно странномъ чувствѣ, за которое все такъ же продолжалъ негодовать на себя въ глубинѣ души, но—грѣшный человѣкъ! — не могъ воздерживаться, чтобы каждый разъ не любоваться на предметъ моей исключительной страсти—и каждый подобный взглядъ она встрѣчала своею лукавой улыбкой, изъ которой я могъ ясно заключить, что она какъ нельзя лучше понимаетъ, какое чувство вызываетъ у меня подобные взгляды. Эти улыбки были мнѣ досадны. Лучше всего, въ такомъ случаѣ, конечно, было бы не глядѣть вовсе, но этого я не могъ, и потому старался любоваться ею изподтишка. Однако же, почти каждый разъ она, какъ школьника, ловила меня на этой продѣлкѣ.

— Ну, что же? Вы еще больны? съ какимъ-то вызывающимъ задоромъ и дружеской насмѣшливостію спросила она однажды.

Вопросъ былъ предложенъ слишкомъ прямо, чтобы не понять, и совершенно неожиданно, чтобы не удивиться. Я взглянулъ на нее удивленнымъ взоромъ.

— Что вамъ вздумалось спросить меня объ этомъ?
— Какъ что?—я думаю, ваша манія немножко и меня касается.
— Да вамъ-то развѣ это не все равно?
— А вы не допускаете дружескаго участія?
— Въ васъ?—ни малѣйшаго!
— Это почему?
— Потому что въ васъ, напротивъ, замѣтно нѣкоторое стараніе поддерживать во мнѣ эту манію.

Она разсмѣялась.

— Сказать откровенно, созналась она,—ваша манія немножко забавляетъ меня. Но отчего же вы-то съ того самаго разу ничего больше не говорите о ней.

— Оттого что меня она вовсе не забавляетъ.

— И вы не хотите лечиться?

— Лечиться нечѣмъ.

Вся она въ эту минуту была какъ-то странно и неровно оживлена. Яркіе глаза метали веселыя искры, въ щекахъ рдѣлъ румянецъ, на губахъ открыто дрожала ея прелестная, лукавая улыбка.

— Полноте дичиться и серіозничать! сказала она съ беззавѣтной веселостью:—моя шея вовсе не такое серіозное дѣло. Вѣдь вы влюблены не въ меня, а въ мою душку?

Увы!.. я уже давно подмѣтилъ въ себѣ, что не одна душка, а вся она, вся какъ есть, стала предметомъ моей маніи.

— А если не въ одну только душку? проговорилъ я, глядя ей въ глаза испытующимъ взглядомъ.

Въ лицѣ ея мелькнула легкая гримаска.

— О, нѣтъ, это уже не будетъ оригинально!.. Влюбиться въ женщину—да кто же въ насъ не влюбляется!.. Мнѣ потому-то именно и нравится ваша манія, что она исключительна! Это тоже моя прихоть!—а знаете-ли, чтó я себѣ рѣшила?

— Что?

— Что моя душка—но только душка!—принадлежитъ вамъ. Если вы съумѣете ограничиться одною ею, то... съ этой минуты вы ея властитель.

И снова засмѣявшись своимъ искренно-веселымъ, беззавѣтнымъ смѣхомъ, она, какъ рѣзвый шаловливый ребенокъ, вдругъ встала съ мѣста, совсѣмъ близко подошла ко мнѣ—и глядя мнѣ въ лицо своими ярко смѣющимися, вызывающими глазами, медленно закинула назадъ свою голову.

Роскошная, мраморная античная шея обнажилась передо мною.

Вотъ она та минута, о которой я мечталъ такъ страстно!

Съ замираніемъ сердца, желая и не смѣя, пытался я прочесть въ ея взорѣ позволенье коснуться ее поцѣлуемъ; но эти глаза, заволокнутые теперь какою-то туманной, истомною влагой, были полузакрыты.

Я робко приблизилъ къ ней свои губы, какъ вдругъ...

Въ смежной комнатѣ ясно послышались чьи-то шаги и шелестъ шелковаго платья.

Амелія вздрогнула, отшатнулась отъ меня и бросила капризно-досадливый взглядъ на дверь, въ которой въ эту самую минуту, съ наипріятнѣйшей улыбкой на устахъ, появилась чета—супругъ и супруга—принадлежавшіе къ числу варшавскихъ знакомыхъ пани Амеліи.

Трудно бы было придумать что либо болѣе не кстати, чѣмъ это досадное появленіе.

Проклятый случай! Я просто губы искýсалъ себѣ отъ злости, однако—нечего дѣлать!—надо было притворяться равнодушно-любезнымъ, бесѣдовать съ полнѣйшимъ спокойствіемъ о какихъ-то пустякахъ и выносить всю эту пытку въ теченіе цѣлаго часа, но на большее не хватило уже терпѣнья.

Амелія пошла провожать меня до порога слѣдующей комнаты.

— Завтра въ это время... не будетъ никого... быстро шепнула она мнѣ и выразительно сжала мою руку.

Всю ночь, все утро, весь день я былъ въ какомъ-то чаду, тяжело-сладкій дурманъ котораго наплывалъ на меня иными минутами.

Я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера. Какое странное, но и какое заманчивое свиданье было мнѣ назначено!—Свиданье ради душки, и только ради ея одной! Но эта душка была уже моею...

Ровно въ девять часовъ вечера, какъ назначено, я уже былъ на Уяздовской аллеѣ, у двери пани Амеліи.

Меня встрѣтила горничная и подала письмо:

«Злой случай рѣшительно идетъ наперекоръ намъ. Вчера въ одинадцать часовъ вечера я получила телеграмму отъ моего дяди. Онъ очень боленъ—и умоляетъ, чтобы я, не медля ни одного дня, тотчасъ же пріѣзжала къ нему въ его подлюблинское имѣніе. Бѣдный старикъ совсѣмъ одинокъ и нуждается въ родственномъ попеченіи. Сегодня въ три часа я выѣзжаю. Прощайте, надолго-ли—не знаю! Но лучше сказать «до свиданья»! Ваша—*«душка»*.

Я вернулся домой, взбѣшенный новою неудачей и влюбленный болѣе чѣмъ когда либо.

Сказавши въ письмѣ своемъ, что злой случай рѣшительно идетъ наперекоръ намъ, Амелія была права, можетъ, даже болѣе чѣмъ думала: злой случай настолько пошелъ наперекоръ, что мы съ ней съ тѣхъ поръ не видались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Время отъ времени до меня долетали урывками кой-какія свѣденія о ней, черезъ общихъ знакомыхъ, — и такимъ образомъ я зналъ, что она прожила мѣсяца четыре въ Люблинской губерніи у дяди, а потомъ уѣхала съ нимъ въ Спа, потомъ съ нимъ же проживала въ Дрезденѣ, а потомъ... потомъ я совершенно потерялъ ее изъ виду. Самому мнѣ года два пришлось прожить въ Августовѣ, такъ что когда въ концѣ 62-го года меня снова перевели въ Варшаву, мы ужь были совершенно незнакомы съ прежними «общими знакомыми»—и потому мнѣ рѣшительно не у кого было узнать про пани Амелію, да признаться сказать, и самъ-то я теперь небольно интересовался этимъ предметомъ, потому что четырехлѣтній промежутокъ времени, исполненный самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, самъ по себѣ уже служитъ отличнымъ лекарствомъ противу всякихъ маній. Все что я въ ту пору случайно зналъ о пани Амеліи—такъ это лишь то, что ея нѣтъ въ Варшавѣ; но гдѣ она находится—просто мнѣ не было извѣстно.

* * *

Въ послѣднихъ числахъ марта 1863-го года отрядъ изъ четырехъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ выступилъ въ экспедицію, подъ командою полковника N. Я былъ въ то время командированъ въ распоряженіе начальника люблинскаго отдѣла и на сей разъ находился при отрядѣ. Дня четыре проходили мы по дебрямъ и трущобамъ, дѣлая дьявольскіе переходы по пятидесяти верстъ въ сутки—и все это втунѣ! Были извѣстія, что въ окрестныхъ мѣстахъ гдѣ-то скитаются двѣ порядочныя банды, но кладъ этотъ, не смотря на всѣ наши усилія, не давался намъ въ руки. И хоть бы какой слѣдъ! А между тѣмъ мы знали, что онѣ гдѣ-то вотъ тутъ—что называется подъ носомъ—укрываются. Это была своего рода игра не то въ прятки, не то въ жмурки. Полная безплодность четырехдневныхъ усиленныхъ поисковъ становилась наконецъ досадна. Солдаты злились и роптали на повстанца:—«тоже, молъ, лядъ его дери, воинъ называется! хорошъ воинъ, коли отъ дѣла утекаетъ! коли ты есть воинъ, такъ выходи въ поле, на чистоту, а не хоронись въ трущобу!». Но

повстанцы не раздѣляли солдатскихъ воззрѣній и предпочитали хорониться, исполняя это на сей разъ въ высшей степени ловко. Вернуться домой съ пустыми руками не хотѣлось, а между тѣмъ мы почти уже теряли всякую надежду на успѣхъ нашихъ поисковъ.

Наконецъ, на пятый день — помню — на пути къ одному мѣстечку попадается намъ на дорогѣ натычанка, и въ ней одинъ одинешенекъ катитъ какой-то «цестный еврейчикъ». Замѣтивъ издали нашъ авангардъ, онъ было хотѣлъ юркнуть въ сторону, въ перелѣсокъ, но наши казачки благополучно перенялн его и представили начальнику отряда. Еврейчикъ страшно перетрусилъ (а особенно въ виду казачьихъ нагаекъ, на которыя—основательно, или нѣтъ—могъ разсчитывать въ глубинѣ души своей) и, умоляя «не выдавать его повстанцамъ», сообщилъ подъ «велькимъ закретемъ» свѣденія весьма интересныя. Изъ его разсказа оказывалось, что банда, человѣкъ въ пятьсотъ, скрывается верстахъ въ пятнадцати разстоянія, въ сморовицкомъ лѣсу, что довудца ея—какой-то панъ, который прозывается «Ночью», и что эта «Ночь» находится въ данный моментъ не при бандѣ, а съ утра еще вмѣстѣ съ своимъ адьютантомъ укатила въ Ильяшевскій фольваркъ, до старего пана грабего Зымянтовскаго, тамъ вѣроятно будетъ и обѣдать, а до лясу вернется только ночью. Еврейчикъ сознался, что все это въ точности извѣстно ему было потому, что нынѣшнимъ утромъ онъ ѣздилъ покупать водку для своего шинка, но что повстанцы напали на него, заставили отвезти се къ себѣ въ сморовицкій лѣсъ, не заплатили «а ни гроша» и даже хотѣли повѣсить. Истина очевидно заключалась въ томъ, что еврейчикъ, по доброй своей охотѣ, продавалъ повстанцамъ водку и отвозилъ ее до лясу. Для пущей вѣрности порѣшено было удержать его при отрядѣ, одна часть котораго направилась въ обходъ, а другая прямою дорогой къ лѣсу. На мою долю выпало особое порученіе. Дали мнѣ тридцать человѣкъ казаковъ съ однимъ хорунжимъ и велѣли—на рысяхъ двинуться къ Ильяшевскому фольварку, накрыть тамъ пана «Ночь» съ его адъютантомъ, произвести вообще самый тщательный обыскъ и ожидать на мѣстѣ прибытія отряда. Ильяшевскій фольваркъ, по показанію еврея, отстоялъ на двѣнадцать верстъ правѣе отъ сморовицкаго лѣса, такъ что намъ надо было съ мѣста тотчасъ же взять влѣво и идти къ фольварку кратчайшимъ путемъ, что могло составить приблизительно верстъ около двадцати. Приказаніе отдано мнѣ безъ малаго въ часъ пополудни; стало быть, къ тремъ часамъ, если ничто особенное не помѣшаетъ, я могъ разсчитывать быть уже на мѣстѣ.

— Тѣмъ лучше! Какъ разъ къ обѣду! порѣшилъ полковникъ:—съ богомъ!

И маленькій отрядецъ мой двинулся обыкновенною казачьею «*ходой*».

«Этотъ панъ «Ночь», какъ видно, не прочь посибаритничать, если оставляетъ банду ради обѣда», думалъ я себѣ:—«и вѣроятно тамъ, кромѣ лакомаго обѣда, есть еще какая нибудь лакомая приманка, въ родѣ прелестной пани или молоденькихъ паненокъ». А эти пани и паненки являются обстоятельствомъ весьма неудобнымъ при такихъ порученіяхъ, какое мнѣ надлежало исполнить. Первое то, что онѣ хитрѣе и фанатичнѣе мужчинъ, а второе, что ужь никакимъ образомъ не обойдешься безъ патетическихъ сценъ, въ которыхъ будутъ если не мольбы съ обольстительными просьбами, то ярыя проклятія и разныя выходки съ претензіями на картинный героизмъ,—и ужь во всякомъ случаѣ, какъ то, такъ и другое непремѣнно будетъ сопровождаться аккомпаниментомъ слезъ и рыданій. Все это, особенно при обыскѣ этихъ прелестныхъ пани и паненокъ, всегда ставило исполнителя такихъ порученій въ самое непріятное, щекотливое положеніе.

Предполагая себѣ подобную перспективу моей экспедиціи, я уже заранѣе испытывалъ нѣкоторое недовольство по поводу предстоящихъ сценъ того или другаго рода. «Дай-то, Господи, чтобы тамъ никакихъ этихъ паненокъ и въ заводѣ не было!» думалъ я себѣ: «дѣло и короче и проще будетъ!»

За то товарищъ мой, хорунжій Савва Пармёнычъ Халявкинъ былъ невозмутимо тихъ и спокоенъ. Онъ знай-себѣ только посасывалъ свою носогрѣйку (короткій чубучекъ которой торчалъ у него изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ усовъ), да зорко поглядывалъ впередъ и посторонамъ—«не пошлетъ-ли Богъ сѣраго зайчика», что означало у него, не выскочитъ ли гдѣ изъ подъ куста повстанчикъ. Но повстанчикъ ни откуда не выскакивалъ, и Савва Парменычъ напрасно утомлялъ свое глядкое староказачье око. Его нависшіе усы и брови вмѣстѣ съ бронзовымъ лицомъ, успѣвшимъ навѣки-вѣчные загорѣть подъ кавказскимъ солнцемъ, придавали на первый взглядъ всей его физіогноміи угрюмую суровость; но достаточно было взглянуть въ глаза Саввы Парменыча, чтобы тотчасъ же угадать въ немъ добродушнѣйшаго изъ смертныхъ. У него были безконечно добрые глаза—добрые подѣтски. Сидѣлъ онъ на своей поджарой маленькой пѣгой кобылёнкѣ совсѣмъ «кренделемъ», какъ говорится по кавалерійски,—и этотъ видъ кренделя еще пуще придавала ему его шапочка съ засмасленнымъ отъ времени краснымъ околышемъ, которая лежала на его сѣдой головѣ блинкомъ, «постаросвѣтскому», сильно сдавшись съ затылка напередъ, что вмѣстѣ съ носогрѣйкой придавало Саввѣ Парменычу видъ необыкновенно типичный. Онъ уже двѣнадцать лѣтъ теръ лямку въ первомъ офицерскомъ чинѣ, въ который за отличіе былъ произведенъ изъ урядниковъ,—и являлъ собою истаго, матераго козака, свято храня всѣ старыя казацкія привычки.

Револьверовъ, напримѣръ, не любилъ. — «Зачѣмъ онъ мнѣ? больно ужь деликатная штука! Я съ нимъ обращаться не умѣю, говорилъ онъ: — а вотъ у меня пистоль есть—это какъ разъ по мнѣ! Дѣдовскій еще! Да вотъ еще нагайка есть добрая, ну да шашка, пожалуй, вотъ и будетъ съ меня! Самое любезное дѣло!» — И дѣйствительно, нагайка, оправленная въ черненое серебро (единственная роскошь Парменыча), неизмѣнно висѣла на ремнѣ черезъ лѣвое плечо его.

Отрядъ нашъ двигался по разнообразной и мѣстами довольно красивой мѣстности, нащупывая невѣдомую дорогу разспросами у встрѣчныхъ крестьянъ и евреевъ. Было уже около трехъ часовъ пополудни, когда мы изъ небольшаго дубоваго лѣска выѣхали на полянку, по которой извивалась какая-то быстрая рѣчка, а на противуположномъ крутомъ и мѣстами обрывистомъ берегу ея расположился Ильяшевскій фольваркъ—только въ сущности былъ даже и не фольваркъ, хотя при немъ и виднѣлись разныя хозяйственныя пристройки, а скорѣе бы могъ онъ назваться въ своемъ родѣ просто замкомъ. То былъ прекрасный домъ, и даже съ двумя башнями, построенный во вкусѣ прошлаго столѣтія, прочно, фундаментально. Хотя онъ и стоялъ теперь въ

Послѣдніе дни Помпеи.

упадкѣ, съ отвалившейся мѣстами штукатуркой, съ проросшими по кровлѣ мхомъ и травою, съ гнѣздами ласточекъ надъ окнами, тѣмъ не менѣе въ постройкѣ его явно сказывалась магнатская затѣя, о чемъ свидѣтельствовали лѣпныя, побитыя временемъ работы по карнизамъ—и гербъ на фронтонѣ. Къ этому дому отъ самаго моста вела густая аллея пирамидальныхъ тополей, а за нею виднѣлся большой, старый садъ, надъ зелеными купами котораго, немного въ сторонѣ отъ замка, возвышалась готическая башенка небольшаго костела. Мѣсто было очень красивое, съ этой рѣчкой, съ этими нависшими надъ нею ветлами и корявыми, бородавчатыми вербами, съ ея глинистыми обрывами и съ этими то полями и купами небольшихъ лѣсковъ, синѣвшихъ тамъ и сямъ по окрестнымъ пригоркамъ.

Казаки вскачь пустились черезъ мостъ, чтобы съ налету, какъ можно поспѣшнѣй занять Ильяшевскій фольваркъ, и не дать тамъ никому опомниться.

(Продолженіе будетъ).

Всеволодъ Крестовскій.

Изъ Кавказскихъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Вотъ онъ — Дербентъ! Поприще любви Искендеръ-Бека и Кичкени, геройскихъ подвиговъ Муллы-Нура, хвастовства Юсуфа и пронырства Муллы-Садека, воспѣтыхъ, или лучше сказать созданныхъ Марлинскимъ. Когда мы приближались къ нему съ юга, между невысокими каменистыми горами слѣва и низменнымъ пустыннымъ берегомъ Каспія справа, среди поля марены, онъ намъ представлялъ какую-то заманчивую отрадную декорацію. Около его сѣрыхъ стѣнъ виднѣлась зелень, составлявшая пріятный контрастъ съ пустынною беревою мѣстностью и подходящими къ ней обнаженными горами. Толстыя, сажень въ шесть ширины, двѣ стѣны тянулись паралельно отъ запада къ востоку, подобно камертону, упираясь однимъ концомъ къ бѣлой цитадели Нарынъ-Кале, построеной на крутой горѣ, а съ другой далеко вдаваясь въ море. Правильность постройки только однако этимъ въ Дербентѣ и ограничивалась. Самый городъ, помѣщавшійся въ пространствѣ между стѣнами, изображалъ такой хаосъ, что безъ проводника нельзя было не заблудиться. Скорпіоны и фаланки сіяли въ полномъ блескѣ за каждымъ камнемъ. Если представимъ себѣ, что конечно изъ природныхъ жителей никто не читалъ ни Муллы-Нура, ни Кавказскихъ очерковъ, и слѣдовательно всякое любопытство узнать что-нибудь о дѣйствительности, подавшей поводъ къ романическому расказу поэта, встрѣчало самые прозаическіе и всегда отрицательные отвѣты, — то понятно, что мы съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда наконецъ будемъ въ состояніи оставить этотъ негостепріимный для насъ городъ. Однако баттареѣ одной (безъ прикрытія) уже слѣдовать далѣе было невозможно, и потому мы выступили въ Буйнаки въ видѣ небольшаго отряда, составившагося изъ батальона апшеронцевъ и донскаго казачьяго (Номикосова) полка. Всѣмъ отрядомъ командовалъ полковникъ Е. . . . . (нынѣ графъ и генералъ-адъютантъ), котораго горцы называли учь-гезъ-бояръ или трехглазымъ бояриномъ, потому что рана пулею въ щеку составила ему какъ бы третій глазъ. Верстахъ въ 10 отъ Буйнакъ, гдѣ начался расказъ объ Амалатъ-Бекѣ, есть довольно обширная низменная долина, поросшая камышемъ и терномъ. Въ ней всегда водилось множество фазановъ и кабановъ. Е.... и Номикосовъ согласились сдѣлать тутъ привалъ, и затѣяли чудовищную охоту. Цѣлый казачій полкъ на нѣсколько верстъ долженъ былъ объѣхать поле, и мало-по-малу сближаясь къ отряду, сгонять въ одно мѣсто всю дичь которая могла попасться, а батальонъ занималъ мѣсто охотничей цѣпи. Часа три прошло уже, какъ вышли наши казаки, вдругъ услышали мы приближающійся гамъ и глухой шумъ тростника, гнувшагося отъ движенія испуганнаго звѣря. Кабаны выбѣгали кучами, и падали не только подъ выстрѣлами, но даже и подъ штыками солдатъ. Одинъ кабанъ—не смотря на то что былъ пронзенъ вездѣ, гдѣ только нашлось мѣсто для штыка,—пробѣжалъ таки сажень десять, увлекая за собою и своихъ враговъ, прежде нежели палъ бездыханный. Эта охота напомнила намъ разсказы объ охотахъ Чингисъ-Хана или Тимура, и доставила надолго продовольствіе цѣлому отряду, потому что убили болѣе 70 кабановъ. Поздно уже вечеромъ мы выступили далѣе, чтобы докончить нашъ переходъ къ Карабудахкенту, ибо долго не могли собрать всѣхъ увлекшихся поисками охотниковъ. Во время охоты и дальнѣйшихъ переходовъ познакомились мы съ двумя горцами: Джебраилъ-Бекъ изъ Кайтаха и Джамалъ изъ Черкея слѣдовали съ нами въ Темиръ-Ханъ-Шуру, пользуясь оказіей. Оба они были здоровые рослые люди, оба нѣсколько разъ были нашими непріятелями —и первый еще недавно сражался противъ насъ подъ Дювскомъ, гдѣ и покорился, видя пораженіе своихъ. Но у обоихъ покорность была только временная и притворная. Они скорѣе ѣхали лазутчиками, нежели мирными. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ мы увидимъ, какую пользу извлекъ изъ нихъ генералъ Лидерсъ; а теперь скажемъ только, что въ обмѣнъ гостепріимнаго и простаго угощенія нашего на привалахъ, Джамалъ привелъ къ намъ въ Гилляхъ своего кунака Аслана, одного изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ жителей этого селенія, который и пригласилъ насъ къ себѣ на тамашу или вечерній пиръ. Такимъ образомъ мы могли познакомиться съ обычаями горцевъ или по крайней мѣрѣ жителей тарковскаго шамхальства, которое, не надо забывать, всего какихъ-нибудь четыре мѣсяца тому назадъ было подъ властію Шамиля, когда блокировалъ онъ Шуру и жилъ въ аулѣ Большіе Казанищи. Приверженцы его были еще очень многочисленны. Это было 7 мая. Обстоятельства были весьма серіозны, и мы, принявши приглашеніе Аслана, удовлетворили скорѣе требованію политики, нежели простому любопытству, и отправляясь къ нему въ гости, сначала приняли всѣ мѣры для безопасности отряда.

Чтобы понять что происходило—надобно припомнить мѣстность около Темиръ-Ханъ-Шуры.

Проѣздомъ къ ней съ востока отъ Карабудахкента, черезъ Гилли, справа представляется открытая равнина, а слѣва лѣсистый кряжъ горы, называемый Чорнымъ, за которымъ, замыкаясь снѣжнымъ и скалистымъ безлѣснымъ главнымъ хребтомъ, тянулась широкая долина отъ Джингутая на Оглы, Хаджалмохи Кутиши, съ одной стороны до Акуши и Цудахара, а съ другой до Гергебиля. На пути въ Шуру изъ Гиллей, послѣдовательно верстахъ

въ 4 или 5 другъ отъ друга, у подножія и по полугорьямъ Чорнаго Хребта видны аулы: Кока-Шура, Джингутай, Дургели, Казалищи, и наконецъ верстахъ въ 2-хъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры Мусселимъ-Аулъ и Кяфыръ-Кумыкъ, но оба разоренные. Когда подходили мы къ Гиллямъ, то слышали несущіеся слѣва звуки выстрѣловъ—и оказалось, что 6 ротъ житомірскаго полка, батальонъ храбраго подполковника Кіандера при 4-хъ горныхъ орудіяхъ были аттакованы большою партіею горцевъ на позиціи передъ Джингутаемъ и Кадоромъ, и хотя въ отличномъ и грозномъ порядкѣ, но вынуждены были отойти подъ Дургели, гдѣ и заняли новую позицію. Всѣ окрестныя селенія колебались, за кого объявить себя: за насъ или Шамиля. Нерѣшительность ихъ была тѣмъ понятнѣе. что съ одной стороны они знали о большихъ подкрѣпленіяхъ, которыя пришли къ намъ изъ Россіи, а съ другой —воспоминаніе удачныхъ дѣйствій Шамиля минувшею зимой сильно подогрѣвало въ нихъ фанатизмъ и сочувствіе къ единовѣрцамъ. Въ Гилляхъ тоже находились сторонники обѣихъ партій. Асланъ колебался и—неизвѣстно было, какой онъ намѣренъ придержаться. Отказаться отъ его приглашенія—значило бросить его въ противоположный лагерь, чѣмъ и увеличить затрудненія для отряда, ибо горецъ не прощаетъ обиды; а принять—значило положиться только на его гостепріимство. Не колеблясь мы избрали послѣднее. Не пошелъ кромѣ дежурныхъ только Е., дабы на всякій случай бодрствовать надъ нами, хотя тоже впрочемъ сначала обѣщалъ быть, но потомъ отговорился.

Но это вышелъ совершенно оригинальный и очень нарядный праздникъ!

Сакля Аслана стояла на возвышенной площадкѣ, подъ тѣнью, двухъ большихъ каштановъ, между коими былъ небольшой бассейнъ, наполнявшійся водою изъ фонтана. Чтобы бассейнъ не переполнялся, отъ него шелъ небольшой ручеекъ, въ видѣ маленькаго каскада, стремившійся на улицу, которая принимала черезъ это видъ канавки. Передъ бассейномъ былъ разведенъ большой костеръ, и на немъ приготовлялось угощеніе. Тутъ же сидѣла порядочная толпа вооруженныхъ горцевъ, мимо которыхъ мы и прошли въ саклю. Это была комната сажени три въ длину—и около 2-хъ въ ширину, чисто и гладко оштукатуренная, съ плотно-убитымъ глинянымъ поломъ, нишами съ посудой вдоль по безоконнымъ стѣнамъ и съ пылавшимъ каминомъ въ правомъ переднемъ углу, противъ котораго находилась и дубовая входная дворь. Лѣвѣе этой двери, правда, было небольшое слуховое окно, закрытое толстою деревянною задвижкою. Оставивъ у входа наши калоши, мы усѣлись на небольшой эстрадѣ (на четверть возвышенной отъ пола), покрытой коврами, и которая, на сажень шириною, шла вдоль короткой лѣвой стѣны. Передъ серединою эстрады стоялъ желѣзный треножникъ съ четырмя горѣвшими на верху сальными свѣчами, изъ коихъ одна курилась и производила чадъ, но которую сейчасъ же зажегъ какой-то мальчикъ. У горцевъ угощеніе запоздалыхъ начинается сначала. Только что мы разсѣлись, подали намъ штофъ араку (по просту водка) и нѣсколько лавашей (лаваши—суть прѣсные продолговатые блины, замѣняющіе хлѣбъ, салфетки и даже ложки). Затѣмъ принесли плоскій изъ красной мѣди, аршина въ $1^1/_2$ въ діаметрѣ, подносъ съ овечьимъ сыромъ, шамаею и разною зеленью, какъ-то: кресъ-салатомъ, эстрагономъ, зеленымъ лукомъ и т. п. Принесли также небольшой бурдюкъ съ виноградныимъ виномъ (чихирь). Асланъ налилъ стаканчикъ араку, и объявилъ, что онъ пьетъ за здоровье своихъ новыхъ кунаковъ, которые показали ему свою дружбу—расположеніемъ своимъ къ его прежнимъ почтеннымъ друзьямъ, Джебраилу и Джамалу. «Здѣсь никого кромѣ моихъ кунаковъ нѣтъ», прибавилъ онъ: «и какъ радъ бы я былъ, если бы такъ могъ прожить до самаго страшнаго суда. Черезъ узкій мостъ Рая друзья проводятъ, потому что имъ наиболѣе всякій добро дѣлаетъ.»

Онъ выпилъ, и послѣ него выпили всѣ, начиная со старшихъ.

Горцы вина винограднаго не пьютъ, какъ запрещеннаго кораномъ, за то хлѣбное дуютъ какъ пиво. Чихирь былъ приготовленъ для тѣхъ изъ гостей, которые не могли аракомъ отвѣчать на тосты. Тостовъ было много, за всѣхъ вообще и за каждаго порознь.

Ужинъ состоялъ изъ прекраснаго наваристаго бараньяго бульона (который мы, за недостаткомъ ложекъ, ѣли лавашами, изъ одной большой чашки), вареной мѣлко рѣзанной баранины, подъ рисовымъ соусомъ съ коринкой, гдѣ также попадались куски вареной курицы (пилавъ). Затѣмъ подавали арбузъ и виноградъ, но уже старые и маловкусные. Хозяинъ руками съ блюда бралъ пилавъ и въ знакъ вѣжливости накладывалъ его почетнымъ гостямъ на лаваши, или приглашалъ ихъ кушать прямо съ подноса собственными пальцами, за неупотребленіемъ вилокъ. Неудобство это не составляло впрочемъ для насъ непреодолимаго препятствія. Не до такихъ намъ тонкостей было.

Въ теченіи ужина въ сакли набилось множество народа, не только мужчинъ, но даже и женщинъ. Хозяинъ не забывалъ подчивать и ихъ, причемъ многимъ или посылалъ, или даже носилъ и самъ съ перемѣняемыхъ блюдъ лучшіе куски, которые передавалъ изъ рукъ въ руки. Женщины были одѣты въ щегольскіе шелковые бешметы, широкіе большею частію красные канаусовые шальвары, и съ затылка спускался у молодыхъ кисейный или бѣлый каленкоровый вуаль, которымъ впрочемъ онѣ нисколько не закрывались, а развѣ изрѣдка только прикрывали ротъ, можетъ быть и для того чтобы скрыть нескромную или насмѣшливую улыбку. Старыя женщины были по просту въ длинныхъ овчинныхъ шубахъ и съ повязанными платкомъ головами, какъ и наши русскія крестьянки. Всѣ онѣ толпились около камина, и громко разсуждали между собой о достоинствахъ или недостаткахъ каждаго изъ насъ, что ясно было видно изъ ихъ взглядовъ и даже указаній на нѣкоторыхъ изъ насъ пальцами. Обращеніе ихъ вообще было малоцеремонное, но не лишенное достоинства, хотя оно нисколько не напоминало востока. Таковы однако горянки. Онѣ и не думаютъ знать, что такое гаремъ; напротивъ, ихъ соціальное и семейное значеніе весьма сильно и даже кромѣ Кавказа нигдѣ невѣдомо во всей Азіи, не смотря на многоженство мусульманъ. Всѣ жены кавказскаго горца суть только служанки его первой жены, и потому у нихъ не бываетъ ни ревности, ни споровъ, и старшія женщины пользуются не только свободою, но и полнымъ уваженіемъ. Когда пиръ былъ въ разгарѣ, изъ посѣтителей составилось два кружка, одинъ изъ мужчинъ, другой изъ женщинъ; одинъ изъ группы первыхъ выступилъ впередъ.

— Та, которая имѣетъ глаза газели и кротость голубки, та которая услышитъ голосъ сердца готоваго за нее умереть—узнаетъ нынче любовь къ ней Мартузоли, сказалъ онъ, и слова его въ созвучіе были повторены другими мужчинами.

Мартузоли былъ прекрасный 22-хъ-лѣтній юноша, очень чисто одѣтый, съ двумя чорными локонами, висѣвшими по вискамъ изъ подъ высокой бараньей шапки. Въ женскомъ лагерѣ произошло волненіе. Одна быстро повернулась кругомъ—и какъ статуя остановилась, глядя на каминъ. Всѣ прочія что-то вдругъ заговорили, — такъ что не только я, плохо понимавшій по татарски, но даже и отлично понимавшіе ничего разобрать не могли. Мужчины смѣялись.

Наконецъ, одна вышла впередъ и бойко стала что-то говорить.

Мартузоли возражалъ.

Зайдета (таково было имя говорившей) опять въ свою очередь отвѣтила—и показавъ рукою на всѣхъ насъ, очень граціозно улыбнулась. Все это происходило въ риѳму, по крайней мѣрѣ такъ казалось по созвучію окончательныхъ словъ.

Переводчикъ говорилъ намъ, что Зайдета, по соглашенію съ Аной и прочими женщинами, на предложеніе Мартузоли отвѣчала, что всѣ знаютъ красоту Аны,—что Богъ, по прозьбѣ Пророка, далъ ей все, чѣмъ она можетъ сдѣлать счастливымъ своего мужа т. е. красоту, богатство и кроткій нравъ,—но что такъ какъ въ большомъ собраніи Мартузоли осмѣлился ей говорить о своей любви, то она да и всѣ даже вообще здѣсь присутствующія женщины желаютъ знать, что̀ можетъ онъ съ своей стороны принести ей въ даръ за ея согласіе.

Возраженіе Мартузоли заключалось въ исчисленіи своихъ одеждъ, оружія, коней и всѣхъ вообще какъ необходимыхъ, такъ и принадлежащихъ къ роскоши предметовъ его имущества. Крики мужчинъ какъ-бы не только подтверждали, но даже ручались за правду словъ Мартузоли.

— Зачѣмъ говорить? сказала Зайдета,—непріятель у воротъ—пусть Мартузоли покажетъ каково его оружіе и его кони; чѣмъ хвастаться ими, лучше показать предъ всѣми, чего они стоятъ. Если бы Мартузоли и ему подобные, сказала она,—были похоже на этихъ любезныхъ русскихъ, то конечно они не нуждались бы теперь въ чужой помощи—дабы защищать оружіе и коней такого какъ онъ, храбраго удальца (при этомъ она указала на насъ).

— Нельзя знать, кого слушать! Закричали всѣ:—за русскихъ пойдетъ кто—будетъ по шарьяту, за Шамиля кто—тоже по шарьяту. Нельзя знать, кого слушать!

— Сердца послушай! вскрикнулъ Мартузоли, какъ-бы обращаясь къ невѣстѣ, и вошелъ въ тѣнь, такъ что послѣ мы его уже не видали.

Въ саклѣ поднялся шумъ, скоро впрочемъ укрощенный напоминаніемъ хозяина, что у него всѣ друзья, и что странно спорить на словахъ, когда завтра же можно кончить, приставъ къ той или другой сторонѣ, для рѣшенія дѣла.

Женская половина однако положительно стала за насъ.

— Нечего тутъ говорить! сказалъ Асланъ, когда мы прощались.—Развѣ вы не видите куда гнутъ хозяйки? Будьте увѣрены, что Гилли и Кавказъ за вами останутся.

На другой день, 8-го мая, вечеромъ, вступили мы въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Подполковникъ Коптевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Чудеса чиселъ.

Какъ часто приходится слышать гордую фразу, что будто бы уму человѣческому уже ничто болѣе не закрыто, что природа уже тайнъ отъ него не имѣетъ, а мірозданіе уже не представляетъ ему чудесъ! И говорятъ это большей частью такіе люди, которые только всякихъ верховъ нахватались и считаютъ себя вправѣ издѣваться надъ великимъ изрѣченіемъ нѣмецкаго философа Галлера: «въ глубь природы не проникаетъ ни одинъ созданный умъ.» А между тѣмъ, если бы только эти люди потрудились развить до послѣднихъ предѣловъ любое, самое простое понятіе, какъ скоро бы дошли они до тѣхъ роковыхъ семи печатей, которыхъ ни одинъ человѣкъ еще не снималъ и ни одинъ не сниметъ никогда! Человѣческой мысли, быстрокрылой слугѣ его ума, также поставлена преграда, на которой надпись гласитъ: «до сихъ поръ—не далѣе!» Есть нѣкоторыя понятія и отвлеченности, которыхъ умъ положительно не вмѣщаетъ, да такъ и во вѣки вѣковъ никогда вмѣстить не будетъ въ состояніи; это тѣ понятія, про которыя разсказываютъ, что мыслители, стараясь проникнуть ихъ, лишались разсудка, подобно тому какъ индѣйскіе мудрецы забываютъ о собственномъ существованіи углубляясь въ созерцаніе мірового слова *Ом*. У кого не кружилась голова и кого не обхватывало глубокое чувство униженія — при попыткѣ измѣрить пространство или постичь, что такое время и вѣчность? Къ такимъ предметамъ принадлежитъ и число, или численность — небросающаяся въ глаза, но вѣрная подмога человѣческаго рода, столбцы которой несомнѣнно составляютъ ступени лѣстницы, ведущей къ высшей цивилизаціи. Уже самую суть этого понятія весьма не легко уловить. Что такое число? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, пожалуй, можно дать довольно какъ будто бы и опредѣленный, а именно: число есть величина, опредѣляющая количество, — но этимъ вопросъ еще далеко не исчерпывается. Если бы мы вздумали преслѣдовать его дальше, такое изслѣдованіе завлекло бы насъ въ подоблачныя выси метафизики. Первымъ дѣломъ, представилась бы намъ тѣсная связь числа и матеріи. Уже послѣдователи Аристотеля утверждали, что такъ какъ безъ количества невозможно дѣленіе, матерія же есть первобытное количество, то число проистекаетъ изъ дѣленія матеріи. Не намъ пускаться по этимъ тернистымъ путямъ; замѣтимъ только одно, что по многимъ признакамъ слово «число» или «счетъ» въ глубокую древность было синонимомъ самой рѣчи: такъ у насъ слова «читать», «считать», «чтецъ», «прочитывать», «начетчикъ», «счетчикъ» — очевидно происходятъ отъ одного корня; на итальянскомъ языкѣ одно и тоже слово «contare» значитъ «считать» и «разсказывать»; а на нѣмецкомъ отъ слова «Zahl», число, образовалось слово «erzählen», разсказывать, т. е. *перечислять*, извѣстныя событія. Поэтому число для древнихъ уже было тайной, загадочнымъ колодцемъ, въ которомъ мысль ихъ охотно заключалась. Знаменитый Пиѳагоръ на числахъ воздвигъ всю свою философскую систему; число, въ его глазахъ, было первопричиной всего существующаго, всего нагляднаго и непостижимаго, осязаемаго и неуловимаго, боговъ и міра — началомъ и концомъ. По этому же къ понятію о числахъ такъ легко

приплетается суевѣріе. Всѣмъ извѣстно, что нѣкоторыя числа считаются священными: больше другихъ число 3, затѣмъ числа 7 и 9—послѣднее не особенно. Вся еврейская кабала, большая часть астрологіи, некромантіи и другихъ родственныхъ лженаукъ были не что иное какъ игра числами по даннымъ таинственнымъ правиламъ. Попытаемся нѣкоторыми примѣрами уяснить безконечность и невмѣстимость для ума чиселъ, показать какъ пытливый человѣческій умъ воспользовался ими для измѣренія величинъ, но и этимъ не могъ пріобрѣсть другаго представленія о нихъ, кромѣ представляемаго ему опять-таки тѣми же числами, безграничность которыхъ все таки навѣки должна остаться для него неисповѣдимой тайною.

Большая часть людей совершенно равнодушно и развязно толкуютъ о милліонахъ, никогда даже не давъ себѣ отчета, что̀ такое милліонъ. Если опытный счетчикъ въ состояніи отсчитывать въ часъ 3000 рублевыхъ монетъ и посвящаетъ этому занятію каждый день десять часовъ—ему потребуется 33 дня, чтобы отсчитать ихъ милліонъ; а если положить милліонъ рублевыхъ монетъ одна подлѣ другой безъ перерыва, это образуетъ сплошную линію въ пять географическихъ миль длиною. Если бы можно было нагромоздить эту сумму перпендикулярно положенными одна на другую рублевыми бумажками, это составило бы столбъ вышиною въ 840 футовъ, т. е. раза въ два больше Исакіевскаго Собора. Если мы, помощью такого образнаго представленія, въ состояніи приблизительно составить себѣ понятіе о милліонѣ, то воображеніе совершенно отказывается слѣдить за мыслью, когда она старается уловить безконечное число въ безконечно-маломъ пространствѣ—multum in minimo. Такъ, напримѣръ, кремнеземъ, чрезвычайно распространенный сортъ земли, весь состоитъ (по достовѣрнѣйшимъ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ при помощи наилучшихъ микроскоповъ) изъ тѣлъ и скорлупъ мельчайшихъ инфузорій, 2000 штукъ которыхъ идутъ на длину равняющуюся всего *одной линіи*, а 100 милліоновъ вѣсятъ *одинъ гранъ*. По исчисленію Эренберга, одинъ кубическій дюймъ шиферу содержитъ въ себѣ 1000 милліоновъ такихъ инфузорій, изъ которыхъ каждая — совершенное недѣлимое, еще обложенное кремнистой оболочкой, такъ что 2 пуда этого матеріала представляетъ цифру въ 58 билліоновъ. Впрочемъ, нѣтъ надобности даже спускаться до такихъ невидимыхъ голому глазу твореній, чтобы получить подобныя числа. Своей зеленоватой окраской арктическія моря, по наблюденіямъ стараго китолова Скорзби, обязаны особаго рода моллюску, длиною около дюйма (Clio Borealis), которымъ китъ главнымъ образомъ питается. По измѣреніямъ Скорзби, на двѣ квадратныя англійскія мили морской поверхности приходилось бы 23,888 билліоновъ этихъ животныхъ; а такъ какъ эту цифру совершенно невозможно осмыслить, то онъ для ясности присовокупляетъ, что для того чтобы сосчитать ее, нужно было бы, чтобы восемь тысячъ человѣкъ съ самаго сотворенія міра, т. е. 6,000 лѣтъ считали безостановочно. Въ 1867 г. девять нѣмецкихъ общинъ на югѣ Россіи, по точнымъ измѣреніямъ, въ двѣ недѣли истребили болѣе 5,000 милліоновъ саранчи, а ея все еще оставалось несчетное число билліоновъ.

Но что такое билліонъ? Какое количество представляетъ эта цифра? Берштейнъ, авторъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ книгъ для народнаго чтенія, въ одной изъ нихъ даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ. «Билліонъ—это милліонъ разъ милліонъ, и въ письмѣ выходитъ вотъ какая цифра: 1,000,000,000,000, но какой угодно рядъ цифръ не даетъ ни малѣйшаго понятія о количествѣ, которое онъ представляетъ. Немножко понятнѣе станетъ если сказать, что человѣкъ, который былъ бы въ состояніи считать по три въ секунду, долженъ бы считать безостановочно день и ночь въ теченіи десяти тысячъ лѣтъ, чтобы досчитаться до билліона. Между тѣмъ, солнце вмѣщаетъ въ себѣ 3700 билліоновъ кубическихъ миль (нѣмецкая миля равняется семи верстамъ). Если бы какая-нибудь сила была въ состояніи каждую секунду отрывать отъ него по три кубическихъ мили, понадобилось бы 73 милліона лѣтъ на то, чтобы уничтожить все солнце. Представимъ себѣ еще, что когда происходило образованіе солнца, то въ каждую минуту сгущалось по одной кубической мили — окажется, что ему понадобилось бы 111 милліоновъ лѣтъ на то чтобы достичь своего настоящаго объема!...»

Для измѣренія разстояній въ міровомъ пространствѣ, возьмемъ уже изслѣдованную и доказанную быстроту движенія. Извѣстно, что звукъ въ секунду проходитъ 1030 футовъ, и что луна отстоитъ отъ земли на 51,783 географическихъ мили. Для локомотива, дѣлающаго по 42 версты въ часъ, потребовался бы 361 день т. е. почти годъ, чтобы пройти это пространство, а звукъ съ земли дошелъ бы до луны въ 14 дней. Но свѣтъ двигается въ 930,000 разъ быстрѣе звука, такъ, что зеркало, поставленное противъ луны, отразило бы лучъ ея черезъ 2 секунды послѣ его отправленія отъ луны. Разстояніе солнца отъ земли равняется 20,682,330 географическимъ милямъ, т. е. приблизительно въ 400 разъ больше разстоянія отъ нея луны. Свѣтъ его, по расчету Ремера, доходитъ до насъ въ 8 минутъ и 13 секундъ; звуковой волнѣ на то же самое разстояніе понадобились бы 15 лѣтъ, а локомотиву около 400. Свѣтъ же въ секунду проходитъ 40,366 географическихъ миль. Быстрота его измѣрена знаменитыми физиками Араго, Ремеромъ, Физо, Фуко и Витстономъ; послѣдній, въ 1825 г., изобрѣлъ аппаратъ, который измѣряетъ милліонную долю секунды. Этому столь же простому, сколько и изумительному инструструменту обязаны мы еще тѣмъ свѣденіемъ, что электричество много быстрѣе свѣта—и проходитъ въ секунду 60,000 географ. миль. Самая отдаленная изъ извѣстныхъ планетъ нашей солнечной системы, Нептунъ, 30 разъ дальше отъ насъ, чѣмъ солнце: разстояніе къ нему отъ солнца равняется 593,882,000 миль, на обращеніе его вокругъ своей оси требуется 216 дней, а свѣтъ его доходитъ до земли въ 4 часа и 9 минутъ. Возьмемъ теперь комету 1811 г. Среднее ея разстояніе отъ земли было въ 214, наибольшее же разстояніе—въ 427 разъ больше разстоянія солнца отъ земли, что равнялось 8,800 милліонамъ миль. Одинъ извѣстный астрономъ составилъ по этому поводу слѣдующій интересный расчетъ, достигающій размѣровъ до того непостижимыхъ, что подумать о нихъ только—голова кругомъ пойдетъ, мысли смѣшаются. Комета Мовэ, явившаяся въ 1844 г., употребляетъ 102,050 лѣтъ на обращеніе, среднее отдаленіе отъ земли въ 2,184, а наибольшее—въ 4367 разъ болѣе отдаленія отъ насъ солнца,—т. е. 90,000 милліоновъ географическихъ миль. Между тѣмъ, ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда X въ созвѣздіи Центавра отъ насъ еще въ 50 разъ дальше кометы Мовэ, когда она находится на точкѣ наибольшаго отдаленія отъ солнца. Если лучу требуется годъ на то чтобы дойти до насъ — это значитъ, что испускающее его тѣло среднимъ числомъ въ 63,280 разъ дальше отъ насъ чѣмъ солнце, а лучъ звѣзды X въ

Центаврѣ доходитъ до земли въ 4 года 38 дней. Расчитано, что земля производитъ ежегодно приблизительно $37^1/_2$ милліоновъ пудовъ хлопка; изъ лота хлопка выходитъ нитка самого тонкаго нумера въ семь верстъ длиною. Если превратить весь сборъ хлопка за цѣлое столѣтіе въ такую нитку, она какъ разъ хватитъ до этой неподвижной звѣзды. Между тѣмъ, не надо забывать, что эта звѣзда всѣхъ ближе къ намъ, а отъ наиболѣе отдаленныхъ лучъ доходитъ къ намъ въ 1000 лѣтъ, что̀ соотвѣтствуетъ разстоянію, равняющемуся 1270 билліонамъ географическихъ миль. Стало быть свѣтъ, который въ настоящее время свѣтитъ намъ отъ этихъ звѣздъ, сталъ исходить изъ нихъ *около времени призванія Варяговъ*. Свѣту млечнаго пути требуется около 5000 лѣтъ, чтобы дойдти до насъ, т. е. тотъ свѣтъ, который мы теперь видимъ голымъ глазомъ, отправился въ свое странствованіе за 1000 лѣтъ до патріарха Авраама, а такъ какъ млечный путь былъ хорошо извѣстенъ уже древнимъ грекамъ, то можно—или, вѣрнѣе, нельзя себѣ представить, къ какой древности слѣдуетъ отнести его существованіе. Но это еще ничего не значитъ въ сравненіи съ неизмѣримымъ отдаленіемъ отъ насъ туманныхъ пятенъ, отъ ближайшаго изъ которыхъ свѣтъ доходитъ до насъ въ 4—5 милліоновъ лѣтъ, тогда какъ свѣту отдаленнѣйшихъ требуется болѣе 20 милліоновъ лѣтъ, а это значитъ, что разстояніе ихъ отъ земли равняется 540 трилліонамъ географическихъ миль.

Трилліонъ, какъ извѣстно, — билліонъ разъ билліоновъ; больше ничего нельзя сказать для уясненія этой цифры. А между тѣмъ, мы заходимъ еще несравненно далѣе, если совершать съ самыми ничтожными величинами весьма простую ариѳметическую операцію, которая заключается въ постоянномъ умноженіи тѣмъ же множителемъ. Кому не извѣстенъ хорошенькій разсказъ о наградѣ, которую испросилъ себѣ изобрѣтатель шахматной игры. Онъ потребовалъ у индѣйскаго могола, восхищавшагося его изобрѣтеніемъ, за первую клѣтку на шахматной доскѣ одно зерно пшена, за вторую два, за третью четыре, и такъ далѣе—все вдвое. Моголъ думалъ, что ужъ очень дешево отдѣлался, согласясь на это требованіе,—и легко представить себѣ его изумленіе, когда по разсчету на 64-ую клѣтку пришлось болѣе 9 трилліоновъ зеренъ, что̀ соотвѣтствуетъ приблизительно 12 билліонамъ четвериковъ, т. е. такому количеству, какого земля съ самаго сотворенія своего—далеко еще не производила.

Что такое квадратная миля (географическая, т. е. семь верстъ)—каждый знаетъ; но многіе ли знаютъ, или, вѣрнѣе, сознаютъ, что̀ такое кубическая миля, которыхъ, какъ сказано выше, солнце вмѣщаетъ въ себѣ 3700 билліоновъ. Наврядъ ли. Кубическая миля, т. е. кубъ въ милю длины и милю шириной—это нѣчто ужасное. Достовѣрно расчитано, что въ этомъ пространствѣ умѣстилось бы все то, что̀ на землѣ есть дѣло рукъ человѣческихъ, затѣмъ само человѣчество, все какъ есть, наконецъ всѣ животныя всѣхъ частей свѣта — и кубъ наполнился бы немного болѣе, чѣмъ на половину. Еще убѣдительнѣе слѣдующее сравненіе: если представить себѣ такую машину для изготовленія кирпичей, которая, работая безостановочно день и ночь, была бы въ состояніи дѣлать въ секунду по кирпичу кубической формы, размѣромъ ровно въ одинъ футъ—такая машина поставляла бы въ день 86,400, а въ годъ—31,536,000 штукъ такого кирпича. Такъ какъ въ географической милѣ 24,000 футовъ, то на покрытіе только одной квадратной мили потребовалось бы 567 милліоновъ кирпичей, что̀ задало бы машинѣ работу на 18 лѣтъ слишкомъ. Но вѣдь кубическая миля имѣетъ тѣже 24,000 футовъ и въ вышину—и для наполненія ея такими кирпичами нужно столько же слоевъ и столько же разъ 18 лѣтъ. Слѣдовательно машинѣ придется работать безъ перерыва, день и ночь, изъ года въ годъ, цѣлыхъ 438,365 лѣтъ. Теперь, такъ какъ земной шаръ содержитъ въ себѣ 2650 такихъ кубовъ, то если одинъ такой кубъ внушаетъ самъ не малое почтеніе, какое же почтеніе должны мы восчувствовать ко всему земному шару, хотя оно далеко менѣе внушаемаго намъ солнечною массою. Впрочемъ и наша планета отнюдь не достойна пренебреженія. Намъ съ достаточной достовѣрностью извѣстно, сколько въ ней фунтовъ вѣса, а именно – 14 квартиліоновъ, цифра, которая пишется слѣщимъ образомъ:

$$14_{,,,,}000,000_{,,,}000,000_{,,}000,000,000,000.$$

Какимъ ловкимъ, находчивымъ образомъ удалось наукѣ, съ удивительной аккуратностью, вывести эту совершенно неосмыслимую сумму (причемъ, конечно, такая бездѣлица какъ дробь въ какихъ нибудь два-три трилліона фунтовъ въ разсчетъ не берется), здѣсь не мѣсто разсказывать—это завело бы насъ слишкомъ далеко; довольно сказать, что нѣсколько естествоиспытателей—нѣмецъ Рейхъ въ Фрейбергѣ, англичане Кэвендишъ и Бэли—довольно точно сходятся въ результатахъ своихъ исчисленій, произведенныхъ совершенно независимо другъ отъ друга. Что такое въ сравненіи съ этимъ самыя крупныя цифры землеописанія и стастистики? Что такое какихъ-нибудь 1,300 милліоновъ людей, населяющихъ земной шаръ, или высочайшая ихъ гора, достигающая какихъ-нибудь 27,000 футовъ, т. е. не многимъ больше семи верстъ въ перпендикулярѣ? Что такое величайшая глубина, до сихъ поръ достигнутая сверленіемъ артезіанскаго колодца — 3,000 футовъ, не говоря уже объ удивленіи вѣковъ — громаднѣйшемъ изъ произведеній рукъ человѣческихъ—Хеопсовой пирамидѣ, достигающей всего 450 футовъ. Какимъ крошечнымъ кажется человѣкъ, противупоставленный мірозданію!

Всѣмъ извѣстный, хотя не всегда вѣрно исчисляемый примѣръ неѣроятной, непостижимой силы цифръ представляетъ такъ называемое нарощеніе процентовъ на проценты. Такъ извѣстно, что этимъ процессомъ проценты равняются съ капиталомъ въ 14 лѣтъ и приблизительно 18 часовъ, считая годъ въ 365 дней. Но такъ какъ каждые 4 года приходится одинъ лишній день, а по нов. ст. каждые 400 лѣтъ—два лишнихъ дня, то и этихъ дней не слѣдуетъ выпускать изъ разсчета, какъ это обыкновенно дѣлается. Если, напр., хотимъ исчислить до какой суммы *одна копѣйка*, положенная по $5^0/_0$ въ годъ Рождества Христова, должна была бы достичь.... ну хоть, положимъ, въ 1862 г.,—окажется, что изъ копѣйки въ 14 лѣтъ вышло двѣ, въ 28 лѣтъ—4 копѣйки, въ 42 года—8 копѣекъ, и т. д. Между тѣмъ, срокъ удвоенія содержится въ 1862 годахъ 133 раза, да надо еще прикинуть 1 годъ и 104 дня на высокосные года. Въ результатѣ этой операціи выйдетъ то, что копѣйка въ 1862 года превратилась въ слѣдующій капиталъ: 38 секстиліоновъ, 132,508 квитиліоновъ, 177,389 кватриліоновъ, 23,035 трилліоновъ, 518,722 билліона, 35,663 милліона, 441 тысяча 348 рублей 57 копѣекъ съ дробью,—что̀, выписанное цифрами, имѣетъ таковой видъ:

$$38_{,,,,,,}132,508_{,,,,,}177,389_{,,,,}023,035_{,,,}518,722_{,,}035,663,$$
441,348 руб. $57^0/_0$ коп.

Чтобъ дать хоть какое нибудь, хотя тоже неосмы-

слимое понятіе о чудовищности этой суммы, приведемъ слѣдующій примѣръ: размѣняемъ всю сумму на тысяче-рублевыя ассигнаціи — причемъ получимъ (скинувъ за размѣнъ и курсъ не болѣе полмилліона квадриліоновъ) 38,133 квинтиліона тысячерублевыхъ бумажекъ. Если разложить ихъ рядомъ—150 штукъ покроютъ плоскость въ одинъ квадратный туазъ; 500 штукъ, наложенныхъ одна на другую и сильно придавленныхъ, составятъ вышину въ одинъ дюймъ, слѣдовательно 10,800,000 штукъ наполнятъ пространство кубическаго туаза; если взять круглымъ числомъ 11 милліоновъ, принимая во вниманіе страшное давленіе подобной массы,— окажется, что 88,000 билліоновъ такихъ бумажекъ наполнятъ пространство какъ разъ въ кубическую географическую милю, со вмѣстимостью которой мы уже выше ознакомились. Стало быть весь капиталъ, размѣненный на тысячерублевыя ассигнаціи, занялъ бы пространство приблизительно въ 433,000 билліона кубическихъ миль, т. е. въ 162,800,000 разъ больше кубической вмѣстимости земнаго шара, равняющейся, какъ мы уже сказали, 2,650 кубическимъ милямъ, и подобная масса тысячерублевыхъ бумажекъ была бы въ 117 разъ больше массы Солнца!!

Послѣ этого пускай кто нибудь попробуетъ осмыслить дѣлимость числа внизъ, если можно такъ выразиться! Вѣдь единица далеко еще не наименьшая цифра: она только произвольно взята нормою, и точно такъ же можетъ разлагаться на меньшія части какъ и секстиліонъ. Какъ вселенная по разсчету времени не имѣла начала и не можетъ имѣть конца, хотя мы совершенно не въ состояніи себѣ этого представить,—такъ точно каждое число, не исключая и единицы, можно дѣлить на все меньшія и меньшія части, никогда не доходя до пункта недѣлимости.

Тихоокеанская желѣзная дорога.

10-го мая прошедшаго 1869 г. былъ положенъ послѣдній рельсъ «Сѣвероамериканской трансконтинентальной желѣзной дороги»; этимъ довершено звѣно соединяющее восточное отдѣленіе (союзную тихоокеанскую линію) съ западнымъ отдѣленіемъ (центральной тихоокеанской линіей) этого пути—и паровые кони нынѣ мчатся безостановочно изъ восточныхъ штатовъ прямо на берегъ Тихаго Океана.

Съ тѣхъ поръ какъ Санъ-Франциско словно волшебствомъ поставленъ такъ-сказать у самаго порога цивилизованнаго міра, каждый день приноситъ этому цвѣтущему городу толпы посѣтителей изъ восточныхъ штатовъ Союза; въ книгахъ содержателей гостинницъ не мало также можно прочесть именъ путешественниковъ, прибывшихъ прямо изъ Европы и покинувшихъ восточное полушаріе *едва три недѣли назадъ*. Между посѣтителей находятся самые замѣчательные государственные люди Америки, въ томъ числѣ престарѣлый В. Г. Сьюардъ, Кольфаксъ, вицепрезидентъ Союза; изъ длиннаго списка знаменитыхъ именъ людей, предводительствовавшихъ сѣверными штатами въ послѣднюю войну, назовемъ только Фаррагута, величайшаго морскаго героя нашего времени. Изъ Чикаго съ экстреннымъ поѣздомъ пріѣхало не менѣе ста человѣкъ купцовъ, первыхъ тузовъ тамошней торговли, которые пожелали собственными глазами убѣдиться въ средствахъ Калифорніи и вступить въ комерческія сношенія съ Санъ-Франциско. Даже оба карлика, извѣстные и въ Европѣ, генералъ Томъ Пусъ съ супругой, изволили уже осчастливить городъ своимъ пріѣздомъ.

«Центральная тихоокеанская желѣзная дорога»— это западное звѣно исполинскаго желѣзнаго пути, нынѣ соединяющаго воды Атлантическаго съ водами Тихаго Океана. Пунктъ соединенія съ «союзной тихоокеанской желѣзной дорогой»—которая начинается въ городѣ Омаха, на берегу Миссури, и имѣетъ 1084 англійскихъ мили протяженія,—находится на мысѣ Соммитъ, на сѣверномъ берегу большаго Солянаго Озера, 690 англійскихъ миль на востокъ отъ города Сакраменто въ Калифорніи. Омаха соединяется съ Нью-Йоркомъ черезъ Чикаго нѣсколькими старѣйшими линіями. Длина всѣхъ этихъ линій, образующихъ непрерывный рельсовый путь отъ Атлантическаго до Тихаго Океана, въ итогѣ составляетъ 3300 англійскихъ миль.

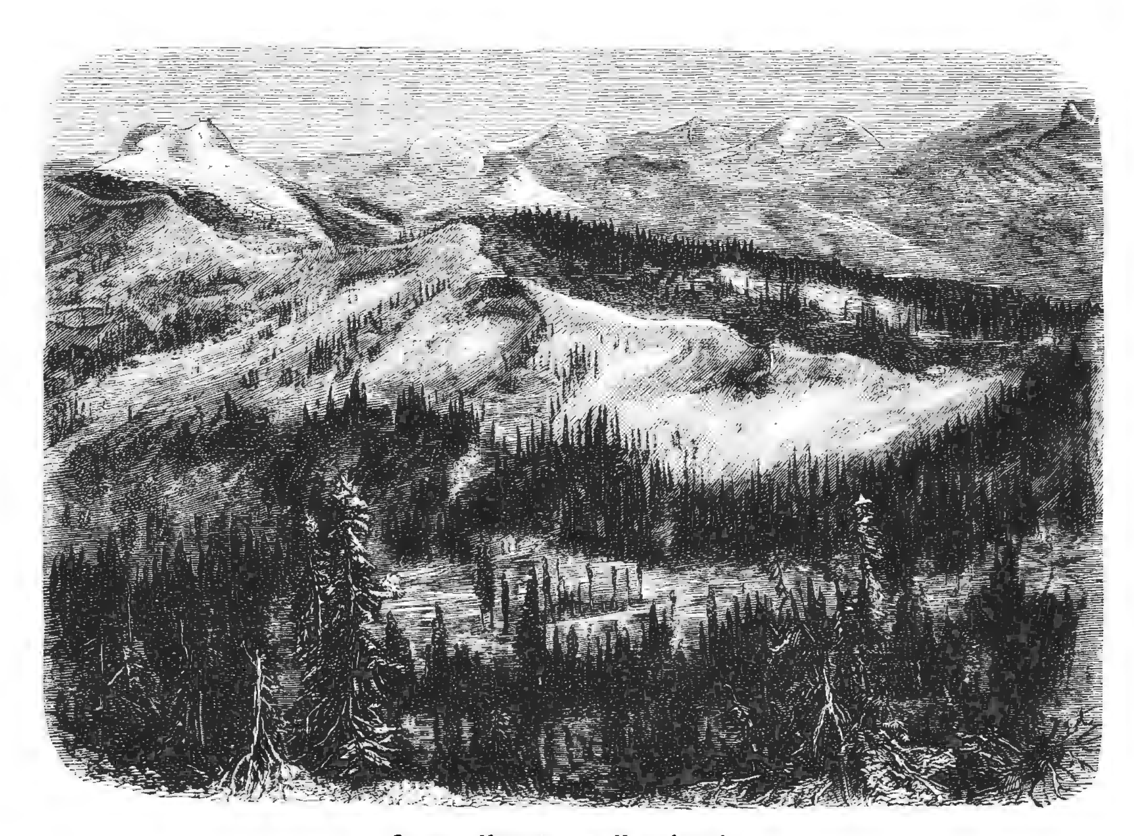
Построеніемъ «центральной тихоокеанской желѣзной дороги» юная Калифорнія поставила себѣ памятникъ, служащій къ величайшей ея чести и способный возбудить зависть не одного штата, принятаго въ Союзъ много ранѣе ея. Переходъ чрезъ горную цѣпь Сьерру Неваду былъ однимъ изъ наитруднѣйшихъ предпріятій когда либо задуманныхъ и благополучно доведенныхъ до конца. Препятствія, которыя приходилось преодолѣвать «союзной линіи», были гораздо менѣе значительны. Главныя затрудненія, съ которыми должна была бороться послѣдняя линія, состояли въ громадномъ отдаленіи ея отъ заселенныхъ земель и недостаткѣ въ строительномъ лѣсѣ, среди пустынныхъ пространствъ, составляющихъ центръ материка. Проведеніе линіи черезъ подымающіяся отлогими уступами скалистыя горы представляло сравнительно мало техническихъ трудностей; только въ крутыхъ дебряхъ Утаха работы на этой линіи сходны съ тѣми, которыя исполнены «центральной» линіей въ Сьеррѣ Невадѣ.

Этотъ же горный хребетъ, пролегающій по всей восточной Колифорніи, тамъ гдѣ переходитъ чрезъ него «центральная» линія—не представляетъ прохода, или сѣдлообразнаго наклоненія, подобнаго проходамъ Ивэнсъ и Бриджеръ въ скалистыхъ горахъ, черезъ которые и проведена «союзная» линія. Такихъ проходовъ во всей Сьеррѣ Невадѣ нѣтъ ни одного—и именно поэтому считали невозможнымъ провести черезъ нее желѣзную дорогу. Въ нѣсколько крутыхъ, заросшихъ густымъ лѣсомъ и дико изрытыхъ рядовъ, громоздится эта цѣпь, преграждая путь линіи. Чтобы перескакивать, такъ сказать, съ одного ряда на другой—пришлось производить работы безчисленными изгибами по скатамъ, иногда съ такими короткими и крутыми поворотами, что поѣздъ, съ трудомъ движимый двумя локомотивами, представляетъ совершенную форму латинскаго S; мѣстами надо было пробуравить гранитъ, при помощи пороха, чтобы провести исполинскую галлерею или туннель—и только что войдя на другую сторону, перекинуть черезъ широкую, глубокую долину длиннѣйшій мостъ, вышиной съ колокольню, чтобы достигнуть противуположнаго хребта и тамъ продолжать работы съ преодолѣніемъ подобныхъ же препятствій. Во многихъ мѣстахъ полотно поднимается на 90—100 футовъ на протяженіи одной англійской мили, а въ нѣ-

которыхъ достигаетъ непомѣрнаго наклоненія 120 футовъ на милю.

Прежде чѣмъ добраться до вершины цѣпи, пришлось построить нѣсколько мостовъ, и смѣлость постройки привидитъ въ изумленіе каждаго путешественника. Одинъ изъ этихъ мостовъ, деревянный, съ устоями въ нѣсколько этажей, имѣетъ 960 футовъ длины и 115 въ вышину; другой такой же мостъ имѣетъ въ вышину 93 фута. Одна изъ открытыхъ галлерей вышла длиною 680 футовъ, глубиной въ 125, а шириной въ 176; но эго ничто въ сравненіи съ другой, имѣющей не менѣе *15,000* футовъ въ длину. Линія часто идетъ по самому краю обрыва въ нѣсколько тысячь футовъ, такъ что съ одной стороны гора почти свѣсилась надъ головами, а съ другой глазъ ничего не различаетъ кромѣ рѣки, свѣтлой ленточкой извивающейся на днѣ

Высшая точка, черезъ которую проведена «центральная» линія,—7043 фута надъ уровнемъ моря—находится въ 105 англійскихъ миляхъ на востокъ отъ Сакраменто. Чтобы на этой страшной высотѣ полотно не заносило снѣгомъ, который тамъ иногда лежитъ на 40 футовъ глубиной на протяженіи цѣлыхъ миль, и чтобы охранить отъ лавинъ,—*надъ линіей сдѣлана кровля*, длиною въ 22 англійскія мили, и имѣется въ виду протянуть ее еще на 18 миль. Эта постройка имѣетъ 16 футовъ ширины и столько же вышины, не считая самой кровли; въ такихъ мѣстахъ, гдѣ положены двойные рельсы для заворотовъ, она много шире. Такъ какъ эта галлерея охраняется съ боковъ досчатыми стѣнами, то на пассажира она производитъ впечатлѣніе гигантскаго туннеля. На каждую англійскую милю этой постройки пошло 800,000 футовъ лѣса,



Сьерра Невада въ Калифорніи.

По заграничному рисунку на деревѣ рѣзалъ К. Вейерманъ.

узкой лощины на такой глубинѣ, что голова кружится если глядѣть внизъ, напр. на западномъ склонѣ, гдѣ такимъ образомъ пробирается American River; такое же зрѣлище представляетъ рѣка Тронки (Truckee) на восточномъ склонѣ.

Туннелей пятнадцать. Главный изъ нихъ имѣетъ 1659 футовъ въ длину, 19 въ вышину и 16 въ ширину; его пришлось на всемъ протяженіи проводить черезъ цѣльный гранитъ. Длина всѣхъ пятнадцати взятыхъ вмѣстѣ равняется 6262 футамъ, сооруженіе же ихъ обошлось въ 1,750,000 долларовъ. При помощи нитроглицерина оказалось возможнымъ окончить эти туннели въ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ при употребленіи пороха. Окрестные жители говорятъ, что взрывы нитроглицерина сопровождались такимъ ужаснымъ трескомъ, что нерѣдко вся земля колебалась, какъ отъ землетрясенія.

который поставляли 28 безустанно-работавшихъ лѣсопильныхъ паровыхъ машинъ. Такое громадное количество лѣса потребовалось, что на горахъ по сторонамъ линіи на большомъ разстояніи не видать ни одного дерева, тогда какъ онѣ были сплошь покрыты густымъ боромъ.

На работы «центральная тихоокеанская линія» употребляла 10—15000 китайцевъ, нарочно выписанныхъ изъ Китая; эти рабочіе исполняли свои утомительные и продолжительные труды съ терпѣніемъ и добросовѣстнымъ усердіемъ, достойными всякой похвалы. И такъ суждено было сынамъ древнѣйшаго цивилизованнаго государства на лицѣ земли—проложить путь новѣйшей цивилизаціи къ прибрежью Тихаго Океана.

Многимъ, конечно, интересно будетъ знать—сколько стоитъ проѣздъ изъ Нью Йорка въ Санъ-Франциско по новой желѣзной дорогѣ. Билетъ перваго класса стоитъ въ настоящее время 150 долларовъ бумажками (около

того же числа рублей) или 100 долларовъ золотомъ; за билетъ втораго класса отъ Омахи до Санъ-Франциско платится 60 дол. бумажками (40 долларовъ золотыхъ). Эти цѣны значительно умѣреннѣе первоначальныхъ, и въ скоромъ времени ожидаютъ еще дальнѣйшаго пониженія ихъ. На всѣхъ линіяхъ есть спальные вагоны; за помѣщеніе въ нихъ берутъ отъ доллара до двухъ. На разстояніи отъ Промонтори до Сакраменто, за мѣсто въ спальномъ вагонѣ платится пять долларовъ за двѣ ночи. Обѣдаютъ на извѣстныхъ станціяхъ по полтора доллара съ персоны. Если захватить съ собою корзинку съѣстнаго—можно сберечь не одинъ долларъ.

Что касается безопасности, пассажиръ на этой желѣзной дорогѣ рискуетъ не болѣе и не менѣе, чѣмъ на любой другой американской дорогѣ. Ужасные разсказы некоторыхъ пассажировъ, страдающихъ разслабленіемъ нервовъ и избыткомъ воображенія—не что иное, какъ пустословіе и бредни. На тихоокеанской дорогѣ до сихъ еще не слыхать даже о столь обыкновенныхъ въ Америкѣ мелкихъ «несчастныхъ случаяхъ»,—и гдѣ, вслѣдствіе спѣшности, работы произведены волей не волей немножко небрежно или непрочно, теперь тысячи рабочихъ занимаются усовершенствованіемъ надежности полотна, рельсовъ и мостовъ. Прошедшей зимой, сообщеніе на большой равнинѣ Ларами и въ Сьеррѣ Невадѣ на значительное время прекратилось вслѣдствіе выпавшаго снѣга—и пассажиры терпѣли много неудобствъ, въ особенности, по необходимости разгребать снѣгъ лопатами, но ни одинъ не лишился жизни. Такіе случаи дюжинами повторяются каждую зиму на многихъ сѣверо-американскихъ линіяхъ.

Приплачивая лишнихъ 26 долларовъ (золотомъ), получаютъ право совершить весь проѣздъ въ одномъ изъ «гостиныхъ вагоновъ» Пульмана (Pullman's drawing-room cars), отдѣланныхъ со всей роскошью гостиной въ первоклассномъ отелѣ и не оставляющихъ ничего желать въ отношеніи комфорта. Стѣны просторнаго вагона красиво выложены деревомъ, увѣшаны зеркалами и картинами, полъ устланъ дорогими коврами, вездѣ стоятъ мягкіе, бархатомъ крытые диваны, качалки, уютныя кресла, столики для игры въ шахматы, домино, карты и проч. Тутъ же помѣщаются изящно убранныя уборныя, и умывальные кабинеты, и французскій ресторанъ, по картѣ. На ночь эти вагоны блестящимъ образомъ освѣщаются. Путешествіе изъ Нью-Йорка въ Санъ-Франциско, на которое требуется шесть-семь дней, при такихъ условіяхъ — истинное наслажденіе. Объ утомленіи или неудобствахъ не можетъ быть и рѣчи. Каждую ночь пассажиръ спитъ въ роскошной постели и можетъ видѣть какіе угодно сладкіе сны, между тѣмъ какъ желѣзный конь мчитъ его неутомимо далѣе. Сквозь зеркальныя оконныя стекла своего великолѣпнаго кочевья, онъ можетъ преспокойно смотрѣть въ зрительную трубку—и искать индѣйцевъ на необозримой равнинѣ, стелящейся между Омахой и Чейенномъ,—разсматривать стада буйволовъ или граціозныхъ, быстроногихъ антилопъ,—любоваться, по выѣздѣ изъ Ларами, величественной панорамой снѣжныхъ вершинъ скалистыхъ горъ, романическими ущельями въ Утахѣ, идиллическими пейзажами, представляемыми мормонскими селеніями и Большимъ Солянымъ озеромъ,—и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ смотрѣть, какъ мимо него мелькаютъ пустоши Дакота, Вайоминга и громадная степь Невада, нѣкогда составлявшія ужасъ всѣхъ эмигрантовъ.

Желѣзная дорога на высшихъ точкахъ Сьерры Невады.

По заграничному рисунку на деревѣ рѣзалъ К. Вейерманъ.

А когда пристегивается второй локомотивъ, и желѣзные кони съ тяжкимъ пыхтѣньемъ взбираются на лѣсистыя вершины Сьерры — какія картины развертываются передъ глазами! Изумительно величественна природа въ этихъ горахъ. Не говоря о смѣлости желѣзнодорожныхъ построекъ, великолѣпнѣйшіе виды безпрестанно приводятъ зрителя въ восторгъ. То раскрываются аркадскія зеленѣющія долины, теряясь въ туманной дали у подошвы горъ,—то серебрятся свѣтлыя горныя озера, окруженныя вѣнцомъ снѣжныхъ хребтовъ,—то хмуро темнѣетъ боръ, одѣвающій крутые склоны,—то глазъ невольно слѣдитъ за бурливымъ потокомъ, устремляющимся къ долинѣ,—то, наконецъ, не можетъ оторваться отъ рѣки, блестящей змѣйкой пробирающейся на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ, между тѣмъ какъ отъ самой дороги до дна лощины стелится моремъ широкая, колышащаяся масса зеленыхъ елей.

Менѣе идиллическій видъ представляютъ показывающіяся мѣстами золото-промывальни. Жестоко ископанная земля, хаотическое столпотвореніе разрушенныхъ хатъ прежнихъ золотоискателей, срубленныхъ деревьевъ, грудъ наваленнаго мусора и песку, безсмысленное переплетеніе рвовъ, канавъ, ямъ, — все это, среди богатой дѣвственной природы, производитъ непріятное впечатлѣніе, точно какой-то злобный духъ тутъ прошелъ и оставилъ слѣды своихъ нечестивыхъ шаговъ на дивномъ Божьемъ твореніи.

Тому, кто поднимается по западному склону Сьерры, горы раскрываются во всей, только-что описанной красѣ, тотчасъ за станціей Кольфаксъ (2448 футовъ надъ уровнемъ моря, 54 англійскія мили на востокъ отъ Сакрамента), при заворотѣ за круто выдвигающійся Капъ-Горнъ у рѣки Америкенъ-Риверъ. По ту сторону Капъ-Горна, на глубинѣ не менѣе 3.000 футовъ, виднѣются двѣ фермы, такъ-сказать, отвѣсно надъ скалою, на краю которой несется поѣздъ. Вотъ женщина—она кажется карлицей, если смотрѣть на нея изъ окна вагона, — выходитъ изъ дверей своего дома и махаетъ бѣлымъ платкомъ; далѣе, еще глубже — старая брошенная розсыпь съ гидравлическими сооруженіями, рвами и нѣсколькими пустыми хатами, когда-то обитаемыми золотоискателями.

Снова поѣздъ летитъ черезъ высокіе, легкіе, гибкіе мосты,—и пассажиръ, съ невольною нервной дрожью закрываетъ глаза, чувствуя, какъ вагонъ покачивается надъ бездною. Тамъ, гдѣ дорога идетъ по самому краю обрыва, и глазъ изъ окна устремляется прямо въ пропасть,—высочайшія ели кажутся крошечными ростками; соскочи тутъ поѣздъ съ рельсовъ, пришлось бы совершить прыжокъ въ цѣлыхъ 200 футовъ. Но опасности нѣтъ: слегка наклонясь на сторону горы, вагоны благополучно катятъ надъ страшной бездной.

У станціи Гольдъ-Ронъ, 3.248 футовъ надъ моремъ, мы видимъ знаменитую старую розсыпь; тутъ можно вблизи полюбоваться на эту картину опустошенія: взрытую почву, высокія кучи земли, глубокія ямы, рытвины, канавы, покосившіяся хижины. Поперегъ дороги проходитъ водопроводъ, поддерживаемый высокими деревянными быками, вышиною футовъ въ 75. Три англійскія мили далѣе — въ 67 англ. миляхъ отъ Сакраменто поѣздъ останавливается на станціи Дотчъ-Флэтъ, 3.425 футовъ надъ уровнемъ моря, возлѣ которой въ лѣсу шумятъ многочисленныя паровыя машины, а въ просѣкахъ лежатъ груды только-что напиленныхъ досокъ, бревенъ, половицъ.

Дальше въ горы! Тамъ ждетъ насъ романическая мѣстность при Альтѣ, 3.625 футовъ надъ моремъ, съ роскошными еловыми лѣсами, гдѣ рѣка свѣтлой ниточкой вьется на неизмѣримой глубинѣ, а поѣздъ обширнымъ кругомъ обходитъ край лѣсистой котловины. По мѣстамъ начинаются галлереи для охраненія отъ снѣга. Достигнувъ высоты 4.500 футовъ надъ моремъ, поѣздъ, гремя, входитъ въ первый туннель, длиною въ 500 футовъ. Съ этого мѣста туннели быстро слѣдуютъ одни за другими; вагоны то съ глухимъ грохотомъ катятъ въ нѣдрахъ горъ, то опять несутся на открытомъ воздухѣ, мимо снѣжныхъ вершинъ, по краю страшныхъ обрывовъ или между грозными стѣнами изъ сплошныхъ скалъ.

На вершинѣ горъ—путешественника, до середины іюля мѣсяца, окружаетъ полная картина зимы. Снѣжные сугробы, исчезающіе только къ серединѣ лѣта, подступаютъ съ обѣихъ сторонъ къ самымъ краямъ дороги; лѣсъ мельчаетъ; повсемѣстное суровое, мертвое запустѣніе показываетъ, что человѣкъ здѣсь проникаетъ въ самое царство зимы.

Тутъ поѣздъ мчится ущельемъ Эмигрэнтъ-Гэпъ, между сѣрыми гранитными скалами, верхъ которыхъ теряется въ облакахъ,—затѣмъ погружается опять въ туннель, въ 300 футовъ длиною, пока не достигнетъ города Циско, которымъ долгое время оканчивалась дорога, 5.911 футовъ надъ моремъ. Отсюда галлереи отъ снѣга и лавинъ образуютъ сплошное громадное зданіе, которое тянется ломаной линіей то по откосу горъ, то по вершинамъ ихъ, мѣстами прерываемое туннелями, тоже темными, такъ что видъ на горы закрывается.

Семь тысячъ сорокъ-три фута надъ моремъ! Поѣздъ исчезаетъ во мракѣ туннеля, длящагося *тысяча-шестьсотъ-пятьдесятъ-девять футовъ.* Тотчасъ за нимъ открывается дивная горная панорама: на тысячи футовъ глубины сіяетъ синимъ зеркаломъ «Громовое озеро» (Thunderlake), замкнутое кругомъ зеленымъ еловымъ боромъ, надъ которымъ сверкаютъ снѣжные гребни Сьерры, рисуясь на лазурномъ небѣ, а далѣе, нѣсколько въ сторонѣ, рѣка Трокки яркой полоской, извиваясь, сбѣгаетъ въ долину.

Тутъ, на восточномъ рубежѣ Калифорніи, пассажиръ прощается и съ романической Сьеррой и быстро съѣзжаетъ въ открытую степь, пока не начнется восхожденіе на не менѣе живописныя скалистыя горы.

(*Окончаніе будетъ*).

Послѣдніе дни Помпеи.

Много трудовъ и благороднаго рвенія было потрачено на изслѣдованіе той древности, что называется классическою. Возникла особая отрасль науки, спеціально посвященная изученію письменности грековъ и римлянъ, но этимъ путемъ извлечены были на свѣтъ Божій лишь праздничные образы поэзіи и бытописанія, тогда какъ будничный бытъ человѣка и общества, обычныя занятія по домашнему хозяйству, въ саду, на улицѣ, на рынкѣ и проч. оставались въ полнѣйшемъ мракѣ неизвѣстности. Древнимъ чуждъ былъ современный

эпосъ и—они не оставили намъ романа, подобно зеркалу отражающаго дѣйствительность и жизнь со всѣми ея внѣшними проявленіями и внутренними стремленіями; за это дѣло взялась природа. Какъ разъ въ самое благопріятное время, въ концѣ перваго столѣтія по Р. Х., при господствѣ утонченнѣйшихъ чувственныхъ наслажденій, когда рабство и гладіаторство заботились лишь о «хлѣбѣ и зрѣлищахъ», въ эту эпоху самыхъ рѣзкихъ противорѣчій между общественною и частною жизнью, внезапно разразилось ужасное явленіе природы и покрыло два самыхъ цвѣтущихъ Италіанскихъ города въ такъ называемой Великой Греціи—Геркуланумъ и Помпею—на цѣлыхъ семнадцать вѣковъ непроницаемымъ покровомъ лавы и пепла. До того времени Везувій не давалъ еще своихъ страшныхъ предостереженій и считался давно и навсегда погасшимъ волканомъ. Лишь однажды, лѣтъ за шестнадцать до рѣшительной катастрофы, обнаружилъ онъ близость своего сосѣдства сильнымъ землетрясеніемъ, которое разрушило много зданій въ Геркуланумѣ и Помпеѣ; но шестнадцать лѣтъ —время не малое, и въ теченіи этого промежутка исчезли самые слѣды былой невзгоды. Гибель этихъ двухъ городовъ, залитыхъ лавою, засыпанныхъ окаменѣлымъ пепломъ, была такъ-же внезапна, какъ и ужасна,—и ей-то единственно обязаны мы сохраненіемъ двухъ «мумій» древняго города, какъ называлъ Гёте эти величественные остатки. «Эти залы, переходы и галлереи, —говоритъ онъ,—яркоцвѣтно раскрашены; на ровной поверхности стѣнъ—наглядно поучительныя картины посрединѣ каждой стѣны, нынѣ полуразрушенныя, съ легкими изящными арабесками по карнизу, въ которыхъ выглядываютъ миловидныя очертанія дѣтей и нимфъ, между тѣмъ какъ въ другомъ углу изъ густыхъ цвѣточныхъ гирляндъ выдвигаются ручные и дикіе звѣри. И такимъ образомъ, нынѣ пустынный городъ, сначала заваленный градомъ камней и пепла, потомъ разграбленный во время раскопокъ, указываетъ на такую страсть къ образовательнымъ искусствамъ въ цѣломъ народѣ, какой нынѣ самый ревностный поклонникъ ни понять, ни ощутить въ себѣ не въ состояніи.»

Извѣстно, что англійскій писатель Эдвардъ Литтонъ Бульверъ воспользовался своимъ посѣщеніемъ вновь возникающаго города, и написалъ романъ «Изъ послѣднихъ дней Помпеи». Изъ этой книги почерпнуто содержаніе рисунка, на стр. 165, прилагаемаго. Въ древности городъ лежалъ еще у моря—и Сарнъ, нынѣ лѣниво текущій небольшой рѣчкой, поднималъ на хребтѣ своемъ тяжелый грузъ кораблей. По этой-то рѣкѣ скользитъ разукрашенная лодка; Главкъ и Іона слушаютъ пѣснь слѣпой Нидіи, гречанки-невольницы, въ самозабвеніи не обращая ни малѣйшаго вниманія на черныя тучи, подымающіяся изъ Везувія къ небу; на другомъ концѣ лодки, точно такъ же равнодушно относится къ этому предвѣстію египетскій невольникъ, озабоченный своимъ весломъ,—и только мальчикъ да негръ обращаютъ взоры къ темному облаку, но и тѣ разсматриваютъ его почти радостно, какъ легкую перемѣну вѣчно яснаго неба.

Фельетонъ.

Спектакль при французскомъ посольствѣ.—Концерты г.г. Таузига и Венявскаго, — Музыкальная школа Воронова и дебютъ 12-ти лѣтней виртуозки,—Два слова о современныхъ провинціальныхъ нравахъ.

По случаю дня рожденія французскаго императорскаго принца, въ среду 4 (16) марта, въ домѣ французскаго посольства былъ спектакль, который удостоили своимъ присутствіемъ Его Величество Государь Императоръ и большая часть членовъ Императорской фамиліи. Въ спектаклѣ принимали участіе артисты французской труппы, которые безъ декорацій прочитали извѣстные пьески «Le pour et le contre, un baiser anonyme». Въ антрактѣ г. Сентфуа спѣлъ двѣ комическія пѣсенки, г. Горбуновъ разсказалъ нѣсколько сценъ изъ народнаго быта.

Въ этотъ-же день вечеромъ петербургская публика въ первый разъ услышала піаниста Карла Таузига, ученика знаменитаго Листа; зала дворянскаго собранія, въ которомъ происходило исполненіе концерта г. Таузига, была переполнена публикой, желавшей послушать заѣзжаго виртуоза и ожидавшей встрѣтить въ немъ отпечатокъ тѣхъ великихъ достоинствъ, которыми обладаетъ игра его учителя. Насколько сбылись эти ожиданія, читатели увидятъ изъ той безпристрастной оцѣнки, которую мы попробуемъ сдѣлать таланту виртуоза по его первому концерту. Начнемъ съ программы концерта. Большая часть пьесъ, исполненныхъ г. Таузигомъ, давно и хорошо знакома постояннымъ посѣтителямъ великопостнымъ концертовъ. Дрейшокъ, Антонъ Рубинштейнъ и др. знаменитости нашего времени—не разъ исполняли въ своихъ концертахъ эти пьесы и публика всегда съ большимъ удовольствіемъ ихъ слушала. Мы указываемъ на это обстоятельство не въ видѣ упрека г. Таузигу въ выборѣ всѣми слышанныхъ пьесъ, такъ какъ хорошія музыкальныя произведенія никогда не надоѣдаютъ,—а съ единственною цѣлью обратить вниманіе читателей на то, что г. Таузигъ своей программой далъ возможность ближе ознакомиться съ его талантомъ. Знатокамъ музыки легче было сдѣлать оцѣнку игры виртуоза, сравнивая его исполненіе съ исполненіемъ тѣхъ-же пьесъ другими знаменитостями. Игра г. Таузига поражаетъ своей техникой, которая доведена до совершенства; для его механизма не существуетъ трудностей: staccato и legato руки виртуоза исполняютъ съ удивительною отчетливостью и правильностью, даже въ самыхъ быстрыхъ и трудныхъ пасажахъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на насъ исполненіе концертантомъ «valse-caprice его собственнаго сочиненія,—пьесы испещренной музыкальными трудностями. Но если механизмъ рукъ виртуоза доведенъ до совершенства и не только не уступаетъ превосходно выработанному механизму любимца публики Антона Рубинштейна, но даже мѣстами и превосходитъ, за то г. Таузигу недостаетъ того поэтическаго чувства, которымъ такъ увлекалъ Листъ своихъ слушателей. Дѣйствительно, кто слышалъ игру Листа, тотъ не можетъ не сознаться, что знаменитый композиторъ и виртуозъ былъ въ тоже время поэтъ и художникъ, самъ вполнѣ предававшійся впечатлѣнію исполняемой пьесы. Листъ исполнялъ одинаково какъ свои собственныя сочиненія, такъ и произведенія другихъ композиторовъ, всегда вѣрно передавая характеръ и музыкальный смыслъ пьесы. Что касается г. Таузига, въ которомъ слѣдовало

ожидать отпечатка внутреннихъ достоинствъ его знаменитаго учителя, мы позволимъ себѣ замѣтить, что далеко не встрѣтили въ немъ этихъ качествъ. Намъ показалось страннымъ смѣлое обращеніе концертанта съ знаменитою пьесою «Вебера invitation á la valse»; чтобы блеснуть своимъ необыкновенно выработаннымъ механизмомъ, г. Таузигъ украшаетъ пьесу нѣсколькими пасажами своего собственнаго сочиненія. Если бы концертантъ поглубже вникъ въ смыслъ пьесы Вебера, онъ навѣрно бы сознался, что такой прибавки къ пьесѣ знаменитаго композитора нельзя дѣлать, не нарушая ея достоинствъ. Вотъ въ краткихъ словахъ тѣ впечатлѣнія, которыя мы вынесли, слушая концертъ г. Таузига; намъ остается прибавить, что этотъ пьянистъ долженъ тѣмъ не менѣе, по справедливости, занять видное мѣсто между современными знаменитостями въ музыкальномъ мірѣ, и слушаніе его доставляетъ истинное удовольствіе публикѣ.

Кромѣ концерта г. Таузига, намъ удалось слышать на на другой день въ Большомъ театрѣ концертъ Генриха Венявскаго, котораго петербургская публика всегда слушаетъ съ такимъ удовольствіемъ. Нечего и говорить, что знаменитый скрипачъ былъ и въ этотъ разъ принятъ восторженно, и ему поднесенъ былъ подарокъ. «Il Pirata» Эрнста артистъ исполнилъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такою отчетливостью, что напомнилъ, какъ говорятъ, самого композитора. Извѣстно, что г. Венявскій всегда приводилъ въ восторгъ публику своимъ мастерскимъ исполненіемъ русскихъ пѣсенъ; точно такъ и въ этотъ разъ онъ закончилъ программу своего концерта варіяціями на двѣ русскія пѣсни. Вмѣсто повторенія, котораго почти неистово требовала публика—артистъ исполнилъ «Carnaval de Venise», по окончаніи котораго стѣны театра задрожали отъ аплодисментовъ публики. Въ концертѣ Венявскаго принимали участіе г-жа Минквицъ и г. Валенрейтеръ изъ Лондона (какъ сказано въ афишѣ). Г-жу Минквицъ мы имѣли удовольствіе еще раньше слышать нынѣшнимъ мясоѣдомъ, въ одномъ изъ симфоническихъ концертовъ русскаго музыкальнаго общества—и признаться сказать, она не произвела на насъ большаго впечатлѣнія: голосъ ея не особенно симпатиченъ, хотя надо отдать справедливость, что она умѣетъ имъ владѣть. Что же касается до г. Валенрейтера, то его небольшія голосовыя средства ничѣмъ не замѣчательны.

Такъ какъ мы заговорили о концертахъ и музыкѣ, то не можемъ обойти молчаніемъ музыкальную школу г. Воронова, которая, какъ слѣдуетъ ожидать, въ недалекомъ будущемъ подготовитъ намъ хорошихъ артистовъ. Доказательствомъ этому служитъ недавній концертъ ученицы вышеупомянутой школы, 12 лѣтней дѣвочки, Ванды Фрикъ. Эта талантливая дѣвочка поразила слушателей своимъ смѣлымъ и правильнымъ исполненіемъ, что̀ конечно дѣлаетъ честь учредителямъ музыкальной школы.

Если вы, читатель, принадлежите къ числу постоянныхъ жителей нашей сѣверной пальмиры и не заглядывали въ самую глубь провинціальныхъ городовъ и мѣстечекъ широкой матушки Россіи, то вы навѣрно не знаете русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, вы не знаете провинціальныхъ характеровъ и нравовъ. Нравы этихъ городовъ нетолько не схожи съ столичными, но даже отличаются другъ отъ друга, оправдывая русскую поговорку: «что городъ то норовъ, что край то обычай». Въ одномъ уѣздномъ городѣ, далеко отстоящемъ отъ столицъ, мирно жили въ теченіи многихъ лѣтъ два гражданина, точь въ точь какъ миргородскіе помѣщики Гоголя, часто посѣщая другъ друга и всегда разставаясь истинными друзьями. Но такъ какъ на свѣтѣ не бываетъ ничего вѣчнаго, то и дружественныя отношенія этихъ лицъ нарушились однимъ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ, что одного изъ нихъ, назовемъ его хоть Иваномъ Никифоровичемъ, выбрали въ общественную должность, а другаго, положимъ хоть Ивана Ивановича, на выборѣ какъ говорятъ прокатили на вороныхъ. Не будь этого обстоятельства Иванъ Ивановичъ вѣкъ бы не разстался съ Иванъ Никифоровичемъ, который благодаря своему новому положенію возгордился предъ собратомъ и даже учинилъ ссору: поводомъ къ ссорѣ послужило откровенное мнѣніе, которое высказалъ Иванъ Ивановичъ объ общественной дѣятельности Ивана Никифоровича, за что послѣдній обѣщалъ своего друга наказать на конюшнѣ. Обиженный, какъ водится, подалъ жалобу. Какъ разсудилъ ихъ судъ—не знаемъ; мы указываемъ на этотъ случай только потому, что онъ фактически подтверждаетъ мнѣніе, будто нравы современныхъ обитателей провинціальныхъ захолустьевъ недалеко ушли отъ гоголевскихъ героевъ.

Смѣсь.

Ловкое воровство.

Мѣсяца три тому назадъ, въ Парижѣ, въ лавку торговца разными рѣдкостями вошелъ прилично одѣтый молодой человѣкъ, съ которымъ хозяинъ нѣсколько разъ встрѣчался въ сосѣднемъ кафе и игралъ въ домино. Послѣ первыхъ привѣтствій посѣтитель объявилъ купцу, что пришелъ пригласить его на свадьбу, которая должна совершиться въ слѣдующую субботу, въ церкви Nôtre Dame de Lorrete, и прибавилъ, что не хотѣлъ ограничиться однимъ письменнымъ приглашеніемъ. Купецъ былъ очень польщенъ. «На комъ вы женитесь?» спросилъ онъ. «На дочери Г. Г., что живетъ на улицѣ Saint Honoré, подъ № 84». Купецъ былъ очень хорошо знакомъ съ отцомъ невѣсты, богатымъ сапожникомъ. Между разговоромъ молодой человѣкъ осматривалъ разные драгоцѣнные предметы; въ особенности пришелъ онъ въ восторгъ отъ нѣсколькихъ подсвѣчниковъ временъ Людовика XV и замѣтилъ, что они чрезвычайно бы понравились его будущей женѣ. Купецъ уговаривалъ купить ихъ. «Легко сказать» возразилъ женихъ: «у меня денегъ нѣтъ — вамъ бы пришлось повѣрить мнѣ въ долгъ до свадьбы».—«Если за этимъ дѣло стало—съ величайшимъ удовольствіемъ»! воскликнулъ купецъ. Посѣтитель, обрадованный этой услужливостью, кромѣ подсвѣчниковъ выбралъ еще часы во вкусѣ «renaissance» да еще нѣсколько цѣнныхъ предметовъ, всего на 2750 франковъ; подозвалъ посыльнаго и велѣлъ ему снести покупку къ себѣ на квартиру, rue Lafayette, № 120. «Такъ какъ вы знакомы съ моимъ нарѣченнымъ тестемъ, сказалъ онъ уходя,—я сегодня вечеромъ разскажу ему, что сдѣлалъ у васъ нѣсколько покупокъ».—«Пожалуйста, кланяйтесь ему отъ меня», крикнулъ ему вслѣдъ купецъ. Два часа спустя онъ получилъ пригласительный билетъ на свадьбу. Женихъ болѣе не показывался, а когда купецъ въ субботу, въ назначенный часъ, явился въ церковь—оказалось, что тамъ никого не вѣнчаютъ. Тутъ только онъ догадался, что его надули. Онъ пожаловался въ судъ, но ловкаго вора и слѣдъ простылъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 13 Марта 1870 Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим., д. № 45—1

№12. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . . — » 60 к.
За упаковку . . . . — » 40 »
Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Вэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Подъ каштанами Саксонскаго сада.

(изъ варшавскихъ воспоминаній).

(*Продолженіе*).

Однако разсчетъ нашъ оказался не совсѣмъ-то вѣренъ: насъ, какъ видно, замѣтили еще въ то время, когда мы только что показались изъ дубоваго лѣска на полянѣ. Хотя разстояніе это было не болѣе полуторы версты—и проскакать его требовалось много-много пять минутъ, тѣмъ не менѣе въ замкѣ успѣли извѣститься о появленіи гостей нежданныхъ. Мы застали на дворѣ нѣкоторый переполохъ: управляющій, очевидно шляхтичъ, въ чамаркѣ, стоялъ на крыльцѣ—и приложивъ жирную руку щиткомъ къ глазамъ, глядѣлъ вдоль аллеи на наше приближеніе, отдавая въ тоже время какимъ-то батракамъ какія-то спѣшныя приказанія. Прислуга, съ перепуганными лицами, бѣгала отъ дома къ службамъ и отъ службъ къ дому, исчезая въ его просторныхъ сѣняхъ. Двери хлопали, собаки заливались лаемъ.

Казаки вихремъ влетѣли во дворъ—трахъ! долой съ коней мигомъ—и пока одинъ урядникъ отдѣлялъ да размѣщалъ наружные посты, я съ нѣсколькими своими людьми вошелъ въ домъ и со всею возможностью «гжечностью» велѣлъ вести меня къ пану грабію Зымянтовскому. Экономъ привелъ насъ въ столовую. У окна, передъ столомъ, на которомъ были поставлены водки и закуска, въ высокомъ вольтеровскомъ креслѣ сидѣлъ сѣдой старикъ, весьма почтенной наружности, съ типичнымъ старопольскимъ лицемъ и не менѣе типичными усами. Онъ былъ подагрикъ. При нашемъ появленіи, его домашній капелланъ, смиренноликій ксендзъ, почтительно поддерживая старика подъ руку, помогъ ему приподняться съ креселъ.

— Чему обязанъ честью видѣть васъ, господа, у себя въ домѣ? обратился къ намъ графъ, такимъ тономъ, въ которомъ сказывалось радушіе, смѣшанное съ горделивымъ достоинствомъ стараго магната.

— Въ вашемъ домѣ находится теперь довудца банды, извѣстный подъ псевдонимомъ «Ночь»,—это причина нашего появленія, объяснилъ я ему, смягчая жестокость своего посѣщенія взаимною вѣжливостью, насколько допускала ее невольная сухость оффиціальнаго тона.

Старикъ и ксендзъ видимо смутились, но послѣдній тотчасъ же притворился крайне удивленнымъ.

— Вы получили ошибочныя свѣденія. Въ моемъ домѣ, кромѣ моихъ домашнихъ, никого нѣтъ и не было! отрицательно качнувъ головою, отвѣтилъ графъ, все еще не совсѣмъ-то оправившійся отъ своего смущенія.

— Охотно допускаю, что свѣденіе это ошибочно, согласился я:—но... тѣмъ не менѣе, я имѣю приказаніе произвести въ вашемъ домѣ обыскъ.

Въ отвѣтъ на это онъ только горько улыбнулся и пожалъ плечами—дескать: ваша воля!

Въ эту самую минуту растворилась дверь—я бросилъ взглядъ по направленію къ ней и остался глубоко пораженъ неожиданностью.

Въ столовую вошла моя пани Амелія.

Она была нѣсколько взволнована, словно бы послѣ усиленнаго движенія или быстрой, поспѣшной ходьбы. Наши глаза встрѣтились—и я замѣтилъ, какъ въ ея изумленномъ взорѣ вдругъ мелькнуло какое-то свое особое соображеніе, освѣтившее этотъ взоръ какъ будто доброю надеждой на что-то.

— Черкутскій!.. Monsieur Черкутскій!.. Вы-ли это? взволнованно проговорила она искренно-удивленнымъ тономъ, и быстро направившись ко мнѣ, совсѣмъ по старому, по дружески протянула мнѣ свою руку.

— Не торопитесь оказывать мнѣ знаки вашей дружбы: я къ вамъ являюсь крайне непріятнымъ и недружелюбнымъ гостемъ, поспѣшилъ я предупредить ее, уклоняясь отъ рукопожатія и ограничиваясь взамѣнъ того однимъ лишь почтительнымъ поклономъ.

Выслушавъ это, она разсмѣялась, повидимому самымъ искреннимъ образомъ.

— Что же, ищите! Ищите, какъ можно тщательнѣе! но увы!.. поиски ваши будутъ безуспѣшны! Я въ первый разъ даже слышу это имя — «Ночь!».

— Тѣмъ не менѣе, пожалъ я плечами:—я обязанъ исполнить данное мнѣ приказаніе.

— Но, пока что́, вы, господа, конечно не откажетесь раздѣлить съ нами нашъ деревенскій обѣдъ? радушно предложилъ старый графъ: — я вижу, что господинъ капитанъ—старый знакомый съ моею племянницей; тѣмъ лучше! Вы, капитанъ — я думаю — и устали, и проголодались съ дороги?.. Прошу покорно! А панъ экономъ распорядится, чтобъ и команда ваша была накормлена.

Я замѣтилъ, что столъ былъ сервированъ на шесть приборовъ. Два изъ нихъ предназначались хозяину и его племянницѣ, два могли быть поставлены для капеллана и, пожалуй, для пана эконома; но для кого же оставались еще два, если не для «Ночи» съ его адъютантомъ? На эти-то два послѣдніе прибора и указалъ хозяинъ мнѣ и Саввѣ Парменычу.

Я почувствовалъ крайне затруднительное и неловкое положеніе: старый графъ предложилъ мѣсто за своимъ столомъ съ такимъ патріархальнымъ, старопольскимъ радушіемъ, а между тѣмъ съ нашей стороны онъ не могъ встрѣтить ничего кромѣ рѣшительнаго отказа. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, прикажете садиться за столъ человѣка, къ которому вы пришли съ порученіемъ столь непріязненнаго свойства? И тѣмъ болѣе, что, сколь ни искренно по видимому, было его радушіе, не могли же мы думать, чтобы наше посѣщеніе было ему пріятно. Въ силу всѣхъ таковыхъ соображеній, я поспѣшилъ поблагодарить и отказаться за себя и за моего товарища отъ его приглашенія, подъ тѣмъ простымъ предлогомъ, что мы-де уже обѣдали.

Старикъ, какъ кажется, угадалъ истинную причину нашего отказа.

— Господа!.. Могу увѣрить васъ честью — мой столъ не отравленъ! предупредилъ онъ съ шутливо-ироническою улыбкой: — и... и наконецъ, условія войны не мѣшаютъ гостепріимству.

— И все-таки, графъ, позвольте отказаться, сказалъ я, рѣшаясь быть откровеннымъ: — во-первыхъ, эти два прибора были приготовлены не для насъ, потому что мы вамъ нежданные и едва-ли желанные гости, продолжалъ я: — а во-вторыхъ, сколь я ни цѣню ваше радушіе, но... все же я не думаю, чтобы и вамъ было пріятно видѣть насъ, а намъ сидѣть за вашимъ столомъ, имѣя въ перспективѣ подобное порученіе, и потому — не посѣтуйте на меня за мою нѣсколько грубую откровенность!

Графъ только поклонился на это — дескать: какъ вамъ угодно!

— И такъ, можете приступать къ обыску, сказалъ онъ вслѣдъ за симъ очень сухимъ и даже нѣсколько надменнымъ тономъ.

Савва Парменычъ распорядился и кликнулъ урядника съ двумя казаками, которые тотчасъ же принялись за дѣло. Я просилъ Савву Парменыча, чтобы ужь онъ одинъ заправлялъ всею этой исторіей, а самъ предпочелъ остаться совершенно пассивнымъ зрителемъ.

Неожиданность появленія Амеліи и эта встрѣча съ нею ставили меня просто въ тупикъ. Признаюсь вамъ откровенно, что въ глубинѣ души я чувствовалъ такую неловкость, такое смущеніе, что лучше бы кажись было сквозь землю провалиться, чѣмъ стоять подъ ея взглядами, въ которыхъ какъ-будто сказывалась какая-то пытливость, словно-бы ей хотѣлось заглянуть въ мою душу и коварно подмѣтить, что́ такое тамъ теперь творится. Мнѣ было просто совѣстно, стыдно передъ нею, передъ женщиной, которую я искренно называлъ когда-то своимъ добрымъ другомъ, и къ этому-то доброму другу я входилъ теперь невольнымъ врагомъ—и не личнымъ, а въ силу одного лишь принципа, и въ силу его же нужно было стать неумолимымъ исполнителемъ даннаго приказанія, сдѣлаться камнемъ, заглушить въ себѣ самое естественное человѣческое чувство, которое подымалось во мнѣ, требуя снисхожденія для женщины, нѣкогда столь сумасбродно любимой мною. Но.... все что я могъ сдѣлать, это — остаться пассивнымъ свидѣтелемъ всего происходящаго передъ моими глазами. Встрѣчая, или—скорѣе—чувствуя на себѣ пытливый взглядъ Амеліи Б., я кусалъ себѣ губы съ досады, старался избѣгать встрѣчи съ ея взорами и въ тоже время проклиналъ въ душѣ и свою роль, и свое назначеніе, и ту минуту, когда начальнику отряда вздумалось возложить его на мою особу. Послѣ первой минуты нашей встрѣчи, въ теченіе всего этого времени мы не сказали съ нею ни слова, хотя она вмѣстѣ съ дядей, опиравшимся на руку капеллана, неотступно присутствовала при самомъ обыскѣ, постепенно переходя изъ комнаты въ комнату съ Саввою Парменычемъ и его казаками.

Пришли наконецъ въ кабинетъ стараго графа. Онъ тотчасъ же вручилъ уряднику ключи отъ своего стола и отъ высокаго бюро со старинными бронзовыми украшеніями. Въ столѣ ничего особеннаго не оказалось. Урядникъ принялся за бюро — и въ этомъ помѣщеніи, повидимому, тоже ничего не заключалось. Казакъ, однако, зоркимъ окомъ оглядѣлъ все его внутреннее устройство, повыдвигалъ всѣ ящички и вдругъ ухмыльнулся про себя, словно-бы смекнувъ нѣчто особенное. Вслѣдъ за симъ онъ внимательно пригнулся къ донцу одного помѣщенія, нажалъ пальцемъ какой-то винтъ — и донце вдругъ отскочило само собою, съ тѣмъ особеннымъ звукомъ, который издаетъ хорошая стальная пружина.

Въ это мгновенье я невольно окинулъ взглядомъ стараго графа и его племянницу вмѣстѣ съ капелланомъ. Ксендзъ какъ-будто испугался чего-то. Амелія же быстро переглянулась значительнымъ взглядомъ со старикомъ и мгновенно поблѣднѣла.

Графъ Зымянтовскій грустно и какъ-то безсильно опустилъ на грудь свою сѣдую голову.

— Что тамъ такое? обращаясь къ урядпику, спросилъ Савва Парменычъ.

— Тайная шкатулка, ваше благородіе! Бумаги какія-то лежатъ! отозвался тотъ и подалъ ему тщательно подобранную пачку.

— Ишь ты, механикъ-самоучка какой! Просто Кулибинъ, да и только! добродушно-лукаво подмигнулъ мнѣ мой старикъ хорунжій, кивнувъ на своего урядника.

У меня просто сердце сжалось: я понялъ, что въ этомъ ящикѣ крылось нѣчто роковое для графа, а быть можетъ и для его племянницы. А мнѣ въ глубинѣ души такъ хотѣлось, чтобы нашъ обыскъ прошелъ для нихъ благополучно, чтобы мы ни въ домѣ, ни внѣ его не нашли у нихъ ничего такого, что̀ могло такъ или иначе отозваться горемъ на судьбѣ этой женщины — моего стараго «друга!»... И вдругъ — эта проклятая находка!

Савва Парменычъ сталъ разсматривать пачку. Въ ней было нѣсколько квитанцій ржонда и повстанскихъ довудцевъ въ принятыхъ деньгахъ и припасахъ, очень много компрометирующихъ писемъ и другихъ бумагъ, да кромѣ того цѣлый списокъ лицъ, составлявшихъ мѣстную «повятову» организацію. Этотъ списокъ придавалъ находкѣ нашей особенную важность.

— Получите на храненіе! передалъ мнѣ Савва Парменычъ всѣ эти бумаги.

Я молча, не глядя ни на кого, принялъ отъ него пачку и сунулъ ее въ боковой карманъ своего сюртука. Но совершая эту операцію, я чувствовалъ на себѣ значительный, долгій, пристальный взглядъ Амеліи — и опять-таки искреннѣйшимъ образомъ пожелалъ себѣ провалиться сквозь землю.

И въ самомъ дѣлѣ, это было безвыходное и чортъ знаетъ до какой степени непріятное положеніе! Пусть каждый, вспомня мое прошлое по отношенію къ этой женщинѣ, поставитъ себя на мое мѣсто и — я увѣренъ — никто не пожелалъ бы себѣ пережить подобныя минуты!

Обыскъ внѣ дома не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Казаки пересмотрѣли самымъ тщательнымъ образомъ всѣ помѣщенія, подвалы, надворныя строенія, службы, загонные сараи, погреба, чердаки, обшарили и костелъ — нигдѣ ни малѣйшихъ признаковъ повстанскихъ атрибутовъ! Пана «Ночи» съ его адъютантомъ словно бы и не бывало! А между тѣмъ два лишнихъ прибора стояли на столѣ. Оставалось думать только одно, что мы нагрянули ранѣе пріѣзда «Ночи» и что стало-быть теперь ужъ едва-ли онъ попадется въ наши руки.

* *
*

Обыскъ былъ оконченъ, но уѣхать — несмотря на все мое пламеннѣйшее желаніе какъ можно скорѣе убраться, исчезнуть изъ этого дома — мы не могли: намъ было дано самое точное приказаніе ожидать на мѣстѣ прибытія отряда. Хочешь-нехочешь, надо оставаться!

Казаки наши, выставивъ свои «бекеты» вокругъ дома и на всѣхъ наиболѣе важныхъ пунктахъ по окрестности, расположились бивуакомъ посреди широкаго двора. Савва Парменычъ, кивнувъ мнѣ идти за собою, привелъ меня къ своей пѣгой кобыленкѣ и — какъ человѣкъ запасливый — досталъ изъ одной сѣдельной чушки походную фляжку, а изъ другой холодную жареную курицу, завернутую въ синюю сахарную бумагу, засимъ добылъ отъ своихъ казачковъ походныхъ сухариковъ, и мы съ нимъ перекусили съ немалымъ аппетитомъ.

— Такъ-то, батя мой, лучше! говорилъ онъ: — потому значитъ, акромя Господа Бога никакому пану за эту курицу не благодаренъ!

Съ невыразимо-тягостнымъ чувствомъ вернулся я въ комнаты. Тамъ не встрѣтились мнѣ ни графъ, ни Амелія — да и слава Богу! потому что встрѣча съ нею невольно смутила бы меня. Я это чувствовалъ и даже — признаюсь откровенно — боялся повторенія встрѣчи, и особенно если бы она случилась съ глазу на глазъ. Сила обстоятельствъ неожиданно поставила насъ въ какое-то странное и даже фальшивое положеніе относительно другъ друга, и потому, конечно, лучше бы было не встрѣчаться.

Въ домѣ было тихо, такъ что казалось, будто тамъ ни души нѣтъ: старый графъ, какъ объяснилъ намъ панъ экономъ, находился на половинѣ своей племянницы. Мы не находили нужнымъ обременять его излишнимъ и во всякомъ случаѣ стѣснительнымъ присмотромъ въ эти послѣдніе часы пребыванія его въ своемъ домѣ, да къ тому же оно казалось и совершенно излишне, такъ какъ фольваркъ со всѣхъ сторонъ былъ оцѣпленъ зоркими бекетами и стало быть нашъ арестантъ не могъ отъ насъ скрыться. Да и куда бы скрылся онъ со своею подагрой?

Послѣ шестидесятиверстныхъ четырехсуточныхъ переходовъ, къ которымъ слѣдовало прибавить еще и сегодняшнюю двадцати-верстную проѣздку на рысяхъ, нѣтъ ничего мудренаго, что мы чувствовали значительное утомленіе. Парменычъ, подкрѣпившись холодною курицей, растянулся и тотчасъ же захрапѣлъ въ диванной, а я прошелъ въ смежный съ нею кабинетъ стараго графа и расположился тамъ въ глубокомъ креслѣ.

Это утомленіе и потомъ все впечатлѣнія нынѣшняго дня и моей встрѣчи вызвали во мнѣ какое-то возбужденное разстройство нервовъ. Сна у меня не было, но иными минутами я впадалъ въ какую-то полудремоту. Вечерѣло. Красное и даже ярко-багровое солнце садилось за рѣчкой. Просвѣты рдѣющаго неба сквозили между темными сучьями и стволами деревьевъ. Среди тишины ясно былъ слышенъ съ рѣчки шумъ мельничныхъ колесъ и блеяніе возвращавшагося стада, которое толпясь переправлялось черезъ греблю. Я открылъ форточку — и въ комнату повѣяло тѣмъ особеннымъ ранневесеннимъ вечерѣющимъ воздухомъ, который имѣетъ въ себѣ странное и неотразимое свойство производить во мнѣ какую-то тихую, млѣющую истому. Я необыкновенно люблю это сладкое и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка жуткое чувство весенней истомы: оно имѣетъ въ себѣ для меня нѣчто манящее, зовущее въ какую-то свѣтлую широкую даль, исполненную смутныхъ, но золотыхъ надеждъ; оно подымаетъ грудь молодымъ, могуче-вольнымъ дыханіемъ и заставляетъ полнѣе биться сердце. Въ эти минуты какъ то цѣлостнѣе чувствуешь жизнь, живую, возрождающуюся ранне-весеннюю жизнь, вмѣстѣ съ которою и самому хочется жить, жить и жить до одури, до упоенья. Это — чувство птицы, стремительно поднимающейся въ поднебесную высь, въ бодрящій и нѣжащій океанъ весенне-мягкаго воздуха.

Кабинетъ стараго графа былъ убранъ не безъ вкуса. Нѣсколько старыхъ картинъ и фамильныхъ портретовъ глядѣли изъ потемнѣвшихъ отъ времени золотыхъ рамъ. Оленьи и лосьи рога группами украшали стѣны, на которыхъ красиво развѣшано было нѣсколько звѣриныхъ

шкуръ. Вся обстановка показывала, что это кабинетъ стараго и страстнаго охотника. Недоставало только ружей, сабель и охотничьихъ ножей, которыя при началѣ возстанія были отобраны у всѣхъ обывателей земель повстанскихъ. Но за то по бокамъ широкаго камина висѣли два медальона съ рыцарскими, старопольскими доспѣхами. Шлемы, панцыри, кольчуги, алебарды и протазаны были оставлены графу—какъ оружіе, въ наши времена вполнѣ безвредное и имѣющее только смыслъ для археологическихъ воспоминаній.

Заходящее солнце искрилось своими послѣдними угасающими лучами на темной стали этого оружія. Комната все болѣе и болѣе наполнялась вечернимъ полумракомъ —и ничѣмъ невозмущаемая тишина, вмѣстѣ съ надвигавшимся все болѣе сумракомъ, становилась все глубже и глубже.

Этотъ кабинетъ отчасти напомнилъ мнѣ теперь нѣчто знакомое, давнишнее...

Да; вотъ и шлемы и панцыри были похожи на эти, и алебарды почти такія же—только на тѣхъ искрился каленый огонь камина, а на этихъ заходящее солнце играетъ... И такая же тишина, такая же нѣсколько таинственная обстановка—тамъ только роскоши было гораздо больше, но въ общемъ впечатлѣніи есть нѣчто сходное.

Лѣнивая мысль моя дремотно стала блуждать въ далекихъ воспоминаніяхъ, и это блужданье переходило въ легкую грезу. Мнѣ вспомнился кабинетъ въ парижскомъ отелѣ князя Г., вспомнился бѣлокурый человѣкъ съ болѣзненно блѣднымъ, глухо-страдающимъ лицомъ, сидящій въ глубокомъ готическомъ креслѣ передъ каминомъ, закрывшись облокоченной рукою.... Какія странныя вещи видѣлися тогда мною! Какія странныя ощущенія испытывались!... «Помните же, что вы сами сказали *довольно*»—что значили эти слова?.. зачѣмъ онъ сказалъ ихъ!.. А какіе звуки! Какая мелодія раздавалась!..

Мысль моя все болѣе и болѣе путалась въ полузабытыхъ образахъ и воспоминаніяхъ. Мгновеньями эти образы вставали теперь передо мною необыкновенно ярко, и потомъ блѣднѣли, никли, исчезали, расплывались въ какой-то туманной тьмѣ, и снова всплывали, и снова тонули. Это были пожалуй и грезы, и дремота, но только не сонъ. Мнѣ казалось, что я не сплю, но лишь испытываю то особенное, истомное, полусознательное состояніе, которое наплываетъ на человѣка между сномъ и бдѣніемъ. Не знаю, были ли глаза мои открыты, или нѣтъ—вѣрнѣе, что нѣтъ,—но мнѣ словно бы помнится, какъ все болѣе и болѣе блѣднѣли и потухали отблески заката, и какъ все глубже надвигался вечерній сумракъ, окутывая тихою мглою всѣ окружающіе предметы, всю комнату, каминъ, и окна, и драпировки...

И вдругъ я чувствую, какъ изъ за спины кто-то тихо начинаетъ склоняться надо мною, надъ моимъ лѣвымъ плечомъ.

«Это — греза» на мгновеніе мелькнулъ во мнѣ слабый отблескъ сознанія — и мысль моя снова пошла лѣниво и дремотно плутать въ туманѣ воспоминаній.

А между тѣмъ, что-то склоняется все ниже и ниже, какъ-будто хочетъ приблизиться, приникнуть къ самому лицу моему, но такъ тихо, такъ робко, словно боясь потревожить, разсѣять мою дремоту.

Вотъ, по щекѣ моей, чуть-чуть коснувшись ея края, слегка скользнулъ чей-то мягкій, шелковистый локонъ... и кто-то совсѣмъ уже близко, совсѣмъ почти у моей щеки.... я невольно впиваю чье-то легкое, вѣющее по ней дыханіе — и это дыханіе такъ мягко, такъ тепло, такъ нѣжно и такъ сдержанно, словно бы и въ немъ чуется боязнь пробудить меня. И въ то же время я обоняю легкое, чуть замѣтное благоуханіе.... О, да! и оно мнѣ знакомо: это тотъ самый тонкій ароматъ изящной, изысканной женщины! Я снова узнаю его! Но вотъ еще одинъ мигъ — и я чувствую, какъ чьи-то мягкія, теплыя губы чуть-чуть прикоснулись къ моей щекѣ трепетно-робкимъ, едва ощущаемымъ поцѣлуемъ.... Еще одно прикосновеніе уже смѣлѣе.... еще, смѣлѣе.... Эти ароматныя уста какъ-будто ищутъ моихъ губъ.... они нашли уже ихъ уголъ, губную ямку, они остановились у самаго края — и снова прикосновеніе нѣжное, любовное.... Дальше, дальше — и наконецъ наши губы слились.

Я невольно вздрогнулъ и очнулся.

Что же это такое?... Я не сплю! И это не сонъ, не грезы! — Въ это самое мгновеніе женскія руки вскинулись на мои плечи, и вмѣстѣ съ поцѣлуемъ я почувствовалъ чьи-то крѣпкія, живыя объятія.

Широко раскрывъ глаза, я старался вглядѣться и разгадать себѣ, кто это и что это значитъ? Передо мною, совсѣмъ приникнувъ къ моей груди, стояла на колѣняхъ женщина.

Я оторвалъ отъ нея мои губы и сдѣлалъ движеніе чтобы отстраниться отъ этихъ объятій.

— Кто это?

— Милый... милый... Тсс!.. ни слова!.. Бога ради, тише! слышался мнѣ какой-то сдержанный, страстный шопотъ: — это я... я... Ты не узналъ меня?

— Пани Амелія... что вамъ угодно?

— Тише же, говорю!.. Молчи и лови минуту — она твоя!

И она снова приникла ко мнѣ со всѣмъ обаяніемъ нѣжной женской страсти.

Мой сюртукъ былъ разстегнутъ. Сколь ни горячи казались ея поцѣлуи и объятія, но... я замѣтилъ, какъ ея рука скользнула къ моему боковому карману. Тамъ лежали арестованныя бумаги. Я мигомъ понялъ настоящее значеніе и этихъ поцѣлуевъ, и этого послѣдняго свиданія. Быстро поднявшись съ мѣста, я остановилъ ея руку.

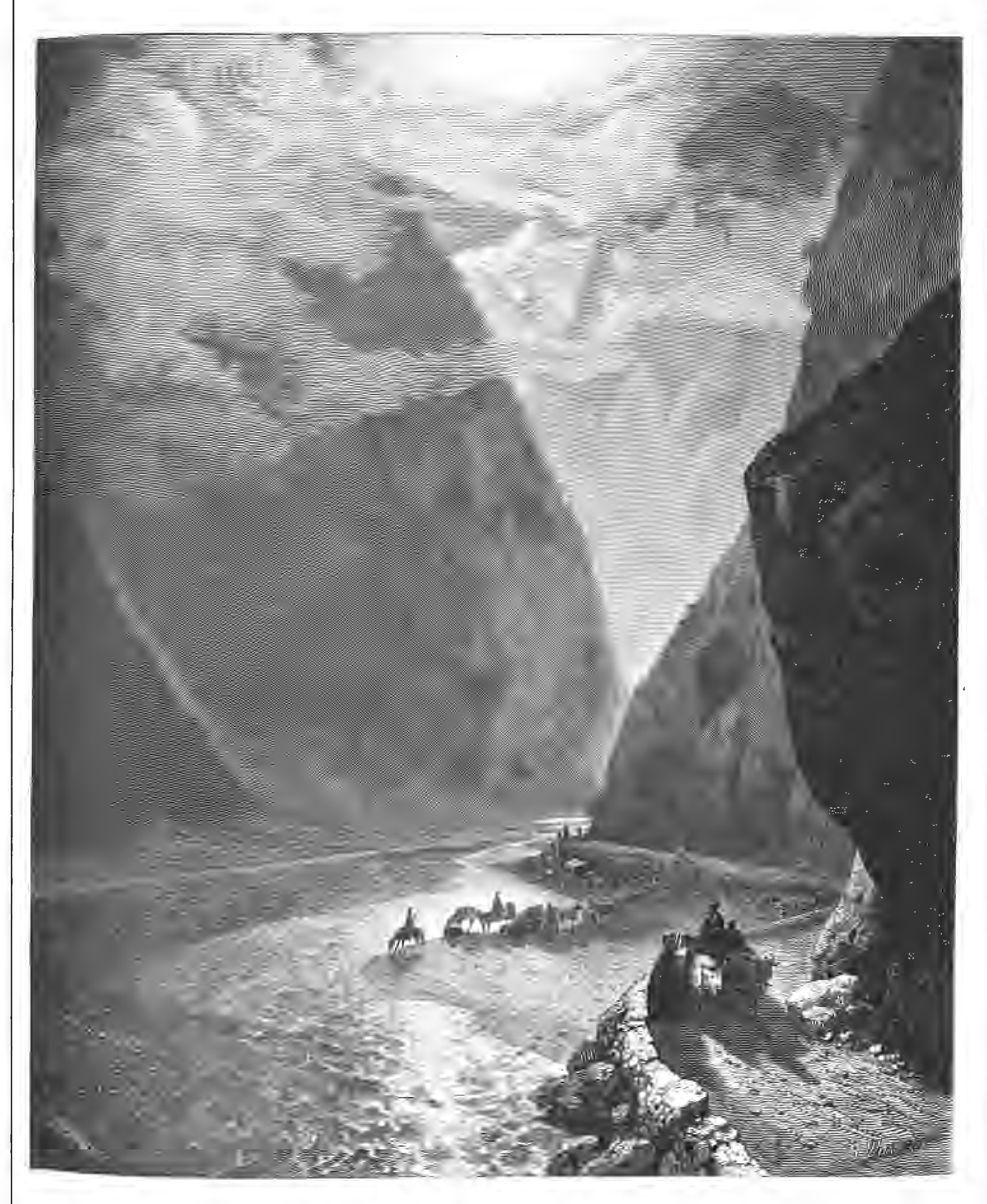
— Спаси старика... Спаси! Отдай мнѣ эти бумаги— я уничтожу ихъ! Что тебѣ это стоитъ!?. Спаси! лепетала она молящимъ шопотомъ, склоняясь къ моей груди и вся дрожа отъ волненія: — вѣдь ты же любилъ меня когда-то... вѣдь мы были друзьями... Бери меня! дѣлай со мною что хочешь! Я твоя раба, твоя собственность, твоя игрушка, но только отдай мнѣ эти бумаги!

Какое проклятое положеніе! Какую жестокую муку выносилъ я въ эту минуту!.. Спасти!.. Да; сердце говорило мнѣ: «спаси!» — но гдѣ мое право на это? Спасти старика во имя моего личнаго чувства, но какъ?— цѣною измѣны моему долгу, моей военной чести, наконецъ цѣной измѣны своему народу и его вѣковому народному дѣлу! — Послѣднее чувство пересилило: я съ болью въ душѣ задавилъ въ себѣ личный, эгоистическій голосъ сердца и холодно отказалъ ей.

Она гордо отстранилась отъ меня—и кинувъ мнѣ въ лицо взглядъ полный ненависти, молча вышла изъ комнаты.

Всеволодъ Крестовскій.

(*Окончаніе будетъ*).



Дарьяльское ущелье на Кавказѣ.

Съ картины профессора И. К. Айвазовскаго, пріобрѣтенной Е. И. Величествомъ, рис. В. Шпакъ. на дер. рѣзалъ Л. Сѣряковъ.

Дарьялъ.

Два главные пути съ сѣвера ведутъ въ Закавказье: одинъ въ Персію, вдоль по берегу Каспійскаго моря—черезъ Дербентъ,—и другой изъ Владикавказа въ Грузію, вверхъ по тѣснинѣ Дарьяла, гдѣ шумитъ и пѣнится Терекъ.

Въ сущности Дарьяломъ называется зàмокъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ этого ущелья, построенный изъ чернаго и розоваго гранита, возлѣ развалинъ неизмѣримо болѣе древняго замка циклопической работы, мшистаго, сѣдаго, великолѣпно-одѣтаго ризой разрушенія, повитаго плющомъ и павиликой, проросшаго столѣтними деревьями, зеленѣющими въ цвѣтахъ дикихъ розъ и тамариндовъ.

Преданіе приписываетъ эту постройку, какъ и всѣхъ вообще развалинъ Грузіи, или царицѣ Тамарѣ, или Вахтангу 1-му (Гургъ-Аслану). Когда изъ Владикавказа подъѣзжаете къ Дарьялу, то дорога представляется узкимъ карнизомъ, гдѣ справа виситъ громадная масса Казбека съ монастыремъ на полу-горѣ, слѣва—бурный водопадъ рѣки, а надъ головой — маленькій клочекъ неба! Картины одна другой мрачнѣе и одна другой разнообразнѣе—съ каждымъ поворотомъ дороги—мелькаютъ передъ вами. Надъ каждой хочется остановиться, чтобы успѣть налюбоваться ею, насладиться вдоволь, запомнить ее надолго, навсегда,—но каждая манитъ дальше и дальше, обѣщаетъ еще лучшее, гонитъ васъ впередъ—и вами безотчетно овладѣваетъ чувство какого-то томительнаго пресыщенія и упоенія восторга, смѣшаннаго съ ужасомъ, чтобы вдругъ какъ нибудь не сдвинулись эти каменныя массы и не раздавили васъ какъ пылинку.

Теперь по всему пространству отъ Владикавказа до Тифлиса идетъ прекрасное шоссе, съ парапетами, прочными мостами, удобными гостинницами, гдѣ всегда найдетъ пріютъ путешественникъ, спокойно какъ по ровному мѣсту ѣдущій въ почтовой каретѣ, и одни только остатки прежнихъ тропинокъ и дорогъ свидѣтельствуютъ, что не въ весьма еще отдаленное время —прежде было далеко не то.

Одна изъ этихъ чудесныхъ картинъ достойно воспроизведена на полотнѣ чудесной кистію художника. Можетъ-быть никогда и никто лучше профессора Айвазовскаго не умѣлъ дойти до удивительной вѣрности въ изображеніи самыхъ подвижныхъ стихій природы: воды и воздуха. Никакая фотографическая быстрота никогда такъ отчетливо не увѣковѣчивала момента бури или шума волнъ, которыя не только видишь, но какъ будто слышишь въ его произведеніяхъ. Кто не засматривался напр. на его «хаосъ», и чья кисть живѣе и поэтичнѣе умѣла передать эти полныя простоты, правды и поэзіи слова библейскаго сказанія: въ началѣ былъ хаосъ, и духъ носящійся верху бездны? Но изъ числа многихъ прекрасныхъ картинъ профессора Айвазовскаго, не будь хаоса, мы лучшею не колеблясь назвали бы предлагаемую здѣсь, изображающую Дарьяльское ущелье. Вглядитесь въ эту величественную обстановку, среди коей совершается спокойно и таинственно игра свѣта и тѣней;—облака застилающія ущелье и верхи горъ, отраженіе кроткаго свѣта луны на волнахъ бурной рѣки и движущіяся вдали фигуры, среди неподвижныхъ массъ первозданныхъ толщъ порфира и гранита! и какъ все это неподражаемо вѣрно, просто, — точно иначе и написать было невозможно: такова-то и есть всегда сила великаго таланта. Все совершаемое имъ такъ закончено и полно, такъ повидимому безискусственно и сжато, что кажется нельзя ничего ни прибавить, ни убавить,—а потому и впечатлѣніе, производимое его созданіемъ, такъ цѣльно и естественно, что каждому думается, будто иначе нельзя было и сдѣлать.

Картина Дарьяла пріобрѣтена въ кабинетъ Его Императорскаго Величества. Другой извѣстный нашъ художникъ, г. Шпакъ, взялъ на себя трудъ снять для гравюры копію съ картины профессора Айвазовскаго, который вполнѣ былъ доволенъ художественнымъ исполненіемъ ея. Помѣщая эту гравюру въ нашемъ журналѣ, мы увѣрены, что доставимъ большое удовольствіе тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не видали оригинала,—вновь напомнимъ его тѣмъ, которые имѣли случай любоваться послѣднимъ,—и удвоимъ наслажденіе тѣхъ которые видѣли оригиналъ этотъ кромѣ картины еще и въ дѣйствительности.

Физіологическая лабораторія въ Лейпцигѣ.

Путешественникъ, во второй разъ посѣщающій Лейпцигъ послѣ долгаго отсутствія, не можетъ не замѣтить въ восточномъ предмѣстьи города—цѣлаго ряда обширныхъ вновь воздвигнутыхъ зданій. На вопросъ его, къ чему они служатъ, ему отвѣтятъ, что онъ находится въ кварталѣ, выросшемъ въ баснословно короткое время и посвященномъ наукѣ. Въ послѣдніе годы, на этомъ громадномъ пространствѣ были воздвигнуты обсерваторія и двѣ большія лабораторіи, химическая и физіологическая; къ большому гошпиталю теперь пристроивается временный лазаретъ; тамъ же въ скоромъ времени должны возвыситься анатомическій театръ, патологическая лабораторія и кабинетъ физики. Такимъ образомъ, въ Лейпцигѣ всего въ нѣсколько лѣтъ составится цѣлый Quartier Latin изъ образцовыхъ научныхъ учрежденій.

Теперь не болѣе полугода, какъ стали производить опыты въ упомянутыхъ выше двухъ первыхъ лабораторіяхъ (химической и физіологической), снабдивъ ихъ множествомъ новыхъ аппаратовъ и удобствъ, а слава о нихъ уже разнеслась по всему свѣту. Онѣ единственны въ своемъ родѣ. Но мы на этотъ разъ оставимъ въ сторонѣ химическую лабораторію и обратимся къ физіологической.

Въ ней господствуетъ одна изъ главныхъ отраслей новѣйшей физіологической школы, извѣстная подъ названіемъ «экспериментальной физіологіи», въ которой въ настоящее время болѣе всѣхъ отличаются въ Германіи:

Дюбуа-Реймондъ въ Берлинѣ, Гельмгольцъ въ Гейдельбергѣ и Лудвигъ въ Лейпцигѣ; трудамъ послѣдняго новая лабораторія обязана постояннымъ огромнымъ стеченіемъ публики, въ числѣ которой насчитываются далеко не одни спеціалисты. Туда онъ, вооруженный послѣдними пріобрѣтеніями химіи и физики, каждый день приноситъ плоды своихъ неутомимыхъ изслѣдованій, добываетъ все новыя свѣдѣнія и гипотезы о великой тайнѣ органической жизни и руководитъ молодыми неопытными учеными.

Мы его застали въ кругу его учениковъ, между которыми мы узнали врачей изъ Норвегіи, Франціи, Шотландіи и Сѣверной Америки; онъ толковалъ съ ними о планѣ новаго опыта, однако любезно согласился исполнить наше желаніе и показать намъ—какими путями въ подначальномъ ему заведеніи допытываются тайнъ жизненныхъ явленій и ихъ законовъ.

«Вы убѣдитесь,—сказалъ онъ,—что это заведеніе въ большой мѣрѣ походитъ на заведенія, въ которыхъ преподаются инженерныя науки. Вѣдь и мы, подобно инженерамъ, имѣемъ дѣло съ чисто механическими явленіями». Это вступленіе, отъ котораго многое, что́ мы видѣли, стало намъ вполнѣ понятно,—Лудвигъ коротко разъяснилъ слѣдующими словами: «все то, что́ мы, въ тѣлѣ животныхъ или человѣка, подвергаемъ нашему подробному изслѣдованію, есть ничто иное какъ механическія состоянія или дѣйствія. Весь организмъ есть аппаратъ, составленный изъ многихъ инструментовъ. Мы со своей стороны завели свои инструменты, которыми мѣримъ силу и дѣйствія органовъ тѣла. Глазъ—оптическій аппаратъ; кости служатъ къ несенію тяжестей; кровь и вся система кровяныхъ сосудовъ—гидравлическій аппаратъ; легкія—вентиляторы. Вотъ мы здѣсь и измѣряемъ, какое оптическое устройство даетъ возможность глазу исполнять то, что́ онъ исполняетъ,—сколько могутъ нести кости,—какъ велико давленіе кровяного потока, который, при разныхъ обстоятельствахъ, протекаетъ по венамъ и артеріямъ».

Экспериментальные философы преимущественно занимаются явленіями, сопряженными съ движеніями тѣла. Но эти явленія въ живомъ существѣ неразрывно соединяются съ изощреннѣйшей формой и химическимъ составомъ различныхъ частей тѣла. Поэтому у Лудвига устроено три тѣсно-связанныхъ между собой отдѣленія, въ одномъ изъ которыхъ производятся физіологическіе опыты надъ движеніемъ, тогда какъ въ другомъ разсматриваются подъ микроскопомъ тончайшія фибры, а въ третьемъ дѣлаютъ наблюденія надъ химическимъ составомъ подлежащихъ изслѣдованію частей.

«Я васъ сейчасъ ознакомлю съ нѣкоторыми изъ инструментовъ, при помощи которыхъ мы здѣсь занимаемся физіологіей,—сказалъ намъ профессоръ,—т. е. доискиваемся причинъ жизненныхъ явленій, чтобы опредѣлить, какими законами управляются эти явленія».

Съ этими словами онъ насъ подвелъ къ группѣ молодыхъ докторовъ, въ это самое время производившихъ опыты. Они работали за аппаратомъ, напомнившимъ намъ, по способу его дѣйствія, телеграфный. По просьбѣ Лудвига, одинъ изъ нихъ оторвалъ часть полосы бумаги, накатанной на цилиндръ, и подалъ намъ. Намъ объяснили, что возвышающіяся и понижающіяся линіи, какъ-бы телеграфные знаки, наглядными письменами передаютъ то что́ происходитъ въ кровяной и нервной системѣ собаки употребляемой для опытовъ. Прежде всего нужно, чтобы животное было приведено въ состояніе полнаго безпамятства и невозможности двигаться, потому что каждое его движеніе мѣшало бы опытамъ. Для этого ему дается пріемъ Curare—извѣстнаго яда, въ который дикари обмакиваютъ остріе своихъ стрѣлъ; ядъ этотъ имѣетъ то свойство, что онъ немедленно поражаетъ мускулы, т. е. отнимаетъ у нихъ движеніе, не уменьшая раздражительности нервовъ. Только при такомъ состояніи животнаго возможно производить систематическій рядъ опытовъ съ его позвоночнымъ хребтомъ. Если раздражить одинъ изъ нервовъ исходящихъ изъ хребта,—а это дѣлается посредствомъ стоящаго тутъ же магнито-электрическаго аппарата,—за этимъ раздраженіемъ немедленно слѣдуетъ усиленіе давленія крови; а такъ какъ съ каждымъ усиленіемъ этого давленія сопряжены измѣненія въ біеніи сердца и сокращеніи кровяныхъ сосудовъ, то приложенъ къ собакѣ инструментъ такого рода, что перо, восходящее и нисходящее отъ каждаго біенія сердца, отмѣчаетъ на бумагѣ силу удара, производимаго произвольнымъ раздраженіемъ изслѣдуемаго нерва. Такимъ образомъ понемногу отыскиваютъ отдѣльные нервы на всемъ протяженіи ихъ по тѣлу, а затѣмъ описаннымъ способомъ доискиваются ихъ физіологическаго дѣйствія. Надо впрочемъ сказать, что на изученіи одного нерва требуется иногда цѣлый годъ.

Во второй комнатѣ мы тоже увидѣли самописную машину.

«Должность ея,—сказалъ намъ Лудвигъ,—состоитъ въ томъ, чтобы контролировать движеніе мускула».—Какъ это понять? «Слушайте далѣе», продолжалъ онъ: «дѣятельность каждаго мускула состоитъ въ сократительномъ движеніи—и въ каждомъ мускулѣ есть нервъ, которымъ управляются сокращенія его волоконъ. Посмотрите: къ этому аппарату прикрѣпленъ мускулъ лягушки, а къ самому мускулу придѣлана небольшая гирька. Лишь только раздражить нервы, мускулъ тотчасъ же сокращается немного, приподнимая и гирьку. Гирька эта въ свою очередь приводитъ въ движеніе перо, которое чертитъ ясныя и легко измѣримыя линіи на бумагѣ, медленно скатывающейся съ цилиндра».

Въ слѣдующей комнатѣ мы нашли еще аппаратъ, но онъ въ ту минуту не дѣйствовалъ. Лудвигъ объявилъ намъ, что аппаратъ служитъ къ изслѣдованію сердца и его движенія. Профессоръ называлъ сердце «полымъ мускуломъ» и сказалъ намъ, что самъ подробно изучилъ и устройство и расположеніе его волоконъ.

«Но прежде надо вамъ сказать,—объяснялъ онъ,—«что къ сердцу идутъ два нерва, которые при раздраженіи представляютъ разныя явленія. Одинъ изъ нихъ ускоряетъ движенія сердца, другой замедляетъ ихъ, а при сильномъ раздраженіи и вовсе останавливаетъ. Остается изслѣдовать—что́ будетъ, если раздражить оба въ одно время. Для этого-то опыта у насъ и приготовлена эта машина.

Онъ мигомъ привелъ въ движеніе весь сложный механизмъ и объяснилъ, какимъ образомъ эта машина контролируетъ обращеніе крови, управляемое движеніями сердца: каждому возвышенію и пониженію теченія крови, т. е. каждому усиленію или ослабленію движенія сердца, соотвѣтствуетъ возвышеніе или пониженіе линіи, выводимой тѣмъ же способомъ на полосѣ бумагѣ, накатанной на вращающемся цилиндрѣ.

Далѣе насъ провели по комнатѣ, въ которой производится пищевареніе и высиживаніе яицъ. Для того и другаго процесса требуется извѣстная ровная, неизмѣняющаяся температура. Для этой цѣли газовые рожки

у топильнаго аппарата (весьма, пригоднаго и для домашняго употребленія) устроены такъ, что они, благодаря процесу самоохлажденія, становится то длиннѣе, то короче, смотря потому превосходитъ-ли жаръ требуемую степени тепла или еще не достигъ ея. Неподалеку намъ показали аппаратъ, посредствомъ котораго можно впрыскивать жидкость въ жилы животнаго при совершенно-ровномъ давленіи. Затѣмъ мы очутились въ темной комнатѣ, въ которой помѣщается все нужное для спектральнаго анализа, т. е. для такого способа изслѣдованія, помощью котораго можно, напримѣръ, различить, содержитъ-ли кровь кислоты или нѣтъ.

Химія газовъ играетъ большую роль въ новѣйшей физіологии. Если понадобится вытянуть всѣ газы изъ жидкости, входящей въ составъ тѣла, напр. изъ крови, употребляютъ для этого «ртутный аппаратъ», который помѣщается въ особомъ отдѣленіи. Большія массы ртутныя двигаются по цѣлой системѣ стеклянныхъ трубъ, установляя въ ней безвоздушное пространство; трубы, вслѣдствіе этого, втягиваютъ въ себя газы, которые химикъ немедленно изслѣдуетъ. Куда ни посмотри въ этой комнатѣ, вездѣ блеститъ ртуть; не смотря на это можно спокойно работать, не боясь отравленія, потому что вредно дѣйствуетъ только вдыханіе ртутныхъ паровъ.

«Чрезвычайно важно то, что намъ не нужно, для нашихъ опытовъ, прибѣгать къ наблюденіямъ надъ живыми существами (vivisectio, живосѣченіе), и что мы имѣемъ возможность производить ихъ на частяхъ взятыхъ отъ мертваго организма совершенно также какъ на живыхъ животныхъ».

Съ этими словами Лудвигъ показалъ намъ новый дыхательный аппаратъ. Подъ стекляннымъ колпакомъ висѣли легкія какого-то животнаго. Двумя системами трубъ они снабжались—съ одной стороны воздухомъ, съ другой—кровью, такъ что въ одно и тоже время производился въ нихъ искусственный процесъ дыханія и искусственный процесъ кровообращенія.

Первый взглядъ на обширную аудиторію, вмѣщающую въ себѣ 60—70 слушателей и прекрасно освѣщенную сверху, убѣдилъ насъ въ томъ, съ какою заботливостью приняты всѣ мѣры, что-бы всѣ могли свободно видѣть физіологическіе опыты, производимые во время лекціи. Столъ—на которомъ помѣщается препаратъ, служащій для опытовъ,—катится на рельсахъ вдоль всего ряда слушателей; тутъ же находится аппаратъ для искусственнаго дыханія, который приводится въ движеніе паровой машиною.

Въ подвальномъ этажѣ помѣщаются: отдѣленіе большой химической лабораторіи, занимающей въ верхнихъ этажахъ цѣлый флигель зданія, мастерская состоящаго при заведеніи механика, отдѣленіе для химическихъ наблюденій надъ кровью, съ холоднымъ аппаратомъ, не дающимъ ей разлагаться, помощью льда,—далѣе комната, въ которой стоитъ машина, своими безчисленными приводами приводящая въ движеніе всѣ аппараты размѣщенные по всѣмъ заламъ, причемъ достигается огромное сбереженіе замѣненіемъ пара свѣтильнымъ газомъ. Наконецъ насъ провели въ комнаты, гдѣ содержатся животныя, нужныя для опытовъ. Благодаря вентиляторамъ и разнымъ очистительнымъ аппаратамъ, въ этихъ комнатахъ, не смотря на значительное множество собранныхъ въ нихъ животныхъ, не можетъ водвориться тотъ воздухъ, которымъ отшибаетъ при входѣ въ звѣринецъ. Мы, напротивъ, скорѣе очутились въ подземномъ зоологическомъ саду. Комната здоровыхъ собакъ, которыя живутъ въ большихъ желѣзныхъ клѣткахъ, и отдѣленныхъ другъ отъ дружки или нѣтъ, смотря по характеру,—помѣщается рядомъ съ лазаретомъ больныхъ собакъ; тамъ совершенно тихо, потому что больныя собаки, какъ извѣстно, лежатъ смирно и не лаютъ. Въ особомъ отдѣленіи содержатся 40 кроликовъ, а 500 лягушкамъ отведены двѣ квартиры: зимняя и лѣтняя; въ первой онѣ лежатъ на пескѣ, и черезъ день ихъ обливаютъ водой; въ послѣдней имъ устроенъ прудъ съ фонтаномъ. Наконецъ, на дворѣ построена еще конюшня, такъ какъ иногда нужны бываютъ и лошади.

Мы вышли изъ заведенія вполнѣ убѣжденные, что направленіе ума и труда къ подобнымъ цѣлямъ достойно искреннѣйшей похвалы; успѣхи въ наукѣ, достигаемые тутъ, должны, въ практическомъ отношеніи, принести огромную пользу гигіенѣ и медицинѣ. Но помимо практическаго примѣненія уже есть несомнѣнная польза, что отъ подобныхъ учрежденій человѣческій умъ расширяется до размѣровъ, на достиженіе которыхъ еще недавно едва могли надѣяться, и что проливается свѣтъ на одинъ изъ самыхъ доселѣ темныхъ вопросовъ: жизнь нашего собственнаго тѣла.

Тихоокеанская желѣзная дорога.

(*Окончаніе*).

Въ виду столь громаднаго поистинѣ событія, какъ проложеніе непрерывнаго желѣзнаго пути отъ берега Атлантическаго до берега Тихаго Океана, — невольно думается, который изъ безчисленныхъ пунктовъ, соединяемыхъ этимъ путемъ, получитъ отъ него наибольшую выгоду, наибольшее приращеніе торговаго и политическаго значенія — и едва-ли будетъ смѣло сказать, что этимъ пунктомъ будетъ Санъ-Франциско, «Золотой Городъ» и до сихъ поръ уже баловень небесъ, которому самое его мѣстоположеніе и прочія условія и безъ того уже сулили въ будущемъ званіе одной изъ торговыхъ столицъ міра. Краткое прошлое этого города подобно сказкѣ — будущность предстоитъ ему тоже сказочная. На первый кликъ: «золото!» стали стекаться на калифорнскій берегъ люди всѣхъ націй, корабли подъ всевозможными флагами. Какъ изъ земли выросли палатки и деревянныя избы, а когда ихъ истребили пожары, на мѣстѣ ихъ воздвиглись каменныя зданія, дворцы и церкви, образуя широкія, ровныя улицы, — и прежде чѣмъ этотъ городъ чудесъ отпраздновалъ свою десятую годовщину, онъ уже былъ признанъ третьимъ центромъ иностранной торговли Америки. Когда золотые пріиски, сотворившіе это чудо, начали выказывать нѣкоторые признаки истощенія, за горами (Сьеррой Невадой) неожиданно открылись пріиски еще богатѣйшіе. Ломъ и кирка золотоискателя нечаянно наткнулись на серебряныя жилы, а главное—были найдены руды ртути, эксплуатація которыхъ вдругъ утроила массу этого драгоцѣннаго металла, получаемую до тѣхъ поръ на земномъ шарѣ. Наконецъ оказалось, что Калифорнія есть сущее

Эльдорадо не для одного золотоискателя, но и для землевладѣльца, что богатыя долины Сьерры Невады по производству пшеницы можно уподобить древнему Египту, а по производству винограда—землѣ Ханаанской.

Въ январѣ 1848 г. было найдено первое золотое зерно, а въ концѣ 1849 г. уже 30,000 человѣкъ двинулись изъ восточныхъ штатовъ, перебрались черезъ Скалистыя Горы, прошли необозримую степь бассейна Соленаго Озера (ширина ея равняется 1,000 англ. миль) и во второй разъ перенесли всѣ ужасы перехода черезъ горы, прежде чѣмъ съ вершинъ Сьерры Невады наконецъ узрѣли новый обѣтованный край, оставивъ на пути 4,000 погибшихъ по дорогѣ товарищей. Немного позднѣе, вожделѣнный клочекъ земли уже пестрѣлъ представителями всѣхъ человѣческихъ расъ. За бѣлымъ притащился и негръ, индѣецъ удостоилъ снизойти со своихъ возвышенныхъ пастбищъ, изобилующихъ бизонами. Китай прислалъ своихъ длиннокосыхъ сыновъ. Всѣ языки звучали — словно повторялась во очію исторія вавилонскаго столпотворенія. Съ немыслимой быстротой и легкостью пріобрѣтались сокровища, но объ удобствахъ и комфортѣ, которыми обыкновенно сопровождается богатство, въ эту первую пору и помина не было. Красная шерстяная рубаха сдѣлалась общимъ мундиромъ, каждый самъ для себя стряпалъ, стиралъ, былъ собственнымъ камердинеромъ и лакеемъ, никто никакой работы не стыдился, потому что за деньги почти нельзя было имѣть прислуги или приходилось платить неимовѣрное жалованье—отъ ста до двухсотъ долларовъ золотомъ, въ мѣсяцъ, или восемь долларовъ за стирку дюжины рубашекъ; ломовой извощикъ легко могъ заработать сто долларовъ въ день перевозкой кладей. Лучшій отель въ Санъ-Франциско назывался «Parkers house»; въ первый годъ хозяинъ его выручилъ за одинъ наемъ нумеровъ 110,000 долларовъ, изъ кототорыхъ 60,000 принесли однѣ игорныя залы. Золото находили массами, но и платилось за все нерѣдко *буквально* на вѣсъ золота; баснословныя цѣны, которыя платились за самыя простыя вещи, не опредѣлялись никакими нормами, а единственно произволомъ продавцевъ.

Четыре тысячи человѣческихъ жизней стоила первая эмиграція въ Калифорнію; но цифру эту надо умножить на десять, если принять въ счетъ всѣхъ жертвъ, погибшихъ въ первые пять лѣтъ отъ чрезмѣрнаго труда, безпорядочной жизни и всякихъ лишеній. Недаромъ одинъ писатель сказалъ, что «человѣческія кости служили фундаментомъ стѣнъ нынѣшняго города». Если къ этому прибавить, что большинство искателей состояло изъ отчаянныхъ мошенниковъ и просто злодѣевъ, подонковъ острожнаго и трущобнаго населенія цѣлаго міра, то невеселая представится уму картина. Состояніе составлялось часто въ нѣсколько часовъ, но рѣдко оставалось въ рукахъ счастливцевъ.

Игорные и питейные дома поглощали милліоны, или же находка отнималась вооруженной рукой разбойника. Воры, поджигатели, шуллера, буяны дѣлали пребываніе на улицахъ опаснымъ среди бѣлаго дня; что происходило по ночамъ — того и описать нельзя; — и все это творилось такъ-сказать подъ носомъ властей, блюстителей закона. Къ счастію, англо-саксонскій порядливый и законолюбивый характеръ не могъ долго терпѣть подобнаго безчинства; лучшіе люди, сначала въ маломъ числѣ, рѣшились на собственный рискъ и отвѣтственность объявить войну врагамъ общества, и образовали нѣчто въ родѣ частнаго полицейско-уголовнаго учрежденія. Они составили коалицію подъ именемъ «комитета бдительности» (Vigilance Committee), и открыто заявили намѣреніе соединенными силами вынудить уваженіе къ нагло-поруганнымъ законамъ. Они не убоялись взять на себя должность нетолько сыщиковъ и судей, но и палачей. Они сами ловили преступниковъ или отнимали ихъ у трусившихъ или подкупленныхъ чиновниковъ, судили, вѣшали тѣхъ, которые заслуживали по закону смертную казнь, а прочихъ выгоняли съ запрещеніемъ, подъ страхомъ смерти, возвращаться. Вскорѣ всѣ любители порядка сдѣлались членами комитета, такъ что въ 1856 году онъ уже развился до размѣровъ дружной, правильно организованной коалиціи изъ 9000 человѣкъ. Таково происхожденіе знаменитаго «закона Линча», который ознаменовалъ свою дѣятельность множествомъ насильственныхъ и повидимому противозаконныхъ поступковъ — всегда однако направленныхъ къ общему благу, и вполнѣ оправдываемыхъ спасительными результатами. Этотъ своего рода терроръ можетъ-быть и наложилъ кровавое пятно въ настоящемъ на молодой городъ, но спасъ его въ будущемъ.

Другая выдающаяся черта первыхъ годовъ Санъ-Франциско—черта, между прочимъ, которая придаетъ этому городу сходство съ Римомъ при Ромулѣ и Ремѣ,—это отсутствіе женщинъ. Понятно, что въ началѣ ни одна порядочная женщина не могла и помыслить отправиться въ Калифорнію, вслѣдствіе чего ввозъ женщинъ (выраженіе, пожалуй, немного оскорбительное, но чрезвычайно вѣрное) сдѣлался предметомъ обширной и выгодной спекуляціи. Не смотря на это, изъ статистическихъ свѣдѣній за 1856 г. выходитъ, что въ этомъ году, на 29,165 человѣкъ мужскаго населенія, было всего 5164 души женскаго; несоразмѣрность этихъ цифръ еще болѣе бросится въ глаза, если принять въ разсчетъ, что, кромѣ вышеупомянутаго, болѣе или менѣе осѣдлаго населенія, въ городѣ постоянно таскалось человѣкъ отъ 4,000 до 10,000 всякихъ бродягъ или пріѣзжихъ и временныхъ жителей. Впрочемъ, въ 1860 г. уже мужчинъ было только на одну треть больше чѣмъ женщинъ, а теперь почти что установилась нормальная пропорція, что конечно не менѣе стараній «комитета бдительности» способствовало укрощенію нравовъ и водворенію общественнаго и домашняго порядка.

Выше уже было упомянуто о пестротѣ и многоязычности перваго, выходческаго населенія Калифорніи. Курьознѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи являлся, конечно, на европейскій глазъ, азіатскій контингентъ — можно сказать «является», потому что и въ настоящую минуту китайцевъ въ Калифорніи насчитываются не менѣе 100,000; они постоянно прибываютъ, и вѣроятно прибывали бы въ еще большемъ числѣ, если бы ихъ всѣми мѣрами—иногда положительно несправедливыми и притѣснительными—не отваживали англосаксонскіе жители. Это объясняется отчасти тѣмъ, что американцы видятъ себѣ опасныхъ конкурентовъ въ выходцахъ «поднебесной имперіи», славящихся неутомимымъ терпѣніемъ и усердіемъ къ работѣ, бережливостью и трезвостью, притомъ довольствующихся, вслѣдствіе своихъ малыхъ потребностей, ничтожнымъ жалованіемъ или задѣльной платой; — отчасти же враждебнымъ отвращеніемъ и презрѣніемъ англосаксонскаго племени ко всякому «цвѣтному» люду, т. е. ко всѣмъ не-индоевропейцамъ безразлично. Поэтому въ Санъ-Франциско

нѣтъ ни одного китайскаго нищаго: китаецъ знаетъ, что ему нечего ждать отъ состраданія бѣлаго, и предпочитаетъ приписаться къ одному изъ пяти китайскихъ обществъ, которыя по своей дѣятельности равняются нашимъ европейскимъ обществамъ взаимнаго вспоможенія. Богатѣйшимъ китайскимъ купцамъ и банкирамъ —въ этомъ отношеніи не лучше, чѣмъ самымъ бѣднымъ ихъ соотечественникамъ: дѣла съ ними имѣютъ, но не знаются и компаніей ихъ брезгаютъ.

Съ 1849 до 1852 г. Санъ-Франциско потерпѣлъ пять громаднѣйшихъ пожаровъ, но каждый разъ онъ возставалъ изъ пепла не только быстро, но лучше прежняго. Теперь это въ полномъ смыслѣ великолѣпный городъ, покрывающій пространство въ 12 англійскихъ квадратныхъ миль, съ роскошными улицами, дворцами, церквами, дачами и полуторастотысячнымъ населеніемъ. Главная улица, Монгомери-Стритъ, не побоится сравненія съ нью-йоркскимъ Бродуэйемъ, да и другія улицы хорошихъ кварталовъ ничѣмъ не хуже лучшихъ нью-йоркскихъ «Avenues». Однихъ казенныхъ учебныхъ заведеній—тридцать, въ томъ числѣ нѣсколько высшихъ и классическихъ, не уступающихъ заведеніямъ восточныхъ столицъ; кромѣ того восемдесять частныхъ школъ распространяютъ разныя степени образованія, знаній и разныя ремесла. Потребностямъ читающей публики удовлетворяютъ нѣсколько библіотекъ, одна изъ которыхъ, Mercantile Library, имѣетъ до 25,000 томовъ. Замѣчательное явленіе, единственное во всемъ родѣ, представляетъ отель «What Cheer Hotel», который содержитъ библіотеку изъ 5,000 томовъ и предоставляетъ пользованіе ею своимъ постояльцамъ безплатно. Текущая повременная литература поддерживается отлично-организованной печатью на нѣсколькихъ языкахъ — англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, испанскомъ. Періодическихъ изданій выходитъ сорокъ-семь, и есть между ними нѣсколько органовъ (The Bulletin, The Alta California, The Times, The Morning Call) которые чрезвычайно распространены и имѣютъ огромное вліяніе. Вмѣсто первой, бѣдной церкви, погибшей въ одномъ изъ первыхъ пожаровъ, теперь воздвиглось до шестидесяти великолѣпныхъ храмовъ, во всѣхъ стиляхъ и для послѣдователей всѣхъ возможныхъ вѣроисповѣданій — католиковъ, методистовъ (эти два исповѣданія пользуются численнымъ преобладаніемъ), пресвитеріанцевъ, реформатовъ, евреевъ и пр.

Такая заботливость объ умственныхъ и душевныхъ потребностяхъ гражданъ свидѣтельствуетъ нетолько о высокой степени развитія, но и о громадныхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаетъ община, состоящая почти исключительно изъ купечества. Дѣйствительно, купечество это не только предпріимчиво и смѣло, но разсчетливо, дальновидно и неутомимо. Городъ, созданный на капиталы и силы восточныхъ штатовъ, въ первые годы своего существованія поддерживался почти единственно ввозами изъ Нью-Йорка и Бостона. Пока всѣ руки копали землю, ища въ ней золота, никому не было ни времени, ни охоты браться за плугъ и заступъ или заняться скотоводствомъ. Теперь же и въ этомъ отношеніи произошелъ полнѣйшій переворотъ. Питомецъ востока возмужалъ и съ лихвою воздаетъ своему кормильцу за все, полученное отъ него. Пусть говорятъ за себя слѣдующія цифры: въ теченіе 1867 г. изъ Санъ-Франциско было вывезено 12 милліоновъ четвериковъ (buschel) пшеницы и 20 милліоновъ четвериковъ ячменю; шерсти же корабли вывезли изъ Калифорніи 7 милліоновъ фунтовъ. Зерно, мука и вино отправляются на востокъ, въ Южную Америку, на Сандвичевы Острова, кожа—въ Китай и Японію, благородные металлы посылаются во всѣ концы свѣта. Пароходы и агентства Калифорнскихъ пароходныхъ обществъ встрѣчаются во всѣхъ портахъ міра. «Тихоокеанская почтовая компанія» (Pacific Mail Company) имѣетъ одну изъ громаднѣйшихъ корабельныхъ верфей во всемъ свѣтѣ; суда ея соединяютъ Америку, Европу, Азію и Полинезію. На фабрикахъ всевозможныхъ родовъ занимаются тысячи людей; двѣнадцать паровыхъ машинъ, двадцать одинъ пивоваренный заводъ, двѣ сахароварни, двѣ стекольныя фабрики, тринадцать мыловаренныхъ заводовъ и семь паровыхъ лѣсопильныхъ мельницъ снабжаютъ Калифорнію и сосѣдніе штаты своими продуктами. Къ этому нужно прибавить банкирскій домъ, у котораго въ одно десятилѣтіе (1856—1866 г.) перебывало въ оборотѣ денегъ и товару на 1,100 милліоновъ долларовъ, и который въ состояніи вести дѣла свои ровно и твердо, не поддаваясь никакимъ колебаніямъ курса на золото. Общественные порядки давно установились вполнѣ сообразно съ общимъ благоденствіемъ и развитіемъ города; времена «комитета бдительности» канули въ вѣчность; еще нѣсколько лѣтъ—и намъ будетъ казаться миѳомъ то, что пережили и дѣлали люди еще далеко не пожилые.

Кто узнаетъ въ нынѣшнемъ Санъ-Франциско—Санъ-Франциско начала пятидесятыхъ годовъ? А между тѣмъ, эти баснословные результаты—еще только начало того, что предстоитъ ему впереди. Исполинское дѣло, которое еще десять лѣтъ тому назадъ считалось невозможностью—тихоокеанская желѣзная дорога—окончено 10 мая 1869 г. Съ этого дня начинается новый періодъ исторіи города, и—въ виду міроваго значенія, какъ самой «Царицы Тихаго Океана», такъ и пути, непосредственно соединяющаго ее съ Нью-Йоркомъ, владычицей Атлантическихъ водъ,—нашимъ читателямъ, можетъ быть, не безинтереснымъ покажется историческій очеркъ происхожденія и построенія этого громаднаго пути.

Мысль о рельсовомъ соединеніи атлантическаго берега съ тихоокеанскимъ въ первый разъ явилась въ нью-йоркскихъ газетахъ тридцать лѣтъ назадъ. Высказалъ ее нѣкто Гартлей Карверъ. Это была мысль достойная Колумба—и ее постигла та же участь. Карвера осмѣяли какъ пустаго фантазера, или пожалѣли какъ сумасшедшаго. Теперь этотъ человѣкъ является намъ пророкомъ, и справедливость тѣмъ болѣе требуетъ передать имя его потомству, что онъ не только первый призналъ необходимость и неизбѣжность соединенія обоихъ океановъ, но еще первый обратилъ на этотъ предметъ вниманіе правительства Соединенныхъ Штатовъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ представилъ конгрессу записку, которая надѣлала шуму, но осталась безъ дальнѣйшихъ результатовъ. Но послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ открытіе золотыхъ пріисковъ скорѣе измѣнило обстоятельства, чѣмъ могъ надѣяться даже самъ Карверъ. Хотя громадность разстояній и баснословно преувеличенныя препятствія, представляемыя природой, все еще не позволяли признать неотложную необходимость такого пути,—судоходство стало прилагать всѣ старанія, чтобы установить правильное сообщеніе между этими отдаленными берегами и остальнымъ міромъ. Но Калифорнія, какъ мы видѣли выше, превзошла самыя смѣлыя надежды; а когда раскрылись также территоріи Невада и Колорадо, прилегающія къ ней съ востока, и Санъ-Франциско сталъ

быстро созрѣвать въ большую правильно организованную общину,—возрастающій приплывъ эмиграціи и цивилизаціи все настойчивѣе сталъ требовать соотвѣтственныхъ средствъ сообщенія. Пароходное сообщеніе, хотя оно было значительно сокращено переходомъ черезъ Панамскій перешеекъ, уже оказывалось недостаточнымъ. Трансконтинентальный трактъ на лошадяхъ представлялъ трудности и опасности всякаго рода. Но все еще не хватало мужества рѣшиться на борьбу съ горными баррикадами, воздвигнутыми природой почти у самаго берега Тихаго Океана,—не хватало даже духа взглянуть этимъ препятствіямъ прямо въ лицо. Первый человѣкъ, осмѣлившійся это сдѣлать, былъ Д. Джюда (Judah), инженеръ, уже много лѣтъ занимавшійся въ тѣхъ краяхъ землемѣрными работами, одинъ изъ тѣхъ людей не слова а дѣла, которые въ рѣшительную минуту являются сами на всякое великое предпріятіе. Онъ самъ изслѣдовалъ Сьерру Неваду, дикость и недоступность которой устрашали даже звѣроловов и золотоискателей, и возвратился изъ своей отважной экспедиціи въ Сакраменто, политическую столицу штата, съ доказательствомъ, что есть возможный проходъ. Постановивъ этотъ важный пунктъ, онъ безъ труда нашелъ и капиталистовъ,—во главѣ ихъ стали Ч. П. Гонтингтонъ и Л. Стэнфордъ изъ Сакраменто,—которые въ 1861 г. составили желѣзнодорожную компанію. Законодательное собраніе штата Калифорніи съ готовностью дало нужную грамоту, и когда компанія вскорѣ послѣ того отправила агентовъ въ Вашингтонъ, чтобы обезпечить себѣ поддержку правительства всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, агенты эти встрѣтились въ союзной столицѣ съ посланными отъ нѣсколькихъ восточныхъ компаній, пріѣхавшими представить такой же проектъ рельсоваго соединенія долины Миссиссипи съ берегомъ Тихаго Океана, т. е. собственно говоря—обоихъ океановъ.

Востокъ тоже не праздно ждалъ достиженія желанной цѣли.

Капиталисты Сентъ-Луиса и Чикаго, съ каждымъ годомъ завлекаемые дѣлами въ сношенія съ тихоокеанскими прибрежіями, прежде другихъ начали мечтать о проведеніи къ нимъ желѣзнаго пути. Изъ Чикаго, центра сѣверозападной торговли, было проектировано не менѣе трехъ линій черезъ штатъ Айову, которыя должны были сойтись на одномъ пунктѣ границы Небраски, а оттуда вести черезъ Миссури къ Скалистымъ Горамъ. Что касается Сенъ-Луиса, центра торговли и сообщеній по Миссиссипи, тамъ уже въ 1851 г. было приступлено къ сооруженію желѣзной дороги на западъ, которая должна была пройти въ Канзасъ, перерѣзывая штатъ Миссури, —и на первое время остановиться въ Канзасъ-Сити. Но обѣ эти проекта не особенно усердно приводились въ исполненіе, пока открытіе золотыхъ пріисковъ Колорадо, на восточномъ склонѣ Скалистыхъ Горъ, не поддало жару духу предпріимчивости. Такимъ образомъ случилось, что агенты этихъ компаній прибыли въ Вашингтонъ, въ одно время съ представителями Сакраментской компаніи, или, какъ гласилъ ея офиціальный титулъ—«Общества центральной Тихоокеанской желѣзной дороги». Такъ какъ дѣло шло объ интересахъ одинаково важныхъ для Чикаго и Сентъ-Луиса, т. е. о грамотѣ на построеніе дороги съ денежной субсидіей и дарованіемъ земель,—то легко себѣ представить, какая борьба должна была завязаться между представителями двухъ городовъ, и безъ того уже ожесточенно соперничавшихъ другъ съ другомъ. Люди, близко посвященные въ это дѣло, увѣряютъ, что *убѣдительнѣйшіе* доводы, которые пускались въ ходъ, тамъ гдѣ обрывалось самое блестящее краснорѣчіе, доходили до милліоновъ. Не смотря на это, ни одна изъ восточныхъ компаній не добилась предпочтенія: обѣ получили концессіи на построеніе желѣзныхъ дорогъ черезъ Скалистыя Горы, съ тѣмъ чтобы эти линіи соединились на какомъ нибудь—имѣющемъ быть опредѣленнымъ впослѣдствіи—пунктѣ съ линіей, долженствующей быть построенной обществомъ центральной дороги изъ Санъ-Франциско на востокъ, черезъ Сьерру Неваду. Каждой компаніи, кромѣ того, была положена субсидія: на построеніе дороги при обыкновенныхъ условіяхъ до Скалистыхъ Горъ по 16,000 долларовъ на англійскую милю, на бассейнъ Солянаго Озера (т. е. на протяженіи около 1000 англійскихъ миль) до Сьерры Невады—по 32,000 долларовъ, а на работы въ самой Сьеррѣ Невадѣ—по 48,000 долларовъ. Наконецъ, предпринимателямъ было обѣщано отъ конгресса 6,400 акровъ казенной земли (около 3,200 десятинъ).

Условія эти нѣсколькими годами раньше могли бы считаться положительно выгодными. Но нужно помнить, что они предлагались въ 1862 г.—въ такое время, когда междоусобная война сдѣлала всѣ прежнія отношенія сомнительными,—когда курсъ на золото колебался между 140 и 180,—когда рабочихъ силъ, поглощаемыхъ войною, почти невозможно было найти, или развѣ за сумасбродныя цѣны,—когда тонна того самаго желѣза, за которое платилось въ 1859 г. 35 долларовъ, стоила 130 долларовъ. Къ этому прибавилось еще нѣсколько неудобныхъ статей концессіи, о которыхъ достаточно будетъ здѣсь сказать, что онѣ сильно тормозили энергію предпринимателей. Двухъ лѣтъ достаточно было, чтобы убѣдить обѣ компаніи въ невозможности приступить къ окончательнымъ работамъ на основаніи концессіи 1862 г. Чикагская компанія употребила это время на изысканія, пріобрѣтеніе матеріаловъ и упроченіе своей организаціи. Она выбрала исходной точкой своей линіи—Омаху, селеніе на границѣ Айовы и Небраски (съ тѣхъ поръ превратившееся въ городъ съ 22—23,000 жителей), между тѣмъ какъ Сентъ-Луисская компанія собиралась начинать свою линію въ Ливенвортѣ, столицѣ Канзаса, и сдѣлать ее продолженіемъ готовой уже Сентъ-Луисско-Канзасской линіи. Обѣ компаніи назвали себя «Обществомъ Союзной Тихоокеанской желѣзной дороги», въ противуположность калифорнскому «Обществу Центральной дороги». Обѣ онѣ снова послали въ 1864 г. своихъ агентовъ въ Вашингтонъ хлопотать объ измѣненіи первой концессіи, и обѣ получили дополнительную грамоту, которая придала предпріятію ихъ новую жизнь, и щедрости которой Америка обязана его успѣхомъ.

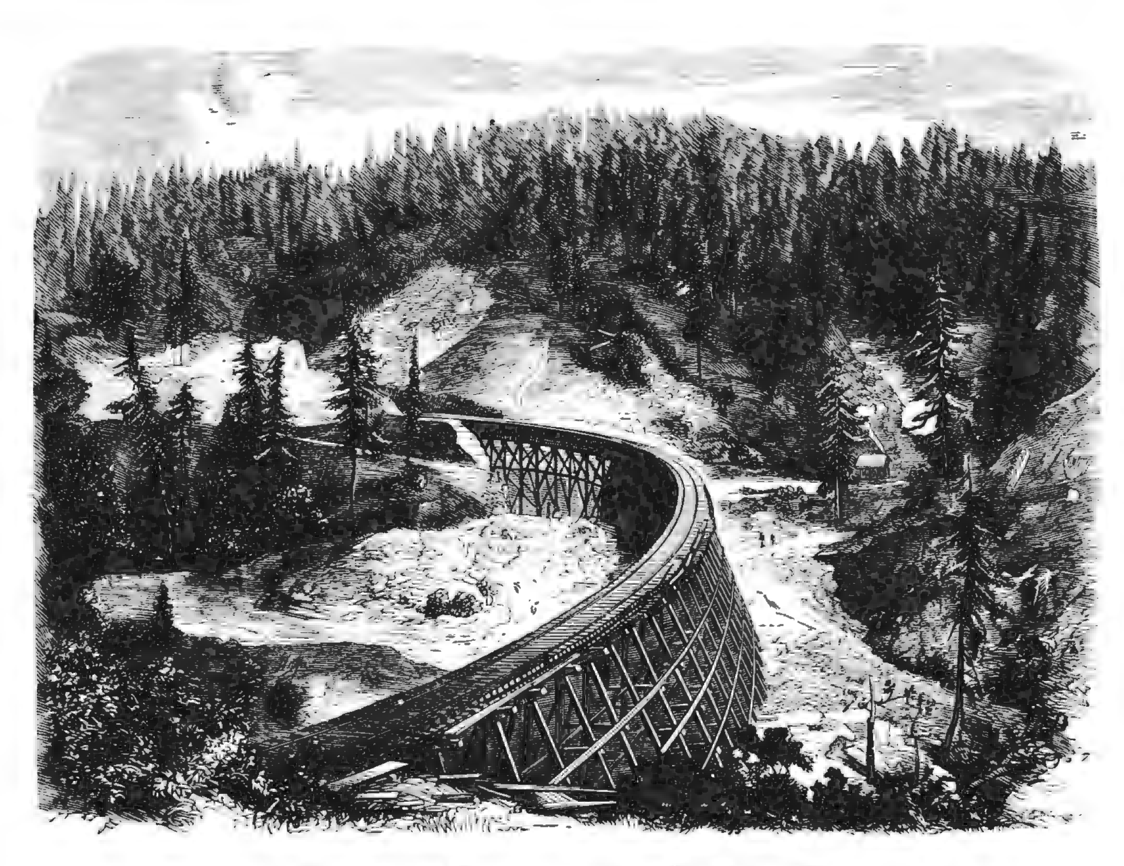
Обезпечивъ и какъ бы застраховавъ себя такимъ образомъ, обѣ компаніи теперь не шутя приступили къ работамъ. Но раздоры, возникшіе въ средѣ самаго правленія Канзасскихъ строителей, мѣшали имъ приложить всю требующуюся энергію, тогда какъ сѣверные соперники ихъ проявили дѣятельность достойную всякаго удивленія. Окончательно принявъ Омаху исходной точкой, подрядчики взялись за дѣло съ истиною американскимъ усердіемъ. Желѣзо получалось партіями, изъ восточныхъ штатовъ, вдоль атлантическаго берега, потомъ сплавлялось по Миссиссипи. Изъ другихъ штатовъ транспорты посылались по желѣзнымъ дорогамъ, а гдѣ ихъ не было —на лошадяхъ, что обходилось страшно дорого. Строительный лѣсъ, котораго мало въ Небраскѣ, привозили изъ дальнихъ, лѣсистыхъ мѣстностей—и агенты разсылались во всѣ концы Союза набирать рабочихъ. Такъ-

то, въ 1866 г., въ обширныхъ равнинахъ, протекаемыхъ рѣкой Платтою, начались работы, обратившія на себя взоры всего міра, и трудъ человѣческій совершилъ небывалыя доселѣ чудеса. Это продолжалось до 10 мая 1860 г., когда въ Утахѣ, у Промонтори Пойнтъ, въ 1085 англійскихъ миляхъ на западъ отъ Омахи, совершилось соединеніе этой линіи съ центрально-тихоокеанской линіей.

Остается сказать нѣсколько словъ объ исторіи послѣдней. Получивъ въ 1862 г. такую же концессію какъ и восточныя компаніи, калифорнская компанія въ началѣ работъ очутилась со всѣхъ сторонъ осажденной трудностями. Весь желѣзный матеріалъ, рельсы, вагоны, локомотивы—приходилось привозить съ востока, огибая мысъ Горнъ. Чего стоила эта перевозка—легко приблизительно сообразить, если принять во вниманіе, что (вслѣдствіе войны, а слѣдовательно и большаго риска), страховыя общества брали десятью процентами дороже.

Помимо того, что компанія нѣсколько запуталась въ деньгахъ, враждебныя интриги соперниковъ причиняли ей много хлопотъ, подрывая довѣріе къ ней общества. Несмотря на все это, работа ни на минуту не прерывалась, и въ 1864 г. линія была уже доведена до подножія Сьерры Невады. Достигнувъ уже этого результата, компанія вошла въ конгрессъ съ просьбою о такомъ же измѣненіи концессіи, какое было сдѣлано въ пользу другихъ предпринимателей—и ей не было отказано. Съ этимъ подкрѣпленіемъ она бодрѣе прежняго приступила къ послѣдней и труднѣйшей части своей задачи. Мы уже говорили въ первой половинѣ нашей статьи, цѣной какихъ невѣроятныхъ подвиговъ инженернаго искусства были побѣдоносно преодолѣны всѣ препятствія, которыхъ Невадская цѣпь представляла еще больше чѣмъ Скалистыя Горы, по своему строенію и расположенію. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ одинъ изъ віадуктовъ, длиною въ 1,100 англійскихъ футовъ, построенный, какъ и большинство подобныхъ работъ, исключительно изъ дерева.

Канзасская компанія, принужденная, по милости собственныхъ раздоровъ и медлительности, уступить первое мѣсто своей соперницѣ, выпросила у конгресса разрѣшеніе провести свою линію на сѣверо-западъ, такъ, чтобы въ Денверѣ соединиться съ небраскской линіей. Въ настоящее время готово около 600 англійскихъ миль, а такъ какъ земли, черезъ которыя эта линія пролегаетъ, несравнено людпѣе, то на ней уже установилась оживленное и доходное движеніе. Отъ пункта соединенія съ небраскской линіей—компанія думаетъ провести ее далѣе, круто завернувъ на юго-западъ, такъ чтобы обогнуть горы между Денверомъ и Сакраменто, и пробраться къ Санъ-Франциско съ юга. Помимо той выгоды, что движеніе по этой линіи не будетъ подлежать перерывамъ отъ мятелей и тому подобныхъ продѣлокъ зимы, которыя, при всѣхъ мѣрахъ предосторожности, должны будутъ затруднять проѣздъ по небраскской линіи, она представитъ большія удобства для сообщенія съ Аризоной, Новой Мексикой и Южной Калифорніей.



Віадукть на Тихоокеанской желѣзной дорогѣ.

По заграничному рисунку, на деревѣ рѣзалъ К. Вейерманъ.

Альфредъ Эдмундъ Брэмъ.

Наши читатели вѣрно не безъ удовольствія встрѣтятъ портретъ ученаго и въ тоже время популярнаго естествоиспытателя, который каждому изъ нихъ, начиная съ дѣтей, доставилъ немало пріятныхъ часовъ — а эта заслуга для ученаго и писателя едва-ли много ниже

Альфредъ Эдмундъ Брэмъ.

той, которая выражается одной гордой фразой «двинуть науку», сдѣлаться украшеніемъ отечественной литературы. Сколько сокровищъ — живыхъ, всѣмъ доступныхъ — накопилъ Брэмъ въ свою сорокалѣтнюю жизнь! (Онъ родился въ февралѣ 1829 года). «Жизнь животныхъ», его капитальное твореніе, въ шести громадныхъ, иллюстрированныхъ томахъ—не только окончена, но почти уже вся расхватана; «Жизнь птицъ» вышла уже вторымъ изданіемъ. Обширнѣйшій и великолѣпнѣйшій храмъ живаго естествовѣденія — берлинскій акварій скоро будетъ конченъ, подъ его руководствомъ.

Многимъ знаменитымъ людямъ—чуть-ли и не большинству—только цѣною тяжкой борьбы противъ нужды и людей дается успѣхъ и слава, но Брэмъ не изъ тѣхъ, которымъ жизнь поставила задачей «побѣдить или умереть». Дѣтство и первая молодость его прошли при исключительно счастливыхъ обстоятельствахъ, да и впослѣдствіи особенныхъ несчастій и неудачъ ему не встрѣчалось. Выросъ онъ въ живописныхъ тюрингенскихъ долинахъ и горахъ, здоровымъ, сильнымъ мальчикомъ, въ домѣ отца своего—умнаго, достойнаго пастора, страстнаго любителя природы и особенно птичьяго племени. Восьми лѣтъ мальчикъ, часто уже ходившій въ лѣсъ съ отцомъ и упражнявшійся съ его ружьями, получилъ свое собственное ружье—и застрѣливъ первую птичку, овсянку, имѣлъ несказанную радость и торжество видѣть ее въ богатой отцовой коллекціи. Старикъ

рано началъ посвящать сына въ свою любимую науку, замѣтивъ въ немъ такое сродство вкусовъ, и поучать его практически, какъ распознавать птицъ не только по перьямъ, но по одному перу, по гнѣзду, по яйцамъ, по голосу; не одинъ зимній вечеръ—будущій знаменитый ученый провелъ съ братьями и сестрами въ кабинетѣ отца, занимаясь изготовленіемъ чучелъ, между тѣмъ какъ мать, обладавшая замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, читала вслухъ изъ Гёте или Шиллера, или приводила свою аудиторію въ восторгъ живыми разсказами. Талантъ этотъ, между прочимъ, перешелъ къ Брэму и брату его Рейнгольду (теперь доктору въ Мадридѣ), которые оба легко могли бы себѣ составить репутацію на поприщѣ актеровъ или даже пѣвцовъ. Восемнадцати лѣтъ Альфредъ имѣлъ рѣдкое счастіе получить отъ страстнаго поклонника естественныхъ и историческихъ наукъ, барона Мюллера, средства на первое свое путешествіе. Онъ взялъ съ собой одного изъ старшихъ братьевъ—и плоды его странствованій мы видимъ въ трехъ томахъ его «Путевыхъ очерковъ сѣверо-восточной Африки (Египта, Нубіи, Сеннаара, Кордофана)». Пять лѣтъ его пребыванія въ странѣ пальмъ и пирамидъ оставили бы ему безусловно-свѣтлое воспоминаніе, несмотря на претерпѣнныя лишенія, труды и болѣзни, если бы его не постигло великое горе: на возвратномъ пути, братъ его при немъ утонулъ въ Нилѣ. По возвращеніи, Альфредъ поступилъ въ Іенскій университетъ, а потомъ въ Вѣнскій. По окончаніи курса, онъ не на долго занялъ мѣсто учителя зоологіи въ Лейпцигѣ, въ мужской гимназіи и высшемъ женскомъ учебномъ заведеніи. Въ эту пору репутація его начинала уже расходиться по всей Европѣ и далѣе еще, чему немало способствовало его сотрудничество въ такомъ популярновъ изданіи какъ «Gartenlaube», у котораго, какъ извѣстно, около 200,000 подписчиковъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ Лейпцигѣ же онъ началъ свою «Жизнь птицъ», и, для пополненія пробѣловъ въ его практическихъ познаніяхъ о птицахъ крайней сѣверной полосы, съѣздилъ на шесть недѣль въ Норвегію, гдѣ онъ добрался до самаго Сѣвернаго Мыса. Но это былъ не первый трудъ его въ такомъ родѣ. Онъ передъ этой книгой написалъ еще другую «Лѣсныя животныя», въ которую включилъ не только птицъ, но и четвероногихъ; изданіе это онъ тоже обогатилъ множествомъ прелестныхъ гравюръ. Величайшимъ памятникомъ его дѣятельности, однако, вѣроятно останется берлинскій акварій, о которомъ мы поспѣшимъ дать понятіе читателямъ нашимъ, когда онъ будетъ оконченъ.

Въ частной жизни Брэмъ—одинъ изъ добрѣйшихъ, пріятнѣйшихъ, симпатичнѣйшихъ людей. Онъ любитъ до страсти искусство и литературу, и способенъ цѣлые вечера разговаривать объ этихъ неисчерпаемыхъ предметахъ—съ такимъ одушевленіемъ, что даже забываетъ о потухшей сигарѣ, причемъ роскошный баритонъ его становится все теплѣе и мягче. Онъ обыкновенно не пишетъ самъ, а диктуетъ лежа. Ровность характера почти никогда не измѣняетъ ему — мы говоримъ «почти никогда», потому что есть вещи, которыхъ онъ не терпитъ, напримѣръ, узкость сердца и взгляда, скряжничество, нечестность и всякая посредственность, —и тогда этотъ могучій, сильный человѣкъ, съ большой типической головой и чертами дышащими энергіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ до того кроткій и уступчивый, что женѣ удается его уговаривать въ очень торжественные случаи натягивать ненавистный фракъ и отправляться съ нею «съ визитами» — этотъ человѣкъ приходитъ въ неистовый гнѣвъ, такъ что отъ прикосновенія руки его диваны и столы колеблятся, а отъ перекатовъ голоса стекла дрожатъ, и если отъ него требуютъ или просятъ чего-нибудь, что кажется ему несовмѣстнымъ съ его убѣжденіями или достоинствомъ, онъ на отрѣзъ отказываетъ стереотипными двумя фразами: «Къ чему это? Не стану» — послѣ которыхъ никто уже не думаетъ настаивать.

Политическое обозрѣніе.

Парламентская дѣятельность въ государствахъ западной — Европы въ полномъ разгарѣ, повсюду разсматриваются и подготовляются къ рѣшенію вопросы величайшей важности для внутреннаго положенія этихъ государствъ, представляющіе несомнѣнный интересъ для читающей публики; но прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію ихъ, укажемъ на два международные вопроса, выдвигающіеся на первый планъ и могущіе имѣть огромныя послѣдствія для всей Европы. Вопросы эти — отношеніе Турціи къ ея вассальнымъ землямъ и Римскій Соборъ.

Въ политическомъ обозрѣніи нашемъ за январь (см. *Нива* № 5), мы упоминали, что получено извѣстіе о переговорахъ, начатыхъ между европейскими кабинетами, о необходимости энергическаго заявленія Портѣ, что сосредоточеніе ея войскъ на черногорской границѣ можетъ грозить опасностью европейскому миру. Представленія эти, иниціатава коихъ (по увѣренію газетъ) принадлежитъ Россіи, были дѣйствительно сдѣланы, по новидимому не въ такой формѣ, какъ предполагалось сначала, потому что оттоманское правительство офиціально отдѣлывалось уклончивыми отвѣтами—то утверждая, что войска его были придвинуты къ Черногоріи только въ виду опасности, грозившей владѣніямъ Порты отъ сосѣдства съ далматинскимъ возстаніемъ, которому черногорцы явно сочувствовали,—то заявляя, что число ея войскъ вовсе не такъ значительно, чтобы внушить кому-либо безпокойство; но наконецъ, по совѣту Австріи, внушенному Франціей, Турція отодвинула часть войскъ и расположила ихъ на зимнія квартиры, находящіяся впрочемъ не далеко отъ границы. Но Порта не ограничилась этимъ и возбудила снова вопросъ о спорныхъ пастбищахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ мѣстностей Великаго и Малаго Берда, хотя обладаніе ими въ сущности не можетъ составлять никакого вопроса, потому что оно ясно опредѣлено международными трактатами. Означенныя спорныя пастбища тянутся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ по склонамъ горъ Великаго и Малаго Берда и по теченію рѣки Цетты, образуя четыреугольникъ, замыкаемый на востокъ и западъ Спужемъ и Подгорицей. Мѣстность эта, сама по себѣ не важная, составляетъ жизненный вопросъ для черногорскаго племени Пипери, живущаго скотоводствомъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ означенное племя нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ отстаивало дорогія для него пастбища, по которымъ, по опредѣленію международной комиссіи 1858 года (собиравшейся, на основаніи

парижскаго трактата, для опредѣленія границы между Турціей и Черногоріей), проходитъ пограничная черта. Проводя означенную границу, комиссія рѣшила, что частная собственность останется неприкосновенною, какъ по ту, такъ и по другую сторону пограничной линіи. Постановленіе это, послѣ долгихъ переговоровъ, утверждено было въ болѣе опредѣленной формѣ конвенціей, заключенной въ 1866 году въ Константинополѣ между уполномоченнымъ князя черногорскаго сенаторомъ Пламенацемъ и Савфетъ-пашей; въ ней сказано, что частная поземельная собственность (таковы именно упоминаемыя пастбища) остается неприкосновенною и на турецкой территоріи, съ тѣмъ только, чтобы владѣльцы ея уплачивали турецкимъ властямъ въ Скутари (въ Албаніи) установленные Портой налоги. Дѣло совершенно ясное, но тѣмъ не менѣе Порта возбудила снова вопросъ о пастбищахъ—и (по послѣднимъ извѣстіямъ) для рѣшенія его уже собралась комиссія изъ консуловъ европейскихъ державъ въ Скутари, съ присоединеніемъ къ нимъ уполномоченныхъ отъ Турціи и Черногоріи. Рѣшеніе этой комиссіи можетъ имѣть важныя послѣдствія, въ особенности если Порта будетъ имъ недовольна и не захочетъ ему подчиняться. Многіе даже утверждаютъ, что дѣло Черногоріи уже рѣшено въ совѣтахъ султана, что комиссія собирается только *pro forma* и для того чтобы по наружности удовлетворить требованіямъ Россіи, а между тѣмъ будто-бы Турція старается только выиграть время и уничтожить автономію вассальныхъ земель. Предположеніе это имѣетъ нѣкоторое основаніе, судя по тону офиціозной газеты *Turquie*, которая на дняхъ помѣстила въ своихъ столбцахъ самую задорную высокомѣрную статью и въ ней грозитъ карательными мѣрами «всѣмъ мелкимъ вассальнымъ провинціямъ», если онѣ вздумаютъ не повиноваться Портѣ,—а Черногорію прямо объявляетъ «нераздѣльною частью Оттоманской имперіи», присовокупляя, что никто не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла имперіи, а слѣдовательно и въ отношенія ея къ вассальнымъ землямъ. Такое высокомѣріе внушили Портѣ ея послѣдніе успѣхи, и *Turquie* хвастливо упоминаетъ о подавленіи критскаго возстанія, объ уронѣ нанесенномъ Портой Греціи, и наконецъ объ укрощеніи египетскаго хедива. Нельзя не сознаться, что она имѣетъ нѣкоторыя основанія говорить такимъ тономъ, благодаря политикѣ западныхъ державъ, допустившей (не смотря на всѣ усилія русскаго правительства) покрыть развалинами и кровью несчастный Критъ, и унизить Грецію за то, что она сочувствовала своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ! Что касается до хедива, то, не смотря на свою наружную покорность, онъ повидимому не оставляетъ мысли разсчитаться съ Портой; по крайней мѣрѣ такъ можно судить по дѣятельности, съ которою онъ принялся за преобразованіе своей арміи (онъ принялъ къ себѣ на службу многихъ американцевъ и между прочимъ трехъ генераловъ, отличавшихся своими подвигами въ рядахъ конфедератистовъ) и за постройку укрѣпленій.

Другой обще-европейскій вопросъ, гораздо болѣе занимающій европейскую печать, есть Римскій Соборъ. Засѣданія его продолжаются и по прежнему остаются тайной, хотя отъ времени до времени тайна эта разоблачается, благодаря корреспондентамъ нѣкоторыхъ газетъ, успѣвающимъ добыть себѣ вѣрныя свѣдѣнія, не смотря на всю строгость римской куріи. Наибольшее количество свѣдѣній о римскихъ дѣлахъ сообщаетъ аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, корреспондентъ которой добылъ и обнародовалъ знаменитое собраніе 21 канона, которымъ не только подтверждаются правила извѣстнаго *Силлабуса*, но предаются проклятію всѣ непризнающіе папской власти и неисполняющіе постановленій римской церкви. Каноны эти и прочіе подобные имъ документы произвели сильное волненіе въ католическихъ земляхъ и внесли разладъ между епископами, собравшимися въ Римѣ, которые въ особенности смущены требованіемъ римской куріи о провозглашеніи догматомъ папской непогрѣшимости. Между отцами собора, оппозицію составляютъ нѣкоторые французскіе епископы, почти всѣ нѣмецкіе, американскіе и восточные, такъ что провозглашеніе означеннаго догмата грозитъ росколомъ въ нѣдрахъ католичества; но папа, руководимый совѣтами іезуитовъ, повидимому не намѣренъ отступиться отъ своей цѣли,—и если вѣрить телеграммѣ изъ Рима отъ 7-го марта, напечатанной во французской клерикальной газетѣ *Monde*, то догматъ этотъ уже формально предложенъ на соборѣ. Сильный протестъ встрѣтили папскія распоряженія въ средѣ либерально-католической партіи—особенно во Франціи, гдѣ аббатъ Гротри въ энергическихъ письмахъ разоблачаетъ тотъ ложный путь, на который вступила римская курія, и гдѣ свѣтскій глава католиковъ-либераловъ, графъ Монталамберъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ надежныхъ сподвижниковъ римской церкви, выступилъ съ громовымъ обличеніемъ эгоистическихъ и анти-христіанскихъ стремленій Пія IX и его совѣтниковъ. Къ сожалѣнію, это было послѣднимъ дѣйствіемъ графа Монталамбера, ибо въ слѣдъ за полученіемъ означеннаго протеста, телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о его кончинѣ. Что касается до католическихъ государствъ, то первая протестовала противъ дѣйствій собора Австрія: графъ Бейстъ отправилъ австрійскому послу въ Римъ графу Траутмансдорфу энергическую депешу для прочтенія ея кардиналу Антонелли съ замѣчаніемъ, что распоряженія Римскаго собора, о коихъ извѣстилось австрійское правительство, явно противорѣчатъ государственнымъ законамъ. Въ томъ же смыслѣ, какъ утверждаютъ, отправлена нота французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Дарю къ французскому послу въ Римѣ г. де-Баннвилю (замѣтимъ при этомъ, что не задолго до того, въ *Times* появились отрывки изъ писемъ графа Дарю къ одному духовному лицу въ смыслѣ самомъ неблагопріятномъ для папскаго престола; они были потомъ перепечатаны во французскихъ газетахъ и возбудили страшное негодованіе клерикальной партіи); но какъ на ту, такъ и на другую ноту кардиналъ Антонелли далъ уклончивый отвѣтъ, смыслъ котораго заключался въ томъ, что нечего приступать къ обсужденію вопросовъ, еще не поставленныхъ офиціально. Продолжаются-ли еще переговоры по этому предмету—неизвѣстно, но послѣднія свѣдѣнія гласятъ, что французское правительство объявило папскому двору о своемъ желаніи отправить на соборъ спеціальнаго представителя, что папа изъявилъ на то свое согласіе, и что даже представителемъ этимъ назначается герцогъ де-Брольи; впрочемъ нѣкоторыя газеты утверждаютъ, что миссія эта поручается или бывшему министру иностраннымъ дѣлъ князю де-Латуръ-д'Оверню или г. де-Корселлю, личному другу папы и вмѣстѣ съ тѣмъ либералу-католику школы Монталамбера. Для приданія бо́льшей торжественности собору, папа на время его засѣданій устроилъ въ Картезіянскомъ монастырѣ, примыкающимъ къ церкви св. Маріи *degli Angeli*, всемірную выставку предметовъ, относящихся

къ католической церкви. Выставка эта была торжественно открыта 17-го февраля самимъ папой.

Во Франціи сессія законодательнаго корпуса продолжалась постоянно въ теченіи всего февраля, засѣданія ея прервались на время масляницы и возобновились снова 8-го марта. Многіе упрекаютъ и палату и новый французскій кабинетъ, что они болѣе говорятъ чѣмъ дѣлаютъ, и что до сихъ поръ, не смотря на свои занятія продолжавшіяся болѣе двухъ мѣсяцевъ, они не выработали ничего полезнаго. Упреки эти можетъ быть не лишены основанія, но необходимо принять въ соображеніе ту обстановку, при которой вступило въ управленіе дѣлами первое парламентское министерство во Франціи, и ту группировку партій, которая къ открытію сессіи составилась въ палатѣ. Новому министерству предстояло обезпечить себѣ большинство и затѣмъ бороться съ безпорядками, возобновившимися снова въ Парижѣ по поводу ареста г. Рошфора, который какъ извѣстно приговоренъ былъ парижскимъ трибуналомъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію и къ уплатѣ пени въ 3000 франк. 7-го февраля г. Рошфоръ получилъ извѣщеніе, что приговоръ надъ нимъ будетъ исполненъ и что его отведутъ въ тюрьму; онъ былъ увѣренъ, что его арестуютъ по выходѣ изъ засѣданія законодательнаго корпуса, и повидимому надѣялся на демонстрацію въ свою пользу; но ожиданіе его не исполнилось, и по выходѣ изъ палаты онъ задержанъ не былъ. Полицейскіе агенты арестовали его уже вечеромъ при входѣ въ публичное собраніе на Фландрской улицѣ, гдѣ онъ долженъ былъ предсѣдать, и отвезли его въ тюрьму Сентъ-Пелажи. Находившійся въ этомъ собраніи, г. Густавъ Флуранъ, самый буйный изъ сотрудниковъ *Марсельезы*, выбѣжалъ на улицу и объявилъ, что необходимо провозгласить республику. Къ нему присоединилась толпа въ нѣсколько сотенъ человѣкъ и принялась устраивать баррикады по Фландрской улицѣ; тѣже самые безпорядки и такая же постройка баррикадъ производились на Монмартскомъ бульварѣ, въ предмѣстьѣ Тампль и Ла-Вилетта, что продолжалось два вечера 7-го и 8-го февраля. Появленіе городскихъ сержантовъ и войска тотчасъ же возстановляло порядокъ; схватки были незначительны: баррикады, состоявшія обыкновенно изъ опрокинутыхъ экипажей, очищались мгновенно, и благодаря разумнымъ мѣрамъ министра внутреннихъ дѣлъ и полицейскаго префекта скоро все пришло въ порядокъ; раненыхъ было немного и убитъ только одинъ городскій сержантъ; арестованныхъ было, впрочемъ, около 500 человѣкъ, но изъ числа ихъ многіе были скоро выпущены на свободу. 10-го февраля порядокъ былъ совершенно возстановленъ, но впослѣдствіи какъ утверждаютъ оказалось, что эти волненія имѣли связь съ заговоромъ противъ императора и императорскаго принца. На запросъ по этому поводу въ законодательномъ корпусѣ, министерство ограничилось заявленіемъ, что лица, оказавшіяся виновными, будутъ переданы въ руки правосудія, которое постановитъ о нихъ свой приговоръ. Такое заявленіе не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера и вызвано вѣроятно необходимостью хранить въ тайнѣ производящееся слѣдствіе. Между тѣмъ ходятъ слухи, что полиція дѣйствительно попала на слѣды заговора и совершенно случайно. Въ день похоронъ Виктора Нуара, когда императоръ Наполеонъ прогуливался по террасѣ Тюйлерійскаго дворца, мимо его въ извощичьей каретѣ проѣхалъ какой-то человѣкъ, закричавшій: «да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Рошфоръ!» Когда его задержали полицейскіе агенты, то оказалось, что это былъ одинъ изъ заговорщиковъ. Страшась наказанія, которое могло бы его постигнуть, если бъ участіе его въ заговорахъ обнаружилось, а съ другой стороны опасаясь мести своихъ единомышленниковъ, если онъ ихъ выдастъ,—онъ придумалъ вышесказанный маневръ, въ увѣренности, что его задержатъ. Когда предположеніе его исполнилось, и онъ отведенъ былъ въ тюрьму, то тамъ при допросѣ открылъ всѣ нити заговора. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ—рѣшить трудно и истина можетъ открыться только по окончаніи слѣдствія.

Мы сказали выше, что групировка партій въ палатѣ препятствовала ея занятіямъ,—и дѣйствительно не было засѣданія, въ которомъ бы кабинетъ не подвергался различнымъ, большею частью безплоднымъ запросамъ лѣвой стороны и въ особенности непримиримыхъ. Самыя замѣчательныя засѣданія законодательнаго корпуса были 22-го и 24-го февраля, упрочившія положеніе министерства и измѣнившія групировку партій. Въ первомъ изъ этихъ засѣданій, на запросъ г. Жюля Фавра о внутренней политикѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ, что весь кабинетъ дѣйствуетъ съ полнымъ согласіемъ и единодушіемъ, и останется неизмѣнно вѣренъ программамъ обоихъ центровъ. Заявленіе это произвело самое благопріятное впечатлѣніе и прекратило всѣ толки о разногласіяхъ въ кабинетѣ. Еще болѣе богато было послѣдствіями засѣданіе 24-го февраля (день годовщины революціи 1848 года, въ который, впрочемъ, не было никакихъ демонстрацій и спокойствіе въ Парижѣ нарушено не было); въ немъ г. Эмиль Олливье, во время преній по запросу г. Пикара объ офиціальныхъ кандидатурахъ, торжественно объявилъ, что правительство положило не прибѣгать къ этимъ кандидатурамъ и сохранять на выборахъ строжайшій нейтралитетъ. Заявленіе это встрѣчено было громкими рукоплесканіями всей палаты, и въ пользу кабинета подано было 188 голосовъ противъ 56. Эти 56 депутатовъ принадлежитъ къ крайней правой сторонѣ, то есть къ приверженцамъ личнаго правительства; они составили особую партію, въ главѣ коей стоятъ гг. Жеромъ Давидъ, Форкадъ де-Ларокеттъ и Клеманъ Дювернуа. Послѣдній—редакторъ газеты *Peuple français*, долгое время бывшей личнымъ органомъ императора Наполеона. Огромное большинство газетъ привѣтствовало заявленіе г. Олливье, такъ какъ офиціальныя кандидатуры въ высшей степени не популярны во Франціи. Самое положеніе кабинета упрочилось—и упрочится еще болѣе, если онъ сумѣетъ сохранить за собою то большинство, которымъ онъ нынѣ пользуется въ палатѣ.

Почтовый ящикъ.

Многіе изъ г.г., подписчиковъ «Нивы» обращаются къ намъ съ требованіемъ послѣднихъ нумеровъ «Живописнаго Сборника» за прошлый 1869 годъ. Какъ объявлено въ программѣ «Нивы» и во всѣхъ газетахъ, «Живописный Сборникъ» перешелъ въ нашу собственность и составилъ одно цѣлое съ журналомъ «Нива» лишь въ 1870 году. За прошлый же годъ мы никакой отвѣтственности по «Живописному Сборнику» на себя не принимаемъ и просимъ г.г. подписчиковъ обращаться непосредственно къ прежнему издателю, г. Генкелю. Мы слышали, что 11 и 12 нумера «Живописнаго Сборника» оканчиваются печатаніемъ и и имѣютъ появиться 20—25 марта 1870 г.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 19 Марта 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим., д. № 45—1.

№ 13. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . . — » 60 к.
За упаковку . . . . — » 40 »
Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Подъ каштанами Саксонскаго сада.

(изъ варшавскихъ воспоминаній).

(*Окончаніе*).

Я не сразу успокоился и пришелъ въ себя, послѣ того какъ она удалилась изъ кабинета. Все, происшедшее здѣсь за минуту, было слишкомъ неожиданно и странно, чтобы не взволновать меня до глубины души. Я долго ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, совершенно озадаченный и какъ бы подавленный всѣмъ этимъ обстоятельствомъ.

«Что это съ нею?» думалось мнѣ: «вспыхнувшія-ли искры былаго чувства, или одинъ только ловкій маневръ? Да, это маневръ, потому что—въ ту самую минуту, какъ губы ея прикасались къ моимъ,—ея рука прокрадывалась къ моему карману. Но если маневръ, то какая же актриса! Какая мастерская, геніальная игра! Да, это задача: соединить въ своемъ непрошенномъ поцалуѣ столько огня, страсти и нѣги—и думать въ эти самыя мгновенья о томъ, какъ бы половче вытащить бумаги!

«Но вотъ что странно: отчего это до такой поразительной точности повторилось ощущеніе поцалуя, испытаннаго мною пять лѣтъ назадъ? Или, можетъ, я подался только самообману; можетъ, оно только такъ почудилось мнѣ оттого, что весь этотъ кабинетъ, вся обстановка эта почему-то вдругъ напомнили мнѣ ту обстановку, въ которой случилось нѣкогда и *оно*; можетъ, ничто иное какъ это самое обстоятельство сообщило совсѣмъ особое настроеніе моей мысли, навело на старыя, полузабытыя воспоминанія? можетъ, все оно только отъ этого?—можетъ быть!»

И я опять отдался моимъ воспоминаніямъ.

«Помните же, что вы сами сказали *довольно*... вы сдѣлали хорошо, сказавъ это себѣ и ей...» вспомнились мнѣ слова Юма, которыя въ то время остались для меня совсѣмъ непонятны. Да; съ такою странною, загадочной улыбкой,—въ ту минуту, какъ я готовъ былъ каяться, что сказалъ «довольно»,—онъ мнѣ возразилъ: а что, молъ, еслибы вмѣсто поцалуя вы почувствовали, какъ вокругъ вашего горла вдругъ захлестнулась змѣя, обвила бы и стянула вамъ шею и стала-бы перебирать по ней своими холодными, склизкими кольцами?» О, это были, въ своемъ родѣ, пророческія слова! И не сейчасъ-ли только подтвердился ихъ загадочный смыслъ? Да; и точно, я сдѣлалъ хорошо, сказавъ себѣ и ей *довольно*! Вотъ она, эта змѣя, которая чуть было не захлестнулась вокругъ моей шеи! Вотъ оно, это сладкое, обаятельное ощущеніе, за которымъ — поддайся лишь ему вполнѣ—навѣрное бы слѣдовало безчестіе, горькій срамъ и позоръ измѣны своему долгу, своему народному дѣлу;—и тогда изъ этого положенія еще самымъ лучшимъ, самымъ легкимъ и даже самымъ желаннымъ искупительнымъ выходомъ служила-бы веревка гице-

ля или двенадцать пуль, отправленныя въ мое тѣло! Но это была бы лишь ничтожная расплата за преступленіе, а вѣдь безчестье-то и позоръ остались-бы навѣки!

* * *

Мнѣ было душно. Я подошелъ къ раскрытой оконной форточкѣ. На дворѣ совсѣмъ ужь свечерѣло. Полная луна стояла надъ деревьями сада. Въ воздухѣ чуялся все тотъ-же бодрящій ночной холодокъ ранне-весенняго времени. Мнѣ захотѣлось пройдтись по саду, чтобы вволю надышаться и освѣжить себя. «Заодно ужь повѣрить-бы свои посты, да и *наши* скоро подойти должны», подумалъ я и вышелъ въ садъ, черезъ дверь, которая прямо изъ кабинета вела на террасу. Вышелъ я тихо, такъ что едва-ли кто могъ бы замѣтить мое отсутствіе. Прямо передо мною шла въ глубину сада густая каштановая аллея. Лунный свѣтъ причудливою сѣткой падалъ на дорожку, сквозя между стволами и голыми прутьями деревьевъ. Ни шелеста вѣтра между вѣтвями, ни птичьяго вскрика, ни звука какого съ дальней окрестности не было слышно—глубокая тишина царила надъ спящимъ садомъ. Въ сторонѣ отъ каштановой аллеи, на расчищенной небольшой лужайкѣ стоялъ костелъ со своею готической башенкой. Съ правой стороны бѣлая стѣна его ярко освѣщалась луною. Картина была очень красивая.

Я свернулъ на лужайку и направился къ костелу. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть его поближе. Но идучи вдоль стѣны, вдругъ замѣтилъ я, что низенькая боковая дверца, ведущая въ сакристію, отперта и стоитъ полурастворенной. Это показалось мнѣ нѣсколько страннымъ, потому что давеча, когда осматривали костелъ, эта дверка оставалась замкнутой, а входили мы тогда черезъ главныя двери.

Я переступилъ порогъ и вошелъ въ сакристію. Оглядѣлся вокругъ—два небольшія окна пропускали достаточно луннаго свѣта, чтобы сквозь его слегка-туманный сумракъ видѣть всѣ предметы этой комнаты. На стѣнѣ висѣлъ черный процессіальный крестъ съ распятіемъ и темный портретъ «фундатора» этого костела; по другой стѣнѣ стоялъ старый дубовый шкафъ съ рѣзьбою, съ множествомъ ящиковъ и створокъ запиравшихъ меньшіе шкафчики, составлявшіе особыя отдѣленія большого. Одна изъ этихъ створокъ была раскрыта: обстоятельство тоже не безъ нѣкоторой странности, потому что давеча—я это хорошо помню—самъ ксендзъ собственноручно, при насъ, отпиралъ и запиралъ каждое отдѣленіе. «Кому-бы и зачѣмъ могло понадобиться идти сюда въ эту пору?»—Грѣшный человѣкъ, признаюсь: я подумалъ было на кого изъ нашихъ казачковъ: «ужь не изъ нихъ ли, молъ, кто вздумалъ похозяйничать насчетъ костельнаго добра?»—Изъ сакристіи прошелъ я въ самый костелъ.

Тамъ стояла глубокая тишина.

Лунный свѣтъ фантастическими узорами падалъ на каменный помостъ сквозь разноцвѣтныя круглыя стекла готическихъ оконъ—и какъ-то таинственно наполнялъ внутренность храма все тѣмъ-же мягкимъ прозрачно-туманнымъ сумракомъ, въ которомъ слабо выдѣлялись статуи святыхъ, по бокамъ алтарей, и посерединѣ у скамеекъ ряды хоругвей, неподвижно висѣвшихъ широкими складками на своихъ древкахъ.

Одни только хоры, гдѣ помѣщался органъ, оставались погруженными въ глубокій, непроницаемый мракъ.

Я внимательно оглядѣлся вокругъ себя—и вдругъ, шага на три въ сторону, у боковаго алтаря замѣтилъ что-то особенное, чернѣвшееся на полу.

Я подошелъ поближе и вглядѣлся: большой ковёръ, покрывавшій помостъ передъ этимъ алтаремъ, былъ на половину отвернутъ съ одного края, прилегавшаго къ стѣнѣ,—и въ этомъ-то самомъ мѣстѣ чернѣлъ своею пастью открытый люкъ, который очевидно велъ куда-то въ глубь, въ какое-то подземелье.

«А! это — новость»! подумалось мнѣ: «давеча, при осмотрѣ коверъ лежалъ въ порядкѣ, на обычномъ своемъ мѣстѣ, а намъ было и не въ домекъ, что онъ прикрываетъ собою крышку люка какого-то. Это интересно—что тамъ такое? И кто, и зачѣмъ, для какой надобности открылъ его теперь, ночью»?

На минуту я остановился передъ этимъ люкомъ въ раздумьи: какъ быть и на что рѣшиться тотчасъ-же? Идти-ли за казаками? будить Савву Парменыча? — Но это отыметъ много времени, и когда мы снова придемъ сюда, почемъ знать, можетъ уже будетъ поздно: можетъ, чье-то таинственное посѣщеніе костельныхъ подземелій такъ и останется для насъ неразрѣшенною загадкой.

— Чего тутъ медлить! лучше самому! рѣшилъ я себѣ:—револьверъ мой въ карманѣ и — слава Богу— заряженъ всѣми шестью пулями: стало-быть—впередъ!

Я вынулъ изъ напрестольныхъ канделябръ восковую свѣчу, черкнулъ спичку и зажегъ фитиль.

Передо мной освѣтилась каменная лѣстница, спускавшаяся въ какой-то темный, сырой подвалъ. Деревянная крышка на петляхъ, поднятая и прислоненная теперь къ стѣнѣ, была пригнана такъ, что вплотную прикрывала собою спускъ—и оставаясь всегда подъ ковромъ, не могла быть замѣтна.

Заслоняя рукою свѣтъ отъ тяги сыраго и холоднаго воздуха, струя котораго стремилась изъ подземелья, я сталъ спускаться по неровнымъ каменнымъ ступенямъ, число которыхъ не превышало десяти или двѣнадцати.

Передо мной открылся фамильный склепъ графовъ Зымянтовскихъ. Нѣсколько черныхъ гробовъ стояло въ рядъ и у стѣнокъ; надъ нѣкоторыми изъ нихъ сохранились вдѣланныя въ стѣну мраморныя и мѣдныя доски, съ латинскими эпитафіями. Склепъ былъ небольшой съ низкими по готическими сводами, опиравшимися на четыре колонны. Полъ выстланъ плитою. Все здѣсь такъ строго, мрачно, холодно, и вѣетъ нѣмымъ величіемъ и тишиною смерти.

Я оглядѣлся—и въ стѣнѣ противуположной спуску замѣтилъ низенькую массивную дубовую дверь, окованную желѣзными скобами. Я легонько толкнулъ ее — не заперта.

«Значитъ, *тамъ*» подумалъ я себѣ—и переступилъ порогъ: небольшая площадка узенькаго корридора и снова каменная лѣстница, куда-то въ глубь, въ какую-то тьму непросвѣтную. Я спустился по ней ступеней пятнадцать, и тогда снова открылся передо мною корридоръ, узкій и не высокій, но совершенно достаточный для роста самаго высокаго человѣка. Постройка его обличала явную старину и, безъ сомнѣнія, принадлежала къ числу тѣхъ же магнатскихъ затѣй, какъ и самый замокъ.

Но едва я успѣлъ спуститься въ этотъ корридоръ, какъ вдругъ на противоположномъ концѣ его увидѣлъ мигающую звѣздочку свѣта. Насколько именно былъ длиненъ самый корридоръ—я не могъ судить, но свѣтъ въ концѣ его былъ слишкомъ яснъ, чтобы оставалась

какая-либо возможность ошибиться въ томъ, что это свѣтъ свѣчи.

Я на мгновенье пріостановился. — «Кто это тамъ — здѣшніе-ли обыватели, наши-ли враги, или наши казаки?. Если враги, то моя свѣча—надо сознаться—вовсе не дурная цѣль для ихъ пистолетовъ; если казаки, то все-таки лучше загасить огонь, потому что онъ заранѣе даетъ имъ знакъ о чьемъ-то постороннемъ приближеніи и заставляетъ принимать свои мѣры предосторожности. Пятиться назадъ — похоже на трусость. Нѣтъ, я назадъ не попячусь, ни въ какомъ случаѣ не попячусь!..» да къ тому же я вѣдь и любопытенъ какъ нервная женщина, и это-то любопытство сильнѣе всѣхъ остальныхъ аргументовъ подстрекало меня идти впередъ. Всѣ эти соображенія были дѣломъ одного мгновенья. Мигомъ загасилъ я свѣчу, но не бросилъ ее, а сунулъ въ карманъ, — спички со мною, стало быть, если бы понадобилось освѣщеніе, то оно явится тотчасъ же,—и послѣ этого, я, осторожною ступнею нащупывая себѣ дорогу, и придерживаясь за стѣнку рукою, сталъ подвигаться впередъ, къ свѣтящейся точкѣ.

Колеблющійся свѣтъ съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе сближался со мною. Я шелъ на цыпочкахъ, для того чтобы звукъ шаговъ моихъ не могъ бы заранѣе подать вѣсть о моемъ приближеніи.

Наконецъ, я замѣчаю, что мигающее пламя свѣчи сблизилось со мною, уже не болѣе какъ на двадцать шаговъ разстоянія.

Я остановился, прислонясь къ стѣнѣ. Опустивъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ мой револьверъ, я постарался придать своему слуху всю возможную чуткость.

Тотъ кто приближался ко мнѣ — былъ одинокъ; по крайней мѣрѣ, не смотря на все напряженіе моего уха, я не могъ различить звука никакихъ другихъ еще шаговъ, кромѣ легкаго шелеста чьей-то одиночной походки.

Сердце во мнѣ стукнуло легкой тревогой ожиданія какой-то невѣдомой встрѣчи.

Свѣтъ межъ тѣмъ приближался — вотъ уже онъ менѣе чѣмъ въ десяти шагахъ, такъ что я смутно могу различить какую-то темную фигуру.

Кто же бы это? мужчина?—но звукъ походки слишкомъ легокъ, слишкомъ такъ-сказать воздушенъ для мужскаго шага;—женщина?—но какую же женщину понесетъ сюда нелегкая въ эту пору, да и зачѣмъ? кчему? съ какою цѣлью? Мертвые ли предки графовъ Зымянтовскихъ совершаютъ тутъ свои ночныя прогулки?—но отъ послѣдней мысли я самъ не могъ не улыбнуться.

А между тѣмъ, то чтó приближалось ко мнѣ—казалось женщиной. Это былъ какой то блѣдный обликъ, покрытый темнымъ платкомъ—и весь абрисъ невѣдомой фигуры, съ каждомъ шагомъ ея, все болѣе обнаруживалъ длинныя спускающіяся складки какого-то чернаго покрова, который легче всего могъ бы быть принятъ за женское платье.

Вотъ она уже въ двухъ шагахъ отъ меня. Неровный свѣтъ скользитъ по лицу ея и налагаетъ на него такія рѣзкія, колеблющіяся тѣни, что рѣшительно не даетъ никакой возможности ясно опредѣлить себѣ черты этого облика. Видно только, что это что-то блѣдное, покрытое чѣмъ то темнымъ....

Я ступилъ шагъ впередъ и, совершенно неожиданно для нея, взялъ ее за ту самую руку, которая держала свѣчу.

Отвѣтомъ на это движеніе былъ легкій, замирающій крикъ испуга.

Крикъ былъ женскій.

Я вглядѣлся въ лицо и узналъ его.

— Пани Амелія!

Но она, какъ видно, не узнала моего голоса—и вся дрожа продолжала взглядываться въ меня широко-раскрытыми испуганными глазами. Наконецъ искра сознанія мелькнула въ ея взорѣ.

— Это вы?.. зачѣмъ вы здѣсь?... зачѣмъ? пролепетала она сильно-взволнованнымъ голосомъ, не сводя съ меня пораженнаго и въ тоже время пытливаго взгляда.

— Обо мнѣ чтó! Но зачѣмъ *вы* здѣсь, въ такомъ мѣстѣ, въ такую пору? проговорилъ я, стараясь и тономъ, и жестомъ, и взглядомъ, какъ можно болѣе успокоить ее.

Она, какъ-бы пробуждаясь, провела по лицу рукою—и перемогая въ себѣ свое волненіе, засмѣялась мнѣ въ глаза одною только легкою улыбкой. Но чтó это за морозно холодная, чтó за ледяная улыбка мелькнула на губахъ ея!

— *Его* нѣтъ здѣсь болѣе.... Напрасно!.. не ищите! проговорила она, отрицательно качнувъ головою.

— Кого вы разумѣете? спросилъ я.

— Его! кого же болѣе?!.. Того, кого вы искали! Полковникъ «Ночь» уже на волѣ... и адъютантъ его тоже.

— Гдѣжъ они были? неужели здѣсь?

— Здѣсь, съ самаго пріѣзда вашихъ казаковъ, холодно и даже съ какимъ-то вызывающимъ сарказмомъ надо мною улыбалась она.

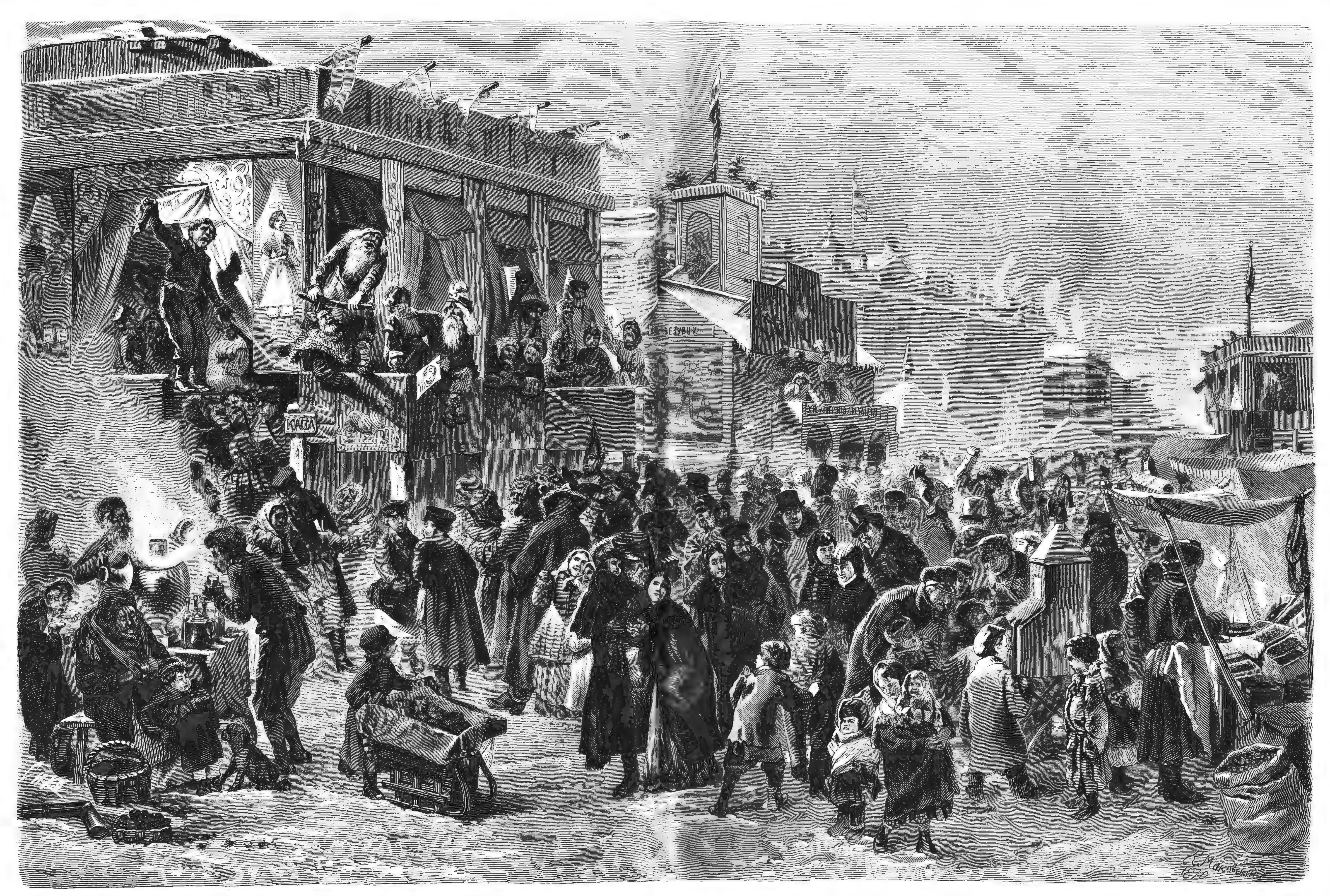
— Но какъ же это? недоумѣло пожалъ я плечами.

— А! вамъ хочется знать?.. Что же, мнѣ все равно! Я, пожалуй, буду откровенна... потому что... да потому что теперь мнѣ все равно! Онъ спасенъ уже!.. Видите ли, господинъ Черкутскій, я была настолько счастлива, что изъ окна моей комнаты увидѣла, какъ ваши казаки только что выѣзжали изъ лѣсу. Этого было довольно, чтобы понять въ чемъ дѣло... Въ тотъ же мигъ съ ними съ двумя я бросилась сюда—и спрятала ихъ. Я успѣла это кончить какъ разъ въ ту минуту, когда вы вошли въ домъ,—и когда ваши казаки обыскивали костелъ, тѣ уже сидѣли въ нашемъ склепѣ; а вы и не догадались, что подъ ковромъ есть люкъ... Вотъ вамъ и все!.. А теперь я ихъ выпустила! Хотите знать: какъ? засмѣялась она все тѣмъ же ледянымъ, уничтожающимъ смѣхомъ:—извольте, и это, пожалуй, могу сказать вамъ!

Она была сильно взволнована; неуспокоившіеся еще отъ недавняго испуга, глаза ея сыпали искры торжествующей ненависти и насмѣшки, и все лицо дышало какою-то восторженной экзальтаціей. Еслибъ она была въ нормальномъ, спокойномъ состояніи, то весьма вѣроятно у нея съ перваго же мгновенья мелькнуло бы сознаніе, что ея откровенность далеко уже переступаетъ достодолжные предѣлы; но теперь она какъ-бы бравировала передо мною: въ ея взорѣ, въ ея улыбкѣ, въ ея голосѣ, во всей фигурѣ ея такъ явно сказывались вызовъ и торжествующая ненависть надъ врагомъ, который дался въ обманъ! Ей какъ будто хотѣлось вконецъ подавить, уничтожить меня—и ужь если нечѣмъ другимъ уничтожить, такъ хоть этою откровенностью!

— Видите вотъ это? продолжала она, вынувъ изъ кармана большой старинный ключъ:—онъ лежалъ въ ящикѣ, въ сакристіи, и вы даже сами видѣли его при обыскѣ; вашъ товарищъ—помните?—спросилъ даже, чтó это за ключъ, а ему сказали, что это отъ старой дзвонницы (*). Ну, вы всѣ и повѣрили! а это ключъ отъ подземнаго хода. Сколько лѣтъ ужь построенъ—и можетъ

(*) Колокольня.



Гулянье на Адмиралтейской площади, во время масляницы.

Съ оригинальной картины профессора К. Е. Маковскаго, рисунокъ ревѣ исполненъ самимъ авторомъ, гравированъ Л. А. Сѣряковымъ.

быть только теперь довелось ему впервые сослужить свою добрую, польскую службу. Видите ли, какъ все это ловко? снова засмѣялась она, не сводя съ меня своего взгляда:—теперь, какъ добрый москаль, вы можете меня арестовать, пытать, мучить, казнить—я не сморгну и глазомъ, и бровью не поведу, потому что онъ спасенъ,—понимаете ли, *спасенъ!* и мнѣ все равно теперь, что̀ бы ни случилось со мною!

— Прежде всего успокойтесь: съ вами ничего особеннаго не случится, предварилъ я, сохраняя все возможное хладнокровіе:—а *онъ* и безъ того, вѣроятно, будетъ пойманъ, не теперь, такъ послѣ: это рѣшительно все равно; но ужь разъ что я вошелъ сюда, мнѣ бы хотѣлось видѣть этотъ ходъ до конца—будьте такъ любезны, и, какъ хозяйка, потрудитесь мнѣ показать его? Она помедлила въ минутномъ колебаньи, но тотчасъ же согласилась и повидимому весьма даже охотно.

Я снова засвѣтилъ мою свѣчу. Амелія и при этомъ улыбнулась.

— Видѣла одно мгновенье и свѣтъ вашъ, пояснила мнѣ она, въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ:—но признаюсь, ни какъ не предполагала, что это вы... я думала, кто нибудь изъ домашнихъ.

Мы отправились. Корридоръ былъ узокъ настолько, что идти двоимъ въ рядъ становилось затруднительно. Она предложила идти мнѣ впередъ,—я не нашелъ достаточной причины отказать ей, но на пути я замѣтилъ, что она видимо замедляетъ свой шагъ и какъ бы старается отстать отъ меня. Я не сказалъ ей объ этомъ, но зато и въ свою очередь въ первое мгновенье укоротилъ походку. Я шелъ на неизвѣстное—и ктожь бы мнѣ поручился, что тутъ нѣтъ какой нибудь засады; но даже еслибы и допустить, что никакой засады нѣтъ, то во всякомъ случаѣ это явное отставанье могло бы хоть кому показаться нѣсколько подозрительнымъ: зачѣмъ она это дѣлаетъ? неужто съ одною только лукавою цѣлью вышутить меня, напустить на меня робость, насмѣяться надо мною своимъ стращаньемъ?

Одна возможность такого плана показалась уже мнѣ оскорбительной, и потому желая показать полное пренебреженіе къ какому бы то ни было застращиванью, я не обернулся болѣе назадъ ни разу и быстро пошелъ впередъ своею твердой и звучной походкой.

Черезъ минуту я достигъ конца этого корридора. Дубовая, низенькая дверка служила ему выходомъ. Она была замкнута.

Здѣсь только, дойдя уже до цѣли, я обернулся назадъ—и къ удивленію своему не нашелъ позади себя ни свѣта, ни пани Амеліи.

Коварная шутка надо мною все таки была съиграна! Но зачѣмъ? съ какою цѣлью?

Я замѣтилъ въ дубовой дверкѣ маленькое круглое сквозное отверстіе для пропуска свѣжаго воздуха—и заглянулъ въ него. Тихая звѣздная ночь, осеребренная лучами полной луны, царила надъ землею. Дверка эта выходила въ оврагъ, обильно поросшій кустарникомъ,—и было слышно, что по дну этого оврага звонко пробирается между камнями быстрая рѣчка.

Дѣлать здѣсь мнѣ болѣе было нечего, и я отправился обратно.

Въ склепѣ Амеліи не было.

Я поднялся по послѣдней лѣстницѣ, ведущей въ костелъ, и только здѣсь лишь увидѣлъ ее надъ самымъ люкомъ. Она стояла безъ свѣчи въ потьмахъ и держалась рукою за край крышки, держа ее на балансѣ, такъ что одно лишь небольшое движеніе—и крышка мгновенно захлопнулась бы надо мною.

Я между тѣмъ подымался по лѣстницѣ, ровнымъ неторопливымъ шагомъ, стараясь придать своей походкѣ возможно болѣе спокойствія.

— Пани Амелія, чѣмъ можно объяснить ваше внезапное исчезновеніе? спросилъ я ее самымъ простымъ, обыкновеннымъ тономъ.

Она ласково взяла меня за руку—и въ этомъ ласковомъ, но увы!... притворномъ движеніи сказалась вся коварно-обаятельная, исполненная могуществомъ обольщенія, душа женщины, душа истой польки.

Другъ мой... *старый* другъ мой! сердечно заговорила она, встрѣчая мои слова своею прелестною улыбкой:—я сейчасъ вотъ могла бы захлопнуть надъ вами эту крышку—и ни одинъ изъ москалей никогда не узналъ бы, гдѣ вы и что̀ съ вами... Если бы это такъ случилось, наши бумаги остались бы въ склепѣ и мы были бы спасены; но... я этого не сдѣлала... и потому отдайте мнѣ ихъ просто!

Теперь уже пришелъ мой чередъ улыбнуться ей тою самой улыбкой, какую я встрѣтилъ на ея губахъ тамъ въ подземельи.

—Увы, прекрасная моя пани!.. вамъ остается теперь только пожалѣть, что вы дѣйствительно не захлопнули надо мною эти доски! вѣжливо пожалъ я плечами—и вмѣстѣ съ этимъ принялъ изъ ея руки крышку и спокойно спустилъ ее надъ люкомъ.

*
* *

Я еще доканчивалъ мою работу, то-есть поправлялъ коверъ и опять вставлялъ въ канделябръ взятую мною свѣчу, когда Амелія вышла уже изъ костела. Вернувшись домой, я засталъ Савву Парменыча на крыльцѣ. Онъ выслушивалъ какое-то донесеніе урядника.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— А вотъ-съ, наши подходятъ: разъѣзды повстрѣчались! значитъ, сейчасъ прибудутъ! Ну-съ и поздравить можно съ счастливой экспедиціей: банда захвачена-съ и въ лоскъ разбита! съ довольнымъ видомъ, похлестывая слегка по ступенькамъ нагайкой, сообщилъ Савва Парменычъ.

И дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ отрядъ вступалъ уже во дворъ Ильяшевскаго фольварка.

*
* *

Отрядный начальникъ, въ освѣщенной двумя лампами залѣ, принималъ отъ насъ отчетъ о нашемъ порученіи. Одну группу, окружавшую его, составляли офицеры отряда, а въ другой стояли: старый графъ съ племянницей, капелланъ съ экономомъ и нѣсколько человѣкъ домашней прислуги.

— А какъ же, господа, Ночь-то, Ночь? неужто же онъ такъ и ускользнетъ отъ насъ? говорилъ полковникъ.

Я взглянулъ на Амелію и встрѣтился съ ея взглядомъ. И что это былъ за взглядъ! нѣмой, неподвижный, но какой выразительный! Какой понятный для меня—и только для одного меня изъ всѣхъ присутствующихъ.

«Ну, выдашь меня, или не выдашь ты, старый другъ, нѣкогда столь влюбленный въ меня?» говорилъ мнѣ этотъ вызывающій взглядъ—я потупилъ глаза и

ограничился въ своемъ донесеніи отрядному начальнику одною лишь офиціальною стороною дѣла, что довудца, молъ, Ночь, при самомъ тщательномъ обыскѣ всего Фольварка, нигдѣ не найденъ; хотя такой, напримѣръ, признакъ, какъ два прибора за столомъ, легко могъ указывать если не на его присутствіе въ этомъ домѣ, то на возможность ожиданія его, — однако же, несмотря на самые бдительные разъѣзды и пикеты, ни Ночь, ни адъютантъ его ни откуда въ виду не показывались.

Кончивъ свое донесеніе, я невольно поднялъ глаза на Амелію. Она была блѣдна—и стояла закусивъ губу и какъ бы видимо колеблясь внутренно между мучительнымъ страхомъ и робкою надеждой; но когда я кончилъ и взглянулъ на нее — въ ея взорѣ мелькнулъ свѣтлый лучъ безпредѣльной благодарности. Старый графъ съ племянницей, ксендзомъ и экономомъ, при эскортѣ казаковъ, въ ту же ночь были отправлены въ ближайшую военно-слѣдственную комиссію; а отрядъ нашъ, переночевавъ на мѣстѣ, поутру отправился на новые поиски.

*
* *

Прошло три года. Въ зиму 1866 года, на масляной былъ маскарадъ въ залахъ Большаго Варшавскаго театра. Я толкался между черными фраками и пестрыми масками по всѣмъ заламъ—и уже намѣревался-было ѣхать домой, отъ невыносимой скуки, какъ вдругъ мою руку взяла—необыкновенно изящно и со строгимъ вкусомъ одѣтая маска.

Я никакъ не ожидалъ такого пассажа и потому оглядѣлъ ее съ чувствомъ самаго непритворнаго удивленія.

— Старый другъ! раздался изъ-подъ черныхъ кружевъ ея голосъ, почему-то показавшійся мнѣ гдѣ-то и когда-то знакомымъ: — я очень рада, что встрѣтилась съ тобою.... я должна еще поблагодарить тебя.

И она съ чувствомъ, горячо и крѣпко пожала мою руку.

— За что? спросилъ я.

— Постарайся догадаться.

— Не мастеръ отгадывать загадки.

— Однако?

— Безъ всякихъ «однако».

— А въ женскія душки ты больше не влюбляешься?

По мнѣ словно искра какая-то пробѣжала. Я узналъ теперь этотъ голосъ и догадался, *кто* говоритъ со мною.

— Я былъ влюбленъ только въ одну.... въ ту, которая теперь передо мною.

Она вдругъ засмѣялась этимъ, столь хорошо знакомымъ и памятнымъ мнѣ, искристо-веселымъ смѣхомъ.

— Но за что же ты благодаришь меня? спросилъ я.

— За *Ночь*, лаконически отвѣчала она.

— Я слышалъ, что онъ вскорѣ послѣ того былъ убитъ въ какой-то стычкѣ — ты знаешь это?

— Знаю! утвердительно и даже съ какимъ-то гордымъ достоинствомъ кивнула она головою: — онъ хорошо кончилъ.... да онъ и не могъ кончить иначе.

— Послушай.... одинъ вопросъ!...

— Чего ты хочешь? — спрашивай!

— Ты любила его?

Она помедлила и шла рядомъ со мною, низко потупивъ голову.

— На этотъ вопросъ я отвѣчать не буду, едва разслышалъ я ея тихій и какъ-будто трепещущій шопотъ.

Послѣ такого отвѣта я уже не рѣшался продолжать на эту тему, тѣмъ болѣе что и самый отвѣтъ, при всей своей уклончивости, былъ слишкомъ ясенъ, чтобы не понять истиннаго его смысла.

— Скажи мнѣ, началъ я снова: — могу я теперь постарому иногда бывать у тебя? Ты мнѣ позволишь это?

— Нѣтъ, не позволю! было ея рѣшительнымъ отвѣтомъ: — времена, милый мой, слишкомъ уже измѣнились.

— Но.... могу ли я, по крайней мѣрѣ, узнавать тебя?

Она подумала съ минуту.

— Да, при встрѣчѣ ты можешь кланяться. И съ этими словами, освободивъ мою руку, она быстро исчезла въ густой и пестрой толпѣ.

И вотъ, съ тѣхъ поръ она даритъ меня при каждой встрѣчѣ своими сдержанными кивками; но иногда, не смотря на безмолвно-холодный поклонъ, я читаю въ ея глазахъ что-то хорошее, задушевное, — быть-можетъ это -мимолетная тѣнь воспоминаній о прошломъ.

Всеволодъ Крестовскій.

Масляница.

Два раза въ году бываютъ свадебныя недѣли: съ Семенадня (1 сентября) и потомъ отъ крещенья до масляной. Весною жениться считается дѣломъ не хорошимъ: кто женится въ маѣ, весь вѣкъ будетъ маяться; про то знали еще древніе Римляне и таково повѣріе всѣхъ арійскихъ народовъ. Недѣля передъ масляной называется пестрой, а на пестрой жениться—съ бѣдой породниться «отъ того и баба пестра, что на пестрой замужъ пошла».

Народъ нашъ называетъ масляную всемірнымъ праздникомъ; это недѣля честная, веселая, широкая; масляница семикова племянница; объядуха— деньгамъ прибируха; перепелиныя косточки; бумажное тѣльце, сахарныя уста; она тридцати братьевъ сестра; сорока бабушекъ внучка; трехъ матерей дочка; каждый день на масляной имѣетъ свое особое названіе. Встрѣча—понедѣльникъ: заигрыши—вторникъ; лакомка—середа; широкій—четвергъ; тещины—пятница: золовкины посидѣлки—суббота; проводы, прощанья, цѣловникъ, прощеный день—воскресенье. Въ самомъ дѣлѣ, масляница —одинъ изъ самыхъ веселыхъ праздниковъ; это первая встрѣча весны послѣ суровыхъ, холодныхъ святокъ, которая имѣетъ совершенно особый характеръ въ кругу нашихъ праздниковъ. На святкахъ гадаютъ о судьбѣ, выйдти или не выйдти замужъ, уродится хлѣбъ или не уродится, къ свадьбамъ готовятся; а на безпечальной масляницѣ веселятся запросто, не заботясь о будущемъ. На масляной одна забота: блины, да всякаго рода веселье.

Приложенная въ этомъ нумерѣ нашего журнала

картина гулянья на масляной — работы профессора Маковскаго; оригиналъ ея, бывшій на прошлогодней выставкѣ въ Академіи художествъ, купленъ Государемъ Императоромъ за 9,500 р. с. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ «Нивы» мы приложимъ и портретъ нашего талантливаго, истинно-русскаго художника.

Сцена знакомая: ее видалъ всякій, кто бывалъ подъ качелями; тутъ и купецъ съ купчихою; тутъ и дѣвушка, которую заманиваютъ въ балаганъ посмотрѣть, какую тамъ комедь ломаютъ; тутъ, впрочемъ рѣдко попадающійся подъ качелями, генералъ съ своимъ семействомъ, изъ породы тѣхъ генераловъ, которые почти что окончательно вывелися; пьяные мужики, напившіеся не потому чтобы ихъ особенно къ кабаку тянуло, а потому просто, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ предъ людьми въ грязь лицомъ ударить для праздника. Извѣстно, что русскій человѣкъ пьетъ совсѣмъ не такъ, какъ всѣ другіе народы. Отъ поляка до мадьяра, отъ англичанина до малоросса, всѣ пьютъ каждый день — и съ утра до поздняго вечера пребываютъ въ нормальномъ состояніи. Русскій человѣкъ пьетъ совсѣмъ иначе: онъ держится отеческихъ преданій временъ XVI вѣка, когда, въ силу указа царя Ивана Васильевича III, кабаки открывались только по праздникамъ. Въ будни русскій человѣкъ, до сихъ поръ, большею частью трезвъ; но въ праздникъ онъ считаетъ своимъ долгомъ напиться — и отъ того нигдѣ такъ не развита страшная болѣзнь питья запоемъ, какъ у насъ. Обычай пить по праздникамъ, а тѣмъ болѣе обычай поить всѣхъ гостей до пьяна — глубоко вкоренился въ нравы не только русскихъ, но и всѣхъ остальныхъ славянъ; распространителямъ общества трезвости постоянно приходится бороться съ возраженіями со стороны народа, что нельзя же не купить вина, потому что будетъ свадьба, крестины, похороны, имянины и т. п.

Особенно вѣрно схвачена на картинѣ фигура раешника; такъ и слышется знакомое: «вотъ городъ Парижъ, какъ въѣдешь такъ и угоришь», или «а вотъ городъ Варна, у турокъ очень славный; князь Паскевичь стоитъ, адъютантъ ему говоритъ: «городъ Варна горитъ», а князь Паскевичъ говоритъ: «пускай его себѣ горитъ»; адъютантъ это опять говоритъ: «турокъ, ваше сіятельство, оченно уже палитъ», а его сіятельство говоритъ: «пускай себѣ турокъ палитъ»; а кругомъ русскіе богатыри солдаты, безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головъ валяются, а все себѣ трубочки покуриваютъ».

Слышится голосъ, заманивающаго на карусели, такъ называемаго *старика*, провозглашающаго:

«Розыгрывается лотторея: киса стараго бородобрѣя, въ Апраксиномъ рынкѣ, въ галлереи. Вещи можно видѣть на балѣ, у огородника въ подвалѣ. Въ этой, голова, лотторeѣ будетъ, голова, розыгрываться волчій хвостъ да два заячьихъ филея, изъ чистаго бѣлья два фунта тряпья, серьги золотыя изъ мѣди литыя, безъ всякаго подмѣсу девять пудовъ вѣсу, сорокъ амбаровъ сухихъ таракановъ. У меня, голова, жена красавица, зовутъ ее Софья, которая три года на печкѣ сохла, съ печки то я ее и снялъ; она мнѣ поклонилась да на трое переломилась. Что мнѣ дѣлать? взялъ мочалу, сшилъ, да опять попрежнему зажилъ...»

«Былъ я, голова, цирульникъ на большой московской дорогѣ; кого побрить, постричь, усъ поправить молодцемъ поставить, а нѣтъ такъ и совсѣмъ безъ головы оставить. Кого я не бривалъ, тотъ дома никогда не бывалъ. Эту цирульню, голова, мнѣ запретили.

Плохъ заработокъ увеселителей народа на масляной! лучшіе изъ балаганныхъ артистовъ получаютъ за всю недѣлю не болѣе пятидесяти рублей, остальные по двадцати пяти, по десяти и даже по пяти. Такъ называемые «старики», въ бородахъ и парикахъ изъ пакли, получаютъ по пятнадцати рублей. Въ нынѣшнюю масляную можно было видѣть подъ качелями въ Петербургѣ, одного очень бойкаго «старика», отставнаго солдата Казанцева, человѣка весьма талантливаго. Казанцевъ будетъ представлять и на Святой — и желающіе послушать его разсказъ могутъ отправиться подъ качели. Самая жалкая и печальная участь выпала на долю тѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя выплясываютъ на каруселяхъ. Нравственность и поведеніе ихъ большею частью безукоризненны; это большею частью — бѣдныя швеи, солдатскія, чиновничьи и офицерскія дочки, которыя съ голоду отправляются плясать на морозѣ, для увеселенія публики, за четыре рубля въ недѣлю. У насъ есть общество покровительства животнымъ; какъ бы кажется не завести общество покровительства этимъ бѣднымъ женщинамъ?! Намъ разсказывали участвующіе въ представленіяхъ, что на каруселяхъ нерѣдко происходятъ сцены, раздирающія душу. Выплясывающая мать со слезами на глазахъ умоляетъ 18-лѣтнюю дочь, пришедшую повидать ее, — отправиться домой, чтобы не мѣшать ей, выплясывающей, имѣть веселую наружность. Сестра гонитъ брата, жена — мужа, — и грѣхъ тому, кто словомъ или взглядомъ обидитъ какую нибудь изъ этихъ беззащитныхъ.

Масляница кончается прощенымъ днемъ, когда по трогательному народному обычаю слѣдуетъ со всѣми примириться, не разбирая званія и возраста, испросить у всѣхъ прощенья.

Изъ кавказскихъ воспоминаній.

(Окончаніе).

Темиръ Ханъ Шура примыкаетъ съ запада къ глубокому и широкому оврагу, на самомъ краю котораго, на крутой каменной скалѣ, построено укрѣпленіе, а отъ него идетъ бѣлѣющій въ зелени форштадтъ. Четыре или пять каменныхъ домовъ окружали площадь, на которой возвышалась католическая церковь и было выстроено нѣсколько лавокъ, изображавшихъ гостиный дворъ. Какъ попала туда эта католическая церковь, и для кого и кѣмъ была она построена, — неизвѣстно; да я и не интересовался этимъ вопросомъ. Наша Божественная служба совершалось въ обыкновенномъ походномъ церковномъ наметѣ, поставленномъ поблизости госпиталя, близь небольшого — озерка находившагося на сѣверѣ отъ Шуры и нынѣ кажется уже осушеннаго. Прочія строенія въ Шурѣ были небольшія хатки женатыхъ солдатъ, гдѣ мы и помѣщались какъ-нибудь, если не предпочитали жить въ палаткахъ, что́ впрочемъ по дождливому времени было не весьма удобно. Я помѣстился у одного товарища Е—ва, который прибылъ ранѣе меня изъ Чечни.

— Ну что тутъ у васъ дѣлается? спросилъ я, сидя за стаканомъ чаю, когда нѣсколько угомонилась суета перваго водворенія.

— Что дѣлается? Шуру укрѣпляемъ. Брустверы дѣлаемъ, чтобы Шамиль опять не воротился и не заперъ насъ, какъ зимой! Извѣстно, кончаемъ тѣмъ, съ чего слѣдовало начинать.

— Ну а куда же походъ? и когда?

— Неизвѣстно. Все съ провіантомъ возятся. Только и дѣла, что снуемъ въ Тарки и обратно. Дня три тому назадъ ходилъ я съ оказіей и въ Черкей, т. е. въ Евгеніевское. Вотъ братъ житье-то! Они тамъ каждый день перестрѣлку имѣютъ.

— Что же, они развѣ въ блокадѣ?

— Да почти. Видишь-ли, Евгеніевское построено на самомъ Сулакѣ, а напротивъ стоитъ Черкей. Наши къ нимъ бомбы пускаютъ, а они къ намъ—пули въ амбразуры. Я и самъ нѣсколько выстрѣловъ сдѣлалъ, и мимо меня пули свистали.

— Ну и понравилось? спросилъ я.

— Ничего; а все лучше чѣмъ въ караулѣ стоять на какой нибудь Охтѣ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, дѣло дѣлаешь.

— Кто знаетъ? можетъ-быть что нибудь и сдѣлаемъ. Надо сначала приглядѣться. Что, ты со всѣми уже знакомъ здѣсь?

— Если хочешь—и тебя познакомлю. Вотъ пойдемъ сейчасъ къ Г..., у него каждый вечеръ всѣ собираются.

Мы отправились; у Г.... (командира одной изъ баттарей) застали мы много народу. Самъ онъ сидѣлъ за преферансомъ въ сообществѣ одного генерала и двухъ офицеровъ, изъ коихъ одинъ былъ блѣдный и худощавый артиллеристъ, а другой—капитанъ Генеральнаго Штаба.

— А!.. Кумухскій герой! смѣясь и протягивая мнѣ руку, сказалъ Г...,—прошу жаловать-съ. Вашъ Тачинскій-съ разсказалъ намъ про васъ-съ. Отличились-съ, батюшка! Отличились-съ!

— Позвольте и мнѣ познакомиться съ вами, сказалъ мнѣ генералъ, протягивая руку.—Нельзя безъ удовольствія встрѣтить молодыхъ людей, понимающихъ и цѣнящихъ военное искусство. Фамилія моя: Пассекъ.

— Имя высоко поставленное вашимъ превосходительствомъ подъ Зерянами, и можетъ быть еще выше на ахатлинской переправѣ,—сказалъ я кланяясь.

— А! а вы уже знаете, что такое ахатлинская переправа? я тогда было чуть-чуть не погибъ.

— Да, я слышалъ кое-что объ ней отъ очевидцевъ. О своемъ ремеслѣ всякое свѣденіе полезно.

— Такъ, такъ. Ну, послѣ поговоримъ. Квартиру мою здѣсь всякій знаетъ; мы живемъ вмѣстѣ съ капитаномъ.

— Капитанъ В..! сказалъ, приподымаясь нѣсколько на своемъ стулѣ, офицеръ Генеральнаго Штаба. На Кавказѣ знакомства дѣлаются весьма скоро. Скоро и я конечно перезнакомился со всѣми.

Въ 1841 году мы хотѣли перейти черезъ Сулакъ у Ахатловъ. Рѣка была быстра и широка. Противоположный берегъ былъ унизанъ завалами и башнями строеній, защищаемыми значительною массою горцевъ; а на нашей сторонѣ мѣстность была въ видѣ подковы — небольшая площадка окруженная лѣсистыми горами, безъ малѣйшаго прикрытія кромѣ дыма изъ орудій.

Два дня сряду громили мы каменные завалы изъ орудій. Около 400 человѣкъ у насъ выбыло уже изъ строя.

Набожный Головинъ, бывшій командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, торжественно сдѣлалъ церковный парадъ подъ звуки жаркой канонады, и пригласилъ къ себѣ на совѣтъ Генераловъ Ф... и К-ау, по предложенію котораго и была сдѣлана попытка къ переправѣ.

Ф.... увѣрялъ, что переправа невозможна, что̀ вполнѣ подтверждалъ и саперный капитанъ К.... К-ау доказывалъ, что она возможна, въ чемъ ссылался на штабсъ-капитана Генеральнаго Штаба Пассека.

Кончилось тѣмъ, что мнѣніе Ф... было принято, велѣно было отступить,—и отступили, какъ говорится, несолоно похлебавши.

Мы теперь видѣли, что намъ предстояло сдѣлать еще разъ подобную-же попытку,—но въ то время, т. е. въ эпоху только что приведеннаго разсказа, мы этого даже и не подозрѣвали. На эту-то сцену я и намекнулъ Пассеку, упомянувъ ему объ ахатлинской переправѣ.

За ужиномъ завязался споръ: Пассекъ доказывалъ, что наши неудачи, происходившія отъ нерѣшительности, отъ кучи бумагъ и переписокъ, — соединили горцевъ, и что побѣда можетъ и должна ихъ разъединить; В... говорилъ, что теперь ихъ ничто разъединить не можетъ кромѣ времени, потому что горячка фанатизма разомъ миновать не можетъ, и имѣетъ—какъ и всякая другая горячка—свое теченіе. Пассекъ основывалъ свои доводы на разности способа веденія войны у чеченцевъ и лезгинъ. Онъ указывалъ, что чеченцы болѣе дерзки, или лично храбры, но не имѣютъ понятія о сколько нибудь серіозной войнѣ, отчего болѣе похожи на разбойниковъ, всегда готовыхъ зарѣзать все что̀ отстаетъ отъ колонны; а лезгины напротивъ имѣютъ инстинктъ войны, дѣлаютъ и приводятъ въ исполненіе обширные планы завоеваній, встрѣчаютъ непріятеля открытымъ боемъ, внѣ селеній, на крѣпкихъ мѣстахъ, укрѣпляя ихъ еще болѣе заранѣе,—если же разбиты, то страна покоряется опасаясь раззоренія, въ случаѣ коего по безлѣсью каждый домохозяинъ утратилъ-бы самостоятельность свою и долженъ былъ бы идти въ работники. В... отрицалъ всякую разницу между горцами—и все ихъ сопротивленіе приписывалъ враждебному звѣрству и невѣжеству, превратившемуся въ дикій фанатизмъ.

В... говорилъ медленно и тихо. Пассекъ кипятился и кричалъ.

— Я не могу кричать, сказалъ В...,—у меня болитъ грудь.

В... былъ прострѣленъ навылетъ.

— Не можешь? горячился Пассекъ,—не можешь? ну такъ и не спорь!.. Мы всѣ засмѣялися. Засмѣялся и Пассекъ.

— Ну кто изъ насъ правъ? молодой человѣкъ! сказалъ онъ мнѣ.

— Оба правы по моему разумѣнію, отвѣчалъ я:— да и мнѣнія ваши ничего не стоитъ соединить. Они не противорѣчивы, хотя и противоположны.

— О, дипломатъ! закричалъ хозяинъ...

Но тутъ скоро все перемѣнилось—и начался банкъ. Мы съ Е—вымъ пополамъ выиграли 900 рублей и пошли домой.

— Хоть-бы каждый день такъ! сказалъ я.

— Да каждый день такъ и есть, отвѣчалъ Е...,—съ тою только разницею, что въ карманѣ либо плюсъ либо минусъ.

— Чтожъ? пословицу знаешь? люби кататься...

— Люби и санки возить. Какъ не знать.

Было уже начало Іюля. Шура намъ стала порядкомъ надоѣдать. О движеніяхъ въ горы ничего не было слышно, и все какъ бы замерло и затихло. Въ отрядѣ носились слухи, что изобрѣтенъ какой-то подвижный блокгаузъ изъ брусьевъ, на колесахъ—живое подобіе башенъ при осадахъ употреблявшихся древними, который и было поручено устроить для пробы нашимъ саперамъ,—и они дѣйствительно работали что-то неутомимо на берегу озера. Но намъ до этого разумѣется было мало заботы, и мы жаждали какой нибудь встрѣчи со врагомъ, дабы не пропустить даромъ лѣтняго времени. Наконецъ—о, радость!—въ вечернемъ приказаніи, черезъ два дни назначено выступленіе всего отряда черезъ Пароулъ на Акушу. По росписаніи всего порядка марша, предписывалось всему отряду съ обозомъ собраться къ 6-ти часамъ утра на плацу противъ крѣпости, за оврагомъ, для молебствія и смотра корпуснаго командира.

Начальники отдѣльныхъ частей всѣ переполошились. Шутка-ли тащиться, невѣсть за чѣмъ, съ обозомъ черезъ огромный оврагъ, для того чтобы, потерявъ часа два самаго удобнаго для похода времени, возвращаться опять черезъ ту же Шуру и идти въ самый жаръ по дорогѣ на Пароулъ, лежащій совсѣмъ въ другую сторону отъ сборнаго пункта.

Артиллеристы поѣхали испрашивать у генерала Лидерса приказанія, нельзя ли оставить хотя одни орудія и зарядные ящики на своихъ мѣстахъ, съ тѣмъ чтобы заложить и взять ихъ при обратномъ проходѣ черезъ укрѣпленіе. Генералъ выслушалъ все очень благосклонно, но отмѣнить свое распоряженіе не согласился.

— Я знаю, господа, что на Кавказѣ вы не очень-то любите эти строевыя формы, но я не хочу нарушать обыкновеннаго порядка въ моемъ корпусѣ, а теперь не могу дѣлать и для васъ исключеній... Тѣмъ дѣло и кончилось. Цѣлый мѣсяцъ мы часто встрѣчали нашихъ гиллинскихъ друзей Джамала и Джебраилъ-Бека. При движеніи нашемъ къ ихъ сторонѣ, намъ очень хотѣлось теперь поразспросить ихъ насчетъ мѣстности, а равно состоянія дороги и деревень. Но послѣднее время ихъ однако въ Шурѣ не оказалось.

Утренній холодокъ, навѣваемый тихимъ сѣвернымъ вѣтеркомъ, порядкомъ таки прохватывалъ насъ, въ минуты неподвижности, по командѣ «смирно!», когда передъ стройно-выровненными рядами показался генералъ Лидерсъ, сопровождаемый многочисленною свитой. Весело и ласково здороваясь съ войсками, онъ быстро обскакалъ ихъ—и послѣ краткаго молебна поздравилъ съ боевымъ походомъ. Затѣмъ, пройдя мимо него церемоніальнымъ маршемъ, но походными колоннами, войска двинулись впередъ, но вовсе не туда какъ назначено было въ диспозиціи. Напротивъ, при звукахъ быстраго и живаго марша, съ веселыми пѣснями, при сіяніи только что показавшагося солнышка, мы самымъ ускореннымъ—распашнымъ ходомъ потянулись къ Ахатламъ.

—

Было часа 4 послѣ обѣда, когда, миновавъ небольшое лѣсистое ущелье, вышли мы на переправу. Не доходя еще до нея, версты за полторы, мы на нѣсколько минутъ остановились—и отрядъ началъ расходиться для построенія боеваго порядка. Большая часть пѣхоты съ легкой артиллеріей пошла на самыя высоты, окружавшія площадку, находящуюся противъ Ахатловъ,—а я съ моими орудіями, къ крайнему прискорбію, оставленъ былъ въ резервѣ, въ глубинѣ ущелья, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ Минскаго пѣхотнаго полка.

— Эге, нашъ блокгаузъ везутъ! закричалъ кто-то изъ офицеровъ:—смотрите, смотрите, саперы какую штуку везутъ!

Саперы смѣясь отвѣчали, что они въ одинъ мигъ устроятъ блокгаузъ, чтобы сажать въ него подъ арестъ такихъ трусовъ какъ мы, «потому что» прибавили они: «храбрые ушли ужь впередъ, а вы въ резервѣ сидите».

Вскорѣ подъѣхалъ генералъ Лидерсъ.

— А что у саперовъ все готово? спросилъ онъ:—мостъ привезли?

— Привезли, в. высокопревосходительство, отвѣчалъ командиръ 5-го сапернаго батальона, полковникъ З...

— Ну такъ съ Богомъ! охотники впередъ! г-нъ офицеръ, сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ,—выдвиньте ваши орудія за охотниками, и займите позицію побольше впередъ, чтобы изъ за васъ безъ стѣсненія можно было дебушировать изъ ущелья.

Двинувъ свои орудія, я самъ выскакалъ впередъ чтобы немножко оглядѣть мѣстность.

Она была довольно ровная, и круто обрывалась у Сулака.

Особенно стало-быть выбирать нечего. Я остановилъ свою баттарейку почти у самаго берега и открылъ огонь.

Непріятель былъ не многочисленъ, но держался стойко—и мѣтко стрѣлялъ изъ за своихъ заваловъ. Гранаты и ядра почти никакого дѣйствія не производили на огромные камни, изъ которыхъ были сложены завалы. Я велѣлъ стрѣлять картечью, по верху заваловъ, дабы не давать горцамъ возможности прицѣливаться. Это помогло, потому что и прочія орудія по мѣрѣ своего вступленія на позицію дѣлали тоже самое. Не всегда важно большое скопище горцевъ, иногда небольшая партія бываетъ гораздо опаснѣе. Въ первомъ случаѣ—много безполезнаго и дурно вооруженнаго сброда, а во второмъ—люди на подборъ и всѣ отлично вооруженные.

Такую-то партію встрѣтили мы на Ахатлинской переправѣ, откуда за день передъ тѣмъ ушелъ Шамиль, услышавъ что мы идемъ въ Акушу, для того чтобы остановить насъ у Ермоловскихъ Заваловъ.

Но что можетъ сдѣлать какая угодно храбрая горсть удальцовъ — противъ 14 батальоновъ и 26 орудій, гремящихъ адомъ и осыпающихъ картечью на какихъ нибудь сотнѣ саженяхъ?

Къ 9-ти часамъ мостъ былъ наведенъ—и мы были въ Ахатлахъ, потерявъ однако человѣкъ до 30 убитыми и ранеными.

Слова Пассека оправдались—и генералъ Лидерсъ показалъ, что переправа была возможна,—только надо было обмануть Шамиля, воспользоваться его лазутчиками, а для этого обмануть весь отрядъ позабавивши его парадомъ, блокгаузами и т. п. Однимъ словомъ, надо было умѣть бить непріятеля, какъ умѣлъ это дѣлать знаменитый генералъ.

Съ восторгомъ отвѣчали войска на благодарность побѣдоноснаго вождя. Вечеромъ, собравъ офицеровъ, онъ многимъ дѣлалъ (впрочемъ не только ласково, но даже дружелюбно) нѣкоторыя замѣчанія, точно послѣ обыкновеннаго ученья или маневра.

— А что, господа, смѣясь кончилъ онъ, обращаясь къ кавказцамъ—будете еще бранить меня? Диспозиціи, которыя слѣдуетъ исполнять, не пишутся за три дни, господа; помните это!

Хорошо что успѣли мы къ вечеру перейти Сулакъ и утвердиться въ Ахатлахъ. Шамиль, вѣроятно узнавшій наше настоящее движеніе, возвратился было назадъ съ

своими сковицами, коихъ у него было тысячь до двадцати.—и конечно, еслибъ мы еще не успѣли овладѣть переправою, то онъ легко могъ бы намъ въ этомъ воспрепятствовать. Но видя насъ уже въ Ахатлахъ, онъ рѣшился направиться къ Буртунаю, на салатовскія высоты, куда поутру и мы послѣдовали за нимъ. Вѣроятно также и то, что онъ тогда же получилъ свѣдѣніе и о выступленіи изъ Чечни къ Теренгульскому Оврагу отряда генералъ-адъютанта Нейдгардта, съ которымъ скоро вошелъ въ прямое сообщеніе и генералъ Лидерсъ. Въ началѣ нашего разсказа, мы указали на планъ предполагавшейся кампаніи, во исполненіе чего Дагестанскій отрядъ и овладѣлъ послѣ жаркаго боя ахатлинской переправой. Теперь оставалось только одновременно обоимъ отрядамъ атаковать Шамиля, къ чему генералъ Лидерсъ и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, и за тѣмъ уже войдя въ связь съ Чеченскимъ (или, пожалуй, главнымъ) отрядомъ, ждалъ повелѣній главнокомандующаго. Но неизвѣстно почему — послѣдовало совершенно противное. Генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ не рѣшился перейти Теренгульскаго оврага, и Шамиль ушелъ совершенно безпрепятственно. Вѣроятно на это существовали съ нашей стороны болѣе или менѣе основательныя, хотя намъ и до сихъ поръ неизвѣстныя причины; но главнѣйшія по нашему мнѣнію состоятъ едва ли не въ томъ, что сложные планы вообще на войнѣ почти никогда не удаются. Всякая, даже малѣйшая случайность можетъ всегда помѣшать ихъ выполненію.

Чтобы закончить нашъ разсказъ, замѣтимъ, что дѣйствія Шамиля представляютъ много поучительнаго. Съ ранней весны, онъ овладѣваетъ почином дѣйствій, и нападаетъ на Самурскій отрядъ, не безъ основательной надежды на успѣхъ. Неудача подъ Кумухомъ не мѣшаетъ ему притянуть къ себѣ часть тѣхъ же силъ, и тамъ-же Кибитъ-Магома тѣснитъ Кіандера подъ Кадоромъ, хотя потомъ разбитъ Пассекомъ подъ Кокашурой. Затѣмъ Шамиль сосредоточиваетъ свои силы въ углу между Сулакомъ и Теренгульскимъ оврагомъ, сдѣлавъ ошибочный маршъ отъ ахатлинской переправы, вновь встрѣчаетъ насъ у Буртуная, и благоразумно уклоняется отъ опасности попасться въ тиски между двумя сильными отрядами, слѣдя однако близко за Дагестанскимъ, какъ болѣе для него опаснымъ, ибо Чеченскій отрядъ въ лѣсахъ не трудно удержать даже и съ неочень значительными силами, что̀ потомъ и подтвердили обстоятельства,—и наконецъ въ Акушѣ мы опять встрѣтили его подъ Лавашами, Цудахаромъ, и не смотря на пораженіе его были все таки остановлены имъ на Карадагскомъ Мосту, черезъ Аварское Койсу.—Замѣчательный примѣръ умѣнья вѣрно оцѣнять обстоятельства и пользоваться внутренними стратегическими линіями.

Подполковникъ Коптевъ.

О пищѣ и пищевареніи

съ медицинской и естественно—научной точки зрѣнія.

(*Окончаніе*).

Предметы, которыми питается человѣкъ, берутся имъ отчасти изъ животнаго царства, отчасти изъ растительнаго, но непремѣнно состоятъ изъ органическихъ веществъ Тѣло человѣка и животныхъ неспособно употреблять неорганическія вещества на органическія комбинаціи; эта работа предоставляется природой растеніямъ. Относительно удобоваримости, животная пища стоитъ по большей части выше растительной; она легче переваривается и принимается организмомъ; еще важная выгода на ея сторонѣ та, что она въ меньшемъ объемѣ содержитъ бо̀льшее количество питательныхъ веществъ. Слѣдствіемъ животной діэты естественно является сильное питаніе, обильное отдѣленіе крови, и поэтому такая діэта полезна лицамъ, у которыхъ питаніе и пищевареніе слабы, раздражительность нервовъ незначительна, а также при усиленномъ моціонѣ и физическомъ трудѣ: вотъ почему мясная пища больше употребляется въ холодныхъ климатахъ, а въ жаркихъ странахъ не только менѣе необходима, но ее даже избѣгаютъ. Люди, употребляющіе ее, обыкновенно бываютъ сильны, мускулисты, но не богаты жиромъ. За то съ другой стороны она нерѣдко порождаетъ болѣзненныя явленія, особенно переполненіе крови въ тѣхъ или другихъ органахъ, приливы крови и воспаленія. Ходъ всякой болѣзни, при этой діэтѣ, вообще быстрѣе. Въ умственномъ отношеніи, люди питающіеся преимущественно мясомъ—энергичнѣе, рѣшительнѣе, часто склонны къ вспыльчивости: война и охота — любимыя занятія народовъ, ѣдящихъ одно мясо.

Животная пища иногда бываетъ ядовита. Отъ употребленія мяса, вступившаго въ процессъ разложенія, можно умереть. Кромѣ того нѣкоторыя рыбы бываютъ ядовиты, особенно во время метанія икры; извѣстно, что одно время весною у насъ даже запрещено продавать корюшку и ряпушку. Мясо птицъ тогда дѣлается ядовито, когда онѣ поѣли ядовитыхъ растеній; такъ, напримѣръ, опасно мясо куропатки, наѣвшейся чемерицы, или жаворонка поѣвшаго омеги.

Изъ животныхъ предметовъ пищи, первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ молоку; это—самой природой данный намъ идеалъ полнаго, совершеннаго, соотвѣтствующаго всѣмъ потребностямъ нашего тѣла, питательнаго вещества. Въ немъ содержится все, что̀ требуется для восполненія потраченнаго организмомъ—и содержится въ должномъ количествѣ и пропорціи. Молоко въ очень небольшомъ объемѣ содержитъ азотистое вещество (казеинъ), затѣмъ вещество богатое углекислотой (маслянистыя частицы и молочный сахаръ), наконецъ, минеральныя вещества (желѣзо, поваренная соль, хлористый калій, фосфорно-кислая известь, талькъ и натръ). Съ чрезвычайной питательностью молоко соединяетъ еще крайнюю удобоваримость, которая впрочемъ различна въ степени, смотря по тому, отъ какого оно животнаго. Въ коровьемъ молокѣ всего болѣе казеина и маслянистыхъ частицъ, поэтому оно питательнѣе всѣхъ, но и нѣсколько тяжелѣе, такъ какъ эти два вещества — единственныя въ молокѣ, растворяющіяся съ нѣкоторымъ трудомъ. Въ женскомъ молокѣ ихъ меньше, вслѣдствіе чего оно не такъ питательно, но и легче переваривается; за нимъ слѣдуетъ ослиное молоко, а козье молоко занимаетъ середину между ослинымъ и коровьимъ. Знать эти отношенія—иногда чрезвычайно важно.

Въ числѣ продуктовъ, изготовляемыхъ изъ молока,

слѣдуетъ назвать масло, какъ самый удобоваримый изъ всѣхъ жировъ, конечно въ свѣжемъ видѣ и очень умѣренномъ количествѣ. Сыръ, когда онъ свѣжъ и не слишкомъ жиренъ—очень питателенъ: извѣстно, что у сильныхъ швейцарскихъ пастуховъ онъ составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ пищи. Старый, даже просто гнилой сыръ, который такъ высоко цѣнится знатоками за его острый вкусъ и запахъ — безусловно вреденъ.

Съ молокомъ весьма сходны по составу яйца; они тоже содержатъ всѣ вещества нужныя для питанія: бѣлковину, молочный сахаръ, соли и содержащій фосфоръ жиръ — тотъ самый, который встрѣчается въ мозгу; поэтому, они питательностью и удобоваримостью (въ свѣжемъ видѣ и сырые или вареные въ смятку) не уступаютъ молоку. Круто свареныя, они перевариваются труднѣе, вслѣдствіе затвердѣнія бѣлковины.

Мозги, печень и почки очень богаты бѣлковиной и жиромъ, слѣдовательно очень питательны, но неудобоваримы.

Мы наконецъ дошли до главнѣйшихъ представителей животной пищи — до мяса и бульона. По составу мясо почти совершенно сходно съ кровью. Оно содержитъ въ себѣ фибринъ и бѣлковину, соли и жиръ — первыхъ двухъ веществъ очень много, послѣднихъ двухъ вообще довольно мало. Питательность его однако гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно воображаютъ, потому что большая часть мускульныхъ волоконъ не переваривается вовсе. Но употребленіе мяса важно не только въ отношеніи питательности. Кромѣ вышеозначенныхъ веществъ, въ немъ множество другихъ веществъ, наприм. студень, креатинъ (собственно мясное вещество), креатининъ и проч. Вещества эти долгое время незаслуженно пользовались репутаціей, будто въ нихъ-то и заключается главная питательность. Теперь извѣстно противное, послѣ того какъ, по сдѣланнымъ во Франціи опытамъ, оказалось, наприм., что животныя, кормленыя однимъ студнемъ, околѣваютъ точно такъ же, какъ если вовсе не кормить ихъ. Съ другой стороны, студень производитъ теплоту, а креатинъ имѣетъ особенное возбуждающее дѣйствіе на нервную систему, и, кромѣ того, придаетъ вкусъ мясу. Вотъ эти-то свойства чрезвычайно благотворно соединяются съ питательностью въ мясѣ, сочно приготовленномъ на англійскій манеръ и въ хорошемъ бульонѣ, несомнѣнно крайне здоровомъ и подкрѣпляющемъ, особенно для лицъ слабыхъ, выздоравливающихъ, и проч. Само собою разумѣется, что остающееся послѣ бульона вываренное мясо теряетъ всякую питательность и удобоваримость и потому никуда не годится.

Что̀ же касается сортовъ мяса, не мѣшаетъ помнить, что красное мясо всегда питательнѣе, но и менѣе удобоваримо чѣмъ бѣлое, дичь менѣе чѣмъ мясо домашнихъ животныхъ; свинина, какъ всякое жирное мясо, очень тяжела, баранина тоже требуетъ довольно крѣпкаго желудка. Рыбы содержатъ мало бѣлковины, зато много содержащаго фосфоръ жира, и потому не особенно питательны, а вслѣдствіе жира и не очень удобоваримы. Въ этомъ отношеніи всѣхъ лучше форели и молодыя щуки, а всѣхъ хуже — лососина и угри. Въ устрицахъ, улиткахъ и проч. много бѣлковины и жира, слѣдовательно, онѣ весьма питательны, но не всякимъ желудкомъ легко перевариваются. Икра тоже очень питательна. Бульонъ самый крѣпкій получается отъ куринаго мяса.

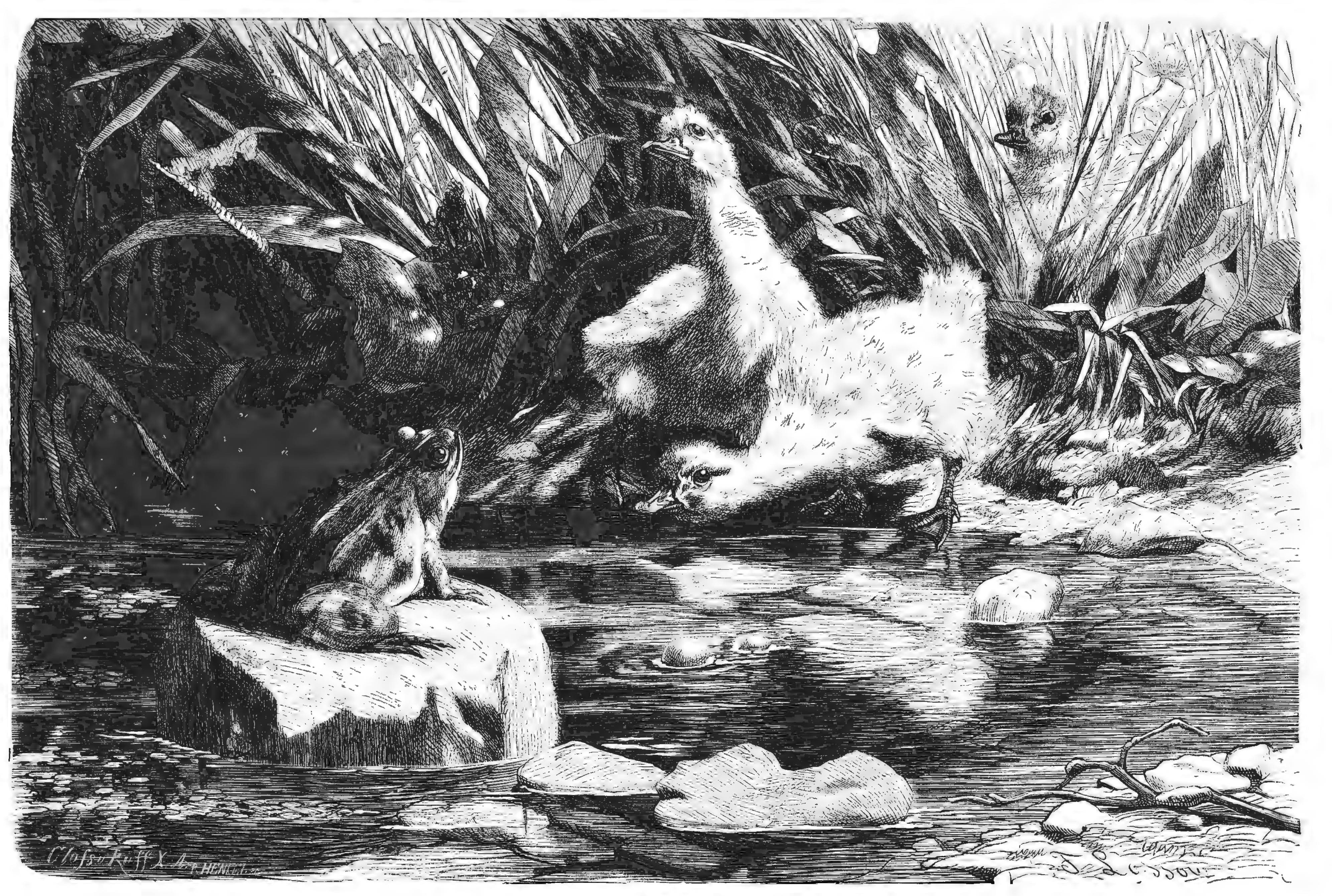
Обратимся теперь къ растительной пищѣ, служившей въ послѣднее время поводомъ къ столькимъ спорамъ. Послѣ того, какъ Либихъ доказалъ, что азотистыя вещества, бѣлковина и фибринъ въ растеніяхъ почти совершенно тѣ же, что и въ животномъ организмѣ,—не подлежитъ сомнѣнію, что и ими можетъ питаться человѣкъ. Съ другой стороны, въ растеніяхъ преобладаютъ безазотныя, углеродныя вещества, которыхъ весьма немного въ животныхъ; растенія вдобавокъ очень бѣдны крайне важными натровыми солями; другими солями, особенно фосфорнокислой извѣстью, онѣ по большей части изобилуютъ. Замѣчено, что люди, которые держатся исключительно растительной діэты, обыкновенно малокровны, менѣе сильны мускулами— людей питающихся и мясомъ, и что нервы у нихъ менѣе дѣятельны и не такъ легко возбуждаются. Растительная пища всегда порождала кроткіе, покорные, миролюбивые пастушескіе народы. Овощи иногда бываютъ нетолько вредны, но положительно ядовиты, напр. картофель, слишкомъ молодой или поросшій отъ сырости или долгаго лежанія: въ немъ тогда развивается особое наркотическое вещество, извѣстное подъ названіемъ *соланинъ*. Такое же явленіе представляетъ и рожь, если колосъ почему-нибудь проростетъ; тогда онъ отдѣляетъ чрезвычайно острый, злостный ядъ, по названію *эрготинъ*, который убиваетъ со страшными симптомами отравы — рвотой, расширеніемъ зрачковъ, почернѣніемъ пальцевъ, ногъ и проч. Бывали времена, когда эта болѣзнь, такъ-называемый *эрготизмъ*, разражалась цѣлой эпидеміей и губила множество народа; такой ужасный случай былъ, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи въ 1709 году.

Въ первомъ ряду растительныхъ съѣстныхъ продуктовъ стоятъ безспорно мука и хлѣбъ. Они содержатъ въ себѣ значительную долю бѣлковинныхъ веществъ— 12 — 20%. Всего болѣе ихъ въ пшеницѣ; во ржи, овсѣ, ячменѣ меньше; всѣхъ меньше въ рисѣ и гречихѣ — всего 6 — 7%. Что рисъ, несмотря на это, замѣняетъ хлѣбъ въ Китаѣ, Индіи, Турціи и пр.—объясняется только теплотой этихъ южныхъ климатовъ, и менѣе усиленной дѣятельностью жителей.

Гораздо богаче азотистыми веществами стручковые овощи — бобы, горохъ, чечевица. Они содержатъ этихъ веществъ больше даже чѣмъ мясо, и потому принадлежатъ къ числу самыхъ питательныхъ продуктовъ; но къ сожалѣнію, они весьма неудобоваримы, особенно по милости облекающей ихъ толстой кожицы. Во всякомъ случаѣ, однако, они заслуживаютъ полнаго уваженія и вниманія, когда требуется замѣнить хлѣбъ и мясо чѣмъ-нибудь болѣе или менѣе подходящимъ.

Нельзя того же сказать о неизбѣжномъ на всемъ европейскомъ материкѣ, нѣкогда привозномъ земномъ плодѣ — картофелѣ. Онъ крайне бѣденъ бѣлковинными веществами, которыхъ въ немъ не болѣе, какъ 1—2%. Чтобы получить отъ него нужное для пропитанія количество бѣлковины, пришлось бы съѣдать его въ день 8 — 12 фунтовъ. Весьма важныхъ для питанія фосфорно-кислой извести и желѣза картофель содержитъ тоже очень мало; онъ богатъ только крахмаломъ, и потому крайне мало питателенъ и годится только для произведенія жира. Сдѣлать изъ него свою главную пищу— значитъ обречь себя на малокровіе, отсутствіе мускульной силы, золотуху, англійскую болѣзнь, и, наконецъ, умственное отупѣніе.

По скудости бѣлковиннаго содержанія—съ картофе-



Не тронь меня, и я тебя не трону!
Рисунокъ Ф. Лоссова.

лемъ равняются всѣ сорта капусты и многихъ травъ, только еще труднѣе разработываются желудкомъ. Вообще, впрочемъ, овощи чѣмъ моложе, тѣмъ питательнѣе.

Послѣдними—въ ряду годныхъ для пищи растительныхъ продуктовъ—являются всѣми любимые за пріятный вкусъ и освѣжительныя свойства разные сорты фруктовъ. Главныя составныя части ихъ, при весьма маломъ количествѣ бѣлковины — сахаръ и пектинъ. Собственно какъ пища, они не имѣютъ почти никакого значенія, но положительно помогаютъ перевариванію другихъ, болѣе тяжелыхъ веществъ, такъ какъ небольшое количество кислоты способствуетъ дѣйствію желудочнаго сока (хотя въ большомъ количествѣ кислота нарушаетъ пищевареніе, вслѣдствіе чего излишнее употребленіе плодовъ вредно, а незрѣлые плоды даже опасны).

Изъ всего сказаннаго выше само собою выходитъ, что самая подходящая и здоровая для человѣка пища— смѣшанная, такъ-сказать; за исключеніемъ молока, нѣтъ ни одного продукта, въ которомъ находились бы всѣ вещества, нужныя для питанія, по крайней мѣрѣ въ должномъ количествѣ и пропорціи. Напрасно многіе стараются обратить человѣческій родъ къ исключительному направленію въ пищѣ, и совѣтуютъ ему, съ одной стороны, признать свое спасеніе единственно въ мясоястіи, съ другой — довольствоваться одними растеніями, подъ предлогомъ, что, по строенію своему, особенно по устройству зубовъ, человѣкъ назначенъ природою въ травоядныя животныя. При этомъ указываютъ на браминовъ, которымъ вѣра ихъ воспрещаетъ употребленіе мяса и которые сплошь да рядомъ умираютъ столѣтними старцами,—или приводятъ примѣръ Веслея, который въ сорокъ лѣтъ пересталъ ѣсть мясо и прожилъ 88 лѣтъ. Но неужели же въ томъ, чтобы прожить 120 лѣтъ разслабленнымъ умомъ и тѣломъ, въ состояніи безстрастной полуотупѣлости — неужели въ этомъ идеалъ жизни?

Сильная трата влаги, которую претерпѣваетъ организмъ вслѣдствіе отдѣленія ея кожей, легкими, почками и слизистыми оболочками, создаетъ потребность принятія въ себя новой влаги; эта потребность выражается ощущеніемъ жажды, и соразмѣряется количествомъ жидкости, отдѣляемой означенными органами. Но ощущеніе жажды не обусловливается, подобно голоду, исключительно прямой потребностью организма: оно можетъ быть вызываемо и посторонними вліяніями, дѣйствующими на нервы, возбуждающіе жажду.

Въ числѣ жидкостей, служащихъ къ утоленію дѣйствительной потребности организма, первое мѣсто конечно принадлежитъ водѣ, тѣмъ болѣе что она составляетъ основу всѣхъ прочихъ напитковъ. Въ значительномъ количествѣ она очищаетъ и разжижаетъ составъ крови, а потому спасительна во многихъ болѣзняхъ, происходящихъ отъ полнокровія. На этомъ основывается такъ-называемое водяное леченіе, но уже изъ этихъ немногихъ словъ видно, что это леченіе годится далеко не для всѣхъ темпераментовъ и не во всѣхъ болѣзняхъ, какъ почти-что увѣряютъ его восторженные поклонники. Для слабыхъ, худощавыхъ, малокровныхъ лицъ, вода въ большомъ количествѣ — положительно ядъ, и, точно въ примѣръ другимъ, изобрѣтатель современнаго леченія водой, знаменитый Присницъ, умеръ въ полной силѣ лѣтъ — *отъ водяной*. Вода кромѣ того можетъ вредно дѣйствовать и въ здоровомъ состояніи, отъ чрезмѣрнаго употребленія,—отъ того, если пить ее слишкомъ холодной, особенно въ разгоряченномъ состояніи отъ моціона, душевнаго волненія и проч.,—или отъ плохаго, нечистаго состава. Она легко дѣлается проводникомъ гніющихъ органическихъ веществъ, и тогда играетъ не малую роль въ распространеніи эпидемическихъ болѣзней— холеры, тифа, и проч. Въ послѣднюю лондонскую холеру это вліяніе воды сказалось чрезвычайно ясно. Двѣ компаніи на акціяхъ снабжали водою городъ; одна доставляла хорошую, чистую воду, другая — мутную со всякими посторонними примѣсями. По статистическимъ исчисленіямъ оказалось, что въ кварталахъ, въ которыхъ употреблялась послѣдняя вода, холера свирѣпствовала гораздо сильнѣе, и когда вездѣ провели одну чистую воду, въ этихъ кварталахъ стали умирать не болѣе, чѣмъ въ другихъ.

Чай дѣйствуетъ главнымъ образомъ содержащимся въ немъ эфирнымъ масломъ, которое сильно возбуждаетъ нервы и содержится зеленымъ чаемъ въ наибольшемъ количествѣ; кофе — кафеиномъ, особаго рода азотистымъ, но не бѣлковиннымъ веществомъ, которое встрѣчается и въ чаѣ, только въ значительно меньшемъ количествѣ (подъ названіемъ теина), и которое главнымъ образомъ ускоряетъ движеніе крови, раздражая кровяные сосуды, а отчасти также возбуждаетъ и нервы, но меньше чѣмъ чай. Увѣряютъ, что чай больше дѣйствуетъ на мысль, а кофе — на воображеніе, но кажется, что дѣйствіе ихъ отражается на томъ и другомъ въ довольно равной степени. На питаніе тѣла ни тотъ ни другой не имѣютъ прямаго вліянія, такъ какъ они не содержатъ ничего, что̀ могло бы войдти въ составъ тканей; но косвеннаго вліянія нельзя у нихъ отнять: отъ чрезмѣрнаго употребленія чая положительно худѣютъ, а кофе сильно помогаетъ пищеваренію — недаромъ завелось обыкновеніе выпивать послѣ обѣда чашку крѣпкаго, чернаго кофе. Что касается его вредныхъ свойствъ, то ихъ нѣкоторые доктора черезъ-чуръ ужъ преувеличивали, особенно встарину.

При весьма маломъ возбуждающемъ свойствѣ, шоколадъ обладаетъ чрезвычайной питательностью, потому что бобы какао, изъ которыхъ онъ приготовляется, богаты маслянистыми частицами и бѣлковиной, но именно вслѣдствіе этого онъ не всѣми легко переваривается.

Распространяться о хорошихъ и дурныхъ свойствахъ алькогольныхъ напитковъ — винограднаго и хлѣбнаго вина во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ — вовсе не входитъ въ нашъ планъ.

Что̀ касается кисловатыхъ и прохладительныхъ напитковъ—лимонада, оранжада, малинной, смородинной и всякихъ фруктовыхъ и ягодныхъ такъ-называемыхъ водицъ или шипучекъ — онѣ уже тѣмъ хороши, что вредить не могутъ, особенно въ умѣренномъ количествѣ. Объ употребленіи полюбившихся въ послѣднее время минеральныхъ водъ (естественныхъ и искусственныхъ), особенно зельтерской и содовой, тоже нельзя сказать ничего дурнаго.

Ознакомивъ читателей съ различными матеріялами для пищеваренія, намъ остается окончить статью свою легкимъ очеркомъ самаго пищеварительнаго процесса и условій, при которыхъ всего лучше совершается этотъ процессъ,—столь важный для кровотворенія, питанія всего организма и правильной дѣятельности нервной системы, что если онъ придетъ въ безпорядокъ, все тѣло страдаетъ и развиваются болѣзни болѣе другихъ вліяющія между прочимъ на психическую сторону человѣка и нерѣдко доводящія его до состоянія безвыходной ипохондріи.

Пищеварительный процесъ—одинъ изъ самыхъ нѣжныхъ. Когда пища разжевана и смочена слюною, она проходитъ черезъ пищепріемный каналъ въ желудокъ. Тогда желудокъ начинаетъ отдѣлять такъ-называемый желудочный сокъ, который превращаетъ твердыя бѣлковинныя вещества въ легко растворимыя, жидкія, между тѣмъ какъ слюна обращаетъ крахмальныя части пищи въ легко растворимый сахаръ. Теперь уже пища состоитъ изъ сока, содержащаго въ себѣ растворенныя бѣлковинныя вещества и сахаръ, и густой каши, содержащей еще нерастворенныя жирныя частицы и остальныя совершенно уже нерастворимыя части пищи—клѣтчатныя вещества, хрящъ, жилы и т. п. Затѣмъ желудокъ начинаетъ, посредствомъ мускульной силы своихъ стѣнокъ, стягиваться наподобіе червя, и это стягиваніе переходитъ, какъ у червя, кольцеобразно съ одной части желудка на другую. Этимъ червеобразнымъ движеніемъ пищевой сокъ и пищевая каша выталкиваются въ кишки—и тамъ желчь, кишечный сокъ и еще сокъ особой слюнной железы, помѣщающейся въ брюшной полости, приводятъ жирныя части въ мелко распредѣленное состояніе, близкое къ жидкому. Стало быть все растворимое—бѣлковина, крахмалъ, сахаръ и жиръ—обращено въ жидкость, въ пищевой сокъ, который всасывается кишечными стѣнками и вводится въ кровь. Пищевая каша, въ которой остаются уже только совершенно нерастворимыя вещества, окончательно выдавливается червеобразнымъ движеніемъ кишокъ въ прямую кишку. Для правильнаго отдѣленія желудочнаго сока требуется, какъ и для всякаго органическаго процесса, прежде всего чередованіе отдыха и дѣятельности и спокойное состояніе желудка, затѣмъ возбужденное состояніе желудочной слизистой оболочки, которое производится сильнымъ дѣйствіемъ нервовъ, и особенно раздраженіемъ желудочныхъ нервовъ, выражающимся аппетитомъ или голодомъ, наконецъ совершенное спокойствіе остальныхъ частей тѣла. Нервная система должна такъ-сказать сосредоточить свое вліяніе на дѣятельность желудка: никакая тѣлесная или умственная дѣятельность, усиліе или движеніе, не должно отвлекать ея отъ сваренія пищи, которая кромѣ того должна быть предварительно измельчена, т. е. хорошо прожевана, чтобы не остановить и не затруднять дѣйствія желудка; наконецъ въ желудкѣ требуется извѣстная температура, а именно 30—31° Р. Червеобразному стягиванію желудка и кишокъ ничто такъ не помогаетъ, какъ движеніе всего тѣла, въ особенности ногъ, которое приводитъ всю брюшную полость въ полезное сотрясеніе.

Изъ сказаннаго выше само собою явствуетъ, что должно вредно дѣйствовать на пищевареніе, и для дополненія этихъ важныхъ гигіеническихъ правилъ достаточно будетъ весьма немногихъ указаній. Такъ напримѣръ вредно ѣсть на слишкомъ жаркомъ или слишкомъ холодномъ воздухѣ; самая пища тоже должна быть умѣренной температуры; о вредѣ введенія въ желудкѣ слишкомъ холодныхъ веществъ было уже говорено по поводу холодной воды, но черезъ чуръ горячая пища или питье тоже нарушаютъ правильное дѣйствіе желудка, чрезмѣрно раздражая его.

Д-ръ Ф. Гезеліусъ

Фельетонъ.

Развалъ зимы и предсказанія о холерѣ. — Г. Сѣченовъ и французскіе врачи. — Два слова о сіамскихъ близнецахъ. —Первый историческій концертъ филармоническаго общества. — Музыкальный вечеръ въ благородномъ собраніи.

Обычная пора оттепелей уже наступила—и Петербургъ, какъ извѣстно, не отличающійся гостепріимнымъ климатомъ, готовитъ своимъ обитателямъ всякаго рода флюсы, горловыя болѣзни, кашли, насморки и проч. Кромѣ этихъ такъ-сказать неизбѣжныхъ принадлежностей петербургской весны, люди мнительнаго характера пророчатъ нашей сѣверной столицѣ посѣщеніе незванной гостьи — холеры. Толки о холерѣ впрочемъ довольно разнообразны: одни говорятъ, что холера къ намъ пожалуетъ изъ Москвы, гдѣ случаи заболѣванія ею уже извѣстны; другіе прибавляютъ къ этому сообщенію, что въ нашихъ больницахъ появились нѣкоторыя болѣзни, считаемыя обыкновенно предшествующими холерному memento mori; и наконецъ третьи, къ которымъ принадлежатъ и врачи, весьма основательно замѣчаютъ, что предсказанія о холерѣ пока еще ничѣмъ не оправдываются, такъ какъ слухи о болѣзняхъ, предшествующихъ холерѣ, не основательны. Съ своей стороны, мы присоединяемся къ послѣднему мнѣнію, тѣмъ болѣе что толки о холерѣ бываютъ у насъ каждую весну и, какъ извѣстно, не всегда оправдываются. Какова будетъ нынѣшняя весна, мы конечно предсказать не можемъ; но судя по началу, едва-ли можно ожидать эпидеміи, такъ энергично опровергаемой петербургскими врачами.

Въ то время, какъ наши эскулапы трактуютъ о невозможности появленія къ Петербургѣ нынѣшней весною холернаго memento mori, французскіе врачи заняты вопросомъ: можетъ-ли голова гильотинированнаго человѣка послѣ казни сохранять сознаніе и воспринимать внѣшнія впечатлѣнія? Поводомъ къ этому вопросу послужила статья доктора Пинеля, напечатанная въ одной изъ французскихъ газетъ, вскорѣ послѣ казни Тропмана, совершившаго звѣрское убійство въ Пантенѣ. Въ этой статьѣ французскій ученый доказывалъ, что голова, отдѣленная отъ туловища, сохраняетъ нѣкоторое время сознаніе и даже способна чувствовать. Если бы слова доктора Пинеля оказались справедливыми, то нѣтъ сомнѣнія, что участь приговоренныхъ къ гильотинѣ преступниковъ была бы еще болѣе ужасна, чѣмъ мы привыкли считать. Въ самомъ дѣлѣ, каковы должны быть страданія головы, отдѣленной отъ туловища, еслибы съ паденіемъ гильотины сознаніе не прекращалось, но сохранялось болѣе или менѣе продолжительное время? Отвѣтомъ на вопросъ можетъ служить мнѣніе, высказанное по этому поводу нашимъ знаменитымъ ученымъ и профессоромъ медицинской академіи, И. М. Сѣченовымъ, на одной изъ его публичныхъ лекцій въ залѣ клуба художниковъ. Мы не будемъ останавливаться на разборѣ прекрасныхъ лекцій г. Сѣченова, посѣщаемыхъ многочисленной публикою, что несомнѣнно доказываетъ ихъ занимательность; скажемъ только, что лекторъ самыми сильными аргументами блистательно опровергъ мнѣніе французскихъ ученыхъ врачей, будто голова, отдѣленная отъ туловища, сохраняетъ нѣкоторое время сознаніе. Какъ бы въ pendant къ этому заключенію г. Сѣченова, въ журналѣ «Cosmos» напечатаны результаты

недавнихъ опытовъ французскихъ врачей надъ головою гильотинированнаго въ Бове отцеубійцы, пять минутъ спустя послѣ казни. Послѣ паденія ножа, ни языкъ ни подбородокъ не сдѣлали ни малѣйшаго движенія — и лицо казненнаго носило только отпечатокъ ошеломленія. Одинъ изъ врачей поднесъ къ носу убитаго губку, напитанную аміакомъ, который не вызвалъ ни малѣйшаго впечатлѣнія; другой же докторъ въ это время прокричалъ надъ ухомъ казненнаго его имя, но и это не имѣло никакого дѣйствія; точно такъ-же оказалось безсильнымъ дѣйствіе электричества. Все это вмѣстѣ взятое подтверждаетъ мнѣніе нашего русскаго ученаго, имѣвшаго смѣлость протестовать противъ ни на чемъ неоснованныхъ предположеній французскихъ врачей.

Давно ожидаемые сіамскіе близнецы наконецъ прибыли на дняхъ въ Петербургъ. Мы еще не имѣли случая ихъ видѣть, и потому не можетъ удовлетворить любознательности читателя подробностями объ этомъ странномъ феноменѣ. Говорятъ, что близнецы срощены между собою такъ, что на первый взглядъ представляютъ какъ бы двухъ обнявшихся мужчинъ. Близнецы имѣютъ: двѣ головы, двѣ руки и четыре ноги. Оба они уже въ лѣтахъ, женаты и имѣютъ дѣтей, какъ говорятъ, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія. Настоящій пріѣздъ близнецовъ въ Европу кромѣ, конечно, желанія заработать деньги, какъ мы слышали, объясняется серіозной попыткой посовѣтоваться съ знаменитыми европейскими хирургами—о возможности имъ раздѣлиться другъ отъ друга посредствомъ операціи. Это послѣднее желаніе тѣмъ болѣе естественно, что какъ говорятъ, одинъ изъ близнецовъ обладаетъ слабымъ здоровьемъ—и въ случаѣ смерти не желаетъ быть причиной кончины брата.

Переходя къ концертамъ, мы на этотъ разъ начнемъ съ историческихъ концертовъ, даваемыхъ филармоническимъ обществомъ въ залѣ дворянскаго собранія. Первый изъ такихъ концертовъ происходилъ въ понедѣльникъ, 9 марта, и мы вынесли изъ него самое пріятное впечатлѣніе. Публики собралось въ залѣ много, а хоры были переполнены до нельзя. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, насколько заинтересовало публику древняя музыка и произведенія знаменитыхъ италіянскихъ и нѣмецкихъ композиторовъ прошедшаго столѣтія, какъ наприм. Скарлатти, Лео, Батиста Перголезе, Баха, Генделя и др. Участвующихъ въ концертѣ было много и въ этомъ отношеніи концертъ можетъ быть названъ грандіознымъ. Кромѣ оркестра, состоящаго изъ членовъ филармоническаго общества, которымъ прекрасно дирижировалъ г. Направникъ, въ концертѣ участвовали хоры 5 музыкальныхъ обществъ (какъ сказано въ программѣ) подъ управленіемъ г. Черни. Мы не разъ слышали мастерское управленіе г. Черни хорами въ концертахъ русскаго музыкальнаго общества; на этотъ разъ г. Черни превзошелъ наши ожиданія. Несмотря на трудности исполненія довольно большой программы хоромъ, г. Черни управлялъ имъ безукоризненно и мѣстами даже отступалъ отъ подлинныхъ нотъ безъ всякаго ущерба музыкальнаго смысла. Публикѣ не мало понравилось также пѣніе г-жи Хвостовой, обладающей довольно пріятнымъ и симпатичнымъ голосомъ, а манера пѣнія ея отличается простотою и отсутствіемъ натяжекъ, къ которымъ прибѣгаютъ весьма часто даже лучшіе наши пѣвцы и пѣвицы; жаль только, что талантливая пѣвица, какъ мы слышали, не хочетъ поступить на сцену, которой она составила бы лучшее украшеніе. Что касается до г. Штокгаузена, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ Петербургѣ и пѣлъ съ успѣхомъ, онъ на этотъ разъ почувствовалъ себя не хорошо во время представленія, и потому не могъ исполнить часть репертуара. Исполненіе гг. Мауера, Чіарди, Ауера и Давыдова, какъ и слѣдовало ожидать, были безукоризненны.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о музыкальномъ вечерѣ въ благородномъ собраніи, бывшемъ во вторникъ 10 марта. Публики, сверхъ обыкновенія, собралось много, и причиною тому было мастерское чтеніе г. Вейнбергомъ сценъ изъ еврейскаго быта. Надо отдать справедливость, что разсказчикъ весьма удачно схватываетъ отличительныя черты евреевъ, ихъ хитрость и изворотливость, гдѣ можно сберечь копѣйку. Г. Вейнбергъ читаетъ внятно и громко, такъ что его можно слышать на самомъ концѣ залы. Публика очень охотно слушала разсказчика и даже просила повторить, что́ г. Вейнбергъ и исполнилъ. Въ музыкальномъ вечерѣ принимали участіе: гг. Радонежскій и Мельниковъ, Меньшикова и Чіарди. Радонежскій очень недурно спѣлъ арію изъ «Руслана и Людмилы» и два русскихъ романса, понравившихся публикѣ. Что же касается до г. Мельникова и г-жи Меньшиковой, то ихъ голосовыя средства и умѣніе пѣть хорошо извѣстны петербургской публикѣ, всегда принимающей ихъ съ восторгомъ.

Не тронь меня и я тебя не трону. Когда Форстеръ высадился на Отаити, островитяне встрѣтили мореплавателей частію съ изумленіемъ, частію съ недовѣріемъ. Они недоумѣвали, что имъ дѣлать съ этими моремъ-рожденными блѣднолицыми образами. Прилагаемый на стр. 205 рисунокъ напоминаетъ нѣсколько эту встрѣчу. Лягушка, подобно островитянину, замерла въ ожиданіи пернатыхъ пловцовъ, а утята съ своей стороны не очень-то полагаются на ея миролюбивыя наклонности — и фраза, выбранная Ф. Лоссовымъ въ заглавіе къ своей картинѣ, какъ нельзя лучше передастъ настроеніе обитателей болотнаго затишья, впервые встрѣчающихся съ глазу на глазъ.

Поправка. Въ статьѣ «св. Александръ Невскій» (Нива № 9), вслѣдствіе поздней доставки ея въ редакцію и крайней спѣшности выпуска нумера, вкрались слѣдующія наиболѣе грубыя опечатки:

Вмѣсто напечатаннаго на страницѣ 143	слѣдуетъ читать:
столб. 1, строк. 32 сверху: Сынъ его	братаничъ его
» — » 4 снизу: раненъ	рачилъ Биргера
» 2, » 15 сверху: Султана Киргійскаго	султаны киргизскіе
» — » 27 снизу: Андрей	Александръ
» — » 25 — Александръ	Андрей
» — » 21 — къ себѣ въ свою Ш-ецію	въ Швецію

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 27 Марта 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26 Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим., д. № 45.

№ 14. **1870**

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 - 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.		**Для иногороднихъ.**	За годовое изданіе . 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.		За пересылку . . . — » 60 к.
			За упаковку . . . — » 40 »
			Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Вэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

На Гарцѣ.

(Гейне).

ткрывайся, міръ преданій!
Приготовься, сердце, къ нимъ,
Къ сладкимъ пѣснямъ, тихимъ грёзамъ,
Къ вдохновеньямъ золотымъ!

Я иду въ лѣса густые,
Гдѣ ключи живые бьютъ,
Бродятъ гордые олени,
Птицы вольныя поютъ.

По обрывамъ, между соcенъ,
Доберусь до замка я,
На который устремляетъ
Первый нѣжный лучъ заря.

Тамъ, среди сѣдыхъ развалинъ,
Какъ живые, предо мной,
Встанутъ дней минувшихъ люди
Съ прежней свѣжею красой....

Вотъ и онъ: надъ нимъ какъ прежде
Блеску полны небеса,
А внизу — въ волнахъ тумана
Словно плаваютъ лѣса....

Поросла травою площадь,
Гдѣ счастливецъ побѣждалъ,
И побѣды призъ у лучшихъ,
Можетъ быть, перебивалъ....

Плющъ виситъ кругомъ балкона,
Гдѣ склонялась на скамью
Побѣдившая очами
Побѣдителя въ бою....

Ахъ, и рыцаря, и даму
Смерть давно ужъ унесла....
Всѣхъ насъ этотъ черный рыцарь
Вышибаетъ изъ сѣдла!

А. Майковъ.

Три визита.

(переводъ съ нѣмецкаго).

— Завтра новый годъ — вы конечно поѣдете съ нами, Франкъ Обрей, дѣлать визиты?

— Очень ошибаетесь — и не думаю.

— Нѣтъ, поѣдемте — это презабавная штука! Я васъ познакомлю съ множествомъ хорошенькихъ дѣвушекъ, а что касается винъ, я знаю лучшіе погреба.

Франкъ Обрей покачалъ головой.

— Этимъ ужъ никакъ не соблазните.

— Ахъ да, я и забылъ, что вы воплощенная воздержность. Но все равно — поѣзжайте; ужъ тамъ найдется чѣмъ занять васъ.

— Я вамъ искренно благодаренъ, но все таки долженъ отказаться отъ удовольствія сопутствовать вамъ.

Робертъ Перри казался совсѣмъ сконфуженъ.

— Да вѣдь намѣрены же вы сдѣлать хоть нѣсколько визитовъ?

— Можетъ быть; но во всякомъ случаѣ попозже — да и то не навѣрное.

— Чтожь, вы совсѣмъ въ старые мизантропы записались?

— Надѣюсь что нѣтъ.

— Ну, въ философы, какъ вамъ угодно себя величать. Я низачто не хотѣлъ бы быть такимъ нелюдимымъ и кислымъ.

Франкъ Обрей усмѣхнулся, между тѣмъ какъ Робертъ Перри стоялъ предъ зеркаломъ и изучалъ эффектъ нѣсколькихъ разноцвѣтныхъ галстуковъ въ сопоставленіи съ его красивымъ лицомъ, которое, хотя и правильно очерчено было, по своей безвыразительности инстиктивно напоминало листъ бѣлой бумаги. Не дождавшись отвѣта, Перри съ нимъ простился, еще разъ сперва попросивъ его настоятельно не дурить, а попробовать вести себя какъ другіе люди.

— Какъ другіе люди? повторилъ Обрей про себя, когда дверь затворилась за его пріятелемъ, — нѣтъ, не въ моей власти вести себя какъ другіе. видно ужъ я таки всю жизнь останусь на другихъ не похожъ.

Летучими хлопьями снѣга заносило не только улицу, но и ставни и подоконники; вѣтеръ бушевалъ на дворѣ —и даже шелковая малиновая драпировка на окнахъ изящно-убранной холостой квартиры Обрея не могла совершенно закрыть ему путь въ комнату, и жаркій огонь, пылавшій въ каминѣ, не въ состояніи былъ ему противодѣйствовать.

Обрей попробовалъ читать, но печатныя слова не представляли глазамъ его смысла; онъ принялся писать письмо, но мысли упрямо не являлись на его зовъ, и онъ съ досадливымъ восклицаніемъ оттолкнулъ бумагу.

— Да что я... околдованъ, что-ли? спросилъ онъ себя съ похвальнымъ безпристрастіемъ, нелишеннымъ нѣкотораго удовольствія, — и подлинно кажется что такъ. Именно колдовствомъ обойдена моя мысль, мое сердце, моя душа; я начинаю подозрѣвать, что имя колдуньи — любовь. Обдумаю-же я хорошенько свое положеніе.

Онъ сложилъ руки на груди и уставилъ взоры въ огонь, какъ будто каждый уголекъ — живое существо.

— Вопервыхъ — Магдалина Дугласъ, съ ея царственной красотой, съ ея блестящими черными волосами, кожей, цвѣтомъ похожей на бѣлую розу, и чудными маленькими ручками — точно алебастровыми. Затѣмъ — Геленъ Трюфитъ, съ ея прелестнымъ шотландскимъ личикомъ. тихимъ, таинственно нѣжнымъ голосомъ и милымъ обхожденіемъ. Наконецъ — Кэтъ Нэзонъ — лучъ солнца, бабочка, маленькій брильянтъ. Вотъ онѣ три граціи, которыя, какъ богини судьбы, стоятъ на перепутьи моей жизни. Не можетъ-же человѣкъ любить разомъ трехъ женщинъ, я полагаю — а между тѣмъ я къ этому такъ близокъ, какъ только можно. На всѣхъ троихъ я не могу жениться, потому что я, къ несчастью, не мормонъ — а между тѣмъ какъ затруднителенъ выборъ! Дѣло въ томъ, что я повредилъ себѣ своей привычкой всегда думать и взвѣшивать слова, сказанныя, быть можетъ, безъ всякаго особеннаго намѣренія. Робертъ Перри рѣшился-бы въ десять минутъ, тогда какъ мнѣ, чего добраго, потребуется десять лѣтъ. Но вотъ бьетъ полночь! Среди вьюги и глубокой тьмы начинается новый годъ — буду надѣяться, что и для меня наступаетъ новая пора; пускай старый годъ и старый холостякъ вмѣстѣ сгинутъ. А теперь — спать! Рѣшеніе мое готово.

Свѣтъ яснаго зимняго утра едва озарилъ занесенныя снѣгомъ крыши, высокія башни церквей и широкія улицы. всѣхъ пробуждая къ новой жизни, какъ уже Обрей всталъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ уже стоялъ на половину одѣтый.

— Когда человѣкъ назначилъ себѣ на новый годъ такую работу, нельзя тратить время на dolce far niente, молвилъ онъ про себя, раскрывая свой серебряный туалетный несессеръ и выбирая одинъ изъ многихъ шелковыхъ галстуковъ.

Герой нашъ такъ спѣшилъ, что въ 9 часовъ онъ былъ уже въ полномъ нарядѣ и могъ отправиться по визитамъ.

Первой цѣлью его поѣздки былъ хорошенькій загородный домикъ въ готическомъ вкусѣ. Когда онъ позвонилъ, въ одно изъ оконъ нижняго этажа выглянула служанка и тотчасъ исчезла. Минуту спустя, она отворила дверь.

— Дома Геленъ Трюфитъ?

— Дома, сэръ; но еще не одѣта — она не ждала такъ рано гостей.

Бриджетъ, повидимому, рѣшилась загородить ему входъ своей собственной широкой особой, но Обрей сунулъ ей въ руку денегъ — и она пропустила его.

— Сюда, сэръ, пожалуйте — въ пріемную.

Неизвѣстно, слышалъ-ли онъ эти слова, или нѣтъ, только онъ, вмѣсто того чтобъ идти на лѣво, пошелъ прямо и очутился въ маленькой семейной гостиной. Тамъ на низенькомъ диванѣ сидѣла молодая дѣвушка въ истасканномъ грязномъ капотѣ, когда-то бывшемъ голубымъ шелковымъ платьемъ, въ туфляхъ съ затоптанными задами, съ нечесанными, растрепанными волосами. Она пришивала голубые атласные банты къ тарлатановому платью—и сначала не замѣтила, что вошелъ чужой.

— Бидди, сказала она, не поднимая глазъ съ работы, — положили вы локоны въ печку чтобъ припекать?

Не получая отвѣта, наконецъ подняла голову; увидѣвъ гостя, она съ истерическимъ крикомъ вскочила. Обрей вѣжливо подошелъ къ ней.

— Позвольте мнѣ, миссъ Трюфитъ, пожелать вамъ всякаго счастія на новый годъ!

Но прелестная Геленъ потеряла всякое присутствіе духа: не отвѣчая ни слова, поднялась и бѣжала изъ комнаты, стараясь прикрыть руками всклоченные волосы, да впопыхахъ еще обронила одну изъ своихъ изношенныхъ, истоптанныхъ туфель.

Франкъ Обрей удалился съ многозначительной улыбкой.

— Изъ трехъ грацій остались двѣ, подумалъ онъ, сходя со ступеней, — первый визитъ неудаченъ. Кто бы могъ подумать, что эта неряха — моя богиня, прелестная Геленъ! Во всякомъ случаѣ, такое разочарованіе лучше до чѣмъ послѣ потери свободы.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ быстро шелъ впередъ, съ такимъ наслажденіемъ вдыхая чистый, морозный зимній воздухъ, какъ-будто каждый разъ пропускалъ глотокъ хорошаго подкрѣпляющаго вина.

Наконецъ онъ остановился передъ каменнымъ домомъ и поднялся по широкимъ ступенямъ къ двери, выложенной розовымъ деревомъ. Лакей, отворивъ ее, стоялъ въ нѣкоторой нерѣшимости; но онъ зналъ Обрея за посѣтителя, пользующагося нѣкоторыми преимуществами, и потому впустилъ его.

Пріемныя комнаты, при всей роскоши, были въ величайшемъ безпорядкѣ. На маленькомъ ломберномъ столѣ, стоявшимъ подъ самой люстрой, валялись грязныя карты, которыхъ было немало и на полу; подносъ съ рюмками стоялъ на роялѣ подлѣ корзинки съ печеньемъ; на каминѣ былъ насыпанъ пепелъ отъ сигаръ; нѣсколько газетъ лежали брошенныя тамъ, гдѣ ихъ читали, а изъ-подъ диванной подушки торчалъ французскій романъ въ желтой оберткѣ.

Пока Обрей все это молча принималъ къ свѣдѣнію, къ нему изъ столовой донесся рѣзкій голосъ:

— Чтожь вы не сказали, Стивенсъ, что я еще не встала? Въ жизнь свою не видѣла такого болвана. И чего этого господина принесло въ такой часъ?

— Тише, Магдаленъ!.. услышитъ, раздался другой голосъ.

— Ахъ, мама, не глупите!... возразила почтительная дочь: — двери въ гостиную заперты, такъ что даже онъ, хотя онъ и длинноухій оселъ, ничего не можетъ услыхать. Что бы ему сидѣть дома до болѣе приличнаго часа для визитовъ!

За этой рѣчью послѣдовалъ сильный стукъ.

— Магдаленъ, да будь же осторожнѣе. Посмотри, ты отбила ручку у китайскаго кофейника.

— Мнѣ все равно! Меня изъ себя выводитъ, когда я вижу, что человѣкъ дѣлаетъ такія глупости. Стивенсъ, скажите ему, что я сейчасъ выйду. Будь онъ менѣе богатъ, я бы не поцеремонилась такъ съ нимъ.

Но когда миссъ Дугласъ, четверть часа спустя, въ изящномъ утреннемъ нарядѣ изъ фіолетоваго кашемира, съ зелеными лентами въ волосахъ и на шеѣ, поспѣшно вошла въ гостиную, она нашла ее пустою; на столѣ лежала карточка Обрея, на которой фамилія была перечеркнута карандашомъ, а подъ нею было написано:

«The compliments of the season from — A Long-eared Donkey». (Съ праздникомъ имѣетъ честь поздравить — Длинноухій Оселъ).

Миссъ Дугласъ вскрикнула и выронила карточку изъ рукъ.

— Мама! онъ слышалъ каждое слово!

— Ахъ, Магдаленъ!... печальное лицо матери явилось въ дверяхъ, и на немъ изобразился сильный испугъ. —А онъ такой богатый, и почти уже совсѣмъ попался! О, дитя мое, что ты сдѣлала!

Обрей, тѣмъ временемъ, не особенно польщенный слышаннымъ о себѣ отзывомъ, направился къ небольшому кирпичному дому, въ которомъ м-ръ Мэзонъ жилъ съ дочерью Кэтъ и еще девятью дѣтьми. Онъ былъ небогатъ: состоянія едва хватало, чтобы, по простонародному выраженію, сводить концы съ концами; но въ его хорошенькой гостиной все дышало солиднымъ комфортомъ, соотвѣтствовавшимъ самымъ задушевнымъ понятіямъ Франка о домашнемъ уголкѣ.

Молоденькая служаночка испуганно поглядѣла на него, отворивъ ему дверь. Миссъ Кэтъ сказала ей, что до десяти часовъ ужь никакъ никто не будетъ, и вдругъ — передъ нею стоитъ высокій, нарядный господинъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, очевидно явившійся съ визитами.

— Миссъ Кэтъ такъ рано не ждала васъ, начала было она, но Обрей перебилъ ее.

— Это ничего, сказалъ онъ: — я недолго задержу ее.

И не давъ Норѣ времени сказать ему что-нибудь въ отвѣтъ или удержать его, онъ прошелъ мимо нея прямо въ гостиную.

Въ блестяще-выполированномъ каминѣ горѣлъ яркій огонь; цвѣты, разставленные на окнѣ, казалось, съ жадностью ловили лучи январскаго солнца; а передъ этажеркой стояла маленькая, но стройненькая фигурка, въ простомъ зеленомъ платьицѣ и снѣжной бѣлизны бѣломъ воротничкѣ съ такими же рукавчиками и передникомъ, — и легкой метелочкой изъ пестрыхъ перьевъ смахивала пыль съ бездѣлушекъ, которыми были уставлены полки. Не знала того Кэтъ Мэзонъ, что въ этомъ домашнемъ нарядѣ она была въ десять разъ милѣе, чѣмъ во всѣхъ этихъ модныхъ шелкахъ да атласахъ, тюляхъ да тарлатанахъ; любуясь ею и тѣмъ, какъ ея мягкія, гладкія русыя косы золотились на солнцѣ, Франкъ Обрей подумалъ, что никогда еще онъ не видалъ ея такой прелестной.

— Съ новымъ годомъ, Кэтъ! смѣло подошелъ онъ къ ней. — Первое поздравленіе даетъ, какъ вамъ извѣстно, нѣкоторыя права, — а я убѣжденъ, что я у васъ первый гость.

Кэтъ замялась и вся покраснѣла, но безстрашно держала въ рукѣ метелочку.

— Я никакъ не ожидала такого ранняго посѣщенія, сказала она, — но если ужь вы пришли, то помогите-ка мнѣ прибрать гостиную.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— А затѣмъ, тотчасъ продолжала Кэтъ, — мнѣ надо дѣлать пуддингъ къ обѣду, потому что папа всѣхъ лучше любитъ пуддинги моей стряпни; потомъ надо выгладить воротнички маленькимъ сестрамъ, приготовить платья братьямъ и чепчикъ мама.... Она говорила это отчасти для того, чтобы дать ему понять, чтобы онъ недолго оставался.

— Неужели вы сами все это дѣлаете? съ неподдѣльнымъ удивленіемъ спросилъ Обрей.

— А то кто же? Да и не это одно, а мало ли еще что. Вы съ этого стула не стерли однако и половины пыли.

— Неужели? Я думалъ о другомъ — оттого...

— О чемъ же? Скажите.

— О томъ, какъ приступить къ тому, что я хочу сказать. Дѣло въ томъ, миссъ Кэтъ, я пришелъ пред-

ложить вамъ на новый годъ подарокъ — примете вы его?

— Это зависитъ отъ того—какой. Папа не позволяетъ ничего мнѣ принимать, кромѣ цвѣтовъ и....

— Я предлагаю вамъ вовсе не цвѣты, прервалъ ее Обрей, — а самого себя. Хотите ли, Кэтъ, принять мое сердце, мою душу — всего меня на всю жизнь?

Кэтъ отъ смущенія выронила метелочку, а Обрей, не давъ ей поднять ее, схватилъ обѣ ея руки, и съ мольбой глядѣлъ ей въ глаза. Выборъ его былъ наконецъ сдѣланъ—и когда онъ возвратился въ свою холостую квартиру, онъ возвратился въ нее женихомъ. Естественность маленькой Кэтъ побѣдила его.

Такъ-то эти три визита рѣшили трудный вопросъ о его будущности.

Морской видъ.

(рисунокъ профессора Айвазовскаго).

Есть два противоположныхъ воззрѣнія на искусство: одно изъ нихъ, строго формулированное великимъ эстетикомъ XIX вѣка, выражается въ трехъ словахъ: «искусство для искусства», т. е. искусство само себѣ цѣль, или другими словами, не имѣетъ иной цѣли, кромѣ эстетическаго наслажденія, доставляемаго художественными произведеніями тому, кто воспринимаетъ впечатлѣніе ими производимое: другое воззрѣніе навязываетъ художественнымъ произведеніямъ цѣли чуждыя искуству, какъ напр. проповѣданіе новыхъ идей, содѣйствіе лучшему общественному устройству, разрушеніе политическихъ предразсудковъ и т. п.

«Нива», строго придерживаясь перваго воззрѣнія на искусство, мало по малу пріобрѣла себѣ сочувствіе многихъ представителей истиннаго искусства—и въ нынѣшнемъ нумерѣ можетъ представить тому блестящее доказательство.

Профессоръ Айвазовскій, до сихъ поръ никогда не рисовавшій на деревѣ для гравюры, нынѣ оказалъ эту великую честь нашему журналу, собственноручно исполнивъ для «Нивы» два рисунка, изъ которыхъ первый прилагается на стр. 213, а другой будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ. Мы тѣмъ болѣе считаемъ своимъ долгомъ выразить печатно посильную признательность знаменитому русскому маринисту, что прилагаемый нынѣ рисунокъ не есть копія съ одной изъ безчисленныхъ картинъ профессора Айвазовскаго, но составляетъ оригиналъ, который нигдѣ кромѣ «Нивы» не появится.

Кому неизвѣстно неподражаемое мастерство, съ которымъ профессоръ Айвазовскій воспроизводитъ своей кистью воздухъ и воздушную перспективу? Но, къ сожалѣнію, не всѣ понимаютъ вѣрность и правдивость колорита, т. е. того средства, которымъ достигается эта прозрачность и такъ-сказать реальность или ощущаемое глазомъ присутствіе воздуха въ его картинахъ. Намъ случалось даже отъ живописцевъ слышать такіе отзывы, что нѣкоторыя картины Айвазовскаго отличаются неестественнымъ цвѣтомъ воды напр., или зелени, или облаковъ, или горныхъ вершинъ; но когда мы спрашивали у такихъ знатоковъ, бывали-ли они сами на югѣ Россіи, природа котораго отражается въ произведеніяхъ критикуемаго ими пейзажиста,—мы постоянно получали отрицательный отвѣтъ. Съ своей стороны, мы можемъ увѣрить гг. критиковъ, что тѣ алые, лазурные, серебряные и золотистые тоны земли, воды и воздуха, такъ щедро разлитые въ картинахъ профессора Айвазовскаго, не только не противоестественны, но именно составляютъ характеристичную особенность тѣхъ странъ, которымъ эти картины служатъ вѣрнѣйшимъ отраженіемъ— отраженіемъ въ осмысленномъ зеркалѣ великаго таланта.

Надѣясь доставить удовольствіе читателямъ «Нивы», мы приложимъ портретъ профессора Айвазовскаго, въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ «Нивы».

Мои знакомыя собаки.

О собакахъ столько писано, что біографіи собакъ, если бы ихъ кто собралъ, могли бы составить весьма многотомное сочиненіе и даже цѣлую библіотеку. Въ ожиданіи таковой библіотеки, я сообщу нѣсколько свѣдѣній о собакахъ, съ которыми я водилъ знакомство.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ я былъ большимъ пріятелемъ съ огромнымъ черным ньюфоундлендомъ, Орелкой, выросшимъ на нашей мызѣ въ Финляндіи. Орелка прибылъ къ намъ во дворъ щенкомъ—весьма визгливаго и весьма веселаго характера. Его отроческія увлеченія проявились въ бѣготнѣ за курами, за ягнятами и за поросятами; но куры, свиньи и бараны въ весьма короткое время смирили необузданность его нрава и отбили у него охоту ко всякаго рода увлеченіямъ. На дворѣ у насъ жилъ огромный индюкъ, зрѣлаго возраста, свирѣпаго нрава, потому что дѣти спеціально занимались дразненіемъ его лоскуткомъ краснаго сукна, привязаннымъ къ палкѣ. Индюкъ, по обыкновенію своему степенный и смирный, терпѣть не могъ дѣтей и собакъ—и чуть кто изъ дѣтей или изъ собакъ покажется на дворѣ, онъ начиналъ пѣтушиться, шипѣть, и выжидалъ, покуда къ нему повернутся задомъ. Точно также онъ терпѣть не могъ всѣхъ постороннихъ, и вообще сторожилъ дворъ лучше любой цѣнной собаки.

Баранъ у насъ былъ на дворѣ пожилой и тоже гнѣвный. Его додразнили до неистовства тѣмъ, что его постоянно щелкали по лбу. Бараны, быки, олени, какъ и всѣ жвачныя, дерутся лбомъ; бить ихъ по лбу, значитъ — пріучать драться. Нашего барана до такой степени раззадорили, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ треснуть лбомъ каждаго проходящаго.

Затѣмъ у насъ была свинья, тоже почтеннаго возраста и—вслѣдствіе того—почтеннаго роста, дразнить которую впрочемъ никто не смѣлъ. Она отрицала всякія права. Во дворъ ея обыкновенно не пускали, а на дворѣ помѣщались погребъ, амбаръ, кухня, около которыхъ всегда валялось множество всякой снѣди. Свинья, въ сопровожденіи своихъ поросятъ, подходила къ тя-

Морской видъ.

Оригинальный рисунокъ на деревѣ исполненъ профессоромъ И. К. Айвазовскимъ, гравированъ Л. А. Сѣряковымъ.

желой калиткѣ, вѣсившей по крайней мѣрѣ пудовъ пять, подсовывала подъ нея свое рыло, сбрасывала ее съ петлей, хрюкая сзывала поросятъ и принималась за эксплуатированіе всевозможныхъ съѣстныхъ припасовъ. Цѣлью ея стремленій, мечтой ея жизни—былъ садъ съ фруктовыми деревьями, съ грядами смородины, крыжовника, вишень, но по всей вѣроятности она знала также, что тамъ произябаетъ и морковь и рѣпа и свекла. Въ садъ вела такая же тяжелая калитка, но калитка эта захлопывалась сама собою и такъ плотно упиралась въ утрамбованный грунтъ, что запустить подъ нее рыло—возможности не было. Поэтому задачей жизни свиньи стала идея, какъ бы пройдти съ поросятами въ садъ черезъ комнаты; она почему-то узнала, что черезъ парадное крыльцо и черезъ дѣвичью можно пройдти рядомъ комнатъ, добраться до зала, изъ которой широкія стеклянныя двери выходили на террасу, а подъ этой террасой росли георгины съ ихъ сочными шишками, рыцарскія шпоры и венерины башмачки съ толстыми вкусными стеблями, далѣе было насажено пропасть луковичныхъ растеній, — словомъ сказать, за этой залой лежала какая-то земля обѣтованная, гдѣ можно было ѣсть и ѣсть цѣлыя дни, недѣли, мѣсяцы, и потомъ еще ѣсть всякихъ червяковъ, сарану на топи, прилегавшей къ озеру. Наконецъ, на самомъ озерѣ росъ густой и сочный камышъ, побѣги котораго вкусны какъ спаржа; волны озера примываютъ къ берегу такую массу камыша, тростника, всякихъ раковинъ, съ жирными моллюсками, что свинью такъ и тянуло къ намъ въ залу.

Свѣтлый, теплый, іюньскій вечеръ; солнце заходитъ; изъ сада несется запахъ розъ, капуперу и божьяго дерева; въ домѣ тихо, всѣ разошлись—кто отдыхать, кто гулять; послѣдніе лучи солнца смотрятъ въ бѣлую залу съ золотымъ бордюромъ и сквозь тюлевыя занавѣси съ золотыми карнизами; сестра моя сидитъ за рояземъ и наигрываетъ Шопена, я сижу противъ нея на диванѣ за книгой — вдругъ въ дѣвичьей раздается топотъ: первымъ является нашъ свирѣпый баранъ; пѣтухъ, поворачивая голову на право и на лѣво, выступаетъ безъ всякаго достоинства, за нимъ куры съ ихъ вѣчнымъ выраженіемъ «что-жъ? я иду, если велятъ; я, бѣдная женщина, сама не знаю куда плетусь, за что же меня обижать? Захотите, такъ и прогóните, я спорить не стану; я баба глупая, по простотѣ живу; почемъ я знаю, что въ залу забираться не слѣдуетъ? Это даже не пѣтуха дѣло; а я такъ, по простотѣ, вижу, что дверь отворена; пѣтухъ что! я его точно боюсь, и повиноваться должна, сказано—мужчина». Съ ними вмѣстѣ, какъ-то жадно и аппетитно похрюкивая, точно въ предвкушеніи грядущихъ благъ, торопливо неслась свинья, потряхивая ушами, а за нею галопировали поросята. Баранъ и пѣтухъ входили съ раздумья, свинья на проломъ ломила, какъ-будто говоря: «была не была, а заберусь я въ эти заповѣдныя гряды». Все это значило, что дѣвичья пуста и двери растворены настежь, какъ всегда въ старыхъ барскихъ домахъ. Привычное ухо мое мигомъ распознавало значеніе этого топота, двери съ залы на террасу захлопывались и гуляющая компанія удалялась въ попыхахъ и въ суматохѣ, точно чувствуя свою вину. Опять раздавались звуки рояля и опять подъ эти звуки дожидался я заката.

Замѣчательное дѣло, что всѣ животныя имѣютъ смутное сознаніе, до какихъ предѣловъ простираются ихъ владѣнія. Всего болѣе сознаніе это развито у собакъ и у журавлей. Журавль, какъ извѣстно, легко дѣлается домашней птицею и караулитъ домъ не хуже любой собаки. Орелка погибъ вслѣдствіе этого усердія, но передъ нимъ погибъ старый и вѣрный Какъ-васъ, предпочтенный, пожилой дворовый песъ самой нехитрой породы. Погибъ онъ престраннымъ образомъ — утонулся. Онъ пропадалъ нѣсколько дней безъ вѣсти, и наконецъ его отыскали въ верстѣ отъ дома, но все-таки въ нашихъ же владѣніяхъ, на берегу озерка. Заднія лапы у него были на берегу, переднія лапы и морда ушли въ озерную типу. Рыбу ли онъ ловилъ, въ подражаніе Коту-Васькѣ, или пить захотѣлось ему — во всякомъ случаѣ въ смерти своей онъ самъ повиненъ.

Котъ-Васька былъ большой рыболовъ. Онъ цѣлые часы просиживалъ на берегу озера, ерошась на плотву, на окуней, на ершей, которые въ полдень ютились подъ ивами. Праздникъ былъ для него, когда я отправлялся съ удочкой на берегъ. Тайкомъ отъ меня, пробираясь кустами, прячась за ними и кочками, Васька зарывался въ папоротникъ и неподвижно ждалъ, покуда я вытяну что-нибудь изъ озера. Онъ также спокойно и неподвижно ждалъ, покуда я сниму съ крючка трепещущуюся рыбку и опущу ее въ лохань съ водой. Онъ терпѣливо ждалъ, покуда я надѣну новаго червяка, опять закину удочку и застыну надъ поплавкомъ. Тогда неслышными шагами выбирался онъ изъ засады, распускалъ когти—и однимъ взмахомъ лапки выкидывалъ на берегъ пойманную рыбку; еще секунда, и Васька исчезалъ въ кустахъ съ моей собственностью. Онъ не чужими руками жаръ загребалъ, а своей лапой чужую добычу выгребалъ.

Бѣдный Орелка (отъ разсказа о которомъ я такъ часто отступаю, увлекаясь воспоминаніями о моихъ прочихъ знакомыхъ) погибъ трагически, вслѣдствіе собственной удали и юношеской неопытности. Ему, можетъ быть, всего было мѣсяцевъ съ десять; онъ былъ высокъ, красивъ, строенъ и гибокъ; черная шерсть лоснилась на немъ кудрями — словомъ, это былъ юноша, полный надеждъ и ожидавшій блестящей карьеры въ кругу простыхъ деревенскихъ собакъ нашего околодка. Палъ у насъ передъ Рождествомъ теленокъ; зима была холодная, работники наши были народъ лѣнивый и безпечный — и вмѣсто того чтобы завезти его въ лѣсъ, изволили закопать въ огородѣ, на берегу того же озера. Днемъ было все спокойно, но ночью подымался невѣроятный собачій лай и вой, потому что волки изъ-за озера — то-есть изъ-за полуторы версты — подбѣгали мелкой рысцей къ нашему берегу, поживиться насчетъ падали. Въ семидесяти-пяти верстахъ волковъ водится довольно много; въ холодную зиму они бѣгаютъ стаями, слѣдятъ за санями, на людей рѣдко нападаютъ, а преимущественно промышляютъ насчетъ поросятъ и маленькихъ собакъ. Ночи стояли ясныя, мѣсячныя,—и, совершенно не догадываясь, чтó приманиваетъ къ намъ волковъ изъ-за озера, мы подолгу просиживали у окна, любуясь на ихъ бѣготню по озеру и по нашему саду и на суетню нашихъ собакъ. Дворовыя собаки на волка не бросаются — развѣ что волкъ на дворъ заберется. Онѣ держатся отъ него саженяхъ въ двухъ и что мочи лаютъ цѣлымъ околодкомъ. Это не трусость съ ихъ стороны, а слѣдствіе опыта и пониманія волчьей тактики. Въ одну изъ такихъ ночей раздался собачій лай на волка; я подошелъ къ окну и увидѣлъ на озерѣ, саженяхъ въ двадцати отъ нашего балкона, двухъ волковъ, которые подвигались къ намъ, кротко, смиренно, опустя

головы и волоча хвосты. Собаки стояли на берегу и лаяли. Откуда ни возьмись несется статный, красивый Орелка.... онъ понюлилъ по берегу, помахалъ хвостомъ, полаялъ — и геройски бросился на встрѣчу заклятымъ врагамъ собачьяго племени.

Впродолженіе секундъ пяти, я видѣлъ, что онъ стоитъ на заднихъ лапахъ, обнявшись съ двумя волками; затѣмъ я видѣлъ, какъ одинъ схватилъ его за шиворотъ, другой—за хвостъ, третій тутъ-же прискакавшій волкъ подхватилъ его за заднія ноги, и всѣ трое поволокли его на ту сторону. Вся операція продолжалась не болѣе минуты, и съ тѣхъ поръ мы не видали нашего бѣднаго, храбраго и неопытнаго Орелки. Старыя собаки отлично знаютъ эту волчью тактику: выслать впередъ двоихъ или троихъ послабѣе, помоложе и позадорнѣе, а самимъ оставаться въ засадѣ и ввязаться въ драку только тогда, когда выигрышъ несомнѣнно на ихъ сторонѣ.

Есть мнѣніе, что собака дурно живетъ съ кошкой— мнѣніе это совершенно несправедливо. Собака относится враждебно только къ незнакомой кошкѣ— и кошка фыркаетъ только на чужую собаку. У насъ въ домѣ недавно былъ примѣръ трогательной любви бульдога Бульки къ Коту-Мурлыкѣ. Они спали вмѣстѣ, ѣли вмѣстѣ, почти-что гуляли вмѣстѣ. Извѣстно, что кошки терпѣть не могутъ всякой суматохи въ домѣ, особенно перестановки мебели и укладки; онѣ или прячутся куда-нибудь, или свертываются въ клубокъ и засыпаютъ. Мы переставляли мебель, Котъ-Мурлыка заснулъ на кровати. Булька грустно расхаживалъ по комнатѣ, слегка подвывалъ, точно изъявлялъ сожалѣніе, что заведенный порядокъ нарушается, и точно опасался, чтобы не вышло чего-нибудь дурнаго изъ всей этой возни. Нужно было перенести кровать. Какъ увидалъ это Булька, онъ подбѣжалъ къ ней и уставился носомъ въ спящаго Мурлыку, искоса посматривая по сторонамъ, не злоумышляютъ ли чего противъ его пріятеля. Кровать подняли и понесли. Мурлыка спалъ, какъ-будто дѣло это его вовсе не касалось, а Булька положилъ на кровать лапы, прижался мордой къ коту и прошелся на заднихъ лапахъ черезъ двѣ комнаты въ третью. Только когда кровать стала на мѣсто. и когда исчезло всякое опасеніе, что унесутъ Мурлыку, онъ успокоился, почесался и пошелъ надзирать за дальнѣйшимъ передвиженіемъ мебели, заявляя все-таки свое неодобреніе.

Замѣчательное дѣло, что собаки почти никогда не кусаютъ дѣтей. У моего сосѣда черезъ улицу, въ одномъ маленькомъ городѣ, была огромная старая собака, очень злая и очень неривѣтливая. Шестилѣтняя дѣвочка съ нашего двора прозвала эту собаку Нѣмцемъ, потому что хозяинъ ея, полякъ, часто говорилъ по нѣмецки. Собака Нѣмецъ была ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ собакъ. Сознавая свою силу, она нарушала ихъ право поземельной собственности, т. е. забиралась въ чужіе дворы, не стѣсняясь, перебѣгала на чужую половину улицы и при этомъ, само собою разумѣется, подчасъ раззоряла своихъ сосѣдокъ, похищая принадлежащія имъ кости, корки и прочіе пожизненные доходы собачьяго племени, утвержденные за нимъ тысячелѣтіями обычнаго права. Окна наши выходили въ садъ, и въ одно прекрасное утро мы увидали, что въ саду лежитъ Нѣмецъ, на немъ сидитъ дѣвочка и треплетъ его за уши. Я обомлѣлъ, выскочилъ въ садъ и кликнулъ дѣвочку: «что̀ ты, маленькая, съ ума что̀ ли сошла? Какъ сюда забралась эта большая собака?» Дѣвочка развела руками и заговорила пресеріозно (она была вообще большая охотница до всякаго рода серіозныхъ объясненій): «Нѣмецъ —добрая собака», сказала она: «я и не думала, что онъ такой добрый; я стояла вонъ тамъ у плетня и смотрѣла въ щелку, Нѣмецъ идетъ по улицѣ, я ему и закричала: «Нѣмецъ, Нѣмецъ, пойди сюда! умная дѣвочка тебя зоветъ!» Онъ тоже умная собака, онъ пришелъ».... Мнѣ стало и смѣшно и странно. Я смѣло отпустилъ дѣвочку играть съ страшною собакой, и черезъ полчаса она притащила за шиворотъ этого колоссальнаго звѣря въ комнату. Знакомство съ Нѣмцемъ было составлено, хотя особенныхъ удобствъ не доставило, потому что Нѣмецъ повадился бѣгать по нѣскольку разъ къ своей новой пріятельницѣ, перепрыгивая черезъ плетень, влѣзая въ окно, роняя все по дорогѣ, —но къ чести его надо сказать, что онъ никогда не покушался на похищеніе съѣстнаго: онъ велъ себя какъ слѣдуетъ уважающему себя короткому другу дома, сознающему свое достоинство.

Кстати объ этой дѣвочкѣ. Что дѣти укращаютъ собакъ,—обстоятельство довольно извѣстное. Ей удалось больше. Она какимъ-то манеромъ свела пріязнь съ пѣтухомъ—и пѣтухъ повадился бѣгать къ ней и сидѣть у нея на колѣнахъ.

В. Ж...

(*Окончаніе будетъ*).

Молодость Наполеона III.

I. Дядя и племянникъ.

Во всемъ цивилизованномъ, да и нецивилизованномъ мірѣ не найдется другой личности, судьбы и всѣ явленія жизни которой обращали бы на себя такое общее вниманіе, какъ судьбы и жизнь нынѣшняго императора французовъ. Если бы такое напряженное вниманіе могло служить мѣриломъ нравственнаго значенія человѣка, Людовикъ Наполеонъ по истинѣ былъ бы величайшимъ въ мірѣ человѣкомъ. Самымъ важнымъ лицомъ онъ дѣйствительно былъ долгое время, по стеченію множества политическихъ обстоятельствъ; онъ возбуждалъ ненависть и страхъ, иногда и изумленіе, но есть два чувства, которыхъ онъ никогда не умѣлъ вызвать въ сердцахъ людей: это—симпатія и благоговѣніе. Поэтому, даже теперь, когда его политическое положеніе стало совершенно другимъ, и уже нисколько не въ состояніи внушать окружающимъ тревогу и опасенія,—едва ли кто нибудь относится къ нему съ теплымъ участіемъ; на процессъ уничтоженія его собственнымъ народомъ сіянія, нѣкогда окружавшаго его имя, смотрятъ какъ на зрѣлище. Сколькимъ людямъ и по сколькимъ причинамъ процессъ этотъ доставляетъ искреннее удовольствіе—въ этотъ вопросъ мы не станемъ вникать, такъ какъ мы вовсе не намѣрены составить политическую статью, а только ознакомить нашихъ читателей, по возможности короче, но и полнѣе, съ тѣми превратностями, которыя пережилъ нынѣшній императоръ въ свои молодые годы.

Человѣкъ, относящійся къ дѣлу безъ предубѣжденія,

увидитъ въ томъ, какъ протекла ранняя молодость Людовика Наполеона, нѣчто въ родѣ оправданія его последующихъ, увѣнчавшихся наконецъ успѣхомъ, стараній добиться верховной власти, если даже это оправданіе не заключается уже въ томъ исторически доказанномъ фактѣ, что симпатія къ бонапартизму никогда не вымирала во французскомъ народѣ.

Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ—третій сынъ Людовика Бонапарта, брата Наполеона I (который, какъ извѣстно, сдѣлалъ его королемъ голландскимъ), и падчерицы императора Гортензіи Богарнэ, которая, какъ тоже извѣстно, всегда пользовалась нѣжной любовью Наполеона и жила, по его желанію, въ Тюилери, когда братъ его Людовикъ, такъ сказать, дезертировалъ съ голландскаго престола и глубокая бездна легла между супругами.

Въ эпоху высшаго блеска наполеоновской эры, 20 апрѣля 1808 г., Луи-Шарль Наполеонъ родился въ тюилерійскомъ дворцѣ. Пушки дома инвалидовъ возвѣстили объ этомъ центральной Европѣ, въ то время порабощенно приникшей къ ногамъ императора. Такъ какъ у Наполеона I, хотя и женатаго уже на дочери австрійскаго императора, еще не было наслѣдника, то онъ повелѣлъ раболѣпно-послушной ему машинѣ—Сенату—постановить двумя сенатусконсультами отъ 28 флореаля и 5 фримэра (которые были подвергнуты комедіи народнаго голосованія, и были приняты 3,521,675 голосами), что, если императоръ и старшій братъ его, Іосифъ, въ то время король испанскій, не будутъ имѣть прямыхъ потомковъ, маленькій принцъ и его старшій братъ Наполеонъ, родившійся въ 1804 г., должны считаться наслѣдниками французскаго престола.

10 ноября 1810 г. маленькій принцъ былъ окрещенъ по католическому обряду кардиналомъ Фешомъ въ фонтенблосскомъ дворцѣ. Воспріемниками его были императоръ Наполеонъ и императрица Марія-Луиза. Само собою разумѣется, что весь дворъ въ полнѣйшемъ парадѣ присутствовалъ при церемоніи.

Изъ другихъ сыновей Луи Бонапарта и Гортензіи, старшій умеръ въ 1809 г. пяти лѣтъ; второй, Наполеонъ, въ 1827 г. женился на своей кузинѣ, Шарлоттѣ, дочери старшаго брата Наполеона I, и умеръ въ 1831 г. въ Форли отъ воспаленія въ груди. Между тѣмъ какъ мужъ Гортензіи поселился во Флоренціи, она сама осталась при императорѣ—и на ея двухъ сыновей, до рожденія короля римскаго, всѣ смотрѣли какъ на наслѣдниковъ престола. Самъ Наполеонъ всегда былъ очень къ нимъ—расположенъ и даже по рожденіи сына любилъ ихъ какъ родныхъ дѣтей. Онъ неизмѣнно призывалъ ихъ къ себѣ, когда возвращался изъ путешествія или хотѣлъ отдохнуть отъ дѣлъ, забавлялся за завтракомъ ихъ болтовней, сажалъ ихъ завтракать подлѣ себя за маленькій столъ, къ которому больше никто не допускался, заставлялъ ихъ говорить себѣ басни Лафонтэна, спрашивалъ ихъ мнѣнія о басняхъ и отечески объяснялъ имъ мораль.

Кстати о басняхъ Лафонтэна: однажды М-me де Сталь спросила мальчика при его воспитательницѣ: правда-ли, что дядя прежде всѣхъ заставилъ его выучить тѣ басни, въ которыхъ мораль направлена къ тому, что напр. сильнѣйшій всегда умнѣе и правъ? «Нѣтъ, именно эти басни онъ меня всего рѣже заставляетъ учить», отвѣчалъ ребенокъ, и обратившись къ своей гувернанткѣ, тихо сказалъ ей: «эта женщина несносна со своими вопросами. Поэтому, что-ли, люди называютъ ее умной?» Изъ этого видно, что мальчикъ умѣлъ осадить нескромную вопросительницу не хуже дяди, который, какъ извѣстно, еще будучи первымъ консуломъ, на вопросъ М-me де Сталь: «какую женщину онъ больше всѣхъ любитъ?» отвѣтилъ: «мою жену»; а когда она стала настаивать, допрашивая «какую женщину послѣ жены», —съ нѣкоторой досадой и довольно остроумно возразилъ: «ту женщину, которая всѣхъ больше народила дѣтей». Дѣло въ томъ, что М-me де Сталь въ то время не имѣла еще дѣтей; поэтому отвѣтъ Наполеона смертельно укололъ ея тщеславіе—и она изъ друга превратилась въ его злѣйшаго врага.

Сохранилось еще нѣсколько довольно милыхъ чертъ изъ ранней молодости Наполеона III. Однажды онъ кому-то подарилъ какую-то вещь, подаренную ему его матерью, и получилъ за это упрекъ отъ нея. «Милая мама», сказалъ онъ ей: «я увѣренъ, что ты хотѣла сдѣлать мнѣ удовольствіе, дѣлая мнѣ этотъ подарокъ; чтожъ, теперь я обязанъ ему двоякимъ удовольствіемъ: разъ когда отъ тебя получилъ, другой—когда самъ подарилъ.» Подобные примѣры щедрости мальчика часто повторялись. Такъ однажды, когда онъ уже жилъ съ матерью и гувернеромъ своимъ, аббатомъ Бертраномъ, внѣ французскихъ границъ, явился домой въ очень холодную погоду босикомъ и вообще почти безъ одежды: по дорогѣ ему попалась семья въ страшно бѣдственномъ положеніи,—и не имѣя при себѣ денегъ, онъ отдалъ изъ своего платья все, безъ чего можно было обойтись.

Одна сцена, происходившая между нимъ и императоромъ, кажется какъ будто сочиненной и заученной. Вотъ какъ разсказываетъ очевидецъ: «императоръ только что воротился, проигравъ лейпцигское сраженіе; онъ казался озабоченнымъ и скучнымъ, однако, хотя слова свои онъ произносилъ коротко и жестко, онъ ясно и опредѣленно выражалъ свои мысли. Вдругъ въ комнату, въ которой я находился съ императоромъ и съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ слушалъ его, тихо вошелъ красивый мальчикъ лѣтъ семи или восьми, съ свѣтлыми кудрявыми волосами и темноголубыми глазами, и приблизился къ императору. На личикѣ его выражалась грусть и глубокое волненіе, которое онъ тщетно старался преодолѣть. Онъ опустился на колѣни у ногъ императора, положилъ свою кудрявую головку къ нему на колѣна и зарыдалъ. «Что съ тобою, Луи? рѣзкимъ тономъ спросилъ императоръ, очевидно разсерженный несвоевременнымъ приходомъ мальчика; «о чемъ ты плачешь?» — «Гувернантка моя сказала мнѣ, что вы опять хотите ѣхать на войну. Не ѣздите, о, ради Бога, не ѣздите!»—«Отчегоже мнѣ не ѣхать? Почему тебѣ хочется, чтобъ я не ѣхалъ?» спросилъ императоръ, повидимому тронутый просьбами племянника. «Говори же, почему?» продолжалъ онъ, ласково приподнимая голову мальчика и гладя его по волосамъ; «не въ первый же разъ я отправляюсь на войну; тебѣ нѣтъ никакой причины безпокоиться. Не бойся—я скоро возвращусь.»—«Не поѣзжай лучше, милый дядя! опять сталъ упрашивать его мальчикъ: «противные союзники хотятъ тебя убить. А ужъ если ты непремѣнно хочешь ѣхать—возьми меня съ собой!»—Императоръ посадилъ рыдающаго мальчика къ себѣ на колѣни, нѣжно обнялъ его, потомъ громко позвалъ: «Гортензія! Гортензія!» Королева поспѣшно вошла, и онъ ей сказалъ: «возьми моего племянника къ себѣ, и сдѣлай гувернанткѣ строжайшій выговоръ, за то что она такъ взволновала его чувства—это ни на что́ не похоже». Сказавъ еще нѣсколько утѣшительныхъ словъ мальчику, онъ уже хотѣлъ

отдать его матери, но замѣтивъ, что я глубоко заинтересованъ этой трогательной сценой, онъ сказалъ мнѣ: «поцѣлуйте его сперва, у него доброе сердце и благородный умъ; кто знаетъ, любезный другъ, не будутъ ли когда нибудь на немъ одномъ покоиться надежды моего рода».

Насколько слова эти можно назвать пророческими — оставимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ; во всякомъ случаѣ, королева Гортензія была положительно убѣждена въ томъ, что сыну ея предназначена великая будущность; она сообразовала все его воспитаніе съ этимъ убѣжденіемъ, такъ что и самъ Луи Наполеонъ увѣровалъ въ свое великое назначеніе. Въ твердости духа и упорствѣ, помощью которыхъ онъ впослѣдствіи добивался исполненія этого назначенія, онъ впрочемъ и въ ранней молодости не имѣлъ недостатка. Ему однажды больной зубъ причинялъ невыносимыя страданія; Луи сказалъ горничной своей матери, мадмуазель Клошэ: «пошлите сейчасъ за зубнымъ врачемъ Боскэ, чтобъ онъ мнѣ выдернулъ этотъ несносный зубъ; только не говорите maman ни слова, а то она будетъ безпокоиться».—«Какъ-же вы хотите скрыть отъ нея?» возразила та: «вы кричать будете, и она еще больше испугается — подумаетъ, что съ вами случилось большое несчастіе».—«Я не буду кричать, не испущу ни одного звука, ручаюсь вамъ», рѣшительно объявилъ мальчикъ. Мадмуазель Клошэ обѣщала не говорить, но разумѣется первымъ дѣломъ пошла къ королевѣ и разсказала ей. Гортензія послала за Боскэ, но сдѣлала видъ что ничего не знаетъ. Зубной врачъ пришелъ и ловко выдернулъ зубъ. Мальчикъ съ торжествомъ отнесъ его матери, которая въ нервномъ волненіи ждала исхода операціи и взяла на себя трудъ притвориться крайне удивленною. Ея опасенія оказались далеко небезосновательными: два дня послѣ операціи съ мальчикомъ сдѣлалась сильнѣйшая судорога въ челюстяхъ, дурныя послѣдствія которой могли быть предотвращены единственно крайней заботливостью и уходомъ его матери.

Послѣ вступленія союзниковъ въ Парижъ, Гортензія съ дѣтьми жила въ Мальмезонѣ, куда ея мать, императрица Жозефина, удалилась послѣ своего развода съ Наполеономъ I. Ее навѣщали императоръ Александръ и король прусскій. Мальчики спросили, родня-ли они имъ, должны ли они звать ихъ «дядями». «Нѣтъ» отвѣтила имъ мать: «вы должны говорить имъ — sire».—«Такъ они намъ не дяди?» опять спросилъ старшій Наполеонъ. — «Нѣтъ, не дяди», печально возразила ему мать: «король прусскій и русскій императоръ, которые такъ вѣжливо обращаются съ нами — наши побѣдители.»—«Но если они враги нашего дяди, почему же они насъ цѣлуютъ?»—«Потому что императоръ Александръ, который такъ часто у насъ бываетъ, великодушный врагъ и отъ души желаетъ намъ добра». — «Въ такомъ случаѣ, мы должны его любить». — «Разумѣется: вы должны выказывать ему благодарность за его добрыя намѣренія».—Луи Наполеонъ, который и тогда уже больше слушалъ и мало говорилъ, на слѣдующій день тихонько подошелъ къ императору Александру, надѣлъ ему на палецъ кольцо и убѣжалъ. Гортензія потомъ спросила его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ. — «Я подарилъ императору кольцо, подаренное мнѣ дядей Евгеніемъ,—за то, что онъ добръ къ тебѣ,» отвѣтилъ онъ.

Всѣ эти маленькія происшествія относятся къ тому времени, пока Наполеонъ жилъ на островѣ Эльбѣ. Сцена значительно измѣнилась послѣ ватерлосской битвы и вторичнаго вступленія Блюхера въ Парижъ.

II. Изгнаніе Наполеонидовъ.

Побѣжденный императоръ 29 іюня 1815 г. въ послѣдній разъ посѣтилъ Гортензію и дѣтей ея въ Мальмезонѣ. Когда сенатъ отказалъ ему въ просьбѣ вести еще разъ французскую армію противъ союзниковъ, онъ съ тяжкимъ сердцемъ простился со своими, уѣхалъ въ Рошфоръ, и 15 іюля сдался капитану «Беллерофона», и тѣмъ запечатлѣлъ свою участь. На этотъ разъ онъ вовлекъ всѣхъ своихъ за собою въ погибель: вторично реставрированный Бурбонъ оказался неумолимъ; даже большая часть націи перенесла свое озлобленіе за великія бѣдствія (снова навлеченныя на страну Наполеономъ) на его ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ; всѣхъ носившихъ имя Бонапарта, или состоявшихъ съ нимъ въ близкомъ родствѣ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей безразлично изгнали изъ предѣловъ Франціи, съ запрещеніемъ, подъ страхомъ смертной казни, переступать границу.

Четыре недѣли послѣ рѣшительной битвы, Гортензія съ большими сыновьями тоже должна была отправиться въ изгнаніе. Луи-Наполеонъ, хотя ему было немногимъ болѣе семи лѣтъ, плакалъ отъ бѣшенства и топалъ ногами, когда ему объявили, что надо уѣзжать изъ Франціи. Пришлось силой снести его въ карету и успокоить обѣщаніемъ скораго возвращенія.

Убѣжищемъ своимъ Гортензія избрала Швейцарію и доѣхала до границы подъ конвоемъ австрійскаго офицера, г. фонъ-Вилька. Въ Дижонѣ, гдѣ было множество роялистовъ, карету обступила толпа — въ томъ числѣ солдаты королевской гвардіи и даже знатныя дамы — и сотни голосовъ заревѣли: «подавай сюда Бонапартовъ! выкиньте ихъ! на смерть ихъ!» Фанатики, не помня, что Гортензія — не Бонапартъ а Богарнэ, уже готовили привести свои угрозы въ исполненіе. Королева мужественно показалась въ дверяхъ и воскликнула: «вотъ я! Я знаю, что я плѣнница; но той, которая носитъ мое имя, нечего бояться отъ французовъ.» Опасность все таки грозила большая. Одинъ солдатъ схватилъ было ее за руку и хотѣлъ тащить ее изъ кареты, она защищалась какъ львица. Австрійскій офицеръ кричалъ: «Madame ѣдетъ подъ покровительствомъ Австріи!»; на этотъ протестъ не обращали вниманія. Мальчиковъ, которыхъ тоже хотѣли тащить изъ кареты, насилу прислуга удержала. Послѣ довольно долгой борьбы, кучеру удалось наконецъ очистить дорогу; онъ сильно стегнулъ лошадей — и карета галопомъ спаслась отъ свирѣпыхъ преслѣдователей. На слѣдующій день повторилась та же сцена, только наоборотъ, въ Лонсъ-ле-Сонье; населеніе, озлобленное иностраннымъ вторженіемъ, угрожало жизни конвойнаго офицера, и Гортензія должна была въ свою очередь принять его подъ свое покровительство. Ея убѣжденія настолько подѣйствовали на толпу, что та пропустила карету.

Пріѣхали въ Швейцарію, но этимъ затрудненія еще не кончились. Женева отказала въ гостепріимствѣ бывшей королевѣ; она должна была на первое время пріютиться въ Э, гдѣ она когда-то основала богадѣльню. Отсюда она переѣхала въ кантонъ Тургау, гдѣ она поблизости Эрматингена купила замокъ Арененбергъ, въ которомъ и поселилась. Замокъ этотъ, расположенный на прелестномъ холмѣ, на берегу Костанцскаго озера, былъ проданъ одному нёшательцу въ 1843 г. за 1,700,000 франковъ; но императоръ впослѣдствіи купилъ его обратно, потому что съ его пребываніемъ

тамъ соединены для него самыя пріятныя воспоминанія.

Изъ одного письма Гортензіи отъ 1834 г. видно, какъ она относилась къ своему изгнанію въ Аренenбергѣ.

«Мои денежныя обстоятельства—писала она—вынуждаютъ меня и зиму оставаться въ моихъ горахъ, на произволъ бурь и ненастія. Впрочемъ, что это въ сравненіи съ страданіями императора на островѣ св. Елены? Покорность—женская добродѣтель, мужество—обязанность для матерей. Я бы не жаловалась, если бы сынъ мой (другой, какъ извѣстно, умеръ уже за три года передъ тѣмъ), въ лучшіе годы свои, не былъ отрѣзанъ отъ всякаго общества и обреченъ исключительно на безпрерывныя занятія безъ отдыха и развлеченія. Его мужество и сила характера вполнѣ соразмѣрны этой тяжкой долѣ. Какіе великолѣпные задатки въ этомъ замѣчательномъ, достойномъ юношѣ! Если-бы я не была его матерью, я бы удивлялась ему; но будучи его матерью, я имъ горжусь. Благородство его чувствъ столько же приводитъ меня въ восторгъ, сколько заставляетъ сожалѣть, что не могу пріуготовить ему лучшей участи. Онъ рожденъ для великихъ дѣлъ и выказываетъ себя достойнымъ своего назначенія... Мы намѣрены провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Женевѣ; онъ тамъ, покрайней мѣрѣ, послушаетъ французскій языкъ, а это внесетъ пріятное разнообразіе въ его монотонную жизнь. Родной языкъ какъ будто немножко приблизитъ его къ родной сторонѣ».

Что касается самого Луи Наполеона, онъ съумѣлъ прекрасно наполнить періодъ изгнанія ученіемъ и всякаго рода рыцарскими занятіями. Быть-можетъ, онъ имѣлъ постоянно въ виду возможность, что когда нибудь судьба его призоветъ осуществить пророческія слова дяди. Онъ изучалъ математику, греческій и латинскій языки, также и новѣйшіе, упражнялся въ наѣздничествѣ, охотѣ и плаваніи. При этомъ въ немъ стала развиваться склонность къ военному дѣлу—и, чтобы удовлетворить ее, онъ поступилъ въ швейцарскій полкъ, подъ начальство генерала Дюфура. Въ тунскомъ лагерѣ онъ участвовалъ въ маневрахъ саперовъ и артиллеріи, жилъ простымъ солдатомъ, таскалъ тачку съ землей, носилъ ранецъ, довольствовался самой простой пищей, но въ то же время усердно занимался высшими военными науками. Мать его писала въ эту пору:

«Сынъ мой ходитъ на ученіе съ тунскими рекрутами, маршируетъ въ горахъ отъ восьми до десяти часовъ въ день, носитъ походный багажъ наравнѣ съ любымъ солдатомъ и спитъ въ палаткѣ у подножія ледниковъ».

О физической ловкости и силѣ, пріобрѣтенныхъ имъ этимъ путемъ, свидѣтельствуютъ нѣсколько случаевъ, которыхъ онъ является героемъ. Однажды, когда онъ, по обыкновенію, поѣхалъ изъ Аренenберга верхомъ кататься на берегу озера, вниманіе его привлекла масса людей, въ дикомъ смятеніи кричавшая и жестикулировавшая. Онъ подъѣхалъ и увидѣлъ, что пара лошадей понесла экипажъ, въ которомъ сидѣла женщина съ двумя дѣтьми. Кучера сбросило съ козелъ. Опасность была очевидно большая, потому что кони неслись прямо къ обрыву надъ озеромъ. Луи-Наполеонъ маршъ-маршемъ поскакалъ прямо черезъ поле, догналъ экипажъ на самомъ краю обрыва, схватилъ узду одной изъ лошадей и такъ сильно держалъ ее, что этипажъ сталъ.

Другой случай былъ зимою 1829 г., когда онъ гостилъ у тетки своей, великой герцогини баденской. Онъ гулялъ по берегу Рейна, со своими кузинами, Маріей и Жозефиной, и въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ лицъ. Разговоръ какъ-то повернулъ на французскую galanterie былыхъ временъ; принцесса Марія, со свойственнымъ ей пикантнымъ юморомъ, провела параллель между рыцарскими витязями давно минувшихъ лѣтъ—девизомъ которыхъ было: «Богъ, мой государь и моя дама»—и себялюбивыми, тщеславными нѣженками новѣйшаго времени. Луи Наполеонъ схватился за эту тему со всей горячностью, приличествующей его годамъ; началъ увѣрять, что французы нисколько не выродились и не имѣютъ причины бояться сравненія съ ихъ рыцарскими предками, и что дамы, достойныя такого отличія, встрѣчаютъ и нынѣ такую-же преданность. Въ эту минуту общество находилось какъ разъ у мѣста впаденія Неккара въ Рейнъ, который былъ сильно взволнованъ—вѣтеръ сорвалъ цвѣтокъ со шляпки принцессы и понесъ его въ рѣку.—«Вотъ былъ бы великолѣпный случай рыцарю стараго времени показать свою преданность!» шутливо воскликнула принцесса, которой можетъ быть припомнилась Шиллерова «Перчатка».—«О, да это похоже на вызовъ!» возразилъ Луи Наполеонъ: «хорошо, я принимаю его!»—и прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ опомниться, онъ уже прыгнулъ въ холодныя какъ ледъ волны. Это выходка возбудила всеобщій ужасъ, принцесса стала жестоко упрекать себя за необдуманную шалость, многіе звали на помощь, дамы были близки къ обмороку. Луи Наполеонъ тѣмъ временемъ могучими руками разрѣзывалъ воды, но бурное теченіе увлекло его на порядочное разстояніе и въ нѣсколько мгновеній совершенно закрыло его, такъ что казалось, онъ долженъ потонуть. Однако онъ благополучно достигъ цвѣтка, выкарабкался на берегъ—и положилъ трофей своего рыцарства къ ногамъ насмѣшницы.—«Вотъ онъ!» сказалъ онъ смѣясь и встряхивая намокшее платье: «только ради Бога не будемъ больше говорить зимою о рыцарскихъ правахъ стараго времени».

(*Продолженіе будетъ*).

Продовольствіе Парижа.

Во всѣхъ французскихъ газетахъ и экономическихъ статьяхъ—одна жалоба: что жизнь съ каждымъ годомъ въ Парижѣ дорожаетъ. Изъ исторіи мы знаемъ, сколько разъ этому городу встарину приходилось терпѣть голодъ и нужду; но трудно представить себѣ, что и нынѣ среди роскошной міровой столицы, безчисленныхъ дворцовъ, преисполненныхъ блеска и изобилія,—тысячи людей ложатся спать голодными. Генрихъ IV взялъ себѣ правительственной программой, чтобъ каждый рабочій въ воскресенье могъ сварить куриный супъ (mettre la poule au pot); но его прекрасная мысль, какъ видно, далеко не достигла осуществленія, потому что въ въ одномъ офиціальномъ докладѣ того времени сказано: «Мы видѣли поселянъ, которые пахали землю, запрягшись въ плугъ какъ скотъ, и питались кореньями». При слѣдующихъ правительствахъ положеніе народа

скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось. Первые осмѣлились говорить за него Буа-Гиберъ и Вобанъ; они предложили равномѣрную раскладку налоговъ, но были жестоко наказаны за мысль о реформахъ. Тюрго тоже не понялп. Послѣдствія всего этого сказались въ октябрскихъ дняхъ 1789 года. Однажды когда дофинъ ѣхалъ въ оперу, его окружила голодная толпа, и онъ спасся только тѣмъ, что сталъ бросать ей деньги. Рыночныя торговки (femmes de la halle) ходили въ Версаль—показывать королю дѣтей своихъ, умиравшихъ отъ голода. Зерно и мясо въ то время были до того дороги, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ налоговъ, что ихъ могли покупать только зажиточные люди. Католическая церковь отчасти выручала, постановивъ 166 постныхъ дней въ году. Рыбная торговля черезъ это поднялась, но и рыба вскорѣ такъ вздорожала, что составляла весьма малую долю народной пищи. При республикѣ возвратились къ мысли Тюрго — торговля хлѣбомъ и мясомъ была освобождена отъ налоговъ.

При нынѣшнемъ правительствѣ хлѣбная торговля тоже пользуется полной свободой; ввозъ и вывозъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Каждый префектъ обязанъ ежегодно доставлять въ министерство земледѣлія пять рапортовъ о состояніи производства жизненныхъ припасовъ въ его департаментѣ: первый тогда, когда хлѣбъ начинаетъ всходить, второй — когда онъ цвѣтетъ, третій—во время жатвы, четвертый — послѣ жатвы, пятый — послѣ вымолотки. Распоряженіе это — весьма полезное; но, къ сожалѣнію, факты, излагаемые въ этихъ офиціальныхъ документахъ, раньше извѣстны заинтересованнымъ торговцамъ, чѣмъ министерству. Правительство разсматриваетъ доклады, и если предвидитъ, что урожай выйдетъ плохъ,—принимаетъ мѣры для вспомоществованія рабочему классу. Вмѣсто того, чтобы закупать хлѣбъ, какъ это дѣлалось прежде, оно ассигнуетъ большую сумму на публичныя работы, созываетъ сколько можно болѣе рабочихъ и предлагаетъ имъ средство спастись отъ холода, голода и нужды.

Продовольствованіе Парижа производится 8 складами или halles для оптовой торговли, 57 рынками для розничной продажи, однимъ центральнымъ скотнымъ рынкомъ и 4 бойнями. Эти 70 заведеній доставляютъ занятіе не менѣе какъ 30,000 человѣкъ, которые всѣ подвѣдомственны полицейской префектурѣ. Налоги на продаваемые припасы приносятъ казнѣ около 10 милліоновъ франковъ въ годъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь хлѣбный складъ, встарину была резиденція Бьянки Кастильской, матери короля Людовика IX, причисленнаго къ лику святыхъ. Этотъ складъ производитъ совершенно особое впечатлѣніе. Тутъ нѣтъ того шума и гама, которымъ отличаются вообще парижскіе рынки. Мѣстами нагромождены мѣшки съ мукой, мѣстами лежатъ полураскрытые мѣшки съ чечевицей, бобами, маисомъ или мукой; городовой сержантъ, зѣвая, съ заложенными за спину руками, медленно прогуливается; прохожіе осторожно оглядываются вправо и влѣво, чтобы не выбѣлиться въ муку. Никакими усиліями до сихъ поръ не удавалось убѣдить торговцевъ зерномъ и мукой, равно и булочниковъ—производить свои торговыя дѣла въ самыхъ складахъ; они непремѣнно торгуютъ, придерживаясь старой традиціи, на улицѣ или въ сосѣднихъ кофейняхъ. Муки продается больше чѣмъ немолотаго зерна, потому что Парижъ имѣетъ всего двѣ-три незначительныхъ мукомольныхъ мельницы, и почти вся истребляемая мука привозится изъ департаментовъ. За 1867 годъ въ Парижъ ввезено немолотаго зерна 9,398,348 килограммовъ, а муки— 221,508,557 килограммовъ.

Булочный промыслъ, какъ извѣстно, не свободенъ въ Парижѣ, т. е. булочники обязаны держаться положенной таксы. Кромѣ того, префектура департамента Сены продаетъ бѣдному люду черный хлѣбъ за болѣе низкую цѣну. Въ Парижѣ теперь 1201 булочная, т. е. значительно меньше, чѣмъ было въ XVII вѣкѣ: въ 1680 году было 650 булочныхъ въ городѣ, да 950 въ предмѣстьяхъ.

Если завернуть на центральный скотный рынокъ, можно полюбоваться такими стадами, противъ которыхъ стада, удивившія Улисса на островѣ Тринакріи, не стòятъ и упоминовенія. Въ 1867 г. Парижемъ съѣдено: 341,253 быка, 219,648 телятъ, 209,615 свиней, 1,707,266 овецъ. Почти всѣ страны Европы послали свой контингентъ: Германія послала 1,651 быка и и 101,837 овецъ, Италія—1,361 быка, Испанія 191 быка и 214 овецъ, Венгрія—4,696 барановъ, Россія— 2,571 барана, Швейцарія—1,275 телятъ. Въ бойняхъ работа идетъ день и ночь, чтобы насытить Парижъ: она начинается въ полночь и продолжается нерѣдко до 5 часовъ вечера, но все время соблюдается полнѣйшее спокойствіе и порядокъ. Мясниковъ въ Парижѣ около 1,800. Кромѣ того есть еще 22 бойни исключительно для лошадей и ословъ. Въ прошедшемъ году въ нихъ перебито 3,728 лошадей и 109 ословъ.

Не менѣе занимательна прогулка въ винный складъ (Halle aux vins) съ его 207 погребами и двумя большими магазинами. Жажда у Парижа не маленькая: въ 1867 г. куплено изъ этого склада 831,310 гектолитровъ и 88 литровъ вина, да 174,940 ликеровъ.

Но гдѣ можно все получить, что только нужно для пропитанія, такъ это центральные склады (halles centrales), проектъ которыхъ составленъ уже при Людовикѣ Филиппѣ, хотя къ исполненію приступлено только въ 1851 году. Это громадное зданіе, съ десятью павильонами, сооруженіе котораго стоило 60 милліоновъ франковъ. Зайцевъ и птицу содержатъ тамъ живыми, въ клѣткахъ; рыбы плаваютъ въ небольшихъ садкахъ. Но ночью тутъ разгуливаетъ невообразимое множество крысъ. Полиція этихъ складовъ и рынковъ организована весьма строго. Воизбѣжаніе пожаровъ, запрещено курить.

Когда кончаются театры, закрываются кофейни, тушится газъ, когда Парижъ погружается въ глубокій сонъ, тогда тутъ пробуждается жизнь. Первые являются зеленщики; они медленно подъѣзжаютъ въ открытыхъ тележкахъ въ одну лошадь. Вслѣдъ затѣмъ начинается большая дѣятельность въ павильонѣ № 3, куда приносятъ большія туши мяса. Съ церквей бьетъ 3 часа утра — тогда пріѣзжаютъ цвѣточники. Около пяти часовъ собираются женщины съ фонарями, начинается продажа овощей; павильоны открываются. Приходятъ уже покупатели—кухарки, содержатели ресторановъ, экономы учебныхъ заведеній, монахини. Отъ 6 до 7 часовъ утра всего болѣе идетъ продажа рыбы. Парижъ за 1868 г. истребилъ 14,166,866 килограммовъ рыбы. Крикъ и гамъ постепенно усиливается. Покупатели все прибываютъ. Въ павильонѣ № 10 продаются масло, сыръ, яйцы; эта торговля достигаетъ громадныхъ цифръ. Главные подвозы этихъ статей—изъ Нормандіи и Бретани. За прошедшій годъ на парижскихъ рынкахъ было сбыто 11,461,414 килограммовъ масла, что при-

несло 30,109,935 фр. Яйцъ было разобрано 244,141,155 штукъ, на 17,128,993 фр. 52 сант. Для осмотра яицъ есть особые чиновники: они каждое яйцо смотрятъ на свѣтъ. Перейдемъ въ павильонъ № 4, гдѣ продается птица. Тутъ идетъ гвалтъ неописанный: къ крику покупателей и продавцевъ примѣшивается крикъ куръ, утокъ, голубей и пр. Въ 1867 г. тутъ было продано 14.651,203 штуки птицы, въ томъ числѣ 3,114,295 рябчиковъ. Красивѣйшее отдѣленіе конечно то, гдѣ продаются цвѣты и фрукты.

Еще нужно упомянуть о продавцахъ вареннаго мяса. Они собираютъ остатки съ богатыхъ столовъ — министровъ, посольствъ, дворцовъ, большихъ отелей—и продаютъ ихъ; еще не бывало, чтобы у такого продавца вечеромъ осталось сколько нибудь товара непроданнымъ. Многіе бѣдные покупаютъ себѣ на два, на три су порядочный кусокъ мяса. Иногда приходятъ люди и болѣе достаточные, для экономіи, но конечно скрываютъ это.

Педеспидъ.

Мы нашли въ нью-йоркскомъ ученомъ журналѣ «*Scientific American*» описаніе этого съ иголочки новаго изобрѣтенія и приводимъ его цѣликомъ, въ неизмѣненномъ видѣ, чтобы дать въ тоже время нашимъ читателямъ понятіе о нѣсколько напыщенномъ слогѣ, безъ котораго американская журналистика не принимается даже за ученую статью:

«У Меркурія, разсыльнаго боговъ въ древней миѳологіи, были крылья на ногахъ; тысячи черезъ три лѣтъ, какой-нибудь антикварій, производя раскопки въ развалинахъ американскихъ городовъ, откроетъ, что у янки Меркурій былъ съ колесами на ногахъ, и что онъ вѣроятно много превосходилъ быстротою греческаго Меркурія.

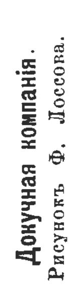
Педеспидъ.

По заграничному рисунку на деревѣ рѣзалъ Даммюллеръ.

«На дняхъ какой-то смирный джентльменъ съ красивымъ юношей вошли въ нашу святую святыхъ, и принесли курьозной формы свертокъ. Это насъ не удивило, потому что мы давно привыкли ко всевозможнымъ формамъ, какія только можетъ геній изобрѣтателей дать дереву и металлу. Но пока старшій изъ этихъ джентльменовъ вступалъ съ нами въ разговоръ, младшій развязалъ свертокъ и вынулъ изъ него пару колесъ 14 — 15-ти дюймовъ въ діаметрѣ, къ которымъ были придѣланы какія-то принадлежности въ родѣ стремянъ изъ крѣпкаго американскаго орѣха, а подъ ними помѣщались дощечки для ногъ, похожія на деревянную часть простыхъ коньковъ.

«На одной сторонѣ стремяновидныхъ принадлежностей прочно прикрѣплены металлическія пластинки; изъ центра каждой такой пластинки выдается коротенькая ось, на которой и вращаются колеса. Стремяновидныя принадлежности сдѣланы изъ плоскихъ деревянныхъ полосокъ, шириной около трехъ дюймовъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ, согнутыхъ такъ, что одна сторона почти пряма, а другая пригнута и образуетъ родъ петли, въ которую продѣвается нога. Къ нижней части этой петли придѣланы упомянутыя выше дощечки, снабженныя ремнями, обхватывающими носокъ и пятку съ подъемомъ. Къ верхнему концу петли придѣланъ кусокъ дерева, устроенный такъ чтобы слѣдовать за очертаніемъ верхней и наружной части икры.

«Въ меньшее число минутъ, чѣмъ намъ потребовалось на это описаніе, молодой джентльменъ (который впослѣдствіи былъ представленъ намъ въ качествѣ сына изобрѣтателя этой любопытной штуки) вооружился колесами и началъ быстро скользить между стульями и столами, съ удивительной скоростью и граціозностью. Ему очистили мѣсто—и онъ сталъ исполнять, повидимому съ совершеннѣйшей легкостью, всѣ сложныя фи-



Докучная компанія.
Рисунокъ Ф. Лоссова.

гуры и вензели, которые выдѣлываютъ на льду опытные конькобѣжцы,—вполнѣ доказывая, что педеспидъ можетъ удовлетворительно замѣнить коньки, какъ по разнообразности, такъ и по граціозности эволюцій, которыя возможны съ его помощью.

«Нашъ рисунокъ представляетъ прекрасное изображеніе этого изобрѣтенія. Конечно, съ перваго разу на педеспидѣ не поѣдешь: нужна практика, но разъ наловчившись, можно пользоваться катаніемъ на конькахъ круглый годъ.. . Педеспидъ легокъ и проченъ, и не слишкомъ утруждаетъ: изобрѣтатель, крупный, полный господинъ, увѣряетъ, что онъ можетъ кататься на немъ два часа сряду, не утомляясь. Для гимназій, всякихъ учебныхъ заведеній и такихъ странъ, гдѣ никогда нѣтъ льду, этотъ аппаратъ доставитъ пріятный, здоровый и красивый способъ моціона. Для дамскаго употребленія можно надѣвать на верхнюю часть колесъ наколесники, чтобы платья не пачкались.

«Изобрѣтатель — Томасъ Л. Людерсъ, изъ Иллинойса»

Названіе *педеспида* составлено изъ тѣхъ же словъ, какъ и названіе *велосипеда*, но въ другомъ расположеніи: *speed* по англійски значитъ быстрота, точно такъ-же какъ по латыни *velocitas*.

Смѣсь.

Сѣрый медвѣдь.

(Разсказъ изъ жизни въ Калифорніи).

Когда я сижу въ роскошно-убранныхъ комнатахъ моего великолѣпнаго дома въ Нью-Йоркѣ, я часто припоминаю одну сцену изъ моей жизни, мысль о которой всегда наполняетъ меня ужасомъ.

Я родился отъ бѣдныхъ родителей, и получилъ отъ нихъ хорошее воспитаніе, что впрочемъ не помѣшало мнѣ вступить въ гражданскую жизнь въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ то самое время, когда я весьма серіозно взвѣшивалъ въ умѣ, открыть ли мнѣ школу у себя дома или москательную лавку въ Западныхъ штатахъ, разнеслась вѣсть объ открытіи богатыхъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и вскружила множество головъ. «Золотая Лихорадка» захватила и меня, и я изъ первыхъ поспѣшилъ въ новое Эльдорадо, искать счастія. Я отправился на кораблѣ, буквально биткомъ набитомъ людьми, и высадился въ только что еще начинавшемъ строиться городѣ Санъ-Франциско чуть не въ лохмотьяхъ

Я бросился къ одному изъ недавно открытыхъ золотыхъ пріисковъ, гдѣ уже толпилась толпа золотоискателей, представителей почти всѣхъ народностей земли. Тамъ безъ всякаго сомнѣнія были между прочими и преотчаянные субъекты: только что выпущенные изъ тюрьмы арестанты, прошельмовавшіеся адвокаты, ссыльно-каторжные изъ Ботани-Бэя и съ Норфольскаго острова, обѣднѣвшіе священники, шарманщики побросавшіе свои шарманки, промотавшіеся студенты изъ европейскихъ университетовъ—короче сказать, люди всѣхъ званій и всѣхъ земель. Я теперь удивляюсь хладнокровію, съ которымъ я погрузился въ этакій омутъ; впрочемъ, я и самъ былъ такой же отчаянный.

Долго искалъ я, наконецъ выбралъ себѣ мѣсто въ узкой лощинѣ и принялся за работу. Я поставилъ себѣ жалкую хатку и началъ копаться. У меня были сосѣди. Спастись отъ сосѣдей вообще было почти невозможно, при всемъ желаніи. Куда бы я ни повернулся, за мною все равно пошли бы слѣдомъ. И такъ, я покорился судьбѣ, и примирился съ присутствіемъ другихъ искателей.

Но и далъ же мнѣ Богъ сосѣдей. Подобныхъ рожъ я въ острожныхъ стѣнахъ не видывалъ. Одинъ изъ нихъ былъ негръ, нечеловѣческаго роста и силы, черный какъ уголь, съ выраженіемъ неукротимой дикости въ скотскихъ чертахъ. Другой — долговязый, сухопарый, хитрый, коварный—оказался негодяемъ, просидѣвшимъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, двѣнадцать лѣтъ въ Сингсингской тюрьмѣ въ Нью-Йоркѣ, за возмутительное преступленіе. Третій былъ низенькій, приземистый господинъ съ густой бородой, которая почти-что скрывала его черты, но зато еще усиливала ихъ свирѣпое выраженіе. Изо всѣхъ авантюристовъ, съ которыми приходилось мнѣ столкнуться, не подобрать бы такихъ отвратительныхъ личностей, какъ эти трое. Ихъ такъ и звали: «Ниггеръ», «Сингсингъ» и «Пиратъ».

Я старался уйдти отъ нихъ, но никакъ не могъ. Три раза я перемѣщался совсѣмъ въ другой конецъ пріисковъ, и каждый разъ натыкался на эти ненавистныя рожи, переселявшіяся до меня — выходило, точно я слѣдовалъ за ними, а не бѣгалъ отъ нихъ. Я наконецъ постарался побѣдить свое отвращеніе, и принялся за работу.

На томъ мѣстѣ, на которомъ я окончательно поселился, уже нѣсколько времени жилъ одинъ крайне-замѣчательный человѣкъ, испанецъ; онъ былъ строенъ, но плотно сложенъ; въ его блѣдномъ лицѣ и темныхъ глазахъ выражалась большая твердость и сила характера: вся его наружность внушала невольное уваженіе къ нему. Онъ жилъ въ хатѣ, которую выстроилъ себѣ надъ пещерою, на откосѣ небольшаго холма. Никто никогда не видалъ, чтобы онъ занимался копаніемъ золота, и потому полагали, что онъ или въ самой своей пещерѣ, или гдѣ-нибудь по близости нашелъ розсыпь, которую держитъ въ секретѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ я терпѣливо работалъ, но едва столько находилъ золота, чтобы доставлять себѣ самое необходимое, и подъ конецъ началъ унывать. Однажды къ вечеру я угрюмо сидѣлъ на землѣ подлѣ ямы, которую я копалъ. У меня пропала всякая надежда: три дня я уже не находилъ ни крупинки золота.

— Buenos dias, senor! раздалось подлѣ меня.

Я поднялъ голову, передо мною стоялъ испанецъ. Я поклонился ему молча.

— Какая у васъ глубокая яма! замѣтилъ онъ.

— Я думаю! возразилъ я.

— Да вы ужъ не унываете ли? Простите меня, сеньоръ, но по вашему лицу мнѣ кажется, что вы теряете бодрость.

— Я имѣю къ тому основаніе. Я ничего не выработалъ, и приходится уходить отсюда съ пустыми руками.

У испанца какъ-то особенно блеснули глаза.

— Нѣтъ, сеньоръ, сказалъ онъ,— не уходите еще.

— Чего же мнѣ оставаться? Долго ли еще даромъ время терять?

— Терпѣніе надо, сеньоръ.

— Да, но и терпѣніе имѣетъ свои границы.

Испанецъ бросилъ на меня весьма многозначительный взглядъ.

— Сеньоръ, повѣрьте мнѣ: потерпите и поработайте еще.

Я вопросительно взглянулъ на него, но онъ отвернулся, и прежде чѣмъ я успѣлъ сказать слово — ушелъ. Оглянувшись, я увидѣлъ подлѣ себя описанную выше троицу. Негодяи, очевидно, подслушали нашъ короткій разговоръ: они переглядывались. Я отвернулся и началъ свистать. Нѣсколько минутъ спустя, я уже снова работалъ, а они удалились.

Едва я успѣлъ сдѣлать ударовъ двѣнадцать киркой, какъ я услышалъ крикъ; я узналъ голосъ испанца — онъ раздавался со стороны его хаты. Выхватить изъ кармана мои оба револьвера и побѣжать по этому направленію, было дѣломъ секунды.

Испанецъ стоялъ окруженный тремя мошенниками. Въ рукѣ у него былъ острый ножъ, но ему очевидно плохо приходилось, потому что они всѣ трое напирали на него съ топорами.

— Помогите мнѣ, сеньоръ! крикнулъ онъ мнѣ, увидѣвъ меня.

— Назадъ, проклятый дуракъ! кричалъ мнѣ Сингсингъ.

— Злодѣи! убійцы! воскликнулъ я, нацѣливая въ нихъ оба револьвера: — если вы не уберетесь проворно отсюда, не сойти вамъ съ мѣста живымъ.

Они отступили и бѣжали — видъ револьверовъ оказался внушительнымъ. Испанецъ саркастически улыбнулся, раскланялся со мною, повернулся и исчезъ между деревьями. Мошенники удалились, ругаясь, озлобленные, а я воротился къ своей ямѣ.

Прошла еще недѣля. Я все работалъ. Наконецъ пробилъ счастливый часъ. Боже! забуду ли я когда-нибудь то вожделѣнное мгновеніе, когда исполнились желанія многихъ лѣтъ, мечты цѣлой жизни!.. Солнце садилось; облака рдѣли пурпуромъ заката; поднимавшійся ночной вѣтерокъ тихо колыхалъ верхушки деревъ — они точно прощались съ дневнымъ свѣтомъ; изъ лѣса доносились еще пѣсни нѣсколькихъ запоздалыхъ птичекъ. А я стоялъ, оборванный, полуголодный, на днѣ глубокой, сырой, холодной ямы, и замиралъ отъ восторга: блаженство наполняло мою душу, взоры мои были прикованы къ блестящей массѣ, лежавшей у ногъ моихъ.

Я былъ обладателемъ несмѣтнаго богатства!

Послѣ порыва радости началось раздумье. Я нашелъ кладъ, но какъ сохранить его? Могъ ли я унести его незамѣченный никѣмъ? Куда спрятать его? А если не унести — то какъ скрыть?

Всѣ эти вопросы съ быстротой молніи пронеслись въ моей головѣ. Я былъ въ большомъ затрудненіи.

Вдругъ слышу шорохъ надо мною, и когда я поднялъ глаза, мнѣ показалось, что темная фигура крадется между деревьями. «Ужъ не негръ ли?» подумалъ я.

Мѣсто было пустынное; кромѣ меня, испанца да веселой троицы не было кругомъ ни души. Опасное сосѣдство, тѣмъ болѣе, что испанецъ былъ совершенно безсиленъ и безпомощенъ. Моя единственная надежда была на самого себя. Я не долго думалъ. Я рѣшился унести изъ моего сокровища столько, сколько будетъ мнѣ по силамъ, зарыть въ моей хатѣ и просидѣть надъ нимъ всю ночь.

Было 10 часовъ, когда я засыпалъ и утопталъ яму ровно и аккуратно; сильное душевное возбужденіе начинало уже сказываться. Мнѣ послышались шаги. Я протянулъ руку за револьверами, которые имѣлъ неосторожность впопыхахъ оставить въ хатѣ нѣсколько передъ тѣмъ — револьверовъ не оказалось.

Меня обдало холоднымъ потомъ. Я побѣжалъ къ ямѣ, надѣясь ихъ тамъ найти: на краю ея стояла высокая фигура; она держала въ рукахъ мои револьверы и съ торжествомъ показывала ихъ двумъ другимъ.

Я узналъ Ниггера, Сингсинга и Пирата.

— Я погибъ, подумалъ я; — здѣсь стоять — вѣрная смерть, возвратиться въ свою хату — тоже. Эти негодяи такъ-же мало задумаются убить меня какъ муху.

Куда же мнѣ было дѣваться? къ испанцу — другаго не было спасенія. Не теряя ни минуты, я побѣжалъ. Меня замѣтили. Съ дикимъ воплемъ они бросились за мною. Шесть пуль просвистали кругомъ моей головы, но къ счастію ни одна въ меня не попала. Отъ страха у меня точно крылья выросли. Я стремглавъ летѣлъ внизъ по одному холму, потомъ вверхъ по другому, на которомъ жилъ испанецъ.

Мнѣ стали кричать, чтобъ я остановился.

— Пускай его! не держите, произнесъ другой голосъ, который я призналъ за голосъ Пирата: — этотъ разъ обоихъ улечемъ.

Я все бѣжалъ, но топотъ моихъ гонителей раздавался уже совсѣмъ близко за мною. Обезпамятѣвъ отъ отчаянія, я началъ стучаться въ дверь испанца.

— Впустите меня! Спасите! вопилъ я.

За дверью раздались торопливые шаги. Запоръ звякнулъ, меня за руку втащили въ пріотворенную дверь, которая тотчасъ же опять была тщательно заперта. Въ ту же минуту враги начали въ нее стучаться.

— Какъ разъ во время! пробормоталъ испанецъ запыхавшись: — живѣе влѣзайте по лѣстницѣ.

Онъ держалъ въ рукѣ фонарь. При свѣтѣ его я увидѣлъ грубую лѣстницу, упиравшуюся верхнимъ концомъ въ отверстіе, устроенное въ потолкѣ. Я взлѣзъ на верхъ, испанецъ—за мною.

— Все въ порядкѣ, сказалъ онъ, бросая на меня многозначительный взглядъ.

Злодѣи продолжали колотить въ дверь, но она не подавалась. Я слышалъ, какъ они между собою разговаривали; къ намъ они даже не обращались. «Безъ пощады», порѣшили они.

Наступило глубокое молчаніе и продолжалось нѣсколько минутъ.

Они отошли отъ двери, но скоро возвратились. Я слышалъ ихъ тяжелые шаги.

— Вотъ это ихъ предастъ въ нашу власть! сказалъ одинъ. Мгновеніе спустя, раздался сильный ударъ въ дверь, должно-быть бревномъ; она съ трескомъ сорвалась съ петель. Но въ то же время поднялось страшное рычаніе, и покрыло собою всякіе другіе звуки. Это былъ глухой, страшный, дикій голосъ, отъ котораго у меня вся кровь застыла въ жилахъ — я уже слыхалъ его, но никогда такъ близко. Вмѣстѣ съ нимъ поднялись человѣческіе вопли и крики о помилованіи. Единственнымъ отвѣтомъ было все тоже ужасное рычаніе, къ которому присоединились звуки, точно хрустѣніе раздробляемыхъ костей. Черезъ нѣсколько минутъ стало совсѣмъ тихо. Испанецъ сошелъ внизъ, но тотчасъ воротился и сказалъ:

— Все кончено.

Я сошелъ съ лѣстницы. На полу лежали обезображенные трупы трехъ злодѣевъ, а въ углу темнѣлся громаднѣйшій сѣрый медвѣдь, какого я когда-либо видѣлъ.

Я вышелъ изъ хаты и болѣе съ испанцемъ не видался. Нѣсколько недѣль спустя вся моя драгоцѣнная находка была благополучно доставлена въ Санъ-Франциско и я готовился возвратиться въ Нью-Йоркъ.

Старые Боги.

Въ посмертныхъ сочиненіяхъ Гейне, часть которыхъ теперь издана Штродтманомъ, есть между прочимъ слѣдующій разсказъ, назначавшійся въ его фантастическій сборникъ «*Боги въ изгнаніи*», но почему-то непопавшій въ него.

«О томъ, что сталось съ богомъ войны, Марсомъ, не много могу сообщить. Я недалекъ отъ предположенія, что онъ въ феодальные вѣка пользовался кулачнымъ правомъ. Длинный Шиммельпфеннигъ, племянникъ мюнстерскаго палача, встрѣтился съ нимъ въ Болоньѣ, гдѣ у нихъ происходилъ разговоръ, который я намѣренъ передать въ другомъ мѣстѣ. Незадолго передъ тѣмъ, Марсъ служилъ ландскнехтомъ подъ начальствомъ Фрейндсберга, и былъ при взятіи Рима приступомъ, причемъ ему, вѣроятно, невесело было смотрѣть, какъ грабили его любимый городъ и ругались надъ храмами, въ которыхъ нѣкогда поклонялись ему и его роднымъ. Еще были слухи, будто онъ долго жилъ въ Падуѣ и исполнялъ въ этомъ городѣ должность палача. Сообщу вкратцѣ преданіе, которое ходитъ по этому городу.

«Одинъ молодой вестфалецъ, по имени Гансъ Вернеръ, пріѣхавшій въ Падую учиться, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ пропировалъ съ земляками до поздней ночи. Онъ возвращался въ свою гостинницу черезъ рыночную площадь, какъ вдругъ на него нашло такое удальство, что онъ выхватилъ шпагу, началъ ее точить о камни и громко крикнулъ: «кто хочетъ со мною драться — пускай прійдетъ!» Безлюдная площадь тихо бѣлѣла подъ лучами луны, съ церковной башни била полночь. Гансъ Вернеръ все точилъ шпагу, такъ что желѣзо брянцало на всю площадь, и повторилъ свой вызовъ. Когда онъ въ третій разъ повторилъ безумныя слова, къ нему приблизился человѣкъ высокаго роста—и вынувъ широкій, сверкающій мечъ изъ-подъ краснаго плаща, молча замахнулся имъ на дерзкаго вестфальца. Послѣдній тотчасъ же сталъ въ оборонительную позу и началъ выдѣлывать ловкія кварты и квинты — но напрасно: ему не удавалось ни ранить противника, ни выбить у него изъ рукъ оружія. Утомленный безтолковымъ боемъ, Гансъ Вернеръ наконецъ остановился и сказалъ: «ты не живой человѣкъ, потому что мать моя заговорила оружіе мое такимъ крѣпкимъ словомъ, что ни одинъ живой человѣкъ не въ силахъ противиться мнѣ; стало-быть ты или мертвецъ, или чортъ». — Ни то, ни другое», отвѣчалъ тотъ: «я богъ Марсъ, и служу венеціанской респу-

бликѣ въ качествѣ палача. Это вотъ—мечъ, которымъ я совершаю казни. Я совершенно доволенъ тѣмъ, что люди суевѣрно сторонятся отъ меня, и скучный дневной народъ оставляетъ меня въ покоѣ. У меня впрочемъ нѣтъ недостатка въ обществѣ, и въ эту самую ночь я предсѣдательствую на банкетѣ, который прелестнѣйшія дамы осчастливятъ своимъ присутствіемъ. Пойдемъ со мною, если не боишься». — «Я не боюсь», отвѣчалъ нѣмецъ: «и съ удовольствіемъ принимаю приглашеніе».

«Подъ руку прошли они безлюдными улицами за городскія ворота—и пройдя еще нѣкоторое разстояніе, очутились передъ освѣщеннымъ садомъ. Когда они вошли, Гансъ Вернеръ замѣтилъ группы нарядныхъ гостей, гулявшихъ подъ деревьями и шептавшихся между собой. У многихъ была очень странная походка; особенно у одного длиннаго господина ноги безпрестанно судорожно дрыгали какъ въ подагрѣ, и голова все наклонялась на одинъ бокъ. — «Что это онъ — дурачится, или у него болѣзнь какая?» спросилъ вестфалецъ товарища, указывая на этого чудака.—«Это отъ повѣшенія», отвѣчалъ тотъ совершенно просто.— «А чѣмъ больны эти два господина», продолжалъ Гансъ Вернеръ, «которые съ такимъ трудомъ волочатъ ноги, точно онѣ у нихъ разбиты?» — «Они ничѣмъ не больны», услышалъ онъ въ отвѣтъ, — «только отъ колесованія и послѣ смерти остается какая-то развинченная походка». Дамы тоже имѣли совсѣмъ особенный видъ. Онѣ были богато выряжены, по тогдашнимъ дорогимъ модамъ, только черезъ-чуръ шикозно, преувеличенно, и всѣ пріемы ихъ дышали какой-то нѣгой. Нѣкоторыя изъ нихъ были необыкновенной красоты, но лица у всѣхъ были болѣе или менѣе сильно нарумянены. Не смотря на это, у многихъ проглядывала блѣдность, точно бѣлизна мѣла, а около губъ играла улыбка не то болѣзненная, не то насмѣшливая. Молодой вестфалецъ полюбовался этими красивыми женщинами—и когда садились за столъ, подалъ руку молодой блондинкѣ, болѣе другихъ понравившейся ему. Ужинъ былъ поданъ на террасѣ, или, вѣрнѣе, на четвероугольной высокой эстрадѣ, убранной лампами и гирляндами цвѣтовъ; общество состояло человѣкъ изъ пятидесяти, и новый знакомый молодаго нѣмца занималъ хозяйское мѣсто у верхняго конца стола. Самъ онъ сидѣлъ рядомъ съ хорошенькой блондинкой, которая оказалась чрезвычайно остроумной и нисколько не суровой, несмотря на то, что ухаживаніе его было весьма смѣлаго свойства. Въ этой легендѣ опять-таки поражаетъ насъ знакомое зловѣщее обстоятельство — отсутствіе *соли*. Молодому нѣмцу должны были показаться странными и нѣкоторыя другія особенности: такъ, напримѣръ, надъ столомъ и кругомъ его летало множество черныхъ птицъ — вороновъ, галокъ и проч., а иногда птицы садились на головы гостямъ и трепали ихъ прическу; только съ большимъ трудомъ удавалось ихъ отгонять. У многихъ дамъ, у которыхъ рюшь, обхватывавшій шею, сдвинулся съ мѣста, онъ замѣтилъ на шеѣ широкую, красную полосу. — «Что это такое?» спросилъ онъ свою сосѣдку. Она же разстегнула верхніе крючки своего лифа, причемъ на ея шеѣ оказалась такая же кроваваго цвѣта полоса, и отвѣчала: «Это отъ отсѣченія головы».... Обхожу молчаніемъ..... кровавую шутку, которую языческій богъ подъ конецъ сыгралъ со своими гостями. Кончается исторія тѣмъ, что герой...на утро просыпается на лобномъ мѣстѣ».

Висячій мостъ черезъ Ніагару. Въ Нью-Йоркѣ, 22 іюля прошедшаго 1869 г. скончался инженеръ, I А. Реблингъ, прославившій себя нѣсколькими замѣчательными постройками, и въ особенности неподражаемымъ произведеніемъ инженернаго искусства, благодаря которому установилось прочное постоянное сообщеніе между англійскимъ и американскимъ берегами рѣки Св. Лаврентія. Попытокъ было сдѣлано уже нѣсколько, но все болѣе или менѣе неудачныя. Съ невѣроятнымъ трудомъ перекинули легкій висячій мостъ для пѣшеходовъ -мили двѣ ниже водопада, гдѣ рѣка бушуетъ въ узкомъ скалистомъ ущельѣ; но и на этомъ мѣстѣ теченіе такъ страшно быстро, что пушечное ядро, спущенное въ него на проволокѣ, увлекается имъ и значительно уклоняется отъ перпендикулярной линіи. Понятно, что черезъ этотъ мостъ проходили съ страхомъ и трепетомъ, особенно въ бурю, когда онъ со стономъ и трескомъ колебался и прыгалъ, какъ будто боясь, что его сейчасъ унесетъ. Это впрочемъ и дѣйствительно случалось уже не разъ и первому мосту, проведенному черезъ самую Ніагару, грозила рано или поздно та же участь. Невозможно было долѣе терпѣть такое невѣрное, опасное сообщеніе на такомъ мѣстѣ, гдѣ огромныя желѣзнодорожныя системы Канады и Соединенныхъ Штатовъ. раздѣленныя озерами, почти уже сталкивались,—гдѣ на каждомъ берегу уже было построено по городу: Эльджинъ на англійскомъ берегу, Ніагара-Сити на американскомъ. «Общество» Большой Западной Канадской государственной желѣзной дороги» и «Общество Нью-Йоркской Центральной желѣзной дороги» должны были во что бы то ни стало придумать средство къ прочному и безопасному соединенію этихъ двухъ городовъ, успѣвшихъ уже пріобрѣсти огромную торговую важность. Тутъ то Реблингъ, архитекторъ и инженеръ, содержатель проволочной фабрики въ Нью-аркѣ въ Нью-Джерсеѣ, обратился къ канадскому обществу и вызвался построить двойной мостъ, для желѣзной дороги и для простаго перевоза на колесахъ, по своей собственной системѣ, изложенной въ планѣ и проектѣ, которые онъ въ тоже время представилъ. По этой системѣ онъ уже строилъ висячіе мосты черезъ рѣки Аллегани и Мононгагела при Питтсбургѣ. и они оказались вполнѣ удовлетворительны, но свойство береговъ и русла дозволяло прибѣгать къ помощи быковъ, тогда какъ тутъ ни за всѣ богатства Калифорніи невозможно было всадить хотя бы одну сваю, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ не могли еще даже измѣрить глубину воды. На тѣхъ рѣкахъ едва приходилось протянуть мостъ по воздуху на протяженіи 200 футовъ, тогда какъ тутъ предстояло обойти безъ всякой поддержки на протяженіи ровно 822 футовъ, и мосту предстояло выдержать по меньшей мѣрѣ тяжесть въ 386 тоннъ, — такъ какъ канадское общество назначило эту цифру для перваго пробнаго товарнаго поѣзда. Реблингъ не испугался задачи, довѣряя силѣ своихъ проволочныхъ канатовъ, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ такую извѣстность, что онъ былъ заваленъ заказами, и что многіе начинали замѣнять ими простые конопляные и пеньковые. Такихъ канатовъ онъ протянулъ черезъ Ніагару всего четыре; но каждый канатъ былъ свитъ изъ 3569 желѣзныхъ проволокъ, каждая въ толщину ровно одной линіи. Какое давленіе, какая тяжесть могли бы сломить сосредоточенную такимъ образомъ силу! Эти четыре каната поддерживаются четырьмя каменными башнями; концы канатовъ прикрѣплены якорями, глубоко-вонзающимися въ скалы; этимъ же якорямъ прочные, тяжелые и ловко устроенные аппараты не даютъ тронуться съ мѣста. Что же касается самихъ мостовъ, изъ которыхъ нижній назначался для шоссе, а верхній для рельсоваго пути, они просто *привѣшены* къ канатамъ. Для этаго употреблено 624 каната изъ той же проволоки, разсчитанныхъ такъ, чтобы каждый самъ по себѣ выносилъ 30 тоннъ вѣса; они скрѣплены перевязями и такъ распредѣлены во всю длину, чтобы на каждые 200 футовъ основныхъ канатовъ приходилось не болѣе 34 тоннъ вѣса. Когда въ 1855 г. пробный поѣздъ, состоящій изъ двадцати тяжело нагруженныхъ вагоновъ, благополучно проѣхалъ, и смѣлая постройка, повисшая на вышинѣ 260 футовъ надъ водою, подалась посрединѣ всего на 0,82 фута и тотчасъ же эластично возвратилась на прежній свой уровень,—слава Реблинга разнеслась изъ конца въ конецъ земли. За этимъ чудомъ искусства послѣдовало еще нѣсколько такихъ же проволочныхъ висячихъ мостовъ—мостъ черезъ Огайо при Цинцинати, мостъ черезъ Аллегани (второй) при Питсбургѣ, и пр. Наконецъ, на предварительныхъ работахъ для построенія моста черезъ Истъ-Риверъ, раздѣляющій Нью-Йоркъ отъ Бруклина, великій мастеръ нанесъ себѣ ушибъ, отъ послѣдствій котораго и скончался.

Докучная компанія. Въ pendant къ помѣщенному въ № 13 «Нивы» рисунку Ф. Лоссова, мы прилагаемъ на стр. 221 другое произведеніе того же художника. Содержаніе картины ясно безъ объясненій: это осликъ, привязанный на мельницѣ, которому не даютъ покоя пресловутые защитники капитолія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 3 Апрѣля 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим., д. № 45.

№ 15. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . . — » 60 к.
За упаковку . . . . — » 40 »
Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Редакція журнала „Нива“ извѣщаетъ гг. Подписчиковъ, что по разсмотрѣніи повѣстей и разсказовъ изъ русскаго быта, писанныхъ на предложенную ею премію въ **ТЫСЯЧУ рублей серебромъ**, избрана повѣсть Вас. Ив. Кельсіева изъ временъ Татарщины, подъ названіемъ **„Москва и Тверь“**.

Извѣстное знакомство автора съ бытомъ простого народа, съ политическими пріемами народныхъ вождей, съ нынѣшнимъ турецкимъ и татарскимъ бытомъ, наконецъ его свѣденія въ русской археологіи и исторіи служатъ порукою, что повѣсть его выдержитъ критику ученую. За художественную сторону этого **перваго беллетристическаго труда** г. Кельсіева ручаются его прочія произведенія.

Безпечный Китсъ.

Быль-не-быль, сказка-не-сказка.

(Съ англійскаго).

Жилъ-былъ когда-то давно бѣдный человѣкъ; у него была такая маленькая земля и такая большая семья, что онъ никакъ не могъ свести концовъ съ концами. Онъ спросилъ жену, какъ имъ быть.

— Китсъ у насъ старшій, отвѣчала она, — свѣтъ не клиномъ сошелся — пускай идетъ искать счастія!

— Пожалуй, сказалъ Китсъ.

Старики дали ему свое родительское благословеніе, и наказали ему спросить дорогу прямо въ Гробтаунъ, такъ какъ онъ тамъ найдетъ много работы; Китсъ поцѣловался со всѣми и пошелъ людей посмотрѣть, себя показать.

Немного спустя онъ пришелъ къ началу двухъ дорогъ, но не спросилъ, которая изъ нихъ ведетъ въ Гробтаунъ. «Я не хочу много работать», подумалъ онъ, и пошелъ по той дорогѣ, гдѣ было больше солнца.

Еще немного погодя онъ пришелъ къ мѣсту, отъ котораго шли четыре дороги.

— Куда тебѣ надо? спросилъ его случившійся тутъ человѣкъ, — я тебѣ покажу дорогу.

— Благодарю, не надо, отвѣчалъ Китсъ: — мнѣ всѣ дороги одно; — и онъ пошелъ по той, которая показалась ему покрасивѣе.

Птички все время радостно распѣвали, солнце сіяло на весь міръ, вѣтеръ навѣвалъ тихую нѣгу и прохладу; Китсъ шелъ все впередъ, веселъ и счастливъ, отлично поужиналъ орѣхами и черникой, напился воды изъ свѣтлаго ручья и легъ спать подъ заборъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, — мнѣ не хуже, чѣмъ птицамъ божьимъ — а имъ чѣмъ-же не житье.

Утромъ рано жаворонокъ разбудилъ его; Китсъ вскочилъ и пошелъ далѣе, весело насвистывая, пока крѣпко не проголодался. Но онъ уже вышелъ изъ лѣса, и пришелъ въ городъ, гдѣ было много-много домовъ — а тутъ уже нельзя было пообѣдать на даровщинку плодами земными. Поэтому онъ вошелъ въ первый трактиръ и сѣлъ къ столу.

— Что вамъ подать къ обѣду? спросилъ его трактирщикъ.

— Все равно, отвѣчалъ Китсъ, — потому что я страшно голоденъ.

Хозяинъ принесъ ему большой кусокъ пирога съ говядиной и кружку хорошаго пива. Китсъ никогда еще такъ вкусно не обѣдалъ.

Когда онъ кончилъ, трактирщикъ сказалъ ему, что съ него слѣдуетъ три пенса.

— Хорошо, сказалъ Китсъ, — только ужь вы вычтите у меня изъ жалованія, потому что я ушелъ изъ родительскаго дома искать счастія и еще не нашелъ его.

— Въ такомъ случаѣ, спросилъ хозяинъ, — зачѣмъ же ты спросилъ обѣдать, когда у тебя денегъ нѣтъ?

— Затѣмъ, что мнѣ ѣсть хотѣлось, отвѣчалъ Китсъ: — а впрочемъ, если вы не хотите дать мнѣ работы, ничего — я пойду дальше.

— Нѣтъ, нѣтъ, остановилъ его хозяинъ: — останься, и ходи за лошадьми да вычищай свиной хлѣвъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Китсъ, — мнѣ все равно.

И онъ принялся за свою работу съ такимъ усердіемъ, что лошади и самъ хозяинъ очень полюбили его, и онъ каждый день получалъ отличный обѣдъ.

По истеченіи трехъ мѣсяцевъ, хозяинъ отдалъ Китсу жалованье. Снѣгъ густо лежалъ на землѣ, и хозяинъ еще сказалъ Китсу:

— Я тебѣ буду платить вдвое жалованье, если ты снесешь это письмо лорду мэру сосѣдняго города.

— Немножко снѣга — не бѣда, сказалъ Китсъ и отправился бѣгомъ, чтобъ не озябнуть.

Въ письмѣ было сказано, что народъ сердитъ и не хочетъ больше войнъ. Лордъ мэръ осердился и велѣлъ посадить Китса въ тюрьму. Но Китсъ и тутъ остался по прежнему веселъ и счастливъ, ходилъ заложивъ руки въ карманы, или игралъ въ бабки, да день-деньской насвистывалъ, кромѣ того времени, когда ѣлъ.

— Отчего ты не скучаешь, какъ другіе? спросилъ его тюремщикъ.

— Что одно мѣсто, что другое — мнѣ все одно, отвѣчалъ Китсъ.

Тюремщикъ полюбилъ его, и взялъ его къ себѣ въ помощники: заставлялъ мести дворъ и тюрьму, и не такъ строго смотрѣлъ за нимъ — не запиралъ.

Пришла весна; въ одинъ ясный день онъ увидалъ тюремную дверь растворенной, а за дверью солнце свѣтитъ.

— Что одно мѣсто, что другое — мнѣ все равно, подумалъ онъ, — поэтому отчего мнѣ не уйдти?

Онъ ушелъ; шелъ онъ долго, далеко, наслаждаясь прогулкой, и къ вечеру пришелъ къ небольшому загородному трактирчику.

— Всего одна постель осталась, сказалъ ему хозяинъ.

— Прекрасно; мнѣ двухъ не надо, возразилъ Китсъ.

— Но она на чердакѣ, продолжалъ хозяинъ, — и притомъ — одна солома.

— Ничего, высплюсь, сказалъ Китсъ.

Но когда онъ поужиналъ, онъ почувствовалъ такую усталость, что завалился въ первую попавшуюся ему постель, — а постель эта оказалась хозяйской, съ periной, и стояла она въ сосѣдней комнатѣ.

— Этакъ лучше, подумалъ онъ, — не стоитъ забираться на чердакъ.

Хозяинъ не ложился, а въ полночь потихоньку пробрался на верхъ, съ намѣреніемъ ощупать карманы Китса и обокрасть его. Но сколько онъ ни шарилъ въ соломѣ, онъ никого не нашелъ, и самъ тутъ же заснулъ, а рано утромъ, сердитый, сошелъ по лѣстницѣ да свалился и всѣхъ разбудилъ.

Китсъ тоже проснулся, и понявъ гдѣ онъ, наскоро одѣлся и выбрался въ окно, чтобъ не вышло исторіи.

Нѣсколько дней шелъ онъ, наконецъ очутился близь двухъ большихъ армій.

— Отлично будетъ посмотрѣть, какъ они станутъ драться, подумалъ онъ, и присѣвъ на солнцѣ, досталъ хлѣбъ съ сыромъ и принялся ѣсть съ великолѣпнымъ аппетитомъ.

Но вдругъ предводители обѣихъ армій подошли къ нему и спросили его, на чьей онъ сторонѣ.

— Ни на чьей, отвѣчалъ Китсъ: — я не хочу драться.

— Долженъ, объявили ему: — и такъ, выбирай, за кого.

— Благодарю васъ, не желаю, сказалъ Китсъ: — мнѣ нѣтъ дѣла до вашей войны; я даже не знаю, изъ-за кого она идетъ у васъ, и какія это двѣ стороны.

— Это все ничего не значитъ, возразили они: — выбирай ту или другую сторону, или мы оба убьемъ тебя!.. И оба вмѣстѣ обнажили шпаги.

— Извольте, сказалъ Китсъ: — драться такъ драться. Я не собирался — да ничего.

— Ну, такъ какую же сторону ты выбираешь? опять спросили его.

Китсъ всталъ, посмотрѣлъ кругомъ, и увидѣлъ, что одна армія стоитъ на солнечномъ скатѣ горы и вдобавокъ поближе другой — эту онъ и выбралъ. Потомъ оказалось, что это — сторона короля, придворныхъ, швейцаровъ и лакеевъ, а что на другой сторонѣ все лордъ-мэры, булочники, портные, мастеровые, и что война шла изъ-за того, кому больше драть денегъ съ народа и тратить ихъ.

На слѣдующій же день началась битва. Китсу дали большущій самопалъ, поставили его за дерево и велѣли стрѣлять на пропалую. Началъ онъ палить, и въ первый же разъ попалъ въ самую середину груди булочника, такъ что мука посыпалась, потомъ сшибъ съ ногъ тощаго портнаго, наконецъ повалилъ толстаго лордъ-мэра, что посадилъ его въ тюрьму.

— Подѣломъ ему, сказалъ Китсъ: — если бы не оставилъ письма безъ вниманія, можетъ-быть не вышло бы этой войны.

Но послѣ того пошелъ такой густой дымъ, что Китсъ не могъ различать придворныхъ и лакеевъ отъ портныхъ и мастеровыхъ; онъ поэтому сталъ стрѣлять въ кого попало — какъ кого виднѣе было, и многіе въ этотъ день полегли отъ его пуль.

— Мнѣ все равно, думалъ онъ, — но коли на то пошло, стану ужъ палить пока порохъ есть.

Но къ тому времени, когда дымъ немножко разсѣялся, Китсъ увидѣлъ, что армія короля побита и что всѣ его товарищи разбѣгаются.

— Уберусь-ка и я, подумалъ онъ: — не вижу причины даваться въ плѣнъ.

Но не сдѣлалъ онъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ наткнулся на рыцаря, лежавшаго на землѣ навзничь во всемъ вооруженіи.

— О, помоги мнѣ встать, добрый человѣкъ, а то убьютъ меня! застоналъ рыцарь.

— Не вижу, чтобъ это особенно до меня касалось, сказалъ Китсъ, — а впрочемъ, отчего же — можно.

И онъ потянулъ рыцаря за руку и поставилъ на ноги. Тогда оба вдвоемъ пустились бѣжать изо всей мочи и забрались въ лѣсъ. Но непріятельская армія шибко за ними гналась и многихъ подстрѣлила въ спину, наконецъ четверо дюжихъ молодцовъ догнали Китса и рыцаря и сказали имъ, чтобы они сдались въ плѣнъ, иначе ихъ убьютъ.

— Мнѣ все одно, сказалъ Китсъ, — такъ ужъ лучше давайте драться; пускай убьютъ.

— Вотъ люблю! похвалилъ его рыцарь, и оба кинулись на враговъ.

Всѣ четверо были въ такомъ же вооруженіи какъ рыцарь, а у Китса не было ничего, кромѣ толстой дубины, такъ что онъ могъ прыгать и увертываться отъ ударовъ вдвое проворнѣе ихъ.

Звякали-звякали большіе мечи, звенѣли-звенѣли, а все толку не было; тогда Китсъ юркнулъ за дерево, подцѣпилъ одного изъ враговъ за ногу и свалилъ его. Латы у него были такія тяжелыя, что ему пришлось подозвать другаго, чтобы помочь ему подняться; но въ ту минуту, какъ тотъ наклонился къ нему, Китсъ такъ здорово хватилъ его дубиной, что и онъ покатился.

Рыцарь тѣмъ временемъ на смерть бился съ другими двумя, тяжелые мечи ихъ продолжали звенѣть и звякать, наконецъ третій воинъ повалился раненый, но и самъ рыцарь упалъ на одно колѣно отъ силы удара, и четвертый воинъ сталъ душить его за горло и вытащилъ кинжалъ, приговаривая: «тутъ тебѣ и конецъ». Но въ эту минуту Китсъ такъ ударилъ его по головѣ, что и онъ свалился, даже не пикнувъ.

— Ты спасъ мнѣ жизнь, воскликнулъ рыцарь, — чѣмъ мнѣ отблагодарить тебя?

— Помогите мнѣ повернуть этихъ тяжелыхъ болвановъ и положить ихъ на спину, сказалъ Китсъ, — тогда имъ не встать, пока не подойдетъ кто-нибудь.

Потомъ Китсъ помогъ рыцарю скинуть латы, потому что онъ былъ раненъ и ему не въ моготу было въ нихъ идти; затѣмъ они дружно и безпрепятственно вмѣстѣ пошли по лѣсу и пришли къ замку рыцаря.

На слѣдующій день они узнали, что король заключилъ миръ и отдалъ ключи отъ своихъ большихъ сундуковъ съ деньгами, и что теперь каждый можетъ спокойно заняться своими дѣлами.

— Хочешь, я дамъ тебѣ комнату у себя въ замкѣ, и ты станешь жить со мною? спросилъ его рыцарь.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Китсъ. — Мнѣ все одно, гдѣ ни жить. Только у меня платье износилось.

— Возьми у меня, коли хочешь, сказалъ рыцарь.

— Дѣло, отвѣчалъ Китсъ: — немножко велики будутъ, да можно перешить.

И такъ Китсъ долгое время жилъ въ замкѣ, ходилъ на соколиную и псовую охоту, на рыбную ловлю, помогалъ добывать матеріалъ для хорошихъ обѣдовъ, и каждый день усердно помогалъ съѣдать эти обѣды.

— Мнѣ все равно, стрѣлять-ли зайцевъ, или оленей, или утокъ, или дупельшнеповъ, говаривалъ онъ, — такъ ужъ лучше всѣхъ понемногу.

Однажды рыцарь спросилъ его, не желалъ ли бы онъ жениться.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — я совершенно счастливъ — чего же мнѣ еще?

— Но если невѣста принесетъ тебѣ въ приданое замокъ и кучу денегъ?

— Женатымъ быть, не женатымъ — по мнѣ все одно, сказалъ Китсъ, — пожалуй я и жениться готовъ.

— На комъ же? спросилъ рыцарь.

— На комъ угодно, отвѣчалъ онъ, — одна другой не лучше и не хуже.

— Такъ не жениться ли тебѣ на моей дочери, такъ какъ ты спасъ мнѣ жизнь? предложилъ рыцарь.

— Извольте, сказалъ Китсъ.

И такъ, рыцарь пошелъ къ дочери, пересказалъ ей свой разговоръ съ Китсомъ и положилъ обвѣнчать ихъ на другой же день.

На слѣдующее утро невѣста явилась вся въ бѣломъ, въ тонкихъ кружевахъ, въ жемчугѣ, красавицей писаной, — и Китсъ, въ полномъ удовольствіи, шелъ рядомъ

съ нею. Но по дорогѣ въ церковь, прелестная невѣста спросила его, будетъ ли онъ сердиться, если она, вмѣсто него, обвѣнчается съ другимъ.

— Нисколько, отвѣчалъ онъ, — мнѣ-то что?

— Я потому спрашиваю, продолжала она, — что я сызмала всей душой любила моего двоюроднаго брата Густава, и онъ меня любитъ. Стало-быть, если вамъ все равно, такъ какъ онъ какъ разъ позади насъ, я ужъ лучше съ нимъ обвѣнчаюсь.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Китсъ.

— Что это значитъ? воскликнулъ рыцарь, увидавъ, что дочь его стоитъ передъ епископомъ рядомъ съ Густавомъ, который держитъ ея руку. Но было поздно; поэтому рыцарь на свадебномъ пирѣ спросилъ Китса, не возьметъ ли онъ вмѣсто жены мѣшокъ съ деньгами.

— Пожалуй, отвѣчалъ онъ: — съ деньгами хлопотъ не больше, чѣмъ безъ денегъ — давайте.

Вскорѣ послѣ того Густавъ съ молодой женой поѣхалъ ко двору; они тамъ разсказали исторію своей свадьбы, и многое другое про безпечнаго Китса, такъ что и его пригласили ко двору.

Случилось такъ, что, въ самый вечеръ его пріѣзда, король давалъ большой праздникъ, съ фейерверкомъ и баломъ, — и Китсъ попалъ къ самому началу танцевъ.

— Мнѣ все равно, съ кѣмъ ни танцовать, подумалъ онъ, подошелъ къ королевской дочери и пригласилъ ее.

— Вы кто такой? спросила она.

— Я Китсъ, отвѣчалъ онъ.

— Очень рада, возразила она: — я много слыхала про васъ отъ Густава и его молодой жены. Какой же танецъ мы будемъ танцовать?

— Какой вамъ угодно, сказалъ Китсъ: — мнѣ все равно, потому что я ни одному не учился.

— Ну, такъ не лучше ли, вмѣсто танцевъ, пройтись въ апельсиновой рощѣ? предложила принцесса.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ онъ, подалъ прелестной принцессѣ руку — и прогуливаясь съ нею по апельсиновой рощѣ, разсказалъ ей многое изъ своихъ приключеній.

Когда они воротились, колоколъ уже звонилъ къ ужину, — и великолѣпный молодой принцъ, влюбленный въ принцессу, повелъ ее въ столовую. Китсъ тоже вошелъ туда, со всѣми лордами и лэди, и сѣлъ передъ огромнымъ паштетомъ.

— У меня славный аппетитъ, сказалъ онъ, — это очень кстати.

Но когда онъ уже съѣлъ половину паштета, король взглянулъ на эту сторону стола и увидалъ Китса.

— Какъ ты смѣешь садиться на первое мѣсто? вскрикнулъ онъ на него.

— Мнѣ все одно, гдѣ ни сидѣть, отвѣчалъ Китсъ.

— Ну, ужъ это слишкомъ! вспылилъ король: — милорды, тащите этого неуча вонъ изъ дворца, и больше никогда не пускайте его.

— Позвольте, ваше величество, я лучше самъ пойду, сказалъ Китсъ, — потому что мнѣ рѣшительно все равно, въ какую сторону идти.

Онъ вышелъ изъ большаго города, взялъ съ собою свой мѣшокъ съ деньгами, купилъ себѣ хорошенькій домикъ въ лѣсу, развелъ капусту и цвѣты, и зажилъ себѣ припѣваючи.

Но скоро до него дошли скорбныя вѣсти о томъ, что народъ опять взбунтовался, королю отрубилъ голову, и собирается также убить прелестную принцессу. Тогда Китсъ вспомнилъ про апельсиновую рощу, отыскалъ рыцаря и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ лагерь арміи покойнаго короля, передъ самыми городскими стѣнами.

— Видишь эту высокую башню? сказалъ ему рыцарь: — ну, такъ принцесса заперта въ темницѣ на самомъ верху, гдѣ крошечное оконце, мы не можемъ достать ее оттуда, если сперва не возьмемъ города, а этого мы не въ состояніи сдѣлать.

Китсъ взялъ мѣшокъ съ длинными-предлинными гвоздями да молотокъ, обмоталъ себя веревкой, подползъ къ фундаменту башни, вбилъ сперва одинъ гвоздь, потомъ сталъ на него ногами и вбилъ другой повыше, потомъ третій, пятый, десятый, какъ ступени, и такъ до самаго оконца; тутъ онъ привязалъ конецъ веревки и заглянулъ въ комнату, увидалъ прелестную принцессу и сталъ просить ее уйдти и спасти свою жизнь. Она надѣла платье, башмаки, подошла къ окну и спросила Китса, какимъ манеромъ онъ до нея добрался.

— Подниматься по ступенямъ что снаружи башни, что внутри — мнѣ все одно, отвѣчалъ онъ.

Прелестная принцесса перешагнула черезъ окно, твердо ухватилась за веревку, и начала, съ помощію Китса, спускаться по длиннымъ гвоздямъ, пока они тихонько и благополучно не достигли земли.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать? спросила она.

— Ступайте въ свою армію, сказалъ Китсъ.

— Тогда съизнова начнется война. Мнѣ бы лучше спрятаться куда-нибудь. Не знаете ли вы такого мѣстечка, Китсъ?

Онъ отвелъ ее въ свой хорошенькій домикъ, спрятанный въ лѣсу.

Тогда она поцѣловала его и сказала:

— Милый Китсъ, я люблю васъ больше всѣхъ вельможъ и принцевъ, потому что вы и добрый и храбрый. Хотите, я буду вашей женою? Намъ здѣсь славно будетъ жить.

— Чтожъ, можно, сказалъ Китсъ: — я и самъ люблю васъ больше всего на свѣтѣ.

Имъ попался епископъ, который съ испугу бѣжалъ черезъ лѣсъ; онъ обвѣнчалъ ихъ — и они зажили такъ счастливо, какъ пара птичекъ въ гнѣздѣ.

Но спустя нѣсколько времени, двадцать лордъ-мэровъ, которые распоряжались въ столицѣ на мѣстѣ короля, узнали, что Китсъ женился на королевской дочери; они сильно осерчали: сказали, что этого нельзя, потому что онъ простой, — послали противъ него 50.000 человѣкъ войска, взяли ихъ обоихъ, принцессу снова заперли, а Китса приговорили къ смерти.

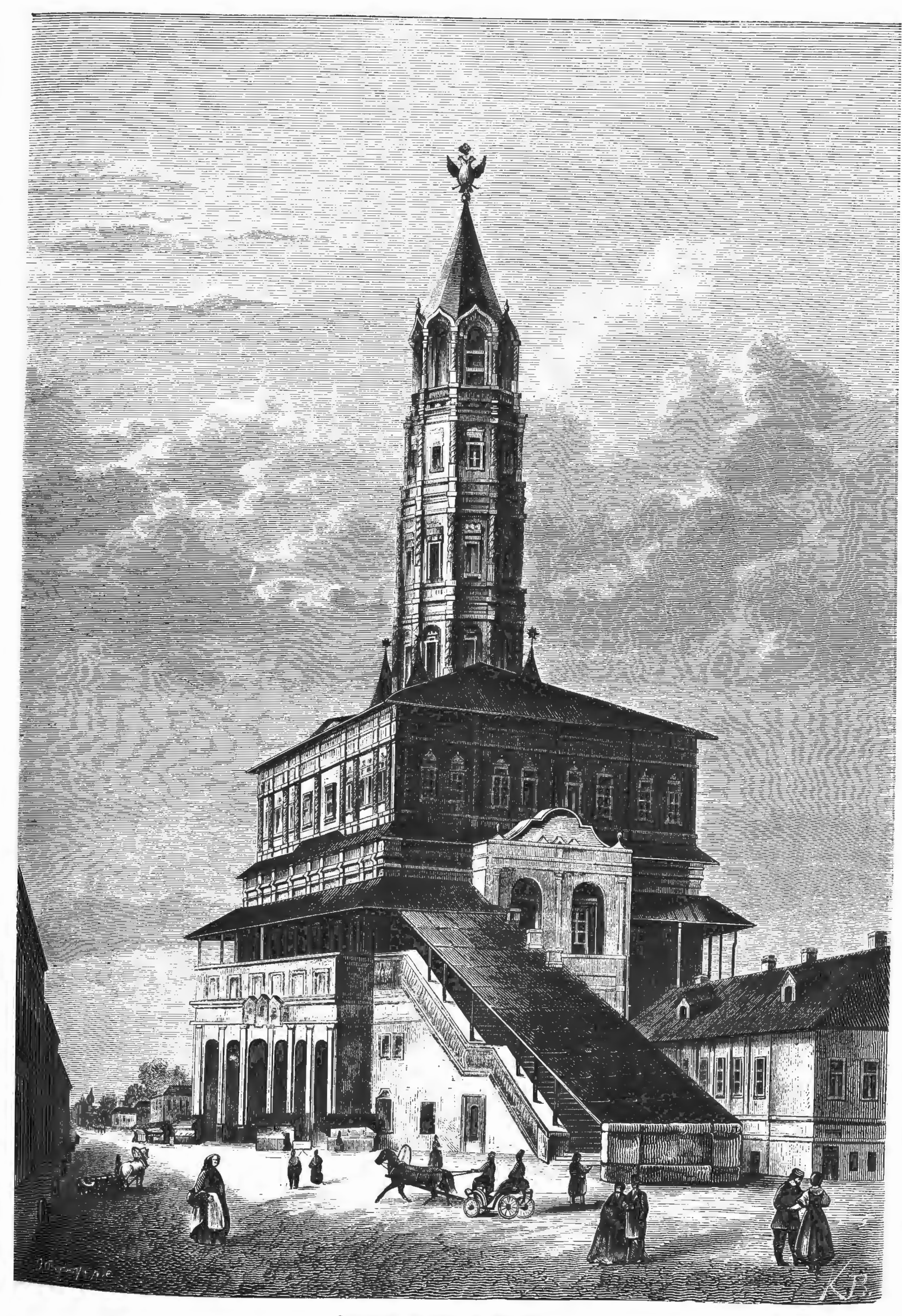
— Какъ хотите, сказалъ онъ, когда ему объявили приговоръ: — съ одного свѣта выпроводите — въ другой попаду.

— Но мы тебѣ сдѣлаемъ милость, сказали свирѣпые лордъ-мэры: — можешь выбрать родъ смерти. Хочешь быть разстрѣлляннымъ, повѣшеннымъ, или яду принять?

— Собственно говоря, все одно, отвѣчалъ онъ: — давайте хоть яду, что-ли.

Тѣмъ временемъ вся страна успѣла наслышаться про «безпечнаго Китса», и многіе говорили, что грѣхъ казнить его. Самые солдаты, посланные къ нему съ ядомъ, такъ жалѣли его, что имъ стало грустно и они захватили съ собою нѣсколько бутылокъ вина, чтобы развеселиться.

— Давай-ка мы сперва поужинаемъ вмѣстѣ хорошенько, сказали они Китсу: — ты такой безпечный, что спѣшить не стоитъ.



Сухарева башня въ Москвѣ.

Съ рисунка Л. А. Гойдукова, на деревѣ рисовалъ Э. Вернеръ, гравировалъ К. Вейерманъ.

— Съ удовольствіемъ, согласился Китсъ, — я и отъ вина не откажусь.

Наконецъ, однако, осталось только по стакану вина на человѣка, да стаканъ яда для Китса; но въ ту минуту, какъ всѣ они встали, чтобы въ послѣдній разъ выпить за его здоровье, въ тюрьму вошелъ свирѣпѣйшій изъ лордъ-мэровъ, думая найдти трупъ Китса.

— Это что такое? крикнулъ онъ: — солдаты, вы тутъ пьянствовали?

Но они уже успѣли опорожнить стаканы, такъ что на столѣ остался одинъ только стаканъ съ ядомъ.

— Я столько пилъ вина, сказалъ Китсъ, — что мнѣ больше пить не хочется.

— А мнѣ хочется, крикнулъ лордъ-мэръ, залпомъ выпилъ ядъ и упалъ мертвый.

— А чтожь, сказалъ Китсъ, — оно хотя и все равно, а все-таки такъ лучше.

Такъ какъ яда больше не было, солдаты опять заперли Китса впредь до дальнѣйшаго распоряженія остальныхъ девятнадцати лордъ-мэровъ.

На утро, когда въ залѣ суда разсказали о случившемся, народъ захохоталъ, захлопалъ въ ладоши и закричалъ: «да здравствуетъ король Китсъ!»

Тогда одинъ изъ лордъ-мэровъ всталъ и сказалъ:

— Ясное дѣло, что Китсъ какъ разъ такой человѣкъ, которому быть надъ нами королемъ; онъ не будетъ такимъ гордымъ и упрямымъ, какъ прежніе короли.

— Ура! кричалъ народъ.

— А такъ какъ онъ женатъ на принцессѣ, никто не имѣетъ такого права на престолъ, проговорилъ другой лордъ-мэръ.

— Вопросъ въ томъ, захочетъ ли онъ казнить насъ или помилуетъ? замѣтилъ третій лордъ-мэръ.

— Предоставляю вамъ рѣшить, сказалъ Китсъ, — мнѣ все равно.

Тогда всѣ заголосили: «ура! многая лѣта королю Китсу!»

Принцессу вывели изъ башни, Китса вмѣстѣ съ нею короновали, и долго жили они, безъ войнъ, въ мирѣ и большомъ счастіи.

— Королемъ быть — ничего! говаривалъ Китсъ: — мнѣ все одно, я вездѣ былъ бы счастливъ.

Сухарева башня съ ея окрестностями

въ старину и въ наше время.

Первое мѣсто въ Москвѣ воздается Кремлю, какъ опочивальнѣ святыхъ, какъ усыпальницѣ нашихъ царей; Кремль — и по древности, и помѣстности своей, и по многимъ историческимъ событіямъ — достоинъ вниманія и благоговѣйнаго поклоненія всѣхъ русскихъ. Въ прошедшее и въ настоящее время, не только жители отдаленныхъ губерній, но и иностранцы, пріѣзжая въ Москву, прежде всего внимательно и съ любопытствомъ осматривали Кремль; православные наши помолятся святымъ угодникамъ, поклонятся гробницамъ вѣнценосцевъ, полюбуются дивными царскими палатами, подивятся на громадную царь-пушку и на мѣдный шатеръ-колоколъ, посмотрятъ, придерживая шапку, на стройнаго молодца въ золотомъ вѣнцѣ, Ивана Великаго, на чугунное ожерелье пушекъ около арсенала, послушаютъ кимвальный звукъ успенскаго колокола, этого вѣстника нашихъ торжествъ, — и рука у каждаго зашевелится на груди въ теплой молитвѣ.....

Много еще находится въ Москвѣ живыхъ урочищъ и неостылыхъ слѣдовъ маститой древности; но, послѣ Кремля, Сухарева башня пользуется особеннымъ вниманіемъ русскихъ пріѣзжихъ и иностранныхъ туристовъ. Исторія основанія ея многимъ извѣстна; кто изъ русскихъ, особенно изъ жителей Москвы, не знаетъ, что она построена Петромъ I-мъ, въ память присяжной вѣрности къ нему полковника Стрѣлецкаго полка, Лаврентія Панкратьевича Сухарева, когда, по проискамъ властолюбивой сестры царя, Софіи, прочіе стрѣлецкіе полки не только измѣнили Петру, но вознамѣрились даже убить его! Имя и подвигъ Сухарева принадлежатъ исторіи. Царь Петръ особенно любилъ полкъ Сухарева и отличилъ его тѣмъ, что назначилъ его для примѣрнаго сраженія съ своими потѣшными. Въ 1682 году Сухаревскій полкъ сопровождалъ Петра въ село Преображенское и въ Троицкую Лавру [1]).

Мѣсто, занимаемое Сухаревскою башнею, въ старинныя времена было границею Москвы и называлось *Срѣтенскими воротами*; за ними шла Троицкая дорога [2]). Физіогномія этой мѣстности и окрестностей ея была совсѣмъ другая, она также имѣетъ свой историческій интересъ: въ лѣво, на западъ, за нынѣшними Мѣщанскими улицами, раскинуто было большое подгородное село Напрудное [3]). Всѣ эти мѣстности и до сихъ поръ имѣютъ влажную почву: изъ водъ Неглинки образовался прудъ *Самотека* или *Протека* (отъ разныхъ ключевыхъ токовъ), а подалѣе, гдѣ нынѣ Цвѣтной или Трубный бульваръ, былъ другой прудъ, — туда изстари 1-го августа пушкари изъ приходской своей церкви преп. Сергія, въ бѣлыхъ одеждахъ, совершали крестный ходъ съ пушечною пальбою; памятникомъ этихъ событій осталось гулянье, бывающее и въ настоящее время въ этотъ день [4]).

[1]) Въ 1684 г. даны были этому полку особыя знамена (они хранятся въ Оружейной палатѣ), на которыхъ съ одной стороны изображенъ по золоту, на камнѣ, образъ Всемилостиваго Спаса, съ припавшими къ стопамъ его святыми: Николаемъ и Сергіемъ, а съ другой — изображеніе Знаменія Пресв. Богородицы въ облакахъ и Святители Московскіе. Полковою церковію Сухаревскаго полка, расположеннаго по мѣщанскимъ слободамъ, была *Троица на Листахъ* (старинный картинный рядъ). При основаніи Петербурга, въ 1703 году, первая сооруженная въ тамошней крѣпости церковь была посвящена этому же празднику.

[2]) Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный основалъ на Троицкой дорогѣ Переяславскую ямскую слободу (что за Сухаревой башней), поселилъ тамъ ямщиковъ и отдалъ имъ всю землю отъ городскаго вала между Троицкой дорогой и рѣчкой Неглинкой для пашни. Тутъ переселились и многіе крестьяне изъ села Напруднаго. Близъ этого мѣста, во время *Ляхолътья* (литовскаго разгрома), по рѣчкѣ Неглинкѣ и Напрудной, въ смежности съ нынѣшнимъ Троицкимъ подворьемъ, бояре имѣли свои загородные дома.

[3]) Объ немъ упоминается еще въ духовной вел. кн. Іоанна Даниловича, въ которой онъ отказываетъ его сыну своему, Симеону, а Іоаннъ Грозный отказываетъ это же село сыну своему, Димитрію.

[4]) Въ 1782 г., при устроеніи Мытищенскаго водопровода, этотъ прудъ обмелѣлъ и былъ спущенъ, остальныя же воды

По нынѣшнимъ Мѣщанскимъ улицамъ находились стрѣлецкія слободы, въ которыхъ стрѣльцы жили съ своими семействами; они по очереди хаживали на службу—охранять Москву, а въ свободное время занимались разными ремеслами и торговлею.

На востокъ отъ мѣстности, занимаемой Сухаревскою башней, полосились *черкасскіе огороды*, принадлежавшіе кн. Михаилу Яковлевичу Черкасскому (тестю гр. Петра Борисовича Шереметева). Тамъ существовала каменная церковь, во имя Св. Троицы, съ деревянными придѣлами, во имя пр. Ксеніи и Михаила Архангела. Тамъ приставалъ лжехристъ Андрюшка со своими клевретами, дерзко названными имъ 12-ю апостолами. На этомъ мѣстѣ, въ 1810 году, гр. Ник. Петр. Шереметевъ построилъ странноприіимный домъ (Шереметевская больница). Около черкасскихъ огородовъ былъ домъ гр. Гендрикова (зятя кабинетъ-министра Волынскаго), потомъ артиллерійскій дворъ съ казенною аптекою (нынѣшнія Спасскія казармы). Въ послѣдствіи времени трубный каналъ сталъ разрушаться, тогда вмѣсто его устроили подземную трубу, а въ 1825 году бульваръ. Долго это мѣсто было пустынное, только около Самотеки ютились бани, кабачки и блинни, а около церкви Николы, что въ Драчахъ, тянулись огородныя гряды. Эти мѣста посѣщалъ лжехристъ: онъ и въ зимніе морозы босой и съ непокрытою головою ходилъ въ нѣкоторые дома, гдѣ легковѣрные принимали его съ подобающею честію и одаряли; а жилъ онъ въ Ворсанофьевскомъ монастырѣ (въ которомъ нѣкогда находился прахъ царя Бориса Годунова, перенесенный туда, по приказанію Самозванца, изъ Архангельскаго собора, а послѣ препровожденный въ Троицкую Лавру). Сперва Андрюшку увѣщевали покинуть святотатственный его промыселъ и наглый обманъ, но тщетно, — вслѣдствіе чего его сослали въ дальній монастырь, на строгое покаяніе, какъ говорили: толочь воду и вить изъ песку веревки.

На сѣверъ по Троицкой дорогѣ тянулись хибаренки Переяславской ямской слободы (нынѣшняя 1-я Мѣщанская), такъ названной по пути къ городу Переяславлю-Залѣсскому; въ ней замѣчателенъ былъ Аптекарскій (ботаническій) садъ, основанный Петромъ I-мъ изъ рассадниковъ села Измайлова, съ лекарней, т. е. аптекой; далѣе ютилась часовня называемая *Крестъ*, въ честь преп. Сергія, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, онъ отдыхалъ, шедши изъ своей пустыни въ Москву и обратно.

Это мѣсто было пригородьемъ Москвы; тамъ по обѣимъ сторонамъ немощеной дороги стояли неприглядныя, ветхія и отшатнувшіяся другъ отъ друга избы, большею частію курныя, крытыя бурой, взъерошенной временемъ и непогодами соломой, и дранью, съ пузырями вмѣсто стеколъ или съ напитанною масломъ холстиною.

Тамъ были всѣ деревенскія принадлежности: скрипучія, одностворчатыя ворота; длинные дворы, полутемные отъ навѣсовъ разныхъ пристроекъ; колодцы съ журавцами, далеко выступавшія на улицу (они видны теперь); скворечники, разгуливавшая повсюду безвозбранно скотина, домашнія птицы и проч. и проч. На выѣздѣ изъ этого селенія, около нынѣшней Крестовской заставы, находилась дача г. Пашкова съ большимъ садомъ и оранжереями (остатки которой замѣтны и донынѣ); среди приземистыхъ избъ эта дача возвышалась, какъ оазисъ, своими высокими и красивыми палатами съ фронтисписомъ и узорчатою черепичною съ завитками крышей. На югъ отъ мѣстности Сухаревой башни начиналась *Срѣтенка*. Въ глубокую старину только Кремль назывался *городомъ*, а прочія части Москвы *посадами* и *царскими селами*, напримѣръ *Кудрино*, *Сухащево* (Сущево), *Симоново*, *Воробьево* и пр. Послѣ эта мѣстность названа была *Землянымъ городомъ* и отдѣлилась отъ пригородьевъ землянымъ валомъ, названіе котораго сохранилось и до настоящаго времени [5]).

Земляной городъ [6]) прежде былъ тоже, что теперь Камеръ-коллежскій валъ; въ воротахъ его—со всѣхъ возовъ, кому бъ они ни принадлежали, сбирали пошлину (съ дровъ, бревенъ и соломы по копѣйкѣ, съ сѣна и угольевъ по 2, а съ тесу и досокъ по алтыну); для этого у всѣхъ воротъ и въ проѣздахъ большихъ дорогъ сдѣланы были шлагбаумы и рогатки, а на проломахъ—палисады. И тогда уже вся Срѣтенка представляла одушевленный видъ: по ней тянулись обозы, брели съ котомками богомольцы въ Лавру, на ней кишилъ торговый людъ съ подвижными лавочками, тамъ были устроены печи *ради проходящихъ*—и цѣлый обжорный рядъ. Въ искривленныхъ переулкахъ ея, заслоненныхъ по обѣ стороны улицъ длинными заборами, происходила неуказная продажа вина; тамъ гнѣздились разныя темныя личности бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей [7]). Къ Сухаревой башнѣ перевели съ большой Срѣтенки, отъ города, и мясной рядъ. Въ торговые дни это мѣсто такъ стѣснялось, что трудно было по улицѣ ѣздить и ходить. Зданія на Земляномъ городѣ были очень неприглядны и ветхи; они устроены были не по плану, а какъ попало: тамъ находились постоялые дворы и торчали кузницы; всѣ тамошнія строенія уничтожались большею частію временемъ, а не по принужденію полиціи, вновь же строить на тѣхъ мѣстахъ безъ плана уже не дозволялось. Земля за Землянымъ городомъ, принадлежавшая большею частію ямщикамъ, считалась *полевою* и *выгонною*; на ней красовались дачи московскихъ баръ. Все это находилось въ вѣдѣніи *Каменнаго приказа*, завѣдывавшаго всѣми строеніями въ Москвѣ. Замѣчательно, что еще въ прошедшемъ столѣтіи—въ чертѣ города пахали поля, сѣяли на нихъ хлѣбныя растенія и производили сѣнокосы.

Тогда въ Москвѣ было 16 заставъ, послѣ прибавлено къ нимъ еще 2, *Симоновская* и *Трехгорная*; чтобъ не провозить мимо ихъ косвеннымъ образомъ корчемныхъ питей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены были надолбы—и когда они развалились въ полую воду и растаскались жителями, то городъ былъ окопанъ валомъ, на протяженіи 32-хъ верстъ.

Сухарева башня выстроена на границѣ улицъ Срѣтенской и 1-й Мѣщанской, архитектура ея — смѣсь

его собраны были въ нарочно-устроенный (на всемъ протяженіи до самаго города) изъ дикаго камня каналъ, который былъ нѣкогда украшеніемъ Москвы и вмѣстѣ гульбищемъ для жителей ея; его устроилъ гр. Чернышевъ, бывшій главнокомандующій Москвы; онъ постоянно заботился о приведеніи въ порядокъ столицы.

[5]) А еще прежде находился валъ, отдѣляющій *Бѣлый городъ* отъ *Землянаго*, по протяженію бульваровъ, называемыхъ *Зелеными улицами*.

[6]) Имѣетъ въ окружности 14½ верстъ.

[7]) Дома устроены тамъ были во дворахъ, въ которыхъ удобно было скрываться отъ надзора полиціи; тамъ спокойно проживали и старообрядцы, безвозбранно исправляя свои обряды.

готической съ ломбардской, которая въ XVII ст. была въ Россіи въ особенномъ вкусѣ; Сухарева башня имѣетъ сходство съ Амстердамской ратушей, но представляетъ много своеобычности. Это зданіе состоитъ изъ четырехъэтажнаго корпуса, вышина котораго съ гербомъ простирается до 35 саженъ и 1-го аршина (она только 8-ю саженями ниже колокольни Ивана Великаго). Самая башня называется *шатеръ*.

Въ 3-мъ этажѣ ея замѣчательна зала, называемая *рапирною*, вѣроятно фехтовальная; въ самой срединѣ башни или въ шатрѣ прежде находились большіе боевые часы, сдѣланные въ 1695 году (они существовали до 1812 года). Съ Сѣверной стороны ея, надъ воротами, находится образъ преп. Сергія, какъ покровителя русской артиллеріи и указателя пути къ его святой обители, а съ южной (къ Срѣтенкѣ) образъ Казанской Божіей Матери. Въ прошедшемъ столѣтіи Сухарева башня обнесена была палисадомъ, знаменовавшимъ остатокъ Землянаго города. На западной сторонѣ ея устроенъ былъ деревянный амфитеатръ, въ которомъ стоялъ *маскарадный корабликъ*, названный Петромъ *Памятникомъ-Миротворцемъ*. Въ 1721 г., при торжествѣ *Ништадскаго мира* съ Швеціею, и въ 1744 году, также по заключеніи мира съ Швеціею, этотъ корабликъ-игрушка съ разными символическими украшеніями, съ распущенными флагами и парусами, и ярко освѣщенными слюдными фонарями, возили по большимъ улицамъ Москвы; онъ былъ вооруженъ восемью мѣдными пушками; матросы, въ полной формѣ сидѣвшіе на немъ, пѣли пѣсни и производили разныя гимнастическія эволюціи. Поѣздъ кораблика сопровождался еще музыкою, пушечными выстрѣлами и громогласными ура! восторженныхъ зрителей [8]).

При Петрѣ, на Сухаревой башнѣ въ адмиралтейскій часъ (въ полдень) и предъ пробитіемъ вечерней зари, играли музыку на польскихъ рожкахъ, звуки которыхъ такъ любилъ царь. Во время гулянья у Сухаревой башни, 26-го августа, сарай, въ которомъ находился корабликъ, отворяли, и любопытные зрители стекались туда смотрѣть на прекрасную модель русскаго флота.

Жаль, что имя архитектора, построившаго Сухареву башню, неизвѣстно; памятники, свидѣтельствующіе о построеніи ея, суть двѣ каменныя плиты, находящіяся подъ воротами, со стороны Срѣтенки, съ надписями, въ которыхъ между прочимъ значится, что Сухарева башня строилась три года — съ 1692 до 1695 года. Прежде здѣсь была съѣзжая изба Леонтьевскаго приказа, но, по уничтоженіи стрѣльцовъ, Петръ въ 1701 году помѣстилъ тамъ училище математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, куда указано было вызывать *цифирныхъ дѣлъ мастеровъ*, т. е. математиковъ, какъ значится въ указѣ. Это училище впослѣдствіи времени переведено было въ Петербургъ, подъ именемъ *Морской академіи*, а въ 1753 году переименовано въ Морской кадетскій корпусъ.

Слѣдовательно, памятный въ нашей военной исторіи, по заслугамъ своихъ питомцевъ, Морской корпусъ былъ основанъ на Сухаревой башнѣ. Почтимъ же существованіе ея: вспомнимъ доблестныя дѣянія Петра, съ его младенцемъ и вмѣстѣ дѣдушкой флотомъ, отъ котораго расплодилось много достойныхъ внуковъ; вспомнимъ разгулъ царя по Балтикѣ, когда онъ раздвигалъ границы своего государства оружіемъ; вспомнимъ Чесму, и наконецъ—современный, славный подвигъ нашихъ моряковъ при Синопѣ, громогласный звукъ котораго отозвался во всѣхъ европейскихъ странахъ. Въ раскатахъ грома флотиліи нашей раздавались славныя поминки этому дѣдушкѣ.

Въ послѣдствіи времени перемѣщена была изъ Кремля на Сухареву башню Адмиралтейская контора (упраздненная въ 1806 г.)

Въ прадѣдовскія времена, про Сухареву башню ходила не добрая молва о чародѣйствѣ графа Якова Вилимовича Брюса [9]), извѣстнаго своими математическими познаніями и физическими опытами; онъ былъ основатель артиллерійскихъ и инженерныхъ школъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, поэтому онъ имѣлъ непосредственное вліяніе и на Сухаревскую школу. Суевѣрные звали его колдуномъ, чернокнижникомъ, преданіе о его таинственныхъ занятіяхъ достигло и до нашихъ временъ; говорятъ, будто-бы въ зданіи башни закладены Брюсовскія волшебныя книги, содержащія въ себѣ секретъ безсмертія. Изъ извѣстныхъ его сочиненій сохранился астрономическій календарь; но въ такомъ видѣ, каковъ былъ прежде этотъ календарь, въ наше время почитается онъ библіографическою рѣдкостью.

Встарину, подлѣ воротъ башни, обращенныхъ къ Срѣтенкѣ, находились еще по обѣ стороны караульныя палатки и казенный амбаръ; а подлѣ воротъ, къ Мѣщанской слободѣ или Переяславкѣ, небольшая часовня съ кельею Николаевскаго Перервинскаго монастыря (эта часовня находится и теперь на томъ же мѣстѣ, только въ другомъ, улучшенномъ видѣ). Подлѣ часовни, по тогдашнему обыкновенію, сидѣли, поджавши ноги, какъ и на Спаскомъ мосту, *темные невидущіе*, юродивые, нищіе, доморощенные наши рапсодисты и распѣвали своимъ протяжнымъ гнусливымъ голосомъ о подвигахъ Святыхъ. Это мѣсто избрано было ими болѣе для того, чтобы собирать обильную дань съ богомольцевъ и проѣзжихъ въ Троицкую лавру.

При Екатеринѣ II-й дѣти московскихъ подъячихъ играли въ рапирной залѣ башни разныя піэсы — мистеріи: *Есфирь и Агасферъ Дмитріевскую*, *Грѣшникъ кающійся*, духовныя драмы: *Рождественскую* и *Воскресенскую* соч. св. Димитріемъ Тунталою, въ то время, когда онъ былъ игуменомъ въ Малороссіи, гдѣ драматическія представленія были въ большомъ употребленіи.

Видъ на Москву съ Сухаревой башни не только теперь, но и встарину былъ прекрасенъ, особенно по противоположности своей: при взглядѣ на южную сторону—развивалась панорама храмовъ и домовъ и представлялся царственный, картинный Кремль; а съ другой, къ заставѣ, видѣлся океанъ зыблящейся зелени садовъ, полей и лѣсовъ; тамъ, по Троицкой дорогѣ, тянулся Алексѣевскій лѣсъ, вправо сливаясь съ сумрачными дебрями Сокольниковъ, а влѣво—съ душистой березовой Марьиной рощей. На западной сторонѣ башни, около Самотеки, въ XVII ст. разстилались еще поля и

[8]) Когда этотъ корабликъ пришелъ въ ветхость, императоръ Павелъ I-й приказалъ его возобновить, съ сохраненіемъ прежняго фасада. Въ 1812 г., во время бытности французовъ въ Москвѣ, корабликъ сгорѣлъ.

Замѣчательно, что наканунѣ вступленія Наполеона въ Москву, въ гербѣ Сухаревой башни запутался ястребъ; народъ, съ любопытствомъ смотря на это знаменательное явленіе, вѣщательно говорилъ: «вотъ такъ-то запутается въ Москвѣ и самъ нашъ врагъ!».

[9]) Внукъ его былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, при императрицѣ Екатеринѣ II; домъ его находился на Тверской, въ переулкѣ, который и донынѣ носитъ названіе *Брюсовскаго*.

на нихъ колосилась рожь; тамъ, по преданію, въ Троицынъ день, дѣвицы завивали вѣнки, пѣли себѣ на широкомъ раздольѣ: *Подъ липою былъ шатеръ*, и кумились, цѣлуясь сквозь завитые вѣнки,—чтобъ, по повѣрью, имъ во весь этотъ годъ жить дружно, припѣваючи [10]). Далѣе зеленѣлись Кудринскія рощи, куда хаживали наши предки за ягодами и за грибами.

С. Любецкій.

(*Окончаніе будетъ*).

Молодость Наполеона III.

(*Продолженіе*).

III. Людовикъ Наполеонъ является въ Италіи революціонеромъ.

Людовикъ Наполеонъ былъ уже въ тунскомъ лагерѣ, когда пришло извѣстіе объ іюльской революціи въ Парижѣ. Это событіе нетолько обрадовало его, но даже внушило ему кратковременную надежду, что послѣдуетъ возвращеніе Бонапартовъ во Францію, вслѣдствіе возведенія на престолъ орлеанской линіи; но этой надеждѣ не суждено было сбыться. «Король-мѣщанинъ», мелкая эгоистичная натура, былъ слишкомъ разсчетливъ, чтобы рисковать введеніемъ въ свои владѣнія бонапартистской пропаганды. Къ несчастью, Людовикъ Наполеонъ и внѣ Франціи нашелъ сферу политической дѣятельности, которая не могла придтись по душѣ ни его матери, ни вѣрнымъ приверженцамъ идеи возрожденія бонапартистскаго имперіализма.

Въ зиму, слѣдовавшую за іюльской революціей, Гортензія съ младшимъ сыномъ—старшій былъ во Флоренціи у отца—поѣхала въ Римъ. Сотрясеніе, свергнувшее Бурбоновъ, грозило и свѣтской власти папы Григорія XVI, который и безъ того былъ далеко не популяренъ и не любимъ. Римляне, также какъ и ломбардцы и неаполитанцы, стремились вырваться изъ подъ ненавистнаго ига. Тайныя общества усилили свою дѣятельность—и Людовикъ Наполеонъ сталъ оказывать имъ такое рѣшительное содѣйствіе, что это дошло до папской полиціи. Въ одинъ прекрасный день, кардиналъ Фешъ, родственникъ Бонапартовъ, получилъ отъ римскаго губернатора сообщеніе, что папскому правительству будетъ пріятно, если принцъ Наполеонъ на время удалится изъ Рима,—такъ какъ молодой человѣкъ, который носитъ имя Бонапартовъ и разъѣзжаетъ верхомъ съ трехцвѣтной кокардой, легко можетъ запутаться въ серіозныя непріятности, въ случаѣ безпокойствъ. Кардиналъ отвѣтилъ, что онъ отказывается передать это «сообщеніе» по принадлежности, и что молодой его родственникъ, напротивъ того, останется въ Римѣ, сколько ему будетъ угодно, такъ какъ его ни въ чемъ обвинить нельзя. Прямымъ послѣдствіемъ этого отказа было то, что пикетъ изъ пятидесяти папскихъ солдатъ оцѣпилъ домъ Гортензіи—и командующій офицеръ предъявилъ данное ему предписаніе немедленно конвоировать молодаго принца до границы.

Людовику Наполеону пришлось безотлагательно ѣхать во Флоренцію, гдѣ онъ встрѣтился съ братомъ. Сердце Гортензіи вѣроятно чуяло, какъ запутался ея любимецъ и какія опасности грозили ему. Нѣсколько дней спустя, послѣ вынужденнаго отъѣзда, онъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ было между прочимъ слѣдующее характеристичное мѣсто: «близорукіе люди неспособны ничего ни разсудить, ни предусмотрѣть, и благоразуміе требуетъ не довѣрять ихъ убѣжденіямъ. Потому что имъ нечего терять, они ничего не боятся. Воображеніе увлекаетъ ихъ на ложные пути; но тотъ человѣкъ, который дозволяетъ первому встрѣчному вліять на его мнѣніе и не полагается на свое собственное сужденіе, никогда не поднимется выше посредственности. Есть имена, которыя могутъ, своимъ обаяніемъ, имѣть большое вліяніе на событія; въ революціонную пору довольно людямъ, носящимъ такое имя, показаться, чтобы помочь при возстановленіи порядка и дать націи нужныя гарантіи противъ злоупотребленія власти, составляющей прерогативу государей. Ихъ задача — терпѣніе. Италія ничего не можетъ сдѣлать безъ Франціи; слѣдовательно, она должна спокойно дождаться, пока Франція устроитъ свои собственныя дѣла. Малѣйшая неосторожность повредила бы дѣлу и той и другой; возстаніе—безъ увѣренности въ счастливомъ исходѣ—надолго подрываетъ силу и твердость партіи, и усиливаетъ ея противниковъ въ ущербъ ей.

Эти мудрыя наставленія матери, къ несчастію, не могли удержать юношу отъ нѣкоторыхъ промаховъ. Менотти, одинъ изъ вождей итальянской партіи дѣйствія, принялъ относительно обоихъ братьевъ тонъ, который льстилъ ихъ самолюбію и разжигалъ ихъ страсти. Онъ умолялъ ихъ, ради славнаго ихъ имени, стать во главѣ движенія,—представлялъ имъ, что ихъ рожденіе возлагаетъ на нихъ обязанности, и что освобожденная Италія будетъ имъ благодарна за исполненіе этихъ обязанностей. Людовикъ Наполеонъ и братъ его, Луи-Шарль, ужь очень охотно внимали этимъ рѣчамъ—и оба приняли участіе въ заговорѣ, какъ сѣть охватившемъ всю Италію. Первый писалъ къ тревожившейся о немъ матери: «вы поймете сдѣланный нами шагъ. Мы приняли обязательства, отъ которыхъ не можемъ отступиться. Могли-ли мы остаться глухи къ голосу страдальцевъ, обратившихся къ намъ? Нѣтъ, наше имя возлагаетъ на насъ обязанности».

Насколько принцы сошлись съ итальянскими патріотами, и какого именно рода были принятыя ими обязательства,—это вѣроятно никогда вполнѣ не узнается. Если съ одной стороны ихъ ставятъ низко, то другая сторона вѣроятно сильно преувеличиваетъ, увѣряя, будто Бонапарты на жизнь и на смерть присягнули въ безусловномъ повиновеніи революціоннымъ вождямъ. Вѣрно то, что итальянскіе заговорщики, залучивъ къ себѣ Бонапартовъ, не дешево отпустили ихъ. Когда, много лѣтъ спустя, разразился кровавый орсиніевскій заговоръ—всѣ были того мнѣнія, что онъ имѣлъ цѣлью, по крайней мѣрѣ отчасти, наказать Людовика Наполеона за неисполненіе своихъ обязательствъ и клятвопреступничество. Однако во времена римскихъ безпорядковъ оба молодые Бонапарта были далеко не холодными, равнодушными приверженцами революціи. Отчаяная экспедиція республиканцевъ, въ которой они участвовали, стоила стар-

10) Подобныя гулянья и весеннія игры были еще за живымъ Доргомиловскимъ мостомъ и на Дѣвичьемъ полѣ.

шему жизни—онъ умеръ въ Форли отъ воспаленія въ легкихъ — а младшій опасно заболѣлъ въ Анконѣ, куда поспѣшила пріѣхать къ нему печальная мать.

Пролежавъ въ постели съ недѣлю, онъ почувствовалъ себя въ силахъ переѣхать въ другое мѣсто, но ему не находилось вѣрнаго убѣжища. Даже въ Анконѣ, которая была занята австрійцами, обое должны были скрываться, потому что если бы ихъ нашли—принцъ погибъ бы. Случайно, или это было хитростью Гортензіи, только они тайно жили въ томъ самомъ дворцѣ, въ которомъ поселился австрійскій генералъ. Только тонкая деревянная стѣна раздѣляла спальню Людовика Наполеона отъ покоевъ генерала—и когда первый кашлялъ, мать рукою заглушала звукъ его голоса.

Чтобы отвести непріятелямъ глаза, Гортензія устроила мнимый отъѣздъ на парусномъ суднѣ и распустила слухъ, что сынъ ея спасся въ Грецію; мужу своему, бывшему королю голландскому, она нарочно написала, что сынъ безопасенъ на одномъ изъ Іонійскихъ острововъ. Письмо это она послала съ курьеромъ, который попалъ въ руки австрійцевъ, чего она только и желала. Такимъ образомъ она сбила враговъ со слѣда. Наконецъ, послѣ долгаго, смертельнаго ожиданія, мать съ сыномъ и молодымъ маркизомъ Цаппи выѣхали изъ Анконы съ англійскими паспортами. Людовикъ Наполеонъ—одинъ изъ всѣхъ троихъ—говорилъ по англійски. Въ Мачератѣ его кто-то узналъ, но промолчалъ; въ Толентино на него донесли австрійскому коменданту, который однако былъ настолько великодушенъ, что и не потревожилъ бѣглецовъ.

Часто на волоскѣ отъ открытія, они доѣхали до итальянской границы, и рѣшились на замѣчательно-отважный шагъ: искать убѣжища во Франціи, въ самой берлогѣ льва. Герцогиня Сенъ-Ле (Гортензія) утѣшала себя предлогомъ, въ который она можетъ-быть въ душѣ сама не вѣрила,—а именно, что они пробудутъ въ Парижѣ недолго, пока только сынъ ея совсѣмъ поправится, а затѣмъ возвратятся въ Швейцарію.

Они остановились въ гостинницѣ Голландъ на улицѣ Мира, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Вандомской колонны, воздвигнутой въ память побѣдъ перваго Наполеона. Людовику Наполеону видно было колонну изъ окна. Это была драматическая минута для него: онъ, изгнанный еще въ дѣтствѣ изъ родной земли—потому что побѣды, о которыхъ напоминалъ этотъ памятникъ, измѣнили его дядѣ,—возвращался въ полной силѣ умственныхъ и физическихъ силъ, но тайкомъ, потому что декретъ изгнанія «подъ страхомъ смертной казни» не былъ отмѣненъ.

Французское правительство не знало о пріѣздѣ Гортензіи и ея сына, и даже снабжалось такими невѣрными свѣденіями, что министръ иностранныхъ дѣлъ Себастьяни, въ самый день ихъ пріѣзда, доложилъ королю, будто-бы «по доставленному ему достовѣрному извѣстію герцогиня Сенъ-Ле прибыла въ Корфу.» Каково же было удивленіе, когда нѣсколько дней спустя, лектриса Гортензіи явилась къ флигель-адъютанту д'Удето и сказала ему, что она имѣетъ сообщить его величеству нѣчто важное касательно бывшей королевы голландской. Д'Удето самъ побывалъ у Гортензіи. На слѣдующій день ее посѣтилъ министръ-президентъ, Казимиръ Перье, и она незадумываясь сказала ему: «г. министръ, вспомните, что я — мать. Я видѣла одно средство спасти сына — привезти его во Францію,—и вотъ мы здѣсь. Я сознаю всю опасность, которую навлекъ на насъ этотъ шагъ; жизнь моя и моего сына въ вашихъ рукахъ— берите ее, если вы находите нужнымъ». Министръ ласково отвѣтилъ ей, что если она согласна соблюсти строгое инкогнито, король позволитъ ей пробыть недѣлю въ Парижѣ. Спустя день или два, д'Удето свезъ ее въ тюльерійскій дворецъ къ королю, который, вмѣстѣ съ королевой и принцессой Аделаидой, очень хорошо принялъ ее.

Гортензія, тѣмъ временемъ, измѣнила свои будущіе планы, въ томъ отношеніи, что заявила желаніе отправиться не въ Швейцарію, а въ Англію. Людовикъ Филиппъ въ разговорѣ спросилъ ее о причинѣ этого желанія—и герцогиня отвѣтила съ истинно женской логикой: «я ѣду въ Англію, такъ какъ уже сказала, что туда поѣду, и потому, что больше не знаю куда мнѣ ѣхать. Но я не намѣрена тамъ долго оставаться—и единственная милость, которой я прошу у вашего величества, это дозволить намъ проѣздъ черезъ Францію на обратномъ пути въ Швейцарію. Еще желала бы я жить тамъ подъ покровительствомъ французскаго правительства, потому что вѣдь мы, не смотря ни на что́, все таки французы — и ужасно было бы, еслибы мы были представлены нашимъ отечествомъ совершенно на произволъ преслѣдованій и притѣсненій другихъ правительствъ. Сынъ мой, послѣ того какъ онъ имѣлъ неосторожность принять участіе въ итальянскомъ движеніи, только и можетъ разсчитывать что на покровительство Франціи.»

Король обѣщалъ все, чего желала эта умная женщина, и даже казался расположеннымъ сдѣлать еще болѣе; но обстоятельства, нечаянно сложившіяся или нарочно подведенныя, помѣшали ему исполнить ему свое намѣреніе: бывшую королеву, несмотря на инкогнито, узнали,—и газеты начали толковать о ея появленіи. Къ этому присоединилось еще 5 мая, годовщина смерти Наполеона, которая въ тысячахъ сердецъ вызывала опасныя воспоминанія. Въ этотъ день, передъ глазами Гортензіи и Людовика Наполеона, подножіе Вандомской колонны было многознаменательно украшено кучами гирляндъ и цвѣтовъ, и къ окнамъ ихъ доносились крики «vive l'empereur!» отъ взволнованной толпы.

Была ли эта демонстрація результатомъ мгновеннаго порыва или бонапартистской интриги—во всякомъ случаѣ правительство не могло отнестись къ ней равнодушно. И такъ, Казиміръ Перье явился къ Гортензіи отъ имени короля съ приказомъ безотлагательно выѣхать изъ Парижа съ сыномъ. Выбора, конечно, не было. Принца, еще страдающаго отъ лихорадки, кое какъ усадили въ карету—и они уѣхали въ Англію.

Въ Англіи они оставались не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но эти мѣсяцы не были безплодны для дѣла Наполеонизма. Англичане, гордые своей личной свободой и исполненные чувства независимости, сочувствуютъ всѣмъ жертвамъ политики. Такъ отнеслись они и къ Людовику Наполеону и его матери. Случалось, что къ нему подходилъ простой рабочій на улицѣ и протягивалъ ему руку со словами: «мы теперь всѣ—ваши друзья». Однажды одинъ не взялъ платы за какую-то работу и сказалъ, что онъ гордъ тѣмъ, что могъ быть полезенъ племяннику великаго человѣка.

Людовикъ Наполеонъ употребилъ эти мѣсяцы на ознакомленіе съ англійскимъ бытомъ и нравами, и старался произвести возможно-лучшее впечатлѣніе на возможно-большее число англичанъ. Когда онъ съ матерью уѣхалъ въ Арененбергъ—онъ не предполагалъ, что ему придется возвратиться въ Англію при совершенно другихъ обстоятельствахъ и надолго.

IV. СТРАСБУРГСКОЕ ДѢЛО.

Едва Людовикъ Наполеонъ успѣлъ возвратиться во свояси, политическое искушеніе снова представилось ему,— на этотъ разъ въ образѣ и видѣ польской депутаціи, которая умоляла его «отъ имени націи» стать во главѣ движенія и надѣть на себя польскую корону. Но онъ былъ слишкомъ уменъ и свѣдущъ, чтобы пуститься на такое предпріятіе: онъ съ благодарностью отказался отъ предложенія, объявивъ, что онъ прежде всего принадлежитъ Франціи.

Этотъ случай однако сильно подѣйствовалъ на его самолюбіе, и около этого времени онъ писалъ къ Людовику Филиппу, прося его даровать ему права французскаго гражданина и позволить ему служить отечеству. На это письмо онъ вовсе не получилъ отвѣта. Между тѣмъ, было бы можетъ-быть политичнѣе исполнить его просьбу и запречь его въ бюрократическую колесницу: это могло бы пресѣчь въ самомъ началѣ его политическую карьеру. Онъ нѣкоторымъ образомъ отмстилъ за такое обидное пренебреженіе, бросившись отъ бездѣйствія въ литературную политику. Онъ тогда написалъ: «Политическія мечты и проектъ конституціи» (въ очень либеральномъ духѣ), «Два слова г. де-Шатобріану о герцогинѣ беррійской», «Политическія и военныя замѣтки о Швейцаріи.» За это швейцарскій совѣтъ далъ ему титулъ почетнаго гражданина республики, который ни къ чему его не обязывалъ и не мѣшалъ ему сдѣлаться французскимъ гражданиномъ,

Кромѣ того, бонапартизмъ, его представители и приверженцы въ эту пору (1832 г.) пріобрѣли большее значеніе вслѣдствіе смерти герцога рейхштатскаго, сына Наполеона I, — такъ что братья его, Іосифъ, бывшій король испанскій, и Людовикъ Наполеонъ, отнынѣ могли считаться прямыми наслѣдниками покойнаго императора и преемниками бонапартистскихъ притязаній. Понятно, что на личность аренепбергскаго изгнанника было съ этихъ поръ обращено большее вниманіе, и что съ одной стороны Людовикъ Филиппъ окружилъ его шпіонами, а съ другой—французская демократія старалась вывѣдать его планы и мнѣнія.

О тогдашней домашней жизни въ швейцарскомъ замкѣ даетъ понятіе одно мѣсто «Записокъ Шатобріана».

«Я отправился 29 августа въ Аренснбергъ на обѣдъ. Королева голландская, которую мечъ создалъ и мечъ же низвергъ, выстроила этотъ замокъ, или пожалуй павильонъ, на выступѣ крутаго холма, съ котораго открывается обширный но вовсе непривлекательный видъ на Констанцское озеро — просто разливъ Рейна по луговымъ низменностямъ. Вдоль противоположнаго берега тянутся дремучіе лѣса, отроги Шварцвальда. Нѣсколько бѣлыхъ птицъ носятся по туманному воздуху, гонимыя быстрымъ вѣтромъ. И тутъ-то, на одинокомъ утесѣ, послѣ того какъ она занимала престолъ, поселилась много-бранимая, много-обвиняемая королева Гортензія.

«Недалеко отсюда—маленькій островокъ, на которомъ, гласитъ преданіе, когда-то нашли статую Карла Великаго; и на которомъ теперь нѣсколько канареекъ томятся отъ недостатка солнца ихъ настоящей родины и умираютъ медленной смертью.

«Герцогиня Сенъ-Ле лучше жила въ Римѣ. Но что касается ея рожденія и ея прошлаго, она въ глазахъ свѣта не пала, а возвысилась. Ея кажущееся униженіе зависитъ только отъ случайности. Это не то, что униженіе дофины (герцогини беррійской), свергнутой съ вершины многихъ вѣковъ.

«Послѣ обѣда, герцогиня сѣла за рояль съ г. Коттро, стройнымъ молодымъ живописцемъ съ усами (которые тогда еще не были въ модѣ), въ соломенной шляпѣ и блузѣ съ отложными воротничками, вообще эксцентричнымъ по костюму. Онъ здѣсь шутитъ, стрѣляетъ, пишетъ — и поведеніе его нестолько умно, сколько бросается въ глаза.

Принцъ Луи занимаетъ отдѣльный павильонъ, гдѣ я увидѣлъ множество оружія, топографическихъ и стратегическихъ картъ—что мнѣ, какъ бы невзначай, напомнило великаго завоевателя, хотя имя его не было упомянуто. Принцъ Луи — любознательный, свѣдущій молодой человѣкъ, исполненный строгаго чувства чести и отъ природы серіознаго склада ума».

Въ 1835 г., когда торжество конституціоннаго принципа возвело на португальскій престолъ Донну Марію да Глорія, прелестную молодую женщину,—ея друзья хотѣли было женить на ней Людовика Наполеона. Но онъ съ твердостью, хотя и почтительно, отказался отъ предлагаемаго ему блестящаго нуля—и позаботился о томъ, чтобы причины его отказа сдѣлались извѣстны публикѣ. Онъ напечаталъ въ газетахъ слѣдующую замѣтку: «Нѣсколько газетъ постарались придать вѣроятіе слуху, будто я уѣхалъ въ Португалію съ цѣлью просить руки Доны Маріи. Какъ ни лестно для меня предположеніе такого союза съ молодой, прекрасной и добродѣтельной государыней, вдовой дорогаго мнѣ родственника, однако я считаю долгомъ опровергнуть слухъ, къ которому я доселѣ поведеніемъ своимъ не подалъ ни малѣйшаго повода. Убѣжденный, что великое имя, которое я ношу, не всегда будетъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ причиной къ устраненію меня—потому только, что съ нимъ связана память о пятнадцати достославныхъ годахъ,—я съумѣю спокойно выждать въ свободной, гостепріимной землѣ, пока народъ призоветъ обратно тѣхъ, которыхъ въ 1815 г. изгнали 1.200,000 чужеземцевъ».

Ни Людовикъ Наполеонъ, ни его мать, никогда не переставали вѣрить, что когда нибудь сбудется пророчество ихъ великаго родоначальника,—и кажется, что духъ партій или простая корысть не разъ пользовались этой почти суевѣрной вѣрой, чтобы забраться въ Аренснбергъ. Разсказываютъ, что однажды пріѣхалъ туда нѣкто докторъ Бальи, слывшій за магнетизера. Разговоръ повернулъ на сомнамбулизмъ, ясновидѣніе и на разныхъ медіумовъ; Гортензія выразила желаніе заглянуть въ будущее. Магнетизеръ выбралъ негритянку, находившуюся въ услуженіи у нея, усыпилъ ее магнетическимъ сномъ—и въ этомъ состояніи она объявила, что видитъ Людовика Наполеона плѣннымъ, окруженнаго солдатами, потомъ на дорогѣ въ Америку, наконецъ владыкою великаго народа.—«Какого народа? вѣдь французскаго, не правда ли?» спросила будто бы Гортензія съ большимъ напряженіемъ.—«Да, французскаго», отвѣтила будто-бы ясновидящая.

Два мѣсяца спустя послѣ этой сцены, Людовикъ Наполеонъ уѣхалъ въ Страсбургъ, предпріятіе его лопнуло, его схватили и безъ суда отправили въ Америку. Это предпріятіе, такъ часто порицаемое и осмѣянное, было задумано и устроено въ Баденъ-Баденѣ принцемъ, полковникомъ Водре и г. де Персиньи, въ томъ убѣжденіи, что недовольство настолько велико во Франціи, что не трудно будетъ низвергнуть іюльскую монархію,—

и хотя планъ, противъ ожиданія, не удался, однако еще болѣе выдвинулъ личность представителя бонапартизма и показалъ, что послѣдній во всякое время готовъ требовать того, что считаетъ своими правами. Въ этомъ сумасшедшемъ предпріятіи, кромѣ Паркена, Водре и Персиньи, участвовало весьма немного лицъ: все молодежь, ничего не смыслившая въ политикѣ. Нѣсколько старыхъ генераловъ, служившихъ Наполеону, были приглашены, но не явились.

Людовикъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Арененберга 25 октября 1836 г. Увѣряютъ, что онъ не сообщилъ матери всѣхъ подробностей задуманнаго имъ предпріятія, но что она догадывалась и на прощаніе надѣла ему на палецъ кольцо, которымъ Наполеонъ I обручился съ ея матерью, императрицей Жозефиной,—и сказала ему, чтобы во всѣхъ опасностяхъ онъ смотрѣлъ на это кольцо какъ на талисманъ. По прибытіи въ Страсбургъ, въ ночь 28 октября, принцъ имѣлъ совѣщаніе съ Водре; рѣшено было, что заговорщики въ слѣдующую ночь сойдутся въ одномъ домѣ улицѣ «Des Orphelins», близъ казармы 4-го артиллерійскаго полка. Такъ и было сдѣлано. Утромъ, ровно въ 6 часовъ долженъ былъ разразиться заговоръ.—«Никогда» не разъ впослѣдствіи говорилъ Людовикъ Наполеонъ: «бой часовъ не заставлялъ такъ сильно биться мое сердце, какъ въ это утро. Мгновеніе спустя, отъ сигналовъ артиллерійскихъ трубачей оно забилось еще шибче». Принцъ былъ въ мундирѣ артиллерійскаго офицера, Паркенъ — въ мундирѣ бригаднаго генерала, а г. де Керель—въ мундирѣ батальоннаго командира. Они вошли во дворъ Аустерлицской казармы, гдѣ полковникъ Водре уже выстроилъ своихъ солдатъ. Когда явился принцъ, Водре обнажилъ шпагу и громко сказалъ: «солдаты, въ эту минуту начинается великая революція. Вы видите передъ вами племянника великаго императора Наполеона. Онъ пришелъ завоевать и возвратить французскому народу его права; народъ и армія могутъ на него разсчитывать. Всѣ, кому дороги слава и свобода Франціи, должны собраться къ нему. Солдаты, вы, подобно вашему начальнику, почувствуете всю важность предпріятія, которое мы начинаемъ, равно и святость дѣла, которое мы собираемся защитить. Солдаты, можетъ ли племянникъ императора расчитывать на васъ?» — «Vive Napoléon! Vive l'empereur!» крикнулъ весь полкъ. Принцъ въ свою очередь заговорилъ: «рѣшившись побѣдить или умереть за дѣло французскаго народа, я пришелъ сперва къ вамъ, потому что меня съ вами связываютъ великія воспоминанія. Въ вашемъ полку императоръ, дядя мой, служилъ капитаномъ. Да будетъ вашею слава начать великое предпріятіе, да будетъ вашею честь впервые привѣтствовать Ваграмскаго и Аустерлицкаго орла». Съ этими словами онъ взялъ орла изъ рукъ г. Кереля и прибавилъ: «сохраните этотъ символъ французской славы, онъ имѣетъ быть для васъ и эмблемою свободы. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ велъ отцевъ вашихъ на побѣду, леталъ изъ одной столицы въ другую... Солдаты, хотите собраться подъ этимъ благороднымъ знаменемъ, которое я ввѣряю вашей чести и вашему мужеству? хотите идти со мною на измѣнниковъ и угнетателей нашего отечества, на кличъ: vive la France! vive la liberté!» — «Oui! Oui!» кричали солдаты. Сначала все шло гладко; были отосланы въ разныя стороны отряды съ приказаніемъ распространять прокламаціи, занять мосты, арестовать коменданта крѣпости и командира третьяго артиллерійскаго полка и также префекта Шопена д'Арнувиля. Весь полкъ отправился съ музыкою прямо къ генералу Вуаролю, извѣстному своею преданностью дѣлу Имперіи. Претендента нѣсколько разъ по дорогѣ привѣтствовали возгласы народа, а одна жандармская гауптвахта даже крикнула: «vive l'empereur!» Генералу Вуаролю принцъ сказалъ: «генералъ, я пришелъ къ вамъ какъ другъ; мнѣ больно было-бы водрузить наше старое знамя безъ такого хорошаго солдата. Гарнизонъ—на моей сторонѣ, рѣшайтесь идти за мною».—«Принцъ», отвѣчалъ генералъ: «вы ошиблись; армія знаетъ свой долгъ—и я вамъ это сейчасъ докажу!» Полковникъ Водре тогда выступилъ и сказалъ: «гарнизонъ болѣе не повинуется вашимъ приказаніямъ; вы—плѣнный». Людовикъ Наполеонъ передалъ генерала на руки коменданта Паркена и артиллерійскому пикету, а самъ отправился въ казарму 64 линейнаго пѣхотнаго полка. Къ казармѣ этой вели двѣ дороги: одна—широкая, мимо вала; другая—такая узкая, что едва четыре человѣка могли идти по ней рядомъ. Рѣшено было, что принцъ пойдетъ по первой дорогѣ, чтобы явиться къ казармамъ разомъ съ цѣлымъ полкомъ и новымъ знаменемъ, но начало колоны по ошибкѣ не туда повернуло и очутилось на узкой дорогѣ, вслѣдствіе чего онъ могъ явиться едва съ четырьмястами человѣкъ. 64-й полкъ занимался своими утренними работами, однако сейчасъ-же побратался съ артиллеристами, которые ворвались къ нему съ криками: «vive l'empereur!» Но вдругъ все дѣло приняло иной оборотъ, по милости престранной выдумки одного поручика. «Солдаты!» крикнулъ онъ: «васъ обманываютъ, это не племянникъ императора, а авантюристъ, который дурачитъ васъ и хочетъ погубить!» Полковникъ Тальяндье подхватилъ камертонъ и въ свою очередь объявилъ: «нѣтъ, это навѣрно не племянникъ императора, это племянникъ Водре!» Нашелся и капитанъ, который подтвердилъ тоже, увѣряя что онъ этого человѣка отлично знаетъ. Произошло смятеніе неописанное, сверкали сабли, штыки; пока еще артиллеристы толкались впередъ въ узкомъ проходѣ, предъ ними захлопнули ворота, забили въ барабанъ—*въ атаку*. Въ нѣсколько мгновеній Наполеонъ былъ взятъ вмѣстѣ съ немногими лицами, успѣвшими послѣдовать за нимъ во дворъ. Ихъ отвели на гауптвахту, гдѣ былъ схваченъ и Паркенъ. «Принцъ», сказалъ старый солдатъ: «насъ разстрѣляютъ, но мы съумѣемъ умереть!»

Около недѣли спустя, Людовика Наполеона въ почтовой каретѣ подъ конвоемъ отвезли въ Парижъ, куда онъ прибылъ 11 ноября и былъ тотчасъ же сданъ въ полицейскую префектуру. Полицейскій префектъ Делессеръ объявилъ ему, что его отвезутъ въ Лоріенъ и на французскомъ фрегатѣ отправятъ въ Соединенные Штаты; принцъ энергически протестовалъ противъ этаго распоряженія и объявилъ, что предпочитаетъ идти на судъ своего отечества. Однако черезъ два дня его повезли въ Лоріенъ, посадили на Андромеду и отправили въ Нью-іоркъ.

Какъ вѣренъ былъ въ этомъ случаѣ разсчетъ іюльскаго монарха—видно изъ того, что, вскорѣ послѣ отправленія Людовика Наполеона, судъ присяжныхъ оправдалъ всѣхъ его соумышленниковъ въ Страсбургскомъ дѣлѣ.

Правительство кромѣ того распространило явную ложь, будто бы принцъ самъ просилъ какъ милости—сослать его въ Америку, и далъ честное слово не возвращаться въ Европу въ теченіи десяти лѣтъ. Вся эта исторія не оглашалась до тѣхъ поръ, пока Капфигъ въ 1846 году въ своей «Исторіи Европы» не повторилъ эту

Выданная тайна.
СЪ КАРТИНЫ ЭРДМАНА.

ложь; тогда Людовикъ Наполеонъ отъ 10 ноября 1846 года напечаталъ письмо къ нему, въ которомъ тѣмъ болѣе считалъ своимъ долгомъ протестовать противъ этого вымысла, что правительство даже не требовало у него такого обѣщанія, и въ 1840 г. самъ генералъ-прокуроръ Суда Перовъ долженъ былъ признаться, что освобожденіе Людовика Наполеона произошло безъ всякихъ условій.

Съ этихъ поръ міру стало извѣстно, что есть одинъ Бонапартъ, отъ котораго каждую минуту можно ожидать попытки возвратить себѣ и своему роду французскій престолъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Выданная тайна.

Насколько возможно молодой дѣвушкѣ скрывать подобную тайну—она скрывала и ни разу не проговорилась, что всесильная любовь овладѣла и этимъ сердечкомъ. Дѣло въ томъ, что весьма недавно, въ одномъ изъ тѣнистыхъ уголковъ густаго парка, нѣкто называлъ ее «своей милой» и даже становился передъ нею на колѣни, чего она впрочемъ отнюдь не дозволяла,—но тѣмъ не менѣе вчера уже было порѣшено, что сердца ихъ принадлежатъ одно другому. Сегодня женихъ явится къ ея отцу просить ея руки. Отецъ — предобрый; но до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ своего согласія, никому на свѣтѣ не только вѣдать, но и подозрѣвать не слѣдуетъ о томъ, что́ вчера произошло въ паркѣ.

И какъ въ самомъ дѣлѣ не скрывать, какъ не таить этого! всего шестнадцать лѣтъ—и ужъ невѣста! Одной сестрицѣ лишь тихомолкомъ довѣрилось молодое сердце—и та ни словечкомъ, ни ужимкою до сихъ поръ не выдавала тайны. Правда, кромѣ сестры тайну эту знаютъ еще четыре кузины да шестеро подругъ, но тѣ знаютъ «подъ большимъ секретомъ»—и сохранятъ какъ въ могилѣ.

Все шло хорошо, какъ вдругъ.... ну, можно ли послѣ этого довѣряться дѣвушкамъ?!.. родная сестра проболталась. «Ахъ, да молчи же, ради Бога!... Ну, я прошу!»... Мольба напрасна: вся исторія разсказана дядѣ на ушко — и какъ онъ добродушно посмѣивается, припомнивъ собственную молодость. «Въ шестнадцать лѣтъ!— скажи на милость! Раненько, душечка, раненько!»..

Таково содержаніе картины Эрдмана, снимокъ съ которой прилагается на стр. 237.

Фельетонъ.

Разнохарактерность петербургскихъ сезоновъ. — Серіозная физіогномія текущаго сезона. — Его черты. — Публичныя курсы: а) въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, б) въ клубахъ. — Мода и ея сила. — Чего можно требовать отъ общественныхъ лекцій.

Одна зима въ Петербургѣ не похожа на другую; каждый сезонъ носитъ свой отпечатокъ, имѣетъ свой характеръ, отличающій его въ ряду другихъ сезоновъ и опредѣляющійся тѣмъ, какого рода интересами въ теченіи его живетъ общество, чѣмъ оно тревожится, чему радуется и печалится. Въ Петербургѣ (который, какъ извѣстно, отличается нравственной удободвижностью общества) перемѣны въ общественныхъ настройствахъ и мотивахъ случаются особенно часто, а потому и разнообразіе въ характерахъ сезоновъ очень велико. Переходы отъ восторга къ унынію, отъ глубокомыслія къ игривости и обратно—отъ легкомыслія къ видимому серіозу — совершаются нами съ большою легкостью.

Текущій зимній сезонъ подходитъ къ концу. Съ какой же физіогноміей останется онъ въ памяти наблюдательныхъ современниковъ? Нѣтъ сомнѣнія, что съ очень серіозной: тщетно сталъ бы фельетонистъ искать въ настоящую минуту въ общественной жизни матеріаловъ характера легкаго, игриваго, вызывающихъ беззлобный смѣхъ и веселую шутку; такихъ не обрѣтается. Кругомъ и дѣлаются и говорятся все вещи серіозныя или «вызывающія на серіозныя размышленія» — употребляя казенно-литературное выраженіе. Такая линія вышла для Петербурга съ самаго начала зимняго сезона; сначала открывались разныя выставки, потомъ пошли юбилеи въ ужасающемъ количествѣ, тамъ процессы съ десятками подсудимыхъ (въ нѣсколько дней засѣданія и въ сотню газетныхъ столбцовъ изложенія), лекціи, курсы и чтенія разныхъ степеней скуки и дѣльности, различные вопросы въ газетахъ, вопросъ о самихъ газетахъ, предостереженія, пожаръ Мстинскаго моста, биржевой кризисъ, убійства у насъ и въ Парижѣ, наконецъ слухи о прокламаціяхъ и арестахъ, адресы нѣмецкіе и проч. и проч. До смѣха ли тутъ? Если что въ перечисленныхъ здѣсь явленіяхъ и казалось комунибудь радостнымъ, то характеръ этой радости былъ или возвышенный, торжественный,—каковый, наприм., присущъ безспорно радости юбилейной,—или характеръ зло-радостный, порождаемый видомъ чужаго несчастія или затрудненія.

Чувствуя себя мало способными и на то и на другое настроеніе, мы и не станемъ кривить насильно лицо ни въ улыбку умиленія или восторга, ни въ выраженіе злостной радости, а будемъ трактовать спокойно о предметахъ спокойныхъ. Это, во-первыхъ, совершенно прилично въ тѣ дни поста, которые мы теперь переживаемъ, а во-вторыхъ, совершенно подойдетъ подъ общее настроеніе. Лучшимъ, характернѣйшимъ выраженіемъ этого настроенія, мы считаемъ во множествѣ открывшіеся въ этомъ году въ Петербургѣ лекціи, курсы, чтенія и бесѣды, усердно посѣщаемые петербуржцами. Читаютъ ученые и любители, мужчины и женщины (впрочемъ, покуда одна), о предметахъ самыхъ разнообразныхъ,—читаютъ хорошо, читаютъ и дурно, но всѣ обрѣтаютъ себѣ слушателей. Не утѣшительное ли это явленіе? Изъ всѣхъ лекцій наиболѣе полезнымъ и прочнымъ дѣломъ считаемъ мы устройство публичныхъ чтеній изъ нѣкоторыхъ предметовъ университетскаго курса, факуль-

тетовъ естественнаго и историко-филологическаго, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣло это поставлено, какъ кажется, очень хорошо: курсы носятъ строго-научный характеръ, слѣдовательно, дѣйствительно имѣютъ значеніе образовательное, а не являются баловствомъ дилетантовъ или однимъ изъ средствъ времяпрепровожденія для свѣтскихъ людей; сверхъ того, они общедоступны во всѣхъ смыслахъ, т. е. открыты и для женщинъ наравнѣ съ мужчинами (женщины составляютъ даже большинство въ аудиторіяхъ, для нихъ-то преимущественно, по ихъ почину, ихъ хлопотами и устроилось это дѣло); общедоступны курсы и по своей цѣнѣ, умѣренной до крайности, не отяготительной для кармана даже самого бѣдняка. Что еще рекомендуетъ публичные курсы съ хорошей стороны — это ихъ тихое и скромное начало. Они открылись безъ всякихъ громкихъ словъ, воззваній, а это не малая рѣдкость и заслуга у насъ, столь тароватыхъ на слово и скупыхъ на дѣло, у которыхъ столько хорошихъ начинаній разрѣшается ничѣмъ, столько прекрасныхъ стремленій отправляется ежедневно умощать собою адъ—изъ-за любви нашей къ формѣ въ ущербъ содержанію, изъ-за способности нашей покричать, порисоваться, посуетиться да на томъ и успокоиться.

При этой падкости на внѣшній блескъ и охотѣ всю жизнь играть въ игрушки, воображая, какъ дѣти, что дѣлаемъ серіозное дѣло,—при этой необходимости всячески «развлекаться», вмѣсто того чтобы сосредоточиваться на чемъ-нибудь одномъ достойномъ, — понятно, какое значеніе должна имѣть для насъ мода. Она царитъ надъ нами всевластно. Мы ея покорные рабы, а часто и мученики. Ничто не уходитъ отъ ея вліянія; оно сказывается въ самыхъ различныхъ проявленіяхъ жизни, даже въ такихъ, въ которыхъ съ перваго раза и не вздумалось бы ее искать и вовсе не желательно было бы встрѣтить. Такая же мода какъ на платье—существуетъ и на мысли, слова, поступки человѣка; даже такія свободныя-повидимому душевныя явленія какъ чувства— и тѣ подчиняются въ извѣстной степени модѣ; такъ, въ каждое время существуетъ мода предпочтительно на извѣстныя чувства, или, по крайней мѣрѣ, на извѣстный способъ ихъ выраженія, на манеру, такъ-сказать, или покрой чувства. И такая мода очень заразительна; человѣкъ ей слѣдуетъ, самъ того не замѣчая, вполнѣ убѣжденный, что онъ остается при этомъ искреннимъ и оригинальнымъ, и что это только другіе подражаютъ, а не онъ. Въ этомъ, между прочимъ, лежитъ причина, почему такъ мало людей оригинальныхъ, или что тоже— истинно-искреннихъ. Если человѣкъ способенъ самъ себя обманывать, хитрить съ самимъ собою, если ему порою трудно отъ самого себя допроситься правды,—какъ же хотѣть, чтобы онъ далъ эту правду другимъ? Поэтому, для того чтобы опредѣлить значеніе или достоинство какого-либо явленія, изъ жизни-ли общественной или индивидуальной, надо прежде всего отдѣлить въ данномъ фактѣ зерно отъ плевелъ, искреннее отъ напускнаго, оригинальное или дѣйствительное отъ моды,—и разсуждать только о первомъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову все-же по поводу лекцій, хотя и не тѣхъ, о которыхъ мы только что говорили, а другихъ, читаемыхъ въ залахъ различныхъ клубовъ.

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, оглядывая многочисленную публику, въ нѣсколько сотъ человѣкъ (съ замѣтнымъ перевѣсомъ женщинъ), собравшуюся на слушаніе какой-нибудь лекціи,—и замѣчая, съ какимъ трудомъ борятся многіе изъ этихъ внимательныхъ слушателей и слушательницъ со сладкимъ сномъ, смежающимъ ихъ вѣжды,—какъ, говоримъ, не усумниться, что не одна возвышенная любовь къ наукѣ собрала ихъ сюда,—не подумать, что въ этой аудиторіи приносятся вмѣстѣ съ наукой усердныя жертвы и модѣ.

Вотъ, напримѣръ, сидитъ прехорошенькая и изящная женщина—это по мнѣнію ея знакомыхъ полнѣйшее осуществленіе «фру-фру» первыхъ актовъ; самъ авторъ остался бы доволенъ такимъ воплощеніемъ своего образа. Какъ странно и смѣшно то напряженно-серіозное и усталое выраженіе ея красиваго личика, съ которымъ она вотъ уже полтора часа слушаетъ объ Олегѣ и Игорѣ и ихъ скучныхъ договорахъ съ греками. И за что она, бѣдненькая, мучится? Въ другой разъ, съ изумленіемъ вижу, какъ плыветъ по залѣ, въ сопутствіи двухъ своихъ дщерей, одна дородная и добрѣйшая помѣщица, до сихъ поръ считающая на ассигнаціи, освѣдомляющаяся сколько у инаго землевладѣльца душъ крестьянъ, и ничего кромѣ «Полицейскихъ Вѣдомостей» не читающая, — плыветъ и садится въ первыхъ рядахъ и прямо противъ каѳедры, уставленной разными сосудами, стклянками и трубочками съ какими-то жидкостями и препаратами различныхъ органовъ и частей животныхъ.

«Благодѣтельница!» восклицаю, подходя къ ней: «куда вы это? какими это вы судьбами?»—«Чего, батюшка мой, разахался?» отвѣчаетъ она мнѣ: «самъ видишь, кажется, куда; пріѣхала вотъ послушать объ этихъ, какъ ихъ тамъ, простительныхъ процессахъ у животныхъ...» «Растительныхъ, maman,» поправляетъ дочка.—«А вамъ какъ нравятся эти лекціи?» освѣдомляюсь я у дочки.— «Ахъ, charmant!» отвѣчаетъ она мнѣ.

Но все это ничего дурнаго въ себѣ не заключаетъ. Пускай и указанные нами субъекты и многіе другіе ѣздятъ на лекціи, такъ же какъ ѣздятъ они въ концерты и спектакли, — отъ этого можетъ выйти только польза: небольшая нравственная для нихъ самихъ и матеріальная для тѣхъ клубовъ, которымъ они даютъ средства устроивать чтенія и тѣмъ оказываютъ дѣйствительную пользу и услугу желающимъ серіозно учиться. Хорошая мода лучше скверной оригинальности—и надо позаботиться только о томъ, чтобы она не была слишкомъ скоротечна, чтобы она обратилась изъ моды въ привычку, а затѣмъ и въ потребность общества. Достигнуть-же этого можно, стараясь дѣлать эти чтенія какъ можно болѣе интересными и продуктивными для публики. Для этого не малымъ условіемъ является талантливость лекторовъ, способность живо, просто и ярко излагать свой предметъ, не путаясь въ ненужныхъ и неумѣстныхъ подробностяхъ, а останавливая вниманіе слушателей только на существеннѣйшихъ сторонахъ дѣла. Но кромѣ личной талантливости чрезвычайно важенъ и выборъ самаго предмета для чтеній. Предметъ этотъ долженъ уже самъ по себѣ возбуждать интересъ въ обществѣ—или тѣмъ что имѣетъ какое-либо соприкосновеніе съ дѣйствительностью, или новизною содержанія. При этомъ желательно, чтобы весь курсъ представлялъ нѣкоторую цѣльность и замкнутость, являлся полнымъ и округленнымъ изложеніемъ отдѣльнаго самостоятельнаго вопроса, а не случайно вырванной изъ науки главою. Тогда, нѣтъ сомнѣнія, залы лекцій не будутъ пустѣть, даже послѣ того какъ поутихнетъ мода,—и публичные курсы станутъ обычнымъ и постояннымъ явленіемъ петербургской жизни, чего не нельзя не пожелать.

Смѣсь.

Помѣшательство. Сообщено изъ Гифтгорна о слѣдующемъ случаѣ. Здѣсь всѣ взволнованы происшествіемъ, неслыханнымъ въ XIX вѣкѣ. Въ Диддерзее, въ округѣ Гифтгорнъ, на разстояніи часоваго пути отъ села, въ одиноко стоящемъ домѣ, живетъ крестьянская семья: мужъ съ женой, двѣ дочери 19 и 11 лѣтъ и сынъ 17 лѣтъ. Всѣ члены этой семьи сдѣлались жертвами умопомѣшательства. Жену, нѣсколько недѣль тому назадъ, укорили въ томъ, что будто-бы она испортила коровъ, принадлежащихъ одному знакомому семейству изъ сосѣдей. Съ тѣхъ поръ въ головѣ несчастной засѣла мысль, что она—колдунья. Вся ея семья раздѣляетъ это убѣжденіе, отдаетъ въ лицѣ ея почетъ злому духу, но старается изгнать его. Послѣ пятидневнаго поста, они выбросили всѣ предметы, о которыхъ вообразили, что къ нимъ прикоснулся нечистый,—въ огонь, разведенный на дворѣ. Сбѣжавшихся сосѣдей не пускали и угрозами отгоняли. Когда въ воскресенье, 5 декабря, пріѣхалъ окружной врачъ, сосѣди его впустили въ домъ одного. Вся семья бросилась на него, отецъ хватилъ бы его полѣномъ по головѣ, еслибы вбѣжавшіе крестьяне не помѣшали ему. Подробности, которыя врачъ развѣдалъ, не оставляютъ сомнѣнія въ помѣшательствѣ этихъ бѣдныхъ людей. Весьма вѣроятно, что самое хозяйку бросили бы въ огонь, для изгнанія злаго духа, если бы не вмѣшались посторонніе. Докторъ велѣлъ разлучить членовъ семьи, но не оказалось возможности исполнить этого. Къ нимъ приставили сторожей, четырехъ дюжихъ парней, но семейство ночью сдѣлало вылазку, разогнало ихъ, и подожгло домъ. Придется вступиться полиціи ради общественной безопасности.

Новый ковчегъ.—Не только изъ Италіи и Венгріи—изъ Шотландіи тоже доходятъ слухи объ опустошеніяхъ, произведенныхъ сильными, продолжительными дождями. Одна бѣдная старуха, въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ Шотландіи, до того испугалась безпрерывныхъ ливней, что убоялась вторичнаго потопа. Она, какъ истая шотландка, конечно по пальцамъ знала Ветхій Завѣтъ,—слѣдовательно знала очень хорошо, что Іегова обѣщалъ патріарху Ною, что міръ не будетъ вторично потопленъ небесными потоками. Но дождь лилъ себѣ да лилъ, такъ что бѣдная старушка совсѣмъ съ толку сбилась и на всякій случай рѣшилась послѣдовать примѣру патріарха, насколько ей позволяли средства. Она собрала въ узелокъ свой скудный запасъ бѣлья и нѣсколько платьишекъ, прихватила нѣсколько фунтовъ овсяной муки, для изготовленія неизбѣжной національной шотландской каши—porridge, уложила все это въ старый ларь изъ подъ муки, сама въ него сѣла, взявъ на руки свою любимую кошку,—и стала ждать минуты, когда ковчегъ ея поплыветъ по водамъ. Двѣ ночи и одинъ день высидѣла она—и вѣроятно еще долго просидѣла бы, если бы братъ ея по истеченіи этого времени случайно не завернулъ навѣстить ее. Онъ услышалъ ея голосъ—оттого и нашелъ ее. Она вслухъ молилась и между прочимъ говорила: «о, Господи, ты хотя и обѣщалъ не губить болѣе міръ потопомъ, но меня все таки беретъ сомнѣніе!»—Брату насилу удалось уговорить эту оригинальную христіанку (глубоко вѣрившую, что Богъ говорилъ съ Ноемъ, но не совсѣмъ вѣрившую его словамъ) возвратиться къ себѣ въ домъ.

Опредѣленіе брака.—Въ одномъ католическомъ училищѣ, священникъ, экзаменуя цѣлый классъ въ законѣ божьемъ, передъ первымъ причащеніемъ, спросилъ дѣвочку, одну изъ лучшихъ ученицъ: «что такое таинство брака?»—Она не запинаясь отвѣтила: «это мытарство, въ которомъ душа приготовляется къ вступленію въ другой, лучшій міръ». «Она перепутала съ чистилищемъ!» въ сильномъ негодованіи воскликнулъ школьный учитель, онъ же и мѣстный приходскій священникъ: «я ее переведу на послѣднее мѣсто». «Оставьте ее», добродушно заступился священникъ: «почемъ мы съ вами знаемъ—можетъ-быть она и совершенно права».

Мейерберъ и Галеви. Въ Парижѣ, въ «grand Opéra» собирались поставить опять оперу «Карлъ VI». Съ 1848 г. этой оперы въ Парижѣ не давали. Почему? Публика говорила, что не давали ея изъ-за знаменитаго хора:

«guerre aux tyrans, jamais en France
Jamais l'Anglais ne régnera».

(Война тиранамъ! Никогда во Франціи не будутъ владычествовать англичане).

Начальство же увѣряло, будто-бы не давали ея оттого, что декораціи сгорѣли. Декораціи, однако, видно отыскались. По поводу этого сгорѣнія, г. Лафаркъ въ «Figaro» разсказываетъ исторію, которую онъ слышалъ-де отъ самаго Галеви. Въ 1859 г. объявили знаменитому композитору, что въ кладовыхъ театра «grand Opéra» сдѣлался пожаръ, и сгорѣли декораціи ко всему репертуару Галеви: «Карлу VI» «Еврейкѣ,» «Королевѣ Кипрской» и пр. Галеви, встрѣтившись съ государственнымъ министромъ Ахилломъ Фульдомъ, выразилъ ему сожалѣніе, что нельзя будетъ болѣе давать его оперъ. «Почему?» спросилъ удивленный министръ.—«Декораціи сгорѣли».—«Всѣ? Этого быть не можетъ!» Они разстались, а на слѣдующій день, къ великому изумленію композитора, была объявлена «Еврейка». Дѣло въ томъ, что министръ велѣлъ справиться, что̀ именно случилось,—и оказалось вовсе не то, что декораціи сгорѣли, а то, что Мейерберъ, прежде чѣмъ согласился отдать свои пьесы въ «grand Opéra», поставилъ условіемъ, чтобы репертуара Галеви больше не давали»—«Вотъ что значитъ быть великимъ композиторомъ», замѣтилъ Фульдъ, который послѣ этого далъ Галеви командорскій крестъ ордена почетнаго легіона. Первое поздравленіе Галеви получилъ отъ Мейербера, который называлъ его въ письмѣ своемъ «знаменитый, дорогой маэстро...»

Аплодисменты невпопадъ.—Въ одномъ французскомъ провинціальномъ городѣ должна была идти на театрѣ пьеса, имѣвшая большой успѣхъ въ Парижѣ. Вдругъ актеръ, которому была отдана главная роль—заболѣваетъ. Какъ быть? Имѣлся еще одинъ актеръ, но онъ не могъ явиться на сцену безъ того, чтобъ не быть освистану. Однако директоръ, скрѣпя сердце, просилъ его взять на себя роль заболѣвшаго товарища. Бѣднякъ поежился, но наконецъ согласился. Не все ли равно ему было быть ошиканнымъ въ той или другой пьесѣ? Наступаетъ вечеръ перваго представленія. Какъ только показывается злополучный артистъ, публика по обыкновенію начинаетъ шикать,—впрочемъ, заинтересованная пьесой, слушаетъ его. Немного погодя раздается ропотъ одобренія, еще погодя слышится кое-гдѣ «браво!», наконецъ когда занавѣсъ опускается послѣ перваго дѣйствія—громъ рукоплесканій—актера вызываютъ! Онъ входитъ блѣдный, съ отчаяніемъ на лицѣ. «Господа!» обращается онъ къ публикѣ: «такъ какъ я былъ увѣренъ, что буду имѣть несчастіе не понравиться вамъ, то я полагалъ, что вы мнѣ едва дадите доиграть первое дѣйствіе... это единственное, которое я разучилъ... изъ остальныхъ двухъ я не знаю ни слова...»

Почтовый ящикъ.

Редакція покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ, мѣняющихъ свое мѣстожительство, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ ея о перемѣнѣ прежняго адреса прилагать 30 коп. на типографскіе расходы по печатанію новаго.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 10 Апрѣля 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(ПРЕМІЯ ВЪ 1000 РУБЛЕЙ).

I.

Русскій полонъ.

На луговомъ берегу низовьевъ Волги стоялъ базаръ. За широкимъ воднымъ пространствомъ привольно раскинувшейся рѣки—слабо рисовались постепенно-сглаживающіяся волнистыя очертанія горнаго берега, а по огромному степному простору разсыпалось безчисленное множество шатровъ или, какъ тогда говорили, *ставокъ*; армяне, греки, жиды, индѣйцы, хивинцы, хозары, итальянцы, русскіе—раскладывали на скамьяхъ и ларяхъ, на шестахъ развѣшивали всевозможные товары, большею частью разумѣется награбленные татарами въ подвластныхъ Ордѣ областяхъ. Тутъ было довольно всего; въ полномъ смыслѣ — чего хочешь, того спрашиваешь: ткани и мечи, книги и сапоги, скотъ и парча, а сверхъ того и невольники. Главный торговецъ невольниками былъ нѣкто Ицекъ Гамбургеръ, добродушнѣйшее на свѣтѣ созданіе, краковскій жидъ. Этотъ человѣкъ былъ вѣчно оборванъ, до невозможности грязенъ, вѣчно навеселѣ и вѣчно за молитвой. Невольниковъ Ицекъ Гамбургеръ скупалъ только русскихъ; когда татары дѣлали набѣгъ на русскія княжества, то они набирали плѣнныхъ прямо для Ицека, во первыхъ потому что Ицекъ ссужалъ ихъ въ долгъ (разумѣется, за невѣроятные проценты) всякой дрянью, а преимущественно греческимъ виномъ, которое онъ доставалъ откуда-то по неслыханно-дешевой цѣнѣ,—а во вторыхъ потому что изъ торга русскихъ полономъ онъ, какъ ниже увидимъ, сдѣлалъ себѣ особый промыселъ.

Въ одно изъ первыхъ чисел сентября 1319 г. Ицекъ всталъ по обыкновенію очень рано, плеснулъ на себя водой чтобъ совершить обрядъ умовенія, хотя онъ никогда даже не умывался, покачался часа полтора въ своей драной ставкѣ, распѣвая молитвы и въ то-же время зорко поглядывая, всѣ-ли невольники у него на лицо, и обдумывая, нельзя-ли сегодня совершить какой нибудь особенно удачной сдѣлки. Затѣмъ, закутанный въ старую и также драную ризу, накинутую поверхъ какого-то, тоже дранаго, кафтанишки съ тридцать третьяго плеча, и обутый въ туфли изъ кожи, вышелъ онъ къ своему товару.

Товаръ этотъ представлялъ весьма печальную картину. Невольники были большею частью мужчины, потому что женщинъ, особенно молоденькихъ, Ицекъ находилъ особенно выгоднымъ сбывать сосѣдней черемисѣ,

болгарамъ, хозарамъ,—въ жены или просто въ работницы; затѣмъ, что оставалось и что было получше и посвѣжее — онъ отправлялъ въ Самаркандъ. Оставались у него мужчины—и то разумѣется только тѣ крѣпкіе люди, которые могли сдѣлать походъ, почти что безъ отдыха, при невозможно дрянной пищѣ, откуда нибудь изъ Рязани или изъ Ярославля куда-нибудь къ мѣстностямъ нынѣшняго Таганрога или Астрахани. При этомъ, само собою разумѣется пѣшемъ, хожденіи, подъ ударами татарской нагайки, пища давалась такая, какая попадется, т. е. большею частью усталый и отсталый скотъ или даже просто на просто — падаль. Невольниковъ Ицекъ запиралъ на ночь въ деревянныя колодки, т. е. въ распиленное бревно, въ которомъ были понадѣланы круглыя отверстія, достаточныя, чтобы въ нихъ просунуть ногу выше ступни. Въ каждое бревно запиралось человѣкъ по десяти по пятнадцати, и затѣмъ имъ предоставлялось сидѣть, спать подъ открытымъ небомъ на голой землѣ, безъ всякихъ другихъ удобствъ—какъ сами съумѣютъ, а также и безъ всякихъ стѣсненій. Одежды у нихъ такъ-же не было, покрайней мѣрѣ крѣпкой, потому что татары снимали съ нихъ по дорогѣ все годное платье и продавали или пропивали въ той-же Ордѣ, у тѣхъ-же Ицековъ, Янкелей, Шмулей, Шулемовъ, Христани, Василаки, Карабетовъ и т. п. личностей, такъ что нарядъ невольниковъ состоялъ изъ тряпокъ, изъ обрывковъ рогожъ,—изъ всего, что можно было подобрать на улицѣ Орды, связать узелками и попадѣвать на себя. Пища ихъ была тоже не роскошна; Ицекъ посылалъ ихъ партіями просить милостыни и подбирать всякіе объѣдки, которые валялись въ изобиліи около ставокъ богатыхъ татаръ, купцовъ, иностранцевъ, около ханской поварни,—и наконецъ прикупалъ (а большею частью вымѣнивалъ на разную дрянь) больную скотину. Кромѣ того, онъ принималъ всякіе подряды для ордынской знати, для пріѣзжихъ,—строить, копать, шить, переносить тяжести, что ему обходилось очень дешево, такъ какъ никому онъ, разумѣется, жалованья не платилъ. Сегодня онъ вышелъ изъ ставки, гдѣ у самого у него, кромѣ кучи камышу, нѣсколькихъ грязныхъ войлоковъ и четырехъ огромныхъ боченковъ греческаго вина, ровно ничего не было—не считая разумѣется небольшихъ денегъ, зарытыхъ какъ-то очень мудрено подъ сорокапудовой бочкой. Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на лица просыпающихся. Ему показалось, что лица эти даже пополнѣли, оттого что вчера онъ угостилъ ихъ *цѣлой половиной* верблюда, купленнаго у живодера. Верблюжье мясо, какъ извѣстно, особенной мягкостью не отличается, но плѣнники ѣли его съ такимъ наслажденіемъ и такъ хвалили—и такъ благодарили хозяина, что вчерашній день былъ для Ицека однимъ изъ счастливѣйшихъ во всей жизни, и онъ питалъ смутную надежду, что можетъ быть сегодняшній день Богъ его наградитъ за вчерашнюю добродѣтель.

— И ну! заговорилъ онъ, весело хлопая въ ладоши,—и ну! и чего же вы не встаете!? День такой хорошій: солнце встало, и ханъ всталъ, и всѣ *нояны* встали, и всѣ купцы встали, и я-самъ, Ицекъ Ашкеназъ, также всталъ.

— Здравствуй, Ицка! кричали нѣсколько человѣкъ:—какъ спалъ, какъ почивалъ?

— А я хорошо спалъ, и я видѣлъ добрый сонъ...

— Ну ужь, — сказалъ одинъ парень, съ вялымъ сонливымъ выраженіемъ лица, протиравшій глаза огромными кулаками,—хоть-бы разъ тебѣ недобрый сонъ приснился!.. сны видишь добрые, а дѣло на ладъ не идетъ.

— И нѣтъ! не говори! сказалъ Ицекъ:—не говори! Я сегодня видѣлъ во снѣ, что вы молились святымъ Фролу и Лавру—и будутъ они посылать вамъ какого-то важнаго, очень важнаго человѣка, чтобы васъ выкупить домой.

— А чтоже, братцы, сказалъ одинъ невольникъ,—а вѣдь оно и вправду можетъ статься—мы всѣмъ святымъ молились, только не молились этимъ двоимъ. И то сказать, кто ихъ разберетъ, какой Богъ сильнѣе теперь помогаетъ. Новгородцы вонъ говорятъ, что самый сильный Богъ на свѣтѣ—Софія, а у другихъ вонъ Покрова, а у третьихъ Борисъ и Глѣбъ. Въ Твери св. Спасу вѣру имѣютъ...

— Самый сильный Богъ теперь, сказалъ одинъ старикъ, — будетъ царевъ Богъ, Бахметъ басурманскій. Кабы онъ не былъ самый сильный—царь Азбякъ ему бы не вѣрилъ. Царь Азбякъ и умный человѣкъ, и силы большой; сказываютъ, онъ—самый вольный царь на свѣтѣ.

— Нѣтъ, не правда, отвѣчалъ ключникъ:—самый вольный царь на свѣтѣ—это цѣсарь нѣмецкій.

— И нѣтъ, и вотъ не правда, сказалъ Ицекъ:—нѣмецкій царь Людовикъ подъ папежемъ римскимъ ходитъ—а это я вѣрно знаю. Третьяго дня пріѣхалъ сюда изъ Рима одинъ нашъ раввинъ, — ой-ой, какой умный человѣкъ!—такъ это онъ мнѣ говорилъ...

— А папежъ какому Богу молится? спрашивали любопытные.

— Да ты бы выпустилъ насъ, Ицекъ, хоть немножко протянуться.

— Чтожь, можно! отвѣчалъ Ицекъ, растегивая бревна,—и вы знаете, что Ицекъ хорошій хозяинъ—только Ицекъ бѣдный человѣкъ.

— Да что, Ицекъ, говорили въ толпѣ, — мы про тебя что-жь? ты ничего—твое дѣло сторона. А что, твоей верблюжатины поганой не осталось еще? Что-то животъ подергиваетъ.

— И какъ-же не осталось? отчего не осталось? лепеталъ Ицекъ:—и когда у Ицека есть, такъ и у васъ есть. Вотъ пускай старосты пойдутъ и огонь разведутъ—и мы будемъ пировать. И вамъ будетъ весело, и мнѣ будетъ весело, и всѣмъ будетъ весело!.. старосты плѣнниковъ, расправляя суставы, поднялись и заходили въ толпѣ, которая все потягивалась и перепрыгивала съ ноги на ногу, отъ утренняго холода и чтобы размять окоченѣвшіе въ колодкахъ члены.

— Покойниковъ какъ будто сегодня и нѣтъ!.. сказалъ кто-то, недоумѣвая.

— Нѣтъ, кажись никто не умеръ: только Алексѣй да Прохоръ не встаютъ, знать не въ моготу стало, сказалъ одинъ плѣнникъ, самъ истощенный до невозможности, и затянулъ пѣсню.

Эхъ ты матушка голубушка,
Ты неволюшка татарская,
Ты колодушка дубовая,
Ужь ты плетушка шелковая!..

Пѣсню эту стали подтягивать другіе, какъ вдругъ раздался голосъ ключника.

— Братцы, а что мы все толкуемъ, что христіане—а молиться-то и не стали! Чего добраго, этакъ и въ конецъ пропадемъ.

— А и то дѣло: давай молиться, братцы. Все оно

занятнѣй! сказалъ сонливый парень, прозывавшійся почему-то Суетою.

— Какъ-бы, братцы, это сдѣлать? говорятъ, что молебны очень много помогаютъ въ неволѣ, а вѣдь мы ни одного не отслужили.

— Попросить здѣшняго владыку, чтобъ попа къ намъ прислалъ,—можетъ и въ долгъ повѣрить.

— А и чтожь, сказалъ Ицекъ,—я самъ пойду къ владыкѣ, такъ и скажу владыкѣ: «дай попа!»... и вдругъ Ицекъ засуетился: его озарила счастливая мысль.—И знаете, что я сдѣлаю, сказалъ онъ, мудро подымая брови,—я скажу владыкѣ, что-бы попъ почаще сюда ходилъ и что-бы приносилъ съ собою свои ризы и тамъ что надо; пускай онъ молится, и вы пускай молитесь, и отъ этого вамъ будетъ веселѣе, и отъ этого и Петръ митрополитъ и вся Русь узнаетъ, что вы какъ слично христіанами стали, и выкупать будутъ васъ больше, и отъ этого вамъ будетъ хорошо и мнѣ будетъ хорошо, и всѣмъ будетъ хорошо!—А я-же вамъ добра хочу,—я бѣдный, только добрый человѣкъ.

— Ай-да любо, Ицка! заговорили въ толпѣ,—вотъ жаль, что ты жидъ, а то право душа ты человѣкъ! у тебя даже въ неволѣ живешь—и то утѣха есть.

— Ну такъ молиться стало быть, братцы?

— Молиться.

— Все это персты-то слагать не могу приноровиться, жаловался одинъ приземистый человѣкъ изъ нижегородцевъ.

— Да ты вотъ такъ, училъ его другой, топыря ему пальцы на всевозможные лады.

— Постой, сказалъ ключникъ,—я тебѣ сейчасъ приноровлю!

Онъ взялъ мочалочку, связалъ ему пальцы какъ слѣдуетъ, и сталъ показывать ему какъ креститься. Затѣмъ, всѣ повернулись лицомъ къ востоку, а ключникъ сталъ читать на память: «Отче нашъ», «Богородицу», «Вѣрую»; «Херувимскую» пропѣлъ, «Да воскреснетъ Богъ» пропѣлъ, и попеременно то пѣлъ, то читалъ, путая слова и сбиваясь на каждомъ шагу, тѣ молитвы, которыя удавалось ему слышать на родинѣ.

Дѣло въ томъ, что въ описываемое нами время христіанство еще не было вполнѣ принято русскимъ народомъ. До начала XVIII вѣка простой народъ жилъ почти языческою жизнью. Только строгія мѣры, введенныя «Духовнымъ Регламентомъ» Петра Великаго, окончательно водворили у насъ христіанство, которое и то колеблется остатками языческихъ вѣрованій и обрядовъ, встрѣчающихся у нашихъ темныхъ сектъ. Христіанство приняли у насъ разомъ князья, бояре, дружина; въ народъ оно проникало постепенно. Вообще, насильственно къ намъ ничего не прививалось. Мы сами, въ лицѣ своего собственнаго правительства, заимствовали у нашихъ сосѣдей вѣру, образованіе, науку, и можетъ-быть потому у насъ не развилось западнаго миссіонерства. Татарская неволя и спасители Руси, въ родѣ митрополитовъ Петра, Алексѣя, въ родѣ Радонежскаго чудотворца и благочестивыхъ князей московскихъ, ставшихъ во главѣ народа и сдѣлавшихся знаменемъ народности, православія,—мало по малу привели простонародіе наше къ сознанію, что оно христіанское, или, какъ выражались въ XIV вѣкѣ, болѣе согласно съ законами славянскаго языка—*крестьянское*. Чтобы опереться на церковь, которая спасла Русь, нужно было быть крестьяниномъ—и потому татарская неволя (какіе бы Шмули, Ахметы ни владѣли полономъ) только содѣйствовала развитію чувства народности и, перемѣшивая населенія разныхъ княжествъ въ одно цѣлое, соспѣшествовала сліянію всѣхъ мѣстныхъ говоровъ и мѣстныхъ вѣрованій въ одно общее, такъ-называемое теперь—Русское.

Покуда полонъ молился, покуда ставили котлы и разваривали ту-же жесткую верблюжатину, Ицекъ побѣжалъ, разумѣется надававъ кучу предостереженій десятку татаръ, состоявшихъ у него на жалованьи въ званіи караульныхъ за полономъ. Этотъ десятокъ татаръ оберегалъ двѣсти слишкомъ русскихъ; а русскіе почти никогда не бунтовались противъ Ицека и подобныхъ ему торговцевъ: во первыхъ, потому что ихъ сейчасъ-бы перебили всѣхъ поголовно; во вторыхъ, потому что уйти было некуда—кругомъ глухая степь, гдѣ можно если не умереть съ голоду то попасть въ новый полонъ; а въ третьихъ потому, что вслѣдствіе врожденнаго славянскому характеру добродушія и склонности дѣйствовать міромъ, русскіе составляли какъ бы одно цѣлое — и тѣ, кому удалось бѣжать, бродили по степи и въ горахъ шайками, ставили курени,—это были бродники, предки нынѣшнихъ казаковъ. Они дѣлались гражданами этой пустыни и не хотѣли оставлять ее, тогда какъ у полонныхъ сами блюли другъ за другомъ круговою порукою; была общая надежда, что подвернется тверскій или московскій князь или что владыко сарайскій напишетъ объ нихъ святителю Петру—и они всѣ вмѣстѣ, подъ татарскимъ конвоемъ, воротятся, если не на родину, то все-же на Русь, гдѣ дадутъ имъ земли, да топоровъ, да сохъ.

Только что Ицекъ, подобравши полы своей грязной ризы, зашагалъ длинными шагами, шлепая башмаками безъ задковъ, какъ вдругъ раздался голосъ:

— Стой, Ицекъ! куда тебя нелегкая несетъ?

Ицекъ вздрогнулъ. На другой сторонѣ улицы, точно такъ-же пробираясь по грязи, стоялъ молодой человѣкъ, по лицу русскій, а по одеждѣ чистый татаринъ, — въ уродливомъ войлочномъ колпакѣ, въ пестрядинномъ халатѣ, съ саблей у пояса.

— Ступай жидъ сюда!.. кричалъ этотъ русскій татаринъ громкимъ, властнымъ голосомъ. Ицекъ, узнавъ въ немъ Ахмета-Ибрагима, одного изъ приближенныхъ къ ханшѣ Баялынъ, человѣка очень вліятельнаго въ своемъ кругу, бросился къ нему, утопая на каждомъ шагу въ грязи, но при этомъ съ изумительной ловкостью вылавливая изъ нея туфли.

— Ицекъ, жидъ поганый, душа-человѣкъ! первое дѣло, скажи, есть ли у тебя боченокъ вина да только самаго лучшаго мнѣ въ подарокъ?

Ицекъ заморгалъ глазами, одно плечо вздернулъ выше другого и сдѣлалъ видъ такого несчастнаго человѣка, у котораго не то что не было боченка вина, но даже самого себя почти не было.

— А другое, скажи ты мнѣ, нѣтъ-ли у тебя въ полонѣ какой нибудь женщины, которая умѣла-бы вышивать по русски? коли есть, такъ продай ее мнѣ, я тебѣ дамъ за нее—и торговаться не буду—цѣлыхъ два рубли серебра; слышишь? Я ее куплю вмѣстѣ съ боченкомъ вина. Слышишь, Ицекъ, и понимаешь, жидовская твоя душа?—вышивальницу и боченокъ вина за два рубли серебра, настоящаго серебра.

При этомъ Ахметъ отмахнулъ полу кафтана, вытащилъ изъ широкой и укладистой калиты *) два слитка или обрубка серебра, вѣсомъ каждый въ двадцать пять

*) Кошель, привѣшенный къ поясу.

золотниковъ. Ицекъ взялъ эти рубли, только что занесенные на Русь изъ Китая, посмотрѣлъ на нихъ, пощелкалъ одинъ объ другой, зубами попробовалъ, нѣсколько разъ побросалъ на рукѣ, и отдалъ ихъ Ахмету.

— Боченокъ вина хозяину, сказалъ онъ,—я и такъ давнымъ давно готовлю — потому что хозяинъ добрый человѣкъ, скоро мурзой будетъ, а можетъ быть на какой-нибудь изъ ханскихъ дочерей женится, Ицека бѣднаго не забудетъ; а вышивальщицу я продамъ хозяину за три рубли, потому что я знаю, что вышивальщицы тутъ въ Ордѣ стоятъ дорого, и за нихъ даютъ по пяти по шести рублевъ.

— Болѣе двухъ рублевъ не дамъ, сказалъ рѣшительно Ахметъ.—Хочешь продать—хорошо; а не хочешь — и въ другомъ мѣстѣ сыщу.

— И зачѣмъ, господине, такъ говоришь! возражалъ Ицекъ, махая руками какъ мельничными крыльями,— и пусть хозяинъ повѣритъ мнѣ, что теперь ни у одного торговца невольниками въ Ордѣ вышивальщицъ нѣтъ.

— Ни у кого нѣтъ? сказалъ Ибрагимъ.

— И пусть глаза мои лопнутъ, и пусть ни мнѣ, ни женѣ моей, ни сынамъ моимъ, ни внучатамъ моимъ, ни правнукамъ моимъ, ни всему племени моему изъ рода и въ родъ во вѣкъ счастія не будетъ.

— Такъ вотъ что, Ицекъ, сказалъ Ахметъ, — возьми два рубли, а вышивальщицу и два боченка вина доставь — иначе знаешь что́ выйдетъ?... Я покупаю не для себя, а для ханши.

Ицекъ развелъ руками, согнулся въ три погибели и повиновался. Еслибы онъ не продалъ вышивальщицу, то Ахметъ могъ бы немедленно позвать караульныхъ и взять у него и вышивальщицу и что угодно, и вино — даромъ. До хана и до ханши вѣсть объ этомъ, разумѣется, не дошла бы, такъ что Ахметъ поступалъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ слова, вполнѣ великодушно и по дружески. Да еслибъ и дошла до нихъ вѣсть, они бы ничѣмъ не огорчились — жалованья дворъ ихъ не получалъ — онъ пользовался правомъ, жить на счетъ всѣхъ имущихъ.

Ахметъ прямо зашагалъ къ ицковой ставкѣ, прошелъ камышевой изгородью, за которой содержался полонъ, распахнулъ сколоченную изъ досокъ калитку и нахмурился — жалкій видъ исхудалыхъ земляковъ точно ножемъ рѣзнулъ его въ сердце.

— Эй, вы, полонъ! крикнулъ онъ:—гдѣ у васъ тутъ бабы?

— А вонъ въ томъ углу, отвѣчалъ одинъ изъ полоненныхъ.

— Вотъ тутъ, вотъ сюда, вотъ тамъ, указывалъ Ицекъ, — вотъ и она: женщина хорошая, добрая и еще не старая.

Въ полусгнившемъ сарафанѣ — на ней не было больше ничего — сидѣла «женщина хорошая, добрая и еще не старая», на голой землѣ возлѣ небольшаго огонька, а около нея увивались двѣ дѣвочки, изъ которыхъ одной было десять лѣтъ, а другой лѣтъ восемь. Она пекла имъ на огнѣ кусокъ той самой верблюжатины, которою вчера и сегодня угощали весь полонъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея сидѣли и лежали на землѣ и другія женщины, такія же истомленныя, похудалыя, измученныя, поруганныя татарами.

— Вотъ это вышивальщица и есть, сказалъ Ицекъ, указывая на первую.

— Ты, тетка, умѣешь вышивать? спросилъ ее Ахметъ.

— А какъ же, батюшка, отвѣчала она съ испуга,— какъ же, родной, всякую нашу бабью работу знаю — это что прясть, ткать, шить, вязать, вышивать, — я это все знаю.

— Ты сама изъ какихъ же?

— Рязанская, батюшка, рязанская.

Ахмета передернуло.

— Изъ самой Рязани?

— Изъ самой, батюшка, изъ самой.

— Ты чьихъ же?

— А Барсуковыхъ, батюшка, Барсуковыхъ.

Ахметъ попятился.

— Тѣхъ что подлѣ Троицы живутъ? спросилъ онъ.

— Да ты родной почемъ знаешь, ты самъ что-ли изъ Рязани?

— Да, изъ рязанскихъ, отвѣчалъ Ахметъ.—Какъ же ты сюда попала?

— Да такъ, батюшка, попала, какъ всѣ попадаютъ. Покойника моего Ивана Дмитріевича Барсукова можетъ знавалъ?

— Ну, ну! говорилъ Ахметъ въ волненіи. Онъ нѣкогда былъ пріятелемъ и даже другомъ Ивана Барсукова, рязанскаго посадскаго, крестами съ нимъ помѣнялся.

— Ну, вотъ орда поганая, прости Господи мое согрѣшеніе, нашла на Рязань. Ну, покойникъ вышелъ на нихъ съ полкомъ, тамъ его и убили. Было у насъ трое дѣточекъ, еще очень маленькіе были: молодшему-то было всего третій мѣсяцъ, середнему полтора годика, а старшей дѣвочкѣ моей — и-ихъ какая дѣвочка была, отецъ ты мой родной! — третій годочекъ шелъ. А тутъ татары ворвались — ну и обычай свой сдѣлали скверный, всѣхъ моихъ дѣточекъ за ногу да объ уголъ.

— И чтожь, сказалъ Ицекъ,—и чтожь?! нельзя же брать въ полонъ маленькихъ дѣтей.

— Ну, ну! говорилъ Ибрагимъ.

— Ну, батюшка и померли; ну, съ тѣхъ поръ третій годъ я здѣсь въ Ордѣ мучусь. Ну, самъ знаешь нашу жизнь-то полонянскую, одного страму сколько вытерпѣла!

— Да ты, батюшка, самъ-то въ Рязани изъ какихъ?

— Послѣ потолкуемъ, круто оборвалъ Ибрагимъ, у котораго на совѣсти стало очень неловко.

— Послѣ, повторилъ онъ,—а теперь ступай за мною, я и тебя купилъ у Ицека.

— Дядюшка, отецъ родной, господинъ милостивый, помилуй ты меня бѣдную, заставь ты за себя по гробъ жизни моей Богу молить — оставь ты меня въ полонѣ!!! и она бросилась ему въ ноги, схватила ихъ и прильнула губами къ сапогамъ.—Дядюшка, отецъ родной, не покупай, не покупай!.. здѣсь живу, здѣсь и помереть хочу!

Ахметъ стоялъ въ недоумѣніи. Ицекъ развелъ руками и вопросительно смотрѣлъ на прочихъ женщинъ и мужчинъ, собравшихся около нихъ кучу—смотрѣть какъ торгъ идетъ и купецъ каковъ.

— А что-жь, и вѣдомо, сказалъ сонный недвижимый Суета, лѣниво, точно усиліемъ какихъ-то особенныхъ мышцъ на затылкѣ, поднимая свои длинныя вѣки съ бѣлорусыми рѣсницами, — этой ей, вонъ, дѣвочекъ жалко.

— Дѣвочекъ моихъ! дѣвочекъ моихъ! вопила вышивальщица:—дѣвочекъ моихъ жалко мнѣ, родненькой,

Польскіе сплавщики.

касатикъ, голубчикъ! Слушайся, оставь меня съ дѣвочками. Ой, сиротинки!!! пропадутъ онѣ на чужой сторонѣ безъ меня!... дѣвочки тоже плакали и хватались руками за лохмотья вышивальщицы.

— А чьи жъ это дѣвочки? спросилъ Ахметъ.

— А я знаю? переспросилъ Ахмета Суета, опять съ усиліемъ поднимая вѣки,—мнѣ приходятъ и сказываютъ, что ли? Тутъ умерли двѣ бабы въ полонѣ, дѣвочки отъ нихъ и остались...

— Ижъ!..затараторила одна тощая бабенка, по имени Арина,—ижъ она, хозяинъ, этихъ дѣвочекъ приняла и за ними ходитъ, и спитъ съ ними, и не надышится на нихъ; и добрая она у насъ такая!

— Такъ онѣ ей не родныя?

— Да совсѣмъ не родныя, трещала Арина:— онѣ такъ себѣ. Дѣвочка одна можайская—вотъ эта, большенькая; здѣсь ее Русалкой зовутъ—оттого, вишь, коса-то какая длинная!.. при этомъ бабенка приподняла дѣвочкину косу, какъ будто взвѣшивая ее на рукѣ. Ицка тоже не утерпѣлъ ткнуть пальцемъ въ эту русопепельную косу, какъ бы оцѣнивая, что она можетъ стоить. Затѣмъ, Ицекъ повернулъ къ себѣ плачущее лицо Русалки и въ двадцатый разъ убѣдился, что изъ нея выйдетъ замѣчательная красавица, т. е. стало быть, года черезъ два-три, ею можно будетъ сдѣлать если не блестящую, то во всякомъ случаѣ не послѣднюю сдѣлку. Маринка была, напротивъ того, какимъ-то хилымъ, блѣднымъ ребенкомъ. Круглое личико ея было усыпано веснушками, тѣльце все было слабо; только большіе каріе глаза какъ будто одни говорили, что въ ней есть жизнь, и что эта жизнь рано или поздно попроситъ тихой, спокойной, покровительной любви.

— Ты вотъ что, хозяинъ, сказалъ Ахмету Суета, —коли есть у тебя душа христіанская...

— И зачѣмъ христіанская? залепеталъ Ицка, зная, что Ахметъ мусульманинъ,— и на что христіанская? и не надо христіанскй души, душа бываетъ всякая.

— Такъ ты, продолжалъ Суета, не слушая философіи Ицека,—купи-ка ее, человѣче добрый, вмѣстѣ съ дѣтьми. Баба одно слово хорошая, а дѣтей губить не приходится; ты ее купи съ дѣтками! заключилъ онъ.

— Съ дѣтками, съ дѣтками купи, хозяинъ! заговорилъ весь полонъ:—это слово вѣрно.—Не клади грѣха на душу, не губи младенцевъ неповинныхъ!—Такъ съ дѣтками и купи.—Съ дѣтками и купи.

— Какъ же ты безъ нихъ купишь? затараторила маленькая бабенка Аринка:—какъ же ты безъ дѣтей купишь? Ты подумай, ты подумай, какъ ты купишь ее безъ дѣтей? при этомъ она развела руками, повернулась въ сторону и какъ-то въ отчаяніи сказала:—мое дѣло женское—бабій волосъ долгій, а умъ короткій—только то скажите сами, добрые люди, какъ ее безъ дѣтей купить?

— Нельзя ее безъ дѣтей купить, рѣшилъ вліятельный ключникъ.

— Заставь за себя Бога молить, вопила вышивальщица, —не покидай моихъ дѣвочекъ, или отдай ты меня грѣшную—ужь коли участь моя такая—на самую тяжелую работу. Вели что хочешь мнѣ дѣлать, только пусть дѣточки при мнѣ будутъ.

— Идемте, сказалъ Ахметъ,—вставай и пойдемъ. Ступай съ дѣвочками!

— И какъ же? сказалъ Ицекъ:—и такъ нельзя! И вышивальщица, и дѣвочки, и двѣ бочки — и всего два рубли серебра.

— Ну, иди за мной, продолжалъ Ахметъ, не обращая на него вниманія.—За бочками вина я пришлю, а вотъ тебѣ, песъ поганый, три рубли.

Онъ досталъ изъ той же самой калиты и отдалъ при всѣхъ Ицкѣ три серебряныхъ слитка.

— Прощай, матушка, голубушка, Прасковьюшка, не поминай насъ лихомъ! говорили бабы, кланяясь ей въ ноги. Прасковья, растерянная, не зная, кто ее покупаетъ, куда ее ведутъ,—понимая только то, что покупатель не отнялъ у нея дѣвочекъ сироточекъ, весело утирала слезы, и такъ же кланялась до земли своимъ товаркамъ, и такъ же просила прощенія, если въ чемъ предъ ними согрубила. Мужчины не кланялись въ землю Прасковьѣ, потому что все-таки было бы зазорно поклониться бабѣ; но у кого былъ на головѣ какой нибудь навертокъ, въ родѣ шапки, снимали его, отвѣшивали поясной поклонъ и говорили: «прощай добрая душа, Прасковьюшка! не оставитъ тебя Господь Богъ за твою добродѣтель, насъ не забывай».

Прасковьюшка кланялась имъ въ ноги, дѣвочки тоже въ попыхахъ кидались въ ноги всѣмъ и каждому безъ нужды, и затѣмъ, сопровождаемыя до самыхъ воротъ полона Ицекомъ, вышли за калитку.

— А что, хозяинъ, захлопоталъ опять Ицекъ,—и ты скажи ханшѣ и прямо говори, что товаръ у меня, у Ицека покупалъ, потому что самъ видишь, что Прасковья женщина хорошая, дѣвочки тоже хорошія, онѣ у Прасковьи будутъ первыя рукодѣльницы въ Ордѣ, потомъ ихъ замужъ можно будетъ выдать...

— Прощай, жидушка! говорила та и отвѣсила затѣмъ поклонъ.—Спасибо за твою доброту великую, за хлѣбъ за соль, лихомъ только не поминай насъ, говорила она.

— И что же, говорилъ Ицекъ, входя назадъ къ полону,—и вотъ вы видите: отъ самой ханши ко мнѣ приходятъ. Надо быть веселыми! И можетъ быть Прасковья будетъ здѣсь большою боярынею; вотъ и Ахметъ большой бояринъ теперь, а вѣдь тоже въ полонѣ былъ. Ицекъ при этомъ совралъ; онъ самъ не зналъ, откуда взялся Ахметъ въ Ордѣ, но приврялъ это для пущей важности и для ободренія своихъ слушателей.—Будьте веселѣй, вы видите, я человѣкъ добрый и отдаю вамъ всю верблюжину; а я пойду къ владыкѣ и попа приведу. И еще я думалъ вамъ меду купить, чтобы вамъ было веселѣй,—а жаль, что гусляра нѣтъ.

— А душа-человѣкъ—Ицка, говорили плѣнники:— вотъ пойди ты, по свѣту походишь—много людей узнаешь. Жидъ, а хорошій человѣкъ!.. При этомъ плѣнники разбились на кучки: гдѣ сказки разсказывали, гдѣ о сегодняшнемъ происшествіи разсуждали, гдѣ ждали попа; старосты около котловъ съ верблюжатиной собрались; бабы вздорили само собой разумѣется по прежнему и перекорялись Богъ знаетъ чего.

Раздались пѣсни, и веселыя и звонунывныя, изъ дому принесенныя въ полонъ. Одного только не заявляли полонники другъ другу—это сожалѣнія о своемъ прошедшемъ, о своихъ семьяхъ, о дѣтяхъ перебитыхъ за ноги да объ уголъ, о поруганныхъ и Богъ знаетъ куда попавшихъ дочеряхъ, женахъ, сестрахъ,—потому что старая жизнь прекратилась вдругъ, неожиданно; востановить ее не было возможности; возвратъ къ той семейной жизни, которая была поругана въ лицѣ женщинъ, былъ отврати-

теленъ. Всѣ мечтали о томъ, какъ бы или хорошимъ хозяевамъ достаться, или какъ бы возвратиться на Русь, заново зажить, жениться и обзавестись хозяйствомъ. Словомъ, каждому приходилось не о старомъ думать, а гадать какъ бы жизнь сначала начать.

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Кочевники по берегамъ Вислы.

Съ незапамятныхъ временъ, изъ мѣстностей облегающихъ верховья Вислы и Буга, на утлыхъ плотахъ и челнахъ, сплавляется лѣсъ, поташъ, желѣзо, кость и пшеница-сандомирка въ Пруссію до самаго Данцига. Плотовщики или сплавщики — у нѣмцевъ прозванные *флисаками* — полудикій народъ изъ русской Польши. Ежегодно появляются они въ Данцигѣ — въ числѣ 10000 — 20000 человѣкъ, разбиваютъ свои походные лагери по обоимъ берегамъ Вислы, день и ночь кочуютъ подъ чистымъ небомъ возлѣ громадныхъ, горообразныхъ кучъ пшеницы, которую сами сторожатъ и оберегаютъ. Вечеркомъ, межь пшеничныхъ холмовъ, разводятъ огни; варится каша или горохъ съ приправой свѣчнаго сала; является водка съ селедкой на закуску, и затѣмъ неизбѣжная музыка на пестрѣйше-размалеванной скрипкѣ —музыка такъ-сказать самородная, при всей визгливости топовъ нелишенная гармоніи, переходящая то въ разнузданную пляску, то въ заунывную народную мелодію. Костлявые, смуглые, желтоусые парни хохочатъ, болтаютъ и пляшутъ; кое-гдѣ виднѣется нѣсколько женщинъ, теряющихся въ толпѣ.

Одежда сплавщиковъ проста до крайности. Широкіе шаровары, внизу перевитые бичевкой, ниспадающая на нихъ рубаха, стянутая поясомъ, — то и другое изъ грубѣйшаго небѣленаго холста; на головѣ соломенная шляпа или четырехугольная польская шапка; — вотъ и весь нарядъ ихъ, причемъ грудь и шея совершенно раскрыты. Нѣкоторые, сверхъ того, носятъ родъ лаптей или сапоги подбитые желѣзомъ, да и то чаще за плечами чѣмъ на ногахъ. Осенью, возвращаясь на родину, сплавщики облачаются въ длинный кафтанъ грубаго синяго сукна.

Не многимъ изысканнѣе мужчинъ одѣваются и женщины, которыхъ нѣмцы зовутъ *марушками*; длинныя, синія накидки ихъ также подпоясываются веревкой и пошиты изъ такой же грубой шерстяной ткани. Впрочемъ, голову марушки очень красиво покрываютъ бѣлымъ платкомъ или шапочкой; ноги же у нихъ постоянно разуты. Зато у каждой на шеѣ непремѣнно блеститъ низанка стеклянныхъ бусъ или мѣдныхъ монетъ.

Лѣто приходитъ къ концу, плоты и челны разломаны и распроданы на дрова, кочевыя жилища по берегамъ Вислы разрушены — и заѣзжіе гости, какъ перелетныя птицы, тянутъ обратно во свояси. Идутъ они пѣшкомъ, вдоль береговъ Вислы—или по крайней мѣрѣ паралельно ея теченію — по лѣсамъ и болотамъ почти безъ отдыху, на подобіе кочевой орды, полные радостнаго чувства, несмотря на то что дома ждетъ ихъ та же бѣдность и нужда что и на чужбинѣ.

Прилагаемый (на стр. 245) рисунокъ изображаетъ пару такихъ кочевниковъ на привалѣ.

Сухарева башня съ ея окрестностями

въ старину и въ наше время.

(*Окончаніе*).

Теперь взглянемъ на Сухареву башню въ современномъ ея положеніи.

Площадь, окружающая ее, очищена отъ разныхъ неприглядныхъ торговыхъ балагановъ, которые въ недавнее время облѣпляли ее неуклюжими своими наростами; окрестности ея обстроены красивыми каменными домами, стоящими двоерядным фронтомъ на Срѣтенкѣ. Въ противоположной сторонѣ, чрезъ арку или туннель башни, видна перспектива тянущейся Большой Мѣщанской улицы, опушенной палисадниками, въ которой ужь не узнаешь бывшей Переяславской ямской слободы. Направо отъ башни высится красивое зданіе Шереметевской больницы, опираясь на колоннаду, противъ которой бьетъ легкою высокою струею фонтанъ чистой и свѣтлой воды. Налѣво отъ башни, на неоглядное пространство, тянется, вмѣсто бывшаго Камеръ-коллежскаго вала, Садовая улица, тоже съ густыми палисадниками у каждаго дома. Наконецъ — Сухарева башня есть наша поилица: въ ней находится главный резервуаръ мытищенской воды, проведенной на пространствѣ 20-ти верстъ къ Москвѣ.

Но самая характеристичная черта Сухаревой башни есть та, что около нея каждонедѣльно бываетъ замѣчательная *воскресная ярмарка*. Въ Москвѣ находится нѣсколько воскресныхъ базаровъ. Самый древній изъ нихъ принадлежитъ Охотному ряду (переведенный на Лубянку), но тамъ торжище состоитъ только изъ нѣсколькихъ предметовъ. Тамъ по воскресеньямъ является, во-первыхъ, выставка птицъ, особенно голубей: серебристыхъ, голубистыхъ, хохластыхъ, мохноножекъ, турмановъ и проч.; тамъ поставлены пирамидами большія и маленькія клѣтки, начиненныя всякими птицами, отъ суетливаго воробья до щеголя-павлина [1]); во-вторыхъ, тамошняя выставка состоитъ изъ стараго оружія: персидскихъ шашекъ, для щепанія лучины, зазубренныхъ сабель, заржавленныхъ ружей и пистолетовъ; въ третьихъ, изъ собакъ: длиннорылыхъ, тупорылыхъ, изъ осанистыхъ пуделей, изъ ушастыхъ лягавыхъ, изъ серіозныхъ мосекъ, изъ брылястыхъ меделянокъ, изъ

[1]) Встарину, въ день Благовѣщенья, дѣвушки-невѣсты приходили въ Охотный рядъ выпускать птицъ изъ клѣтокъ, по повѣрью, будто-бъ освобожденныя птицы вымолятъ имъ жениховъ.

миловидныхъ болонокъ, аристократокъ собачьяго рода, этихъ живыхъ дамскихъ игрушекъ. Тамъ толкутся всевозможные охотники: собачники, голубятники, зѣваки и опекуны чужихъ кармановъ (тоже своего рода охотники). Въ эти же дни Смоленскій рынокъ представляетъ также обширную торговлю—и по людной мѣстности своей, и по множеству продаваемыхъ тамъ продуктовъ. Но Сухарева башня—во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ преимущество предъ всѣми прочими воскресными рынками, по обилію и разнообразію своихъ, такъ-называемыхъ, *дешевыхъ товаровъ*.

Еще царь Алексѣй Михайловичъ замѣтилъ неприличность воскресныхъ торжищъ. Въ Наказѣ своемъ въ Галицкую Четь къ Дьяку Семену Сафонову (декабря 22, 1649 года) онъ пишетъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что на Москвѣ, въ воскресные дни и въ Господскіе и Богородичные праздники, топятъ бани и платье моютъ, и многіе жъ люди бранятся межъ собою всякою неподобною лаею, сидятъ въ харчевняхъ, и по улицамъ до обѣда продаютъ всякій харчъ. Мы указали, чтобъ такого безчинства впредь не было [2].» Воскресные рынки у Сухаревой башни начались около 30-хъ годовъ; съ самаго утра, а часто и наканунѣ воскресенья, на площади ея (противъ Шереметевской больницы) идутъ приготовленія къ торгамъ: вбиваютъ колья, навѣшиваютъ на нихъ холщевыя крыши, разбиваютъ палатки и балаганы, устанавливаютъ лавки и раскладываютъ на нихъ товаръ. Еще до окончанія обѣдень эта площадь наполняется народными толпами; тамъ торговля и вмѣстѣ гулянье бываютъ въ огромныхъ размѣрахъ, въ полномъ разгарѣ. Лѣвая же площадь отъ Срѣтенки заставляется возами перекупленныхъ барышниками дровъ; ловкіе кулаки переряжаются неуклюжими мужиками, будто-бы пріѣхавшими съ возами издалека. Около нихъ стоятъ и обозы съ съѣстными припасами; тамъ можно найдти всевозможныя огородныя овощи, а постомъ и мерзлую рыбу съ выпученными глазами, толстоголовые кочни капусты, горы калачей и сгибней, и гирлянды баранокъ, крупныхъ и мелкихъ, подобныхъ янтарнымъ бусамъ, и грибы-грибочки, удавленные на ниточкахъ, и невинныхъ снятковъ, и проч., и проч. Здѣсь пристань экономныхъ хозяекъ съ погрузительными сакъ-вояжами въ рукахъ, торгующихся до осиплости. На этомъ рынкѣ клубъ кухарокъ и поваровъ.

Взглянемъ на правую площадь Сухаревки: тамъ происходитъ самая кипучая торговля дешевыми товарами, туда въ эти дни сходятся и съѣзжаются небогатые покупатели изъ дальнихъ концовъ Москвы, обрѣсти себѣ хотя подержанныя, но не дорогія вещи; между тѣмъ, мелкая промышленность, въ образѣ зоркихъ торговцевъ, не дремлетъ, зная пословицу: «на заправскаго охотника самъ звѣрь бѣжитъ»; удочки закинуты....

При входѣ на рынокъ развѣшаны ситцы, издали кажущіяся обоями: далѣе раскинуты балаганы съ обувью, отъ стройнаго, легкаго атласнаго башмачка, послужившаго уже на паркетѣ — до растоптанной киньчи; кому угодно что примѣрить, тотъ можетъ совершить тамъ туалетъ свой во всеувидѣніе. Далѣе слѣдуетъ головной товаръ, разумѣется наружный: продаютъ шляпы и фуражки разныхъ фасоновъ—и всѣ они модныя, шляпы гумбами, шляпы колпачками, шапки съ кистями для кулачныхъ бойцовъ, и старинныя чиновничьи треуголки для факельщиковъ. Вотъ лѣвѣе отъ нихъ разставлены помосты со всевозможными сластями: тамъ литературные пряники (съ выпечатанными на нихъ какими-то буквами) и *настоящіе* вяземскіе, приготовляемые на Солянкѣ; тамъ и чернословъ-кислословъ, и надавленный точно прессомъ изюмъ, и дешевое заправское варенье (по 10 копѣекъ за фунтъ), съ неукоризненнымъ цвѣтомъ дегтя, и паточныя конфекты съ наклейками замысловатыхъ картинокъ, и проч., и проч. Эта выставка граничитъ съ дамскими потребностями, здѣсь любуются женщины на нѣкоторые принадлежности ихъ туалета-хамелеона: вотъ пушные (болѣе отъ ваты) салопы, растегайки, накидки, наброски, тальмы, спенсеры, коротенькія платьица баядерокъ, сотканныя чуть не изъ воздуха, куафюры, спутанныя изъ лентъ и разныхъ полинялыхъ искусственныхъ цвѣтовъ; вотъ и чепчики, получепчики и чепчища съ оборками, для мамокъ; вотъ шляпки для затылка, шляпки для лба, въ родѣ шалашей или будокъ, лебединыя буа изъ заячьей шкурки и собольи муфты изъ нѣжной кошачьей породы, или изъ шкурокъ такихъ звѣрковъ, отъ которыхъ отступились бы и сами натуралисты. Дешево и сердито!

Далѣе слѣдуютъ галантерейные товары: тутъ сверкаетъ фольга и золоченая бронза, и змѣйки-колечки неизвѣстной пробы, и дутыя бусы, и цѣпочки тонкія снурочками, и цѣпи массивныя. Тамъ и помада, для рощенія волосъ у плѣшивыхъ, которою если натереть ладонь, то и на ней выростутъ волосы; духи для одержимыхъ насморкомъ, и зеркальная вакса съ пріятнымъ запахомъ, цвѣтомъ и даже вкусомъ — чего хочешь, того просишь!...

Вотъ и развѣшанныя картины извѣстныхъ (торгашамъ, а не покупателямъ) художниковъ, представляющія что-то рисованное сажей, и чьи-то портреты сумрачнаго вида; тамъ коллекціи минералогіи и нумизматики и даже игрушекъ для всякаго возраста. Правѣе выставлена мебель—и простая и комфортабельная, и новая и леченая, язвы которой залакированы, какъ рябины на лицѣ бѣлилами; тамъ и цѣлыя трюмо, стоящія точно на каблукахъ на подставныхъ, наклеенныхъ ножкахъ, и конопатыя зеркала, имѣющія свойство отражать опухшія лица, и горбатыя съ ухабами канапе. Что дѣлать, всякій живетъ по своимъ средствамъ; гдѣжъ бы иначе взять дешевыхъ вещей, хотя эти дешевыя вещи становятся дороже дорогихъ. Однимъ словомъ: на Сухаревкѣ можно обуться, одѣться, наѣсться и даже сладко-дремотно выспаться на пружинныхъ диванахъ или на огромныхъ, продающихся тамъ деревянныхъ кроватяхъ и на навалкѣ перинъ, набитыхъ мочалами, подъ баюканье людскаго говора, канареечныхъ свистящихъ органчиковъ и гуслей-самогудовъ.

Впрочемъ, тамъ изъ продажныхъ вещей есть и охриплыя фортепьяно, быть-можетъ простудившіяся отъ воздушной выставки и пискунчики-органы. За ними толпятся экипажи, начиная отъ высокихъ, давно вышедшихъ изъ моды каретъ — до бѣговыхъ санокъ-летунковъ, дрожекъ-дребезжалокъ и длинныхъ, тощихъ тарантасовъ, двигающихся съ стукомъ, брякомъ и лихорадочной дрожью.

Теперь перейдемъ къ самой важной, серіозной торговлѣ: къ книжному царству. Тамъ, между мусоромъ рогожечной, растрепанной литературы, много можно найдти и дѣльныхъ, цѣнныхъ книгъ, изъ числа которыхъ иныя достались продавцамъ и контробандою; ловкіе букинисты хорошо знаютъ цѣну своему товару. Сочиненія извѣстныхъ авторовъ вы не купите за безцѣнокъ, особенно

[2]) *Москвитянинъ*, 1843 г. № 1, стр. 237.

археологическія. Въ иномъ мѣстѣ найдете вы книги, разставленныя въ симметрическомъ порядкѣ; въ другомъ навалены они просто на землѣ, на рогожечной постилкѣ, безобразной грудой,— и вы невольно поклонитесь имъ, желая узнать названіе этихъ книгъ. Тамъ составлено такое попури изъ разрозненныхъ томовъ, что одинъ только присяжный библіофилъ, съ верблюжьимъ терпѣніемъ, можетъ, и то не скоро, привести ихъ въ систематическій порядокъ. Иногда въ одномъ переплетѣ сколочены возмутительныя противуположности, наприм. мистическія сочиненія Эккартсгаузена или Сведенборга съ отрывкомъ романа проказника Поль-де-кока, или благозвучныя октавы Торквато Тасса съ прозаическими предсказаніями Мартына-Задеки. Впрочемъ, букинистъ сейчасъ оцѣнитъ покупателей, онъ умѣетъ съ ними краснобайствовать и дѣйствовать на нихъ своего рода софизмами. Вотъ, напримѣръ, подходитъ сибирка, развертываетъ ландкарту или пытливо оглядываетъ лысый глобусъ; она смотритъ ощупью, ей хочется знать, гдѣ турка живетъ; букинистъ, какъ умѣетъ, удовлетворяетъ желаніе покупателя — который мысленно гордится тѣмъ, что онъ сталъ обладателемъ цѣлой части свѣта.

Кстати смѣтливый торгашъ подсовываетъ сибиркѣ истасканную географію, и, чтобы болѣе пояснить начертаніе ландкарты, говоритъ: «въ кашу надобно масла, бери». Покупатель, вертя въ рукахъ книгу, не находитъ въ ней ни начала, ни конца; букинистъ увѣряетъ его, что «такъ быть должно, что географія описываетъ весь міръ, а міръ тоже не имѣетъ ни начала, ни конца». А вотъ дубленый тулупъ, съ серьгой въ ухѣ, спрашиваетъ календарь; букинистъ подсовываетъ ему старый. Покупатель не совсѣмъ доволенъ имъ: онъ говоритъ, что календарь что-то слишкомъ худощавъ; покупатель сомнѣвается, всѣ ли тамъ находятся христіанскія имена. Продавецъ, принимая на себя серіозный видъ, отвѣчаетъ, что «въ этомъ календарѣ есть даже *лишнія* имена». Покупатель успокоивается — и оба они остаются предовольны. Вотъ и какая-то пожилая барыня въ чудовищномъ капорѣ, помятомъ на сухаревскомъ приступѣ, ищетъ книжной справки, когда ей сажать насѣдокъ, какъ составлять мозольный пластырь, изъ какихъ цѣлебныхъ травъ дѣлать настойку, да кстати ей нужно пріобрѣсти книжку для поминанья — а въ подобныхъ товарахъ тамъ большое изобиліе.

Наконецъ, на выходѣ рынка найдете вы всевозможную посуду: деревянную, глиняную, фаянсовую, фарфоровую, мѣдную, оловянную и даже безъимянную. Тамъ и одутловыя бочки, и зіяющія какъ бездна кадки, и стройныя рюмочки съ завидной таліей, и объемистые стаканы въ металлическихъ гнѣздахъ,и подбочепившіеся кофейники, и въ веснушкахъ чайники съ птичьими носами, и сама бабушка-бутыль, окруженная, будто внучками и правнучками, фигурными кружечками и флакончиками, и пузырьки съ лебедиными шейками, милоглядные барашки и фарфовыя игрушки: пастушки съ флейтами, завитыя овечки и зайчики-прыгунчики. Тамъ толпа старинныхъ раззолоченыхъ чашекъ съ оттопыренными губами и съ изображенными на нихъ плутишками купидонами.

Торжище у Сухаревой башни, иногда распространенное и въ сосѣдніе переулки навалкою разныхъ товаровъ, продолжается до самыхъ сумерокъ,—и въ продолженіе всего этого времени тамъ безпрестанно бываетъ приливъ и отливъ народа всякаго званія, иногда до такой тѣсноты, что спираются плечо съ плечомъ и держатъ себя въ оборонительномъ положеніи; а въ ближнихъ трактирахъ и кабачкахъ усердно производятся вспрыски проданныхъ и купленныхъ товаровъ, тамъ пьютъ чаекъ или *дешовку*, зимой чтобы согрѣться, а лѣтомъ — прохладиться.

Около всего рынка стоятъ широкими рамами извощичьи сани или дрожки. Самая модная и широкая торговля въ помянутыхъ мною мѣстахъ бываетъ въ такъназываемое *Сборное воскресенье*, на первой недѣлѣ великаго поста; въ этотъ день тамъ появляется много разныхъ мануфактурныхъ товаровъ и въ разноску; тамъ можно встрѣтить нѣчто въ родѣ деннаго уличнаго маскарада, а именно: старыхъ торговокъ, драпированныхъ въ накидку въ продающіяся женскія и мужскія шубы, чтобъ не измять ихъ, и въ какихъ-то балаганныхъ шляпкахъ съ перьями, въ мужскихъ шляпахъ и въ шапочкахъ, кокетливо наброшенныхъ на бекрень, кекъ у героевъ мелодрамы.

Любопытные, сверхъ пріобрѣтенія дешевыхъ товаровъ, могутъ насмотрѣться на весь этотъ спектакль изъ дѣйствительной жизни — *даромъ*.

С Любецкій.

Молодость Наполеона III.

(*Окончаніе*).

V. Возвращеніе. — Швейцаріи грозятъ войною. — Вторженіе въ Булонь.

Мы уже говорили, что Людовикъ Наполеонъ вовсе не обязывался не выѣзжать изъ Америки, и что ему ничто не препятствовало разъѣзжать внѣ Франціи, куда и гдѣ угодно. Поэтому его ничто не удерживало, когда онъ получилъ, 3-го апрѣля 1837 года, отъ матери письмо, изъ котораго узналъ, что она очень больна, должна подвергнуться опасной операціи и не знаетъ переживетъ-ли она ее, а потому прощается со своимъ дорогимъ сыномъ. Онъ немедленно сѣлъ на корабль и пріѣхалъ въ Арененбергъ въ концѣ сентября. Такъ какъ мать скончалась 5-го октября, то принцъ возвратился какъ разъ во-время чтобы закрыть ей глаза.

Если орудія Людовика Филиппа, пока Людовикъ Наполеонъ находился за океаномъ, всѣми силами старались выставить Страсбургское дѣло по возможности въ смѣшномъ видѣ, за то теперь они вдругъ обнаружили большое волненіе и озадаченность. Французское правительство обратилось къ президенту Швейцарскаго Союза съ просьбою выслать принца изъ территоріи республики, хотя онъ, покрайней мѣрѣ въ настоящее время, тихо жилъ на своемъ утесѣ, въ траурѣ по матери. Президентъ отвѣтилъ, что не видитъ никакой причины лишить принца права пользоваться убѣжищемъ, которое открыто въ свободной Швейцаріи всѣмъ политическимъ изгнанникамъ. Тогда министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Моле, въ августѣ 1838 г. обратился къ Союзу съ дипломатическою нотою, въ которой тономъ скрытой угрозы говорилъ, что Франція предпочла бы

предоставить доброй воли и дружескому чувству вѣрнаго союзника мѣру, на исполненіи которой она имѣетъ право настаивать, и къ которой Швейцарія вѣроятно безотлагательно приступитъ. Вмѣстѣ съ этой нотою, французскій посланникъ въ Бернѣ получилъ письмо отъ Моле, съ предписаніемъ извѣстить кого слѣдуетъ, что если Швейцарія паче чаянія будетъ дѣйствовать за одно съ лицомъ, такъ непозволительно злоупотребляющимъ позволеніемъ проживать въ ея границахъ, и откажется выслать это лицо, — то онъ, посланникъ, немедленно потребуетъ себѣ паспортъ. Въ эту критическую минуту Людовикъ Наполеонъ, который, если и дѣлалъ иногда повидимому глупости, однако всегда умѣлъ поступить умно (такъ что совершенно непостижимо, какъ могли нѣкоторые люди, въ 43 году, считать его чуть не за глупца и за политическій нуль), самъ принялъ на себя инициативу. Въ остроумномъ письмѣ къ президенту кантона Тургай, котораго онъ былъ почетнымъ гражданиномъ, онъ объявилъ, что онъ, дабы не вовлечь Швейцарію въ дальнѣйшія непріятности съ сосѣдомъ, которому онъ очевидно кажется опаснымъ и неудобнымъ, намѣренъ на время переѣхать въ Англію.

Едва пріѣхавъ въ Лондонъ, онъ уже началъ обдумывать планы, какъ бы опять забраться во Францію и нанести окончательный ударъ и безъ того уже шаткой власти «короля мѣщанина». Нельзя не признать, что правительство и его орудія сдѣлали все, чтобы раздразнить принца. Кромѣ того (помимо глубоко вкорененныхъ бонапартистскихъ притязаній и увѣренности въ своихъ правахъ) въ пользу его, въ эту минуту, былъ еще цѣлый рядъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ обстоятельствъ. Во Франціи въ самомъ дѣлѣ господствовало сильное неудовольствіе — въ особенности между легитимистами и республиканцами, а имперіальная партія всячески раздувала ихъ. Лордъ Пальмерстонъ казался не особенно расположеннымъ къ правительству Людовика Филиппа — и это подтверждается еще тѣмъ, что въ послѣдствіи онъ изъ первыхъ оказалъ восторжествовавшему бонапартизму нѣкотораго рода сочувствіе. Въ довершеніе всего, именно около того времени, перевезеніе праха великаго императора и погребеніе его въ церкви Инвалидовъ пробудили въ народѣ старое дремлющее воспоминаніе, и наэлектризовали оставшихся еще въ живыхъ очевидцевъ и участниковъ Наполеоновской эпохи. Нѣсколько полковъ, прежде размѣщавшіеся въ Страсбургѣ и около Страсбурга, кстати были переведены на сѣверъ Франціи. Наконецъ, принцъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ множествомъ сановныхъ лицъ, генералами и разными политическими личностями, которые говорили ему: «впередъ, мы за васъ».

Разъ рѣшившись, онъ исполнилъ свое рѣшеніе ровно, быстро и тайно. Онъ нанялъ англійскій пароходъ «Edinburgh castle» на мѣсяцъ, по 100 фун. стерл. въ недѣлю, съ условіемъ чтобы принцъ и все, кто будетъ сопровождать его, имѣли право ѣхать куда захотятъ. Только сѣвъ на пароходъ, лица, приглашенныя на эту partie de plaisir — Персиньи, Монтолонъ, докторъ Конно, г. де Мезонанъ и проч. узнали въ чемъ дѣло. Съ величайшею осторожностію принцъ заранѣе перенесъ на пароходъ оружіе, мундиры, военные припасы, экипажи, лошадей и знаменитаго, ручнаго орла. Онъ собралъ своихъ друзей на палубѣ, и они поклялись что пойдутъ за нимъ всюду и на все. 6-го августа 1840 г. пароходъ вошелъ въ маленькую бухту Вимерё, въ нѣсколькихъ часахъ на сѣверъ отъ Булони. Тутъ ждалъ его поручикъ Аладенисъ съ тремя человѣками, тогда какъ принцъ думалъ найти триста человѣкъ въ порядкѣ. Начало не отрадное! Вся армія принца состояла изъ двадцати семи человѣкъ; такой отрядъ конечно не былъ стѣсненъ въ движеніяхъ, и не смотря ни на что двинулся впередъ подъ знаменемъ орла. Былъ ли тутъ же живой орелъ, который долженъ былъ въ Булони подняться на воздухъ и опуститься на плечо принца, или кто-нибудь изъ прислуги держалъ его спрятаннымъ гдѣ нибудь наготовѣ — неизвѣстно; вѣрно одно, что орелъ этотъ былъ до того прирученъ, что онъ ѣлъ изъ рукъ принца. Говорятъ даже, что принцъ старался научить его кричать: «vive l'empereur!» — однако безуспѣшно.

Походъ шелъ прямо на Булонь; нѣсколькихъ береговыхъ сторожей сбѣжавшихся изъ любопытства, принудили примкнуть къ нему, что было довольно умно, потому что армія получила чрезъ это хоть немножко болѣе внушительный видъ — не на столько однако чтобы побудить попавшійся по дорогѣ военный постъ (4-го линейнаго пѣхотнаго полка) присоединиться къ ней. Было около 5 ч. утра, когда шествіе остановилось предъ казармами этого полка. Офицеровъ еще не было; солдаты собрались, поручикъ выстроилъ ихъ и представилъ имъ племянника императора, который сказалъ имъ коротенькую рѣчь. Раздалось нѣсколько криковъ: «vive l'empereur!», но въ тоже время у воротъ произошелъ большой шумъ; явились три офицера и тотчасъ же стали во главѣ своихъ колеблющихся солдатъ. Капитанъ Коль-Пюижелье, командовавшій обѣими тутъ присутствующими ротами 42 полка, получилъ приглашеніе передаться на сторону принца, но вмѣсто того старался возстановить порядокъ между своими солдатами — и когда они ему отвѣтили крикомъ: «vive le prince Louis!», онъ холодно спросилъ: «хорошо, но гдѣ онъ?» — «Здѣсь», отвѣчалъ самъ Людовикъ Наполеонъ, выступая впередъ: «я принцъ Луи. Присоединитесь тотчасъ къ намъ — и чего вы пожелаете, то и получите»! — «Принцъ вы или не принцъ», загремѣлъ капитанъ: «я въ васъ вижу только заговорщика; удалитесь изъ казармы!»

— Чтожь, убейте меня, продолжалъ онъ, видя, что на него направляются огнестрѣльныя оружія, — но я покрайней мѣрѣ исполнилъ свой долгъ!

Однако поручикъ Аладенисъ обѣими руками обхватилъ капитана и прикрылъ его собственнымъ тѣломъ. «Стойте, не стрѣляйте въ него!» закричалъ онъ: «я отвѣтственъ за его жизнь!» Но вмѣсто того, чтобы быть тронутымъ этимъ заступничествомъ, капитанъ закричалъ: «солдаты! васъ обманываютъ! да здравствуетъ король! vive Louis Philippe»! Часть солдатъ оказалась вѣрной кокоролю, а часть совсѣмъ взбунтовалась. Первые вырвали капитана изъ рукъ Аладениса, произошла схватка, во время которой къ несчастью у принца въ рукѣ нечаянно выстрѣлилъ пистолетъ и попалъ въ лицо одного изъ гренадеровъ; это отрезвило солдатъ, капитанъ съумѣлъ воспользоваться — и принцъ мигомъ лишился всѣхъ своихъ новыхъ приверженцевъ. Ему пришлось удалиться со своими съ двора казармъ. Онъ хотѣлъ неожиданно ворваться въ городъ, на счастье; но ворота уже были заперты.

Друзья принца старались уговорить его тотчасъ же опять сѣсть на пароходъ и дождаться болѣе благопріятнаго времени, но онъ энергически отвергъ это предложеніе. «Нѣтъ», воскликнулъ онъ: «нѣтъ, я болѣе не

оставлю Франціи; живымъ или мертвымъ, но я останусь на французской землѣ».

Маленькая дружина остановилась у подножья памятника, воздвигнутаго въ честь французской арміи, въ память отпора, даннаго англійскому вторженію. Одинъ изъ заговорщиковъ, Монбаръ, хотѣлъ взобраться на верхъ памятника и поднять на немъ трехъцвѣтное знамя, но въ это время уже показались жандармы, національные гвардейцы и линейныя войска. Людовикъ Наполеонъ приказалъ не отвѣчать на огонь; товарищи его насильно увлекли его въ бѣгство. Преслѣдуемые по стопамъ, они однако дошли до берега, бросились въ лодку и хотѣли выдти въ море, но лодка перевернулась—и всѣ упали въ воду. Пока они боролись съ волнами, съ утесовъ начали по нимъ стрѣлять; 1500—2000 человѣкъ стрѣляли по какимъ нибудь двадцати беззащитнымъ утопающимъ. Двое изъ лучшихъ друзей Людовика Наполеона, полякъ графъ Дунинъ и Фоврь, были смертельно ранены возлѣ него, и много другихъ если не смертельно, то тяжко ранены. Въ него самого попали три пули, изъ которыхъ двѣ пробили только его платье, а третья слегка задѣла руку. Между тѣмъ было выслано нѣсколько лодокъ для принятія спасавшихся; когда одна изъ нихъ подошла къ Мезонапу, которому начинали измѣнять силы, онъ все-таки крикнулъ: «спасите сперва принца!» Въ нѣсколько минутъ всѣ оставшіеся въ живыхъ бѣглецы были взяты и увезены въ старый замокъ, построенный на булонскихъ высотахъ.

Такъ кончилась вторая экспедиція Людовика Наполеона; ее такъ же какъ и первую старались выставить съ исключительно смѣшной стороны, но она не осталась совершенно безплодной, — послужила покрайней мѣрѣ хоть къ тому, чтобъ показать его мужество и напомнить народу о его существованіи.

VI. Въ Гамской крѣпости.

Принца не долго продержали въ булонской крѣпости. Его, какъ и послѣ страсбургскаго фіаско, подъ сильнымъ конвоемъ повезли въ Парижъ. «Прощайте», сказалъ онъ друзьямъ своимъ, разставаясь съ ними, когда они смотрѣли на отъѣздъ его изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ: «я протестую противъ разлученія съ вами».— «Прощайте, принцъ», откликнулся ему Персиньи: «тѣнь великаго императора да напутствуетъ васъ!»

Полковникъ муниципальной гвардіи, который сѣлъ вмѣстѣ съ принцемъ въ карету,—имѣлъ при себѣ пистолеты, и объявилъ, что при малѣйшемъ поползновеніи бѣжать, онъ ему всадитъ пулю въ мозгъ. Замѣчательно, что тогдашній булонскій подпрефектъ, Лепрово-де-Лонэ, отличавшійся своей грубостью къ плѣнному принцу, теперь, при министерствѣ Олливье, сдѣланъ префектомъ департамента Верхней Гаронны. Это можно причислить къ «знаменіямъ времени». Людовика Наполеона привезли сначала въ Гамъ, оттуда въ Парижъ—и тамъ ему пришлось сидѣть въ Консьержери, въ томъ самомъ нумерѣ, въ которомъ сидѣлъ Фіески, соорудитель «адской машины» противъ Людовика Филиппа.

26-го сентября 1840 года, принцъ явился передъ Судомъ Перовъ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ и измѣнѣ царствующему дому. Замѣчательны заключительныя слова его защитительной рѣчи: «я являюсь передъ вами, господа, представителемъ принципа, пораженія, и дѣла: принципъ, это — верховенство народа; дѣло — дѣло имперіи; пораженіе—Ватерлоо. Принципъ этотъ вы признаете, этому дѣлу вы служили, за это пораженіе вы желали отмстить. Между мною и вами нѣтъ разлада —и не вѣрится мнѣ, чтобъ мнѣ пришлось нести наказаніе за отступничество другихъ». Принцъ былъ осужденъ и приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію.

Мѣстомъ заточенія его выбрали Гамскую крѣпость—мрачный, скучный каменный четыреугольникъ, съ съ четырьмя башнями по угламъ и узкими окнами съ крѣпкими, частыми рѣшетками. Войдя въ крѣпость, съ лѣвой стороны можно видѣть старый вязъ, а насупротивъ его, на дальнемъ концѣ двора, угрюмое строеніе, наполовину закрытое тѣнью отъ поросшаго травою землянаго вала. Съ правой стороны въ этомъ строеніи желѣзная дверь — въ нее входъ. Въ нижнемъ этажѣ четыре маленькія комнаты; двѣ изъ нихъ были предоставлены генералу Монтолону, который вмѣстѣ съ докторомъ Конно раздѣлялъ заточеніе Людовика Наполеона. Въ первомъ этажѣ двѣ комнаты: одна изъ нихъ служила принцу гостинной и кабинетомъ, другая спальней; такія же двѣ комнаты принадлежали доктору Конно; къ этому надо прибавить общую столовую и небольшой кабинетъ, въ которомъ Людовикъ Наполеонъ дѣлалъ химическіе опыты. Въ извѣстные часы ему позволялось гулять на платформѣ длиною въ сорокъ футовъ, шириною въ двадцать, устроенной на брустверѣ вала, съ видомъ на каналъ,—но и то не иначе, какъ въ сопровожденіи караульнаго. Сверхъ того въ распоряженіе принца былъ отданъ небольшой садикъ, за которымъ онъ усердно ходилъ. Подъ самой своей темницей онъ насадилъ жимолости, чтобы скрыть рѣшетки оконъ,— и когда она въ скоромъ времени разрослась въ тѣнистую бесѣдку, онъ устроилъ подъ ней нѣчто въ родѣ ниши и поставилъ полукруглую скамейку (до сихъ поръ хорошо сохранившуюся), на которой просиживалъ по цѣлымъ часамъ. Онъ каждый день получалъ газеты, такъ что не отставалъ отъ міра; нерѣдко также принималъ онъ визиты; особенно навѣщали его демократическіе коноводы, которые не прочь были бы пользоваться его именемъ,—достаточное доказательство, что имя это было популярно. Но онъ никогда искренно не думалъ становиться въ ряды республиканской организаціи, хотя впослѣдствіи онъ это и сдѣлалъ для вида. Демократія служила ему ступенью къ престолу. То чего такъ боялся іюльскій монархъ, и ради чего онъ въ первый разъ не рѣшился предать принца суду,—теперь сбылось: принцъ сдѣлался общимъ любимцемъ—и прежде всего любимцемъ солдатъ, стоявшихъ гарнизономъ въ крѣпости, которые часто, проходя мимо него, вполголоса говорили: «vive l'empereur» и даже сами предлагали помочь ему бѣжать. Эти демонстраціи сильно безпокоили правительство. Гарнизонъ стали часто смѣнять, чтобъ солдаты не могли слишкомъ привязаться къ арестанту,— наконецъ каждыя двѣ недѣли. Такъ прошло шесть лѣтъ, безъ малѣйшаго измѣненія въ судьбѣ узника.

При каждомъ удобномъ случаѣ принцъ объявлялъ, что ему въ тысячу разъ пріятнѣе неволя во Франціи, чѣмъ свобода на чужой землѣ. Но ему предстояло еще одно тяжелое испытаніе: отецъ его, уже въ преста-рѣлыхъ лѣтахъ, опасно заболѣлъ и пожелалъ еще разъ его видѣть. Принцъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ Дюшателю, и предложилъ обязаться честнымъ словомъ возвратиться въ свою темницу, если ему дозволятъ съѣздить изъ Франціи къ отцу. Совѣтъ министровъ, послѣ долгаго совѣщанія, объявилъ себя некомпетент-

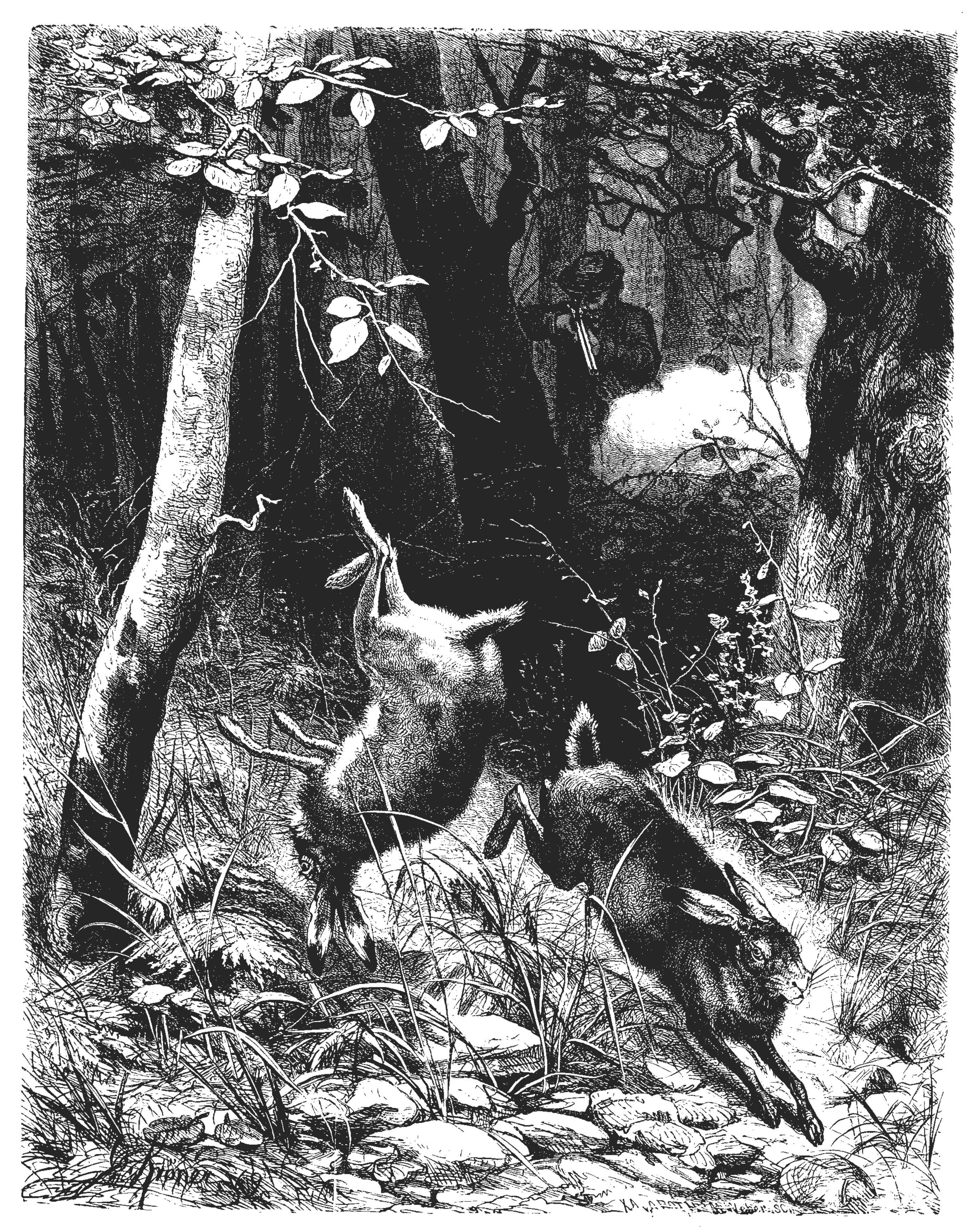
нымъ къ рѣшенію вопроса и сообщилъ принцу, чтобъ онъ обратился со своей просьбою къ королю. Принцъ написалъ письмо къ Людовику Филиппу, сынъ маршала Нея подалъ его, а Одилонъ-Барро́ энергически ходатайствовалъ за него. Сначала король, казалось, готовъ былъ согласиться и даже объявилъ, что предлагаемой принцемъ гарантіи (его честнаго слова) достаточно; но кто-то ему посовѣтовалъ потребовать отъ принца формальную просьбу о помилованіи — съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не нарушать болѣе спокойствія Франціи. Принцъ, сознавая, что подобная уступка унижаетъ его въ глазахъ его послѣдователей, отказался отъ предлагаемыхъ ему условій. «Тысячу разъ лучше умереть въ темницѣ, чѣмъ наложить пятно на свою честь!» воскликнулъ онъ запальчиво: «отецъ мой вполнѣ пойметъ мое побужденіе и проститъ меня, если я не пріѣду закрыть ему глаза. Если я когда-нибудь выйду отсюда, то не иначе какъ на кладбище или въ тюльерійскій дворецъ».

Единовременно, однако, съ этимъ рѣшительнымъ заявленіемъ, онъ серіозно сталъ думать о бѣгствѣ и приступилъ къ исполненію своей мысли быстро и осторожно. Случай къ тому подали производимыя въ крѣпости поправки въ большихъ размѣрахъ, для которыхъ потребовалось множество каменьщиковъ. Людовикъ Наполеонъ въ точности ознакомился съ ихъ работами, временемъ ихъ прихода и ухода, — и рѣшился уйти въ костюмѣ рабочаго. Ему въ этомъ много помогъ его преданный умный камердинеръ Теленъ (Thélin). Они замѣтили, что за рабочими строго присматриваютъ, когда тѣ приходятъ на работу и уходятъ съ нея, но что не такъ внимательно слѣдятъ за тѣми, которые выходятъ только за матеріаломъ, — далѣе, что каждое утро одинъ изъ двухъ тюремщиковъ отправляется за письмами и газетами и остается довольно долго. На этихъ данныхъ принцъ, докторъ Конно́ и камердинеръ составили свой планъ. Генералу Монтолону, уже очень не молодому, притомъ именно въ это время серіозно нездоровому, ничего не сказали. Теленъ прежде всего досталъ полный рабочій костюмъ: синюю блузу съ панталонами, старую шапку, деревянные *сабо* и грязный фартукъ. Чтобы имѣть возможность взять почтовыхъ лошадей безъ всякихъ затрудненій, камердинеру нуженъ былъ какой-нибудь видъ. Какъ разъ въ эту пору, 23 мая 1846 года, принца навѣстили англичане, его лондонскіе знакомые, — и онъ попросилъ ихъ паспортовъ, чтобы его камердинеръ, которому, будто-бы, необходимо сдѣлать небольшую поѣздку, могъ достать лошадей. Они по всей вѣроятности догадывались въ чемъ дѣло и тѣмъ охотнѣе дали паспорты, потому что они вполнѣ сочувствовали принцу, и для нихъ, конечно, было удовольствіемъ содѣйствовать его освобожденію.

Вечеромъ 25 мая Теленъ заказалъ въ мѣстечкѣ Гамъ кабріолетъ на слѣдующій день. 26-го, рано утромъ, Людовикъ Наполеонъ переодѣлся; для пущей вѣрности онъ обрилъ себѣ бороду, выкрасилъ брови, надѣлъ парикъ съ безпорядочно набѣгавшими на лобъ и уши волосами и взялъ въ ротъ короткую глиняную трубку. Онъ взялъ съ собою только два письма, съ которыми ему не хотѣлось разставаться, хотя они, будь онъ взятъ, послужили бы къ немедленному удостовѣренію въ его личности; одно изъ этихъ писемъ было отъ его матери, другое отъ императора — и въ немъ были между прочимъ слѣдующія слова: «надѣюсь, что Людовикъ Наполеонъ, когда выростетъ, выкажетъ себя достойнымъ назначенія, которое его дожидается». Въ 7 часовъ утра каменьщики пришли на работу. Теленъ предложилъ имъ выпить — и когда они для этого собрались въ сѣни, шепнулъ своему господину: «пора!». Принцъ взялъ на плечо заранѣе приготовленную доску и вышелъ на дворъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нимъ шелъ Теленъ, одѣтый въ дорогу, съ собакой на сворѣ. Онъ еще наканунѣ выпросилъ себѣ отъ крѣпостнаго начальства разрѣшеніе съѣздить въ Сенъ-Кантенъ; сторожа это знали, — и чтобы отъ мнимаго рабочаго отвлечь и на себя обратить вниманіе, онъ началъ болтать со встрѣтившимся ему, между тѣмъ какъ Людовикъ-Наполеонъ, по возможности прикрывая лицо доской, важно и не торопясь проходилъ мимо него. Далѣе встрѣтился настоящій рабочій и заговорилъ съ нимъ, но и тутъ Теленъ выручилъ, отвлекъ вниманіе рабочаго. Затѣмъ они наткнулись на офицера, но къ счастію онъ былъ углубленъ въ чтеніе письма. Надо было пройти еще гауптвахту, гдѣ было около тридцати солдатъ: ничтожнѣйшее обстоятельство моглобы все погубить, но все обошлось благополучно. Оставалось еще миновать ворота. Привратнику пришлось наклонить голову въ сторону, чтобы не получить удара отъ доски, которой принцъ мастерски управлялъ. Послѣдній часовой смотрѣлъ вслѣдъ за проходящими, и въ эту критическую минуту, чтобы лучше спрятать лицо, принцъ обронилъ трубку и нагнулся поднять ее. Наконецъ прошли и оба подъемные моста — принцъ былъ свободенъ. Теленъ поспѣшилъ впередъ, за экипажемъ, а принцъ все шелъ спокойно далѣе. На углу улицы Сенъ-Кантенъ онъ ждалъ въ лихорадочномъ нетерпѣніи — экипажа все не было. Онъ пошелъ далѣе въ своихъ тяжелыхъ, непривычныхъ *сабо*, до кладбища Сенъ-Сюльписа, почти на разстояніи трехъ четвертей часа отъ Гама. Тутъ онъ въ отчаяніи бросился къ подножію высокаго креста — какъ вдругъ увидѣлъ желанный экипажъ; за нимъ ѣхалъ другой, но къ счастію не имѣлъ ничего общаго съ бѣгствомъ принца. Принцъ пропустилъ его впередъ, потомъ бросился въ кабріолетъ и схватилъ возжи: онъ теперь былъ за кучера, а камердинеръ его за сѣдока. Нѣсколько минутъ спустя проѣхали два жандарма, но въ другую сторону. Въ Сенъ-Кантенѣ принцъ сошелъ, отправился пѣшкомъ черезъ городъ по направленію къ Камбрэ, а Теленъ досталъ другой экипажъ. Опять долго пришлось ждать у дороги въ смертельномъ страхѣ; принцъ стоялъ погруженный въ думы о прошедшемъ и будущемъ — вдругъ его ударило по плечу, онъ вздрогнулъ съ испуга, но оказалось, что это собака, спущенная Теленомъ, побѣжала впередъ и заявляетъ ему свою любовь и радость. Въ 4 часа они уже были въ Валансьенѣ и поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Брюссель.

Прибывъ въ Англію, Людовикъ Наполеонъ самъ написалъ французскому посланнику де-Сентъ-Олеру о своемъ бѣгствѣ и освобожденіи. Онъ хотѣлъ ѣхать къ отцу, но великій герцогъ Тосканскій не разрѣшилъ ему въѣзда въ его владѣнія — и бывшій голландскій король умеръ не повидавъ сына.

Бѣгствомъ изъ Гама оканчивается тотъ періодъ жизни Наполеона III, который мы взялись разсказать. Герой этого приключенія уже не могъ назваться молодымъ въ строгомъ смыслѣ, но онъ самъ и до сихъ поръ еще причисляетъ его къ продѣлкамъ своей молодости.



Охота на зайцевъ.

Охота на зайцевъ.

Если вы принадлежали нѣкогда къ вольному товариществу охотниковъ, не припоминаются ли вамъ, читатель, при взглядѣ на прилагаемый рисунокъ, тѣ красные осенніе деньки, когда вы, послѣ долгаго промежутка болотной охоты, снова брали коротκостволку и направлялись къ опушкѣ рѣдѣющаго лѣса?

Да, неправда ли? Это та самая пора бабьяго лѣта, когда вечерній сумракъ въ послѣобѣденное время все раньше и раньше начинаетъ отнимать возможность вѣрнаго прицѣла *съ выдержкой* и заставляетъ стрѣлять *въ накидку* почти наугадъ или по привычкѣ къ ружью,— когда тетеревиные выводки давнымъ - давно перебиты

огуломъ, а уцѣлѣвшіе черныши въ сѣромъ перѣ и рябиньнькія молодки, все рѣже и рѣже попадая въ яхташъ, сначала забились въ гречиху, окончательно оперились, а тамъ хоть и выбрались въ лѣсъ, но стали зорки и сторожки, и наконецъ дѣлаются уже достояніемъ стрѣлковъ-промышленниковъ, стрѣлковъ на чучела; за куропатками бѣгать по полямъ наскучило; въ болотѣ тоже пожива плохая: дупелиная высыпка миновала къ концу августа, кое-гдѣ еще вскочитъ отсталой дупель, да такой жирный, еле тянетъ такимъ лѣнивымъ полетомъ, что и стрѣлять его невесело; бекасъ тоже становится рѣдокъ и почти не выдерживаетъ стойки; ну, а гаршнеповъ успѣемъ настрѣляться хоть въ октябрѣ, когда ужь кромѣ ихъ ничего не будетъ... Словомъ, настаетъ самый развалъ пролета лучшей лѣсной дичи — вальшнепа; разумѣется, я говорю о средней полосѣ Россіи, т. е. переводя на языкъ охотниковъ, о полосѣ охоты на вальшнепа изъ-подъ собаки, а не на тягѣ (весенней и осенней) какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Утро; солнце уже высоко въ чистой безоблачной синевѣ неба и пронизываетъ рѣдѣющій лѣсъ во всѣхъ направленіяхъ яркозолотыми отсвѣтами; еще зеленая, радужно-росистая трава усыпана до ряби въ глазахъ желтыми, бѣлесоватыми и красными пятнами облетѣвшей листвы; серебряныя нити паутины рѣютъ и безконечно тянутся въ прозрачномъ и свѣжемъ воздухѣ; тихо такъ, что слышно какъ цѣпляется о вѣтви сухой листокъ, оторвавшійся съ самой макушки дерева и неровныхъ полетомъ бабочки вьющійся долу. Чоканье дроздовъ-рябинниковъ стоймя-стоитъ по лѣсу; гдѣ-то вдали мѣрно и звонко долбитъ черный дятелъ, — не какой-нибудь, а именно желна — это слышно по стуку, сильному какъ ударъ топора. Порою рѣзко затрещитъ сойка и — вся розовенькая на солнцѣ — взмоетъ надъ вершинами деревьевъ. Въ сквозящей перспективѣ лѣса, широкими кругами, на всѣхъ рысяхъ, перекрещиваются ваши два сеттера, помахивая волнистыми хвостами; вы легко и бодро, крупнымъ шагомъ, спѣшите вслѣдъ, какъ бы ныряя въ кустахъ орѣшинъ, калины и дубняка; вѣрная двустволка со взведенными курками — то на перевѣсѣ, то поднята надъ головой, когда вамъ приходится продираться въ безлистной чащѣ сѣчи или парусника въ перелѣскѣ; вы торопитесь пройдти его, зная, что вальшнепъ утромъ держится въ крупномъ лѣсу, особенно у сложенныхъ саженей рубленаго дерева. Вотъ, одинъ изъ сеттеровъ какъ-будто потянулъ верхнимъ чутьемъ, потомъ припалъ къ землѣ и — молодая собака! — не выдержавъ, кинулся со всѣхъ ногъ... «Тубо!»... Вдругъ вы невольно вздрагиваете: вмѣсто ожидаемаго треска вспорхнувшихъ крылъ, гдѣ-то близехонько возлѣ васъ раздается — топъ-топъ! — глухой ударъ мягкихъ ногъ о земь: это заяцъ вскочилъ... Вонъ его настороженые ушки юркнули въ молодой поросли кустарника... вонъ онъ плавными и какъ-бы еще лѣнивыми скачками утекаетъ въ прогалинкѣ межь деревьевъ... Озадаченныя собаки замерли на мѣстѣ, и какъ-то смутно мелькомъ запечатлѣлись въ вашихъ глазахъ — мигъ — прицѣлъ — выстрѣлъ — облако дыма — все слилось воедино съ мгновеннымъ приливомъ крови къ головѣ и сердцу... Остальное досказываетъ рисунокъ.

Собственно по зайцу — охотятся различно: съ гончими подъ-конецъ лѣта; осенью въ узерку, т. е. издали усматривая вылинявшаго до-сѣра зайца, лежащаго на темной землѣ; наконецъ, зимою по порошѣ, т. е. по слѣдамъ на свѣже-выпавшемъ снѣгу. Распространяться объ этихъ охотахъ — считаемъ лишнимъ. Для истиннаго охотника онѣ служатъ развѣ забавой за недостаткомъ другой дичи. Это бойня, особенно гдѣ зайцевъ много; ими нагружаются цѣлые возы. Иное дѣло, когда заяцъ попадается невзначай, какъ въ описанномъ случаѣ: тутъ онъ составляетъ пріятную неожиданность и все-таки вѣское прибавленіе къ тяжести яхташа.

Вопросъ о заживо похороненныхъ.

«Есть ли средство обезпечить себя и своихъ домашнихъ отъ опасности быть похороненными заживо?» Такой вопросъ получила недавно редакція въ письмѣ отъ одного изъ своихъ подписчиковъ. Съ своей стороны, она поспѣшила запастись по этому предмету отвѣтомъ изъ компетентнаго источника и намѣрена здѣсь, въ виду общаго интереса, подѣлиться съ своими читателями.

Мнимая смерть есть состояніе, въ которомъ жизнь только кажется угасшею, а не дѣйствительно и не совсѣмъ еще угасла. Моментомъ наступленія смерти обыкновенно считаютъ послѣдній вздохъ; но такъ какъ въ теченіи нѣкотораго времени и послѣ этого момента, при помощи извѣстныхъ возбудительныхъ средствъ, можно еще вызвать отдѣльныя проявленія жизни, и такъ какъ смертью по справедливости можно назвать лишь полное прекращеніе всѣхъ жизненныхъ проявленій, — то необходимо допустить существованіе промежутка времени между послѣднимъ вздохомъ и безвозвратнымъ исчезновеніемъ всякой возбудимости, — промежутка, въ теченіе котораго жизнь не въ достаточной мѣрѣ обнаруживается во внѣ — путемъ доступныхъ чувственному воспріятію проявленій, и въ теченіе котораго, стало быть, можетъ имѣть мѣсто вопросъ, принадлежитъ ли человѣкъ жизни или смерти. Это-то и есть періодъ мнимой смерти. Въ теченіе его не обнаруживается ни сознанія, ни ощущенія, ни движенія, ни дыханія, ни даже кровообращенія, ни теплоты въ тѣлѣ, — такъ какъ ихъ или и дѣйствительно вовсе не существуетъ, или же они дошли до минимума; только чувство слуха сохраняется иногда вполнѣ. Такой переходъ отъ явственной жизни къ совершенной смерти — въ отдѣльныхъ случаяхъ занимаетъ довольно продолжительное время. Въ этомъ состояніи послѣднія проявленія жизни время отъ времени выдаютъ себя — и то лишь при самомъ внимательномъ наблюденіи — или единымъ ударомъ пульса въ сердцѣ, или отдѣльнымъ легкимъ движеніемъ дыхательнаго аппарата, или же едва замѣтнымъ и мгновеннымъ содроганіемъ мышцъ (особенно на лицѣ, глазахъ и губахъ). Обыкновенно же промежутокъ времени мнимой смерти до дѣйствительной бываетъ очень непродолжителенъ — самое большее двѣнадцать часовъ. Такимъ образомъ, коль скоро больной испыталъ на себѣ явленіе предсмертной борьбы, съ увѣренностію можно ожидать, что за послѣднимъ вздохомъ въ скоромъ времени наступитъ и смерть всего тѣлеснаго организма. Въ обыденной жиз-

ни, при нормальныхъ случаяхъ, даже и не думаютъ о періодѣ мнимой смерти, да оно и не имѣетъ здѣсь никакого значенія: не все ли равно, наступаетъ ли дѣйствительная, полная смерть сразу же за послѣднимъ вздохомъ, или же—постепенно чрезъ нѣсколько часовъ. Совсѣмъ иное, если думаютъ, что послѣдовала настоящая смерть, между тѣмъ какъ это есть только смертный сонъ, *мнимая смерть*. Тутъ уже представляется опасность быть похороненнымъ заживо, такъ какъ подобный сонъ можетъ продлиться на много дней.

Настоящая мнимая смерть можетъ послѣдовать: 1) отъ *внутренняго болѣзненнаго состоянія* — сюда относится глубокій обморокъ отъ сильнаго утомленія ходьбою, послѣ трудныхъ родовъ, далѣе послѣ судорожныхъ припадковъ истерики, падучей болѣзни, родимца, столбняка и летаргіи, а иногда и холеры, затѣмъ при наркотическихъ отравленіяхъ, напр. опіумомъ, синильною кислотою, хлороформомъ; 2) *отъ внѣшняго разстройства* — послѣ сильнаго сотрясенія мозга (при паденіи съ значительной высоты, съ лошади, отъ раны, нанесенной съ размаха, отъ удара по головѣ палкою), послѣ опаснаго пораненія, сопряженнаго съ потрясеніемъ и значительною потерею крови, послѣ сильнаго кровотеченія—особенно у рожениць и дѣтей; 3) *отъ особенныхъ причинъ*: у новорожденныхъ—отъ неустановившагося еще дыханія; вообще же—при утопаніи, повѣшеніи, замерзаніи, отъ удушливыхъ газовъ (напр. угольный чадъ), отъ присутствія постороннихъ веществъ въ гортани (напр. при подавленіи костью, остановившеюся въ горлѣ и производящею тамъ опухоль).

Нѣсколько примѣровъ несомнѣнныхъ случаевъ мнимой смерти лучше всего пояснятъ только что сказанное. Во Франціи въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1836—45), по Ле-Герну было всего 46 случаевъ, когда погребеніе живаго еще во время было остановлено, только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ. По Ленорману, въ Берлинѣ за три года извѣстно сдѣлалось 10 такихъ случаевъ. Изъ Сѣверной Америки въ послѣдніе годы сообщено о 6 подобныхъ случаяхъ. Докторъ Энсловъ разсказываетъ о себѣ, что въ молодости онъ два раза подвергался опасности быть похороненнымъ заживо. Знаменитому анатому Порталю былъ доставленъ для изслѣдованія трупъ новорожденнаго, и, лишь только Порталь началъ надъ нимъ лекцію, ребенокъ обнаружилъ признаки жизни, и Порталю удалось возвратить его этому свѣту. Далѣе извѣстны случаи, когда приговоренные къ смерти, по совершеніи надъ ними казни, снова приходили въ себя. Такой случай былъ Туринѣ въ 1853 году: одинъ преступникъ, приговоренный къ висѣлицѣ, по исполненіи надъ нимъ казни, былъ положенъ въ въ гробъ—и во время переноски на мѣсто погребенія началъ кашлять; онъ былъ впослѣдствіи помилованъ. Именно съ повѣшенными случалось это нерѣдко и прежде. Такой случай, разсказываютъ, довелось видѣть знаменитому врачу Меккелю (1730 г.); одинъ повѣшенный проснулся въ его анатомическомъ кабинетѣ, и Меккель доставилъ ему возможность скрыться. Спустя много лѣтъ, врачъ получилъ изъ Амстердама подарокъ въ 25 тысячъ гульденовъ; оказалось, что оживившій преступникъ сдѣлался тамъ богатымъ купцомъ.

О томъ, что трупы, принесенные въ препаровочную, при началѣ анатомированія обнаруживали признаки жизни, разсказывается во многихъ старинныхъ книгахъ; но не всѣ эти случаи вполнѣ достовѣрны. Такъ, напр., передаютъ, что подобный случай былъ въ Римѣ съ кардиналомъ Сомагліа, который въ 1830 году впалъ въ летаргическій сонъ и считался уже умершимъ; когда же его трупъ хотѣли набальзамировать и вскрыли грудь, по тѣлу пробѣжала дрожь, и началось біеніе сердца. Древніе римскіе историки сообщаютъ нѣсколько случаевъ, когда люди, сжигаемые уже на кострѣ *), обнаруживали ясные признаки того, что они еще не умерли. Такъ, Плиній называетъ консула Авіолана, претора Вамію и еще нѣсколько другихъ знатныхъ римлянъ, которые лишь на кострѣ возвращались къ жизни, но уже не могли спастись изъ пламени.

Если нѣтъ недостатка въ примѣрахъ того, какъ погребались люди, еще не совсѣмъ умершіе,—за то, напротивъ, очень рѣдки случаи, когда зарывались въ землю люди, дѣйствительно живые. Если и нельзя оспоривать возможности подобныхъ случаевъ (такъ какъ извѣстно, что многихъ похороненныхъ заживо, по ихъ крику и стуку о стѣнки гроба, успѣвали вырыть изъ земли еще живыми; а иногда эту услугу, конечно неумышленно, оказывали имъ гробокопатели и разныя другія обстоятельства),—тѣмъ не менѣе на этотъ счетъ существуетъ множество въ высшей степени подозрительныхъ исторій. Впрочемъ, въ томъ или другомъ разсказѣ въ основаніи есть и доля правды. Съ особами, подверженными припадкамъ истерики,—какъ мужчинами, такъ и женщинами,—случается болѣзнь, извѣстная подъ именемъ каталепсіи, т. е. столбняка, и при этомъ очень возможно похоронить мнимоумершаго. Такъ, напр., американскіе врачи изъ Мильвоки въ штатѣ Висконсинъ сообщаютъ, что тамъ, въ деревнѣ Бэрлингтонъ, у двѣнадцатилѣтней дочери одного нѣмецкаго фермера была корь. Дѣвочка уже оправлялась, какъ вдругъ погрузилась въ сонъ (въ январѣ 1869 г.) и была положена въ гробъ, такъ какъ ее сочли умершею. Пульсъ совершенно пересталъ биться, и не было замѣчено ни малѣйшаго движенія дыхательныхъ органовъ; но тѣмъ не менѣе тѣло совсѣмъ не казалось мертвымъ, и члены сохраняли свою гибкость. 28 января, когда въ Бэрлингтонъ отправились врачи, былъ уже двадцатый день, какъ продолжалось это состояніе. Глаза были закрыты. Врачи открыли одну жилу—и кровь потекла, какъ у живаго человѣка; одинъ изъ присутствующихъ сдавилъ ребенку палецъ—и сдавленное мѣсто побѣлѣло, но вскорѣ затѣмъ приняло снова прежній цвѣтъ. Летаргія продолжалась еще два дня, и потомъ дѣвочка совершенно выздоровѣла.

Въ литературѣ было описано много примѣровъ этой замѣчательной болѣзни. Интересный случай былъ сообщенъ докторомъ Бланше французской академіи наукъ въ Парижѣ. Дѣло тутъ идетъ о двадцатилѣтней женщинѣ, которая вдругъ, повидимому ни съ того ни сего, впала въ сонъ, длившійся пятьдесятъ дней. Спустя восемь лѣтъ, въ 1862 году, однажды утромъ, такъ же внезапно и неожиданно, она погрузилась въ летаргическій сонъ, который длился въ продолженіи цѣлаго года.

Не къ этой ли категоріи относится случай, о которомъ на дняхъ сообщено было изъ Штольберга, изъ Рудныхъ Горъ въ Саксоніи? Тамошній чулочный мастеръ Лашъ, отлучившись изъ своей гостинной на нѣсколько минутъ, по возвращеніи нашелъ жену свою лежащею на диванѣ безъ всякихъ признаковъ жизни. Ее приняли за умершую скоропостижно отъ удара, повѣстили о томъ кого слѣдуетъ, и перенесли предполагаемую покойницу въ

*) Древніе сжигали мертвыхъ на кострѣ и пепелъ собирали въ урну.

комнату въ мезонинѣ, гдѣ тѣло почти обнаженное оставалось на 12° мороза въ теченіи шести часовъ. Но мужа ея взяло однако раздумье. Онъ нашелъ, что—даже и послѣ этого времени—на лицѣ его жены игралъ все тотъ же яркій румянецъ, тѣло сохраняло ту же мягкость и нѣжность, въ глазахъ подъ сомкнутыми рѣсницами свѣтился все тотъ же блескъ, уста были такъ-же свѣжи, какъ и при жизни. На четвертый день женщина, все въ томъ же состояніи, была похоронена. Впрочемъ, мужъ ея не допустилъ, чтобы гробъ былъ засыпанъ землею,—и потому могильщикъ ограничился только тѣмъ, что покрылъ могилу досками. Ежедневно разъ приходилъ Лашъ на кладбище, чтобы, вмѣстѣ съ могильщикомъ, взглянуть на свою жену,—и состояніе ея въ теченіи слѣдующихъ пяти дней оставалось совершенно безъ измѣненія. Заключенная въ гробу, она оставалась тамъ и въ прохладную погоду, и при вѣтрѣ, и при дождѣ, и все таки не видно было ни малѣйшаго признака разложенія: все тотъ же яркій румянецъ на щекахъ, все та же гибкость членовъ. Наконецъ, женщина эта вынута была изъ могилы, и въ закрытомъ гробѣ помѣщена въ находящейся на кладбищѣ покойницкой. Какъ видно изъ письма мужа, въ «Leipziger Tageblatt», состояніе его жены оставалось безъ всякой перемѣны и въ семидесятый день: ни малѣйшаго разложенія, никакого опредѣленнаго признака смерти. Предполагаемая покойница выглядитъ совершенно живою, имѣетъ такой же румяный цвѣтъ лица, и ея члены такъ-же свѣжи и подвижны, какъ и прежде. Къ сожалѣнію, о дальнѣйшемъ относительно этого случая мы до сихъ поръ не могли ничего узнать.

Уже изъ предыдущаго можно заключить, какъ легко быть похороненнымъ заживо,—тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ наука не запаслась еще какимъ либо другимъ несомнѣннымъ даннымъ для отличія мнимой смерти отъ дѣйствительной; единственнымъ неоспоримымъ признакомъ смерти донынѣ остается только гніеніе: началъ покойникъ издавать запахъ—стало быть онъ дѣйствительно умеръ. Но такъ какъ гніеніе очень часто наступаетъ весьма и весьма поздно, и такъ какъ не всякій въ состояніи столь долгое время держать трупъ въ собственной квартирѣ,—то въ нѣкоторыхъ городахъ (какъ напр.: Мюнхенѣ, Веймарѣ) устроены особыя помѣщенія для покойниковъ. Самое лучшее изъ учрежденій въ этомъ родѣ устроено въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Тамъ для каждаго трупа отводится особая камера, и всѣ камеры легко обозрѣть изъ находящейся въ срединѣ ихъ сторожки чрезъ герметически-запертое окно. Камеры—съ высокими сводами и имѣютъ вверху отверстіе. Освѣщеніе производится лампою, подвѣшенною къ потолку; а зимою камеры кромѣ того и отопляются, посредствомъ нагрѣтаго воздуха. Въ каждой камерѣ находится подвижной, на четырехъ колесахъ, станокъ, на который и кладется трупъ въ открытомъ гробу. На каждый палецъ покойника надѣваютъ особые наперстки и соединяютъ ихъ съ шнуркомъ, который идетъ въ сторожку и при малѣйшемъ движеніи тѣла приводитъ въ дѣйствіе колокольчикъ, подвѣшенный надъ окошечкомъ съ цифрою, указывающею нумеръ камеры. Такимъ образомъ—и днемъ, и ночью всякое проявленіе жизни тотчасъ же становится извѣстнымъ. Недалеко отъ сторожки находится помѣщеніе для опытовъ оживленія; тутъ ванная комната и кухня, гдѣ всегда имѣется наготовѣ теплая вода. Въ покоѣ для опытовъ оживленія находятся различные спасительные аппараты и необходимыя лекарства. Всѣ помѣщенія зимою отапливаются—и вентиляція устроена такъ, что даже въ самое жаркое лѣто незамѣтно ни малѣйшаго слѣда дурнаго запаха. Пользованіе этимъ учрежденіемъ для всѣхъ безъ исключенія—безплатное. Для помѣщенія туда трупа, требуется только докторское о томъ свидѣтельство, которое, впрочемъ, принято выдавать до 24 час. послѣ смерти. Во Франкфуртѣ, точно также какъ въ Веймарѣ, Мюнхенѣ, еще не было случая, чтобы какой либо изъ помѣщенныхъ тамъ труповъ обнаружилъ малѣйшій признакъ жизни.

Въ Петербургѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, былъ нѣмецъ-скрипачъ итальянской оперы, который, задавшись мыслію о возможности быть похороненнымъ заживо, заваливалъ министерство прошеніями, въ которыхъ неотступно предлагалъ ко всеобщему употребленію изобрѣтенное имъ средство предотвратить опасность погребенія мнимоумершихъ. Наконецъ, при графѣ Перовскомъ, изобрѣтеніе назойливаго нѣмца было испытано и принято, но не было офиціально введено въ употребленіе. Изобрѣтеніе это состояло въ томъ, что прямо надъ головою покойника въ гробу пробуравливалось отверстіе, въ которое вставлялась трубочка, оканчивавшаяся наподобіе тромпета, приходившагося противъ самаго рта, и выходившая изъ могилы. Такимъ образомъ, если покойникъ проснулся, то не только имѣлъ бы возможность дышать, но и могъ бы (посредствомъ этой, особенно устроенной, трубочки) въ высшей степени сильно закричать о помощи. Сверхъ того, трубочка эта могла служить для узнанія, началось ли разложеніе или нѣтъ; стоило только поднести носъ къ ея отверстію, чтобъ ощутить запахъ гнилости, если она была. Коль же скоро началось разложеніе, трубочка для экономіи могла быть вынута и затѣмъ употреблена въ другой разъ. Самъ музыкантъ произвелъ предъ коммиссіею опытъ надъ собою. Онъ велѣлъ зарыть себя въ землю на шесть футовъ глубины—и только посредствомъ предложенной имъ трубки разговаривалъ съ членами коммиссіи о разныхъ предметахъ.

Впрочемъ, всѣ такія заведенія, какъ дома для храненія труповъ и т. п., могутъ имѣть мѣсто только въ богатыхъ городахъ; въ городахъ же бѣдныхъ и особенно въ селахъ они совершенно немыслимы, по причинѣ громадныхъ издержекъ. Руководимый этою мыслію, извѣстный богачъ маркизъ д'Оршъ назначилъ премію въ 20,000 франковъ за изобрѣтеніе такого практическаго способа узнавать, дѣйствительно ли умеръ человѣкъ, или нѣтъ,—который былъ-бы примѣнимъ и въ хижинѣ послѣдняго бѣдняка. Эту премію получилъ докторъ Сеніеръ изъ Сенъ-Жанъ-дю-Гаръ. Его простой и безошибочный способъ состоитъ въ томъ, что руку покойника или мнимоумершаго держатъ въ темномъ пространствѣ противъ свѣчи. Если смерть еще не наступила, то пальцы (особенно по оконечностямъ) представляются прозрачными съ розовымъ отливомъ; если же, напротивъ, жизнь прекратилась совсѣмъ, то рука совершенно заслоняетъ собою свѣтъ, какъ бы она была изъ мрамора, и рѣзко ограничивается лучами пламени. Пишущій эти строки можетъ рекомендовать этотъ способъ какъ самый вѣрный.

Д-ръ Ф. Гезелліусъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 17 Апрѣля 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 25. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим., д. № 45.

№ 17. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногороднихъ: За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр, и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(Продолженіе).

Русскій полонъ.

Ахметъ, или, какъ его запросто въ Ордѣ звали, Ахметка, былъ сынъ рязанскаго попа. Отецъ его былъ человѣкъ благочестивый, книжный—и лѣтъ 12-ти Ѳедоръ (прежнее имя Ахметки) читалъ апостола и пѣлъ на клиросѣ. Къ книжному ученію имѣлъ онъ большую любовь, зналъ хорошо церковный уставъ и перечелъ всѣхъ святыхъ отцевъ, извѣстныхъ въ то время на Руси. Жажда къ ученію была у мальчика страстная, но удовлетворить жажду знанія въ Рязани было трудно —во первыхъ потому, что послѣ татарскихъ погромовъ книгъ оставалось очень мало, а книжныхъ людей и того меньше. Попался ему часто бывавшій въ домѣ отца его одинъ генуэзецъ, торговавшій пушнымъ товаромъ. Этотъ генуэзецъ былъ человѣкъ кое-чему учившійся. Мальчикъ сталъ около него вертѣться, выучилъ у него латинскую и греческую азбуку и съ невѣроятнымъ усиліемъ дошелъ до того, что сталъ кое-какъ разбирать греческій псалтырь и единственную бывшую тогда въ Рязани латинскую книгу Григорія Двоеслова. Отъ греческаго псалтыря онъ перешелъ къ шестодневу Василія Великаго. Шестодневъ Василія Великаго раскрылъ ему міръ шире, полнѣе и пробудилъ въ его молодой, жаждущей знанія душѣ—вопросы о томъ, что такое міръ, что такое небо, откуда облака и дождь берутся, на чемъ земля держится; Ѳедоръ хотѣлъ знать, что такое писанія древнихъ мудрецовъ. Отправился онъ съ отцемъ въ гости загородъ къ сосѣднему священнику, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Барсуковымъ, такимъ же книгочеемъ, какъ и самъ онъ,—и на пути былъ раненъ татарскою стрѣлою въ плечо. На его глазахъ отца убили, а самъ Ѳедоръ, пойманный на арканъ, прогулялся пѣшкомъ вмѣстѣ съ другими плѣнными въ Орду; въ Ордѣ его немедленно продали. Побывалъ онъ въ киргизской степи, побывалъ онъ на китайской границѣ и наконецъ попалъ въ Пекинъ, гдѣ тогда царили монголы. Монголы въ то время съ жадностью учились у индѣйскихъ и тибетскихъ буддистовъ новой вѣрѣ. Ѳедоръ попалъ въ повара къ одному изъ вельможъ Богдыхана и со страстію отдался изученію санскрита. Въ короткое время онъ осилилъ не только санскритскую, но и самую китайскую грамату. На душѣ его было пусто, потому что ни буддійская діалектика, ни строгая и послѣдовательная китайская философія—ничѣмъ не могли наполнить его любящей, жаждущей правды души. Онъ одно только вынесъ изъ семилѣтней своей жизни въ Пекинѣ,—что знаніе и истина немыслимы на Руси, что

тамъ все глухо и пусто, что Русь—капля въ морѣ, въ сравненіи хоть бы съ тѣмъ же Китаемъ, который переживаетъ такую блестящую, цивилизованную эпоху, гдѣ ученость никому не въ диковину, и гдѣ на всѣ прочія народности смотрятъ какъ на варваровъ. Вельможа, у котораго онъ служилъ, былъ посланъ при посольствѣ въ Персію. Онъ взялъ съ собою Ѳедора, какъ человѣка знающаго разныя науки и человѣка книжнаго, сдѣлалъ его почти что своимъ секретаремъ. Но гдѣ то въ Персіи на посольство напали разбойники, произошла рѣзня; Ѳедоръ спасся какимъ-то чудомъ, опять былъ проданъ и попалъ въ невольники къ одному муллѣ. Мулла былъ человѣкъ грамотный и большой любитель науки и всякаго народнаго свѣденія. Онъ обласкалъ невольника, цѣлые дни толковалъ съ нимъ, расспрашивая его о Руси и о Китаѣ, толкуя съ нимъ о высшихъ истинахъ. Ѳедоръ съ жадностію кинулся на арабскій языкъ, и страстныя слова корана заполонили его. Чрезъ полтора года, онъ принялъ мусульманство и сдѣлался изъ Ѳедора—Ахметомъ. Мусульманство дало ему полную истинную, горячую вѣру. Мусульманство, точно такъ же какъ и христіанство, отрицало народность,—точно такъ же признавало виновными всѣхъ, кто не исповѣдуетъ истиннаго Бога; къ тому же оно можетъ казаться дальнѣйшимъ развитіемъ христіанства, потому что отрицаетъ святыхъ, иконы,—потому наконецъ, что оно возникло изъ христіанства, точно такъ же какъ возникъ изъ него протестантизмъ, какъ изъ протестантизма возникло мормонство. Тогда оно казалось послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости. Есть два рода страстныхъ натуръ: однѣ, которымъ доступны поэзія и искусство,—онѣ всѣ остаются или дѣлаются католиками или православными; другія же, которымъ искусство и поэзія чужды, дѣлаются мусульманами, духоборцами—и если у нихъ, при такомъ отреченіи отъ изящнаго, является всетаки врожденная людямъ потребность къ творчеству, это творчество выражается у нихъ музыкою, идеею или мыслью. Искавшій правды Ѳедоръ, или теперь Ахметъ отрекшійся отъ всего, остановился на томъ, что нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его, что нѣтъ ни личной связи, ни личной привязанности; онъ сталъ человѣкъ не отъ міра сего, представитель другихъ идей,—который не чуждался науки, напротивъ того, онъ слѣдилъ за нею, но во имя ея у него исчезала личность. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Персіи, этотъ человѣкъ, богатый знаніями и прошедшій всю науку XIV вѣка, обладавшій всѣми свѣденіями, выработавшимися въ Европѣ и у китайцевъ, литературою и наукою, съ которыми онъ былъ очень коротко знакомъ,—отправился на Волгу, для того чтобы открыть себѣ новый широкій путь полной дѣятельности при ханѣ Узбекѣ, и на первое время пристроился при дворѣ ханши Баялынь. Баялынь—своему слугѣ, обладавшему невѣроятными для того времени свѣдѣніями, стала для начала поручать собираніе для нея всякихъ рѣдкостей. Ахметъ зналъ толкъ въ произведеніяхъ Персіи, Китая и Россіи—и разъ какъ-то въ разговорѣ съ ханшею замѣтилъ ей, что никто такъ не умѣетъ хорошо вышивать, какъ русскія женщины. Баялынь на это нѣсколько обидѣлась. Сама воспитанная въ степи, она умѣла вышивать какъ всѣ монголки и всѣ татарки—шелками по кожѣ, а кожа составляла главный матеріалъ одежды татаръ. Ткать они не умѣли, холста они не знали, но получали пропасть шелку изъ Китая—и едва ли не они первыя ввели тотъ узоръ, которымъ у насъ до сихъ поръ расшиваются полушубки, торжковскіе сапоги и т. п. Баялынь обидѣлась на замѣчаніе, что лучшія вышивальщицы на свѣтѣ—въ Россіи живутъ, велѣла принести русскую рубаху и ручникъ, и немедленно потребовала, чтобы ей во чтобы то ни стало отыскали русскую вышивальщицу. Потребовала она это не чрезъ Ахмета, а чрезъ одного татарина, большаго пьяницу, мусульманина только на словахъ, которому Ахметъ долженъ былъ давать взятки виномъ. Вотъ почему онъ потребовалъ отъ Ицека двухъ бочекъ вина, въ придачу Прасковью и ея двухъ дѣтенышей.

Глубоко былъ потрясенъ Ахметъ неожиданною встрѣчею съ женою его стараго пріятеля. Ее онъ никогда не зналъ, но мужъ ея когда-то выражался о Прасковьѣ, что жена-дѣ у меня баба простая, не хитрая,—и никогда не звалъ его къ себѣ, потому что пріятели считали чуть что не оскорбленіемъ науки знакомить другъ друга со своими бабами. Разомъ вспомнилось Ахмету все его дѣтство. Рязань, темная церковь съ расписанными стѣнами и страшнымъ судомъ при входѣ,—и воспоминанія эти, какъ воспоминанія прежняго невѣжества и отсталости, сдавили его грудь, будто наваломъ. Онъ молился много и часто о томъ, чтобы Богъ магометовъ просвѣтилъ бѣдную погрязшую въ невѣжествѣ Русь, чтобы пересталъ наказывать ее смутами и безпорядками за то, что она до сихъ поръ не пришла въ правовѣріе. Онъ любилъ Русь, но любилъ по своему: не по сыновнему, не по братски, а свысока.

Онъ шелъ по грязной улицѣ Орды; шагахъ въ трехъ за нимъ плелась ободранная Прасковья, и за лохмотья ея держались двѣ дѣвочки: тоненькая и худенькая Маринка и высокая Русалка, какъ-то задумчиво поводившая своими широкими глазами—и то и дѣло оправлявшая свою тяжелую русую косу. Прасковья была худа до невозможности; грудь этой бѣдной женщины надорвалась пятью годами ея невольничества и страшнаго позора. Наконецъ, она все сердце свое отдала двумъ дѣвочкамъ сироткамъ, попавшимся ей въ этой каторгѣ. Она нѣсколько мѣсяцевъ почти со страха умирала, что вотъ-вотъ придутъ и разлучатъ ее съ ними. Наконецъ, пришли ее покупать, чуть-чуть не разлучили ее съ дѣтенышами—и она все еще не могла увѣриться, что этотъ покупатель, какой-то незнакомый ей бусурманинъ, хотя и Рязанецъ, смиловался надъ ея горькою судьбою. Она глубоко привязалась съ этой минуты душою къ Ахметкѣ и шла за нимъ покорно, послушно, покуда не вышли они на торгъ, гдѣ стояли цѣлые ряды шалашей и балагановъ, занятыхъ купцами. Были ряды генуезскіе, ряды бухарскіе, московскіе, новгородскіе, торжковскіе. Каждый рядъ составлялъ отдѣльную корпорацію, выпускалъ свою серебряную монету и свои собственные кожаные значки, которые подымались и падали въ цѣнѣ какъ нынѣ векселя торговыхъ домовъ и акціи компаній. Каждый рядъ опредѣлялъ цѣну своимъ товарамъ, и никто изъ членовъ его не имѣлъ права сбить эту цѣну.

Ахметъ оглянулся, подумалъ немножко и направился къ новгородцамъ. Новгородцы, а впослѣдствіи и всѣ русскіе, возили въ Орду готовое платье изъ сукна, изъ холста, потому что сами татары изъ кожи шить ничего не умѣли, а изъ болгарской земли, т. е. изъ окрестностей нашей Казани, вывозилось множество кожи, преимущественно-же юфть; но эта-же самая юфть, сыромятная кожа, выростокъ—шли сырьемъ на Русь, гдѣ изъ нихъ шили сапоги, башмаки, и уже готовые привозили въ Орду. Нравы татарскіе мѣнялись быстро подъ влі-

янiемъ ихъ женъ, преимущественно русскихъ, персiянокъ, черкешенокъ, которыя прiучали ихъ къ осѣдлой жизни и вводили въ дома свои употребленiе холста, сукна и т. п.

Старостою новгородскихъ рядовъ былъ очень молодой, но очень богатый купецъ, или, какъ тогда говорили, гость—Ѳедоръ Колесница.

Ахметъ махнулъ рукою Прасковьѣ, и та зашагала со своими дѣтенышами прямо въ его лавку.

— Вотъ и еще рубль, сказалъ Ахметъ, вынимая свою калиту и подавая слитокъ Колесницѣ. — У тебя готоваго женскаго платья нѣтъ?

— Мужскаго, Ахметъ-сударь, отвѣчалъ Колесница,—сколько душѣ угодно, а женскаго мы не возимъ.

— Дня въ два, спросилъ Ахметъ Прасковью,—успѣешь ты обшить себя и дѣтенышей?

— Успѣю, родной, успѣю, кланялась и плакала Прасковья.

— Такъ вотъ забирай у купца, чтò надо.

На первый разъ Прасковья совсѣмъ сбилась съ толку; купецъ Колесница вынулъ ей изъ ларя холстъ нѣмецкiй, иголки, нитки, кусокъ сукна развернулъ, и Прасковья мигомъ встрепенулась. Она стала торговаться— и на рубль т. е. на тотъ слитокъ серебра, о какомъ мы уже выше поминали, набрала всего, что ей было нужно.

Высокiй, плечистый, кудрявый Колесница искоса смотрѣлъ на нее и на Ахметку.

— Ты что же, сказалъ онъ, усмѣхаясь,—рабыню себѣ русскую купилъ?

— Не себѣ, а ханшѣ, отвѣчалъ Ахметъ.—Я ей похвалился, что нѣтъ на свѣтѣ вышивальщицъ лучше русскихъ,—что нѣмецкихъ и китайскихъ наши русскiя за поясъ заткнутъ.

— Наши русскiя? усмѣхался Колесница.

— Да, наши русскiя, перебилъ съ сердцемъ Ахметка.—Развѣ дѣло все въ вѣрѣ? Али не греческой вѣры, такъ и не русскiй?

— Нѣтъ, я такъ, къ слову сказалъ, усмѣхался Колесница.—Оно точно, русскiе всякой бываютъ вѣры; но почему у каждаго своя вѣра, какъ у каждаго своя лавка?—Мы люди не книжные, и такъ, если чтò спроста скажемъ, такъ ты, господинъ, этого въ гнѣвъ не бери.

— То-то и бѣда, сказалъ Ахметка,—что вы люди не книжные. Да, бѣда! Бѣда большая.

— Бѣда! подтвердилъ Колесница.—Такъ вышивальщица будетъ у ханши?—Такъ вотъ что, тетка, продолжалъ онъ, обращаясь къ Прасковьѣ и пристально въ нее всматриваясь,—буде тебѣ что понадобится для вышиванiя, приходи-ко ты къ намъ, къ новгородцамъ, по всякiй товаръ, а въ память возьми отъ меня вотъ еще кусокъ холста, да и лихомъ не поминай насъ.

— Спасибо, родной, спасибо. Вотъ онъ, господинъ, меня тоже не изобидѣлъ, дѣвочекъ моихъ въ полонѣ не оставилъ.—Буду за васъ вѣчно Бога молить и дѣвочкамъ закажу.

— Что-же, господинъ, спросилъ Колесница Ахмета,— ты и ихъ небось въ бусурманскую вѣру приведешь?

— Чего ихъ приводить въ какую нибудь вѣру? спросилъ Ахметъ.—Развѣ отъ женщинъ вѣру спрашиваютъ? Женщины не люди. Бываютъ между ними такiя, что отдадутся правому дѣлу всей ихъ душою, только такихъ немного. Эти какъ хотятъ — вольны и кумирамъ русскимъ покланяться.

— Такъ вотъ что, тетка, продолжалъ Колесница,— ты насъ, новгородскихъ купцовъ, не забывай...

— Не забуду, батюшка, не забуду, кланялась въ поясъ Прасковья,—лопни глаза мои, коли забуду.

— Мы къ тебѣ со всякой честью будемъ... Жить-то она гдѣ будетъ? тамъ, у васъ? спросилъ Колесница.

— Первое время, отвѣчалъ Ахметъ,—покуда не одѣнется, у себя продержу ее; а тамъ дальше, чтó царица скажетъ.

И онъ вышелъ съ Прасковьей и ея дѣтенышами изъ рядовъ, привелъ ихъ домой и тутъ-же велѣлъ своимъ женамъ накормить ихъ до сыта. Первый разъ, послѣ многихъ и многихъ лѣтъ, поѣли бѣдныя полонянки нѣсколько по-человѣчески, а затѣмъ Прасковья засѣла за кройку и за шитье. Чрезъ два дня была она уже въ сарафанѣ, хотя не вышитомъ, все-таки возможномъ. Дѣвочки были и сыты, и умыты и одѣты. Она начала расшивать ручникъ красными и синими нитками, чтобы показать образчикъ своего искусства ханшѣ.

А Ѳедоръ Колесница думалъ думу.

Какъ только Ахметъ, Прасковья и дѣтеныши вышли изъ его лавки, онъ послалъ къ сосѣднимъ новгородцамъ купцамъ, и изложилъ имъ, какiе были у него покупатели.

— Прасковья, братцы, говорилъ онъ имъ,—показалась мнѣ бабою доброй, только крѣпко запугана. Будетъ она у ханши въ вышивальщицахъ, будутъ заказы черезъ нее. Сложимтесь-ка мы, да и поклонимся ей нитками, холстами, штукой сукна нѣмецкаго, ножницами, иголками.

Новгородцы подумали, и рѣшили, что отъ поклона ихъ торговлѣ убытка не будетъ,—что ханша дѣтей маленькихъ любитъ,—что такую простодушную женщину какъ Прасковья поддержать должно и слѣдуетъ, потому что можетъ-быть она какъ-нибудь ненарокомъ доброе слово о нихъ ханшѣ замолвитъ и выхлопочетъ чрезъ нее новгородцамъ грамоту на безпошлинный торгъ въ Персiи и Хивѣ, чего они давно добивались. «Только ужь если кланяться ей, такъ кланяться не однимъ, а пойти вмѣстѣ съ москвичами, такъ чтобы москвичи и отъ себя прибавили поминковъ. А намъ у ханши рука нужна».

Москвичи чесали затылки, лясы точили и рѣшили, что не мѣшаетъ лишнюю руку при дворѣ ханши держать, хотя и у нихъ тоже есть тамъ «благопрiятели и всякаго добра пожелатели».

И вотъ—прежде чѣмъ несчастная Прасковья съ дѣтенышами успѣла представиться ханшѣ, ей натащили столько кусковъ всякихъ тканей и всякихъ уборовъ, сколько она отъ роду не видала. И засѣла она усердно за работу; шила-вышивала, вышивала-шила,—и не прошло полгода, какъ эта несчастная, убитая судьбою и горемъ Щекова полонянка была не только разодѣта и разубрана, не только подружилась съ ханшей Узбековой, но и сдѣлалась ея наперсницей.

II.

Ордынскiй судъ.

Вежа, въ которой собрался ордынскiй совѣтъ, помѣщалась въ одной оградѣ со всѣми прочими вежами, составлявшими и дворецъ и дворъ хана Узбека, или, какъ его называли русскiе, Азбяка. Ограда и вежа, все

было понадѣлано изъ золотой и серебряной парчи генуэзской, византійской и китайской; столбы были перевиты золотою проволокою или обложены золотыми и серебряными листьями; веревки были шелковыя; словомъ, все блистало роскошью, но въ то же время все было крайне неряшливо. Тюркскія племена, двинутыя монгольскими, разбогатѣли и пріобрѣли политическое значеніе такъ неожиданно для самихъ себя, что не знали куда дѣвать свою силу и свое богатство, а пуще того, не знали какъ обращаться съ нимъ. Парчи вездѣ были залиты саломъ, молокомъ, и захватаны грязными пальцами; дорогіе золотошвейные сапоги были вывалены въ грязи; бархатные и парчевые обьяринные кафтаны были ободраны и засалены. Оборванная прислуга тутъ же, въ этой же оградѣ, рѣзала барановъ, потрошила зубровъ на голой землѣ; собаки шлялись; а Кавказъ блисталъ вѣчными снѣгами и переливами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, начиная съ фіолетоваго и кончая темнозеленымъ.

Узбекъ ханъ былъ на охотѣ за Терекомъ, на рѣкѣ Сивинце, подъ городомъ Дедяковымъ, не далеко отъ Дербента; за ханомъ двинулся его дворъ, помѣщавшійся въ этой же оградѣ, гдѣ однихъ женъ было съ нимъ до 560, и у каждой жены своя вежа и при каждой изъ нихъ своя прислуга. За ханомъ двигалось съ полмилліона всякаго народа, князей, *доругъ* (баскаки), воеводъ, вельможъ, книжниковъ и уставодержательниковъ, учительныхъ и людскихъ повѣстниковъ, пословъ, гонцовъ, писцовъ, ловцовъ, сокольниковъ, пардусниковъ и всякаго рода людей служилыхъ и неслужилыхъ. Къ нимъ приплетались греки, жиды, армяне, генуэзскіе торговцы, русскіе гости, каждый со своимъ шатромъ, каждый со своею вежею, своимъ товаромъ,—и все это занимало пространство верстъ пять въ длину и ширину.

Было прохладное сентябрское утро. На небѣ кое-гдѣ скользили легкія облака, воздухъ былъ чистъ, горы сіяли. Въ вежѣ, гдѣ помѣщался совѣтъ, на кучѣ подушекъ сидѣлъ владыка всѣхъ народовъ—отъ Чернаго моря до Бѣлаго, отъ Самарканда до Карпатъ,—«Вышняго и Безсмертнаго Бога волею, и силою, и величествомъ, и милостіею Его многою» Узбекъ-Ханъ, Вольный (независимый) Царь.

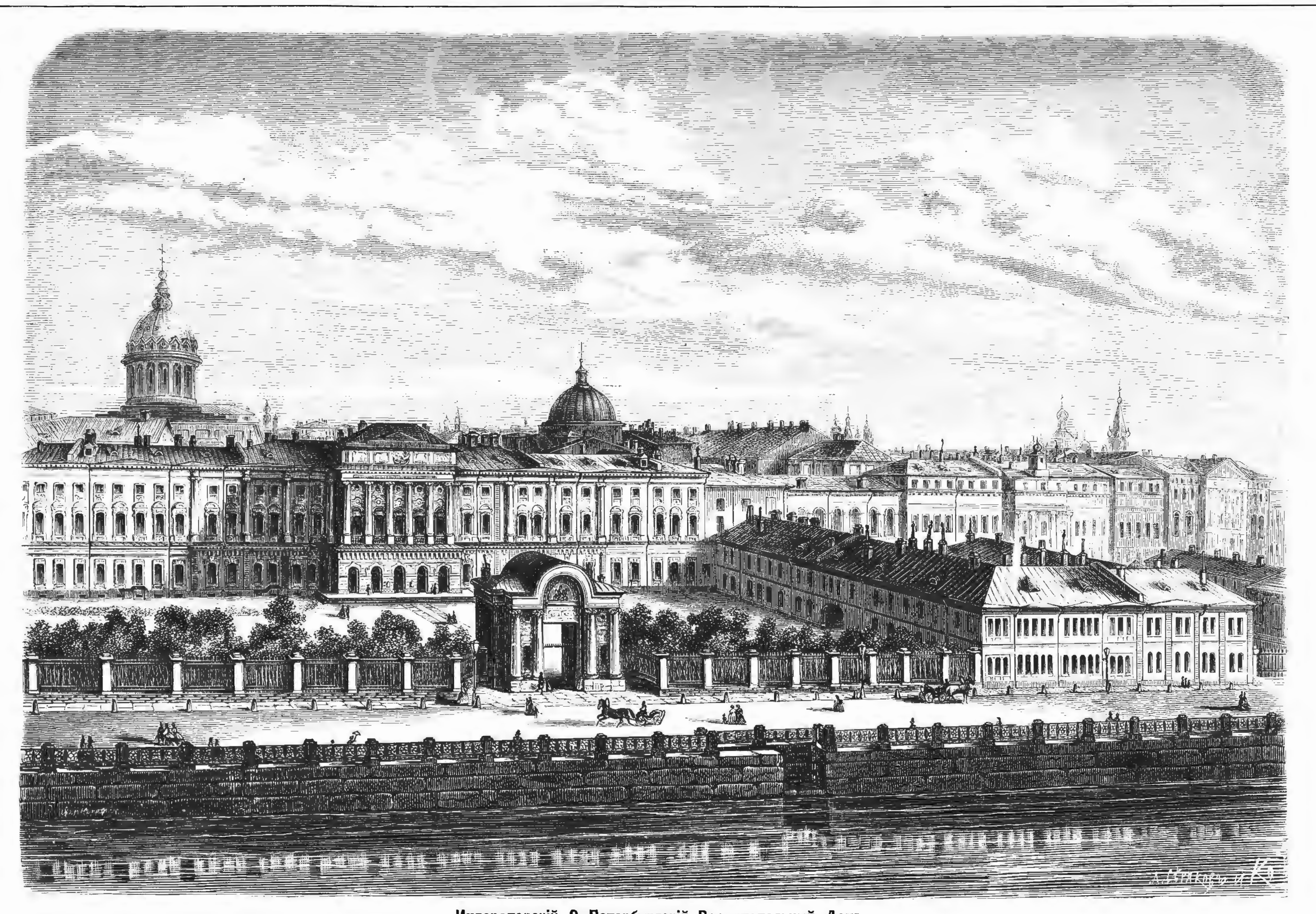
Въ 1319 году Узбекъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 28-ми, много 30-ти, въ цвѣтѣ силъ, искренно желавшій сдѣлать что-нибудь путное для подвластныхъ ему земель. Выбранный ордынскими родовичами въ ханы по смерти дяди Тохты Менгу Темира,—мусульманинъ, хотя вовсе не изувѣрный,—Узбекъ искалъ вокругъ себя толковыхъ и даровитыхъ людей, которые, какъ министръ Темучина Чингисъ-Хана, могли бы ввести какой нибудь порядокъ въ управленіе и усилить его власть, не ослабляя трепетъ предъ его именемъ и не притѣсняя подвластные ему народы. Книжнаго воспитанія Узбекъ, разумѣется, никакого не получилъ; онъ едва разбиралъ арабскія буквы, но отъ окружающихъ его стариковъ онъ заимствовался китайскимъ взглядомъ на образъ правленія, а этимъ взглядомъ самъ великій Темучинъ Чингисъ-Ханъ (жившій всего 100 лѣтъ тому назадъ) славился. Сверхъ того, Узбекъ заимствовался также взглядомъ молодаго ордынскаго поколѣнія, воспитывавшагося большею частью въ Бухарѣ и Самаркандѣ, гдѣ оно почерпало плоды мусульманской образованности.

По стѣнамъ золотого шатра сидѣли совѣтники, такъ называемые старики, всѣхъ возрастовъ, и изъ нихъ особенно выдавался любимецъ хана Кавгадый, молодой татаринъ чистѣйшей крови, съ очень узкими глазами и съ оттопыренными ушами, невѣроятными скулами и широкимъ приплюснутымъ носомъ. Это былъ человѣкъ живой, бойкій, въ высшей степени тщеславный, и отъ роду никого не прощавшій. Прямой потомокъ Батыя, онъ изъ бѣднаго пастуха въ киргизскихъ степяхъ —сдѣлался знаменитымъ воиномъ; бросилъ саблю, выучился грамотѣ, просидѣлъ четыре года въ самаркандскомъ медресе — начитался персидскихъ и арабскихъ книгъ, былъ знакомъ съ татарскими лѣтописями и умѣлъ ловко поддѣлываться подъ молодаго хана.

Кавгадый былъ хитеръ и думалъ только о себѣ. Товарищъ его, Ахмылъ, человѣкъ еще болѣе молодой, назывался въ Ордѣ дели-каномъ, дели-башемъ, т. е. сорви голова; *дели-башъ* значитъ по татарски—бѣшеная голова; *дели-канъ* — бѣшеная кровь. Какъ въ битвахъ, такъ и въ совѣтахъ онъ съ жаромъ бросался на все, что ему попадалось; кипѣлъ желаніемъ вводить всевозможныя улучшенія и преобразованія въ ордынскомъ управленіи; но за что онъ ни брался, всякое дѣло у него изъ рукъ валилось, что онъ объяснялъ враждою окружающей среды и опять брался за новое предпріятіе. У самаго входа въ вежу, въ числѣ другихъ стариковъ, сидѣлъ худой, блѣдный, угрюмый Чолъ-Ханъ, прозванный русскими Шарканомъ, или Щелканомъ; Щелканъ этотъ былъ мусульманинъ, достойный временъ Магомета или Омара. По его мнѣнію, всѣхъ гяуровъ слѣдовало бы перебить, если они не признаютъ, что «нѣтъ Бога кромѣ Бога, и что Магометъ пророкъ Его». Изъ прочихъ вліятельныхъ людей въ совѣтѣ былъ еще Мурза Четъ, человѣкъ съ добродушнымъ лицемъ и несовсѣмъ татарскою кровью; впрочемъ, въ Ордѣ, особенно въ высшихъ сословіяхъ, татарская кровь начинала тогда уже переводиться, такъ какъ большинство женъ и наложницъ ордынцевъ были персіянки, черкешенки, русскія, гречанки, армянки. Генуэзцы привозили туда невольницъ даже изъ западной Европы—и уже во времена Узбекъ-хана тамъ сталъ выработываться тотъ полу-арійскій, полу-азіатскій типъ, который мы видимъ теперь на нашихъ крымскихъ, казанскихъ и касимовскихъ татарахъ.

Присутствующіе были одѣты такъ же пестро, какъ и весь ханскій дворъ. На нихъ на всѣхъ были халаты, подпоясанные широкимъ кушакомъ, и высокія коническія войлочныя шапки съ полями, завороченными къ верху и разрѣзанными. Всѣ сидѣли чинно, поджавши ноги, сложа руки на животѣ и уставивъ глаза въ землю. Подлѣ самаго ханскаго дивана сидѣлъ на полу на кошмѣ рязанецъ Ахметъ. Прасковья такъ расхвалила его ханшѣ, такъ поддержала земляка, что Узбекъ, узнавъ объ его существованіи, возъимѣлъ уваженіе къ его учености и произвелъ его въ свои книжники и печатники (т. е. въ статсъ-секретари, говоря по-нынѣшнему) и прозвалъ его Чобуганомъ — монгольское слово означающее *шустрый*, *проворный*, *разбитной*.

Бывшій послѣдователь конфуція, поступивъ на службу ногая Узбека, принялъ мусульманство. Человѣкъ этотъ былъ очень ученъ, хорошо знакомъ съ китайскими классиками, съ возникшей тогда монгольской литературой, зналъ въ совершенствѣ татарскій языкъ, и исполнялъ теперь у хана высокую должность старшаго дефтерджи. Дефтеръ на большей части азіятскихъ языковъ значитъ тетрадь, дефтерджи—тетрадникъ, въ то же время архиваріусъ, нотаріусъ и протоколистъ, а въ Ордѣ къ этому званію присоединялось еще зва-



Императорскій С.-Петербургскій Воспитательный Домъ.
Съ натуры рисовалъ Э. Вернеръ, на деревѣ рѣзалъ Л. А. Сѣряковъ.

ніе оберъ-прокурора и министра юстиціи, ханскаго секретаря, исторіографа,—словомъ сказать, Чобуганъ былъ при ханѣ человѣкъ на всѣ руки, никѣмъ незамѣнимый чуть дѣло касалось письменной части, оттого его и прозвали Чобуганомъ, что значитъ по монгольски, шустрый, ловкій, проворный, т. е. именно человѣкъ на всѣ руки. Такихъ русскихъ—какъ въ Золотой Ордѣ, такъ и во всѣхъ другихъ—было въ то время множество.

— Теперь, сказалъ Чобуганъ, держа предъ собою непомѣрной длины свитокъ, исписанный весь по татарски уйгурскими (монгольскими) буквами, тянущимися сверху внизъ, причемъ строки идутъ отъ лѣвой руки къ правой,—предстоитъ вопросъ, по какимъ законамъ судить бывшаго великаго князя Михаила, сына Ярославова. Съ принятіемъ нами закона низпосланнаго чрезъ святаго и славнаго пророка Магомета (Чобуганъ при этомъ поклонился),—да будетъ вѣчно славно имя его и да трепещутъ предъ нимъ гяуры! — у насъ два закона; первый законъ и самый важный, это бусурманскій шаріатъ *). Есть у насъ другой законъ, такъ называемый *адетъ*, оставленный намъ великимъ, божественнымъ, благословеннымъ Темучинъ-Чингисъ-Ханомъ, данный намъ Высочайшаго и Безсмертнаго Бога волею и силою и многою Его милостію; но такъ какъ до сихъ поръ шаріатъ у насъ не введенъ, то намъ нужно слѣдовать Темучинову закону,—а если возникнетъ сомнѣніе, что въ законѣ его находится что либо не правовѣрное, то послать на рѣшенія къ муфти.

— Якши (хорошо, ладно)!.. сказали члены совѣта въ одинъ голосъ.

— По закону Темучинову, возникшему изъ закона серединныхъ государствъ, мы уже наложили на Михаила колодку, аршинъ шириною, аршинъ длиною, полпуда вѣсу, сдѣланную строго по образцу, установленному благополучно царствующимъ теперь въ средиземномъ государствѣ домомъ потомкомъ Темучина, Юань,—и отобрали у князя все его имущество въ ханскую казну.

— Якши! сказалъ совѣтъ.

— Въ эту колодку просунута его голова, а въ два сдѣланныя въ ней отверстія просовываются на ночь руки. Колодка у него съ шеи не снимается, такъ что онъ постоянно чувствуетъ тяжесть на плечахъ и лишенъ возможности спать какъ слѣдуетъ. Терпѣть долженъ наказаніе въ ожиданіи приговора хана, предъ которымъ мы всѣ преклоняемся.

Совѣтъ склонилъ голову предъ неподвижнымъ Узбекомъ.

— Теперь законъ, которымъ мы всѣ въ данномъ случаѣ руководствуемся, гласитъ такъ...

Чобуганъ началъ читать:

«Между преступленіями, подлежащими смертной казни, считается десять, за которыя отъ казни и милостивымъ манифестомъ не освобождаются; стало быть великій повелитель нашъ, предавъ на обсужденіе нашего совѣта дѣло князя Михаила, какъ бы обязывается не нарушать коренныхъ законовъ его великой державы и какъ бы ограничиваетъ свое неоспоримое право на жизнь и на смерть всѣхъ вѣрноподданныхъ. По этимъ правиламъ приступимъ къ чтенію этихъ законовъ и къ суду. Мы спросимъ у свѣта очей нашихъ, у сердца души нашей, Узбека Хана, прикажетъ ли онъ приступить къ суду или не прикажетъ,—потому что воля его просвѣщена всемилостивѣйшимъ Аллахомъ, потому что изреченія его могутъ быть написаны какъ драгоцѣнный бисеръ, вырѣзаны на мѣдныхъ, каменныхъ доскахъ и поставлены въ поученіе всѣмъ народамъ и всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ.

— Я вполнѣ подчиняюсь закону великаго Чингисъ Хана, котораго я слабый, ничтожный подражатель,—и какой приговоръ поставитъ совѣтъ, такой будетъ мною исполненъ, сказалъ Узбекъ торжественно. Онъ былъ человѣкъ дѣйствительно правдивый и дѣйствительно желавшій, чтобы правда царствовала въ его великой державѣ; незабудемъ, что XIV вѣкъ былъ вѣкомъ науки и искусства для мусульманъ и для окитаевшихся монголовъ. Всѣ памятники того времени свидѣтельствуютъ, что тогда не было недостатка въ людяхъ человѣколюбивыхъ, въ преобразователяхъ и въ поборникахъ правды.

— И такъ, продолжалъ Чобуганъ, — я приступаю къ чтенію; да просвѣтитъ Всевышній умы и сердца собранія величайшихъ мудрецовъ величайшаго государства!

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

*) Татары, по свойству своего языка, говорятъ *бусурманъ* вмѣсто *мусульманъ*, *Бахметъ*—вмѣсто *Магометъ*.

Зданія Императорскаго Воспитательнаго Дома

въ С.-Петербургѣ.

Уже больше семидесяти лѣтъ, на берегу Мойки, между мостами Полицейскимъ и Краснымъ, вплоть до Большой Мѣщанской улицы, высятся и ширятся, постепенно увеличиваясь и развиваясь, воспитательныя учрежденія вѣдомства Императорскаго Воспитательнаго Дома.

Исторія ихъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, если не вся исторія этого безсмертнаго учрежденія Екатерины Великой, то, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ эпизодовъ наиболѣе важныхъ, и, сказать правду, меньше всего извѣстныхъ. Н. И. Костомаровъ, какъ слышно, призванъ для изложенія полной исторіи Воспитательнаго Дома, а до времени, пока перо нашего высокоталантливаго историка не раскроетъ намъ интересныхъ эпизодовъ вѣковой жизни этихъ учрежденій, мы постараемся читателямъ «Нивы» высказать кое-что въ поясненіе прилагаемаго рисунка.

Учрежденіе Воспитательнаго Дома у насъ въ Россіи —можетъ назваться по времени одною изъ самыхъ послѣднихъ идей въ кругу потребностей общественнаго благоустройства. Сознаніе этого и починъ примѣненія самой идеи къ дѣлу—принадлежитъ частному лицу и даже духовной особѣ: митрополиту новгородскому Іову. Если когда-нибудь возникнетъ исторія русской благотворительности, то первую страницу ея займетъ, безъ сомнѣнія, имя и подвигъ этого іерарха-патріота, оцѣненнаго только однимъ Петромъ I-мъ, но въ средѣ собратій встрѣчавшаго холодность и несочувствіе. Тѣмъ не менѣе — мысль объ учрежденіи для призрѣнія «несчастно-рожденныхъ» не осталась чуждою свѣтской адми-

нистраціи—и у преемниковъ Петра I, при всякомъ подходящемъ случаѣ, когда дѣло шло о расходованіи доходовъ съ церковныхъ имѣній, всегда особою статьею ставилось призрѣніе сиротъ и «зазорно-рожденныхъ». Дальше, впрочемъ, заботливости регламентарной, бумажной, объ этомъ призрѣніи не было до временъ Екатерины II. Находясь въ Москвѣ на коронаціи, она конфирмовала (10 іюня 1763 года) основныя положенія для учрежденія особливаго дома для призрѣнія «тѣхъ невинныхъ дѣтей, которыхъ злосчастныя, а иногда и безчеловѣчныя матери покидаютъ, оставляютъ или (что злѣе) и умерщвляютъ». Самъ рожденный въ положеніи, близко подходившемъ къ участи подобныхъ дѣтей, И. И. Бецкой просилъ императрицу прекратить подобное зло учрежденіемъ, подобно видѣннымъ имъ въ Западной Европѣ, гдѣ, кромѣ спасенія жизни младенцевъ, еще заботятся добрымъ воспитаніемъ сдѣлать ихъ полезными обществу гражданами. Мысль его просьбы принята монархинею больше чѣмъ благосклонно, и, съ обсужденіемъ плана имъ представленнаго, сентября 1-го того же года послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи перваго Воспитательнаго Дома въ Москвѣ, съ предоставленіемъ ему разныхъ довольно важныхъ привиллегій.

Первые четыре года по учрежденіи Дома показали, между прочимъ, что главными источниками дохода, на который содержались дѣти, были займы и вклады частныхъ лицъ, обороты которыхъ могли увеличиться съ усиленіемъ кредита. Однимъ же изъ главнѣйшихъ условій—тогдашніе администраторы Воспитательнаго Дома, его почетные опекуны, находили исключеніе изъ конфискаціи поручаемыхъ Воспитательному Дому вкладчиками денегъ. И эта милость была дарована учрежденію, по уваженію приносимой уже и ожидаемой пользы,—по высочайше утвержденному докладу 31 марта 1767 г. А еще черезъ шесть лѣтъ—20 ноября 1772 г.—высочайше утвержденъ планъ *учрежденія вдовьей, ссудной и сохранной казны*.

Воспитательный домъ въ первый разъ открытъ былъ у Смольнаго монастыря. Мѣсто для него пожаловано императрицею (15 марта 1764 г.) «у берега Невы рѣки именованное прежде Запасный Смольный дворъ.» Здѣсь пріемъ дѣтей открытъ съ 1 октября.

Въ 1770 году Екатерина II., собственноручнымъ письмомъ (отъ 20 марта) на имя И. И. Бецкаго, пожаловала Воспитательному Дому, домъ капитана гвардіи князя Александра Грузинскаго, взятый по высочайшему указу, отъ 28 февраля, въ казну, за считавшейся на немъ по банку для дворянства долгъ. — Домъ этотъ выходилъ на уголъ къ Царицыну лугу, противъ Мраморнаго дворца по Луговой (нынѣ Большой Милліонной) улицѣ, Аптекарскому переулку и Красному каналу. Здѣсь, въ зданіи, выстроенномъ исключительно для Воспитательнаго Дома, съ примѣненіемъ помѣщеній для родильнаго госпиталя, грудныхъ отдѣленій и служащихъ при домѣ, помѣщалось это учрежденіе во всѣ послѣдующіе годы Екатеринина царствованія и въ первые годы Павлова —въ теченіи 28 лѣтъ.

На другой годъ по воцареніи своемъ, императоръ Павелъ I, по предстательству супруги своей — вѣчно памятной своими благотвореніями, императрицы Маріи Ѳеодоровны,—купилъ великолѣпный домъ графа Разумовскаго, бывшаго послѣдняго гетмана Малороссіи, на Мойкѣ, съ домомъ Строгонова. При домѣ этомъ находился обширный садъ, разведенный еще Левенвольдомъ при Аннѣ. Въ домъ Разумовскаго, по перестройкѣ его для примѣненія къ новой высочайше назначенной цѣли, переведенъ Воспитательный Домъ—и семьдесятъ два года уже здѣсь помѣщается; оставленный же домъ его на Милліонной занятъ Павловскимъ полкомъ. Скоро затѣмъ, купленъ и сосѣдній домъ графа Бобринскаго, съ садомъ же, такъ что подъ Воспитательнымъ Домомъ образовалась площадь въ 26,325 квадр. сажень.

Не вдаваясь здѣсь въ бóльшія подробности прежняго устройства Воспитательнаго Дома и наружности пышныхъ его зданій, мы разсмотримъ въ слѣдующемъ № каждое порознь отдѣльныя учрежденія, за все время ихъ существованія. **П. П—въ.**

(*Продолженіе будетъ*).

Однимъ театромъ войны меньше.

Не требуется особенно глубокихъ географическихъ свѣденій чтобы знать, что Парагвай есть самая маленькая изъ республикъ, образовавшихся въ Южной Америкѣ; но тотъ, кто близко не знакомъ съ размѣрами земель, озеръ, рѣкъ на всемъ американскомъ материкѣ, можетъ быть нѣсколько удивится, узнавъ, что этотъ *маленькій* край имѣетъ 4,000 квадратныхъ географическихъ миль поверхности. Извѣстно, что съ запада ему служитъ границей рѣка Парагвай, съ юга рѣка Парана, что съ сѣвера и востока онъ граничитъ съ Бразиліей. Край онъ почти плоскій, имѣетъ видъ покатой равнины, спускающейся съ западнаго склона горъ, и разбивается небольшими рядами возвышенностей, рѣдко превышающихъ 1000 футовъ,—за то богатъ рѣками и озерами, и при своемъ роскошномъ, почти тропическомъ климатѣ и удобныхъ водяныхъ путяхъ, непремѣнно бы возвысился на весьма видную степень въ торговомъ мірѣ, если бы не безтолковое политическое положеніе. Населенъ Парагвай отчасти индѣйцами, изъ которыхъ весьма немногія колѣна остались въ дикомъ состояніи, отчасти креолами (т. е. потомками испанскихъ завоевателей и выходцевъ) и метисами; изъ послѣднихъ, собственно говоря, состоитъ половина населенія.

Съ открытія рѣки Платы въ 1515 г. начались политическія мытарства этого прекраснаго, но злополучнаго края; по милости междоусобицъ да борьбы между церковью и свѣтскими властями, испанцамъ никакъ не удавалось основать сколько-нибудь спокойныя, благоустроенныя поселенія, пока въ 1608 г. іезуиты не прибрали власть къ рукамъ и не соорудили государство, представившее единственный такого рода примѣръ въ новѣйшей исторіи—могущественной и отлично организованной теократіи, продержавшейся полтора вѣка не смотря на злобу и зависть испанскаго правительства. Наконецъ однако, по поводу договора между Испаніей и Португалліей о новомъ разграниченіи ихъ южно-американскихъ владѣній, въ силу котораго часть Парагвая должна была отойти къ Бразиліи,—обоимъ правительствамъ представился давно-желанный случай напасть

на іезуитскую державу, которая пала въ 1758 г. послѣ четырехлѣтняго сопротивленія. Десять лѣтъ спустя самихъ іезуитовъ выслали, а миссіи ихъ отдали свѣтскимъ властямъ. Но не долго пользовалась Испанія своими съ трудомъ возвращенными себѣ владѣніями: когда она во время своей долгой, тяжкой борьбы за независимость, въ началѣ настоящаго вѣка, лишилась всѣхъ своихъ колоніальныхъ владѣній на американскомъ материкѣ,—Парагвай тоже отпалъ отъ нее въ 1810—13 г., подъ предводительствомъ дона Хозе-Гаспара-Родригеса Франсіа, который, въ благодарность за его патріотическія заслуги, былъ избранъ освобожденнымъ краемъ въ пожизненные диктаторы. Хотя іезуиты и были изгнаны, но духъ ихъ остался, какъ это всегда бываетъ; при томъ испанское правительство нашло ихъ желѣзную, стращательную систему управленія слишкомъ удобной и сродной своему политическому нраву, чтобы измѣнить ее: ту же систему сохранилъ и новый диктаторъ, такъ что край не много получилъ выгодъ отъ своего освобожденія, кромѣ политической независимости. Къ этой системѣ Франсіа прибавилъ еще новое политическое правило: «держать управляемую имъ республику въ затворническомъ отчужденіи отъ всего внѣшняго, при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ сношеній съ сосѣдними землями», что, впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что земли эти долго не признавали независимости Парагвая. За смертью диктатора въ 1840 г. послѣдовали два года страшной неурядицы, пока созванный въ 1842 г., послѣ долгаго перерыва, національный конгрессъ избралъ въ правители племянниковъ Франсіи, Дона Алонзо Лопеса и Дона Карлоса-Антоніо Лопеса, съ титуломъ консуловъ. Когда состоялся органическій государственный законъ (13 марта 1844 г.), послѣдняго выбрали въ президенты на десять лѣтъ, но онъ сохранилъ президентскую должность до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1862 г.

Этотъ Лопесъ былъ отецъ недавно убитаго въ бою, послѣ долгой борьбы за независимость своего отечества, диктатора дона Панчо-Солеса Лопеса. Если бы онъ держался системы своего предшественника—герметической замкнутости,—сынъ его можетъ-быть теперь спокойно пользовался бы властью. Но Антоніо Лопесъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей, что доказалъ нетолько множествомъ превосходныхъ административныхъ мѣръ, но и тѣмъ, что онъ, назначая сына своего себѣ въ преемники, отправилъ его (въ 1852 г.) за границу, въ качествѣ чрезвычайнаго посла парагвайскаго, гдѣ Панчо прожилъ полтора года и возвратился на родину не прежде чѣмъ объѣхалъ Англію, Францію, Германію, Испанію и Италію. Онъ привезъ съ собою инженеровъ и рабочихъ, съ помощью которыхъ намѣревался настроить крѣпостей и вообще улучшить военную организацію Парагвая. Панчо продолжалъ дѣйствовать въ этомъ духѣ и тогда, когда конгрессъ утвердилъ за нимъ наслѣдіе, оставленное ему отцемъ,—и если бы не война, Парагвай теперь вѣроятно бы благоденствовалъ. Два года спустя послѣ избранія Лопеса въ диктаторы, промышленности и торговлѣ былъ данъ сильный толчекъ, армія состояла изъ 70,000 человѣкъ, каждую минуту готовыхъ въ бой, артиллеріи и военнаго матеріяла имѣлось вдоволь, не исключая даже маленькой флотиліи изъ семи-восьми пароходовъ, а на границѣ бразильской провинціи Ріо-Гранде-да-Суль воздвиглась почти что неприступная крѣпость Гумаита.

Усложненія, въ которыя запуталось парагвайское правительство вслѣдствіе раскрытія края иностранцамъ, начались еще при отцѣ покойнаго диктатора; они объясняются исключительно средиземнымъ положеніемъ края, торговлѣ котораго предоставлены почти одни только водяные пути.

Первое препирательство съ сосѣдними государствами возникло тотчасъ же по восшествіи на президентское кресло Лопеса-отца. Началъ его губернаторъ Лаплаты, знаменитый генералъ Розасъ, который все еще смотрѣлъ на Парагвай какъ на часть Аргентинской республики, и когда президентъ Лопесъ открылъ рѣчное судоходство,—сталъ требовать исключительнаго права контроля надъ судоходствомъ по рѣкѣ Парана, и надъ тѣмъ подъ какими флагами проходить судамъ. Лопесъ нашелъ союзниковъ, война была объявлена и на первый разъ окончилась паденіемъ Розаса, въ 1854 г. Послѣ того нетолько Аргентинская конфедерація, но и Великобританія признала независимость парагвайской республики, что окончательно утвердило ея самостоятельность. Въ этой войнѣ, въ 1840 г. стало быть еще до поѣздки своей въ Европу, молодой Лопесъ, не смотря на то, что ему было всего 18 лѣтъ, получилъ отъ отца генеральскій чинъ и начальство надъ шеститысячнымъ отрядомъ, съ которымъ онъ блистательно отличился.

Въ исторіи южно-американскихъ республикъ, Бразилія, хотя сама раздираемая партіями и революціями, постоянно играла весьма некрасивую, двусмысленную роль. Такъ, Лопесъ не безъ основанія заподозрилъ бразильское правительство (по многимъ, весьма яснымъ признакамъ) въ намѣреніи завладѣть устьями Ла-Платы, чтобы подрѣзать главный жизненный нервъ Парагвая, его торговлю, обезсилить его и современемъ поглотить. Бразилія начала свои махинаціи съ маленькой уругвайской республики, союзницы Парагвая, — желая сдѣлать себѣ изъ этой республики ловкое и покорное оружіе; для этого Бразилія, при первомъ случаѣ навязала ей въ президенты преданнаго бразильскимъ интересамъ авантюриста и бунтовщика, пресловутаго генерала Флореса. Лопесъ протестовалъ и отправилъ въ Ріо-Жанейро угрожающую ноту съ заявленіемъ, что всякое вмѣшательство въ дѣла Уругвая онъ сочтетъ за насиліе, обращенное противъ него. Послѣ этого онъ послалъ еще и вторую ноту, ультиматумъ,—и тогда только исполнилъ свою угрозу, когда бразильскія войска ворвались въ Уругвай и начали опустошать его огнемъ и мечемъ. Онъ открылъ военныя дѣйствія захватомъ бразильскаго судна, отправлявшагося черезъ парагвайскія владѣнія въ Матто Гроссо, и взятіемъ въ плѣнъ плывшаго на немъ губернатора этой провинціи.

Это было лѣтомъ 1864 г. Съ одной Бразиліей и подчиненнымъ ею Уругваемъ Лопесъ, при его военныхъ способностяхъ и богатыхъ средствахъ, навѣрное бы справился. Поэтому она стала искать союзъ съ Аргентинской республикой, но сначала это не удавалось; впрочемъ, тоже самое не удавалось и Лопесу—и упорная нейтральность аргентинскаго правительства до такой степени стѣсняла его въ его движеніяхъ, что наконецъ вывела изъ терпѣнія и заставила сдѣлать весьма важный промахъ: получивъ отказъ на просьбу о разрѣшеніи провести свои войска черезъ аргентинскую территорію, онъ имѣлъ неосторожность захватить два аргентинскихъ парохода, стоявшихъ въ портѣ Корріентесъ, и занять самый городъ,—чѣмъ получилъ несомнѣнную непосредственную выгоду, завладѣвъ весьма важнымъ

въ стратегическомъ отношеніи пунктомъ слiянія двухъ рѣкъ: Парагвая и Параны,—но съ другой стороны сильно повредилъ себѣ, подавъ поводъ этой республикѣ заключить союзъ съ его противниками, долженствовавшій имѣть для него такія пагубныя послѣдствія. Союзъ этотъ заключенъ былъ 4 мая 1865 г.

Съ этой поры развязка оставалась уже только вопросомъ времени,—и всѣ нечеловѣческія усилія и подвиги Лопеса, который (при всемъ своемъ звѣрствѣ, заслужившемъ ему названіе Современнаго Нерона) былъ несомнѣнно храбрымъ и даровитымъ полководцемъ, не могли одержать верхъ надъ окружившей его со всѣхъ сторонъ могущественной коалиціею. Извѣстно, что Лопесъ сдѣлалъ смѣлое вторженіе въ бразильскую провинцію Ріо-Гранде-до-Суль, и тутъ понесъ первое пораженіе, принудившее его отступить,—что его могучая крѣпость, Гумаита, долгое время не пускала союзниковъ въ Парагвай, пока наконецъ въ февралѣ 1868 г. ее голодомъ заставили сдаться, —что Лопесъ послѣ того иначе уступалъ какъ пядь за пядью отстаивая каждую позицію, пока бразильскій генералъ Кахіасъ, замѣстившій президента аргентинской республики, генерала Митре, въ званіи главнокомандующаго союзныхъ армій, не вступилъ (2 января 1869 г.) въ самую столицу Ассунсіонъ и не учредилъ тамъ временнаго правительства. Далѣе извѣстно изъ постоянныхъ, хотя и краткихъ, отрывочныхъ газетныхъ отчетовъ, что поторопились трубить о побѣдѣ и чуть не испортили дѣло, слишкомъ рано отозвавъ большинство уругвайскихъ и аргентинскихъ войскъ,—но что, на мѣсто генерала Кахіаса, на театръ войны явился зять императора бразильскаго, графъ д'Э, съ 12,000 свѣжихъ войскъ, тогда какъ Лопесъ могъ еще продолжать гверильясскую борьбу только съ помощью маленькой но ожесточенной арміи изъ 7,000 человѣкъ— большей частью мальчиковъ и вооруженныхъ женщинъ; что онъ, не смотря на это отчаянное положеніе, еще нѣсколько мѣсяцевъ держался, хотя и отступая понемногу къ сѣверу, но что онъ былъ наконецъ на голову разбитъ въ цѣломъ ряду сраженій, и теперь недавно погибъ на полѣ битвы, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, бившись до смерти, не смотря на приглашеніе непріятелей сдаться и этимъ спасти свою жизнь.

Пора было и для союзниковъ чѣмъ нибудь покончить. Бразильское населеніе давно перестало сочувствовать войнѣ, финансы истощились, и императоръ съ зятемъ почти одни настаивали на продолженіи борьбы, для чего пришлось набирать въ армію столько невольниковъ, что подъ конецъ они составляли добрую половину бразильскихъ военныхъ силъ. Съ другой стороны, Аргентинской республикѣ давно прискучила война, и въ Монтевидео такъ сильно уже начинало заявляться сочувствіе къ Парагваю, что союзъ съ Бразиліей существенно ослабъ и падалъ, грозили возникнуть безпорядки,—между тѣмъ какъ сѣверо-американское правительство, три раза тщетно предлагавшее свое посредничество, не смотря на учрежденіе временнаго правительства въ Ассунсіонѣ, продолжало признавать Лопеса законнымъ правителемъ и даже поручило своему посланнику конвоировать диктатора по дремучимъ лѣсамъ парагвайскимъ. Въ Ріо-Жанейро газеты уже пророчили союзникамъ судьбу, постигшую императора Максимиліана въ Мексикѣ. Лопесу, впрочемъ, тоже приходилось не въ мѣру тяжко. Не всѣ его приверженцы обладали несокрушимой энергіей, упорствомъ и самопожертвованіемъ, которыя его не покидали до послѣдней минуты. Его окружала измѣна,—и неудивительно, что человѣкъ, воспитанный въ школѣ кровавой диктатуры, держалъ въ желѣзной рукѣ судьбы управляемаго имъ отечества, —что въ глазахъ того, кто каждую минуту готовъ былъ отдать непріятелю скорѣе жизнь свою чѣмъ шпагу, жизнь другихъ тоже не могла имѣть особенной цѣны. Оправдать конечно нельзя его чудовищной жестокости и безчеловѣчія; но черты эти отчасти объясняются исторіей и нравами его народа. Во всякомъ случаѣ, имя Лопеса перейдетъ къ потомству какъ имя въ высшей степени замѣчательнаго человѣка. Такого государственнаго человѣка и полководца поискать да и поискать, и не только между южно-американскими дѣятелями.

Трудно представить себѣ болѣе безплодную трату силъ и крови, чѣмъ эта война. Въ сущности ею ничего не достигнуто, кромѣ свободы судоходства до самыхъ устьевъ Лаплаты, такъ какъ Бразилія съ самаго начала объявила, что она не имѣетъ завоевательныхъ видовъ. А между тѣмъ Бразилія и Парагвай вконецъ истощены, и отстали по крайней мѣрѣ на четверть вѣка отъ того, чего могли бы за это время достигнуть, если бы шли нормальнымъ путемъ прогресса. Положеніе Уругвая (безпрестанно вдобавокъ раздираемаго революціями) и Аргентинской республики—немногимъ завиднѣе. Судить о степени опустошенія и раззоренія, постигшаго эти злополучныя земли—можно по тому статистическому факту, что въ Парагваѣ убыло пять шестыхъ мужескаго населенія.

Фельетонъ.

Затишье страстной недѣли.—Заключительный выводъ о великопостныхъ концертахъ.—Вечеръ, устроенный славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ.—Публика въ дѣлѣ объ убійствѣ Зона.—Любовныя конфекты или конфектная любовь.

Недавно еще слышались слова прощенія и молитвы; церкви были полны народомъ. Петербургъ говѣлъ, каялся въ грѣхахъ и готовился съ очищенной совѣстью встрѣтить свѣтлый праздникъ. Страстная недѣля, да еще первая великаго поста составляютъ то время года, когда и неугомонный Петербургъ нѣсколько притихаетъ и обуздывается. Въ рѣдкомъ русскомъ домѣ, даже самомъ свободомыслённомъ и вольнодумномъ, не соблюдаютъ поста въ эти недѣли, хотя бы для приличія— передъ прислугой—и съ постнымъ масломъ нѣсколько сомнительнаго благочестія, такъ какъ оно почему-то сильно напоминаетъ сливочное; но послѣднее обстоятельство оставляется обыкновенно неразъясненнымъ, на совѣсти повара. Всяческія увеселенія, частныя и общественныя на это время прекращаются. Городскія афиши изъ обыкновеннаго вороха бумаги обращаются въ тощіе листки, да и тѣ объявляютъ о томъ, что случится или понадобится еще не скоро: о спектаклѣ или балѣ, которые будутъ черезъ недѣлю, о подаркахъ и яйцахъ къ празднику — еще не наступившему. Вотъ этимъ-то затишьемъ и покоемъ милы особенно эти дни поста. Надо быть невольнымъ или вольнымъ (это все

равно, ибо извѣстно, что иная охота пуще неволи) мученикомъ петербургскихъ удовольствій и развлеченій, чтобъ оцѣнить какъ сладко и успокоительно ихъ лишеніе,—какъ отрадно думать, что никуда не предстоитъ ѣхать вечеромъ, что ни въ карманѣ, ни на столѣ не лежитъ обязательно-навязанныхъ концертныхъ билетовъ, что всѣ двадцать четыре часа сутокъ предоставлены полно и безраздѣльно собственному произволу.

Изъ всѣхъ родовъ высокихъ эстетическихъ наслажденій можно считать самымъ несовершеннымъ—и «въ большомъ количествѣ нестерпимымъ» — тѣ концерты, которыми до пресыщенія пользуется Петербургъ въ теченіе великаго поста. Вмѣсто того чтобы, внявъ благимъ указаніямъ попечительнаго начальства, закрывающаго на это время театральныя зрѣлища, подумать о спасеніи души,—петербуржцы наполняютъ залы всѣхъ четырехъ казенныхъ театровъ, небольшаго числа частныхъ, и многочисленныхъ клубовъ, оцѣнивая искуство заѣзжихъ и собственныхъ виртуозовъ, дѣйствительныхъ и сомнительныхъ, возникающихъ и кончающихъ,—дарятъ ихъ вниманіемъ и деньгами. Того и другаго хватаетъ у петербуржцевъ про всѣхъ, а между тѣмъ чего-чего только не преподносятъ нашей терпѣливѣйшей на свѣтѣ публикѣ всѣ эти господа и госпожи —«имѣющія честь» давать музыкальные вечера—и сколько ихъ...

Сколько ихъ? Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?

Всѣ наши концерты и музыкальные вечера, съ живыми картинами и мертвой скукой, можно раздѣлить на дѣйствительные концерты и псевдо-концерты, грубую и неловкую контрафакцію первыхъ. Настоящіе концерты и живыя картины, кромѣ искусства исполненія, требуютъ извѣстной осмысленности и интереса. Тотъ, кто идетъ слушать такого артиста какъ Таузигъ, или слѣдитъ за историческими концертами филармоническаго общества, или посѣтилъ прекрасный концертъ славянскаго благотворительнаго комитета,—знаетъ, что интересовало его на этихъ вечерахъ и вынесъ изъ нихъ опредѣленное и сознательное впечатлѣніе. Но такихъ концертовъ не много; большинство другихъ составляется безсмысленно, случайно, съ желаніемъ какъ можно болѣе испестрить программу вечера, разнообразными именами исполнителей и названіями исполняемыхъ піесъ; достигается же черезъ это только то, что такіе концерты много-что годились бы для какого нибудь café-chantant,—гдѣ, пожалуй, можно, зѣвая, за стаканомъ чаю или вина, съ сигарой въ зубахъ, послушать и такую музыку,—но совершенно неумѣстны и странны, когда ихъ предлагаютъ какъ что-то серьезное и высокое.

Скажемъ, чтобы покончить съ концертами, нѣсколько словъ о вечерѣ, устроенномъ славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Программа вечера была такъ прекрасно задумана и выполнена, что заслуживаетъ самаго сочувственнаго вниманія. Вечеръ этотъ былъ составленъ изъ живыхъ картинъ, изображавшихъ характернѣйшіе моменты жизни главнѣйшихъ славянскихъ племенъ, изъ чтенія стихотвореній, написанныхъ на тему картинъ, и исполненія оркестромъ соотвѣтствующихъ музыкальныхъ піесъ. Концертъ начался увертюрой изъ «Руслана и Людмилы»; затѣмъ, при звукахъ червонорусской пѣсни, открылась передъ зрителями картина, изображающая великаго князя Романа Мстиславича Галицкаго, отвергающаго предложеніе папскихъ пословъ—принять католичество и съ нимъ королевскій титулъ. Вторая картина изображала Коперника, объясняющаго ученикамъ, на террасѣ фрауэнбергскаго монастыря, свою систему мірозданія. Слѣдовавшая за тѣмъ картина, изображавшая чешскаго мученика Іоанна Гуса на кострѣ, равно какъ и предшествовавшее ей превосходное стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева—вызвали громкія рукоплесканія. Послѣ нея былъ исполненъ хоромъ и оркестромъ Гуситскій хоралъ «Темшесе благоу надеи» въ переводѣ на русскій языкъ. Первое отдѣленіе вечера заключилось картиной «Королевичъ Марко». Она основана на извѣстномъ сербскомъ преданіи, по которому королевичъ Марко, погибшій въ битвѣ съ турками въ 1371 году, не умеръ, а раненый перенесенъ горными *вилами* на вершину Балкановъ, гдѣ воткнувъ свой мечъ по рукоять въ скалу, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. По сербскому преданію, Марко проснется тогда, когда всѣ славянскіе народы сбросятъ съ себя чужеземное иго, и къ тому же времени выпадетъ изъ скалы забитый въ нее по рукоять мечъ. Преданіе гласитъ, что въ послѣдніе годы сонъ Марка становится все болѣе и болѣе безпокойнымъ, а мечъ его уже едва держится въ скалѣ. Именно этотъ моментъ и изображенъ былъ на картинѣ, гдѣ Марко мечется на своемъ ложѣ, оберегаемый *вилами*, изъ которыхъ одна указываетъ рукою вдаль—по направленію къ Россіи. Какъ сама картина, такъ и предшествовавшее ей чтеніе высокохудожественнаго стихотворенія Майкова вызвали восторгъ публики. Во второй части вечера, особеннаго одобренія заслужила картина, изображавшая Петра, пирующаго, послѣ Полтавской битвы, съ плѣнными шведами и возвращающаго имъ шпаги. Вечеръ закончился апоѳеозомъ Россіи, олицетворенной прекрасною женщиною, въ одѣяніи древнихъ русскихъ царей, въ шапкѣ Мономаха, со скипетромъ и русской хоругвью въ рукахъ. Вокругъ этой фигуры, обставленной символическими фигурами добродѣтелей и нравственныхъ силъ Россіи, толпилась группа разноплеменныхъ народовъ, соединяющихся въ одну семью подъ русскою державою. Картинѣ предшествовалъ гимнъ: «Славься» изъ «Жизни за Царя». Картина и народный гимнъ были приняты публикою восторженно. Такой концертъ дѣйствительно долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на публику своей осмысленностью и единствомъ удачно проведенной идеи. Голосъ», изъ котораго мы заимствовали нѣсколько строкъ этого описанія, указываетъ, что блестящимъ успѣхомъ концерта—бѣдные славяне, въ пользу которыхъ пойдетъ сборъ съ этого вечера, преимущественно обязаны безкорыстному усердію и трудамъ г.г. Аристова, Черкасова, Микѣшина, гр. Соллогуба, Шишкова, Бочарова и Шишко.

Крупнымъ интересомъ послѣднихъ дней было дѣло, разбиравшееся въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, объ убійствѣ Зона. Въ настоящее время извѣстно уже и рѣшеніе и подробности хода процесса, но не всѣмъ извѣстно, какъ дорого досталась эта новость тѣмъ, которые хотѣли узнать ее первыми—и стремились проникнуть, во чтобы то ни стало, если не въ залу засѣданія перваго уголовнаго департамента, гдѣ разбиралось это дѣло, то хотя въ зданіе суда. Съ самаго ранняго утра того дня, когда началось судебное разбирательство этого дѣла, передъ зданіемъ суда толпилась масса *незваныхъ*, изъ которыхъ только небольшая часть оказалась *избранными* счастливцами, которымъ удалось проникнуть въ самую палату. Зала засѣданія тѣсна, да

и корридоры суда, хотя широки и длинны, но не могли вмѣстить всей собравшейся у подъѣзда толпы. Поэтому сошедшихся передъ судомъ стали впускать не много и по разбору, а большинству приходилось ждать очереди у подъѣзда, подъ хлопьями мокраго снѣга, падавшаго въ то утро, на вѣтру и сырости. Но терпѣливая публика мокла и дрогла у подъѣзда—и все-таки одинъ за однимъ пробиралась въ зданіе, быстро наполняя корридоры его. Суетня въ передней или швейцарской была страшная. Немногочисленная прислуга суда не успѣвала принимать и развѣшивать верхнее платье и выдавать нумера; приходилось здѣсь снова ждать очереди. Нетерпѣливые любители и любительницы сильныхъ ощущеній горячились, сердились, упрашивали и бранили служителей, измученныхъ бѣготней и тасканьемъ платья. Но поднявшись въ корридоръ третьяго этажа, гдѣ была назначена зала для засѣданія, публика выдерживала самое тяжелое и продолжительное мытарство; въ ожиданіи очереди попасть въ залу, приходилось цѣлые часы выстаивать на ногахъ, на одномъ мѣстѣ, или прогуливаясь въ тѣснотѣ; скамеекъ въ коридорѣ очень немного. При низкихъ потолкахъ, духота становилась страшная, воздухъ спертымъ и нечистымъ. Было нѣсколько попытокъ, выведенной изъ терпѣнія добровольнымъ мученичествомъ публики, приступомъ вломиться въ залу засѣданія суда; но каждая такая атака бывала отбита недремлющими полицейскими стражами и жандармами, число которыхъ по мѣрѣ опасности увеличивалось—какъ у подъѣзда, такъ и у дверей залы. И только такими усиленными стараніями чуть не цѣлаго взвода полиціантовъ удавалось возстановлять порядокъ и прекращать шумъ. Но и то не всегда. Случалось такъ, что дружнымъ натискомъ толпа прорывалась въ пропускъ—и тогда-то поднимался крикъ растерявшихся и взбѣшенныхъ воиновъ и пискъ давящихъ другъ друга гражданъ и гражданокъ. Но несмотря на перечисленные подвиги, многимъ такъ-таки и не удалось пробраться въ залу засѣданія; эти несчастные съ мужественнымъ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей цѣли, все-таки оставались для чего-то въ корридорахъ суда, до глубокаго вечера, безъ ѣды и питія или довольствуясь тѣми булками и чаемъ, которыми позаботились запастись для нихъ служители суда. Нѣкоторые изъ посѣтителей оказались впрочемъ настолько предусмотрительными, что принесли съ собою провизію... Теперь спросите такого, настоявшагося до отека въ ногахъ субъекта, промокшаго и перезябшаго, потертаго, помятаго, отощавшаго отъ голода,—спросите словами Мольера: «Que diable allait-il faire dans cette galère?».. И если онъ откровенный человѣкъ, то долженъ будетъ сознаться—что одно любопытство, пустое любопытство влекло его на эту пытку, да развѣ еще желаніе потщеславиться, что я-молъ самъ *ихъ* видѣлъ,—и затѣмъ имѣть удовольствіе или несчастіе нѣсколько десятковъ разъ описывать, своимъ знакомымъ, наружность и поведеніе на судѣ Максима Ивановича, Александры Авдѣевны и прочихъ героевъ и героинь дня. И для этого столько мученій! О, родъ людской, какъ мало измѣнился ты со времени своего сотворенія и какъ прочно унаслѣдованъ тобою порокъ, погубившій твою прародительницу!

Послѣ такого глубоко-философскаго размышленія о любопытствѣ, можно было бы перейдти къ самому процессу, но процессъ этотъ полонъ такими подробностями, о которыхъ совершенно неудобно говорить на страницахъ этого изданія, а потому мы вмѣсто него—и чтобы не выходить изъ судебной сферы — разскажемъ со словъ «Судебнаго Вѣстника» объ одномъ дѣлѣ, гораздо менѣе ужасномъ и зато болѣе забавномъ. Въ мировомъ судѣ одного изъ близкихъ къ Варшавѣ уѣздныхъ городовъ разбирался надняхъ слѣдующій процессъ о конфектахъ. Процессъ возникъ изъ-за любви. Одинъ молодой провинціальный ловеласъ, желая получить руку, сердце и въ особенности большое приданое богатой молодой дѣвушки, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ ежедневно приходилъ къ своему идеалу съ нѣсколькими фунтами конфектъ—и, просиживая у той, которую онъ считалъ своею невѣстою, съ утра до вечера угощалъ конфектами ее и ея родныхъ. Но молодая дѣвушка вовсе не была расположена къ своему обожателю—и когда наконецъ ей сильно уже надоѣли его визиты, она рѣшительно отказала ему отъ дому и перестала принимать. Взбѣшенный такимъ поступкомъ своей возлюбленной, молодой ловеласъ, на первыхъ порахъ, сгоряча рѣшилъ-было застрѣлиться,—но потомъ, когда кровь его немного успокоилась, онъ отказался отъ самоубійства, а вмѣсто того предъявилъ къ родителямъ прелестной и богатой невѣсты... искъ о возвращеніи ему 290 рублей, истраченныхъ имъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, на конфекты для ихъ дочери. Родители, вслѣдствіе этого иска, явились отвѣтчиками передъ мировымъ судомъ города. «Не смотря однако на то, — говоритъ Варшавская газета, первая разсказавшая это дѣло,—что ловеласъ пригласилъ очень хорошаго адвоката, ему пришлось проиграть процессъ, потому что мировой судъ призналъ родителей невѣсты необязанными возвращать деньги, израсходованныя ловеласомъ по собственному своему желанію,—на томъ основаніи (какъ сказано въ рѣшеніи суда), что подарки цвѣтами, конфектами и другими подобными предметами, влюбленные обыкновенно дѣлаютъ вслѣдствіе своей доброй, *платонической воли*». Разумѣется, рѣшеніемъ такого рода истецъ остался недоволенъ и апеллировалъ въ высшую инстанцію. Вотъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ злоупотребленіе конфектами, по крайней мѣрѣ въ томъ городѣ съ странными нравами, гдѣ происходило разсказанное происшествіе!

У почтоваго ящика.

Почтовый ящикъ — сколько содержимаго въ этой небольшой желѣзной оболочкѣ, сколько содержанія въ простѣйшей формѣ! Если бы новѣйшій *хромой бѣсъ* сорвалъ крышку съ одного изъ этихъ жертвенниковъ Меркурію (который, какъ извѣстно, вѣдая крупныя дѣла воровства и торговли, не гнушался званіемъ почтаря) и принесъ бы кучу пакетовъ на жертву одному изъ современныхъ намъ писателей, — какая пестрая мозаика страстей, питаемыхъ и погибшихъ надеждъ, горя и радостей, смѣха и слезъ развернулась бы предъ очами служителя музъ! Сколько сюжетовъ для романа, драмы, высокой комедіи, а подчасъ и водевиля! Multum in minimis!

Чуть настало утро, самый разнокалиберный людъ

спѣшитъ и тѣснится у почтоваго ящика, ввѣряя ему сокровеннѣйшіе помыслы и даже тайны сердца. Посмотрите на прилагаемый рисунокъ: вотъ молодая дѣвушка, робко и недовѣрчиво озираясь по сторонамъ, приближается къ этому временному складу — и съ какой любовью она опускаетъ въ него завѣтную розовую обложку, раздушенную тончайшими благовоніями; вотъ еще моложавая мать, которая хочетъ доставить удовольствіе своей дочуркѣ — собственными ручонками опустить мамино письмо *на почту*,—а что въ этомъ письмѣ?... быть можетъ упреки разбитаго сердца или прошеніе беззащитной вдовы.... Какъ знать: богъ молчанія, съ перстомъ на сомкнутыхъ устахъ — неизмѣнный покровитель почтоваго ящика, и нарушать его тайну рѣшаются развѣ шалуны въ родѣ разсыльнаго мальчугана, изображеннаго на выступѣ у стѣны.

Политическое обозрѣніе.

Важнѣйшее политическое событіе послѣдняго времени есть безъ сомнѣнія конституціонная реформа во Франціи. Иниціатива ея принадлежитъ самому императору Наполеону. Письмомъ отъ 21-го марта, адресованнымъ президенту своего кабинета г. Эмилю Олливье, императоръ выразилъ мнѣніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо приступить къ реформамъ, которыя утвердили бы конституціонное правительство въ имперіи. Главными чертами этихъ реформъ должны быть, по словамъ императорскаго письма, раздѣленіе законодательной власти между сенатомъ и законодательнымъ корпусомъ и возвращеніе націи той доли учредительной власти, которая плебисцитомъ 1852 года предоставлена была главѣ государства и сенату. Въ этомъ смыслѣ императоръ и поручалъ своему министру, по совѣщанію съ его товарищами, представить проектъ сенатусъ-консульта. Письмо это произвело самое благопріятное впечатлѣніе—и всѣ органы печати, за исключеніемъ нѣсколькихъ красныхъ газетъ, единогласно выразили ему свое одобреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что отнынѣ должны прекратиться всѣ сомнѣнія въ либеральныхъ намѣреніяхъ императора. Важно было еще то обстоятельство, что по поводу этого письма установилось сближеніе между г. Эмилемъ Олливье и г. Руэромъ, бывшимъ первымъ министромъ и нынѣ президентомъ сената; утверждаютъ даже, что форма императорскаго письма и вскорѣ потомъ появившійся проектъ сенатусъ-консульта были рѣшены на совѣщаніи императора съ этими двумя государственными людьми. По словамъ нѣкоторыхъ газетъ, текстъ сенатусъ-консульта былъ даже написанъ рукой самого императора и переданъ имъ г. Эмилю Олливье, который, по обсужденіи его въ совѣтѣ министровъ, представилъ его 28-го марта на утвержденіе сената. Главныя черты этого сенатусъ-консульта слѣдующія: 1) Сенатъ раздѣляетъ законодательную власть съ императоромъ и законодательнымъ корпусомъ; 2) Учредительная власть (то-есть право измѣнять конституцію), принадлежавшая прежде сенату, прекращается; 3) Конституція можетъ быть принята только народомъ, по предложенію императора; 4) Число сенаторовъ можетъ быть увеличено до двухъ третей числа членовъ законодательнаго корпуса, съ тѣмъ, впрочемъ, что императоръ не можетъ назначить болѣе двадцати сенаторовъ въ годъ. Къ сенатусъ-консульту присоединено было приложеніе изъ 39 статей, служившее развитіемъ его и дополненіемъ. Сенатъ принялъ его съ полнымъ одобреніемъ, и передалъ его на разсмотрѣніе особой коммиссіи, докладчикомъ коей назначенъ былъ г. Девьенъ.

Въ то самое время, когда появилось письмо императора къ г. Эмилю Олливье и проектъ сенатусъ-консульта, другое событіе, бывшее предметомъ напряженнаго вниманія всей Франціи, совершалось въ городѣ Турѣ. Тамъ происходили съ 21-го по 26-е марта засѣданія верховнаго суда, разсматривавшаго дѣло принца Петра Бонапарта, преданнаго, какъ извѣстно читателямъ, суду за убійство Виктора Нуара и за покушеніе на убійство г. Ульрика де-Фонвьеля. Предѣлы нашего обозрѣнія не позволяютъ изложить въ подробности ходъ этого замѣчательнаго процесса. Находимъ необходимымъ, однако, сказать нѣсколько словъ о составѣ самого верховнаго суда. На основаніи дѣйствующихъ нынѣ законовъ во Франціи, члены императорской фамиліи и лица принадлежащія къ семейству императора (*) подлежатъ за совершенныя ими преступленія не обыкновеннымъ судамъ, а суду верховному—каждый разъ спеціально назначаемому императоромъ, при содѣйствіи присяжныхъ, не двѣнадцати, а тридцати шести, избираемыхъ изъ муниципальныхъ совѣтовъ всѣхъ департаментовъ Франціи. На этотъ разъ мѣстомъ засѣданій верховнаго суда назначенъ былъ Туръ, президентомъ его г. Гландазъ и прокуроромъ г. Гранперре. Процессъ продолжался, какъ мы уже сказали, пять дней, и окончился оправданіемъ подсудимаго, который, однако, по гражданскому иску присужденъ былъ потомъ къ уплатѣ 25,000 фр. семейству убитаго имъ Нуара. Освобожденіе принца Петра Бонапарта произвело самое тягостное впечатлѣніе во всей Франціи. Органы партіи непримиримыхъ воспользовались этимъ случаемъ для усиленнаго нападенія на императорское правительство; даже газеты, преданныя нынѣшней династіи, выразили мнѣніе, что, хотя вердиктъ присяжныхъ есть дѣло священное, противъ котораго никто возставать не имѣетъ права, тѣмъ не менѣе приговоръ по дѣлу принца Петра Бонапарта доказалъ всю несостоятельность исключительной юрисдикціи и сдѣлалъ на будущее время созваніе верховнаго суда невозможнымъ. Самъ императоръ, повидимому, былъ недоволенъ рѣшеніемъ суда, и посовѣтовалъ принцу Петру удалиться изъ Франціи; говорятъ, что послѣдній долго не соглашался исполнить желаніе императора, но когда тотъ пригрозилъ лишить его пенсіи въ 100,000 фр., которая выдается ему изъ императорской кассы, то принцъ выѣхалъ въ Италію; гдѣ онъ находится въ настоящее время — газеты не сообщаютъ.

Пока разсматривался проектъ сенатусъ-консульта въ назначенной для него коммиссіи, въ законодательномъ корпусѣ обсуждались различные законопроекты, изъ числа которыхъ самые замѣчательные были: отмѣна

(*) Къ членамъ императорской фамиліи принадлежитъ только принцъ Наполеонъ, сынъ Жерома-Бонапарта, съ своимъ семействомъ; онъ пользуется титуломъ *Altesse impériale* и правомъ престолонаслѣдія; прочіе родственники императора не пользуются этимъ правомъ и носятъ титулъ *Altesse*.

У почтоваго ящика.

закона общественной безопасности, изданнаго послѣ покушенія Орсини въ 1858 году и предоставившаго правительству право отправлять въ ссылку административнымъ путемъ всякаго, уличеннаго по суду въ какомъ либо политическомъ проступкѣ,—и новый законъ о печати, предоставляющій суду присяжныхъ вѣдать проступки учиненные путемъ печати. Между тѣмъ, члены лѣвой стороны, преимущественно г.г. Жюль Фавръ, Греви и Гамбетта представляли запросы правительству относительно способа, которымъ оно намѣревается совершить предполагаемыя реформы въ конституціи, и требовали, чтобы сенатусъ-консультъ представленъ былъ на разсмотрѣніе законодательнаго корпуса. Г. Олливье постоянно устранялъ эти запросы, до тѣхъ поръ пока въ совѣтѣ министровъ подъ предсѣдательствомъ императора рѣшено было утвердить реформу конституціи путемъ плебисцита, то-есть обращенія къ народу. Засѣданія совѣта министровъ происходили почти ежедневно, и между самими членами кабинета вопросъ о плебисцитѣ возбуждалъ большое разногласіе; противниками этой мѣры были графъ Дарю, министръ иностранныхъ дѣлъ, и г. Бюффе, министръ финансовъ; мнѣніе ихъ раздѣлялъ, хотя и не столь рѣшительно, министръ публичныхъ работъ, маркизъ де Талуэ. Вотъ почему еще въ началѣ апрѣля разнеслись слухи о предстоящемъ вскорѣ министерскомъ кризисѣ. Запросъ о предполагаемомъ плебисцитѣ допущенъ былъ въ законодательномъ корпусѣ 4-го апрѣля, гдѣ г. Греви произнесъ пространную рѣчь противъ сенатусъ-консульта и плебисцита, доказывая что они отнюдь не возвращаютъ народу учредительной власти, а напротивъ того осуждаютъ его на неподвижность. Рѣчь г. Греви была опровергнута г. Эмилемъ Олливье, въ пользу котораго оказалось огромное большинство въ палатѣ; но тѣмъ не менѣе она считается событіемъ величайшей важности, ибо допущеніе запроса о сенатусъ-консультѣ свидѣтельствовало уже, что за избранными представителями страны оффиціально признается право участія въ конституціонныхъ перемѣнахъ. Пренія по этому вопросу продолжались въ засѣданіи 5-го апрѣля, которое замѣчательно тѣмъ, что на сцену выступилъ г. Гамбетта, выказавшій съ разу дарованія первокласснаго оратора, что единогласно признаютъ газеты всѣхъ партій. Г. Гамбетта, еще молодой человѣкъ (ему лѣтъ тридцать съ чѣмъ нибудь), принадлежитъ къ партіи непримиримыхъ—и слѣдовательно говорилъ противъ плебисцита, но умѣлъ сдѣлать это съ такою сдержанностью и умѣренностью, что палата выслушала его со вниманіемъ, хотя онъ и доказывалъ всю несообразность плебисцита съ монархическою формой правленія и необходимость учрежденія во Франціи республики. Рѣчь его не привела впрочемъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ,—и палата, выслушавъ не менѣе краснорѣчивый отвѣтъ г. Эмиля Олливье, постановила переходъ къ очереднымъ дѣламъ большинствомъ 227 голосовъ противъ 43. Несомнѣнное большинство, оказавшееся на сторонѣ кабинета въ послѣднихъ засѣданіяхъ, не предупредило однако министерскаго кризиса, который разразился наконецъ по тому же вопросу о плебисцитѣ. Изъ кабинета вышли два упомянутые выше министра, г.г. Бюффе и Дарю, приверженцы Орлеанской династіи, дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ г. Тьера, какъ утверждаютъ нѣкоторыя газеты. Въ началѣ подалъ въ отставку г. Бюффе, допускавшій плебисцитъ на этотъ разъ, но требовавшій отмѣны его впослѣдствіи. Что касается до г. Дарю, то онъ нѣкоторое время колебался, и послѣдовалъ за своимъ товарищемъ и другомъ тогда лишь, когда императоръ рѣшительно отказался принять его условія, состоявшія въ томъ, чтобъ впредь право плебисцита оставалось за короной только по вопросамъ династическимъ, но чтобы по всѣмъ прочимъ оно предоставлено было законодательному корпусу. Декреты объ увольненіи этихъ двухъ министровъ появились въ *Journal Officiel*, отъ 15 апрѣля, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было, что министръ просвѣщенія, г. Сегри, назначается министромъ финансовъ, министерство иностранныхъ дѣлъ временно поручается министру юстиціи г. Олливье, а министерство народнаго просвѣщенія министру изящныхъ искусствъ г. Ришару. Распоряженіе это свидѣтельствуетъ, что императоръ и г. Олливье рѣшились не допускать въ кабинетъ постороннихъ элементовъ до разрѣшенія вопроса о плебисцитѣ. Слухи носятся, что, по окончаніи народнаго голосованія, изъ кабинета удалится также и г. Шевандье-де-Вальдромъ, а вступитъ въ него гг. де-Лагероньеръ и Эмиль де-Жирарденъ.

Засѣданія законодательнаго корпуса отсрочены 13-го апрѣля до окончанія плебисцита имѣющаго послѣдовать, какъ утверждаютъ, 8-го мая. По поводу его началась уже дѣятельная агитація между всѣми партіями. Большинство учредило въ Парижѣ центральный комитетъ въ пользу плебисцита, состоящій изъ пяти сенаторовъ, одиннадцати депутатовъ и всѣхъ издателей парижскихъ газетъ, поддерживающихъ правительство; комитету этому будутъ подчинены 24 подкомитета, учрежденные въ 24 парижскихъ кварталахъ. Такіе же комитеты учреждаются во всѣхъ большихъ городахъ Франціи, для чего туда и отправились депутаты законодательнаго корпуса, который и закрытъ былъ именно для того, чтобы предоставить имъ возможность войти въ сношенія съ своими избирателями. Оппозиція съ своей стороны устраиваетъ также комитеты въ Парижѣ и въ департаментахъ—и готовится къ дѣятельной борьбѣ; насколько можно судить по общему настроенію умовъ, побѣда правительства не подлежитъ сомнѣнію. Относительно формы, въ которой будетъ предложенъ вопросъ о конституціонной реформѣ народу, до сихъ поръ еще нѣтъ положительныхъ извѣстій. Утверждаютъ, что императоръ обратится къ націи съ особымъ манифестомъ, и что сверхъ того будутъ разосланы отъ его имени ко всѣмъ избирателямъ циркулярныя письма, въ которыхъ изложена будетъ сущность перемѣнъ, вносимыхъ въ конституцію.

Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль обнаружились снова стачки рабочихъ въ Крёзо, но онѣ не имѣли прежняго тревожнаго характера, и по извѣстіямъ отъ 16-го апрѣля, работы на тамошнихъ заводахъ возобновились по прежнему; другая стачка, еще не кончившаяся и повидимому болѣе опасная, произошла въ Фуршамбо, въ департаментѣ Ньевры. Вообще полагаютъ, что рабочіе подчиняются подстрекательствамъ извнѣ и что духъ неповиновенія поддерживаютъ между ними такъ называемыя «братскія общества» Англіи и Бельгіи, эмиссары коихъ посылаются на мѣсто стачекъ. Что касается до предполагаемаго заговора на жизнь императора, имѣвшаго будто бы связь съ февральскими безпорядками (вслѣдствіе ареста Рошфора, см. *Нива* № 12), то дѣло это до сихъ поръ не рѣшено; на запросъ объ обвиняемыхъ въ этомъ заговорѣ, сдѣланный министерству въ законодательномъ корпусѣ, г. Олливье отвѣчалъ, что правосудіе продолжа-

етъ свое дѣло и результаты его могутъ быть извѣстны только по окончаніи слѣдствія.

Внутреннія перемѣны, столь важныя для наполеоновской династіи, отодвинули иностранную политику на второй планъ; тѣмъ не менѣе носятся слухи, что, по окончаніи народнаго голосованія, императоръ намѣренъ отправить одного изъ самыхъ близкихъ ему людей, герцога де-Персиньи, въ Берлинъ, чтобы возбудить снова вопросъ о конгрессѣ великихъ державъ,—что, какъ извѣстно, составляетъ давно любимую мысль Наполеона III. Разумѣется, это только слухи. Гораздо важнѣе, хотя также не совсѣмъ ясны, отношенія Франціи къ Ватиканскому собору. Мысль отправить на этотъ соборъ спеціальнаго уполномоченнаго, занимавшая бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Дарю, была оставлена; но, какъ слышно, онъ отправилъ съ французскимъ посломъ при папскомъ дворѣ, маркизомъ де-Банвилемъ, возвратившимся къ своему посту, меморандумъ, содержаніе котораго было сообщено дворамъ лондонскому, берлинскому и вѣнскому и одобрено ими, и который заключаетъ въ себѣ, какъ увѣряютъ, энергическій протестъ противъ нѣкоторыхъ дѣйствій собора. Носились слухи, что, вслѣдствіе отставки г. Дарю, политика Франціи относительно Рима приметъ характеръ большей сдержанности, и что упомянутая нота передана не будетъ. Телеграмма же изъ Рима, отъ 22 апрѣля, увѣдомляетъ, что г. де-Банвиль прочиталъ эту ноту кординалу Антонелли, но не оставилъ съ нея копію, и что державы будутъ поддерживать ее тогда уже, когда она будетъ передана оффиціально.

Совѣщанія Ватиканскаго собора продолжаются, но по прежнему въ глубочайшей тайнѣ; послѣдними дѣйствіями его было обсужденіе схемы *de Fide Catholica*, заключающей въ себѣ развитіе знаменитаго Силлабуса. Догматъ о непогрѣшимости, возбуждающій такую сильную оппозицію въ либеральной партіи католическаго духовенства, разсмотрѣнъ еще не былъ—и обсужденіе произойдетъ, какъ слышно, послѣ праздниковъ Пасхи. Замѣчательнымъ эпизодомъ, имѣющимъ связь съ дѣйствіями собора, былъ раздоръ между армянами-католиками въ Константинополѣ. Армяно-католическій патріархъ Хассунъ, находящійся нынѣ въ Римѣ, распоряженіями своими возбудилъ противъ себя свою паству, которая объявила, что не будетъ слушать его приказаній; папа прислалъ для умиротворенія этого раздора довѣренное лицо, архіепископа Плюйма, но армяне не послушали его и обратились къ султану съ просьбой назначить имъ новаго патріарха. Вслѣдствіе этого султанъ, дозволившій диссидентамъ совершать богослуженіе въ особой церкви, обратился къ папѣ чрезъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ, Рустема-бея, съ предложеніемъ заключить конкордатъ. Папа отклонилъ это предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что султанъ, какъ глава ислама, не можетъ вмѣшиваться въ назначеніе христіанскихъ епископовъ. Султану, повидимому, отвѣтъ этотъ не понравился; по крайней мѣрѣ есть слухъ, что онъ отправляетъ свой военный фрегатъ въ Чивита-Веккію, чтобы потребовать у папы выдачи сорока епископовъ, подданныхъ султана, которыхъ римская курія силой удерживаетъ въ Римѣ.

Кромѣ Франціи, министерскіе кризисы произошли въ Австріи и Румыніи. Относительно послѣдняго мы не имѣемъ еще подробныхъ свѣденій, и знаемъ только по телеграфу отъ 21-го апрѣля, что Іоаннъ Гика, которому князь Карлъ поручилъ составить новый кабинетъ,—не успѣлъ выполнить этого порученія, и что оно возложено снова на бывшаго министра-президента Голеско. Что касается до австрійскаго кризиса, то мы можемъ сообщить о немъ слѣдующія подробности. Съ полнымъ основаніемъ не довѣряя искренности примирительныхъ стремленій того самаго министерства, которое въ программѣ своей поставило себѣ цѣлью энергическое подавленіе оппозиціи, чешскіе патріоты Ригръ и Сладковскій отклонили отъ себя приглашеніе, причемъ они указали на настоящія причины ихъ отказа и заявили, что никакія рѣшенія не могутъ быть приняты ими безъ привлеченія къ переговорамъ и депутатовъ отъ Моравіи, искони дѣйствовавшей заодно съ чехами. Едва оправившись отъ этой неудачи, министерство рѣшилось было отомстить чешской партіи и приняло уже мѣры для закрытія пражской думы, въ случаѣ выбора пражскимъ бургомистромъ одного изъ участниковъ знаменитой деклараціи чешскихъ патріотовъ 1868 года; но чехи съ свойственнымъ имъ тактомъ сумѣли отвратить ударъ и выбрали нѣкоего г. Дитриха, не участвовавшаго въ деклараціи. Императоръ уже утвердилъ этотъ выборъ и выразилъ снова свое желаніе примиренія,—и вотъ, послѣ недавней неудачи правительства, оффиціозныя газеты заговорили, что оно не считаетъ переговоровъ окончательно порванными и желаетъ найти средства соглашенія, которыя-бы удовлетворили чеховъ. Столько-же неудачны были сношенія правительства съ польскою партіею; допустивъ наконецъ въ угоду ея обсужденіе въ особой коммисіи рейхсрата резолюціи львовскаго сейма, представляющей сводъ польскихъ требованій, правительство не выразило однако-же особой уступчивости, и почти при каждомъ пунктѣ резолюціи заявляло о невозможности его принятія, ссылаясь на опасность, грозящую будто-бы государственному единству и т. д. Руководимый желаніемъ распространенія льготъ, выговариваемыхъ себѣ поляками, и на всѣ прочія не-нѣмецкія области Цислейтаніи, депутатъ отъ Буковины баронъ Петрино съ товарищами внесъ въ имперскую думу предложеніе, составленное въ этомъ смыслѣ, при предварительномъ совѣщаніи оппозиціонныхъ депутатовъ. Поляки обѣщали поддержать это предложеніе, но когда въ палатѣ оно пущено было на голоса, то высказались противъ него, и оно было поддержано лишь незначительнымъ меньшинствомъ. Такой образъ дѣйствій поляковъ возмутилъ противъ нихъ остальныхъ членовъ оппозиціи, пребываніе которыхъ въ рейхсратѣ стало невозможно. Слѣдствіе всего было выраженіе словенскими, буковинскими, тріестскими и южно-тирольскими депутатами желанія выступить изъ рейхсрата. Цислейтанское министерство Гаснера, не успѣвшее достигнуть соглашенія съ національностями, населяющими Австрійскую имперію, пало послѣ кратковременнаго существованія,—и императоръ Францъ-Іосифъ поручилъ составленіе новаго кабинета графу Потоцкому, бывшему министру земледѣлія въ кабинетѣ Таафе, предшествовавшемъ кабинету Гаснера, о чемъ 13-го апрѣля обнародованъ былъ декретъ. Товарищами своими графъ Потоцкій выбралъ людей состоявшихъ чиновниками въ различныхъ министерствахъ (гг. Чабушнигъ, Дистлеръ, Депретисъ) и не игравшихъ никакой политической роли, что заставляетъ многихъ предполагать, что министерство это будетъ переходное. Паденіе кабинета «нѣмецкихъ докторовъ», какъ называли министерства Гаснера и Искры, возбудило было радость между славянскими поселеніями, но радость эта была кратковременна: 14-го апрѣля оффиціальная *Wiener-Abendpost* появилась съ передовою статьей, въ которой излагалась программа новаго кабинета. Изъ туманныхъ и

напыщенныхъ фразъ, наполнявшихъ эту статью, оказывалось ясно только одно, что новое министерство имѣетъ намѣреніе блюсти исключительно интересы «важнѣйшей національности», то-есть нѣмецкой. Такъ какъ графъ Потоцкій—полякъ, то естественно онъ станетъ покровителемъ своихъ соплеменниковъ — и на сцену выступитъ вѣроятно, вмѣсто австро-венгерскаго дуализма, задуманная нѣкогда австро-венгерско-польская тріада. Объ автономіи славянъ по прежнему не будетъ рѣчи, и чего могутъ ожидать отъ новаго кабинета славяне—свидѣтельствуетъ уже назначеніе (еще предполагаемое, но несомнѣнно имѣющее состояться) графа Голуховскаго намѣстникомъ Галиціи: онъ уже занималъ этотъ постъ, и положеніе галицкихъ русскихъ было при немъ весьма незавидное. Между тѣмъ, неудовольствія обнаруживаются въ Богеміи, Кроаціи и по Военной границѣ, и соглашеніе съ славянскими племенами становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Паденіе кабинета Гаснера оживило ихъ надежды, но обнародованная нынѣ программа новаго министерства едва ли не разрушитъ ихъ окончательно.

Важнѣйшимъ занятіемъ сѣверо-германскаго рейхсрата было разсмотрѣніе союзнаго уголовнаго уложенія, что̀ продолжалось до 30-го марта, но утверждена была только одна часть упомянутаго проекта, остальная же передана на разработку спеціальной коммиссіи, которая результаты своихъ занятій представитъ въ рейхсратъ. Въ засѣданіи 30-го марта принято было предложеніе депутата Ласкера о реформѣ военно-уголовныхъ судовъ и потомъ предложеніе депутата Микеля, состоявшее въ томъ, чтобы выпускъ бумажныхъ денегъ которымъ либо изъ союзныхъ государствъ—подчиненъ былъ одинаковымъ условіямъ съ выпусками банковыхъ билетовъ, т. е. чтобы для этого каждый разъ постановляемъ былъ союзнымъ рейхсратомъ особый законъ. Засѣданія рейхсрата закрылись по случаю Пасхи, а 21-го апрѣля, какъ извѣщаетъ телеграфъ, послѣдовало открытіе въ Берлинѣ пошлиннаго парламента. Газеты сообщаютъ различныя предположенія (что, впрочемъ, всегда бываетъ весной) о предстоящихъ путешествіяхъ короля Вильгельма I, причемъ говорится о различныхъ свиданіяхъ съ царствующими особами, изъ чего выводятся различныя политическія комбинаціи. До сихъ поръ достовѣрно то, что наслѣдный принцъ прусскій выѣхалъ въ Карлсбадъ 18-го апрѣля для лѣченія тамошними минеральными водами, а союзный канцлеръ графъ Бисмаркъ находится въ своемъ помѣстьѣ въ Варцинѣ, гдѣ онъ заболѣлъ, но не опасно, если вѣрить послѣднему извѣстію, помѣщенному въ оффиціозной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», отъ 21-го апрѣля.

Англійскій парламентъ, какъ уже извѣстно читателямъ, занимается разсмотрѣніемъ ирландскаго поземельнаго билля; пренія о немъ въ палатѣ общинъ продолжались до 8-го апрѣля и отсрочены по случаю праздниковъ Пасхи до 28-го этого мѣсяца. Величайшій интересъ представляетъ бюджетъ Великобританіи (на текущій 1870—71 годъ), изложенный канцлеромъ казначейства г. Робертомъ Ло въ финансовомъ комитетѣ палаты общинъ 11-го апрѣля. Истекшій годъ былъ первымъ годомъ администраціи г. Гладстона—и въ продолженіи его всѣ члены кабинета соблюдали экономію, которая обѣщана была въ ихъ программѣ. Смѣты расходовъ по арміи и флоту, представленныя министрами военнымъ и морскимъ, подавали уже надежду, что и въ настоящемъ бюджетѣ будетъ излишекъ. Излишекъ этотъ, дѣйствительно оказавшійся, г. Ло рѣшился употребить на облегченіе податей. Главная черта его финансовой политики заключается въ упрощеніи различныхъ статей дохода, для чего средствомъ служитъ строгая экономія. Представляя обозрѣніе прошедшаго 1869—70 финансоваго года, г. Ло сообщаетъ, что доходъ (за сокращеніями отъ пониженія налоговъ) исчисленъ былъ по смѣтамъ прошлаго года въ 73,515,100 фунт. стер.; дѣйствительный же доходъ оказался въ 75,334,000, стало быть онъ превзошелъ смѣту на 1,819,000 фунт. стер. (расходы были понижены въ 68,233,000 фунт. стер.). Затѣмъ г. Ло перешелъ къ смѣтамъ на текущій годъ; расходы исчислены въ 67,113,000, менѣе прошлогодняго на 1,713,000; предположенный же доходъ исчисленъ въ 71,450,000; слѣдовательно, можетъ послѣдовать новое значительное пониженіе податей.

Въ Испаніи до сихъ поръ господствуетъ какое-то переходное положеніе, и страна далеко еще не успокоилась. Въ концѣ марта произошелъ раздоръ въ кортесахъ между партіями уніонистовъ и радикаловъ, что̀ повело къ отставкѣ одного изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ кабинета адмирала Топете, такъ что маршалъ Примъ остается полнымъ распорядителемъ временнаго правительства. Сильные безпорядки обнаружились на дняхъ въ различныхъ мѣстахъ королевства по поводу рекрутскаго набора, который временное правительство обѣщало въ прошедшемъ году отмѣнить и въ нынѣшнемъ нашло невозможнымъ исполнить свое обѣщаніе. Волненіе особенно было сильно въ Каталоніи, гдѣ его пришлось укрощать вооруженною силой; наконецъ 8-го апрѣля взята была Грасія (такъ называется кварталъ Барселоны, населенный рабочими), средоточіе мятежа, который и былъ подавленъ, впрочемъ съ значительными потерями. По всей вѣроятности, движеніе это имѣетъ связь съ карлистскими происками, которые, по послѣднимъ извѣстіямъ, возобновляются на нѣкоторыхъ пунктахъ Испаніи. Большое впечатлѣніе произвелъ приговоръ военнаго суда надъ герцогомъ Монпансье за убіеніе на дуели донъ-Генриха Бурбонскаго. Герцогъ приговоренъ къ удаленію изъ Мадрида на одинъ мѣсяцъ и къ уплатѣ семейству убитаго 30,000 франковъ. Мѣсяцъ этотъ, какъ сообщаютъ мадридскіе корреспонденты парижскихъ газетъ отъ 19-го апрѣля, герцогъ Монпансье проведетъ въ своей обычной резиденціи Севильѣ, и потомъ возвратится въ Мадридъ хлопотать о своей кандидатурѣ на испанскій престолъ, что̀ можетъ и удаться ему, потому что до сихъ поръ не представилось другаго серіознаго кандидата.

Въ Италіи въ концѣ марта происходили безпорядки въ Павіи и Піаченцѣ — но не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій. Во Флоренціи, передъ закрытіемъ парламента передъ праздниками Пасхи, ходили слухи объ отставкѣ министра финансовъ г. Селлы; но слухи эти до сихъ поръ не подтвердились.

Въ Греціи, во всѣхъ областяхъ, въ величайшемъ порядкѣ происходили выборы въ муниципальные совѣты, окончившіеся 7-го апрѣля; по окончаніи ихъ, король предпринялъ поѣздку по островамъ Архипелага—и, какъ увѣряютъ, намѣренъ предпринять путешествіе въ Копенгагенъ и С. Петербургъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

№ 18. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

Ордынскій судъ.

Первое преступленіе, за которое опредѣляется смертная казнь, есть *злоумышленіе противъ общественнаго спокойствія*. Я спрашиваю теперь, отъ имени закона и справедливости, можно ли обвинить въ этомъ князя Михаила, сына Ярославова?

Кавгадый встрепенулся.

— Ханскаго посла взялъ въ плѣнъ! онъ указалъ пальцемъ на себя: — развѣ это не нарушеніе общественнаго спокойствія? Взялъ въ плѣнъ Кончаку, сестру ханскую! развѣ это не нарушеніе общественнаго спокойствія?.. Подрывать уваженіе къ царствующему дому!!

— Онъ былъ гордъ и непокорливъ хану нашему, сказалъ Мурза-Четъ: — онъ терпѣть не можетъ тѣхъ, кто хану служитъ; Кавгадыя въ плѣнъ взялъ, перечилъ Юрію Даниловичу, тестю ханскому, великому князю русскому — и всегда онъ велъ и ведетъ происки противъ смирныхъ, кроткихъ, хану покорныхъ, къ татарамъ ласковыхъ московскихъ князей. Развѣ не нарушеніе общественнаго спокойствія, что всѣ, которые привержены хану, подвергаются его гоненію?

— Не знаю я ничего въ этомъ небусурманскомъ законѣ, проговорилъ Щелканъ, глядя въ сторону, — а знаю, что гяуръ осмѣлился идти на бусурмана, что гяуръ татаръ побилъ.

Онъ плюнулъ въ сторону и потупился.

— И такъ, сказалъ Чобуганъ, — онъ уже по одной этой статьѣ долженъ понести смертную казнь.

— Долженъ, сказали татары единогласно.

— По второй статьѣ закона Чингисъ-Хана, смертной казни подвергаются *за злоумышленіе противъ царствующаго дома*.

— Виноватъ, виноватъ! заговорили всѣ поспѣшно. — Тутъ и спору нѣтъ, что виноватъ. — Если и не правда, что онъ хотѣлъ бѣжать къ нѣмцамъ съ ханскою казною, хотѣлъ бѣжать къ врагу бусурманъ, римскому папѣ, чтобы на хана и на бусурманъ крестовый походъ поднять, — такъ и этого довольно.

— И такъ, продолжалъ Чобуганъ, не мѣняясь ни одною чертой въ лицѣ, не отрывая глазъ отъ своего свитка, — по этимъ двумъ статьямъ онъ долженъ быть казненъ. Третья статья гласитъ, что смертной казни подвергаются *за государственную измѣну*.

— А крестовый походъ развѣ не государственная измѣна? спросилъ Мурза-Четъ: — не государственная измѣна?.. при этомъ онъ улыбнулся ласково, простодушно, даже нѣсколько наивно.

— Но это еще не доказано, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, получавшій крупные подарки изъ Твери, но наравнѣ съ другими благопріятелями Твери не смѣвшій замолвить слова за Михаила; вліятельнѣйшіе члены совѣта были на сторонѣ Москвы.

— Нѣтъ, сказалъ Щелканъ,—эту статью мы пропустимъ. Онъ виноватъ въ томъ, что онъ, гяуръ, осмѣлился поднять руку на правовѣрныхъ, но правовѣрные должны быть справедливы,—иначе они сами станутъ такими же виноватыми, какъ гяуры. Поднять крестовый походъ и сноситься съ папою—плюю на его бороду и на кости отца его и въ лицо его матери!— преступленіе великое; но такъ какъ въ этомъ преступленіи обвинителями являются только такіе же, какъ самъ Михаилъ, гяуры, князья и бояре московскіе, то показанія ихъ вѣры не заслуживаютъ.

— По моему, государственная измѣна, сказалъ Кавгадый,—это взять въ плѣнъ ханскаго посла.

При этомъ онъ опять ткнулъ себя въ грудь пальцемъ.

— Это скорѣе нарушеніе общественнаго спокойствія, сказали въ досадѣ другіе изъ сторонниковъ Михаила, желавшіе, хотя замѣною одного уголовнаго пункта другимъ, облегчить участь князя.

— Да все равно, сказалъ кто-то,—такъ или сякъ, а неповиновеніе ханской власти, хотя бы и безъ крестоваго похода и безъ взятія въ плѣнъ ханскаго посла, —та же самая измѣна.

Даже сторонники Михаила должны были поддакнуть.

— Четвертая статья, читалъ Чобуганъ, — *отцеубійство.*

— Ну, въ этомъ онъ не виноватъ, сказалъ Кавгадый, желавшій все-таки казаться безпристрастнымъ.

— Онъ какъ сынъ и какъ внукъ, сказалъ одинъ изъ его сторонниковъ,—былъ всегда почтителенъ.

— Ну такъ въ отцеубійствѣ онъ не виноватъ, сказалъ Чобуганъ.—Теперь по пятой статьѣ: *безчеловѣчіе*, а подъ безчеловѣчіемъ разумѣется во-первыхъ: *умерщвленіе семейства изъ трехъ или болѣе человѣкъ*...

— Развѣ въ битвѣ съ нашими, сказалъ одинъ изъ сторонниковъ Михаила. Остальные молчали.

— Во-вторыхъ: *Разсѣченіе человѣка на части*, читалъ Чобуганъ.

Всѣ молчали.

— Въ-третьихъ: *умерщвленіе родившагося младенца*; въ-четвертыхъ: *рѣзаніе сосцевъ у женщинъ*; въ-пятыхъ: *составленіе ядовъ и чародѣйство*...

— А! въ этомъ-то онъ виноватъ—вотъ оно! замѣтилъ радостно Кавгадый.

— Это самое и есть! сказалъ Мурза-Четъ, — отравилъ сестру ханскую!

— Да, промычалъ Щелканъ,— только это нашему суду не подлежитъ...

— Какъ не подлежитъ нашему суду? спросили всѣ въ недоумѣніи.

Щелканъ уставилъ глаза на Узбека и сказалъ:

— Кончака по волѣ самаго хана приняла христіанство, а намъ гяуровъ межъ собою судить не приходится.

Всѣ замолчали въ недоумѣніи.

— За всякое другое преступленіе, сказалъ одинъ очень старый мусульманинъ,— мы можемъ судить русскаго князя и приговаривать къ смерти, но за это мы приговаривать не станемъ.

— Да отчего такъ? какъ же такъ?.. спросилъ Кавгадый.

— За то, что ханъ терпитъ всѣ вѣры; за то, что кто изъ его родственниковъ...

Во всемъ совѣтѣ царствовалъ общій ужасъ: за подобныя дерзости ханы головы рубили—но Узбекъ былъ человѣкъ новаго покроя — онъ воспитался подъ вліяніемъ высшихъ взглядовъ.

— Правда, правда! сказалъ наконецъ Узбекъ, — въ этой винѣ я его прощаю; я не хочу, чтобы гяуры говорили, что я сужу ихъ несправедливо.

— Нѣтъ, сказалъ Чобуганъ,—такъ судить нельзя! Во-первыхъ, ханъ, предъ премудростью котораго я преклоняюсь, на этотъ разъ присвоилъ себѣ право, котораго онъ не имѣетъ. Сказано было, что есть преступленія, за которыя высочайшая воля не имѣетъ права миловать, стало быть ханъ въ этомъ совѣтѣ—такой же членъ какъ и мы. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о государствѣ, личная власть хана ничего не значитъ, а если она что нибудь значитъ, то надо разобрать законъ великаго Чингисъ-Хана.

Опять воцарилось молчаніе и испугъ.

— Я повинуюсь, сказалъ Узбекъ,—благодарю, Чобуганъ! благодарю Чолъ-Ханъ и тебя, старикъ, благодарю!

— Вотъ что, сказалъ Ахмылъ, — въ законѣ сказано: *чародѣйство и составленіе ядовъ*, а Кавгадый говоритъ, что Михаилъ волхвовъ сзывалъ, что Кончака отъ яда умерла,—стало быть дѣло просто, стало быть виноватъ!

При этомъ онъ махнулъ рукой по воздуху, какъ будто срубая дерево или скашивая траву.

— Виновенъ, рѣшилъ совѣтъ.

— Шестая статья: *неуваженіе къ верховной власти*, прочелъ Чобуганъ.

— Виновенъ, рѣшилъ совѣтъ.

— Седьмая: *неуваженіе къ родителямъ*, читалъ Чобуганъ.

— Въ этомъ онъ не виновенъ, сказалъ Кавгадый.

— Восьмая: *семейное несогласіе*, читалъ Чобуганъ.

— Не виноватъ, сказалъ Мурза-Четъ: — тверскіе завѣдомо живутъ хорошо, даже лучше московскихъ, потому что московскіе между собою ссорятся изъ-за того, какъ бы лучше угодить хану. Вонъ дядя ихъ Дмитрій Андреевичъ и отецъ Данила какъ собаки между собою жили, чтобы только угодное хану сдѣлать.

Чобуганъ сдѣлалъ знакъ рукой.

— Нѣтъ, не виноватъ въ семейномъ несогласіи, читалъ онъ,—но подъ семейнымъ несогласіемъ разумѣется во-первыхъ: *умышленное убійство*, *продажа родственниковъ* до пятой боковой линіи...

— Ну, не виноватъ, ходатайствовалъ Кавгадый.

— Во-вторыхъ: *всѣ ссоры и доносы* на мужа и родственниковъ до четвертой боковой линіи...

— А! сказалъ Ахмылъ:—вотъ оно!..

— Вотъ оно, сказалъ Четъ, — то и дѣло являлся сюда съ доносомъ на Данила московскаго, на сыновей его Юрія Даниловича и Ивана Даниловича.

— Постой, сказалъ одинъ изъ сторонниковъ Михаила,—постой! А развѣ московскіе въ ссорѣ не доносятъ на тверскихъ? Измучили они насъ своими доносами!..

— Что тутъ толковать! сказалъ другой старикъ,— эти русскіе князья только за тѣмъ и ѣздятъ въ Орду, чтобы доносить другъ на друга.

— Это ужъ таковъ ихъ обычай, это ихъ вѣра такая, сказалъ Щелканъ, и опять уставился въ землю.

— Если онъ и съ папою римскимъ сносился и ханскую дань хотѣлъ ему передать, такъ вѣдь ханъ князю не родственникъ, сказалъ кто-то,—стало быть не виноватъ Михаилъ въ ссорѣ съ родными и въ доносахъ на нихъ.

— Нѣтъ, не виноватъ, рѣшилъ совѣтъ.

— Девятая: *несправедливость*, читалъ Чобуганъ,—значитъ начальника убить или хозяина.

— Ну, этого нѣтъ, рѣшили всѣ.

— Такъ выходитъ, продолжалъ Чобуганъ,—что виноватъ онъ въ четырехъ винахъ. Первая: *злоумышленіе противъ общественнаго спокойствія*.—Вторая: *злоумышленіе противъ царствующаго дома*.—Третья: *государственная измѣна*.—Четвертая: *безчеловѣчіе*, т. е. составленіе ядовъ и чародѣйство.

Каждое обвиненіе словно мѣрными ударами похороннаго колокола подтверждалось общими возгласами: «виновенъ!»

Чобуганъ и всѣ члены поклонились Узбеку; на Узбекѣ лица не было.

— Хорошо, сказалъ онъ,—я отказываюсь отъ права помилованія, только скажите вы мнѣ по совѣсти... не вѣрю и вѣрить не могу, чтобы этотъ Михаилъ въ самомъ дѣлѣ былъ отравителемъ и измѣнникомъ!

— Свѣтъ очей моихъ, сказалъ Кавгадый,—душа моя, сердце мое, какъ ты намъ не вѣришь?

Узбекъ всталъ и вышелъ.

— Совѣтъ кончить другой разъ! сказалъ онъ.

Тверскіе сторонники вышли изъ ставки, и столпились въ одну кучу. Чобуганъ свернулъ свитки, бережно уложилъ ихъ въ торбу изъ синей китайки и бережно понесъ въ свою ставку. Неуспѣлъ онъ повѣсить ихъ на гвоздикъ, вбитый въ колъ на которомъ держалась ставка, какъ за нимъ прибѣжали звать его въ ставку Узбека. Узбекъ сидѣлъ на кучѣ тюфяковъ, покрытыхъ собольими одѣялами, и пилъ чай изъ маленькой китайской чашечки. Нѣсколько слугъ толпилось у входа. Онъ молча далъ знакъ одному изъ нихъ подать чашку Ахмету, молча указалъ мѣсто подлѣ себя и движеніемъ руки выслалъ остальныхъ.

— *Ты* что скажешь, Чобуганъ? ты лучше всѣхъ знаешь русскія дѣла. Русскіе всѣ у тебя бываютъ, всѣ возятъ тебѣ подарки...

— Да, сказалъ Чобуганъ.

— Какъ по твоему—кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ?

— Ты меня зачѣмъ объ этомъ спрашиваешь? сказалъ Чобуганъ, смѣло уставившись ему въ лицо.

— А затѣмъ, что я тебѣ, хотя ты самъ русскій по рожденью... я тебѣ больше вѣрю. Ты больше свѣтъ видалъ; ты прошелъ всю книжную мудрость—и ложь ненавидишь.

— Ты меня, ханъ, не спрашивай: я терпѣть не могу мѣшаться въ эти дѣла. У тебя есть совѣтъ; мое дѣло бумаги вести, знать законъ, ярлыки тебѣ писать и переводить на разные языки, а вмѣшиваться въ дѣла—терпѣть не могу; какъ разъ меня изъ за этого свернутъ,—а какъ свернутъ, тебѣ-же хуже будетъ.

— Чобуганъ, душа моя, говорилъ Узбекъ, трепля его по плечу,—мало ты меня знаешь, если думаешь, что подъ меня можно подкопаться.

— Мало я тебя знаю? сказалъ Чобуганъ,—самъ ты виноватъ, что въ это дѣло впутался. Я давно видѣлъ, какъ ты неостороженъ. Московскіе князья—умные люди, не чета тверскимъ; тверскіе лучше и честнѣе ихъ, а оттого никуда не годятся что-бы править Русью: тамъ нужны истые плуты; такіе нужны тамъ люди, что-бы подъ нихъ шиломъ нельзя было подточить. Вотъ тебѣ такой—братъ Юрія, Иванъ Даниловичъ. Не лежитъ у меня къ нему сердце, не лежитъ сердце и къ Юрію. Этотъ Юрій—болтунъ, вертлявый, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ; суется, вездѣ бѣгаетъ, со всѣми ладитъ;—воля твоя, не могу ему ни въ чемъ вѣрить.

— Я тебѣ не про Юрія толкую; я не о томъ говорю, что онъ плутъ...

— Ты съ этимъ плутомъ породнился, ты его сдѣлалъ великимъ княземъ; честь Михаила была затронута, онъ взялъ въ плѣнъ Кавгадыя и Кончаку и побился съ татарами... А что на счетъ папы онъ думалъ, я думаю, что и Юрій и Иванъ Даниловичи давнымъ-бы давно сошлись съ папою, только водить переговоры отъ него далеко; да и самому папѣ въ Римѣ тоже не весело живется—больно съ цѣсаремъ не ладитъ. Я дѣла итальянскія знаю хорошо: папа на насъ никого двинуть не можетъ; никто не пойдетъ; время крестовыхъ походовъ прошло давно. Вотъ о чемъ подумаемъ теперь: Петръ митрополитъ въ Москвѣ живетъ, сторону московскихъ держитъ — съ нимъ сговориться нельзя, а намъ выгоднѣе держать ихъ на нашей сторонѣ.

— Такъ что-же по твоему сдѣлать съ Михаиломъ?

— Что ты съ ними сдѣлаешь? вся Орда кричитъ, что Тверь татаръ побила и посла твоего въ плѣнъ взяла. Самъ видѣлъ сегодня въ совѣтѣ, что о немъ говорятъ и думаютъ. Ты, вонъ, поди, какіе теперь Чолъ-Ханы завелись, а Чолъ-Ханы у насъ какъ грибы ростутъ. Они и кричатъ, что вотъ-дѣ бусурманъ побили.

— Есть-ли положеніе хуже моего!? сказалъ Узбекъ.

— Вотъ то-то, продолжалъ Чобуганъ, всматриваясь въ его лицо,—въ исторіяхъ сказано, что царскія дѣла—самыя трудныя дѣла. Кхунъ-цзы говоритъ: «надо себя исправить, потомъ—домъ; когда домъ исправишь, своихъ близкихъ,—и только этимъ путемъ государство исправишь». Видишь, наука править—дѣло очень хитрое; покуда ты самъ себя не исправилъ, до тѣхъ поръ у тебя и порядка не будетъ.

Узбекъ закивалъ головой; онъ плохо понималъ эту китайскую премудрость.

— Что теперь дѣлать? сказалъ онъ.

— Да вотъ что-бы ты сдѣлалъ, сказалъ Чобуганъ,—позволь ты Кавгадыю потѣшиться немного надъ княземъ Михаиломъ. По закону слѣдуетъ на площадь выводить его, что-бы онъ на колѣняхъ тамъ стоялъ. Ну вотъ, пусть это будетъ при всѣхъ. Тогда увидишь, что заговорятъ въ Ордѣ о немъ; какъ заговорятъ, такъ придется и сдѣлать. Народъ татарскій—очень добрый; можетъ и сжалится и придетъ тебя просить.

— Вотъ это, Чобуганъ, хорошо! Устрой ты, что-бы сжалился...

— Нѣтъ, ужъ отъ этого уволь ты меня; это не мое дѣло. Это, ты, Чолъ-Хану набожному поручи. Поручи Мурза-Чету; этотъ—добрякъ большой.

— Не поговорить-ли мнѣ съ самимъ Юрьемъ — позвать что-ли его?

— Оставь ты Юрья, ханъ! Юрій какъ звѣрь смотритъ на Михаила. Дай ты этому звѣрю кусокъ мяса, онъ тебѣ на всю жизнь будетъ благодаренъ.

Ханъ задумался и, разговаривая съ Чобуганомъ, перешелъ на другія ордынскія дѣла.

Здѣсь будетъ не лишнимъ напомнить нѣкоторыя подробности изъ исторіи описываемаго нами времени.

У Великаго Князя Всея Руси Ярослава Всеволодовича, умершаго (1248 г.) въ монгольской степи, были сыновья Александръ и Ярославъ. Александръ Ярославичъ Невскій, еще при жизни отца убѣдясь, что виною гибели Руси—независимость удѣльныхъ князей отъ Великаго Князя, что благодаря ихъ счетамъ и усобицамъ нечего и думать о борьбѣ съ татарами, рѣшился воспользоваться самими татарами для возвышенія Великокняжескаго значенія. Онъ заявилъ себя первымъ другомъ и пособникомъ Орды, заставилъ незавоеванныхъ новгородцевъ добровольно платить дань татарамъ, самъ сдѣлался *баскакомъ*, т. е. сборщикомъ дани со всѣхъ русскихъ земель,—при помощи татаръ, каралъ всѣхъ непокорныхъ ему удѣльныхъ князей, и тѣмъ положилъ начало политикѣ, посредствомъ которой потомки его собрали великорусскія земли въ одно великое и могучее Московское Государство. Когда они достигли этого—царственный родъ Александра Невскаго со смертью Димитрія Цесаревича прекратился.

По смерти Александра (1263) Великокняжескій престолъ достался, по старому праву, брату его Ярославу Ярославичу (ум. 1272), а затѣмъ, опять по тому же старому праву, перешелъ къ сыну Александра—Димитрію новгородскому, отъ него—къ брату его Андрею городецкому, и только въ 1304 г. Великимъ Княземъ Всея Руси сдѣлался сынъ Ярославовъ — тверской великій князь Михаилъ, котораго ордынскій судъ замкнулъ въ полупудовую колодку и приговорилъ къ смерти.

При старомъ порядкѣ престолонаслѣдія, сыну Великаго Князя приходилось весьма плохо по смерти отца. Изъ опоры престола, изъ правой руки государя, изъ перваго министра, онъ вдругъ становился обыкновеннымъ мелкимъ удѣльнымъ княземъ и долженъ былъ кланяться новому Великому Князю—дядѣ или двоюродному брату, съ которымъ вчера еще велъ переговоры какъ независимый владѣлецъ, поползновенія котораго обуздывалъ, выговоры которому дѣлалъ.

По смерти отца, Михаилу Ярославичу досталось въ удѣлъ тверское княжество, которымъ правилъ еще отецъ его при Александрѣ Невскомъ. Тверичи любили Михаила, Михаилу они были свои; Великій Князь Всея Руси, Димитрій Александровичъ, а за нимъ и братъ его Андрей Александровичъ, оба уважали его, смотрѣли на него какъ на будущаго государя — онъ мирилъ ихъ въ ихъ ссорахъ. Словомъ сказать — Михаилу предстояла блестящая будущность. Къ довершенію его успѣховъ, онъ близко сошелся съ новгородцами, права которыхъ отстаивалъ противъ сыновей Невскаго, силившихся *управлять* Новгородомъ. Наконецъ ему удалось тверское княжество сдѣлать тверскимъ *великимъ* княжествомъ, т. е. государствомъ почти независимымъ отъ остальной Руси. Въ Москвѣ княжилъ тогда одинъ изъ сыновей Невскаго, Даніилъ Александровичъ, стремившійся къ такому же возведенію Москвы въ званіе великаго княжества — Михаилъ помогалъ ему и помогъ; при его же помощи начало было обособляться и ярославское княжество. Система Александра Невскаго—собираніе земель русскихъ—рушилась. Изъ Руси выдѣлялись независимыя, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныя государства, и ей грозила окончательная гибель. Съ сѣвера на нее напирали Шведы и Нѣмцы, съ запада — Литва, въ которой именно въ эти годы явился Гедиминъ, съ юго-востока—Татары. Умный, честный, даровитый Михаилъ Ярославичъ былъ представителемъ того, что̀ теперь называется федеративнымъ началомъ и удѣльно-вѣчевымъ укладомъ — но ему вскорѣ пришлось вступить въ борьбу съ соперникомъ хитрымъ, ловкимъ, способнымъ и упорно державшимся преданій Александра Невскаго.

Это былъ Юрій Даниловичъ Московскій, сынъ московскаго Даніила Александровича, внукъ Невскаго.

Даніилъ Александровичъ, младшій изъ сыновей Невскаго, умеръ не побывавъ Великимъ Княземъ Всея Руси, стало быть—по старому праву—никто изъ его дѣтей, внуковъ, правнуковъ, праправнуковъ, даже и думать не могъ мѣтить въ Великіе Князья. Выше лба глаза не ростутъ; чего отецъ не добился, сыну добиваться не слѣдуетъ; знай сверчокъ свой шестокъ, яйца курицу не учатъ. Внизъ — дорога скатертью; вверхъ лѣзть — родителей поносить, что вотъ-де мы васъ, стариковъ, умнѣе. Вообще, въ старой Руси былъ порядокъ тотъ, что ни личныя способности, ни даровитость, ни заслуги долго не могли вывести человѣка изъ *рода*, въ которомъ онъ родился. Считались не заслугами, а *родами*. Въ родѣ Петровыхъ былъ воевода, а подъ нимъ служилъ простымъ воиномъ Ивановъ; черезъ сто — двѣсти—триста лѣтъ ни одинъ Петровъ, ни на службѣ, ни въ думѣ, ни на пиру, ни по чарѣ винѣ не согласился бы пойти или сѣсть *ниже* Иванова, потому что заяви онъ себя разъ въ жизни ниже Иванова—все его потомство должно было бы на вѣки-вѣчные уступать первое мѣсто Ивановымъ. Умри отецъ Александра Невскаго, не побывавши въ Великихъ Князьяхъ, — Александръ, этотъ даровитѣйшій изъ государственныхъ людей XIII-го вѣка, богатаго и воинами, и дипломатами, исчезъ бы безслѣдно. Даніилъ Александровичъ московскій, сынъ его, умеръ не посидѣвши на Великокняжескомъ столѣ,—его дѣти, Юрій Даниловичъ и Иванъ Даниловичъ Калита, не имѣли ни тѣни права на Великокняжескій столъ. Этого мало. Родъ Александра Невскаго долженъ былъ перейти въ мелкихъ удѣльныхъ князей, такъ какъ у остальныхъ его сыновей—не оставалось потомства.

Стало быть, Великое Княженіе Всея Руси принадлежало теперь по праву великому князю тверскому Михаилу Ярославичу. Все, кажется, было на его сторонѣ, все вело въ пользу рода отца его, брата Александра Невскаго; самая личность рыцаря Михаила была обаятельнѣе дипломата Юрія.

Въ 1304 году—за пятнадцать лѣтъ до начала нашего разсказа—умеръ второй изъ Великихъ Князей, сыновей Невскаго, Андрей, и всѣ бояре Великаго Княженія отправились въ Тверь звать Михаила Ярославича въ стольный городъ Владиміръ. Михаилъ съѣздилъ въ Орду, воротился съ ханскимъ ярлыкомъ, договорился съ разными русскими княжествами, что станетъ неукоснительно соблюдать ихъ права— и сдѣлался Великимъ Княземъ Всея Руси.

Но въ то самое время, какъ Михаилъ хлопоталъ въ Ордѣ объ ярлыкѣ, сынъ его друга Даніила Александровича, его собственный племянникъ Юрій Даниловичъ, великій князь московскій, хлопоталъ также о Великомъ Княженіи Всея Руси, на которое, какъ мы уже указали, не имѣлъ ни малѣйшаго права. Юрій приступилъ къ дѣлу просто, крайне практически и по совершенно новой системѣ: онъ объявилъ татарамъ, что дастъ больше *выхода*, чѣмъ законный наслѣдникъ престола Михаилъ. *Выходомъ* въ то время назывались подарки Ордѣ за *ярлыкъ* (грамату) на престолъ или на что̀ другое. Ми-

На охотѣ.

Съ картины Петра Соколова рисовалъ на деревѣ В. Шпакъ, гравюра Л. Сѣрякова.

хаилъ былъ богаче Юрія, надбавилъ цѣну и явился на Русь Великимъ Княземъ.

Кажется, Юрью можно бы было угомониться, но онъ былъ человѣкъ, котораго препятствія и неудачи только подстрекали — онъ началъ подкопы вести изъ Москвы противъ Михаила. Два раза Великій Князь Всея Руси ходилъ ратью на племянника подъ Москву—и два раза ворочался ни съ чѣмъ. Мало того, Юрій запятналъ себя въ общественномъ мнѣніи тогдашней Руси слѣдующимъ кровавымъ поступкомъ. Отецъ его Даніилъ Александровичъ полонилъ рязанскаго князя Константина, съ которымъ у него былъ споръ за Коломну (при впаденіи Москвы-рѣки въ Оку), и держалъ его въ Москвѣ въ заточеньи. Политика московскихъ князей требовала владѣнья всѣмъ теченьемъ Москвы-рѣки—и московскіе князья употребляли всевозможныя усилія, чтобы добиться *естественныхъ* границъ своихъ владѣній. — Юрій зарѣзалъ въ тюрьмѣ князя Константина...

Но Михаилъ дѣлалъ рядъ за рядомъ ошибки.

Онъ черезъ-чуръ круто повернулъ дѣло. Самъ княжилъ въ родной Твери, а не въ стольномъ городѣ въ Володимірѣ, стало быть подчинялъ Всю Русь тверскимъ интересамъ. Управлялъ онъ Русью не самъ, а черезъ своихъ намѣстниковъ-тверичей, что за обиду казалось володимерцамъ, а особенно новгородцамъ. Наконецъ, что всего неосторожнѣй было—онъ послалъ въ Новгородъ тверичей, тверичи стали хозяйничать въ новгородскихъ земляхъ не по праву. По Ярославовой граматѣ—судъ, управленіе, землевладѣніе въ Новгородѣ принадлежали Святой Софіи, т. е. самимъ новгородцамъ, а никакъ не боярамъ Великаго Князя Всея Руси. Кончилось все возстаніемъ новгородцевъ противъ Михаила. Онъ ихъ сначала разбилъ; потомъ они сдѣлали съ его войскомъ почти то же самое, что Кутузовъ съ Наполеономъ,—и отправили въ Орду пословъ съ жалобой на него. Михаилъ держался правила перехватывать московскихъ и новгородскихъ пословъ въ Орду, потому что послы безъ серебра въ Орду не ѣздили—но перехватить на этотъ разъ не удалось. Въ Орду попали послы новгородскіе,—и въ то же самое время тамъ очутился, по его же жалобамъ вызванный, Юрій Даниловичъ московскій.

Юрій Даниловичъ жилъ въ Ордѣ три года, вертѣлся, кланялся—и кончилъ тѣмъ, что женился тамъ на сестрѣ Узбека!.. Отдали ему Кончаку царевну и позволили ей окреститься въ Агаѳьи—на томъ основаніи, что Орда въ началѣ XIV вѣка силилась заявить цивилизацію и слѣдовала китайской системѣ: женить инородцевъ на принцесахъ царской крови, чтобы связать интересы ихъ съ интересами царствующаго дома. Свояку Узбекову, Юрію, дали *ярлыкъ* на Княженіе Всея Руси—и, опять таки по китайской системѣ *), окружили его новобрачную огромной татарской свитой, подъ начальствомъ Кавгадыя. Кавгадый и прочіе татары должны были надзирать за Юріемъ, быть его совѣтниками и доносить въ Орду о каждомъ его словѣ, о каждомъ его шагѣ.

Съ женою Агаѳьей-Кончакой, съ Кавгадыемъ и съ татарами явился Юрій Даниловичъ на Русь и—не говоря худого слова — отправился завоевывать Тверь. Дѣло Михаила было проиграно: съ Ордой бороться не приходилось. Онъ отправилъ пословъ къ племяннику съ покорнѣйшей просьбой оставить его въ покоѣ княжить въ Твери и отказывался отъ Великаго Княженія Всея Руси. Вмѣсто отвѣта—Юрій сталъ разорять тверское княжество.

Михаилъ, для спасенія Твери, долженъ былъ выступить на Юрія. Произошла битва — тверичи побили татаръ, въ плѣнъ попались Кончака и Кавгадый. Михаилъ дрался какъ левъ въ этомъ сраженіи при Бортновѣ (40 верстъ отъ Твери); когда побѣда стала клониться на его сторону, онъ запретилъ бить татаръ, съ честью принялъ Кончаку и Кавгадыя, — а Юрій бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ такъ ненавидѣли Михаила.

Михаилъ ничѣмъ не стѣснялъ ни Кончаку, ни Кавгадыя – онъ предлагалъ полный миръ Юрію, онъ не добивался даже Великаго Княженья, онъ звалъ Юрья вмѣстѣ въ Орду ѣхать—разъяснить хану, изъ-за чего у нихъ война вышла. Но новгородцы поддержали московскаго князя, взяли у него—какъ у Великаго Князя Всея Руси— грамату торговать *безданно-безпошлинно* по всей тверской области,—а между тѣмъ Кончака съ чего-то умерла.

Юрій съ Кавгадыемъ отправились въ Орду, обвинили Михаила въ бунтѣ противъ хана, въ отравленьи Кончаки, въ сношеніяхъ съ папой для поднятія Запада на крестовый походъ противъ татаръ.

Михаила потребовали въ Орду — онъ вмѣсто себя послалъ своего младшаго сына Константина, мальчика двѣнадцати лѣтъ. Константина задержали въ Ордѣ, а Михаила опять-таки стали туда требовать — Юрію *нужна была* гибель его, потому что онъ одинъ имѣлъ *право* на Великое Княженіе Всея Руси.

Выбора не было. Не ѣхать въ Орду — значило татаръ на Тверь накликать; Михаилъ поѣхалъ и настигъ Орду (отправлявшуюся къ Тереку) у Азовскаго моря. Его нѣсколько разъ таскали на допросы, а судъ состоялъ, какъ мы видѣли, изъ сторонниковъ Юрія, потому что Юрій былъ ловчѣй Михаила, да и съ новгородцами былъ въ ладу—а у новгородцевъ серебра не переводилось...

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

*) Сѣверный Китай въ то время былъ уже завоеванъ монголами. Татары заимствовались своими порядками вообще изъ Китая и изъ завоеванной ими Персіи.

На охотѣ.

Въ 16 № «Нивы» мы сказали нѣсколько словъ по поводу ружейной охоты на зайца; прилагаемый нынѣ рисунокъ изображаетъ инаго рода охоту на того же звѣря—охоту нѣкогда распространенную почти повсемѣстно и преимущественно въ Россіи—псовую, съ гончими и борзыми собаками. Подобно первой, эта охота тоже осенняя; но картина окрестной природы значительно измѣняется: охотятся въ полѣ—и лѣсъ, гостепріимно обступающій ружейнаго охотника и такъ-сказать раскрывающій ему свои таинственныя нѣдра, теперь какъ-бы отодвинутъ на второй планъ, видѣнъ издали и со внѣшней своей стороны—съ опушки. Сѣренькія тучи, лишь изрѣдка моросящія дождечкомъ—погода самая благопріятная для гоньбы звѣря—низко-низко полегли надъ поблеклой щетиной жнивья; съ

пригорка разстилается мелкій паросничекъ, точно лиственный кочкарникъ,—сухой хворостъ калины сообщаетъ ему лиловый оттѣнокъ, дубовые кустики проскакиваютъ кое-гдѣ красноватыми пятнами, и все вмѣстѣ тонетъ въ пасмурной дали. Охотники, въ теплыхъ казакинахъ, верхами на сухопарыхъ, крѣпкихъ лошадяхъ, оцѣпили островъ (отдѣльно въ полѣ стоящій крупный лѣсъ), размѣстясь невдалекѣ другъ отъ друга и отъ опушки; у каждаго на сворѣ пара любимыхъ борзыхъ; всѣ притихли, чутко прислушиваются и глазъ не спускаютъ съ окраины острова... На темномъ подбоѣ чащи клочками желтѣютъ палевыя березы и четко выдѣляются ихъ рѣдкіе листики; сѣрыя метлы осинъ высоко уходятъ въ небо; мѣстами выглянетъ свѣжая зелень елочки, темная, бархатистая — и оживитъ одна добрую треть опушки. Не шумитъ, не трепещетъ засыпающій на зиму лѣсъ, тихо и безмолвно въ немъ—только звенящій посвистъ синицъ несется съ вершинъ деревьевъ, да постукиваетъ гдѣ-то въ глуши лѣса дятелъ... Давнымъ давно пущена въ островъ стая гончихъ, а все еще не подаетъ голоса; ждутъ охотники этого отзыва, какъ меломанъ—увертюры въ италіанской оперѣ.... и вотъ —чу!—увертюра началась.

Не улыбайтесь, читатель, этому сравненію, если вы не охотникъ! мы очень хорошо знаемъ, какъ дѣйствуетъ на нервы собачій лай, но смѣемъ увѣрить васъ, что хорошо подобранную стаю гончихъ (между ними есть своего рода тенора, сопрано, баритоны, контральто и всевозможные басы, не исключая profundo) весьма пріятно слушать издали — также пріятно, какъ и роговую музыку. Вы не узнали бы собачьихъ звуковъ, до того выгодно измѣняются они — сливаясь въ хорѣ и проникнутые страстью горячей погони... Вотъ они ближе, раздѣльнѣе громче и громче отдаются по лѣсу — но тутъ ужъ охотникъ перестаетъ ихъ слышать... Вонъ, высокая трава тихо шевелится, раздаваясь узенькой волнистой ложбинкой... вонъ, мелькнули настороженые ушки —и на чистое мѣсто выскочилъ осенній сѣрый съ бѣлою оторочкою заяцъ... выскочилъ и сѣлъ, приложивъ одно ухо къ спинѣ, а другимъ поводитъ и слушаетъ: онъ далеко не труситъ, онъ знаетъ, что гончимъ не поспѣть за нимъ, но— неисправимое легкомысліе!—опять забылъ, что тутъ-же на опушкѣ подстерегаетъ его другая быстроногая порода.

Вотъ уже ближайшій, воззрившійся въ него охотникъ отмыкаетъ свою пару борзыхъ... нагнулся къ сѣдлу... гикнулъ... «Ату его!»

«Ату его!», «Ату!», «Ату!», врозсыпь пошло по опушкѣ, кони летятъ стремглавъ со всѣхъ сторонъ, борзыя вытянулись змѣйками—плохо косому!

Прилагаемый рисунокъ, съ картины художника Соколова, чрезвычайно правдиво изображаетъ одного изъ такихъ охотниковъ въ самый разгаръ гоньбы.

Съ охотничьимъ рогомъ за спиной, привставъ на стременахъ и воззрившись въ преслѣдуемаго звѣря, несется онъ по скошеннымъ лугамъ, — и по направленію его взгляда, а равно и по вытаращеннымъ глазамъ борзыхъ, можно почти безошибочно опредѣлить, въ какомъ разстояніи бѣжитъ нагоняемый звѣрь. Въ картинѣ бездна движенія и жизни, раккурсъ лошади выполненъ мастерски, и перспектива степи тянется въ безконечную даль.

Женскій вопросъ.

Въ послѣдніе годы много писалось и пишется книгъ, брошюръ и газетныхъ статей по такъ-называемому женскому вопросу. Женское движеніе даетъ себя чувствовать во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и съ каждымъ днемъ становится болѣе серіознымъ вопросомъ, отъ котораго трудно отдѣлаться отрицаніемъ или игнорированіемъ его. Мы попытаемся изложить сущность этого вопроса въ главнѣйшихъ чертахъ. Но чтобы вполнѣ понять его—необходимо ознакомиться съ его историческимъ происхожденіемъ и развитіемъ.

Съ нѣкотораго времени, слишкомъ часто смѣшиваютъ такъ-называемый женскій *вопросъ*—съ женской *эмансипаціей*, т. е. смѣсью неженственности и всякой безсмыслицы, которая есть порожденіе французской революціи 1789 г. Всѣ историческія книги, трактующія объ этомъ періодѣ, съ большими или меньшими подробностями распространяются объ этомъ *женскомъ бунтѣ* (women insurrection), какъ назвалъ его Карлейль.

Много написано про женщинъ превратившихся въ гіенъ, про богинь разума и свободы, про фурій плясавшихъ вокругъ гильотины, а также и про отдѣльныя выдающіяся въ добрѣ или злѣ женскія личности. Но всѣ эти ужасы большей частью являются преходящими пароксизмами женскаго озлобленія, подстрекаемаго отчасти нуждой и голодомъ, отчасти разжигательствами коноводовъ революціи. Для познанія настоящей идеи тогдашняго женскаго движенія—надо искать глубже.

Знаменитая «декларація о правахъ человѣка», о которой Зибель замѣчаетъ, что она привела «къ деспотизму массъ надъ отдѣльными личностями», была подана Людовику XVI, принята имъ и торжественно обнародована. Это раззадорило одну изъ дѣятельнѣйшихъ героинь революціи, эксцентричную Олимпію де-Гужъ, и она составила «декларацію о правахъ женщины» (въ 17 статьяхъ) и подала королевѣ. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ, она добивается ни болѣе ни менѣе какъ права женскихъ сходокъ или, по ея выраженію, «женскаго народнаго собранія». «Женщина имѣетъ же право всходить на эшафотъ», говоритъ она между прочимъ, «она должна имѣть право всходить и на трибуну», а въ заключеніе: — «соедините съ подъ знаменемъ философіи, противопоставьте силу разума матеріальной силѣ, и вы скоро увидите этихъ надменныхъ мужчинъ уже не раболѣпными поклонниками у вашихъ ногъ, а гордящимися возможностью раздѣлять съ вами сокровища, даруемыя Верховнымъ Существомъ». 28 октября 1789 г. женщины вошли въ національное собраніе съ петиціей, въ которой онѣ требовали «возстановленія равенства въ правахъ мущины и женщины» (причемъ довольно странно слово «возстановленіе», такъ какъ *возстановить* можно то, что когда нибудь существовало, а такого равноправія еще не было никогда). Но этимъ требованіемъ онѣ не ограничились, а—влекомыя тѣмъ духомъ преувеличенія, который вѣчно заставляетъ женщинъ «пересолить» и вредить своему дѣлу вдаваясь въ смѣшныя и нелѣпыя крайности,—наиболѣе «передовыя» въ 1792 г. подали еще петицію, прося разрѣшенія носить мужское платье, пики, и упражняться въ военныхъ экзерсиціяхъ

на Марсовомъ полѣ. Получивъ, разумѣется, отказъ, нѣкоторыя отдѣленія самаго дикаго и свирѣпаго изъ тогдашнихъ женскихъ клубовъ, «Societé des femmes révolutionnaires», начали рыскать по городу въ мужскомъ костюмѣ и пробовали застращать мирныхъ благоразумныхъ женщинъ—и тѣмъ заставить ихъ присоединиться къ нимъ. Выходки этихъ мегеръ становились все сумасброднѣе, стѣны домовъ и столы въ читальняхъ покрылись летучими листками и пикантными объявленіями, ими сочиненными и подписанными; онѣ неистово проводили свои «идеи» въ разныхъ женскихъ журналахъ; въ собраніяхъ своихъ онѣ вскорѣ превзошли крикомъ и гвалтомъ самые отчаянные мужскіе клубы. Національный конвентъ наконецъ нашелъ это невыносимымъ: закономъ отъ 20 мая 1793 г. онъ воспретилъ женщинамъ входъ на свою трибуну, а 26 мая запретилъ имъ вообще принимать участіе въ какомъ-либо политическомъ собраніи. Это ихъ совсѣмъ ожесточило. 28 брюмера (ноября) этогоже года, свирѣпая предсѣдательница старѣйшаго изъ революціонныхъ женскихъ клубовъ, Роза Лакомбъ, собрала гурьбу женщинъ. Въ красныхъ шапкахъ онѣ ворвались въ залу засѣданій общиннаго совѣта города Парижа—и съ воемъ и ревомъ стали требовать, чтобъ ихъ допустили къ участію въ преніяхъ. Съ великимъ трудомъ удалось наконецъ водворить молчаніе; тогда всталъ генералъ-прокуроръ Шометтъ—тотъ самый, который содѣйствовалъ введенію культа богини Разума—и сказалъ имъ рѣчь, характеристически-простую и вразумительную. «Съ какихъ поръ—воскликнулъ онъ—женщинамъ дозволено отрекаться отъ своего пола и дѣлаться мужчинами? Съ какихъ поръ водится, чтобы женщины бросали заботы о своемъ хозяйствѣ, колыбель своихъ дѣтей, и сходились на публичныя площади, говорили съ трибунъ, вступали въ ряды войскъ,—словомъ, исполняли обязанности, предоставленныя природой одному мужчинѣ? Природа сказала мужчинѣ: «будь мужчиной! скачки, охота, земледѣліе, политика, труды всякаго рода—вотъ твои права». Женщинѣ она сказала: «будь женщиной! забота о дѣтяхъ, хозяйственныя мелочи, сладкая тревога матери—вотъ твои труды!» Безумныя женщины! зачѣмъ вы проситесь въ мужчины? Развѣ люди дурно раздѣлены? чего вамъ еще? Во имя природы, останьтесь тѣмъ что вы есть, не завидуйте намъ въ опасностяхъ столь бурной жизни, а довольствуйтесь тѣмъ чтобы помогать намъ забывать о нихъ въ лонѣ семьи, давая глазамъ нашимъ покоиться на восхитительномъ зрѣлищѣ дѣтей нашихъ, счастливыхъ вашими заботами!»—Выслушавъ слова эти, женщины поскидали красныя шапки и понадѣвали опять чепцы. Онѣ признали себя побѣжденными, городской совѣтъ рѣшилъ больше не принимать женскихъ депутацій—и женскіе клубы были закрыты. Самое Розу Лакомбъ, такъ еще недавно участвовавшую, съ ружьемъ и саблей, въ атакѣ на тюльерійскій дворецъ, вскорѣ затѣмъ можно было видѣть за прилавкомъ въ суровской лавкѣ. Изъ этого видно, до какой степени безсмысленъ былъ этотъ дѣйствительно «бунтъ» женщинъ, грубыхъ, безграмотныхъ, или во всякомъ случаѣ невѣжественныхъ, пустыхъ, и потому ужъ конечно негодныхъ ни на что далѣе кухни и прилавка. Объ убѣжденіяхъ или разумныхъ стремленіяхъ не могло быть и рѣчи; эта была просто такая-же дикая и безпочвенная вспышка, какъ и большая часть притязаній и «принциповъ» гуманистовъ и либераловъ, которыхъ такъ много развелось съ легкой руки 1789 г.

Рядомъ съ этими безобразіями, много было женскихъ демонстрацій и совершенно другаго рода. Такъ напримѣръ, жены и дочери художниковъ въ 1789 г. послали въ учредительное собраніе депутацію съ предложеніемъ пожертвовать своими бриллiантами и драгоцѣнными уборами, для погашенія хотя части національнаго долга. Можно также приписать нѣкоторому начинавшему пробуждаться сознанію высшаго долга, между прочимъ, поданную въ конвентъ, 5-го флореаля, знаменитою Madame Tallien просьбу о постановленіи закона, въ силу котораго всѣ дѣвушки, прежде чѣмъ выйти за мужъ, должны были бы проводить нѣкоторое время въ «пристанищахъ страданія и печали», чтобы бѣдные и больные могли пользоваться отъ нихъ утѣшеніями и уходомъ. Хотя это предложеніе сильно отзывается французской фразистой театральностью, ходульностью и неудобопримѣнимостью, которыми отличаются вообще теоріи того періода,—однако нельзя отрицать, что въ немъ слышится доброе и честное движеніе души. Наконецъ извѣстно, что г-жа Неккеръ (личность серіозная, которая ужъ никакъ не подлежитъ обвиненію въ фразистости) усердно занималась улучшеніемъ больницъ и тюремъ, и основала богадѣльню, которая по сіе время носитъ ея имя.

Нельзя также не признать основательной и необходимой реформу въ своемъ экономическомъ положеніи, о которой ходатайствовали женщины въ началѣ революціи. Когда король, созывая генеральные штаты, пригласилъ всѣ избирательныя коллегіи предъявлять этому собранію свои жалобы, женщины средняго сословія (tiers-etat) подали на имя короля прошеніе, въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее: «мы просимъ, чтобы мужчины болѣе не пользовались исключительнымъ правомъ на такія ремесла, которыя (какъ напримѣръ, шитье, вязаніе, вышиваніе гарусами, и проч.) принадлежатъ къ преимуществамъ женщинъ; чтобы милость короля предоставила намъ средства извлекать пользу изъ талантовъ, данныхъ намъ природой, и проч. и проч...» Это прошеніе было болѣе чѣмъ законно; женщинамъ въ этомъ отношеніи дѣйствительно приходилось изъ рукъ вонъ плохо: даже торговки плодами и цвѣтами въ то время составляли закрытые цѣхи, имѣющіе собственные уставы; а въ цѣхахъ швей, портнихъ, вышивальщицъ и проч., только мужчины имѣли право пріобрѣтать званіе «мастера». Въ нѣсколькихъ позднѣйшихъ прошеніяхъ, поданныхъ въ 1789 г., женщины требуютъ опять-таки только работы, занятій, мѣстъ—такихъ, къ какимъ онѣ по своимъ способностямъ и подготовкѣ годились.

Но эти законныя требованія вскорѣ были заглушены и затерты упомянутыми выше безобразіями. Большинство коноводовъ революціи, сначала весьма обрадовавшееся такому содѣйствію и сотрудничеству, наконецъ однако возмутилось и энергически стало отстранять разсвирѣпѣвшихъ женщинъ. Первый сдѣлалъ это Мирабо, который, въ своемъ сочиненіи объ общественномъ воспитаніи, весьма краснорѣчиво высказался о домашнемъ призваніи женщины, хотя передъ началомъ революціи онъ же сказалъ, что «изъ всего движенія ничего путнаго не выйдетъ, если женщины не примутъ въ немъ участія и не станутъ во главѣ его». Кондорсэ и Сійэсъ одни стояли за полную равноправность женщинъ, но напрасно. Впрочемъ, было издано нѣсколько законовъ въ ихъ пользу: власти отцовъ надъ дочерми были поставлены болѣе узкія границы, дочери получили право на равную долю наслѣдства съ сыновьями; ввели раз-

водъ, но на такихъ широкихъ основаніяхъ, что самыя ничтожныя причины признавались уважительными—всего чаще требовали развода по несходности характеровъ, такъ что, какъ это видно изъ «Монитёра» за 1782 г., въ этомъ году ежедневно (среднимъ числомъ) совершалось 30—40 браковъ и 10—15 разводовъ въ одномъ Парижѣ. Далѣе этого, однако, тогдашніе правители Франціи женщинамъ не уступали, и даже закономъ отъ 22 марта 1791 г. лишили ихъ права регенства.

Англію и Германію мимоходомъ затронула въ то время идея объ эмансипаціи женщинъ. Извѣстный нѣмецкій юмористъ Гиппель проводилъ ее печатно въ двухъ брошюрахъ: «о бракѣ» и «о гражданскомъ усовершенствованіи женщинъ», даже энергически порицалъ французское національное собраніе—за то что оно будто забыло, что женщины тоже люди, и подъ словомъ «человѣческія права» разумѣетъ, какъ это обыкновенно бываетъ, только мужскія права,—и съ другой стороны горячо говорилъ за расширеніе промышленной дѣятельности женщинъ. Но слова его прошли почти незамѣтными, такъ-же какъ и вышедшее въ 1792 г. сочиненіе англичанки, Миссъ Мери Вольстонкрафтъ, хотя оно и было переведено на нѣмецкій языкъ.

Франціи и впослѣдствіи суждено было—въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ задавать тонъ. Около времени іюльской революціи въ 1830 г. онъ опять всплылъ; вездѣ—въ литературѣ, въ соціализмѣ, въ заговорахъ,—женщины играютъ видную роль. Но открыто и безусловно въ пользу женской эмансипаціи до 1848 г. высказались только соціалисты, въ особенности Сенъ-Симонисты. Знаменитый Анфантенъ проповѣдовалъ общественную и политическую равноправность, но къ этимъ идеямъ онъ присоединилъ уродливое ученіе объ общности женъ (communauté des femmes), чѣмъ погубилъ Сенъ-Симонизмъ—и опять таки повредилъ серіозному женскому дѣлу, на которомъ всегда пагубно отзываются безобразія его невѣжественныхъ, нелѣпыхъ представительницъ и утрированныя выходки его неловкихъ поборниковъ—потому что всегда найдется довольно охотниковъ отнестись нечестно къ вопросу и представить такія излишества или безсмыслицы, отъ которыхъ каждая порядочная женщина съ ужасомъ или смѣхомъ отвернется и отречется, истиннымъ знаменемъ и цѣлью движенія дѣйствительно серіознаго; вотъ почему наши такъ-называемыя нигилистки (т. е. настоящія, чистой воды нигилистки, съ неженственными, часто неприличными ухватками и страннымъ «мундиромъ»: стрижеными косами, синими очками и отсутствіемъ кринолина) кромѣ вреда ничего не принесли и могутъ похвалиться тѣмъ, что по ихъ милости отложено въ очень и очень долгій ящикъ множество реформъ и нововведеній, которыя дѣйствительно были бы болѣе чѣмъ не лишни и дали бы ходъ многимъ истинно-достойнымъ, дѣльнымъ женщинамъ, а слѣдовательно принесли бы громадную пользу многимъ семействамъ и большой части общества. До тѣхъ поръ, пока женщины не научатся держать себя съ достоинствомъ и разумомъ, серіозно приниматься за серіозное дѣло, смотрѣть на ученіе и общественную дѣятельность не какъ на забаву, — однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ обращаться съ каждой идеей, каждымъ правомъ, каждой уступкой какъ ребенокъ съ обоюдоострымъ ножомъ—пускай онѣ не пѣняютъ если ножъ этотъ у нихъ отбираютъ и долго-долго не отдаютъ, хотя бы онъ былъ имъ нуженъ для того чтобы рѣзать хлѣбъ....

Къ числу такихъ же на видъ смѣшныхъ, но въ сущности вредныхъ заблужденій и выходокъ слѣдуетъ отнести возникшую-было въ 1842—48 годахъ у нѣкоторыхъ женщинъ, особенно въ Парижѣ, страсть одѣваться по мужски—страсть давнымъ давно осмѣянную самыми рѣшительными поборницами женскихъ правъ, и предоставленную изощряющемуся во всякихъ выдумкахъ парижскому, лондонскому и вообще столичному *demi-monde*'у самаго худшаго сорта. Но никакъ не приходится также легко отнестись къ агитаціи въ пользу женскихъ политическихъ правъ, начавшейся въ Америкѣ, подхваченной въ Англіи и теперь систематически производимой въ этихъ двухъ странахъ, ужь конечно не подлежащихъ обвиненію въ непрактичности и житейскомъ фантазерствѣ.

Само собой разумѣется, что подобныя явленія было бы верхомъ нелѣпости переносить на русскую почву, по той уже простой причинѣ, что русское законодательство нисколько не тѣснитъ женщину въ имущественномъ и даже политическомъ отношеніи, какъ дѣлаютъ то германское, французское и англосаксонское,—слѣдовательно нѣтъ и повода къ такому протесту. У насъ само собою сдѣлается все что̀ нужно, потому что въ законѣ нѣтъ стѣснительныхъ преградъ, которыя нужно бы ломать; лишь только русская женщина пойметъ, что нужно дѣлать, а не говорить, и примется въ самомъ дѣлѣ *учиться*, а не баловаться съ наукой,—пути сами собой откроются передъ нею: вѣдь и мужчинѣ отличіе дается трудомъ. Въ Англіи и Америкѣ дѣло совсѣмъ другое.

Извѣстно, какое исключительное положеніе женщина занимаетъ въ Америкѣ, извѣстно и то, что американки гораздо болѣе принимаютъ участія въ большей части общественныхъ дѣлъ, чѣмъ до сихъ поръ принято у насъ—главнымъ образомъ потому, что наши женщины (за весьма и весьма немногими исключеніями) обыкновенно не доходятъ далѣе нѣкотораго дилеттантскаго полуобразованія, котораго совершенно недостаточно для серіозной дѣятельности, тогда какъ въ Америкѣ женское образованіе вообще такъ же солидно и основательно какъ и мужское. Это доказывается достовѣрнымъ фактомъ, что тамъ *четыре пятыхъ учебнаго персонала* состоитъ изъ женщинъ, включая въ то число самыя высшія преподавательскія должности и самые трудные предметы: лекціи древнихъ языковъ, математики и пр. сплошь да рядомъ читаются въ университетахъ женщинами. Женщины-доктора давно перестали быть диковинкой, не мало также женщинъ-адвокатовъ и даже проповѣдницъ. Немудрено, что женщины, равныя мужчинамъ познаніями, трудами и отвѣтственной дѣятельностью, пожелали и равныхъ политическихъ правъ, которыя смѣшно и нелѣпо было бы дать женщинамъ не заявившимъ себя такимъ же серіознымъ образомъ. Избирательныя права уже съ три года какъ дарованы женщинамъ штата Огайо. Трудно предвидѣть, скоро ли достигнутъ женщины того чтобы самимъ быть избираемымъ въ члены конгресса или мѣстныхъ законодательныхъ собраній: вѣрно одно, что четвертаго года имя извѣстной Мистриссъ Элизабетъ Стэнтонъ явилось въ спискѣ кандидатовъ, но было забаллотировано огромнѣйшимъ большинствомъ — больше ничего, и скандала никакого не вышло, и крика особеннаго не было поднято. Во главѣ этого движенія сто-

ятъ два органа, издаваемые женщинами, въ которыхъ сотрудничаютъ почти только однѣ женщины: «*Revolution*» и «*Radical*». Намъ случилось видѣть нѣсколько нумеровъ перваго: это небольшая, въ высшей степени порядочная газетка, въ которой (вслѣдъ за передовыми статьями полемическаго свойства, крайне приличными иногда замѣчательно остроумными, никогда не переходящими въ ругань) помѣщаются корреспонденціи, *faits divers*, наконецъ хозяйственный отдѣлъ съ чрезвычайно практическими, общепонятными и удобоисполнимыми совѣтами и полезными указаніями по части домашней экономіи, гигіены, стряпни, ухода за больными и за дѣтьми, изготовленія домашняго бѣлья и простыхъ будничныхъ платьевъ.

Справедливость требуетъ сказать, что не мало также выходитъ періодическихъ изданій и отдѣльныхъ книгъ, крайне безобразныхъ и возмутительныхъ по своему направленію и способу проведенія – безъ того уже несостоятельныхъ, невыдерживающихъ критики—идей: таковы «Chicagoan», женскій органъ, поборникъ комунистическихъ воззрѣній, и вышедшее въ Нью-Іоркѣ сочиненіе Карла Гейнцена «О правахъ и положеніи женщины», въ которомъ авторъ требуетъ совершенной отмѣны христіанскаго брака, находя, что браку слѣдуетъ продолжаться пока продолжается любовь, а когда любовь прекращается—надлежитъ полюбовно разойтись, заявивъ о томъ передъ судомъ и съ сохраненіемъ права на вступленіе въ новый бракъ. Съ этими безнравственными фантазіями ничего общаго не имѣютъ серьозные женскіе органы «Women's Rights» («Права женщинъ») и «Suffrage Conventions» (Конвенціи по вопросу о дарованіи женщинамъ права подачи голоса), напротивъ большей частью энергически протестуютъ противъ нихъ. Они стоятъ единственно на томъ, что́ они называютъ «логическимъ примѣненіемъ теоріи ценза». «Съ чего» спрашиваютъ они «берутъ право отстранять отъ выборовъ самостоятельно заработывающихъ деньги крестьянокъ и поденщицъ, — мало того, самостоятельно платящихъ налоги модистокъ, преподавательницъ, пѣвицъ, и пр.?» Это совершенно въ томъ же родѣ, какъ появившійся во Франціи, во время Реставраціи, женскій манифестъ, приглашавшій женщинъ къ «пассивному сопротивленію», т. е. къ неуплатѣ налоговъ, чтобы хоть этимъ путемъ вынудить себѣ права голоса на выборахъ. Американки проводятъ это разсужденіе еще дальше: «мужчины—говорятъ онѣ—даютъ плохіе, несправедливые законы женщинамъ и всему обществу, потому что они самодержцы; пускай женщины примутъ участіе въ составленіи законовъ—и не только ихъ собственныя дѣла будутъ лучше устроены, но и нравственность вообще много выиграетъ». Люди высокопоставленные въ церкви и государствѣ, какъ напр. знаменитый проповѣдникъ Генри Уордъ Бичеръ, братъ безсмертнаго автора «Хижины Дяди Тома» Мистриссъ Бичеръ Стоу, и многіе другіе принимаютъ дѣятельное участіе въ этомъ движеніи и часто предсѣдательствуютъ на митингахъ, собирающихся въ его пользу.

Въ Англіи самымъ извѣстнымъ и выдающимся поборникомъ женскаго протеста является знаменитый государственный мужъ и свѣтило политической экономіи, Джонъ Стюартъ Милль, давно уже проводившій тѣ же принципы въ парламентѣ и теперь недавно выпустившій въ свѣтъ свою, надѣлавшую столько шуму, книгу «О подчиненности женщинъ». Мы не намѣрены пускаться въ разборъ этого—и безъ того уже много и разнообразно-критикованнаго — сочиненія, заслуживающаго уваженія, хотя бы только по имени автора его. Замѣтимъ только, что хотя знаменитый билль Милля о дарованіи женщинамъ полноправія не прошелъ въ парламентѣ (онъ былъ отвергнутъ довольно значительнымъ большинствомъ), однако женщины въ прошедшемъ году добились въ нѣкоторыхъ округахъ внесенія ихъ именъ въ списки избирателей; мало того, въ послѣднюю парламентскую сессію прошелъ законъ, допускающій къ муниципальнымъ выборамъ всѣхъ незамужнихъ женщинъ, могущихъ доказать, что онѣ самостоятельно платятъ налоги. На нѣкоторыхъ такихъ выборахъ женщины уже участвовали; въ Эксетерѣ изъ 699 женщинъ, имѣющихъ на это право, 396 воспользовались имъ, т. е. больше половины,—и замѣчательно, что бо́льшая часть подала голосъ за консервативную партію. Теперь уже движеніе правильно продолжается по тому же направленію. И не только какія нибудь старыя дѣвы (какъ хотѣли бы увѣрить разныя юмористическія газеты и насмѣшливыя статьи), нѣтъ, множество замужнихъ женщинъ и высокопоставленныхъ мужчинъ—людей съ именемъ и положеніемъ въ свѣтѣ, какъ напр. Джэкобъ Брайтъ, Кингзлей, Сэръ-Чарльзъ Дилькъ, докторъ Гутри и др.,—подписались подъ нѣсколькими изъ петицій, которыя въ огромномъ количествѣ поступаютъ въ парламентъ отъ разныхъ вѣтвей женскаго общества «National Society for Women's Suffrage» (въ іюлѣ 1869 г. такихъ петицій было уже подано 220 за 41,000 подписей).

Въ Германіи это движеніе медленнѣе принимается, но очень можетъ быть, что книга Милля ускоритъ его; по крайней мѣрѣ, она уже вызвала сочувствіе со стороны многихъ серіозно-образованныхъ и замѣчательныхъ женщинъ, особенно писательницъ, которыхъ (какъ извѣстно) не мало въ современной нѣмецкой беллетристической литературѣ. Одна изъ самыхъ симпатичныхъ и популярныхъ, Фанни Левальдъ, посвятила Миллю свою недавно-вышедшую книгу «За и противъ женщинъ» и въ предисловіи благодаритъ его за его послѣдній «благородный трудъ». Еще можетъ-быть важнѣе то, что одинъ изъ нѣмецкихъ рецензентовъ его книги,—вообще отвергающій проповѣдуемый великимъ англійскимъ писателемъ принципъ полной равноправности, и высказывающійся противъ участія женщинъ вообще въ выборахъ,—однако говоритъ, что не видитъ основаній, на которыхъ можно бы отказать въ этомъ правѣ незамужнимъ женщинамъ и вдовамъ, буде и когда онѣ пожелаютъ пользоваться имъ.

Главные нѣмецкіе мыслители, занимающіеся женскимъ вопросомъ, въ томъ числѣ покойный докторъ Летте, докторъ Рихтеръ изъ Праги и Вирховъ, также какъ и множество французскихъ и англійскихъ писателей, смотрятъ на него какъ на вопросъ соціальный—главнымъ образомъ экономическій и педагогическій. Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ его съ этой точки зрѣнія—по нашему мнѣнію наиболѣе разумной и основательной—и разскажемъ о томъ, какъ начали приступать къ его разрѣшенію во Франціи и Англіи.

(*Продолженіе будетъ*).

Зданія Императорскаго Воспитательнаго Дома.

въ С.-Петербургѣ.

(Окончаніе).

Помѣстивъ въ новыхъ зданіяхъ учрежденія ввѣренныя ей довѣренностью державнаго супруга, императрица Марія прежде всего озаботилась открытіемъ при Воспитательномъ Домѣ родильни (Gebähr-Haus), какъ здѣсь, въ столицѣ, такъ и въ Москвѣ. Госпиталь, устроенный съ названною спеціальною цѣлью, получилъ двоякую организацію и устройство, сообразно назначенію быть еще пріютомъ для недостаточныхъ замужнихъ женщинъ. При этомъ полезномъ и въ высокой степени человѣколюбивомъ учрежденіи открытъ въ 1798 году институтъ повивальнаго искуства, въ которомъ могли изучать предметъ 22 воспитанницы.

Заботясь объ охраненіи здоровья и жизни матерей замужнихъ и такихъ которыя приходили въ Воспитательный Домъ скрыть свое затруднительное положеніе отъ родныхъ и знакомыхъ, императрица Марія хотѣла чтобы дѣти, увидѣвшіе свѣтъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, подъ кровомъ ея благотворительныхъ учрежденій, возрастая получали образованіе соотвѣтственное способностямъ ихъ. Составленъ былъ для этой цѣли обширный планъ, доказывающій нѣжныя заботы монархини о дарованіи отечеству полезныхъ гражданъ, столько же какъ и объ устройствѣ будущности дѣтей. Увозъ дѣтей въ деревни на воспитаніе представлялъ затрудненія въ пріученіи подросшихъ питомцевъ къ городскимъ занятіямъ, особенно же въ примѣненіи начальнаго образованія къ ихъ ограниченнымъ понятіямъ. Съ цѣлью по возможности облегчить элементарное образованіе дѣтей, назначавшихся къ помѣщенію въ среднія учебныя заведенія, основано было императрицею Маріею въ Гатчинѣ «приготовительное заведеніе», для 600 мальчиковъ. Вступали они въ него на седьмомъ году отъ рожденія и получали въ 4 года образованіе достаточное для поступленія въ гимназіи. Большинство получившихъ такое образованіе молодыхъ людей направлено было въ Медико-хирургическую академію. Нѣсколько питомцевъ императрицы было отправляемо еще въ Дерптскій университетъ. Въ годъ смерти императрицы Маріи Ѳеодоровны (1828) Воспитательный Домъ содержалъ въ университетахъ и въ Медико-хирургической академіи всего 27 своихъ питомцевъ. Это была лучшая пора и апогей высшаго развитія воспитанниковъ Императорскаго Воспитательнаго Дома, постепенно ограничивавшаго затѣмъ кругъ образованія ихъ съ каждымъ годомъ тѣснѣе и ниже.

При жизни незабвенной императрицы Маріи—одинъ размѣръ способностей, проявляемыхъ дѣтьми, давалъ право на полученіе высшаго учебнаго образованія; но послѣ вѣнценосной попечительницы—и блистательные таланты оставались безъ вниманія или получали назначеніе далеко несоотвѣтствовавшее призванію. Много если удавалось мальчику пристроиться въ кассиры при учрежденіяхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома или сдѣлаться искуснымъ ремесленникомъ. Говоря это, мы не намѣрены наносить тѣнь на усердіе лицъ, которымъ ввѣрены воспитаніе и администрація; но, къ несчастію, обстоятельства сложились иначе—и взглядъ правительства на дѣтей этой категоріи существенно измѣнился противъ первоначальнаго. Вмѣсто высокихъ побужденій широкаго умственнаго развитія—работы на Александровской мануфактурѣ съ перспективою мѣщанства да крестьянство остались удѣломъ большинства питомцевъ. Отдѣленія для пріема новорожденныхъ развились несравненно въ большихъ размѣрахъ, но количество итога приращеній было прямо пропорціонально сокращенію образованія для подроставшихъ. Въ городскихъ зданіяхъ приносныя дѣти находили временный пріютъ на короткій срокъ, съ тѣмъ чтобы въ большинствѣ случаевъ уже не возвращаться вновь въ стѣны этого убѣжища. Это (можно сказать безошибочно) была общая участь мальчиковъ, съ рѣдкими развѣ исключеніями — какъ выше замѣчено — въ случаѣ взятія въ службу Воспитательнаго Дома.

При императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, распредѣленіе воспитанницъ Воспитательнаго Дома было столько же разнообразно какъ и воспитанниковъ; «отличнѣйшія изъ высшихъ классовъ», какъ писалъ Энгельгардтъ: «образуются для званія домашнихъ наставницъ, причемъ обращено преимущественно вниманіе на нужду внутри государства, особенно для семействъ, проживавшихъ въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ невозможно имѣть учителей для всѣхъ отдѣльныхъ частей воспитанія». Для этой цѣли заведенъ былъ *классъ гувернантъ*, гдѣ преподавали нетолько предметы общаго курса среднихъ учебныхъ заведеній, но изучали три живые европейскіе языка и были классы рисованія, танцованія, музыки и всякаго рода женскихъ рукодѣлій. Пройдя въ шесть лѣтъ этотъ полный курсъ, готовившаяся быть наставницею получала званіе *кандидатки* и еще одинъ годъ слушала курсъ педагогіи, исполняя обязанности помощницы гувернантки и наставника, для практическаго ознакомленія съ обязанностями ожидавшаго ея поприща самостоятельной наставницы дѣвицъ. Съ аттестатомъ въ успѣшномъ прохожденіи курса, такая наставница большею частію опредѣляема была начальствомъ въ семейные дома, внѣ Петербурга; на мѣста наставницъ опредѣляла администрація съ цѣлью продолженія бывшей питомицѣ своей покровительства и на новомъ для нея поприщѣ. Воспитательный Домъ для этого самъ получалъ требованія и заключалъ формальныя условія съ главами семействъ, въ которыя требовались наставницы, получавшія обыкновенно отъ 600 до 1,000 рублей ежегоднаго содержанія, съ обязательствомъ оставаться на мѣстѣ въ теченіи шести лѣтъ. Администрація заведенія, снаряжая въ дорогу питомицъ, снабжала ихъ на первый случай скромнымъ гардеробомъ и всѣмъ необходимымъ. По истеченіи же срока перваго контракта удовлетворительно, гувернанта получала изъ суммъ Воспитательнаго Дома капиталъ, полагаемый для обращенія процентами на имя каждой наставницы при вступленіи ея въ классъ гувернантъ. До 1830 года такихъ наставницъ было разсѣяно внутри Россіи около 250. Каждая изъ нихъ, безъ сомнѣнія, принесла посильную пользу общему образованію своего пола, какъ самою дѣятельностью наставницы, такъ и вліяніемъ на доступную ей среду или кружокъ, куда занесла ее судьба.

Въ послѣднія четыре десятилѣтія приносныя дѣти женскаго пола, какъ собратья ихъ по призрѣнію—мальчики, мало по малу потеряли единственную дорогу для

вступленія въ порядочное общество—для нихъ закрылась карьера наставницъ. Законныя дочери бѣдныхъ чиновниковъ и дворянъ сдѣлались преемницами и соперницами ихъ на этомъ пути. Въ настоящее время Николаевскій Сиротскій Институтъ снабжаетъ наставницами семейные дома въ центральной Россіи и по окраинамъ, давая своимъ питомицамъ высшій лоскъ свѣтскаго образованія. Институтъ этотъ и Александринскій Сиротскій Домъ занимаютъ теперь самую большую часть помѣщеній, назначенныхъ прежде исключительно на пользу питомцевъ и питомицъ Имп. Воспит. Дома. Самое родовспомогательное заведеніе выведено уже за грани мѣстности Восп. Дома въ новое зданіе, *построенное собственно для него* и для обучающихся повивальному искусству — въ Надеждинской улицѣ. Только на углу Гороховой улицы, у Краснаго моста, уцѣлѣло еще одно учрежденіе императрицы Маріи—Училище глухонѣмыхъ. Основаніе его относится къ 1806 году. Въ Павловскѣ, на своемъ иждивеніи завела императрица небольшой пріютъ для 12 воспитанниковъ, большею частью изъ Воспит. Дома, одержимыхъ отъ рожденія глухотою и потому лишенныхъ дара слова. Этотъ пріютъ, въ который опредѣленъ былъ искусный наставникъ, въ первые-же четыре года далъ настолько счастливые результаты, что въ 1810 году государыня рѣшилась перевести его въ Петербургъ и дать ему болѣе широкое развитіе. Въ директоры этого перваго на Руси Училища глухонѣмыхъ выписанъ изъ Парижа лучшій изъ учениковъ аббата Спкара, и число воспитанниковъ скоро увеличилось вдвое (до 24). Половину ихъ содержала императрица на свой счетъ, а другую — на суммы Воспитательнаго Дома. Въ 18 послѣднихъ лѣтъ жизни Маріи Ѳеодоровны, училище довело цифру образовываемыхъ въ немъ до 51, и открыло пріемъ за извѣстную плату—частныхъ воспитанниковъ. Большинство получавшихъ образованіе въ этомъ заведеніи составляли чиновники, и за ними—художники, особенно искусные рисовальщики, безъ того потерянные-бы для отечества и общества.

Приложенный въ № 17 «Нивы» рисунокъ представляетъ изображеніе всѣхъ зданій С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, въ первый разъ появляющееся въ такомъ видѣ (почти à vol d'oiseau) на страницахъ иллюстрированныхъ изданій. Художникъ, которому поручено было исполненіе этого рисунка, работалъ на высотѣ одного изъ самыхъ высокихъ окрестныхъ строеній.

П. П—въ.

Дорога на Риги-Кульмъ.

Туристы въ Швейцарскимъ Альпахъ, желая посѣтить вершину Риги-Кульмъ, обыкновенно свечера останавливаются въ небольшой гостинницѣ на половинѣ горы и затѣмъ уже предпринимаютъ дальнѣйшее восхожденіе съ однимъ или двумя проводниками изъ коренныхъ швейцарцевъ. Подъемъ довольно отлого идетъ въ гору — то надъ роскошною зеленью альпійскихъ пастбищъ, то въ тѣни еловой рощи; мелодичные колокольчики стадъ, влажный запахъ ароматичныхъ травъ, шорохъ лѣса и густая синева неба наполняютъ путника ощущеніемъ блаженнаго наслажденія. На каждомъ шагу встрѣчаются кучки туристовъ: бѣлокурыя англичанки съ развѣвающимися вуалями, верхомъ на вьючныхъ лошадяхъ, и худощавые сыны Альбіона составляютъ главный контингентъ; нѣмецкіе юристы и ученые, флегматичные голландцы, вѣчно-юркіе французы и даже шведы располагаются на отдыхъ въ травѣ и кустарникахъ;—полнѣйшее смѣшеніе языковъ господствуетъ здѣсь, какъ нѣкогда въ Вавилонѣ. Самый живописный видъ открывается съ тѣнистой скамьи передъ гостинницей: взоръ вашъ скользитъ надъ благодатной долиной Швица и надъ грудами горныхъ обломковъ между селеніями Гольдау и Ловерцомъ. Ловерцское озеро сіяетъ волшебнымъ блескомъ, и въ свѣтломъ зеркалѣ водъ его отражаются громадные вершины Митенштока.

Выше начинается такъ-называемый *крестный путь*, устроенный католическимъ духовенствомъ для странниковъ-богомольцевъ, къ часовнѣ *Маріи на снѣгахъ*, или *монастырьку-Риги*—гдѣ служба совершается капуцинами. Высокіе кресты, стоящіе вдоль отвѣсной стѣны скалъ, означаютъ богомольцамъ мѣста приваловъ которыхъ насчитывается до сорока. Къ ночи, когда серебристый дискъ луны всплываетъ надъ горными вершинами и бросаетъ блѣдные лучи на дремлющее внизу озеро — видъ отсюда восхитителенъ. По дорогѣ то и дѣло попадаются жены пастуховъ съ огромными копнами травы на плечахъ, спѣшащія въ свою хижину. Этотъ-то самый пейзажъ и представленъ на прилагаемомъ рисункѣ. Въ туманной низменной дали смутно рисуется въ серебристомъ лунномъ свѣтѣ Ловерцское озеро съ его селеніемъ—и надо вглядѣться да и вглядѣться, чтобъ не принять ихъ легкихъ очертаній за облака, а самую долину—за небо: такъ обманчиво таинственное освѣщеніе мѣсяцомъ—и это превосходно передаетъ художественный рисунокъ Асмуса.

Съ вершины же Риги-Кульмъ открывается видъ на всю горную область. Могучій хребетъ Альповъ, недоступный туману, вслѣдствіе воздушнаго отраженія кажется столь близкимъ, что можно-бы камнемъ дошвырнуть до льдистыхъ пиковъ. Тринадцать озеръ искрятся въ свѣтѣ мѣсяца и безчисленныхъ звѣздъ. Обманъ зрѣнія такъ великъ, что самыя отдаленныя громады горъ какъ бы прямо воздвигаются изъ лона водъ, что̀ составляетъ главную прелесть швейцарской природы. Съ сѣвера Шварцвальдъ, съ востока Сентисская цѣпь и горы по роскошнымъ берегамъ Валленштетерскаго озера, мощный Тоди и Ури-ротштокъ, съ юга величественные колоссы бернскаго Оберланда съ серебристыми пиками Юнгфрау, этой царицы горъ, съ запада Юра и Вогезы— такъ обставлена эта грандіозная панорама. Только низменности въ самыхъ глубочайшихъ долинахъ тонутъ въ серебристой дымкѣ тумана, но Гольдау и Ловерцъ еще можно различить, а также и груды раздробленныхъ скалъ и обломковъ между обоими селеніями.

Эти громадныя кучи горныхъ обломковъ нѣкогда обрушились съ значительной высоты на селенія Ловерцъ, Гольдау, Бузингенъ и Реттенъ. Въ Ловерцѣ въ то время проживалъ бѣдный десятилѣтній мальчикъ, Іенни, нанимавшійся у сельчанъ стеречь козъ на альпійскихъ пастбищахъ. Однажды утромъ, съ первымъ ударомъ колокола на сельской церкви, когда еще-красное солнце только-что выглянуло изъ-за Ури-роштока. Іенни свиснулъ

Дорога на Риги-Кульмъ.

Рисунокъ Асмуса.

свою собаку Петера, собралъ свое стадо и погналъ его въ горы. Въ тотъ годъ во всей этой мѣстности шли проливные дожди, какихъ не запоминали даже старожилы; тучи пологомъ стлались по горамъ. Каменная порода здѣсь состоитъ изъ ноздреватой руды и рыхлаго песчаника, которые, будучи размыты водою, легко отрываются отъ скалъ. Іенни очень охотно ходилъ въ горы—и величайшимъ удовольствіемъ его было слѣдить за полетомъ орловъ и ягнятниковъ, глядя какъ они пересѣкаются кругами и вдругъ низвергаются стрѣлой на добычу,—или наблюдать надъ сернами, карабкающимися цѣлымъ стадомъ на горныя вершины и стремглавъ кидающимися врассыпную при малѣйшей опасности, почуявъ враговъ. Часто отваживался онъ забираться въ лабиринтъ скалъ и ущелій, отыскивая гнѣзда хищныхъ птицъ—и если ему удавалось захватить выводокъ, онъ бѣгомъ возвращался съ добычею на свое пастбище.

Стоялъ конецъ августа; западный вѣтеръ нагонялъ сплошныя тучи; почва и горныя породы начинали трескаться и раздаваться; грязевыя лавины шарообразными массами скатывались по склонамъ. Въ сторонѣ Арта слышался гулъ, такой странный и непрерывный, что маленькому пастуху стало жутко одному одинешеньку на Альпахъ — и даже собака его, вѣрный Петеръ, не могла развлечь его своими ласками. Іенни со всевозможною поспѣшностью погналъ стадо назадъ въ селеніе. Но на слѣдующее утро ему снова пришлось, съ котомкой на плечахъ и въ сопровожденіи Петера, выгонять стадо на горныя пастбища. Онъ пошелъ на Росбергъ, въ то время еще довольно значительную гору, съ которой можно было обозрѣть все озеро и лежащія у ея подножія—селенія Гольдау, Бузингенъ, Ловерцъ и Реттенъ.

Воздухъ былъ сгущенъ и тѣснилъ грудь. Іенни бродилъ какъ во снѣ, точно чуя большую бѣду. Дождь внезапно пересталъ, хотя тучи были до того плотны, что ни одного луча солнечнаго не пробивалось сквозь нихъ. На одномъ изъ утесовъ стояла пастушья хижина; хозяйка ея была дома, Іенни зналъ это — и пошелъ было къ ней, не зная куда дѣваться отъ тоски; но у самаго утеса размокшая почва дала такую разсѣлину, что мальчикъ уже не могъ перескочить ее. По лѣсу гудѣлъ такой сильный шумъ, словно деревья съ корнемъ вонъ вырывались. Огромные камни скатывались по склонамъ и гулко рухали въ бездны; мальчикъ весь дрожа вернулся къ стаду. Козы въ страхѣ толпились въ кружокъ головой съ головой. Петеръ обнюхивалъ воздухъ и глядѣлъ вверхъ. Іенни рѣшился до вечера вернуться домой, не смотря на запрещеніе.

Было часовъ около пяти, когда онъ собралъ стадо и сталъ спускаться съ горъ. Не успѣлъ онъ порядкомъ отойдти, какъ вдругъ раздался ужасающій грохотъ, и предъ Іенни разверзлась темная, грозная бездна; въ то же время хвойный лѣсъ позади его задвигался какъ живой, и гибкія верхушки сосенъ склонились до земли. Надъ головою мальчика летѣли птицы, направляясь къ югозападу и отыскивая убѣжища на вершинѣ Риги; подъ ногами маленькаго пастуха колебалась почва, и глухіе перекаты какъ-бы грома рокотали въ нѣдрахъ ея. Іенни бросился ничкомъ на-земь и спряталъ лицо въ прохладной влажной травѣ; холодный потъ выступилъ у него отъ ужаса. Онъ хотѣлъ пронзительнымъ крикомъ облегчить свою стѣсненную грудь, но голосъ измѣнилъ ему. Прошло нѣсколько минутъ столбняка. Стадо было покинуто на произволъ судьбы, только собака осталась подлѣ хозяина, который ощупью убѣдился въ ея присутствіи; вѣрный Петеръ лизалъ руки хозяину и взвизгивалъ какъ-бы отъ внутреннихъ судорогъ. Вдругъ опять загрохотало—и раздался глухой ударъ, точно земля лопнула во всѣхъ направленіяхъ. Мальчикъ бился руками и ногами, но со всѣхъ сторонъ, снизу, сверху, съ боковъ, всюду встрѣчалъ жесткія груды камней; сочная зеленая луговина, на которой лежалъ Іенни, исчезла вмѣстѣ съ грохотомъ; непроглядная тьма окружала мальчика; онъ потерялъ сознаніе. Очнувшись, онъ убѣдился, что собака не оставила его и лижетъ ему лицо; потомъ онъ схватился за котомку, которая уцѣлѣла у него за плечами. Отъ голода онъ былъ навремя спасенъ, но жажда—томительная жажда—жгла его внутренности; а кругомъ—ни капли воды. Лихорадочный жаръ охватилъ его; голова горѣла. Спертый воздухъ захватывалъ его дыханіе. Но мальчикъ не терялъ сознанія. Онъ сталъ шарить вокругъ себя и нащупалъ тамъ два острыхъ клина, точно козлиные рога, погребенные въ разсѣлинѣ утеса. Онъ потянулъ ихъ изо всей силы, и ему удалось вытащить мертвое животное. Козелъ былъ еще тепелъ. Іенни проворно вытащилъ ножъ, разрѣзалъ козлу животъ и жадно напился хлынувшей крови; Петеръ тоже лизалъ ее, весело помахивая хвостомъ. Новый приливъ жизненныхъ силъ пробѣжалъ по жиламъ Іенни; онъ сталъ раздумывать, какъ-бы ему выбраться изъ своей темницы. Тутъ онъ увидѣлъ, что Петеръ пролѣзъ въ разсѣлину, изъ которой былъ вытащенъ козелъ. Полагаясь на инстинктъ собаки, Іенни легъ и себѣ ничкомъ на землю—и замѣтилъ узкую полоску слабо мерцающаго свѣта. Петеръ все продирался впередъ и наконецъ радостный лай его возвѣстилъ, что собака выбралась на чистое мѣсто. «Гдѣ собачка пролѣзла, тамъ и ты пролѣзешь» подумалъ Іенни: «ты вѣдь не толстъ, не съ чего было жирѣть». Онъ перетянулъ котомку на грудь, чтобъ она не цѣплялась, потомъ просунулъ голову въ разсѣлину. Голова прошла, но плеча протискать стало уже труднѣе. Іенни задержалъ дыханіе, втянулъ въ себя животъ и утончился елико возможно. Съ мужествомъ отчаянія началъ онъ подаваться впередъ, нерѣдко тратя нѣсколько минутъ на то чтобъ выиграть хоть одинъ вершокъ. Острыя ребра утеса рѣзали ему лицо и руки, потъ и кровь ручьями струились по его тѣлу, легкая одежда его превратилась въ лохмотья. Іенни чувствовалъ что выбивается изъ силъ, но навстрѣчу ему хлынулъ потокъ свѣжаго воздуха, а Петеръ то радостно лаялъ, то визжалъ о томъ, что хозяинъ все еще никакъ не выберется. Мальчикъ собрался съ духомъ—и сильно рванувшись впередъ, побѣдилъ послѣднее препятствіе. Съ радостнымъ крикомъ вышелъ онъ на свѣтъ Божій.

Разсвѣтало; заря золотила вершины Альповъ; ледники сіяли. На озерѣ и по долинѣ все вѣяло покоемъ—но покоемъ *могилы*. Жгучая скорбь стѣснила сердце ребенка, когда онъ увидѣлъ, какихъ бѣдъ надѣлало паденіе горы: вся окрестность измѣнилась—ее узнать нельзя было. Гольдау и Ловерцъ, Бузингенъ и Реттенъ исчезли съ лица земли. Каменный дождь обломковъ палъ на Росбергъ, который не выдержалъ давленія; раздробленная въ хаотическую массу камней и грязи, гора обрушилась на озеро и погребла обломками четыре селенія и 457 человѣкъ жителей. Все что было дорогаго для Іенни—родные, братья, сестры и сверстники—покоились вѣчнымъ сномъ подъ развалинами Розберга. Бѣдный козій пастушокъ остался съ вѣрнымъ Петеромъ одинъ одинешенекъ на бѣломъ свѣтѣ; но и ему не

прошла даромъ эта страшная катастрофа: десятилѣтній мальчикъ посѣдѣлъ въ одинъ день.

Событіе это произошло въ 1806 году. Единственный герой его, уцѣлѣвшій подъ развалинами горы, нынѣ сталъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ проводниковъ по Альпамъ, — и часто, совершая съ туристами восхожденіе на Риги-Кульмъ, разсказываетъ имъ это по истинѣ удивительное, едва правдоподобное приключеніе.

Смѣсь.

Новое изобрѣтеніе. — Въ нѣмецкихъ газетахъ недавно появилось слѣдующее коротенькое извѣстіе: «Г. Теодоръ Цуннингеръ, въ Мэннедорфѣ (у Цюрихскаго озера) изобрѣлъ механизмъ, который непосредственно записываетъ устную рѣчь». Вотъ нѣкоторыя подробности объ этомъ можетъ-быть крайне-важномъ открытіи. Основная мысль въ томъ заключается, чтобы употреблять органы рѣчи не только для рѣчи, но и для письма. Маленькій, крайне находчиво-придуманный механизмъ (вся то машинка не больше руки) приводится въ соприкосновеніе съ органами рѣчи, такъ что движенія языка, неба, губъ и пр. тотчасъ же на немъ отражаются, а онъ въ свою очередь передаетъ ихъ особаго рода письменному аппарату. Изъ машинки, по мѣрѣ того какъ человѣкъ говоритъ, выкатывается узенькая полоска бумаги (въ родѣ того какъ на телеграфныхъ аппаратахъ), на которой все сказанное отмѣчается, чернымъ на бѣломъ, особыми знаками—точками и черточками, какъ въ телеграфномъ письмѣ, но не въ одну линію а въ пяти линіяхъ, рядомъ, образуя группы. Каждому звуку или сочетанію звуковъ соотвѣтствуютъ извѣстныя группы, такъ что письмо получаетъ большое разнообразіе. На какомъ языкѣ ни говорить—совершенно все равно, и замѣчательно еще то, что оттѣнки произношенія передаются нѣкоторыми измѣненіями въ знакахъ. Такъ какъ полоска бумаги скатывается все съ одинаковой быстротой, то сохраняется даже ритмъ рѣчи. Медленно произносимое слово является растянутымъ, т. е. знаки дальше одинъ отъ другаго, при скорой рѣчи знаки стоятъ плотнѣе. Еще одно заслуживающее вниманія обстоятельство: инструментъ передаетъ не голосъ, а мускульныя движенія говорящаго, такъ что громко говорить вовсе нѣтъ надобности; слѣдовательно его можно употреблять для стенографированія за говорящимъ: стоитъ только беззвучно повторять за нимъ каждое слово. Изобрѣтатель надѣется, что аппаратъ его именно въ этомъ отношеніи раньше всего найдетъ практическое примѣненіе. Чтобы умѣть обращаться съ нимъ, конечно нужно нѣкоторое упражненіе: надо говорить явственно, разборчиво, но это не представляетъ серіозной трудности. Настоящая трудность—это умѣть прочесть написанное такимъ образомъ,—преимущественно вслѣдствіе великаго разнообразія знаковъ; но изобрѣтателемъ составленъ ключъ, который онъ съ удовольствіемъ готовъ сообщить всякому, кто поинтересуется этимъ дѣломъ. Если все это не утка и не преувеличено, то кажется стенографамъ не мѣшало бы заблаговременно подумать объ изученіи другой спеціальности.

Еще изобрѣтеніе поопаснѣе.—Извѣстный литографъ въ Копенгагенѣ, получившій премію отъ общества промышленности за изобрѣтенный имъ способъ дѣлать фотолитографіи, недавно, по словамъ газетъ «Дагстелеграфъ», сдѣлалъ дирекціи Національнаго Банка весьма непріятный, хотя и полезный сюрпризъ: онъ презентовалъ ей пачку пятиталеровыхъ ассигнацій, сфабрикованныхъ имъ самимъ помощью фотолитографіи, и во всѣхъ отношеніяхъ до того похожихъ на настоящія, что ни одинъ изъ чиновниковъ банка не могъ отличить ихъ. Всего хуже тутъ то, что художникъ конфиденціально сообщилъ дирекціи, якобы онъ—а то что возможно одному, возможно и другому—въ состояніи поддѣлывать съ такимъ же точно совершенствомъ всевозможныя бумажныя деньги, свои и чужія. Та же газета говоритъ, что ему дано порученіе представить проектъ новыхъ ассигнацій, которыхъ нельзя бы было поддѣлывать открытымъ имъ процессомъ. Будетъ ли онъ въ состояніи разрѣшитъ эту задачу удовлетворительнымъ образомъ—болѣе чѣмъ сомнительно. Копенгагенскія газеты не безъ основанія полагаютъ, что это новое открытіе не преминетъ надѣлать шуму и въ другихъ государствахъ.

Археологическая новинка.—Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парижской *Académie des Inscriptions*, молодой египтологъ, Масперó, прочелъ статью о содержаніи знаменитаго документа, извѣстнаго подъ названіемъ «*Papyrus Abbott*», и крайне заинтересовалъ ученое собраніе. Въ этомъ папирусѣ описаны уголовное слѣдствіе и судоговореніе, бывшія въ Ѳивахъ, въ царствованіе царя Ра-Новеръ-Ка-Рамезеса, по поводу расхищенія нѣсколькихъ древнихъ царскихъ гробницъ. По приказанію слѣдственной коммиссіи, были вскрыты гробницы десяти царей и четырехъ царицъ,—причемъ оказалось, что ворамъ удалось проникнуть только въ одну изъ первыхъ и въ двѣ изъ послѣднихъ; зато нѣсколько частныхъ гробницъ было ограблено ими. Муміи въ этихъ гробницахъ были разломаны на куски, и всѣ драгоцѣнныя утвари — унесены. Приговоромъ судей, произнесеннымъ въ Птахскомъ храмѣ, чиновники приставленные къ Некрополису, отданные подъ судъ, за нерадѣніе къ должности, были оправданы «по ходатайству царя»; два же похитителя, уличенные въ преступленіи, осуждены на смерть. Въ силу строгихъ египетскихъ законовъ, царь приказалъ наказать не только виновныхъ но и семейства ихъ, особенно ихъ отцовъ, которые и были казнены вмѣстѣ съ сыновьями.

Подъ названіемъ Некрополиса (города мертвыхъ) въ древнемъ Египтѣ разумѣли иногда одну гробницу съ принадлежащими къ ней пристройками, а чаще весь обширный кварталъ, отведенный для гробницъ царственныхъ и сановныхъ лицъ. Ѳивскій Некрополь былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Нила, и сообщался съ настоящимъ городомъ (построеннымъ по ту сторону рѣки) посредствомъ лодокъ. Частныя лица получали право на погребеніе въ Некрополѣ отчасти царскимъ жалованіемъ, а отчасти путемъ покупки или найма съ ежегодной платой, изъ рода въ родъ. Въ Некрополѣ кромѣ того насчитывалось значительное населеніе живыхъ людей, состоявшее изъ чиновниковъ, жрецовъ и ремесленниковъ—необходимыхъ для бальзамированія труповъ, построенія и украшенія гробницъ. Присяжныхъ бальзамировщиковъ народъ гнушался, за то что они вскрывали трупы. Они составляли особый цехъ; такіе же цехи составляли каменьщики, каменотесы, плотники, ткачи и пр. Эти рабочіе и служители при храмахъ образовали довольно буйное, безпокойное населеніе; такъ, въ томъ же «Papyrus Abbott» упоминается, что они однажды взбунтовались, устроили нѣчто въ родѣ «стачки», потому что жалованіе, платившееся имъ зерномъ, выдавалось имъ помѣсячно,—и послѣ того стали расплачиваться съ ними поденно. Въ некрополяхъ была также и своя полиція, и свое особое гражданское и военное начальство, въ свою очередь подвѣдомственное мѣстному первосвященнику и «номарху» (титулъ равняющійся губернаторскому), а въ случаѣ серіозныхъ спорныхъ вопросовъ—верховному жрецу, главѣ всей касты египетскихъ жрецовъ, и верховному египетскому суду.

Вслѣдствіе своего уваженія къ покойникамъ, египтяне клали имъ въ гробницу множество драгоцѣнностей, смотря по своему богатству,—такъ что немудрено было соблазниться ворамъ, которые составляли цѣлыя правильно-организованныя шайки, и занимались своимъ промысломъ систематически. Въ одной жалобѣ, написанной во второмъ году по Р. Х. на греческомъ языкѣ, подробно описывается эта система,—и изъ описанія этого видно, что одни только царскія гробницы, защищаемыя такими зданіями какъ пирамиды, были безопасны отъ нападеній.

Къ свѣденію по американской Археологіи.—Съ каждымъ днемъ возрастаетъ число признаковъ, доказывающихъ, что американскій материкъ уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ былъ обитаемъ людьми, достигшими высокой степени культуры. Такъ, изъ полученныхъ недавно въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ Вашингтонѣ, топографическихъ свѣденій касательно пяти округовъ, лежащихъ у рѣки Гила, въ Южной Аризонѣ—всего 105, 152 акровъ пашенной и луговой земли,—ясно видно, что на этомъ протяженіи много вѣковъ существовала высокая культура. Объ этомъ свидѣтельствуетъ множество развалинъ, сохранившихъ слѣды изрядной а иногда и великолѣпной художественной работы, а также найденныя рабочія и другія домашнія принадлежности, оставленныя давно уже вымершей расой, очевидно достигшей значительной степени развитія и занимавшейся искусствомъ и ремеслами. Въ числѣ самыхъ обширныхъ развалинъ должно упомянуть о такъ-называемыхъ руинахъ «Casa-Grande», которыя находятся миляхъ въ двухъ на юго-западъ отъ рѣки Гила. Профессоръ Вильямъ Стимсонъ открылъ за Гарлемомъ, невдалекѣ отъ Чикаго, земляныя насыпи или курганы, которые онъ приписываетъ періоду «курганныхъ построекъ». Въ этихъ курганахъ хранится много драгоцѣнныхъ остатковъ незапамятной древности. Нѣсколько дней спустя—отъ м-ра Тэтчера, владѣльца земли, на которой оказались курганы,—Стимсонъ получилъ позволеніе изслѣдовать ихъ, и тотчасъ принялся, съ помощью другаго ученаго, раскапывать ихъ на три фута глубины. Не долго копали они, какъ уже наткнулись на человѣческія кости, принадлежащія, какъ оказалось по разсмотрѣніи ихъ, расѣ, теперь уже не существующей на американскомъ материкѣ. Дальнѣйшія изысканія привели къ открытію еще нѣсколькихъ кургановъ и останковъ 20-ти человѣкъ. Два скелета нашли цѣлыми; только у одного въ черепѣ не хватало двухъ косточекъ, а у другаго—нѣсколькихъ косточекъ рукъ и ногъ. Кости были рыхлыя, такъ что требовалась величайшая осторожность, чтобы онѣ не распались прахомъ. Черепа, найденные въ имѣніи Тэтчера, принадлежатъ такъ-называемому короткоголовому (брахикефальскому) типу, изъ чего можно заключить, что они зарыты задолго до открытія Америки. Увѣряютъ, что вліяніе европейской культуры совершенно измѣнило форму черепа индѣйской расы, такъ что уныңѣшнихъ племенъ, какъ бы ни были они изолированы отъ бѣлыхъ, черепа вовсе не похожи на черепа древнихъ индѣйцевъ. Еще доказательствомъ древности этихъ останковъ служитъ положеніе, въ которомъ они найдены. Чтобы добраться до оставовъ, професору Стимсону пришлось вырывать съ корнемъ большое восковое дерево, которое выростало изъ одного кургана; самыя насыпи возвышались надъ поверхностью степи всего на два фута, форму имѣли овальную, ширину въ 4—5 футовъ, длину въ 10—20: каждая была окопана рвомъ. Прежде чѣмъ добраться до костей—пришлось пробивать слой твердой синей глины, подъ которою нашли кости еще тремя футами ниже въ слоѣ песку. Полагаютъ, что могилы «курганостроителей» (mound-builders), какъ называютъ это вымершее племя, были воздвигнуты древними ацтеками или даже ихъ предками. Въ найденныхъ Стимсономъ курганахъ не оказалось ни оружія, ни другихъ предметовъ, которые обыкновенно бываютъ зарыты въ нихъ. Останки лежали перемѣшанные, въ безпорядкѣ, какъ будто были схоронены наскоро,—напримѣръ, послѣ битвы. Недавно еще былъ найденъ круглый курганъ, больше и выше другихъ. До сихъ поръ еще не успѣли произвести раскопки—и потому неизвѣстно, что въ немъ заключается.

«Долина смерти» въ Утахѣ.—Въ такъ-называемыхъ «черныхъ горахъ», тамъ гдѣ територія Утахъ упирается югозападнымъ концомъ въ границу Невады, невдалекѣ отъ прохода Момулумба, есть небольшая долина, которая, хотя и не ростетъ въ ней манценильевъ, заслужила названіе «долина смерти». Изъ земли небольшими клубами поднимается легкій голубой паръ, испускаемый множествомъ горячихъ источниковъ, тутъ находящихся. Компанія, къ которой принадлежалъ одинъ изъ корреспондентовъ «New York Tribune», голодная и усталая, хотѣла переночевать въ этой долинѣ, но къ счастью провожатые знали объ этой особенности и не допустили. Дѣло въ томъ, что паръ поднимающійся изъ земли — смертеленъ. На слѣдующее утро компанія осторожно спустилась осматривать мѣстность, захвативъ съ собою нѣсколько собакъ и кроликовъ для опытовъ. Спустившись ярдовъ на 200, стало тяжело дышать. Въ то же время сталъ ощутимъ удушливый, отвратительный запахъ, каждый разъ какъ вѣтеръ навѣвалъ пары эти на изслѣдователей. Долинка образовала котловину всего въ четверть мили въ окружности, овальной формы. Не видать было ни травинки, вообще никакой растительности, даже вездѣ принимающагося шалфея. За то у одного изъ ближайшихъ источниковъ лежалъ человѣческій оставъ, уже весь поблѣднѣвшій. Кругомъ него лежали оставы буйволовъ, оленей и другихъ дикихъ животныхъ. Дно долины казалось твердой, песчаной плоскостью, сухой и во многихъ мѣстахъ растрескавшейся, какъ бы отъ жара. Одну изъ собакъ спустили на веревкѣ. Въ 14 секундъ она повалилась на землю, а въ три минуты—околѣла. Спущенный кроликъ прожилъ всего полторы минуты, другой—одну минуту и 20 секундъ. Собака, сама сбѣжавшая вслѣдъ за первой, въ 12 секундъ лишилась движенія, но прожила пять минутъ. Индѣецъ-провожатый сообщилъ, что долина эта уже нѣсколько лѣтъ извѣстна его племени, такъ какъ два охотника погибли въ ней. Горячіе источники выдѣляютъ такую массу углекислоты и сѣроводорода, что воздухъ зараженъ на большое разстояніе. Путешественники поставили недалеко отъ входа въ долину, на видномъ мѣстѣ, каменную пирамиду съ надписью: «Долина Смерти—не входите!» въ назиданіе другимъ.

Человѣческая сила въ сравненіи съ паромъ.—По точнымъ научнымъ исчисленіямъ оказывается, что количество пара произведенное пятью фунтами каменнаго угля, обладаетъ тою же силою, которую человѣкъ можетъ выказать при десятичасовой работѣ. Основываясь на этомъ фактѣ, одна нѣмецкая газета разсчла слѣдующее: одна Великобританія ежегодно добываетъ изъ своихъ шахтъ 100 милліоновъ тоннъ (въ каждой тоннѣ 50 пудовъ) каменнаго угля. Эта масса представляетъ собою, если обратить ее въ рабочую силу и время, 40,000 милліоновъ рабочихъ дней, что равняется (за вычетомъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, т. е. считая годъ въ 300 рабочихъ дней) рабочей силѣ 133 милліоновъ мужчинъ въ теченіе однаго года. Между тѣмъ, Англія производитъ только десятую долю количества угля ежегодно-добываемаго и потребляемаго на всемъ земномъ шарѣ. Слѣдовательно вся эта масса угля представляетъ собою рабочую силу 1,330 милліоновъ рабочихъ въ теченіе одного года. И при всемъ томъ, примѣненіе пара, какъ рабочей силы, теперь еще въ младенчествѣ. Цѣлые народы и страны едва подозрѣваютъ о существованіи этой рабочей силы—и даже тамъ гдѣ ею уже пользуются, она ограничивается извѣстными отраслями промышленности; по сельскохозяйственной части ее употребляютъ такъ-сказать еще только въ видѣ опыта. Спрашивается, чего можно ожидать въ будущемъ!

Почтовый ящикъ.

Редакція покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ, мѣняющихъ свое мѣстожительство, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ ея о перемѣнѣ прежняго адреса прилагать 30 коп. на типографскіе расходы по печатанію новаго, а также сообщать и старый адресъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 1 Мая 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим. д. № 54—1.

№ 19. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . . — » 60 к. За упаковку . . . . — » 40 » Итого . 5 р. — »

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

III.

Торжество Кавгадыя.

Въ простой холщевой ставкѣ царствовалъ полусвѣтъ. Въ срединѣ стоялъ шестъ, поддерживавшій ея верхушку; по краямъ—другіе шесты, на которыхъ висѣли стѣны. Земля была покрыта войлоковыми кошмами; въ углу лежали три перины, одна на другой, подлѣ свернуто было въ узлы еще нѣсколько перинъ и подушекъ, сундукъ стоялъ да два или три низенькихъ стулика, до сихъ поръ употребляющихся на Востокѣ, — треногія скамеечки, вышиною въ полъаршина, безъ спинокъ. Кочевники, привыкшіе сидѣть поджавши ноги, плохо справляются съ высокими стульями.

На одной изъ такихъ скамеечекъ обложившись перинами и подушками, сидѣлъ великій князь Михаилъ Ярославичъ.

Нѣкогда красивый, высокій, дородный, какъ почти всѣ князья русскіе, какъ цари московскіе, какъ Александръ Невскій, какъ Дмитрій Донской, — Михаилъ въ настоящее время былъ не только худъ, но даже обрюзгъ лицомъ, обвисъ тѣломъ. Уже скоро мѣсяцъ, какъ на плечахъ у него лежала страшная китайская колодка, вѣсомъ слишкомъ въ полпуда, которая не давала ему ни сѣсть, ни лечь, ни прислониться. Это былъ — дубовый квадратъ изъ толстыхъ досокъ съ широкимъ отверстіемъ въ срединѣ, для шеи, и двумя маленькими, куда на ночь замыкались части рукъ. Не столько тяжела была колодка для этого крѣпкаго, дюжаго человѣка, сколько тяготило его то, что въ ней лишь сидѣть можно было; она шею рѣзала, плечи натирала, и еслибы бояре не задабривали татарскій караулъ, то давно изнемогъ бы Михаилъ Ярославичъ подъ этимъ хомутомъ. Татары сквозь пальцы смотрѣли, что онъ обкладывался кругомъ подушками и перинами, которыя кое-какъ подпирали колодку и давали ему спать въ полулежачемъ положеніи. Волосы у него отросли и падали на доски колодки, поправить ихъ самъ онъ не могъ. За нимъ какъ за маленькимъ ребенкомъ ухаживали тринадцатилѣтній сынъ его Константинъ, нѣсколько слугъ, да нѣсколько вѣрныхъ бояръ. Ему нездоровилось; лихорадка била его. Онъ былъ страшно изнуренъ, пройдя пѣшкомъ за Ордою на веревкѣ и въ колодѣ отъ устьевъ Дона къ Дербенту. Колѣна у него дрожали; ѣлъ онъ мало, но пилъ страшно много. Въ скоромные дни, онъ, разумѣется, не скупился на молоко, но въ постные приходилось довольствоваться сухарной водою да мятнымъ настоемъ. Вина онъ почти вовсе не пилъ; вообще, потомки Всеволода,

въ противоположность тогдашнему русскому простонародью и европейскимъ аристократамъ, пили сравнительно очень немного. Около ставки толпились отроки княжескіе и бояре тверскіе, словомъ сказать, вся свита, съ которою князь прибылъ въ Орду,—и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, не придетъ ли кто изъ близкихъ къ хану —разсказать, на чемъ порѣшили вчера въ совѣтѣ, не дастъ-ли Прасковья какой вѣсточки. Каждый входившій въ ставку крестился и кланялся на большой образъ Михайла Архангела, стоявшій въ углу на столикѣ, предъ которымъ теплилась неугасаемая лампада,—потомъ кланялся князю и, по приглашенію его, садился на одну изъ низенькихъ скамеечекъ. Приглашеніемъ этимъ князь чествовалъ только немногихъ; остальные стояли почтительно.

Государь, какой бы онъ ни былъ, можетъ быть оскорбляемъ, можетъ носить колодку, — но царскій санъ никогда не теряется. Михаила оскорбляла чернь — но подобное оскорбленіе было все-же слѣдствіемъ страха предъ нимъ, хотя-бы и беззащитнымъ. Оскорбляютъ только тѣхъ, кого боятся. У людей, долго имѣвшихъ въ рукахъ власть, всегда остается та осанка, которая такъ плохо идетъ къ выскочкамъ и такъ положительно не удается актерамъ.

— Что, нѣтъ ли чего новаго? сказалъ одинъ изъ близкихъ бояръ, помолившись, князю поклонившись, и вздохнувши раза два.

— Нѣтъ, бояринъ, ничего нѣтъ, проговорилъ князь, горбясь и утопая въ подушкахъ и перинахъ.

— Эко наказаніе божеское! сказалъ другой.

— Такое-то наказаніе, сказалъ Константинъ, встряхнувъ русыми кудрями, — такое наказаніе, что не приведи Господи! Ну ужь, Богъ дастъ, выросту—покажу я себя Москвичамъ!..

— Эхъ, княжичъ, сказалъ одинъ изъ бояръ, — не хвались на пиръ идучи, хвались съ пиру идучи.

— Что впередъ-то стращать? Впередъ стращать — вороговъ созывать! сказалъ отецъ.

— А ужь кланяться имъ намъ все-таки неприходится, горячился Константинъ, отходя въ сторону и подавая отцу пить.

— Кланяться я не стану, сказалъ Михаилъ, — лгать я не учился. Какъ меня тому не училъ отецъ, такъ и дѣтей своихъ я не стану учить. Суди меня Господь-Богъ и Пресвятая Матерь Его съ Михаиломъ Архангеломъ Архистратигомъ силъ небесныхъ. Великое Княженіе мнѣ по праву принадлежало. Юрій Даниловичъ безъ права сталъ подъ меня въ Ордѣ искать.

— Кто говоритъ! кто говоритъ! Про тебя, княже, и про весь Ярославовъ родъ сказать нечего, замѣтили бояре. — Кто говоритъ, княже! дѣло твое святое; какъ пошло на Руси — отъ самаго отъ Владиміра Мономаха,— такъ Юрію великимъ княземъ и быть не приходилось!

— А все эти новогородцы виною, сказалъ другой бояринъ,—все новогородцы. Вишь, не захотѣли, чтобы мы, тверскіе бояре, въ ихъ дѣла входили. Несообразный народъ: кричатъ-горланятъ, а того не понимаютъ, что какого бы роду ни былъ великій князь — все онъ старыхъ своихъ боярскихъ родовъ не забудетъ, на кормленье ихъ пуститъ. Хотятъ, чтобы Великій Князь Всея Руси у нихъ сидѣлъ — отчину свою для нихъ забывалъ.

— Съ московскими въ стачку вошли! — рубли серебряные московскимъ для татаръ даютъ!... Покараетъ ихъ Богъ, сказалъ другой бояринъ.—Помяните, братія, мое слово,—покараетъ ихъ Богъ! Отъ нихъ вся смута идетъ по Руси. Теперь московскихъ на Тверь подняли—ну, рублями серебряными, пущай, Тверь и осилятъ: не подъ тверской рукой пропадутъ — пропадутъ подъ московской.

— Пускай, говорилъ Михаилъ,—пускай Самъ Спасъ и сама Софія Святая судятъ новгородцевъ! Вѣдь не дать же было Юрью пустошить Тверскую область ни за что, ни про что. Не хотѣлось мнѣ идти на Татаръ, да нельзя было. На то я князь, за княженіе съ меня Самъ Спасъ отвѣтъ спроситъ на страшномъ судѣ.... Михаилъ говорилъ отрывисто, какъ всѣ больные и изнуренные.

— Да что говорить про это, господине княже! дѣло праведное!.. толковали бояре, — грудной младенецъ—и тотъ понять сможетъ.

— Да и тутъ, продолжалъ князь,—велѣлъ я бережно обходиться съ татарами. Кабы слово сказать нашимъ молодцамъ — давнымъ бы давно Кавгадыя на свѣтѣ не было. Спасибо долженъ еще сказать, что честно въ полонъ его взяли, обласкали, угостили; вотъ только Кончака эта, во святомъ крещеніи Агаѳья, какъ-то ни съ того ни съ сего расхворалась у насъ... а ужь кажись мы-ли не ухаживали за нею!

— Смѣхотворное дѣло, сказалъ одинъ изъ бояръ— да какая польза была изводить намъ великую княгиню Агаѳью? Царскій гнѣвъ на себя наводить.

— Да что толковать!.. сказалъ Михаилъ,—Костя! положи-ка мнѣ псалтырь, — каѳизму шестую открой....

Константинъ, прислуживавшій отцу и постоянно переворачивавшій ему листы псалтыри, взялъ со столика отъ иконъ толстую пергаментную книгу, написанную твердымъ, красивымъ уставомъ, и изукрашенную множествомъ виньетокъ. Весь переплетъ этого псалтыря былъ вышитъ великою княгинею Анною Дмитріевною, женою страдальца. Только-что Константинъ отыскалъ шестую каѳизму, какъ за палаткой послышалось движеніе.

— Идутъ! заговорила стража, — идутъ!

Всѣ поблѣднѣли и перекрестились.

— Дай-то Богъ, сказалъ одинъ изъ бояръ,—авось милость!

— Господи, спаси и помилуй насъ! сказали другіе.

— Господи, помилуй мя грѣшнаго! продолжалъ Михаилъ, вставая изъ перинъ, которыя Константинъ и бояре проворно закидали въ уголъ и забросали кошмами. Въ ставку смѣлымъ, твердымъ шагомъ вошелъ татаринъ-десятникъ, и не говоря ни слова, взялъ веревку, которая всегда была привязана къ углу колодки.

— Гайда! сказалъ онъ, указывая князю вонъ изъ шатра.

— Куда? спросили князь и бояре, всѣ знавшіе по татарски.

Въ тѣ времена весь княжескій родъ, всѣ бояре, волей-неволей знали татарскій языкъ, который впрочемъ споконъ вѣку былъ необходимъ русскимъ, такъ какъ еще въ Кіевскія времена на немъ говорили хозары и половцы.

— Гайда! сказалъ татаринъ, не обращая вниманія на нихъ. Бояре мигомъ раскошелились, и каждый изъ нихъ сунулъ въ руку татарина по серебряной монетѣ.

— Кавгадый зоветъ, туда на базаръ. Что-то говорить хочетъ.

— Да что онъ говорить хочетъ? замышляетъ что дурное?

— Нѣтъ, дурного ничего не будетъ; просто, хочетъ только власть свою показать.

— А что вчера въ совѣтѣ было? спрашивали его.

— А я почемъ знаю, что тамъ было? сказалъ съ у-

смѣшкой татаринъ.

Въ руку его опять посыпались серебряныя монеты.

— Тамъ ничего не было, сказалъ онъ, — приговорили къ смерти, а ханъ разсердился и ушелъ. Да вы не трусьте, продолжалъ онъ, — ханша Баялынь за Михаила крѣпко стоитъ. Не трусьте — у нея какая-то ваша женщина съ двумя дѣвочками чуть не правой рукой теперь: плачетъ - убивается за вашего князя. Научила она дѣвчонокъ — тѣ и за ханшу и за самого хана цѣпляются — за васъ просятъ.

Татаринъ повелъ князя. За княземъ шелъ Константинъ, за Константиномъ медленно и робко шли бояре.

Въ Ордѣ не каждый день водили по улицамъ царственныхъ особъ на веревкѣ. Лучшаго зрѣлища, разумѣется, для черни, которой такъ много было въ Узбековой свитѣ, даже и придумать нельзя было. До торга было не далеко. Это была большая широкая площадь, на которой вываживали коней, а по краямъ ея стояли ставки и шалаши, занятыя купечествомъ.

Кавгадый сидѣлъ по срединѣ площади на кошмѣ, окруженный слугами и пріятелями. Лицо его судорожно двигалось; видно было, что ему хотѣлось народу себя показать, показать свое значеніе въ Ордѣ, и внушить всѣмъ и каждому, что вотъ онъ въ какой-дѣ чести у хана,—что за плѣнъ его ему позволяютъ торжественно позорить монарха одного изъ величайшихъ подчиненныхъ Ордѣ улусовъ.

Эта зрѣлище нужно было, во-первыхъ, притаившемуся гдѣ-то Юрію, чтобы сбить спѣсь съ тверскихъ и со всякихъ другихъ князей, вывести ихъ на позорище; а во-вторыхъ, Кавгадыю это было нужно, чтобъ удовлетворить оскорбленное честолюбіе, дать себя знать, повеличаться — да кстати внушить торговцамъ, что съ него нельзя за товары спрашивать, но слѣдуетъ еще ему новыхъ надавать.

Торговцы, вызванные изъ лавокъ, были большею частью заимодавцы Михаила.

Главный способъ наживы въ Ордѣ состоялъ въ томъ, чтобы давать въ долгъ пріѣзжимъ князьямъ, боярамъ деньги, а также и товаръ нужный для подарковъ татарамъ. Само собою разумѣется, что товаръ и деньги давались въ долгъ за невѣроятные проценты; а что уплата за нихъ была вѣрная, ручался въ томъ обычай не выпускать должника до тѣхъ поръ изъ Орды, пока не вышлютъ ему денегъ съ родины, а не то пока не оставитъ въ залогъ сына или брата; сверхъ того заимодавецъ могъ всегда выхлопотать себѣ отрядъ татаръ и отправиться на экзекуцію — это было хлопотнѣе, но зато всего выгоднѣе. Наконецъ, въ тѣ времена почти никто не торговалъ въ одиночку — купечество дѣйствовало артелями, сотнями, братствами, у него была круговая порука и потому ему гуртомъ было сподручнѣе нести убытки. Весь разсчетъ торговцевъ состоялъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе отпускать въ долгъ владѣтельнымъ особамъ; они постоянно заставляли ихъ забирать товаръ, платить за него и расплачиваться. Поэтому, торговцы были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ разнаго рода Кавгадыями, которые сами указывали имъ, какіе подарки и отъ кого хотѣлось бы имъ получить.

Михаила подвели къ Кавгадыю и поставили на колѣна, такъ какъ Кавгадый на этотъ разъ строго держался буквы закона, гласящаго, что приговоренные къ колодкѣ должны стоять на торгу на колѣнахъ; это въ Китаѣ дѣлается и до сихъ поръ и вполнѣ соотвѣтствуетъ европейскому позорному столбу. Привыкшій къ разнаго рода оскорбленіямъ, привыкшій къ издѣванію окружающей хана свиты, Михаилъ тяжело опустился на колѣна и обвелъ глазами толпу.

За Кавгадыемъ, окруженнымъ знакомыми и незнакомыми великому князю татарскими сановниками, стояли купцы всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣръ. Тутъ были и русскіе, смотрѣвшіе на князя вопросительно-грустно: они чувствовали свое униженіе; они чувствовали, что въ лицѣ князя татары поганые надъ ними ломаются. Какъ ни мошенничали они въ Ордѣ, какъ ни втягивали они въ долги князей русскихъ, какъ часто ни дѣлали стачекъ противъ нихъ съ татарами, — все-таки каждый изъ нихъ признавалъ себя членомъ всей русской семьи и каждый надѣялся, что рано или поздно онъ или церковь поставитъ или монастырь соорудитъ, замолитъ тяжкіе свои грѣхи; да сверхъ того, если придетъ сподручное время,—то расплатится и онъ съ татарами мечомъ острымъ, копьемъ долгомѣрнымъ въ рукопашномъ бою. Каждый зналъ, что съумѣетъ постоять, какъ стояли отцы и братья его, за Святую Софію Новгородскую, за святую Троицу, за Спаса Тверскаго, наконецъ, даже за мать Святую Русь. Была вражда между ними по княжествамъ,— благодаря тогдашней политикѣ, они смотрѣли другъ на друга почти такъ-же враждебно, какъ въ недавнее время тосканецъ смотрѣлъ на неаполитанца, римлянинъ на пьемонтца, — но всѣ они сознавали, что есть нѣчто общее между ними, несмотря ни на святую Софію, ни на святую Троицу, ни на Спаса, ни на стольный градъ Кіевъ, и что это общее называется — *Русь*... Имъ было всѣмъ неловко, смотря на князя; но ихъ влекло къ нему той неотразимой силой, которая манитъ людей самыхъ кроткихъ и самыхъ добрыхъ смотрѣть на казнь, на мѣста залитыя кровью человѣческою. Въ кучкѣ русскихъ стояла Прасковья съ двумя своими дѣвочками — и всѣ трое плакали, собираясь пожаловаться ханшѣ на обиду Михаилову. Были онѣ въ дружбѣ и съ новгородцами и съ москвичами и съ Ахметомъ - Чобуганомъ, слышали онѣ всякіе толки, вѣрили даже, что Михаилъ точно виноватъ,—да жалко имъ его было. Маленькая Русалка, вѣчно подвижная, быстрая на воспріятіе всякаго рода впечатлѣній — вся ушла въ мысль: каково теперь бѣдному Михаилу князю, —и ей почему-то захотѣлось пасть рядомъ съ нимъ на колѣни. Ей мученичества захотѣлось, она поняла сладострастіе бѣдствія, униженія. Марину-же поразило другое соображеніе, рѣшившее ея судьбу на всю жизнь: что за нечеловѣческая сила, или, пожалуй, дерзость должна быть у Юрія, который, самъ—государь, доводитъ другаго государя, да еще друга своего отца, до такого униженія. Ей страшно стало: ей стало казаться, что не Михаилъ Тверской стоитъ на колѣнахъ — а она сама.

Безсильную не состраданіе проникло — она передъ мощью замлѣла. Дѣти, разумѣется, не такъ ясно понимали, что съ ними творится, какъ мы излагаемъ — у нихъ мысли не формулами, не словами складываются, но въ душахъ ихъ то и дѣло возникаютъ крупные вопросы.. А кругомъ Марины—живые подвижные генуэзцы, сухіе, поджарые, въ невѣроятныхъ шапкахъ, походившихъ на чалмы, и въ длинныхъ суконныхъ широкополыхъ кафтанахъ, доходившихъ до пятъ съ волочившимся сзади шлейфомъ, съ широкими рукавами. Генуэзцамъ рѣшительно все равно было, правъ или не правъ Михаилъ; имъ было просто занятно видѣть, какъ унижали владѣтельную особу, а имъ это было не въ не-

привычку кстати, потому что въ то время въ Италіи не на жизнь, а на смерть шла борьба гвельфовъ съ гибелинами — государи въ оковахъ были тогда вовсе не въ диковинку. Греки, въ длинныхъ красныхъ фескахъ, блѣднѣли отъ негодованія. Какіе они ни были ростовщики, какъ они ни были продажны, корыстны и развратны, какимъ презрѣніемъ они ни пользовались у тогдашнихъ русскихъ,—но у грековъ была одна идея, которою они до сихъ поръ живутъ — это: гордость православіемъ и сочувствіе всѣмъ православнымъ. Поруганіе князя православнаго, хотя бы и не цареградскаго, было для нихъ чуть-что не личнымъ оскорбленіемъ.

Приходили въ восторгъ, суетились и дѣйствительно наслаждались, въ полномъ смыслѣ слова, зрѣлищемъ— одни только жиды, страстные охотники ходить смотрѣть всякіе ужасы, обсуждать ихъ, хлопотать о нихъ — не по какой-либо особенной злости, врожденной ихъ характеру, а просто для развлеченія. Жиды ходили, толковали, спорили и въ то же время напѣвали молитвы, соображая между прочимъ, не будетъ ли продаваться что-нибудь изъ платья или изъ вещей Михаила, буде его сказнятъ. Ицекъ, само собою, вертѣлся тутъ же, распрашивалъ, что выдетъ изъ всего этого, и, главное, старался узнать, не пошлетъ ли ханъ рати на Тверь и не будетъ ли новаго полона. Для Русалки и для Марины онъ уже успѣлъ купить — и весьма дешево — по отличной кисти винограда, а къ Прасковьѣ напросился въ гости.

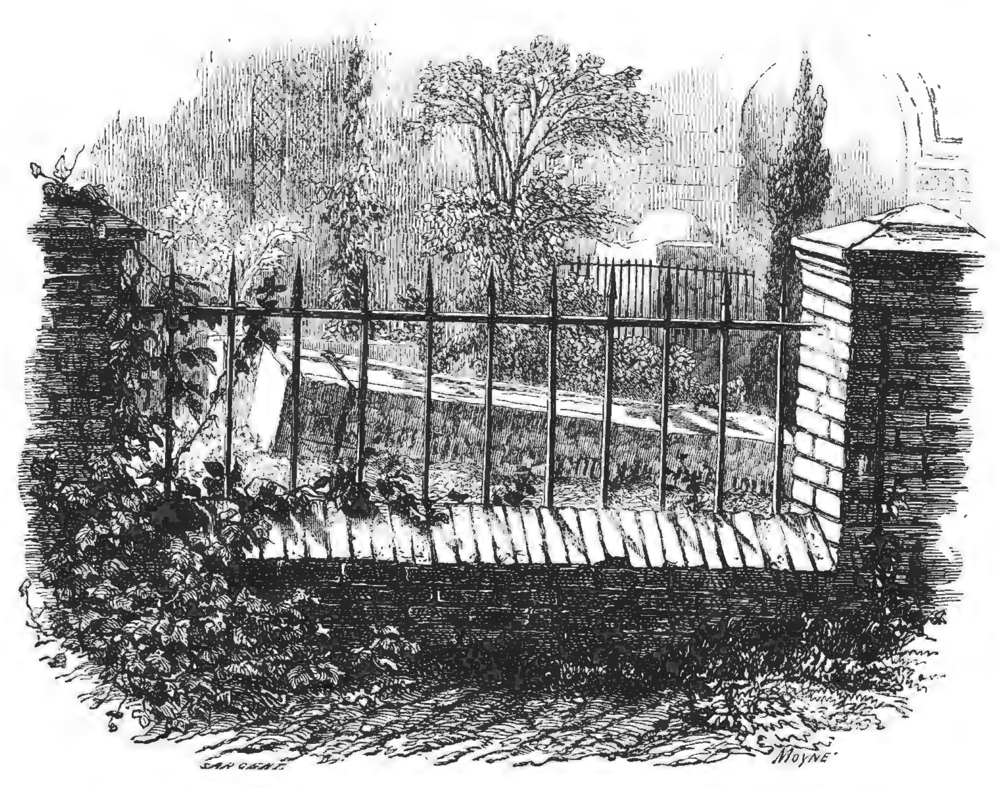
Князь обвелъ окружающихъ глазами,—и всѣ такъ же какъ и онъ, какъ и Кавгадый, почувствовали себя неловко.

Не впервой было Михаилу стоять передъ толпою. Всю жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, привыкъ онъ быть предметомъ вниманія толпы, и не смущаться устремленныхъ на него тысячъ глазъ. Всѣ владѣтельныя особы, министры, ораторы, всѣ привыкшіе повелѣвать—не очень впечатлительны къ эффекту, который они производятъ. Они знаютъ, что это море человѣческихъ головъ, которое колеблется передъ ними и брызжетъ на нихъ искрами взглядовъ, покорно имъ. И если сегодня оно вопіетъ, ропщетъ, негодуетъ, даже издѣвается надъ ними — завтра опять мирно падетъ оно къ стопамъ ихъ и опять будетъ воспѣвать имъ хвалебные гимны. Высокопоставленныя особы потому такъ и называются *высоко-поставленными*, что онѣ дѣйствительно стоятъ *выше* подвижныхъ впечатлѣній управляемой ими толпы.

Михаилу было досадно, тяжело, обидно, скучно, даже пожалуй страшно... но что о немъ думали и какъ на него смотрѣли—ему было все равно. Онъ обвелъ глазами толпу — и многіе, очень многіе въ ней потупились. Имъ стало совѣстно, что они видятъ его не въ блескѣ его величія; имъ самимъ стало какъ-то неловко.

Кавгадый понялъ, что вышелъ совсѣмъ не тотъ эффектъ, котораго ему желалось; онъ разсчитывалъ, что толпа бросится на князя, станетъ его бить, ругаться станетъ; ничего не вышло. Татары, составлявшіе большую часть публики тоже молчали, — въ татарскомъ характерѣ нѣтъ ничего наглаго, нахальнаго. Татары далеко не англійская чернь, которая травитъ какого-нибудь несчастнаго француза или какую-нибудь непопулярную личность,—которая визжитъ отъ наслажденія, когда вѣшаютъ; забрасываетъ камнями и грязью хромыхъ, косыхъ, горбатыхъ; — словомъ, ругается надъ каждымъ несчастнымъ.

— Ты, тутъ, Михаилъ, началъ Кавгадый, принимая важный видъ, — долговъ очень много понадѣлалъ!



Гробница боярина Абрама Лопухина,
въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

— На ханскую милость надѣюсь, отвѣтилъ Михаилъ, — а купцы мнѣ вѣрили, повѣрить еще могутъ, даже когда царю угодно будетъ порѣшить моимъ животомъ.

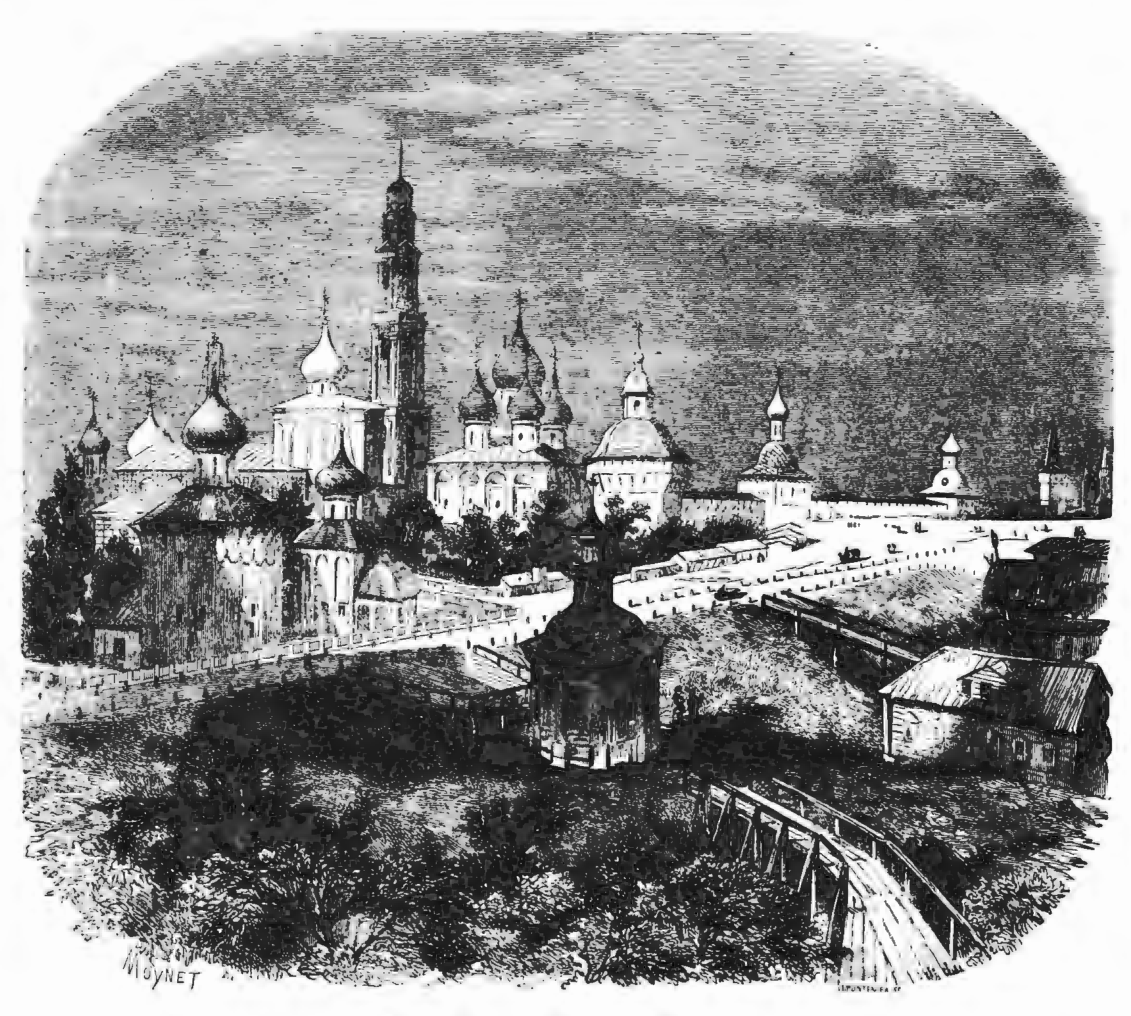
— А небось, не доволенъ будешь, если тебя за это великое злодѣйство царь велитъ казнить?

— Смерти никто не желаетъ, отвѣчалъ Михаилъ: — въ животѣ и смерти человѣческой Богъ да царь вольны, — а у насъ, у христіанъ въ Писаніи сказано: «Бога бойтеся, царя чтите». Я, какъ былъ вѣрнымъ подданнымъ, такъ и теперь противъ его царскаго слова перечить не стану.

— Ты не былъ вѣрнымъ подданнымъ, ты царъ, еслибы не былъ царскимъ врагомъ, еслибы крестоваго похода на насъ не затѣвалъ съ папою.

Генуэзцы переглянулись въ ужасѣ. Страхъ крестовыхъ походовъ, натянутыя отношенія всѣхъ католиковъ къ Ордѣ были имъ хорошо извѣстны.

Въ Ордѣ былъ католическій епископъ, Орда не препятствовала никому переходить въ католичество, — но все это до тѣхъ поръ, пока папа не скажетъ лишняго слова, не станетъ дѣлать приготовленій къ крестовому походу. Татары были тогда неофиты, считали себя наслѣдниками арабовъ, и потому больше чѣмъ слѣдовало принимали къ сердцу интересы мусульманства. Поэтому Генуэзцы всегда старались быть посредниками между ханомъ и папою, ублажая перваго и унимая ревность по вѣрѣ послѣдняго.



Видъ Троицко-Сергіевской лавры
(близь Москвы).

скаго посла (онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь и оглянулся кругомъ) въ плѣнъ осмѣлился взять, войной пошелъ на насъ, на татаръ, — разбойникъ!

Ни одинъ татаринъ не шевельнулся — они въ Михаилѣ уважали *батура* (богатыря), и имъ противна была наглость Кавгадыя. Въ груди людской есть много *человѣческаго*.

— Взялъ я тебя въ плѣнъ, Кавгадый, — только, Богъ свидѣтель, не моя въ томъ вина. Зачѣмъ ты пошелъ разорять мое княжество съ моимъ врагомъ Юріемъ Даниловичемъ?

— Царскій посолъ, отвѣчалъ Кавгадый торжественно и подымая пальцы, — только предъ царемъ отвѣтчикъ. Хорошо я сдѣлалъ, не хорошо я сдѣлалъ, — не ты мнѣ судья. Биться со мною ты не смѣлъ бы,

— Это — Юрій съ москвичами наплелъ, сказалъ Михаилъ, — никакихъ у меня тайныхъ помысловъ не было на царя, да и невыгодно мнѣ было мѣнять его власть на власть рыцарей нѣмецкихъ. Самъ, Кавгадый, разочти: они для насъ, для восточныхъ христіанъ, хуже *васъ* татаръ; ужъ еслибы кого доброй волей выбирать пришлось, такъ все бы я царя Узбека выбралъ; онъ не то что не тѣснитъ нашей вѣры, а далъ еще милостивый ярлыкъ митрополиту нашему Петру-владыкѣ. Мы должны Бога молить за Узбека!

Въ толпѣ татаръ пронесся ропотъ одобренія. Кавгадый окончательно растерялся.

— Сколько ты долженъ въ Ордѣ?

— Пятьсотъ тридцать рублей серебра, отвѣчалъ Михаилъ. — да четыре алтына (около 3.200 руб. сер. по тогдашнему вѣсу золота и серебра, т. е. 300.000 руб. по нынѣшнимъ цѣнамъ).

— Ну, — а если тебя... казнятъ? спросилъ Кавгадый, — чѣмъ ты купцовъ бѣдныхъ удовлетворишь?

Михаилъ взглянулъ на купцовъ.

— Купцы вѣрили моему слову, сказалъ онъ, — велитъ меня царь Узбекъ казнить (и онъ уставился въ купцовъ глазами), пусть хотя за душу мою помолятся (при этомъ православные и католики перекрестились), а долгъ мой съ лихвой дѣти мои заплатятъ. А если и дѣтей царь велитъ казнить, — во всемъ его царская милость, — такъ родныхъ у меня не мало. Раба божія Михаила никто лихомъ не помянетъ, и никто не захочетъ, чтобы тяжело на его костяхъ мать сыра земля лежала.

Купцамъ стало неловко.

— Полно, князь, заголосили они и по русски и по татарски, — Богъ съ тобою! Богъ проститъ! ничего не надо! даже жиды — и тѣ замахали руками.

Кавгадый не зналъ что̀ дѣлать.

— Знаешь, Михаилъ, сказалъ онъ наконецъ, — таковъ ханскій обычай. Если ханъ разсердится на кого даже и изъ родственниковъ своихъ, то тоже велитъ держать его въ колодкѣ, а потомъ когда помилуетъ — возвратитъ прежнюю честь. Такъ и тебя — завтра, послѣ завтра освободитъ можетъ-быть, и въ большой чести будешь.

— На все его царская милость, а тебѣ, Кавгадый, за доброе слово твое — большее спасибо.

Кавгадый окончательно растерялся и потому еще хуже разсвирѣпѣлъ.

— Вы бы съ него, сказалъ онъ сторожамъ, — колодку сняли, зачѣмъ держать его въ колодкѣ!

Сторожа стали снимать колодку.

— Видишь, Михаилъ, продолжалъ Кавгадый, пощипывая бороду, — я хочу, чтобъ ты повеселился немного передъ смертью, попомнилъ свое прежнее житье, каковъ ты былъ, пока великому хану не сталъ противиться, чтобы всѣ видѣли, какой то былъ человѣкъ. — Умыть его! крикнулъ онъ. — Принести его княжеское платье! Стулъ и столъ подать! Принести вина, жареной баранины, хлѣба, винограду и что тамъ еще найдется — всякихъ сластей! Да живо!

Черезъ десять минутъ Кавгадыевы слуги натаскали всего, даже съ избыткомъ. Ходить далеко было не зачѣмъ, — только гости, наѣзжее купечество, были выгорожены ханскими ярлыками отъ грабежей, — кто не принадлежалъ къ какому нибудь товариществу, съ тѣмъ никто не церемонился.

Михаила умыли, надѣли на него парчевую тунику, накинула на плечи алую княжескую мантію, опушенную горностаемъ, на голову княжескій вѣнецъ возложили, посадили на стулъ, столъ къ нему придвинули со всякими яствами — а Кавгадый сидѣлъ на землѣ и болталъ съ окружающими, силясь привести ихъ въ шаловливое настроеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ внушая имъ мысль, какъ крѣпко стоитъ за него Узбекъ.

Долго и утомительно было бы описывать, какъ Кавгадый и его свита издѣвались надъ облеченнымъ въ княжескій уборъ Михаиломъ, какъ убѣдительно просили его покушать, какъ жалѣли его и хныкали, что ему послѣдній разъ приходится являться во всемъ величіи... Наконецъ, опять его разоблачили, опять надѣли колодку и опять жалѣли его — Кавгадый велѣлъ своимъ слугамъ даже поддерживать ее, чтобы она плечъ великому князю не терла: слуги терли ею шею, щелкали ею по подбородку. Наконецъ Кавгадый всталъ.

— Можно увести его? спросили Кавгадыя.

— Уведите, отвѣчалъ онъ съ досадой и выругался.

Михаилъ съ трудомъ поднялся съ земли, онъ шатался. Солнце стало палить, на небѣ не было ни облачка, было всего 10 часовъ утра. Онъ направился къ своей ставкѣ, но ноги ему измѣнили.

— Не могу идти, сказалъ онъ.

Его провожали греки, нѣмцы, литва, русь, жиды, генуезцы, армяне, татары — все на него глазѣло.

— Княже, шепнулъ ему одинъ изъ приближенныхъ, — видишь, сколько народу стоитъ и смотритъ на позоръ твой — а прежде они слышали, что ты княжилъ. Пошелъ бы ты въ свою вежу!

Михаилъ, собравъ послѣднія силы, пошелъ твердымъ шагомъ къ своей ставкѣ. Изъ глазъ его лились слезы. Богатырская натура не выдержала. Грудь была надорвана.

В. Кельсіевъ.

(Продолженіе будетъ).

Троицко-Сергіевская лавра.

На одномъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ изображенъ видъ небольшой части Троицко-Сергіевской лавры, которая еще издалека сіяетъ съ своего холма, чуть что не восьмью — десятью золочеными куполами.

У Троицы почіютъ мощи преподобнаго Сергія Радонежскаго, въ ракѣ кованой изъ золота и серебра и усѣянной драгоцѣнными камнями. Серебряный куполъ надъ этой ракой вѣситъ тридцать пудовъ. Внутренность церкви покрыта фресками, что̀ даетъ ей, какъ и прочимъ старымъ русскимъ церквамъ, видъ египетскаго храма. Куда ни обернись, отовсюду глядятъ строгіе, неподвижные лики св. угодниковъ; отовсюду вѣетъ неземною загробною жизнію. Есть тамъ икона чудотворца, писаная на обыкновенной радонежской доскѣ, съ которой не разставался самъ Петръ Великій во всѣхъ его походахъ и битвахъ. Колокольня этого храма построена Растрелли; на ней тридцать пять колоколовъ.

Монастырская ризница занимаетъ отдѣльное зданіе. Не только въ Римѣ или гдѣ нибудь въ Лореттѣ, но въ самой Россіи нѣтъ ризницы богаче Троицкой; съ XIV вѣка, со временъ Дмитрія Донскаго накопляются тамъ жемчуга, камни, парчи. Ризница эта представляетъ собою богатѣйшій музеумъ работъ русскаго женскаго искусства. Не было русскаго государя, не было русской государыни, князя или княгини, боярина или боярыни, кто бы не побывалъ у Троицы Сергія и не поклонился бы мощамъ этого великаго дѣятеля руской исторіи XIV вѣка — Сергія Радонежскаго. Даже при конфискаціи духовныхъ имуществъ императрицами Елизаветой и Екатериной Великой Троицко-Сергіевская лавра

была пощажена. Въ огромныхъ стеклянныхъ шкапахъ до сихъ поръ стоятъ драгоцѣнные сосуды, дискосы, чаши, кресты, митры архіерейскія, посохи литые изъ золота, выложенные драгоцѣнными каменьями, евангелія, требники переплетенные въ золото, плащеницы и покровы, вышитые жемчугами. Тутъ же показывается верховая узда, служившая въ походѣ Дмитрію Донскому, охотничье платье Іоанна Грознаго, власяница и деревянная чашка Сергія чудотворца, священническія ризы шитыя государыней Екатериной II, убранныя жемчугами и алмазами.

При монастырѣ—богатая библіотека, за семь тысячь томовъ разнаго рода сочиненій, разумѣется, по преимуществу богословскихъ, огромная масса рукописей, типографія и хромолитографія, а въ послѣднее время даже иконописная, и наконецъ духовная академія основанная въ 1749 году императрицей Елизаветою.

У Троицко-Сергіевской лавры наблюдается тотъ старый порядокъ, что около нея сидятъ сотни нищихъ. На липахъ и на березахъ съ незапамятныхъ временъ живутъ тысячи воронъ, грачей и галокъ.

Троицко-Сергіевская лавра была основана въ 1330 году св. Сергіемъ Радонежскимъ.

Сергій Радонежскій происходилъ изъ боярскаго рода; онъ удалился отъ міра, ушелъ въ пустыню, срубилъ себѣ келью и принялъ на себя тяжелый подвигъ отшельническаго подвижничества. Слава о подвигахъ св. инока, человѣка умнаго и толковаго, по происхожденію и по манерамъ принадлежавшаго къ тогдашнему высшему московскому обществу, наполняла собою Русь—и онъ сдѣлался другомъ и наперсникомъ митрополита Алексѣя, воспитателя малолѣтняго Великаго Князя Всея Руси Дмитрія Ивановича. Въ то время русская церковь вошла въ союзъ съ московскимъ великимъ княжествомъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на которыхъ при Константинѣ Великомъ христіанство вошло въ союзъ съ Восточной Имперіей. Свободная отъ татаръ ханскими ярлыками, церковь подала руку мірской власти на спасеніе государства отъ всякаго рода иноземнаго владычества. Основатель Троицкаго монастыря, преподобный Сергій, монахъ и дипломатъ, былъ однимъ изъ передовыхъ людей своего времени, былъ поборникъ этой задачи—и какъ около митрополита Алексѣя, такъ и около его монастыря группировался кружокъ людей, поставившихъ себѣ задачею сложить, во чтобы то ни стало, изъ Москвы независимое государство. Мы разумѣется не знаемъ теперь—какъ далеко митрополитъ Алексѣй, игуменъ Сергій и великій князь Дмитрій Ивановичъ простирали свои замыслы: думали-ли они, что четыреста лѣтъ послѣ нихъ Москвѣ будетъ принадлежать Финляндія, Польша, возникнетъ славянскій вопросъ, а чего добраго даже вопросъ индѣйскій,—что потомки хищныхъ татаръ, съ которыми они ратовали, станутъ кроткими, смирными продавцами халатовъ, кучерами, трактирными офиціантами, и даже самыхъ разговоровъ о татарахъ въ Россіи не будетъ?

Нравственное вліяніе троицкихъ иноковъ на Русь было такъ велико, что безъ ихъ совѣта, безъ ихъ благословенія, самъ великій князь Дмитрій Ивановичъ ничего предпринять не могъ. Наши иноки XIV вѣка далеко не походили на какихъ нибудь римскихъ монаховъ; они не были эгоистами, они думали не о монастырскихъ интересахъ, а о государственной пользѣ, и потому высоко стояли въ общественномъ мнѣніи всѣхъ лучшихъ людей Руси XIV вѣка.

На Русь надвигался цѣлой ордой ханъ Мамай; Москвѣ грозила гибель, а гибель Москвы была бы гибелью всѣхъ русскихъ земель и всякаго русскаго дѣла. Мамая пужно было отразить. Но для того чтобы отразить его—нужно было имѣть поддержку въ общественномъ мнѣніи, а общественнымъ мнѣніемъ владѣло духовенство.

Великій князь Дмитрій Ивановичъ отправился къ Сергію, посовѣтовался съ нимъ,—и Сергій, развитѣйшій человѣкъ своего времени, далъ великому князю не только благословеніе на эту первую битву русскихъ съ ихъ властелинами татарами, на дѣло не бывалое съ 1238 г., но и самъ принялъ въ ней участіе. Самъ Сергій не пошелъ въ походъ, но онъ отдалъ князю двухъ богатырей, своихъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя.

Въ XIX вѣкѣ, при совершенно иномъ общественномъ бытѣ, нѣсколько трудно понять, почему люди XIV вѣка считали благословеніе какого-нибудь троицкаго игумена Сергія и участіе въ Куликовской битвѣ двухъ троицкихъ иноковъ—дѣломъ такимъ важнымъ. Отправляясь на битву съ Мамаемъ, Дмитрій Донской рисковалъ государствомъ; Сергій Радонежскій, давая ему благословеніе и посылая съ нимъ двухъ иноковъ, рисковалъ дѣломъ христіанства. Не удайся Дмитрію и Сергію Куликово поле—погибла бы Русь и погибло бы христіанство; они оба поставили на карту участь Восточной Европы, поставили честно, вѣруя въ свою правоту, вѣруя въ свои силы—и народный смыслъ это понялъ: Дмитрій Донской сдѣлался одной изъ свѣтлѣйшихъ русскихъ личностей, Петръ Великій не разставался съ изображеніемъ лика Сергія Радонежскаго.

Съ тѣхъ поръ этотъ монастырь сдѣлался святыней и какимъ-то палладіумомъ земли русской; Русь поняла, что эти смиренные иноки отрѣшившіеся отъ міра, молящіеся Богу, не мѣшающіеся въ дѣла мірскія, въ случаѣ чего и отвѣтъ дадутъ, въ случаѣ чего и постоятъ за русское, за православное дѣло. Великіе князья, а потомъ цари, великія княгини, а потомъ царицы ходили постоянно на поклонъ къ мощамъ великаго чудотворца, подвижника за землю русскую; иноки молились за великихъ князей и царицъ—и получали въ даръ бочки жемчуговъ, шитыя алмазами плащеницы, изумрудами украшенныя иконы, но преданіе свое блюли вѣрно.

Настало смутное время самозванцевъ. Казалось, все московское государство, этотъ единственный центръ Руси и всего славянскаго міра, пошатнулось и всколыхалось; самъ кремль московскій былъ въ рукахъ воровскихъ людей, присягалъ польскому королевичу Владиславу. Россіи не было; она была какой-то завоеванной Индіею, Пруссіею при Наполеонѣ. Вездѣ ставились костелы, вездѣ ругались надъ нашею вѣрою, языкомъ и обычаями, Европа завоевывала Россію. Но въ стѣнахъ Троицко-Сергіевской лавры, въ этомъ испоконномъ центрѣ русскихъ патріотовъ, на дѣло смотрѣли иначе—и тамъ отстояли Русь. Кремль сломать было можно, но Троицко-Сергіевской лавры сломать было нельзя. Произошла знаменитая осада,—иноки, лучшіе люди начала XVII вѣка, опять-таки отстояли Русь.

Затѣмъ Троицкая лавра укрыла Петра отъ стрѣльцовъ; изъ нея онъ повелъ борьбу не на жизнь, а на смерть со своей сводной сестрою царевной Софьей;—и вотъ почему этотъ старый монастырь пользуется такимъ уваженіемъ и народа и благополучно царствующаго дома, и почему къ нему слѣдуетъ относиться по-

чти съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ греки относились къ Мараѳонскому ущелью, римляне—къ своему Капитолію.

Теперь Троицко-Сергіевская лавра—монастырь, въ который ходятъ на поклоненіе, изъ духовной академіи котораго выходятъ лучшіе пастыри русской церкви. Въ этомъ монастырѣ по прежнему хранятся несмѣтныя сокровища; онъ такъ же тихъ и миренъ на видъ, какъ бывалъ и въ прежнія времена, покуда его монахамъ не приходило нужды выступить впередъ за русское дѣло... Какъ знать, не суждено-ли ему впослѣдствіи снова сослужить русской землѣ свою прежнюю службу?

Другой нашъ рисунокъ представляетъ гробницу боярина Абрама Лопухина, брата Авдотьи Лукьяновны, первой жены Петра I; тѣло его почіетъ въ оградѣ Троицко-Сергіевской лавры. Личность эта—довольно темная и ничтожная; замѣчателенъ Абрамъ Лопухинъ развѣ тѣмъ, что былъ замѣшанъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича.

Женскій вопросъ.

(*Окончаніе*).

Мы сказали въ концѣ предъидущей статьи, что женскій вопросъ, въ здравомъ и разумномъ смыслѣ слова, сводится главнымъ образомъ на двѣ рубрики: экономическую и педагогическую, вѣрнѣе, просто учебную, — ибо, какъ мы увидимъ далѣе, то что̀ всего необходимѣе женщинамъ, безъ чего столь горячожеланная равноправность всегда останется пустой мечтой, это — *ученіе*, во всѣхъ возможныхъ общихъ и спеціальныхъ видахъ — ученіе научное, ученіе художественное, ученіе общеобразовательное, ученіе ремесленное, промышленное; больше знанія, больше свѣта, больше производительнаго, разумнаго труда — вотъ якорь спасенія. Займемся однако, по порядку, сперва спеціально экономическимъ видомъ вопроса, хотя онъ скоро самъ собою приведетъ насъ ко второму его виду —учебному.

Экономическая сторона женскаго вопроса, это другими словами — женскій трудъ. Сторона эта опять-таки распадается на два подраздѣленія: 1) достичь болѣе выгоднаго примѣненія того, что̀ до сихъ поръ исключительно называлось женскими отраслями труда, т. е. собственно всякихъ рѣкодѣлій, и 2) открытіе женщинамъ новыхъ трудовыхъ путей. Первая задача, съ перваго взгляда какъ будто полезная и практическая, со втораго взгляда оказывается несостоятельною: всякая ручная мануфактурная работа — ручная пряжа, ручное тканіе, вязаніе, шитье, даже въ большой мѣрѣ вышиваніе—убита теперь машинной работой. Только самые высшіе виды пока еще въ запросѣ: какія нибудь особенно роскошныя вышивки, а больше такъ называемые фасоны—«confections»—дамскихъ шляпокъ, чепчиковъ, головныхъ уборовъ, затѣмъ платьевъ, мантилій и проч., наконецъ бѣлья. Но эти виды ручной работы требуютъ условій, далеко не всѣмъ работницамъ доступныхъ: во-первыхъ, больше или меньше вкуса и ловкости; во-вторыхъ, великаго искусства кроить, которому выучиваются весьма немногія—отчасти по безпечности, отчасти потому, что это искусство не всѣмъ дается, такъ какъ оно вовсе не чисто-механическаго свойства,—отчасти потому что тѣ, которыя владѣютъ имъ, скупо учатъ ему, такъ какъ это единственный путь къ нѣкоторому почету и обезпеченности по этой отрасли: извѣстно, какимъ сравнительно-роскошнымъ положеніемъ пользуются закройщицы (еще чаще закройщики) и старшія мастерицы въ магазинахъ. Каждый, кто вникнетъ въ этотъ простой фактъ, перестанетъ удивляться полной или сравнительной безуспѣшности разныхъ женскихъ базаровъ, выставокъ женскихъ работъ, женскихъ ферейновъ, обществъ и конторъ для доставленія работы по болѣе выгоднымъ цѣнамъ (безъ платы за коммиссію) и пр. и пр., которыхъ въ послѣднее время развелось не малое число, подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ и при содѣйствіи лицъ весьма почтенныхъ, а иногда и высокопоставленныхъ. Какъ ни похвальны по своимъ побужденіямъ подобныя старанія, какъ ни благодѣтельны оказываются они иногда (особенно сначала), хотя и въ крайне ограниченномъ кругу,—всякія такія учрежденія не могутъ приносить прочной и обширной пользы, потому что они мертворожденны; они не новое даютъ, а стараются оживить старое,—однимъ словомъ, не идутъ въ ногу съ вѣкомъ. На старое не кладутъ заплатъ изъ новаго, новаго вина въ старые мѣхи не наливаютъ, — не лучше ли тѣ же силы, тѣ же средства обратить на употребленіе болѣе оплачивающее? Поэтому единственныя изъ этого рода учрежденій, которыя еще имѣютъ въ себѣ жизненное начало и могутъ привести къ сколько нибудь серіозному результату, такъ какъ они соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ новымъ потребностямъ и условіямъ, это—фонды для снабженія бѣдныхъ женщинъ швейными и вязальными машинами, съ разсроченной на долгое время уплатой, безъ процентовъ, съ даровымъ обученіемъ употребленію машинъ и кройкѣ. Но и это такая капля въ морѣ, что если бы ни въ чемъ другомъ не искать выхода, руки отнимались бы отъ отчаянія. Когда читаешь, напр. въ отчетѣ завѣдующаго женскимъ базаромъ и ферейномъ въ Берлинѣ (Victoria-bazar), который ведется въ огромныхъ размѣрахъ и на крайне дѣльныхъ началахъ,—что изъ *трехъ тысячъ* женщинъ и дѣвушекъ, обращавшихся къ нему за работой въ теченіе четырехъ лѣтъ, онъ былъ въ состояніи помочь всего только *двумъ стамъ*—не до очевидности ли ясно становится, что старые источники изсякли, старые пути заглохли, засорены, запружены, да и тѣсны стали, и что нужно дать дорогу пробивающимся новымъ ключамъ, открыть новые пути?

На столько-то уже мы шагнули впередъ, что теперь почти никого не найдется, кто не былъ бы согласенъ съ этимъ положеніемъ; но многіе еще ломаютъ голову, и долго будутъ ломать ее надъ другимъ вопросомъ: *какіе* пути? тогда какъ отвѣтъ, казалось бы, самый простой—*всѣ*. Какое дѣло ни привлекаетъ или ни сподручно—то̀ и давать, лишь бы это было *дѣло*, а не забава, не дурачество; какого бы знанія ни просила душа—то̀ и давать, лишь бы это было *знаніе*, а не дилеттантство, не кокетничаніе со знаніемъ. Серіозныхъ затрудненій теоретическихъ тутъ быть не можетъ, да собственно говоря и есть-то только на словахъ, потому что исторія и жизнь берутъ свое не до-

ждаясь, пока говоруны и разсуждатели порѣшатъ свои «вопросы». Разсуждатели стоятъ въ сторонѣ, умомъ раскидываютъ-прикидываютъ, прикидываютъ не семь а семьдесятъ разъ, и все не отрѣзываютъ и все клиномъ выходитъ,—а время и масса идутъ впередъ, мимо, пока въ одинъ прекрасный день разсуждатели, къ великому своему удивленію, не замѣтятъ, что очутились назади, и остается имъ только плестись за тѣмъ, во главѣ чего они собирались шествовать.

Зато это «открытіе новыхъ путей» неизбѣжно сопряжено съ немалыми и немаловажными трудностями и препятствіями. Первое изъ нихъ—мужская конкурренція, или, вѣрнѣе, нежеланіе мужчинъ допустить женскую конкурренцію. Далеко было бы добираться, и не въ предѣлахъ настоящей статьи, но по всей вѣроятности это-то чувство и страхъ мужчинъ были причиной и втораго капитальнаго препятствія по этому пути — неподготовленности женщинъ къ какому либо спеціальному ремесленному или промышленному труду. Приведемъ на удачу одинъ примѣръ не Богъ знаетъ какихъ дальнихъ временъ, который заставляетъ многое понять, обо многомъ догадываться; въ 1848 году во Франкфуртѣ былъ конгрессъ портныхъ, и этотъ конгрессъ требовалъ, чтобъ въ конституцію было внесено слѣдующее положеніе: дарованіе національнаго и международнаго покровительства, предоставляемаго ихъ промыслу, съ воспрещеніемъ женщинамъ изготовлять *даже женскія платья*. Извѣстно, что гораздо еще позднѣе, въ 1862 г., когда нѣсколько содержателей типографій вздумали завести у себя наборщицъ, наборщики сдѣлали стачку и прекратили работы. Въ этомъ отношеніи, Франція въ особенности отличается,—и трудно выразить, до какой степени съ непривычки непріятно поражаетъ пріѣзжаго такое ненормальное явленіе, какъ мужчина убирающій комнаты и *дѣлающій постели*, нетолько въ гостинницахъ, но и въ меблированныхъ квартирахъ—что вовсе не диковинка. M-lle Добье, въ своемъ образцовомъ трудѣ, увѣнчанномъ въ 1866 г. Ліонской академіей: «La femme pauvre au XIX siècle» («Бѣдная женщина въ XIX вѣкѣ»), жалуется именно на эту противную всякому здравому смыслу монополизацію мужчинами—во всѣхъ большихъ французскихъ городахъ—даже самыхъ ничтожныхъ занятій, донынѣ признаваемыхъ исключительно женскими; также жалуется она на громадный перевѣсъ мужчинъ ремесленниковъ надъ женщинами и громадную разницу въ жалованьи, получаемомъ мужчиной и женщиной, занимающимися однимъ и тѣмъ же дѣломъ,—вслѣдствіе того, что женщина не проходитъ правильнаго ученія, и потому производитъ работу только низшаго сорта. У насъ въ Россіи тѣмъ легче бы устранилось послѣднее препятствіе (при системѣ надлежащаго техническаго обученія женщинъ) и тѣмъ скорѣе уравнялось бы положеніе, что такая исключительность и нетерпимость, примѣры которыхъ мы привели выше, вовсе не въ русскомъ духѣ,—что русскій мужчина несравненно добродушнѣе и менѣе ревниво относится къ тому что предпринимаетъ женщина, и отпоръ его обыкновенно ограничивается подтруниваніемъ — пока старанія ея не увѣнчиваются успѣхомъ — а тогда онъ первый приноситъ ей дань полнаго уваженія. Кому приходитъ на умъ у насъ иначе относиться напр. къ г-жѣ Сусловой? Вотъ мы и пришли опять къ нашему первому замѣчанію — что весь вопросъ сводится *на учебный*. Учить надо и давать учиться, да учиться толково...

Этотъ учебный видъ женскаго вопроса, объемлющій всѣ другіе, такъ обширенъ, что на разработку его нужно много силъ, и разрѣшить его могутъ только общимъ непремѣнно-дружнымъ трудомъ соединенныя —никакъ не разрозненныя—старанія семьи, общества и учебныхъ заведеній, частныхъ и казенныхъ. Женское воспитаніе — все равно домашнее или общественное—нуждается не въ реформахъ, а въ радикальномъ переворотѣ; необходимо не измѣнить или улучшить отдѣльныя детали — а перемѣнить всѣ основныя начала. «Воспитаніе дѣвушекъ въ настоящее время», говоритъ одинъ нѣмецкій спеціалистъ по педагогіи, докторъ Визе, «можно уподобить саду, въ которомъ тщательно обработаны нѣкоторыя гряды, остальное — дичь и запустѣніе». Не имѣя, конечно, претензіи исчерпать въ столь бѣгломъ очеркѣ такой обширный и важный предметъ, постараемся намекнуть въ нѣсколькихъ краткихъ параграфахъ на главнѣйшія погрѣшности и пробѣлы женскаго воспитанія и на средства къ исправленію и пополненію ихъ.

1) Одинъ изъ общихъ недостатковъ воспитанія дѣвушекъ заключается въ томъ, что ихъ готовятъ исключительно умѣть и желать *нравиться*, что это—цѣль и средство, альфа и омега въ женскомъ существованіи; если-же изъ большинства женщинъ все-таки въ концѣ концовъ выходитъ что нибудь болѣе или менѣе путное, то это лишь потому, что практическій смыслъ, потребности дѣйствительной жизни и врожденное здравое чувство изглаживаютъ искуственное, наносное,—не настолько однако, чтобы мать стала воспитывать дочь свою на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, на какихъ воспитывалась сама. Результаты такъ-называемаго высшаго женскаго воспитанія, дома ли или въ учебномъ заведеніи, по большей части сводятся на пріобрѣтеніе умственной мишуры. Достаточно, чтобы блеснуть гдѣ нибудь на вечерѣ или на балу, поболтать «съ кавалерами» обо всемъ и ни о чемъ. Все это, конечно, дѣлается и говорится не на-чистоту, не такъ грубо и отровенно, какъ мы изложили въ этихъ немногихъ строкахъ, а прикрывается и прикрашивается всевозможными благозвучными и красивыми перифразами; но сущность — эта самая. Вообще этотъ параграфъ и все что можно было прибавить къ нему, если бы пространно развить предметъ,—можно опредѣлить въ слѣдующихъ нѣсколькихъ словахъ: воспитывая дѣвушку, къ ней относятся какъ *къ принадлежности*, и совершенно теряютъ изъ вида, что она — *отдѣльная личность*, самостоятельное существо.

2) Между тѣмъ какъ на воспитаніе мальчиковъ употребляютъ всякія заботы, труды и денежныя средства, даже въ недостаточныхъ классахъ общества,—воспитаніе дѣвочекъ въ такихъ классахъ совсѣмъ уже предоставляется на произволъ случая и собственной любознательности: нахватается чего нибудь — хорошо, нѣтъ—и не надо. На это говорятъ: «вѣдь мальчику надо будетъ въ жизни пробиться, а дѣвушка замужъ выйдетъ», — какъ будто «быть замужемъ» все равно что быть у Христа за пазухой, какъ будто супружество такая земля Ханаанская, гдѣ «рѣки молочныя, берега кисельные!» Такъ какъ это различіе совершенно произвольно и ни на какихъ фактахъ не основано, такъ какъ «въ жизни пробиваться» (въ томъ или другомъ смыслѣ) приходится всѣмъ,—то въ результатѣ и выходитъ, что мужчины бьются въ латахъ и съ оружіемъ, а женщины—ни съ чѣмъ, т. е. сильнѣйшимъ даютъ

еще и оружіе, а слабѣйшимъ—его не даютъ. По истинѣ сбывается притча евангельская: «у кого есть—тому дается; у кого нѣтъ—у того отнимается». Мы тутъ ужь даже не говоримъ о весьма немалозначительномъ числѣ дѣвушекъ, которыя обманываются во всѣхъ надеждахъ и разсчетахъ, окончательно «засиживаются» и вѣкъ свой скорбно проживаютъ на болѣе или менѣе горькихъ хлѣбахъ, въ тягость другимъ, а всего болѣе самимъ себѣ; не говоримъ также о чувствѣ униженія и нравственной порчѣ, которыя должно порождать это вѣчное пребываніе въ ожиданіи будущихъ благъ, манны небесной, эта полная зависимость не отъ себя.

3) Если обратиться исключительно къ воспитанію въ частныхъ или казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ — что мы видимъ? Съ 10 до 18 лѣтъ дѣвочку держатъ въ душной, многолюдной классной и пичкаютъ всякими «знаніями» и «талантами», т. е. безпочвенными, неудобоваримыми верхами; заставляютъ на экзаменахъ писать статью о высочайшихъ матеріяхъ: 14-ти-лѣтнему ребенку зададутъ сдѣлать разборъ поступка Пушкинской Татьяны или сравненіе характера Макбета и леди Макбетъ — и готово. О практическихъ знаніяхъ, нужныхъ, на первый разъ, хотя бы на то чтобы со смысломъ управлять хозяйствомъ или надзирать за нимъ,—о знаніи счетной части, и пр., — объ умѣніи практически примѣнить выученное,—о равновѣсіи между домашними потребностями и школьнымъ обученіемъ, между тѣлеснымъ и умственнымъ развитіемъ (вопросъ изъ вопросовъ),—о постепенномъ собираніи выученнаго въ одно стройное цѣлое, о приноровленіи воспитанія къ разнымъ сословіямъ, а главное— къ разнымъ способностямъ и наклонностямъ,—обо всемъ этомъ и помина нѣтъ. Тутъ главное зло заключается въ неразумномъ взглядѣ на то, чего можно и должно ожидать и требовать отъ учебнаго заведенія,—на роль его въ общественной жизни: требуютъ вообще того и къ тому стремятся (и въ этомъ случаѣ упрекъ почти въ такой же мѣрѣ примѣняется къ мужскому воспитанію), чтобы изъ учебнаго заведенія субъекты выходили *выученные*, готовые, — вмѣсто того, чтобы смотрѣть на всякую школьную скамью (не исключая и университетской) какъ на приготовленіе къ школѣ жизни, и соображаясь съ этимъ взглядомъ, ставить себѣ цѣлью, чтобы учебное время было прологомъ тѣсно-связаннымъ съ драмой, а не дивертисементомъ неимѣющимъ ничего общаго съ настоящимъ представленіемъ. Однимъ словомъ, отъ школы требуютъ, чтобы она поставляла испеченый хлѣбъ, тогда какъ вся ея задача должна ограничиться изготовленіемъ хорошей муки, годной на всякое тѣсто, какое понадобится мѣсить изъ нея;—требуютъ отъ школы готовыхъ сочиненій, тогда какъ ея дѣло— выдѣлывать какъ можно лучшую бумагу, на которой можно было бы напечатать и написать то, что̀ потребуется. Средство противъ этого одно: заставлять мальчиковъ и дѣвочекъ предварительно проходить одинаковый, довольно-краткій общеобразовательный курсъ — такой, который не поглощалъ бы всего ихъ времени, не отнималъ бы у нихъ возможности участвовать въ домашней жизни, пользоваться нужнымъ моціономъ и развлеченіемъ, а главное, не мѣшалъ бы развиться и опредѣлиться личнымъ особенностямъ, которыя созрѣваютъ въ призваніе, и согласно съ которыми затѣмъ уже долженъ послѣдовать спеціальный курсъ, по выбору каждаго и каждой.

4) Необходимо всѣми средствами стараться объ искорененіи вреднѣйшаго и смѣшнѣйшаго изъ предразсудковъ—будто какое бы то ни было дѣло или занятіе, къ которому женщина способна или наклонна, неприлично ей. Мы должны свыкнуться съ мыслью, что наши дочери—если замужъ не выйдутъ — могутъ сдѣлаться чѣмъ нибудь кромѣ гувернантокъ и учительницъ. Какъ мы заботимся о томъ, *чѣмъ* будутъ мальчики, не связывая этотъ вопросъ съ мыслью о женитьбѣ, — такъ точно нужно заботиться и о томъ, *чѣмъ* будутъ дѣвушки сами по себѣ, помимо вопроса о замужствѣ, чтобы не пришлось имъ придумывать себѣ ремесло или занятіе, когда перевалитъ за тридцать и пропадетъ всякая надежда встрѣтить «суженаго».

Никакъ нельзя оспаривать чрезвычайную способность женщинъ вообще—воспитывать и учить; уже по этому одному онѣ имѣютъ право на основательное образованіе и спеціальныя знанія, чтобъ имъ не приходилось (какъ теперь это бываетъ постоянно) учить, ничего хорошенько не зная. Писательницами онѣ тоже вполнѣ способны быть. Но конкурренція на эти два званія такая огромная, что этимъ однимъ уже объясняется, почему такъ много на свѣтѣ плохихъ преподавательницъ и плохихъ писательницъ. Если же будетъ общепринято (что̀ теперь случается рѣдко, въ видѣ исключеній), чтобы дѣвушки готовились на всякія торговыя, промышленныя, общественныя должности: въ бухгалтеры, телеграфистки, фотографы (женщины и теперь весьма полезны въ качествѣ ретушерокъ), въ граверы (въ настоящее время въ мастерской г. Сѣрякова, изъ которой «Нива» получаетъ большую часть своихъ гравюръ, учится молодая дѣвушка, дѣлающая замѣчательные и быстрые успѣхи), въ часовщицы, въ ювелиры и проч.,—тогда преподавательницами и писательницами сдѣлаются только тѣ, у которыхъ есть положительное къ тому призваніе и нужная подготовка; а по мѣрѣ того какъ будетъ меньше *полу*образованныхъ женщинъ, страхъ (вполнѣ законный и понятный) передъ «синими чулками» потеряетъ всякое основаніе,—потому что истинно ученый и просвѣщенный серіозной начитанностью и образованностью — будь то мужчина или женщина — «синимъ чулкомъ» сдѣлаться *не можетъ*. Такія женщины бывали уже и бываютъ — и всегда отличаются примѣрнымъ пониманіемъ и исполненіемъ своихъ домашнихъ, семейныхъ и свѣтскихъ обязанностей; назовемъ для примѣра жену перваго поборника женскаго дѣла, Д. Ст. Милля, и знаменитую Мери Сомервилль, признанную ученымъ міромъ равноправной изслѣдовательницей въ области землевѣдѣнія, почтенную многими академическими титулами и отличіями,—и въ тоже время такъ превосходно управляющую своимъ домомъ и семьею, что ею не нахвалятся ея престарѣлый мужъ и сыновья. Придетъ время, когда привыкнутъ призывать къ женщинамъ женщинъ-докторовъ совершенно такъ же, какъ споконъ вѣка привыкли призывать къ нимъ акушерокъ—и начинаютъ привыкать даже въ Англіи, гдѣ до послѣдняго времени водились одни акушеры. Заниматься медициной считается до сихъ поръ у насъ еще неженственнымъ. Но спрашивается: гдѣ же граница? Что̀ женственно, что̀ неженственно? Неужели женственны только пустота и невѣжество? Если такъ, то почему же женственность ставится въ достоинство? и зачѣмъ гнаться за нею? Но мы себѣ позволимъ полагать, что эта путаница происходитъ отъ путаницы и неясности въ понятіяхъ, — что женственность есть, и составляетъ дѣйствительно великую прелесть и достоинство, но захватываетъ гораздо глуб-

же: женственность заключается въ *духѣ*, въ какомъ преслѣдуется извѣстное занятіе, а не въ самомъ занятіи. Когда въ 1866 году, во время войны, цѣлая толпа женщинъ и дѣвушекъ, изъ лучшихъ семействъ въ Берлинѣ, стала учиться съ цѣлью ухаживать за больными и ранеными, развѣ это не нашли вполнѣ естественнымъ? Почему же это неестественно во всякое другое время, если только учащіяся женщины смотрятъ такъ же серіозно на дѣло? Чѣмъ не женственна и не полезна дѣятельность доктора Мери Уокеръ, которая устроила въ Нью-Йоркѣ обширную женскую больницу, и съ 1853 г. посвящаетъ себя ей,—или доктора Генріетты Гиршфельдтъ, пользующейся въ Берлинѣ большой и заслуженной репутаціей въ качествѣ зубнаго врача (училась она и дипломъ получила въ одномъ изъ американскихъ университетовъ), и ограничивающей свою практику женщинами и дѣтьми? Обѣ эти женщины, какъ достовѣрно извѣстно, въ семействѣ и въ обществѣ безукоризненны. Въ чемъ какъ, а ужъ тутъ по истинѣ цѣль оправдываетъ средства. Женщина, которая изъ пустаго любопытства отправилась бы по тюрьмамъ, — поступила бы неженственно; — Елизавета Фрей дѣйствовала совершенно женственно. Точно такъ же дѣвушка, которая изъ прихоти занялась бы медициной,—заслужила бы упрекъ въ неженственности; если же она дѣлаетъ это по призванію и изъ любви къ человѣчеству и не рисуется этимъ, не неглижируетъ своими домашними обязаностями, не напускаетъ на себя эксцентричности, неумѣстнаго ухорства, — женственнѣе быть ничего не можетъ.

Наконецъ, пусть не воображаютъ, что если женщинамъ откроются всѣ пути—онѣ перестанутъ замужъ выходить; не перестаютъ же мужчины жениться. Этого быть не можетъ, потому что это было бы противъ природы. Браки не прекратятся, но будутъ заключаться вѣроятно болѣе обдуманно, сознательно, не такъ съ вѣтра и на вѣтеръ, а съ болѣе разумными взглядами на обоюдныя отношенія и обязанности супруговъ. Во всякомъ случаѣ, основательное, серіозное занятіе, какое бы оно ни было, лучше подготовитъ дѣвушку къ трудамъ и отвѣтственности замужества, чѣмъ «образованность» большей части дѣвицъ, составленная изъ чтенія романовъ на французскомъ языкѣ (пожалуй даже Расина, Корнеля, Фенелона), вышиванья, нарядовъ, танцевъ, да неосмысленнаго брянчанья на вѣчныхъ злополучныхъ, ненавистныхъ (сколько слушающимъ, столько же и исполнительницамъ) фортепьянахъ. Едва-ли не вѣрнѣе будетъ предположеніе, что браковъ будетъ больше. Женщина не хуже будетъ управлять домомъ, а лучше—вслѣдствіе смолода пріобрѣтенныхъ трудолюбивыхъ, методическихъ привычекъ; а это ей тѣмъ нужнѣе въ наше время, что мужчина гораздо болѣе бываетъ внѣ дома чѣмъ встарину. Совершенно права англійская писательница, авторъ общелюбимаго и общеизвѣстнаго романа: «*Джонъ Галифаксъ*», когда она въ своей небольшой книгѣ «Мысли женщины о женщинахъ» (A Woman's thoughts about Women) говоритъ: «Главный червь, точащій корень жизни женщинъ,—это то, что у нихъ нѣтъ дѣла». Дѣвушка, пріученная къ серіозной дѣятельности, именно будетъ мужу настоящей помощницей, сыновьямъ въ истинномъ смыслѣ руководительницей, а дочерямъ — воспитательницей.

Румуны.

Teara scumpa si frumosa,
Si patria draga me

это читается:

Цáра скýмпа ши фрумóса
Ши патрíа дрáга ме *).

и это значитъ:

Земля обильная и прекрасная,
И отечество дорогое мнѣ.

Таковъ языкъ изображенныхъ на прилагаемой картинѣ валаховъ, самихъ себя называющихъ *румунами* (noi sintem rumuni — *ной сынтемъ румуни* — мы римляне).

Римлянами называютъ они себя неизвѣстно по какому праву. Слѣдовательно можно предполагать, что это потомки всевозможныхъ варваровъ: даковъ, гетовъ, паннонцевъ, славянъ, облатинившихся подъ вліяніемъ римскихъ колоній, заводить которыя въ тѣхъ краяхъ началъ Траянъ, завоевавшій сѣверные берега Дуная. Нынѣшніе румуны живутъ въ Трансильваніи, иначе въ Седмиградской области и въ Валахіи. Съ начала XIV вѣка румунскій языкъ распространился въ нынѣшней Молдавіи, Бессарабіи и въ южной Буковинѣ на счетъ болгарскаго и южнорусскаго и распространяется до сихъ поръ—преимущественно потому, что съ конца XVI вѣка южноруссы, во избѣжаніе уніи, которая запирала русскія церкви, стали уходить въ церкви румунскія, такъ что въ Буковинѣ (русская провинція Австріи) народъ подъ словомъ «*русская церковь*» и «*русская вѣра*» понимаетъ церковь и вѣру уніятскую, а все православное называетъ молдавскимъ. Эти обрумунившіеся славяне теперешній свой языкъ называютъ не румунскимъ а молдавскимъ, считаютъ себя не румунами а молдаванами—и глубоко ненавидятъ настоящихъ румунъ, съ которыми парижскій трактатъ слилъ ихъ въ одно государство, недавно получившее названіе Румуніи. Союзъ молдаванъ съ румунами — насильственный, потому что всѣ они, начиная съ боярина и кончая крестьяниномъ, болѣе сочувствуютъ славянскому чѣмъ румунскому элементу. Нынѣшняя столица Румуніи, къ величайшему горю молдаванъ, устроилась въ Валахіи, въ Букурештѣ; прежняя столица ихъ, Яссы, стала провинціяльнымъ городомъ. Всѣ интересы Молдавіи принесены въжертву румунамъ, и прямымъ слѣдствіемъ такихъ отношеній происходитъ взаимное раздраженіе и озлобленіе этихъ двухъ народностей, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну вѣру, но заклятыхъ враговъ по своей исторіи и по своимъ симпатіямъ.

Языкъ румунскій, какъ сказали мы, преимущественно латинскій, но славянскихъ словъ въ немъ чрезвычайно много: slava Domnadiu — *слава Домнядзеу* — слава Богу; draga значитъ милый; nevasta—женщина; iubovniku—любовникъ; cias—часъ; slujba—служба, sluga—слуга,

*) Правописаніе румунскихъ словъ латинскими буквами мы соблюдаемъ Седмиградское, такъ какъ въ Россіи нѣтъ, разумѣется, шрифта, въ которомъ t и d были бы съ cédille; i съ accent circonflexe и т. п. Трансильванцы пишутъ безъ этихъ подстрочныхъ знаковъ.

и т. д. Картинка наша представляетъ румунъ. отправляющихся на рынокъ или въ церковь. Что касается ихъ костюма, то въ Валахіи и Седмиградской области, кромѣ бараньихъ шапокъ, народъ носитъ лѣтомъ черныя валеныя шляпы, съ полями въ четверть аршина шириной; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ Валахіи, по бараньей шапкѣ и по выпущенной изъ за пояса рубахѣ, румуны до сихъ поръ чрезвычайно похожи на даковъ, изображенныхъ на Траяновой колоннѣ, а женскій костюмъ сильно напоминаетъ италіянскій въ Романьѣ.

Румуны вообще брюнеты, смуглолицы, стройны, высоки и мускулисты. Это народъ веселый, добродушный, охотникъ пѣть (цыгане отъ нихъ заимствовали большую часть своихъ мелодій) и чрезвычайно общительный. Румунская или молдавская крестьянка держитъ себя такъ же независимо какъ наша малороссіянка; но частное нашествіе на румунскія земли иноплеменныхъ войскъ: турокъ, австрійцевъ, русскихъ, а затѣмъ вторженіе въ послѣднее время въ Румунію бѣглыхъ евреевъ изъ Россіи и Австріи — дурно подѣйствовали на народную нравственность. Высшіе классы, до сихъ поръ называемые *боярами*, сбросивъ въ концѣ прошлаго вѣка долгополый народный костюмъ, стали воспитывать дѣтей своихъ въ Парижѣ и въ Вѣнѣ,—откуда, подъ вліяніемъ такъ-называемыхъ «новыхъ идей», послѣднихъ словъ науки, они воротились домой если и патріотами, то во всякомъ случаѣ отрицателями народныхъ обычаевъ и народной вѣры. Между боярами и крестьянами произошелъ полный разрывъ въ образѣ быта, вслѣдствіе чего нравственность того и другаго сословія сильно пострадала; а съ тѣмъ вмѣстѣ, когда подъ вліяніемъ евреевъ исчезло національное купечество, не стало средняго сословія—и Румунія повергласъ въ хаосъ политическихъ интригъ и смутъ, о которыхъ мы постоянно читаемъ въ газетахъ.

Смерть князя Людовика Аренберга.

Въ послѣднее время особенно много толковъ въ городѣ надѣлало убіеніе князя Аренберга. И дѣйствительно, до тѣхъ поръ пока слѣдствіе не разъяснило дѣла, убійство это могло казаться однимъ изъ поразительнѣйшихъ по своей дерзости. Въ квартиру богатаго и значительнаго лица, помѣщающуюся въ одной изъ аристократическихъ и людныхъ частей города—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, напротивъ казармъ Преображенскаго полка,—забираются воры, душатъ хозяина въ его постели, берутъ что находятъ нужнымъ взять, и удаляются никѣмъ незамѣченные. Въ обществѣ, вообще скоромъ на впечатлѣнія и приговоры, поднялись вопли, протесты. Кому только не досталось при этомъ? Прежде всего, разумѣется, оказывалась виноватою полиція, за то что плохо охраняетъ безопасность ввѣренныхъ ея попеченію гражданъ, за то что не предупредила преступленія: не явилась, словомъ, на мѣсто его совершенія —за полчаса до убійства. Затѣмъ случалось слышать горячія нареканія на судъ, за то что мягко судитъ воровъ и убійцъ, не казнитъ ихъ не вѣшаетъ, т. е. не вводитъ у насъ смертной казни, а судитъ по существующимъ законамъ, не обнаруживая никакого расположенія къ жестокости. Упреки шли и выше — за общую яко-бы деморализацію народа, выражающуюся увеличившимся будто бы въ послѣднее время числомъ преступленій и всеобщею распущенностью. Но вся эта буря негодованія продолжалась очень недолго. На общественное мнѣніе прежде всего подѣйствовало очень успокоительно скорое отысканіе преступниковъ. Полиція, такимъ образомъ, оказалась не такъ плоха, какъ объ ней раскричались,—по крайней мѣрѣ, полиція сыскная. Далѣе слѣдствіе раскрыло, что самый фактъ преступленія ни чѣмъ не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ грабежей,— даже менѣе того, принадлежитъ къ случаямъ простаго воровства, сопровождавшагося непредумышленнымъ убійствомъ, причемъ фактъ этотъ не замѣчателенъ даже по дерзости замысла или исполненія. Безпечность князя, имѣвшаго обыкновеніе отпускать на ночь изъ дому своего камердинера и спать съ незапертою съ грязнаго хода квартирою, должны были сдѣлать его богатую квартиру особенно заманчивой и легкой цѣлью преступныхъ замысловъ. Что касается до того обстоятельства, что жертвою воровъ сталъ принцъ Аренбергъ, военный агентъ при австрійскомъ посольствѣ, то высокое общественное положеніе принца Аренберга—при опредѣленіи нравственнаго значенія разбираемаго преступленія — ни причемъ. Вѣдь нельзя желать или ждать отъ воровъ и разбойниковъ особенной почтительности къ общественнымъ отличіямъ и положенію ихъ жертвъ; въ этомъ отношеніи, лихіе люди придерживаются полнаго равенства. Для суда же и совѣсти человѣческихъ—во всякомъ убійствѣ прежде всего важно убіеніе *человѣка*, а не того или другаго *лица*; убіеніе какого-нибудь сидѣльца или прохожаго изъ-за нѣсколькихъ рублей, а часто и копѣекъ, чуть-ли не болѣе еще поражаетъ своимъ безобразіемъ, представляя обратно-пропорціонально ничтожности цѣли (побудительной причины) сильнѣйшее выраженіе злой воли. Всѣ эти простыя истины должны бы были понимать и тѣ, которые пришли въ особенное негодованіе по поводу убіенія *принца* Аренберга и требовали изъятія преступниковъ отъ общаго суда и преданія ихъ военному суду по полевому уложенію, т. е. по-просту — смертной для преступниковъ казни. Одно время слухъ о томъ, что это такъ и будетъ, получилъ даже нѣкоторое вѣроятіе, благодаря нѣкоторымъ газетамъ, пустившимъ его въ ходъ; но, къ радости всѣхъ благомыслящихъ людей, «Правительственный Вѣстникъ» не замедлилъ его опровергнуть, извѣстивши, что «дѣло объ убіеніи князя Аренберга производится общимъ судомъ на точномъ основаніи закона». Такимъ образомъ, это *основаніе закона* не будетъ поколеблено въ жертву случая и угоду неразумному мнѣнію тѣхъ людей, которые до сихъ поръ ошибочно видятъ въ усиленныхъ карательныхъ мѣрахъ лучшее обезпеченіе личной безопасности и даже средство къ исправленію народныхъ нравовъ.

Въ ночь на 25 апрѣля принцъ Людовикъ Аренбергъ, австрійскій военный уполномоченный, былъ найденъ задушеннымъ въ постели. Принцъ Аренбергъ занималъ нижній этажъ дома княгини Голициной, по Милліонной улицѣ; верхній этажъ, надъ квартирой принца, былъ пустъ. Въ этомъ домѣ было два входа: одинъ—ворота съ Мойки, которые вели во дворъ къ конюшнямъ, сараямъ и прочимъ службамъ; другой — парадный ходъ

Румуны на дорогѣ.

съ Картины Эмиля Фолькерсъ.

съ Большой Милліонной, находившійся напротивъ Преображенскихъ казармъ. У воротъ постоянно сидѣлъ дворникъ; дверь съ улицы отворяла прислуга принца; швейцара не было. Принцъ имѣлъ двухъ людей въ услуженіи: камердинера и грума, этотъ послѣдній находился у него восемь лѣтъ. 24 числа грумъ отпросился у принца прислужить на вечерѣ у одного изъ членовъ дипломатическаго корпуса, а камердинеръ не жилъ въ квартирѣ принца. Отпуская камердинера, принцъ Людовикъ приказалъ ему разбудить себя на слѣдующее утро въ $7^1/_2$ часовъ, такъ какъ ему необходимо было отправить свою корреспонденцію въ Вѣну съ уѣзжавшимъ курьеромъ. Вслѣдствіе этой же причины онъ отказался отъ охоты, на которую его приглашалъ графъ Мирибель, французскій военный агентъ. Въ пятницу вечеромъ принцъ былъ въ Яхтъ-Клубѣ, и возвратился оттуда въ 3 часа утра. Не желая тревожить прислугу, принцъ носилъ съ собою ключъ отъ входныхъ дверей съ Милліонной; пріѣзжая домой, онъ отворялъ ихъ самъ, и войдя запиралъ изнутри. Такъ было и на этотъ разъ. Въ субботу 25 апрѣля, въ $5^1/_2$ часовъ утра, грумъ воротился домой, и хотѣлъ войти въ домъ въ ворота. Онъ звонилъ и стучалъ въ ворота, но никто не отперъ ему. Тогда онъ обошелъ вокругъ дома № 34, который стоитъ на углу улицы, и увидѣлъ дворника дома княгини Голициной, подметавшаго тротуаръ. Дворникъ отперъ ворота груму, который тотчасъ отправился спать. Около половины восьмаго, камердинеръ вошелъ въ спальню принца. Въ комнатѣ былъ полнѣйшій безпорядокъ, вещи были разбросаны; камердинеръ, не видя принца, не рѣшился подойти къ постели,—и, въ испугѣ, бросился изъ комнаты. Позвавъ дворника и грума, онъ подошелъ вмѣстѣ съ ними къ постели. Подъ подушками и одѣялами лежалъ охладѣвшій трупъ принца, привязанный къ кровати снурками отъ шторъ; ноги его были туго связаны рубашкой, ротъ и носъ были закрыты платкомъ, завязаннымъ позади головы. Впослѣдствіи оказалось, что этотъ платокъ принадлежалъ убійцѣ, и что послѣдній носилъ его. Не теряя ни одной минуты, одинъ изъ слугъ отправился къ австро-венгерскому посланнику, графу Хотеку, а другой—далъ знать въ полицію. Тотчасъ-начатое слѣдствіе обнаружило, что убійцы не могли войти въ домъ съ параднаго подъѣзда, такъ какъ его заперъ за собой принцъ. Ясно было, что они или спрятались гораздо раньше на лѣстницѣ, или прошли въ ворота на черный выходъ квартиры, который большею частію не запирался. Дверь своей спальни принцъ также никогда не запиралъ. Состояніе въ которомъ былъ найденъ трупъ—показывало, что убійство было совершено въ $3^1/_2$ часа. Судя по обстановкѣ, можно было предположить, что принцъ убитъ во время сна, или же, судя по развернутой газетѣ, лежавшей на столикѣ, можно было думать, что онъ читалъ ее когда услышалъ шумъ. Затѣмъ, по всей вѣроятности, произошла борьба между убійцами и принцемъ—борьба упорная, отчаянная, такъ какъ принцъ былъ силенъ, ловокъ и молодъ. Стоявшая на столикѣ лампа была сброшена на полъ, спички были разсыпаны. Потомъ, по всей вѣроятности, злодѣи повалили принца на кровать и завязали ему ротъ и носъ. Когда принцъ пересталъ оказывать признаки жизни, убійцы привязали его къ кровати снурками, связали ноги и набросили на него подушки и одѣяла, прикрывъ все это волчьей шкурой, лежавшей въ сосѣдней комнатѣ у письменнаго стола. Осмотръ тѣла указалъ, впрочемъ, какого рода насильственною смертью погибъ принцъ Аренбергъ. Первый осмотръ тѣла привелъ къ тому заключенію, что принцъ былъ связанъ по ногамъ и привязанъ къ кровати уже послѣ своей смерти. Съ самаго начала было ясно, что преступленіе это совершено не однимъ лицомъ, а нѣсколькими, потому что принцъ, какъ уже мы сказали, былъ силенъ, ловокъ и рѣшителенъ—и одному злодѣю съ нимъ бы не справиться. На мѣстѣ преступленія найденъ небольшой штофъ съ простой водкой. Засвидѣтельствована также пропажа нѣкоторыхъ вещей, а именно: бритвъ, нарукавныхъ запонокъ, булавки съ жемчужиной для галстука, золотыхъ часовъ съ цѣпочкой и нѣсколькихъ французскихъ червонцевъ. Шкатулку, въ которой принцъ хранилъ деньги и бумаги, злодѣи тщетно пытались разбить,—унести ее съ собой также боялись, чтобы не быть остановленными по подозрѣнію кѣмъ нибудь изъ городовыхъ.

Подозрѣніе въ совершенномъ убійствѣ пало на крестьянина Гурія Шишкова, служившаго прежде въ домѣ у принца. Этотъ человѣкъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы; содержался онъ тамъ по приговору мироваго судьи—за кражу. 23 числа Гурій Шишковъ явился за полученіемъ расчета и сказалъ, что придетъ 24 числа опять. Но въ пятницу его никто не видалъ впродолженіи цѣлаго дня. На слѣдующій день, въ субботу, Шишковъ былъ задержанъ въ квартирѣ у своего дяди; спрошенный о томъ гдѣ онъ провелъ ночь съ четверга на пятницу, онъ отвѣчалъ что ночевалъ въ томъ домѣ, гдѣ его арестовали. Спрошенные о томъ же—живущіе въ этомъ домѣ показали, что Гурій Шишковъ ушелъ изъ дому въ 6 час. вечера и вернулся на другой день въ 7 час. утра. При обыскѣ у него нашли 20 р. сер.,—бумажками, изъ которыхъ одна была запачкана кровью. Гурій Шишковъ не признаетъ себя ни виновникомъ, ни соучастникомъ въ этомъ преступленіи. Онъ показалъ однако, будто-бы сидя въ тюрьмѣ говорилъ товарищамъ, что въ домѣ принца Аренберга двери почти никогда не запираются на ключъ и что его можно весьма легко обокрасть. Расказываютъ также, что на постели принца, между подушками, была найдена шапка, принадлежащая другому убійцѣ, соучастнику Гурія Шишкова, содержащемуся съ нимъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ. Въ постели найденъ также ремень, которымъ обыкновенно опоясываются крестьяне.

Вскорѣ послѣ объявленія полиціи объ этомъ происшествіи, въ квартиру принца Аренберга прибылъ министръ юстиціи, а за нимъ, нѣсколько времени спустя, посланники австрійскій и французскій. Е. В. Императоръ въ тотъ же день принималъ графа Хотека, и изъявилъ ему свое глубокое сожалѣніе о случившемся, и поручилъ ему выразить отцу принца свое сочувствіе поразившему его несчастію. Графъ Бейстъ, какъ говорятъ, взялъ на себя грустную обязанность объявить отцу принца Аренберга о смерти его сына.

Принцъ Аренбергъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій Германіи.

Въ исторіи—Аренберги впервые выступаютъ въ въ 1167 году. Владѣнія ихъ, по пресѣченіи мужскаго колѣна, перешли въ 1288 или 1298 году, посредствомъ брачнаго союза, графу Энгельберту фонъ-Маркъ, третій сынъ котораго Эбергардъ сталъ родоначальникомъ новой линіи. По смерти его внука Іоанна, линія распалась на три вѣтви: Аренберговъ, Седановъ и Луме. Мужское колѣно Аренбергской вѣтви пресѣклось со смертью Роберта III въ 1546 году, послѣ чего графское достоин-

ство перешло брачнымъ союзомъ фрейгеру Іоанну Брабансонскому. Этотъ послѣдній въ 1549 году былъ пожалованъ Карломъ V въ имперскіе графы; сынъ его и наслѣдникъ Карлъ Максимиліанъ—пріобрѣлъ княжескій титулъ; внукъ-же — Филиппъ-Францъ — получилъ отъ Фердинанда III въ 1644 году себѣ и потомству титулъ герцоговъ и испанскихъ грандовъ 1 класса. Владѣнія ихъ оставались въ тѣхъ-же отношеніяхъ къ Германскому Союзу до Люневильскаго мира въ 1801 году, когда они отошли къ Франціи. Герцогъ Людовикъ Энгельбертъ получилъ въ вознагражденіе (съ сохраненіемъ суверенныхъ правъ) владѣніе Рекклингаузенъ, прилежащее къ Прусской провинціи Вестфаліи, а въ Ганноверской графство Меппенъ—и къ титулу герцога Аренберга прибавочный титулъ князя Реклингаузенскаго и Меппенскаго. Сынъ Людовика Энгельберта, Просперъ Людовикъ, присоединился въ 1806 году къ Рейнскому союзу; но владѣтельныя права его были поглощены королевствомъ Вестфаліею въ 1806 году, и тщетно пытался онъ возвратить ихъ себѣ въ 1815 году. Медіатизированныя по акту Вѣнскаго конгресса, владѣнія этой младшей вѣтви Аренберговъ въ Ганноверѣ, Прусской Вестфаліи и Бельгіи простираются вмѣстѣ до 44,88 квадратныхъ миль со 100,000 жителей. Король Георгъ IV ганноверскій далъ и Меппену въ 1826 году титулъ герцогства. Въ настоящее время этотъ родъ владѣетъ обширнѣйшими помѣстіями въ Германіи и Бельгіи. Принцъ Людовикъ Аренбергъ былъ сынъ принца Петра Аренберга, которому теперь уже восемдесятъ лѣтъ, и княгини де-Талейранъ-Перигоръ, дочери князя Карла де-Талейранъ, герцога Перигоръ, умершаго 1842 году. Принцъ Людовикъ родился въ 1837 г., 15 сентября; онъ былъ маіоромъ Австрійскаго втораго гусарскаго полка Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича старшаго и камергеромъ Е. Величества Императора Австрійскаго. Старшая сестра принца, принцесса Марія замужемъ съ 1849 г. за графомъ Меродъ. Въ короткое время своего пребыванія у насъ, принцъ успѣлъ заслужить себѣ общую симпатію и уваженіе. Въ нынѣшнее лѣто онъ предполагалъ совершить путешествіе на Кавказъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Бланъ — англійскимъ военнымъ агентомъ, —и даже простился уже съ своими знакомыми, которымъ дѣйствительно уже не суждено было видѣть его въ живыхъ.

Утромъ 29 апрѣля, въ Римско-Католической церкви св. Екатерины, происходило отпѣваніе покойнаго принца Людовика Аренберга. Окна и двери церкви были драпированы черным сукномъ; посрединѣ стоялъ гробъ на высокомъ катафалкѣ, украшенномъ гербами рода Аренберговъ. Знаки отличія лежали на подушкахъ около гроба; вокругъ него стояли огромные подсвѣчники съ зазженными свѣчами. Дипломатическій корпусъ помѣщался на правой сторонѣ церкви; высшіе чины двора, министры и другіе сановники—на лѣвой сторонѣ. Государь Императоръ, прибывшій въ этотъ день изъ Царскаго Села, былъ въ мундирѣ австрійскаго гусарскаго полка. У входа въ церковь, Его Величество былъ встрѣченъ Государемъ Наслѣдникомъ, и другими членами императорской фамиліи. Войдя въ церковь Его Величество принялъ горящую свѣчу, и послѣ отпуска изволилъ сопровождать гробъ до склепа. Въ непродолжительномъ времени тѣло покойнаго принца будетъ перевезено въ Австрію и постановлено въ фамильномъ склепѣ. При выносѣ тѣла эскадронъ гусаровъ, расположенный противъ церкви, подъ командой В. К. Николая Николаевича старшаго, отдалъ честь, и музыка заиграла похоронный маршъ. Похороны принца происходили при громадномъ стеченіи народа, чему особенно благопріятствовалъ прекрасный, чисто-лѣтній день; церемонія окончилась въ $12^1/_2$ часовъ.

Дѣятельное производство слѣдствія открыло другаго убійцу — крестьянина Гребенникова. На допросахъ оба преступника сильно сбивались и противорѣчили другъ другу. Гурій Шишковъ указалъ на Гребенникова какъ на убійцу, сказавъ о себѣ, что онъ только составилъ планъ грабежа, не помышляя даже объ убійствѣ принца. Онъ показалъ, что въ четвергъ вечеромъ они спрятались вмѣстѣ съ Гребенниковымъ на лѣстницѣ верхняго этажа, но потомъ раздумали приводить свой планъ въ исполненіе. Затѣмъ Шишковъ показалъ, что въ субботу Гребенниковъ одинъ вошелъ въ домъ, а онъ въ это время караулилъ на улицѣ, и узналъ о подробностяхъ убійства отъ Гребенникова, который и совершилъ его безъ всякаго содѣйствія съ его стороны. Арестованный по этимъ показаніямъ, Гребенниковъ упорно отрицалъ сначала свою виновность; но когда судебный слѣдователь передалъ ему показаніе Гурія Шишкова, то онъ сказалъ съ запальчивостью: «ахъ, онъ негодяй! онъ меня было въ потьмахъ задушилъ, принявъ за принца». Такимъ образомъ, Гребенниковъ выдалъ себя и указалъ слѣдователю на степень ихъ виновности. Изъ допросовъ видно однако, что преступники не имѣли намѣренія убить принца, но только ограбить его. Они предвидѣли, впрочемъ, возможность сильнаго сопротивленія со стороны принца, и условились напасть на него вмѣстѣ, съ тѣмъ чтобы поставить его въ невозможность помѣшать грабежу. Гурій Шишковъ просилъ Гребенникова начать дѣйствовать первымъ «потому что—говорилъ онъ—принцъ меня тотчасъ узнаетъ». Далѣе, преступники показали, что они вошли въ квартиру въ 8 часовъ, когда принцъ вышелъ изъ дому оставя дверь съ улицы незапертою. Они тотчасъ же вошли въ комнаты и начали грабить; шкатулку разбить не могли, а унести съ собою боялись, потому что городовые задерживаютъ обыкновенно лицъ идущихъ ночью съ узлами или шкатулками. Здѣсь, Гурій Шишковъ сообщилъ Гребенникову, что принцъ имѣетъ привычку носить при себѣ большую сумму денегъ, и они порѣшили—сообща ожидать его возвращенія; они показали при этомъ, что желали завладѣть портфейлемъ принца во время его сна. Услыша что принцъ вошелъ въ комнату, они спрятались за занавѣсками оконъ и ожидали тамъ, пока принцъ раздѣлся и легъ въ постель. Потомъ, когда по дыханію его они убѣдились что онъ заснулъ, Гребенниковъ бросился первый къ столику, стоявшему возлѣ кровати, на которомъ лежали часы и портфейль съ деньгами. Происшедшій отъ этого шумъ разбудилъ принца, и онъ вскрикнулъ: «кто тамъ»? Услыша эти слова, Гребенниковъ бросился къ постели, опрокинулъ лампу, и, схвативъ принца за горло, началъ душить его. Тогда Гурій схватилъ волчью шкуру изъ подъ письменнаго стола, и набросилъ ее на принца. Затѣмъ они завязали ему голову платкомъ, связали ему руки и ноги, но не думали, однако, что убили его.

О всероссійской мануфактурной выставкѣ.

Наступающій или, вѣрнѣе, наступившій лѣтній сезонъ обѣщаетъ быть далеко не похожимъ на обыкновенные; онъ никакъ не будетъ сопровождаться затишьемъ городской жизни, а напротивъ, благодаря выставкѣ, отмѣтится особеннымъ движеніемъ, многолюдствомъ, богатствомъ увеселеній. Выставка мануфактурная, несмотря на то что еще не окончательно устроилась и что въ ней дѣятельно идутъ работы по установкѣ вещей, можетъ считаться какъ бы полуоткрытою, послѣ посѣщенія ея Государемъ Императоромъ. Нетерпѣніе, весьма впрочемъ понятное, заставляетъ многихъ проникать уже теперь на выставку, хотя это и обставлено нѣкоторыми затрудненіями, такъ какъ для этого необходимо имѣть особый билетъ. И теперь уже, въ своемъ несовершенномъ видѣ, съ чахлами покрывающими не малую часть выставленныхъ предметовъ, со шкапами и витринами еще ожидающими назначенныхъ для нихъ вещей, выставка производитъ очень благопріятное и внушительное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это зависитъ какъ отъ количества и разнообразія собранныхъ на ней предметовъ, такъ и отъ красиваго расположенія и декоративныхъ украшеній, носящихъ печать истиннаго вкуса; въ убранствѣ, полномъ роскоши и изящества, по которымъ видно, что экспоненты не щадили средствъ на то чтобы показать товаръ лицомъ, не замѣтно ничего грубаго или оляповатаго. Достойно большой похвалы и внутреннее помѣщеніе выставки, эти высокія свѣтлыя палаты, разукрашенныя въ русскомъ стилѣ, разубранныя деревянными кружевами, стеклянный потолокъ надъ которыми поддерживается множествомъ деревянныхъ-же колоннъ, покрытыхъ рѣзьбою въ томъ же русскомъ стилѣ. Отчего бы для выдержанности тона и два главные входа выставки не построить было вмѣсто стиля Renaissance въ русскомъ стилѣ, господствующемъ внутри; это было бы и оригинальнѣе и послѣдовательнѣе чѣмъ теперь, когда въ *русскій* деревянный дворецъ приходится входить *западными* дверями. Жалко также, что голыя каменныя стѣны бывшаго солянаго склада такъ и остались голыми стѣнами, и если бы не украшали ихъ гербы россійскихъ губерній, то роскошные по рисунку фасады двухъ главныхъ входовъ казались бы какими-то совсѣмъ посторонними этому зданію и какъ-бы случайно къ нему прислоненными декораціями. Впрочемъ, можетъ быть эти голые стѣны и углы нарочно были оставлены такими чтобы подтвердить русскую пословицу: «не красна изба углами» и т. д.

Что касается содержимаго этой избы, то мы обозрѣвали его не разъ, все съ новымъ удовольствіемъ, и собираемся поговорить о немъ подробно въ цѣломъ рядѣ нумеровъ нашего журнала. Въ слѣдующемъ № 20 «Нивы» будетъ помѣщенъ рисунокъ фасада съ двумя главными входами на выставку, а также общій обзоръ ея различныхъ отдѣленій и помѣщеній для выставленныхъ предметовъ; изображенія наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ предметовъ будутъ впослѣдствіи появляться на страницахъ «Нивы» одновременно съ описаніемъ.

Смѣсь.

Морской почтовый ящикъ.—До сихъ поръ постоянно затруднялись—какъ доставлять извѣстія съ открытаго моря, и большей частью приходилось довольствоваться весьма невѣрнымъ способомъ: письмо, отчетъ и пр. однимъ словомъ, бумага—вкладывалась въ бутылку, закупоривалась, засмоливалась и предоставлялась на произволъ волнъ. Большая часть отправляемыхъ такимъ образомъ сообщеній, разумѣется, пропадала. Бутылка разбивалась о скалу или ее принимали за выброшенную пустую. На послѣдней морской выставкѣ въ Гаврѣ общее вниманіе обратилъ на себя чрезвычайно умно-придуманный, въ первый еще разъ появившійся морской почтовой ящикъ. Ящикъ этотъ состоитъ изъ деревяннаго шара и имѣетъ сверху отверстіе для принятія писемъ, которое, когда закрывается, дѣлается непромокаемо и недоступно дѣйствію воздуха. Съ крышки возвышается жестяной шестикъ съ флагомъ и колокольчикомъ; подъ крышкой придѣланы трехугольныя зеркальца, такъ что ящикъ издали сверкаетъ и, кромѣ того, привлекаетъ вниманіе флагомъ и колокольчикомъ. Чтобы онъ постоянно сохранялъ должное положеніе—къ нему снизу прикрѣплена гиря. Этотъ ящикъ никакъ не можетъ разбиться, и вообще самая наружность его ручается за то, что онъ не останется незамѣченнымъ.

Братская любовь у канареекъ.—Нѣмецкая иллюстрированная газета «Omnibus» приводитъ слѣдующій случай. Канарейка, бѣловатаго цвѣта, вывела трехъ птенцовъ: двухъ желтыхъ, одного сѣраго. Три дня спустя она вдругъ стала опять яйцы нести, но почти тотчасъ умерла. Отецъ, красавецъ ярко желтаго цвѣта, долженъ былъ взять на себя обязанность кормильца,—но сѣрому, не смотря на его жалобный пискъ, никогда ничего въ клювъ не клалъ, отталкивалъ его, клевалъ и очевидно намѣревался извести его голодомъ. Желтыхъ онъ кормилъ хорошо—и они проворно росли и развивались, причемъ конечно съ каждымъ днемъ занимали больше мѣста въ гнѣздѣ; бѣдный, оставленный отцемъ сѣрый, малорослый, слабый лежалъ подъ ними, совсѣмъ придавленный и стѣсненный. Рѣшились вмѣшаться въ семейныя дѣла этаго плохаго *paterfamilias*, и чтобы возбудить въ немъ состраданіе къ его сѣрому птенцу, желтыхъ на цѣлый день взяли отъ него, но и это не помогло. Отецъ не обращалъ никакого вниманія на крики несчастнаго и даже ни разу не сѣлъ въ гнѣздо. Пришлось опять посадить въ него желтыхъ, чтобъ отогрѣть иззябшаго, измореннаго сѣраго,—и надивиться не могли, какимъ образомъ онъ еще влачитъ свое жалкое существованіе. Загадка, однако, скоро разрѣшилась. Открылось, къ общему изумленію, что желтые птенцы—добрѣе своего безсердечнаго отца, что они сжалились надъ бѣднымъ, безпомощнымъ малюткой и по нѣсколько разъ въ день кормятъ его изъ своихъ зобовъ. Это вошло у нихъ совсѣмъ въ порядокъ, и они его понемножку выростили большимъ. Онъ обросъ перьями, научился летать, самъ ѣсть, а наконецъ, будучи самцемъ, даже драться—все какъ слѣдуетъ. Спрашивается теперь, какая могла быть причина ненависти самца къ этому птенцу: просто ли разница цвѣта, или ему пришла ревнивая мысль и подозрѣніе? А наконецъ—другой вопросъ, не менѣе затруднительный и загадочный: что побуждало желтыхъ птенцовъ заботиться о своемъ голодающемъ братѣ? Понимали-ль они, что онъ въ опасности погибнуть голодной смертью, и сознательно ли спасали его? Или они просто замѣтили, что онъ успокоивался и не надоѣдалъ имъ своимъ крикомъ, когда отецъ, второпяхъ, невзначай ронялъ какой нибудь кусочекъ въ его раскрытый клювъ?

Редакторъ В. Клюшниковъ.

№ 20. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ			4 р. — »
Съ доставкою въ »			5 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ			4 » 50 к.
Для иногороднихъ.	За годовое изданіе	4 р.	5 р.
	За пересылку	60 к.	
	За упаковку	40 »	

ЗА ПОЛГОДА.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ			2 р. — »
Съ доставкою въ »			2 » 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ			2 » 25 »
Для иногороднихъ.	За ½ годовое изданіе	2 р.	2 р. 60 к.
	За пересылку	30 к.	
	За упаковку	30 »	

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **B. Bэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

IV.

Смерть Михаила.

Утро, въ среду, 22 ноября 1319 года, было ясное, и немного морозило.

Изнуренный, измученный неизвѣстностью, Михаилъ спалъ въ своей ставкѣ, закутанный перинами, подпертый подушками. Сторожа-татары сидѣли около него, и за ставкой; дремали большею частью.

Солнце восходило изъ-за горъ, и по короткой поблекшей степной травѣ тянулись отъ каждаго стебелька длинныя тѣни. Саженяхъ въ двухъ отъ ставки, на маленькихъ скамеечкахъ сидѣли бояре Петръ Михайловичъ Кусокъ и Меньшукъ Акинѳеевичъ — сынъ того знаменитаго Акинѳа, который ушелъ отъ московскихъ великихъ князей, обиженный тѣмъ, что они предпочли ему Родіона Несторовича. Уходъ Акинѳа Гавриловича изъ Москвы въ Тверь былъ въ сущности дѣломъ пустымъ — но изъ-за этого ухода возникла первая ненависть москвичей къ тверичамъ. Акинѳъ былъ родовитый московскій бояринъ, челокѣкъ почетный, всегда и всюду сидѣвшій на первыхъ мѣстахъ въ Москвѣ — а тогда, въ XIV вѣкѣ, на первое, на второе, на третье мѣсто садились не по личнымъ заслугамъ, а по роду: не личности а роды мѣстами считались. Князь пересадить могъ — но кто хоть разъ пересѣлъ *ниже*, ни ему ни потомству его, безъ особеннаго подвига, нельзя было сѣсть выше. По этому такъ страшно было утратить родовую *честь*, т. е. счетъ мѣста. До сихъ поръ, самый языкъ нашъ почти не имѣетъ другихъ словъ для выраженія понятія о достоинствѣ, какъ слова: *честный*, *степенный*, *порядочный*, — т. е. всегда указывается на число. Акинѳъ былъ первымъ бояриномъ въ Москвѣ, какъ вдругъ пришелъ въ Москву изъ Кіева знатный и могущественный бояринъ Родіонъ Несторовичъ (предокъ нынѣшнихъ Квашниныхъ) и привелъ съ собою 1700 человѣкъ отроковъ и дѣтей боярскихъ. Калита посадилъ его выше Акинѳа; Акинѳъ обидѣлся, и пользуясь боярскимъ правомъ отъѣзда — переселился въ Тверь. Оскорбленный этимъ Родіонъ, въ битвѣ москвичей съ тверичами подъ городомъ Переяславлемъ, собственноручно срубилъ голову Акинѳу, воткнулъ ее на копье и привезъ князю. Меньшукъ, выросшій въ Твери, унаслѣдовалъ у отца глубокую ненависть къ Москвѣ, а у тверичей позаимствовался книжнымъ ученьемъ и былъ, посвоему времени, человѣкомъ довольно образованнымъ, т. е. умѣлъ читать, писать, хотя и не такъ бойко, какъ дьяки и всякіе грамотеи; апостола умѣлъ читать въ церкви и съ большимъ жаромъ, читалъ св. отцовъ — особенно Іоанна Лѣствичника, появившагося въ славянскомъ переводѣ незадолго до разсказываемыхъ нами событій.

— Батюшки мои, говорилъ Меньшукъ, — страшно даже подумать, сколько времени мы въ этой Ордѣ по-

таной томимся!.. пріѣхали мы на Донъ, къ самому къ Сурожскому морю, 6 числа мѣсяца сентеврія, какъ разъ на праздникъ нашего Тверскаго Святаго и Славнаго Архистратига Михаила....

— Да, хорошій былъ день, отвѣчалъ Кусокъ,— такъ вотъ и казалось, что вернуться намъ скоро, что вступится за насъ Архистратигъ Святой. Выѣхали изъ Твери нарочно 5 августа на Спаса Преображенія. Думали, счастливый день въ дорогѣ встрѣтить. Вѣдь говорится же у людей: «на второй Спасъ и нищенка яблочко ѣстъ!» Со втораго Спаса засѣвай озими — удадутся! Соты подрѣзываютъ на этотъ день. Спасовка—лакомкой называется!

— Эхъ, бояринъ, перебилъ Меньшукъ, — все это мудрость еллинская — а намъ христіанамъ ее Кирилла Святитель заказалъ.

Кусокъ замолчалъ. Всѣ тоже молчали; Кусокъ щипалъ какую-то траву; Меньшукъ смотрѣлъ въ даль, а вдали ничего не было видно, кромѣ тѣхъ же русскихъ ставокъ и татарскихъ вежъ, верблюдовъ, коней и ословъ. По степи сновали и люди — всевозможныхъ языковъ, племенъ, — сопрождавшіе хана, или толпившіеся, Богъ знаетъ зачѣмъ и Богъ знаетъ для чего, около Орды. Глазъ не могъ объять пространства, занятаго этими гостями; съ пригорка видно было безконечное море ставокъ; народъ всюду шевелился, шнырялъ, гомонѣлъ, — и всюду видна была та же грязь, смѣшанная съ тою же дикою роскошью.

— Ну, выдался намъ вчера праздникъ, началъ Кусокъ, — не дай Богъ провести еще такое Введенье!

Наканунѣ, когда Кавгадый ломался надъ Михаиломъ, было Введеніе—21 ноября 1319.

— Не то что не дай Богъ провести! даже будто изъ памяти вчера вонъ вышибло, что праздникъ.

— Ну, кабы зналъ, что этотъ Кавгадый такая собака, давнымъ давно своими руками пустилъ бы я его въ Волгу. Для него же было лучше, что въ плѣнъ его взяли: мало его чествовали въ Твери, гостинцевъ всякихъ ему наносили, поминокъ надавали! — И за что, прочто довелъ онъ насъ до такого позора?

— Эхъ, махнулъ рукой Кусокъ, — что́ тутъ Кавгадый,—разлатая рожа, одно слово татаринъ-собака!

— Кавгадый ни причемъ въ этомъ дѣлѣ, — это вотъ они все — змѣи аспиды московскіе! Бояре, отроки Юрія Даниловича изъ ставки въ ставку шныряютъ, вездѣ мелкимъ бѣсомъ разсыпаются — рѣчь московская, походка посадская!... Дали себѣ слово сжить господина Михаила Ярославича со свѣта.

— Сказано, прервалъ Меньшукъ, — ушла правда на сине небо — по сырой землѣ кривда ходитъ.

— Ухъ, Юрій Даниловичъ, — сказалъ бояринъ Орѣховъ, подходя къ бесѣдующимъ, — тяжело тѣ икнется на томъ свѣтѣ за честь за нашу тверскую! Будемъ тебя поминать и дѣтямъ закажемъ; по всей Святорусской землѣ пойдетъ слава о безславіи твоемъ.

— Что́ намъ добра въ томъ, сказалъ Меньшукъ,— пойдетъ она или нѣтъ?! что́ намъ тутъ о славѣ толковать, — бѣда въ томъ, что мы, тверскіе бояре опозорены! Князю позоръ — боярамъ позоръ! гдѣ боярская честь, тамъ и княжеская честь.

— Въ конецъ концовъ разорены мы! сказалъ Кусокъ:—чуяли наши сердца, что не слѣдъ намъ ѣхать въ Орду. Не даромъ княгиня Анна Дмитріевна не пускала его, не даромъ плакала;—да и Константина нечего было въ Орду пускать.

— А что намъ было подѣлать? говорилъ Орѣховъ: не выручать Константина нельзя было.

— А посылать зачѣмъ было? спросилъ Меньшукъ, глядя на Орѣхова, который въ душѣ крѣпко стоялъ за примиреніе съ татарами.

— А не послали бы Константина, отвѣчалъ Орѣховъ, — такъ тотъ же Юрій нашелъ бы на насъ съ татарами, и пуще бы насъ разорили. Нѣтъ ужъ такъ на роду намъ было написано: пропа́сть значитъ было тверскому княжеству, нашимъ животамъ, нашей чести!...

Кружокъ выходившихъ изъ сосѣднихъ ставокъ бояръ, изнуренныхъ, обносившихся, печальныхъ, становился все гуще и гуще. Точно что-то недоброе висѣло въ воздухѣ, и у всѣхъ на лицахъ была написана одна и та же мысль: «хоть бы скорѣй одинъ конецъ!» Всѣ они любили князя, котораго нельзя было не любить,—но всѣ они были истомлены; дѣла шли день ото дня хуже да хуже; униженнѣе и униженнѣе становилось ихъ положеніе въ Ордѣ. Каждый день приносилъ имъ противорѣчивыя вѣсти, а ордынская знать замѣтно отступалась отъ нихъ. Видно было, что *козня* московская не спитъ, и что сила Юрія Даниловича идетъ въ гору. Какъ ни старались они предстать предъ свѣтлыя очи хана Узбека, ничего не могли они подѣлать; съ однимъ только могли они иногда видѣться съ Чобуганомъ — и то только чрезъ Прасковью и ея дѣтенышей. Силой стала Прасковья-добрая, при ханшѣ. Ея дѣвочки чуть не дочерями Узбека сдѣлались, — а ловкій Ахметъ-Чобуганъ, обязанный ей своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ, крѣпко ея держался и крѣпко ее поддерживалъ. Но Чобуганъ, вѣчно холодный, спокойный, насмѣшливый, прямо говорилъ тверичамъ, что глубоко уважаетъ князя Михаила Ярославича; вполнѣ вѣритъ, что онъ безусловно правъ; что каждый точъ-въ-точъ поступилъ бы такъ же на его мѣстѣ; что Юрій, не смотря на свою увлекательную наружность, на свою ловкость, умѣнье съ людьми дѣла обдѣлывать, — человѣкъ такой продувной, такой *чобуганъ*, съ которымъ даже опасно всякое дѣло имѣть.

— Да видите, братцы, говорилъ Чобуганъ,—московскіе князья — люди дѣловые, лучше васъ, умѣлые, — знаютъ гдѣ слѣдуетъ потерять, гдѣ найти.

— Да вѣдь не дураки же мы съ княземъ? говорили бояре Чобугану.

— Кто говоритъ, что вы дураки!? отвѣчалъ, посмѣиваясь, Чобуганъ:—по моему, гораздо умнѣе—и не только умнѣе, даже ученѣе московскихъ; да дѣло-то въ томъ, что у насъ здѣсь, въ Ордѣ, пройдохамъ только и есть ходу, а вы больно просты.

— Что-жъ намъ пропа́сть стать? спрашивали бояре.

— А мнѣ пропа́сть стать — васъ выручать? спрашивалъ Чобуганъ.

Поминки отъ нихъ онъ бралъ, но прямо говорилъ, что беретъ это просто для памяти, а что выиграть ихъ дѣла не думаетъ. Сверхъ того, онъ не скрывалъ отъ нихъ, что поминки новгородскіе и московскіе крупнѣе тверскихъ. Ахметъ былъ человѣкъ дѣловой и занимался не исключительно науками.

— Да и какая польза намъ, ордынцамъ-то, говорилъ онъ,—если вы и выиграете дѣло? Съ одной стороны васъ Новгородъ давитъ, а съ московскими онъ друженъ до поры до времени. Новгородъ съ кѣмъ не ладитъ, тотъ намъ и станетъ выходъ плохо платить,— а намъ нужна дань. А дань, братцы, намъ нужна не

одному хану; каждому изъ насъ она нужна, начиная съ меня и доходя до моихъ погонщиковъ. Этого мало: при васъ войны всегда будутъ на Руси, а отъ войнъ разорительство пойдетъ и у васъ и у насъ, — потому и хотимъ, чтобъ вы жили мирно.

Какъ вошелъ Ахметъ въ силу—мигомъ испарилось у него то, что мы въ XIX вѣкѣ называемъ принципами; онъ попалъ на почву и сталъ прозаическимъ человѣкомъ.

— Чобуганъ, говорили ему тверскіе бояре,—все это такъ-то такъ, все это вѣрно; московской сметки у насъ точно что недостаетъ, и точно что Новгородъ подъ нами пилитъ... да вотъ что: если Москва вмѣстѣ съ Новгородомъ власть заберетъ—вамъ-то самимъ, ордынцамъ, каково станетъ?

— Что намъ до этого?!..

Злобно хохоталъ Ахметъ-Чобуганъ. Онъ самъ былъ человѣкъ сметливый — но сметка сметкѣ рознь: есть такая, что ведетъ къ отрицанію всего святаго—и эта-то сметка въ немъ мигомъ сказалась, чуть онъ въ люди попалъ.

— Намъ хоть трава не рости, продолжалъ онъ,— я и хану это твержу. Кабы мы были не дураки, то давнымъ давно Орда наша была бы вдесятеро сильнѣй, и давнымъ бы давно Татары цѣлымъ свѣтомъ владѣли. А у насъ народъ темный, у насъ въ совѣтѣ умныхъ стариковъ нѣтъ, малый младенецъ насъ около пальца обвернетъ, въ бараній рогъ согнетъ, узломъ завяжетъ— вотъ что!

Философія Чобугана, неутѣшительная для татаръ, ничѣмъ не утѣшала и тверичей. — Она пуще томила ихъ. Всѣ они, начиная съ князя и кончая послѣднимъ отрокомъ, были изнурены и ждали хоть какой-нибудь развязки.

— Одинъ бы конецъ! говорили они. —Лучше убей насъ всѣхъ здѣсь, а не то выпусти, — душеньки наши истомились. И при этомъ они, разумѣется, забывали, что еще двухъ съ половиной мѣсяцевъ не было, какъ они явились въ Орду; а въ Ордѣ порядокъ былъ таковъ, что князья гащивали въ ней сплошь и рядомъ года по два и по три, пока добивались хоть какого-нибудь рѣшенія.

— Князь проснулся, сказалъ отрокъ, подходя къ кучкѣ бояръ, — помолился Богу и псалтырь читаетъ. Эхъ, бояре, бояре! прибавилъ онъ, покачавъ головой и дергая себя за бороду. Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ на нихъ съ упрекомъ и проговорилъ еще разъ: —эхъ, бояре, бояре! — затѣмъ онъ махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Больше онъ не умѣлъ сказать, не потому чтобъ былъ глупъ или бы Богъ языка не далъ, а просто потому, что у него какъ у всѣхъ тверичей словъ не хватало. Бояре, родовитые люди по праву наслѣдства, вели всякія государственныя дѣла. Худородному человѣку дороги никуда не было. Вся отвѣтственность лежала на родовичахъ, а родовичи оказывались безтолковыми, неспособными.

— Эхъ, бояре, бояре! машинально повторилъ бояринъ Меньшукъ. — Да! вотъ вамъ и бояре! не роди мати на свѣтъ — вотъ мы какіе бояре!...

Въ числѣ свиты княжеской бывали обыкновенно священники съ походными церквами, такъ что русскіе въ Ордѣ всегда могли присутствовать при богослуженіи—и нигдѣ такъ не распространялось православіе, какъ именно въ этой Ордѣ, гдѣ каждый, волей-неволей, не могъ не молиться. У Михаила Ярославича служба совершалась въ ставкѣ. Съ нимъ пріѣхалъ въ Орду его духовникъ, Маркъ-игуменъ, да два попа-инока, да два мірскихъ попа съ дьякономъ. Бояре, заплативши сторожамъ, забрались въ княжескую ставку. Игуменъ Маркъ стоялъ за наскоро-сдѣланнымъ аналоемъ, покрытымъ простымъ ручникомъ, предъ иконой на маленькомъ столикѣ, о которомъ мы уже упоминали. Ослабѣлый князь вылѣзъ, при помощи бояръ, изъ перинъ и подушекъ и, придерживаясь рукой за столбъ, стоялъ и слушалъ чтеніе и пѣніе.

«Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!» провозглашалъ Маркъ.

Князь перекрестился, черезъ колодку. Медленно, внятно раздавался голосъ Марка въ полусвѣтѣ палатки; невесело подтягивали бѣлые и черные попы съ дьякономъ; грустно молилась небольшая кучка тверичей. Все что-то *тяжелое*, *мертвящее* носилось въ воздухѣ — и въ душѣ каждаго былъ вопросъ: «да скоро ли хоть какой-нибудь конецъ?»— Вчерашнее событіе подавало надежду и въ тоже время отнимало ее.

«Богъ Господь и явися намъ! Благословенъ грядый во имя Господне!», провозглашалъ игуменъ.

— Господи, Господи! молился въ душѣ Михаилъ Ярославичъ.—Господи! Господи! хоть одинъ конецъ дай мнѣ Ты! Поруганье терплю я! Истомлена душа моя! Боже Господи, явися Ты мнѣ во цартвіи Твоемъ! — Дозволь мнѣ предстать предъ Тобою! Да будетъ воля Твоя, Господи!

Мысли его путались.—Маркъ читалъ каѳизму.

«Возмите врата князи ваши! и возмитеся врата вѣчная! и внидетъ Царь Славы».

«Кто есть сей Царь Славы?—Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ во брани».

«Возмите врата князи ваши! и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь Славы».

«Господь силъ — той есть Царь Славы».

Легче всѣхъ было можетъ-быть самому князю, потому что страшная боль отъ колодки, изъязвившей ему плечи и шею, особенно послѣ вчерашней сцены на торгѣ, нѣсколько заглушала нравственныя страданія. Наконецъ, дѣйствующему лицу всегда легче зрителей, — «на людяхъ и смерть красна», замѣтилъ народъ.

Князь подтягивалъ пѣнію, но мысли его неслись— слѣдя за дымомъ кадила—въ Тверь и въ ханскую вежу; неслись онѣ смутно, съ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ усталые люди ждутъ конца,—какого бы то ни было конца.

Духовенство отслужило заутреню, часы.

Вдругъ Михаилъ велѣлъ читать правило причащенія.

— Господине, великій княже, заговорили бояре, — да что-ты? Богъ милостивъ!

— Богъ, знаю, что милостивъ, отвѣчалъ князь; а слезы все у него текли по лицу неудержно, непроизвольно; глаза заслезились послѣ вчерашняго потрясенія. — Знаю я, что Богъ милостивъ, а все хочу исповѣдаться; я затѣмъ и служить велѣлъ. Три раза въ этой ночи было мнѣ откровеніе, что мнѣ сегодня конецъ. Помяните меня, отцы и братія, во святыхъ молитвахъ вашихъ, да поминайте меня во-вѣки вѣчные, чтобы простилъ мнѣ Господь Богъ всѣ грѣхи мои вольные и невольные, — я много согрѣшилъ передъ нимъ....

Смущенный Маркъ для пущей храбрости посмотрѣлъ на нихъ, въ книгахъ порылся и началъ-было читать.... Бояре его перебили.

— Эхъ, княже! — Да что! — Да ты бы отдохнулъ!

говорили они, не его а самихъ себя ободряя; присутствующіе всегда именно такъ поступаютъ.

— Читай правило, отче! сказалъ твердо великій князь.

Игуменъ Маркъ махнулъ рукой окружающимъ и сталъ читать правило.

Исповѣдь продолжалась недолго....

Затѣмъ всѣ опять вошли въ ставку. Великій князь причастился и обнялъ всѣхъ по очереди, просилъ не забывать его и поминать въ молитвахъ.

Въ послѣдствіи они всѣ говорили, что такого праведника, какъ Михаилъ, едва-ли кто видалъ.

Затѣмъ великій князь спросилъ Константина.

А Константинъ только что воротился отъ Баялыни, — иначе сказать, отъ той же Прасковьи. Заботливая вышивальщица принимала горячо къ сердцу интересы всѣхъ русскихъ въ Ордѣ. Объ Юрьѣ Даниловичѣ и объ новгородцахъ сокрушалась она, что ихъ тверичи обидѣли,—сокрушалась она точно такъ же за тверичей, что ихъ участь въ Ордѣ на ниткѣ виситъ. Баялынь была точъ-въ-точъ такая же сердобольная душа; въ ханши она попала потому, что была изъ знатныхъ степныхъ родовъ, двоюродная сестра самого китайскаго Богдыхана Аюръ-Бала-Батра, Буинту-Хана, царствовавшаго подъ титуломъ Женъ-Цзуна, то-есть Человѣколюбиваго Предка; ее прозвали Баялынь, что̀ значило Обильная, Богатствующая. Баялынь была матерью родной всѣмъ нуждающимся у Узбека. Юрью она свадьбу съ Кончакой устроила; за Михаила (по ея же мнѣнію, убійцу Кончаки) тоже горой стояла. Еще въ устьяхъ Дона когда заковали Михаила—Баялынь сдѣлала сцену Узбеку. Просила и сердилась, плакала и прикрикивала — и Узбекъ только тѣмъ могъ ее утѣшить, что надо же ему страхъ своимъ улусникамъ задать, внушить къ дому къ своему уваженіе — припугнетъ, да тѣмъ и кончитъ. Но, на бѣду тверичей, Баялынь была лакомка. Генуэзцы, греки и русскіе навезли какъ на грѣхъ пропасть лакомствъ, всякихъ вареньевъ и пряниковъ въ Орду; къ этому, Узбекъ съ Волги откочевалъ на югъ, къ устьямъ Дона, а оттуда на Кавказъ, къ Дербенту, — Баялынь накинулась на виноградъ запивая его молокомъ, и разумѣется расхворалась, а потому и не могла участвовать въ засѣданіяхъ ордынскаго совѣта.

Извѣстно, что едвали гдѣ на свѣтѣ женщины, а особенно высокопоставленныя, пользовались такими политическими правами—какъ у монголовъ и у татаръ, гдѣ онѣ нетолько сплошь-и-рядомъ засѣдали въ государственныхъ совѣтахъ, но даже войсками предводительствовали. Въ XIV вѣкѣ у татаръ гарема не было.

Вчера, проводивши отца съ торга, Константинъ побѣжалъ прямо къ Прасковьѣ, разумѣется въ сопровожденіи бояръ и отроковъ. Прасковья, свидѣтельница всей этой гнусной сцены, повела его, въ сопровожденіи дѣвочекъ своихъ, прямо къ ханшѣ.

Вздрогнула отъ негодованія на Кавгадыя ханша, обласкала Константина—и чтобъ утѣшить смущеннаго мальчика велѣла ему посидѣть у нея, раскрыть ея сундукъ съ дорогими уборами и играть ими вмѣстѣ съ косатой Русалкой;—а Русалка, уже третій мѣсяцъ любимица бездѣтной ханши, давнымъ давно стала хранительницей этого безцѣннаго сундука, рылась въ немъ когда угодно и сколько угодно, умѣла укладывать въ немъ все въ порядокъ, чистить золото и камни,—словомъ сказать, Баялынь полюбила ее также крѣпко, какъ и сама Прасковья. — Дѣти развозились и разъигрались. Двѣнадцатилѣтній Константинъ забылъ отца, нужду, горе,—онъ запускалъ пальцы въ алмазы и въ изумруды, награбленные татарами на Руси, въ Угорщинѣ, въ Саксоніи, въ Персіи,—примѣривалъ на себя ожерелья, раскладывалъ вмѣстѣ съ Русалкой запонки по ковру...

— Хорошія дѣти, старуха! сказала ханша Прасковьѣ, глядя на Константина и на Русалку.

— Какъ-же не хорошія! вздыхала Прасковья:— будь Русалка изъ большаго рода, государыня,—въ невѣсты-бы князю Константину, годика черезъ два, черезъ три пригодилась-бы.

— Старуха, строго перебила ее Баялынь, — развѣ тотъ кто при мнѣ живетъ—не изъ лучшаго рода на свѣтѣ? Развѣ я не могу хоть завтра пожаловать Русалку въ царевны... Посмотри-ка, посмотри-ка! продолжала она опять запросто, трепля Прасковью по рукѣ,—посмотри какъ дѣтки-то другъ на друга поглядѣли!.. Мудрый народъ эти дѣти!—все слышатъ и понимаютъ, что̀ мы, большіе, между собою толкуемъ. Посмотри-посмотри— услышали, что̀ я болтаю и глаза опустили; чего такъ, ребятки, краснѣете?

Дѣти очень хорошо понимали по татарски, лучше самой многострадальной Прасковьи, — и услышавъ, что̀ сказала ханша, обмѣнялись взглядами и смутились. Они обое были по возрасту почти женихъ и невѣста. Тогда тринадцати-лѣтняго мальчика вѣнчали на одинадцати-лѣтней дѣвочкѣ, на томъ основаніи, что оба они, голуби чистые, раньше сойдутся раньше слюбятся, а покуда слюбятся—пускай какъ хотятъ возятся. Выростетъ мужъ вмѣстѣ съ женою—неизбѣжно сдѣлаются друзьями. Ихъ станутъ связывать тысячи общихъ дѣтскихъ воспоминаній; они сдѣлаются чѣмъ-то вродѣ брата и сестры; они въ дѣтствѣ принаровятся другъ къ другу. — Дѣти это очень хорошо знали, и потому слова Баялыни запали имъ въ сердце.

— Хочешь, Константинъ, смѣялась ханша,—жениться на моей Русалкѣ?

— Хочу, коли велишь, отвѣчалъ Константинъ.

— Братья-то у тебя не женаты еще? спросила она.

— Не женаты еще.

— Будешь умный малый, царю Узбеку послушный— отдамъ тебѣ Русалку. Не станешь его слушаться, крамолу станешь, какъ твой бѣдный отецъ, затѣвать,— за другого твоего брата отдамъ Русалку — царевной ордынской сдѣлаю. Будешь ты ея мужъ—будешь послѣ отца своего Великимъ Княземъ Всея Руси.

— Кланяйся въ ножки царицѣ, Русалочка, кланяйся! заплакала Прасковья. — Ижь, государыня какого добра тебя желаетъ!

Дѣти, Русалка и Константинъ, стали отвѣшивать земные поклоны ханшѣ.

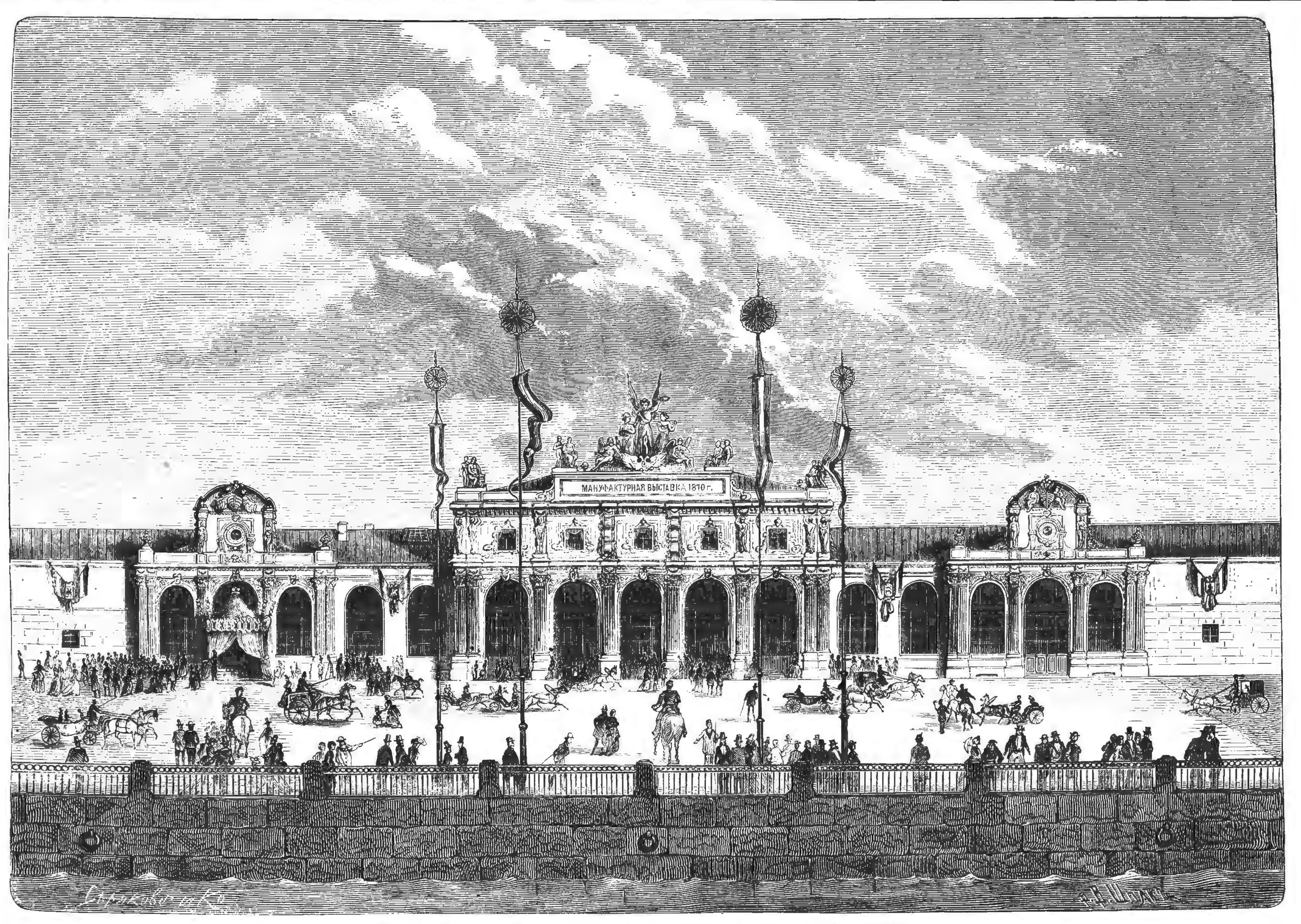
— Ну, а теперь къ отцу иди, сказала ханша Константину,—и скажи ему, чтобъ ничего небоялся. Пусть перетерпитъ — я хана умилостивлю.

Константинъ ушелъ. Дома, въ отцовской ставкѣ онъ ничего не сказалъ—онъ былъ изъ тѣхъ молчаливыхъ дѣтей, которыя ни о чемъ не могутъ говорить, что̀ ихъ за живое задѣло.

— Что, Русалка, спрашивала ее Баялынь, по уходѣ Константина, — хочешь за княжича?

— Хочу, улыбнулась дѣвочка. Глаза ея были широко раскрыты, руки ея мяли нитку жемчугу; она казалась вершка на два ростомъ выше — она казалась настоящей великой княгиней.

— Хочу, сказала она, встряхивая густою русой



Фасадъ и главный подъѣздъ Всероссійской мануфактурной выставки.
Рисовалъ съ натуры Шпакъ; на деревѣ рѣзалъ Л. А. Сѣряковъ.

косой, — я хочу, чтобы и ты ханша, и ты мамка, и чтобы Марина, и чтобы всѣ мы царицами были.

— Да вѣдь я-же царица, смѣялась Баялынь.

— Ты царица, говорила дѣвочка, — ты слово скажешь — и все по твоему становится. Это и хорошо. Только сдѣлай ты такъ, чтобъ и мы всѣ царицами стали — одна другой станемъ жемчугъ посылать, всѣ пріятельницы будемъ. Ты добрая, мамка добрая, Марина добрая, я добрая — всѣмъ намъ царицами надо быть.

— Стало, хочешь за Константина? шутила ханша.

— За Князя Великаго хочу! сверкала глазами дѣвочка.

Баялынь и Прасковья смѣялись.

Марина все время молчала. Она молчала и жалась въ уголокъ, пока Прасковья не увела дѣтенышей въ свою вежу. Марина жалась къ ней, блѣднѣла и дрожала.

— Чего ты, дѣвчутка моя? спрашивала Прасковья.

— Боюсь, мамка! Ой, какъ боюсь! лопоталъ ребенокъ.

— Кого касатка?

— Юрья боюсь, мамка! Юрья боюсь!

— Да что тебѣ Юрій?

— Вѣтра боюсь....

— Вѣтра?... какого вѣтра?

— А какъ вчера по утру... дулъ вѣтеръ, я на дворѣ играла. Вѣтеръ государь взыгралъ и погналъ меня. Я все бѣжала-бѣжала-бѣжала, пока не упала.

— Во имя Отца и Сына и Духа Свята! перекрестила ее Прасковья; поцѣловала и сплюнула.

Утромъ, передъ тѣмъ какъ Константинъ снова прибѣгалъ къ Прасковьѣ, вышивальщица уже побывала у ханши. Она узнала, что Узбекъ вечеромъ былъ сильно пьянъ, утромъ съ похмѣлья былъ крѣпко золъ; ханшѣ сказалъ, чтобы она не мѣшалась въ его дѣла — отъ Китая до Дербента далеко — что на счетъ Михаила онъ уже переговорилъ съ Кавгадыемъ. А что во всякомъ случаѣ онъ — вольной царь; по закону же *бусурманскому*, не бабье дѣло въ мужскія дѣла мѣшаться.

Константинъ на все промолчалъ.

Онъ засталъ отца опять засѣвшимъ въ перины. Михаилъ благословилъ его, внушалъ ему быть добрымъ христіаниномъ, чтить церковниковъ, нищихъ питать, — затѣмъ, быть добрымъ сыномъ, добрымъ братомъ, не отступать во чтобы-то ни стало отъ порядка княжескаго престолонаслѣдія; завѣщалъ — врагамъ не мстить, бояръ слушаться, беречь мать, и поручалъ ему передать всему роду-племени Ярославову, что не онъ, Михаилъ, виноватъ, что потомки Александра Ярославича Невскаго губятъ Тверь, — а что если онъ и самъ виноватъ въ этомъ, то онъ проситъ у нихъ прощенія и слезно молитъ не оставить его своими молитвами и поминать его грѣшную душу по обычаю христіанскому. Затѣмъ онъ сдѣлалъ кое-какія распоряженія насчетъ наслѣдства, какому сыну какой поясъ, какая книга, какая штука объяри, парчи; кому какое село. Константинъ былъ смущенъ — плакалъ, въ головѣ у него ходуномъ ходило.

«Хоть бы одинъ конецъ, одинъ конецъ!» носилось въ ставкѣ и около нея....

Былъ уже почти полдень, князь дремалъ. Сторожа татары, пообѣдавши тутъ же, лежали около ставки на землѣ и ждали какого-нибудь конца.

Всѣмъ было не весело, у всѣхъ была одна дума: когда же это все кончится?

Вотъ что, сказалъ Михаилъ, очнувшись вдругъ, — Константинъ, положи-ка мнѣ псалтырь на колодку, очень тяжело у меня на душѣ.

— Какой псаломъ тебѣ открыть? спросилъ Константинъ.

— А вотъ разверни на удачу, что̀ будетъ.

«Сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смертная нападе на мя», прочелъ Михаилъ и отшатнулся.

— Что значитъ этотъ псаломъ? спросилъ онъ, въ испугѣ, Марка, который, пообѣдавъ въ сосѣдней ставкѣ, опять пришелъ къ нему.

— Да ничего не значитъ, сказалъ Маркъ. — Что-же это можетъ значить? развѣ ты, господине, не видишь, что правда тебѣ выходитъ.

— Какая правда? сказалъ Михаилъ, опять невольно вздрогнувъ.

— Смятенье пришло въ твое сердце, сказалъ игуменъ, — и напалъ на тебя страхъ смерти, господине. Только ты посмотри, въ томъ-же псалмѣ сказано еще: «возверзи на Господа печаль твою и той тя пропитаетъ и не дастъ въ вѣкъ смятенія праведному. Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ? и полечу и почію».

Михаилъ задумался и сталъ твердить молитву Іисусову.

Вдругъ, пологъ ставки распахнулся, и одинъ изъ отроковъ — блѣдный какъ смерть — вскочилъ въ вежу и съ усиліемъ выговорилъ:

— Господине княже! идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ и множество народа — прямо къ твоей вежѣ.

— Знаю зачѣмъ, сказалъ Михаилъ, вставая уже безъ посторонней помощи. — Убить меня идутъ! Бояре, возмите Константина и бѣгите съ нимъ къ Баялынѣ — авось еще время не пропало — я и въ колодкѣ за себя постою.

Ставка мигомъ опустѣла, только Меньшукъ да двое отроковъ*) остались въ ней. Одни бросились съ Константиномъ къ ханшѣ, другіе къ своимъ ставкамъ, третьи вмѣстѣ съ игуменомъ стояли у двери. Михаилъ стоялъ, держась рукой за шестъ, блѣдный, стиснувъ зубы, готовый на борьбу. Сквозь поднятый пологъ ставки видна была толпа народу, большею частію москвичи, кое-гдѣ между ними мелькали и татары. Въ срединѣ, по поясъ выше толпы, виднѣлись на коняхъ князь Юрій Даниловичъ и Кавгадай; они оба были блѣдны и оба молчали. Окружавшая ихъ толпа, явно бывшая съ перепоя, кричала, ругалась и рвалась къ ставкѣ. Юрій и Кавгадый сошли съ коней. Окружавшіе ихъ мигомъ растолкали — и безъ того не сопротивлявшихся имъ — обезоруженныхъ тверичей. Все это произошло въ какія-нибудь полторы минуты. Нѣсколько человѣкъ москвичей бросились въ ставку. Михаилъ стоялъ неподвижно.

— Вражій сынъ! измѣнникъ! душегубецъ! чародѣй! кричали ему Юрьевы отроки.

Одинъ изъ нихъ хватилъ Михаила за колодку, но въ эту отчаянную минуту князю вернулась его прежняя могучая сила, онъ толкнулъ отрока ногой и тотъ споткнулся. Другіе тутъ же наперли и на ставку и на

*) Отроки — значило тогда парни, молодцы, ребята т. е. просто на просто прислуга. Ихъ съ Михаиломъ было человѣкъ шесть, да съ боярами отроковъ до двадцати.

колодку; Михаилъ упалъ, пробилъ колодкою стѣну ставки, которая зашаталась и чуть не слетѣла.

Быстро выползъ изъ подъ нея и поднялся Михаилъ; вскочилъ на ноги, но на него бросилось нѣсколько человѣкъ, и стали валить на землю. Его били, топтали—онъ отбивался ногами и руками. Въ это время Юрьевъ отрокъ Иванецъ поймалъ его за уши и сталъ, ломая ему о колодку шею, бить его голову о земь. «Скокливъ ты!.. спѣшливъ!.. судорожно приговаривалъ Иванецъ,—теперь дѣлай что угодно». А другой Юрьевъ отрокъ Романецъ быстро содралъ съ великаго князя кафтанъ, поднялъ ему рубаху,—добра ему портить не хотѣлось,—ударилъ въ правую грудь широкимъ ножемъ, повернулъ ножъ въ другую сторону; грудь раскрылась, Михаилъ дико вскрикнулъ. Романецъ быстро ухватилъ лѣвой рукой трепещущее сердце и вырѣзалъ его. Тѣло князя дрогнуло разъ-другой—глаза остановились и потухли. Изъ широкой раны ручьями лилась и черная и алая кровь....

Юрій и Кавгадый стояли блѣдные; имъ казалось, что все это сонъ—такъ быстро совершилось убійство.

А толпа бросилась тутъ-же на грабежъ; исчезъ псалтырь княжескій, чудотворный крестъ съ мощами; съ иконы Михаила Архистратига сорвали золотую ризу съ дорогими каменьями; подушки, перины, самый войлокъ исчезли; а кругомъ, ни съ того, ни съ сего шла свалка. Палками, ножами били бояръ и отроковъ Михаиловыхъ, слышался крикъ; нѣсколько человѣкъ бѣжали куда-то; кто-то за кѣмъ-то гнался; народъ стекался отовсюду. Москвичи тащили трупъ Михаила, съ котораго уже снята была кѣмъ-то колодка и содрано платье,—тащили трупъ по грязи, по камнямъ, на позоръ всему торгу, на поруганье всѣмъ.

Кавгадый и Юрій были блѣдны и молча поводили глазами.

Какъ передъ тверичами десять минутъ тому назадъ стоялъ вопросъ: «скоро-ли конецъ?», такъ предъ ними теперь стоялъ вопросъ: «что же дальше?» Конецъ, или пожалуй, начало совершилось.

Ободранные, избитые тверскіе бояре прятались у знакомыхъ татаръ, у русскихъ купцовъ; кто попадался, того ковали. Константинъ, котораго тоже пришибли-бы охотно, былъ у ханши. Ихъ всѣхъ однако разъискивали, хватали и ковали—Царь выдалъ всю Тверь Москвѣ.

Поздно было — ханшѣ столько насказали про тверичей, что она даже довольна была гибелью Михаила. Объ одномъ она съ Прасковьей думала, что пусть Константинъ хоть и бѣду потерпитъ — а все ему быть мужемъ Русалки.

Юрій и Кавгадый молча подошли къ конямъ, сѣли и молча поѣхали.

— Ну, другъ, сказалъ Юрій Кавгадыю, — по гробъ жизни моей не забуду я твоей услуги. Вотъ, что называется, дороже ты мнѣ теперь отца роднаго, брата самоутробнаго; проси чего хочешь. Вотъ ужъ другъ! Такъ и царю скажу, что нѣтъ у него слуги вѣрнѣе тебя.

Кавгадый посмотрѣлъ на него съискоса и повернулъ коня къ тому мѣсту, куда выброшено было окровавленное тѣло тверскаго великаго князя.

Кавгадый молча глядѣлъ на убитаго.

— Вотъ онъ, разбойникъ! врагъ и царевъ и твой и мой! продолжалъ Юрій: — вотъ онъ окаянный! Ну, Кавгадый, теперь милости просимъ къ намъ на Русь. Другъ ты мой, чего хочешь проси. Вели, что хочешь стану говорить за тебя хану. Безъ тебя не извести бы хану этого ворога.

— Не братайся ты со мной! сказалъ Кавгадый, — гнусное дѣло я сдѣлалъ, ты меня на него натравилъ.

— Что ты? что ты? сказалъ Юрій, — экой шутникъ!

Кавгадый къ изумленію своему увидѣлъ, что у Юрія не шевельнулось того на душѣ, что у него. А Кавгадыю казалось, что сердце вовсе не у Михаила вырѣзали, а у него самого.

— Вотъ онъ, холодно сказалъ онъ, — вѣдь онъ тебѣ вмѣсто отца по вашимъ княжескимъ счетамъ былъ, дядей и старшимъ братомъ приходился,—чтожь, его тѣло такъ и будетъ валяться? Возьми его и вези въ *свою* Землю; тамъ и погреби его въ отчинѣ по вашему обычаю.

Юрій закусилъ губы, махнулъ рукой и подозвалъ одного изъ отроковъ, стоявшаго отъ него въ отдаленіи. Тотъ взглянулъ на князя—и еще не зная о чемъ идетъ дѣло, снялъ съ себя кафтанъ смураго деревенскаго сукна, подошелъ къ тѣлу, молча перекрестилъ и накрылъ его.

— Распорядись! проговорилъ Юрій, сжавъ губы, пріударилъ коня и поскакалъ за Кавгадыемъ.

А отрокъ тутъ же позвалъ трехъ другихъ. Вытащили какую-то доску изъ подъ сваленныхъ тверскихъ ставокъ; на доску положили окровавленное тѣло, окутали его чѣмъ попало, взвалили на телегу, увязали веревками и повезли вонъ изъ стана къ рѣкѣ Аджъ, гдѣ и приставили къ нему двухъ сторожей. На мѣстѣ убійства, подлѣ кроваваго слѣда и около избитыхъ, ободранныхъ, закованныхъ въ желѣзо тверскихъ бояръ и отроковъ, молча глазѣла толпа.

— Вай-вай, говорилъ неизбѣжный Ицекъ,—и зачѣмъ убивать? Кровь—душа. Большой... вай-вай какой большой грѣхъ кровь показывать. Въ законѣ сказано, что если даже птицу или звѣря на охотѣ убьешь, то надо ее сейчасъ-же похоронить. И зачѣмъ было убивать?—пускай-бы жилъ себѣ. И развѣ нельзя было жить его оставить? Можно было взять съ него запись на его волости. Юрій Даниловичъ хорошій человѣкъ—только пурецъ, гой!..

Кавгадый и Юрій подъѣхали къ ханской ставкѣ.

Ханъ сидѣлъ угрюмый, у ногъ его на войлокѣ помѣщался тотъ же самый, холодный Ахметъ-Чобуганъ. Юрій и Кавгадый поклонились и по тогдашнему ордынскому обычаю встали на колѣна при входѣ.

— Что? спросилъ угрюмо Узбекъ.

— Врага твоего и злоумышленника болѣе нѣтъ, сказалъ Кавгадый.

— Мои отроки избавили тебя отъ врага твоего, солнце души моей, великій ханъ! Ради тебя не то что голову, но самую душу за тебя положу, разсыпался Юрій.

— Ладно, ступай, сказалъ Узбекъ: — Чобуганъ, завтра же я приложу печать къ ярлыку великому князю московскому на Великое Княженіе Всея Руси.

Юрій началъ благодарить.

— Я тебѣ сказалъ ступай, прервалъ его съ отвращеніемъ Узбекъ.

— Ну, Чобуганъ, сказалъ онъ, когда они остались одни, — что ты скажешь? Ты всегда правду говоришь...

— О чемъ мнѣ говорить? Если ты велишь говорить, — ну такъ я, слуга твой, повиноваться тебѣ долженъ, а лгать мнѣ не приходится.

— Ну, такъ скажи, что ты думаешь объ этомъ? По твоему, не хорошо, не справедливо поступили мы? спросилъ Узбекъ.

— Больше дѣлать нечего. Нельзя же одного признать Великимъ Княземъ по праву и закону, и вдругъ отдать Великое Княжество Юрію, потому только, что онъ умнѣе Михаила и ловчѣе его, или, пожалуй, преданнѣе намъ.

— Не хорошее дѣло я сдѣлалъ, что выдалъ головой тверичей Москвѣ; Михаила мнѣ жалко. Одно развѣ, теперь мы на счетъ русскихъ совсѣмъ спокойны можемъ быть.

— Я тебѣ говорилъ и говорю, что московскіе князья умнѣе и полезнѣе для насъ чѣмъ тверскіе, и жалко мнѣ только что Михаилъ получилъ ярлыкъ, хоть-бы и по праву. А Юрія, если хочешь знать, терпѣть не могу, только-что Юрій намъ полезнѣе; а еще полезнѣе будетъ намъ братъ его, — если помретъ, Богъ дастъ, Юрій, — московскій князь Иванъ Даниловичъ. Тотъ не такъ вертлявъ, въ большой дружбѣ съ митрополитомъ Петромъ, — а знаешь, что митрополитъ Петръ на Руси почти тоже что папа у Франковъ. Москва Новгородомъ можетъ владѣть, а Тверь никогда не можетъ. Покуда Тверь на верху стоитъ, будутъ у нихъ войны; а будутъ у нихъ войны, у насъ хлопоты будутъ. Держись Юрія, ужъ нечего дѣлать; жалко мнѣ князя Михаила, крѣпко жалко, — да нельзя было этого дурака, злодѣя Кавгадыя иначе удовлетворить. Ему хотѣлось показать въ Ордѣ, что онъ въ силѣ у тебя въ большой. Ну и показалъ!

Узбекъ насупился.

— Все это правда; теперь, я думаю, въ Ордѣ Кавгадыю въ ноги будутъ кланяться.

Чобуганъ усмѣхнулся, молча раскрылъ свою торбу, вытащилъ какую-то бумагу и сталъ читать; дѣла шли обычнымъ порядкомъ. Затѣмъ обычнымъ порядкомъ прекратились они и смѣнились разсказами, какъ Дуль-Карнейнъ (Александръ Македонскій) Дербентъ строилъ. Вино подалось.... Степь и цивилизація другъ друга смѣняли.

А Юрій Даниловичъ сидѣлъ въ лавкѣ новгородскаго купца и дипломата Ѳедора Колесницы съ Ицекомъ.

Долго и крѣпко торговался онъ и Колесница съ Ицекомъ—и наконецъ откупилъ онъ у Ицека весь русскій полонъ, человѣкъ сотни съ три, и вялаго Суету и непутную бабу Аринку.

Юрій Даниловичъ былъ прежде всего умный человѣкъ.

В. Кельсіевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

О всероссійской мануфактурной выставкѣ.

Въ семьѣ Европейскихъ государствъ есть народъ — въ такой степени страстный охотникъ до всякихъ новинокъ, внѣшняго блеска и такъ-называемаго казоваго конца, что въ этомъ отношеніи въ параллель можетъ идти развѣ римское panem et circensem. Не смотря на живой и энергичный складъ ума и характера, несмотря на безчисленное множество даровитыхъ, талантливыхъ а подчасъ и геніальныхъ личностей, разсѣянныхъ въ его исторіи, народъ этотъ является (за весьма рѣдкими исключеніями) въ литературѣ — представителемъ звонкой фразы, въ наукѣ — резюмистомъ и популяризаторомъ выработанныхъ другими результатовъ, въ политикѣ — постановщикомъ болѣе или менѣе грандіозныхъ, болѣе или менѣе дорого стоющихъ представленій съ великолѣпными декораціями и обстановкой, но всегда съ комическимъ концомъ или ни къ чему не ведущимъ дивертисментомъ. Читатель догадывается, что мы говоримъ о французахъ. Внѣшняя жизнь ихъ, такъ-называемыя *французскія моды* какъ въ зеркалѣ отражались при дворахъ остальной Европы; роскошные балы иллюминаціи и праздники Лувра, Версаля и Тріанона копировались всюду подъ конецъ XVIII вѣка;—но вотъ на эти пиры, даваемые властителями хорошо-извѣстному имъ народу, бурно врывается потокъ французской революціи, гдѣ каждый расплачивается самъ за себя — и общественное настроеніе становится серіознѣе. Зрѣлищъ надо — но зрѣлищъ болѣе согласныхъ съ *идеями дня;* иныя времена, иныя заботы; — и вотъ на Марсовомъ полѣ, 19 сентября 1798 г., устраивается зрѣлище небывалое въ мірѣ — зрѣлище, на которомъ каждый изъ толпы зрителей можетъ быть и актеромъ, и бутафоромъ, и декораторомъ. На небольшомъ пространствѣ въ 23 квадр. метра устраивается *первая* мануфактурная выставка; соревнователями является всего 110 экспонентовъ; роздано только 12 золотыхъ медалей и 15 почетныхъ отзывовъ. Но тѣмъ не менѣе Франціи на этотъ разъ суждено было найдти камертонъ по которому предстояло спѣваться громадному хору всего человѣчества въ теченіи слѣдующаго столѣтія. При послѣднихъ минутахъ своей жизни, старецъ-энциклопедистъ, XVIII вѣкъ угадалъ призваніе XIX-го: преобладаніе точныхъ наукъ, приложеніе ихъ къ насущнымъ потребностямъ жизни и поражающее развитіе промышленности.

Въ томъ же 1798 году, впервые въ большихъ размѣрахъ освѣщается газомъ фабрика Уатта, построившаго первую паровую машину за 34 года передъ тѣмъ, и такимъ образомъ почти уничтожившаго даль разстояній, которая замедляла общеніе и обмѣнъ промышленныхъ произведеній между народами. Въ слѣдующемъ году Жакаръ изобрѣтаетъ ткацкую машину, которая совершенно вытѣсняетъ ручную работу ткачей. Еще годъ спустя является Вольтовъ столбъ для полученія токовъ галванизма, открытаго десять лѣтъ тому назадъ въ Болоньѣ профессоромъ Гальвани; дальнѣйшія примѣненія этой силы доходятъ до электрическаго телеграфа, устроеннаго Гаусомъ и Веберомъ въ Геттингенѣ въ 1833 г. А между тѣмъ, паровозы, давнымъ давно сооруженные Стефенсономъ, начинаютъ сновать по всей Европѣ, въ Америкѣ въ 1808 г. Робертъ Фультонъ строитъ первый пароходъ, а Фридрихъ Кенигъ въ Эслебенѣ (1814 г.) изобрѣтаетъ скоропечатную машину. Промышленность, съ открытіемъ пароваго молота (Насмитъ, 1843), швейныхъ (1845, Эліасъ Гау) и безконечнаго числа всевозможныхъ машинъ, болѣе и болѣе ускользаетъ изъ рукъ единичныхъ тружениковъ и скопляется въ промышленныхъ центрахъ—фабрикахъ и заводахъ подъ главенствомъ капиталистовъ-предпринимателей. Раздѣленіе труда доходитъ до извѣстнаго примѣра изготовленія булавки, но

за то дѣлаетъ возможными такія громадныя предпріятія, какъ проведеніе Тихоокеанской желѣзной дороги чрезъ громадный материкъ С. Америки, прорытіе Суэцскаго канала между Африкой и Азіей, и укладка трансатлантическаго телеграфа между Европой и Америкой.

Понятно, что при быстромъ развитіи промышленности, соотвѣтственно расширенію ея средствъ и путей,— дѣло мануфактурныхъ выставокъ не могло заглохнуть и примѣръ Франціи не прошелъ безслѣдно. Къ ней постепенно примыкали Голландія, Германія, Пруссія, Швеція, Италія, Испанія, Америка и наконецъ Россія, гдѣ первая Всероссійская мануфактурная выставка была въ Петербургѣ въ 1829 году.

До 1841 года наши выставки устраивались только въ Петербургѣ и въ Москвѣ; въ 1841 году къ этимъ двумъ центрамъ мануфактурной промышленности присоединилась Варшава—и съ тѣхъ поръ всѣ три города попемѣнно и съ промежуткомъ 1—3 лѣтъ бывали мѣстомъ такихъ промышленныхъ торжествъ; послѣднее, тринадцатое по счету, происходило въ Москвѣ. Настоящая выставка, по размѣрамъ своимъ и роскоши обстановки, оставляетъ далеко за собою всѣ предшествовавшія.

Первоначально подъ выставку назначали Царицынъ лугъ, но такъ какъ это единственный плацъ удобный во всѣхъ отношеніяхъ для военныхъ эволюцій, а вскорѣ предстоялъ майскій парадъ, то пришлось отказаться отъ этого предположенія; мысль устроить выставку на Семеновскомъ также была покинута, вслѣдствіе отдаленности этой мѣстности отъ центра города; наконецъ, по указанію министра финансовъ избранъ былъ Соляной городокъ.

Длинное зданіе Соляного городка вытянуто по набережной рѣки Фонтанки, противъ Лѣтняго сада. Отъ этого послѣдняго чрезъ рѣчку къ выставкѣ ведетъ мостикъ для пѣшеходовъ, а на самой рѣкѣ нѣсколько влѣво устроенъ на баркѣ плавучій буфетъ, убранный снаружи по окнамъ различными деревцами. Верхнія окна Соляного склада завѣшаны гербами россійскихъ губерній, по обѣ стороны выступающей отъ стѣнъ его пристройки во вкусѣ Renaissance, сооруженной г. Гартманомъ. Эта пристройка—главный подъѣздъ, котораго роскошный фронтонъ поддерживается восемью колоннами изящнаго ордена, раздѣляющими пять арокъ (въ одной изъ арокъ входныя двери). Съ боковъ главнаго подъѣзда расположены два меньшихъ, изъ которыхъ лѣвый ведетъ въ царскіе покои. Надъ нимъ высится червленый шатеръ, увѣнчанный короною золоченой бронзы и по низу обрамленный такою же бахрамой изъ двуглавыхъ орловъ съ двумя круглыми щитами по угламъ основанія шатра; бронзовыя украшенія эти отлиты на заводѣ Берда. Фронтонъ главнаго подъѣзда украшенъ большими лѣпными фигурами работы художника Шварца; средняя, самая обширная группа представляетъ аллегорическое изображеніе генія мира съ вѣнкомъ въ рукѣ, а прочія геніевъ науки, торговли и промышленности. Правда, въ послѣднихъ встрѣчается два раза повтореніе одной и той же группы, но это слѣдуетъ приписать скорѣе спѣшности работъ, чѣмъ экономическимъ соображеніямъ распорядителей выставки.

Во всю длину фасада (35 сажень) идетъ асфальтовая мостовая и такая же панель, устроенныя однимъ изъ экспонентовъ. А противъ зданія по набережной высятся 8 флагштоковъ съ круглыми зубчатыми щитками и флагами. Весь наружный фасадъ зданія выставки построенъ по проекту и плану архитектора Фонтана.

Съ 15 апрѣля текущаго года приготовительныя работы на выставкѣ были уже въ полномъ разгарѣ; до 600 плотниковъ трудились надъ пристройками и заготовкой постаментовъ; со всѣхъ сторонъ тянулись возы, биткомъ набитые ящиками съ предметами, назначенными на выставку; петербуржцы могли видѣть на всемъ пути отъ станціи Московской желѣзной дороги, по Литейной, до Соляного городка, медленно ползущій по перекладнымъ рельсамъ громадный локомотивъ Струве. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обществѣ ходили самые противорѣчивые толки; въ газетахъ цѣлые столбцы отводились подъ рубрику «Всероссійская и проч.»; разсказывали, что входные билеты будутъ продаваться по баснословной цѣнѣ до 10 рублей, что разныя министерства захватили себѣ почти все помѣщеніе выставки, а сотнямъ экспонентовъ отказываютъ за недостаткомъ мѣста. Но мало по малу все уладилось, приготовительныя работы кончены, преувеличенные толки смиренно скрылись за рядами точныхъ извѣстій—и наконецъ 15 мая Всероссійская мануфактурная выставка открыта для публики по весьма доступной цѣнѣ (2 рубля), которая будетъ значительно понижена по истеченіи нѣсколькихъ дней.

Войдемте же въ этотъ дворецъ русской промышленности, читатель, и обѣжимъ наскоро всѣ его отдѣленія чтобы составить себѣ сначала общее понятіе о немъ, такъ какъ осмотрѣть его подробности въ одинъ день совершенно невозможно.

Поднявшись по отлогимъ ступенямъ широкой лѣсенки главнаго входа на площадку, гдѣ вправо расположено помѣщеніе для телеграфа и городской почты, а влѣво лѣстница въ контору,—вы двумя рядами тройной арки входите въ переднюю сторону громаднаго четырехугольника со стекляннымъ потолкомъ, занимаемаго Главнымъ Отдѣломъ. По бокамъ средней арки входа висятъ два большихъ мозаичныхъ образа: преп. Сергія Радонежскаго и Спиридона епископа Тримафунтскаго. Лѣвѣе, между покоями Ихъ Императорскихъ Величествъ и прилежащимъ садомъ, почти во всю вышину стѣны, тянутся роскошныя драпировки Императорскихъ фарфоровыхъ заводовъ и зеркалъ Эберта сына. Далѣе громадный постаментъ, въ видѣ стола въ нѣсколько квадратныхъ сажень, обитый синимъ сукномъ и заставленный превосходными бронзами Шопена. Надъ всѣмъ этимъ пространствомъ въ воздухѣ низпущено множество люстръ темной и золоченой бронзы, иныя съ хрусталемъ, что вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе ослѣпительное. Полъ же заставленъ въ три ряда пестротой постаментовъ съ вазами и глиняными садовыми украшеніями, съ фарфоромъ Гарднера, Корниловыхъ и Ауэрбаха, и наконецъ, стеклянной посудой и хрусталемъ. Справа отъ главнаго входа, передъ садикомъ ресторана г. Танти, высится роскошно занавѣшанная палатка Жирардовской бумагопрядильной фабрики и далѣе рядъ издѣлій Невской бумагопрядильной мануфактуры, тканей Финлейзона и проч.

Подвигаясь далѣе по лѣвой сторонѣ четырехугольника, мы переходимъ въ помѣщеніе металлическихъ и деревянныхъ издѣлій. Здѣсь, прежде всего, глазъ поражается грандіозной декораціей заводовъ Путилова. На искуственномъ холмѣ изъ различныхъ рудъ, возвышается четырехсторонняя рѣшетка изъ полосъ желѣза, а позади ея по стѣнѣ, на ярко-красной драпировкѣ въ нѣсколько квадр. сажень, раскинуты во всѣ стороны лучи какъ бы солнца изъ рельсовъ въ ихъ настоящую

величину. Съ обѣихъ сторонъ поставлено по горкѣ различныхъ боевыхъ снарядовъ, коническихъ и круглыхъ ядеръ, бомбъ и проч. Передъ ними расположены въ двухъ рядахъ литыя, оловянныя издѣлія и ружья всевозможнаго устройства, большею частью охотничьи двустволки превосходной работы. Еще ближе къ саду—мебельные ряды, въ которыхъ особенно замѣчательны новгородскія деревянныя издѣлія (Татищева) въ чисто русскомъ вкусѣ: это фигурно-рѣзная мебель изъ простаго дерева, стулья съ задками въ видѣ павлиновъ, лебедей, или съ изображеніемъ московскаго герба (Георгій побѣдоносецъ), раскрашенные черной, красной и золотой краскою узорчато-пестро по старинному,—особенно хорошо четыреугольное висячее зеркало, обогнутое полотенцемъ съ расшитыми концами; совершенно въ другомъ родѣ, но не менѣе изящны столярныя произведенія Шрадера, Гофмана, и кровати Панье; Людлофъ выставилъ огромный рѣзной шкафъ для библіотеки, изъ неполированнаго орѣха, въ готическомъ стилѣ, украшенный четырьмя рѣзными фигурами: Гутенберга, Шеффера, Фуста и еще какого-то сподвижника ихъ по книгопечатанію.

Въ задней сторонѣ Главнаго Отдѣла, къ заводамъ Путилова примыкаютъ мѣдныя нарѣзныя пушки Артиллерійскаго Управленія, на зеленыхъ крашеныхъ и желтоватыхъ дубовыхъ лафетахъ, съ зарядными ящиками и станками для мортиръ. Затѣмъ, надо посвятить довольно долгое время на обозрѣніе Педагогическаго Отдѣла военнаго министерства: глаза разбѣгаются отъ множества выставленныхъ моделей и пособій для нагляднаго обученія математикѣ (геометріи), физикѣ, кристаллографіи, минералогіи, геологіи, ботаникѣ, зоологіи, сравнительной анатоміи, географіи, рисованію и проч. и проч. По выходѣ оттуда, невольно остановясь передъ колосальными географическими картами топографическаго отдѣла и затѣмъ полюбовавшись живописью Строгоновской школы, превосходными фотографіями, образцами гравюръ, въ числѣ которыхъ есть (по величинѣ до сихъ поръ еще небывалое въ Россіи) объявленіе о «Нивѣ» съ четырьмя большими рисунками,—мы проходимъ мимо шиннаго желѣза Сысертскихъ заводовъ и мимо стальныхъ пушекъ Обуховскаго сталелитейнаго завода—прямо въ Главное Интендантское Управленіе.

Здѣсь, въ холщевой ставкѣ какъ живые стоятъ 2 конные манекина въ полной обмундировкѣ и вооруженіи: кирассиръ, въ бѣломъ колетѣ, съ пикой, на гнѣдомъ конѣ, и гусаръ въ красномъ доломанѣ и медвѣжьей шапкѣ, на сѣрой лошади; между ними четыре пѣшихъ манекина, обмундированные въ форму гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, стрѣлковыхъ баталіоновъ и 4-й бригады кубанскаго войска. Изъ множества маленькихъ манекиновъ замѣчателенъ стрѣлецъ *Егора Лутохина полка* 1698 года, въ красномъ долгополомъ кафтанѣ и желтыхъ сапогахъ, съ длиннымъ ружьемъ, съ бердышемъ и при мечѣ. По стѣнамъ палатки развѣшаны портреты русскихъ военныхъ дѣятелей.

Передъ обоими отдѣлами военнаго министерства, вдоль задней стороны центральнаго сада, расположены въ нѣсколько рядовъ—часы, физическіе и оптическіе инструменты, любопытныя издѣлія изъ сосновой матеріи и пробки, бѣлье и готовое платье; а въ правомъ углу—зонтики и шерстяныя матеріи, которыми у громаднаго кіоска «магазинъ городъ Ліонъ» начинается послѣдній фасъ Главнаго Отдѣла, весь заставленный шелкомъ, парчей, ситцами, тиками, кисеей, бумажными тканями—и среди всего этого красуется роскошная декораціи изъ суконъ Штиглица. Но эти предметы мы подробнѣе разберемъ при частномъ обозрѣніи каждаго отдѣла порознь. Теперь же, мимо ресторана Танти, пройдемъ въ Отдѣленіе съѣстныхъ и химическихъ продуктовъ; здѣсь, по той же причинѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на обелискъ изъ стеариновыхъ свѣчь, статую изъ мыла, громадныя рѣзныя дубовыя бочки пивоваренныхъ заводовъ и на шкафы съ коллекціей звѣриныхъ и птичьихъ чучелъ, — затѣмъ поспѣшимъ въ отдѣленіе Общества попеченія о раненыхъ.

Прежде всего вниманіе наше обращаютъ на себя двѣ статуи лошадей съ ресорными койками, приложенными къ сѣдлу, для перевозки раненыхъ, и разнообразные образцы повозочекъ, приспособленныхъ къ той же цѣли. Далѣе, различные столы и койки, назначаемые для хирургическихъ операцій. Такова вся правая сторона этого отдѣленія. Полѣвой же разставлены пожарныя паровыя трубы и ручныя качалки, между которыми рѣзко выдаются своимъ объемомъ огромные мѣдные шары вакумъ-аппаратовъ. Посрединѣ отдѣленія устроены два красивыхъ бассейна съ водою, а у выхода развѣшана збруя Левенгрена.

Выходъ этотъ чрезъ небольшое помѣщеніе, отведенное сибирскимъ заводамъ Рѣшетникова и проч., вводитъ насъ въ длинное Отдѣленіе локомотивовъ и вагоновъ. Здѣсь размѣры становятся совершенно громадными. Не говоря уже о такихъ крупныхъ предметахъ какъ подвижной брандмауеръ и походный телеграфъ, тутъ стоятъ цѣлые два поѣзда вагоновъ съ локомотивами и тендерами изящной работы и отдѣлки; противъ выхода изъ Главнаго Отдѣла высится колоссальная золоченая пирамида, наглядно представляющая все количество золота добытаго въ Россіи до 1869 года; лѣвѣе, въ четыре ряда расположены всевозможные экипажи; наконецъ, все это завершается ужасающими пушками — титановъ, хотѣлось бы намъ сказать — военнаго министерства. Длина всего Отдѣленія простирается свыше ста саженъ. Третій и послѣдній выходъ изъ него на лѣвой сторонѣ ведетъ на верхнюю галлерею Машиннаго Отдѣленія. Обозрѣвая съ высоты ея—громадное пространство, занятое въ нижнемъ залѣ всевозможными машинами, а по верху на одной высотѣ съ галлереей длинными желѣзными балками приводовъ съ низбѣгающими къ машинамъ безконечными ремнями, — легко почувствовать головокруженіе отъ этой движущейся въ металлическомъ блескѣ, вертящейся и скрежещущей путаницы маховыхъ и зубчатыхъ колесъ, рычаговъ, эксцентриковъ и проч. Гораздо спокойнѣе глазу скользить по стѣнамъ верхней галлереи, завѣшаннымъ по одной сторонѣ чертежами Московскаго техническаго училища, а по другой — приглядными моделями пароходовъ, шкунъ и всевозможныхъ судовъ, подъ которыми разставлены гички и лодки рѣчнаго яхтъ-клуба и большія модели цѣлыхъ кораблей морскаго вѣдомства.

Какъ разъ въ промежуткѣ между рѣчнымъ яхтъ-клубомъ и морскимъ вѣдомствомъ, нѣсколько ступенекъ сводятъ насъ въ Сельско-хозяйственное Отдѣленіе, гдѣ посрединѣ стоитъ желѣзный кіоскъ С.-Петербургскаго металлическаго завода, окруженный четырьмя трапецоидами; а вокругъ ихъ разставлены паровыя молотилки, сѣялки, конныя грабли, жатвенныя машины, плуги, печи и множество мелкихъ принадлежностей агрономіи.

О садѣ и аквариумѣ мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующихъ нумерахъ. Здѣсь же замѣтимъ, что онъ

представляетъ собою одну изъ лучшихъ декорацій выставки. Вокругъ скалистой пещеры съ сталактитами внутри и фонтаномъ снаружи, составляющей входъ въ подземный акваріумъ, сквозятъ въ зелени четырехъ куртинъ изящные плетеные и рѣзные кіоски съ бесѣдками; а фронтоны четырехъ фасовъ Главнаго Отдѣла, построенные архитекторомъ Павловымъ, въ совершенно русскомъ стилѣ, изъ дерева съ рѣзными коньками, балясами, переходами, фигурными прорѣзами, напоминая избу и теремъ, — поражаютъ искуснымъ сочетаніемъ этого деревяннаго кружева со стеклянными стѣнами Главнаго Отдѣла. Панель, идущая вокругъ куртинъ, уставлена садовой мебелью, лѣпными и литейными изваяніями; въ числѣ послѣднихъ особенно замѣчательны двѣ статуи преобразователя, положившаго истинное начало мануфактурной промышленности въ Россіи. Петръ Великій изображенъ въ двухъ видахъ — молодымъ саардамскимъ плотникомъ съ топоромъ и рулемъ въ рукахъ, и грознымъ побѣдителемъ шведовъ прорубившимъ окно въ Европу.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ бѣглый очеркъ общаго устройства выставки, которому лучшимъ дополненіемъ служатъ приложенные рисунокъ и планъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Примѣты погоды.

Изученіе облаковъ до сихъ поръ весьма мало сдѣлало успѣховъ. Со временемъ воздухоплаваніе пополнитъ этотъ пробѣлъ въ метеорологической наукѣ—и со своей стороны позаимствуется отъ этой отрасли полезными указаніями. Однако, по сдѣланнымъ уже наблюденіямъ, облака раздѣляются на совершенно непохожія одна на другую группы, извѣстныя подъ названіями: stratus, cumulus, cyrrhus и *зеренъ* (по нѣмецки Körner.) — Stratus (отъ латинскаго слова stratum — слой, платформа) называются слои облаковъ, которые движутся между двумя горизонтальными плоскими слоями воздуха. Эту форму облака принимаютъ почти только во время заката; колоритъ ихъ всегда очень роскошенъ, и если въ немъ преобладаетъ пурпуръ—это неизмѣнно предрекаетъ тепло или вѣтеръ. Cumulus (по латыни: куча, множество) это облака представляющія преимущественно круглую форму, почему моряки въ нѣкоторыхъ странахъ называютъ ихъ «шерстяными мячами». Они образуются въ хорошіе дни по утрамъ, и повидимому поддерживаютъ въ атмосферѣ легкое движеніе, которое гонитъ ихъ изъ нижнихъ слоевъ ея въ верхніе и наоборотъ. Если цвѣтъ ихъ чисто бѣлый съ перлово-сѣрыми полосами—они не страшны. Cyrrhus—это тѣ легкія облачка, похожія на пряди овечьей шерсти или хлопья ваты, которыя раскиданы по ясному небу, точно метлой разметены. Зимой они предсказываютъ оттепель. Лѣтомъ, когда они сливаются, они превращаются въ stratus и неминуемо означаютъ дождь. Эти три категоріи, соединеніемъ между собою, или подъ вліяніемъ извѣстныхъ воздушныхъ теченій, образуютъ еще смѣшанныя группы. Такъ, напр., есть strato-cumulus; это густыя, плотныя массы тучъ, которыя сопровождаются сильнымъ вѣтромъ, но не всегда разражаются дождемъ. Группамъ cyrrho-cumulus мы обязаны внезапными ливнями, которые въ ясные, жаркіе дни оживляютъ изсушеныя растенія, и обращаютъ гуляющихъ въ бѣгство. «Зернами» называются черно-сѣрыя точки, являющіяся на горизонтѣ. Сначала онѣ занимаютъ самое малое пространство, но быстро разростаются, нагоняются порывистымъ вѣтромъ и зачастую скрываютъ въ себѣ молніи. Тогда морякъ спѣшитъ въ пристань, хозяйка наблюдаетъ чтобы въ домѣ не было сквозника, если не хочетъ, чтобы разбило ей всѣ окна и расшатало всѣ ставни.

Внимательные наблюдатели довольно вѣрно умѣютъ предсказывать погоду—по извѣстному метеорологическому состоянію атмосферы, или по виду неба, или же по направленію и свойству вѣтра, а равно и по многимъ другимъ явленіямъ, которыя замѣчаются въ животныхъ, растеніяхъ и другихъ предметахъ, составляющихъ обстановку человѣка.

Если въ хорошій лѣтній вечеръ образуются облака и опять исчезаютъ, это можно считать предзнаменованіемъ хорошей погоды. Если вечеромъ красныя облака исчезаютъ вмѣстѣ съ солнцемъ, можно предполагать, что небо на слѣдующее утро будетъ ясное. Если же они остаются, то на зарѣ облака будутъ еще краснѣе и вѣроятно принесутъ дождь. Если утромъ и вечеромъ небо покрыто темными, но не сплошными облаками, можно готовиться къ дождю и вѣтру. Если въ дурное время года небо принимаетъ цвѣтъ зеленовато-водянистый, дождь будетъ сильнѣе и продолжителенъ. Если небо ясное, голубое, но усѣяно маленькими, бѣленькими облачками, обыкновенно довольно скоро наступаетъ дождливая погода. Голубое небо, по которому рядами тянутся волнистыя облака, означаетъ, что слѣдующее утро начнется сильнымъ вѣтромъ. Если, въ лѣтній вечеръ, небо незамѣтно покрывается маленькими бѣлыми облаками, которыя постепенно разстилаются и темнѣютъ, слѣдуетъ ждать дождя. Когда готовится гроза, небо нерѣдко представляетъ тоже явленіе. Когда облака образуютъ большіе хлопья, въ серединѣ темные, по краямъ свѣтлые, на ярко-лазуревомъ фонѣ, можно предсказать сильные ливни, градъ или снѣгъ, смотря по времени года. Если облака образуются на значительной высотѣ, растянутыя и какъ-бы съ бахрамой, ихъ легко разсѣетъ противный вѣтеръ; если же удастся имъ сплотиться, они разрѣшатся дождемъ. Если все небо заволочено, и по немъ быстро несутся еще маленькія, черныя тучки, предстоитъ продолжительный дождь. Если облака послѣ дождя спускаются къ землѣ и парятъ надъ самыми полями, это предрекаетъ хорошую погоду. Облака раздѣленныя на волны, точно овечья шерсть, предсказываютъ лѣтомъ вѣтеръ, а зимой—снѣгъ. Тусклое, блѣдное солнце возвѣщаетъ дождь. Появленіе какъ-бы двухъ или трехъ солнцъ (оптическій обманъ причиняемый преломленіемъ свѣта въ облакахъ) знакъ, что будетъ дождь, или, если это случается зимой, что выпадетъ твердый снѣгъ при холодной температурѣ. Точно такъ же бѣловатыя кольца, образующіяся вокругъ солнца, луны или звѣздъ, означаютъ дождь.

Вѣтеръ, смотря по географическому положенію мѣстности, представляетъ самыя вѣрныя данныя для пророчествъ о погодѣ. Какъ только, на примѣръ, восточный вѣтеръ уступитъ мѣсто западному,—облака, сначала накопившіяся по западному направленію, потомъ

отогнанныя обратно, неминуемо даютъ дождь. Если вѣтеръ по горизонтальному теченію воздуха мѣняетъ направленія, слѣдуетъ ждать дождя. Сильно завывающій и шумящій вѣтеръ всегда сопровождается дождемъ, особенно если онъ дуетъ съ востока или съ юга. Юго-восточный вѣтеръ обѣщаетъ хорошую погоду. Восточный вѣтеръ возвѣщаетъ сухую погоду, а сѣверный вѣтеръ лѣтомъ прохладу а зимой—холодъ. Частая перемѣна вѣтровъ—признакъ бури. Вѣтры, начинающіе дуть днемъ, гораздо сильнѣе и продолжительнѣе тѣхъ, которые поднимаются ночью.

Туманы, если спускаются съ неба или горъ, или стелятся по долинамъ,—возвѣщаютъ хорошую погоду. Если при восхожденіи солнца они поднимаются съ земли, то предвѣщаютъ скорый дождь. Если въ дурную погоду вдругъ сдѣлается туманъ — это значитъ она прекратится; если туманъ сдѣлается въ хорошую погоду, поднимается къ верху и оставляетъ за собою облака,—это означаетъ перемѣну погоды. Если же послѣ вѣтра наступаетъ морозъ и разрѣшается туманомъ—это предвѣщаетъ дурную погоду. Если, послѣ небольшаго дождя, низко садятся облака, похожія на дымъ, —это означаетъ, что скоро будетъ обильный дождь.

Сильная роса предвѣщаетъ хорошій день, но если она не возобновляется на слѣдующее утро, можно опасаться, что пары, накопившіеся въ атмосферѣ, примутъ форму дождя. Того же слѣдуетъ ожидать, если въ непоказанное время года является обильный бѣлый иней.

Лѣтомъ если больше громъ гремитъ, чѣмъ молнія сверкаетъ,—это значитъ, что будетъ вѣтеръ съ той стороны, гдѣ громъ; если больше молнія сверкаетъ, это предвѣщаетъ дождь. Когда молнія показывается со всѣхъ четырехъ концовъ неба, предстоитъ буря. Громъ утромъ предрекаетъ вѣтеръ, вечеромъ—дождь. Лѣтнимъ вечеромъ зарницы, безъ тучъ и грома, пророчатъ тепло и хорошую погоду; зимою напротивъ — снѣгъ, вѣтеръ или бурю.

Существуетъ одно весьма распространенное заблужденіе: будто различные фазисы луны причиняютъ перемѣну погоды, тогда какъ опытъ доказываетъ, что если луна и имѣетъ нѣкоторое вліяніе на нашу атмосферу, то весьма слабое и большей частью въ связи съ другими явленіями, представляемыми небомъ.

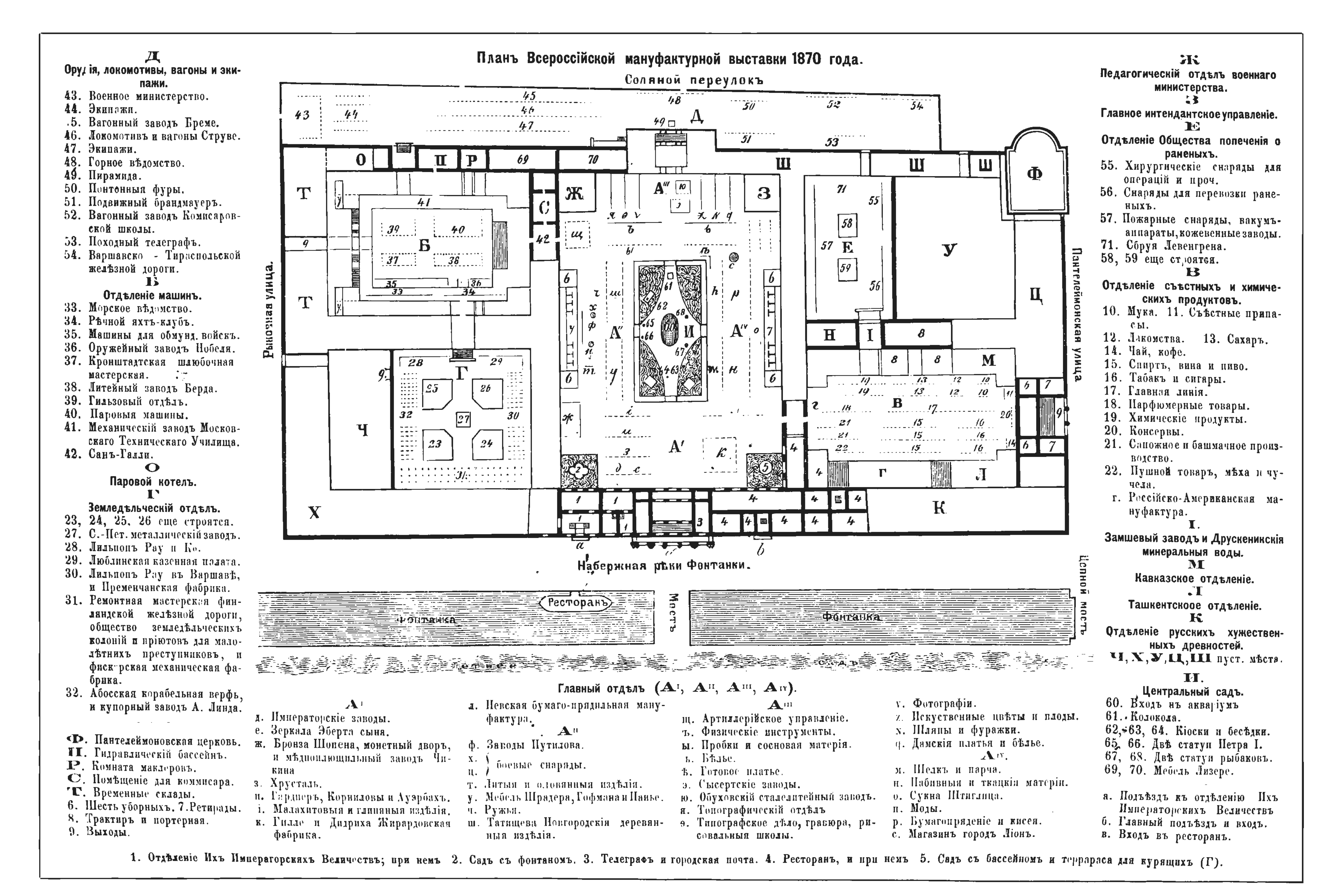
Когда звѣзды какъ будто передвигаются съ мѣста на мѣсто, это знакъ, что будетъ вѣтеръ—съ той стороны, съ которой онѣ повидимому двигаются. Какъ только звѣзды вдругъ потускнутъ, хотя не замѣтно ни облаковъ ни тумана, вѣрно будетъ дождь или сильная буря. Когда звѣзды кажутся больше обыкновеннаго, погода перемѣнится.

Двойная радуга—предвѣстница дождя, и даже когда она исчезнетъ, еще нельзя расчитывать на хорошую погоду.

Если на берегу моря, въ тихую погоду, начнется особаго рода глухой гулъ—это знакъ, что будетъ вѣтеръ; если этотъ гулъ раздастся съ промежутками—будетъ холодъ или дождь. Если въ ясную погоду, морской прибой у берега сильно бурлитъ, это признакъ предстоящей сильной грозы и бури. Тоже самое означаетъ, когда на поверхности совершенно спокойнаго моря являются пузыри пѣны. При наступленіи непогоды —ключи, вытекающіе изъ скалъ и пещеръ, тоже издаютъ глухое журчаніе. Въ американской Сьеррѣ-Невадѣ есть ключи горячихъ минеральныхъ водъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ издаютъ шумъ, похожій на отдаленное рокотаніе грома. Если отъ первыхъ капель дождя, падающаго на спокойную воду, образуются пузыри, это показываетъ, что дурная погода будетъ продолжительна. Точно такъ же предвѣщаетъ дурную погоду, если изъ тины болота поднимаются маленькіе пузырьки углеводорода и лопаются на поверхности.

Приступая къ другому разряду примѣтъ—представляемыхъ домашними животными, птицами, рыбами, насѣкомыми, растеніями, звукомъ колоколовъ, кухонными сосудами на огнѣ,—скажемъ, что по движеніямъ и расположенію духа большихъ животныхъ, особенно жвачныхъ, весьма часто можно выводить заключенія объ атмосферическихъ перемѣнахъ. Виргилій уже замѣтилъ это явленіе, и писалъ о немъ слѣдующее: «Не думаю, чтобы боги надѣлили ихъ умомъ, способнымъ предвидѣть будущность, или болѣе совершеннымъ познаніемъ вещей, нежели вселяемое въ нихъ инстинктомъ; но какъ только мѣняются погода и воздухъ увлажненный южнымъ вѣтромъ, который сгущаетъ то, что́ обыкновенно бываетъ въ разрѣженномъ состояніи и расширяетъ то, что́ обыкновенно бываетъ сплочено,—кровь иначе двигается, и тѣло животныхъ принимаетъ впечатлѣнія, различныя отъ тѣхъ, которыя оно ощущало когда погода была сыра и отягчена парами. Такъ напр. быкъ поднимаетъ глаза къ небу и лижетъ себя противъ шерсти, а свинья изъявляетъ радость, весела и рѣзва, когда влага—находящаяся въ воздухѣ—пріятно дѣйствуетъ на ихъ кожу.

Примѣтъ, которыми можно позаимствоваться отъ птицъ, очень много. Естествоиспытатели, по основательнымъ причинамъ, приписываютъ это обстоятельство устройству перьевъ — настоящихъ барометровъ, дающихъ птицѣ чувствовать когда кожа ея дѣлается гибкой или вялой и сухой, и доставляющихъ ей возможность предохранить себя отъ перемѣны погоды, если она наступитъ не слишкомъ круто. Тетеревъ предвѣщаетъ хорошую погоду, когда онъ садится на вершину деревьевъ и ихъ новые ростки,—дурную же, если онъ садится на нижнія вѣтви. Цапля, когда стоитъ меланхолически и неподвижно на краю болота, пророчитъ иней и холодную изморось; когда она расшумится и засуетится, это знакъ дождя. Павлинъ предрекаетъ дождь тѣмъ, когда забирается выше обыкновеннаго или издаетъ свой рѣжущій ухо крикъ. Грозитъ дождь: когда овсянка высоко лѣтаетъ,—когда пѣснь зяблика звучитъ особенно и непріятно,—когда щебетаніе синицы похоже на визгъ пилы или стекла,—когда гусь надоѣдаетъ безпрерывнымъ крикомъ,—когда курица стоитъ неподвижно и упорно общипываетъ себѣ перья,—когда вороны стаями и съ карканьемъ улетаютъ изъ полей и спѣшатъ укрыться въ старые дремучіе лѣса или высокія башни,—когда стѣнныя ласточки спускаются изъ подоблачныхъ высей и толпою летаютъ около высокихъ колоколенъ.—Вѣтра можно ожидать: когда утка чиститъ и приглаживаетъ себѣ перья,—когда журавль спѣшитъ къ землѣ,—когда нырокъ избѣгаетъ моря,—когда карастель утромъ кричитъ. Крикъ совы или филина во время дождя предвѣщаетъ хорошую погоду, а въ хорошую погоду—дождь. Если вороны дерутся между собой, почти вѣрно, что будетъ вѣтеръ, а чаще—дождь. Если ласточка своимъ полетомъ описываетъ длинную изгибистую линію и наклоняется на сторону, прикасаясь кончикомъ крыльевъ къ водамъ рѣкъ или озеръ—это вѣрнѣйшій признакъ продолжительнаго дождя. Если она летитъ низко, за-


Планъ Всероссійской мануфактурной выставки 1870 года.
Соляной переулокъ
Рыночная улица.
Пантелеймонская улица
Набережная рѣки Фонтанки.
Ресторанъ
Фонтанка
Мостъ
Цѣпной мостъ
Д
Орудія, локомотивы, вагоны и экипажи.
43. Военное министерство.
44. Экипажи.
45. Вагонный заводъ Бреме.
46. Локомотивъ и вагоны Струве.
47. Экипажи.
48. Горное вѣдомство.
49. Пирамида.
50. Понтонныя фуры.
51. Подвижный брандмауеръ.
52. Вагонный заводъ Комиссаровской школы.
53. Походный телеграфъ.
54. Варшавско - Тираспольской желѣзной дороги.
Б
Отдѣленіе машинъ.
33. Морское вѣдомство.
34. Рѣчной яхтъ-клубъ.
35. Машины для обмунд. войскъ.
36. Оружейный заводъ Нобеля.
37. Кронштадтская шлюбочная мастерская.
38. Литейный заводъ Берда.
39. Гильзовый отдѣлъ.
40. Паровыя машины.
41. Механическій заводъ Московскаго Техническаго Училища.
42. Санъ-Галли.
О
Паровой котелъ.
Г
Земледѣльческій отдѣлъ.
23, 24, 25, 26 еще строятся.
27. С.-Пет. металлическій заводъ.
28. Лильпопъ Рау и Ко.
29. Люблинская казенная палата.
30. Лильпопъ Рау въ Варшавѣ, и Премечанская фабрика.
31. Ремонтная мастерская финляндской желѣзной дороги, общество земледѣльческихъ колоній и пріютовъ для малолѣтнихъ преступниковъ, и фискарская механическая фабрика.
32. Абосская корабельная верфь, и купорный заводъ А. Линда.
Ф. Пантелеймоновская церковь.
П. Гидравлическій бассейнъ.
Р. Комната маклеровъ.
С. Помѣщеніе для коммисара.
Т. Временные склады.
6. Шесть уборныхъ. 7. Ретирады.
8. Трактиръ и портерная.
9. Выходы.
Главный отдѣлъ (Аi, Аii, Аiii, Аiv).
Аi
д. Императорскіе заводы.
е. Зеркала Эберта сына.
ж. Бронза Шопена, монетный дворъ, и мѣдноплющильный заводъ Чикина
з. Хрусталь.
и. Гардиеръ, Корниловы и Ауэрбахъ.
і. Малахитовыя и глиняныя издѣлія.
к. Гилле и Дидриха Жирардовская фабрика.
л. Невская бумаго-прядильная мануфактура.
Аii
ф. Заводы Путилова.
х. ц. боевые снаряды.
т. Литыя и оловянныя издѣлія.
у. Мебель Шрадера, Гофмана и Панье.
ч. Ружья.
ш. Татищева Новгородскія деревянныя издѣлія.
Аiii
щ. Артиллерійское управленіе.
ъ. Физическіе инструменты.
ы. Пробки и сосновая матерія.
ь. Бѣлье.
ѣ. Готовое платье.
э. Сысертскіе заводы.
ю. Обуховскій сталелитейный заводъ.
я. Топографическій отдѣлъ
ѳ. Типографское дѣло, гравюра, рисовальныя школы.
ѵ. Фотографіи.
z. Искуственные цвѣты и плоды.
ѯ. Шляпы и фуражки.
ч. Дамскія платья и бѣлье.
Аiv
м. Шелкъ и парча.
н. Набивныя и ткацкія матеріи.
о. Сукна Штиглица.
п. Моды.
р. Бумагопряденіе и кисея.
с. Магазинъ городъ Ліонъ.
Ж
Педагогическій отдѣлъ военнаго министерства.
З
Главное интендантское управленіе.
Е
Отдѣленіе Общества попеченія о раненыхъ.
55. Хирургическіе снаряды для операцій и проч.
56. Снаряды для перевозки раненыхъ.
57. Пожарные снаряды, вакумъаппараты, кожевенные заводы.
71. Сбруя Левенгрена.
58, 59 еще строятся.
В
Отдѣленіе съѣстныхъ и химическихъ продуктовъ.
10. Мука. 11. Съѣстные припасы.
12. Лакомства. 13. Сахаръ.
14. Чай, кофе.
15. Спиртъ, вина и пиво.
16. Табакъ и сигары.
17. Главная линія.
18. Парфюмерные товары.
19. Химическіе продукты.
20. Консервы.
21. Сапожное и башмачное производство.
22. Пушной товаръ, мѣха и чучела.
г. Россійско-Американская мануфактура.
I.
Замшевый заводъ и Друскеникскія минеральныя воды.
М
Кавказское отдѣленіе.
Л
Ташкентское отдѣленіе.
К
Отдѣленіе русскихъ художественныхъ древностей.
Ч, Х, У, Ц, Ш пуст. мѣста.
И.
Центральный садъ.
60. Входъ въ аквариумъ
61. Колокола.
62, 63, 64. Кіоски и бесѣдки.
65, 66. Двѣ статуи Петра I.
67, 68. Двѣ статуи рыбаковъ.
69, 70. Мебель Лизере.
а. Подъѣздъ къ отдѣленію Ихъ Императорскихъ Величествъ
б. Главный подъѣздъ и входъ.
в. Входъ въ ресторанъ.
1. Отдѣленіе Ихъ Императорскихъ Величествъ; при немъ 2. Садъ съ фонтаномъ. 3. Телеграфъ и городская почта. 4. Ресторанъ, и при немъ 5. Садъ съ бассейномъ и терраса для курящихъ (Г).

дѣвая землю, ломанными линіями, съ безпрерывнымъ крикомъ—это вѣрный знакъ грозы.

Если пчела спѣшитъ въ улей и прилетаетъ туда измученная и изнемогая подъ бременемъ цвѣточной пыли — грозитъ дождь. Муравей передъ ливнемъ дѣлается лѣнивъ, снуетъ взадъ и впередъ, выказываетъ безпокойство, носитъ съ собою свои личинки, какъ бы для того чтобы укрыть ихъ въ муравейникѣ. Земляные червяки выползаютъ изъ своихъ норъ изъ опасенія быть въ нихъ потопленными. Пауки довольно достовѣрно возвѣщаютъ намъ готовящіяся въ атмосферѣ перемѣны. Если погода угрожаетъ сдѣлаться дождливой, вѣтряной, или вообще почему нибудь непріятной, они сокращаютъ и прикрѣпляютъ концы тѣхъ нитей, на которыхъ держится вся паутина и въ такомъ положеніи ждутъ ненастья. Если же паукъ даетъ этимъ нитямъ повиснуть во всю длину, можно расчитывать, что ясная погода продержится по меньшей мѣрѣ еще дней десять-двадцать. Если на пауковъ находитъ совершенное равнодушіе и нечувствительность—зарядитъ дождь. Съ другой стороны, если пауки дѣятельны во время дождя, это вѣрный знакъ что онъ будетъ непродолжителенъ, и за нимъ на долгое время послѣдуетъ хорошая погода. Замѣчено что паукъ, непремѣнно разъ въ сутки дѣлаетъ какія нибудь измѣненія въ своей паутинѣ; если онъ дѣлаетъ между 6 и 7 час. веч.,—можно заключить, что ночь будетъ ясна и хороша. Тенетникъ (тѣ тонкія, длинныя, почти невидимыя ниточки, которыя такъ граціозно колеблются по воздуху весной и осенью) — вѣрный признакъ прочной хорошей погоды. Безчисленные крохотные полевые пауки, производящіе тенетникъ, принимаются усердно прясть, когда въ эти два времени года надолго устанавливаются хорошіе дни. Малѣйшій дождь уничтожаетъ ихъ нѣжное произведеніе; но они опять принимаются за работу, лишь только опять надолго засіяетъ солнце.

Небо сулитъ дождь и грозу, когда прѣсноводная рыба выпрыгиваетъ изъ воды, чтобы хватать насѣкомыхъ, рѣзвящихся на поверхности ея,—когда лѣтомъ ракъ днемъ выползаетъ изъ своихъ норъ,—когда улитка уходитъ въ свою раковину, и когда лягушка квакаетъ. Зеленая лягушка, этотъ живой барометръ, въ нѣкоторыхъ странахъ является весной, лѣтомъ, рѣже осенью, обыкновенно на опушкѣ лѣса, въ изгородяхъ и фруктовыхъ садахъ попрохладнѣе. Притаившись въ зелени, она издаетъ особаго рода звуки, предрекающіе дождливую погоду. По разсказамъ нѣкоторыхъ историковъ, уже кельты употребляли ее вмѣсто барометра; есть поводъ предполагать даже, что этому народу первому пришла мысль сажать ее въ стеклянные сосуды съ водой, пескомъ и маленькой лѣсенкой. Сосудъ закрывается картонной крышкой, въ которой подѣланы отверстія для воздуха. Въ хорошую погоду лягушка сидитъ на днѣ; какъ только въ воздухѣ является сырость, она начинаетъ подниматься по лѣсенкѣ—тѣмъ выше, чѣмъ ближе или сильнѣе дождь. При наступленіи бури, она даже пытается совсѣмъ уйти, и карабкается по стѣнкамъ сосуда. Если разъ пять или шесть въ годъ позаботиться перемѣнить ей воду и песокъ, а лѣтомъ иногда угощать ее живыми мухами, она можетъ прожить такимъ образомъ лѣтъ пять и нерѣдко дѣлается совсѣмъ ручная.

Изъ растеній особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи іерихонская роза: листья ея отъ сырости дѣлаются больше, а отъ засухи стягиваются, и сохраняютъ это свойство даже въ изсушенномъ состояніи. Сибирскій одуванчикъ обладаетъ сходнымъ свойствомъ: если чашечка его въ полночь закрывается, можно разсчитывать на хорошую погоду въ слѣдующій день; если остается раскрытою, это значитъ что въ воздухѣ есть расположеніе къ дождю. Клеверъ, повидимому, питаетъ ужасъ и отвращеніе къ бурѣ: какъ только буря собирается, онъ ерошитъ и столбомъ поднимаетъ листья. Множество растеній изъ семейства бобовыхъ, какъ напримѣръ акація, стягиваютъ свои листья и цвѣты съ приближеніемъ дождя.

По волосамъ, мѣхамъ, перьямъ, волокнамъ китоваго уса и кишковымъ струнамъ, смотря по степени ихъ тонкости, сухости или жирности, тоже болѣе или менѣе вѣрно можно измѣрять влажность атмосферы. Жирные волосы, разумѣется, въ этомъ отношеніи плохи; но если волосы сухи и потеряютъ волнистость или завивку — это вѣрный признакъ сырости. Около 1788 г. физикъ Соссюръ въ Женевѣ изобрѣлъ инструментъ, который обозначаетъ степени сырости атмосферы при такихъ условіяхъ, при какихъ безъ него невозможно было бы уловить измѣненій въ воздухѣ. Къ одному концу прикрѣпленъ волосъ, къ другому—маленькая гиря; напряженіе или ослабленіе волоса сообщаетъ движеніе стрѣлкѣ, которая на циферблатѣ отмѣчаетъ градусы сырости и сухости. Волосы очень долго сохраняютъ это свойство: нѣкоторые волосы, взятые отъ египетскихъ мумій, съ успѣхомъ употреблены для измѣренія влажности атмосферы.

Звучные металлы и, въ особенности, сплавы мѣди и цинка, изъ которыхъ изготовляются колокола, издаютъ своеобразный звукъ,—и, смотря по акустическому устройству мѣстности, дозволяютъ даже наименѣе опытному наблюдателю различить, сколько влажности заключаетъ въ себѣ атмосфера. Если влажности въ воздухѣ много, звуковыя колебанія выходятъ прерывисты и звукъ какъ будто приходитъ по направленію, противоположному дѣйствительному. На поверхность этихъ металловъ легко садится сырость, и подергиваетъ ихъ влагою, и это повидимому имѣетъ вліяніе на звуковыя колебанія.

Кухонная глиняная посуда, равно и фаянсовая, печные изразцы, поваренная соль сырѣютъ и какъ бы покрываются легкимъ потомъ, когда собирается дождь или буря.

Даже огонь представляетъ нѣкоторыя примѣты на счетъ погоды. Если пламя блѣдно и сильно трещитъ, это означаетъ дурную погоду; если пламя прыгаетъ—будетъ вѣтеръ. Если пламя огня или свѣчи бросаетъ искры, и если огонь трудно разгорается, это тоже предрекаетъ дождь; то же самое означаетъ, когда изъ подъ остраго конца утюга и изъ подъ котла вылетаютъ искры.

Любопытно бы этотъ весьма пространный и полный сборникъ примѣтъ погоды изъ книгъ и опытовъ иностранныхъ ученыхъ сличить съ коллекціей спеціально русскихъ народныхъ примѣтъ, собранной Далемъ въ его изданіи русскихъ пословицъ, — любопытно по чрезвычайному сходству, или вѣрнѣе, по совершенной тождественности сдѣланныхъ наблюденій. Выписываемъ нѣсколько изъ этихъ примѣтъ для примѣра:

Солнце красно заходитъ—къ вѣтру.—Солнце садится въ морокъ — будетъ дождь. — Кольцо вокругъ солнца — къ ненастью. — Крутой мѣсяцъ — къ холоду.—Рога луны остры и ярки — къ ведру (хорошей

погодѣ).— Тусклый мѣсяцъ — къ мокрети. — Красныя облака до восхода—къ вѣтру; тучи—къ дождю; красныя при закатѣ — къ ведру и вѣтру. — Пузыри на водѣ—къ ненастью.—Большіе дождевые пузыри—къ дождямъ.—Туманъ падаетъ—къ ведру; поднимается—къ ненастью.—Красный огонь въ печи — къ морозу, бѣлый — къ оттепели. Дрова горятъ съ трескомъ — къ морозу.— Лучина трещитъ и мечетъ искры — къ ненастью. — Кошка въ печурку— морозъ на дворъ.— Кошка морду хоронитъ—къ морозу либо къ ненастью.— Кошка крѣпко спитъ — къ теплу. — Собака катается —къ дождю или снѣгу.—Курица или гусь на одной ногѣ стоитъ — къ стужѣ. Вороны каркаютъ стаей—къ морозу, лѣтомъ къ ненастью. — Дворовая птица ощипывается—къ ненастью.—Чайки много купаются—къ ненастью. — Ласточки шныряютъ низко — къ ненастью; летаютъ высоко—къ ведру.—Земляные черви выползаютъ наружу—къ ненастью.—Раки на берегъ выходятъ — къ ненастью. — Лягушки квакаютъ — къ дождю.—Осенній тенетникъ — ясная погода. — Горшки легко позакипаютъ черезъ край — къ ненастью. Къ ненастью соль волгнетъ (сырѣетъ) и пр. и пр.

Смѣсь.

Міровая статистика. — Одинъ статистикъ недавно разсчиталъ, что на земномъ шарѣ живетъ всего 1,288,000,000 душъ; изъ этого числа 360,000,000 принадлежатъ кавказской расѣ, 552,000,000—монгольской, 190,000,000—эѳіопской, 176,000,000—малайской и 1,000,000—индо-американской. Существуетъ 3,642 языка и 1,000 вѣроисповѣданій. Ежегодная смертность на земномъ шарѣ простирается до 33,333,333 душъ, т. е. умираетъ 91,543 человѣкъ въ день, или 3,730 въ часъ и 62 въ минуту—стало быть каждымъ ударомъ пульса отмѣчается кончина человѣка. Человѣческій вѣкъ среднимъ числомъ не превышаетъ 33 лѣтъ. Четверть населенія умираетъ 7-ми или до 7 лѣтъ, половина 17 или до 17-ти лѣтъ Изъ 10,000 человѣкъ одинъ живетъ 100 лѣтъ; изъ 500 одинъ достигаетъ 90 лѣтъ, а изъ 100 одинъ—60 лѣтъ. Одна восьмая часть человѣческаго рода—военная. Изъ 1,000 людей, доживающихъ до 70 лѣтъ, насчитывается 43 духовныхъ лицъ или публичныхъ ораторовъ, 30 сельскихъ хозяевъ или земледѣльцевъ, 32 солдата или состоящихъ на военной службѣ, 29 адвокатовъ или инженеровъ, 27 профессоровъ и 24 врача — такъ что люди, посвящающіе себя продленію чужаго вѣка, сами раньше всѣхъ умираютъ. Приводимъ, какъ курьозъ это голословное исчисленіе, предоставляя каждому читателю полное право сомнѣваться, выдержитъ ли оно научную провѣрку.

По водѣ, надъ водой или подъ водою? — Мысль о болѣе удобномъ сообщеніи между Англіей и Франціей, свободномъ отъ непріятностей и риска сопряженныхъ съ морскимъ переѣздомъ, хотя и короткимъ, все болѣе занимаетъ англійскихъ и французскихъ государственныхъ людей, спекулянтовъ и спеціалистовъ по инженерной части. Вопросъ этотъ съ каждымъ днемъ сильнѣе выступаетъ на первый планъ, тѣмъ болѣе, что прямое и легкое неводяное сообщеніе съ Франціей значительно облегчило бы и сообщенія Англіи со всѣмъ европейскимъ материкомъ. Потребность въ разрѣшеніи этой задачи ощущается настоятельная: пассажировъ ежегодно перебирается черезъ Ламаншъ до 400,000 на Калэ, Булонь, Дьеппъ и Гавръ,—и нѣтъ сомнѣнія, что цифра эта быстро и значительно возросла бы, при большемъ удобствѣ и легкости переѣзда. Въ настоящее время употребляются для перевозки пассажировъ только маленькіе пароходики, которые хотя и не представляютъ особеннаго комфорта, однако при хорошей погодѣ довольно удовлетворительно исполняютъ свое дѣло (изъ Калэ въ Дувръ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не болѣе полутора часа пути); за то въ бурную погоду, которая такъ часто начинается въ проливѣ ни съ того ни съ сего, положеніе посажировъ самое бѣдственное. Можно бы значительно помочь дѣлу уже однимъ употребленіемъ пароходовъ большихъ размѣровъ, но порты такъ мелки и неудобны, особенно на французскомъ берегу, что это пока еще невозможно. Для радикальнаго устраненія зла, предлагаютъ устроить сухопутное сообщеніе посредствомъ туннеля или моста. Французскій инженеръ Бутель составилъ проектъ международнаго моста отъ пункта близь такъ называемаго Шекспировскаго утеса до пункта, называемаго Бланъ-не (Бѣлый Носъ), невдалекѣ отъ Калэ. По этому проекту, скалы по обѣимъ сторонамъ пролива, высотой въ 400 футовъ или около того, должны служить точками опоры исполинскому віадуку, кромѣ того въ море должны быть вбиты двадцать девять могучихъ чугунныхъ свай. Самый мостъ предполагается построить изъ особаго рода бревенъ, обладающихъ нужной силой сопротивленія и въ тоже время очень легкихъ. Изобрѣтатель предлагаетъ весьма ловко и находчиво придуманные способы преодолѣвать безчисленныя препятствія, затрудняющія подобное предпріятіе. Спеціалисты высказываются, кто за, кто противъ этой системы. Остановка, кажется, выходитъ изъ за расходовъ, смѣта которыхъ достигаетъ 53 милліоновъ руб. сер. Что же касается проектовъ туннелей—имѣются цѣлыя дюжины. Изъ изобрѣтателей ихъ одни хотятъ подкапываться подъ известковое дно морское, другіе предлагаютъ широкія трубы, пловучія или опущенныя на самое дно, черезъ которыя проходили бы вагоны. Одна изъ самыхъ затруднительныхъ задачъ заключается, конечно, въ доставленіи нужнаго количества свѣжаго воздуха въ такой длинный и тѣсный проходъ. Возможность сооруженія такого туннеля, однако, не подлежитъ сомнѣнію; а судя по результатамъ, достигнутымъ недавно проведеннымъ подъ Темзой туннелемъ изъ свинченныхъ чугунныхъ трубъ,—его будетъ легче устроить, нежели мостъ, и онъ вдобавокъ будетъ безопасенъ; но расходы опять таки громадные—говорятъ, что то въ родѣ семи или десяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Самымъ практичнымъ оказывается чуть ли не третій проектъ: построить огромные паромы, длиною въ 450 футовъ, и шириной въ 80, на которыхъ перевозить поѣзды цѣликомъ и тотчасъ же отправлять ихъ далѣе по приноровленнымъ къ паромамъ рельсамъ. Каждый паромъ предполагается снабдить машиной въ 1500 лошадиныхъ силъ, и сдѣлать ихъ на столько тяжелыми и прочными, чтобы имъ ничего не сдѣлалось—или очень мало—даже отъ сильнаго волненія. Такъ какъ употребляемыя донынѣ пристани недостаточно ограждены отъ вѣтра, то предполагаютъ устроить новыя, и на англійскомъ берегу даже уже выбрано мѣсто, нѣсколько западнѣе нынѣшней Дуврской пристани, на которомъ устроились бы нужные гидравлическіе подъемные аппараты для постановки поѣздовъ на порты и снятія съ нихъ. На французскомъ берегу назначено мѣсто на югѣ отъ мыса Гринэ и на сѣверъ отъ Амблътуза. Выборъ этихъ пунктовъ не только сокращаетъ переѣздъ до послѣдней возможности, но имѣетъ еще и ту выгоду, что даетъ возможность пользоваться большимъ маякомъ, поставленнымъ на мысу Гринэ. Наконецъ, на сооруженіе всѣхъ нужныхъ аппаратовъ, пристаней и паромовъ требуется всего три года, и—что еще пріятнѣе—не болѣе двухъ милліоновъ фунт. ст. Такъ какъ подобные паромы уже употребляются съ большимъ успѣхомъ на Констанцскомъ озерѣ, а при нынѣшнихъ пристаняхъ во всякомъ случаѣ не возможно оставаться, то, кажется, можно съ увѣренностью полагать, что послѣдній проектъ будетъ окончательно утвержденъ и исполненъ.

Еще американская новинка. — Между Нью-Іоркомъ и Вашингтономъ собираются ввести новую телеграфную систему, названную «литтлевской», по имени изобрѣтателя, нѣкоего г. Литтля, и существенно отличающуюся отъ употреблявшейся до нынѣ. Если правда все, что пишутъ о чудесахъ, которыя тво-

ритъ это новое изобрѣтеніе, оно произведетъ положительную революцію въ телеграфной области. Увѣряютъ, что оно даетъ возможность отписывать 200 словъ въ минуту по одной проволокѣ, тогда какъ по нынѣшней системѣ самый опытный и наловчившійся телеграфистъ не можетъ писать ихъ болѣе 50. Изобрѣтатель утверждаетъ, что, по милости его системы, цѣны за депешу сбавятся на половину—а это обстоятельство для дѣловаго міра въ высшей степени важно. Почтовыя сообщенія значительно пострадали бы, за то обмѣнъ телеграммами сталъ бы въ десятеро живѣе. Расчитано, что введеніе новой системы на всѣхъ линіяхъ Соединенныхъ Штатовъ стоило бы всего $4^1/_2$ милліона долларовъ, и наконецъ увѣряютъ будто механизмъ до того простъ, что съ нимъ могутъ справиться молодые мальчики и дѣвушки. Можно себѣ представить, съ какимъ напряженіемъ американская публика, особенно торговая, ждетъ результата этого опыта.

Образцовый американскій ресторанъ.—Это—большая зала, въ которой стоитъ множество столиковъ, но нѣтъ прислуги. Обѣдъ подается истинно «по щучьему велѣнію.» Приходящій получаетъ въ кассѣ контрмарку съ нумеромъ котораго нибудь изъ столиковъ. Посрединѣ каждаго столика помѣщается кругъ изъ золоченной бронзы, окруженный ободкомъ изъ чернаго дерева, на которомъ насажены, на разстояніи около полудюйма другъ отъ дружки, небольшія пуговицы изъ слоновой кости, а на этихъ пуговицахъ—названія всѣхъ имѣющихся блюдъ и напитковъ. Стоитъ надавить пуговицу, мѣдный кругъ опускается со стола черезъ трубу въ подвальное помѣщеніе и тотчасъ же опять подымается, безъ шума, со всѣмъ, что потребовано. Въ то же время телеграфомъ даютъ знать въ кассу, что подано такому то нумеру, и когда посѣтитель уходитъ, ему въ кассѣ, въ замѣнъ контрмарки, подаютъ счетъ. Хотя внизу необходима прислуга, однако при такомъ устройствѣ—ея требуется гораздо меньше, и служащимъ не нужно дорогаго параднаго костюма—фрака и пр. Цѣны выставлены дешевле, чѣмъ въ другухъ ресторанахъ, однако барышъ получается больше. Наконецъ и обѣдающимъ пріятно избавиться отъ всякаго надзора толпы надоѣдливыхъ служителей. Изобрѣтатель, г. Риддль получилъ уже заказы изъ Парижа и Лондона на доставленіе туда значительнаго количества своихъ аппаратовъ.

Чужеядный грибъ, заводящійся на насѣкомыхъ.—Прусскій естествоиспытатель въ Данцигѣ, докторъ Баиль, недавно обратилъ вниманіе ученыхъ на разные сорты грибовъ *(fungus)*, которые заводятся на куколкахъ насѣкомыхъ и находятся въ тѣсной связи съ опустошеніями, производимыми гусеницами въ лѣсахъ и фруктовыхъ садахъ. Онъ замѣтилъ, что въ извѣстное время года на гусеницъ, за которыми ему довелось наблюдать, нападаетъ болѣзнь; тѣло ихъ вспухало—и между кольцами, изъ которыхъ оно составлено, показывались бѣлыя ниточки; кончалось тѣмъ, что пожиратели зелени повисали на листьяхъ мертвые. Орудіемъ ихъ погибели другой ученый, докторъ Рейхгардтъ въ Вѣнѣ, призналъ мицѣліумъ (сплетеніе ниточныхъ клѣточекъ, основной матеріалъ всякаго гриба) особаго сорта гриба, который онъ называетъ *Empusa Aulica*. Эта эмпуза послѣднее время распространяется чрезвычайно быстро и въ огромныхъ количествахъ. Единственный порядокъ насѣкомыхъ, до сихъ поръ не подверженныхъ ей, насколько извѣстно, это—жилисто-крылыя *(Neuroptera)*; за то ее часто замѣчали на жукахъ *(Coleoptera)*, на кожисто-крылыхъ, *(Hymenoptera*—пчелы, муравьи), на бабочкахъ *(Lepidoptera)*, на мухахъ *(Diptera)*, на прямокрылыхъ (*Orthoptera*—Саранча), и не только на куколкахъ но и на совершенно развившихся насѣкомыхъ, даже на водяныхъ, съ которыхъ вѣроятно она переходитъ на рыбъ и земноводныхъ. Но замѣчательно не одно распространеніе этого сорта гриба на столькихъ видахъ животныхъ, а также изумительная быстрота, съ которою онъ распложается. Бывали годы, въ которые отъ него гибла десятая часть комнатныхъ мухъ, а навозная муха въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи просто на просто истреблена. Въ померанскихъ и познанскихъ лѣсахъ погибла отъ этого гриба такая масса вредныхъ гусеницъ, что ему можно рѣшительно приписать спасеніе цѣлыхъ лѣсовъ.

Печальная статистика.—Кто то попытался приблизительно разсчесть, сколько людей съ сотворенія міра по 1860 годъ погибло на войнѣ, и получилъ невѣроятно-громадную цифру: 14,000 милліон. Если бы всѣ эти жерты могли воскреснуть, стать рядомъ и взяться за руки, образовалась бы цѣпь, которая въ 6 разъ обмотала бы земной шаръ; если бы только собрать одни указательные пальцы всѣхъ убитыхъ и положить одинъ на другой, составился бы столбъ, который поднялся бы на 600,000 географическихъ миль выше луны, а тому кто хотѣлъ бы сосчитать ихъ, употребляя на это 19 часовъ въ сутки, понадобилось бы не менѣе 336 лѣтъ. Эта замѣтка можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ «Чудеса чиселъ», напечатанной въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ нашего журнала

Хлороформъ какъ вспомогательное средство для правосудія.—Извѣстно что хлороформъ (также какъ и сѣрный эѳиръ) до сихъ поръ употреблялся при операціяхъ, чтобы избавить паціента отъ боли, повергнувъ его въ безчувственное состояніе. Въ Нью-Йоркѣ недавно придумали ему новое употребленіе. Нѣкто Бокгоутъ убилъ свою жену, и сосѣда съ сыномъ. Арестованный, онъ прикидывался сумасшедшимъ, да такъ ловко, что доктора съ толку сбивались и не могли разобрать—въ самомъ ли дѣлѣ онъ лишился разсудка, или только притворяется, чтобы спастить отъ наказанія. Для разъясненія этаго капитальнаго вопроса, рѣшились подвергнуть его дѣйствію хлороформа. Разсчетъ докторовъ былъ слѣдующій: когда человѣкъ пробуждается изъ оцѣпенѣнія, произведеннаго хлороформомъ, память не сразу къ нему возвращается, и онъ является такимъ, какимъ есть въ дѣйствительности. Слѣдовательно, опытъ этотъ долженъ уяснить, притворяется ли преступникъ или нѣтъ. Опытъ былъ сдѣланъ въ залѣ суда. Бокгоутъ какъ будто инстинктивно понялъ, что затѣвается противъ него, и всѣми силами отбивался. Наконецъ однако восемь человѣкъ сладили съ нимъ—и онъ заснулъ подъ вліяніемъ хлороформа. Довольно долго онъ не приходилъ въ себя. Когда же онъ очнулся, онъ спокойно, но удивленно сталъ озираться кругомъ, и отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы очевидно согласно съ истиной. Ясно было, что онъ въ эту минуту былъ въ полномъ умѣ. Вдругъ возвратилась память; онъ понялъ весь ужасъ своего положенія, закрылъ лицо руками, горько заплакалъ, и сдѣлалъ обстоятельное сознаніе. Опытъ удался.

Судія праведный.—Ирландскіе полицейскіе суды не отличаются, какъ извѣстно-особеннымъ благолѣпіемъ и порядкомъ. Публика шумитъ, кричитъ, выражаетъ свои симпатіи и мнѣнія, ни мало не стѣсняясь торжественностью ограды, посвященной правосудію. Разсказываютъ, что на одномъ такомъ засѣданіи, судья выведенный изъ терпѣнія, оглушенный, закричалъ громовымъ голосомъ: «Тише тамъ! безъ того уже четверыхъ приговорили, не слышавъ ни слова изъ показаній свидѣтелей!»

Акклиматизація лосося въ Австраліи.—Въ Тасманіи въ рѣкѣ Дервентѣ пойманы лосось въ футъ и нѣсколько маленькихъ лососятъ; стало быть, сомнѣній уже никакихъ быть не можетъ въ успѣхѣ акклиматизаціи этой рыбы въ томъ отдаленномъ краѣ. Первая попытка была сдѣлана въ 1863 г. Порядили корабль въ Шотландіи, нагрузили его нѣсколькими милліонами яицъ въ нарочно устроенныхъ хранилищахъ для льду, перевезли ихъ въ Мельборнъ и тамъ вывели лососиковъ, потомъ пустили ихъ въ разныя рѣки; съ тѣхъ поръ о нихъ не было никакихъ слуховъ, пока приведенное выше извѣстіе не засвидѣтельствовало полный успѣхъ предпріятія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 15 Мая 1870. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим. д. № 45—1.

№ 21. 1870.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ		4 р. — »
Съ доставкою въ »		5 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ		4 » 50 к.
Для иногородныхъ.	За годовое изданіе. 4 р.; За пересылку . . . 60 к.; За упаковку . . . . 40 »	5 р.

ЗА ПОЛГОДА.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ		2 р. — »
Съ доставкою въ »		2 » 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ		2 » 25 »
Для иногородныхъ.	За ½ годовое изданіе. 2 р.; За пересылку . . . . . 30 к.; За упаковку. . . . . . 30 »	2 р. 60 к.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26. Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 5 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

IV.

Въ Москвѣ.

Обожгла землю кровь Михаилова — паромъ обернулась она, праведная, и понеслась высоко въ синь небесную.

Спрашивало небо синее, спрашивали облака ходячія:—куда ты несешься, тонкій паръ? о чемъ молишь ты, кровь горючая?

О томъ я прошу, о томъ я молюсь, чтобы стала по прежнему Святая Русь. Что бы стала она вольной землей; никому бы она не кланялась, никакой бы Ордѣ не покорялась. Не было бъ свары промежъ русскихъ князей, не было бы ссоры промежъ русскихъ людей — всѣ земли русскія одною бы стали.

Много я, душа, за землю русскую молилася, много объ ней старалася, много за нее убивалася. Стояла я, душа, за русскій народъ, стояла я за тверской княжескій родъ, думала, тверичами станется, родомъ тверскимъ нашимъ сбудется.

Взговорили тутъ вѣтры могучіе, взговорили тутъ тучи громовыя:—ой ты-гой еси, душа праведна, ой ты-гой, душа Михаилова! Вѣдь у рода твоего у племени нѣтъ головъ на то, нѣтъ и силушки. А есть головы, есть и силушка у московскихъ князей у Даниловичей.

Отвѣчала тутъ душа праведная: — коль у нихъ есть умъ, чтобы Русь спасти, отъ татарина и отъ литвина, отъ нѣмца со шведомъ; коль они родную мать Русь христіанскую въ выручъ выручатъ, въ одно составятъ, вольнымъ царствомъ поставятъ;—да будетъ надъ Даниловичами не то что мое всѣмъ ихъ противъ меня винамъ прощеніе, но на всѣ ихъ начинанья и похожденья благословеніе!..

Повидавшись съ Узбекомъ, выкупивши у Узбека русскій полонъ, Юрій Даниловичъ въ тотъ же день распорядился во-первыхъ взятіемъ подъ стражу всѣхъ бывшихъ въ Ордѣ тверичей, какъ купцовъ, такъ и бояръ, а затѣмъ отвозомъ тѣла—зарѣзаннаго его людьми тверскаго великаго князя Михаила Ярославича. Оставить тѣло это въ Ордѣ — значило бы собирать около него толпу русскихъ, возбуждать толки, сожалѣнія, напоминать всѣмъ и каждому о скверномъ дѣлѣ, на которое онъ былъ вынужденъ изъ личныхъ и родовыхъ разсчетовъ. Надо было сбыть куда-нибудь это тѣло, надо было позаботиться объ немъ, тѣмъ болѣе что самъ хвастливый Кавгадый упрекнулъ его: «почто оно тако повержено наго лежитъ, на поруганіе всѣмъ? Возьми его и вези въ свою землю и погреби его въ его отчинѣ по вашему обычаю».

Юрій велѣлъ своимъ отрокамъ взять тѣло, положить на доску и покрыть. Затѣмъ его положили на телѣгу, крѣпко обвязали веревками и повезли за рѣку Аджъ. Двое отроковъ сторожили тѣло, по приказу Юрія; но тутъ-то и началось именно то, чего онъ никакъ не ожидалъ.

Воротились отроки утромъ — тѣла на доскѣ не было, а доска съ веревками лежала въ телегѣ. Тѣло нашлось въ сторонѣ, поодаль отъ телеги. Оно лежало раной къ землѣ; крови изъ раны много изошло. Правая рука была подъ щекой, лѣвая рану — изъ которой сердце было вырѣзано — придерживала. Звѣрья около Дербента множество водится: шакалъ, волкъ, леопардъ тамъ никому не диковина — но звѣрь тѣла не тронулъ.

Отроки удивились этому чуду, но еще болѣе удивились они, когда и христіане и нехристіане заявили имъ, что видятъ надъ тѣломъ Михаила два сходящихся и расходящихся облака, сіяющихъ будто солнце.

Юрій поблѣднѣлъ отъ бѣшенства, когда ему донесли объ этихъ страшныхъ происшествіяхъ. «Гдѣ у васъ глаза?!.» закричалъ онъ на бояръ и на отроковъ: «не видите вы что-ли, чьихъ рукъ это дѣло?! Перековать всѣхъ тверичей съ купцами ихъ! Товары тверскихъ купцовъ на царя беру! Чтобъ ни одинъ *цуканъ-ряпушникъ* *) по своей волѣ не ходилъ. А тѣло супостата моего — прости ему, Господи, согрѣшенія его! — везти на Русь спѣшно, прямо къ брату моему, къ господину Ивану Даниловичу въ Москву, въ столичный нашъ городъ».

Въ тотъ же день была исполнена воля всемогущаго Великаго Князя Всея Руси. Новые отроки были посланы за рѣку Аджъ везти тѣло на Русь — это были слуги того закала, которыми окружалъ себя ни передъ чѣмъ не останавливавшійся Юрій. Юрій шелъ къ своимъ цѣлямъ не разбирая путей, а чтобы дорогу ему не загораживали, онъ держалъ при себѣ человѣкъ двадцать отъявленныхъ головорѣзовъ, подъ скромнымъ тогдашнимъ названіемъ *отроковъ*—молодцовъ, ребятъ, парней гладкихъ.

На рѣкѣ Кумѣ стоялъ тогда торговый городъ Маджары, по русски Моджжъчары или Мощарыкъ **). Въ Моджарахъ были русскіе рабы и гости (т. е. наѣзжіе купцы); узнавъ, чей трупъ везутъ московскіе отроки, они задумали отдать убіенному долгъ христіанскій, поставить тѣло въ церковь, покрыть плащаницею— но слуги вѣрные Юрія Даниловича строго держались его наказа. Мало было унизить Тверь въ Ордѣ, всюду нужно было глумиться на нею, указать, что она ничтожество, а что одна на Руси сила — Москва. Москва и Тверь — Берлинъ и Вѣна того времени.

Тѣло поставили въ хлѣвъ—и моджарскіе люди видѣли ночью столбъ огненный отъ земли до небеси. Другіе моджарцы столба этого не видали, за то видѣли какую то дугу небесную преклоняющуюся къ хлѣву, гдѣ тѣло лежало.

Повезли тѣло къ Бездежу-городу. Какъ подъѣзжать отрокамъ къ Бездежу съ тѣломъ, такъ и стало казаться бездежскимъ жителямъ, что около саней множество народа со свѣчами, или на коняхъ съ фонарями, по воздуху носятся.

Привезли тѣло въ Бездежъ, поставили его не въ церкви, а на дворѣ. Двое сторожевыхъ завалились спать на сани, на тѣло, — отроки Юрьевы были народъ не мнительный—но на нихъ напалъ безотчетный страхъ; какая то невѣдомая сила вдругъ скинула ихъ съ саней на далекое растояніе.

Событія эти записаны въ лѣтопись со словъ моджарскихъ очевидцевъ и бездежскихъ священниковъ.

*) Кличка тверичамъ.

**) Рубруквисъ видѣлъ тамъ мадьяровъ—madyar—маджаръ и мещерякъ, какъ извѣстно, слово одно и тоже.

Затѣмъ тѣло везли по русскимъ городамъ, провезли въ Москву, и положилъ его богобоязненный братъ Юрія великій князь московскій Иванъ Даниловичъ—прозванный за свое скопидомство Калитой (кошелемъ), — въ монастырѣ, въ церкви Преображенія Господня.

Въ Твери покуда ничего не знали.

Иванъ Даниловичъ перехватывалъ на дорогѣ всякія вѣсти.

Солнце ярко блестѣло на небѣ. Ярко сіялъ блескъ этотъ на землѣ и на крышахъ двора московскаго великаго князя Ивана Даниловича; а дворъ этотъ стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь построенъ кремлевскій дворецъ, и занималъ почти тоже самое пространство. Княжескія хоромы были сажень десять въ длину, двухъ-ярусныя, построенныя изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ—изъ такихъ толстыхъ, какія, въ настоящее время, подъ Москвою уже давнымъ давно не водятся. Крыша была сдѣлана изразцовая изъ нѣмецкихъ черепицъ, привозившихся чрезъ Новгородъ,—и въ солнечный день, блистала и золотомъ и изумрудомъ и сафиромъ. На углахъ крыши высоко высились надъ хоромами рѣзные, деревянные коньки, очень похожіе на шахматныя фигуры, а морды у нихъ были вызолочены, а сами они были убиты мѣдными гвоздями. Такіе же долговязые коньки, только попроще, высились на каменномъ жиломъ зданіи, какъ остатки язычества, по которому коньки съ головой на крышѣ — символъ бога вѣтра Стрибога — предохраняли противъ громоваго удара. Подъ крышей и на крышѣ тянулись деревянныя узорчатыя полотенца, также позолоченныя и посеребренныя, росписанныя разными цвѣтами, преимущественнв ярко-синимъ, ярко-краснымъ и «ярко-зеленымъ». Рѣзьба была тонкая, негрубая. Какъ покойный Великій Князь Данило Александровичъ, такъ и сынъ его Иванъ Даниловичъ были люди разсчетливые, домостроители и хозяева, которые сорить деньгами не любили, но за то если чтó покупали и заказывали, то обыкновенно придерживались правила: дорого да мило, дешево да гнило. Окна, на полуторѣ сажени вышиною отъ земли, были украшены рѣзьбами, а также разноцвѣтными красками, закрывались тяжелыми желѣзными ставнями.

Съ подъѣзда высокое, широкое крыльцо, на которомъ могло помѣститься человѣкъ до двадцати, вело во внутренность хоромъ, а надъ входною створною дверью былъ врѣзанъ въ косякъ мѣдный золоченый крестъ. Въ широкихъ сѣняхъ стояли лавки. На лавкахъ лежало красное сукно. Полъ былъ устланъ чистыми половиками, иконы сіяли въ углу, а предъ ними теплились неугасаемыя лампады и свѣчи изъ воску великокняжескихъ пасекъ. Тутъ же у стѣны висѣли мѣдные рукомойники съ узорчатыми ручками. Въ старину люди были опрятные и ничего не дѣлали, не всплеснувъ рукъ. Это постоянное мытье рукъ стало выводится у насъ только со временъ Петра Великаго, въ подражаніе неразборчивому Западу. Въ воздухѣ пахло ромашкою, мятою, ладономъ.....

Низкія двери съ высокимъ порогомъ вели изъ широкихъ сѣней направо на половину великаго князя, гдѣ въ первой комнатѣ удобно вмѣщалось человѣкъ до пятидесяти; она была убрана какъ сѣни съ ярко-вычурною рѣзьбою на окнахъ и на потолкѣ, съ такими же иконами. Тутъ засѣдали бояре, когда великому князю нужно было собрать ихъ на думу. За этою Думою была комната поменьше, съ печью и лежанкою, гдѣ, за дубовымъ столомъ подъ иконами, покойный Данила Алек-

сандровичъ, а теперь Иванъ Даниловичъ, бесѣдовали запросто объ разныхъ дѣлахъ съ послами пріѣзжими, съ боярами, съ родными. Еще была такая же комната съ такою же лежанкою, за ней еще такая же, а тамъ, въ самомъ углу зданія, помѣщалась молельня. Уголъ былъ занятъ иконами родовыми, присланными изъ Цареграда, дареными знаменитымъ тогдашнимъ иконописцемъ и главою русской церкви — самимъ святителемъ Петромъ, Митрополитомъ Володимерскимъ, Кіевскимъ и Всея Руси, другомъ и покровителемъ Ивана Даниловича. Подъ иконами стоялъ столикъ; а на столикѣ стоялъ кувшинъ со святой водой, лежали свѣчи, помянникъ, крестъ съ мощами, просвиры, присылаемыя князю почти изъ всѣхъ московскихъ церквей, четки, часословъ и псалтырь. Полки тянулись по стѣнамъ, уставленныя книгами въ толстыхъ кожаныхъ переплетахъ. Книги эти по старому обычаю были повернуты корешками къ стѣнѣ, а обрѣзомъ наружу, потому что обрѣзъ обыкновенно былъ красивѣе корешка, такъ какъ онъ былъ узорный, золотой, разукрашенный, и скрѣплялся мѣдными, серебряными и золотыми застежками, съ рѣзною, дорогой и искусной работой. Все вѣяло миромъ, благочестіемъ, тишиною; солнце дружески просвѣчивало сквозь пузырь оконъ, какъ бы жалѣя, что оно не можетъ ворваться и заглянуть во внутренность этихъ хоромъ, гдѣ все дышало миромъ домашнимъ, дружбою государя къ подданнымъ.

Налѣво изъ сѣней двери вели въ покои, которые уже тогда стали называться теремами. Терема были и у грековъ, были точно такъ-же въ баронскихъ замкахъ западной Европы; ихъ требовалъ этикетъ XIV вѣка, ихъ вынудило самое уваженіе къ женщинамъ, такъ какъ старыя строгія формы теряли смыслъ и порождали развратъ, а плохо понимаемое христіанство было еще не сильно.

Терема были вовсе не мусульманскіе гаремы. Мужчина жилъ всегда внѣшней жизнью: онъ былъ въ думѣ, на вѣчѣ, въ бою, и ему хотѣлось своего угла, того что англичане называютъ home, куда не проникалъ бы никто посторонній. На порогѣ этого святилища—заповѣднаго для грубаго, неуважающаго женщины, міра,—оставалась всякая политическая дѣятельность. Здѣсь только средневѣковый человѣкъ изъ князя, изъ боярина, изъ торговаго гостя дѣлался простымъ смертнымъ, отцомъ, мужемъ, и не пріятно ему было, чтобы всякій званый и не званый, всякій пришедшій къ нему по дѣлу, нарушалъ бы спокойствіе его домашняго быта: горлодерствомъ, руганью, толкованьемъ о дѣлахъ. Теремъ былъ всегда открытъ для друзей, для родныхъ и близкихъ знакомыхъ лицъ; дѣловыя, не связанныя дружбою, лица въ теремъ не допускались. Въ европейскомъ русскомъ обществѣ мало имѣютъ понятія объ этомъ умномъ и глубокочеловѣческомъ учрежденіи, выдуманномъ самими же женщинами—вѣчными и заклятыми врагами всякаго буйства, шума и непристойности. У насъ развилась жизнь за панибрата и безтолковое шлянье по гостиннымъ самые домà стали строиться такъ, что кабинетъ приходится рядомъ съ гостинной, гостинная подлѣ столовой, а съ боку спальная и дѣтская, такъ что непрошеный гость волей не волей посвящается въ тайны домашняго быта хозяина. Въ полномъ блескѣ теремà существуютъ теперь только въ Англіи да въ Америкѣ, гдѣ гость незваный впускается только въ parlour, т. е. пріемную комнату находящуюся въ сторонѣ отъ кухни, помѣщающейся въ подвалѣ, и отъ залы, гостинной, спальни, дѣтской, помѣщающихся въ верхнемъ этажѣ. Можно каждый день бывать въ домѣ и не видѣть семейства, не знать, что оно существуетъ, дома ли оно или дома его нѣтъ, много ли гостей бываетъ или вовсе никто не ходитъ, умеръ ли кто изъ его членовъ или родился,—и только когда подобный посѣтитель, friend какъ называютъ его англичане, сдѣлался particular friend хозяина, только тогда вводится онъ въ завѣтныя комнаты, отдѣланныя въ десятеро лучше parlour. Когда только послѣ долгаго знакомства убѣдится семейство, что онъ дѣйствительно человѣкъ хорошій и подходящій, — можетъ онъ быть въ домѣ во всякое время, когда ему вздумается. Небывавшій въ Англіи можетъ посмотрѣть на теремъ въ любомъ англійскомъ романѣ.

Двери налѣво вели въ такую же большую комнату какъ и думная. Тутъ иконы были роскошнѣе, столы были увѣшаны дорогими ручниками, дорогими соболями, дорогимъ оружіемъ. Скамьи были покрыты китайскими и персидскими коврами, а на коврахъ лежали вышитыя шелками подушки, данныя въ приданое княгинѣ Оленѣ Кириловнѣ. Тутъ же стоялъ огромный дубовый раздвижной столъ, покрытый полотняною скатертью. а скатерть была разшита по краямъ красными и синими нитками, изображавшими птицъ, цвѣты, богатырей на коняхъ. Тутъ лежалъ на серебряномъ блюдѣ всегда свѣжій коровай хлѣба, а подлѣ него ножъ. Серебряная солонка, вычурный липовый жбанъ съ медомъ, кувшинъ съ квасомъ, каменная бутыль съ греческимъ виномъ. По сторонамъ тянулись полки греческой, нѣмецкой, китайской посуды, — все сіяло, блестѣло. Еще дверь вела въ комнату не имѣвшую опредѣленнаго назначенія, но съ широкой лежанкой. Далѣе шла небольшая спальная, гдѣ стояла дубовая дорогая кровать; но перины и подушки въ XIV вѣкѣ еще не взбивались сплошною горою, какъ впослѣдствіи; — тогда спали низко, на тоненькой перинѣ, а подъ ней лежали всегда снопы — знакъ плодородія; на столбикахъ соболя висѣли — символъ богатства; а въ божницѣ, на ночь задвигавшейся занавѣской, сіяли и горѣли иконы въ дорогихъ окладахъ. За спальной шла дѣтская, за дѣтской рядъ дѣвичьихъ (frauenhaus), гдѣ сѣнныя дѣвушки, говоря по теперешнему фрейлейны, сидѣли за вышивкою и за пѣснями. Онѣ обшивали княжескій домъ, съ дѣтьми княжескими болтали, грусть тоску княгини Олены Кириловны разгоняли, а порой...... но порой и на западѣ и на востокѣ всюду всяко бывало; отъ Терема до Гарема шагъ никогда далекъ не былъ. Далѣе въ другомъ флигелѣ, соединяемомъ съ этимъ галлереею на точеныхъ столбахъ, помѣщалась кухня и дворня, гдѣ жили отроки. Тутъ же были пристроены отдѣльныя избы для дворецкаго, для тіуна княжескаго, для главнаго повара и т. д., цѣлый лабиринтъ маленькихъ безпорядочно раскинутыхъ зданій, гдѣ жили главные придворные или—какъ ихъ уже тогда называли — дворяне. Затѣмъ шли конюшни, хлѣва, разнаго рода клѣти и сѣновалы, погреба и ледники—словомъ все что и досель попадается во всякомъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ.

— Авдотья, а Авдотья!.. кричала спальная дѣвушка (камеръ-фрейлейна) великой княгини, Марьюшка, перебѣгая дворъ босикомъ по снѣгу и влетая съ нечесанными волосами въ хлѣвъ.

— Авдотья, Авдотья! говорила она коровницѣ, —

долго ли мнѣ это еще придется ругаться? Съѣшь ты меня, окаянная.

— Ну; чего еще тамъ?

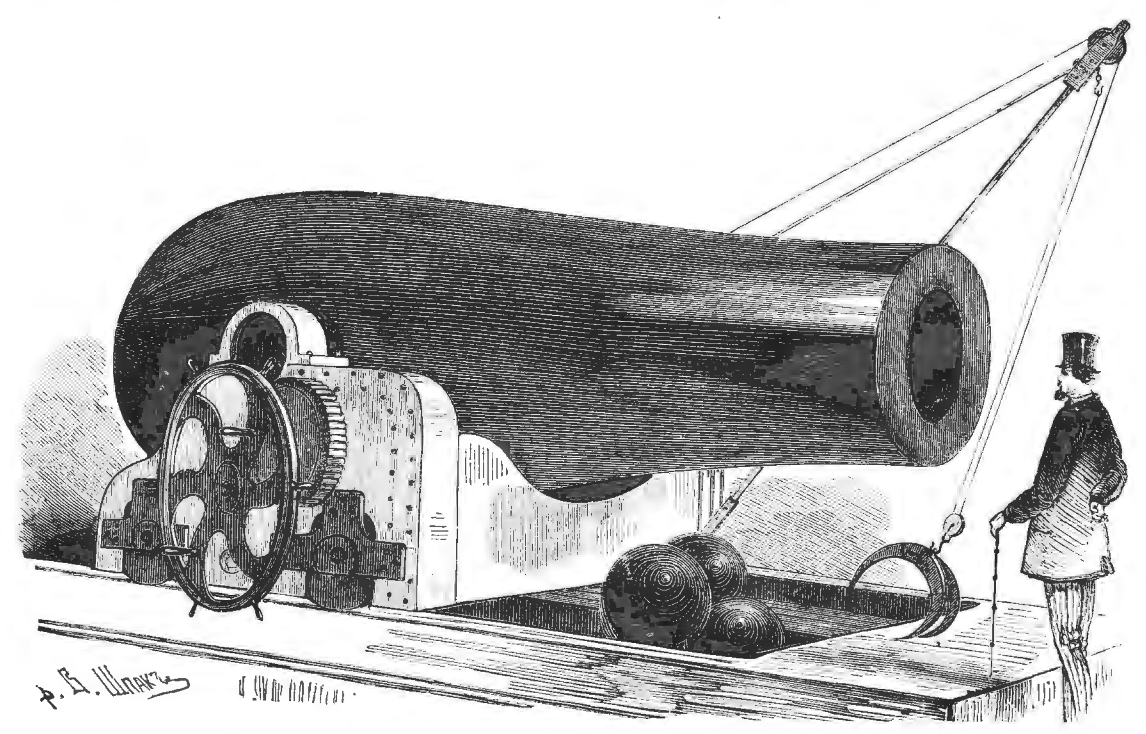
— Да Бога ты не боишься! говорила Марьюшка, чуть не плача.—Ужъ я ли не хвалила тебя княгинѣ, а вотъ такъ опростоволосилась сегодня изъ-за тебя...

— Да ты толкомъ говори! что случилось, что вышло?

— Да какъ же! одѣвала я княгиню, а князь входитъ да и говоритъ: «что это, говоритъ, мать моя Олена Кириловна, не по русски у насъ дѣлается: у коровы, говоритъ, въ хлѣву, у бурой, вымя не мыто».

Авдотья развела руками, пожала плечами и плюнула.

— Какой пакостникъ, а! а еще князь! какой же онъ князь? хуже всякой бабы. Ну скажите вы, добрые люди, ну мужское ли это дѣло—по хлѣвамъ ходить смотрѣть, чисто ли вымя у коровы? Она развела ру-



ВСЕРОССІЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Пушка-Великанъ (ядро 28 пудовъ). (Рисовалъ В. Шпакъ, гравир. на деревѣ К. Крегеръ).

ками и оглядѣлась кругомъ, точно кругомъ стояли не коровы а люди.

— Да ужъ мужское не мужское, да что ты съ нимъ подѣлаешь? таковъ человѣкъ. Онъ до всего доходитъ. На дняхъ въ поварню забрался. Ну, ужь пушилъ онъ пушилъ дворецкаго—и хотя бы за что--за глиняную чашку! «Со свѣту, говоритъ, тебя сживу! чащекъ, говоритъ, много бьется!» а дюжину такихъ чашекъ всего за одно куриное яйцо можно на торгу вымѣнять.

— Экъ скаредный, а еще князь! говорила Авдотья:—да сказать бы кому нибудь у насъ на селѣ, да глаза заплюютъ.

— Да ужъ ты какъ тамъ хочешь, а только меня не подводи, не то княгиня станетъ серчать; а княгиня будетъ серчать—мнѣ лучше живьемъ въ гробъ лечь.

— Тьфу, окаянный, говорила Авдотья, — а еще князь!

— Глянь кто-то подъѣхалъ, вскрикнула вдругъ Марьюшка.

тройка саней съ росписанными дугами. Сани были такъ какъ и теремные розвальни окрашены желтою краскою, размалеваны синими цвѣтами съ золотыми листьями; серединка цвѣтовъ была золотая, жилки на лепесткахъ были серебряныя. Сбруя была убрана мѣдными бляхами, съ саней коверъ висѣлъ. На саняхъ сидѣлъ человѣкъ, закутанный въ огромную соболью шубу.

— Кто бы это могъ быть? говорили женщины. Между тѣмъ, на дворѣ былъ шумъ отъ бубенчиковъ и оттого, что со всѣхъ сторонъ вышли къ крыльцу видимо не видимо, точно ошеломленные и изумленные, княжескіе отроки, которые брали подъ устцы лошадей, и скидывая шапки, кла ялись въ ноги пріѣзжему. Дворецкій выбѣжалъ тоже въ испугѣ, тоже безъ шапки, брякнулся съ размаху въ ноги пріѣзжему и тутъ же подошелъ подъ благословеніе. Дверь хоромъ растворилась. Поспѣшно, безъ шубы, безъ шапки, въ лег-

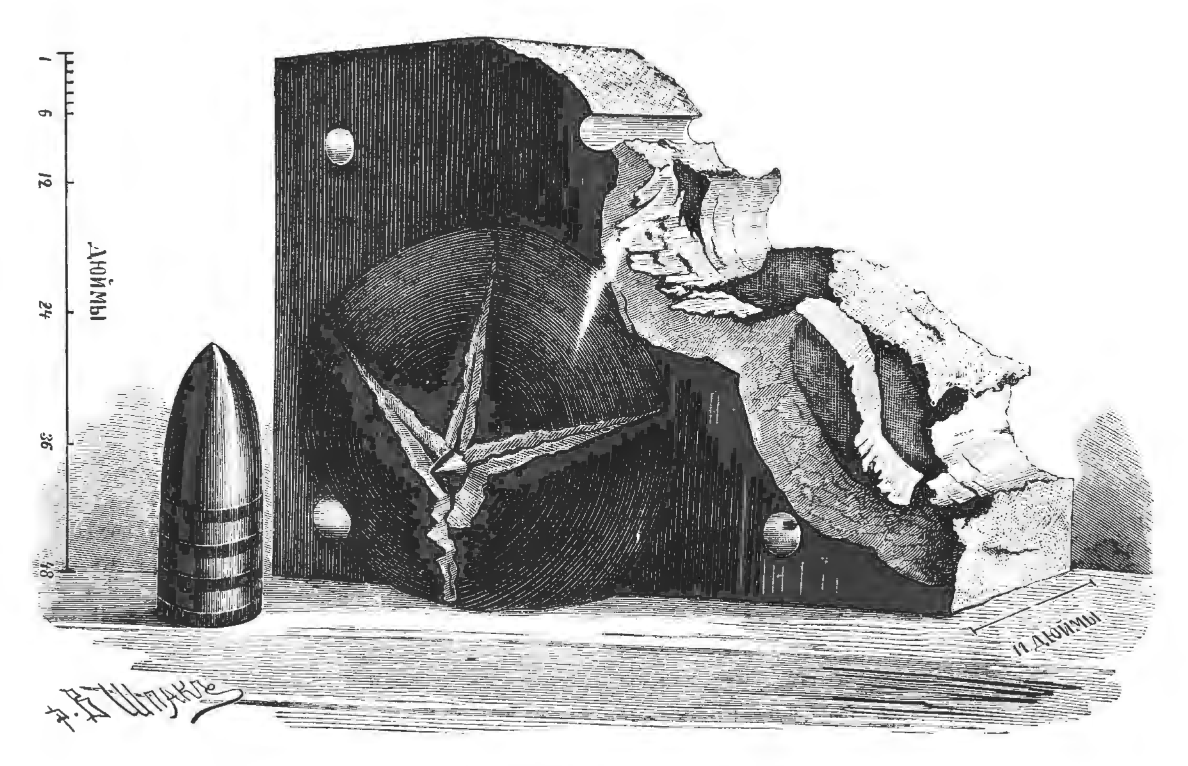
Обѣ обернулись и выглянули изъ хлѣва. Катила комъ зеленомъ кафтанѣ съ откидными рукавами, въ башмакахъ на босую ногу, выбѣжалъ великій князь. Проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, поклонился въ ноги, подошелъ подъ благосл веніе и сталъ высаживать пріѣзжаго изъ саней.—Это былъ самъ Митрополитъ Владимірскій и Всея Руси, святитель Петръ, пріѣхавшій къ князю изъ Владиміра. Великій князь повелъ святителя на крыльцо, съ низкимъ поклономъ, поддерживая его подъ правую руку и догадываясь, что должно быть и на этотъ разъ святитель по смиренію своему запретилъ на заставѣ повѣщать объ немъ, чтобъ его благовѣстомъ и крестомъ не встрѣчали.

— Томило, сказалъ князь дворецкому,—бѣги къ княгинѣ, вели баню не топить; коней поставить... да, впрочемъ, тебя учить нечего; знаешь, какой гость.

Томило только головой встряхнулъ, въ два три слова отдалъ какія то распоряженія отрокамъ, и все засуетилось. Сани отъѣхали въ сторону, лошадей отпрягли,

провели по двору, увели въ конюшни, безъ мѣры овса и ячменя насыпали, возчика куда то увели, заложили новые сани и поскакали на встрѣчу къ свитѣ. Въ одномъ углу двора повалилъ густой дымъ изъ бани, съ Москвы рѣки бѣжали бабы съ водою; ключникъ отмыкалъ погребъ и выкладывалъ на латокъ свѣжую, соленую, копченую и всякую рыбу, тащилъ на поварню связки грибовъ сушеныхъ и чашки моченыхъ, соленыхъ, моченую бруснику, всякія сушеныя ягоды,—словомъ, видно было, что обѣдъ будетъ не мясной, какъ слѣдовало бы на святкахъ. Святитель вошелъ на крыльцо, перекрестился, въ сѣняхъ положилъ три земныхъ поклона, поклонился хозяину и выскочившей въ попыхахъ княгинѣ съ дѣтьми, при чемъ у маленькаго трехлѣтняго Ивана оказалась въ рукахъ игрушка,—мамка силилась отнять, Иванъ разревѣлся, но его всетаки заставили сдѣлать три земныхъ поклона митрополиту;

слали ему въ его покой серебряный тазъ съ серебрянымъ кувшиномъ помыться; перины вынули изъ кладовой, новыя наволочки надѣвали на подушки, соръ подмели, оставшійся отъ соломы и сѣнной трухи нанесенной съ узлами, а тѣмъ временемъ на дворъ въѣзжали сани со свитою архипастыря. Въ числѣ этой свиты былъ архимандритъ томскаго монастыря и владимірскій соборный протоіерей, отроки святителя возились съ мѣшками, съ ларями и съ дорожною поварней. Тіунъ разводилъ гостей по избамъ; архимандритъ и протоіерей размѣщались у кня сй. Въ то же время въ ворота княжескаго двора одинъ за другимъ, въѣзжали именитые бояре московскіе: с арый Родіонъ Нестеровичъ, Андрей Кобыла, Александръ ихайловичъ, молодой Кочева, протопопъ Архангельскаго собора,—словомъ, вся знать этого города, такъ невольно сдѣлавшагося столицею отдѣльнаго великаго княжества, боровшагося не на жизнь а на



ВСЕРОССІЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Панцырная броня. (Рисовалъ В. Шпакъ; гравир. на деревѣ К. Крегеръ).

тотъ благословилъ его, поднялъ, поцѣловалъ и вынулъ ему изъ кармана гостинецъ, безъ котораго и безъ подарка добрый святитель не пріѣзжалъ ни въ одинъ княжескій и боярскій домъ, а тѣмъ болѣе къ своему наперснику Ивану Даниловичу. Князь, княгиня и домашніе отроки стали его развязывать, раскутывать, снимали съ него сапоги теплые—и все это не съ подобострастіемъ, а съ тѣмъ вниманіемъ, которое люди оказываютъ истинно дорогому, истинно почетному гостю. Оставшись въ камилавкѣ и въ короткой мантійкѣ, святитель нѣсколько разъ прошелся по сѣнямъ и затѣмъ послѣдовалъ за хозяиномъ въ тѣ дальніе покои, которые заканчивались молельнею. Туда же притащилъ узлы его изъ сѣней послушникъ и писецъ, молодой дьяконъ Парфеній, который въ минуту пріѣзда никѣмъ даже замѣченъ не былъ, такъ неожиданно явился въ Москвѣ Митрополитъ Всея Руси. Отроки бѣгали, діаконъ развязывалъ узлы. Князь и княгиня давали распоряженіе, по-

смерть съ двумя другими также не вольными государствами, Тверскимъ и Рязанскимъ.

Пріодѣвшись святитель облекся въ ризы и въ присутствіи князя, княгини, бояръ, вмѣстѣ съ архимандритомъ томскимъ, съ владимірскими и московскими протопопами отслужилъ торжественный и благодарственный молебенъ, далъ приклоняться къ кресту и окропилъ ихъ святою водою. Въ теремѣ была уже приготовлена закуска изъ горячаго и изъ холоднаго. Столъ если не ломался подъ блюдами, то все таки такъ былъ заставленъ ими, что нужно было много человѣкъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста. Владыко благословилъ питіе и явства, сѣлъ безъ особаго сопротивленія въ красный уголъ. На широкомъ благодушномъ лицѣ Ивана Даниловича, которому тогда было всего лѣтъ тридцать пять, было что то неладно. Бояре также сидѣли не то чтобы не весело, а какъ то прикидывались веселыми; слышалась во всемъ какая-

то натяжка, точно было что-то не высказанное, точно черная кошка пробѣжала между святителемъ и московскимъ великимъ княземъ съ его хитрыми московскими боярами,—но за трапезой на радостяхъ считалось неприличнымъ говорить о дѣлѣ. А дѣло было такого рода, что на дняхъ привезено было въ Москву тѣло Михаила Ярославича—и не въ Тверь было отослано, потому-дѣ, что нельзя, по смиренію, по Кормчей, идти противъ воли старшаго брата Великаго Князя всея Руси Юрія Даниловича, коль-же паче потому, что въ Твери—епископъ Андрей старый врагъ и обидчикъ Петра митрополита;—по просту сказать, Ивану Даниловичу и московскимъ боярамъ это было не съ руки. Тѣло Михаилово было у нихъ—не отдавать же его тверичамъ даромъ.

В. Кельсіевъ.

(Продолженіе будетъ).

Объ уходѣ за больными

въ скоропостижныхъ и несчастныхъ случаяхъ.

Несчастные случаи могутъ по разнымъ причинамъ обусловить смерть, а также и вызвать состояніе мнимой смерти. При этомъ часто бываетъ трудно различить тотчасъ же оба эти состоянія, а потому и не всегда принимаются должныя мѣры для оживленія. Нѣтъ сомнѣнія, что помогать въ нуждѣ своему ближнему есть священный долгъ каждаго,—и всякій, видя ближняго своего подвергшимся мнимой смерти или какой-либо опасности потерять жизнь, обязанъ или самъ лично оказать ему какую только въ силахъ помощь, или же въ возможной скорости призвать того, кто въ состояніи это сдѣлать. И такъ, общество должно быть ознакомлено съ мѣрами, необходимыми для спасенія жизни мнимо-умершаго.

Разнообразные, угрожающіе смертію, несчастные случаи (происходящіе отъ внѣшнихъ поводовъ), по своимъ причинамъ и образу дѣйствія ихъ на тѣло, могутъ быть раздѣлены на четыре группы:

I. Случаи, въ которыхъ предстоитъ опасность задохнуться, т. е. они останавливаютъ дѣятельность легкихъ и препятствуютъ равномѣрному дыханію. Это можетъ произойдти: а) отъ вступленія жидкости въ дыхательное горло при утопаніи; б) отъ удушливыхъ газовъ, каковъ, наприм., угольный чадъ; в) отъ твердыхъ тѣлъ, которыя—или, находясь въ гортани, сжимаютъ кадыкъ и дыхательное горло,—или, какъ это бываетъ у подавившихся, входятъ въ самое горло,—или же, наконецъ, какъ это имѣетъ мѣсто съ засыпанными и удушенными, затрудняютъ извнѣ доступъ воздуха; г) отъ повѣшенія и удавленія.

II. Случаи, порождаемые избыткомъ, а также и недостаткомъ необходимой для тѣла жизненной возбудительности; при этомъ — то стихіи своими физическими свойствами дѣйствуютъ вредно на тѣло, то оно страдаетъ отъ случайнаго недостатка въ пищѣ. Мы упомянемъ здѣсь: а) недостатокъ необходимой теплоты, оцѣпенѣніе отъ продроги на дождѣ и отъ другихъ причинъ, и замерзаніе; б) избытокъ теплоты отъ утомленія усиленною ходьбою по солнопеку, отъ солнечнаго удара и отъ различныхъ (по протяженію и глубинѣ) обжоговъ; в) внезапный, вслѣдствіе сильнаго раздраженія нервной системы, параличъ тѣла или отдѣльной его части, какъ это бываетъ при пораженіи молніею; г) истощеніе отъ голода и жажды.

III. Случаи, вызываемые механическимъ воздѣйствіемъ твердыхъ тѣлъ, рѣжущихъ орудій, толчкомъ, давленіемъ и паденіемъ. Эти случаи разсматриваются, какъ тѣлесныя поврежденія, къ которымъ относятся пораненія, переломы костей, вывихи, ушибы и размозженія.

IV. Если же тѣло подвергается разрушительному дѣйствію внѣшнихъ вліяній химическаго свойства, поражающихъ его поверхность или внутренность (собственно желудокъ), то это называется отравленіемъ. Оно можетъ быть произведено: а) минералами, каковы: мышьякъ, свинецъ, фосфоръ; минеральными кислотами, каковы: сѣрная, селитряная и хлористоводородная, а также щелокомъ и негашеною известью; б) ядовитыми растеніями и такими же растительными веществами, каковы, наприм.: чіенлингъ, бѣлена, опіумъ, белладонна, наперстянка, а также ядовитые грибы и мн. др.; в) животными ядами, сообщаемыми укушеніемъ змѣи или бѣшеной собаки, употребленіемъ въ пищу испорченнаго селезеночнымъ веществомъ мяса, а также и вслѣдствіе прикосновенія нѣжныхъ частей тѣла къ гною страдающей сапомъ лошади.

Само собою разумѣется, что при всякомъ несчастномъ случаѣ немедленно долженъ быть приглашенъ врачъ; но такъ какъ въ большинствѣ разовъ вся опасность происходитъ отъ промедленія, и такъ какъ многія мѣры для спасенія жизни оказываются въ средствахъ каждаго разсудительнаго человѣка, то всякій въ подобныхъ обстоятельствахъ обязанъ въ ту же минуту приложить къ дѣлу помощи и свою руку.

Если упомянутые въ первой группѣ случаи и не тотчасъ же сопровождаются смертію, то тѣмъ не менѣе они немедленно влекутъ за собою состояніе мнимой смерти. Прежде всего, конечно, въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ устранить причину опасности. Такъ, *утопленника* должно положить животомъ на землю, чтобы дать возможность водѣ вытекать изъ рта, — не слѣдуетъ, однако, ставить его для этой цѣли на голову, какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко дѣлается; *повѣсившагося* первымъ дѣломъ необходимо бережно снять; *засыпаннаго* нужно осторожно отрыть и тотчасъ же очистить отъ земли носъ и ротъ; *задохшіеся* въ *угольномъ чаду*, въ *колодцахъ*, *шахтахъ* и *погребахъ* въ возможно скоромъ времени должны быть удалены изъ мѣста опасности, или же это послѣднее немедленно должно быть провѣтрено открытіемъ дверей, оконъ и проч. При этомъ спасающіе должны подумать и о томъ, чтобы самимъ не подвергнуться опасности, такъ какъ вообще вдыханіе зараженнаго воздуха умерщвляетъ внезапно. Поэтому безусловно необходимо спускающемуся въ подобныя мѣста—обвязывать вокругъ тѣла веревку, посредствомъ которой его тотчасъ можно было бы вытащить назадъ. Если же имѣется подъ рукою длинная кожаная или гуттаперчевая трубка, то одинъ конецъ ея прикрѣпляютъ у рта спускающагося, чтобы посредствомъ ея онъ могъ вдыхать здоровый воздухъ. Вторая задача

при несчастныхъ случаяхъ заключается въ возстановленіи дыханія, и попытки съ этою цѣлію должны продолжаться непрерывно до тѣхъ поръ, пока не наступитъ полная окоченѣлость, около шести часовъ времени. Возстановленіе дыханія производится слѣдующимъ образомъ. Послѣ того, какъ грудь, шея и животъ подвергшагося несчастному случаю освобождены отъ стѣсняющей ихъ одежды, его кладутъ на животъ, подъ грудь помѣщаютъ свернутый изъ одежды валекъ (около шести дюймовъ въ діаметрѣ) и производятъ на спину тихое но сильное давленіе. При этомъ вода (если то — утопленникъ) и воздухъ (если — задохшійся человѣкъ) вытѣсняются изъ груди. Чрезъ нѣсколько секундъ поворачиваютъ тѣло на бокъ, и даже больше, а затѣмъ снова быстро опрокидываютъ на животъ. Посредствомъ этихъ поворачиваній на бокъ приподнимаются ребра, расширяется грудная клѣтка, и легкія становятся способными втянуть въ себя воздухъ. Переворачиваютъ такимъ образомъ тѣло до 15 разъ въ минуту. Если въ теченіе 5 минутъ не показалось ни малѣйшаго признака самопроизвольнаго дыханія, то пріемы измѣняются слѣдующимъ образомъ. Кладутъ больнаго верхнею частію тѣла на покатую поверхность, такъ чтобы голова была выше, вытягиваютъ изо рта языкъ—и въ такомъ положеніи укрѣпляютъ языкъ обыкновенно посредствомъ узла, крѣпко затянутаго вокругъ него и нижней челюсти. Этимъ способомъ язычекъ отдѣляется отъ кадыка, и воздуху открывается доступъ въ дыхательное горло. Теперь кто-нибудь изъ присутствующихъ становится позади изголовья на колѣни, беретъ утопленника за обѣ руки повыше локтя, подымаетъ ихъ надъ головою, и сильно но потихоньку вытягиваетъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ; затѣмъ отводятъ руки по сторонамъ и производятъ на грудь спокойное давленіе. Посредствомъ перваго движенія—расширяется грудная клѣтка, и втягивается воздухъ; а при послѣднемъ—грудь сдавливается, и воздухъ вытѣсняется. Эти манипуляціи повторяются десять разъ въ минуту и продолжаются около четверти часа. Если же и тутъ не получается никакого результата, то снова обращаются къ первому опыту, не освобождая уже впрочемъ языка, — и такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ поочередно переходятъ отъ одного способа къ другому, пока наконецъ не добьются успѣха, или же пока не наступитъ полное охлажденіе тѣла и трупоеая окоченѣлость. Когда же появятся тихія дыхательныя движенія—время помочь развитію въ тѣлѣ тепла и кровообращенія посредствомъ натиранія вверхъ рукъ и ногъ суконкою, щеткою и т. п., закутать больнаго въ одѣяло, перенести на постель и положить теплыя бутылки къ ногамъ и подъ ложечку, По мѣрѣ увеличенія признаковъ возвращающейся жизни. больному вливаютъ въ ротъ теплой воды съ виномъ съ кофеемъ или чаемъ. Засыпаннымъ и задохшимся, сверхъ того, можно еще поливать почаще голову холодной водой. Этимъ послѣднимъ, а также и повѣсившимся, пока у нихъ лицо красное, человѣкъ со сparticle снаровкою можетъ открыть кровь. Всѣ другія средства вспомоществованія людьми непосвященными должны быть оставлены въ сторонѣ.

У *замерзшихъ* прежде всего слѣдуетъ высвободить окоченѣвшіе члены; при этомъ одежду разрѣзаютъ и совершенно удаляютъ отъ тѣла. Больнаго ни въ какомъ случаѣ не вносятъ въ теплую комнату, а кладутъ на снѣгу и сильно трутъ не переставая снѣгомъ, или обертываютъ въ холстину, смоченную въ холодной водѣ. Если тѣло сдѣлается отъ этого гибче, то берутъ для тренія теплую воду. Затѣмъ кладутъ больнаго въ холодную постель въ нетопленой комнатѣ, покрываютъ его шерстянымъ одѣяломъ и начинаютъ надъ нимъ вышеописанные пріемы для возбужденія дыханія, которые до сего времени были бы безполезны. Такимъ путемъ часто удавалось спасать жизнь людямъ, уже много часовъ остававшимся въ окоченѣломъ состояніи. Этого не слѣдуетъ забывать.

Пораженнаго молніею переносятъ въ холодную комнату, въ лѣсъ или въ кусты, гдѣ бы онъ былъ защищенъ отъ лучей солнца, производятъ тамъ надъ нимъ вышеуказанные опыты возбужденія дыханія, и сильно поливаютъ или спрыскиваютъ его холодною водою. Бывшее прежде въ употребленіи зарываніе всего тѣла пораженнаго (кромѣ головы) въ землю—уже помимо того что въ такомъ случаѣ невозможно ни поливать его холодной водой, ни производить попытки возстановленія дыханія,— прямо вредно еще и по другимъ причинамъ.

Пьяныхъ, дошедшихъ до состоянія мнимой смерти, никогда не слѣдуетъ оставлять на произволъ судьбы. Имъ прежде всего даютъ рвотное, а затѣмъ питье изъ 68 капель нашатырнаго спирта на стаканъ воды. Если же у паціента — покраснѣвшее лицо, то человѣкъ съ снаровкою можетъ пустить немного крови (1 — $1^1/_2$ кофейныхъ чашекъ).

Обжоги кожи (все равно — какова бы ни была степень ихъ вредоносности) тотчасъ же обыкновенно смазываются общеизвѣстною мазью отъ обжоговъ, состоящею изъ равныхъ частей льнянаго масла и известковой воды и получаемою въ каждой аптекѣ; затѣмъ обожженныя части обкладываютъ постоянно свѣжею ватой. Хвалятъ также еще одно средство — немедленное посыпаніе поврежденныхъ мѣстъ пульверизированнымъ (т. е. мельчайшимъ) угольнымъ порошкомъ.

Судя по даннымъ изъ послѣдней войны, *солнечный ударъ* ни коимъ образомъ не зависитъ, какъ это думали прежде, отъ переполненія мозга кровью вслѣдствіе дѣйствія лучей солнца на голову. Симптомы болѣзни состоятъ въ пораженіи всей мозговой дѣятельности, которое или наступаетъ мгновенно, или развивается постепенно. Въ послѣднемъ случаѣ признакамъ мозговаго паралича предшествуютъ возбужденное состояніе, горячешный бредъ и другіе симптомы мозговаго раздраженія. Теперь убѣдились, что (въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, поясѣ) одного дѣйствія горячихъ лучей солнца недостаточно для того, чтобы вызвать подобные опасные случаи; что имъ большею частію подвергаются только люди, принужденные работать до утомленія на необыкновенномъ солнечномъ жару, — особенно же, если при этомъ они вслѣдствіе недостатка въ питьѣ недовольно выпотѣвали. Тутъ-то именно наступаетъ разгоряченіе тѣла, возбужденіе собственной теплоты до такой степени, при которой становится невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе жизни. При этомъ тотчасъ же кладутъ на голову пузырь со льдомъ или влажные компрессы, продержанные предварительно подъ оловянною тарелкою со льдомъ и солью до тѣхъ поръ, пока не сдѣлались совершенно холодными. Затѣмъ употребляется холодное промывательное изъ мыльной воды. Далѣе даютъ больному раздражающія ножныя ванны изъ холодной воды съ значительною примѣсью горчицы въ порошкѣ, или древесной золы и соли. Все это дѣлается до прибытія врача, который въ подобныхъ серіозныхъ случаяхъ долженъ быть приглашенъ немедленно.

При *тѣлесныхъ поврежденіяхъ* отъ внѣшнихъ причинъ больнаго во многихъ случаяхъ приходится перенести съ одного мѣста на другое. Это производится лучше всего при помощи носилокъ, при чемъ нужно только позаботиться о томъ, чтобы поврежденная часть была уложена по возможности спокойно и безъ боли. Кровотеченіе стараются удержать посредствомъ холодныхъ примочекъ, умѣреннаго давленія и повязкою носовымъ платкомъ. Если кровь идетъ изъ раны одною струею, то до прибытія врача ее можно остановить, надавивъ отверзстіе раны пальцемъ. Общее же правило при всѣхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ — пользовать больныхъ до прибытія врача холодными примочками. Пишущій эти строки былъ однажды свидѣтелемъ примѣненія крестьянами очень практичнаго способа остановить самое сильное кровотеченіе. Одинъ здоровый парень упалъ сверху въ лѣсопильную машину, и та тотчасъ же оторовала ему лѣвую ногу пониже икры. Кровь естественно сію же минуту страшною массою ринулась изъ этого обрубка. Крестьяне, между тѣмъ, собрали изъ всѣхъ стойлъ и угловъ большое количество паутины и обложили ею ампутированное мѣсто ноги. Какъ только паутина всосалась въ рану, страшное кровотеченіе остановилось. Больнаго положили въ телегу и отвезли за 42 версты въ ближайшій госпиталь, гдѣ эти добрые люди обратились къ врачу съ наивною просьбою о томъ, нельзя ли было привезенную ими еще въ сапогѣ отрѣзанную часть ноги пришить къ своему мѣсту. Имъ, какъ и слѣдовало, дали понять, что можно, конечно, пришить отрубленную часть ноги, но что она ни коимъ образомъ не прирастетъ снова, а потому несчастный долженъ позаботиться пріобрѣтеніемъ искуственной деревянной ноги. Повѣся голову, удалились добрые люди, сердечно простившись съ своимъ товарищемъ и сунувши ему въ карманъ—каждый по своему достатку—одну или двѣ копѣйки.

Общія же правила ухода за больными отъ отравленія мы сообщимъ нашимъ читателямъ въ слѣдующей статьѣ.

Д-ръ Ф. Гезелліусъ.

Библіографическая рѣдкость.

ПО ПОВОДУ ЖЕНСКАГО ВОПРОСА.

Читателямъ *Нивы* вѣроятно не безъизвѣстно надѣлавшее у насъ столько шума сочиненіе Дж. С. Милля The Snbjection of women; но они можетъ быть не знаютъ, чтоза долго до этого писателя существовала въ Россіи книга подъ заглавіемъ *о благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола*, напоминающая отчасти содержаніемъ своимъ названное сочиненіе англійскаго философа.

Ничто не ново подъ луною!

Книга *о благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола* напечатана была въ Петербургѣ въ 1784 году. Она написана по всѣмъ правиламъ хріи; авторъ приводитъ доказательства, какъ и слѣдуетъ, «отъ имени, отъ порядка творенія, отъ мѣста, отъ вещества... отъ благочестія, отъ человѣческихъ законовъ» и пр. (стр. 80), и всѣ эти указанія тщательно отмѣчены на поляхъ, дабы всякій могъ по первому взгляду убѣдиться, что всѣхъ доказательствъ арсеналъ исчерпанъ, что все въ порядкѣ и что слѣдовательно отъ автора нельзя ничего болѣе требовать.

«Преблагій и всемогущій Богъ, — такъ начинается книжка,—творецъ мужскаго и женскаго пола, съ благотворнымъ ихъ плодородіемъ, сотворилъ человѣка себѣ подобнаго,—какъ мужа, такъ и жену». Онъ вложилъ въ нихъ одинаково совершенную и бесмертную душу, но за тѣмъ «женскій знаменитый родъ превосходитъ суровыхъ мужчинъ безконечно» (2). Въ подтвержденіе своихъ словъ авторъ приводитъ прежде всего доказательства отъ имени; онъ говоритъ: «*Адамъ* значитъ *Землю*, напротивъ *Евва — жизнь* знаменуетъ. Чего ради сколько самая жизнь Земли превосходнѣе, столько жена должна быть предпочтена мужу» (3),—а какъ извѣстно «производимыя изъ имянъ доказательства какъ у богослововъ такъ и юрисконсультовъ почитаются за весьма важныя» (3). Притомъ «имя *жены*, поколику есть четверописанное, больше сходства имѣетъ съ неизрѣченнымъ (неизрѣченное имя Божіе *Іеговая* (sic) по еврейски, вмѣсто котораго Іудеи выговариваютъ *Адонаі*) именемъ Бога; напротивъ того, мужское имя женскому же ни знакомъ, ни изображеніемъ, ни чиномъ не подходитъ» (6).

Приведя нѣсколько и другихъ не менѣе могущественныхъ доказательствъ «отъ имени», авторъ обращается къ доказательствамъ «отъ порядка». Превосходство женщины въ ряду творенія явствуетъ изъ того, что она сотворена послѣднею; сотворивъ ее, Богъ опочилъ — «ибо въ ней совершилась вся премудрость и власть Создателя, сверхъ которой не находится болѣе твари, ниже выдумано быть можетъ» (8). Женщина «введена въ чертоги ей предуготованные украшенные и во всемъ совершенные; и такъ, по достоинству ее вся тварь любитъ, почитаетъ и наблюдаетъ, и подостоинству ей вся тварь подвергается и повинуется, которая всѣхъ тварей есть владычица, также конецъ, совершеніе и глава совершенная» (9).

Тоже обнаруживается и «въ разсужденіи мѣста», гдѣ женщина сотворена. Богъ создалъ ее въ въ земномъ раѣ, а мужчину «на простомъ полѣ, съ животными и звѣрьми вмѣстѣ, а потомъ уже, для созданной жены, въ рай введенъ былъ» мужчина (10). Отсюда совершенство женской конструкціи: «когда случится тонуть женщинѣ вмѣстѣ съ мужчиною, не имѣя уже ни малой посторонней помощи,—она больше бываетъ на поверхности воды, а мужчина опускается ко дну скорѣе» (11);—а этотъ замѣчательный фактъ, говоритъ авторъ, неочевидно ли онъ доказываетъ въ свою очередь, что женщина превосходитъ мужчину «веществомъ творенія», то есть качествомъ матеріи. И точно: она сотворена изъ матеріала уже значительно облагороженнаго —изъ мужскаго ребра. Такимъ образомъ «мужъ есть естества дѣло, а жена—единственно Бога» (13).

Все предшествующее объясняетъ причину той «лѣпоты женской», которая не имѣетъ ничего себѣ равнаго и которая создана «для того дабы вся тварь ей удивлялась, любила и почитала, до того что—какъ самимъ происходило дѣломъ,—безплотные духи къ нѣкоторымъ женамъ жестокою любовію пылали» (15). Авторъ выводитъ затѣмъ длинный рядъ именъ извѣстныхъ краса-

вицъ, черпая эти имена безразлично у христіанскихъ и языческихъ писателей, изъ библіи и изъ миѳологіи, такъ что у него встрѣчаются между собою имена Даѳны и Дѣвы Маріи. Не даромъ «красота женъ нетолько отъ человѣка, но и отъ Бога почтена много» (19). И въ самомъ дѣлѣ не находимъ ли мы въ Писаніи, что «Богъ заповѣдалъ убивать всякъ полъ мужской, и дѣтей неисключая, а повелѣлъ сохранить однихъ женъ *прекрасныхъ*» (19).?

Кромѣ красоты женщина одарена «достоинствомъ благопристойности», которую сохраняетъ даже и послѣ смерти: «свидѣтельствуетъ Плиній и само искусство (опытъ), что жена утопшая всегда ницъ лицомъ сверхъ воды плаваетъ, какъ бы натура и по смерти соблюдала ихъ стыдливость; напротивъ того, мужчины вверхъ лицомъ... (20).» Стыдливости соотвѣтствуетъ и чистота: «женщина, однажды омывшись чисто, сколько послѣ ни окачивается, вода ни малой уже въ себѣ мутности не имѣетъ; мужъ же, сколько вымытъ ни былъ, обыкновенно мутная и нечистая вода съ него стекаетъ» (22). Кромѣ этого феномена, едвали извѣстнаго естествоиспытателямъ, авторъ нашъ подмѣтилъ и другой не менѣе достовѣрный и столь-же громко свидѣтельствующій о превосходствѣ женской натуры. «Фортуна» говоритъ онъ: «сдѣлала, что ежели по случаю или неосторожности женщинѣ упасть надобно, то она обыкновенно на задъ (Sic) падаетъ, а никогда лицомъ» (22). «Фортуна» устроила этотъ феноменъ очевидно съ цѣлью доказать, что женщинѣ свойственнѣе чѣмъ мужчинѣ спеціально-человѣческое преимущество—смотрѣть на небо.

Черпая свои аргументы отвсюду, нашъ авторъ ни передъ чѣмъ не останавливается, никакимъ доводомъ не брезгаетъ. По его извѣстіямъ, попеченія женщинъ нетолько облегчаютъ страданія больныхъ, но «молоко женское, особливо больнымъ, слабымъ и при смерти уже находящимся, дѣйствительнымъ служитъ лекарствомъ къ возвращенію жизни» (25). Далѣе нашъ почтенный авторъ предается исчисленію такихъ доказательствъ превосходства женщинъ надъ мужчинами, которыя неудобно и повторять предъ читателями настоящаго времени. Эту категорію аргументовъ онъ называетъ доказательствами отъ «свѣтскихъ преданій» и обращается послѣ нихъ къ доказательствамъ «отъ благочестія».

Онъ усматриваетъ въ Писаніи, «что ради жены благословилъ Богъ мужа, котораго (благословенія) онъ, какъ недостойный, не заслуживалъ, доколѣ жена не сотворена была» (30). Сюда нѣкоторымъ образомъ относятся кабалистическія таинства, что «Авраамъ получилъ благословеніе чрезъ жену свою Сарру отнятіемъ отъ имени жены (Sarrah) послѣдней буквы (h) и приданіемъ (ея) имени мужа (Abraham)» (31). Напротивъ того, первородный грѣхъ палъ на человѣчество по исключительной винѣ мужчины, ибо-де «мужу запрещенъ былъ плодъ отъ древа, а не женѣ» (32).. Становясь все отважнѣе въ подборкѣ аргументовъ, авторъ восклицаетъ наконецъ: ошибаются тѣ, которые думаютъ возвысить мужчинъ указаніемъ, что Христосъ принялъ на себя мужской обликъ; Спаситель это сдѣлалъ, — какъ достовѣрно знаетъ нашъ авторъ,—дабы своимъ смиреніемъ упразднить гордость грѣха первороднаго; «вотъ почему Бого-человѣкъ воспріялъ полъ мужской, простѣйшій, а не женскій, — высочайшій и благороднѣйшій» (34). Зато не благоволилъ Онъ «быть сыномъ мужа, но жены, которую почтилъ столько, что отъ единыя жены плоть воспріялъ»(35)...

Таковы словоизвитія къ которымъ пріучала схоластика! Риторъ прежняго времени старался прежде всего отвсюду надергать аргументовъ, засыпать ими читателя, ошеломить ихъ обиліемъ, — а при этомъ, разумѣется, невозможна разборчивость; такъ, въ книгѣ, которая насъ занимаетъ, приводится въ пользу женщины то между прочимъ, что Дѣва Марія выше Іоанна Крестителя, что самый великій грѣшникъ Іуда—былъ мужчина, что изъ мужескаго племени долженъ явиться антихристъ, и что фениксъ «по свидѣтельству Египтянъ»—самка... Всѣ эти доказательства надо было не только подобрать, но и расположить въ извѣстномъ порядкѣ, ибо, перемѣшанныя или какъ нибудь иначе сгруппированныя, они могли бить въ самого автора и въ защищаемую имъ мысль. Такъ напримѣръ, доказывая неотразимую власть женщины надъ мужчинами, авторъ говоритъ: «Кто сильнѣе Самсона? но жена его крѣпость одолѣла; кто благочестивѣе Давида? однако жена и его святость поколебала»... Понятно, что такіе аргументы необходимо было обставить очень тщательно, чтобъ они не стрѣляли на своихъ.

Но кто же авторъ этой странной книги? Съ чего пришло ему въ голову возбуждать «женскій вопросъ», едва ли въ его время стоявшій на очереди? Да, книга о которой мы говоримъ, написана давненько,—въ началѣ XVI вѣка, и авторъ ея есть нѣкто Генрихъ-Корнелій Агриппа, нынѣ забытый, но нѣкогда извѣстный философъ и врачъ, воинъ, педагогъ, алхимикъ и богословъ. Онъ находился при дворѣ правительницы Нидерландовъ, Маргариты Австрійской, матери Карла V,—и въ угожденіе ей, говорятъ его біографы, написалъ свое сочиненіе, что впрочемъ подтверждается и посвященіемъ этой книги Divae Margaretae Augustae Austriacorum Burgundionum *). По этому не удивительно, что онъ понадергалъ аргументовъ въ пользу женщинъ изъ библіи и миѳологіи, изъ Плинія, изъ Отцовъ церкви. Но политическую женщину, какою была Маргарита, не могло удовлетворить исчисленіе однихъ добродѣтелей и прелестей ея пола; она естественно должна была болѣе дорожить тѣми аргументами, которые говорили бы за право женщины на власть, — вообще, какъ говорятъ нынѣ «на равноправность» съ мужчинами, — и развитію этой именно мысли посвящены послѣднія страницы сочиненія Агриппы. Онъ приводитъ длинный списокъ женщинъ отмѣченныхъ исторіей—въ доказательство что «отъ естества женщины все тоже могутъ что̀ и мужчинѣ можно, которому бы въ рѣчахъ уступила свѣтская женщина; какой ариѳметикъ, хотя (желая) сдѣлать пачетъ неправильно въ уплатѣ долга, женщину обмануть можетъ, и какой музыкантъ въ пріятности пѣнія и голоса съ женщиною сравниться можетъ?» (63). «Въ древности, говоритъ авторъ, пригодность женщинъ ко всякому дѣлу очень хорошо понимали, какъ видно изъ различныхъ древнихъ законодательствъ; даже въ позднѣйшія времена Іустиніанъ императоръ при сочиненіи законовъ почелъ за нужное пригласить въ совѣтъ женщину» (72).—«Но какъ мужчины тиранически, въ противность божескаго права и законовъ естественныхъ, взяли верхъ, то данная женамъ свобода

---

*) Сколько извѣстно, это сочиненіе не было напечатано отдѣльно. Экземпляръ, который у меня передъ глазами и принадлежащій московскому Публичному музею, кажется вырванъ изъ собранія сочиненій Агриппы; на немъ находится слѣдующее заглавіе: Henrici Cornelii Agrippae, de nobilitate et praecellentia foeminei sexus,—а внизу: M. D. XXXII, mense maio.

неправедными уже законами отъемлется, истребляется обыкновеніемъ и употребленіемъ, и воспитаніемъ вовсе погибаетъ. Ибо женскій полъ, какъ скоро рождается, то отъ первыхъ лѣтъ содержатъ его въ домѣ въ небреженіи, и какъ бы неспособну къ отправленію важнѣйшихъ дѣлъ, ни зачто кромѣ иглы и нитки приниматься не позволяется. А какъ достигнетъ лѣтъ довольныхъ, предается во власть ревниваго мужа, или въ вѣчную темницу монашества заключается. Въ народныя также возбраняется имъ вступать званія. Въ судахъ ходить за дѣлами, хотя бъ была женщина и преразумная, запрещается. Сверхъ того, не допускаются въ юрисдикціи, въ посредствѣ, въ усыновленіи, въ заступленіи, въ смотрѣніи, опекѣ и попечительствѣ, въ дѣлахъ по духовнымъ и уголовныхъ (32) *). Также возбраняется проповѣдовать слово Божіе въ противность явственнаго писанія, въ которомъ обѣщаетъ имъ Святый Духъ чрезъ пророка Іоиля, глаголющъ: «и прорекутъ дщери ваши».... «Итакъ, по силѣ сихъ законовъ женщины, какъ бы побѣждены будучи войною, уступать должны побѣдителямъ не по естественной или сверхъ - естественной какой нуждѣ или причинѣ, но по обыкновенію, воспитанію, фортунѣ и насильственному нѣкоему случаю. Кромѣ того, есть нѣкоторые, которые отъ самаго благочестія власть себѣ надъ женами выводятъ и изъ священнаго писанія доказываютъ свою тиранію, у коихъ всегда оное проклятіе Еввы въ устахъ обращается: «подъ властію будеши мужа, и той да обладаетъ тобою». Ежели же имъ въ отвѣтъ сказано будетъ, что Христосъ отъялъ то проклятіе, то они приведутъ паки изъ словъ апостола Петра, съ коимъ согласуется и Павелъ: «жены мужамъ да повинуются».... Но искусный схоластъ имѣетъ возраженія и противъ такого авторитета.

Что касается до русскаго перевода, то онъ напечатанъ въ 1784 году въ типографіи Академіи наукъ и даже «иждивеніемъ» Академіи.... И такъ, наша достоуважаемая Академія агитировала нѣкогда въ пользу «эмансипаціи женщинъ»? Что удивительнаго: она состояла въ 1784 году надъ предсѣдательствомъ княгини Дашковой, а на престолѣ сидѣла тогда Екатерина! Русскій текстъ сочиненія Агриппы оканчивается слѣдующими словами переводчика:

«Для насъ Россіянъ довольно одного безпримѣрнаго примѣра благословенныя въ порфироносныхъ женахъ великія по всему Екатерины II, такъ какъ для жителей вселенныя единаго (достаточно) дневнаго свѣтила. Ея душевныя и тѣлесныя дарованія столь превосходны предъ царями земными, какъ солнечное въ сравненіи звѣздъ сіяніе, и сравниться только могутъ съ ея къ Россіи благодѣяніями».

Русскій переводчикъ De nobilitatae есть извѣстный Петръ Алексѣевъ, протоіерей московскаго Архангельскаго Собора и членъ Россійской Академіи,—тотъ, любопытныя извѣстія коего о моровой язвѣ въ Москвѣ напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1863 года; имя его выставлено на нѣкоторыхъ экземплярахъ его перевода *), который нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость и еще Сопиковымъ отмѣченъ «очень рѣдкимъ».

П. Щебальскій.

*) Надо не забывать, что объ этихъ ограниченіяхъ женскихъ правъ пишетъ Фламанецъ, а не Русскій, который могъ бы замѣтить, что русское законодательство несравненно либеральнѣе въ этомъ отношеніи западно-европейскихъ.

*) Въ библіотекѣ Московскаго Публичнаго музея имѣется два экземпляра О благородствѣ и преим. женс. пола, принадлежащіе къ одному изданію, но на одномъ изъ нихъ выставлено: «сія книга переведена въ Москвѣ подъ руковод. Моск. Арх. Собора прот. Петра Алексѣева», а на другомъ вовсе нѣтъ имени переводчика.

Народный театръ въ Римѣ.

(Отрывокъ изъ недавно-вышедшей книги „Италія“ Бернштейна).

Я смотрѣлъ Колизей, въ которомъ древній Римъ задавалъ своему народу такія величественныя зрѣлища, и захотѣлось мнѣ, ради контраста, посѣтить современный римскій театръ. Мимо Пантеона, исполинскій портикъ котораго уже почти 19 вѣковъ смѣется надъ разрушительной силой времени, и стоитъ, внушая благоговѣніе и собираясь простоять вѣроятно еще не одно тысячелѣтіе,—я направился къ «Piazza Navona», громаднѣйшей площади и овощному рынку всего Рима, на которомъ нѣкогда происходили конскія скачки (equiria при императорахъ), и на которомъ теперь, среди трехъ фонтановъ, двухъ церквей, одного обелиска, нѣсколькихъ палаццо и множества весьма некрасивыхъ домовъ, кипитъ настоящая народная жизнь. Тутъ-то помѣщается одинъ изъ римскихъ народныхъ театровъ — «Teatro Agonale», драматическое заведеніе, дающее ежедневно три представленія, а въ воскресеніе такъ даже четыре. На этотъ разъ давали «Il terribile colpo di mezzanotte» («Ужасный полуночный часъ») драму и «Pierot finto statua» («Пьеро, притворившійся статуей») пантомиму. Первое представленіе только что кончилось, второе должно было начаться. Одни зрители валили изъ театра, другіе стремились имъ на встрѣчу; выходила такая суматоха, толкотня, колыханіе толпы, которое можно сравнить развѣ съ столкновеніемъ многоводнаго Vorderrhein, у Сплюгенской дороги, съ дико бушующимъ Hinterrhein, сбѣгающимъ съ Бернардино. Благополучно добравшись до кассы, я, чтобы не уронить своего достоинства, взялъ билетъ въ балконъ, и заплатилъ 6 су, тогда какъ входъ въ партеръ стоитъ всего 4 су. Билетъ, значитъ, былъ у меня, но войти не было возможности. Если волна врывающагося народа поднимала меня и приносила почти на порогъ, на встрѣчу перла другая волна и выносила меня обратно, далеко на середину площади. Силы мои начинали уже слабѣть въ этой борьбѣ со стихіями—вдругъ замѣтили меня зуавы, стоявшіе на часахъ у входа и старавшіеся, насколько было возможности, поддерживать порядокъ. Узнали ли они по лицу моему, что я — signor forestière, т. е. иностранецъ, и затронуло ли это обстоятельство въ душѣ ихъ человѣчную струну сочувствія (такъ какъ и они, вѣдь, всѣ тоже forestieri: французы, бельгійцы, нѣмцы, испанцы, даже американцы), только, въ минуту, когда я опять очутился близко ко входу, двое изъ нихъ подскочили ко мнѣ съ ружьями и штыками, подхватили меня подъ обѣ руки, направо и налѣво щедро раздавая пинки прикладами, и съ криками «дайте дорогу!» счастливо довели меня подъ портикъ: тамъ я вскарабкался на маленькую лѣсенку и увидѣлъ себя на балконѣ (palchettone), и помѣстился на пе-

редней скамейкѣ, еще пустой. Весь театръ не больше комнаты въ римскомъ палаццо или танцовальной залы въ Германіи—и состоитъ только изъ партера (platea) и балкона, да двухъ авансценныхъ ложъ для почетныхъ посѣтителей. Сцена освѣщалась четырьмя лампами, а зала весьма примитивной люстрою съ четырьмя рожками. Но вотъ потокъ стремящагося наружу народа изсякъ, двери раскрываются публикѣ втораго представленія. Точно изъ растворенныхъ шлюзъ, толпа начала катить и валить въ партеръ, съ воемъ, гиканьемъ, ревомъ, свистомъ, визгомъ, прыгая через скамейки, съ опасностью сломать себѣ шею—словно разломались всѣ клѣтки какого нибудь звѣринца и на волю вырвалось все дикое полчище львовъ, тигровъ, леопардовъ, медвѣдей, гіенъ. Все больше молодые парни съ кудрявыми гривами, темными огненными глазами, безъ верхняго платья (кому же охота рисковать сюртукомъ въ такой давкѣ и бурѣ)—да между ними женщины съ грудными младенцами, папскіе егеря и карабинеры, няньки съ довѣренными имъ дѣтьми—и изъ этой сдавленной, ищущей мѣста и воздуха, массы еще долго раздавался тотъ же ушераздирательный, оглушительный визгъ, гиканье, вой, ревъ, свистъ, какъ будто конецъ свѣта на дворѣ.

Музыкантовъ еще нѣтъ въ оркестрѣ, и юная публика, кромѣ того что потѣшается этимъ адскимъ содомомъ, начинаетъ для препровожденія времени стаскивать другъ друга со скамеекъ, или перекидывать черезъ скамейки, или бороться на античный манеръ, насколько позволяютъ пространство и обстоятельства, такъ какъ у входа опять стали зуавы съ ружьями—и одного изъ главныхъ зачинщиковъ безпорядка сейчасъ, не слишкомъ-то вѣжливо, подняли съ мѣста, сперва тщетно предваривъ его, чтобы держалъ себя смирнѣе, вынесли на воздухъ и поставили на мостовую, гдѣ ему предоставляется на досугѣ предаться скорбнымъ размышленіямъ о своей изодранной въ клочья рубашкѣ и пропавшихъ деньгахъ за входъ.

Но вотъ понемногу наполняется и балконъ: нѣсколько новоримскихъ весталокъ и жрицъ Венеры vulgivaga, нѣсколько почтенныхъ матронъ, множество капраловъ и сержантовъ, да нѣсколько молодыхъ ремесленниковъ—таковъ составъ этой более отборной публики. Наконецъ являются и музыканты. О силы небесныя—сжальтесь надъ нашими ушами! Въ этомъ маленькомъ пространствѣ двѣ офиклейды, два тромбона, двѣ трубы и два рога—вотъ оркестръ! Капельмейстеръ играетъ на офиклейдѣ и, гдѣ считаетъ нужнымъ, отбиваетъ тактъ. Начинается увертюра -- нѣчто невѣроятное, ума помраченіе и мозговъ потрясеніе, предвкушеніе трубныхъ звуковъ, сзывающихъ на грозный судъ; вмѣстѣ съ crescendo музыки возрастаетъ и шумъ въ партерѣ, сквозь волнующуюся массу протискиваются продавцы народныхъ лакомствъ, предлагаютъ печеніе и фунтики съ тыквенными сѣмячками, которые жадно раскупаются, и начинается такая грызня и щелкотня, какъ будто 10,000 бѣлокъ распоряжаются большимъ мѣшкомъ орѣховъ. Наконецъ поднимается занавѣсъ. Многоголосное «а!..» привѣтствуетъ открывшуюся сцену—и публика съ бурными аплодисментами и криками «браво, Пульчинелла!» встрѣчаетъ стереотипнаго народнаго героя, въ черной маскѣ, бѣломъ костюмѣ, остроконечной шляпѣ. Съ первыхъ же сценъ «Страшный полуночный часъ» оказывается старымъ знакомымъ.

Это—старинная оперетка «Два слова или ночь въ лѣсу», когда-то нравившаяся во Франціи и Германіи, изъ либретто которой, безъ музыки, состряпана драма со страстями. Содержаніе такого рода: французскій офицеръ, заблудясь въ лѣсу со своимъ слугой (Пульчинелла), заходитъ въ разбойничью гостинницу, но его спасаетъ служанка, во-время предупредивъ. Подлинникъ въ одномъ актѣ, но здѣсь онъ разработанъ въ двухактную драму. Публика принимала живое участіе въ дѣйствіи; на злую хозяйку кричали изъ партера «Bestia maledetta!», и разныя не особенно лестныя выраженія сыпались на нее: но когда въ концѣ разбойники, взбѣшеные бѣгствомъ офицера, хотятъ умертвить добрую служанку, и въ эту минуту врывается офицеръ съ солдатами, убиваетъ атамана, а Пульчинелла вилою расправляется съ однимъ изъ разбойниковъ, — восторгъ зрителей дошелъ до неистовства. Весь партеръ, съ радостными криками, съ ногами забрался на скамейки, всѣ руки протянулись къ сценѣ, какъ будто каждому хотѣлось бы помочь, и совсѣхъ сторонъ только и слышно было: «Руби ихъ!—Души собакъ!—Валяй его, Пульчинелла! — Вонъ тотъ еще не совсѣмъ готовъ!» и пр. Изъ послѣдней сцены, гдѣ порокъ сокрушенъ, а добродѣтель торжествуетъ и садится за столъ, не слыхать было ни слова,—и занавѣсъ опустился при такомъ шумѣ, который можно представить себѣ развѣ въ сумасшедшемъ домѣ, если бы взбунтовались всѣ обитатели его. За драмой слѣдовала пантомима, съ арлекиномъ, Коломбиной, Пьерро и пр., съ избыткомъ пощечинъ, тумаковъ кулаками и ногами и тому подобныхъ нѣжностей, но публика далеко не такъ интересовалась этимъ представленіемъ какъ драмой. Цѣлый часъ длилась пантомима, и во все это время офиклейды съ литаврами, трубами и рогами, подъ аккомпаниментъ содома въ партерѣ, производили такую адскую музыку, которая живо напоминала Блоксбергъ и вальпургіевы ночи. Наконецъ окончилось и второе представленіе—и публика третьяго уже нетерпѣливо волновалась передъ входомъ.

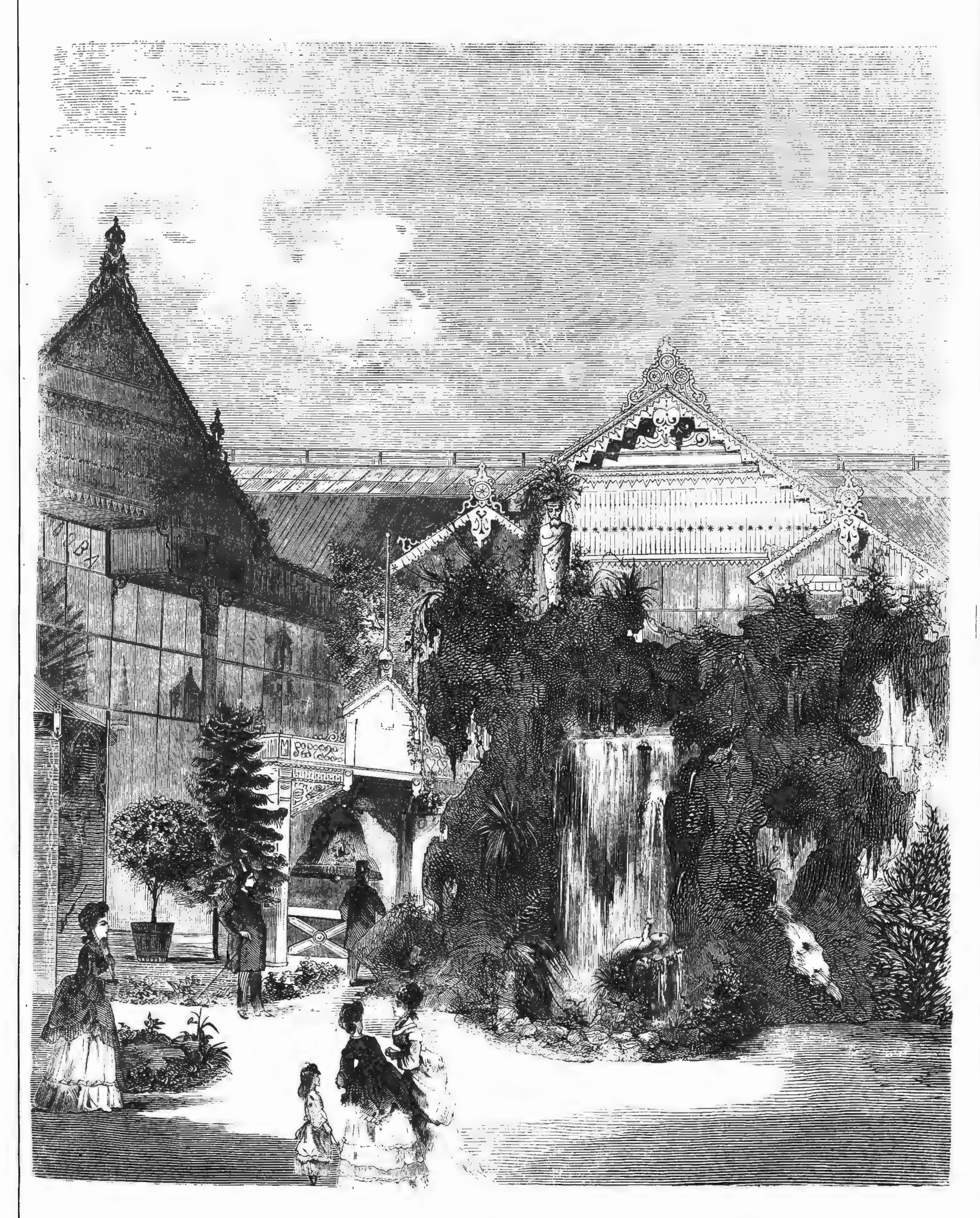
Фельетонъ.

Московскіе артисты.—Г-жа Ѳедотова въ драмѣ «Ребенокъ».—Судъ надъ убійцами князя Аренберга.—Г. Шандоръ.

Московскіе артисты, появившіеся уже передъ петербургской публикой въ нѣкоторыхъ роляхъ, имѣли большой успѣхъ. Спектакли, въ которыхъ они участвуютъ,—собираютъ многочисленныхъ зрителей; театръ въ эти дни бываетъ совершенно полонъ, и публика выражаетъ самымъ громкимъ образомъ свое довольство ихъ талантами и игрою. Г. Садовскій не былъ уже для Петербурга новинкою, и публика приняла его по этому дружно, какъ стараго знакомаго. Года мало измѣнили это прекрасное дарованіе. Въ игрѣ его слышится, та же мощная, спокойная сила, отмѣчающая изображаемое лицо крупными и твердыми чертами, благодаря чему оно врѣзывается въ памяти зрителей, со всей пластичностью мраморнаго изваянія. Послѣ г-на Садовскаго выступила на Александринской сценѣ г-жа Ѳедотова (Познякова) въ роли Вѣрочки въ драмѣ г. Боборыкина «Ребенокъ» — роли, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была создана г-жею Ѳедотовой, и съ

своей стороны ее же, г-жу Ѳедотову создала какъ извѣстность, какъ безпорный, всѣми признанный талантъ. Драма г. Боборыкина шла потомъ и въ Петербургѣ, съ г-жею Снѣтковой 3-ей въ главной роли, но успѣха не имѣла и потому давалась рѣдко. Между тѣмъ, драму эту можно считать за одно изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы, несмотря на нѣкоторые ея недостатки и техническія несовершенства. Она построена на прекрасномъ замыслѣ или идеѣ: молодая дѣвушка съ глубокой и чуткой душою является ея главной героиней; вся піеса лежитъ почти на ней одной, причемъ драма совершается не окрестъ ея, не во внѣшнемъ ходѣ событій, а въ ней самой, въ ея душевномъ мірѣ. Первое дѣйствіе застаетъ этого «ребенка» во всей привлекательности существа еще нетронутаго жизнью, наивнаго, чистаго, любящаго всѣхъ и каждаго, и можетъ быть немного болѣе другихъ любящаго (но не сознавая того) молодаго человѣка, живущаго въ ея семьѣ, въ качествѣ учителя у брата. Учитель этотъ часто съ ней бесѣдуетъ, знакомитъ ее съ миромъ искусства, съ царствомъ идей, «не знающихъ предѣла», бросаетъ въ ея воспріимчивую душу первыя сѣмена развитія. Эта идиллія разрушается сразу, крупнымъ ударомъ, который посылаетъ судьба «ребенку» — смертью ея матери. Ея мать (на сценѣ это лицо и не появляется) была женщина несчастная, чужая въ собственной семьѣ. Давно уже изъ сердца мужа вытѣснила ее другая женщина, одна родственница Вѣрочки (имя «ребенка»). Воля этой женщины царитъ въ домѣ, она совсѣмъ забрала въ свои руки усталаго, рыхлаго помѣщика, отца Вѣрочки. Ея мать покорно смирилась передъ такимъ положеніемъ дѣлъ, затаивъ горе обиды внутри себя, не жалуясь, не выдавши себя даже на смертномъ одрѣ. Вѣрочка разумѣется ничего этого не подозрѣвала, не знала, до минуты смерти матери. Но странныя обстоятельства, сопровождавшія эту смерть, сначала толки, а потомъ и признанія домашнихъ открываютъ ей страшную истину, что смерть матери ложится тяжелымъ пятномъ на совѣсти ея отца,—что это онъ отравилъ, разбилъ самое дорогое ей существованіе. Она не сразу рѣшается повѣрить этой истинѣ, она допытывается, узнаетъ, мучится сомнѣніями, молитъ о правдѣ, проситъ чтобы ей сказали «одну только правду» и наконецъ рѣшается обратиться къ самому отцу. Но то, что̀ она узнаетъ отъ него и что̀ потомъ подтверждается словами другой женщины, которая ее любитъ и которой она привыкла вѣрить, поражаетъ ее еще ужаснѣе: мать ея сама была виновата, сама не безупречна передъ отцомъ... И такъ, кто правъ, кто виноватъ въ этой семейной драмѣ, не Вѣрѣ судить, но только вѣра ея въ людей и правду разбита на двухъ самыхъ дорогихъ и близкихъ для нея существахъ. И вотъ она лежитъ уже больная, когда грубыя рѣчи ея брата—пошлаго и фатоватаго мальчишки—и циническія упреки и подозрѣнія той женщины, которая теперь въ домѣ замѣнила мѣсто ея матери, на счетъ отношеній Вѣрочки къ учителю, наносятъ этому уже надломленному существу послѣдній ударъ. Ея слабый организмъ не выдерживаетъ всей этой нравственной пытки, и она умираетъ. Таково въ короткихъ словахъ содержаніе этой драмы. Разработано это содержаніе довольно неловко и неумѣло въ сценическомъ отношеніи (это первое драматическое произведеніе г. Боборыкина). Дѣйствія мало. Вѣрочка почти не сходитъ со сцены, и всѣ акты полны однимъ и тѣмъ же мотивомъ, т. е. ея душевными страданіями въ ихъ различныхъ моментахъ; это произведеніе является какою то драматизированною поэмою о молодой и прекрасной душѣ, погибшей отъ соприкосновенія съ людской испорченностью и злобою. Тѣмъ труднѣе становится задача артистки, берущей на себя исполненіе этой роли. Опасность впасть въ монотонность и плаксивость кажется почти неизбѣжной, а при этомъ да еще при неловкой постройкѣ драмы, также неизбѣжна, повидимому, должна быть и скука отъ нея для зрителей. Такъ оно и было въ Петербургѣ, отчего драма эта не имѣла успѣха на нашей сценѣ, но не такъ вышло оно при игрѣ г-жи Ѳедотовой. Она дала такое полное и поэтическое воспроизведеніе этого образа, что за красотою его забылось все остальное—и публика неустанно и сострастно слѣдила за всѣми перипетіями пятиактныхъ страданій. Успѣхъ г-жи Ѳедотовой былъ громадный и какъ нельзя болѣе заслуженный. Къ г-жѣ Ѳедотовой мы еще вернемся, чтобы дать отчетъ объ игрѣ ея въ другихъ роляхъ, а покуда замѣтимъ, что эта артистка съ внутренними творческими силами таланта соединяетъ всѣ нужныя внѣшнія условія: счастливую наружность, грацію движеній и пластичность позъ, звучный симпатичный голосъ съ какимъ то нервнымъ оттѣнкомъ и превосходную дикцію. На нашей сценѣ, бѣдной артистическими силами, г-жа Ѳедотова—желанная и дорогая гостья.

Отъ драмъ разыгрываемыхъ на сценѣ—совершенно естествененъ переходъ къ драмамъ житейскимъ; къ числу ихъ безъ сомнѣнія надо отнести и тѣ событія, послѣднее дѣйствіе которыхъ совершается въ зданіи суда. Въ зданіи этомъ, на дняхъ, состоялся приговоръ по дѣлу объ убіеніи князя Аренберга, такъ сильно взволновавшемъ общественное мнѣніе. Преступники осуждены на 15 лѣтъ каторжной работы. Самое дѣло это ни въ юридическомъ, ни въ психологическомъ отношеніи особеннаго интереса не представляетъ; Шишковъ и Гребенниковъ самые заурядные воры, никакими яркими качествами не отличающіеся. Но довольно любопытна одна подробность, вскрывшаяся при слѣдствіи. Сговорившись въ тюрьмѣ ограбить князя Аренберга, преступники по выходѣ изъ нея и прежде совершенія поступка отправились служить молебенъ къ Спасителю, что въ домикѣ Петра Великаго на петербурской сторонѣ (наиболѣе чтимая въ Петербургѣ святыня), и на пути туда и обратно обсуждали задуманное ими дѣло. Какое глубокое извращеніе религіознаго чувства, хотя — увы! представляющее далеко не единичный, ни даже случайный фактъ. Оглянитесь кругомъ себя, присматривайтесь—и вы безпрестанно, на всякомъ шагу встрѣтите аналогическія явленія, хотя можетъ быть и въ менѣе рѣзкой формѣ. Насколько религіозность воспринятая человѣкомъ сознательно, искренно, претворенная имъ въ душѣ и ставшая для него руководительницей въ жизни и поступкахъ, почтенна и рождаетъ прекрасные явленія,—настолько формальное механическое отношеніе къ дѣлу религіи, успокоеніе на одной ея внѣшней, обрядовой сторонѣ, ведетъ къ безобразнымъ и дикимъ явленіямъ. Такая религіозность хуже отсутствія всякой вѣры въ человѣкѣ и приноситъ только вредъ, давая человѣку средство къ легкимъ и дешевымъ сдѣлкамъ съ своею совѣстью. Совершилъ, положимъ, такой человѣкъ какую нибудь гадость; какъ бы ни былъ онъ мало развитъ и грубъ по натурѣ, но все таки почувствуетъ въ душѣ своей нѣкоторое безпокойство, совѣсть его



ВСЕРОССІЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Главный садъ и входъ въ акваріумъ.
(На деревѣ рис. съ натуры В. Шпакъ, грав. К. Вейерманъ).

хотя слабо но подниметъ тревогу. Это могло бы послужить ему на благо, стать предостереженіемъ на будущее время, наказаніемъ за содѣянное,—могло бы повести къ желанію загладить, исправить проступокъ или преступленіе. Но у ханжи или фанатика есть подъ рукою болѣе легкое средство успокоить расходившуюся совѣсть, заставить ее замолчать: онъ механически продѣлаетъ нѣсколько церковныхъ обрядовъ, — укравши рубли, раздастъ копѣйки нищимъ и на свѣчи, настукаетъ себѣ лобъ о каменныя плиты храма—и съ спокойною душою вернется къ старому. Иначе откуда бы у тѣхъ негодяевъ, что грабятъ слабаго, гнетутъ праваго, живутъ всяческою неправдою, было такое ясное спокойствіе на лицѣ и миръ на душѣ, — если бы они не думали, что обманывая самихъ себя и людей, имъ удается въ тоже время обмануть и Высшую Правду и помириться съ ней по дешевой цѣнѣ.

Что же можетъ разсѣять эту тьму невѣжества, среди которой святая правда обращается въ великую ложь, вѣра въ суевѣріе, и доброе становится подспорьемъ злому? Конечно, ничто кромѣ просвѣщенія и развитія массъ и отдѣльныхъ личностей. Свѣту, больше свѣту— и пошатнутся мрачныя тѣни и убѣгутъ, а за ними уйдетъ и то, что жило и копошилось подъ ними.

Кстати о свѣтѣ: на дняхъ, 11 мая, въ здѣшнемъ столичномъ мировомъ съѣздѣ разбиралась претензія изобрѣтателя петролейно-газоваго апарата, г. Врадія къ американскому гражданину и контрагенту городскаго столичнаго освѣщенія, Л. Шандору, о 500 рублей награды, которую онъ многократно предлагалъ за подобное изобрѣтеніе въ своихъ публикаціяхъ и рекламахъ. Столичный мировой съѣздъ подъ предсѣдательствомъ г. Неклюдова, на основаніи отчета спеціальной коммиссіи Русскаго техническаго общества и сравнительныхъ анализовъ лабораторіи Горнаго департамента, производившихъ испытанія надъ освѣтительными снарядами гг. Врадія и Шандора,—призналъ изобрѣтеніе г. Врадія лучшимъ и постановилъ взыскать съ Шандора въ пользу Врадія 500 р. преміи и 50 р. за веденіе дѣла въ пользу повѣреннаго г. Врадія, г. Яновскаго. Послѣ прочтенія приговора о взысканіи съ Шандора 550 р. награды и судебныхъ издержекъ, г. Врадій и его повѣренный были привѣтствуемы со всѣхъ сторонъ поздравленіями и пожатіями рукъ отъ знакомыхъ и незнакомыхъ, наполнявшихъ залу мироваго съѣзда; публика, видимо была обрадована блестящимъ исходомъ этого общеинтереснаго дѣла. Система освѣтительнаго аппарата г. Врадія составляетъ привилегію Товарищества освѣщенія петролейнымъ газомъ, Столыпина и комп.

О всероссійской мануфактурной выставкѣ.

(*Продолженіе*).

Прошла недѣля со дня открытія мануфактурной выставки, а интересъ возбужденный ею въ обществѣ нисколько не уменьшился. Турникетъ *) у входа немолчно пощелкиваетъ, отмѣчая новые десятки, сотни посѣтителей. Послушаешь разговоры въ ресторанахъ, клубахъ, и гостиныхъ частныхъ лицъ — то и дѣло слышишь толки, разсказы и сужденія о нашемъ palais d'industrie. Въ Инженерномъ замкѣ открыты безплатныя чтенія о главнѣйшихъ производствахъ, образцы которыхъ встрѣчаются на выставкѣ. Коммиссіи экспертовъ уже принялись за свое дѣло — оцѣнку выставленныхъ предметовъ и присужденіе наградъ. Мы же на этотъ разъ постараемся ознакомить читателей съ тѣми отдѣлами выставки, которые не имѣютъ строго-промышленнаго характера.

Между экспонентами такихъ отдѣловъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ Военному и Морскому министерствамъ — какъ по значительному пространству ими занимаемому, по изящной простотѣ и толковитости обстановки, такъ и въ особенности по значенію для Россіи (при современномъ состояніи военнаго дѣла въ прочихъ государствахъ Европы) тѣхъ предметовъ, которыми наполнены различныя отдѣленія обоихъ вѣдомствъ, —не говоря уже объ отрадномъ чувствѣ народной гордости, возбуждаемомъ въ каждомъ истинно-русскомъ человѣкѣ при этомъ наглядномъ заявленіи нашихъ силъ и средствъ на случай обороны.

Взгляните, читатель, на первый изъ прилагаемыхъ рисунковъ: это одинъ изъ образцовъ дѣятельности Морскаго министерства — громадная деревянная модель (въ настоящую величину) чугунной, двадцати-дюймовой гладкостѣнной пушки, отлитой Пермскимъ заводомъ.

Модель поставлена (на желѣзномъ станкѣ) въ отдѣленіи вагоновъ, локомотивовъ и проч. Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о самой пушкѣ, въ которой чистота работы и правильность размѣровъ доходятъ до крайняго предѣла, а также и о желѣзномъ коробчатомъ станкѣ, снабженномъ англійскимъ компрессоромъ и приготовленномъ на Воткинскомъ заводѣ. Подъемъ снарядовъ съ земли къ дулу орудія дѣлается посредствомъ желѣзнаго крана, прилаженнаго на правой станинѣ станка, — такъ какъ каждое ядро вѣситъ 28 пудовъ, а самый выгодный зарядъ — 130 фунтовъ призматическаго пороха. Компрессоръ дѣйствуетъ правильно, сильно и исправно. Зажать его настолько, чтобы откатъ послѣ выстрѣла не превосходилъ 7 футовъ, можетъ одинъ человѣкъ. Во время испытанія пушки, при извѣстномъ углѣ возвышенія оси орудія, ядро падало въ разстояніи 600 сажень.

Пушка эта назначается для монитора «Крейсеръ», который въ настоящее время строится на Галерномъ островкѣ, въ С.-Петербургѣ.

Не менѣе замѣчательны 9-ти, 8-ми и 6-ти-дюймовыя стальныя нарѣзныя пушки Обуховскаго сталелитейнаго завода. Они также выдержали испытаніе и поставлены на станкахъ, сдѣланныхъ въ Россіи; одинъ изъ нихъ приготовленъ въ кронштадтскихъ артиллерійскихъ мастерскихъ. Обуховскій сталелитейный заводъ выставилъ сверхъ того стальные коническіе снаряды, дѣйствіе которыхъ можетъ разрушить самую крѣпкую броню мониторовъ, какъ это видно на второмъ изъ прилагаемыхъ рисунковъ. Онъ изображаетъ кусокъ 15-ти-дюймовой плиты, употребляемой для подобныхъ броней; но въ этомъ образцѣ, который выставленъ (въ отдѣленіи машинъ) Колпинскимъ желѣзно-прокатнымъ заводомъ,

*) Въ средней аркѣ входа поставленъ столъ, за которымъ производится продажа билетовъ, а съ боку между нимъ и стѣнкою арки придѣлана крестообразная рогатка, которая поворачивается на оси, пропуская по одному посѣтителю и въ то же время записывая его на счетной машинкѣ.

очевидна и сила сопротивленія разрушительному дѣйствію снарядовъ: круглыя ядра врѣзываются въ броню лишь до половины своего діаметра, коническія производятъ въ бронѣ вогнутость и прорывъ съ лучистыми трещинами, но насквозь все-таки не пролетаютъ.

Что̀ касается собственно судовъ—паровыхъ и парусныхъ, а также и коллекціи моделей ихъ, выставленной Морскимъ музеемъ, то мы поговоримъ о нихъ подробнѣе одновременно съ помѣщеніемъ соотвѣтствующихъ рисунковъ; теперь же перейдемъ къ предметамъ вѣдомства Военнаго министерства.

До открытія выставки это вѣдомство упрекали въ томъ, что оно будто бы захватило себѣ львиную долю въ помѣщеніяхъ и такимъ образомъ стѣснило прочихъ экспонентовъ. На дѣлѣ же оказывается, что Военное министерство на собственныя суммы очистило два небольшие дворика, прилегающіе къ главному зданію, заваленные снѣгомъ и соромъ, — и такимъ образомъ возникло два отдѣленія, изъ которыхъ одно назначено для полнаго педагогическаго музеума, а другое для собранія предметовъ интендантскаго вѣдомства. Сказавъ уже нѣсколько словъ о послѣднемъ въ предъидущемъ номерѣ, мы займемся Педагогическимъ Отдѣломъ, который пожалуй и представляетъ собою львиную долю — но только въ томъ смыслѣ, что до сихъ поръ въ Россіи еще не бывало выставляемо такое полное, обстоятельно-составленное и систематично-расположенное собраніе наглядныхъ пособій къ изученію всѣхъ наукъ, составляющихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній военнаго вѣдомства. Нельзя не сказать большое русское спасибо русскому дѣятелю, подъ управленіемъ котораго учебныя средства образованія будущихъ воиновъ доведены до такой степени развитія и совершенства.

Противъ входа въ палатку Педагогическаго Отдѣла, по самой серединѣ ея помѣщается большой постаментъ, заставленный акваріями, терраріями и живыми растеніями, составляющими обстановку дѣтскихъ комнатъ въ военныхъ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ того же вѣдомства. Особенно замѣчателенъ акварій устроенный по мысли преподавателя К. Сентъ-Илера для 2-ой Петербургской военной гимназіи. Размѣръ его весьма значительный въ длину, въ ширину имѣетъ всего 4 вершка, отчего слой воды въ немъ съ этой стороны чрезвычайно прозраченъ и позволяетъ слѣдить за содержащимися тамъ животными даже въ увеличительное стекло. Растенія весьма хорошо ростутъ въ немъ. Изъ терраріевъ особенно удобны и общедоступны по своей дешевизнѣ (1 — 25 коп. штука) маленькіе жестяные—для наблюденія за жизнью небольшихъ животныхъ. Растенія, которыми обставленъ постаментъ, не требуютъ мудренаго ухода или могутъ быть разводимы самими воспитанниками. Лѣтомъ въ лагерѣ ихъ пересаживаютъ въ грунтъ. Часть стѣнъ палатки увѣшана образцами изъ коллекціи картинъ, которыя украшаютъ комнаты воспитанниковъ и вмѣстѣ служатъ къ развитію въ дѣтяхъ эстетическаго вкуса (каковы старыя французскія гравюры древнеисторическаго содержанія и гравюра съ картины Каульбаха) или пособіемъ при изученіи нѣкоторыхъ наукъ (*народы Россіи* Паули и коллекція естественно-историческихъ рисунковъ.

Чрезвычайно интересно собраніе образовательныхъ игръ и занятій для дѣтей, доказывающее просвѣщенную заботливость наставниковъ военнаго вѣдомства о томъ, чтобы и часы досуга воспитанниковъ проводились съ удовольствіемъ и пользою. Дары Фребеля и прекрасные матеріялы для дѣтскихъ занятій, изготовляемые П. Ольхинымъ въ С.-Петербургѣ, сообщаютъ Педагогическому Отдѣлу трогательный характеръ семейственности и какъ бы родительскихъ попеченій о ввѣренныхъ питомцахъ. Дѣтскіе сады Фребеля слишкомъ извѣстны для того чтобы распространяться объ нихъ на этихъ страницахъ. Изъ произведеній же г. Ольхина намъ особенно понравились: проволочныя работы съ пробками, посредствомъ которыхъ можно подражать многимъ предметамъ общежитія, работы изъ бумаги, ящикъ съ матеріялами, инструментами и формами для отливки снимковъ и статуетокъ изъ гипса, лѣпка изъ глины, приборы для рисованія, фотографіи и для безопасныхъ химическихъ опытовъ. Сверхъ того выставлено множество гимнастическихъ аппаратовъ и предметовъ для игръ на вольномъ воздухѣ, столь важныхъ для развитія здоровья и тѣлесной силы юношей.

Таковъ подготовительный курсъ Педагогическаго Отдѣла, если включить въ него обширную библіотеку начальной школы. Предѣлы нашей статьи не дозволяютъ намъ разсмотрѣть въ подробности тѣ гимназическія и прогимназическія пособія, которыхъ легкій обзоръ мы представили въ предъидущемъ номерѣ «Нивы». Можно сказать лишь вообще, что Военное министерство, такъ много потрудившееся на пользу образованія нижнихъ чиновъ арміи (чему между прочимъ есть доказательства и на выставкѣ), не щадило никакихъ средствъ для подготовленія будущихъ начальниковъ. Цѣль выставки педагогическихъ предметовъ заключается въ томъ, чтобы ознакомить посѣтителей съ тѣмъ, что̀ сдѣлано до сихъ поръ по этой отрасли, а также и доставить возможность промышленникамъ воспроизводить все потребное для практическихъ, наглядныхъ пособій къ изученію той или другой науки, наконецъ—удешевить самое производство учебныхъ пособій. Послѣдняя цѣль блистательно достигнута уже и въ настоящее время; — такъ, напр., минералогическія коллекціи, стоющія 200 руб., обходятся военно-учебнымъ заведеніямъ по 25 руб.; гипсовыя собранія кристалловъ пріобрѣтаются въ мастерской г. Гейзера по 6 руб., тогда какъ деревянныя стоютъ 100 руб. Нельзя не пожелать дальнѣйшаго успѣха такому началу.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ мы поговоримъ о другомъ отдѣлѣ Военнаго министерства—Обществѣ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, и приложимъ въ высшей степени интересныя изображенія конныхъ литьеръ и ручныхъ повозочекъ для отправленія раненыхъ на перевязочный пунктъ.

Теперь же скажемъ нѣсколько словъ по поводу большаго рисунка, изображающаго центральный садъ и входъ въ акварій съ пристроеннымъ къ нему фонтаномъ. Вокругъ него на заднемъ планѣ высятся легкія очертанія тѣхъ деревянныхъ фронтоновъ Главнаго Отдѣла, о которыхъ мы упоминали въ предъидущемъ номерѣ нашего журнала. Рѣзьба коньковъ, сквозныя деревянные полотенца, подзоры—все это запечатлѣно чисто-русскимъ вкусомъ. Панель и куртины уставлены красивыми растеніями, а также и вершина сталактитоваго грота надъ акваріемъ. Что же касается самаго акварія или, вѣрнѣе, нѣсколькихъ его отдѣленій, расположенныхъ подъ землею, то открытіе ихъ послѣдуетъ 24 мая въ воскресенье. Они будутъ освѣщаться газомъ (по всей вѣроятности, аппаратами г. Бутримовича), и громадныя стекла ихъ уже теперь обѣщаютъ представить не мало крупныхъ диковинокъ посѣтителямъ вы-

ставки. Въ обширныхъ и пока еще мрачныхъ подземельяхъ размѣщаются меньшіе акваріи и терраріи частныхъ лицъ, бьютъ водометы и каскады. Въ отдѣлѣ морскихъ акваріевъ у входа въ залу находится большой террарій. Выходъ же будетъ въ концѣ подземной галлереи въ саду, расположенномъ при террасѣ ресторана г. Танти. Какъ слышно, рыбъ для акваріума припасено до 63 породъ, преимущественно выписанныхъ изъ за границы. Весьма будетъ жаль, если предприниматели акварія не успѣютъ пріобрѣсти русскихъ породъ и ознакомить публику съ превосходными экземплярами доставляемыми Каспійскимъ рыболовствомъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить и за то, что въ ожиданіи осуществленія мысли Московскаго Общества Любителей Естествознанія—устроить обширный морской акварій по образцу Берлинскаго, посѣтители выставки могутъ ознакомиться съ этими стеклянными водоемами, снимающими печать тайны со дна морскаго, подобно тому какъ стеклянные ульи разрѣшали трудную задачу наблюденія надъ нравами и работой ихъ трудолюбивыхъ обитателей. Въ большомъ залѣ акварія будетъ еще устроенъ бассейнъ для тюленей и самыхъ крупныхъ рыбъ. Словомъ, все это обѣщаетъ много и много удовольствія посѣтителямъ выставки.

Къ сожалѣнію, за входъ въ акварій надо будетъ платить особо, такъ же какъ и за осмотръ гидравлическаго бассейна г. Вейде, въ которомъ уже начались его опыты,—а равно и за посѣщеніе Отдѣла русскихъ художественныхъ древностей. Но за то цѣна входныхъ билетовъ на выставку постепенно понижается и дойдетъ до минимума—10 копѣекъ. Быть можетъ распорядители найдутъ средства допустить недостаточныхъ людей безъ добавочной платы и въ три заповѣдныя отдѣленія. Этою pia desideria мы на этотъ разъ закончимъ нашъ отчетъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Смѣсь.

Римская чиччата.—Жестокія народныя забавы далеко еще не перевелись, даже въ нашъ «просвѣщенный» девятнадцатый вѣкъ. Невозможно сказать даже въ видѣ предположенія, перестанутъ ли, и когда, англичане находить удовольствіе въ пѣтушьемъ бою и боксѣ, испанцы въ боѣ быковъ, а римляне въ *чиччатѣ*. Что такое собственно *чиччата* (cicciata), и что это за слово? спросятъ многіе. Слова этого не найти ни въ одномъ словарѣ; его производятъ отъ слова *ciccia*, на римскомъ простонародномъ нарѣчіи—*мясо*, стало быть можно бы перевести его *бойня*. Подробности этаго ужаснаго боя—люди, близко знакомые съ нравами нѣсколько дикихъ обитателей Транстевера, описываютъ слѣдующимъ образомъ. Собираются пріятели въ тратторію; когда выпьютъ лишнее и болѣе обыкновеннаго разгорячатся, случается что который нибудь поднимется и предлагаетъ устроить чиччату. Тѣ которые не чувствуютъ охоты принять участіе въ этомъ адскомъ увеселеніи—поспѣшно уходятъ, иной разъ даютъ пожалуй знать хозяину о томъ, что затѣяно. Хозяинъ старается отговорить сумасбродовъ, но посредничество его обыкновенно ни къ чему не ведетъ или кончается тѣмъ, что хозяина выталкиваютъ за дверь и приступаютъ къ нужнымъ приготовленіямъ, которыя заключаются въ томъ, что окна и двери тщательно заставляются барикадами, чтобы не помѣшала потѣхѣ полиція, еслибы паче чаянія завернула. Принявъ эту предосторожность, опредѣляется сколько времени должна продолжаться чиччата Обыкновенно условливаются такъ, чтобъ при первомъ звонѣ колокола ближайшей церкви сражающіеся разошлись. Прежде чѣмъ начать, они набожно цѣлуютъ натѣльный крестъ, образокъ или ладонку и обращаются въ краткой молитвѣ къ мадоннѣ. Тогда подается знакъ.... лампа гасится... въ ту же минуту пріятель яростно бросается на пріятеля, съ высоко занесеннымъ ножемъ, потому что цѣль «потѣхи» ни болѣе ни менѣе, какъ распороть другъ другу животы. Во время сраженія господствуетъ страшная тишина. Не слыхать ни крика ни жалобы — только изрѣдко раздается сдержанный стонъ, или бряцаніе двухъ клинковъ, которые, встрѣчаясь, мечутъ искры, чѣмъ однимъ на секунду озаряется мракъ. Бой этотъ ведется, при всемъ безобразіи своемъ, по нѣкоторымъ извѣстнымъ правиламъ. Такъ, напримѣръ, участвующимъ не дозволяется произнести ни одного слова, чтобы ни у кого, по окончаніи сраженія, не осталось чувства ненависти или желанія мести, и чтобы нельзя было узнать по голосу пріятеля, которому собираешься нанести смертельный ударъ. Удары постоянно должны быть направляемы противъ живота, а не противъ лица—по ужасной, возмутительной причинѣ, а именно чтобы ножъ отъ столкновенія съ костью не попортился! Если ножъ вонзается до черенка, его должно вынимать; переворачивать его въ ранѣ запрещается, какъ запрещается еще сваливать другъ друга съ ногъ. Наконецъ, каждому изъ участвующихъ дозволяется отказаться отъ боя когда угодно—для этого достаточно отойти въ уголъ и лечь на полъ.

Странный обычай.—Въ Бухарештѣ, каждый годъ въ Юрьевъ день, передъ кабаками низшаго сорта привѣшиваются вѣсы, на которыхъ хозяинъ вѣшаетъ своихъ завсегдатаевъ. Того кто больше всѣхъ пополнѣлъ, а слѣдовательно и потяжелѣлъ въ теченіе года, весь день даромъ угощаютъ на счетъ похудавшихъ въ тотъ же годъ.

Еще новая мода.—Въ Англіи послѣднее время вошло въ моду хромать. Извѣстно, что прекрасная, всѣми любимая принцесса уэльская, Александра, вслѣдствіе недавней болѣзни все еще слегка прихрамываетъ,—и англійскія дамы вздумали доказать ей свою преданность и участіе искуственнымъ подражаніемъ ея печальному недугу. Съ этой цѣлью одна ботинка дѣлается безъ каблука; другая, напротивъ, съ очень высокимъ каблукомъ,—и производимую этимъ хромоту называютъ походкой *à la Alexandra*.

Глазная вода.—«Моя глазная вода дѣлаетъ такія чудеса, какъ ни одна», говорилъ какой-то шарлатанъ одному старому фермеру.—«Подите вы съ своей глазной водой», отвѣчалъ тотъ: «никогда ей не дѣлать такихъ чудесъ, какъ слезы моей жены. Вотъ настоящая глазная вода—насмотрѣлся!»

Занятные спутники.—Разсказываютъ, что два господина, англичане, три дня сряду ѣхали вмѣстѣ въ почтовой каретѣ, и во все это время не сказали другъ съ другомъ ни одного слова. На четвертое утро одинъ изъ нихъ рискнулъ замѣтить, что погода славная.—«Ктожъ говорилъ что не славная?» пробурчалъ ему въ отвѣтъ его спутникъ—и все.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою Мая 22 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Пб. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

V.

Въ Москвѣ.

Пировали долго, потому что обычай былъ таковъ. Сидѣли за столомъ до вечерни; спать же ложились рано не только у насъ но и повсюду, по той весьма простой причинѣ, что при лучинѣ, при жирникѣ было не весело сидѣть—копоть нюхать, а восковыя свѣчи были такъ дороги, что только для церквей въ пору годились; сальныя были еще не выдуманы, а величайшія благодѣтельницы рода человѣческаго—лампы были изобрѣтены только четыреста пятьдесятъ лѣтъ спустя, т. е. не задолго до первой французской революціи. Впрочемъ, Русь съ покон вѣку была богата воскомъ, отправляла его въ значительномъ количествѣ въ Грецію, въ Нѣмечину,—и у князей, у богатыхъ бояръ водились свѣчи, а у домовитаго Ивана Даниловича былъ даже свой заводъ восковыхъ свѣчей.

Святитель воротился съ княземъ и боярами отъ всенощной. Онъ былъ очень не молодъ: ему было за шестьдесятъ лѣтъ; глаза у него стали слипаться, усталые отъ долгаго пути по морозу и отъ яркаго солнечнаго свѣта, разсыпавшаго брилліанты по снѣгу. Его отвели подъ руки князь и московскій протопопъ въ его комнату, гдѣ онъ и прилегъ какъ всегда на коврикъ, подложивъ подъ голову дорожную кожаную подушку, покуда немилосердно топили баню, раскаливаемую уже цѣлыхъ четыре часа. Владимірскіе и московскіе гости великаго князя собрались между тѣмъ въ той же самой столовой; великій князь взялъ подъ руки владимірскаго протопопа и пришелъ съ нимъ въ спальную, посадилъ его въ кресло, стоявшее подъ иконами, а самъ сѣлъ въ другое.

— Ну, что, отецъ честной? спросилъ онъ.

— Да что, отвѣтилъ протопопъ,—какъ тебѣ, господине княже, сказать!.. какъ онъ услышалъ, такъ и ужаснулся, возвелъ руцы къ небу и сказалъ: «этого еще не доставало!» А потомъ заперся въ свою молельню и всю ночь клалъ земные поклоны—и плакалъ какъ дитя малое.

— Ничего не говорилъ потомъ? спросилъ князь тревожно.

— Говорилъ: «поѣду въ Москву, спрошу князя Ивана Даниловича—Иванъ не солжетъ. Ихъ это съ братомъ дѣло, или татарское? Коли ихъ—суди ихъ Господь, тогда пропала Мать Святая Русь. Вѣровалъ я въ Данилу, вѣрую и въ Ивана. Юрія я точно никогда не долюбливалъ, больно ужъ онъ всегда шустрый былъ—и хотя душка у него и хороша, только какъ онъ рязанскаго князя Константина Романовича зарѣзалъ, то сдается мнѣ, что онъ крѣпко долженъ быть повиненъ въ смерти великаго князя тверскаго.

— Видишь, князь,—продолжалъ протопопъ, думно вперяя глаза въ Ивана Даниловича,—крѣпко онъ любилъ тверскаго-то. Когда въ митрополиты его выбрали, Михаилъ же его руку держалъ. Потомъ, кто бы выхло-

поталъ въ Ордѣ такой ярлыкъ для церкви, если бы покойный Михаилъ Ярославичъ—дай Богъ ему царство небесное и вѣчный покой!—не поддержалъ? Вѣдь только этимъ ярлыкомъ церковь и держится. А церковью вся Земля Русская держится. Дѣло вотъ какое! Ужъ коли есть какое вольное царство на Руси, такъ это одна церковь. Въ ваши мірскія дѣла татары могутъ мѣшаться, сколько душенькамъ ихъ угодно, а въ наши церковныя—имъ царемъ Азбякомъ заказано, потому что онъ, спасибо Михаилу Ярославичу, самъ отъ насъ отступился; а у татаръ порядокъ, самъ знаешь, господине княже: такой обычай, что какой разъ законъ поставили, такъ хоть перебей ихъ, отъ своего слова не отступятся. Церковь на Руси первая на волю вышла, ни въ какія дѣла ея татаринъ мѣшаться не можетъ; ото всѣхъ ей, благодаря Михаилу Ярославичу, почетъ; идите же съ нами, вы, князи мірстіе,—и будетъ Русь вольнымъ царствомъ.

А на другой половинѣ княжескихъ хоромъ шла оживленная бесѣда бояръ съ томскимъ архимандритомъ.

— Что-жъ, говорили они ему,—это тверской точно что владыку въ Цареградѣ отстаивалъ, въ Ордѣ ему ярлыкъ выхлопатывалъ,—да не тѣ-ли самые тверскіе опять потопить его хотѣли. Вѣдь до сихъ поръ у нихъ же въ Твери сидитъ этотъ епископъ Андрей, что соборъ на Петра Святителя собиралъ, смутилъ было даже самаго блаженнаго патріарха; смута пошла по всей землѣ отъ тверскихъ.

— Такъ-то оно такъ, да все-таки святителю всѣ князья равны.....

— Этого не говори, отче, чтобы всѣ ужъ такъ и равны были, возражали бояре:—святитель—Божій человѣкъ, онъ за Божескія дѣла стоять долженъ; только какъ же онъ будетъ руку держать этихъ тверскихъ? На соборѣ всѣ тверскіе были противъ святителя—Михаилъ только противъ него не шелъ, да и то потому что въ Ордѣ былъ, а дѣтки-то его Димитрій да Александръ за Андрея стояли. Откуда, съ какихъ поръ пошла дружба святителя съ нами съ московскими? все съ этого собора! А за что? за то, что они за правду стояли! Отъ тверскихъ по всей землѣ смута идетъ: то новгородцевъ прижмутъ, то у насъ съ Москвы одного боярина нашего Акиѳа къ себѣ переманили.

— Ну, Акиѳа къ себѣ не переманили, сказалъ Кобыла,—онъ просто самъ ушелъ. Обидно стало, что зачѣмъ Родіона Несторовича выше его поставили.

— Бояринъ Акиѳъ, говорилъ Александръ Михаиловичъ, — съ нашимъ княземъ поссорился, перешелъ къ тверскому, и всякій соръ изъ нашей избы туда перенесъ и сталъ смущать Тверь на Москву.

— Это что? говорилъ архимандритъ:—это дѣло привычное—изъ за боярскихъ счетовъ ссориться да путаться; а вотъ какъ-то святитель будетъ ладить теперь съ Юріемъ Даниловичемъ, когда тотъ на Великое Княженіе придетъ, — вотъ въ чемъ бѣда! Дружилъ святитель доселѣ съ московскими, а какъ всѣ заговорятъ, что вотъ-де московскіе тверскаго зарѣзали, совсѣмъ святитель голову потеряетъ.

— Ничего мы такого не дѣлали, говорили бояре:—точно, въ Ордѣ у насъ благопріятелей не мало; есть и между татарами добрые люди, а добрыхъ людей мы любимъ, хлѣбъ-соль съ ними водимъ—потому что мы съ измальства учились какъ себя держать. Отъ этого мы, точно, никогда не прочь. Спросятъ тамъ у насъ совѣта, мы совѣтъ дадимъ; а какъ по этому совѣту сдѣлаютъ, не намъ судить, потому что сердце царево въ рукѣ Божіей. Тайну цареву хранить, опять, намъ заказано; мы люди маленькіе, мы люди простые, темные; не намъ изъ Москвы царскими дѣлами ворочать. Вотъ оно что, отче святой!

— Такъ-то оно такъ, говорилъ архимандритъ, поправляя свѣчу.—Спору нѣтъ что такъ, только все какъ-то не хорошо, что Михаила тверскаго убили!

— Да не хорошо! не хорошо! говорилъ Родіонъ Несторовичъ:—кто говоритъ что хорошо?—жалко по человѣчеству; все же мы не звѣри какіе, а христіане православные. Да разъ какъ велѣно Господомъ Богомъ ходить по всей волѣ Ордынской, такъ уже держать ее намъ надо; что велитъ царь сдѣлать, то и надо дѣлать. Сколько разъ говорено было: отъ противленія татарамъ всей Руси бѣда выходитъ; одинъ князь сопротивится—всѣмъ областямъ за него достанется. Ладное ли это дѣло—разорять Землю Русскую?!

— Ужъ лучше пускай князя два-три пропадутъ, пусть наши братья, бояре пропадутъ,—только бы христіанамъ разоренія не было, вотъ какъ оно разсуждать надо!

— Диковинное дѣло! говорилъ архимандритъ,—кажется, давно ли тому назадъ, всего лѣтъ двадцать, какъ Михаилъ Ярославичъ съ Данилой Александровичемъ дружили и вмѣстѣ противъ Андрея Александровича стояли. Ихъ общими силами сдѣлалась и Тверь великимъ княжествомъ и Москва сама по себѣ великимъ княжествомъ.

— Это точно, говорилъ Родіонъ Несторовичъ,—дружить-то они дружили, за одинъ стояли, да что изъ этого вышло? какъ разошлись, такъ тверскіе и начали подкопъ подъ насъ вести. Мало ли разъ Михаилъ Ярославичъ подъ Москву ходилъ? злоба душила его, зачѣмъ новгородцы съ нами дружны.

— Ну ужъ эти новгородцы! сказалъ архимандритъ вздыхая,—ни отъ кого нѣтъ столько зла на Русской Землѣ, какъ отъ нихъ. Все мѣняютъ себѣ князей, все отъ одного рода княжескаго къ другому переходятъ.

— Что-жъ, говорилъ Кобыла,—и новгородцевъ въ этомъ винить нельзя! Зачѣмъ было тверскимъ тѣснить ихъ! Новгородцы Александра Невскаго хорошо помнятъ. Сыновья Александра Невскаго у нихъ княжили, они вотъ и держатся этого рода. Тверь отъ этого зависть беретъ.....

Дверь разстворилась, вошелъ діаконъ и сказалъ, что святитель отправился въ баню а послѣ бани прямо спать ляжетъ. Гости начали подниматься. Иванъ Даниловичъ вошелъ въ столовую, распростился со всѣми и сказалъ, что сегодня со святителемъ и говорить нечего, потому что онъ усталъ,—и что надо Богу молиться, чтобы Господь вразумилъ, какъ поступать въ нынѣшнее трудное время, а что онъ, князь, будетъ дѣйствовать какъ святитель ему укажетъ. Всѣ разошлись, остался только домашній другъ князя, Андрей Кобыла, который пошелъ въ теремъ, гдѣ въ трапезной хороминѣ въ то время сама княгиня Олена Кириловна перемѣняла свѣчи на ночь у иконъ. Княгиня была женщина лѣтъ тридцати пяти, свѣжая, крѣпкая, веселая, добродушная, образцовая жена, образцовая мать, образцовая хозяйка.

— Ну, бояринъ, сказала она Кобылѣ,—хозяйкѣ своей отъ меня въ поясъ поклонись; ручки, ножки ей поцѣлуй!

— Что такое? спросилъ Кобыла.

— Да ужъ такое ей крѣпкое спасибо, что по гробъ жизни не забуду, а дастъ Богъ дочери будутъ—дочерямъ помнить накажу. Скажи ей только за рыжики спасибо—она уже знаетъ...

— Что такое знаетъ? сказалъ Иванъ Даниловичъ, входя въ комнату.

— Про рыжики, княже, про рыжики. смѣялась княгиня Олена Кириловна.

— Какіе рыжики? спросилъ князь весело,—о какихъ ты рыжикахъ, Олена Кириловна, съ бояриномъ толкуешь? будто у боярина и подумать болѣе не о чемъ.

— Нѣтъ, Иванъ Даниловичъ, ужъ ты мнѣ это дѣло предоставь, сказала Олена Кириловна:—ты съ бояриномъ свою думу думай о твоихъ ратныхъ дѣлахъ и о посадскихъ; а у меня съ боярыней своя дума, какъ намъ добрыхъ людей принимать да чествовать.—Замѣтилъ ты, какъ святитель ѣлъ рыжики?

Иванъ Даниловичъ переглянулся съ Кобылою, и оба вопросительно посмотрѣли другъ на друга. Они дѣйствительно не замѣтили, какъ именно святитель ѣлъ рыжики.

— Эхъ вы, мужики, мужики! качала на нихъ головою княгиня:—въ Ордѣ видите, въ Твери все знаете, въ Новгородѣ говорите, а что у васъ подъ носомъ—ничего не знаете. Научила меня боярыня Кобылина какъ рыжики солить, я и подала ихъ сегодня за столъ и смотрю. какіе будутъ. Глядь, святителю пуще всего понравились, да и всѣ вы ими не побрезгали; а вотъ моченыя вишни, какъ меня та новгородка научила,—помнишь, что была въ Москвѣ года три тому назадъ, около Спаса,—никуда не годятся. Злобу она на меня что-ли имѣла, только не хороши — вотъ тебѣ и все!

Иванъ Даниловичъ задумался. Какъ всѣ потомки Александра Невскаго, онъ былъ страшно подозрителенъ.

— Какая злоба, сказалъ онъ, встряхнувъ головой,—никакой злобы на насъ у ней не было. Новгородцы насъ крѣпко держатъ.

— Ну, княгиня, сказалъ Кобыла,—женѣ я отдамъ поклонъ, а мой поклонъ князю. Возчиковъ мнѣ больно хорошо онъ сторговалъ—сѣно возить; своими людьми не управился-бы.

— Ну!.. сказалъ Иванъ Даниловичъ, садясь въ уголъ, усаживая подлѣ себя съ одной стороны боярина, съ другой княгиню, и принялся за вечернюю транезу.

— Что, бояринъ-душа, какъ намъ со святителемъ быть?

— Да что, князь, говорилъ Кобыла расправляя бороду,—просто, ни какъ намъ не быть. Первое дѣло: всѣ говорятъ, что мы съ тобою неповинны......

— Неповинны, разумѣется, отвѣтилъ Иванъ Даниловичъ,—что въ Ордѣ у насъ много друзей, не наша вина. А пользы намъ своей изъ рукъ выпускать не надобно.

— Ты святителю, княже, говори такъ: «посмотри, владыка святой. какъ у насъ дѣла идутъ съ первыхъ временъ. Были мы народъ поганскій, эллинскимъ баснямъ вѣрили. Старики бояре тогдашніе думали думу, видятъ, что дѣло на ладъ нейдетъ, взяли и отправили листъ къ царю и патріарху; пришли къ святѣйшему патріарху: «хотимъ—въ крещеную вѣру пойти».

Князь и княгиня внимательно слушали этого умнаго предка Романовыхъ.

— Ну!.. сказалъ князь, не понимая, куда онъ клонитъ.

— Всѣ крестились, толковалъ Кобыла стукая пальцемъ по столу, — болгаре крестились, сербы крестились, а Русь все въ эллинствѣ жила и порядка въ ней не было. Русь и говоритъ: «безъ князей жить нельзя», и снарядила пословъ, послала за море, привели Рюрика съ братьями, значитъ всѣми князьями обзавелись. Видятъ бояре съ княземъ, сказалъ Кобыла, помолчавши немного,—что все-таки они живутъ въ лѣсу, на пень Богу молятся; снарядили пословъ, привели поповъ съ митрополитомъ, и окрестились;—онъ опять помолчалъ.—Прежде татаръ смиряли, хозаръ, половцевъ, болгаръ, но пошла отъ вашихъ княжескихъ раздоровъ безурядица по всей Руси, стала Русская Земля распадаться на части. Галицкая Русь, Смоленская Русь, Полоцкая—каждая сама по себѣ; Кіева почитай что помину нѣтъ, тамъ одни волки живутъ вмѣсто людей; Новгородъ самъ по себѣ въ особнякъ стоитъ, ему нѣмцы да шведы да корела покою не даютъ. Была Тверь славна, да вотъ сильно шатнулась, а наша Москва въ гору идетъ—и покуда московскій народъ да мы, бояре, не выродилися, все будемъ въ гору идти.

Иванъ Даниловичъ смотрѣлъ на него вопросительно. Выраженіе лица Андрея Кобылы было напряженное. Видно было, что онъ не съ проста велъ свою рѣчь — красный свѣтъ восковой свѣчи клалъ на его лицо длинную тѣнь отъ носа, отъ скулъ. Красный отложной воротникъ его кафтана сіялъ будто раскаленное желѣзо. Желтые рукава казались то ярче, то блѣднѣй, а сверху лился тихій свѣтъ отъ иконъ, и изъ сѣней доносилось тихое дыханіе дремлющихъ отроковъ. Вокругъ хоромъ ходили сторожа и били въ доску; полный мѣсяцъ желтилъ пузырь въ окнахъ; князь и княгиня слушали боярина, не понимая, куда онъ клонитъ, зачѣмъ повелъ дѣло издалека, и почему ведетъ рѣчь такимъ пророческимъ способомъ.

— Посмотри ты на другихъ князей русскихъ и на нашихъ московскихъ, посмотри! Первое дѣло то, что наша Москва на крови построена.

Князь и княгиня переглянулись.

— Не къ ночи поминать бы! сказала робко Олена Кириловна.

— На крови, подтвердилъ въ упоръ Кобыла,—построена Москва. Построена Москва, напиралъ онъ,—на крови самаго именитаго русскаго боярина Степана Ивановича Кучки, твоимъ предкомъ казненнаго. Хотѣли московскихъ бояръ вы, русскіе князья, подъ себя подвести, крови много пролили, много разоренья здѣшнимъ боярамъ понадѣлали;—а здѣшніе бояре, хотя и пущали къ себѣ васъ князей, а все вами не дорожили—пока не избрали себѣ своимъ княземъ такого, который бы имъ подходилъ. Взяли они себѣ вольной волей по смерти Михаила Ярославича его брата, дѣда твоего, князя Александра Невскаго, а потомъ все колѣно твоего тятеньки Данилы Александровича. Вѣрное тебѣ мое слово, Иванъ Даниловичъ,—слушайся ты бояръ, ладь ты съ ними! а бояре тебя и дѣтокъ твоихъ и все родное племя твое въ обиду никому не дадутъ.

— Съ далека ты началъ, говорилъ Иванъ Даниловичъ, недоумѣвая; онъ, какъ и вся родня его, не отличался особенною быстротою ни въ дѣйствіяхъ, ни въ соображеніяхъ.—Говоришь ты, бояринъ, и все я не беру въ догадъ, куда ты ведешь и къ чему ты помянулъ...

— Да еще на ночь!.. прибавила княгиня.

— Не догадываешься? сказалъ Кобыла,—ну такъ я тебѣ проще скажу. Мы не нѣмцы какіе, ни литва поганая, ни чудь, ни корела. Силой насъ никто не крестилъ, да и никто не крестилъ бы. Какъ бы окрестилъ кто силой, не твердо бы за вѣру мы стояли. Отчего теперь, на нашихъ глазахъ, годъ отъ году народъ все крѣпче да крѣпче за вѣру стоитъ, и все больше церквей да монастырей на Руси разводится? Все отъ того, что вѣра эта народомъ нашимъ — излюбленнымъ образомъ выбрана. Отчего это такъ, княже, хотя бы мы, тѣ же бояре, васъ князей Рюриковичей давнымъ давно изъ Руси не выгнали? а вѣдь правду говорить, столько вы зла надѣлали да и дѣлаете вашими усобицами и счетами своими, а мы все молчимъ да терпимъ! Вотъ, на что Новгородцы: по ихъ обычаю, знай мѣняютъ князей, а все берутъ изъ вашего рода, а не изъ другихъ какихъ. Мало ли къ нимъ всякіе заморскіе князья ѣздятъ; вонъ литва теперь поднимается—и не сидѣлъ бы Довмонтъ въ Псковѣ и не было бы въ Полоцкой землѣ литовскаго князя, кабы не вышли смуты да счеты.

Иванъ Даниловичъ думалъ, а по врожденному складу ума сразу не могъ схватить мысль. Ему становилось страшно отъ этихъ слѣпыхъ словъ; мысль объ измѣнѣ мелькала у него въ головѣ. Бояре вообще были ему не по душѣ.

— Ну, вотъ теперь и понимай, господине княже, сказалъ Кобыла,—отчего мы, бояре московскіе, за родъ Данила Александровича стоять станемъ. Сами мы—у Александра Невскаго—отца твоего къ себѣ выпросили; сами мы ему эти хоромы поставили; сами мы изъ подъ руки Великаго Князя Андрея Александровича его высвободили, великимъ княземъ московскимъ его поставили, стало быть сдѣлали Москву въ Руси какъ бы отдѣльнымъ государствомъ. Ну, вотъ ты теперь—великій князь московскій, и сами мы тебя, Иванъ Даниловичъ, и отъ тверскихъ и отъ рязанскихъ обороняемъ. Кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ врагъ. Былъ Акинѳъ бояринъ—великій человѣкъ; сильный человѣкъ былъ онъ между нами; за пустое дѣло, за Романа Несторовича съ твоимъ отцемъ поссорился, зачѣмъ-дѣ черниговскому боярину мѣсто впереди меня дается; ему это за обиду стало, а намъ московскимъ боярамъ и пуще того. Не хорошо отецъ твой съ нами поступилъ—и пропалъ бы твой отецъ и ты, Иванъ Даниловичъ, кабы Акинѳъ не перешелъ въ Тверь, да не сталъ-бы Тверь на насъ, на Москву вести. Не отца твоего мы, московскіе бояре, пожалѣли: что намъ. что въ каждомъ княжествѣ есть свои бояре именитые?! Вотъ у нѣмцевъ, говорятъ, свейскіе бароны за цесарскихъ стоятъ, а цесарскіе стоятъ за фряжскихъ. У насъ этого порядка нѣтъ, не было да и не будетъ никогда. Къ намъ милости просимъ всѣхъ бояръ, а наши бояре руку другимъ—не московскимъ—боярамъ тянуть не станутъ; это ужъ вѣрное мое слово, и московскіе бояре князя своего—худъ-ли, хорошъ-ли князь, правъ-ли, не правъ—въ обиду никому не дадутъ,—и измѣнника, вотъ какъ Акинѳъ былъ, между нами. помяни ты мое слово, уже болѣе не заведется. Кто противъ московскаго великаго князя, тотъ противъ московскихъ бояръ. Ты, Иванъ Даниловичъ, сиди и спи спокойно за нашими головами. Михаилъ тверской въ Ордѣ пропалъ; ну, такъ и пропадутъ даже безъ твоего вѣдома всѣ твои недруги.

— Да какъ-же? спросилъ Иванъ Даниловичъ:—вы тамъ помимо меня съ Ордою споситесь?

— Помимо тебя мы не сносимся! зачѣмъ намъ сноситься помимо тебя? смѣялся Кобыла:—это дѣло лишнее, неподходящее; я только такъ къ слову говорю. Спи спокойно, со святителемъ ладь, а главное: подговори его къ тому, чтобы онъ митрополичей престолъ сюда къ намъ изъ Владиміра перенесъ. Тогда великое княжество твое будетъ первое на Руси.

— Хорошо бы, сказалъ князь,—да только приступить какъ—не знаю.

— А ты приступи такъ, что вотъ дескать скучно мнѣ-сиротѣ князю безъ тебя, владыка святой. Ему самому безъ тебя скучно; ему самому этотъ Владиміръ ничего не значитъ, такъ же какъ и покойному святителю Максиму. Запустѣлъ Кіевъ—Максимъ не любилъ его. Теперь изъ-за Владиміра всѣ дерутся, а въ Владимірѣ никто не живетъ и Владимірскаго митрополита никто не слушается. Великій Князь Всея Руси. Михаилъ Ярославичъ въ Твери жилъ; братъ твой Юрій Даниловичъ—въ Новгородѣ. Хотя у митрополита и большая сила, а все ему выгоднѣе было бы пойдти въ вѣчный союзъ съ твоимъ княжескимъ родомъ. Тебя онъ любитъ; вотъ, ты на это и бей. Ему самому въ Москву хочется, только совѣстно ему громко заявить объ этомъ.

— Я этого не слыхалъ, сказалъ Иванъ Даниловичъ.

— Вотъ точно!.. мало ли ты чего не слыхалъ: до велико-княжескихъ ушей не всякое слово доходитъ. Ты вотъ съ святителемъ объ этомъ поговори, да времени не откладывай, потому что теперь тверскіе бояре затѣваютъ просить святителя туда,—а какъ онъ туда заѣдетъ, такъ вѣдь это предъ лицомъ всего свѣта будетъ какъ бы анаѳемой роду Данилы Александровича; они уже къ нему пословъ за этимъ засылали.

— Батюшки-свѣты мои!.. вскрикнулъ испуганный князь, а княгиня даже поблѣднѣла.

— Да какъ же я-то этого ничего не знаю? Что же это бояре мнѣ ничего не говорятъ? и опять слово «крамола» мелькнуло у князя въ головѣ.

— Какъ не говорятъ—я же тебѣ вѣдь говорю!

— Другіе-то что-же молчатъ?

— Другіе-то? сказалъ улыбнувшись Кобыла,—да другимъ и сказать некогда тебѣ было. Сегодня только узнали!

— Да отъ кого вы узнали?

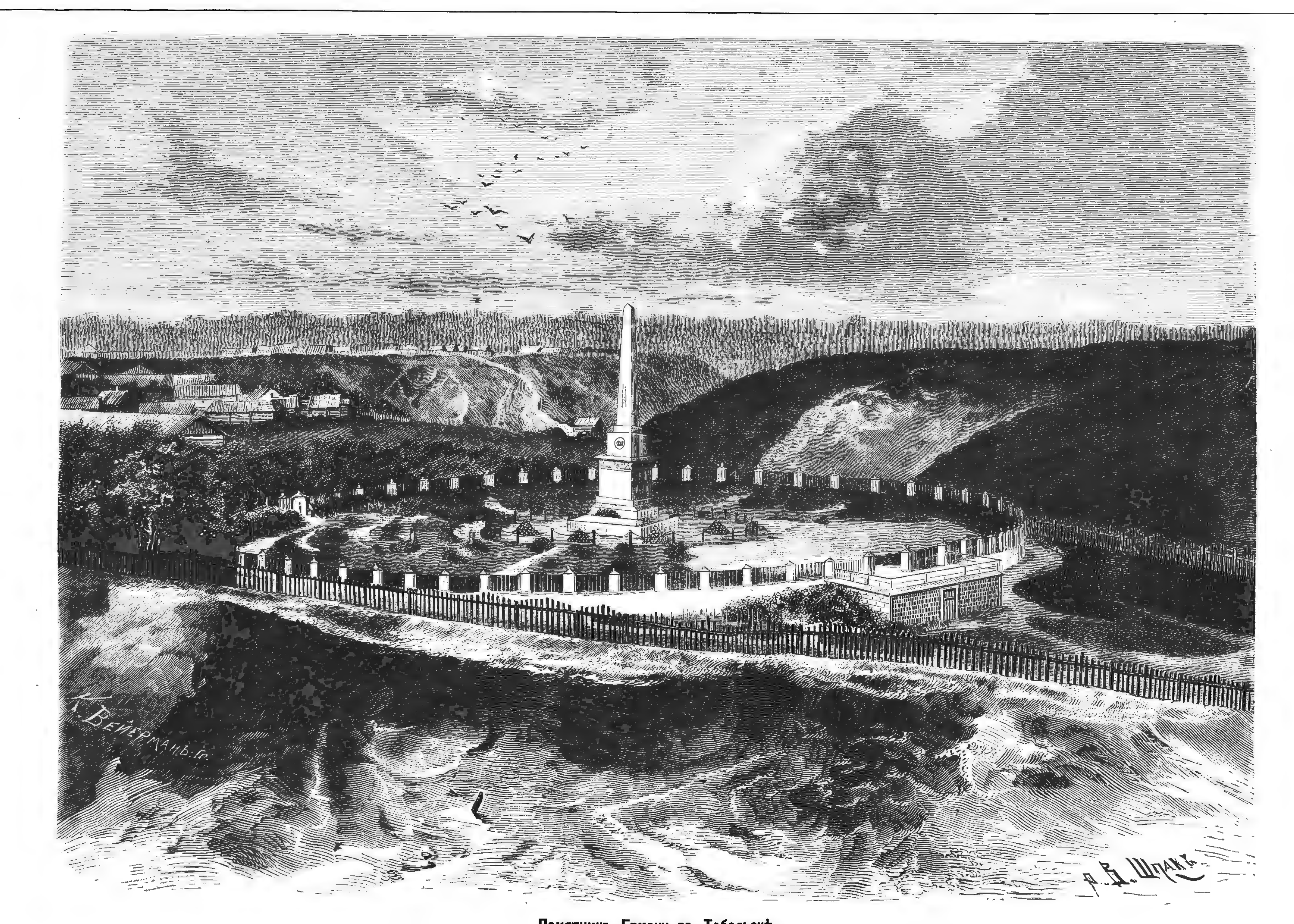
— Мало-ли народу со святителемъ пріѣхало; съ діакономъ его, съ томскимъ архимандритомъ говорили, съ ростовскимъ протоіереемъ говорили, съ владыкою Прохоромъ говорили... Прохоръ, самъ знаешь, правая рука святителя, и Прохоръ къ намъ къ московскимъ крѣпко тянетъ. Ты вотъ, князь, поразкошелься-ка да и пошли ему чрезъ архимандрита на Томской монастырь, да хорошенько,—а мы, бояре, отъ себя тоже складчину сдѣлаемъ. Самому святителю было видѣніе; томская икона Пресвятыя Богородицы чудеса творитъ; туда стекаются люди со всѣхъ областей,—такъ оно очень не лишнее будетъ, чтобы эта обитель нашу благостыню чувствовала. Томская обитель отъ Ярославля — рукой подать; такъ оно, знаешь, господине княже, ты нашего глупаго боярскаго разума въ этомъ дѣлѣ послушайся.

— Спасибо за совѣтъ и за открытую рѣчь спасибо, сказалъ Иванъ Даниловичъ, поднимаясь и прощаясь съ бояриномъ.

— Да постой-ка, княже, сказалъ Андрей,—вотъ еще какая тебѣ новость. Пошли-ка ты въ Орду поминки Щелкану, да отпиши ему, что ты на новгородцевъ такъ сердитъ, что и знаться съ ними не хочешь.

— Это еще что, бояринъ? остановилъ его князь.

— А это вотъ что, сказалъ Кобыла:—пріѣзжалъ



Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ.

Съ фотографіи рисовалъ В. Шпакъ; гравировалъ на деревѣ К. Вейерманъ.

въ Владиміръ гонецъ изъ Орды; сказываютъ тамъ, что Азбякъ Ханъ такъ и рветъ и мечетъ на Кавгадыя, зачѣмъ на смерти Михаила тверскаго настаивалъ. Противъ Кавгадыя идетъ теперь весь совѣтъ ханскій. Все больше теперь при Ханѣ Щелканъ да Ахмылъ. Имъ больно завидно, зачѣмъ ханъ Кавгадыю такой почетъ далъ, позволилъ предъ всей Ордой на торгу надъ Михаиломъ ломаться,—вотъ они Кавгадыя и утопятъ. А царя они имъ пугаютъ — говорятъ: новымъ Ногаемъ Кавгадый быть хочетъ. Такъ ты, князь, отъ Кавгадыя заблаговременно отступись, такъ чтобы Ахмылъ и Щелканъ поняли, что мы, московскіе, ни причемъ въ этомъ дѣлѣ, что мы здѣсь слезно плачемъ о Михаилѣ Ярославичѣ. Душеньки-молъ наши о томъ разрываются; не рады, что на свѣтѣ родились. Вотъ тогда и пуще еще войдемъ въ милость у вольнаго царя.

Иванъ Даниловичъ въ раздумьи зашагалъ изъ угла въ уголъ.

— Да вѣдь чрезъ Щелкана съ Ахмыломъ и сторона тверская теперь въ гору полѣзетъ.

— А что-жъ, пускай!.. только мы теперь тверскихъ пересилимъ.

— Это какъ? спросилъ Иванъ Даниловичъ.

— Да вотъ какъ. Святитель у насъ въ Москвѣ сидитъ, это будетъ одно; а другое, новгородцы въ Ордѣ намъ помогутъ; а въ третьихъ, помогутъ намъ сами тверскіе князья. Они—народъ отчаянный. Что Александръ Михайловичъ, теперешній великій князь, что Дмитрій Михайловичъ,—всѣ кипятокъ-народъ; такъ вотъ ни съ того, ни съ сего, свѣту Божьяго невзвидятъ. Шепнуть въ уши имъ вздоръ какой—изъ окна выскачутъ. — Нѣтъ, княже, молись Богу да ложись спать, а тверскіе сами въ нашъ кузовъ просятся. Покойной ночи, княже! покойной ночи тебѣ, княгинюшка!

Бояринъ вышелъ въ сѣни, разстолкалъ тамъ заснувшихъ двухъ своихъ отроковъ—и всѣ трое, сопровождаемые неистовымъ лаемъ цѣнныхъ собакъ, отправились во свояси. Великокняжескія собаки лаяли; съ ихъ голоса залаяли боярскія въ Кремлѣ; залаяли собаки гостинныхъ и черныхъ сотенъ, посадскихъ людей за Москвой рѣкою. Вся Москва лаяла; снѣгъ блестѣлъ, и мѣсяцъ ярко горѣлъ на небѣ.

— Что скажешь, княгинюшка? спросилъ князь, утопая въ перинахъ.

— А что скажу, Данилычъ! говорила Олена Кириловна:—я тебѣ вотъ что скажу; такъ хорошо все идетъ, такъ хорошо, что подъ часъ даже страшно становится. Давай только Богу молиться.

— Отецъ, говорилъ Иванъ Даниловичъ,—заказывалъ: пока душа въ тѣлѣ держится—ни одной службы не пропускать.

— А что, Иванъ Даниловичъ, говорила княгиня, утопая подлѣ него въ пуховикахъ,—а что какъ ты будешь въ самомъ дѣлѣ Великимъ Княземъ Всея Руси, и въ Москвѣ у тебя святительскій престолъ будетъ!

— Хотѣлось бы тебѣ этого? смѣялся Иванъ Даниловичъ.

— Еще бы не хотѣлось! отвѣтила великая княгиня:—отъ Варяжскаго моря почитай сплошь до Сурожскаго, сказываютъ, Русь идетъ; да и земля по которой Орда ходитъ теперь—тоже Русь. Право, не дурно бы дѣло было!

— Кто это сказалъ, припоминалъ Иванъ Даниловичъ,—что Русская земля не въ примѣръ шире нѣмецкихъ, свейскихъ, что послѣ серединнаго царства китайскаго—русская земля самая большая.

— Эхъ, Иванъ Даниловичъ, говорила Олена Дмитріевна,—право бы, еслибъ я была княземъ, только бы то и дѣлала что собирала русскія земли; все бы собирала, пока бы всѣхъ князей не подвела подъ свою руку, такъ что у меня бы всѣ князья за мѣсто бояръ были бы.

— Нѣтъ, уже это, смѣялся князь,—развѣ Семенъ увидитъ!

Было уже десять часовъ вечера. Москва спала. Спали великій князь съ княгиней; спала Марьюшка, набѣгавшись и нахлопотавшись до истомленія по поводу, пріѣзда святителя; спали гости торговые, спали люди посадскіе; — а собаки все лаяли да лаяли, пѣтухи съ просоньевъ пѣть собирались, а великіе замыслы роились въ усталыхъ боярскихъ головахъ.

(*Продолженіе будетъ*).

В. Кельсіевъ.

Памятникъ Ермаку

въ Тобольскѣ.

Съ татарскихъ временъ—изъ русскихъ плѣнныхъ, изъ всякихъ бѣглыхъ людей—заводились на Волгѣ, на Дону, цѣлыя сословія русскихъ людей называвшихся казаками. Откуда происходитъ это слово *казакъ* — никто не знаетъ; оно не объясняется ни изъ какого языка, но по сіе время обозначаетъ собою человѣка неосѣдлаго, бродягу, и чуть ли не имѣетъ связи съ названіемъ кочеваго татарскаго народа обитавшаго въ низовьяхъ Волги, въ VIII вѣкѣ, называвшагося хозарами или хазарами. Киргизская степь до сихъ поръ заселена кочевымъ народомъ, называющимъ себя казаками или касаками.

Русскіе казаки низовьевъ Волги и Дона—осѣдлости почти вовсе не имѣли. Они собирались въ ватаги или, какъ теперь говорится, шайки—и подъ предводительствомъ атамановъ разъѣзжали на стругахъ (лодки), грабили купеческіе караваны и вообще всякихъ проѣзжихъ кто бы тѣ не были. Но Грозный Царь Иванъ Васильевичъ взялъ Казань и посадилъ тамъ своихъ воеводъ; ногайскіе князья предложили ему завладѣть другимъ татарскимъ царствомъ Астраханью — и Волга стала русской. Это не вѣроятно-быстрое расширеніе Московскаго Государства произвело огромное впечатлѣніе на всѣ сосѣднія намъ мелкія царства. Владѣльцы прикавказскихъ княжествъ —всякіе кабардинцы стали проситься въ русское подданство, для того чтобы былъ у нихъ покровитель и надежный помощникъ противъ обижавшихъ ихъ мелкихъ сосѣдей. Въ то самое время, въ нынѣшней Тобольской губерніи царилъ князь сибирскій Едигеръ, и въ 1555 году послалъ онъ въ Москву пословъ поздравить Ивана Васильевича отъ всей земли Сибирской—съ царствомъ Казанскимъ и съ царствомъ

Астраханскимъ, и просилъ чтобы великій государь взялъ всю землю Сибирскую въ свое имя, отъ всѣхъ непріятелей заступилъ, дань свою положилъ, и человѣка своего прислалъ кому дань собирать. Посланные сибирскаго князя Едигера сказали, что «черныхъ» (то есть податныхъ) людей у нихъ тридцать тысячъ семьсотъ человѣкъ. Царь принялъ Сибирь въ свое владѣніе и послалъ сборщиковъ за данью, но привезли изъ Сибири всего семьсотъ соболей. Однако сибирскимъ татарамъ не удалось провести московское правительство. Къ нимъ былъ посланъ новый посолъ—и тотъ привозилъ тысячу соболей и уплатилъ всѣ расходы на взиманіе подати. Добровольное покореніе Сибири впрочемъ не имѣло смысла и было не прочно, потому что изъ Москвы, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, не было возможности защищать Сибирь отъ нападенія киргизовъ. Сибиряки заплатили дань Богъ знаетъ зачѣмъ, Богъ знаетъ за что получалась она въ Москвѣ. Обстоятельство это объясняется только тѣмъ, что имя русскаго государя было громко въ Азіи и что каждый мелкій азіятскій владѣлецъ считалъ выгоднымъ быть его подданнымъ. Поддавшійся Россіи Едигеръ себя не спасъ. «Теперь собираю дань я господарю вашему, пословъ отправляю; теперь у меня война съ казацкимъ (киргизскимъ) царемъ. Одолѣетъ меня царь казацкій, сядетъ на Сибири —и онъ государю станетъ дань давать». Предчувствіе Едигера исполнилось. Царь казацкій Кучумъ завоевалъ его юртъ, и въ оправданіе свое сталъ посылать дань Ивану Васильевичу.

Но въ то же самое время, когда въ Россіи происходили такіе перевороты и когда казакамъ становилось тѣсно (отъ царскихъ воеводъ и служилыхъ людей) на Волгѣ,—около самой Сибири, въ нынѣшней Пермской губерніи, хозяйничали почти всѣми тамошними землями извѣстные промышленники Строгоновы. Восточная окрайна тогдашней Руси была завоевана всякими удалыми и предпріимчивыми людьми, большей частью новгородцами; но были тамъ земли ростовскихъ князей, перешедшія потомъ князьямъ московскимъ. Русскіе удальцы-ушкуйники *) вторгались въ эти земли по Камѣ и по Чусовой, по Сѣверной Двинѣ, по Печорѣ, истребляли тамошнихъ желтокожихъ безбородыхъ инородцевъ, точь въ точь какъ въ Америкѣ предпріимчивые испанцы вторгались въ земли краснокожихъ и покоряли ихъ. Желтокожихъ грабили, въ земляхъ ставили острожки, бревенчатыя крѣпостцы; половину желтокожихъ избивали, другую половину обкладывали данью,—а такъ какъ желтокожіе были всѣ звѣроловы, то дань эта взималась съ нихъ мѣхами. До сихъ поръ эти желкокожіе подать платятъ не деньгами, а ясакомъ, т. е. соболями, бѣлками, чернобурыми лисицами, бобрами. Вслѣдъ за этими удальцами шли люди промышленные, которые руду искали, добывали соль,—и вотъ изъ такихъ солеваровъ создалась нынѣшняя Пермская губернія и до сихъ поръ существующій и знаменитый родъ (тогда просто купцовъ, а теперь уже графовъ) Строгоновыхъ. Богатства этихъ Строгоновыхъ были тогда неисчислимы. Нѣсколько разъ московскій государь занималъ у нихъ деньги—и только при ихъ помощи Василій Васильевичъ Темный, отецъ Ивана Васильевича Великаго, завоевателя Новгорода, былъ выкупленъ изъ полона. Впослѣдствіи къ нимъ же обращались Шуйскіе съ просьбой о деньгахъ. Строгоновы ставили соляныя варницы — даже имѣли нѣкоторое право суда надъ тамошними русскими колоніями; но живучи въ такой глухой сторонѣ, они не могли добиться отъ Москвы гарнизоновъ. Уже тогда въ Россіи былъ тотъ порядокъ, называемый теперь централизаціей, что всѣ дѣла рѣшались непремѣнно въ столицѣ. Безъ разрѣшенія московскаго нельзя было ни шагу двинуться впередъ. Въ Москвѣ судили, въ какихъ отношеніяхъ должны быть русскіе къ желтокожимъ. Это стѣсняло успѣхи русской колонизаціи, потому что московскіе бояре и приказные люди, само собою разумѣется, не бывали въ этой глухой сторонѣ. Москва управляла востокомъ Россіи почти такъ, какъ въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго управлялъ Мадридъ испанскими колоніями въ Средней и Южной Америкѣ. Если не произошло отдѣленія Сибири отъ Россіи, какъ произошло отдѣленіе испанскихъ колоній отъ метрополіи, то приписать это слѣдуетъ не столько счастью, сколько государственному смыслу русскаго народа.

Строгоновы, вмѣстѣ съ прочими русскими коноводами этого дикаго края, имѣли интересъ подвигаться далѣе и далѣе на востокъ и стремились завоевать и покорить дикарей. Дикарей этихъ они видѣли близко, знали хорошо, понимали ихъ безвыходное положеніе,—понимали, что будутъ ли тѣ довольны или не будутъ довольны дѣйствіями русскихъ, а все таки слушаться и покоряться должны будутъ. А въ Москвѣ смотрѣли иначе. Изъ Москвы писали Строгоновымъ, чтобы они не раздражали вогульскихъ и остяцкихъ князьковъ; въ Москвѣ и тогда предполагали за инородческой аристократіей болѣе силы, болѣе вліянія и болѣе значенія чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Разница между Москвою и этой глухой стороной состояла въ томъ, что въ Москвѣ руководились мнѣніями дьяковъ, т. е. кабинетныхъ администраторовъ, а въ Пермской губерніи руководились опытомъ и знаніемъ, что съ инородцами церемониться нечего,—что эти всякіе вогульскіе князьки и царьки далеко не такія могущественныя и вліятельныя лица, какими они казались въ московскихъ приказахъ.

Тѣмъ временемъ казаки на Волгѣ безнаказанно грабили суда царскія, били людей, разбивали русскіе торговые караваны и наконецъ разбили персидскихъ и бухарскихъ пословъ, ѣхавшихъ къ царю. Царь выслалъ противъ нихъ воеводъ съ людьми ратными; казаковъ ловили, казнили—и стали казаки, выражается лѣтописецъ, разбѣгаться какъ волки. Одной изъ такихъ казацкихъ шаекъ пришлось бѣжать на Каму; тамъ встрѣтилась она со строгоновскими людьми и получила отъ нихъ приглашеніе поступить на службу къ Строгоновымъ. Приглашеніе это было весьма кстати. Во-первыхъ, оно спасало хотя на нѣкоторое время, отъ висѣлицы; во вторыхъ, давало возможность существовать и занятія. Старое поколѣніе Строгоновыхъ, Яковъ и Григорій Аникіевичи умерли; остался старшій братъ Семенъ Аникіевичъ съ двумя племянниками, Максимомъ Яковлевичемъ и Никитой Григорьевичемъ. Эти трое представителей Строгоновскаго рода были предпріимчивѣе стариковъ, смѣлѣе держали себя въ отношеніи къ Москвѣ—и не смотря на то, что одинъ изъ атамановъ Иванъ Кольцо былъ уже приговоренъ къ смертной казни, они вызвали ихъ къ себѣ защищать свои городки и острожки отъ остяковъ и вогуловъ. Подъ предводительствомъ Ермака Тимофеевича пришли въ чусовскіе городки, въ концѣ іюня 1579 года, атаманы Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матфей Ме-

*) *Ушкуемъ* называлось рѣчное военное судно, на которомъ разбойники XIII и XIV вѣка дѣлали всякаго рода набѣги; *ушкуйникъ* значитъ разбойникъ, флибустьеръ, пиратъ.

щерякъ. Съ ними пришли 540 человѣкъ разбойниковъ. Они помогли Строгоновымъ защищать городки отъ нападенія дикарей и такъ пригодились, что черезъ два года, когда въ іюлѣ 1581 года, шестьсотъ восемьдесять вогуличей подъ начальствомъ мурзы Бекбелея Актакова напали нечаянно на Строгоновы владѣнія и начали жечь деревни, забирая въ полонъ людей, то ратные люди изъ городковъ съ успѣхомъ напали на нихъ и взяли въ полонъ самаго мурзу Бекбелея.

Сношенія Строгонова съ казаками совершенно понятны. Казаки были люди, которые принялись за разбой не изъ любви къ искусству, а просто потому что имъ плохо жилось съ московскими приказными порядками. Это были люди оторванные отъ семьи, отъ занятія, которымъ нужно было ѣсть и пить и которые впередъ знали, что рано или поздно имъ пропасть придется; гдѣ пропадать, какъ пропадать—имъ было рѣшительно все равно. Строгоновы были настолько богаты, что имъ прокормить эту шайку было не трудно; а у казаковъ существовалъ такой порядокъ, что грабить и разбойничать позволяется гдѣ угодно, только не въ своихъ земляхъ,—иначе сказать, порядокъ былъ заведенъ такой, что если пришли къ Строгоновымъ, то въ строгоновскихъ земляхъ никого изъ строгоновскихъ людей пальцемъ тронуть нельзя было. Если бы на улицѣ валялись деньги, то ихъ поднимать даже не слѣдовало; но выйдя за строгоновскія владѣнія, можно было дѣлать все чтó угодно. По всей вѣроятности, точь въ точь такой порядокъ былъ у новгородскихъ ушкуйниковъ и у тѣхъ варяговъ, которые приняли Русское Государство. Строгоновы не только защищали свои городки казаками отъ вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ, но посылали ихъ воевать эти народцы, для того чтобы привести ихъ въ страхъ предъ русскимъ именемъ.

Лѣтомъ 1581 года у Семена Аникіевича, Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича возникла смѣлая мысль завоеванія царства Сибирскаго,—они сговорились съ главнымъ атаманомъ своихъ казаковъ и захотѣли завоевать именно, если не грозное, то все таки значительное тогда, царство Кучумово. Предпріятіе это, задуманное безъ позволенія Москвы, было чрезвычайно смѣло. Въ Москвѣ видѣли въ мурзахъ остяцкихъ и вогульскихъ—князей, въ Кучумѣ—Сибирскаго Царя, и въ случаѣ неудачи не только казакамъ, но и Строгоновымъ грозила бы плаха. 1-го Сентября 1581 года отпустили Строгоновы на Сибирскаго султана—Ермака съ товарищи, придавши къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ, русскихъ полоненниковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и татаръ. Этихъ полоненниковъ было триста человѣкъ, а съ казаками отправилось на завоеваніе царства Кучумово всего *восемьсотъ сорокъ человѣкъ*. Строгоновы дали имъ одежду, оружье, пушечки, пищали; дали проводниковъ, знающихъ сибирскіе пути, толмачей, знающихъ бусурманскій языкъ, и съѣстныхъ припасовъ. Съѣстной припасъ того времени былъ весьма не хитеръ и не многосложенъ. До весьма недавняго времени, русскіе въ походахъ пробавлялись только толокномъ, крупой и солью. Воду можно было найти гдѣ угодно. Небольшимъ мѣшечкомъ толокна можно прокормиться цѣлую недѣлю,—и кто къ толокну сдѣлалъ привычку, тотъ даже безъ хлѣба прожить можетъ, не теряя силы, покрайней мѣрѣ мѣсяцевъ шесть.

Въ тотъ самый день, 1-го сентября 1581 года, когда Ермакъ двинулся со своей дружиной на Сибирь,—на Чердынь и на строгоновскія владѣнія напали толпы дикарей, собранныхъ пелымскимъ княземъ. Восточная Русь осталась беззащитной, а сама защищаться не могла, потому что на всякое дѣло нужно было разрѣшеніе изъ Москвы,—а въ московскихъ приказахъ всякое дѣло тянули, потому что не понимали. Ермакъ ушелъ со своими удальцами, а чердынскій воевода Пелепелицынъ доносилъ въ Москву, что Строгоновы ведутъ дѣло не порядкомъ,—что, вмѣсто того чтобы защищать Пермь, они отправили своихъ казаковъ воевать Сибирь. Грозную грамоту отправилъ Строгоновымъ Грозный Царь. «Это случилось по вашей измѣнѣ,—писалъ онъ,—вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованія отвели, ихъ задирали, войной на нихъ приходили, этимъ задоромъ ссорили насъ съ Сибирскимъ салтаномъ, потомъ призвавши къ себѣ Волжскихъ атамановъ и воровъ наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа. А эти атаманы и казаки ссорили насъ съ Ногайской ордой, пословъ Ногайскихъ на Волгѣ на перевозахъ побивали, ордобазарцевъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ много грабежа и убытка чинили. Имъ было вины свои покрыть тѣмъ, что Пермскую землю оберегать; а они вмѣстѣ съ вами и сдѣлали точно такъ же какъ на Волгѣ: въ тотъ самый день, въ который приходили къ Чердыни Вогуличи, 1-го сентября, отъ тебя изъ остроговъ Ермакъ съ товарищами воевалъ Вогуличей, а Перми ничѣмъ не пособили. Все это сдѣлалось вашимъ воровствомъ и измѣною: еслибы вы намъ служили, то вы бы казаковъ въ то время на войну не посылали, а послали бы ихъ и своихъ людей изъ остроговъ Пермскую землю оберегать. Непремѣнно по этоя нашей грамотѣ отошлите въ Чердынь всѣхъ казаковъ какъ только они къ вамъ съ войны возвратятся, у себя ихъ не держите; а если до непріятельскаго прихода вамъ въ острогѣ пробыть нельзя, то оставьте у себя немного, человѣкъ до ста съ какимъ нибудь атаманомъ, остальныхъ же всѣхъ вышлите въ Чердынь непремѣнно тотчасъ. А не вышлите изъ остроговъ своихъ въ Пермь Волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимофеева съ товарищами, и станете держать ихъ у себя, и Пермскія мѣста не будете оберегать, и если такою вашею измѣною что впередъ случится надъ Пермскими мѣстами отъ Вогуличей, Пелымцевъ и Сибирскаго салтана,—то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать».

Москва вообще, а Иванъ Васильевичъ въ особенности были шутники плохіе, и подобную грамоту получить было страшно. Строгоновыхъ заподозривали въ Москвѣ въ государственной измѣнѣ, не понимая того, что единственное средство избавить Русь отъ набѣговъ всякихъ пелымскихъ князей было завоеваніе Сибири. Строгоновы заслуживаютъ такого же памятника, какой заслуженъ Ермакомъ. Если Ермакъ могъ сложить голову свою въ честномъ бою съ дикарями, то Строгоновы могли сложить ее на плахѣ за мнимую государственную измѣну.

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ гнѣвались и не понимали, чтò дѣлается на востокѣ,—Ермакъ прошелъ вверхъ по Чусовой до устья рѣки Серебряной, по Серебряной проплылъ два дня до сибирской дороги, высадился тамъ и поставилъ земляной городокъ, назвавши его Ермаковымъ Кокуемъ городомъ. Съ этого мѣста шли удальцы волокомъ до рѣки Жаровли. Жаровлей выплыли они въ Туру, гдѣ и началась Сибирская страна. Внизъ по Турѣ казаки завоевали много сибирскихъ

городковъ и улусовъ. Затѣмъ, говорить объ исторіи простаго и безхитростнаго завоеванія Сибири—намъ нечего; мы сдѣлаемъ выписку изъ исторіи Соловьева.

«Плывя внизъ по Турѣ, казаки завоевали много татарскихъ городковъ и улусовъ; на рѣкѣ Тавдѣ схватили нѣсколько татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучумѣ, именемъ Таузака, который разсказалъ казакамъ подробно о своемъ салтанѣ и его приближенныхъ. Ермакъ отпустилъ этого плѣнника къ Кучуму, чтобъ онъ разсказами своими о казакахъ настращалъ хана. Таузакъ, по словамъ лѣтописца, такъ говорилъ Кучуму. «Русскіе воины сильны; когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается, стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до смерти побиваютъ; ущититься отъ нихъ никакими ратными сбруями нельзя: все на вылетъ пробиваютъ». Эти разсказы нагнали печаль на хана и раздумье; онъ собралъ войско, выслалъ съ нимъ родственника своего Маметкула встрѣтить русскихъ, а самъ укрѣпился подлѣ рѣки Иртыша, подъ горою Чувашью. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ, и былъ разбитъ: ружье восторжествовало надъ лукомъ. Недалеко отъ Иртыша одинъ изъ вельможъ или карачей защищалъ свой улусъ, казаки разгромили его, взяли медъ и богатство царское; непріятели настигли ихъ на Иртышѣ, завязалась новая битва, и опять Кучумово войско было разбито; казаки поплатились за свою побѣду нѣсколькими убитыми и всѣ были переранены. Къ ночи казаки взяли городъ Атикъ Мурзы и засѣли въ немъ; на другой день должна была рѣшиться ихъ участь, надобно было вытѣснить Кучума изъ его засѣки. Казаки собрали кругъ и стали разсуждать: идти ли назадъ или впередъ? Осилили тѣ, которые хотѣли впередъ во что бы то ни стало. «Братцы!» говорили они: «куда намъ бѣжать? время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается: не побѣжимъ, худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ, но будемъ надѣяться на Бога. Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, которое мы дали честнымъ людямъ (Строгоновымъ)! Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ.» На разсвѣтѣ, 23-го октября, казаки вышли изъ городка и начали приступать къ засѣкѣ; осажденные, пустивши тучи стрѣлъ на нападавшихъ, проломили сами засѣку свою въ трехъ мѣстахъ и сдѣлали вылазку. Послѣ упорнаго рукопашнаго боя казаки побѣдили: царевичъ Маметкулъ былъ раненъ; остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своимъ мѣстамъ. Тогда и старый ханъ оставилъ засѣку, прибѣжалъ въ свой городъ, Сибирь, забралъ здѣсь сколько могъ пожитковъ и бѣжалъ дальше. Казаки вошли въ пустую Сибирь 26-го октября. На четвертый день пришелъ къ Ермаку одинъ остяцкій князь съ дружиною, привезъ много даровъ и запасовъ; потомъ стали приходить татары съ женами и дѣтьми и селиться въ прежнихъ своихъ юртахъ.

«Казаки владѣли въ стольномъ городѣ Кучумовомъ; но Маметкулъ былъ недалеко. Однажды, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нѣсколько ихъ отправились на Абалацкое озеро ловить рыбу; Маметкулъ подкрался и перебилъ ихъ всѣхъ. Ермакъ, услышавши объ этомъ, пошелъ мстить за товарищей, настигъ поганыхъ при Абалакѣ, бился съ ними до ночи; ночью они разбѣжались, и Ермакъ возвратился въ Сибирь. Весною, по водополью, пришелъ въ городъ татаринъ и сказалъ, что Маметкулъ стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ: Ермакъ отрядилъ казаковъ, которые ночью напали на станъ царевича, много поганыхъ побили, самаго Маметкула взяли въ плѣнъ и привели къ Ермаку въ Сибирь. Плѣнъ храбраго Маметкула былъ страшнымъ ударомъ для Кучума, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ. Но одна дурная вѣсть шла за другою: скоро дали знать старому хану, что идетъ на него князь Сейденъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата; затѣмъ покинули его карачи съ своими людьми. Горько плакалъ старикъ Кучумъ. «Кого Богъ не милуетъ» говорилъ онъ: «тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ».

«Лѣто 1582 года Ермакъ употребилъ на покореніе городковъ и улусовъ татарскихъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; взялъ остяцкій городъ Нарымъ, плѣнилъ его князя, но въ этомъ походѣ потерялъ атамана Никиту Пана съ его дружиною. Возвратившись въ Сибирь, Ермакъ далъ знать Строгоновымъ о своихъ успѣхахъ, что онъ Кучума салтана одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Маметкула плѣнилъ. Строгоновы дали знать объ этомъ царю, который, за ихъ службу и радѣнье, пожаловалъ Семена городами Солью Большою на Волгѣ и Солью Малою, а Максиму и Никитѣ далъ право въ городкахъ и острожкахъ ихъ производить безпошлинную торговлю—какъ имъ самимъ, такъ и всякимъ пріѣзжимъ людямъ. Казаки отъ себя прямо послали нѣсколько товарищей своихъ въ Москву извѣстить царя объ усмиреніи Сибирской земли. Іоаннъ пожаловалъ этихъ казаковъ великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, сукнами, камками; оставшимся въ Сибири государь послалъ свое полное большое жалованье, а для принятія у нихъ Сибирскихъ городовъ отправилъ воеводъ, князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова».

Любопытно тутъ то обстоятельство, что на окраинахъ всякаго государства являются люди предпріимчивые, которыми обыкновенно бываютъ недовольны столичные приказные. Противъ воли московскаго правительства, даже почти противъ его желанія, купцы Строгоновы и атаманъ бродячей разбойничьей ватаги завоевали цѣлое царство, сдѣлали для Московскаго Государства почти то, что Кортесъ сдѣлалъ для Испаніи, хотя разумѣется царство Кучумово нельзя сравнивать съ царствомъ Монтецумы. Безъ шуму, безъ блеску раздвинулась Русь до рѣки Оби, создалась цѣлая система пріискиванія новыхъ землицъ, и потомки Ермаковыхъ казаковъ добрались до Америки, къ срединѣ XVIII вѣка, гдѣ встрѣтились съ такими же испанскими піонерами и конквистадорами.

Замѣчательна одна черта царя Ивана Васильевича: ему вездѣ видѣлись всякіе подвохи и противленія его царскому скипетру; по его обычаю слѣдовало бы казнить Строгоновыхъ за такое непозволенное дѣло какъ завоеваніе Сибири,—между тѣмъ онъ самъ, Самодержецъ Всея Руси, потомокъ Августа Кесаря, принялъ, въ своихъ палатахъ, приговореннаго къ смерти за разбой Ивана Кольцо и другихъ атамановъ, и одарилъ ихъ шубой съ своего плеча.

Москва была государство приказное, но государственнаго смысла въ ней было много.

На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ памятникъ Ермаку, находящійся въ Тобольскѣ.

О всероссійской мануфактурной выставкѣ.

(*Продолженіе*).

Мы достаточно уже побесѣдовали о различныхъ орудіяхъ истребленія рода человѣческаго и о средствахъ подготовленія спеціалистовъ этого дѣла. Обратимся теперь къ человѣколюбивой сторонѣ военнаго быта—другому отдѣлу Военнаго министерства, о которомъ мы упоминали въ прошлый разъ, обѣщая обзоръ его одновременно съ отчетомъ объ *Обществѣ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ*. Какъ самое Общество это, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государыни Императрицы, такъ и отдѣлъ Военнаго министерства посвященный раненымъ — выставили относящіеся сюда предметы въ особомъ помѣщеніи, расположенномъ между Вагоннымъ отдѣленіемъ и Отдѣломъ химическихъ продуктовъ. У входа со стороны послѣдняго, въ правомъ углу, на возвышеніи стоитъ рѣзной кіоскъ, въ видѣ русской избы, съ надписью: «свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»; здѣсь, какъ бы въ напоминовеніе христіанской любви, присущей попеченію о страждущихъ, раздается миніатюрное изданіе четвероевангелія— торжество дешевизны въ типографскомъ отношеніи (эта крошечная книжечка —удобно помѣщающаяся въ бумажникѣ или за обшлагомъ военнаго сюртука, словомъ, гдѣ угодно, — вмѣстѣ съ изящнымъ и прочнымъ коленкоровымъ переплетомъ стоитъ всего 5 к.). Далѣе, по самой срединѣ правой стѣны, на широкой эстрадѣ, обитой ковромъ, высится палатка, украшенная предъ входомъ въ нее бюстомъ Августѣйшей покровительницы Общества попеченія о раненыхъ; живые цвѣты, окружающіе пьедесталъ, разливаютъ свое тонкое благоуханіе; въ полусвѣтѣ холщевыхъ стѣнъ самой ставки, столь пріятномъ для глазъ больнаго, расположено пять кроватей — складовъ Ея Величества, Княжны Е. А. Барятинской, графини Тизенгаузенъ и пр. Оловянная посуда сіяетъ на столикахъ у коекъ, накрытыхъ больничными халатами. Строгая простота и удобство каждаго выставленнаго предмета производятъ необыкновенно-пріятное общее впечатлѣніе. Слѣва и справа отъ палатки помѣщаются: складная кровать склада Е. И. В. Государыни Цесаревны, ручныя повозочки Пирогова и другихъ, и конныя литьеры, изображенныя на прилагаемыхъ рисункахъ. Наконецъ въ углу, примыкающемъ къ Отдѣленію вагоновъ, выставлены различные хирургическіе снаряды и мебель для произведенія операцій.

Заботливость о людяхъ, которые жертвуютъ жизнью для защиты соотечественниковъ, достигаетъ полнаго развитія лишь въ XIX вѣкѣ,—томъ самомъ, который такъ часто упрекаютъ въ утонченной изобрѣтательности, направленной къ истребленію людей огуломъ, въ ужасающихъ размѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не содрагался ли невольно каждый изъ читателей, кому случилось пробѣжать послѣднее газетное извѣстіе о совѣтѣ англійскаго ученаго, Тиндалля, предлагавшаго употреблять разрывныя бомбы, начиненныя хлопчатою бумагой съ заразительнымъ гноемъ изъ госпиталей? Но, съ другой стороны, весьма не задолго, въ Женевѣ состоялась международная конвенція о нейтральности и неприкосновенности (во время войны и сраженія) госпиталей и походныхъ лазаретовъ, со всѣми служащими при нихъ и членами обществъ пособія раненымъ. Правда, примѣръ такого гуманнаго отношенія къ раненымъ встрѣчается уже въ XII столѣтіи, когда рыцарь-султанъ Саладинъ дозволилъ своимъ врагамъ, рыцарямъ Іоаннитскаго ордена, помогать ихъ единовѣрцамъ въ завоеванныхъ Саладиномъ городахъ,—но хотя подобные договоры повторялись и впослѣдствіи (въ 1713 г. между графомъ Стеромъ и герцогомъ Ноалемъ во время австрійской наслѣдственной войны, въ 1759 г. между Людовикомъ XV и Фридрихомъ Великимъ, и проч.), однако и въ наполеоновскую эпоху, державный полководецъ *великой арміи*, полушутя, полусеріозно, могъ еще произнести знаменитую фразу: «раненые? Э, охота говорить о людяхъ, потолкуемъ лучше о лошадяхъ»! Въ древнѣйшія же времена о раненыхъ никто и не думалъ, если не считать постановленія императора Льва VI (въ IX вѣкѣ) о томъ, чтобы изъ негодныхъ солдатъ былъ составленъ особый отрядъ для попеченія о раненыхъ—мысль впослѣдствіи забытая до такой степени, что тяжело-раненые были обыкновенно добиваемы побѣдителями на полѣ сраженія. Въ среднія вѣка, во время преобладанія наемныхъ войскъ, о наемникахъ понятно никто не заботился. Но во время первыхъ крестовыхъ походовъ, въ XI столѣтіи, основался на островѣ Родосѣ орденъ Іоаннитовъ, впослѣдствіи переселившійся на Мальту и получившій названіе Мальтійскаго; цѣль его состояла въ уходѣ за ранеными и въ военной службѣ. Во время реформаціи онъ распался на мальтійцевъ (католиковъ) и іоаннитовъ или рыцарей госпиталя св. Іоанна въ Іерусалимѣ (протестантовъ). Въ новѣйшее время орденъ этотъ былъ возобновленъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ. Первый собственно-походный госпиталь былъ открытъ во Франціи въ 1594 г., по мысли лейбъ-медика Амвросія Паре, при осадѣ Амьена Генрихомъ IV,—и только со введеніемъ постоянныхъ армій стала нѣсколько улучшаться участь раненыхъ и больныхъ воиновъ. Что касается послѣднихъ, то извѣстно, что въ военное время арміи гораздо болѣе теряютъ людей отъ болѣзней, нежели отъ ранъ.

Первыя попытки нейтрализаціи госпиталей и попеченіе о нихъ въ обширныхъ размѣрахъ были производимы въ послѣднія войны: голштинскую, сѣверо-американскую (при чемъ сѣверяне ухаживали за своими ранеными, находившимися въ плѣну у южанъ, оказывая безразлично ту же помощь и раненымъ послѣднихъ) и австро-прусскую, когда раненые прусской арміи пользовались попеченіями Обществъ добровольнаго ухода за больными—Freiwillige Kranken-pflege, сестеръ милосердія всѣхъ сословій, и братства іоаннитовъ въ числѣ 100 рыцарей, явившихся на призывъ своего герренмейстера, принца Карла.

У насъ въ Россіи первое подобное общество—Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія—возникло подъ покровительствомъ В. К. Елены Павловны въ крымскую кампанію, одновременно съ основаніемъ таковой же въ Англіи трудами мисъ Найтингель. Въ Севастополѣ одна изъ русскихъ сестеръ милосердія, находившаяся постоянно на 5-мъ бастіонѣ, была тамъ убита.

Наконецъ Женевская конференція, собравшаяся по мысли Дюнана въ октябрѣ 1863 г., положила, чтобы въ каждомъ государствѣ были учреждены комитеты для

усиленія врачебныхъ средствъ арміи въ военное время, —чтобы служащіе при комитетахъ всѣхъ странъ носили одинаковый знакъ: бѣлый нарукавникъ съ краснымъ крестомъ,—чтобы члены комитетовъ имѣли право съѣзжаться на международныя собранія и сноситься между собой чрезъ посредство Женевскаго, названнаго «международнымъ». Для отличія походныхъ госпиталей и перевязочныхъ пунктовъ во время сраженія—принято бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ. Результатомъ послѣдующихъ засѣданій и международнаго конгресса была конвенція 10 августа 1864 г. Впослѣдствіи подобная же конференція въ Парижѣ (1867 года) дополнила постановленія первой и упрочила идеи Дюнана о нейтральности и обезпеченіи походныхъ госпиталей, лазаретовъ и перевязочныхъ пунктовъ во время войны.

Какъ во всѣхъ прочихъ европейскихъ государствахъ, такъ и въ Россіи мысль объ основаніи Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ встрѣтила общее сочувствіе. Развитіемъ своимъ она обязана горячему участію Государыни Императрицы, и самое Общество осчастливлено особымъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Величества. Высокопреосвященный митрополитъ московскій и коломенскій, Филаретъ, благословилъ начинанія Общества, будучи однимъ изъ первоначальныхъ его учредителей вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ и финляндскимъ, государственнымъ канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ, княземъ В. И. Барятинскимъ, П. И. Корниловымъ, Э. И. Тотлебеномъ, Н. И. Пироговымъ, М. Н. Катковымъ, И. С. Аксаковымъ, Хлудовыми и прочими лицами, носящими имена болѣе или менѣе извѣстныя въ Россіи. Уставъ Общества утвержденъ Государемъ Императоромъ въ С.-Петербургѣ 3-го мая 1867 года. Главное управленіе, состоящее изъ 25 членовъ, предсѣдателя, двухъ его товарищей, казначея и кандидата къ нему, завѣдуетъ всѣми дѣлами Общества подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Величества. Мѣстныя управленія завѣдуютъ дѣлами Общества въ предѣлахъ ихъ губерній и состоятъ изъ 8—16 членовъ съ предсѣдателемъ, товарищемъ его, казначеемъ и кандидатомъ къ нему.

Общество—гласитъ первый параграфъ его устава—имѣетъ главною цѣлью содѣйствовать, во время войны, военной администраціи въ уходѣ за ранеными и больными воинами и доставлять имъ, какъ врачебное, такъ и всякаго рода вспомоществованіе.

Одно изъ главнѣйшихъ вспомоществованій раненымъ — это уборка ихъ съ поля сраженія и перевозка на мѣста избираемыя позади войскъ, внѣ выстрѣловъ, для перевязочныхъ пунктовъ. Много было изобрѣтаемо различныхъ носилокъ и повозокъ, приспособленныхъ къ этой цѣли, но большинство изобрѣтеній не достигало и до сихъ поръ еще отчасти не достигаетъ ея. Въ отдѣленіи Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ—выставлено нѣсколько такихъ снарядовъ, свидѣтельствующихъ о просвѣщенной заботливости, съ которою Общество, а также и Военное министерство изучаютъ различныя перевозочныя средства, употребляемыя въ другихъ государствахъ Европы. Мы начнемъ обзоръ съ наименѣе удобныхъ, но чрезвычайно интересныхъ конныхъ носилокъ — интересныхъ въ смыслѣ попытки сочетанія извѣстной быстроты перевозки съ наименьшею громоздкостью снарядовъ. Таковы конныя сидѣлки (cacolets) и вьючныя литьеры, введенныя и нынѣ выводящіяся изъ употребленія во Франціи. Сидѣлки суть складныя кресла, въ которыхъ раненый сидитъ, упираясь ногами въ подставку. Вьючная литьера изображена на нашемъ рисункѣ; въ ней раненый помѣщается лежа. Неудобство этихъ снарядовъ состоитъ во-первыхъ, въ сильной качкѣ отъ хода лошадей, которой не помогаютъ никакія рессоры; во-вторыхъ, въ томъ, что, при движеніи подъ гору, у перевозимыхъ раненыхъ затекаетъ голова; въ-третьихъ, лошадь можетъ взбѣситься, быть испугана, ранена и наконецъ убита, при чемъ перевозимый страдалецъ подвергается всякимъ случайностямъ. Но, не будучи спеціалистами въ военномъ дѣлѣ, мы все-таки полагаемъ, что литьеры могли бы весьма пригодиться въ заднихъ рядахъ кавалеріи, когда, въ случаѣ быстрой аттаки или отступленія, нѣкогда думать объ особенно-удобномъ доставленіи на перевязочный пунктъ—и лучше подвергнуть раненаго временному страданію, нежели оставлять его въ жертву всѣмъ невзгодамъ на полѣ сраженія.

Гораздо практичнѣе во многихъ отношеніяхъ тѣ ручныя двухколесныя повозки, которыхъ мы видѣли нѣсколько образцовъ на выставкѣ. Одна изъ нихъ, устроенная г. Пироговымъ, необыкновенно удобна для транспортированія ея въ обозахъ, такъ какъ она складывается въ возможно-меньшую величину; но зато раненые (по двое на каждой) помѣщаются на ней въ сидячемъ положеніи, что при иныхъ ранахъ крайне неудобно. Наоборотъ, выставленныя г. Нейсомъ длинныя, крытыя въ родѣ фаэтона, повозки (подобныя тѣмъ, что употреблялись іоаннитами въ войну 1866 года) удобнѣе для раненыхъ, которые могутъ лежать въ нихъ, и крайне неудобны для транспортированія — по своей громоздкости. Непрактичность вообще носилокъ на колесахъ яснѣе всего обнаруживается во время дождей, когда колеса такъ глубоко врѣзываются въ грязь, что даже двое людей не въ состояніи двигать носилки. Поэтому, вездѣ предпочитаютъ обыкновенныя носилки, прикрѣпляемыя на ремняхъ къ плечамъ двухъ носильщиковъ, которые, переступая чрезъ препятствія на пути и неровности почвы, избавляютъ раненаго и отъ толчковъ, неизбѣжныхъ при колесныхъ носилкахъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ предметовъ, въ отдѣлѣ общества попеченія о раненыхъ, замѣчательны еще перевязочныя средства, искусственные члены и военно-походная аптека.

Военнымъ министерствомъ выставлены, въ томъ же Отдѣлѣ и въ другихъ помѣщеніяхъ, образцы лазаретныхъ повозокъ, аптечная двухколка (на которой перевозятся аптечные вьюки въ случаяхъ, когда мѣстность, по которой слѣдуютъ войска, не требуетъ вьючной перевозки) большая линейка съ рессорными носилками для перевозки больныхъ и раненыхъ и модель вагона, приспособленнаго къ перевозкѣ войскъ и раненыхъ.

Сверхъ того, въ Отдѣленіи орудій, экипажей и проч., мы видѣли превосходно-устроенный вагонъ для перевозки раненыхъ. Онъ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ одной расположено помѣщеніе для врача, столъ съ хирургическими инструментами, аптека и проч., а въ другой — пять или шесть откидныхъ кроватей, какъ въ спальныхъ вагонахъ Николаевской желѣзной дороги. Ко входной двери этого вагона (какъ и всѣхъ прочихъ на выставкѣ) ведетъ съ полу небольшая лѣстница въ нѣсколько ступеней, постоянно осаждаемая любопытными зрителями.

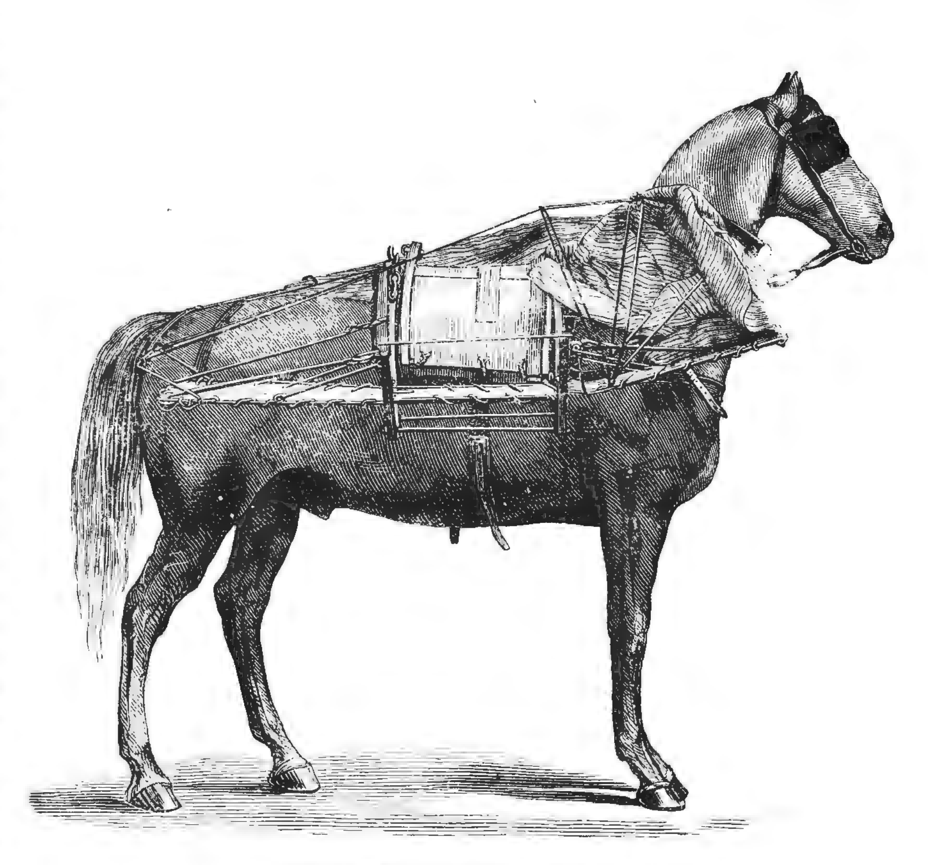
Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Общества попеченія о раненыхъ къ Военному

Министерству. Очевидно, чѣмъ большими средствами располагаетъ послѣднее и чѣмъ энергичнѣе его дѣятельность, тѣмъ менѣе хлопотъ Обществу. Но, съ другой стороны, если принять во вниманіе, что теорія (т. е. проэкты улучшеній въ различныхъ отдѣлахъ управленія, новыя еще непримѣненныя изобрѣтенія и т. п.) всюду развивается въ геометрической прогрессіи, тогда какъ практика (осуществленіе теоріи въ дѣйствительной жизни) едва слѣдуетъ за нею въ прогрессіи ариѳметической, то убѣдимся, что никакое государство не въ состояніи выполнить всего желаемаго одними казенными средствами. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить недавнее учрежденіе международнаго морскаго госпиталя, на частныя пожертвованія—въ Англіи, странѣ обязанной мореплаванію всѣмъ своимъ величіемъ и въ которой морское вѣдомство располагаетъ громадными суммами. Отсюда понятно, что Общество попеченія о раненыхъ необходимо должно поставить себѣ задачею: изучить причины недостаточности средствъ военной администраціи,—и если таковыя окажутся, то оно по мѣрѣ силъ своихъ можетъ принести весьма существенную пользу. При этомъ соображеніи, нельзя не вспомнить необыкновенно-благопріятнаго состава Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Мы видимъ въ перечнѣ именъ членовъ учредителей всѣ задатки процвѣтанія подобнаго дѣла: христіанское ученіе любви къ ближнему, спеціальное знаніе военнаго быта и обстановки, средствъ и потребностей, науку врачеванія, средства къ распространенію свѣденій о положеніи и нуждахъ Общества и къ разъясненію его значенія, и наконецъ, значительныя матеріальныя средства для добровольныхъ пожертвованій. Мы увѣрены, что и въ остальномъ русскомъ обществѣ не оскудѣетъ сочувствіе къ облегченію участи тѣхъ его защитниковъ, которые въ «грозу военной непогоды» сторицею заплатятъ за каждую хотя бы самую малую помощь, оказанную страждущимъ ихъ собратьямъ.

Заканчивая этимъ обзоръ военнаго дѣла, поскольку оно имѣетъ мѣсто на выставкѣ, мы постараемся въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ «Нивы» приложить рисунокъ одного изъ интереснѣйшихъ отдѣленій Всероссійской мануфактурной выставки, окруженный изображеніями наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ изъ прочихъ ея отдѣловъ. Рисунокъ этотъ представитъ читателямъ общій видъ отдѣленія машинъ вмѣстѣ съ верхнею галлереею, отведенною вѣдомству Морскаго Министерства и уставленною моделями.

(*Продолженіе будетъ*).

ВСЕРОССІЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Двухъ-колесная повозка Пирогова. Рисов на дер. Э. Вернеръ; грав. К. Вейерманъ.



ВСЕРОССІЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Двѣ литьеры на сѣдлѣ. Рисов. на деревѣ Э. Вернеръ; гравир. К. Вейерманъ.

Политическое обозрѣніе.

8-го мая совершилось во Франціи событіе величайшей важности, которое должно имѣть огромное вліяніе на будущую судьбу второй имперіи. Въ этотъ день, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Франціи, происходило всеобщее голосованіе въ отвѣтъ на плебисцитъ предложенный императоромъ народу: «Одобряетъ ли нація перемѣны, совершенныя имперіей послѣ 1852 года»? Отвѣтить каждый вотирующій долженъ былъ только: *да* или *нѣтъ*, и бюллетень со всякимъ другимъ отвѣтомъ положено было считать недѣйствительнымъ. Излишне было бы говорить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали этого дня какъ друзья, такъ и противники имперіи, и какъ дѣятельно работали плебисцитные и анти-плебисцитные комитеты, о сформированіи коихъ мы сообщили подробно (см. Политическое Обозрѣніе № 17 *Нивы*),—первые, чтобы побудить населенія вотировать всею массой въ благопріятномъ для имперіи смыслѣ; вторые, чтобы добиться наибольшаго числа отрицательныхъ отвѣтовъ или воздержаній отъ подачи голосовъ. Результатъ плебисцита былъ неожиданнымъ для тѣхъ и другихъ; по общему счисленію оказалось: 7,330,142 утвердительныхъ бюллетеней и 1,538,825 отрицательныхъ. Такой исходъ народнаго голосованія былъ полнѣйшимъ торжествомъ для имперіи, и возбудилъ восторгъ, какъ при дворѣ, такъ и въ министерствѣ. Въ несомнѣнно-благопріятномъ результатѣ плебисцита принуждены были сознаться всѣ органы оппозиціи—даже нѣкоторые изъ непримиримыхъ, хотя послѣдніе и старались ослабить значеніе этой громадной цифры сравненіемъ ея съ цифрой 1852 г., когда утверждена была императорская власть Наполеона III, а также различными такъ-называемыми нравственными соображеніями: такъ напримѣръ, они старались доказать, что такъ какъ въ Парижѣ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ числомъ отрицательныхъ бюллетеней перевѣшено число утвердительныхъ, то это значитъ, что самая образованная часть гражданъ высказалась противъ имперіи; другое обстоятельство, которое оппозиціонныя газеты ставили на видъ въ свою пользу, и которое дѣйствительно изумило приверженцевъ наполеоновской династіи и самого императора, —было значительное число отрицательныхъ бюллетеней въ арміи (въ казармахъ принца Евгенія въ Парижѣ ихъ оказалось на половину). Всѣ эти заявленія оппозиціонной партіи объясняются очень просто, и едва ли которое нибудь изъ нихъ можетъ послужить аргументомъ въ пользу того, что̀ они желаютъ доказать, т. е. что императорская власть ослабѣла во Франціи. Правда, въ 1852 году число утвердительныхъ голосовъ простиралось до 7,800,000, а число отрицательныхъ не превышало 250,000, но должно принять въ соображеніе, что тогда господствовала диктатура; голосованіе происходило съ принятіемъ всѣхъ мѣръ, какія только находятся въ рукахъ администраціи, а сходки и публичныя совѣщанія были строжайше запрещены; печать была безгласна. Въ нынѣшнемъ же году, министерство и администрація оставались совершенно нейтральными; публичныя собранія были не только дозволены, но пользовались такою свободой, примѣръ которой невозможно найти ни въ одномъ государствѣ и ни въ какое время; довольно сказать, что на нихъ открыто провозглашалось возстаніе противъ императора, не говоря уже о безпрерывныхъ оскорбленіяхъ и ругательствахъ, которыми осыпали на нихъ Наполеона III и его династію,—и что на одномъ такомъ собраніи въ Folies Bergére прочитанъ былъ обвинительный актъ противъ главы государства съ приговоромъ его къ вѣчной каторжной работѣ! Непримиримая печать не отставала отъ публичныхъ собраній и наполнялась ежедневно такими же дикими и неистовыми выходками. Что касается до большинства отрицательныхъ бюллетеней въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, то большинство это оказывалось въ нихъ при каждомъ прежнемъ голосованіи,—и отнюдь не между образованными классами, а между рабочими, въ средѣ которыхъ наиболѣе дѣйствуютъ ученія соціалистовъ и революціонеровъ; но и со всѣмъ тѣмъ, въ Парижѣ, сравнительно съ прошлогодними общими выборами, въ пользу правительства при настоящемъ голосованіи оказался излишекъ въ 50,000 голосовъ. Мы сказали выше, что число отрицательныхъ бюллетеней въ арміи изумило императора, который, какъ слышно, приписалъ этотъ результатъ вліянію *Марсельезы*, газеты Рошфора, особенно распространенной между низшими классами; но едва ли и этому обстоятельству можно приписать какое нибудь особенное значеніе: солдаты подавали голоса свои какъ хотѣли, потому что никто не стѣснялъ ихъ; но въ самыхъ казармахъ принца Евгенія, гдѣ было наибольшее число отрицательныхъ бюллетеней, они дружно дѣйствовали противъ мятежниковъ, которые снова произвели безпорядки въ Парижѣ 9-го, 10-го и 11-го мая.

Безпорядки эти были въ связи съ заговоромъ или съ заговорами противъ жизни императора и существующаго порядка. 29-го апрѣля былъ арестованъ въ Парижѣ нѣкто Бори, за которымъ слѣдила уже французская полиція, получившая предувѣдомленіе о поѣздкѣ его изъ Лондона; у него найдено было письмо Густава Флуранса (одного изъ самыхъ неистовыхъ агитаторовъ, прославившагося, какъ извѣстно читателямъ, своими безумными выходками во время похоронъ Нуара и ареста Рошфора, и затѣмъ скрывшагося въ Лондонѣ), ясно свидѣтельствовавшее о его преступныхъ замыслахъ, заряженный револьверъ и довольно большая сумма денегъ. Вслѣдъ за тѣмъ арестованы были еще два заговорщика: Грефье и Руссель; при обыскѣ ихъ квартиръ найдены были бомбы, начиненныя разрывнымъ порохомъ ужасающей силы. По воспроизведеніи рисунка этихъ бомбъ въ «Figaro», явился въ полицію литейщикъ Лепе и объяснилъ, что бомбы сдѣланы въ его мастерской, заказаны ему были человѣкомъ, который назвалъ себя Ренаромъ. Затѣмъ арестовано было еще нѣсколько заговорщиковъ, произведено тщательное дознаніе—и въ «Journal Officiel» отъ 5-го мая напечатанъ былъ докладъ министру юстиціи генеральнаго прокурора г. Граннерре, гдѣ представлена вся исторія заговора, начало котораго относится къ сентябрю прошедшаго года, а цѣлью было убійство императора и провозглашеніе республики демократической и соціальной. Главные заговорщики, нынѣ большею частью уже арестованные, суть: Дюпонъ, Жюль Фонтенъ, Геренъ, Петіо, Саппіа (корреспондентъ Мадзини), Вердье, Бенель, Пельренъ, Тони, Муаненъ, Годино, Межи (убившій полицейскаго агента, когда тотъ явился арестовать

его въ февралѣ), Курне сотрудникъ «Reveil» и многіе другіе. Къ этимъ уже-задержаннымъ заговорщикамъ примкнули и арестованные въ концѣ апрѣля, вышеупомянутыя лица, получившія внушенія и пособія отъ Густава Флурана изъ Лондона, и имѣвшія связи съ такъ называемою «Международною ассоціаціей рабочихъ», считающею своихъ членовъ тысячами и имѣющею центральныя отдѣленія въ Лондонѣ, Парижѣ и Брюсселѣ. За докладомъ генеральнаго прокурора слѣдовалъ въ томъ же № офиціальной газеты императорскій декретъ, назначающій созваніе верховнаго суда для разсмотрѣнія дѣла о заговорѣ; предсѣдателемъ этого суда назначается г. Лаку, прокуроромъ — г. Граниерре. Слѣдствіе открылось немедленно и когда обвинительная палата окончитъ свое дѣло (полагаютъ, въ половинѣ іюня), то откроются самые ассизы верховнаго суда — и мѣстомъ ихъ засѣданій, по увѣренію многихъ газетъ, будетъ снова Туръ, а по другимъ слухамъ — Блуа.

Безпорядки въ Парижѣ 9-го, 10-го и 11-го мая не имѣли важности, частію по отсутствію всякаго единства въ дѣйствіяхъ инсургентовъ, частью вслѣдствіе энергическихъ мѣръ предосторожности, принятыхъ администраціей. Мѣстами безпорядковъ были тѣ самыя улицы Тампля, Бельвиля и проч., гдѣ происходили сборища и сходки въ февралѣ; толпы въ особенности густыя были на площади Шато д'О, около казармъ принца Евгенія; въ теченіи этихъ трехъ дней появлялись на нѣкоторыхъ пунктахъ этихъ улицъ баррикады, т. е. мятежники опрокидывали омнибусы, фіакры и проч. и кричали: *да здравствуетъ республика!*, но уступали тотчасъ же отрядамъ городскихъ сержантовъ и линейнаго войска. Въ теченіи этихъ трехъ дней задержано было до 600 человѣкъ. 11-го мая спокойствіе было повсюду возстановлено.

По окончаніи голосованія произведены были перемѣны въ составѣ министерства; императорскими декретами назначены были: министромъ иностранныхъ дѣлъ герцогъ де-Грамонъ, французскій посолъ въ Вѣнѣ; народнаго просвѣщенія — г. Межъ, одинъ изъ вице-президентовъ законодательнаго корпуса, принадлежащій къ правому центру *); а на мѣсто г. де-Талуэ, вышедшаго въ отставку, министромъ публичныхъ работъ — г. Плишонъ, одинъ изъ членовъ лѣваго центра. Въ новомъ составѣ своемъ кабинетъ и явился въ засѣданіе законодательнаго корпуса, возобновившаго свои занятія послѣ трехъ-недѣльной вакаціи, которая ему была дана по случаю плебисцита. Первымъ занятіемъ законодательнаго корпуса была повѣрка плебисцита, давшая вышеприведенные результаты; окончилась она 18-го мая, а 21-го въ большой залѣ Луврскаго дворца, гдѣ обыкновенно бываетъ тронное засѣданіе при открытіи законодательной сессіи, происходилъ торжественный пріемъ императоромъ депутаціи законодательнаго корпуса, которая явилась — съ президентомъ своимъ, г. Шнейдеромъ, во главѣ — для врученія его величеству офиціальной деклараціи о повѣркѣ плебисцита. Собраніе было самое торжественное. Императоръ и императрица сидѣли на престолѣ, на ступеняхъ коего помѣщался императорскій принцъ; въ залѣ присутствовали члены императорской фамиліи, высшіе сановники имперіи, дипломатическій корпусъ, члены сената и государственнаго совѣта. Г. Шнейдеръ приблизился къ престолу и, вручая императору упомянутую декларацію, произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ, какъ счастливъ законодательный корпусъ, что можетъ принести его величеству торжественный отвѣтъ, данный націею на плебесцитъ черезъ посредство 7,350,000 голосовъ, — а также и то, что отвѣтъ этотъ свидѣтельствуетъ, что геній императора и его неутомимыя заботы о благѣ націи вполнѣ оправдали надежды, возложенныя на него восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Далѣе президентъ выразилъ признательность Франціи за безпримѣрное въ исторіи самоотверженіе, съ которымъ императоръ отказался отъ личной власти и даровалъ конституціонное правленіе, согласно обѣщанію данному имъ при вступленіи на престолъ, что свобода должна быть завершеніемъ зданія основанной имъ имперіи. Въ заключеніе, отъ имени страны, г. Шнейдеръ произнесъ слѣдующія слова: «Государь! Франція съ вами. Шествуйте съ увѣренностью путемъ всяческаго прогресса, и утвердите свободу на соблюденіи законовъ и конституціи. Франція вручаетъ дѣло свободы попеченіямъ вашей династіи и великихъ государственныхъ собраній».

Императоръ отвѣчалъ на эту рѣчь громкимъ и твердымъ голосомъ, въ тонѣ котораго, какъ увѣряютъ газеты, слышалось удовольствіе; въ краткой рѣчи своей онъ изложилъ будущую программу своего правительства. Въ началѣ онъ выразилъ признательность свою націи, которая, по прошествіи 22-хъ лѣтъ, снова явила ему такой блистательный знакъ своего довѣрія; затѣмъ онъ сказалъ, что противники имперіи придали плебесциту совершенно особое значеніе и поставили вопросъ между революціей и имперіей, и что страна рѣшила его въ пользу системы обезпечивавшей порядокъ и свободу. «Нынѣ имперія укрѣпилась на своемъ основаніи, — продолжалъ царственный ораторъ, — и выкажетъ свою силу умѣренностью. Правительство мое заставитъ исполнять законы безъ лицепріятія, но и безъ слабости. Оно не уклонится отъ избраннаго имъ либеральнаго пути». Въ этихъ словахъ, по общему мнѣнію, заключается гарантія, что императоръ не подумаетъ уже возвращаться къ личной власти, отъ которой онъ добровольно отказался. Далѣе императорская программа гласитъ, что цѣль ея — распространять образованіе, упрощать администрацію, поощрять народный трудъ, облегчать налоги и вводить улучшенія въ законодательство. «Нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо, — сказалъ въ заключеніе императоръ, — мы должны безъ страха взирать на будущее. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ воспротивиться прогрессивному развитію системы, основанной великимъ народомъ посреди политическихъ бурь, и имъ же утвержденной въ годину мира и свободы?»

Рѣчь эта, встрѣченная восторженными криками одобренія въ собраніи, произвела вообще самое благопріятное впечатлѣніе во Франціи, какъ то можно судить по всѣмъ газетнымъ отзывамъ.

Въ Англіи важнѣйшее событіе, занимавшее и до сихъ поръ занимающее общественное мнѣніе, есть убійство, совершенное разбойниками въ долинѣ Мараѳонской. Вотъ обстоятельства этого дѣла. 11-го апрѣля англійскіе туристы лоръ Монкастеръ съ женой, г. Вайнеръ, г. Ллойдъ съ женой и пятилѣтнею дочерью, и два секретаря миссій при Эллинскомъ дворцѣ (англійской, г. Гербертъ, и италіянской, г. Бойль) отправились изъ Аѳинъ осматривать Мараѳонское поле въ сопутствіи че-

*) Читатели помнятъ, конечно, что, послѣ отставки гг. Дарю и Бюффе, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ временно управлялъ г. Олливье, а министерствомъ народнаго просвѣщенія — г. Ришаръ.

тырехъ конныхъ жандармовъ и суліота Александра, который долженъ былъ служить имъ переводчикомъ и проводникомъ. По осмотрѣ Мараѳонскаго поля, когда они проѣзжали чрезъ лѣсъ, близь моста Пикерми, то на нихъ напали разбойники извѣстной въ Греціи шайки Арванитаки, въ числѣ 20-ти человѣкъ; двое жандармовъ пали подъ выстрѣлами, а путешественниковъ разбойники увлекли на гору Пентиликонъ, грозя смертію въ случаѣ сопротивленія. Тамъ они вступили съ ними въ переговоры черезъ посредство переводчика, и потребовали за освобожденіе ихъ 32,000 фун. ст. Для полученія этихъ денегъ, они отпустили женщинъ и двухъ жандармовъ и дали имъ лошадей. По прибытіи въ Аѳины, леди Монкастеръ и г-жа Ллойдъ сообщили обо всемъ случившемся англійскому посланнику въ Аѳинахъ, г. Эрскину, прося его устроить дѣло такъ, чтобы разбойниковъ не преслѣдовали и поскорѣе доставили имъ выкупъ. Между тѣмъ разбойники продолжали вести переговоры съ своими плѣнниками, и 14 го апрѣля отпустили въ Аѳины лорда Монкастера—съ тѣмъ чтобы онъ доставилъ имъ 25,000 фун. ст. золотомъ выкупа и выхлопоталъ амнистію. Деньги скоро успѣлъ найдти лордъ Монкастеръ, но даровать амнистію разбойникамъ греческое правительство не соглашалось, ссылаясь на то, что это было бы противно конституціи. Между тѣмъ оно двинуло войска, которыя окружили разбойниковъ, а тѣ, стараясь укрыться отъ преслѣдованія, умертвили своихъ плѣнниковъ. Это убійство произвело самое тягостное впечатлѣніе въ Англіи, гдѣ оно послужило предметомъ преній и запросовъ въ англійскихъ палатахъ, а равно и дѣятельной дипломатической переписки, не кончившейся и до сихъ поръ. Лордъ Кларендонъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, прямо возлагаетъ отвѣтственность на греческое правительство; а многія англійскія газеты требуютъ вмѣшательства европейскихъ державъ въ это дѣло, принятія Греціи подъ опеку, перемѣны въ ней правительства и проч. Всѣ эти офиціальныя и газетныя заявленія, конечно, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики,—и только увлеченіемъ страсти можно объяснить требованіе взять подъ апеку независимое государство—за то что нѣсколько туристовъ въ этой странѣ подверглось нападенію разбойниковъ, какъ будто этого же не случалось во всѣхъ странахъ міра и какъ будто бы правительство можетъ подвергаться отвѣтственности за всякое преступленіе, которое при немъ совершается. Чѣмъ окончится дипломатическая переписка по этому дѣлу—до сихъ поръ еще угадать трудно. Разбойники большею частью переловлены, перебиты или казнены. Король Георгій, сильно огорченный этимъ бѣдственнымъ случаемъ, оказалъ наивозможное вниманіе г-жѣ Ллойдъ, и присутствовалъ при торжественной погребальной церемоніи, которая было совершена въ Аѳинахъ надъ привезенными туда тѣлами убитыхъ.

Въ палатѣ общинъ по прежнему продолжались пренія объ ирландскомъ поземельномъ биллѣ, подававшія поводъ къ множеству различныхъ поправокъ, принятіе коихъ повидимому совершенно измѣнитъ первоначальный видъ этого билля, на который возлагалъ такія надежды г. Гладстонъ. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи снова появляются феніи, но полиція зорко слѣдитъ за ними и захватываетъ у нихъ оружіе; вообще трудно предположить, чтобы феніи могли имѣть какое-нибудь вліяніе въ Англіи—и появленіе ихъ можно объяснить только возобновленіемъ прежнихъ нелѣпыхъ и безплодныхъ попытокъ, которыя уже столько разъ оказывались несостоятельными. Изъ Канады получаются извѣстія о сформированіи значительныхъ фенійскихъ отрядовъ и о нападеніи ихъ на канадскую границу; впрочемъ, до сихъ поръ всѣ эти нападенія были съ успѣхомъ отражаемы.

Засѣданія Ватиканскаго собора идутъ медленно, но тѣмъ не менѣе вступаютъ въ послѣдній и самый важный періодъ своей дѣятельности. По обсужденіи схемы de Fide Catholica, отцы собора разсматривали схему de Parvo Catechismo, и наконецъ, 10-го мая, имъ представлена была знаменитая схема de Ecclesia, для утвержденія которой собственно и созванъ былъ соборъ. Полное названіе этой схемы (текстъ ея тотчасъ же сообщенъ былъ въ аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» ея обычнымъ римскимъ корреспондентомъ, который, къ великому негодованію римской куріи, успѣваетъ добывать всѣ документы относящіеся къ собору и предавать ихъ гласности) есть слѣдующее: Constitutio dogmatica prima de Ecclesia Christi (первая догматическая конституція о церкви Христовой); раздѣляется она на слѣдующія четыре главы: 1) Объ установленіи апостольскаго первенства во святомъ Петрѣ, 2) О непрерывности первенства Петрова въ римскихъ первосвященникахъ, 3) О силѣ и разумѣ первенства римскаго первосвященника и 4) О непогрѣшимости римскаго первосвященника. За этими главами идутъ три канона, въ которыхъ предаются проклятію всѣ противники правилъ, выраженныхъ въ изложенной конституціи, за которою вѣроятно останется названіе «Схемы о непогрѣшимости папской». Папа, сколько можно судить по заявленіямъ клерикальной печати, твердо рѣшился довести дѣло до конца—и (не смотря на страшные жары, которые уже начались въ Римѣ, и которые дѣлаютъ пребываніе въ этомъ городѣ невыносимымъ въ теченіи лѣта) не распускать собора, пока онъ не утвердитъ догмата о непогрѣшимости; по словамъ «Monde», Пій IX сказалъ одному изъ епископовъ, что если пренія по этому догмату не кончатся къ Петрову дню, то соборъ останется для окончанія ихъ до праздника Успенія Богородицы.

Дѣла въ Австріи далеко еще нельзя назвать удовлетворительными. Новый цислейтанскій кабинетъ началъ свою дѣятельность сближеніемъ съ поляками. Глава его, графъ Потоцкій, повидимому имѣетъ въ виду предоставить всевозможныя льготы только своимъ соплеменникамъ, сблизить ихъ неразрывно съ нѣмцами, и оставить безъ вниманія всѣ требованія славянскихъ національностей. Сначала онъ вступилъ въ переговоры съ представителями этихъ національностей, и въ особенности съ чехами, вызывалъ вождей ихъ въ Вѣну и даже самъ ѣздилъ въ Прагу. Но такъ какъ непремѣннымъ его желаніемъ было сохранить вѣнскій рейхсратъ въ его настоящемъ видѣ, то есть съ господствомъ нѣмецкаго элемента (къ чему стремился и прежній кабинетъ «нѣмецкихъ докторовъ», или министерство Гаспера, Гербста и Искры), къ которому бы присоединился только элементъ польскій,—то вожди чешской оппозиціи не поддались на предложенія графа Потоцкаго, и остались при своихъ прежнихъ требованіяхъ. Наконецъ, 20-го мая изданъ былъ императорскій декретъ, распускающій рейхсратъ и областные сеймы за исключеніемъ чешскаго,—и вслѣдъ за тѣмъ въ офиціальной «Wiener Zeitung» появился докладъ императору, графа Потоцкаго, объясняющій причины такой

мѣры. По словамъ его, обновленіе рейхсрата необходимо было вслѣдствіе слишкомъ часто повторяющагося выхода изъ него представителей различныхъ партій; министерство убѣждено, что для блага всей страны и для удовлетворенія частныхъ требованій различныхъ областей необходимо, чтобы населенія выразили свои политическія тенденціи путемъ новыхъ выборовъ. Чешскій сеймъ исключается изъ общей мѣры и не распускается, ибо правительство не увѣрено въ томъ, что новый сеймъ пришлетъ своихъ представителей въ рейхсратъ, и такъ какъ противоконституціонное положеніе, которое онъ можетъ принять, затруднило бы рѣшеніе текущихъ вопросовъ. Такъ объясняетъ дѣло министръ-президентъ; но дѣйствительная причина нераспущенія чешскаго сейма заключается въ томъ, что при новыхъ выборахъ, произведенныхъ старымъ порядкомъ, вообще благопріятнымъ для нѣмцевъ, въ Богеміи все-таки восторжествовала бы національная чешская партія, —а это отнюдь не входитъ въ планы графа Потоцкаго, поставившаго себѣ задачей торжество нѣмецкаго элемента, съ присоединеніемъ къ нему лишь польскаго.

Весьма интересный эпизодъ дѣятельности графа Потоцкаго представляетъ назначеніе новыхъ министровъ. Когда ему предстояло пополнить кабинетъ, то онъ обратился за совѣтомъ къ своимъ друзьямъ, вѣнскимъ аристократамъ, съ просьбой указать ему людей, которые могли бы съ честью выполнить высокія министерскія должности. Ему рекомендовали между прочимъ на постъ военнаго министра—нѣкоего барона Альбрехта Видманна, богатаго моравскаго землевладѣльца, служившаго нѣкогда въ военной службѣ, и потомъ довольно долгое время бывшаго членомъ моравскаго сейма. Графъ Потоцкій тотчасъ же отправилъ къ нему приглашеніе, но все дѣлалось такъ поспѣшно, что адресы перепутали—и приглашеніе адресованное къ барону Альбрехту Видманну попало въ руки къ барону Виктору Видманну, отставному гусарскому ротмистру, разорившемуся и замѣшанному въ разныхъ скандальныхъ исторіяхъ. Послѣдній конечно не отказался отъ такого лестнаго предложенія, прибылъ въ Вѣну, принялъ присягу на званіе военнаго министра—и тогда только обнаружилась ошибка. Газеты начали печатать подробности о прежней жизни министра, а вѣнская городская дума постановила резолюцію, въ которой требовала удаленія его, такъ какъ пребываніе такого человѣка въ кабинетѣ есть оскорбленіе для короны и для націи. Эта энергическая резолюція вѣнской думы навлекла ей выговоръ за то, что она занимается дѣломъ до нея не касающимся; но тѣмъ не менѣе правительство должно было уступить требованію общественнаго мнѣнія и удалить отъ дѣлъ барона Видманна. Отставка его, однако, до сихъ поръ еще не обнародована, ибо кабинету не желательно публично сознаться въ своей непростительной оплошности

26-го мая послѣдовало закрытіе сѣверо-германскаго парламента, причемъ король Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой исчислилъ законы, выработанные трудами рейхстага,—и выразилъ убѣжденіе, что результаты этой дѣятельности послужатъ германскому народу ручательствомъ въ исполненіи надеждъ, возложенныхъ имъ на Союзъ, а иностранцевъ удостовѣрятъ, что Сѣверо-Германскій Союзъ въ развитіи своихъ учрежденій и въ своей національной связи съ южною Германіею, основанной на трактатахъ, направляетъ нѣмецкій національный вопросъ не къ нарушенію, а къ упроченію всеобщаго міра. Важнѣйшимъ дѣломъ рейхстага было утвержденіе для Сѣверо-Германскаго Союза—проекта новаго уложенія о наказаніяхъ, окончательно разсмотрѣннаго въ засѣданіяхъ 21, 23 и 24-го мая. Главнымъ предметомъ несогласія между союзнымъ совѣтомъ и парламентомъ былъ вопросъ о смертной казни, которую преположено было исключить изъ сѣверо-германскаго уголовнаго кодекса. 23-го мая происходили рѣшительныя пренія по этому вопросу, замѣчательные тѣмъ, что увѣщанія графа Бисмарка подѣйствовали на парламентъ, который большинствомъ 127 голосовъ противъ 119 рѣшилъ, что отнынѣ смертная казнь въ Сѣверо-германскомъ союзѣ назначается только за убійство или за покушеніе на убійство противъ главы Союза или государя какой либо страны, входящей въ составъ означеннаго Союза.

На Пиренейскомъ полуостровѣ въ послѣднее время произошли важныя событія, театромъ которыхъ на этотъ разъ была не Испанія (гдѣ снова возникъ вопросъ о кандидатурѣ на престолъ престарѣлаго маршала Эспартеро), а Португалія. Герцогъ Сальданья, восьмидесятилѣтній старикъ, еще бодрый и до крайности честолюбивый, произвелъ *пронунсіаменто*, какъ называются возстанія на Пиренейскомъ полуостровѣ. 20 мая онъ подговорилъ шесть баталіоновъ линейнаго войска, вообще расположеннаго къ нему, и захватилъ крѣпость св. Георгія, господствующую надъ Лиссабономъ; оттуда въ полночь онъ отправился съ своими солдатами на противуположный край столицы ко дворцу Ажуда, гдѣ проживаетъ съ своимъ семействомъ молодой король донъ-Люисъ. Стража дворца оказала было сопротивленіе отряду Сальданьи, но, потерявъ трехъ человѣкъ убитыми, положила оружіе и присоединилась къ противникамъ. Въ четыре часа утра герцогъ Сальданья явился къ королю, который тотчасъ же согласился уволить кабинетъ герцога Луле, и поручилъ сформированіе новаго министерства самому Сальданьѣ. Кабинетъ уже составленъ, но до сихъ поръ списки министровъ сообщаются по телеграфу различные, а потому еще нельзя съ достовѣрностью сказать, въ какомъ духѣ будетъ дѣйствовать новый кабинетъ. Вообще предполагаютъ, что цѣль этого переворота въ Португаліи есть иберійское соединеніе, и что герцогъ Сальданья дѣйствовалъ при этомъ случаѣ въ согласіи съ маршаломъ Примомъ, который нисколько не желаетъ возведенія на испанскій престолъ стараго и бездѣтнаго Эспартеро; оба они, какъ слышно, замышляютъ соединить подъ скипетромъ короля дона-Люиса весь Пиренейскій полуостровъ и тѣмъ разрѣшить нескончаемый вопросъ о замѣщеніи испанскаго престола.

Опечатки. Въ № 21 «Нивы» вкрались слѣдующія опечатки, измѣняющія смыслъ напечатаннаго:

На стран.324 въ второмъ столбцѣ, строка 19 снизу (онѣ обернулись.... катила) должна читаться первою сверху (катила тройка саней...).

На стран.334 во 2-мъ столб. строка 4 снизу
напечатано: 15-ти слѣдуетъ читать: 11-ти
Тамъ же, строк. 2 снизу
» въ этомъ, » » въ томъ.
На стран.335 во 2-мъ столб. строка 22 снизу
» министерства— » министерства и

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 29 Мая 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим. д. № 45—1.

№ 23. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26

Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

VI.

Борьба.

Въ Твери позже всѣхъ узнали, что́ случилось въ Ордѣ,—и первая узнала жена, а теперь вдова Михаилова, великая княгиня Анна Дмитріевна. Суета принесъ ей эту вѣсть.

Суета выкупленъ былъ Юріемъ Даниловичемъ у Ицека со всѣмъ остальнымъ русскимъ полономъ. Пересматривая этотъ полонъ, Юрій Даниловичъ былъ пораженъ соннымъ видомъ Суеты, лѣнивымъ движеніемъ его бѣлобрысыхъ рѣсницъ, его отрывистыми отвѣтами, его равнодушіемъ ко всему, что́ вокругъ него творится.

«Такой недвига можетъ пожалуй и пригодиться» подумалъ Юрій: «взять да и послать его въ провожатые тѣлу». — Ты, человѣкъ, откуда? спросилъ онъ Суету.

— Торжковскій, отвѣчалъ Суета.

— Въ Москву покойника провожать отправишься?

— Покойника? поднялъ рѣсницы Суета:—ну, такъ, покойника, господине княже.

— А потомъ ко мнѣ въ отроки пойдешь.

— Въ отроки? я, господине княже, въ отроки къ твоей милости могу пойти.—И тутъ-же онъ подумалъ, что Юрій человѣкъ совершенно легкомысленный — беретъ его въ отроки зря, не зная никакихъ его качествъ. Впрочемъ, куда нейти, а куда нибудь идти надо было. Когда Суета добрался до Москвы, онъ разсудилъ—даже не разсудилъ, а такъ мысль вдругъ его озарила—сходить-бы въ Тверь и посмотрѣть, что̀ теперь тамъ дѣлаютъ. Прежде Суета былъ то что̀ теперь называется—мужикъ. Два года плѣна и всякаго рода похожденій — сбили его съ пути, и сдѣлали если не искателемъ приключеній, то просто-на-просто бродягой, созерцателемъ и совопросникомъ міра сего.

Сдѣлавшись отрокомъ Юрія, Суета выигралъ очень не много. Онъ былъ холопомъ Ицека—теперь сталъ холопомъ Великаго Князя Всея Руси, который точно такъ-же какъ Ицекъ могъ безнаказанно пороть его и даже убить съ сердцовъ. Таково было государственное право и у насъ и въ Европѣ въ XIV вѣкѣ.... Три заушенія получилъ онъ по дорогѣ въ Москву отъ Юрьева дворскаго (дворецкаго, по теперешнему), да разъ битъ былъ нещадно, аки рабъ нерадивый. Повидалъ онъ Москву, посмотрѣлъ какъ тѣло поставили у Преображенія,—затѣмъ, въ ту-же ночь, по поводу раздумья, взялъ да отправился, не говоря ни худого ни хорошаго слова, въ Тверь.

Великая княгиня Анна Дмитріевна дѣлала утренній обходъ своей дѣвичьей, гдѣ у нея, к-къ во всякомъ хорошемъ тогдашнемъ домѣ, съ утра до вечера пряли, ткали, шили, кроили, вышивали на всю княжую семью, на десятокъ монастырей, десятка на четыре церквей. Дѣвичья соединялась съ ея теремомъ крытымъ переходомъ. Суета самъ не могъ-бы объяснить, какъ онъ

очутился въ этомъ переходѣ. Сторожа у воротъ, у всякихъ клѣтей пропускали его даже безъ оклика, такъ спокойно, беззаботно и сонно втаскивалъ онъ свои бѣлыя рѣсницы—онъ вѣчно ходилъ какъ призракъ, его никогда никто не замѣчалъ.

Сталъ Суета въ переходѣ, снялъ шапку, плюнулъ на снѣгъ и погладилъ бороду.

Дверь дѣвичьей растворилась, вышла великая княгиня съ двумя боярынями. На ней былъ парчевой сарафанъ, на головѣ нѣчто въ родѣ нынѣшней южно-русской парты — сѣдыя кудри спускались на щеки. Шла она, какъ всѣ женщины среднихъ вѣковъ, откинувъ туловище назадъ: ужь я улицею сѣрой утицею, переулочкомъ бѣлой лебедью. Прекрасный полъ ходилъ тогда крайне некрасиво; за то, въ нашъ прогрессивный многоученый и многодумный XIX вѣкъ—мужчины заимствовались уродливой походкой французскихъ крестьянъ, щеголяющихъ въ деревянныхъ башмакахъ. Какъ ходили, на цыпкахъ, люди въ лаптяхъ или въ сапогахъ, можно видѣть на картинахъ старинныхъ мастеровъ—или еще проще на улицѣ приглядываясь къ купечеству и къ мѣщанству при обрядныхъ шествіяхъ пола мужеска и пола женска, въ баню и въ церковь.—Нынѣшнимъ женщинамъ у средневѣковыхъ заимствоваться нечѣмъ—но мужчинамъ нынѣшнимъ очень бы не мѣшало.

Выплыла изъ дѣвичьей высокая, стройная, малосмѣшливая-малоговорливая великая княгиня Михаилова, увидѣла безцвѣтнаго Суету, удивилась, но виду не подала, что удивилась откуда взялась эта съ головы-до-ногъ бѣлобрысая фигура—это было-бы ниже ея строгаго достоинства,—и поплыла было далѣе.

Суета поднялъ на нее вѣки, сообразилъ, что это она сама и должна быть, подергалъ себя за ухо, за бороду, потомъ обѣими руками стиснулъ шапку, точно изъ нея хотѣлъ мысль какую выжать, — и молча опустился на колѣни.

— Бѣдный, что-ли? спросила проплывавшая великая княгиня.

— Я, госпожа, не къ тому. Тѣло вѣдь я тоже везъ, а когда ставили покойника у Преображенія, я тоже тамъ былъ. Что говорятъ не портится—это правда; а что чудеса творятся отъ твоего, госпожа, великаго князя—и это опять правда. Я свидѣтель. Я нарочно за этимъ изъ Москвы сюда пришелъ. А прежде я въ Ордѣ былъ, у жида у Ицека въ полонѣ. Можетъ твоя милость слышала, такой жидъ тамъ есть, хорошій человѣкъ, нашихъ русскихъ продаетъ. Когда Юрій Даниловичъ твоего благовѣрнаго зарѣзалъ, такъ меня въ сторожа къ тѣлу приставилъ,—ну, я до Москвы и провожалъ. Только въ отрокахъ быть не захотѣлъ—у него строго. Ко двору, если дворъ только цѣлъ, иду; а не цѣлъ—такъ пробьюсь.—Сказать такъ: пришелъ къ тебѣ, госпожа, повѣстить что, вотъ-дѣ, самъ видѣлъ....

Суета изложилъ все это съ трудомъ—но изложилъ ясно и отчетливо. Великая княгиня поблѣднѣла — больше ничего съ нею не произошло, она не имѣла понятія не только объ обморокѣ, но даже о самыхъ слезахъ. Она стиснула зубы и спросила Суету:

— При тебѣ зарѣзали?

— Я-же, госпожа, сказалъ, что въ полону у Ицека у жида тогда былъ.

— А разсказать можешь, какъ это все было?

— Могу—отчего-жь мнѣ не мочь. Дорогой Романецъ мнѣ все это говорилъ....

— Какой Романецъ?

— А вотъ что сердце-то у него вырѣзалъ. Онъ вѣдь и умеръ оттого, что у него у живаго сердце Романецъ вырѣзалъ.

Великая княгиня слегка пошатнулась. Она нахмурила брови, пошевелила губами, наконецъ повернулась и опять поплыла въ теремъ. «Вы, боярыньки, подождите, пока я потолкую съ этимъ человѣкомъ. Тебя звать-то какъ?»

— Суета, госпожа.

— Такъ ты, Суета, за мной пойди—разскажи толкомъ.—Только, боярыньки, покуда никому ни словечушка!.. прибавила она, выразительно поднявъ брови.

Она послѣдовала въ сопровожденіи Суеты въ моленную, сѣла тамъ въ кресло, сложила руки на груди и промолвила: «разсказывай!»

Суета началъ. Онъ говорилъ толково, передавая то что самому удалось слышать отъ Романца, отъ Ицека, отъ товарищей въ дорогѣ. Человѣкъ темный по происхожденію, темный по общественному положенію, онъ разумѣется не могъ знать всего, что и почему творилось въ тогдашнихъ высшихъ сферахъ,— и потому давалъ разсказу своему собственныя краски. Изъ его рѣчей вышло, что Михаилъ сознался въ отравленьи Кончаки, что Константина хотѣли женить на Русалкѣ и перевести въ бусурманство,—Константинъ не хотѣлъ, потому его заковали. Юрій вмѣстѣ съ полономъ купилъ у Ицека псалтирь — кто этотъ псалтирь будетъ читать, тотъ будетъ по воздуху летать и клады сквозь землю видѣть. Затѣмъ онъ сообщилъ совершенно вѣрное извѣстіе, что святитель и Калита, вслѣдствіе обоюднаго неудовольства поступкомъ Юрія, еще тѣснѣе сблизились.

— Хорошо, сказала Анна Дмитріевна, когда Суета замолкъ переговоривъ все, — поди сюда въ клѣть и похоронись!.. Она поплыла передъ нимъ, стройная, величавая, ввела его въ одинъ изъ безчисленныхъ чуланчиковъ пристроенныхъ къ хоромамъ, опустила и засунула за нимъ засовъ. Затѣмъ, собственноручно принесла къ нему блюдо, на которомъ лежали четыре сдобныхъ ватрушки, калачъ, пирогъ съ яицами, кусъ жареной свинины. Ушла и воротилась держа въ правой рукѣ ковшъ меду, въ лѣвой ковшъ пива. Поставила это передъ Суетой, сказала «кормись»—и опять задвинула за нимъ засовъ. Суета почесалъ затылокъ, перекрестился и послѣдовалъ апостолу глаголющу: *предлагаемое ядите*

Долго сидѣла въ моленной одна одинехонька, неподвижная какъ статуя, вдовствующая теперь великая княгиня тверская, узнавъ о гибели Михаила Ярославича, съ которымъ выжила она душа въ душу, правой рукой его, цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ. Онъ женился на ней въ 1294 году, двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношей, полнымъ надеждъ на престолъ Всея Руси, который достался ему только черезъ десять лѣтъ послѣ свадьбы (въ 1304), когда уже народились у нихъ сыновья Димитрій и Александръ.—Она сидѣла и поводила бровями, стараясь осмыслить себѣ, что ей сказалъ Суета. Она предчувствовала, что исходъ поѣздки Михаила въ Орду будетъ дуренъ. Она знала, что князь идетъ на гибель; но она не удерживала его. Онъ до мозга костей своихъ была проникнута тѣми взглядами, которые тогда на Западѣ понимались подъ общимъ словомъ рыцарства, и которые понимались у насъ почти исключительно въ самоотверженіи,

въ принесеніи себя на гибель за идею или за ближнихъ. Она знала, что князю не сдобровать; но и то она знала, что ему нельзя не ѣхать въ Орду—еслибъ онъ не поѣхалъ, а ушелъ-бы куда въ другія государства, нагрянули-бы татары требовать его у тверичей, перемутили-бы и перебили пропасть народу христіанскаго, поругали-бы святыя церкви. Онъ предалъ себя за всѣхъ.—Все это знала Анна Дмитріевна, всего этого ждала—но только ни какъ не сегодня: люди никогда ничего не ждутъ сегодня, сейчасъ, сію секунду.

Она долго сидѣла, долго думала—наконецъ стала на колѣни передъ иконами и принялась молиться. — Вечеромъ Суету допрашивалъ наслѣдникъ тверскаго великаго княжества Дмитрій Михайловичъ Грозныя Очи, допрашивалъ братъ его Александръ Михайловичъ, допрашивалъ владыка Варсонофій и бояре тверскіе. На другой день рѣшили, что надо пословъ въ Москву послать, разузнать о дѣлѣ, выхлопотать тѣло покойника, выручить Константина, бояръ и всѣхъ тверичей, схваченныхъ Юріемъ.

Въ Москвѣ Иванъ Даниловичъ заявилъ свое сочувствіе и соболѣзнованіе горю тверскихъ князей, заклялся и забожился, что онъ ничего не знаетъ; что онъ ни въ чемъ не участвовалъ; что даже и свѣденій никакихъ путныхъ не имѣетъ о томъ какъ и чтó произошло на Кавказѣ, а что со дня на день ждетъ пріѣзда Великаго Князя Всея Руси Юрія Даниловича. Онъ и бояре московскіе говорили, что ихъ дѣло сторона, что они живутъ по христіански, ни въ какія такія не хорошія дѣла не мѣшаются, больше Богу молятся да о своихъ животахъ заботятся.

— Мы здѣсь, говорилъ Иванъ Даниловичъ,— въ Месопотаміи живемъ; Месопотамія, сказывалъ мнѣ святитель, по русски перевести «междурѣчье» будетъ. Живемъ мы — какъ жилъ прежде праотецъ Авраамъ между Тигромъ и Евфратомъ—между Волгой и Окой. Въ сторонѣ мы, господа честные. отъ всякихъ большихъ дорогъ, отовсюду въ сторонѣ; живемъ себѣ смирно, честно, далеко отъ Татаръ, далеко отъ Литвы, далеко отъ Нѣмцевъ; пчельники по смиренію нашему заводимъ; вотъ новыхъ курочекъ недавно достали; хозяйствуемъ и ни въ какія такія дѣла не мѣшаемся. Бури это всякія и смуты у васъ, господа, въ Твери, во Владимірѣ, въ Новгородѣ идутъ, да въ Рязани; а у насъ что?—наша сторона глухая и мы люди темные—чтó намъ велятъ, то мы и исполняемъ, никому не перечимъ. Покойный отецъ мой Данило Александровичъ, при помощи въ Бозѣ почившаго Михаила Александровича, выдѣлился изъ Русской Земли, какъ самъ Михаилъ Александровичъ, какъ рязанскіе князья. Больше намъ ничего и не надо. Даже рѣчка-то у насъ, хоть посмотрите, какая небольшая! Что у насъ здѣсь? Москва рѣчка, да Яуза, да Неглинная—совсѣмъ въ сторонѣ отъ людей живемъ; а законъ христіанскій точно что соблюдаемъ, какъ тому отъ родителей научены. Въ законѣ же христіанскомъ говорится, даже и въ Кормчей книгѣ такъ сказано: «Властемъ предержащемъ повинуйтеся; нѣсть бо власти аще не отъ Бога суть.» Потомъ еще сказано: «Не осуждай, да не осужденъ будеши». Поэтому мы Вольному Царю Азбяку покорны, и покорны Великому Князю Всея Руси, господину брату нашему, Юрію Даниловичу.

— И не разберешь его—мудрость этотъ скопидомъ Калита или простота, толковали тверскіе бояре:—стелетъ онъ мягко, а спать ни какъ не кладетъ; копитъ деньгу, въ Ордѣ русскій полонъ скупаетъ, населяетъ свою Месопотамію. Въ Новгородъ поѣдешь, во Владиміръ поѣдешь, въ Москву, въ Рязань, въ Вильну—тамъ вездѣ люди откровенные, у всѣхъ душа на распашку, вездѣ богатыри; а здѣсь, въ Москвѣ, народъ совсѣмъ особый: съ нимъ дѣло варить—хуже чѣмъ въ рядахъ торговаться; волокиту берутъ большую, хуже чѣмъ въ Ордѣ.

Изнемогли тверскіе бояре, дожидаясь какого либо отвѣта отъ бояръ московскихъ, а Юрій Даниловичъ не торопился ѣхать, а ихъ братья и сынъ убіеннаго великаго князя тверскаго Константинъ были въ плѣну. Такая тоска обуяла тверичей, и въ Москвѣ и въ самой Твери, что они всѣмъ были готовы поступиться, чтобы только какъ нибудь выручить своихъ полоненныхъ и добыть тѣло великаго убіеннаго князя. Наконецъ, уже въ началѣ лѣта явился Юрій Даниловичъ во Владимірѣ, и истомленные тверичи отправили къ нему посольство. Но съ боярами тверскими князь Юрій Даниловичъ не хотѣлъ совершать мира. Онъ сталъ волочить дѣло, требуя чтобы пріѣхалъ къ нему, на переговоры, во Владиміръ самъ братъ нынѣшняго великаго князя тверскаго, Дмитрія Грозныя Очи, Александръ Михайловичъ. Послѣ долгихъ толковъ, 19-ти-лѣтній Александръ Михайловичъ заключилъ съ Юріемъ Даниловичемъ миръ во Владимірѣ, на тѣхъ условіяхъ, что тверичи признаютъ Юрія Даниловича Великимъ Княземъ Всея Руси и не будутъ искать подъ нимъ въ Ордѣ; что сами въ Орду ѣздить не станутъ; что будетъ онъ, Юрій Даниловичъ, точь въ точь какъ дѣдъ его Александръ Невскій, одинъ за всю Русь платить Ордѣ дани и выходы (*). Расходы свои въ Ордѣ Юрій также возложилъ на тверичей; словомъ сказать, онъ насчиталъ на нихъ слишкомъ двѣ тысячи рублей серебра долгу, а мы уже видѣли, что тогдашнія двѣ тысячи рублей (даже не считая того, что рубль вѣсилъ около шести рублей) составляли огромную сумму, потому что и Америка еще была не открыта, и вообще количество золота и серебра на всемъ земномъ шарѣ далеко не равнялось нынѣшнему. Тогдашній рубль значилъ на дѣлѣ болѣе чѣмъ нынѣшніе сто рублей. Затѣмъ, сверхъ этихъ чисто-политическихъ и дѣловыхъ статей владимірскаго мирнаго договора, Юрій Даниловичъ отдавалъ охотно тверичамъ не только тѣло Михаила Тверскаго, но даже и Константина Михайловича съ тверскими боярами отдавалъ живьемъ, цѣпи съ нихъ поснималъ и воротилъ бы имъ даже одежду ихъ, если бы самъ могъ отыскать куда она дорогóю затерялась. За симъ Александръ Михайловичъ разстался съ нимъ и отправился съ выученными боярами и братомъ въ Москву—взять тѣло отца. Удалось все это сдѣлать только къ началу сентября, т. е. безъ малаго почти чрезъ десять мѣсяцевъ послѣ убіенія. Понятно, что Юрій не торопился — ему нужнó было промучить тверичей, поломаться надъ ними въ вознагражденіе за свою послѣднюю уступку. Онъ, повиновавшійся ордынскимъ властямъ предержащимъ, требовалъ себѣ только тѣло своей возлюбленной царевны, княгини Кончаки-Агафьи. Когда это тѣло было доставлено ему, тогда въ Москвѣ, властямъ предержащимъ повинующись,

(*) *Данью* называлось то, чтó платилось Ордѣ ежегодно; *выходомъ*—гонораръ хану за грамоту на утвержденіе въ санѣ великаго и простаго князя. Дмитрій Михайловичъ, восходя на великокняжескій престолъ, долженъ былъ платить выходъ.

смиренный Иванъ Даниловичъ выдалъ тверичанамъ тѣло Михаила.

Вся Тверь, великій князь Дмитрій Грозныя Очи, Александръ, Василій, великая княгиня Анна Дмитріевна, ихъ мать владыко тверской Варсонофій и весь чинъ священническій, со свѣщами и со кадилами, и со множествомъ народа, встрѣтили тѣло, плывшее по Волгѣ въ насадѣ (*), на берегу Волги, у церкви Михаила Архангела на Берегу,—и мѣсяца ноября въ седьмой день положили его въ церкви Святаго Спаса, въ соборномъ храмѣ города Твери, въ усыпальницѣ великихъ князей тверскихъ.

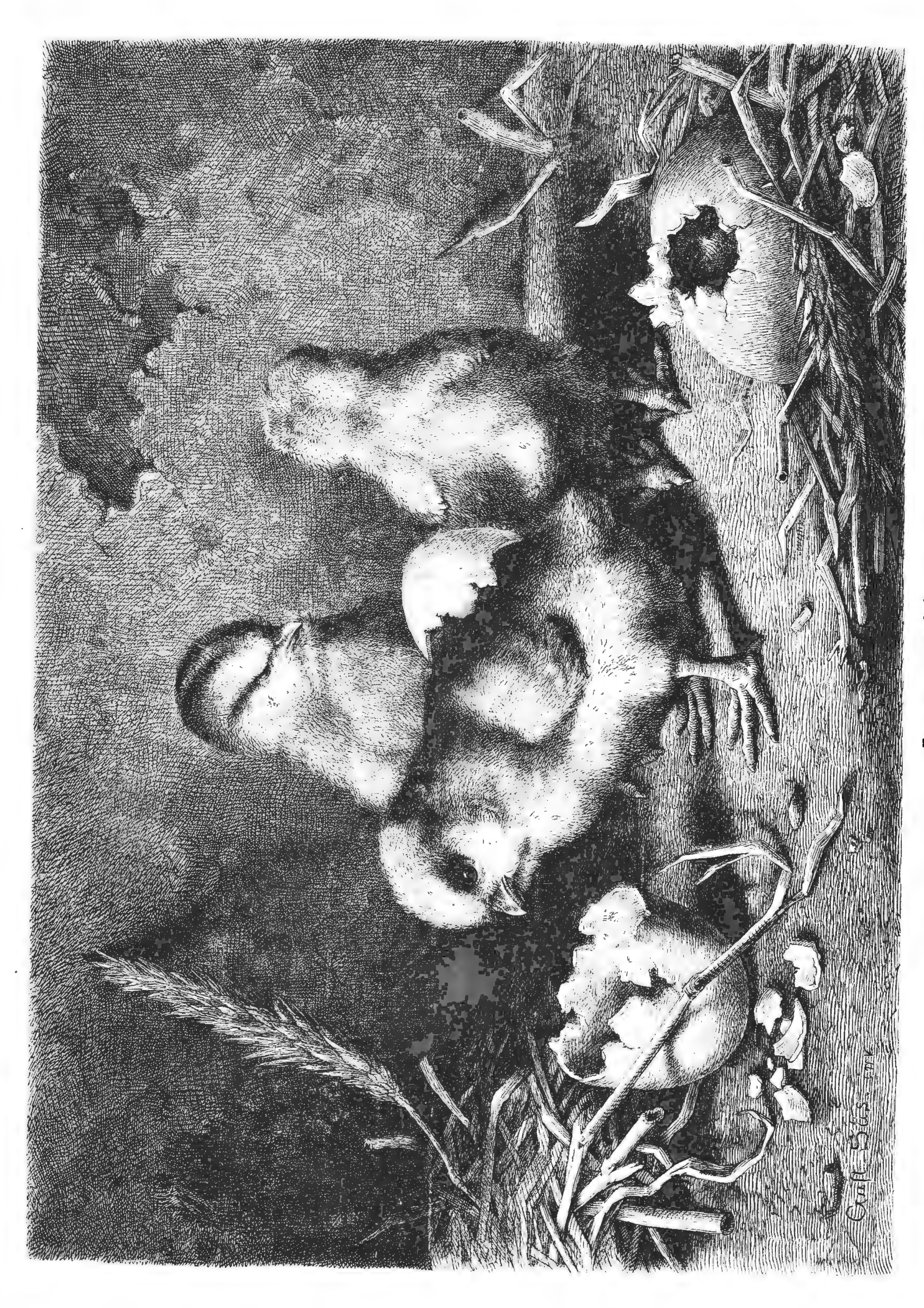
Тутъ произошло опять новое происшествіе, весьма непріятное для Юрія и для москвичей: оказалось, что въ теченіе десяти мѣсяцевъ это тѣло, разъѣзжавшее на тѣлегахъ и на саняхъ, похороненное въ Москвѣ, проплывшее Волгой, было нетлѣнно, цѣло и невредимо. Этого мало. Чудеса стали твориться отъ тѣла Михаилова: нѣмые прорицали, слѣпые прозрѣвали, разслабленные исцѣлялись.

Бѣ же сей князь великій Михаилъ Ярославовичъ, внукъ Ярославль, правнукъ Всеволожъ, праправнукъ Юрья Долгорукаго, прапраправнукъ Владиміра Мономаха, пращуръ Ярославль, прапращуръ великаго Владиміра, тѣломъ великъ зело і крѣнокъ, мужественъ і взоромъ страшенъ, и божественное писаніе всегда самъ прочитаетъ, і церквамъ прилеженъ и священнически и иночески чинъ зело много чтяще и отъ бояръ и отъ всѣхъ своихъ любимъ бысть, и пьянство не любяще, іноческаго чина всегда желаше и мученическаго чина, и подвиги всегда на языцѣ ношаше, и тужъ чашу пени за християнъ. Аще бы онъ не пошелъ во орду слышавъ толикіе беды на себя, и отшелъ бы выные земли, и пришедше бы Татарове ищуще его колико бы християнъ замучили и смертп предали и святые церкви поругали! Но сего ради блаженныи Михаилъ за всѣхъ себя даде, и смертию нужною кончася и радуяся, прииде ко своему владыцѣ Христу въ небесное царствие. Смертно бо есть житие сие: аще бы не тако умеръ, умеръ же бы всяко.

Знала и великая княгиня Анна Дмитріевна, что двумъ смертямъ не бывать а одной не миновать. или, какъ выражался тогдашній лѣтописецъ: «смертно бо есть житіе сіе; аще бы не тако умеръ, умеръ же бы всяко». Умеръ глава дома тверскаго, который, такъ-ли сякъ-ли, побывалъ Великимъ Княземъ Всея Руси—стало никто изъ дѣтей его не былъ лишенъ права на этотъ санъ. Тверь была разорена обязательствомъ уплатить Юрію двѣ тысячи рублей серебра, а сверхъ того и самъ покойникъ, Константинъ и тверскіе бояре надѣлали въ Ордѣ долговъ подъ залогъ тверской Кашинской области. Юрій былъ силенъ пуще прежняго. Нужно было прежде всего—не загубить родъ тверскихъ; а сверхъ того завести связи. Тѣ слухи, что хворая ханша Узбекова Баялынь не прочь пережени ть тверскихъ князей на ордынскихъ царевнахъ, были очень не понутру Аннѣ Дмитріевнѣ. Ордынскія царевны бывали всякія: и дочери, и сестры Вольнаго Царя, и его наложницы и рабыни. Едва ли гдѣ такъ искренно ненавидѣли татаръ, какъ въ Твери да въ Новгородѣ: Тверь и Новгородъ, и по своему географическому положенію, и по духу своему, тянули къ Западу; татары имъ были ненавистны, и гораздо ближе и сочувственнѣе была даже языческая Литва, потому что литвинъ былъ язычникомъ только по имени, только потому что не хотѣлъ подчиниться ни восточной, ни западной церкви.

Въ то время на Руси происходило замѣчательное явленіе. Рюриковичи до такой степени потеряли вѣру въ глазахъ представителей тогдашняго русскаго общества, что было утрачено всякое уваженіе и сочувствіе къ нимъ. Стало ясно, что всѣ бѣдствія Россіи идутъ именно отъ нихъ. Какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, они не умѣли спасать Русь отъ половцевъ, потому что были вѣчно заняты своими междуусобными распрями, которыя такъ дорого стоили народу,—такъ по ихъ милости Русь попала подъ власть татаръ, разбилась на отдѣльныя государства. Къ нимъ стали относиться съ тѣмъ недовѣріемъ и съ тѣмъ неуваженіемъ, съ какимъ въ наше время относился западъ Европы къ Бурбонамъ. Казалось, племя ихъ вырождается,—и возникла потребность пріискать новую династію, для которой не существовало бы историческихъ преданій; нужны были свѣжіе люди, какіе нибудь корсиканцы-бонапарты. Такими корсиканцами еще съ XIII вѣка стали являться даровитые и смѣлые князья литовскіе; западная Русь охотно передавалась имъ, и въ описываемое нами время между этими литовскими князьями явился Гедиминъ, разомъ подчинившій себѣ нѣсколько русскихъ княжествъ. Западная Русь отдѣлялась отъ восточной, входя въ союзъ съ Литвою. Литовцы говорили по русски, жили по русски, только не ходили ни въ костелъ, ни въ церковь. Великая княгиня Анна Дмитріевна, совершенно по женски, инстинктивно, поняла, что единственное спасеніе варяговъ будетъ состоять въ союзѣ съ Литвой,—точно такъ-же какъ холодные московскіе умы понимали, что единственное спасеніе Руси будетъ состоять въ союзѣ съ татарами. Первымъ дѣломъ ея было послать старшаго своего сына, теперешняго великаго князя тверскаго, Дмитрія Михайловича, въ Литву—свататься къ какой нибудь изъ дочерей Гедиминовыхъ. Порядокъ тогда былъ такой, что къ сильному государю невѣсту привозили, а безсильный самъ за ней ѣхалъ вѣнчаться не въ своей отчинѣ. Какъ Михаила Ярославича обвиняли москвичи въ желаніи войти въ союзъ съ папой, такъ въ этомъ можно было бы обвинить и Дмитрія или его мать. Союзъ съ западомъ и вообще съ католическимъ міромъ казался тогда на сѣверной Руси дѣломъ выгоднымъ. Западъ все таки представлялъ одно политическое тѣло; сѣверная Русь постоянно приходила съ нимъ въ столкновеніе; войска сѣверной Руси—Твери, Пскова и Новгорода—точно также были закованы въ латы, какъ западные бароны: дрались тѣмъ самымъ свинымъ строемъ, т. е. отрядами латниковъ, строющихся клиномъ, который врѣзывался въ толпу непріятелей, дѣлилъ ее, сѣкъ на обѣ стороны. На югѣ—въ Рязани, въ Черниговѣ, въ Кіевѣ—не было такой тяжелой пѣхоты; тамъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ кочевниками, драться вразсыпную, набѣгами. Сверхъ того и Тверь и Великій Новгородъ были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ганзой; они были образованнѣе юга, на нихъ болѣе отзывались всякія событія западной европейской жизни; имъ нужно было куда нибудь пристать, а приставать было всего выгоднѣе къ нѣмцамъ или полякамъ. Только въ блаженныхъ месопотамскихъ палестинахъ, какъ выражались москвичи, гдѣ югъ сливался съ сѣверомъ, востокъ съ западомъ,—вырабатывались новый бытъ,

(*) Насадъ—барка, большая лодка, военное судно.



Первыя впечатлѣнія.
Съ картины Густава Зюсъ.

новая тактика. Тамъ знали, что безъ Бога и безъ денегъ ничего подѣлать нельзя, что плетью обуха не перешибешь, что сила всякую солому ломитъ. Поэтому тамъ строили монастыри, храмы Божіи, деньгу копили и изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы переманить къ себѣ митрополита,—а митрополитъ тогда былъ самостоятельнымъ государемъ, своего рода папой. Территоріи своей у него не было, но всѣ земли принадлежащія церквамъ и монастырямъ, всѣ люди почему либо подчиненные церкви, начиная со вдовъ и сиротъ, нищихъ и богомольцевъ, кончая монастырскими крестьянами-арендаторами монастырскихъ церковныхъ земель,—всѣ были во власти митрополита. У митрополита были свои бояре, свое войско изъ сиротъ и изъ боярскихъ дѣтей. Не было княжества, не было уголка Руси, не было ни села ни города, гдѣ бы не было людей митрополичьихъ,—и перенесеніе имъ столицы въ Москву имѣло то же значеніе, что перенесеніе ея изъ Кіева во Владиміръ. Мацини хорошо понимаетъ важность для Италіи того, чтобы папа, даже и потерявъ власть надъ Римомъ, все таки оставался въ Римѣ. Почти это же самое отлично понимали въ Москвѣ въ началѣ XIV вѣка—и потому москвичи только о томъ и хлопотали какъ бы святитель переселился къ нимъ, какъ бы произошелъ союзъ русской церкви съ московскимъ государствомъ. Три главныя политическія системы были тогда на Руси: первая, тверская—войти во что бы то ни стало въ союзъ съ Западомъ, отбиться отъ татаръ и управлять Русью своими боярами; другая система была новгородская, ультраконсервативная, которая стояла только за то, чтобы быть въ союзѣ съ Великимъ Княземъ Всея Руси, раскидывать свои факторіи далѣе и далѣе на востокъ, не платить податей ни больше ни меньше, чѣмъ по закону (по тогдашнему «по правдѣ») слѣдуетъ; наконецъ, третья, московская система, не вѣрившая ни въ право, ни въ Западъ, ни въ свою силу, а признававшая исключительно то, что деньгами можно Орду купить, всю Русь заполонить, что сосѣди не помогутъ, что кромѣ денегъ да церкви ничѣмъ ничего не подѣлаешь.

Дмитрій Грозныя Очи поѣхалъ въ Литву, и Гедиминъ выдалъ за него свою дочь, нареченную въ св. крещеніи Маріею Гедиминовною. Въ томъ же самомъ году Анна Дмитріевна женила не только Александра Михаиловича, но и 14-лѣтняго Константина Михаиловича, во избѣжаніе всякихъ союзовъ съ Ордой, которые ей были отвратительны.

— Наконецъ, думала она, — если у двухъ сыновей и переведется родъ покойника, то все же продолжится онъ у третьяго.

Былъ у нея еще четвертый сынъ, Василій Михайловичъ, но этому было всего пять лѣтъ,—такъ что, при всемъ желаніи, женить его она не могла.

(*Продолженіе будетъ*).

В. Кельсіевъ.

Не шали съ огнемъ,

Комедійка для домашнихъ спектаклей.

Соч. **Д. В. АВЕРКІЕВА**.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЗИНАИДА НИКОЛАВНА, богатая дѣвица-старушка лѣтъ 65.
ЛИЗАВЕТА НИКОЛАВНА, **ОЛЬГА ПАВЛОВНА** } двоюродныя сестры; племянницы Зинаиды Николавны.
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ СУХОТИНЪ.
ОНУФРІЙ ПЕТРОВИЧЪ, сверстникъ Зинаиды Николавны.
ѲЕНЯ, горничная.

Дѣйствіе на дачѣ, въ общемъ саду Зинаиды Николаевны и Онуфрія Петровича.

Садъ. На лѣво домъ, нанимаемый Зинаидой Николавной, съ балкономъ; на право, на второмъ планѣ, дача Онуфрія Петровича. Прямо рѣшотка съ калиткой и улица. На право же, ближе къ авансценѣ, дерево; подъ нимъ столъ и стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зинаида Николавна и Онуфрій Петровичъ выходятъ изъ своихъ дачъ и встрѣчаются въ саду.

Онуфрій. Здравствуйте, матушка, Зинаида Николавна! Хорошо ли почивать изволили?

Зинаида. Ничего, отецъ мой, спала. А ты что это, отецъ мой, вырядился этакъ? Не меня ли, старуху, прельщать хочешь?

Онуфрій. Хе, хе, хе, шутить изволите, матушка, Зинаида Николавна! Помилуйте, отчего-жъ мнѣ и не принарядиться? Достатокъ у меня есть, лѣта мои не старые, — не чумазымъ же мнѣ ходить? Я, матушка, старый гусаръ, бурцовскій гусаръ — неряхъ терпѣть не могу.

Зинаида. Чтой-то, отецъ мой, на старости лѣтъ изолгался совсѣмъ, — когда ты это въ гусарахъ былъ?

Онуфрій. А развѣ вы не помните? Еще въ тотъ самый годъ....

Зинаида. Котораго не было—въ тотъ самый. Не люблю, когда лгутъ. Стыдно бы тебѣ, совсѣмъ сѣдой сталъ.

Онуфрій. Это даже удивительно для меня, какъ вы все перезабыли, матушка, Зинаида Николавна. Вы вспомните послѣ. Еще Бобриковъ тогда....

Зинаида. Говорю, помню. Съ Бобриковымъ гусаромъ дебоши ты дѣлалъ, это точно. Ты, можетъ, хотѣлъ въ гусары поступить, да не поступилъ. Что усы сѣдые отростилъ, такъ и гусаръ!

Онуфрій. Уважаю васъ, матушка, Зинаида Николавна, душевно уважаю, — потому и спорить не смѣю (*цѣлуетъ ея руку*).

Зинаида. Еще бы смѣлъ! Лжетъ, да спорить хочетъ. Каковъ? Ты не виляй лучше, говори: съ чего вырядился?

Онуфрій. Докладывалъ я вамъ, матушка, Зинаида Николавна, отчего мнѣ не принарядиться? Теперь — погодка у насъ тоже прекрасная стоитъ. У васъ опять

племянницы, дѣвицы взрослыя, — нельзя же въ чемъ попало ходить — садъ у насъ общій.

Зинаида. Ужъ не свататься ли хочешь?

Онуфрій. Я ничего.... такъ, къ слову сказалъ.

Зинаида. Опять плести началъ! О племянницахъ прямо скажу: Лизавета просватана, женихъ только въ отлучкѣ; а Ольга не пойдетъ, не нынче — завтра объявимъ невѣстой.

Онуфрій. Такъ-съ; жениха только на примѣтѣ, кажется, нѣту.

Зинаида. А Сухотинъ на что?

Онуфрій (*смѣясь*). Нашли жениха!

Зинаида. А чѣмъ не женихъ?

Онуфрій. Вонъ у сосѣда сынъ-гимназистъ есть, его лучше въ женихи возьмите. Сухотинъ вашъ немного постарше.

Зинаида (*съ сердцемъ*). Не за тебя-ль отдать? Что она—перестарокъ что-ли, чтобъ за старичишку, за старичишку за дряхлаго идти? Молоды, другъ друга любятъ, денегъ дамъ, — чего-жъ еще?

Онуфрій. Жи-и-идокъ онъ очень.

Зинаида. Что?

Онуфрій. Жи-и-идокъ, вотъ что говорю.

Зинаида. Ишь ты, что самъ толстъ, такъ и всѣмъ въ ширину лѣзть? Молчи лучше!

Онуфрій. Я молчу. Мы молчимъ, да дѣлаемъ. Болтуны намъ не опасны.

Зинаида. Самъ-то ты первый болтунъ и есть. Чѣмъ понравиться хочешь? Нарядомъ что-ли?

Онуфрій (*молодцовато*). Мы знаемъ чѣмъ угодить.

Зинаида. Чѣмъ? говори!

Онуфрій. Говорить не смѣю, конфузить будете. Уважаю васъ, матушка, Зинаида Николавна,—душевно, можно сказать, уважаю, а потому молчу.

Зинаида. Приказываю такъ говори. Я слушать стану, говори.

Онуфрій. Извольте, матушка, Зинаида Николавна, не смѣю ослушаться. Сами вы изволили молоденькой быть, такъ не вамъ спрашивать: чѣмъ угодить.

Зинаида. Я-то знаю, да ты знаешь-ли?

Онуфрій. Гдѣ намъ знать! — мы не знаемъ, а слышали, что внимательность молодыя дѣвицы любятъ.

Зинаида. Это правда.

Онуфрій (*гордо и хвастливо*). То-то-съ что правда. А давече все: лжешь, да лжешь. Нѣтъ, матушка, я видно еще не совсѣмъ изъ ума выжилъ. Ну-съ, слушать теперь повнимательнѣе извольте. Я ко всему присматриваюсь, да прислушиваюсь. Ольга Павловна какъ-то при мнѣ на счетъ цвѣточковъ замѣтили, что любятъ, — я букетецъ изготовилъ. Книжкой онѣ тоже позаняться любятъ, — я книгъ досталъ, Юрія Милославскаго. Отличная книжка.

Зинаида. Станетъ она читать! Нынче такихъ не любятъ.

Онуфрій. Помилуйте! Пресмѣшная книжка. Тамъ описано, какъ Юрій-то Милославскій поляка гусемъ накормилъ — умора! Всего вѣдь съѣлъ! Ха, ха, ха! (*заливается*).

Зинаида. Тебѣ гдѣ ѣдятъ да пьютъ описано— то и хорошо.

Онуфрій (*будто не слыхавъ*). Молодецъ этотъ Милославскій! Гусаръ, настоящій бурцовскій гусаръ!

Зинаида (*строго*). Опять гусаръ!

Онуфрій. Да вѣдь я не про себя. Я говорю, былъ у насъ гусаръ Бухтинъ, такъ тотъ еще раньше Милославскаго такую штуку сдѣлалъ, только не съ полякомъ, а съ жидомъ. Съ него и списано.

Зинаида. Охъ, все ты лжешь (*качаетъ головой*).

Ольга (*отворяя окно*). Тетушка, тетушка, подите сюда!

Зинаида. Стара я—бѣгать-то. И сама можешь придти.

Ольга. Да нельзя. Я на котенка звала васъ посмотрѣть. Какъ онъ бѣгаетъ! Уморительно!

Зинаида. Вы лучше сами сюда съ Лизой приходите. Мнѣ скучно одной въ саду. Да чулокъ мой захвати.

Ольга. Сейчасъ (*затворяетъ окно*).

Онуфрій Петровичъ собирается уходить.

Зинаида. Ты куда это?

Онуфрій (*мнется*). Такъ-съ.... надо....

Зинаида (*ядовито*). За цвѣточками? Ну ступай, гусаръ, иди! Волочись, волочись, пока ноги волочишь. Скоро совсѣмъ откажутся служить.

Онуфрій. Мы кое-что знаемъ, но.... уважаю васъ, матушка....

Зинаида (*перебивая*). Ты съ уваженьемъ-то постой! Нѣтъ, — видѣлъ, какъ тебя любятъ-то? Ты тутъ стоялъ, да выверты ногами дѣлалъ, а она хоть-бы замѣтила! Ну, гусаръ, ступай, ступай за цвѣточками!

(*Онуфрій Петровичъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Зинаида Николавна (одна, садится подъ деревомъ).

Экой старикъ-то блажной! За мной эдакой же франтъ волочился — давно ужь — лѣтъ 50 будетъ — ну, я его отдѣлала. А нынѣшніе не съумѣютъ. Гдѣ! Нѣту въ нихъ этого. Ни пѣсень, ничего не знаютъ. Танцовать—и то не любятъ (*машетъ рукой*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Зинаида Николавна; Лиза съ шитьемъ и **Оля** входятъ и садятся потомъ также подъ деревомъ.

Оля. Вотъ, тетушка, вашъ чулокъ (*подаетъ*). Нѣтъ, Лиза, ты за него лучше не заступайся! Заставляетъ цѣлые пять дней сидѣть безъ дѣла! Я ему прямо скажу, что это скучно, скучно и несносно даже!

Зинаида. Кто-жъ тебя безъ дѣла сидѣть заставляетъ? Принялась бы за шитье. Вотъ Лиза—молодецъ: всегда за работой.

Оля. Ахъ, тетушка, перестаньте, пожалуйста!.. Это наконецъ скучно. Я очень хорошо знаю: Лиза умница, а кошка дура, и Оля тоже дура.

Лиза. Ахъ, Оля!

Оля. Я дурочка; я ничего не знаю: ни шить, ни вязать.

Зинаида. Лѣнива ты очень, а нельзя сказать....

Оля (*перебивая ее*). Ахъ, сдѣлайте одолженіе, тетушка, не хвалите меня! Я знаю, что я дура. Ну, скажите, ради Бога, скажите: вѣдь я дурочка?

Зинаида. Перестань, пожалуйста! Ровно двѣнадцати-лѣтняя какая?

Оля. Я дурочка, я двѣнадцати-лѣтняя, я ничего не знаю. (*Подходитъ къ Лизѣ*) Вотъ Лиза—умница, скромница! Дай, я тебя поцѣлую, Лизанька!

Лиза. Вѣдь я просила тебя, Оля, не дѣлать этого.

Оля. Ну, я шутя. Простите, простите же меня.

Лиза. Ахъ, отстань, пожалуйста!

Оля. А, не хочешь, сердишься? хорошо же! (*садится и будто говоритъ сама съ собой*) вотъ ты какая глупая дѣвочка, Оля: ничего не дѣлаешь, всѣмъ надоѣдаешь; злая, вѣтреница, глупая! Тетушка тебя не любитъ; Лиза тебя не любитъ; никто тебя не любитъ. Ахъ, стыдно, Оленька, стыдно!

Зинаида (*Лизѣ*). Съ чего это она?

Оля (*такъ-же*). Вотъ прежде хоть Сухотинъ слушался меня, а нынче пересталъ. Пять дней не былъ.

Зинаида. Вотъ оно что! Давно бы сказала.

Оля. Вы думаете, мнѣ его надо, — ошибаетесь. Онъ мнѣ книгу обѣщалъ принести — вотъ и все. Мнѣ книгу надо, а не его. Хоть бы прислалъ, противный!

Зинаида. Ты-бы давно сказала; я послала бы въ городъ за книгой.

Оля. Ахъ, тетушка, оставьте меня въ покоѣ! Что вамъ за дѣло? Я сама съ собою говорю.

Зинаида. Извините, мать моя; я думала со мной. (*Помолчавъ*) Нѣтъ, Оля, это ни на что не похоже: что дальше—ты капризнѣе становишься.

Оля. Я ужъ это знаю, тетенька.

Зинаида. Повѣрь моему слову: будешь такъ привередничать, толку не будетъ. Всѣ отъ тебя отступятся. И замужъ никто не возметъ. Много у насъ молодежи перебывало, да всѣ отстали. И Сухотинъ... походитъ, походитъ да и броситъ. Не за Онуфрія же, прости Господи, тебѣ идти.

Оля. А вотъ нарочно за дѣдушку Онуфрія выйду. На зло вамъ выйду.

Зинаида. Полно вздоръ-то молоть!

Оля. Вовсе не вздоръ. Онъ добрый такой, услужливый, милый. Я его люблю.

Лиза. А давече Сухотина любила?

Оля. Кто это вамъ сказалъ?

Лиза. Ты сама; какъ не былъ онъ это, тетушка, такъ она и утромъ-то, и вечеромъ, все пристаетъ ко мнѣ: «гдѣ Сухотинъ? отчего не пришелъ? да скоро-ли будетъ?» Вчера даже плакала.

Оля. Вовсе нѣтъ; я шутила.

Лиза. И плакала шутя?

Оля. Конечно, шутя,—или съ досады, что книгъ не принесъ, а вовсе не отъ любви. Я его терпѣть не могу; я дѣдушку люблю, мнѣ его имя нравится, я его Нушей буду звать. Нуша, милый Нуша, дѣдушка Нуша!

Зинаида. Охъ, Оля, любишь ты кататься, какъ то саночки будешь возить.

Оля. Вовсе не буду возить! Ужъ если на правду пошло, такъ я никого не люблю. Никого—и замужъ не хочу! (*поетъ*)

Не хочу я, не хочу,
Никого я не хочу!

Лиза. Хочешь, я это Сухотину скажу?

Оля. Говори сколько хочешь; я и сама скажу. Какая невидаль: Сухотинъ! Я и безъ него найду.

Зинаида. Такъ вотъ и нашла.

Оля. Отчего же нѣтъ, тетушка? Будто трудно влюбить въ себя? Вы думаете, я не съумѣю? Не хороша собой? Да, я не хороша, а миленькая; я это знаю—я слышала, какъ въ публикѣ гдѣ идешь, такъ сзади говорятъ: «какая миленькая!», «погляди, какая миленькая!»

Зинаида. Горда ты очень. Поплатишься за это.

Оля. Развѣ это гордость, тетушка? это—правда.

Зинаида. Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла.

Оля. Кто эта кошечка? Не вашъ ли Сухотинъ? Извините! Я сама кошечка; онъ самъ говорилъ мнѣ: «вы славно царапаться умѣете».

Лиза. Покуда не больно царапаешь, онъ и играетъ съ тобою, а тамъ....

Оля. А тамъ опять приласкаю.

Лиза. Ты шутишь любовью, Оля. Гляди! не шали огнемъ!

Зинаида. Да, да, правда, Лиза. Сама обожжешься.

Оля (*Лизѣ*). Что-же по вашему любить что-ли? Серіозничать, сидѣть нахохлившись, вздыхать. Вотъ такъ! (*показываетъ какъ*). Смѣшно смотрѣть! Вѣдь у тебя женихъ уѣхалъ, такъ ты и скучай. А мой Александръ только пять дней не былъ. Ты люби по своему, а я по своему буду.

Лиза. Ахъ, Оля, все ты глупости болтаешь.

Оля. Какія глупости? Я васъ учу жениха любить, а по вашему это глупости. (*Помолчавъ*) Ахъ, тетушка, какъ она его любитъ! Знаете, ходитъ по спальнѣ вечеромъ и повторяетъ его слова. Потомъ присядетъ, задумается, милая, и долго сидитъ и шепчетъ что-то. Я разъ подслушала; она сидитъ и будто узоръ разсматриваетъ, а сама все твердитъ: «любитъ ли онъ меня? не забылъ ли?»

Зинаида. Ахъ, вы, дѣти, дѣти!

Оля (*задумчиво*). Ты умѣешь любить, Лиза; я люблю когда кто такъ любитъ: тихо, мирно. Хорошо; право, хорошо. Вотъ я, глупая, не умѣю такъ; это не хорошо. Знаете что, тетушка, я исправлюсь: буду кроткая, перестану капризничать; хотите, тетенька, я исправлюсь?

Зинаида. Посмотримъ, посмотримъ!

Оля. Видите, какая вы злая, ma tante. Я хочу исправиться, а вы не вѣрите.

Зинаида. Посмотримъ, говорю тебѣ.

Оля. Опять посмотримъ! Вотъ пусть Сухотинъ придетъ: увидите! Я его приму ласково, не такъ какъ прошлый разъ; въ прошлый разъ я его помучила-таки, бѣднаго! А нынче?—нынче я его приласкаю, поцѣлую даже.

Зинаида. Часъ отъ часу не легче. То бранишь, то цѣловать хочешь!

Оля. Вы все не вѣрите; хорошо, я буду опять капризничать, ничего не хочу дѣлать!

Зинаида. Охъ, Оля, Оля! Смѣхъ съ тобой и горе!

Оля. Смѣйтесь, вы не любите меня.

Зинаида. Полно, пожайлуста, надоѣла ты мнѣ; пойду, чтобъ не видать твоихъ капризовъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оля и Лиза.

Оля. Разсердилась! (*задумывается, потомъ подходитъ къ Лизѣ*). Лизанька, хоть ты, душечка, не сердись на меня! Вѣдь это у меня такой глупый характеръ! Я всѣхъ васъ люблю—и его люблю.

Лиза. То то.

Оля. Да, я люблю его. Онъ такой умный! Дай, Лиза, я тебя поцѣлую, крѣпко поцѣлую (*цѣлуетъ*).

Знаешь, Лиза, вѣдь это я не тебя цѣловала, это я—его. Вотъ, зачѣмъ его нѣтъ теперь? Я бы его приласкала, и вчера бы тоже приласкала. Самъ виноватъ, что не пришелъ. А то придетъ, когда я—сердитая. Вѣдь я его не нарочно сержу; а такъ, по глупости.—Лиза, какъ ты думаешь, любитъ онъ меня?

Лиза. Любитъ.—А какъ ты думаешь, Оля...

Оля. Что?

Лиза. Скоро онъ пріѣдетъ?

Оля. Женихъ-то твой? Скоро, скоро; вѣдь онъ тебя любитъ. Что-жъ ты покраснѣла? Экая дурочка, ты-бы радовалась этому...

Лиза. Ахъ, Оля! (*цѣлуетъ ее*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Ѳеня.

Ѳеня. Лизавета Михайловна, пожалуйте къ барынѣ.

Оля. Я пойду съ тобой, Лиза; я обидѣла тетушку; попрошу у нея прощенія. Я стала теперь добрая такая. Ѳеня, я тебя давече побранила; прости меня, я по утру была злая, а теперь я добрая. Поцѣлуй меня, Ѳеня (*цѣлуетъ ее*). Идемъ же къ тетушкѣ, Лиза.

(*Уходятъ всѣ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чрезъ нѣсколько времени входитъ Сухотинъ.

Сухотинъ (*одинъ, въ волненіи*). Нѣтъ, сегодня добьюсь толку. Мнѣ надоѣло это положеніе: вѣчная лихорадка, вѣчныя ожиданія; боишься и надѣешься, и опять боишься! Странная дѣвушка! Чудная дѣвушка! Влечетъ за собою, и уходитъ отъ тебя, — и уходя манитъ за собою и грозитъ въ тоже время. Сколько разъ я хотѣлъ ее бросить! Но одна ласка ея — и я опять связанъ, спутанъ, глупъ; бѣгаю за ней какъ собаченка. Что она... шутитъ? играетъ? смѣется? Что-жъ она... кокетка? бездушная?—Но отчего-жъ я, зная это, бѣгаю за нею?—Господи! Нѣтъ, сегодня я скажу ей: если любите, скажите прямо. И если она не станетъ отвѣчать, станетъ опять вертѣть мною — я брошу ее. Рѣшено. Стыдно играть въ любовь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сухотинъ и Онуфрій Петровичъ, выходитъ отъ себя, съ огромнымъ букетомъ.

Онуфрій (*не замѣчая Сухотина*). Теперь, подожду здѣсь и представлю съ изъясненіемъ (*увидя Сухотина*, a parte)... Ахъ, чортъ возьми! (*вслухъ, сухо*) Здравствуйте (*прячетъ букетъ за спину*).

Сухотинъ. Здравствуйте! (a parte) Нелегкая принесла!

Онуфрій. Вы давно здѣсь?

Сухотинъ. Сейчасъ пришелъ.

Онуфрій. А вчера были?

Сухотинъ. Странно, что вы спрашиваете вы здѣсь живете!

Онуфрій. Такъ-съ. Ольгу Павловну не видали?

Сухотинъ. Я уже докладывалъ вамъ, что сейчасъ пришелъ.

Онуфрій. Слышалъ (*отходитъ къ столу, снимаетъ шляпу, кладетъ въ нее букетъ—и затѣмъ, подходя къ Сухотину, принимаетъ важный тонъ и позу, а въ теченіи разговора горячится все больше и больше*). Частенько вы сюда похаживать изволите!..

Сухотинъ (*слегка насмѣшливо, все время*). Какъ случится.

Онуфрій. Часто случается, сударь,—вотъ что.

Сухотинъ. А вамъ что?

Онуфрій. Живу здѣсь—и радъ бы не видѣть, да глаза глядятъ.

Сухотинъ. Мнѣ кажется, вамъ ни тепло, ни холодно.

Онуфрій. Кажется! *вамъ*, сударь, такъ кажется! А мнѣ другое кажется.

Сухотинъ. Впрочемъ, это до васъ не касается.

Онуфрій. Я другъ здѣшняго дома.

Сухотинъ. Можетъ быть.

Онуфрій. Не можетъ быть, сударь, *а есть*.

Сухотинъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Онуфрій. Прошу васъ оставить этотъ насмѣшливой тонъ.

Сухотинъ. Какъ умѣю, такъ и говорю.

Онуфрій. Притомъ, я люблю Ольгу Павловну, какъ родную дочь.

Сухотинъ. Это дѣлаетъ честь вашей чувствительности.

Онуфрій. Во второй разъ, прошу васъ оставить этотъ насмѣшливый тонъ.—Теперь я изложилъ вамъ все—и потому, надѣюсь, имѣю право васъ спросить: зачѣмъ вы здѣсь бываете такъ часто? какія ваши относительно этого дѣла намѣренія?

Сухотинъ. Право-же, это до васъ не касается. Вотъ я васъ не спрашиваю: для кого вы приготовили этотъ букетъ! какія ваши относительно вонъ того букета намѣренія?

Онуфрій (*строго*). Относительно чего?

Сухотинъ. Относительно вонъ того букета.

Онуфрій. То-то съ. Я, батюшка, старый гусаръ и шутить надъ собою не позволю! слышите?

Сухотинъ. Слышу, слышу! Напрасно кричать изволили.

Онуфрій. Да-съ. Я не позволю оскорблять себя. За честь свою постою.

Сухотинъ. На дуэль хотите вызвать?

Онуфрій. Покуда нѣтъ. А вотъ я васъ еще разъ спрошу: зачѣмъ вы сюда ходить изволите? Смотря по отвѣту, можетъ и вызову.

Сухотинъ. Чтобъ не сердить васъ, отвѣчу прямо: я люблю Ольгу Павловну и намѣренъ на ней жениться.

Онуфрій. Вы? жениться? Въ *ваши* лѣта?

Сухотинъ. Что-жъ? я еще не старъ. Вотъ въ *ваши* лѣта я и не подумаю о женитьбѣ.

Онуфрій. Мои лѣта! Почемъ вы знаете мои лѣта? На крестинахъ что-ли у меня были?

Сухотинъ. Вамъ очень хорошо извѣстно, что этого, къ сожалѣнію, не могло случиться.

Онуфрій. Въ третій разъ и послѣдній, прошу васъ оставить этотъ насмѣшливый тонъ. Я вамъ въ отцы гожусь.

Сухотинъ. Вотъ буду жениться—непремѣнно позову васъ въ посаженые отцы.

Онуфрій. Въ посаженые отцы! (*въ сторону, но громко*) Мои лѣта! мальчишка, у котораго на губахъ молочишко еще не обсохло! Мои лѣта! въ посаженые отцы!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Оля.

Оля (*входя*). Что тутъ за шумъ? Ахъ, это вы, дѣдушка, развоевались?

Онуфрій (*про себя*). Мои лѣта! дѣдушка! (*идетъ за букетомъ*).

Оля (*скрывая радость*). Ахъ, Александръ Иванычъ, здравствуйте! Наконецъ-то! (*жметъ ему руку*).

Онуфрій (*подходя съ букетомъ*). Вотъ-съ....

Оля. Ахъ, какой славный букетъ! Кому это?

Онуфрій. Отгадайте.

Оля. Тетѣ?

Онуфрій. Лѣтъ тридцать назадъ, я точно подносилъ такіе букетцы вашей тетушкѣ, а теперь — ха, ха, ха! — старенька стала.

Оля. А! значитъ, молоденькой? Лизѣ?

Онуфрій (*сладко*). Нѣтъ съ, не угадали.

Оля (*притворно*). Кому же?

Онуфрій (*еще слаще*). Вамъ-съ.

Оля. Мнѣ? Можете за это ручку поцѣловать (*беретъ букетъ—и подавая руку, которую Онуфрій Петровичъ цѣлуетъ съ жаромъ, оборачивается къ Сухотину*). Вотъ посмотрите, какъ дѣдушка любезенъ. Садитесь!

(*Всѣ садятся*).

Сухотинъ (*садясь*). Это упрекъ мнѣ?

Оля. Вы, кажется, разсердились? Такъ давно не были и....

Сухотинъ (*поспѣшно*). Ольга Павловна, извините, я совершенно....

Оля. Слушаю-съ! Отъ разсѣянности вѣрно?—Васъ что-то не видно. Ужъ не влюблены ли вы? (*пристально смотритъ на него*).

Сухотинъ (*значительно*). Да, можетъ быть.

Оля. Въ кого, смѣю спросить?

Сухотинъ (*также*). Это секретъ покуда; я вамъ послѣ скажу.

Оля. Отчего-жъ не теперь?

Сухотинъ. Мы не одни.

Онуфрій. Если я мѣшаю, то....

Оля. Помилуйте, дѣдушка, чѣмъ вы можете мѣшать? (*Сухотину*) Давненько вы, Александръ Иванычъ, не были у насъ. Забыли насъ.

Сухотинъ. Извините, я....

Оля. Да, дней десять, если не больше.

Онуфрій (*всторону, злобно*). Всего-то пять дней.

Сухотинъ. Я думалъ, что я здѣсь лишній.

Оля. Что это значитъ «лишній?»

Онуфрій (*всторону*). А, ссора начинается! послушаемъ.

Сухотинъ. Вспомните тотъ вечеръ: вы, кажется, выразились ясно.

Оля. Какъ вы злопамятны! Я вѣдь шутила.

Сухотинъ. Странныя шутки—мучить другаго.

Оля. Вѣдь я котенокъ—сами сказали.

Сухотинъ. Но мнѣ вовсе не хотѣлось-бы быть мышонкомъ.

Оля. Вы просто злой человѣкъ, оттого и думаете, что я все нарочно дѣлаю.

Сухотинъ. Какъ-же мнѣ думать иное?

Оля. Оставьте; прежде вы были не такимъ.

Сухотинъ. Можетъ быть, но и вы были не такая.

Оля. Я всегда одинакова.

Сухотинъ. Нѣтъ; мнѣ казалось....

Оля. Что вамъ казалось?

Сухотинъ. Что вы были ласковѣе, привѣтливѣе, что-ли. Но что объ этомъ? Чтó было, то прошло. Притомъ-же мнѣ это только *казалось.*

Оля. Вотъ чтó!

(*Молчаніе*).

Онуфрій (*всторону*). Молчи, Онуфрій, и ты! Выжидай. И на твоей улицѣ будетъ праздникъ.

Оля. Отчего вы вчера не были?

Сухотинъ. Виноватъ, то есть я собственно не виноватъ...

Оля. А кто-же?

Сухотинъ. Меня затащили на вечеръ къ Николаю Сергѣичу.

Оля. Да; у него, говорятъ, хорошенькая дочка.

Сухотинъ. Очень.

Оля. Ну да, очень. У нея голубые глаза, чорные волосы; она красавица.

Сухотинъ. Что-жъ изъ этого?

Оля. Ничего; только вы у насъ вчера не были.

Сухотинъ. Вы кажется ревнуете?

Оля. Помилуйте! съ какой стати! ходите, влюбляйтесь, женитесь на ней... какъ ее?—Ахъ, кстати, книгу принесли?

Сухотинъ. Книгу? какую?

Оля. Прекрасно! онъ даже и это позабылъ. Вотъ что значитъ голубые то глаза. (*Передразнивая его*) Книгу? какую?.. Валентину Жоржа Занда — вотъ какую (*встаетъ*).

Сухотинъ (*вставая и идя за ней*). Боже мой! Ольга Павловна!

Оля (*оборачиваясь*). Александръ Иванычъ?

Онуфрій (*вставая, всторону*). Куй желѣзо, пока горячо! (*Подходя къ Ольгѣ Павловнѣ*) Если вамъ книжекъ угодно, я могу вамъ представить. У меня отличнѣйшая.

Оля (*перебивая его*). Ахъ, дѣдушка, голубчикъ, миленькій, пожалуйста! (*Сухотину*) Вотъ, Александръ Иванычъ, берите примѣръ. Вотъ что называется любезностью.

Сухотинъ. Очень радъ, что и безъ меня у васъ есть кавалеры-прислужники.

Оля. Да-съ; я люблю услужливыхъ. Это похвально—быть любезнымъ.

Сухотинъ. Я глубоко цѣню похвальныя качества Онуфрія Петровича.

Онуфрій (*подступая къ нему*). Г-нъ Сухотинъ, вы еще очень молоды.....

Сухотинъ (*кланяясь*). Я это очень хорошо знаю.

Оля (*Онуфр. Петр.*). Что-жъ вы стоите? Обѣщали книгу и стоите? Ахъ, вы, дѣдушка, дѣдушка! Гдѣ ваша шляпа? А, вотъ она! (*беретъ со стола шляпу и надѣваетъ ему на голову*) Ступайте-же, ступайте!

Онуфрій. Сейчасъ. Она у сосѣда. Я сію минуту.

Оля. Дѣдушка, миленькій! Нате за это ручку поцѣлуйте (*даетъ ему руку*).

Онуфрій (*цѣлуя руку*). Ольга Павловна, я чувствую, очень чувствую.

Оля. Да ступайте-же!

Онуфрій (*сладко*). Я вамъ послѣ.... все....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Оля и Сухотинъ.

Сухотинъ. Какъ вы разлюбезничались! Что-жъ? Любезность за любезность (*отъ злости прохаживается*).

Оля. Это что? Я думала вы спасибо скажете, что я прогнала его, а вы....

Сухотинъ (*не слушая ее*). Изъ за книги, изъ за прихоти, вы готовы разсориться на вѣкъ! Втоптать человѣка въ грязь—и передъ кѣмъ-же? передъ дряннымъ старичишкой. Благодарю васъ, Ольга Павловна, благодарю!

Оля. А, такъ вы вотъ какъ! хорошо-же. Сидите-же одинъ въ саду. Я вотъ пойду, дѣдушкинъ букетъ въ воду поставлю. А то придетъ да разсердится.

Сухонинъ. Прощайте! не смѣю мѣшать вамъ.

Оля. Куда-же вы? Посидите! я сейчасъ.

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сухотинъ, одинъ, потомъ Лиза.

Сухотинъ. Это ни на что не похоже! Уйду и я. Я не былъ пять дней, пришелъ объясниться—и она встрѣчаетъ меня глупыми выговорами, шутками! Она не любитъ меня—это ясно (*хочетъ уйти*).

Лиза (*входя*). Александръ Иванычъ, куда вы? Что у васъ вышло?

Сухотинъ. Ничего-съ, Лизавета Николавна,—она не любитъ.

Лиза. Не правда, Александръ Иванычъ, не правда! она любитъ васъ. Вы ее обидѣли; она теперь плачетъ.

Сухотинъ. Это капризъ. Нѣтъ, мнѣ не зачѣмъ оставаться. Скажите ей, я любилъ ее.

Лиза. Александръ Иванычъ, останьтесь.

Сухотинъ. Нѣтъ, ни за что.

Лиза. Ну, не стыдно-ли вамъ ссориться изъ пустяковъ?

Сухотинъ. Какіе пустяки, Лизавета Николавна! я говорю вамъ: она меня не любитъ. Прощайте!

Лиза. Погодите, я все устрою.

Сухотинъ. Можетъ быть; только не удерживайте меня. Прощайте!

(*Уходитъ*).

(*Окончаніе въ слѣд. №*).

О всероссійской мануфактурной выставкѣ.

(*Продолженіе*).

На этотъ разъ мы хотимъ побесѣдовать о весьма важномъ русскомъ изобрѣтеніи, сдѣланномъ въ нашей сѣверной столицѣ, которому предстоитъ играть громадную роль въ морской техникѣ —и во многомъ измѣнить или расширить естественно-научныя свѣдѣнія о строеніи морскаго дна и жизни обитателей моря.

Вѣроятно, многимъ изъ нашихъ читателей случалось имѣть въ рукахъ любопытную книгу Жюля Верна «Vingt mille lieues sous les mers» (двадцать тысячь миль подъ водою). Этотъ фантастическій разсказъ, основанный на изобрѣтеніи г. Базеномъ «подводнаго освѣщенія», представляетъ—въ формѣ вымышленнаго путешествія на небываломъ еще подводномъ кораблѣ—всѣ чудеса подводнаго міра съ точки зрѣнія современной науки. Подводный электрическій фонарь г. Базена, изобрѣтенный имъ въ 1859 г. и извѣстный подъ названіемъ lanterne Jego-Bazin (такъ какъ первая идея принадлежитъ г. Jego d'Auray),—имѣетъ однако весьма существенные недостатки, обусловливающіе малопримѣнимость его на практикѣ.

Снарядъ Жего-Базена, во первыхъ, слишкомъ дорогъ (устройство его обходится не менѣе 12 — 15 000 франковъ); во-вторыхъ, электричество производящее въ немъ свѣтъ—въ то же самое время дѣлаетъ его чрезвычайно опаснымъ, и малѣйшая неосторожность можетъ стоить жизни водолазу-рабочему, спускающемуся съ такимъ фонаремъ на дно морское; въ третьихъ, снарядъ этотъ очень тяжелъ и объемистъ (онъ вѣситъ около 40 пудовъ и неудобопереносимъ). Наконецъ, во время бури чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно произвести электрическій токъ, что дѣлаетъ фонарь г. Базена почти неприменимымъ.

Россіи выпала честь изобрѣтенія чрезвычайно практическаго водолазнаго снаряда, во всѣхъ отношеніяхъ превосходящаго вышеописанный. Изобрѣтатель, полковникъ фонъ-деръ-Вейде, хранитель музея перваго Павловскаго военнаго училища, устроилъ свой аппаратъ (названный «Нептуновымъ фонаремъ») такимъ образомъ, что освѣщеніе производится газомъ, образующимся въ самомъ фонарѣ и сгарающимъ на спиртовой лампѣ; свѣтъ его отражается сильнымъ рефлекторомъ, сквозь двояко выпуклое стекло, и освѣщаетъ подводную глубь на значительное пространство. Фонарь снабженъ двумя гуттаперчевыми трубками для водорода и кислорода, а также спиральною гуттаперчевою кишкою для притока воздуха, верхніе концы которыхъ находятся на кораблѣ или на маякѣ, съ котораго опускается фонарь. Тяжелая гиря внизу аппарата удерживаетъ его въ вертикальномъ положеніи. На выставкѣ опыты съ «Нептуновымъ фонаремъ» производятся въ гидравлическомъ бассейнѣ; на прилагаемомъ рисункѣ часть стѣнокъ бассейна недорисована, дабы показать его внутренность.

Бассейнъ помѣщается въ особомъ отдѣленіи съ антресолями вокругъ цилиндрическаго водоема. Зрители могутъ смотрѣть вглубь бассейна—или чрезъ край его съ антресолей, или снизу въ круглыя оконца устроенныя въ стѣнкахъ.

При работѣ съ нептуновымъ фонаремъ необходимъ особый водолазный костюмъ, снабженный снарядомъ для возобновленія воздуха, потребнаго рабочему для дыханія. Костюмъ этотъ состоитъ изъ непромокаемой куртки съ шараварами, башмаковъ на толстѣйшей подошвѣ, рукавицъ и мѣднаго шлема, въ который проведена длинная гуттаперчевая трубка для притока воздуха. Части костюма герметически сплочены между собою, такъ что вода никоимъ образомъ не можетъ проникнуть въ нихъ. Въ шлемѣ устроены два круглыя стеклянныя оконца противъ глазъ рабочаго, дабы онъ могъ обозрѣвать въ нихъ окружающую среду и дно морское. Выводъ воздуха уже испорченнаго дыханіемъ

производится помощію другой трубки, отверстіе которой помѣщено за спиною рабочаго. При помощи такого снаряда и тяжелыхъ гирь у пояса, рабочій совершенно безопасно спускается въ глубину бассейна, расхаживаетъ по дну его, освѣщенному нептуновымъ фонаремъ и кромѣ того еще сверху аппаратомъ г. Бутримовича, стучитъ молоткомъ, всплываетъ опять на поверхность воды и вновь погружается,—словомъ, хозяйничаетъ какъ у себя дома.

Польза и примѣненіе этого великаго изобрѣтенія чрезвычайно разнообразны и до сихъ поръ еще вполнѣ неисчислимы.

Корабль, застигнутый бурею вблизи берега, ежеминутно бросаетъ лотъ изъ боязни подводныхъ утесовъ и мелей; нептуновъ фонарь, освѣщая морскую глубь съ носа корабля, дастъ возможность кормчему видѣть ихъ въ очію. Случится ли наружное поврежденіе въ обшивкѣ корабля и откроется течь, при помощи подводнаго освѣщенія можно тотчасъ отыскать и исправить аварію, — что прежде возможно было только лишь по прибытіи въ портъ — и то приходилось поднимать корабль на плавучихъ докахъ.

Нептуновъ фонарь чрезвычайно упрощаетъ гидравлическія работы и постройки на днѣ рѣкъ, жемчужные и коралловые промыслы, отыскиваніе предметовъ потерянныхъ въ водѣ и поднятіе судовъ затопленныхъ на днѣ моря. До какой степени ясно различаетъ водолазъ предметы при подводномъ освѣщеніи — видно изъ опытовъ, которые были произведены въ Невѣ близь Стараго Адмиралтейства, причемъ рабочій отыскивалъ и доставалъ со дна рѣки (бросаемыя туда съ набережной) серебряную сахарницу, чайныя ложки и проч. Наконецъ одинъ изъ членовъ коммиссіи погрузилъ на самое дно рѣки планку съ чертою проведенной карандашомъ; рабочему приказали спуститься туда же и воткнуть гвоздь въ самую линію черты, что и было исполнено имъ въ точности.

А какое богатое поле для изысканій зоологическихъ, ботаническихъ, минералогическихъ и геологическихъ открываетъ подводное освѣщеніе естествоиспытателю, которому три четверти земнаго шара, покрытыя водами, до сихъ поръ были почти совершенно недоступны! Въ заключеніе скажемъ, что нынѣ, когда военные корабли все болѣе и болѣе преобразуются въ мониторовъ, которыхъ броня противустоитъ дѣйствію ядеръ, — наука стремится открыть секретъ подводнаго плаванія (потерянный въ одно время съ тайною греческаго огня), и быть можетъ недалеко время, когда фантастическое путешествіе Жюля Верна осуществится въ дѣйствительности, что совершенно немыслимо безъ Нептунова фонаря.

Это русское изобрѣтеніе раздѣлило судьбу всего русскаго — въ нашей журналистикѣ. Сначала его встрѣтили съ недовѣріемъ, потомъ старались уменьшить самое значеніе Нептунова фонаря, называя его старымъ изобрѣтеніемъ, сдѣланнымъ уже во Франціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ снарядъ полковника фонъ-деръ-Вейде ни по устройству, ни по достоинству не имѣетъ ничего общаго съ аппаратомъ Жего-Базена и превосходитъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Русскій нептуновъ фонарь стоитъ дешево, удобопереносимъ, совершенно безопасенъ и можетъ быть приводимъ въ дѣйствіе однимъ человѣкомъ, лишеннымъ даже элементарныхъ познаній, что никоимъ образомъ не можетъ имѣть мѣста при электрическомъ освѣщеніи Базена.

ВСЕРОССІЙСКАЯ МАНУФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА.
Гидравлическій бассейнъ. (Рисов. съ нат. Э. Вернеръ; грав. К. Вейерманъ).

(Продолженіе будетъ).

Новое изобрѣтеніе

Пневматическая желѣзная дорога.

Возьмемъ обыкновенный чубукъ, вставимъ въ него съ одного конца короткій круглый карандашъ (не слишкомъ плотно входящій въ каналъ чубука) и дунемъ какъ можно сильнѣе въ отверстіе канала,—карандашъ пролетитъ черезъ чубукъ по каналу и вылетитъ изъ противоположнаго отверстія. Теперь, представьте себѣ, читатель, что вмѣсто чубука передъ вами подземный круглый туннель 8-ми футовъ въ діаметрѣ и въ нѣсколько верстъ длиною, выложенный кирпичомъ и скрѣпленный цементомъ,—вмѣсто карандаша вообразите себѣ продолговатый вагонъ съ круглыми стѣнками,—а вмѣсто устнаго дуновенія, предположите, что на вагонъ давитъ сильный потокъ воздуха изъ громадной воздуходующей машины;—вотъ вамъ въ краткихъ словахъ изложеніе началъ, на которыхъ строится пневматическая (воздуходующая) желѣзная дорога въ Нью-Іоркѣ, которая будетъ вести почти черезъ весь городъ отъ такъ-называемой Баттареи до рѣки Гарлемъ.

Осуществляется это громадное предпріятіе съ тою

же геніальною простотою, которою отличается самое изобрѣтеніе.

Подземный туннель выкапывается во всю ширину заразъ, посредствомъ желѣзнаго пустаго цилиндра (тѣхъ же 8-ми футовъ въ діаметрѣ), съ заостренными краями передняго отверстія, а заднѣе отверстіе окружено толстымъ желѣзнымъ обручемъ, на который давятъ столбики поршней гидравлическаго пресса, упирающеіся съ другой стороны въ кирпичную обложку выкопанной уже части туннеля. Такимъ образомъ этотъ громадный цилиндръ подвигается впередъ и врѣзывается въ землю переднимъ отверстіемъ; вырѣзанный кругъ земли входитъ внутрь цилиндра, выбирается и выносится рабочими. Затѣмъ гидравлическіе столбики втягиваются назадъ, опустѣвшее пространство позади цилиндра, пройденное имъ при движеніи впередъ, вымащивается кирпичомъ до самаго гидравлическаго пресса. Столбики упираются въ новую кирпичную пристройку, составляющую продолженіе прежней, и двигаютъ цилиндръ далѣе, который снова подается впередъ врѣзываясь въ землю,—и т. д. шагъ за шагомъ выкапывается и вмѣстѣ обкладывается кирпичомъ весь туннель. Понятно, что, при громадномъ діаметрѣ цилиндра, масса вырѣзываемой земли было бы слишкомъ объемиста, для того чтобы онъ могъ глубоко проникать въ толщи земли и чтобы землю эту легко было выносить изъ цилиндра; поэтому, кромѣ рѣжущихъ краевъ круглаго отверстія, въ немъ подѣланы еще горизонтально поперечные желѣзные ножи, продолжающіеся полками внутри цилиндра, на которыхъ и остаются вырѣзываемые пласты земли. Само собой разумѣется, что первичныя работы т. е. выкопка вертикальной шахты въ глубь земли и потомъ начала самого туннеля на длину цилиндра—должны были производиться обыкновеннымъ способомъ и обошлись довольно дорого, такъ какъ туннель проходитъ на трехсаженной глубинѣ подъ улицею Бродвей.

Что касается воздушнаго давленія, то его производятъ посредствомъ громадной воздуходующей машины, приводимой въ движеніе паровою во сто лошадиныхъ силъ, и получаютъ такимъ образомъ воздушные потоки —до ста кубическихъ футовъ въ минуту, которые гонятъ вагонъ чрезъ весь туннель на противуположный конецъ его; когда же вагонъ достигнетъ того конца, потоку даютъ обратное направленіе, т. е. воздухъ начинаютъ втягивать въ машину, отчего въ туннелѣ образуется безвоздушное пространство, и наружное давленіе атмосферы на томъ концѣ туннеля гонитъ вагонъ назадъ.

Станціи и вагоны (на 18 человѣкъ пассажировъ), отдѣланы со всевозможною роскошью и удобствомъ, превосходно меблированы и освѣщаются лампами, такъ какъ о солнечномъ свѣтѣ и помину нѣтъ на подземныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Даже американская публика, какъ пишутъ въ Scientific American, не вѣрила въ это изобрѣтеніе и считала его пуфомъ, пока не послѣдовало открытіе части этой дороги, 26 февраля текущаго 1870 года,—и невѣрующіе могли собственнымъ опытомъ убѣдиться въ возможности переѣзда.

Американская пневматическая желѣзная дорога.

На прилагаемомъ рисункѣ слѣва изображенъ въ поперечномъ разрѣзѣ туннель, а справа—идущій въ немъ поѣздъ вагона также въ поперечномъ разрѣзѣ.

Въ вагонахъ пневматической желѣзной дороги помѣщается пока только по 18 пассажировъ. Когда же туннель будетъ достроенъ на всемъ протяженіи, вагонамъ дадутъ большій размѣръ—до 100 футовъ въ длину. Прорытіе туннеля временно пріостанавливали, для того чтобы публика и представители прессы могли осмотрѣть работы и убѣдиться въ осуществимости этого предпріятія. На станціи устроены весьма комфортабельныя, превосходно вентиллированныя и освѣщенныя комнаты для пассажировъ. Устье туннеля открывается непосредственно въ просторную залу, ста двадцати футовъ длины, въ которой пассажиры дожидаются прихода и отхода поѣздовъ.

Фельетонъ.

Два самозванца. — Ярославскій ревизоръ и Богородскій судебный слѣдователь. — Воспоминанія и раздумье по этому поводу.

Въ послѣднее время не мало насмѣшили весь грамотный людъ, читающій газеты, два случая мистификаціи предержащихъ властей, оставляющіе далеко за собою, по ловкости исполненія и дерзости замысла, всѣ похожденія незабвеннаго Ивана Александровича Хлестакова. Случаи эти такъ интересны и поучительны во многихъ отношеніяхъ, что мы считаемъ нелишнимъ—для увеселенія современниковъ и въ поученіе потомству—свести вкратцѣ все, что покуда извѣстно объ нихъ.

Первое, по времени, событіе происходитъ въ Ярославлѣ.

5-го мая, вечеромъ часу въ 11-мъ, неизвѣстный человѣкъ, пріѣхавъ на легковомъ извощикѣ въ богоугодныя заведенія ярославскаго губернскаго земства, заявилъ о себѣ швейцару больницы, что онъ министерскій чиновникъ изъ Петербурга и желаетъ обозрѣть больницу и отдѣленіе умалишенныхъ, къ чему и былъ допущенъ швейцаромъ безпрепятственно. Окончивъ, въ сопровожденіи прибывшаго немедленно смотрителя, осмотръ, неизвѣстный посѣтитель попросилъ смотрителя сопутствовать ему въ тюремный за́мокъ, куда они и прибыли вдвоемъ, въ 12-мъ часу ночи. На звонокъ караульнаго у наружныхъ воротъ за́мка, была отперта калитка, и въ то же время было донесено смотрителю острога о прибытіи петербургскаго чиновника, желающаго обозрѣть за́мокъ. Посѣтитель не встрѣтилъ и здѣсь ни малѣйшаго препятствія, и сопутствуемый двумя смотрителями обошелъ за́мокъ, не входя, впрочемъ, въ камеры арестантовъ, такъ какъ они уже спали, а заглядывая только въ дверныя отверстія. Во время этого осмотра мнимый ревизоръ предлагалъ смотрителю тюрьмы такіе вопросы, по которымъ можно было легко убѣдиться, что внутренній бытъ арестантовъ за́мка ему извѣстенъ до мелочей. Окончивъ обзоръ за́мка, таинственный незнакомецъ пригласилъ съ собою обоихъ смотрителей въ гостинницу, для объясненій по дѣламъ, по которымъ, какъ онъ сказалъ, онъ былъ командированъ министерствомъ,—и тѣ отправились съ нимъ, пили чай и закусывали... При посѣщеніяхъ, личность эта была въ вицмундирномъ фракѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но, увы! столь ласковый и благодушный начальникъ (онъ, говорятъ, всѣмъ видѣннымъ остался отмѣнно доволенъ и милостиво изволилъ благодарить обоихъ смотрителей) — оказался «калифомъ на одинъ часъ». Полиція, когда на другой день до нея дошелъ слухъ объ странной ночной ревизіи, начала слѣдить за героемъ похожденія, и сразу узнали птицу по-полету. Ревизору не менѣе тюрьмы и богоугодныхъ заведеній нравился повидимому буфетъ той гостинницы, гдѣ онъ остановился и бражничалъ съ гостепріимными смотрителями. И вотъ, когда на слѣдующее утро онъ изволилъ опохмѣляться, пропуская въ себя рюмку за рюмкой, зоркій глазъ полицейскаго, слѣдившаго за нимъ, былъ шокированъ грязными грубыми руками чиновника изъ Петербурга, не похожими на то, чтобы перо было ихъ единственнымъ орудіемъ,—а также уже совсѣмъ неприличной манерой, свойственной однимъ только пьяницамъ, сплевывать послѣ каждой выпитой рюмки. Раба Божія арестовали и вскорости распознали въ немъ одного крестьянина, незадолго передъ тѣмъ содержавшагося почти два года въ ярославской же арестантской ротѣ. Эта исторія, какъ видите, не имѣла никакихъ печальныхъ послѣдствій; другая же, однородная съ нею, сопровождалась большимъ матеріальнымъ ущербомъ для одного лица. Повѣствуется объ ней такъ:

14-го мая, въ 4 часа пополудни, къ квартирѣ пристава 3-го стана Богородскаго уѣзда, подкатила карета, запряженная четверней. Изъ кареты вышелъ мужчина съ портфелемъ въ рукахъ и вошелъ въ становую квартиру. На вопросъ его: гдѣ становой приставъ?—ему отвѣчали, что онъ отлучился и находится «на мертвомъ тѣлѣ». Пріѣхавшій назвалъ себя «исправляющимъ должность судебнаго слѣдователя при московскомъ окружномъ судѣ по особо важнымъ дѣламъ», барономъ Корфомъ. Узнавъ объ отсутствіи пристава, судебный слѣдователь немедленно послалъ ему письменное приглашеніе вернуться въ становую квартиру, для оказанія содѣйствія по важному и секретному дѣлу. Когда приставъ вернулся, нетерпѣливо ожидавшій его слѣдователь предъявилъ ему предложеніе прокурора московскаго окружнаго суда г. Громницкаго, въ которомъ изложена была сущность секретнаго порученія, касавшагося дѣла сокрытія скопческихъ капиталовъ,—затѣмъ показалъ и другую бумагу прокурора, которою полиціи вмѣнялось въ обязанность оказывать предъявителю всякое содѣйствіе. Судебному слѣдователю, какъ гласило прокурорское предложеніе, поручено было немедленно отправиться въ Богородскій уѣздъ, въ 3-й станъ, въ погостъ св. Петра и Павла,—и тамъ, въ домѣ купца Баринова, произвести немедленный обыскъ, опросить живущихъ въ домѣ, а затѣмъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ поступить на основаніи данныхъ инструкцій. Лошади были немедленно поданы, слѣдователь сѣлъ въ карету, пригласивъ съ собою и полицейскаго чиновника. Сзади, въ экипажѣ становаго пристава, помѣстились сотскіе—и все это полетѣло къ погосту Петра и Павла, чтобы застать врасплохъ обитателей дома Баринова. Дорогою баронъ Корфъ «не могъ отказать себѣ въ удовольствіи» высказать приставу полное свое сочувствіе за то энергическое содѣйствіе, которое этотъ полицейскій чиновникъ оказывалъ его предмѣстнику въ розыскахъ по дѣлу скопцовъ Кудриныхъ,—и такъ какъ въ бывшемъ съ мнимымъ слѣдователемъ портфелѣ находилась переписка по нѣсколькимъ скопческимъ дѣламъ, то онъ тутъ же въ присутствіи становаго пристава и прочитывалъ нѣкоторые документы изъ сказанныхъ дѣлъ. Былъ 10-й часъ вечера, когда слѣдователь, со становымъ приставомъ и другими спутниками, въѣхалъ въ обширную Обуховскую слободу, лежащую рядомъ съ погостомъ св. Петра и Павла. Остановивъ здѣсь на минуту лошадей и собравши понятыхъ, вся компанія подъѣхала наконецъ къ дому Баринова. Видя, что уже наступаетъ ночь, приставъ рѣшился напомнить слѣдователю, что, по закону, ночью обыскъ не производится. Но судебный слѣдователь сослался на статью закона, по которой обыскъ можетъ быть произведенъ и ночью, съ объявленіемъ лишь въ протоколѣ причинъ, побудившихъ слѣдователя прибѣгнуть къ этой чрезвычайной мѣрѣ. Войдя въ домъ купца Баринова, слѣдователь (какъ видно, уже заранѣе запасшійся свѣденіями о расположеніи комнатъ въ домѣ, а также и

о мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стоитъ сундукъ, составлявшій главную цѣль его поѣздки) сдѣлалъ нужныя распоряженія къ тому, чтобъ изъ дома никто не отлучился и изъ лицъ постороннихъ никто не вошелъ, — и затѣмъ, немедленно приступилъ къ допросу. Хозяинъ дома, купецъ Бариновъ, оказался очень пьянымъ — и допросъ начался съ его жены, вслѣдъ за которою допрошены были и остальные домашніе. Шумѣвшій въ это время хозяинъ, по требованію слѣдователя, былъ выведенъ въ заднюю комнату дома. Окончивъ допросъ, слѣдователь приступилъ къ составленію протокола о производствѣ обыска. Не видя денежнаго сундука на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно онъ стоитъ въ домѣ и гдѣ судебный слѣдователь ожидалъ его найдти, онъ обратилъ на это вниманіе жены Баринова и объявилъ ей, что сундукъ долженъ быть въ домѣ и что скрывать его было бы напрасно. Баринова въ отвѣтъ на это указала, гдѣ стоялъ на то время сундукъ; а ключи отъ него, хотя съ трудомъ, но удалось, послѣ настоятельныхъ убѣжденій пристава, получить отъ сопротивлявшагося властямъ Баринова. Затѣмъ деньги были вынуты, обслѣдованы не фальшивыя-ли они, запечатаны нѣсколькими печатями и взяты судебнымъ слѣдователемъ, который, уѣзжая въ обратный путь вмѣстѣ со становымъ приставомъ, далъ послѣднему письменное порученіе объ заарестованіи купца Баринова секретнымъ арестомъ при становой квартирѣ, а домашнихъ его приказалъ подвергнуть аресту на дому. Высадивъ пристава у становой квартиры, слѣдователь, имѣя въ виду, что принужденъ ѣхать ночью проселкомъ со значительною суммою арестованныхъ денегъ, попросилъ пристава дать ему сотскаго для сопровожденія его до села Чудинова, находящагося на шоссе. Въ Чудиновѣ сотскій былъ отпущенъ, и слѣдователь отправился далѣе въ Москву. Черезъ два дня послѣ этого оказалось, что мнимый баронъ Корфъ и судебный слѣдователь былъ никто иной, какъ ловкій, опытный и смѣлый мошенникъ. Все: бланки, слѣдственныя дѣла, предложенія, предписанія — все было фальшивое. Этотъ ловкій господинъ въ настоящее время уже арестованъ въ подмосковномъ селѣ Царицынѣ — и оказался нѣкіимъ Иванисовымъ, бывшимъ секретаремъ редакціи газеты «Совр. Извѣстія», уже заявившимъ себя нѣсколькими подвигами въ этомъ родѣ. Онъ арестованъ въ ту минуту, когда собирался, въ растопленной нарочно для того банѣ, перекрашивать свои бѣлокурые волосы въ темный цвѣтъ. При немъ найдена часть денегъ, похищенныхъ имъ у Баринова.

Эти два происшествія невольно приводятъ на память много другихъ, совсѣмъ на нихъ похожихъ и случившихся въ недавнее или *наше* время. Имена дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствія забылись, но всѣ вѣроятно помнятъ самыя событія, наприм. обыскъ, пропроизведенный въ одномъ раскольничьемъ московскомъ кладбищѣ цѣлой коммиссіей мошенниковъ, сопровождавшійся похищеніемъ большой суммы денегъ; смѣна одного казначея, настоящаго — другимъ, поддѣльнымъ, и сдача послѣднему всей суммы денегъ, хранившихся въ казначействѣ; открытіе мошенниковъ подъ видомъ усердныхъ и благонамѣренныхъ чиновниковъ, служащихъ уже нѣсколько лѣтъ и заслужившихъ довѣріе начальства — и много другихъ случаевъ. Всѣ такіе факты не безъ значенія; въ нихъ, если хотите, можно усмотрѣть нѣкоторое знаменіе времени. Знаменуютъ же они прежде всего прогрессъ въ мірѣ мошеннической промышленности, переходъ отъ грубыхъ формъ къ формамъ болѣе тонкимъ и цивилизованнымъ. Дѣйствовать по старому — пожомъ, ломомъ, физическимъ насиліемъ, — оказывается не только слишкомъ опаснымъ и труднымъ, но и ненужнымъ; это уже устарѣло. «Зачѣмъ» разсуждаетъ предположительно такой цивилизованный мошенникъ: «проникать мнѣ въ домъ робко и крадучись, когда я могу войдти въ него прямо и гордо? зачѣмъ трудиться отмычками и прочими снарядами надъ хозяйскими замками и затворами, когда съ помощью одного волшебнаго сказочнаго слова они сами отворятся и падутъ предо мною?» И надо отдать справедливость, что это слово, средство для мошенническихъ продѣлокъ по новому способу, найдено очень ловко. Орудіями обмана становится именно то, что̀ должно бы служить средствами противъ обмана. Новые мошенники вырываютъ у общества тѣ самыя средства, которыми оно защищалось отъ нихъ, и направляютъ ихъ противъ общественной и личной безопасности. Всѣ эти бланки, формы бумажныя и иныя — въ томъчислѣ, предписанія, предложенія, №№ и проч., — все это представляетъ собою рядъ предохранительныхъ мѣръ противъ возможности какихъ-либо недоразумѣній, превышеній власти, злоупотребленій однимъ словомъ. И онѣ-то, эти самыя гарантіи, въ рукахъ ловкихъ и опытныхъ «кавалеровъ индустріи», составляютъ орудія сильнѣйшія всякихъ топоровъ, револьверовъ: раскрываютъ передъ ворами, настежь, двери общественныхъ и частныхъ домовъ, заставляютъ жертву мошенническаго обмана почтительно и робко сгибаться, добровольно подставлять шею, выворачивать карманы и благодарить за вниманіе. Придумано артистически, — и еслибы можно было полагать, что открытіе это сдѣлано не путемъ практики, эмпирическимъ путемъ, а что мошенники дошли до него рядомъ соображеній, теоретически такъ-сказать, то нельзя было бы не признать за ними очень тонкаго наблюдательнаго ума и большаго изученія и знанія русскаго общества. Ловкіе люди вообще должны быть хорошими психологами: не изучивши инструмента человѣческой души, нельзя на немъ ловко и свободно импровизировать, — но въ поименованныхъ нами случаяхъ сказывается болѣе чѣмъ простое знаніе человѣка или людей вообще; здѣсь есть пониманіе той почвы, того общества, среди котораго новоизобрѣтшіеся мошенники раскидываютъ свою дѣятельность. Кому не извѣстно, что черта крайней почтительности къ властямъ или тому, что̀ является въ формахъ власти, въ свѣтѣ авторита, составляетъодну изъ существеннѣйшихъ чертъ нашего общества? Крупные и занимательные случаи, подобные разсказаннымъ въ сегодняшнемъ фельетонѣ, составляютъ только крайнія наиболѣе рѣзкія проявленія того, что̀ въ болѣе мягкой формѣ можно наблюдать повсюду и ежедневно. Пускай на улицѣ случится какой-нибудь скандалъ, шумъ, разбирательство, — подойдите и прислушайтесь. Среди лицъ такъ или иначе заинтересованныхъ дѣломъ, обиженныхъ, обидчиковъ, свидѣтелей, зрителей, блюстителей общественнаго спокойствія, — вы непремѣнно найдете одного или двухъ съимпровизировавшихся, самозванныхъ капраловъ, невѣсть откуда взявшихся и со всѣхъ силъ старающихся: они совѣтуютъ, указываютъ, приказываютъ, распоряжаются какъ власть имущіе и (тутъ-то начинается чудо) достигаютъ того, что импозируютъ толпѣ и даже дѣйствительнымъ властямъ, — достигаютъ того, что ихъ не только слушаютъ, но и слушаются. И никому-то не придетъ въ голову спросить: «что̀ онъ Гекубѣ, что̀ ему Гекуба?» Да и какъ спросить? — кто его знаетъ, что

онъ за человѣкъ? Може и само начальство? — Теперь такія явленія становятся все рѣже и рѣже, начинаютъ отходить въ область прошедшаго; часто случается, что авторитетъ добровольныхъ капраловъ пасуетъ передъ властью дѣйствительныхъ sergents de ville;—но прежде это было самое обыкновенное, нормальное дѣло, особенно если такіе крикуны и хлопотуны отличались чѣмъ-нибудь внѣшнимъ отъ толпы, отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Въ одномъ ли только чиновничьемъ или служебномъ мірѣ найдемъ мы продѣлки самозванныхъ ревизоровъ и слѣдователей? Не полны ли ими всѣ сферы общественной дѣятельности — политическая, научная, литературная? Гдѣ только нѣтъ этихъ обвиняемыхъ — становящихся обвинителями, подсудимыхъ — обращающихся въ судій, слѣдователей — изъ тѣхъ, надъ которыми самими еще не кончено слѣдствіе!

Первыя впечатлѣнія.

(см. стр. 357).

Даровитый и внимательный наблюдатель жизни животныхъ, Густавъ Зисъ въ Дюссельдорфѣ, отражаетъ въ своей картинѣ одинъ изъ интереснѣйшихъ и трудно подмѣчаемыхъ біологическихъ моментовъ,—и мы надѣемся доставить удовольствіе всѣмъ истиннымъ друзьямъ искусства, прилагая здѣсь рисунокъ съ этой картины, исполненный на деревѣ самимъ авторомъ ея.

Это—молодые цыплята, на нѣсколько минутъ предоставленные самимъ себѣ. Можно бы подумать, что они предъ тѣмъ возвратились съ прогулки на птичій дворъ—такъ твердо держатся они на крошечныхъ лапкахъ—но остатокъ яичной скорлупы, на спинѣ одного изъ птенцовъ, противорѣчитъ этому предположенію. Молодежь только что выклюнулась. Съ какимъ глубокомысленнымъ выраженіемъ смотритъ молодое существо на покинутую имъ оболочку — и сколько художественной правды въ передачѣ этого взгляда на рисункѣ! Не менѣе мастерски исполнены и три прочіе птенца, между которыми самки такъ рѣзко отличаются отъ пѣтушковъ; послѣдняя изъ нихъ еще не выбралась на волю.

Смѣсь.

Жгучіе вопросы.—Что можетъ быть ужаснѣе зрѣлищъ, въ новѣйшее время весьма нерѣдко представляемыхъ нашими сценами, въ видѣ сожиганія за живо людей? Мы отправляемся въ театръ развлечься, прекрасно выполненный балетъ приводитъ насъ въ отличное расположеніе духа—вдругъ, первая танцовщица увлекается, подходитъ слишкомъ близко къ рампѣ, ея легкая тюлевая одежда вспыхиваетъ, въ одну секунду она объята пламенемъ. Вмѣсто того чтобы скорѣе броситься на полъ, она бѣгаетъ, мечется, еще болѣе раздувая огонь, подруги бросаются къ ней и тоже отъ нея загораются, музыка умолкаетъ, ее замѣняютъ крики и гвалтъ. Занавѣсъ опускается, но изъ за него раздаются вопли и стоны, зрители внѣ себя отъ сострадапія и ужаснаго чувства безсилія помочь, дамы падаютъ въ обморокъ, наконецъ всѣ расходятся потрясенные. Между тѣмъ до сихъ поръ мюнхенскій театръ—первый, который началъ уберегать отъ дѣйствія огня массу легкосгарающаго матеріала—дерева, полотна и пр.—наведеніемъ растворимаго или такъ-называемаго *жидкаго* стекла.

Весьма вѣроятно что такого рода предохранительнымъ средствамъ плохо вѣрятъ и потому не употребляютъ, поэтому не лишними считаемъ нѣсколько историческихъ и научныхъ замѣтокъ по этому поводу. Въ «Аттическихъ Ночахъ» древняго римскаго писателя Геллія, читаемъ, что Силла однажды, когда осаждалъ Пирей, тщетно старался поджечь деревянную башню, въ которой защищались осажденные, хотя окружилъ ее огнемъ: пламя не брало дерева, потому что Архелай, полководецъ Митридата распорядился напитать его квасцовымъ растворомъ. Такъ опять Марцелли разсказываетъ, что римляне, въ войну съ персами, напитали свои военныя машины квасцами и этимъ вполнѣ успѣшно предохранили ихъ отъ огня. Между тѣмъ надо замѣтить, что новѣйшія средства, которыми мы располагаемъ для предохраненія легкосгарающихъ веществъ и матерій отъ пламени, несравненно сильнѣе и дѣйствительнѣе квасцовъ. Для этой цѣли годится множество солей, преимущественно слѣдующія: борнокислый, кремнекислый, фосфорнокислый, вольфрамо-кислый натръ; наконецъ, какъ недавно открыто и испытано, сѣрнокислый амміакъ, который заслуживаетъ пожалуй предпочтеніе, потому что онъ дѣйствуетъ ни чѣмъ не хуже предъидущихъ веществъ и гораздо дешевле.

Причина таковаго дѣйствія этихъ солей заключается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Чтобы деревянное или волокнистое вещество загорѣлось, нужно чтобы ему сообщилась теплота достаточная, чтобы высвободить изъ него нѣкоторые газы и продукты сухой дистилляціи, которые и воспламеняются. Если же вещество пропитано или покрыто одною изъ вышеименованныхъ солей—соли эти, какъ дурные проводники тепла, охраняютъ его отъ возвышенія температуры, необходимаго для вспышки. Это дѣйствіе впрочемъ продолжается только извѣстное время: если согрѣвающее прикосновеніе пламени не прекращается, газы наконецъ все-таки выдѣляются и причиняютъ воспламененіе. Но и тутъ еще горѣніе происходитъ весьма туго, потому что минеральныя вещества отнимаютъ у него большую долю теплоты, а если соли аммоніаковыя, отчасти улетучиваются. Въ то же время растворенный стекольчатый верхній слой защищаетъ неохваченныя еще огнемъ волокна, пламя скоро тухнетъ. Кромѣ того мы видимъ на остающемся углѣ — черномъ, неокончательно прогорѣвшемъ, т. е. неиспепеленномъ — какъ неполонъ былъ процесъ горѣнія: уголь не тлѣетъ, слѣдовательно приготовленное такимъ образомъ вещество не можетъ быть воспламенено тлѣющимъ углемъ. Непотушенные окурки сигаръ и папиросъ, тлѣющія обгорѣлыя спички не въ состояніи зажечь напитанное одною изъ этихъ солей платье. Это доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ опытомъ: берутъ нитку и погружаютъ въ растворъ даже простой поваренной соли, потомъ, давъ ей высохнуть, привязываютъ къ концу ея кольцо; если зажечь нитку, она станетъ горѣть, но такъ дурно прогоритъ, что въ обугленномъ состояніи будетъ еще выдерживать тяжесть кольца.

Такія же явленія представляютъ легкія бумажныя ткани, въ такомъ количествѣ употребляемыя на женскія платья. Если онѣ и не становятся положительно несгараемыми, подобно асбестовой ткани, однако онѣ загораются трудно и горятъ плохо и не долго. Приготовленіе ихъ всего удобнѣе соединять со стиркой, а именно: положить около 6 лотовъ одной изъ вышеупомянутыхъ солей (всего лучше сѣрно-кислаго или фосфорнокислаго аммоніака) на одну четверть крахмальной воды, теплой, чтобы лучше растворилась. Для очень тонкихъ и легко загорающихся матерій—кисеи, батиста, тюля и пр.—можно брать побольше, для барежа и тому подобныхъ матерій совершенно достаточно указаннаго количества, для болѣе грубыхъ тканей (ситцевъ, шертинга и пр.) его можно еще значительно уменьшить. Накрахмаливъ матерію такимъ крахмаломъ, ее нужно хорошенько выжать и гладить чуть сырую (не давъ высохнуть и затвердѣть) не вспрыскивая. Если гладить ее слишкомъ сырую, да еще очень горячимъ утюгомъ, она будетъ приставать, поэтому лучше брать утюгъ потяжелѣе, но не такъ горячій. Отъ вольфрамокислаго натра матерія не пристаетъ, но это имѣетъ тотъ недостатокъ, что обходится вчетверо дороже. Его давно употребляютъ въ прачешныхъ англійской королевы. Для обыденнаго домашняго употребленія чуть ли не всѣхъ практичнѣе окажется сѣрнокислый аммоніакъ: онъ стоитъ копѣекъ 60 фунтъ, и на каждое платье пойдетъ его не болѣе какъ копейки на $1^1/_2$

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 5 Іюня 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля

№ 24. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »

ЗА ПОЛГОДА.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(Продолженіе).

VI.

Борьба.

Покуда все это происходило въ Москвѣ, въ Твери, во Владимірѣ,—въ Ордѣ совершалось другое. Ицка Ашкеназъ былъ при деньгахъ, потому что Юрій Даниловичъ купилъ у него русскій полонъ; потомъ Ицекъ сдѣлалъ нѣсколько другихъ блестящихъ сдѣлокъ. Онъ открылъ нѣсколько шинковъ, черезъ полтора мѣсяца закрылъ ихъ, пустился въ ростовщичество, потерялъ на немъ половину своего состоянія, наверсталъ потерянное на шелкѣ—и уже задумывалъ выписать изъ Греціи кораблей около пятнадцати вина, какъ вдругъ подвернулся ему одинъ изъ его знакомыхъ, татаринъ Таянчаръ. Таянчаръ зашелъ къ Ицеку выпить кружку вина — которое у Ицека никогда не переводилось — и разговоръ само собою разумѣется свернулъ на политику. Жидъ безъ политики жить не можетъ. Ицекъ сталъ разсказывать Таянчару, яко-бы онъ навѣрное знаетъ отъ Ребъ Мойши, что нѣмецкій цесарь повѣсилъ римскаго папу; что въ Англіи идетъ большая война и что у англійскаго короля великимъ визиремъ теперь жидъ; что богдыханъ китайскій хочетъ въ мусульманскую вѣру пойдти; что въ Польшѣ было сильное землетрясеніе, отъ чего она провалилась, и что на мѣстѣ ея озеро вышло; наконецъ, Ребъ Шмуэль разсказывалъ ему, что ходятъ слухи будто появился Мессія. Послѣднее было сообщено Таянчару подъ большимъ секретомъ.

Таянчаръ былъ человѣкъ вліятельный въ Ордѣ, членъ ханскаго совѣта, большой дипломатъ—и поэтому выслушивалъ Ицека чрезвычайно внимательно, разбирая нельзя ли этимъ путемъ какъ-нибудь сдѣлать себѣ карьеру, отличиться своими свѣденіями передъ ханомъ. Перебравши въ разговорѣ своемъ политическія дѣла всевозможныхъ странъ свѣта,—потолковавши даже о томъ, что приходилъ недавно въ Орду какой-то разорившійся купецъ, который выгодно торговалъ у Песьихъ Головъ; что у Песьихъ головъ умерла царица и поэтому они хотѣли съѣсть этого купца,—политики волей-неволей повернули разговоръ на Русь. Свѣденія Ицека насчетъ русскихъ дѣлъ превзошли всякія вѣроятія Таянчара. Онъ узналъ, какъ Ицекъ освѣдомился отъ одного тверскаго купца о томъ, что княгиня Анна Дмитріевна удавилась, что великій князь тверской и братья его бѣжали въ чужія земли, и что никому въ Ордѣ тверскихъ долговъ заплачено не будетъ. Таянчаръ вышелъ отъ Ицека, и къ слову разсказалъ это двумъ-тремъ татарамъ; отъ двухъ-трехъ татаръ узнали это всѣ татары—и всѣ накинулись на Таянчара спрашивать, откуда это онъ узналъ. Таянчаръ принялъ важный видъ и сказалъ, что еслибы ханъ поручилъ ему сборъ долга съ тверичей, онъ бы это устроилъ. Тверичи были должны многимъ татарамъ; Таянчаръ оказался спеціалистомъ по тверскимъ долгамъ—и на другой же день ему дано было разрѣшеніе отправиться на Русь и распорядиться съ заложеннымъ въ Ордѣ Кашинымъ по своему усмотрѣнію. Ицекъ узналъ

это немедленно—и вслѣдъ за Таянчаромъ (съ которымъ онъ послѣ этого разговора успѣлъ войдти въ стачку) добрался до Узбека, кричалъ, плакалъ передъ нимъ и оказался самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ тверскихъ кредиторовъ. Онъ дѣйствительно купилъ всѣ тверскіе долги въ Ордѣ. Таянчаръ былъ глуповатъ—и ѣхать на Русь съ нимъ было поэтому всего выгоднѣе. Сколько бы Таянчаръ тамъ ни награбилъ, Ицеку все приходилось бы на худой конецъ процентовъ около пятисотъ на капиталъ, затраченный имъ на уплату тверскаго долга. У Таянчара былъ свой разсчетъ на эту поѣздку. Въ Ордѣ тогда, какъ на цѣломъ свѣтѣ, никто изъ служащихъ людей жалованья не получалъ; жили тогда только доходомъ. Слуга какого-нибудь Мурзы-Чета нетолько не получалъ съ него ни копѣйки, но самъ платилъ ему за право служить. Мурза-Четъ въ свою очередь платилъ за это Узбеку. Прислуга, чиновники, министры—были недоступны покуда имъ не давали того, что на тогдашнемъ русскомъ языкѣ называлось «поминки». Хозяинъ зналъ, что всякій, кто входилъ къ нему въ домъ, заплатилъ столько-то его прислугѣ,—и самъ слуга долженъ былъ въ извѣстные сроки подносить подарки своему барину. Ни по какому дѣлу нельзя было явиться съ пустыми руками, т. е. пожалуй иногда это и можно было, но только было такъ же невѣжливо, какъ въ наше время явиться не во фракѣ, или какъ у людей держащихся старыхъ обычаевъ неприлично придти на новоселье безъ калача, на пасху безъ краснаго яйца, на родины на зубокъ не принести. На Руси бояре наживались тѣмъ, что получали города и области на прокормленіе; на Западѣ получали такъ-называвшіеся «фіэфы», и возникла цѣлая феодальная система. У ордынцевъ земли не было; поэтому единственная нажива ордынскихъ вельможъ состояла въ томъ, что имъ ввѣрялось посольство или какая-нибудь экзекуція. Ханъ опредѣлялъ, чтобы ему доставить, положимъ, сто рублей; человѣкъ исполнительный, усердный къ службѣ, доставлялъ ему рублей пятьсотъ, а сколько себѣ въ калиту клалъ — про то было его дѣло. Разсчетъ былъ тотъ, что при такихъ порядкахъ каждый радѣлъ о своихъ выгодахъ и о выгодахъ своего ближайшаго начальника; всѣ наживались и никто ничего не терялъ. Таянчаръ послѣднее время крѣпко промотался. На послѣднія денежки онъ накупилъ подарковъ хану, Щелкану, Ахмылу, Кавгадыю и прочимъ тогдашнимъ вліятельнымъ ордынцамъ, похлопоталъ, покланялся и поплакалъ,—и ему разрѣшили отправиться помочь Ицеку собрать тверской долгъ. Ицекъ съ своей стороны поистратился—и оба отправились, взявъ съ собою восемьсотъ человѣкъ татаръ, русскихъ, черкесовъ и сброда, не платя никакого жалованья, ни къ чему не обязываясь, а только разрѣшая слѣдовать за ними на вольныя пажити грабежа.

— Ну и чтожъ? и отчего-жъ? всѣ говорятъ, что я, Ицекъ, хорошій человѣкъ; лучше мнѣ нажиться чѣмъ кому-нибудь другому, потому что я человѣкъ добрый и потому что я человѣкъ честный. Отчего же мнѣ, бѣдному и честному человѣку, не поправить своихъ дѣлъ? Мы наберемъ тамъ русскій полонъ; для этого полона лучше попасть въ мои руки чѣмъ въ чьи другія, потому что я, Ицекъ Ашкеназъ, человѣкъ добрый и честный. Орда торгуетъ невольниками, а отъ этого хану и всѣмъ татарамъ хорошій доходъ, а ханъ мнѣ сдѣлалъ милость, а я хану преданъ.

Покуда въ Твери не успѣли собрать даже двухъ тысячъ рублей для Юрія, «пришедши изъ Орды татаре съ жидовиномъ съ Ицекомъ, съ должникомъ (должникъ значилъ тогда кредиторъ), многую тягость учинили Кашину, грабежъ сотворили, полонъ съ собой повели, нажились страшно». И какъ будто съ горя, на 26-е іюня, на память Давида Солунскаго, помрачилось солнце на небѣ, видиѣлся точно молодой двухдневный мѣсяцъ, а отъ мощей въ Ордѣ убіеннаго шло чудо за чудомъ. Что ни дѣлали въ Твери, гдѣ денегъ почти не было, гдѣ каждый тащилъ на дворъ великаго князя Дмитрія Грозныя Очи все что́ могъ, — тверское дѣло не ладилось да не ладилось. Ко всему этому прибавилось странное обстоятельство, даже не записанное нашими лѣтописцами. Съ ноября прошлаго года, въ великокняжескихъ тверскихъ хоромахъ стали видѣть, иногда въ полдень, а иногда въ полночь, какую-то молодую женщину, одѣтую великой княгиней, которая ходила по терему и по княжой половинѣ, плакала и говорила: «будьте вы прокляты, мои дѣтушки, — проклялъ меня мой возлюбленный!» Носились по Твери слухи, что эта женщина покойная мать въ Ордѣ убіеннаго Михаила Ярославича, на которой силой женился отецъ его, братъ Александра Невскаго, Ярославъ Ярославичъ. Разсказъ ходилъ таковъ, что Ярославъ Ярославичъ, въ молодости своей, будучи на охотѣ, вдругъ попалъ нежданно-негаданно въ 1264 году на свадьбу къ одному новгородскому землевладѣльцу Юрію Михайловичу; дочь Юрія Михайловича, бабушка нынѣшнихъ тверскихъ князей, шла по своей волѣ. Она понравилась князю, тотъ отбилъ ее у жениха, свезъ въ церковь и силою повѣнчался съ ней. Хотя онъ сына своего отъ нея и назвалъ въ память дѣда ея Михаиломъ, но душа ея не выдержала, жена умерла—и въ тверскихъ хоромахъ отъ поры до времени являлась ея тѣнь, проклинавшая свое потомство. Не успѣли Анна Дмитріевна и Дмитрій хоть немножко оправиться отъ Таянчарова и Ицекова разоренія, отъ испуга предъ видѣніемъ и затмѣніемъ солнца,—какъ пришла новая вѣсть, что Юрій Даниловичъ Московскій, Великій Князь Всея Руси, идетъ на тотъ же Кашинъ, со всею своею силой Низовскою и Суздальскою. Въ Твери поняли, что Юрію Даниловичу надо во что бы то ни стало—если не подавить, то унизить Тверь. Дмитрій Михайловичъ двинулся къ нему на встрѣчу съ войскомъ—и какъ ни ненавистенъ ему былъ Юрій, какъ ни грозны были очи Дмитрія, какъ ни велика была его вспыльчивость, онъ всетаки (изъ той же любви къ Твери, которая погубила его отца) скрѣпя сердце не сталъ биться съ Великимъ Княземъ Всея Руси, а вступилъ съ нимъ въ переговоры. Оказалось, что Юрій Даниловичъ—лучшій другъ и пріятель Твери, но вынужденъ идти на нее ратью, потому что Тверь не выплачиваетъ ему двѣ тысячи рублей серебра, которые нужны для Орды. Напрягъ Дмитрій Михайловичъ послѣднія свои силы, кое-что изъ своихъ домашнихъ вещей продалъ, тверской великокняжескій домъ, бояре многимъ пожертвовали, собрали все серебро и спасли Тверь. Тверь была въ конецъ разорена; Юрій Даниловичъ торжествовалъ—и спокойно повернулъ не въ Орду, на встрѣчу послу ханскому, а въ Новгородъ, гдѣ ему хотѣлось уладить свои отношенія съ новгородцами такъ, чтобъ Новгородомъ можно было управлять если не изъ Москвы, то изъ Владиміра. Ему хотѣлось посадить въ Новгородъ на свое мѣсто московскихъ бояръ. Новгородцы были споконъ вѣку лигитимисты; на то, чтобы ими управлялъ великокняжескій бояринъ, они были несогласны,—имъ нужно было, по ихъ правдѣ новгородской, чтобы сидѣлъ у нихъ непремѣнно князь, ужъ

если не варяжскій, то по крайней мѣрѣ литовскій; за это всѣ они поголовно не прочь были животы свои положить. Юрію же самому оставаться въ Новгородѣ не приходилось, потому что ужь никакъ не изъ Новгорода можно было управлять Русью. Новгородцы соблюдали свои права и ни въ какія русскія дѣла мѣшаться не хотѣли. Между тѣмъ, чтобы поладить съ новгородцами и не упускать никакъ изъ рукъ этихъ богачей, Юрій Даниловичъ ходилъ за нихъ ратовать на нѣмцевъ и одержалъ надъ тѣми побѣду, ходилъ на шведовъ подъ Выборгъ, подвозилъ туда цѣлыхъ шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, осаждалъ Выборгъ съ 12-го августа до 9-го ноября 1322 года,—Выборга не взялъ, но со злости пропасть шведовъ перевѣшалъ. Новгородцы стали довольны энергическимъ Юріемъ Даниловичемъ; только Юрію Даниловичу по возвращеніи въ Новгородъ не совсѣмъ понравилось извѣстіе, что имъ же посланный въ Орду смиренный, богомольный братъ его, московскій великій князь Калита, содѣйствуетъ ему слишкомъ усердно. Иванъ Даниловичъ сошелся въ Ордѣ со всѣми благопріятелями московской стороны. Калита былъ богаче Юрія, медленнѣе его, онъ былъ волей не предпріимчивъ, скроменъ и тихъ; онъ зналъ, что сердце царево въ руцѣ Божіей, онъ не свидѣтельствовалъ на брата своего свидѣтельства ложна, не желалъ ничего еже есть ближняго своего,—и потому разумѣется безъ всякаго злаго умысла сошелся со всѣми Юрьевыми пособниками. Иванъ Даниловичъ на поминки въ Ордѣ не скупился; Ахметъ-Чобуганъ—теперь высокопоставленная особа, отрѣшившаяся вслѣдствіе своей высокопоставленности даже отъ мусульманства,—призналъ въ этомъ великомъ князѣ человѣка способнаго и сталъ его поддерживать. Ни одного вечера не проходило въ Ордѣ, чтобы Иванъ Даниловичъ не толковалъ съ Чобуганомъ о наукѣ править государствомъ.

— Людей у васъ на Руси нѣтъ — вотъ въ чемъ ваша бѣда! говорилъ Чобуганъ, грустно опуская голову и всматриваясь изъ-подлобья въ Калиту.—Безъ людей ничего, княже, вамъ не подѣлать. Татариномъ сталъ я, Азбяку царю служу вѣрой и правдой,—а все мнѣ, видитъ Богъ, жалко васъ — а пуще всего московцевъ. Только одного умнаго я и зналъ—это Петра митрополита. Вотъ ужь точно: и голова на плечахъ, и сердце чистое. Онъ можетъ соорудить царство.

— Владыка—святой человѣкъ, сказалъ Калита:—кабы не владыка, я бы просто голову потерялъ въ этихъ усобицахъ. Какъ горе какое стряхнется, пойду къ нему, посовѣтуюсь—и легче станетъ.

— Владыка такой же человѣкъ какъ Елюй-Чуцай былъ у Темучина, продолжалъ Чобуганъ, не слушая князя (впрочемъ, Чобуганъ казалось никого не слушалъ—онъ глядѣлъ только изъ-подлобья на собесѣдниковъ, будто не слова ихъ выслушивая, а по лицу ихъ мысли вычитывая):—Елюй Чуцай былъ диковинный человѣкъ. А объ немъ въ монгольскихъ лѣтописяхъ читано — вонъ что въ этомъ сундукѣ лежитъ. Въ лѣто Господне 1215, значитъ когда еще сюда власть ордынская не заходила, Темучинъ бралъ городъ одинъ у чжурчженей въ Китаѣ, Пекинъ теперь называется,—и Елюй-Чуцай былъ тамъ въ большомъ санѣ, видитъ что царство чжурчженское пропадаетъ—возьми да и покорись монголамъ.

— Какъ твоя милость, замѣтилъ Калита.

— Полюбился онъ Темучину, продолжалъ Чобуганъ,—и составилъ ему мѣсяцесловъ—а это въ тамошней сторонѣ дѣло важное: надо было, видишь, новый счетъ годамъ начать, не по прежнимъ царямъ, а по Темучину. Волхвовать онъ умѣлъ и гадать,—словомъ, былъ человѣкъ ученый и Темучинъ сдѣлалъ его своимъ большимъ бояриномъ, во всякихъ дѣлахъ съ нимъ совѣтъ держалъ, а пуще всего за то ему вѣрилъ, что Елюй-Чуцай безсребренникъ былъ,—не такъ какъ твои, княже, бояре московскіе. Ходилъ онъ съ Темучиномъ въ царство тангутское воевать...

— Не клепли на нихъ, Путиловичъ, перебилъ Калита и передвинулъ свѣтецъ, чтобы дать какое нибудь занятіе рукамъ.—Не клепли, друже,—не будь мы на Москвѣ мздоимцы, лихоимцы, не собирай мамоны грѣшной на вашу же орду...

—Тангутское царство разорили, продолжалъ Чобуганъ, не слушая по прежнему,—всѣ вельможи монгольскіе набрали полонянниковъ, добра всякаго, животовъ, а Елюй-Чуцай навьючилъ двухъ верблюдовъ ревенемъ да книгъ набралъ. Много народу ревенемъ вылѣчилъ, а съ тангутской, уйгурской иначе, азбуки вотъ эту сдѣлалъ, монголовъ грамотѣ научилъ. Мы ею, уйгурскою, и пишемъ здѣсь; да вотъ теперь ханъ въ бусурманскую вѣру пошелъ, такъ мы бусурманскую вводимъ, арабскую значитъ,—только она труднѣй: пиши не съ верху къ низу, какъ прежде, а съ права на лѣво, и не каждое татарское слово написать можно—приходится много пропускать.

—Ну, что-жь, говорилъ Калита, — грамоту нашу святую у насъ и безъ того знаютъ, а безсребренниковъ и врачей тоже не перечтешь.....

— Кромѣ Петра митрополита никого-то я не запримѣтилъ, продолжалъ Чобуганъ.—Вотъ потомъ, когда нужно было порядки въ новыхъ улусахъ заводить, когда Самаркандъ уже нашимъ сталъ, такъ *даруги*, по монгольски, *баскаки*, по татарски, завелись у Темучина; выжимать подать нужно — опять Елюй-Чуцай пригодился.

— Это онъ баскаковъ завелъ? живо спросилъ Симеонъ.

Калита взглядомъ велѣлъ молчать сыну.

— Такъ сначала путаница была. Народу обидно, а казнѣ ничего: какъ разбойники вели себя эти баскаки. Вотъ Елюй-Чуцай ужь при Угедеѣ-Ханѣ устроилъ какъ дань платить и завелъ подушную на всѣ западные улусы. Въ 1230 году обложилъ онъ пошлиной купцовъ, обоброчилъ соль, уксусъ, вино, желѣзо, горы и воды, такъ что Хану приходилось въ годъ по 500.000 рублей (*) серебра, по 80,000 кусковъ шелковыхъ тканей, да хлѣба слишкомъ 400.000 мѣшковъ.

— Экая тьма добра! воскликнулъ расчетливый князь.

— Еще-бы! удостоилъ услышать Чобуганъ,—на то вѣдь онъ великій царь—не то что какой нибудь великій князь. Каждому баскаку двухъ помощниковъ приставили и судъ имъ отдали, только военную власть у нихъ отнялъ Елюй-Чуцай, а то опасно становилось отъ нихъ царю. Вотъ съ тѣхъ-то поръ войскомъ у насъ правятъ *темники*, десятитысяченачальники; а народъ считаютъ, дань собираютъ и судъ творятъ *даруги съ баскаками*. Иначе какъ-же лучше Ордѣ устроить было? Вотъ вы, начиная съ вашего дѣда Александра Ярославича Невскаго, нечего сказать, ловко повели дѣла

(*) Рубль, обрубокъ серебра — китайскій ланъ—равняется нынѣшнимъ ста рублямъ.

—на себя баскаковскую и темниковскую должность взяли: за это вамъ Русь спасибо должна-бы сказать.

— Какое спасибо!.. засмѣялся Калита:—ни въ Твери, ни въ Рязани, ни въ Новгородѣ терпѣть не могутъ.....

Чобуганъ только головой помоталъ.

— Елюй-Чуцай, настаивалъ онъ на своемъ разсказѣ,—былъ человѣкъ честный. Когда онъ умеръ въ 1243 году,—въ то самое время, когда князь Ярославъ II Всеволодовичъ былъ въ Монголіи,—въ Хара-Хоринъ-городѣ, пустили недобрые люди слухъ, будто половина царской казны у Чуцая осталась. Стали искать—нашли только около десятка гуслей, нѣсколько тысячъ древнихъ и новѣйшихъ книгъ, картинъ и древнихъ китайскихъ письменъ на мѣди и на камнѣ;—вотъ и все.—Кабы въ Хара-Хоринѣ дѣлали-бы по совѣту этого праведника, не разсыпалось-бы наше царство на разные улусы. Онъ прямо говорилъ, что ни вамъ князьямъ, ни родичамъ Ханскимъ—давать власти не слѣдуетъ: жалованья съ васъ довольно; ну, а ни Угедей-Ханъ, ни Куюкъ не слушали его—вотъ и расползается наше царство. Здѣсь, въ Сараѣ Узбекъ-Ханъ, въ Пекинѣ Псу-Темиръ богдо-Ханъ, въ Самаркандѣ другой, въ Хара-Хоринѣ третій, въ Индіи четвертый—и, какъ посмотрю я, чѣмъ дальше время пойдетъ, тѣмъ больше улусовъ будетъ дѣлаться—чего добраго, и ты, княже, а не то сынокъ твой вольными царями станете.....

— Не вѣрится мнѣ, Путиловичъ, отвѣчалъ Калита, —что-бы Богъ когда Орду перемѣнилъ, да и сказать тебѣ по совѣсти, не больно-то мнѣ хотѣлось-бы этого.

— Ишь ты, какой еще праведникъ отыскался!.... вдругъ захохоталъ угрюмый дефтерджи: съ нимъ это бывало всегда порывами.

— Праведникъ не праведникъ, поблѣднѣлъ оскорбленный московскій князь:—хохотать ты воленъ—а я дѣло говорю. Не будь надъ нами царя Азбяка, всѣхъ-бы насъ перебили тверскіе и рязанскіе князья.

— Ахъ ты, московская сирота, заливался Чобуганъ,—боится что его съ братьями и съ дядьями обидятъ! Сами рѣжутъ и сами караулъ кричатъ, точно жиды.....

— Путиловичъ, сказалъ Калита, мрачно сдвинувъ брови,—и татары гостей не обижаютъ, а ты слава Богу не въ полѣ родился.....

— Вотъ что, Иванъ Даниловичъ, скажу я тебѣ, отвѣчалъ Чобуганъ, разомъ переставшій смѣяться, —гнѣвись ты на меня не гнѣвись, а что дѣти да внуки Александра Невскаго далеко не родня Елюй-Чуцаю, что свѣтъ еще не производилъ такихъ соколовъ какъ ваша братья, и что всѣхъ васъ къ крови тянетъ—это ужь, воля твоя, княже, а правда. Самъ царь намедни говорилъ, что видѣть вашего рода не можетъ.....

Калита, только что собрался возражать на эту горькую истину, которую онъ своимъ смиреніемъ, ласковостью и набожностью всю жизнь старался заглаживать,—какъ вдругъ, при послѣднемъ извѣстіи, лицо его мигомъ утратило обычную умильность и вытянулось вопросительно.

— Ну да, царь это говорилъ, да и не разъ еще!.. смотрѣлъ ему прямо въ глаза, уже не изъ-подлобья, Чобуганъ,—только ты не смущайся этимъ, княже, твое отъ тебя не уйдетъ—мы на счетъ этого уже и совѣтъ держали.—Вотъ что однако, княже Симеоне Ивановичъ, пойди-ка ты, молодежь, къ моимъ сынкамъ, поучись у нихъ на конѣ сидѣть по татарски; кто знаетъ, можетъ оно и пригодится когда.

Юноша сдѣлалъ видъ, будто не понимаетъ что его изгоняютъ, и вышелъ напѣвая: «отъ юности моея мнози борютъ мя страсти»,—московскіе князья, а особенно Иванъ Даниловичъ были большіе церковники.

— Видишь ты, княже, началъ Чобуганъ, ставя на коврикъ между собою и Калитой жбанъ съ виномъ и чарку,—надо тебѣ все знать прежде чѣмъ явиться на поклонъ: не въ чести вы теперь у насъ съ братомъ твоимъ, Юрьемъ Даниловичемъ. Ты-то еще ничего: царь знаетъ что ты съ владыкой хорошъ, а во владыку онъ вѣритъ почитай какъ въ Бахмета своего; а ужь въ Юрья-то вѣра у него почти на волоскѣ виситъ.—Ты слыхалъ, что у насъ здѣсь пытали Кавгадыя?

— Э?... поблѣднѣлъ опять Калита.

— Пытали, какъ-же, по наговору Димитрія Михайловича. Съ пытки-то Кавгадый только то и показалъ, что Юрій и ты—оба дарили его всячески, оба на покойника Михаила Ярославича наговаривали ему и просили его довести ваши наговоры до царя; а про главное-то, кто Кончаку извелъ: ты-ли, Юрій-ли или кто тамъ изъ вашихъ людей,—ничего не показалъ....

— Да что-жь и показать-то ему было? разводилъ руками Иванъ Даниловичъ:—не мы-же ее извели?! Намъ выгоднѣй было, чтобъ жила и здравствовала сестра царева.

— Выгоднѣй вамъ было, смотрѣлъ Чобуганъ, спокойно выпивая чару вина и наливая другую смущенному собесѣднику,—выгоднѣй вамъ было, чтобъ она въ плѣнъ попалась, да чтобъ и умерла въ плѣну,—чѣмъ-бы инымъ погубить вамъ Тверь?

— Эко, Господи! перекрестился и сплюнулъ Калита,—да какъ это совѣсти у людей хватаетъ? какъ это Бога-то они не боятся?

— Кавгадый умеръ—старъ былъ, пытки не вынесъ,—а у насъ вѣдь пытка-то да и колоды-то, знаешь, китайскія; мудрецы тамошніе придумали—срединное царство мудрѣе всѣхъ на свѣтѣ. Вотъ только какъ умеръ это Кавгадый, царь Узбекъ и говоритъ мнѣ: «проклятый, говоритъ, коварный родъ эти потомки Александра. Ногая покойника дядю съ толку сбивали, сынки меня мутятъ, кромѣ ковов да лишней крови ничего отъ нихъ не дождешься,—надо Великое Княжество попросту тверскимъ отдать. Михаилъ былъ хорошій человѣкъ, Димитрій тоже парень не глупый и честный, —только глаза, говоритъ, больно странные; Александра еще, говоритъ, посмотрю, Константина, Василья, узнаю весь родъ ихъ, да и положусь на нихъ». Тутъ одинъ старикъ и говоритъ,—хитрый такой старикъ, Ундуръ зовутъ,—говоритъ: «*іокъ, ханумъ*, говоритъ, *олмазъ-дыръ*: нѣтъ, говоритъ, государь, нельзя».

«Отчего нельзя? говоритъ ханъ».

«А оттого, говоритъ старикъ, что больно честные люди эти *мыхайлы-оглыляры* (Михайловичи). Либо, говоритъ, они противъ насъ встанутъ чуть что случится—либо сами въ этихъ омутахъ утонутъ».

— Ну, а царь? царь-то что-же? нетерпѣливо спрашивалъ Иванъ Даниловичъ.

— Царь подумалъ,—знаешь наше, татарское *дуръ-бакалымъ*, подождемъ да посмотримъ,—и сталъ жалѣть, что нѣтъ у него такого Елюй-Чуцая Русь устроить. Я было на тебя сталъ указывать—да Юрья ему тошенъ. Мнѣ велѣлъ было отправляться—я не дуракъ. «Позволишь, говорю, перебить мнѣ весь княжескій родъ до грудныхъ младенцевъ, всѣхъ бояръ въ Самаркандѣ продать, всѣхъ епископовъ перемѣстить на другія

Смерть Бориса Годунова,

по эскизу А. В. Васильева рисов. на дер. В. Шпакъ, гравир. на К. Вейерманъ.

эпархіи, да станешь ты, говорю, противъ Литвы меня оборонять,—все сдѣлаю. Только сперва, говорю, заведи ты мнѣ училище что-ли здѣсь, гдѣ-бъ я русскихъ по китайскимъ книгамъ управлять и порядки блюсти выучилъ—тогда воля твоя».

— Ну, ну-что-же? не терпѣлось князю.

— Ну, плечами пожалъ, говоритъ что это правда—да и нашелъ себѣ новаго Елюй-Чуцая.....

— Это кого?....

— Ахмылка такой есть у насъ, да еще Шевкалъ, бусурманинъ горячій. Одинъ хвалится всю Русь перестроить, а другой хвалится ее въ бахметову вѣру перевести.

— Этой напасти еще недоставало.

— Ты съ нами, княже, сойдись-ка! сказалъ Чобуганъ уже очень многозначительно.

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе! вздохнулъ Иванъ Даниловичъ, вставая съ мѣста.—Только, воля твоя, Путиловичъ, а я... отъ Шевкала ужь ты меня уволь: не хочется мнѣ другимъ Михаиломъ Черниговскимъ стать—я Бахмету не поклонюсь.

— А ужь про это ты самъ ближе знаешь. Да подлинно ли ты, княже, въ заправду во Христа-то вѣруешь? сказалъ Чобуганъ и впился въ Калиту испытующимъ взглядомъ.

Калита, не говоря ни слова, снялъ шапку и торжественно перекрестился: онъ дѣйствительно тепло и искренно вѣровалъ.

— Инъ будь по твоему, отозвался Чобуганъ съ замѣтнымъ уваженіемъ,—мое дѣло было сказать.

— А вотъ за сказъ крѣпкое тебѣ спасибо, землякъ!

— Такъ про Елюй-Чуцая будешь помнить?.

— Спасибо, Путиловичъ, теперь знаю на чемъ стоять въ этотъ пріѣздъ.

Калита отвернулъ полу, вытащилъ десять золотыхъ монетъ и подалъ хозяину.

— Спасибо на совѣтѣ!

— Спасибо на помннѣ! поклонился тотъ, и монеты исчезли куда-то подъ коверъ.

Была уже ночь, когда Иванъ Даниловичъ воротился въ свою ставку, раздумывая какъ воспользоваться чрезвычайно важными новостями, сообщенными ему его старымъ благопріятелемъ.

(*Продолженіе будетъ*).

В. Кельсіевъ.

Борисъ Годуновъ.

(См. стр. 373).

Царю Борису Годунову было 53 года отъ роду, когда онъ, въ часъ утра, судилъ-рядилъ съ вельможами въ Думѣ, и принималъ знатныхъ иноземцевъ. Едва отобѣдалъ онъ съ ними въ Золотой Палатѣ, какъ почувствовалъ дурноту; у него хлынула изъ ушей, изъ носу и изо рта кровь, и что ни дѣлали придворные врачи — кровь эту они остановить не могли. Онъ успѣлъ только благословить сына своего Ѳедора Борисовича на Государство Московское, воспріялъ ангельскій образъ, подъ именемъ Боголѣпа, и испустилъ духъ въ той же хороминѣ, гдѣ пировалъ со своими боярами и иноземцами. Своею смертью погибъ Борисъ или былъ отравленъ — ничего неизвѣстно.

Борисъ Ѳедоровичъ былъ потомокъ мурзы Чета. Въ свое время этотъ Борисъ Ѳедоровичъ былъ правою рукой Грознаго Царя Ивана Васильевича: онъ былъ при немъ въ Опричинѣ; онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ царствованія Іоаннова и былъ въ нихъ невольнымъ участникомъ. Царь Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ раздражительный до болѣзни: ему вѣчно мерещилось, что подъ него ведутъ какіе-то подкопы, что кругомъ его дѣлаются крамолы. Думать такъ Иванъ Васильевичъ Грозный имѣлъ полное основаніе. Отецъ его, Василій Ивановичъ, женился вторымъ бракомъ на Еленѣ Глинской,—а Глинскіе, перешедшіе изъ Литовскаго государства въ Московское, были люди нетолько образованные, но вполнѣ проникнутые западными идеями. Тогда вся западная Европа была дворянской, баронской; тогда создалось понятіе о томъ, что есть коренная разница между высшими и низшими сословіями,—что бояринъ (или тотъ же самый западный баронъ) до такой степени стоитъ безконечно выше мужика, холопа или хлопа, «хамова отродья», что съ нимъ церемониться нечего. Было тогда убѣжденіе, завезенное изъ Запада къ намъ, что эти высшія сословія не только должны пользоваться льготами, но даже должны участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Идеи о конституціи въ XVI вѣкѣ еще не было, за исключеніемъ конституціи въ Англіи, которая и тогда, какъ теперь, имѣла совершенно особенный смыслъ. Въ то время, когда на Западѣ лучшіе мыслители проповѣдывали о пользахъ самодержавія и единодержавія, относясь съ ненавистью ко всякаго рода республиканскимъ формамъ правленія,—наши московскіе бояре черезъ Глинскихъ и черезъ прочихъ литовскихъ бояръ стали проникаться мыслію, что государство, имѣя во главѣ своей какого-нибудь Ивана Васильевича, въ сущности должно не только управляться своими высшими сословіями, но и подчиняться ихъ интересамъ. Чуткій, толковый, хотя и капризный по натурѣ Иванъ Васильевичъ, оскорбленный и съ дѣтства униженный этимъ новымъ направленіемъ московской аристократіи, сталъ бороться съ нею,—и какъ ни унимали его отъ этой борьбы Анастасія Романовна, Филиппъ митрополитъ, Адашевъ и Сильвестръ, никто ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Крамола дѣйствительно существовала—и эта крамола возмутительно дѣйствовала на его чуткую, впечатлительную натуру. Каждый бояринъ грозилъ превратиться въ барона, чуть-чуть-что не въ курфюрста, курфюрсты заводились на Руси. Изъ-за простыхъ родовыхъ счетовъ—кому выше сѣсть, кому ниже—начали выработываться права о преимуществахъ по происхожденію, и русской землѣ угрожала опасность, что вслѣдствіе этихъ западно-русскихъ или польскихъ понятій большинство народа должно будетъ обратиться въ «быдло». Впечатлительный царь московскій сталъ бояться этой возникающей аристократіи, тѣмъ болѣе что она отравила его мать, Елену Глинскую, и что одинъ изъ передовичей этой аристократіи, бояринъ князь Шуйскій, во время дѣтства его, при немъ, при маленькомъ царѣ, заваливался съ сапогами на постель отца его, Московскаго Царя Великаго Князя, Василія Ивановича. Всю жизнь свою Иванъ Василье-

вичъ отыскивалъ и истреблялъ этихъ крамольниковъ, считая, что дѣлаетъ дѣло богоугодное. Не будь его, у насъ бы завелась аристократія хуже западной, а до сихъ поръ объ аристократіи мы, русскіе, понятія не имѣемъ. Кровь лилась, погибло много невинныхъ, царь вездѣ видѣлъ крамолу и измѣну и добился только одного: бояре согнули выи, нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ аристократическую Литву, но Московское Государство перепугалось,—и этотъ испугъ выразился убѣжденіемъ, что у Руси есть много недруговъ, что хотятъ извести государя земли святорусской, а государь земли святорусской долженъ быть надъ царями царь, долженъ быть правой рукой церкви, всякіе нѣмцы и татары должны ему покориться рано или поздно, сердце царево въ руцѣ Божіей, и только одинъ Господь Богъ надъ нимъ судія. Русскій народъ, гордясь завоеваніемъ Казани, Астрахани и Сибири, склонялся предъ царской волей, дорожилъ своей независимостью отъ иноземцевъ и готовъ былъ утрачивать всякія человѣческія права во имя независимости. «Пускай намъ головы рубятъ, пускай насъ медвѣдями травятъ, на огнѣ жгутъ», думалъ русскій человѣкъ XVI вѣка: «только были бы мы независимы, только бы это дѣлалось своими руками, только бы не нѣмецъ, не литвинъ и не татаринъ унижалъ насъ» — и были примѣры, что передъ казнью русскій человѣкъ славилъ государя. Русскіе XVI вѣка были далеко не холопья государевы. Не смотря на всѣ неправды царя Ивана Васильевича, они видѣли въ немъ представителя земли русской; погибали отъ его руки такъ, какъ въ недавнее время италіянцы погибали съ крикомъ: «viva Italia!» Иванъ Васильевичъ былъ представитель идей единства русскаго племени и единства Русскаго государства; но, истребляя мнимыхъ и немнимыхъ крамольниковъ, онъ внесъ въ русскій народъ опасное убѣжденіе, что этихъ крамольниковъ видимо-невидимо, что хотятъ извести царя и царскій родъ, и что чего добраго скоро не станетъ на Руси законнаго государя,—а какой-нибудь бояринъ изъ боярскихъ счетовъ сядетъ на престолъ, завладѣетъ Русью и станетъ вводить боярскіе порядки, т. е. вознесетъ бояръ превыше небесъ, сдѣлаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ была въ то время западно-русская аристократія (тогда только еще зараждавшаяся шляхта) и превратитъ мужиковъ въ быдло.

И вотъ именно у этого-то Грознаго Царя Ивана Васильевича, семь разъ женатаго, послѣ убитаго имъ сына Ивана Молодшаго, наслѣдникомъ престола оставался бездарный Ѳедоръ Іоанновичъ. При этомъ Ѳедорѣ Іоанновичѣ правителемъ государства сдѣлался его шуринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, человѣкъ участвовавшій во всякихъ оргіяхъ царя Ивана Грознаго и первый отмѣнившій крестьянамъ Юрьевъ день, стало-быть поборникъ западныхъ порядковъ, превращавшихъ селянина въ хлопа.

Про Бориса Ѳедоровича извѣстно только то, что онъ былъ человѣкъ очень умный, очень развитой по своему времени; но совершенно неизвѣстно, какимъ манеромъ, во время его управленія Русью, погибъ въ Угличѣ другой потомокъ Грознаго, будущій законный государь Всея Руси, сосланный туда съ семействомъ Нагихъ, Дмитрій Царевичъ. Нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія думать, чтобы Дмитрій Царевичъ (если у него и дѣйствительно была падучая болѣзнь) игралъ ножемъ и наткнулся на этотъ ножъ; но нѣтъ также ни малѣйшаго вѣроятія думать, чтобы Годуновъ поручилъ кому-нибудь зарѣзать Царевича. По всему, что́ мы знаемъ о Годуновѣ, видно, что онъ былъ человѣкъ умный,—а человѣкъ умный, да вдобавокъ еще высоко поставленный, не пошлетъ никакого Битяговскаго совершить подобнаго рода цареубійство. Можетъ быть (и это самое вѣроятное) что Битяговскій и Качаловъ слышали какъ-нибудь, что Борисъ пожелалъ Дмитрію исчезнуть съ лица земли. По всей вѣроятности Дмитрій Царевичъ погибъ такъ, какъ погибъ знаменитый англійскій кентерберійскій епископъ Ѳома Бэкетъ. Король Генрихъ II, усталый отъ вмѣшательства Ѳомы въ государственныя дѣла, сказалъ при своихъ приближенныхъ: «Неужели никого не найдется, кто бы меня избавилъ отъ этого попа, который во всякія мои дѣла носъ суетъ?» Трое изъ этихъ приближенныхъ въ ту же минуту сѣли на коней, поскакали—и въ тотъ же вечеръ убили несчастнаго архіепископа въ собственномъ его соборѣ, у подножія алтаря. Такъ ли, иначе ли, а во всякомъ случаѣ Борисъ былъ причастенъ смерти Царевича Дмитрія; но народъ объ этомъ промолчалъ, какъ бы выжидая, что́ будетъ дальше.

Умеръ царь Ѳедоръ Іоанновичъ—и некому было занять московскаго престола. Самымъ простымъ дѣломъ было бы избрать на престолъ кого-нибудь изъ старшихъ Рюриковичей; но московская политика XIV, XV и XVI вѣка низвела Рюриковичей до степени служилыхъ людей. Рюриковичей видѣли тогда приказными людьми,—видѣли, что они сидятъ ниже бояръ темнаго происхожденія, ниже какихъ-нибудь татарскихъ царевичей. Вообще Рюриковъ родъ къ концу XVI вѣка, въ 1598 году, когда умеръ Ѳедоръ Іоанновичъ, окончательно вышелъ изъ вѣры. По милости Рюриковичей на Руси постоянно происходили смуты и междоусобія. Мономахи, Мстиславы Галицкіе и Мстиславы Торопецкіе являлись межъ князьями рѣдкостью. Западная Русь первая поняла отсутствіе государственныхъ способностей въ Рюриковомъ родѣ и передалась литовцамъ,—какъ впослѣдствіи, усталая отъ литовцевъ, передалась она полякамъ,—все для того чтобы пріискать толковыхъ и дѣльныхъ вождей народа. Талантливѣйшими изъ Рюриковичей были потомки Александра Невскаго, великіе князья московскіе; но великихъ князей московскихъ не стало съ капризнымъ Иваномъ Васильевичемъ и съ его безхарактернымъ сыномъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ. Пришлось избирать государя. Годуновъ, какъ бояринъ, сидѣлъ выше Рюриковичей; въ него вѣровали, къ нему привыкли,—и, несмотря на его отнѣкиванія, его выбрали на престолъ. Само собою разумѣется, что отнѣкивался Годуновъ точно такъ же, какъ отнѣкивался нѣкогда Юлій Цезарь, какъ отнѣкивался вскорѣ послѣ Годунова Кромвель.

Казалось, Руси ничто не грозитъ, благо на престолѣ сѣлъ новый царь, человѣкъ свѣжій, талантливый, примѣрный отецъ (до сихъ поръ еще не забытый народомъ) Ксеніи и сына Ѳедора. Борисъ Ѳедоровичъ, прослуживъ при Грозномъ въ опричникахъ, самъ побывавшій и въ молодшихъ людяхъ и въ боярахъ, долженъ былъ хорошо знать Русь и управлять ею не по старому. Онъ выросъ не въ чертогахъ царскихъ; онъ видѣлъ народъ близко; онъ короче прирожденнаго государя зналъ всякія боярскія и не боярскія отношенія; онъ видѣлъ и иноковъ, и бояръ, и приказныхъ, не съ высоты престола; онъ былъ призванъ на престолъ народомъ;— и мы дѣйствительно видимъ, что въ его короткое царствованіе (съ 1598—1604) онъ если ничего не сдѣлалъ, то по крайней мѣрѣ затѣвалъ сдѣлать очень многое. Это былъ человѣкъ, хотѣвшій, во что бы то ни стало, ввести свое колоссальное московское государство

въ связь съ Европой. Дочь свою Ксенію думалъ онъ выдать замужъ за датскаго королевича Христіана; но, къ несчастію, этотъ датскій королевичъ пробылъ въ Москвѣ всего мѣсяцъ и Богъ знаетъ почему-то умеръ. Годуновъ вызывалъ въ Россію и иноземцевъ, всякихъ мастеровъ и художниковъ, и сильно мечталъ о томъ чтобы основать въ Москвѣ университетъ. Но народъ задавался тогда мыслію, что у царя есть измѣнники, что противъ царя всюду крамолы кроются,—и ни какъ не могъ понять, отчего умерли датскій королевичъ и русскій царевичъ Дмитрій. Грозный испугалъ русскій народъ мыслью, что царя хотятъ извести,—и вотъ началось въ началѣ XVII вѣка первое исканіе народомъ законнаго государя.

Народныя мысли сложились такимъ образомъ: «Законнаго государя хотятъ извести, а у него всегда есть слуги вѣрные. Не можетъ быть, чтобы Дмитрія Царевича въ самомъ дѣлѣ убили; нашелся же какой-нибудь вѣрный слуга, который подставилъ на его мѣсто другаго ребенка. Гдѣ-нибудь на Литвѣ скрывается, въ неизвѣстности пребываетъ настоящій Дмитрій Царевичъ. Не можетъ быть, чтобы царскій родъ прекратился. Настоящій законный государь живетъ теперь по простотѣ, ходитъ въ простомъ одѣяніи, видитъ всякія наши бѣды —и ждетъ, что ему помогутъ, т. е. что мы сами ему поможемъ вступить на прародительскій престолъ, и онъ видѣвши насъ не изъ терема, а въ нашихъ избахъ, съумѣетъ отстоять насъ отъ нашихъ лиходѣевъ. Онъ (законный государь) знаетъ, что мы ему вѣрны и преданы, —и онъ видѣлъ, какъ обижаютъ насъ всякіе помѣщики, дьяки, приказные или воеводы».

И вотъ, когда царь Борисъ сидѣлъ на престолѣ въ полной славѣ и совершенно спокойно, мудро управляя государствомъ,—и, не боясь ни внутреннихъ враговъ ни внѣшнихъ, подготовлялъ сына своего Ѳедора къ управленію государствомъ, мечтая объ университетахъ и о просвѣщеніи Руси,—вдругъ пронесся слухъ, что живъ Дмитрій Царевичъ. Кто такой былъ этотъ Дмитрій Царевичъ, какъ явился въ Галичинѣ у пана Мнишка, какъ представился онъ къ польскому королю Сигизмунду, писано было много; но, не смотря на всякія ученыя изслѣдованія, понять до сихъ поръ ничего нельзя. Понятно только, что въ глазахъ народа вдругъ явился законный государь,—и этому законному государю народъ увѣровалъ, а отъ Бориса Ѳедоровича отшатнулся. Увѣровали этому законному государю и въ Польшѣ, — его признали въ Краковѣ, ему позволили при помощи польскихъ магнатовъ и войска вторгнуться въ Россію. За эту помощь Польша заплатила дорого; съ тѣхъ поръ завязалась кровавая борьба между Русью и Польшей. Польскіе кони стояли въ кремлевскихъ храмахъ, но съ тѣхъ поръ русскія войска стоятъ на варшавскихъ плацахъ. Самозванецъ шелъ и билъ царскихъ воеводъ; не удалось ему побить только одного молодаго Басманова. Басмановъ былъ не изъ особенно-родовыхъ людей, но Борисъ возвысилъ его за его побѣды и посадилъ выше другихъ боярскихъ родовъ. То было время счетовъ мѣстами, на Басманова вознегодовали—и можетъ быть погибъ бы Басмановъ преждевременно, еслибы тотчасъ же послѣ смерти Бориса не передался лжецаревичу Дмитрію. Очевидно было, что московскіе бояре вошли въ стачку съ самозванцемъ; очевидно было, что вся Русь ждетъ этого законнаго государя,—и этотъ законный государь все шелъ да шелъ, подвигался вмѣстѣ съ поляками, запорожскими казаками, руша все и погубляя царство одного изъ величайшихъ государей русскихъ. Онъ шелъ, наводя на насъ смуту; по его милости чуть-чуть не подпали мы подъ власть поляковъ и шведовъ,—и было время, когда только одинъ клочекъ земли русской былъ независимъ: то была Троицко-Сергіевская Лавра, о которой мы недавно говорили.

Годуновъ не перенесъ этого удара; такъ ли, иначе ли, но сильная натура его надломилась—и онъ умеръ. Эскизъ нашего талантливаго молодаго художника, А. В. Васильева, представляетъ послѣдніе минуты Бориса, какъ они изображены геніальнымъ перомъ Пушкина въ его драмѣ. Годуновъ на смертномъ одрѣ, готовый принять схиму, благословляетъ Ѳеодора; Ксенія, въ обморокѣ, на рукахъ одного изъ бояръ; на заднемъ планѣ—плачущая царица, датское посольство и бояре; испуганный рындъ довершаетъ картину общаго смятенія.

Не шали съ огнемъ.

Комедійка для домашнихъ спектаклей.

(*Окончаніе*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Лиза, одна, потомъ **Оля**.

Лиза (*одна*). Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? Олю теперь не уговоришь. Вѣдь изъ пустяковъ можетъ все дѣло разстроиться. Пойду и пошлю къ нему Ѳеню; онъ не далеко тутъ живетъ. Пусть черезъ полчаса придетъ. Оля къ тому времени уходится.

Оля (*входя*). Лиза! Гдѣ-же Сухотинъ? Вѣрно разсердился.

Лиза. Нѣтъ, онъ извиняется; онъ черезъ полчаса придетъ.

Оля. Вотъ онъ каковъ! Я нарочно этого противнаго Пушку выгнала, чтобъ съ нимъ поговорить, а онъ и убѣжалъ. Нѣтъ, Саша, я ни за что не прощу тебя!—Лиза, ты куда?

Лиза. На кухню, посмотрѣть надо—тетушка просила.

Оля. Ну, ступайте, ступайте, сударыня, хозяйничайте! Вамъ это приходится, замужъ скоро выйдете. А я—человѣкъ свободный, я гулять буду!

(*Лиза уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Оля, одна.

Ну, хорошо-же, Саша, я тебя за это помучаю. Противный этакой, гадкій, скверный!—Что-жь это я его браню? Развѣ онъ виноватъ? Это все Онуфрій напортилъ. Пристаетъ съ своими любезностями! Погоди-же, негодный старичишка, я тебя проучу! Вотъ придешь съ книгами, я посмѣюсь надъ тобой вдоволь. Ты все хвастаешь, что ты молодецъ,—погоди, я плясать тебя заставлю. Мнѣ какое дѣло, пусть отъ старости разсыплется! Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Гдѣ онъ запропастился? А, вотъ ползетъ.

Насилу ноги переставляетъ. Сдѣлаю такъ, будто не вижу его. Сяду у стола и задумаюсь.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Оля и Онуфрій Петровичъ.

Онуфрій (*входя*). Ну, Онуфрій, начинай теперь! Того прогнали. Звѣремъ на меня посмотрѣлъ, какъ мимо пробѣжалъ. Не вкусно должно быть. Теперь на нашей улицѣ праздникъ. Куда-жь она дѣвалась? А, вонъ, въ задумчивости сидитъ. Гм!, гм! (*кашляетъ*) Не слышитъ. (*Громко*) Ольга Павловна, вы мечтаете?

Оля. Да-съ, мечтала. А что вамъ?

Онуфрій. За книжками, что изволили приказать, сбѣгалъ.

Оля. За какими?

Онуфрій. Вотъ-съ, отличнѣйшія книжки: Юрій Милославскій.

Оля. Покажите! (*беретъ*) фу, какое старье! Я давно ихъ читала (*бросаетъ на столъ*).

Онуфрій (*въ сторону*). Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрій Милославскій!

Оля. Развѣ я это просила? Я Валентину хотѣла прочесть. Какой вы, дѣдушка, противный!

Онуфрій. Виноватъ, Ольга Павловна, виноватъ. Моя вина; не дослышалъ.

Оля. А вамъ много лѣтъ?

Онуфрій. Нѣтъ, чтоже-съ? Не много еще.—Вы на меня въ старину бы посмотрѣли, когда я въ гусарахъ служилъ. Вотъ тогда я молодцомъ былъ. А теперь и люблю, и хочу, и стараюсь, — а все угодить не могу.

Оля. Жаль, что я не тетушка. Вѣдь вы волочились-бы тогда за мной? Правда, вѣдь волочились-бы?

Онуфрій. Помилуйте, я и теперь готовъ. Я люблю, я хочу, я все..... а тогда-бы.. тогда-бы я увезъ васъ, ей Богу, непремѣнно-бы увезъ. И еще какъ! лихимъ манеромъ. Уфъ!

Оля. Что вы?!.. Вы должно-быть страшный тогда были?

Онуфрій. Да-съ, меня всѣ въ полку боялись.

Оля. А тетушка?

Онуфрій. Влюблена, безъ памяти влюблена была. Меня, впрочемъ, всѣ барышни любили.

Оля. Нѣтъ, тетушка-то какова? А вѣдь намъ ни слова!

Онуфрій. Ваша тетушка, извините, немного вотъ тутъ (*указываетъ на лобъ*) слабовата стала. Памяти нѣтъ. Стара стала. Хе, хе, хе!

Оля. А вы старше ея?

Онуфрій (*будто не слышалъ*). Нѣтъ-съ, вообразите, хе, хе, хе! Забыла, какъ я гусаромъ кутилъ, хе, хе хе!

Оля (*всторону*). Ничего не замѣчаетъ, противный! (*вслухъ*) А вы кутили?

Онуфрій. Еще какъ! Нынѣшнимъ далеко до насъ. Мы по двѣ недѣли безъ просыпу—вотъ какъ!

Оля. Такъ двѣ недѣли и не спали?

Онуфрій. Гдѣ спать! До спанья-ли! (*декламируетъ*).

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами.

Оля. Съ красносизыми! Фи, какая гадость! И у васъ такой-же былъ?

Онуфрій (*закрывая носъ рукою*). Нѣтъ-съ, у меня ничего, у меня.....

Оля. Что у васъ? Зачѣмъ вы носъ закрываете?

Онуфрій. Нѣтъ, я такъ-съ, ничего; зачесалось.

Оля. Зачесалось? Покажите; покажите-ка.

Онуфрій (*не давая*). Нѣтъ-съ, зачѣмъ-же?

Оля (*взявъ его руку*). Ну, вотъ видите, и у васъ сизенькій.

Онуфрій. Что-жь что сизенькій? это ничего. Вамъ смѣшно? Ну, смѣйтесь!—А я вамъ скажу прямо по гусарски, не въ носѣ дѣло, а въ сердцѣ.

Оля (*серіозно*). Ну нѣтъ, я съ вами не согласна, носъ надо чтобъ хорошій былъ. А сизенькій не хорошо.

Онуфрій (*всторону*). Опять сизенькій! (*подходя къ ней*) Нѣтъ, вы выслушайте меня; у кого сердце горячее.....

Оля. Ахъ, отстаньте, отстаньте, я не люблю когда про сердце говорятъ.—Скажите, вы ловко танцовали?

Онуфрій. Гм! лучше всѣхъ. Я и теперь-бы, да не принято старикамъ. Въ танцахъ, знаете, открыться можно.

Оля. Ну, такъ протанцуйте со мною мазурку.

Онуфрій. Извольте, готовъ.

Оля. Сейчасъ, здѣсь, въ саду.

Онуфрій. Помилуйте... гдѣ-же сейчасъ... и музыки нѣтъ...

Оля. А вонъ, слышите, на сосѣдней дачѣ музыканты собираются играть. Они всегда мазурку играютъ. Ну, приглашайте-же меня.

Онуфрій. Ей-ей, не ловко!

Оля. А сейчасъ чтó говорили? А, понимаю!.. вы не хотите мнѣ открыться.

Онуфрій. Помилуйте... вамъ-съ?

Оля. Ну, такъ начинайте.

Онуфрій. Извольте. Докажу, что я гусаръ! (*идетъ и съ вывертами подходитъ къ ней*) Имѣю честь просить васъ на мазурку.

Оля. Извольте (*подаетъ руку*). Что-же вы?

Онуфрій. Ольга Павловна, позвольте вамъ открыться......

Оля. Это что? Вы сперва начинайте! Слышите, музыка началась.

(*Музыка*).

Онуфрій. Да тутъ не слышно.

Оля. Ничего, ничего; сейчасъ громче будетъ (*тащитъ его*). Ну, идите-же, идите!

Онуфрій. Позвольте... сейчасъ... Господи! (*Музыка. Они танцуютъ.*)

Онуфрій. (*останавливаясь*) Довольно....

Оля. Мало, мало, я еще хочу.

(*Танцуютъ*).

Онуфрій (*садится на стулъ и тяжело дышетъ*). Охъ, охъ, охъ!

Оля. Ха, ха, ха! Еще хвастали, а отъ двухъ туровъ устали.

Онуфрій. Я-съ... давно... ей-ей....

Оля. Стыдно, стыдно, дѣдушка. А еще открыться хотѣли!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

тѣже, Лиза.

Лиза (*входя*). Оля, Оля, пойди сюда!

Оля (*подбѣгая къ ней*). Что тебѣ?

Лиза. Сухотинъ сейчасъ придетъ.

Оля. Господи!.. неужели?—Я сейчасъ его (*указывая на Онуф. Пет.*) прогоню (*подходитъ къ нему*). Дѣ-

душка, миленькій, вы устали—ступайте домой, отдохните!

Онуфрій (*вставая*). Нѣтъ-съ, Ольга Павловна, теперь позвольте....

Оля. Да мнѣ теперь некогда, ей-Богу, некогда.

Онуфрій. Нѣтъ-съ, позвольте, вы сами обѣщали...

Оля. Я, ей-Богу, не знаю... какъ-же? Тутъ Лиза.

Онуфрій (*горячась больше и больше*). Это ничего-съ: я не только что предъ Лизаветой Михайловной, передъ цѣлымъ свѣтомъ я васъ люблю, Ольга Павл.....

Оля. Ахъ, Господи, какія вы глупости говорите! Я не хочу слушать.

Онуфрій. Вы должны-съ.

Оля. Мнѣ тетушка не позволила.

Онуфрій. Тетушка тутъ ни при чемъ. Я желаю просить вашей.....

Оля. Ей-богу, тетушка разсердится.

Онуфрій. Пусть сердится. Я....

Оля. Не хочу, не хочу слушать! (*въ сторону*). Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?

Онуфрій. Я на колѣни встану.....

Оля. Что вы? что вы? Голубчикъ, дѣдушка! знаете что? Вы къ тетушкѣ ступайте; съ тетушкой и объяснитесь.

Онуфрій. Вы желаете — иду. Для гусара—слово женщины—законъ!

Оля. Да вы скорѣе, сейчасъ (*тотъ идетъ*). Да вы бѣгите, вотъ такъ, вотъ такъ! (*Онъ ковыляетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Лиза и Оля.

Оля. Ахъ, какой скверный, насилу ушелъ.

Лиза. Что это съ нимъ?

Оля. Послѣ разскажу. Теперь говори: что онъ, скоро придетъ? какъ ты узнала?

Лиза. Я посылала къ нему отъ твоего имени.

Оля. Зачѣмъ-же?—такъ вотъ что! А я думала—онъ самъ.

Лиза. Ну, Оля, ты сердить меня начинаешь. А если-бъ онъ самъ совсѣмъ не пришелъ? что тогда-бы? Благо что придетъ. Ты гордость то отбрось, попроси у него прощенія. Вѣдь ты-же обидѣла его.

Оля. Да, какъ-же!

Лиза. Такъ, значитъ, ты его не любишь. Жаль, что посылала! Я пошлю Ѳеню сказать, чтобъ не приходилъ.

Оля. Нѣтъ, Лиза, не дѣлай этого! Ужъ пусть приходитъ. Спасибо тебѣ (*цалуетъ ее*). Поди, задержи тетушку и Онуфрія Петровича.

Лиза. Не бойся, тетушка его сейчасъ не приметъ. Она переодѣвается. Ты только поласковѣе прими его.

Оля. Хорошо, хорошо. Я только боюсь, что дѣдушка вернется. Ты поди, задержи его.

Лиза (*идя, грозитъ ей пальцемъ*). Только помни, Оля, не шути съ огнемъ!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Оля, одна, потомъ Сухотинъ.

Оля. А, вотъ что! вы думаете, что я серіозно любить не могу, что я шалю только! Увидимъ! увидимъ! Что-же это Саша? будто не знаетъ, что я его жду. Этакой негодный! нѣтъ, онъ милый, милый такой! Онъ придетъ. Онъ любитъ меня. А, вотъ и онъ! Ну, смѣлѣй на встрѣчу! Господи, отчего это мнѣ вдругъ страшно стало?!

(*Входитъ Сухотинъ*).

Сухотинъ. Здравствуйте, Ольга Павловна.

Оля. Здравствуйте, Александръ Иванычъ.

(*Маленькое молчаніе*)

Оля. Вы, кажется, давече разсердились?

Сухотинъ. Нѣтъ!

Оля (*передразнивая его*). Нѣтъ! какъ сухо! Оставьте этотъ сухой тонъ, не то я разсмѣюсь.

Сухотинъ. Вы находите, что можно смѣяться?

Оля. Отчего-же?

Смѣяться право не грѣшно,
Надъ тѣмъ, что́ кажется смѣшно.

Сухотинъ. Положимте, что такъ!

Оля. Блаженъ кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ?—что это вы стихами хотите переговариваться?

Сухотинъ. Отчего-жъ и не стихами, если они идутъ къ дѣлу.

(*Молчаніе*).

Оля. Ну-съ? (*Сухотинъ молчитъ*). Александръ Иванычъ, полноте играть комедію—это ей-Богу смѣшно. Неужели вы воротились для того, чтобъ говорить мнѣ колкости?

Сухотинъ. Можетъ быть.

Оля. «Да; нѣтъ; можетъ быть.» Больше вы ничего не скажете?

Сухотинъ. Вы видите, я не могу; я глупъ сегодня.

Оля. Не смѣю сомнѣваться.

Сухотинъ. Вы опять за шутки!

Оля. Отчего-же нѣтъ?

Сухотинъ. Когда любятъ, не шутятъ.

Оля. А что-же?

Сухотинъ. А любятъ серіозно.

Оля. То есть, по вашему, когда любишь, пошутить нельзя? все сиди нахохлившись? Пріятная картина, нечего сказать! Нѣтъ, я хочу смѣяться, шутить, когда я весела, — а когда я люблю, мнѣ весело. А вамъ скучно? Бѣдный Александръ Иванычъ!

Сухотинъ. Нельзя шутить любовью.

Оля. Да и я не шучу; тысячу разъ, не шучу. Только, по моему, къ чему тутъ вздохи, да недомолвки? Любишь—подойди и скажи прямо: «Оля, я люблю тебя!»

Сухотинъ. Оля, я люблю тебя.

Оля (*отступая*). Вѣдь я не вамъ это говорила, я вообще.

Сухотинъ. И я—вообще.

Оля. Спасибо, что сказали, а я подумала въ самомъ дѣлѣ. Вотъ что́ значитъ быть глупой. Ей-ей, я вѣдь чуть-чуть не бросилась къ вамъ!

Сухотинъ (*отбѣгая въ сторону*). Какой-же я дуракъ!

(*Молчаніе*).

Оля. Ну-съ? вы за этимъ приходили? Такъ теперь все кончено, можете идти домой. Прощайте!

Сухотинъ. Ольга Павловна, простите—я глупъ; я испытать васъ хотѣлъ.

Оля. А вы раньше не знали? Оставьте, оставьте меня! вы человѣкъ серіозный, а я вѣдь шучу, я шучу!

Сухотинъ. Оленька, прости! Я виноватъ.

Оля. Я не сержусь на васъ.

Сухотинъ. Прости меня; вѣдь я утопающій былъ, а утопающій за соломенку хватается.

Оля. Правда? посмотри-ка на меня! вотъ такъ. Правда?

Сухотинъ. Правда, ей-богу, правда!

Оля. И ты не шутишь?

Сухотинъ. Нѣтъ, тысячу разъ, нѣтъ.

Оля. Довольно и одного.—Ну, что-жь мы теперь будемъ дѣлать?

Сухотинъ. Что всѣ дѣлаютъ—обвѣнчаемся.

Оля. Вотъ за это спасибо; молодецъ, прямо отвѣтилъ! Пойдемъ прямо къ тетушкѣ. Или нѣтъ—поцалуй меня (*цалуются*), вотъ такъ, покрѣпче!

Онуфрій (*за сценой*). Да пожалуйте-же въ садъ, въ саду все и объясню, матушка, Зинаида Николавна.

Оля. Ахъ, Боже мой! я про него и забыла. Саша, пойди сюда, спрячемся за дерево.

Сухотинъ. Это зачѣмъ?

Оля. Узнаешь сейчасъ; иди-же!

(*прячутся*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Онуфр. Петр., Зинаида Николавна; Оля и Сухотинъ, за деревомъ.

Зинаида. Ну, чего тебѣ? Въ садъ непремѣнно иди! безъ фокусовъ не можешь.

Онуфрій. Давно-бы все, матушка, узнали—сами виноваты.

Зинаида. Что-жь, отецъ мой, мнѣ за тобой въ одной юбкѣ, прости Господи, въ садъ бѣжать было, что-ли?

Онуфрій. Извольте-ка стать вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

Зинаида. Стала. Говори.

Онуфрій. Ну-съ, матушка, Зинаида Николавна, честь имѣю у васъ руку вашей племянницы, Ольги Павловны, просить.

Зинаида. Да ты рехнулся? ей-богу, рехнулся!

Онуфрій. Пока еще въ здравомъ умѣ и бодромъ тѣлѣ. Вы не сердитесь, сударыня,—сама Ольга Павловна приказала къ вамъ обратиться.

Зинаида. Да она что! бѣлены что-ли объѣлась! Гдѣ-жь она?

Онуфрій. Придетъ, матушка, Зинаида Николавна придетъ. Вы не сердитесь. — Что, сударыня, обидно, что племянница жениха отбила?

Зинаида. Что ты плетешь? не пойму. Ей-богу, ты рехнулся!

Онуфрій. А помните, сударыня, въ Пятигорскѣ?

Зинаида. Это что еще?

Онуфрій. Стишки-то помните? а? (*декламируетъ*).

Не кирасиръ и не гусаръ,
Вселилъ въ меня любовный жаръ.

Зинаида. Стихи-то помню; только къ чему ты все это плетешь?

Онуфрій. Нѣтъ, стишки-то припомните! Хе, хе, хе!

Зинаида. Говори толкомъ, не то уйду.

Онуфрій. Вы стишки-то припомните! Тогда все объяснится.

Зинаида. Не тебѣ эти стихи говорить! Что дѣлать? присталъ, поневолѣ скажешь. Добромъ, видно, не отстанешь (*читаетъ съ чувствомъ*).

Не величавый кирасиръ,
Красавецъ, города кумíръ,
Не въ яркомъ ментикѣ повѣса
Плѣнилъ мой простодушный взоръ,
Въ горахъ я встрѣтила черкеса
И предалась любви съ тѣхъ поръ.

Ну, что-жь тебѣ?

Онуфрій. Теперь извольте отвѣчать: кто былъ кирасиромъ.

Зинаида. Ну,—князь Бахтѣевъ.

Онуфрій. А гусаръ, сударыня?

Зинаида. Бобриковъ.

Онуфрій. Такъ, такъ. А черкеса-то запамятовали поди?

Зинаида. Тьфу тебѣ! вотъ что!

Онуфрій. Вы не сердитесь, матушка, Зинаида Николавна, черкесъ-то вѣдь я былъ. Васъ-то вѣдь я плѣнилъ! Хе, хе, хе!

Зинаида (*наступая на него*). Ты? ты? лжешь, не ты! Все лжешь. То въ гусарахъ былъ, а теперь—на-ка!—въ черкесы попалъ!

Онуфрій. Вы не сердитесь, матушка, Зинаида Николавна, женишка-то потеряли. Обидно, да дѣлать нечего. Хе, хе, хе!

Зинаида. Тьфу! плевать я на тебя хотѣла, вотъ что (*идетъ*).

Оля (*выходя изъ за дерева*). Постойте, тетушка!

Зинаида. Тебѣ чего еще? Ступай, цалуйся съ своимъ возлюбленнымъ; хорошъ нечего сказать! Пугало воронье!

Оля. Извините, тетушка, я васъ такъ люблю. (*Онуфрію Петровичу*) Нѣтъ, дѣдушка, ужъ вы на тетушкѣ женитесь; я чужихъ жениховъ отбивать не хочу.

Зинаида. Да и ты никакъ рехнулась!

Онуфрій. Помилуйте! Ольга Павловна! Что это значитъ! Объяснитесь!

Оля. Сейчасъ. Лиза!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же и Лиза. Сухотинъ, за деревомъ.

Оля (*ей*). Вы, сударыня, говорили мнѣ, чтобъ я не шалила съ огнемъ, а вы тетушка прибавили: сама обожжешься; а я, вотъ, хоть и шалила, да не обожглась. Стоило-бы вамъ уши нарвать, да ужь Богъ съ вами! Александръ Иванычъ, пожалуйте сюда (*Сухотинъ выходитъ*). Вотъ, честь имѣю представить: мой будущій мужъ. Я его Сашей буду звать.

Зинаида. }
Лиза. } Ну, вотъ, слава Богу!

Онуфрій. Да какъ-же-съ?.. я не позволю.

Зинаида. Вѣдь говорила тебѣ, что рехнулся,—такъ и вышло. Во снѣ вѣрно приснилось.

Онуфрій. Нѣтъ-съ, какже-съ?.. что-жь мнѣ дѣлать? Объясните.

Оля. Да женитесь на тетушкѣ; вы вѣдь давно хотѣли.

Зинаида. Ну, его!

Сухотинъ. Или будьте нашимъ посаженымъ отцомъ.

Зинаида. Вотъ это дѣло. Ну, дѣти, поцалуйтесь, я посмотрю.

Оля. Извольте, тетушка (*цалуются*).

Зинаида. (*Онуфрію Пет.*) Что отецъ мой, и видитъ глазъ, да зубъ нейметъ. Мы вотъ что съ тобой, какъ сынъ у нихъ родится, такъ окрестимъ—кумовья будемъ.

Оля. Ахъ, тетушка!

Зинаида. Что-жь, Оля, дѣло житейское.

(*Занавѣсъ*).

Д. Аверкіевъ.

Чарльзъ Диккенсъ

(некрологъ).

Общечеловѣческая литература понесла тяжелую, незамѣнимую потерю: 9 іюня (н. с.) текущаго года въ Лондонѣ умеръ геніальный юмористъ Чарльзъ Диккенсъ, родившійся 7 февраля 1812 г. въ Ландпортѣ у Портсмута, гдѣ отецъ его служилъ по морскому вѣдомству. 8-ми лѣтъ отъ роду, маленькій Чарльзъ переѣхалъ въ Лондонъ— и съ дѣтства пристрастился къ чтенію отечественныхъ романистовъ и драматурговъ. Впослѣдствіи, располагая весьма скудными средствами, молодой человѣкъ работалъ у адвоката, въ то же время состоя репортеромъ въ газетѣ «Зеркало Парламента»,—два занятія, впослѣдствіи давшія Диккенсу богатѣйшій матеріалъ для его романовъ. Наконецъ онъ сталъ сотрудникомъ Morning Chronicle— и въ этой газетѣ появился первый художественный трудъ его (подъ псевдонимомъ Boz): «очерки Лондона» (Sketches of London) съ рисунками Крюкшенка. Уже въ этомъ первомъ своемъ произведеніи авторъ выказалъ то поразительное знакомство съ бытомъ низшихъ классовъ, которымъ запечатлѣны всѣ послѣдующія сочиненія; но собственно *славой* Диккенсъ обязанъ «Запискамъ Пиквикскаго Клуба (1837—1838)», сразу поставившимъ его на степень первокласснаго писателя и прочитаннымъ на расхватъ во всей Европѣ и Америкѣ.

Затѣмъ слѣдовали романы: Nicolas Nickleby, Master Humphrey's Clock, Barnaby Rudge (1841), Martin Chuzzlewit, не менѣе худужественные, но уступающіе «Пиквикцамъ» въ свѣжести и наивности юмора.

«Святочными разсказами» Диккенсъ вступилъ въ область художественной сказки. Таковы: Christmas Carol (1844), Cricket (1845), Battle of life (1846), и проч., посвященные различнымъ соціальнымъ вопросамъ и полные кипучаго жизненнаго интереса.

Полнаго развитія творческой силы Диккенсъ достигаетъ въ романахъ: «Домби и сынъ» (1847), «Давидъ Копперфильдъ» (1849—50) и «Крошка Дорритъ» (1855). Богатство матеріала, глубина замысла и основной идеи, обширное знаніе свѣта и жизни, разнобразіе и живость типовъ, юморъ (вырывающій у читателя то неудержимый смѣхъ то слезы участія), поэтическія отступленія, доходящія до высокаго лиризма, необыкновенно нѣжная отдѣлка тонкихъ душевныхъ движеній (особенно, въ женскихъ типахъ), блестящій слогъ и неподражаемо-характеристичная народная рѣчь, — таковы элементы этихъ безсмертныхъ произведеній.

Покинувъ редакцію основанной имъ газеты Daily News, Диккенсъ въ 1850 г. началъ издавать небольшой журналъ для семейнаго чтенія, Household Words, впослѣдствіи (съ 1860 г.) переименованный въ All the Year round, котораго и оставался издателемъ до самой смерти своей. Журналъ этотъ въ такой степени всемірно-популяренъ, что достаточно упомянуть о немъ.

Будучи первокласснымъ писателемъ, Диккенсъ владѣлъ и замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ, выказаннымъ имъ на спектакляхъ, которые давались во многихъ городахъ «Обществомъ пособія престарѣлымъ литераторамъ (Litterary Guild)». Сценическій талантъ его проявлялся и въ публичныхъ чтеніяхъ, для которыхъ Диккенсъ предпринималъ поѣздки даже въ Америку, гдѣ его всегда встрѣчали съ восторгомъ, не говоря уже объ успѣхѣ этихъ чтеній въ отечествѣ знаменитаго писателя. Онъ имѣлъ обыкновеніе бѣгло разсказывать весь романъ выбранный для подобнаго чтенія, останавливаясь на болѣе симпатичныхъ ему главахъ цѣликомъ—и тутъ то выступалъ удивительный даръ говорить за каждое лицо романа особеннымъ голосомъ, пріобрѣтшій чтецу такое множество поклонниковъ.

Въ прошломъ и текущемъ году, какъ бы предчувствуя близкую кончину, Диккенсъ предпринялъ (какъ объявлено было въ газетахъ) *послѣдній* рядъ этихъ чтеній, законченныхъ имъ въ мартѣ 1870 г. слѣдующею трогательною рѣчью къ слушателямъ:

«Леди и джентльмены, не только напрасно, но даже лицемѣрно и неблагодарно было бы съ моей стороны скрывать, что я заканчиваю этотъ эпизодъ моей жизни—съ чувствомъ немалой грусти. Вотъ уже лѣтъ пятнадцать, какъ я имѣлъ честь, въ этой и многихъ родныхъ мнѣ мѣстностяхъ, являть передъ вами въ очію знакомыя вамъ, взлелѣянныя мною идеи, — и внимательно слѣдя за впечатлѣніемъ, пользоваться такой массою художественнаго наслажденія и опыта, которую быть можетъ немногимъ дано извѣдать. Въ этомъ трудѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ, которые я предпринималъ въ качествѣ преданнаго служителя публики, постоянно проникнутый сознаніемъ долга въ отношеніи ея,—я неизмѣнно встрѣчалъ самый искренній откликъ, самое горячее сочувствіе и самую лестную поддержку. Тѣмъ не менѣе, я счелъ за благо, въ апогеѣ вашей благосклонности, обратиться къ той прежней связи, которая установилась между нами съ болѣе давняго времени нежели эта, — и отнынѣ исключительно посвятить себя искусству, сблизившему насъ впервые. Леди и джентльмены, я надѣюсь, не пройдетъ двухъ недѣль, какъ вы получите возможность у себя дома предпринять новый рядъ чтеній, въ которыхъ содѣйствіе мое будетъ необходимо; но съ этихъ подмостковъ я исчезаю навсегда, съ сердечнымъ, признательнымъ, почтительнымъ и любящимъ *прости*».

Чтенію, на которое намекалъ Диккенсъ въ послѣднихъ словахъ, не суждено было состояться до конца. Новый романъ его «Тайна Эдвина Друда», переводимый въ журналѣ г. Каширева (Заря, 1870 г., №№: 4 и 5), не конченъ за смертію автора.

Въ частной жизни Диккенсъ былъ прекраснымъ семьяниномъ; дочь его замужемъ за Вильки Коллинзомъ, романы котораго такъ популярны во всей Европѣ и который принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіи All the Year round. Располагая большими суммами отъ продажи своихъ сочиненій, Диккенсъ также легко и тратилъ ихъ и часто бывалъ принужденъ писать въ газеты или предпринимать поѣздки въ Америку—для денегъ. Знавшіе близко покойнаго говорятъ, что онъ много помогалъ бѣднымъ,—и если давалъ иногда—въ пику лордамъ—званые обѣды, на которыхъ роскошь выходила за предѣлы вѣроятія, то это слѣдуетъ приписать той-же юмористической струнѣ его души, которая отвела ему мѣсто въ сонмѣ безсмертныхъ писателей....

«*Человѣкъ* онъ былъ», говорятъ иногда въ лучшую похвалу отшедшимъ изъ этого міра. Не былъ ли Диккенсъ чѣмъ-то большимъ для насъ—именно (какъ озаглавленъ одинъ изъ послѣднихъ его трудовъ) *нашимъ общимъ другомъ*?

Зданія мануфактурной выставки въ Касселѣ.

Мануфактурная выставка въ Касселѣ.

(*Продолженіе*).

Двѣ недѣли спустя по открытіи Всероссійской мануфактурной выставки, открыта подобная же выставка въ Касселѣ, въ такъ называемомъ Луговомъ Саду (Auegarten), гдѣ по старинному обычаю ежегодно празднуется Троицынъ день, который въ текущемъ году приходился на 5 Іюня (нов. стил.),—и дѣйствительно, трудно было бы выбрать лучшее мѣсто для выставки въ такихъ размѣрахъ. Отдаленныя лишь на нѣсколько сотъ шаговъ отъ красивѣйшихъ частей города, зданія выставки расположены межъ каштановыхъ аллей роскошнаго сада, превращающагося весною въ чащу цвѣтовъ. Сборнымъ пунктомъ посѣтителей и вмѣстѣ самымъ блестящимъ изъ помѣщеній выставки является такъ-называемый Тепличный Зàмокъ (Orangerieschlosz), съ фасадомъ въ 450 футовъ, построенный въ прошломъ столѣтіи (1720—1738), во вкусѣ рококо. Зàмокъ этотъ, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ, состоитъ изъ срединнаго павильона (котораго высокій открытый порталъ прежде служилъ для проѣзда изъ Стараго Зàмка въ Луговой паркъ) и далѣе изъ двухъ угловыхъ павильоновъ, соединяющихся съ срединнымъ двумя одно-этажными галлереями, образующими двѣ громадныя залы. Предъ Зàмкомъ, къ югу, расположена каменная терраса, для лѣтнихъ прогулокъ посреди цвѣтущихъ лимоновъ и померанцевъ, съ которой взоръ вашъ, скользя надъ роскошнымъ газономъ, достигаетъ окраинъ Луговаго парка,—такъ какъ расположенныя вѣеромъ главныя аллеи, имѣя исходною точкою порталъ Зàмка, начинаются лишь по ту сторону газона, въ равномѣрномъ удаленіи отъ зрителя.

Внутренность замка, бывшаго десятки лѣтъ въ запустѣніи, нынѣ на суммы комитета выставки реставрирована—и въ особенности роскошно отдѣланъ концертный залъ. Капельмейстеръ Мансфельтъ, изъ Франкфурта, ежедневно будетъ управлять оркестромъ — то въ залѣ, то въ окрестности ея на открытомъ воздухѣ при благопріятной погодѣ. Сверхъ того, въ концертахъ à la Baden-Baden приметъ участіе и кассельская театральная капелла подъ управленіемъ Рейса. Для матеріальныхъ потребностей посѣтителей устроены два ресторана подъ купами тѣнистыхъ деревьевъ. Въ растояніи нѣсколькихъ тысячъ шаговъ, среди пощаженныхъ временемъ остатковъ Каттенбурга, г. Ренцъ выстроилъ циркъ, деревянный куполъ котораго возвышается надъ мощными стѣнами квадратной ограды. Возстановленіе мостика (такъ называемаго Львинаго Моста), ведущаго изъ стараго укрѣпленнаго зàмка къ той части Луга, гдѣ нынѣ воздвигнуто зданіе выставки, значительно сократитъ и облегчитъ путь сообщенія съ циркомъ, а также и съ низовыми частями города. Импровизированные фонтаны освѣжаютъ окрестность Тепличнаго Зàмка и по вечерамъ освѣщаются нарочно для этой цѣли проведеннымъ газомъ. Распорядители позаботились и объ устройствѣ телеграфа въ зданіи выставки.

Вопросъ о томъ, отзовется ли на это предпріятіе торговый и ремесленный людъ, разрѣшился блистательнымъ образомъ въ пользу выставки. Болѣе тысячи экспонентовъ, изъ которыхъ иными выставлено до сотни предметовъ, приняли участіе въ ней—и не только изъ всей Германіи, но изъ Россіи (весьма значительное число экспонентовъ), Англіи, Франціи, Португаліи, Швеціи и даже Сѣверной Америки.

Фельетонъ.

Наступленіе лѣта.—Обманутыя надежды нѣкоторыхъ предпріимчивыхъ петербуржцевъ.—Народный театръ.—Весеннія экзамены.—Трагическій случай, который они породили.—Отчего онъ произошелъ.—Кое-что о теперешнемъ устройствѣ экзаменовъ.

Лѣто вступило въ свои полныя права. Объ этомъ кромѣ календаря свидѣтельствуетъ все: опустѣніе города, оживленіе всѣхъ дачъ и окрестностей, куда изрѣдка тянутся послѣдніе, запоздалые возы съ мебелью, наиболѣе осторожныхъ и недовѣрчивыхъ къ весеннему благорастворенію воздуха, петербуржцевъ, нестерпимая духота и каменная пыль на улицахъ города. Кончившейся весны добромъ помянуть незачто. Холодная, сырая, она принесла съ собою много болѣзней и не мало смертей. На рѣдкой улицѣ не лежало передъ какимъ нибудь домомъ соломы на мостовой—печальный знакъ того, что въ этомъ домѣ не все благополучно, что въ немъ есть трудно больной или умирающій. Каково-то будетъ лѣто и что̀ оно принесетъ съ собою новаго, кромѣ выставки? Пока оно, не смотря на эту выставку, никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ обычной лѣтней трудной жизни Петербурга не произвело; наѣздъ провинціаловъ и просвѣщенныхъ иностранцевъ, не смотря на выставку, оказался далеко не столь многочисленнымъ какъ этого ожидали. Отъ числа пріѣхавшихъ Петербургъ не только не показался населеннѣе, но ихъ не хватило даже на то, чтобы сколько-нибудь скрыть его обычное лѣтнее опустѣніе. Это обстоятельство обманетъ надежды очень многихъ предпріимчивыхъ обитателей Петербурга и дурно отзовется на ихъ карманахъ. Дѣло въ томъ, что, расчитывая на большой съѣздъ «гостей» и долженствовавшее воспослѣдовать отъ этого вздорожаніе квартиръ, вслѣдствіе большаго на нихъ спроса, нѣкоторые граждане рѣшились поспекулировать на это дѣло и перебрались на дачи, съ разсчетомъ сдать свои городскія квартиры пріѣзжимъ на лѣтніе мѣсяцы; иные-же даже нарочно поснимали и меблировали пустыя квартиры—и большинство такихъ сидитъ теперь у моря и ждетъ погоды. Количество предложеній оказалось несравненно превысившимъ размѣры спроса; въ конторахъ-указателяхъ квартиръ уже отказываются принимать объявленія или порученія о сдачѣ квартиръ съ мебелью, цѣны на нихъ пали очень низко—и такимъ образомъ для многихъ неосторожныхъ петербуржцевъ выставка нетолько не послужила предлогомъ къ обогащенію, но отозвалась матеріальнымъ ущербомъ. Число ежедневно-посѣщающихъ выставку также не поражаетъ своею громадностью и даетъ полное право предполагать, что сборъ за входъ далеко не покроетъ собою расходовъ постройки и устройства помѣщенія выставки,—что впрочемъ ничуть не важно, потому что правительство устраивая и такъ прекрасно устроивши выставку дѣлало это, разумѣется, не съ комерческой спекулятивной

цѣлью, а съ образовательной—и въ этомъ смыслѣ выставка, безъ сомнѣнія, принесетъ много и много пользы.

Выставкѣ-же мы между прочимъ обязаны разрѣшеніемъ устроить столь давно желанный народный театръ. Такой театръ воздвигнутъ теперь купцомъ Малафѣевымъ на Царицыномъ лугу, устроенъ удобно и даже изящно для временнаго балагана, и розыгрываемыя въ немъ піесы идутъ не дурно,—такъ что все было бы хорошо, не назначь антрепренеръ слишкомъ высокихъ цѣнъ на мѣста, что̀ уже совсѣмъ неумѣстно въ народномъ театрѣ. Но мы слышали, что такія цѣны назначены только на первое время и вызваны большими расходами на постройку театра, и что современемъ они будутъ значительно понижены. Желательно, чтобы этотъ слухъ оправдался,—причемъ навѣрное можно предсказать, что и г. Малафѣевъ въ убыткѣ отъ этого не будетъ.

Петербургъ не живетъ безъ трагическихъ случаевъ; рѣдкая недѣля не приноситъ нѣсколько убійствъ, самоубійствъ и другихъ несчастныхъ проишествій, причемъ каждому сезону приличествуютъ преимущественно тѣ или другія приключенія; такъ напр., лѣтомъ, кромѣ случайностей общихъ всѣмъ временамъ года, люди въ избыткѣ горятъ и тонутъ; весною, кромѣ жертвъ разныхъ болѣзней, вѣроятно бываетъ не мало случаевъ несчастной любви или черезъ-чуръ пламенныхъ страстей, но такія жертвы ни въ статистику ни въ Полицейскія Вѣдомости обыкновенно не попадаютъ—и объ горькой ихъ участи «знаетъ только Богъ да подоплека». Ни въ какія статистики и списки не попадаетъ также та масса несчастныхъ учащихся юношей, которые каждую весну проваливаются — не въ воду, сквозь тонкій ледъ, а на экзаменахъ переводныхъ, пріемныхъ, выпускныхъ. Экзамены эти какъ извѣстно бываютъ большею частью весной, что̀ и дѣлаетъ для большинства юношей весну — не порою любви и мечтаній, а напряженнаго труда, волненій и разочарованій. Иная весна для нихъ бываетъ фатальной эпохой, опредѣляющей собою всю будущность, потому что какая нибудь одна неудовлетворительная отмѣтка—для иныхъ закрываетъ навсегда двери университета или вообще высшихъ учебныхъ заведеній, для другихъ—мѣняетъ блестящую карьеру въ Петербургѣ на скромную и труженическую службу въ провинціи, для третьихъ—служитъ причиною упрековъ, жалкихъ словъ и брани со стороны родственниковъ и опекуновъ, и собственныхъ горькихъ слезъ и отчаянія. Такимъ образомъ, экзамены по ихъ значенію и послѣдствіямъ—дѣло далеко не шуточное, а по своему процессу—страшно тяжелое: сколько зубренія, безсонныхъ ночей и тревогъ требуютъ они, сколько молодыхъ силъ и здоровья расходуется на нихъ! И потому, если уже необходимо подобное мѣрило знанія и успѣховъ учащихся, то надо желать чтобы способъ измѣренія былъ выбранъ самый правильный, гарантирующій отъ возможности всякихъ ошибокъ и невѣрныхъ выводовъ,—иначе случаи, если и не столь трагическіе, какъ тотъ по поводу котораго заговорили мы объ этомъ предметѣ, но все-таки крайне грустные будутъ повторяться безпрестанно. Настоящій же случай таковъ: 25 мая, въ 4 часа пополудни, въ зданіи с.-петербургской VII гимназіи, застрѣлился сынъ коллежскаго совѣтника Николенко—Александръ. Покойному было 18 лѣтъ, онъ воспитывался въ Ларинской гимназіи и жилъ при отцѣ. Въ прошломъ году онъ не выдержалъ выпускнаго экзамена и оставленъ былъ въ 7-мъ классѣ на другой годъ. Передъ нынѣшними экзаменами усиленно занимался. Въ день катастрофы онъ вышелъ въ 3 часа утра—и, объявивъ, что у него болитъ голова, ушелъ прогуляться. Вернувшись, занимался вновь—и снова жаловался на головную боль. Въ гимназіи держалъ себя чрезвычайно странно, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, всѣхъ избѣгалъ, быстро ходилъ по корридору. На вопросъ брата: «какъ выдержалъ экзаменъ?»—отвѣтилъ: «скажи дома, что хорошо». Вернувшись домой, прямо пришелъ въ свою комнату, противъ обыкновенія своего ни съ кѣмъ не поздоровавшись, что̀ всѣхъ удивило. На вопросъ матери о экзаменѣ ничего не отвѣтилъ, но сказавъ, что усталъ и нужно ему отдохнуть, вошелъ въ свою комнату, изъ которой черезъ полчаса времени раздался выстрѣлъ. Вбѣжавшій въ ту же минуту братъ нашелъ его лежащимъ на полу, окровавленнымъ: около него лежало одноствольное ружье съ разломанною ложей, вѣроятно отъ сильнаго заряда. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ упоръ въ лобъ и причинилъ безусловно-смертельныя раны. Въ комнатѣ надъ столомъ былъ приклеенъ къ стѣнѣ двумя кусочками липкаго пластыря листъ бумаги, сложенный вдвое и загнутый къ низу съ одного боку. На листѣ большими буквами написано: «простите». На осьмушкѣ бумаги, вложенной въ середину, написано карандашемъ: «у С. и К. попался 13 билетъ, начали спрашивать то, что не проходили, я сказалъ что этого не проходили, С. выразилъ удивленіе и объявилъ, что преподавателемъ 7 лѣтъ и что всегда спрашивалъ, обратились къ А. А»...

Вотъ она—потрясающая душу школьная драма, трагедія изъ дѣтской жизни, съ такъ хорошо всѣмъ намъ знакомыми подробностями и обстановкой: ночами проводимыми напролетъ надъ книгами, болѣзненнымъ состояніемъ нервовъ, лотореею билетовъ экзаменныхъ, черезчуръ безучастными и суровыми экзаменаторами, смущеніемъ и «ошалѣніемъ» истомившагося и потому теряющагося отъ перваго недоумѣнія юноши, стыдомъ неудачи передъ родными и близкими—и отчаяніемъ въ томъ возрастѣ, который могъ-бы еще и не знакомиться съ этимъ чувствомъ. Знакомая картина! и какъ въ виду ея легко вздохнется при мысли, что уже не придется болѣе быть въ ней участвующимъ лицомъ, что пресловутые *счастливые* дни дѣтства и *беззаботной* юности минули и не вернутся болѣе.... Но возвратимся къ экзаменамъ. Отчего застрѣлился Николенко? Безъ сомнѣнія, отъ неудачи экзамена; еслибы временное умопомѣшательство постигло его отъ однихъ усиленныхъ умственныхъ занятій и безсонницы, то все-таки при удачномъ экзаменѣ не было бы причины умопомѣшательству получить такой роковой исходъ: оно высказалось-бы иначе. Отчего-же произошла неудача экзамена?—если вѣрить запискѣ оставленной покойнымъ, неудача на экзаменѣ произошла главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: недоразумѣнія со стороны экзаменатора и смущенія со стороны отвѣчавшаго. Экзаменаторъ предлагаетъ вопросъ, который не былъ объясненъ ученику,—и изъ отказа его отвѣчать на этотъ вопросъ выноситъ дурное мнѣніе объ его знаніяхъ; видя это, ученикъ окончательно смущается, становится безъ ума—и этимъ самымъ какъ-бы поддерживаетъ и оправдываетъ дурное о себѣ мнѣніе. Вотъ эти-то самыя два явленія: недоразумѣнія, ошибочнаго представленія о степени знаній ученика (которое слагается обыкновенно благодаря случайности, играющей, какъ извѣстно, огромную роль на экзаменахъ), и во вторыхъ, волненія ученика,—эти-то два явленія, говоримъ, и дѣлаютъ экзамены въ

ихъ настоящемъ видѣ очень шаткимъ и плохимъ способомъ измѣренія степени знаній и способностей ученика. Кто, прошедшій школьною дорогою, не помнитъ массы анекдотовъ экзаменныхъ, главнымъ образомъ вращающихся на фактахъ удивительнаго счастія и несчастія. Такой-то воспитанникъ принялся за изученіе предмета за нѣсколько часовъ до экзамена, даже разу не успѣлъ прочесть всего курса, выучилъ на счастіе изъ 20 и болѣе билетовъ (на которые разбитъ предметъ) два или три—и счастіе его выручило; ему попался именно одинъ изъ этихъ билетовъ—и онъ выходитъ съ удовлетворительной отмѣткой; другой, на оборотъ, основательно зная весь курсъ, почему-нибудь не прочелъ одинъ или два билета—и рѣжется, несчастный, именно на нихъ. Такихъ случаевъ бездна. А какое важное значеніе на экзаменахъ имѣетъ характеръ экзаменующагося, расположеніе духа, въ особенности крѣпость нервовъ. Взгляните на лица готовящихся предстать и предстающихъ на судилище. На одномъ, какъ говорится, вовсе лица нѣтъ; на лбу и рукахъ выступаетъ холодный потъ, дыханіе спирается, голосъ дрожитъ и прерывается,—а между тѣмъ онъ знаетъ предметъ, но нервы его не выносятъ напряженности ожиданія, торжественности обстановки, страха за возможный неуспѣхъ. Другой-же подходитъ къ столу съ удивительной развязностью и спокойствіемъ, не смущаясь нимало начинаетъ плести околесную, ходитъ кругъ да около вопроса,—говоритъ не то объ чемъ спрашиваютъ, а то что какимъ-нибудь образомъ стало ему извѣстнымъ изъ предмета, но при этомъ говоритъ онъ такъ ловко, свободно и самоувѣренно, что не поставить ему удовлетворительной отмѣтки нѣтъ возможности.... Повторимъ еще разъ, что экзамены, имѣющіе такое важное вліяніе на всю послѣдующую жизнь ученика, далеки отъ совершенства въ ихъ настоящемъ устройствѣ,—и наши педагоги и воспитатели употребили бы свое время очень производительно, еслибы подумали—въ чемъ и какъ поизмѣнить это устройство, какъ-бы снять съ экзаменовъ тотъ варварски-тяжелый и роковой характеръ, какой они имѣютъ нынѣ, какъ-бы обезопасить и себя и учениковъ отъ возможности ошибокъ съ ихъ печальными послѣдствіями.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

№ 25. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

VI.

Борьба.

Куда это онъ гнетъ? спрашивалъ князь своихъ бояръ,—я это слово: «Елюй-Чуцай» нарочно запомнилъ; ошибки тутъ нѣтъ, что Темучинова перваго человѣка Елюй-Чуцаемъ звали. Стало быть въ Ордѣ нужно имъ какого-нибудь мудреца, который бы нашу Русь на ихъ старый ладъ перестроилъ. Чтожь, въ Писаніи сказано: «Имѣйте кротость голубиную и мудрость змѣиную». Это они по ошибкѣ думаютъ, что Русь передѣлывать можно — пускай попробуютъ.

— Господине княже, говорили Калитѣ бояре,—Орда дѣло перемѣнчивое; нѣтъ у Орды ни порядка, ни обычаевъ; нѣтъ у ней никакого закона, никакого устава. Если у насъ, на Руси, которой ты, великій княже, князь, идетъ путаница — то въ Ордѣ кольми паче. Умретъ ханъ, его ханша царитъ, пока другаго хана не выберутъ изъ его царскаго роду; такъ царству стоять не приходится. Унасъ на Руси плохо, потому что поди разыскивай между вами, Рюриковичами, кто у васъ родомъ старше. Орда, господине княже, рано или поздно рушиться должна.

— Все это такъ, говорилъ Иванъ Даниловичъ,— только дѣло такое, что въ Ордѣ затѣваютъ новые порядки въ ихъ земляхъ завести, а Богъ ихъ знаетъ какіе это порядки и куда они клонятся!

— Слышали мы это, господине княже, говорили московскіе бояре,—вонъ тверичи и рязанцы пугаются этого, и этимъ новымъ порядкамъ, которые намъ Ордынскій Царь придумываетъ, противленіе творить хотятъ. За это Богъ ихъ и караетъ. А мы какъ христіанствомъ научены, такъ и дѣлать будемъ. Говоришь, княже, что всякому злу виновникъ — царскій совѣтникъ Ахмылъ; хочетъ Ахмылъ Елюй-Чуцаемъ быть, хочетъ Русь перестроить. Царской волѣ противиться намъ не слѣдъ; дадимъ большія поминки Ахмылу, съ нимъ на Русь отправимся—пускай попробуетъ. Препятствій ему дѣлать не станемъ; не можетъ такое дѣло быть, чтобы татаринъ смогъ бы Русью управиться. Пусть попробуетъ. Христіанской крови изъ за этого, разумѣется, много прольется, гнѣвенъ будетъ на тебя братъ твой Великій Князь Всея Руси Юрій Даниловичъ,—а мы, московскіе бояре, будемъ чисты. Ужь ты, княже Иванъ Даниловичъ, на насъ положись.

И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ воротился изъ Орды Иванъ Даниловичъ и «съ нимъ пріиде посолъ, силенъ зело, именемъ Ахмылъ, и много зла учиниша Низовскимъ городамъ, и Ярославль взяша и сожгоша, и много полону безчисленно взято». Полонъ этотъ купилъ Ицекъ, подсмѣиваясь надъ Ахмыломъ, вмѣстѣ съ московскими боярами, что онъ осрамился съ пиру ѣдучи. Ахмылъ сунулся на Русь производить новую перепись, проповѣдовать русскимъ, что они не зависятъ ни отъ владыки, ни отъ великаго князя, что у нихъ нѣтъ друзей и пособниковъ лучше татаръ,—хотѣлъ заставить русскихъ конину есть, потому что не выгодно давать

лошадямъ издыхать безъ пользы,—его слушали, не понимали — и кончилось все тѣмъ, что полилась кровь, Ярославль и Низовскіе города пострадали, и новый полонъ отправился въ Орду.

Почти въ одно время съ Иваномъ Даниловичемъ побывалъ въ Ордѣ витязь русскій, тверской великій князь, Дмитрій Михайловичъ Грозныя Очи. Дмитрій Михайловичъ былъ человѣкъ образованный, вспыльчивый, мстительный—и вполнѣ раздѣлявшій рыцарскіе взгляды того времени. Онъ отправился въ Орду, безъ позволенія Великаго Князя Всея Руси Юрія Даниловича, для того чтобы разъяснить Вольному Царю дѣло своего отца, правоту тверичей предъ москвичами. Какъ мы уже сказали, вслѣдствіе этихъ разъясненій погибъ Кавгадый, и Дмитрій Грозныя Очи получилъ отъ хана Узбека ярлыкъ на великое княжество владимірское; стало быть Орда признала его законнымъ наслѣдникомъ и правой рукой Юрія Даниловича, Великаго Князя Всея Руси.

Этого мало. Дмитрій сдѣлалъ Ордѣ страшный доносъ на Юрія Даниловича. Онъ указалъ, что Юрій взялъ съ Твери двѣ тысячи рублей серебра и въ Орду ихъ не представилъ, стало быть Юрій не только обманулъ Орду, но этими деньгами собиралъ на нее ополченіе. Эти двѣ тысячи рублей были доставлены въ Орду самимъ Дмитріемъ Михайловичемъ, потому что братъ его Александръ Михайловичъ отбилъ ихъ на рѣкѣ Урдомѣ *) и послѣ схватки заставилъ Юрія бѣжать во Псковъ, а изъ Пскова Юрія вызвали новгородцы по крестному цѣлованію защищать ихъ отъ шведовъ. Покуда великій князь тверской, а теперь и владимірскій ворочался на Русь съ ярлыкомъ на великое княженіе владимірское, въ сопровожденіи татарскаго посла, и утверждался въ своей отчинѣ, — Юрій Даниловичъ бился со шведами подъ Выборгомъ и на устьѣ рѣки Невы, на островѣ Орѣховѣ, заложилъ градъ. Затѣмъ повелъ онъ новгородцевъ на Заволочье, Устюгъ взялъ и прислалъ князь устюжскій къ Юрію и новгородцамъ пословъ, заключилъ миръ по старинѣ и обязался по старинѣ давать выходъ въ Орду. Словомъ сказать, Юрій Даниловичъ не сидѣлъ праздно; какъ въ переговорахъ и въ козняхъ не былъ онъ послѣднимъ, такъ не былъ онъ послѣднимъ и на ратномъ полѣ. Онъ повсюду поспѣвалъ; онъ слѣдовалъ завѣту дѣда своего Александра Ярославича Невскаго—и только тѣмъ отъ него отличался, что былъ неразборчивъ въ средствахъ. Между тѣмъ, вдругъ нежданно-негаданно потребовали его въ Орду по доносу Дмитрія Грозныя Очи. Онъ туда отправился, хотя и недовольный братомъ своимъ Иваномъ Даниловичемъ, но все таки увѣренный въ томъ, что тверичанамъ пришелъ конецъ. Увѣренность эта основывалась на одномъ повидимому-пустомъ обстоятельствѣ. Въ Новгородѣ преставился владыка Давидъ. Новгородцы сотворили вѣче по старинному своему обычаю и выбрали себѣ въ архіепископы Моисея, архимандрита Юрьевскаго, «аще митрополитъ благословитъ». Таково было право новгородцевъ, что они сами себѣ выбирали владыку изъ бѣлыхъ вдовыхъ и холостыхъ поповъ, изъ архимандритовъ и изъ иноковъ, но только Митрополитъ Всея Руси могъ рукополагать его. Митрополитъ Всея Руси жилъ сначала въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ; но само собою разумѣется, гдѣ бы ни жилъ великій святитель, онъ вездѣ былъ подверженъ окружающей его средѣ. Въ Кіевѣ святитель держался кіевскихъ интересовъ, во Владимірѣ держался интересовъ сѣверныхъ. Съ Кирилла, перваго митрополита послѣ Максима, убитаго при первомъ татарскомъ нашествіи, они прокляли науку, всякое книжное дѣло, всякую премудрость эллинскую, стали проповѣдывать смиреніе, долготерпѣніе, кротость, перестали одобрять всякія дерзновенія, и чрезъ нихъ чрезъ первыхъ Великіе Князья стали входить въ союзъ съ татарами.

*) Въ Романовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Къ нимъ примкнули лучшіе русскіе дипломаты какъ Александръ Невскій, Юрій Даниловичъ и Калита, но къ нимъ не съумѣли примкнуть или не захотѣли примкнуть тверскіе князья. Святитель Петръ рукоположилъ новгородцамъ въ архіепископы архимандрита Моисея въ Москвѣ. Новгородцы тогда даже не догадывались, какое значеніе имѣетъ то пустяшное обстоятельство, что владыка поставленъ для нихъ не въ нейтральномъ Владимірѣ, а именно въ Москвѣ,—а обстоятельство это было чрезвычайно важно, такъ какъ новый владыка уже этимъ самымъ болѣе или менѣе подчинялся московскимъ взглядамъ.

Юрій Даниловичъ тѣмъ временемъ воевалъ да воевалъ, крѣпко и твердо, несмотря на всякія непріятности стоялъ за выгоды новгородцевъ, забрался въ глухую сторону Заволочье, въ нынѣшнюю Вятскую губернію, а его требовали въ Орду, и онъ отправился туда Камою. Узналъ это Дмитрій Михайловичъ и вслѣдъ за нимъ собрался тоже въ Орду. Наступила минута борьбы не на жизнь а на смерть — кто кого пересилитъ: Тверь ли Москву или Москва Тверь.

VII.

Въ Твери.

Множество судовъ плавало по Волгѣ или стояло у пристани стольнаго города Твери. Тутъ были и широкія плоскодонныя, развалистыя ладьи, нѣчто въ родѣ нашихъ теперешнихъ барокъ, гребни, насады, ушкуи, крутогрудые струги и несмѣтное множество лодокъ, лодочекъ, челновъ и т. п. Всѣ эти суда были съ высокими кормами и высокими носами, такъ что средина ихъ представлялась какъ-бы ямою, а носъ и корма башнями. Бока были у крупныхъ судовъ крутые, грудь подымалась высоко изъ воды и заканчивалась взвивающейся къ верху и закинутой, какъ лебединая шея, конской головой. Такъ-называемыя конскія головы были на всѣхъ избахъ, на всѣхъ хоромахъ, балаганахъ построенныхъ на пристани. Безъ конька русскіе ничего не строили, вполнѣ вѣря, что этотъ конекъ, символъ бога вѣтровъ, Стрибога, и громоносной тучи сивки бурки вѣчнаго каурки, у которой изъ ноздрей пламя пышетъ, а изъ ушей дымъ столбомъ валитъ,—вполнѣ предохранитъ ихъ отъ бури и громовыхъ ударовъ.

Зачѣмъ-же тучѣ грозной и вѣтру буйному на самихъ себя нападать, и зачѣмъ было своихъ губить?...

Русскіе были отличные рѣзчики дерева—и только крутая перемѣна нашихъ вкусовъ при Петрѣ Великомъ отодвинула и это наше искусство на второй планъ, замѣнивъ его большею простотою и изяществомъ произведеній запада. Глаза у коньковъ были раскрашены; къ ушамъ были привѣшены ручники или просто мочалы, но ноздрямъ было проведено краснымъ цвѣтомъ, а иногда (на болѣе разукрашенныхъ судахъ) изъ ноздрей, или изъ раскрытаго рта торчало по стрѣлѣ.

Высокая корма, гдѣ помѣщаются хозяева или важные проѣзжіе, была съ пузырчатыми или волоковыми

окнами и съ расписанными ставнями; къ дверямъ и къ мачтамъ были придѣланы иконы святителя Николая Чудотворца, считавшагося покровителемъ всѣхъ по водѣ странствующихъ.

Ладьи, снаряженныя для путешествія великаго князя тверскаго въ Орду, нагружались всякимъ добромъ, печеньемъ и соленьями на дорогу. Стража стояла подлѣ нихъ, потому что сегодня нужно было грузить въ нихъ ордынскій выходъ. Стража была вооружена луками, копьями, топоръ у каждаго былъ за поясомъ, а обоюдоострый мечъ висѣлъ на бедрѣ. Однообразной воинской одежды тогда, разумѣется, ни у насъ, да и ни у кого на свѣтѣ не было выдумано; каждый воинъ одѣвался, какъ зналъ, и какъ ему было теплѣе и удобнѣе, т. е. носилъ ту же рубаху съ косымъ воротомъ, тѣ же порты и тѣ же лапти или сапоги, какъ и все остальное населеніе Руси. Топоръ за поясомъ точно такъ же не служилъ признакомъ военной службы, потому что безъ топора рѣдко кто выходилъ въ это смутное время; топоръ служилъ не только для плотничества, но употреблялся также какъ боевое оружіе. На головѣ носили маленькія войлочныя шапочки—въ родѣ тѣхъ, которыя и доселѣ носятъ Бѣлоруссы, Сербы, и которыя въ Москвѣ вытянулись въ гречневикъ, въ Новгородѣ въ такъ-называемыя кучерскія шляпы, перешли въ Финляндію въ видѣ маймистскихъ шляпъ, и наконецъ въ Норвегію и въ Англію, гдѣ переродившись въ нынѣшніе пуховые цилиндры, снова къ намъ возвратились, только въ менѣе удобномъ видѣ. У воиновъ онѣ были покрыты желѣзными пластинками, разныхъ величинъ и разныхъ формъ, для того чтобъ нѣсколько защитить голову отъ ударовъ. Грудь и спину защищали у кого кожаныя, у кого войлочныя, у у кого суконныя куртки, застегивавшіяся на груди или вѣрнѣе на боку, и также ушитыя желѣзными бляхами, которыя назывались панцыремъ. Болѣе богатые люди одѣвались точь въ точь въ такіе же шлемы и кольчугу съ стальными налокотниками и наколѣнниками, въ какихъ въ настоящее время щеголяютъ кавказскіе горцы, сохранившіе почти безъ измѣненія старинный русскій костюмъ, которымъ они заимствовались еще во время Тмутараканскаго княжества и когда Золотая Орда сближала ихъ, подобно Хозарамъ и Половцамъ, съ населеніемъ Кіевской, Московской, Тверской и Рязанской Руси.

Кругомъ подлѣ сходень стояли бурлаки бичевники и купцы всѣхъ приволожскихъ княжествъ, въ томъ числѣ и новгородцы. Новгородцы возили Волгой мимо Твери, потомъ рѣкой Тверцой черезъ Торжекъ и Вышній-Волочекъ—хлѣбъ, такъ какъ сама новгородская область и въ то время была такъ же неурожайна, какъ и теперь. Новгородцы съ Тверичами вообще плохо ладили, потому что были между Тверью и Великимъ Новгородомъ раздоры, во время которыхъ князья тверскіе посылали дружину на лѣвый берегъ Волги, захватывали Торжекъ на Тверцѣ и Бѣжецкій верхъ на Мологѣ, т. е. забирали въ свои руки Тверцу и Мологу и этимъ останавливали новгородскую торговлю и (что пуще всего) подвозъ хлѣба.

— Чего глаза-то пялите, гущяѣды? говорилъ Дементій, косясь на новгородскихъ купцовъ,—вотъ уже вамъ будетъ, какъ вашего Юрія Московскаго разжалуетъ царь ордынскій.

— На все воля Божья, отвѣчалъ знакомый намъ новгородецъ Ѳедоръ Колесница, высокій, плечистый купецъ, большой горлодеръ на вѣчѣ и большой поборникъ усиленія Москвы.—На все воля Божья, продолжалъ онъ, пожимая плечами,—всѣ мы, господинъ Дементій, подъ Богомъ ходимъ — была-бы правда на землѣ!

— Это твое слово вѣрное, согласились новгородцы.

— Кабы всѣ подъ Богомъ ходили, продолжалъ Дементій,—такъ не то что въ Ордѣ убили бы князя благовѣрнаго, а и отъ самой Орды слѣда бы не было.

— Это вѣрное твое слово, продолжалъ Ѳедоръ.—Вотъ Орда къ намъ въ Новгородъ и не заглядываетъ даже, хранитъ насъ отъ нея Святая Софія, — а за что и про что? (и при этомъ онъ лукаво поглядѣлъ на тверичей) за то, что дѣла ведемъ по чести новгородской и грамотѣ Ярославовой.

— Ужъ ваша новгородская честь! вспылилъ Дементій,—только кричите: честь новгородская! душа новгородская! Сидите себѣ въ сторонѣ, какъ лягушки на болотѣ, да князей на Руси смущаете!

— Это мы князей смущаемъ? говорилъ Колесница, пожимая плечами.—Кабы князья русскіе жили по правдѣ, да не совались-бы не въ свои дѣла, другъ подъ друга подкоповъ бы не дѣлали, — было бы на Руси хорошо!

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи... вынырнулъ изъ толпы маленькій тверичъ, съ рѣденькой бородкой, съ злымъ лицомъ, въ заплатанномъ полушубкѣ, — нѣтъ, ты мнѣ скажи, отчего вы съ Москвой дружите, отчего не хотите нашихъ князей?

— Московскіе по правдѣ живутъ, отвѣчалъ Ѳедоръ Колесница,—вотъ Юрій Даниловичъ—золотой для насъ человѣкъ; мало онъ насъ отъ шведовъ боронилъ, съ Псковомъ насъ не ссорилъ—и дядья его были такіе же, и дѣдъ его Александръ Невскій; а другіе князья хотятъ насъ подъ свою руку взять: чуть что не такъ —сейчасъ за Торжекъ, за Вышній-Волочекъ, да за Бѣжецкій верхъ! Вотъ что, другъ ты мой любезный, продолжалъ Ѳедоръ.—За то и Богъ за нихъ стоитъ, и вольный царь ордынскій ихъ своею милостью жалуетъ, и святитель Петръ у нихъ поселился и своими молитвами ихъ хранитъ!

— Нѣтъ, ты по правдѣ скажи, по правдѣ скажи!.. горячился маленькій тверичъ:—они всѣ злодѣи, человѣконенавистники! Константина Романовича, великаго князя рязанскаго, въ Москвѣ зарѣзали; нашего Михаила Ярославича, праведнаго человѣка, въ Ордѣ зарѣзали,—анъ вотъ отъ его честныхъ мощей чудеса въ Твери творятся; спроси каждаго, малые дѣти про это знаютъ.

— А ты вотъ что скажи, говорилъ Ѳеодоръ: —ѣхали мы изъ Нижняго: подъ Нижнимъ шалятъ, за Нижнимъ шалятъ; доѣхали мы до Ярославля, все шалятъ; а какъ проѣхали Ярославль, такъ отъ Ярославля до Москвы московская рука и стала слышна. Мы мечи посннмали и луки поразвязали;—а вотъ, какъ къ Твери стали подъѣзжать—тотъ-же разбой!

— По правдѣ говоритъ, братцы, заговорилъ другой новгородецъ:—за что московцовъ хаятъ? Въ ихъ области такая тишина и такой порядокъ! Сидятъ люди смирные, живутъ честно; храмы Божіи стоятъ; пустяками не занимаются, вольнаго царя слушаютъ, — отъ этого всѣ сыты и въ избытчествѣ живутъ!

— Съ ними торговать пріятно, продолжалъ Колесница,—не галдятъ, не кричатъ; рѣчь ведутъ ласковую; люди хлѣбосольные, пріѣзжаго гостя чествуютъ. А вонъ

съ другими поди — кромѣ крика да брани ничего не дождешься. Пріѣдетъ нашъ братъ новгородецъ въ Москву, глядишь—Иванъ Даниловичъ къ себѣ зоветъ, по душѣ слово ведетъ, всякое уваженіе тебѣ оказываетъ; обидитъ тебя кто изъ московскихъ купцовъ, самъ разберетъ по совѣсти, потачки никому не даетъ.

— Что и говорить!.. сказалъ одинъ тверичъ,—что про это и говорить: далеко намъ до москвичей. Былъ я прошлымъ лѣтомъ въ Москвѣ, — съ обозомъ туда ходилъ, — на улицы поглядѣть любо дорого: всё это бревнами вымощены, съ боковъ мосточки. Въ рядахъ купцы такіе учтивые, вѣжливые, стоятъ у дверей лавокъ и кланяются тебѣ: «зайди, говорятъ, господинъ тверичъ, у насъ покупали! ты хоть и не купи, а товаръ посмотри!» Да что говорить!.. сказалъ онъ, закрывъ глаза отъ наслажденья, будто припоминая о какомъ-то золотомъ вѣкѣ,—да что говорить, еще и до Москвы не доѣдешь, а ужъ купцы на дорогѣ стоятъ и смотрятъ, что ты везешь. «Позволь, говорятъ, господинъ честной, свой товаръ посмотрѣть». А что насчетъ того, пивомъ, медомъ, брагой, такъ пріѣзжаго человѣка такъ и потчуютъ, до отвалу! Нѣтъ у насъ на Твери не то: народъ грубый, простой!

— За то у насъ честный народъ, сказалъ Дементій,—по Божьему живетъ, лести не знаетъ.

— Что у насъ за народъ! сказалъ одинъ изъ воиновъ,—куда противъ московскихъ! обхожденья никакого не знаетъ, не даромъ про насъ и поговорка-то пошла хорошая по всей Руси.

Новгородцы улыбнулись и отошли въ сторону.

— Эхъ вы, народъ-народъ, народъ тверской! сказалъ Дементій, — не стоитъ вамъ головъ на плечахъ носить, потерять вамъ свою землю!

— А что-жь, отвѣчалъ угрюмый и молчаливый человѣкъ, съ тѣмъ безцвѣтнымъ выраженіемъ лица, которое будто вѣчно спитъ и на которомъ ни горе ни радость никакихъ слѣдовъ не проводитъ,—словомъ —тотъ же Суета:—можетъ быть намъ такъ и на роду написано, бояръ у насъ крѣпкихъ нѣтъ.....

— Какъ нѣтъ у насъ крѣпкихъ бояръ? вскинулся на него Дементій.

— Что-жь наши бояре, отвѣчалъ этотъ невозмутимый человѣкъ называемый Суетею, — наши бояре другъ за дружкой въ Москву перебираются, другъ съ дружкою крѣпко не держатся.

— Дуракъ, сказалъ Дементій,—вотъ ужь именно ты тверской! ктожь какъ не бояре теперь Юрія Даниловича смутили? отчего наша сторона теперь силу да верхъ беретъ? Зачѣмъ Дмитрій Михайловичъ въ Орду ѣдетъ? дастъ Богъ, молитвами Святаго Спаса и Архангела Михаила Архистратига силъ небесныхъ, Великимъ Княземъ Всея Руси къ намъ вернется!

Колесница новгородецъ, отошедшій было въ сторону, вдругъ круто повернулся, посмотрѣлъ на Дементія, подошелъ къ нему и ударилъ его по плечу:—слушай-ка ты, старина, тверская твоя голова, да развѣ такія вещи на улицахъ-то говорятъ? сказано: не хвались на пиръ ѣдучи, а хвались съ пира ѣдучи! Ты великому князю близкій человѣкъ,—всякій воленъ подумать, что ты такія рѣчи отъ него слышалъ; а рѣчь твоя будетъ черезъ недѣлю и у насъ, у Св. Софіи, и въ Псковѣ, у Св. Троицы, да и на Москвѣ будетъ извѣстна! Чего ты, старъ человѣкъ, народъ-то полошишь?

Дементій смутился.

— Ты ко мнѣ чего придираешься, скажи ты на милость? я такъ сказалъ—спроста.

— Это точно, заговорилъ маленькій тверичъ,—это точно такъ, господинъ Дементій: простота хуже воровства; зачѣмъ мутить народъ?

— Вотъ то-то!.. торжествовалъ Ѳедоръ: — а еще туда же—всю Русь хотите собрать, съ Татарами воевать! ужъ сидѣли бы себѣ смирно.

— Вѣрно сказано! вѣрно сказано! горячился маленькій,—вѣрно сказано! Купцы отъ собаки отличить не умѣемъ; собаку за волка приняли—цѣлымъ селомъ съ дубьемъ пошли!

Онъ плюнулъ, махнулъ рукой и поглядѣлъ кругомъ съ такимъ отчаяньемъ, какъ будто ему тверичи мѣшали Русь отъ Татаръ освободить.

Въ эту минуту народъ зашевелился при видѣ вооруженныхъ людей, окружавшихъ тѣлеги съ ханскимъ выходомъ, которыя медленно выползали на пристань изъ улицы, ведшей къ княжескимъ хоромамъ.

— Ишь ты, сколько серебра-то везутъ татарвѣ поганой!... вздохнула одна бабенка, полоскавшая въ рѣкѣ какія-то тряпки.

— Татарвѣ-то везутъ, сказалъ многозначительно невозмутимый Суета.—А вотъ что повезутъ полюбовницамъ-то ордынскимъ? у нихъ вѣдь тоже изба не дурна!

— У кого тамъ полюбовницы? заговорилъ Дементій.

— Да не у насъ съ тобой, злобно сказалъ заплатный, махнувъ рукой.

— Никакихъ тамъ полюбовницъ ни у кого нѣтъ! грозно рѣшилъ Дементій.

— Эхъ, старъ человѣкъ, старъ человѣкъ!.. заговорилъ Ѳеодоръ,—не во время разболтался, не во время и промолчишь! Ужь какъ ты тамъ не верти—на чужой ротокъ не накинешь платокъ; такъ ужь и не сердись ты, что про княжью любовницу народъ говоритъ. Ты вотъ всерчался — ну вотъ, теперь всякій присягу приметъ, что у князя точно полюбовница въ Ордѣ водится.

— Да это про кого все толкуютъ, воскликнула баба, подоткнувши сарафанъ до невозможности,—опять про Маринку да про Русалку?

— Экой народецъ тверской!.. захохоталъ новгородецъ.—Вотъ вы хлопочите-ка себѣ такую же Ярославову грамоту, она васъ выучитъ держать языкъ на привязи про свои дѣла. Да у насъ бы за болтовню на улицѣ такъ васъ бы въ Волховъ пустили проплыть до самаго сиия моря, рыбамъ разсказывать.

— Молчать учиться у рыбъ, прибавилъ заплатный,—это будетъ вѣрнѣе.

Тверичи посмотрѣли другъ на друга окончательно переконфуженные.

— У кого тамъ полюбовницы? подошелъ къ новогородцамъ одинъ москвичъ, длинный, сухой, весь какъ будто на пружинахъ, чрезвычайно любопытный и вытягивавшій шею при каждомъ словѣ.

— Кто знаетъ у кого полюбовницы? отвѣчали новгородцы, посмѣиваясь лукаво,—мы ничего не знаемъ. Тверской народъ болтаетъ, его спроси. Ничего мы не знаемъ; а если-бъ и знали, то молчали-бы.

Возъ подъѣхалъ къ сходнямъ, вооруженные ратники поразогнали народъ и потащили мѣшки съ серебромъ въ княжескій стругъ. Дементій, стоящій при входѣ, от-

Капризникъ.
Съ картины Л. Бейшлага.

мѣчалъ каждому на биркѣ: сколько кто мѣшковъ свалилъ, провѣривши прежде число ихъ у провожавшаго каждый возъ тіуна по такимъ же биркамъ. Нагрузка совершалась довольно проворно,—само собой разумѣется, съ обычной руганью и со всѣми цвѣтами древнеславянскаго краснорѣчія, съ ненужнымъ крикомъ, съ ненужною бранью, недоумѣніемъ и понуканіемъ;—затѣмъ возы разъѣхались. Человѣкъ пятьдесятъ отроковъ расположились на палубѣ струга и принялись вытаскивать изъ перекинутыхъ черезъ плечо сумокъ—лукъ, хлѣбъ и мясо. Изъ хоромъ принесли имъ ушатъ квасу и ушатъ меду, сотникъ наказалъ имъ не спать, десятскій сѣлъ у кормы; на берегу расположилось нѣсколько человѣкъ.

— Экая сторона! говорили новгородцы, — теперь, кабы у насъ это, или на Москвѣ, стали бы княжью казну въ своемъ городѣ стеречи? да просто кажись бы со стыда умереть!

— А какъ же у васъ? спрашивали тверичи.

— Да, какъ сказать, отвѣчали новгородцы, — да у насъ новгородской казны, хоть бы хоромы серебра и золота на площади было, малый ребенокъ не тронетъ. Первое дѣло — честь новгородская; а другое дѣло — вора-то народъ и до Волхова не допустилъ бы; да тамъ не то что сдѣлай этакое дѣло, а подумай только—такъ со свѣта бѣги!

— А на Москвѣ такъ же? спросилъ тверичъ.

— И на Москвѣ такъ же, отвѣчали новгородцы.

— На Москвѣ тоже самое, подтвердили бывалые тверичи, — тамъ кого хочешь изобидь, а княжьяго и въ помыселъ тронуть не придетъ; тамъ и на улицѣ что найдешь, такъ въ княжью казну отнесешь.

— Отчего же это такъ у нихъ? говорили тверичи.

— Да то-то отчего? недоумѣвали сами новгородцы:— толкъ значитъ у нихъ есть; ужь коли князь за свои земли, за свою правду стоитъ, то какъ же ужь княжье-то добро не беречь? — какіе же ему сторожа лучше будутъ, какъ не народъ?

— Да зачѣмъ же народу-то стоять за княжье добро? толковалъ тверичъ, — за свое стоять — ну такъ; а то вѣдь княжье?

— Пойдемте-ка, братцы, обѣдать!.. сказалъ Колесница своимъ новгородцамъ, — вонъ ужь и солнце на полуднѣ.

— Нѣтъ, да ты скажи, придирался заплатный тверитянинъ,—отчего у васъ и на Москвѣ порядки такіе?

— Да толковать объ этомъ какъ-то зазорно выходитъ, отвѣчалъ съ досадой и съ насмѣшкой Колесница,— коли вамъ Богъ да святые угодники Его того въ головы не вложили.

— Пойдемте, братцы, обѣдать пора!

— А еще туда же, добавилъ онъ, идя съ товарищами по пристани, — хотятъ намъ своихъ князей въ Новгородъ сажать! Ладили мы съ боярами Александра Невскаго, съ боярами Дмитрія Александровича и Андрея Михайловича въ согласіи жили, — люди толковые—ихъ понять можно... Ну вотъ съ Юріемъ Даниловичемъ, съ Афанасіемъ — тоже такъ-таки безъ разговора безъ большаго все кончилось; — а эти вотъ ихъ бояре какъ дѣти малые! Какъ покойный Михайло Ярославичъ своихъ бояръ къ намъ въ Новгородъ навезъ, такъ вотъ и пошла неурядица отъ нихъ.

— Да что?.. наконецъ онъ махнулъ рукой: — пустой народъ тверичи, совсѣмъ пустой!

И онъ вмѣстѣ съ другими отправился въ гостиницу, помѣщавшуюся въ длинномъ низкомъ зданіи, сильно закоптѣломъ, пахнувшую и дымомъ и жиромъ, гдѣ за длиннымъ столомъ сидѣло множество купцовъ и всякаго народу съ судовъ, приставшихъ къ Твери. Столы стояли въ передней избѣ, въ пристроенныхъ къ ней клѣтяхъ, но самое чистое помѣщеніе было въ горницѣ, т. е. въ комнатахъ втораго этажа, куда вела лѣсница прямо съ улицы. Низъ былъ занятъ огромной поварней, гдѣ повара и стряпухи варили, жарили всякія тогдашнія потравы, описаніе которыхъ мы приводить не станемъ,—во-первыхъ потому, что старики наши намъ такихъ описаній не оставили, а во-вторыхъ потому, что надо предполагать, что онѣ сильно походили на нынѣшнія крестьянскія. Соль во всякомъ случаѣ клалась въ небольшомъ количествѣ, потому что соль считалась роскошью и покупалась больше для скота. А на мясо и рыбу такъ не скупились, какъ теперь, потому что рѣки были несравненно обильнѣе; ручьевъ и озеръ было несравненно больше, потому что лѣса не были еще истреблены,—а въ лѣсахъ было много лосей, оленей, туровъ, кабановъ и всякаго другаго съѣдомаго звѣря. Заяцъ, которымъ наши предки не брезгали, былъ тутъ ни почемъ; всего дороже была говядина и баранина. Изъ птицъ всего больше употреблялись водяныя, которыхъ водилось тогда несмѣтное множество.

(Продолженіе будетъ).

В. Кельсіевъ.

Нѣсколько словъ о языкахъ и народахъ.

(Составлено по лекціи профессора Георга Курціуса).

I.

Говорить о языкахъ и языковѣденіи такъ, чтобы могъ понимать каждый общеобразованный человѣкъ, не спеціалистъ,—задача далеко не легкая, потому что не легко представить какой бы то ни было ученый предметъ съ однѣхъ общедоступныхъ, такъ сказать — общечеловѣческихъ сторонъ, съ устраненіемъ всего исключительно-техническаго. Положимъ, въ сущности, каждому отдѣльному человѣку едва-ли что можетъ быть ближе этого удивительнаго органа мысли, который всего тѣснѣе роднитъ его съ его народомъ и составляетъ главное разграниченіе между различными націями. Съ другой стороны, однако, каждый претендующій на сколько нибудь «высшее» образованіе, хотя и выучиваетъ нѣсколько языковъ, по опыту знаетъ (если въ немъ не пребываетъ частица духа Меццофанти) какъ трудно вполнѣ усвоить себѣ языкъ, даже наиболѣе близкій къ родному,—и хотя теперь уже не мало появляется занимательныхъ книгъ, имѣющихъ цѣлью заинтересовать именно тѣмъ, что можно назвать общечеловѣческими сторонами предмета, языковѣденіе и грамматика въ какомъ угодно видѣ все еще слыветъ скучнѣйшей и неудобоваримѣйшей изъ всѣхъ сухихъ матерій. Да и мало кто признаетъ пользу лингвисти-

ческихъ изслѣдованій. Искусство, философія, исторія, такъ-называемыя естественныя науки — все это признается болѣе или менѣе необходимымъ и полезнымъ, но языки... къ чему служатъ языки? Вѣдь языкъ можетъ быть только средствомъ, а не цѣлью, — сосудомъ, а не содержаніемъ. Такъ еще судитъ большинство людей, даже образованныхъ, несмотря на то что наука давно уже доказала противное, — доказала, что языковѣденіе такая же существенная отрасль исторіи, въ смыслѣ знанія человѣка и человѣческой мысли, какъ географія, этнологія, археологія, геологія. Впрочемъ, въ оправданіе этому трудно-искоренимому предразсудку надо и то сказать, что весьма еще недавно стало возможно изученіе языковъ или, вѣрнѣе, *человѣческой рѣчи* въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ. Въ прошедшемъ вѣкѣ извѣстны были, собственно говоря, только два способа относиться къ языкамъ. Первый — чисто эмпирическій, т. е. направленный исключительно къ тому, чтобы научиться понимать и правильно употреблять изучаемый языкъ, который представляется лишеннымъ всякаго собственнаго интереса — единственно средствомъ ознакомиться съ даннымъ народомъ черезъ его литературу, или войти съ нимъ въ личныя сношенія; конечно, и для такого изученія (въ особенности мертвыхъ языковъ) требуется не мало наблюдательности, остроумной смѣтливости и знаній. Другой способъ изученія языковъ можно назвать философскимъ; старались изслѣдовать такъ-сказать отвлеченную суть языка, доискаться его происхожденія, общихъ законовъ, мечтали даже изъ законовъ мышленія возсоздать цѣлую общую грамматику, лежащую будто бы въ основѣ каждаго отдѣльнаго языка. Первому изъ этихъ методовъ недоставало общаго, живаго интереса; второй, т. е. философскій, стоялъ на слишкомъ невѣрной почвѣ, и поневолѣ долженъ былъ заноситься въ область неопредѣленныхъ, произвольныхъ фантазированій.

Своимъ нынѣшнимъ, высшимъ полетомъ языковѣденіе обязано преимущественно тремъ великимъ ученымъ, которые съ трехъ совершенно различныхъ сторонъ взялись за науку и произвели въ ней радикальный переворотъ — Вильгельму Гумбольдту, Якову Гримму и Францу Боппу.

Изъ нихъ первый по времени — Вильгельмъ Гумбольдтъ, умершій въ 1835 г. Большая половина его жизни прошла въ государственной и дипломатической дѣятельности — и только подъ старость мысли его спеціально обратились на изученіе языковъ. Знаменитый братъ его, Александръ, доставлялъ ему богатый матеріалъ отъ каждаго новаго путешествія. Его болѣе всего поразило и привлекло *безконечное разнообразіе* человѣческихъ языковъ, но въ этомъ разнообразіи ему уже смутно видѣлось изумительное, подчасъ строгое и стройное единство. Въ этомъ духѣ производилъ онъ свои изслѣдованія — и о нихъ разбились всѣ прежнія системы, хотя они состояли больше изъ указаній и гипотезъ, подсказываемыхъ вѣрнымъ научнымъ чутьемъ. Его заслуга въ томъ, что онъ поставилъ языковѣденію высшія цѣли, открылъ ему новые пути, которые и теперь еще далеко не пройдены до конца. Онъ первый призналъ цѣлью науки освоиться съ мыслью и чувствами, войти такъ-сказать въ душу каждаго народа, и этимъ путемъ постичь особенности его языка.

Ближе къ намъ по времени Яковъ Гриммъ, собиратель нѣмецкихъ народныхъ сказокъ и преданій, первый разъяснитель древне-германской миѳологіи, древне-германскаго права и древне-германскаго кореннаго языка, до глубокой старости продолжавшій издавать одно удивительное сочиненіе за другимъ. Онъ первый показалъ какъ слѣдуетъ разработывать одинъ языкъ — конечно въ наиобширнѣйшемъ смыслѣ этаго слова — и прослѣдить его до мельчайшихъ его развѣтвленій. Гумбольдта занимала *человѣческая рѣчь*, какъ задача изъ жизни человѣчества; Гримма занималъ *отдѣльный языкъ*, какъ нѣчто объясняющее вѣру, нравы, весь умственный и нравственный складъ народа и въ свою очередь объясняемое этими особенностями.

Третій изъ этихъ піонеровъ науки, но далеко не послѣдній, а во многихъ отношеніяхъ скорѣе даже главный, Францъ Боппъ, родившійся въ 1791 году и умершій годъ тому назадъ въ Берлинѣ, пользуется менѣе общей извѣстностью чѣмъ первые два. Онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ и не писалъ популярныхъ сочиненій. Онъ тихо прожилъ свою жизнь, посвятивъ ее исключительно своей спеціальности, въ самомъ строго-научномъ духѣ; но изъ его скромнаго кабинета вышли на свѣтъ такія мысли, значеніе которыхъ для нашихъ воззрѣній на главнѣйшіе народы и даже для основъ европейской культуры — истинно громадно. Боппъ по преимуществу занялся языкомъ, съ которымъ Европа въ то время еще только начинала знакомиться — Санскритомъ. Въ этомъ крайне-богатомъ формами языкѣ индійскихъ браманoвъ, роскошная, вѣковая литература котораго постепенно и медленно выходила на свѣтъ божій, уже давно были примѣчены нѣкоторыя аналогіи съ европейскими языками. Боппъ отправился въ Парижъ, гдѣ тогда всего удобнѣе было изучать Санскритъ, — и, вполнѣ овладѣвъ имъ, сдѣлалъ такое примѣненіе своихъ знаній, которое далеко оставило за собою всѣ подобнаго рода прежнія попытки. Въ своей «системѣ спряженій», вышедшей въ 1816 г., онъ наглядно показалъ изумительное общее сходство греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ съ Санскритомъ — и этимъ сочиненіемъ создалъ ту науку, которую съ тѣхъ поръ называютъ «*сравнительнымъ языковѣденіемъ*».

Сравнительная система — одна изъ самыхъ плодородныхъ для всякой науки. Достаточно указать на громадные результаты примѣненія ея къ анатоміи, землеописанію, статистикѣ и пр. Одна изъ главнѣйшихъ выгодъ ея заключается въ томъ, что она расширяетъ умственный кругозоръ, придаетъ мысли и наблюденіямъ нѣчто грандіозное, космополитическое, слѣдовательно обогащаетъ запасъ матеріала. При изученіи языковъ были, положимъ, не разъ дѣланы попытки уяснять трудные вопросы посредствомъ сличенія и даже отыскать «первоначальный языкъ», для производства отъ него всѣхъ другихъ, но при общемъ невѣжествѣ это не могло привести ни къ чему; вмѣшалася средневѣковая, богословская схоластика и мертвящей рукою задушила благое начинаніе въ самомъ зародышѣ. Кончилось тѣмъ, что положили считать еврейскій языкъ первороднымъ — и стали насиловать другіе языки, чтобы только свести ихъ на еврейскій; а въ Пампелунѣ (въ XVII вѣкѣ) соборный капитулъ торжественно издалъ резолюцію, что молъ Адамъ и Ева изъяснялись на баскскомъ (или бискайскомъ) языкѣ; нѣмцы, увлекаясь патріотизмомъ, передъ самымъ тѣмъ какъ Боппъ открылъ новые пути, увѣряли между прочимъ, что роднымъ языкомъ Зороастра, Моисея, Авраама, даже Адама — былъ германскій. Поэто-

му этимологія въ XVIII вѣкѣ была у свѣтлыхъ головъ на очень дурномъ счету: извѣстно, что Вольтеръ про нее отозвался, будто бы это такая наука, которая на гласныя въ словахъ обращаетъ весьма мало вниманія, а на согласныя не обращаетъ его вовсе.

Новизна, внесенная въ науку тремя вышеименованными дѣятелями, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что создался въ ней порядокъ, а это было въ высшей степени необходимо. Число извѣстныхъ языковъ очень велико. Совершенно точное исчисленіе ихъ будетъ еще долго невозможно—потому уже, что границу между *языкомъ* и нарѣчіемъ можно опредѣлить только при полнѣйшемъ изученіи, да и то не легко. По приблизительному разсчету профессора Потта, на основаніи трудовъ предъидущихъ ученыхъ, число всѣхъ до нынѣ извѣстныхъ языковъ достигаетъ 860, изъ которыхъ 53 приходится на Европу, 153 на Азію, остальные на прочія части свѣта. Библейское общество въ Лондонѣ издаетъ Библію на 120 языкахъ. Эту громадную массу, которую одинъ человѣкъ не въ состояніи обозрѣвать, теперь начали приводить въ порядокъ въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, посредствомъ классификаціи языковъ; во вторыхъ—указаніемъ генеалогической связи между ними. Классифицируются языки сообразно съ принципомъ, или характеристикой, лежащими въ основѣ ихъ строенія. Самое это выраженіе «строеніе языка» есть порожденіе новѣйшей науки. Такъ какъ понятіе о строеніи совпадаетъ съ понятіемъ о формѣ, то многіе ученые вмѣсто этаго слова употребляютъ греческое слово «*морфи*»—и классификацію языковъ называютъ ихъ морфологическимъ распредѣленіемъ. Строеніе языка преимущественно основано на способѣ соединенія словъ въ фразы и періоды. Если, напр., поставить въ сношеніе одно къ другому слова *человѣкъ* и *слово*, мы можемъ сказать: человѣческое слово, или слово человѣка, или человѣкъ даетъ слово, или человѣкъ сочиняетъ слова. Есть языки, въ которыхъ эти разные оттѣнки нельзя выразить такимъ образомъ, потому что слова *не мѣняются;* въ этихъ языкахъ нѣтъ *флексій*—по техническому научному выраженію. Оба слова можно поставить просто рядомъ, предоставляя слушателю или читателю выразумѣть изъ нихъ смыслъ и связь, способствуя этому процессу развѣ еще какими нибудь вставочными или прибавочными частицами. Что понять смыслъ все-таки есть возможность, мы видимъ по вѣской краткости нашихъ пословицъ, поговорокъ, напр.: «сказано-сдѣлано», или «слово и дѣло». Языки у которыхъ это не исключеніе, а сущность и основаніе, называются «безформенными»; изъ этихъ языковъ высшаго совершенства достигъ китайскій, особенно древній классическій языкъ, такъ какъ—съ теченіемъ времени и по мѣрѣ возрастающихъ потребностей обыденной жизни—создались своего рода формы, которыя значительно измѣнили внѣшность языка и приблизили его къ флексивнымъ, многосложнымъ языкамъ. Прямая противуположность этихъ языковъ — языки богатые формами или флексивные, которые можно бы назвать и «измѣнчивыми», такъ какъ способность ихъ въ томъ и заключается, что каждое слово, смотря по своему отношенію къ другимъ, безпрестанно измѣняется на всевозможные лады. Маленькія, легкопроизносимыя частицы прибавляются къ самому слову, иногда въ началѣ, но чаще въ концѣ,—и нисколько его сущности не мѣняютъ, не нарушаютъ его единства. Въ нашихъ склоненіяхъ и спряженіяхъ (человѣк-*ъ*, человѣк-*а*, человѣк-*у;* говор-*ю*, говор-*ишь*, говор-*итъ*, говор-*илъ*, говор-*ено* и пр.) мы видимъ малый остатокъ этой когда-то гораздо болѣе полной и совершенной многоформенности. Между этими двумя крайностями: съ одной стороны безформенными, а съ другой—многоформенными языками—помѣщаются всѣ прочіе, средніе, и представляютъ множество разнообразнѣйшихъ попытокъ выработаться изъ безформенности въ какую нибудь форму. Языковѣдѣніе отказалось заниматься дикими или совсѣмъ невыработанными языками. Каждый языкъ, подобно какъ каждое растеніе, каждое животное, самъ по себѣ удивительное органическое цѣлое; но и въ этой области, какъ и въ растительной и животной, слѣдуетъ различать высшіе и низшіе организмы. Въ высшей степени вѣроятно, что наиболѣе высоко выработавшіеся языки развились изъ низшихъ степеней. Изслѣдователь человѣческой рѣчи, какъ и естествоиспытатель, старается выслѣдить процессъ развитія изучаемаго предмета. То-же самое, что дѣлаетъ геологъ, выводящій заключенія, по нынѣшнему состоянію земной поверхности, о томъ, какова она была во времена далеко переступающія всякія преданія,—тоже дѣлаетъ и лингвистъ въ своей области. Не слѣдуетъ однако воображать, будто размышленіе или вымыселъ, или даже культура опредѣляли развитіе и строеніе языка. Установленіе формъ языка лежитъ далеко за предѣлами исторіи и культуры; языкообразовательный періодъ человѣчества гораздо древнѣе всякаго культурнаго періода. Всѣ измѣненія, которыя мы замѣчаемъ въ языкахъ въ теченіе тысячелѣтій, ничтожны въ сравненіи съ глубокозахватывающими различіями, которыя очевидно должны были установиться въ безконечно болѣе раннюю пору.

Въ кругу языковъ, принадлежащихъ по своему строенію къ одной категоріи, обнаруживается опять таки множество другихъ менѣе обширныхъ разграниченій. Ясно до очевидности, что цѣлые ряды ихъ *сродственны* между собою. Понятіе о «родственности» мы тутъ примѣняемъ въ самомъ строгомъ смыслѣ. Родственными мы въ жизни называемъ—помимо отношеній, проистекающихъ отъ браковъ — такихъ людей, изъ которыхъ одинъ прямо обязанъ другому существованіемъ или которые имѣютъ общихъ предковъ или родителей. То же самое примѣняется и къ языкамъ. Родственность языковъ непремѣнно обусловливается происхожденіемъ изъ одного источника. Вотъ почему мы называемъ распредѣленіе языковъ по ихъ родству и происхожденію—*генеалогическимъ*. Число генеалогически-опредѣленныхъ языковъ еще сравнительно не велико. Но, къ счастью, въ это число входятъ языки наиболѣе изъ всѣхъ совершенные и наиболѣе важные для исторіи человѣчества. Именно въ этомъ отношеніи и въ видахъ отысканія началъ, на которыхъ возможно генеалогическое опредѣленіе, открытіе санскритскаго языка составило эпоху въ наукѣ.

Намѣтивъ такимъ образомъ вѣхи, по которымъ долженъ пролегать путь филологическихъ изслѣдованій, и указавъ трехъ главнѣйшихъ дѣятелей въ области языковѣдѣнія, мы ознакомимся въ слѣдующей главѣ съ главнымъ основаніемъ индо-европейскихъ языковъ—Санскритомъ, и займемся обзоромъ тѣхъ собственно-европейскихъ языковъ, которые происходятъ отъ родоначальника своего, подобно вѣтвямъ ростущимъ и развивающимся на общемъ стволѣ вѣковаго дерева.

(*Окончаніе будетъ*).

Древнія и новыя сказанія о собакахъ.

I.

Я старый солдатъ, почти что инвалидъ. У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей; такъ-называемыхъ друзей у меня много и еще больше товарищей, которые не прочь помогать мнѣ истреблять мои сигары и портвейнъ, но между людьми я не имѣю ни одного настоящаго, задушевнаго друга, брата. Горькаго же, тяжелаго, замыкающаго сердце я много видалъ отъ людей. Я отъ этого нисколько не сдѣлался мизантропомъ: я люблю людей, какъ своихъ ближнихъ, помогаю имъ гдѣ и какъ могу, и всѣмъ давно простилъ, въ чемъ нѣкоторые виноваты передо мною. Но я усталъ душою, я не въ силахъ съизнова пытать счастіе, и весьма одиноко доживалъ бы вѣкъ свой, если бы меня не окружали нѣсколько вѣрныхъ, благородныхъ друзей, надежныхъ неизмѣнныхъ товарищей—мои собаки. Онѣ ни разу не причинили мнѣ той разъѣдающей сердце боли..... Впрочемъ, это старая исторія и давно травой поросла.

Я съ дѣтства уже любилъ собакъ, какъ самыхъ милыхъ, умныхъ, благородныхъ животныхъ, и всегда находилъ ихъ благодарными за мою любовь. Кошка хитра, коварна, фальшива, кровожадна, хищна; собака честна, самоотвержена, вѣрна, умна, послушна, признательна, великодушна. Бывши въ дикомъ состояніи кровожаднѣйшимъ изъ хищныхъ звѣрей, она теперь отдается человѣку добровольно и безусловно, на милость или немилость, защищаетъ жизнь и собственность своего господина даже тогда, если онъ ее ногами топталъ,—а такого великодушія не выказываетъ ни одно другое животное, даже вѣнецъ созданія — сознательный, мыслящій человѣкъ. Если у собаки дурной характеръ — въ томъ виноватъ ея господинъ. Только хорошіе люди могутъ хорошо воспитывать собакъ. По собакѣ можно до извѣстной степени узнать ея господина — такимъ вѣрнымъ отраженіемъ его душевной жизни дѣлается она.

Первый разъ сознательно поплакалъ я вчужѣ, когда моя бабушка разсказала мнѣ извѣстную исторію про собаку нищаго, у котораго нечѣмъ было кормить ее. Онъ беретъ ее съ собой на озеро—топить; садится въ лодку, собака за нимъ; доѣхавъ до середины озера, онъ еще разъ прижимаетъ вѣрнаго пса къ сердцу — затѣмъ поспѣшно привязываетъ ему на шею камень и бросаетъ въ воду. Собакѣ не вѣрится: ей какъ то удается стряхнуть камень—и она плыветъ къ лодкѣ съ умоляющимъ визгомъ. Нищій отталкиваетъ ее: «у меня нѣтъ хлѣба для тебя!» Бѣдняга опять цѣпляется за лодку — тогда нищій беретъ весло... собака съ раскроеннымъ черепомъ опускается ко дну... вода окрашивается ея кровью, но и въ третій разъ она поднимается съ молящимъ взоромъ. Ожесточившійся господинъ ея уже заноситъ весло, чтобы нанести ей послѣдній, смертельный ударъ, но онъ теряетъ равновѣсіе и сваливается черезъ бортъ; плавать онъ не умѣетъ... онъ погибаетъ... но нѣтъ, приговоренная имъ къ смерти, раненая собака, подплываетъ къ нему и спасаетъ его! Сдѣлалъ ли бы то же человѣкъ?

Такія рѣдкія достоинства умѣли, впрочемъ, чтить уже древніе. Греки ставили своимъ любимымъ собакамъ великолѣпные памятники, а Александръ Македонскій даже выстроилъ въ честь своей цѣлый городъ съ пышными храмами и дворцами. Еще при Плутархѣ, на островѣ Саламисѣ, съ удивленіемъ показывали памятникъ, подъ коимъ была погребена вѣрная собака Ксантиппа, отца Периклова, которая вплавь слѣдовала за нагруженной не въ мѣру триремой своего господина, когда оракулъ повелѣлъ аѳинянамъ покинуть родной городъ и сразиться съ персами у Саламиса,—и, выйдя на берегъ, пала къ ногамъ его, мертвая отъ изнеможенія. А Гомеровъ Аргусъ! Кому не дорога память стараго пса Одиссеева? когда царственный несчастливецъ, послѣ долгихъ скитаній, возвращается въ Итаку, обороченный благосклонной богиней Аѳиной въ старца, облеченнаго въ нищенское рубище, и не признаетъ его ни «богоподобный свинопасъ» Эвмей, ни сынъ его, разумный юноша Телемакъ,—его старый, слѣпой песъ Аргусъ машетъ ему хвостомъ, и печально поднимаетъ уши, потому что не имѣетъ силы приползти къ ногамъ своего господина и лизать ему руки... а когда Одиссей, украдкой утеревъ слезу, входитъ въ пировую палату своего дворца—какъ далѣе поетъ Гомеръ —

Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать
Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносныя Меры.

Песъ Сотиръ получилъ отъ признательныхъ Коринѳянъ, за его бдительность противъ враговъ, серебряный ошейникъ съ надписью: «*Защитникъ и спаситель Коринѳа*». Колофонцы употребляли на войнѣ цѣлые отряды большихъ отлично-дрессированныхъ собакъ, и благодаря имъ одержали однажды блестящую побѣду. Александръ Македонскій получилъ въ подарокъ отъ царя албанскаго исполинскую собаку, которая побѣждала въ бою львовъ и слоновъ. Бѣдному Лазарю собаки жалостливо лизали язвы, какъ бы стыдя этимъ надменнаго богача, жестокосердо отгонявшаго бѣдняка отъ своего порога и стола. Древніе германцы цѣнили собаку вдвое противъ лошади и платили за нее вдвое больше, и съ помощью своихъ собакъ побѣждали римлянъ. Такихъ примѣровъ можно бы набрать гибель, если бы порыться въ древнихъ писателяхъ.

Изъ новѣйшихъ собакъ всѣхъ болѣе славятся Сенъ-бернардскія—а между ними Барри своей смѣтливостью, самопожертвованіемъ и необыкновенной силой стяжалъ себѣ вполнѣ заслуженную міровую славу. Онъ одинъ въ снѣгахъ и льдахъ швейцарскихъ горъ спасъ жизнь не менѣе сорока человѣкъ. Каждый разъ какъ вокругъ уединеннаго августинскаго монастыря, построеннаго на Большомъ Сенъ-Бернардѣ (7680 футовъ надъ уровнемъ морскимъ), бушевалъ зимній буранъ съ мятелицей и гремящими лавинами,—исполину, красавцу Барри не сидѣлось дома. Онъ съ громкимъ лаемъ бросался по самымъ опаснымъ путямъ, въ самыя глубокія лощины, отыскивая застигнутыхъ непогодой странниковъ, чтобы спасти ихъ. Его чуткій носъ открывалъ ихъ, даже зарытыми подъ 6—8 футами снѣга. Въ монастырѣ еще донынѣ хранится память о его многославныхъ подвигахъ на картинахъ, на пергаментѣ и въ признательныхъ сердцахъ. Приведемъ въ краткихъ чертахъ одинъ изъ нихъ. Май мѣсяцъ 1817 г. Воздухъ омраченъ сильнѣйшей мятелью, и далеко раздается гулъ лавинъ. Барри бѣжитъ къ одному брату (который прикрѣпляетъ ему на шею плетеную торбочку съ виномъ и хлѣбомъ), и бросается, съ точно такимъ же манеромъ снаряженными товарищами, въ снѣгъ и бурю. На разстояніи часа отъ монастыря онъ находитъ полумертваго четырехлѣт-

няго ребенка—и до тѣхъ поръ лижетъ ему лицо и руки, пока не приводитъ его въ чувство. Мать засыпана лавиной. Барри ложится къ мальчику и ласкается къ нему, пока тотъ не садится къ нему на спину и не обнимаетъ шеи его рученками,—тогда Барри съ торжествомъ несетъ спасеннаго въ монастырь, и тотчасъ же ведетъ добрыхъ монаховъ къ занесенной снѣгомъ матери. Но для нея помощь поздно приспѣла. Богатый купецъ изъ Берна усыновляетъ сиротку—а семь лѣтъ спустя беретъ къ себѣ въ домъ и одряхлѣвшаго старика Барри. Но Барри тоскуетъ въ праздности и скоро умираетъ. Портретъ его (со спасеннымъ ребенкомъ на спинѣ) и нынѣ еще виситъ въ монастырѣ, а чучело собаки, съ плетеной торбочкой на шеѣ, хранится въ Бернскомъ музеѣ.

Не менѣе знаменитъ Монтаржи, собака Обри де-Мондидье, которая отыскавъ и указавъ закопанный въ лѣсу трупъ своего господина, и встрѣтивъ нѣсколько времени спустя на одной изъ парижскихъ улицъ никѣмъ не подозрѣваемаго убійцу его, бросается на него съ такой яростью и упорствомъ, что подозрѣніе наконецъ пробуждается. Король Карлъ V, прозванный Мудрымъ (дѣло было въ XIV вѣкѣ), услышавъ о столь необычайномъ происшествіи, приказываетъ по тогдашнему обычаю учредить «божій судъ», т. е. поединокъ не на животъ а на смерть, между обвиняемымъ Макэромъ, и обвинителемъ—псомъ убитаго. Исходъ этого единственнаго въ своемъ родѣ сраженія извѣстенъ: Монтаржи кидается на врага съ такой быстротой и бѣшенствомъ, и съ такой силой впивается ему въ горло зубами, что убійца, не успѣвъ оборониться данными ему щитомъ и дубиною, признается въ злодѣяніи и пріемлетъ достойную казнь. Собака эта замѣчательна еще тѣмъ, что она (болѣе четырехъ вѣковъ по смерти) сдѣлалась невинной причиною расторженія долголѣтней дружбы великаго Гете съ его поклонникомъ и меценатомъ, герцогомъ Карломъ Августомъ Веймарскимъ. Дѣло въ томъ, что собака Обри не только не утратила своей популярности съ вѣками, но въ началѣ настоящаго сдѣлалась героемъ трогательной мелодрамы во французскомъ вкусѣ. Четвероногій актеръ—ученый пудель, исполнявшій главную роль, восторженно принимаемый публикой, объѣхалъ всю Европу, начавъ съ Парижа, съ написанной для него пьесой. Въ Берлинѣ даже знаменитый Иффландъ не побрезгалъ выйти на сцену съ новымъ собратомъ своимъ, пуделемъ. Это возбудило любопытство Карла-Августа, большаго любителя и постоянно окружавшаго себя великолѣпными огромными нью-фаундлендами и пр.,—и онъ предписалъ Гете, тогда бывшему директоромъ придворнаго театра, выписать пуделя на нѣсколько представленій. Гете, питавшій болѣе возвышенное понятіе о достоинствѣ театра, отвѣчалъ своему другу: «вывести собаку на сцену—значитъ бросить сцену собакамъ». Карлъ-Августъ, сдѣлавшійся на старости лѣтъ немножко упрямъ, потихоньку все таки выписалъ пуделя. Глубоко оскорбленный, Гете, 20 марта 1817 г., въ день репетиціи *«собаки полковника Обри»* удалился въ Іену, куда онъ часто уходилъ отъ безчисленныхъ непріятностей, сопряженныхъ съ его официальнымъ положеніемъ при театрѣ и при дворѣ. Нашлись усердники, которые раздули пламя,—и Гете получилъ отъ своего друга, брата своей юности, съ которымъ онъ былъ на *ты*, съ которымъ мѣнялся мыслями, сердечными тайнами, даже платьемъ, слѣдующій холодный именной приказъ.—«Изъ дошедшихъ до меня отзывовъ, я убѣдился, что тайный совѣтникъ фонъ-Гете желаетъ быть уволеннымъ отъ должности директора придворнаго театра, что я симъ и утверждаю». Старыя, задушевныя отношенія никогда послѣ того не возстановлялись вполнѣ въ прежнемъ видѣ между друзьями. Но обратимся снова къ нашему краткому исчисленію знаменитостей собачьяго племени.

Рольдано, вѣрный песъ знаменитаго морскаго героя, генуэзца Андреа Доріа, раздѣлялъ со своимъ господиномъ всѣ опасности его морскихъ кампаній, за что Филиппъ II испанскій пожаловалъ псу пожизненную пенсію въ 500 золотыхъ кронъ; на эти деньги содержались два раба, приставленные къ нему, обязанностью которыхъ было прислуживать ему и подавать самыя отборныя лакомства на серебряныхъ блюдахъ.

У Гёте есть разсказъ о собакѣ Бенвенуто Челлини, которая съ изумительной смышленностью и неустрашимостью напала на вора—вломившагося въ мастерскую знаменитаго ювелира и благополучно скрывшагося—нѣсколько дней спустя, такъ что по милости ея онъ былъ схваченъ и уличенъ въ преступленіи.

Драконъ, собака знаменитаго англійскаго поэта Драйдена, тоже въ своемъ родѣ историческая личность и вполнѣ заслуживаетъ, чтобы о немъ съ честью упомянуть. Драйденъ очень любилъ путешествовать по образу пѣшаго хожденія, и часто ходилъ на дачу къ своимъ многочисленнымъ друзьямъ и поклонникамъ, миль за 20—30 и болѣе отъ города. Его всегда сопровождалъ большой, чудный борзой песъ, Драконъ. На одной изъ такихъ прогулокъ, на поэта въ лѣсу напали пять мошенниковъ и ограбили его дочиста. Когда наконецъ они хотѣли сорвать съ его шеи медальонъ съ портретомъ незадолго передъ тѣмъ скончавшагося ребенка Драйдена, отецъ вышелъ изъ терпѣнія и крикнулъ: «Драконъ, бери ихъ!» Вѣрный песъ немедленно бросается на разбойниковъ, а Драйденъ пользуется этой минутой чтобъ бѣжать. Неподалеку, въ шинкѣ, онъ находитъ четверыхъ дровосѣковъ—и вмѣстѣ съ ними возвращается на мѣсто, гдѣ было сдѣлано на него нападеніе. Драконъ—имъ на встрѣчу, весь израненный, въ крови, и лижетъ руки своего господина. Трое разбойниковъ лежатъ уже мертвые, остальныхъ двухъ схватываютъ. Но и Драконъ, спустя нѣсколько недѣль, испустилъ духъ вслѣдствіе полученныхъ ранъ. Пока будетъ жить имя Драйдена, не забудется и имя спасителя его, Дракона.

Наполеонъ, въ своихъ запискахъ, писанныхъ имъ въ ссылкѣ на Островѣ св. Елены, оставилъ замѣтку объ одной собакѣ, которую онъ встрѣтилъ, объѣзжая ночью поле битвы при Кастильоне, послѣ побѣды. «Кругомъ царствовала глубокая тишина», растроганно пишетъ великій плѣнникъ: «вдругъ, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, мы увидѣли собаку, которая, почуявъ насъ, бѣшено бросилась на насъ изъ-подъ платья одного изъ убитыхъ,—затѣмъ поспѣшно, съ визгомъ и воемъ, возвратилась, принялась лизать лице своего мертваго господина, потомъ опять кинулась къ намъ съ удвоенной яростью. Бѣдное животное точно просило въ одно время и помощи и мести. Пускай припишутъ это минутному настроенію, мѣсту, ночному часу или неожиданному случаю,—только, какъ бы тамъ ни было, ни одно поле битвы не производило на меня такого впечатлѣнія. Этотъ человѣкъ, думалъ я, имѣетъ можетъ-быть друзей,—а лежитъ тутъ одинъ, покинутый всѣми—кромѣ своей собаки! Какое поученіе даетъ намъ природа черезъ это животное, и какъ глубоко замкнута тай-

на человѣческаго чувства! Я безъ малѣйшаго волненія распоряжался битвами, которыя должны были рѣшить участь арміи,—съ сухими глазами предводительствовалъ операціями, которыя должны были причинить смерть многимъ изъ насъ,—а тутъ вдругъ былъ растроганъ, потрясенъ воемъ и плачемъ собаки! Молящій врагъ навѣрно не нашелъ бы меня неумолимымъ въ эту минуту. Мнѣ стало ясно, почему Ахиллъ отдалъ трупъ Гектора плачущему Пріаму!»

Какъ Фридрихъ Великій любилъ своихъ собакъ — извѣстно. Онъ всегда держалъ при себѣ четырехъ великолѣпныхъ левретокъ, все равно въ кабинетѣ ли онъ работалъ или въ полѣ составлялъ планъ сраженія. Любимцами его были Бишъ и Алкмена. Онъ постоянно самъ кормилъ ихъ и такъ баловалъ ихъ, что позволялъ имъ почивать на диванахъ и креслахъ, обитыхъ шелковыми или парчевыми матеріями. Въ Санъ-Суси теперь еще показываютъ мѣста изорванныя зубами шаловливыхъ красавицъ. Въ битвѣ при Соррѣ (1745 г.) Бишъ попала въ руки австрійцевъ вмѣстѣ съ королевскимъ обозомъ. Долго австрійскій генералъ Надасти отказывался отъ обмѣна, пока король не выкупилъ ее освобожденіемъ ужь не знаю сколькихъ непріятельскихъ офицеровъ. Фридрихъ сидѣлъ у своего письменнаго стола, вдругъ дверь отворяется—и съ громкимъ радостнымъ лаемъ его любимица влетаетъ въ комнату и нѣжно кладетъ ему на плечи свои тоненькія, дрожащія отъ радости лапки. Желѣзные нервы молодаго героя не выдержали—слеза блеснула въ глазахъ его. Однажды, когда король засидѣлся за работой до глубокой ночи, умница Бишъ, пользуясь тѣмъ что ей позволялись всякія вольности, вскочила на его письменный столъ, и стала грызть перо и выдергивать его изъ пальцевъ. «Ты права, Бишъ, сказалъ король, — пора, пойдемъ спать,»—и шалунья раздѣлила его ложе.

Къ сожалѣнію, давно забыто имя героя одной изъ трогательнѣйшихъ собачьихъ эпопей, но память о его подвигѣ не погибаетъ. —Ѣдетъ всадникъ лѣсомъ. Вдругъ собака его съ бѣшенымъ лаемъ прыгаетъ на него; онъ старается ее успокоить—бранитъ ее — бьетъ его арапникомъ... но собака все болѣе свирѣпѣетъ, наконецъ даже бросается на лошадь и старается схватить ее за шею; тогда путешественникъ воображаетъ, что собака взбѣсилась,—и въ этомъ убѣжденіи стрѣляетъ въ нее изъ пистолета, и ѣдетъ далѣе. Вдругъ онъ съ испугомъ замѣчаетъ, что онъ обронилъ чемоданчикъ, съ весьма цѣннымъ содержаніемъ. Онъ возвращается назадъ; видитъ—лужа крови: тутъ онъ стрѣлялъ въ собаку, но ея нѣтъ. Кровавый слѣдъ указываетъ ему, что она пошла дальше назадъ,—въ головѣ его мелькаетъ мысль: неужели?... Да, вѣрный песъ сторожемъ лежитъ на чемоданчикѣ, къ которому тщетно старался привести своего господина. Его разъ лижетъ онъ руку, пославшую ему смертоносную пулю,—и испускаетъ духъ.

Отъ всѣхъ этихъ исторій и постоянныхъ сношеній съ моими добрыми, вѣрными, умными собаками, любовь моя къ нимъ съ каждымъ днемъ росла. Это у меня впрочемъ не такая доходящая до смѣшнаго страсть, какъ у графа де-Клермона, который—когда умерла его любимая собака, Ситронъ,—не только принималъ офиціальные «визиты соболѣзнованія» (*visites de condoléance*) въ траурѣ, но еще просилъ священника своего прихода сочинить краснорѣчивую собачью эпитафію, что тотъ и исполнилъ какъ нельзя ловчѣе и правдивѣе, сдѣлавъ на памятникѣ собаки слѣдующую надпись:

«Cy-git Citron, qui sans peut-être
Avait plus de sens que son maître.»

(Здѣсь покоится прахъ Ситрона, который, безъ всякаго сомнѣнія, былъ умнѣе своего господина.)

Любовь моя тоже не походитъ на безумную или, вѣрнѣе, преступную страсть принцессы Анны Виртембергской, которая въ 1733 г. жила въ Мёмпельгардѣ съ громаднымъ штатомъ собакъ, и ради ихъ совсѣмъ забыла о людяхъ съ ихъ нуждами и голодомъ —кормила собакъ своихъ самыми дорогими лакомствами, а голодныхъ нищихъ приказывала травить собаками съ дворцоваго двора. Каждый разъ какъ умирала одна изъ этихъ собакъ, принцесса клала ее въ цинковый гробъ и хоронила въ великолѣпномъ собачьемъ мавзолеѣ, при плачѣ и причитаніи наемныхъ плакальщицъ. Когда однажды изъ глазъ одной бѣдной каммеръ-юнгферы не довольно обильно лились слезы у гроба любимой собаки, «Собачья принцесса,» какъ ее съ ненавистью называлъ народъ, велѣла связать несчастную—и собственноручно истязала ее булавками, а на исколотыя мѣста капала горящимъ сургучомъ, такъ что каммеръ-юнгфера чуть не умерла. По жалобѣ бѣдной дѣвушки, засѣдавшій въ Кольмарѣ Верховный Совѣтъ приговорилъ принцессу выплатить жертвѣ большое денежное вознагражденіе, и принцессу на пять лѣтъ выслали изъ страны.

Нѣтъ, мнѣ точно также ненавистно это безсмысленное боготвореніе собакъ какъ и нечеловѣческая жестокость, съ которою, во имя медицинской науки, пригвозживаютъ несчастную живую собаку за всѣ четыре лапы къ анатомическому столу и медленно разнимаютъ на части бѣдное, трепещущее, воющее животное. Одинъ ножъ ворочается въ его груди и обнажаетъ горячее, мучительно-трепещущее сердце,—другой отдѣляетъ мускулъ за мускуломъ,—третій вырѣзываетъ умоляющіе, полные страшнаго укора глаза, — раскаленное желѣзо испытываетъ чувствительность нервовъ головнаго мозга... и все это въ угоду тщеславной, жалкой человѣческой науки, которой все таки никогда не добраться до источника жизни!

Во мнѣ просто зародилось желаніе подарить публику результатами моей начитанности и личной опытности по части собачьей біологіи—и печатно воздать должную честь этимъ благороднѣйшимъ, честнѣйшимъ изъ животныхъ, слишкомъ часто—увы!—неоцѣняемымъ по достоинству, терпящимъ ругательства, побои и всякія напасти.

(*Продолженіе будетъ*).

Уходъ за отравленными до прибытія врача.

Внезапныя заболѣванія одного или нѣсколькихъ, предъ тѣмъ здоровыхъ лицъ, сказывающіяся или 1) болью въ желудкѣ и рвотою при большомъ упадкѣ силъ, или 2) безчувствіемъ, помраченіемъ разсудка, расширеніемъ зрачковъ и сонливостью,—свидѣтельствуютъ обыкновенно объ отравленіи. При этомъ первый рядъ признаковъ указываетъ на отравленія металлическими и острыми растительными ядами, а второй — на отра-

вленія приводящими въ безчувствіе наркотическими ядами. Отравленія острыми кислотами, известью и щелокомъ сказываются воспаленіемъ и жгучею болью во рту и глоткѣ, а произведенныя фосфоромъ обнаруживаются свѣтеніемъ рвотныхъ изверженій въ темнотѣ. Во всѣхъ же такихъ случаяхъ, когда рвота еще не послѣдовала сама собою, первая задача должна состоять въ томъ, чтобы возбудить ее. Съ этой цѣлью щекочатъ въ горлѣ бородкою гусинаго пера, даютъ пить въ изобиліи теплую воду съ распущеннымъ въ ней масломъ или же какое либо настоящее рвотное, если оно есть подъ руками. Затѣмъ уже слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать по возможности безвреднымъ принятый ядъ. Для этого, въ однихъ случаяхъ, ядъ разжижаютъ значительнымъ пріемомъ молока, воды и каши-размазни (овсяной); въ другихъ—для этого существуютъ такія снадобья, которыя образуютъ съ ядами нерастворимыя и безвредныя химическія соединенія, это—такъ-называемыя противоядія. Разжиженіе ядовъ посредствомъ жидкихъ и кашеобразныхъ веществъ (какъ, напр., овсянка) имѣетъ мѣсто при отравленіяхъ металлическими и острыми ядами. При отравленіяхъ минеральными кислотами, каковы: купоросное масло, крѣпкая водка, хлористоводородная кислота, тотчасъ даютъ больному пить въ значительномъ количествѣ мыльную воду; противъ же произведенныхъ щелокомъ, уксусомъ и другими растительными ядами, употребляютъ въ большихъ дозахъ магнезію или мѣлъ, растворенные въ водѣ.

Во всѣхъ случаяхъ отравленія различными препаратами *мышьяка*, даютъ больному черезъ каждую четверть часа—до шести столовыхъ ложекъ въ теплой водѣ—ferrum hydrico-aceticum cum aqua, которое въ каждой аптекѣ всегда имѣется готовое. Если же этого средства нельзя получить тотчасъ же, то приготовляютъ, гдѣ можно, слѣдующее: распускаютъ одинъ лотъ желѣзнаго купороса въ чайной чашкѣ кипятку, и полтора лота соды или лотъ поташу тоже въ чашкѣ кипятку, сливаютъ оба раствора вмѣстѣ, сбалтываютъ ихъ—и, разбавивъ еще нѣсколько горячею водою, даютъ чрезъ короткіе промежутки времени. При возможности добыть въ скоромъ времени жженой магнезіи, берутъ ея четверть фунта, разводятъ въ фунтѣ воды и пьютъ въ такомъ видѣ. При этомъ, посредствомъ механическаго раздраженія глотки бородкою пера, стараются возбудить рвоту. Кромѣ того, употребляютъ въ большомъ количествѣ слизистыя и маслянистыя питія, особенно воду съ яичнымъ бѣлкомъ. Пьютъ также известковую воду, имѣющуюся въ каждой аптекѣ. Въ видѣ слабительнаго даютъ горькую или глауберову соль, дѣлаютъ промывательное изъ вышеуказаннаго уксусо-кислаго гидрата (ferrum hydrico - aceticum cum aqua). Въ концѣ же концовъ, однако, не слѣдуетъ медлить приглашеніемъ ближайшаго врача.

При отравленіяхъ *окисью мѣди* (ярь-мѣдянка) лучшимъ противоядіемъ служитъ разболтка яичнаго бѣлка въ водѣ, принятая въ большомъ количествѣ. Къ этому еще даютъ ложками свѣже-приготовленную кашицу изъ семи частей желѣзныхъ опилокъ и четырехъ частей сѣрнаго или желѣзнаго цвѣта въ сахарномъ сиропѣ.

Въ случаяхъ отравленія фосфоромъ (напр. посредствомъ зажигательныхъ спичекъ) немедленно стараются вызвать рвоту, раздражая глотку бородкою пера, и даютъ пить составъ изъ одной части жженой магнезіи, восьми частей хлорной и семи частей обыкновенной воды. Если нѣтъ подъ рукою хлорной воды — довольствуются одною жженой магнезіею въ простой водѣ. Кромѣ того, употребляютъ въ большомъ количествѣ слизистыя питія, а также кисель, рисовую, пшенную и манную кашу. Въ послѣднее время компетентные люди рекомендуютъ въ подобныхъ случаяхъ давать каждые полчаса, пока не исчезнутъ всѣ слѣды отравленія, по двѣнадцати капель—смѣшаннаго въ равныхъ дозахъ съ эѳиромъ—алькоголя и терпентиннаго масла въ достаточномъ количествѣ овсяной кашицы.

Противодѣйствуя отравленію *опіумомъ*, стараются искуственно, посредствомъ щекотанія въ глоткѣ, вызвать рвоту, даютъ пить въ большомъ количествѣ крѣпкій черный кофе, выносятъ больнаго на свѣжій воздухъ, обильно спрыскиваютъ его холодною водою, кладутъ ему на голову пузыри со льдомъ и ставятъ промывательное изъ уксуса. Особенно опасно отравленіе опіумомъ для маленькихъ дѣтей. Оно обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ отвратительной замашки ставить дѣтямъ промывательное изъ отвара маковыхъ головокъ, а также слѣдствіемъ особеннаго искусства невѣжественныхъ матерей и кормилицъ, въ видахъ спокойствія собственныхъ особъ, усыплять крикливыхъ ребятъ тѣмъ же отваромъ маковыхъ головокъ. Такіе проступки слѣдуетъ разсматривать уже прямо какъ уголовное преступленіе.

Для немедленнаго первоначальнаго пособія отравленнымъ *синильною кислотою* и *ціановымъ каліемъ*, смѣшиваютъ одну часть концентрированной хлорной воды съ четырьмя частями обыкновенной, напаиваютъ этимъ составомъ губку и подносятъ ее къ носу и рту, а также смачиваютъ имъ лобъ и виски больнаго. Если же подъ руками нѣтъ хлорной воды, то употребляютъ для вдыханія и смачиванія составъ изъ одной части амміака въ двѣнадцати частяхъ воды. Въ виду скоро-угрожающей смерти поддерживаютъ искуственное дыханіе—способомъ, описаннымъ нами въ предъидущей статьѣ (Нива, № 21). Очень полезно также обливать голову больнаго холодною водою, затѣмъ положить пузырь со льдомъ и поставить промывательное изъ уксуса.

У отравленныхъ или отравившихся *стрихниномъ* немедля слѣдуетъ очистить желудокъ возбужденіемъ рвоты. Въ случаѣ, если уже наступили судорги, всыпаютъ больному въ ротъ, чрезъ небольшіе промежутки времени, по столовой ложкѣ пульверизированнаго животнаго угля, давая запивать его водою. Употребляютъ также холодныя обложенія головы и промывательныя изъ уксуса. Рѣшительную же помощь въ подобныхъ случаяхъ можетъ оказать только врачъ.

Отравившимся *поганками* и *мухоморами* тотчасъ даютъ рвотное и затѣмъ ставятъ промывательныя изъ мыльной воды. Если уже наступило безсознательное состояніе, то даютъ эѳиръ въ большихъ дозахъ, а въ случаѣ нужды и чистую водку. Какъ противоядіе въ подобныхъ обстоятельствахъ, очень хвалятъ также отваръ одного унца чернильныхъ орѣшковъ въ одной кружкѣ (штофъ) воды, котораго чрезъ каждыя пять минутъ принимаютъ по чайной чашкѣ.

Укушенному *бѣшеною собакою* или *бѣшенымъ волкомъ*, при отсутствіи врача, ставятъ на рану, если можно, одинъ рожокъ, даютъ ей такимъ образомъ сколько возможно больше выпустить изъ себя крови и затѣмъ тщательно промываютъ ее растворомъ щелока или зеленаго мыла. Такъ какъ, судя по опыту, только весьма малый процентъ укушенныхъ бѣшеными животными заболѣваетъ водобоязнью, то опасность здѣсь не такъ велика. Если же, спустя нѣсколько недѣль, у укушеннаго появляются разные симптомы болѣзни,

какъ-то: унылое настроенiе духа, стремленiе къ одиночеству, боль въ заживших уже ранахъ и пр., то наступило время оказать рѣшительную и энергическую спиртомъ и принятiе его внутрь, чрезъ каждыя пять минутъ, по три капли въ стаканѣ воды.

Мы, какъ это понятно и само собою, ограничились

Раздоръ въ стойлѣ.

Рисунокъ Ф. Лоссова.

помощь. Лучшее и испытанное средство — это горячiя ванны изъ сулемы, принимаемыя два раза въ день, — но это можетъ уже предписать только врачь.

Противъ укушенiя *ядовитыхъ гадовъ* и *змѣй*, рекомендуютъ немедленное омытiе раны нашатырнымъ здѣсь лишь первоначальными средствами пособiя при отравленiяхъ — въ виду того, что во всѣхъ такихъ случаяхъ возможно-скорое приглашенiе врача составляетъ безусловную необходимость.

Д-ръ Ф. Гезеллiусъ.

Константинопольскіе пожары.

Пожары въ Константинополѣ, землетрясенія въ Лимѣ и революціи въ Франціи суть уже естественныя явленія по преданію, мало ужасаютъ людей небывшихъ свидѣтелями, хотя вызываютъ симпатію многихъ, — а долгое ихъ отсутствіе кажется страннымъ, особенно англичанамъ. Жители Стамбула настолько свыклись съ трескомъ пожара, что не двигаются съ мѣста, пока пламя не захватитъ ближайшихъ стѣнъ. Предопредѣленіе судьбы и деревянныя зданія достаточно мотивируютъ апатію турка во время пожаровъ; онъ заранѣе знаетъ, что въ продолженіи своей жизни два-три раза подвергнется этому несчастію, и потому пріобрѣтаетъ постепенно привычку саламандры — нисколько не безпокоиться постигшимъ зломъ. Но къ несчастію пожаръ пожираетъ нетолько вѣрующихъ предопредѣленію, но и другихъ людей; безъ сомнѣнія, послѣдній пожаръ произвелъ ужасное истребленіе въ европейской части отоманской столицы, о чемъ Европа извѣстилась прежде, чѣмъ потушили его. Изъ числа 50,000 пострадавшихъ одна треть были греки; за ними по числу — армяне, турки и прочіе европейцы. Представлялось зрѣлище терзающее сердце. Передъ глазами нашими вдругъ падаетъ труба, сзади насъ грозно шатаются стѣны; повозки, лошади, люди — всѣ смѣшанные идутъ въ средѣ обрывающихся стѣнъ. Тутъ полунагая дѣвица старается покрыть себя попавшимся платьемъ; другая рыдаетъ, держа голову межъ руками; иная со смѣхомъ сумашествія держитъ ноты свои, которыя она спасла. Матери заблудившіяся ищутъ своихъ дѣтей. Валидé-Чесмé (откуда начался пожаръ) имѣетъ видъ обширнѣйшаго амфитеатра, наподобіе Помпейскаго; изъ-подъ развалинъ точно такъ же выкапываютъ мертвыхъ. Въ прусскомъ госпиталѣ трое отважныхъ нѣмцовъ сдѣлались жертвою пламени, желая спасти больныхъ. Съ трудомъ отыскиваемъ мѣсто «филологическаго собранія»; погибли драгоцѣнная его библіотека, архивы — все. Въ гостинницѣ «Люксенбургъ» множество европейцевъ стали жертвою пожара. Театръ «Наума» представляетъ пепелъ и дымъ, — только бюстъ Расина остался невредимымъ, какъ будто свидѣтельствуетъ о его безсмертіи. Всемірный складъ Bon-marché, источникъ многихъ милліоновъ, не существуетъ. Участь семнадцати дѣвицъ пансіонерокъ неизвѣстна; тридцать человѣкъ больныхъ въ европейской больницѣ изчезли. Колоссальное зданіе англійскаго посольства обращено въ пепелъ. Куда ни направимся, всюду видимъ трупы людей и полуживыхъ. Словомъ, уничтоженъ центръ отоманской цивилизаціи; съ 1831 года не бывало такого пожара. Главнѣйшая причина несчастія — привычка строить дома изъ дерева; можно себѣ представить до какой степени доходитъ безпечность и тупость турковъ, когда не обращаютъ вниманія на мраморъ, изобилующій въ окрестностяхъ, чѣмъ иной народъ украсилъ бы обѣ стороны Босфора. Существующіе каменные дома выстроены другими націями. Турокъ, построивъ себѣ деревянный домъ и окрасивъ его снаружи, сидитъ въ немъ, пока Аллахъ не заставитъ его пожаромъ выстроить другой. Но не одно только дерево — причина зла, такъ какъ въ Перѣ находятся многочисленные дворцы, выстроенные по всѣмъ правиламъ новѣйшей архитектуры; пожаръ усиливается въ лѣтнее время по причинѣ сухости воздуха въ Стамбулѣ. Чрезмѣрный жаръ осушаетъ и дѣлаетъ все легко-воспламеняемымъ; недостатокъ воды и отсутствіе трубъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ домовъ, гдѣ разводятъ огонь на *мангалахъ* (жаровняхъ), суть главныя причины пожаровъ. Турки берутъ воду изъ старыхъ цистернъ временъ византійскихъ императоровъ; другіе покупаютъ изъ Хрисополиса и доставляютъ ее на-домъ въ кожаныхъ мѣшкахъ. Наконецъ, пасатные вѣтры, дующіе изъ Чернаго моря по направленію къ Босфору, гонятъ пламя до противоположной бухты, которое дорогою уничтожаетъ все, что можетъ ему служить пищею, — отсюда ясно, что нѣтъ надобности предположить какое либо злонамѣреніе для подобнаго несчастія.

Если въ Константинополѣ воздвигнуты иностранцами великолѣпные мраморные дворцы, а улицы и большія площади не вымощены даже камнемъ, — это произошло отъ того, что городъ занимаетъ по мѣстоположенію *первое* мѣсто вселенной, а находится въ рукахъ *послѣднихъ* по цивилизаціи. Константинъ Великій предполагалъ сдѣлать всемірной столицею Никомидію или Медіоланъ, но когда увидѣлъ величественное мѣстоположеніе между Золотымъ-Рогомъ и Пропонтидою — оцѣнилъ его, какъ естественный союзъ двухъ континентовъ, и воздвигъ тамъ столицу своей имперіи. Преданіе говоритъ, что орелъ, пролетѣвъ мимо императора, бросилъ большой драгоцѣнный камень на то мѣсто, гдѣ нынѣ находится султанскій дворецъ, — и ангелъ, видимый только императоромъ, начертилъ планъ города. Но и безъ помощи ангеловъ и орловъ всякій опытный человѣкъ, направляясь изъ Мраморнаго моря къ тѣмъ чуднымъ мѣстамъ, приходитъ къ такому же заключенію.

По новѣйшимъ свѣденіямъ, число погорѣвшихъ улицъ простирается до 65, жилыхъ квартиръ до 163, а зданій до 3449. При этомъ лишившихся жизни показано 108 человѣкъ, чему рѣшительно нельзя вѣрить. До сихъ поръ сгорѣло 46 пожарныхъ трубъ и до 200 однихъ *тулумбашей* (пожарныхъ служителей), которые врывались въ дома, грабя и убивая запоздавшихъ тамъ несчастливцевъ. Общее число погибшихъ уже теперь доходитъ до 1200 — 1700.

Въ помощь погорѣвшимъ образовались комитеты французскихъ, италіанскихъ и другихъ колоній, по примѣру поданному имъ нѣмецкою, которая не дожидалась даже содѣйствія своего консульства (къ чему прибѣгали всѣ прочія) и собрала съ самаго дня пожаровъ до 1000 фунтовъ стерлинговъ. Порта также учредила центральный комитетъ вспомоществованія подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ; собранный капиталъ, съ пожертвованными султаномъ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, простирается нынѣ до 22,000. Кромѣ того, Порта выказала изумительную дѣятельность въ облегченіи участи пострадавшихъ. На первыхъ порахъ для всѣхъ оставшихся безъ крова устроены были палатки, покрывшія пространство экзерцирплаца. Три раза въ день раздаются жизненные припасы, даже кофе и посуда. Законоположеніе, по которому христіанамъ не дозволялось жить въ турецкихъ квартирахъ, тотчасъ же было отмѣнено, а домовладѣльцамъ запрещено возвышать цѣны. Полиція всюду задерживала носильщиковъ, которые присвоивали себѣ чужіе пожитки, отбирала ихъ, — и нѣкоторыя вещи были дѣйствительно возвращены владѣльцамъ — примѣръ неслыханный въ Турціи.

Ѳ. Іоанниди.

Смѣсь.

Капризникъ.

(См. стр. 389).

Идеалы въ образовательныхъ искусствахъ мѣняются со временемъ, точно такъ же какъ и въ поэзіи. Художники среднихъ вѣковъ писали мадоннъ; живописцы нашего времени предпочитаютъ изображать намъ человѣческія, будничныя отношенія матери къ дѣтямъ,—и поэзія, почти замолкшая въ грохотѣ политической жизни, охотно избираетъ предметомъ вдохновенія тихія радости семейнаго очага. Одну изъ такихъ обыденныхъ сценъ представляетъ прилагаемый рисунокъ съ картины Бейшлага.

Просторная, свѣтлая, комфортабельная комната — произведеніе новѣйшаго искусства и промышленности. На мягкія подушки кресла широкими складками падаетъ тяжелое *дамà* занавѣса, отдѣляющаго спальную молодой женщины отъ ея уютнаго будуара. Прекрасная рѣзная мебель, украшающая стѣны и полъ, свидѣтельствуетъ о довольствѣ и вкусѣ.

Въ легкомъ утреннемъ negligé, владѣлица этого уголка — совсѣмъ еще молоденькая мать — подошла съ своимъ капризнымъ баловнемъ къ зеркалу, для того чтобы оно педагогически подѣйствовало на маленькаго упрямца. Зеркало однако не совсѣмъ вѣрно вошло въ роль строгаго педагога; по крайней мѣрѣ въ немъ отражается почти уже проясненное личико, — можетъ-быть плутишка видитъ, рядомъ съ грозящимъ пальчикомъ матери, ея болѣе добродушно-лукавое, нежели грозное лицо?... Какъ бы то ни было, тѣмъ или другимъ путемъ, но цѣль достигнута, а средство до того типично, что едвали найдется мать, которая бы, хотя разъ въ жизни, не употребила его для исправленія своихъ милыхъ капризниковъ.

Раздоръ въ стойлѣ.

(См. стр. 397).

Мы не разъ уже предлагали читателямъ рисунки Ф. Лоссова, который такъ мастерски изображаетъ жизнь домашнихъ животныхъ. Вотъ и еще одно изъ такихъ произведеній, чуть не поставившее въ тупикъ его комментаторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что хотѣлъ сказать авторъ этимъ рисункомъ? Не попала ли киса на крупъ, спасаясь отъ преслѣдованій пуделя? Конечно, нѣтъ! Вовсе не въ природѣ кошки такъ беззаботно сидѣть и дѣлать свой туалетъ въ виду злѣйшаго врага — даже въ болѣе вѣрномъ убѣжищѣ, чѣмъ подвижный хребетъ коня. Пудель, всегда сопутствовавшій коню (если не бѣгомъ по улицѣ, то сидя на козлахъ), ворчитъ и лаетъ; другъ и спутникъ словно уговариваетъ его, а киса лижетъ, приглаживаетъ себѣ шерстку съ такимъ же равнодушіемъ, какъ бы занималась этимъ на какой нибудь балкѣ чердака. Что же такъ раздражаетъ пуделя? Просто-ли хочетъ онъ помѣряться съ своимъ противникомъ отъ природы, или дѣло въ томъ чтобы заявить свои права въ качествѣ друга дома, или ему кажется что его пріятеля обижаютъ?

Вѣрнѣе всего второе предположеніе, такъ какъ въ Германіи весьма не рѣдко можно встрѣтить (на рынкахъ, биржахъ и проч.) запряженную лошадь съ пуделемъ, сидящимъ на крупѣ и лающимъ на всѣхъ, кто слишкомъ близко подходитъ къ лошади, ввѣренной его охранѣ.

«Съ чужаго коня среди грязи долой» — вотъ самая вѣрная подпись къ прилагаемому рисунку.

Какъ глубоко море?—Между тѣмъ какъ земля уже нѣсколько тысячъ лѣтъ служила, даровитѣйшимъ людямъ всѣхъ временъ и народовъ, предметомъ остроумныхъ изслѣдованій, —море еще недавно пребывало во мракѣ неизвѣстности. Глубь океана, съ ея чудесами и ужасами, была закрыта донынѣ уму и взору человѣка. Первая инициатива изслѣдованія морской глубины принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, подъ водительствомъ человѣка, прославившагося во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Человѣкъ этотъ—Мори, капитанъ въ американской морской службѣ, тотъ самый который открылъ изумительный подводный горный хребетъ, на которомъ покоится трансатлантическій телеграфный канатъ отъ мыса *Cape Race* въ Ньюфаундлендѣ до мыса *Cape Clear* въ Ирландіи; можно даже сказать, что открытіе этого хребта впервые вызвало мысль о проложеніи каната, доказавъ, что предпріятіе не будетъ въ необходимости преодолѣвать такой неизмѣримой глубины, какъ до тѣхъ поръ предполагали.

Возможность освидѣтельствованія морской глубины не переходила извѣстныхъ границъ; инструменты, бывшіе въ употребленіи, не дозволяли точнаго измѣренія слишкомъ значительной глубины, — поэтому наблюденія должны были ограничиваться прибрежными и вообще сравнительно-мелкими водами. На хорошихъ картахъ бывали обозначены глубины до 300 саженъ, въ открытомъ же морѣ считалось невозможнымъ дойти до дна. Научно-образованные мореплаватели—Дюпети Туаръ, Россъ, Бурклеффъ и др.—старались объ этомъ, но безуспѣшно. Самыя остроумныя изобрѣтенія ихъ оказывались неудобопримѣнимыми, вслѣдствіе физическихъ препятствій со всѣхъ сторонъ возникавшихъ. Давленіе воды даже на малой глубинѣ оказывалось уже громаднымъ, а на сколько-нибудь значительной глубинѣ сжимающая ея сила была такая страшная, что опускаемые инструменты большихъ размѣровъ терялись, потому что не было никакой возможности вытянуть ихъ обратно изъ воды. Напомнимъ читателямъ по этому поводу извѣстный естественный фокусъ, которымъ моряки забавляютъ путешественниковъ, чтобы дать имъ слабое понятіе объ этомъ ужасномъ давленіи. Къ лоту прикрѣпляется пустая бутылка, накрѣпко закупоренная. Какъ только лотъ увлечетъ ее подъ воду, она поворачивается дномъ кверху а горлышкомъ къ морскому дну. Спустивъ ее на глубину около 1500 футовъ, ее осторожно вытаскиваютъ (иначе снуръ оборвался бы), и она возвращается уже не пустою, а наполненною водою, вытѣснившей воздухъ — хотя пробка цѣла и не тронута!

Дюпети-Туаръ полагалъ, что, лишь только лотъ коснется дна, почувствуется толчекъ и снуръ перестанетъ спускаться; но того онъ не соображалъ, что уже на глубинѣ немногихъ тысячъ футовъ спущенный снуръ станетъ тяжеле лота, слѣдовательно ожидаемаго толчка не можетъ быть,—и вдобавокъ не зналъ, что въ нижнихъ слояхъ моря есть теченія достаточно сильныя, чтобы увлечь за собою даже довольно толстый снуръ. Не преминули даже обратиться къ помощи звука. Стали опускать тѣла, наполненныя порохомъ, которыя должны были взорваться по прошествіи извѣстнаго времени,—думая расчитать глубину по звуку взрыва. Взрывъ послѣдовалъ, но далъ знать о себѣ только движеніемъ волнъ, звука же вовсе не было. Однимъ словомъ: все то, что, при обыкновенной глубинѣ, давало самые точные результаты,—оказалось совершенно непримѣнимымъ къ глубинѣ океана; давленія многихъ сотъ атмосферъ никакой инструментъ не былъ въ состояніи вынести.

Изслѣдователи однако не падали духомъ вслѣдствіе неудачи всѣхъ этихъ, иногда весьма дорогихъ опытовъ; наконецъ напали на самое простое средство, которое удовлетворило всѣ требуемыя условія. Къ простой бичевкѣ прикрѣпили тридцатифунтовое ядро и бросили; ядро и бичевка разумѣется пропали, но достали до дна. Длина бичевки была въ точности измѣрена, помѣчена черезъ каждые сто футовъ; когда она останавливалась, стоило только отрѣзать—и, по оставшемуся концу, расчитать глубину. Въ виду достигнутыхъ результатовъ, незначительный убытокъ конечно не шелъ въ счетъ: получилась возможность измѣрить глубину океана—и наука существенно двинулась впередъ. Многократными опытами наловчились въ этомъ процессѣ, и чтобы сдѣлать измѣреніе совершенно точнымъ, по наученію опыта, были приняты нѣкоторыя правила,—въ родѣ того, напр., чтобы на первые 300—500 футовъ брать бичевку вдвое, вообще давать ей извѣстную толщину и отмѣчать во сколько времени она спускаются на первые 100 футовъ. Въ 1851 г. американское морское вѣдомство издало правила эти—и съ тѣхъ поръ

Соединенные Штаты, Англія, Франція, Голландія и пр. такъ усердно продолжали начатое дѣло, что Мори, на основаніи собраннаго матеріала, былъ въ состояніи составить орографическую карту, представляющую крайне - наглядное изображеніе морскаго дна.

По этой картѣ мы видимъ, что глубина сѣверо-атлантическаго бассейна колеблется между 9000 и 40,000 футовъ. Средина бассейна обнимаетъ самую плоскую часть его; отъ 55 до 30 сѣверной широты онъ образуетъ съуживающійся къ югу поясъ, самое узкое мѣсто котораго приходится на 30°—35° восточной долготы, глубина тутъ 9.000 до 12.000 футовъ; по хребту, протягивающемуся къ сѣверу положенъ канатъ на глубинѣ, равняющейся, среднимъ числомъ, 10.000 футовъ. Между 45° и 67° западной широты находится самое глубокое мѣсто бассейна, къ югу отъ Ньюфаундленда, глубина колеблется между 30.000 и 40.000 футовъ.

Побуждаемый этими удовлетворительными результатами, даровитый изслѣдователь рѣшился составить орографическое изображеніе Южно-атлантическаго и Тихаго Океановъ. По тщательнымъ изысканіямъ оказалось, что эти моря представляютъ глубины еще гораздо значительнѣе. Такъ напр., миляхъ во ста отъ устья рѣки Лаплаты нашли глубину въ 50.000 футовъ. Эта цифра такъ громадна, что въ вѣрности ея можно бы усомниться, но въ тѣхъ же мѣстахъ недолго спустя крейсировали два американскихъ военныхъ судна и достали дно на глубинѣ 45—46—48,000 футовъ. Для этихъ морей предписано употреблять снуръ имѣющій 17-ю часть дюйма въ діаметрѣ, и вѣсящій одинъ футъ на каждые *1000 саженъ (Faden)*, а ядро должно вѣсить ровно 32 фута. Такимъ-то образомъ сдѣланы тысячи изысканій, и для этого была принята правильная система, а именно—раздѣлили океанъ на квадраты, изъ которыхъ каждый имѣетъ 5° въ длину и въ ширину.

Четырехъ лѣтъ достаточно было, чтобы произвести изображеніе дна океана въ главнѣйшихъ его чертахъ. Оставалось еще разузнать составъ почвы морскаго дна, такъ какъ питали основательную надежду вывести изъ этого весьма важные для науки факты и заключенія; теперь, по крайней мѣрѣ, была предначертана дорога, по которой слѣдовало стремиться изъ полумрака на свѣтъ. Надо было выдумать инструментъ, которымъ бы вытаскивать куски почвы морскаго дна, чтобы затѣмъ подвергать ихъ химическому анализу. На глубинѣ 2,000 футовъ это дѣлалось уже нѣсколько вѣковъ, а именно слѣдующимъ образомъ: нижній конецъ вымазывался саломъ, къ которому прилипали частички дна,—но для большей глубины это средство не годилось. Флотскій лейтенантъ Брукъ, работавшій подъ начальствомъ Мори въ Вашингтонской обсерваторіи, изобрѣлъ подходящій инструментъ—и этимъ оказалъ наукѣ неоцѣненную услугу.

Инструментъ этотъ состоитъ изъ цилиндрическаго желѣзнаго прута, въ 16 дюймовъ длиною, и приблизительно въ 1 дюймъ толщиною, нижній конецъ котораго выдолбленъ на 2 дюйма. На верхнемъ концѣ, къ пруту придѣланы двѣ желѣзныя ручки, которыя, посредствомъ шарнира, легко двигаются вверхъ и внизъ и имѣютъ на верхней поверхности вилкообразный вырѣзъ, а въ верхней части—отверстіе, въ которомъ прикрѣпленъ раздвоенный снуръ; вилковидные врѣзы служатъ къ принятію двухъ проволокъ, къ которымъ придѣлана пластинка изъ жести или кожи, съ дырой по серединѣ. Употребляется этотъ снарядъ слѣдующимъ образомъ: на прутъ надѣвается ядро, просверленное по направленію оси; его удерживаетъ на серединѣ прута упомянутая выше пластинка, проволоки которой зацѣпляются за вилки. Ядро остается въ такомъ положеніи, пока инструментъ свободно опускается: но какъ только прутъ, въ паденіи своемъ, встрѣчаетъ сопротивленіе или достигаетъ морскаго дна,—ручки, до сихъ поръ придерживаемыя вверхъ натянутымъ снуромъ, опускаются; проволоки сползаютъ съ вилокъ; ничѣмъ уже не удерживаемое ядро соскользываетъ съ прута и остается на днѣ, такъ что снуръ можно вытянуть обратно вмѣстѣ съ прутомъ. Полость въ нижнемъ концѣ прута передъ употребленіемъ наполняется саломъ, которое слегка продалбливается; толчкомъ прутъ вдавливается въ дно, принимаетъ въ себя часть его состава, которая пристаетъ къ салу и такимъ образомъ выходитъ на свѣтъ. Послѣ многихъ опытовъ, убѣдились, что ядро должно имѣть 64 фунта вѣса, снуръ долженъ имѣть 1/16 долю дюйма въ діаметрѣ, выдерживать тяжесть въ 150 футовъ на вольномъ воздухѣ, и вѣсить 1 фунтъ на каждые 500 футовъ. Первое же испытаніе новаго снаряда въ глубокой водѣ вполнѣ удалось, и съ глубины 12,000 футовъ вытащили кусокъ дна. Изслѣдованіе этихъ частицъ подъ микроскопомъ, произведенное Эренбергомъ и Бэли, не только способствовало разрѣшенію важныхъ вопросовъ въ экономіи природы, до сихъ поръ остававшимися загадочными,—но и несомнѣнно доказало тотъ интересный фактъ, что на этомъ мѣстѣ океана не можетъ быть подводныхъ теченій, потому что частицы дна, всѣ добытые съ различнѣйшихъ точекъ, состояли почти исключительно изъ известковыхъ оболочекъ инфузорій безъ малѣйшей примѣси песку или кремня. Оболочки эти были почти всѣ отлично сохранены — а это вѣрнѣйшее доказательство что ихъ ничто не тревожило, и что вода на этомъ пунктѣ пребываетъ въ совершенно спокойномъ состояніи, потому что самаго ничтожнаго движенія ея было-бы достаточно, чтобы растереть эти нѣжныя оболочки въ неузнаваемые атомы.

Практическій совѣтъ. На одномъ американскомъ рѣчномъ пароходѣ двѣ дамы не давали эконому покоя. «Ради Бога, отворите окно,» звала его одна, «или я задохнусь!»—Минуту спустя его звала другая: — «Ради Бога, затворите окно, или я умру!» Наконецъ это надоѣло третьему лицу, до тѣхъ поръ спокойно смотрѣвшему на эту сцену, и оно обратилось къ эконому со слѣдующимъ совѣтомъ:—«Чтобы насъ съ вами оставили въ покоѣ, совѣтую вамъ оставить окно затворенным, пока одна изъ этихъ дамъ задохнется, потомъ растворить его и не затворять, пока другая умретъ.

Статистическій взглядъ на человѣческую жизнь. Для статистики нѣтъ ничего святаго кромѣ цифръ; ничто не останавливаетъ ея изслѣдованій. Въ недавнее время одинъ неустрашимый послѣдователь этой науки принялся за своеобразную отрасль ея. Онъ взялъ предметомъ своихъ исчисленій жизнь человѣка, и пришелъ къ весьма любопытнымъ результатамъ. Онъ расчиталъ, что человѣкъ, прожившій 50 лѣтъ, употребилъ время свое слѣдующимъ образомъ: проспалъ 6,082 дня, проходилъ 761 день, проработалъ 1,532 дня, на отдыхъ и развлеченіе употребилъ 3,803 дня, проболѣлъ среднимъ числомъ 520 дней. Поистинѣ прозаическій обзоръ! Да кромѣ того еще 1552 дня употребляемъ мы въ полстолѣтія на то только, чтобы поддерживать существованіе нашего бреннаго тѣла, другими словами—на ѣду и питье. Любознательный статистикъ вычислилъ даже, сколько мы въ 50 лѣтъ выпили и съѣли; а именно; 1,354 фунтовъ хлѣба, 6,030 ф. мяса, 4,572 ф. зелени и овощей, яицъ и рыбы, 6,932 квартъ воды. Стало быть человѣкъ вступающій въ зрѣлый возрастъ—поглотилъ уже около 7000 квартъ разныхъ жидкостей, т. е. сколько составило бы уже порядочное озерко, на которомъ удобно могла бы разъѣзжать лодочка.. ,.

Почтовый ящикъ.

Покорнѣйше просимъ лицо, приславшее намъ «Разсказы очевидца о Сибири», увѣдомить редакцію, имѣется ли у автора продолженіе этой статьи и когда оно можетъ быть доставлено намъ: сверхъ того, редакціи необходимо знать имя, фамилію и адресъ автора: иначе статья не можетъ быть напечатана.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 11 Іюня 1870 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр., д. № 26. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Владим. д. № 45—1.

№ 26. 1870

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА СЪ 2 — 3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, д. Рива, № 26.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **В. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Редакція „Нивы“

симъ объявляетъ, что по случаю перестроекъ въ домѣ Рива, контора ея переводится съ 1-го іюля **на уголъ Большой Морской и Невскаго проспекта, домъ Росмана № 9—13, кв. № 11,** куда покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ какъ въ этомъ такъ и въ будущемъ году адресовать свои требованія.

Москва и Тверь.

Историческая повѣсть.

(*Продолженіе*).

VII.

Въ Твери.

Новгородцы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ большую свѣтлицу, освѣщавшуюся сквозь окна, изъ которыхъ были выставлены рамы съ пузырями, потому что время было въ концѣ іюля. Перекрестившись набожно на икону, стоящую на полкѣ въ углу, они присѣли за одинъ изъ столовъ, покрытый ручникомъ, и спросили себѣ пирога, потомъ щей, потомъ лебедя, потомъ буженины, потомъ осетрины, потомъ еще чего-то и затѣмъ чего-то еще.

Ѳедоръ Колесница и его товарищи были люди богатые и принадлежали къ тому разряду людей, которыхъ теперь называютъ первокласнымъ купечествомъ,—наконецъ, то политическое значеніе, которое они имѣли на родинѣ, заставляло ихъ вести себя заграницей съ достоинствомъ, взвѣшивать каждое слово, каждый поступокъ;—гостинница, гдѣ они обѣдали, по теперешнему называлась бы клубомъ: тамъ собиралась тверская знать, не для того чтобъ время тратить, или дома не обѣдать (это было зазоромъ), а просто чтобъ повидать знакомаго человѣка, цѣны узнать и потолковать объ областныхъ дѣлахъ—не на площади, гдѣ всякій прохожій могъ слышать, а въ своемъ кругу, съ равными по состоянію и по общественному значенію иноземцами: Новгородцами, Москвичами, Владимірцами, Рязанцами. Блюдъ подавалось несмѣтное количество, но ѣли съ одного блюда—и каждый нестолько ѣлъ, сколько отвѣдывалъ всякаго кушанья понемножку, запивая все это медомъ или пивомъ. Французскія и греческія вина были очень дороги и употреблялись только на большихъ пирахъ. Новгородцы сѣли въ одномъ углу—и только что, умывши руки, принялись запускать пальцами въ ротъ, кусокъ за кускомъ, пирогъ съ вязигой,—какъ въ низенькую дверь вошли ихъ знакомые, тверскіе бояре,

Иванъ Морозъ да Елистратъ Петровичъ Макунъ. Морозъ былъ человѣкъ невысокій, очень плотный, очень веселый, съ жидкой дрянной бородкой и съ вѣчно-смѣющимися маленькими глазками. На немъ была накинута московская чуйка, или, какъ тогда называли, плащъ изъ нѣмецкаго краснаго сукна съ синимъ бархатнымъ воротникомъ, а подъ плащемъ была просто бѣлая холщевая рубаха, бѣлые порты и зеленые сапоги. Теплѣе этого ему было тяжело одѣваться, на дворѣ было жарко, и самый плащъ онъ накинулъ только изъ приличія.

— Други любезные, говорилъ онъ,—гости вы нами новгородскіе!..

При этомъ онъ размахивалъ руками и вертѣлъ на указательномъ пальцѣ правой руки маленькой величины шапочку, къ которой рубиновой пряжкой было пристегнуто пунцовое страусовое перо,—вертѣлъ онъ такъ проворно, что перо казалось раздутымъ пламенемъ,- рубины огнемъ горѣли на перстняхъ украшавшихъ толстые пальцы.

— Други любезные, гости новгородскіе, говорилъ онъ, прилаживаясь къ стулу,—хлѣбъ да соль!

— Хлѣба кушать, бояринъ, милости просимъ!.. подхватили новгородцы.

— Не могу,—вотъ пивца только хлѣбну, коли позволите; совсѣмъ распарило; этакая жара, что мочи нѣтъ. Онъ отхлѣбнулъ изъ кружечки, сбросилъ плащь, взялъ за руку Макуна, высокаго, плечистаго человѣка съ толстой головой, съ узкими добродушно - плутоватыми глазками и съ заплывшимъ лицомъ.

У Макуна была въ рукахъ такая же шапочка, только не съ страусовымъ перомъ, а съ павлиньимъ, пристегнутымъ простой золотой пряжкой.

На немъ былъ зеленый кафтанъ съ откидными рукавами, на красномъ подбоѣ; серебряный поясъ охватывалъ его полный станъ, мечъ съ серебряной рукояткой, осыпанной бирюзой, болтался у бедра; на ногахъ были красные сапоги, а на плечи была накинута старинная корозня т. е. нѣчто въ родѣ тоги, — кусокъ сукна въ полтора аршина шириною, въ два длиною, накидывавшійся на правое плечо и пристегивавшійся однимъ концомъ къ лѣвому большой запонкою. На маленькомъ Морозѣ все было чисто и будто съ иголочки; на Макунѣ все было запачкано, все было какъ-то не по росту, бирюза кое гдѣ повыпала изъ рукоятки меча, павлинье перо точно было самимъ павлиномъ ощипано въ бородкѣ,—словомъ, Макунъ представлялъ собою типъ весьма безпорядочнаго человѣка.

— По дѣлу къ вамъ, гости дорогіе, тараторилъ Морозъ.

— А вотъ, прежде медку выпейте, господа бояре честные, говорили новгородцы. И проворный половой тутъ же подалъ большій искусной рѣзьбы ковшъ меду.

— Вотъ вы дайте совѣтъ, други любезные, какъ Елистрату тутъ сдѣлать. Покажи, Елистратъ, куны новгородскія.

— Посмотрите, гости дорогіе, настоящія это куны или нѣтъ?

Елистратъ вынулъ изъ сумки, висѣвшей у него черезъ плечо, шесть кожаныхъ ремешковъ, длиною вершка въ полтора, и положилъ ихъ предъ новгородцами. Ремешки были простой сыромятной кожи, на нихъ были оттиснуты крестъ и звѣздочка съ одного конца, а съ другаго буквы *С. С. В. Н. В. К. Юрій.* т. е. Св. Софія, Великій Новгородъ, Великій Князь Юрій.

— Ничего, сказали новгородцы,—какъ будто похожи на наши, хорошо сдѣланы.

— Такъ нѣтъ ли у васъ, гости дорогіе, новгородцы честные, говорилъ Морозъ,—нѣтъ ли у васъ нашихъ тверскихъ или не то московскихъ кунъ, ногатъ или мордокъ? Новгородцы переглянулись и сказали что нѣтъ.

— Какъ это нѣтъ?

— Здѣсь посбыли, отвѣчали новгородцы,—да притомъ мы этимъ мѣняльнымъ дѣломъ не занимаемся.

— Этакая бѣда, братцы, говорилъ Морозъ,—вотъ бояринъ Макунъ, родственникъ мой, запродалъ великому князю хлѣбъ на корнѣ, такъ казначей княжій вашими новгородскими кунами задатокъ далъ.

Новгородцы опять переглянулись.

— Чтожь, всяко бываетъ! сказалъ Ѳедоръ.

— Здѣсь ихъ никто не беретъ.

— Гдѣжь это видано, сказалъ новгородецъ Путята, маленькій, щедушный старикъ, тоже игравшій не малую роль на вѣчѣ, — чтобъ въ Твери новгородскими кунами за тверскую рожь платили.

— Анъ заплатили, сказалъ угрюмо Макунъ: — да вѣдь князь пошлины съ вашихъ купцовъ какъ беретъ?

— Какъ? извѣстно какъ: когда товаромъ, когда серебромъ, когда тверскими кунами. Хлѣбные торговцы намъ больше знакомы, сказалъ Ѳедоръ,—съ хлѣбными торговцами вашими можно дѣло имѣть—и какія куны отъ ихъ сотни идутъ, тѣмъ кунамъ всякій повѣритъ; если чѣмъ нибудь не ладны онѣ, стоитъ придти въ сотню. Не хороши—возмутъ, тотчасъ свои настоящія выдадутъ; ихъ куны, какъ и куны вашихъ кожевниковъ, мы съ удовольствіемъ беремъ. Зачѣмъ только къ вамъ попали куны съ нашего плотничьяго конца?.. эти съ Тверью дѣловъ не имѣютъ, ихъ куны только на ихъ концѣ и ходятъ—и то только по самымъ мелкимъ счетамъ, всего въ двухъ-трехъ улицахъ.

— Нѣтъ, братцы мои, говорилъ Морозъ, откидываясь на спинку лавки,—порядку у насъ въ Твери нѣтъ. Народъ мы хорошій, князей нашихъ на всей Руси лучше нѣтъ,—а все у насъ идетъ какъ-то путаница. Руки надъ нами нѣтъ крѣпкой—вотъ что. Такъ куны-то эти не возьмете?

— Нѣтъ, сказалъ рѣшительно Колесница, — вотъ можетъ кто съ плотничьяго конца пріѣдетъ въ Тверь, тому это будетъ съ руки, а намъ это дѣло не подходящее. Эти куны ни въ Торжкѣ, ни въ Вышнемъ-Волочкѣ не пойдутъ; вотъ кабы вышневолоцкія были и торжковскія—мы бы съ удовольствіемъ взяли.

— Что тутъ дѣлать, Макунъ, сказалъ Морозъ,— просто хоть пропадай; а вѣдь вотъ у насъ тутъ куны ордынскихъ торговцевъ—тѣ куны по всей Руси берутъ, потому что съ Ордой у всѣхъ дѣла есть.

— Ну и наши новгородскія куны по всей Руси ходятъ, сказалъ Путята обиженно.

— Да вѣдь вотъ же не берете, пробурчалъ Морозъ.

— Да вѣдь это какія же куны: какой конецъ и какая сотня новгородская будетъ за нихъ отвѣчать. Эти куны самыхъ мелкихъ, послѣднихъ людей въ Новгородѣ, тамъ они на ихъ концѣ и вѣру имѣютъ,—а въ торговыхъ оборотахъ ихъ никто и не видитъ.

— Точно, говорилъ Морозъ,—это правда куна кунѣ рознь. Вотъ и у насъ въ Твери большіе торговцы не возьмутъ кунъ, которыя хлѣбопеки для счетовъ выдаютъ; а хлѣбопеки въ свой чередъ не возьмутъ кунъ, которыя вотъ хоть бы здѣшній со всѣми тверскими дворниками для гостей своихъ пускаетъ. Только все это, братцы вы мои, въ Твери у насъ не по людски дѣ-

лается, противная сторона у насъ: Тверь за рубежемъ взяли, да въ Москву послали проклясть. Въ Псковѣ, въ Новгородской землѣ, въ Литвѣ—вездѣ лучше, вездѣ порядокъ.

— Диковинные вы люди, сказалъ кто-то изъ новгородцевъ,—какъ это у васъ языкъ ворочается передъ чужими людьми свою землю порочить! Забравшись къ вамъ въ Тверь, только и слышишь что брань на Тверь, будто вы ее сами терпѣть не можете.

— Ну этого нѣтъ, отозвался изъ другаго края свѣтлицы какой-то тверской купецъ, въ сермягѣ съ синимъ холщевымъ воротникомъ, — мы за нашу Тверь стоимъ и головы положить готовы за соборъ Архистратига Архангела Михаила, а только мы народъ правдивый: что у насъ не хорошо, такъ мы прямо говоримъ.

— У насъ, братцы мои, согласился Морозъ,—обычай такой, что есть въ печи все на столъ мечи. Завѣтнаго ничего у насъ въ душенькѣ нѣтъ: тверской человѣкъ—человѣкъ отрытый; вся душа у него на ладошкѣ.

— За простоту нашу насъ Богъ теперь и милуетъ. Онъ дастъ намъ, Димитрій Михайловичъ Великимъ Княземъ Всея Руси будетъ, и ужь вотъ тогда-то пойдемъ башки чесать проклятымъ татарамъ, брякнулъ Макунъ.

— Что не хорошо въ Твери, говорилъ купецъ,— то подлинно не хорошо, и скрывать этого мы не скроемъ, —и не будетъ у насъ въ Твери порядка, пока мы сами отъ татаръ не вызволимся и не вызволимъ отъ нихъ всю мать Святую Русь.

— Не любо даже и рѣчи эти слушать!.. сказалъ строго Колесница.

— Чего это не любо? сказалъ купецъ.

— Того не любо, что всякія такія рѣчи до Орды доходятъ, а отъ нихъ всякія благія начинанія и губятся. Сидѣть бы намъ русскимъ смирно, да правду бы свою соблюдать, а то что по пусту храбриться-то!

— Небось по вашему, сказалъ Макунъ, — Москвой сдѣлаться — холопьями татарскими?

— Да все вѣрнѣе, сказалъ Путята,—отъ этого и торговля не пропадетъ, и народъ не разоряется, и татары селъ не опустошаютъ.

— Ну нѣтъ, сказалъ купецъ,—мы тверичи иначе; князья у насъ теперь молодые, парни славные—такъ на стѣну и лѣзутъ,—поѣздятъ еще въ Орду басурманскую, а тамъ, дастъ Богъ, особливо коли Дмитрій Михайловичъ станетъ Великимъ Княземъ Всея Руси, зададутъ татарамъ такого трезвону, что не роди мати на свѣтъ.

— Да князья наши, — закативъ жирные глазки, сказалъ Морозъ, — ужь нечего-сказать такіе золотые люди, какихъ... какихъ и не было еще на Руси. Въ сорочкѣ родились — нашъ тверской народъ души въ нихъ не чаетъ. Такъ вотъ и ждетъ онъ, какъ гаркнутъ они: впередъ, ребятушки! за Тверь за матушку! за Русь за матушку! за вѣру православную, подъ покровомъ силъ небесныхъ, Архистратига Михаила,—на татаръ, сатанинныхъ служителей!

— Такъ вотъ и будетъ, перебилъ блѣдный купецъ, — захоти они, всѣ отъ мала до велика встали бы.

— А за васъ-то кто же встанетъ? спросилъ грустно Ѳедоръ Колесница, смотря на нихъ.

— Всѣ христіане встанутъ за правое дѣло, сказалъ купецъ.

— Молодецъ у насъ князь!.. наслаждался Морозъ.

— А пуще того молодецъ, что у Юрія Даниловича одну тамъ разлапушку въ Ордѣ отбилъ. Поди чай Московскій-то злился!.. а говорятъ, дѣвка хорошая,— говорятъ, такой красавицы на свѣтѣ еще не бывало.

— Чтожь, сказалъ Колесница,—дѣло это нехорошее; княгиня у него красавица писаная.

— Молода, вишь ты, улыбался Морозъ.

— Чтожь что княгиня? промычалъ Макунъ,—княгиня на то и княгиня она есть, чтобъ княжой родъ не переводился.

— Нѣтъ, сказалъ Колесница, — нехорошее дѣло, нечѣмъ и хвалиться-то; а еще не хорошее дѣло, что вотъ мы здѣсь сидимъ и объ этихъ дѣлахъ толкуемъ,— не ровенъ часъ, дойдетъ это до молодой княгини, больно не понравится бѣдной.

— Знамо дѣло — сердце женское. Эхъ, братцы, гости дорогіе, новгородскіе, улыбнулся Морозъ, — ктожь объ этомъ не говоритъ, — кто этого не знаетъ? мы, народъ тверской, правду любимъ—и за эти дѣла еще пуще Дмитрія Михайловича: у Юрія Даниловича хана онъ отбилъ, въ Ордѣ его посадилъ, полюбовницу его на свою сторону перевелъ, да вотъ еще Великое Княжество Всея Руси какъ у него пооттягаетъ—вотъ чему мы радуемся!

— А что въ Москвѣ дѣлаютъ? спросилъ вдругъ Путята.

— А кто ихъ знаетъ, что въ Москвѣ дѣлаютъ, отвѣчалъ Морозъ. Живутъ тамъ и чище нашего и народъ свѣтлѣе насъ, это надо правду сказать,—только они все такими богомольными прикидываются; митрополита у себя теперь посадили. Только народъ-то такой они... гордый что ли; московскіе бояре, какъ и ваши, новгородскіе,—никакихъ другихъ бояръ и знать не хотятъ. Перешелъ было одинъ къ намъ—и это ужъ двадцать лѣтъ слишкомъ тому назадъ,—Акинфомъ звали, такъ взбѣленились такъ, что хоть всѣхъ святыхъ вонъ повынеси, заорали, что на всѣхъ на нихъ срамъ положилъ—и какъ была рать у насъ съ ними, такъ первый бояринъ Родіонъ Несторовичъ добрался таки, бросился на него, да своими руками съ него голову снявъ на копье взоткнулъ.

— Чтожь, сказалъ Прутята,—и мы бы тоже сдѣлали съ нашимъ бояриномъ, кабы онъ своей землѣ измѣнилъ.

— Какъ же измѣнилъ своей землѣ? говорилъ Морозъ:—земля наша — это мать святая Русь, широкая, пространная; а бояринъ — такъ-сказать цвѣтокъ на этой Руси.

— Ну это, вѣрнѣе сказать, соколъ птица вольная: гдѣ хочетъ тамъ и сядетъ.

— Вѣрно, подтвердилъ тверской купецъ,—бояринъ тотъ-же купецъ: гдѣ ему прибытокъ, тамъ значитъ и держись.

— У насъ и у москвичей не такъ, сказалъ Путята,—у насъ Святая Софія, а у нихъ есть домъ Пресвятой Богородицы — значитъ за свое стоятъ.

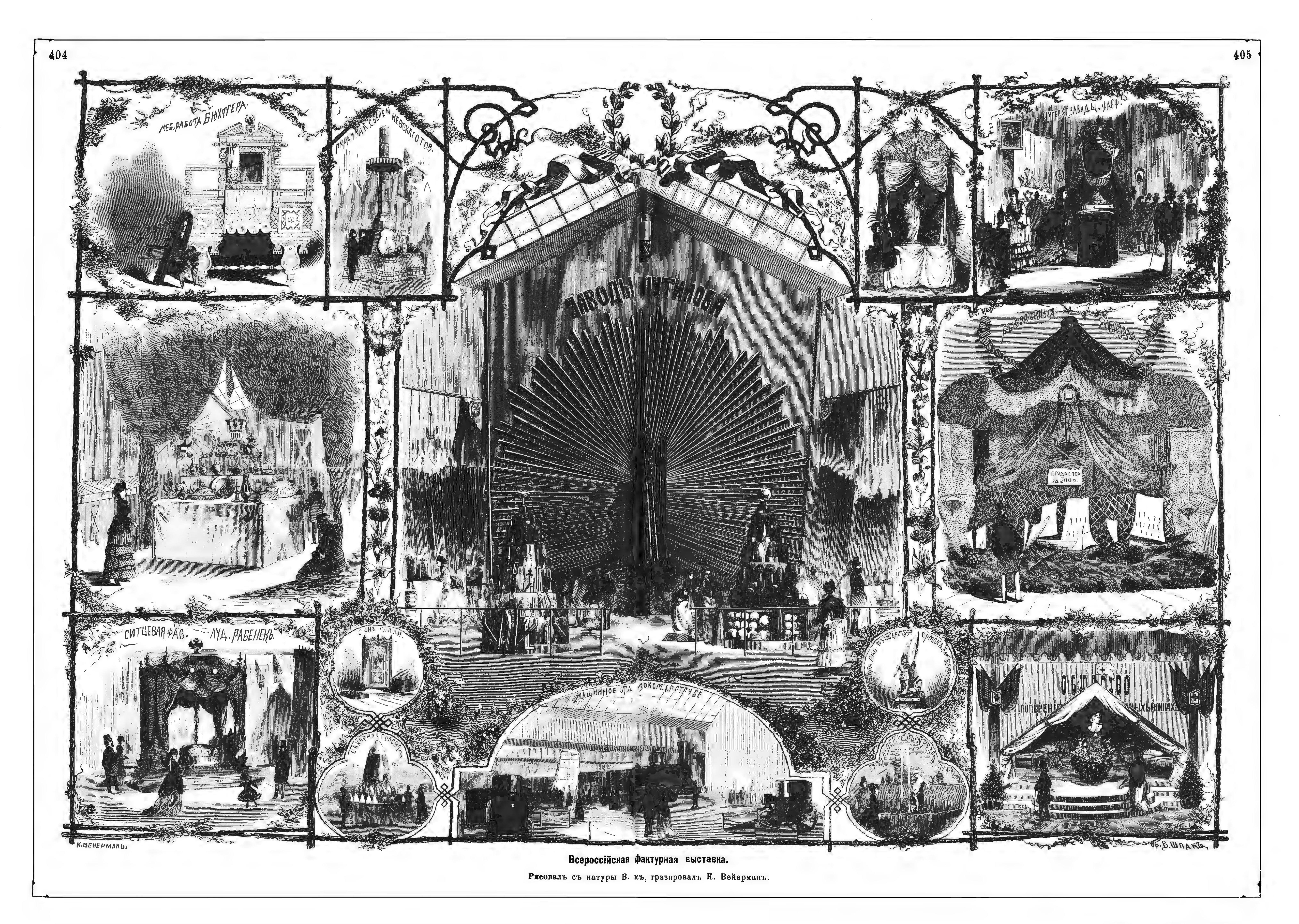
— Странные вы люди, фыркнулъ Колесница,—замыслы у васъ широкіе, а свое гнѣздо на чемъ свѣтъ стоитъ костите.

— Отъ того что мы правду любимъ, сказалъ тверской купецъ.

—Охъ, охъ, охъ, прости Господи и помилуй намъ согрѣшенія наши!.. вздохнулъ долговязый москвичъ, вошедшій во время разговора и скромно уплетавшій огромную миску жирныхъ щей.

(*Продолженіе будетъ*).

В. Кельсіевъ.



Всероссийская фактурная выставка.

Рисовалъ съ натуры В. къ, гравировалъ К. Вейерманъ.

О всероссійской мануфактурной выставкѣ

(*Продолженіе*).

На этотъ разъ мы хотимъ познакомить читателей съ тѣми диковинками текущей выставки, которыя невольно бросались въ глаза ея посѣтителямъ и которыми стогласная толпа представителей печати то и дѣло колола глаза экспонентовъ и распорядителей. Что касается насъ, то мы вовсе не принадлежимъ къ этимъ чрезчуръ усерднымъ поборникамъ утилитарности, старавшимся увѣрить публику въ крайнемъ вредѣ всякихъ декорацій, орнаментовъ и вообще той роскоши обстановки, безъ которой не обходилась ни одна изъ всемірныхъ выставокъ цивилизованнаго Запада. Напротивъ, намъ кажется, что, являясь на судъ общественный, отнюдь не мѣшаетъ между прочимъ и принарядиться на сколько у кого хватаетъ средствъ—особенно въ странѣ, гдѣ сложилась пословица: «по платью встрѣчаютъ». Въ свое время мы постараемся и «проводить» текущую выставку посильнымъ обсужденіемъ пользы ею принесенной и оцѣнкою выставленныхъ предметовъ. Теперь же мы попросимъ читателей послѣдовать за нами въ бѣгломъ обзорѣ вещей почему-либо наиболѣе выдающихся.

Первое мѣсто между таковыми безспорно принадлежитъ *солнцу изъ рельсовъ* (заводовъ Путилова), изображенному въ центрѣ прилагаемаго большаго рисунка.

Начало желѣзнаго дѣла теряется въ глубокой древности: кому, когда и при какихъ условіяхъ впервые пришло въ голову превращать руду, совершенно похожую на камень, въ ковкій металлъ — на это въ исторіи нѣтъ положительныхъ и достовѣрныхъ указаній, —но тѣмъ не менѣе многіе памятники несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ разные періоды времени желѣзо употреблялось у всѣхъ древнихъ народовъ; таковы сказанія о Ѳовелѣ, о дактиляхъ горы Иды въ малой Азіи, остатки находимыя въ гробницахъ Египта и Ассирійскихъ развалинахъ и проч. Также неизвѣстно и начало выработки желѣза въ Англіи, гдѣ римляне, во время вторженія Цезаря, нашли уже бретонцевъ владѣющими желѣзнымъ оружіемъ, и впослѣдствіи сами добывали желѣзо въ лѣсахъ Деана и графства Суссексъ. Металлъ извлекался изъ рудъ прямо въ видѣ ковкаго желѣза но далеко не весь — и только открытіе чугуна и плавка рудъ въ доменныхъ печахъ дали возможность извлекать все количество металла.

Въ Россіи желѣзо съ давнихъ поръ выдѣлывалось въ горнахъ, похожихъ на кузнечные, и въ *домницахъ*, т. е. ручныхъ домнахъ, преимущественно въ Устюжнѣ (Новогородской губ.), въ мѣстечкѣ Дедиловѣ (Тульской), въ нынѣшней Олонецкой губерніи, въ Кареліи и проч.

Въ 1482 г. Великій Князь Іоаннъ III Васильевичъ вытребовалъ у венгерскаго короля Матѳея Корвина горныхъ мастеровъ искусныхъ въ добываніи и обработкѣ всякихъ рудъ, а также и своихъ русскихъ посылалъ на Печору искать руду. Послѣ покоренія Сибири кузнечное дѣло развилось въ нынѣшней Томской губерніи, гдѣ потомъ былъ основанъ Кузнецкъ.

Въ 1628 году была найдена желѣзная руда между Верхотурьемъ и Тюменью, гдѣ тобольскій боярскій сынъ Шульгинъ добылъ образцы—и затѣмъ былъ построенъ заводъ, при которомъ рабочіе образовали слободу *рудную*, распространившую употребленіе желѣза по всей Сибири. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1635 г.) переселившійся въ Россію голландскій купецъ Виніусъ, побуждаемый дороговизною привознаго свицкаго (шведскаго) желѣза, построилъ четыре завода въ 12 верстахъ отъ Тулы; руда же добывалась въ Дедиловѣ. Заводы эти, названные Городищенскими, пользовались большими льготами—и по окончаніи срока, выговореннаго Виніусомъ, были взяты въ государеву казну, но потомъ возвращены компаніонамъ Виніуса, размножились въ Тульской губерніи — и нѣкоторые изъ нихъ, при Петрѣ I, находились во владѣніи Вахрамея Петровича Миллера по наслѣдству. Подобнымъ образомъ олонецкіе желѣзные рудники, гдѣ мѣстные жители съ давнихъ поръ приготовляли желѣзныя крицы прямо изъ рудъ въ сыродувныхъ горнахъ, отданы были при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ датчанину Бутоканту фонъ-Розенбушу.

Собственно исторія русскаго горнаго промысла начинается съ Петра I. Извѣстна блестящая судьба Никиты Демидова Антуфьева, который изъ простаго кузнеца, благодаря своему искусству, сталъ владѣльцемъ Невьянскаго завода въ Сибири, почетнымъ коммисаромъ, возведеннымъ въ дворянское достоинство и родоначальникомъ знаменитой фамиліи Демидовыхъ. Сподвижникомъ его по желѣзному дѣлу является бывшій фейерверкеръ оружейной палаты, нассаузигенскій нѣмецъ Геннинъ, впослѣдствіи строитель Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, преемникъ Татищева въ управленіи уральскими заводами, построившій множество новыхъ, между прочимъ и Сысертскій, и наконецъ главный распорядитель горныхъ заводовъ даже по смерти Петра Великаго.

Съ тѣхъ поръ желѣзное дѣло на Руси упрочилось и достигло того цвѣтущаго состоянія, доказательства котораго мы видимъ на текущей выставкѣ.

Главнѣйшія желѣзныя руды разработываемыя въ Россіи суть: магнитный желѣзнякъ (по всему Уралу, преимущественно гора Благодать на Уралѣ и гора Высокая въ Тагильскихъ заводахъ Демидова—экспонента на текущей выставкѣ), красный желѣзнякъ (на Уралѣ), бурый желѣзнякъ (на Уралѣ и въ озерныхъ рудахъ Финляндіи и Олонецкой губерніи). Послѣдній видъ желѣзной руды и составляетъ тотъ матеріалъ, изъ котораго приготовляются издѣлія заводовъ Н. Путилова. До 1857 года на сѣверѣ Европейской Россіи добывался только чугунъ, на частныхъ заводахъ Финляндіи и въ казенномъ Александровскомъ Олонецкой губерніи, если не считать небольшихъ количествъ желѣза, выдѣлывавшагося прямо изъ рудъ въ сыродувныхъ горнахъ древнимъ способомъ, о которомъ мы упоминали выше. Въ 1857 году Путиловъ пріобрѣлъ чугунно-плавильный заводъ *Ханакосски*, С. Михельской губерніи, и затѣмъ выстроилъ еще два въ той же мѣстности по Саймѣ: *Екатерининскій* (1858 г.) и *Орави* (1868 г.), приготовляетъ къ постройкѣ четвертый и проэктируетъ пятый.

Всѣ основанные имъ заводы, дѣйствующіе паровыми машинами въ 80 — 200 силъ, эксплуатируютъ руды, залегающія въ мелкó-раздробленномъ видѣ на днѣ финляндскихъ озеръ (числомъ 385). Руда добывается ковшами на длинныхъ шестахъ съ плотовъ и

(смотря по разстоянію перевозки) обходится 3—4 коп. за пудъ; руды эти легко плавятся и содержатъ около 33% чугуна. Заводы находятся въ чрезвычайно-счастливой экономической обстановкѣ, такъ какъ при богатствѣ окрестныхъ лѣсовъ, идущихъ на топливо, кубическая сажень дровъ стоитъ отъ полутора до четырехъ рублей, а известь для флюсованія рудъ изобилуетъ повсемѣстно и, будучи высокаго качества, обходится съ доставкой 2 — 3 коп. за пудъ.

Финляндскіе заводы поставили до 1867 года 1,100,000 пудовъ желѣза и до 60,000 пудовъ пудлинговой стали.

Съ 1867 г., когда Путиловъ началъ рельсовое дѣло, всѣ три завода исключительно посвящены этому производству. Путилову принадлежитъ честь введенія въ Россіи рельсовъ со стальною головкою приготовляемою изъ пудлинговой стали. Рѣшеніе металлургической задачи: сварки стали съ желѣзомъ—ставитъ русскіе рельсы по качеству наравнѣ съ цѣльными стальными, приготовляемыми за границей изъ бессемеровской стали, — при чемъ русскіе обходятся на 30% дешевле и даютъ сбытъ старымъ рельсамъ, вышедшимъ изъ употребленія. Нынѣ—пріобрѣтенный Путиловымъ заводъ Огарева оканчиваетъ сдачу *четвертаго* милліона пудовъ на желѣзныя дороги.

Въ 1863 году, зная, что Морское Министерство поставило себѣ задачею избѣгать заказовъ за границею по построенію и вооруженію русскаго флота, Путиловъ исходатайствовалъ себѣ содѣйствіе министерства на сооруженіе въ Петербургѣ стале-литейнаго завода и на изготовленіе пушекъ для флота, причемъ составилось товарищество Путилова съ покойными инженеръ-полковникомъ Обуховымъ и коммерціи совѣтникомъ Кудрявцевымъ. Въ 1864 году, новопостроенный заводъ, который Путиловымъ въ честь изобрѣтателя особаго способа приготовленія стали названъ *Обуховскимъ сталелитейнымъ*, началъ производство постройкой орудій заряжающихся съ дула, вѣсомъ не болѣе 500 пудовъ; затѣмъ перешли къ орудіямъ заряжающимся съ казенной части, и т. д. Заводъ слѣдилъ въ своихъ издѣліяхъ за всѣми усовершенствованіями пушечнаго дѣла, благодаря покровительству Е. И. В. Генералъ-Адмирала Великаго Князя Константина Николаевича и содѣйствію управляющаго Морскимъ министерствомъ Н. К. Краббе.

За смертію Обухова, Путиловъ пріобрѣлъ его паи, но такъ какъ заводъ не есть собственность одного Путилова, то пушки и издѣлія Обуховскаго Завода (о которыхъ мы упоминали прежде) имѣютъ особое мѣсто на Всероссійской выставкѣ.

Съ 1863 г. Путиловъ началъ производство бомбъ и ядеръ изъ чугуна и стали; штамбовка ядеръ впервые введена Путиловымъ, и впослѣдствіи заимствована англійскимъ правительствомъ. По установкѣ же на рельсовомъ заводѣ бессемеровскаго аппарата, Путиловъ сталъ приготовлять бомбы изъ бессемеровской стали, а также изъ обезуглероженнаго чугуна. На рисункѣ нашемъ видны эти боевые снаряды, сложенные въ пирамиду справа у подножья рельсовъ, которое въ свою очередь представляетъ полное собраніе озерныхъ рудъ.

Отъ желѣзнаго и рельсоваго дѣла всего удобнѣе перейти къ *локомотиву и вагонамъ братьевъ Струве*, изображеннымъ въ полу-овалѣ непосредственно подъ заводами Путилова. Нельзя не порадоваться тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которые дѣлаетъ въ Россіи еще новое у насъ производство подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ. Не говоря уже о прочности и улучшеніяхъ въ сложномъ механизмѣ локомотива, что вовлекло бы насъ въ техническія подробности, — самый внѣшній видъ его, а равно и внутренняя отдѣлка вагоновъ поражаютъ непривычный русскій глазъ крайнимъ своимъ изяществомъ. Машиностроительный и чугуноплавильный заводъ братьевъ Струве основанъ въ 1863 г. въ Коломнѣ (Московской губерніи). Семь паровыхъ двигателей въ 185 силъ, при десяти котлахъ, приводятъ въ движеніе до 350 разнообразныхъ машинъ, на которыхъ, при содѣйствіи 2,000 рабочихъ, изготовляется въ годъ около 1,200 товарныхъ вагоновъ, 20—30 паровозовъ и 80,000 пудовъ мостовыхъ сооруженій.

Въ томъ же Вагонномъ отдѣленіи мануфактурной выставки, противъ локомотива Струве и выхода изъ Главнаго отдѣла, поставлена изображенная на нашемъ рисункѣ, деревянная, вызолоченая *пирамида* (въ 4 сажени вышиною), наглядно представляющая все количество золота, добытаго въ Россіи съ 1754 года, и раздѣленная на части соотвѣтствующія количествамъ этого металла, добывавшимся въ каждое десятилѣтіе по 1869 годъ.

Цифры, начертанныя рельефомъ на пирамидѣ, гласятъ слѣдующее:

съ 1754 г.	по 1829	добыто	золота	1,857	пудовъ
— 1829 »	— 1839	—	—	3,543	—
— 1839 »	— 1849	—	—	10,499	—
— 1849 »	— 1859	—	—	14,308	—
— 1859 »	— 1869	—	—	13,728	—

Всего съ 1754 по 1869 г. добыто въ Россіи чистаго золота 43,935 пудовъ на сумму 615.090,000 рублей серебромъ.

Чтобы покончить съ металлическими издѣліями, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ круглыхъ медальонахъ нашего рисунка, помѣщенныхъ въ нижнихъ углахъ изображенія заводовъ Путилова.

Медальонъ справа — представляетъ *серебряную группу*, сдѣланную по случаю *трехсотлѣтняго юбилея* Донскаго войска, работы Верховцева. Группа состоитъ изъ трехъ фигуръ: лучшая изъ нихъ изображаетъ знаменитаго казацкаго атамана Василія Тимофѣевича Ермака, въ панцырѣ (подаренномъ ему Грознымъ), съ мечемъ и знаменемъ въ рукѣ; у ногъ его повержено олицетвореніе Иртыша въ видѣ безсильнаго старца; по ту сторону этой двойной группы поставлена третья фигура — атамана Войска Донскаго, графа Платова, одного изъ главныхъ героевъ 1812 года, который съ своими казаками составлялъ то арьергардъ, то передовые отряды русской арміи во время преслѣдованія отступавшихъ французовъ и наносилъ имъ самый чувствительный уронъ. Группа эта (за исключеніемъ нѣкоторыхъ археологическихъ неточностей и едва-замѣтныхъ художественныхъ недостатковъ въ фигурѣ Платова) есть истинное торжество изящества вкуса и самой чеканки — и стоитъ 15,000 рублей. Фабрика г. Верховцева въ Петербургѣ существуетъ съ 1819 года, ежегодно производитъ серебряныхъ вещей на сумму 150,000 руб. и даетъ занятіе 45—50 рабочимъ.

На медальонѣ слѣва — изображено одно изъ тѣхъ издѣлій г. Санъ-Галли, которыя петербуржцы привыкли видѣть въ окнахъ его магазина на Невскомъ проспектѣ. Это несгараемый шкафъ для храненія денегъ и документовъ — необходимая принадлежность всякой конторы. Механическій заводъ Санъ-Галли, по Лиговкѣ

№ 46, основанъ въ 1853 году—и, не смотря на столь короткое время своего существованія, вырабатываетъ чугуна и желѣза на сумму 300,000 руб. Извѣстно, какъ прочны, удобны и какимъ вкусомъ запечатлѣны его произведенія въ родѣ складныхъ кушетокъ, качалокъ, умывальныхъ столиковъ, облицовокъ для камина, и разнообразной садовой мебели.

Переходя къ Отдѣлу химическихъ продуктовъ, слѣдуетъ прежде всего остановиться на обработкѣ сала, какъ одного изъ главнѣйшихъ предметовъ нашей заграничной, а также и внутренней торговли. Салотопленіемъ въ Россіи преимущественно занимаются губерніи Оренбургская, Самарская, Саратовская и Симбирская. Въ Петербургѣ сосредоточенъ главный отпускъ сала въ Великобританію ($^8/_{10}$ — $^9/_{10}$ всего количества сала вывозимаго заграницу). Средній отпускъ сала простирается до 120,000 бочекъ (каждая въ 25 пудовъ). Кромѣ Англіи русское сало идетъ въ Пруссію, Швецію и Францію.

Обработка сала основывается на томъ, что вещество это состоитъ изъ трехъ органическихъ кислотъ —стеариновой, маргариновой и олеиновой—въ соединеніи съ органическимъ же основаніемъ, глицериномъ. Французскій химикъ Шеврель доказалъ, что неорганическія щелочи и щелочныя земли разлагаютъ сало на эти элементы, соединяясь съ его кислотами, омылотворяя ихъ и выдѣляя глицеринъ. Впослѣдствіи Дюбрюнфо и Фреми достигли того-же, первый — перегонкою сала при содѣйствіи тока водяныхъ паровъ, а вторый — омылотвореніемъ посредствомъ сѣрной кислоты.

На этихъ началахъ зиждутся два главнѣйшія производства изъ сала—мыльное и стеариново-свѣчное.

Мыло представляетъ соединеніе жирныхъ кислотъ съ щелочными основаніями: кали, натромъ и аммоніакомъ.

На мыло годно всякое сало (говяжье, баранье, свиное), но чѣмъ оно будетъ крѣпче и чище, тѣмъ крѣпче и чище выходитъ мыло. Въ Россіи сало омылотворяется щелокомъ (поташомъ) изъ всякой золы (преимущественно лиственнаго лѣса) посредствомъ варки въ котлахъ; затѣмъ масса эта солится, т. е. посредствомъ натрія поваренной соли превращается изъ мягкаго поташнаго мыла въ твердое натровое или содовое, и окончательно доваривается. Остывшее, но еще жидкое мыло выливаютъ въ формы, гдѣ оно отцѣживается отъ щелока сквозь рѣдину.

Туалетныя мыла имѣютъ совершенно одинаковый составъ съ обыкновенными; разница въ тщательности приготовленія.

Кто изъ москвичей не любовался изящной выставкой благовонныхъ товаровъ въ зеркальныхъ стеклахъ магазина А. Буиса и Ко, въ домѣ Беккерса, на Кузнецкомъ мосту? Но многіе-ли знаютъ, что владѣлецъ этого магазина основалъ первую въ Россіи паровую парфюмерную и мыльную фабрику и развелъ въ прилежащихъ садахъ собственныя плантаціи цвѣтовъ, поля резеды, тысячи кустовъ розана, воздушнаго жасмина и сирени, дающія возможность обходиться безъ выписыванія заграничныхъ матеріаловъ при фабрикаціи духовъ, необходимыхъ для туалетнаго мыла? Эта фабрика, принадлежащая «товариществу для выдѣлки благовонныхъ товаровъ» подъ фирмою А. Буисъ и К°, дѣйствуетъ съ 1863 года и располагаетъ 17-ю машинами для приготовленія щелоковъ, варки, очистки, рѣзанія и тисненія мыла, для дистиллированія спиртовыхъ товаровъ, и гидравлическимъ прессомъ въ 1250 пудовъ давленія. Особенное вниманіе товарищества обращено на фабрикацію туалетныхъ мылъ. На текущей выставкѣ мы имѣемъ наглядное доказательство заботливости товарищества объ этомъ родѣ парфюмерныхъ издѣлій. Подъ изящнымъ балдахиномъ изъ тюля по розовому атласу, поддерживаемомъ прозрачными колоннами глицериноваго мыла, красуется бѣлая статуя Флоры, неуступающая въ изяществѣ многимъ изваяніямъ мраморнымъ и отлитая... изъ кокосоваго мыла. Мыло изъ кокосоваго масла варится такъ-же какъ сальное, но такъ какъ масло кокосовое принадлежитъ къ трудно-омылотворяющимся, то его приготовляютъ съ примѣсью обыкновеннаго сала.

Мыловаренные заводы въ Россіи находятся во многихъ губерніяхъ, преимущественно въ Вологодской, Воронежской, Харьковской, Курской, а также въ Москвѣ, Петербургѣ, Казани и Ригѣ. Въ особенности славятся мыла (изъ дешевыхъ) *казанское*, *павловское* (Воронежской губ.) и *сарапульское*.

Съ мыловареніемъ, какъ мы уже сказали, въ ближайшей связи находится другой родъ обработки сала — приготовленіе стеариновыхъ свѣчъ, которыя на памяти еще не очень старыхъ людей были такою рѣдкостью, что одни богачи позволяли себѣ закуривать сигару на такъ-называвшейся «калетовской свѣчѣ». Нынѣ въ Россіи 13 стеариновыхъ заводовъ, вырабатывающихъ ежегодно 600 — 700 пудовъ на сумму до 7,000,000 рублей, изъ коей 4,000,000 приходятся на долю Товарищества Невскаго Стеариноваго Завода; имъ-то и выставлена изображенная на нашемъ рисункѣ громадная свѣча, составленная изъ безчисленнаго множества обыкновенныхъ, красиво выдѣляющихся на темносинемъ постаментѣ, который имѣетъ видъ подсвѣчника съ розеткой.

Самыя свѣчи теперь приготовляются не изъ стеарина (соединенія стеариновой кислоты съ глицериномъ), какъ это дѣлалось прежде, а изъ чистой стеариновой кислоты, которая выдѣляется изъ него однимъ изъ трехъ вышеописанныхъ способовъ: Шевреля, Дюбрюнфо и Фреми.

Фабрикація стеариновыхъ свѣчъ въ Россіи производится во многихъ мѣстахъ, преимущественно же въ въ Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ.

Что касается сахарнаго производства, такъ недавно введеннаго у насъ въ Россіи (первый заводъ былъ основанъ въ концѣ прошлаго вѣка, Тульской губ., Чернскаго уѣзда, въ селѣ Алябьевѣ), то съ легкой руки даровитѣйшаго изъ русскихъ заводчиковъ вообще и единственнаго уцѣлѣвшаго въ Россіи сахоровара къ концу 1831 года, Ивана Акимовича Мальцова, число свекло-сахарныхъ заводовъ постоянно увеличивалось, колеблясь между 14 и 36.

Выдѣлка сахару изъ свекловицы преимущественно распространена въ черноземной Малороссіи, губ. Кіевской, Черниговской и Полтавской, а также въ Тульской и Харьковской.

На рисункѣ нашемъ изображены образцы сахара съ завода Ротермунда и Вейсе, расположенные на громадномъ постаментѣ, оканчивающимся кверху деревянной моделью сахарной головы.

Обзоръ остальныхъ изображеній, за недостаткомъ мѣста мы принуждены отложить до ближайшаго №.

(*Продолженіе будетъ*).

Нѣсколько словъ о языкахъ и народахъ.

(*Окончаніе*).

II.

Теперь ровно сто лѣтъ, какъ одинъ французскій миссіонеръ, отецъ Кёрду, въ Пондишери, замѣтилъ, что въ священномъ языкѣ брамановъ есть многое, чтó замѣчательно сходится съ языками Запада, въ особенности съ латинскимъ. Начало всякаго знанія, говоритъ Платонъ,—есть удивленіе. Упомянутый фактъ привелъ почтеннаго миссіонера въ такое удивленіе, что онъ отправилъ въ парижскую академію записку, озаглавленную: «Какимъ образомъ въ санскритскомъ языкѣ есть множество словъ, общихъ ему съ латинскимъ и греческимъ, особенно съ латинскимъ»? Французская академія не знала, чтó отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ 1786 г. англійскій ученый, Вильямъ Джонсъ, прочелъ записку такого же содержанія ученому обществу въ Калькуттѣ, и дѣло было оставлено безъ послѣдствій, до гораздо болѣе поздняго времени. Чтобъ разрѣшить вопросъ, надо было иначе приступить къ нему. Сходство между отдѣльными словами всегда бываетъ обманчиво: оно можетъ произойдти отъ случая; наконецъ, слова могутъ быть внесены изъ другаго языка. Францъ Боппъ первый обратилъ вниманіе не на отдѣльныя слова, а на общее строеніе санскритскаго языка и существенное сходство его съ главнѣйшими европейскими языками. Процессъ, къ которому онъ прибѣгъ, легко понять даже безъ особенныхъ лингвистическихъ свѣдѣній: если, напр., наше русское *есть* соотвѣтствуетъ нѣмецкому *ist*, французскому и латинскому *est*, греческому *esti* и санскритскому *asti*, — если наше *суть* выходитъ по-нѣмецки *sind*, по-французски *sont*, по-латыни *sunt*, по-санскритски *santi*, — это ужь никакъ не можетъ быть дѣйствіемъ случая. Точно такъ же немыслимо, чтобы такія общія формы были просто на просто *принесены* изъ Индіи или изъ какой другой страны, и принялись у стольких другихъ народовъ. Далѣе легко доказать, что основная форма единственнаго числа—*as-ti*, чѣмъ слово раздѣляется опять на двѣ части: коренной слогъ *as* и окончаніе *ti*, которое означаетъ мѣстоимѣніе третьяго лица единственнаго числа: *онъ*, *она*, *оно*. Если сдѣлать дальнѣйшую провѣрку по нашему русскому языку, то мы найдемъ окончаніе на *т* въ третьемъ лицѣ—не только въ глаголѣ *есть*, но и во всѣхъ другихъ глаголахъ: *идетъ*, *дѣлаетъ*,—и на томъ же мѣстѣ находимъ его и въ другихъ языкахъ: въ нѣмецкомъ: *kommt*, *thut*, во французскомъ: *vient*, *fait*, въ латинскомъ *venit*, *facet* и пр. Въ Санскритѣ всегда является полный, несокращенный слогъ *ti*; однимъ словомъ, мѣстоимѣніе, которое мы въ нашихъ языкахъ ставимъ впереди глагола (*онъ идетъ*), содержится уже въ первоначальной формѣ, приставленное къ корню, такъ что нашъ оборотъ собственно говоря есть плеоназмъ, т. е. лишнее повтореніе. Впрочемъ, въ славянскихъ и нѣкоторыхъ романскихъ, т. е. происшедшихъ отъ латинскаго языкахъ (въ итальянскомъ и испанскомъ), глаголъ не нуждается непремѣнно въ предпосланіи мѣстоимѣнія, какъ не нуждается въ немъ и въ самомъ латинскомъ языкѣ и въ греческомъ. Если сообразить, въ скольких тысячахъ случаевъ повторяется то же самое, то и станетъ понятно, какъ глубоко захватываетъ одно единственное такое явленіе, и доказываетъ гораздо болѣе въ пользу родства языковъ, чѣмъ цѣлыя вереницы словъ сродныхъ по звуку. Слѣдовательно, когда Боппъ доказалъ, что нетолько мѣстоимѣніе третьяго лица, но и другія мѣстоимѣнія (*я*, *ты*, *мы*, *вы*, *они*) въ цѣломъ ряду языковъ выражаются тѣми же слогами,—что времена и наклоненія глаголовъ имѣютъ тѣ же признаки,—что то же самое можно сказать и объ окончаніяхъ падежей,—онъ ясно доказалъ одинаковость строенія этихъ языковъ. Одинаковость же эту ничѣмъ нельзя объяснить, какъ только единствомъ ихъ происхожденія. Этимъ самымъ былъ данъ отвѣтъ на вопросъ французскаго миссіонера о томъ, какимъ образомъ санскритъ имѣетъ такъ много сходства съ латинскимъ и греческимъ. Причина та, что эти языки и еще многіе другіе—всѣ происходятъ отъ одного, суть такъ-сказать дѣти одной матери, или (если выразить ту же мысль другимъ образомъ) вѣтви одного и того же дерева, которое Боппъ назвалъ *индоевропейскимъ*. Въ послѣднее время значительно въ ходъ пошло другое, болѣе удобное по краткости названіе: арійскій корень, арійскіе языки. Приведемъ въ общихъ чертахъ исторію всего этого племени языковъ, по новѣйшимъ выводамъ науки, которые съ каждымъ днемъ пополняются, такъ какъ языковѣденіе все болѣе обращаетъ на себя вниманіе ученаго міра.

Въ такое время, которое не подлежитъ даже приблизительному исчисленію (во всякомъ случаѣ, за тысячелѣтія до начала нашего лѣточисленія), во внутренней Азіи, можетъ-быть на сѣверномъ склонѣ могучихъ среднеазійскихъ горъ, въ изобилующей пастбищами, плодотворной полосѣ, проживалъ какой-то высокодаровитый народъ. Его должно быть долго не тревожили никакія сосѣднія племена, такъ что онъ имѣлъ полный досугъ развить характеръ свой цѣльно и чисто. Народъ этотъ—наши общіе праотцы, которыхъ мы и называемъ индоевропейцами или арійцами, — былъ прежде всего пастырскій народъ. По воспоминанію объ этомъ времени, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, не смотря на всѣ позднѣйшіе развѣтвленія и раздоры, народы этой расы сохранили имена главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, какъ-то: быка, овцы, лошади, гуся, и пр. У этой расы были и первыя начала земледѣлія. Ей были извѣстны также необходимѣйшіе плотничные пріемы, она имѣла даже суда, хотя судоходство не простиралось далѣе рѣкъ и средиземныхъ озеръ. Индо-европейцы покланялись ясному небу, какъ верховному существу. Борьба свѣта съ тьмою, сіянія солнечнаго съ заволакивающими его тучами, свирѣпствованіе грозъ и бурь, восхожденіе и захожденіе солнца, —словомъ, всѣ явленія природы сложились въ дѣятельномъ воображеніи этого народа въ причудливые образы боренія и дѣяній сверхчеловѣческихъ силъ. Время разсчитывали по измѣненіямъ луны, которую потому и назвали *мѣсяцомъ*, т. е. *мѣрителемъ* (*masa* по санскритски, отъ *mas*—мѣрить; отсюда всѣ дальнѣйшія производства: нѣм. *maass*, *messen*, франц. *mesure*, англ. *measure*, итал. и испанс. *misura*, *mese*, *mensile* и пр. пр.). Пастырскій образъ жизни можетъ-быть влекъ за собою и переходъ съ одного пастбища на другое.—но домъ, хотя бы и передвижной, былъ для арійцевъ священной оградою. Во главѣ его стояли отецъ—санскритское названіе котораго, *tâta*, означаетъ «охранитель, защитникъ»—и мать, названіе которой означаетъ «измѣряющая», чтó въ хозяйственномъ смыслѣ

должно вѣроятно понимать такъ, что она выдавала и измѣряла припасы и раздавала пищу. Мужъ, относительно ея, называется «господиномъ»; а слово «братъ» значитъ «оборонитель»—вѣроятно сестры. Глубокое внутреннее содержаніе этихъ названій—такъ же какъ и многочисленныхъ словъ, существующихъ въ санскритскомъ языкѣ для обозначенія даже самыхъ отдаленныхъ степеней родства,—указываетъ на сильно-развитое семейное чувство. Народъ этотъ, въ тиши своего патріархальнаго бытія, совершилъ великій умственный подвигъ, плоды котораго мы и нынѣ еще пожинаемъ: онъ создалъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ человѣческихъ языковъ. Изъ этого не выходитъ, чтобы мы должны были представить себѣ людей въ началѣ безсловесными. Человѣкъ по самому существу своему—созданіе говорящее, мыслящее словами. До первыхъ началъ рѣчи никакія изслѣдованія не достигаютъ. Но совершенства строенія индоевропейская рѣчь безспорно достигла не иначе какъ постепенно, и тутъ скорѣе возможно указать на ступени, по которымъ она прошла. Образованіе языка удается человѣку именно только въ самый ранній періодъ. У каждаго первобытнаго народа непремѣнно былъ такой періодъ, въ который умственная дѣятельность его преимущественно, если не исключительно, въ этомъ состояла. За этимъ періодомъ образованія языка слѣдуетъ періодъ образованія сагъ или сказаній, и затѣмъ уже—много позднѣе—періодъ вполнѣ сознательной культуры. Народы, никогда не доходившіе до послѣдняго періода, и теперь близки къ этому дѣтскому состоянію—и по нимъ мы можемъ наблюдать, какъ происходитъ этотъ языкообразовательный процессъ. Нѣкоторые путешественники повѣствуютъ, что одна изъ любимыхъ забавъ у южно-американскихъ индійскихъ племенъ — цѣлымъ обществомъ изображать новыя слова или переиначивать уже существующія. Удачную мысль встрѣчаютъ такимъ же смѣхомъ и такими же аплодисментами, какъ на другихъ степеняхъ культуры—новую пѣснь или каламбуръ,—и такія слова, признанныя общественнымъ мнѣніемъ, иногда весьма быстро входятъ въ общее употребленіе. Точно такой процессъ можемъ мы представить себѣ у нашихъ арійскихъ пращуровъ, съ тою разницей, что тамъ имъ двигалъ другой, болѣе глубокій народный духъ. Изъ подобнаго процесса не выключаются даже геніальныя выдумки отдѣльныхъ лицъ, но таковыя удаются только тогда, если новое слово или новая форма изобрѣтены совершенно въ духѣ народа— и потому народомъ вполнѣ понимаются, признаются и распространяются, ибо языкъ вездѣ есть продуктъ массы. Слѣдовательно, большая часть того безконечнаго богатства формъ, которому мы удивляемся главнымъ образомъ въ Санскритѣ и древнегреческомъ языкѣ, но которымъ въ значительной степени могли похвалиться также наши славянскіе праотцы,— должна было образоваться въ эти времена, лежащія за предѣлами даже самаго темнаго историческаго преданія. Позднѣйшая культура содѣйствовала наиболѣе тонкой отчеканкѣ этихъ богатствъ, но новаго не внесла въ нихъ. У индоевропейцевъ уже были числительныя слова, распредѣленныя по самой совершенной изъ системъ — десятичной. Въ Африкѣ есть языки, на которыхъ нельзя (въ настоящемъ смыслѣ слова) сосчитать пяти; тутъ же система чиселъ была готова до конца сотенъ, только для тысячи впослѣдствіи была придумано слово. Но это еще не все. Всякое мышленіе исходитъ отъ нагляднаго созерцанія, поэтому самое важное положеніе языковѣденія то, что всѣ понятія основаны на таковомъ созерцаніи. Тѣмъ многознаменательнѣе тотъ фактъ, что индоевропейскій первобытный народъ уже перешагнулъ эту ступень—и имѣлъ слова для отвлеченныхъ понятій. Наше «вѣдаю» не много разнится отъ древнѣйшей формы того же слова: vaida, родственнаго индѣйскому слову Vêda, которымъ индусы называютъ свои священныя книги, какъ содержащія въ себѣ всякое знаніе. Основное матеріальное понятіе сохранилось въ другомъ словѣ: «видѣть», по лат. videre, по итал. vedere, по фр. voir и пр. Лат. nomen, фр. nom, итал. и исп. nome, англ. и нѣм. name (имя) по-санскритски оказывается nâman, или по настоящему gnâman; форма эта всего лучше сохранилась въ латинск. cognomen фамилія (по итал. cognome). Корень всѣхъ этихъ формъ санскритское gnâ (знать, познать), откуда образовалось латинское cognoscere, англ. know, нѣм. kennen и проч. Стало быть *имя* первоначально значило: *познаваніе*, или то, по чему познаютъ. Есть еще третій корень, man—думать, которымъ въ индоевропейскихъ языкахъ германской семьи и теперь называютъ человѣка: англ. man, нѣм. mann, по санскритски manus, т. е. мыслитель. Этотъ корень родственъ съ корнемъ mâ, мѣрить, ощупывать. Изъ этого видно, что мысль постигали въ образѣ умственной ощупи; первоначальное наглядное, матеріальное значеніе сохранилось въ латинскомъ manus, фр. main, итал. и исп. mano—рука. И такъ, ясно, что нашихъ арійскихъ прародителей занималъ не одинъ матеріальный міръ.

Однако надо было когда нибудь раздѣлиться индоевропейцамъ, которыхъ мы стараемся представить себѣ въ доисторическія времена. Сосѣдніе ли народы стали тѣснить ихъ (ибо мы не должны забывать, что они были не одни), или внутренніе раздоры нарушили патріархальный покой ихъ, или просто первоначально-населенная ими полоса земли современемъ сдѣлалась тѣсна для размножившагося народа, — только настало время раздѣленія. Насколько можно догадываться, арійцы сначала раскололись на двѣ главныя вѣтви: одну—восточную, которая осталась ближе къ первоначальнымъ поселеніямъ; другую—западную, которую стало тянуть въ далекую даль. Прослѣдимъ сначала послѣднюю. Весьма вѣроятно, что праотцы всѣхъ европейцевъ, во время еще общаго быта, но раздѣленнаго уже отъ восточныхъ индоевропейцевъ, успѣли перейти отъ скотоводства—составлявшаго ихъ главное занятіе—къ хлѣбопашеству. Два чрезвычайно важныхъ слова: *орать* (по латыни arare) и *молоть* (по латыни—molere, по нѣмецки mahlen, по французски moulin—мельница) принадлежатъ исключительно западной вѣтви. Но и это совмѣстное житье не долго длилось. Начались тѣ дальнія переселенія на западъ, черезъ которыя наша часть свѣта такъ - сказать объиндоевропеилась. Что народы дѣйствительно переселялись массами, какъ это ни кажется дико по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, доказывается оставшимися отъ среднихъ вѣковъ безчисленными документами,—изъ которыхъ мы видимъ, что въ извѣстныя эпохи, нерѣдко по ничтожнымъ поводамъ, большими массами людей овладѣвалъ духъ непосѣдства, и что они, съ женами, дѣтьми, скотомъ и необходимѣйшимъ домашнимъ скарбомъ, проходили громаднѣйшія пространства, по временамъ отдыхали, потомъ опять поднимались и, при всевозможныхъ бѣдствіяхъ,

лишеніяхъ, трудахъ, вооруженной борьбѣ, основывали новую родину часто на неизмѣримомъ разстояніи отъ бывшихъ своихъ единоплеменниковъ. Точно такимъ же порядкомъ, многими вѣками раньше, наши пращуры мало по малу заняли свои европейскія новоселья. Между ними мы опять-таки можемъ различить нѣсколько отдѣльныхъ партій или шествій.

Первая изъ этихъ партій—партія сѣверная, которая еще долгое время оставалась нераздѣленною, можетъ-быть гдѣ-нибудь на югѣ Россіи, и потомъ уже раскололась на двѣ главныя семьи: германскую и славянско-латышскую, изъ которой впослѣдствіи произошли, съ одной стороны, вся масса славянскихъ народовъ—русскіе, сербы, поляки, чехи пр., съ другой—литовцы и латыши. Самый замѣчательный въ исторіи языковъ членъ этой семьи — литовскій языкъ, которымъ говорятъ въ восточной Пруссіи поселяне, притиснутые къ юго-восточному углу Балтійскаго моря,—потому что этотъ языкъ во многихъ отношеніяхъ (съ наибольшей вѣрностью изъ всѣхъ живыхъ языковъ) сохранилъ первобытный индоевропейскій типъ. «Супругъ» (первоначально pati-s—кормилецъ) и теперь говорится тамъ pats; «волкъ», по санкритски vrkas—vilkas; «есть» какъ по гречески: esti и пр. Состояніемъ литовскаго языка вполнѣ доказывается то положеніе, что бездѣйствіе и умственный застой благопріятствуютъ сохраненію языка; дѣятельность, напротивъ, и богатство умственной жизни—разложенію и переработкѣ его. Къ славянско-литовской семьѣ всѣхъ ближе германская, хотя отличается отъ нея нѣсколькими весьма опредѣленными чертами. Извѣстно, что нѣкоторыя германскія племена съ юго-востока постепенно ушли на западъ, на сѣверъ, до самой Скандинавіи, засѣли въ Англіи, пробрались до глубины Испаніи, Италіи, Франціи, а другія заняли центръ Европы, нынѣ называемый Германіей.

Совершенно другую картину представляетъ южноевропейская группа. Рано прекративъ дикое кочевое житье, принявъ осѣдлость въ благодатномъ климатѣ, въ земляхъ роскошно расчлененныхъ, прорѣзываемыхъ морями, —предки древнихъ грековъ и римлянъ вскорѣ пришли въ соприкосновеніе съ цивилизаціей другихъ, неродственныхъ имъ жителей прибрежья Средиземнаго моря—и по всѣмъ этимъ причинамъ достигли богатѣйшей культуры. Тѣмъ, что́ создали греки и римляне съ ихъ художественнымъ чувствомъ формъ и пропорцій, свѣтлыми мыслями, которыя такъ рано расцвѣли подъ яснымъ небомъ юга,—мы и нынѣ не перестаемъ питаться и услаждаться. Все греческое и римское только на половину чужое намъ. Собственно говоря, сѣмена одни и тѣ же; только у тѣхъ счастливыхъ націй они раньше взошли и великолѣпнѣе развились, чтобы затѣмъ сдѣлаться однимъ изъ необходимѣйшихъ элементовъ культуры какъ нашей, такъ и всего міра. Греки и римляне, цивилизаціи которыхъ начали сливаться при Цезарѣ, и по языкамъ своимъ оказываются близкими родными. Мѣсто, гдѣ предки греческихъ и итальянскихъ народовъ еще совмѣстно жили, находится можетъ-быть въ Малой Азіи. Вѣрно то, что италійцы оттуда вынесли языкъ во многихъ отношеніяхъ еще древнѣйшій,—тогда какъ греческій, хотя носитъ вообще сравнительно новѣйшій отпечатокъ, однако (благодаря прирожденному эллинамъ художественному чувству) выработался до такого великолѣпія, какого не представляетъ ни одинъ языкъ въ мірѣ.

Изъ западныхъ индоевропейцевъ остается упомянуть еще объ одной семьѣ—одной изъ самыхъ многочисленныхъ и наиболѣе предпріимчивой изъ всѣхъ — семьѣ кельтовъ. Кельты проникли до крайнихъ западныхъ предѣловъ Европы: Галліи, Британіи и Ирландіи —и языки ихъ до такой степени утратили сродство съ первоначальнымъ типомъ, что принадлежность ихъ къ этому типу была доказана всѣхъ позднѣе. Одаренные богатымъ воображеніемъ, притомъ страстью къ приключеніямъ, они однакоже всѣхъ менѣе оказали творчества въ области сказокъ, миѳовъ и сагъ. Благодаря своему перемѣнчивому, неугомонному нраву, они нарушали покой уже древняго міра. Ихъ главнѣйшія и блистательнѣйшія характеристики сохранились въ весьма впрочемъ смѣшанной французской народности. Но отъ языковъ ихъ ничего не осталось, кромѣ народныхъ мѣстныхъ нарѣчій въ Бретани, Вэльсѣ, Шотландскихъ горахъ и Ирландіи.

Вотъ какъ далеко протянулась эта западная, европейская вѣтвь великаго роднаго дерева. Восточная вѣтвь, какъ мы видѣли, осталась въ Азіи. Но и эта вѣтвь раскололась тоже на двѣ семьи. Одна изъ нихъ—персидская или иранская—держалась ближе къ центру Азіи, и основала тамъ міровую персидскую державу, пустившую побѣги далеко на западъ и пришедшую въ прямое соприкосновеніе съ греками. Слѣдовательно, долголѣтнюю борьбу грековъ съ персами можно назвать борьбою между западными и восточными индоевропейцами, рѣшившею на вѣки вѣчные вопросъ о превосходствѣ первыхъ надъ послѣдними. Отъ иранцевъ, сохранивъ много общихъ съ ними традицій, оторвалось одно племя, пошло къ югу и черезъ долину Инда проникло въ индійскій полуостровъ. Тамъ основало оно замѣчательную, много вѣковъ выстоявшую индійскую культуру, первые памятники которой (во всякомъ случаѣ, много превосходящіе по древности гомерическія времена) сохранились въ незапамятныхъ священныхъ пѣсняхъ Ригъ-Веды, написанныхъ на томъ самомъ санскритскомъ языкѣ, который подобно латинскому употребляется донынѣ въ неизмѣненномъ видѣ—въ качествѣ ученаго языка. Убереженный отъ вліянія народныхъ нарѣчій, тщательнѣйшимъ образомъ передаваемый изъ рода въ родъ, санскритъ сохранилъ чрезвычайно древній характеръ, и потому годился въ ключи къ давнишней загадкѣ о родствѣ народовъ и языковъ.

Мы говоримъ: «родство народовъ *и* языковъ» — и постоянно относились до сихъ поръ къ тѣмъ и другимъ какъ къ неразрывнымъ явленіямъ. Это-то этнографическое значеніе языковѣдѣнія очевидно есть одна изъ важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ сторонъ его. Но правы ли мы? Этотъ вопросъ многимъ представится—и даже былъ возбужденъ наукою въ послѣднее время. Что упомянутые выше языки проистекли изъ одного общаго корня – это такой фактъ, котораго никому не приходитъ въ голову оспаривать. Боппъ и его послѣдователи доказали это съ почти что математической вѣрностью. Но доказывается ли родствомъ языковъ—родство и народовъ? Это вопросъ, который глубоко захватываетъ науку. Есть примѣры народовъ, промѣнявшихъ свои первоначальные языки на другіе. Ядро французскаго народа—что ни говори — галлы, однако языкъ его происходитъ отъ латынскаго. Завоеванія арабовъ занесли арабскій языкъ ко многимъ народамъ Сѣверной Африки. Этими и подобными фактами старались доказать, что и индоевропейскій языкъ могъ быть принесенъ къ народамъ Европы, и что слѣдовательно

общность языка еще вовсе не влечетъ за собою общности происхожденія. Но при нѣкоторомъ размышленіи эти сомнѣнія исчезаютъ. Языкъ такъ сростается съ самой жизнью народа, что нужно чрезвычайно сильное вліяніе, чтобъ расторгнуть ихъ. Только тѣ завоеватели, которые основали прочную, долголѣтнюю державу, которые обладали высшей культурой и соотвѣтствующимъ ей литературно-развитымъ языкомъ, достигли (подавляющимъ умственнымъ превосходствомъ) того, что могли вытѣснить народный языкъ покореннаго племени. Но подобные случаи совершенно немыслимы у индоевропейцевъ въ тѣ отдаленныя времена. Не о войнѣ и не объ оружіи, а о хозяйственномъ, пастырскомъ бытѣ свидѣтельствуютъ общія всѣмъ индоевропейцамъ слова. Къ тому же, насильственное нарушеніе строя языка ужь непремѣнно оставляетъ слѣды. Мы всего яснѣе видимъ это въ языкахъ, народившихся отъ латинскаго, такъ-называемыхъ романскихъ. Въ нихъ сохранилось много остатковъ древнихъ народныхъ языковъ (наприм., во французскомъ—гальскаго), но еще болѣе замѣтно разрушеніе въ большихъ размѣрахъ строенія языка. Эти языки, хотя въ своемъ родѣ выработанные до тонкости, представляются изслѣдователю искаженіемъ латинскаго. Только въ латинскомъ они находятъ свою норму. Совсѣмъ другое видимъ мы у тѣхъ индоевропейцевъ, которые этой участи не подвергались—у грековъ, у нѣмцевъ, у славянъ. Эти языки всѣ формировались по строгимъ законамъ—и такъ своеобразно, органически развили свои общіе съ другими зачатки, какъ наприм., хоть бы съ индѣйскимъ. Каждый изъ нихъ сохранилъ что-нибудь изъ первобытно-древнихъ чертъ, чего у другихъ недостаетъ; даже перестановки и измѣненія звуковъ, при всемъ разнообразіи, свидѣтельствуютъ объ изумительной стройности. Все это объясняется лишь непрерывностью традиціи—и исключаетъ возможность переученія языку въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Конечно, нельзя допустить, чтобы индоевропейцы не находили жителей въ земляхъ, которыя они заселяли; мѣстами расы непремѣнно перемѣшивались—и весьма вѣроятно, что частицы болѣе древнихъ племенъ потонули въ массѣ наводнившихъ ихъ народовъ высшаго типа. Но въ цѣломъ—народность и языкъ положительно составляютъ одно; — это видно въ самомъ языкѣ.

Такимъ-то образомъ новѣйшее языковѣденіе дополняетъ, съ одной стороны, естественныя науки, объясняя намъ умственныя свойства народовъ, съ другой—исторію, давая намъ возможность дѣлать выводы и устанавливать факты относительно такихъ временъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ документовъ. Это дѣлается, положимъ, въ довольно тѣсномъ кругу—сравненіемъ и анализомъ языковъ, генеалогическое родство которыхъ удалось доказать,—но за то дѣлается основательно и съ достовѣрностью.

Конечно, многіе вопросы остаются безъ отвѣта, разрѣшенія которыхъ преимущественно желаютъ чуть-ли не тѣ, кто дальше стоитъ отъ науки,—напр., того такъ-сказать высшаго, конечнаго вопроса — вопроса о единствѣ рода человѣческаго. Неужели, спрашиваютъ, такъ и остановиться на результатахъ обнимающихъ часть языковъ? Развѣ въ концѣ концовъ все человѣчество не составляетъ одно цѣлое, и не должны ли мы прійдти къ заключенію, что въ началѣ былъ одинъ языкъ. Скорѣе всего можно предположить генеалогическую связь между нашими индоевропейскими языками и группою наиболѣе послѣ нихъ почтенныхъ языковъ, которые мы называемъ семитическими—еврейскимъ, финикійскимъ, арабскимъ. Если бы включить сюда еще египетскій языкъ (какъ это дѣлаютъ Бунзенъ и нѣкоторые другіе египтологи) да китайскій—къ чему начинаютъ обрѣтаться нѣкоторыя данныя, хотя покуда еще слабыя и неясныя,—этотъ циклъ обнялъ бы всѣ главныя культуры міра. Но доказательства еще не приведено, согласія не достигнуто, а 860 языковъ свести на одну единицу—это такая мысль, отъ которой отшатнется даже самый смѣлый умъ. Генеалогическая связь, вездѣ гдѣ ее удавалось доказать, выводилась изъ тождественности или сходства формъ. Между тѣмъ есть языки, въ которыхъ вообще о формахъ не можетъ быть рѣчи, стало-быть этой данной къ изслѣдованію вовсе нѣтъ. Чѣмъ меньше культуры, тѣмъ больше языковъ—это доказывается сѣвероамериканскими индійскими языками. У многихъ племенъ было замѣчено крайне-быстрое измѣненіе цѣлаго языка. И давно ли вообще-то извѣстно намъ что-нибудь объ этихъ дикаряхъ?

За загадки, остающіяся покуда еще неразрѣшенными, насъ вознаграждаетъ пріобрѣтенное пониманіе человѣческой рѣчи вообще. Каждый языкъ оказывается не случайнымъ облаченіемъ мысли, а удивительнѣйшею тканью, въ которой всѣ нити между собой имѣютъ связь и соотношеніе. Онъ самое непосредственное выраженіе духа—говорящаго на немъ народа; а все-таки тысячью нитей связанъ съ языками и другихъ народовъ. Слово, которое мы говоримъ, какъ будто намъ принадлежитъ; однако мы не въ состояніи произвольно составить ни единаго слова—и каждый оборотъ, который мы употребляемъ, основанъ на незапамятной традиціи. Языки—самое новое что есть на свѣтѣ, потому что никто не можетъ говорить иначе чѣмъ говорятъ его современники, и въ то же время—древнѣйшее, потому что уходитъ въ доисторическую тьму временъ. Чѣмъ совершеннѣе языкъ, тѣмъ болѣе онъ раззадориваетъ умъ, облегчаетъ и проясняетъ мысль. Не случайно народы — языки которыхъ отличались наибольшимъ совершенствомъ строенія—сдѣлались повелителями земли. И такъ, главнымъ органомъ нашей умственной работы—мы обязаны не себѣ и нашему изобрѣтательному вѣку, а древнему роду, который въ неблестящемъ существованіи своемъ совершилъ великое дѣло на всѣ грядущіе вѣка.

Охота на слона.

На этого громаднаго звѣря охотятся чрезвычайно разнообразно, смотря потому—какого рода пользу хотятъ извлечь изъ добычи. Кому не извѣстно, что слонъ весьма скоро ручнѣетъ—и благодаря замѣчательно развитому въ немъ смыслу, становится дѣятельнымъ помощникомъ человѣка въ различныхъ трудахъ и работахъ?... можно бы исписать цѣлые томы, если взять себѣ въ задачу изложеніе массы анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о необыкновенной смышлености слона, — и такъ, первая и наиболѣе важная охота на это травоядное состоитъ

Охота на слона.
Рисунокъ Р. Кречмера.

въ захватѣ его живьемъ. Для этого въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Индіи, изобилующихъ стадами дикихъ слоновъ, устраиваются засѣки и огороженныя пространства (обыкновенно частоколомъ толстыхъ бревенъ), куда и загоняется небольшая партійка твердокожихъ колоссовъ, а къ нимъ пускается десятка два ручныхъ слоновъ, которые уже однимъ своимъ сообществомъ, а также и ударами хоботовъ мало по малу укрощаютъ своихъ дикихъ собратьевъ.

Если же дѣло идетъ не о самомъ слонѣ, а только о различныхъ матеріялахъ, отъ него получаемыхъ (каковы: слоновая кость,—т. е. клыки слона,—кожа и даже мясо употребляемое нѣкоторыми дикарями въ пищу),—то слоновъ бьютъ наиразличнѣйшими способами, смотря по большей или меньшей образованности самихъ охотниковъ. Жители Абиссиніи собираются цѣлымъ селеніемъ—и отрѣзавъ одного слона отъ стада, до тѣхъ поръ пускаютъ дротики въ избранную жертву, пока она не изнеможетъ отъ тысячи ранъ. Нѣкоторые смѣльчаки схватываются со слономъ одинъ на одинъ, причемъ вся штука состоитъ въ томъ, чтобы забѣжавъ сзади—ловкимъ ударомъ меча перерѣзать такъ-называемую Ахиллесову жилу, въ сочлененіи колѣна задней ноги; пораженное такимъ образомъ, громадное животное падаетъ и гибнетъ отъ потери крови. Самый обыкновенный родъ охоты у европейцевъ — это стрѣльба слона изъ ружей. Замѣтивъ еще издали стадо слоновъ, охотники, въ сопровожденіи негровъ, припадаютъ ничкомъ къ землѣ, и ползя въ густой высокой травѣ, противъ вѣтра, приближаются на разстояніе ружейнаго выстрѣла... Тутъ стрѣлки разомъ поднимаются на ноги, даютъ залпъ и снова падаютъ ничкомъ на земь. Испуганное выстрѣломъ, стадо кидается бѣжать куда глаза глядятъ—и горе охотникамъ, если оно бросится по направленію къ нимъ!... Смѣльчаки будутъ неминуемо стоптаны.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ подобную охоту, предпринятую знаменитымъ естествоиспытателемъ Брэмомъ и герцогомъ Эрнстомъ Готскимъ, во время путешествія ихъ по Абиссиніи.

Политическое обозрѣніе.

Блистательные результаты плебисцита, превзошедшіе самыя смѣлыя надежды приверженцевъ Наполеоновской династіи, далеко еще не упрочили положеніе дѣлъ во Франціи. Тотчасъ по окончаніи плебисцитнаго движенія, обнаружились неудовольствія противъ «перваго конституціоннаго» министерства г. Эмиля Олливье,—и, насколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, оно пало бы, если-бъ разнообразныя партіи законодательнаго корпуса, враждебныя правительству или недовольныя имъ, съумѣли составить единодушно оппозицію и выдвинуть изъ своей среды людей, способныхъ стать во главѣ управленія. Главныя причины неудовольствія противъ г. Олливье заключаются въ его колебаніяхъ между различными партіями и въ нѣкоторыхъ произвольныхъ дѣйствіяхъ, подавшихъ врагамъ его поводъ къ обвиненію его въ намѣреніи возстановить личное правительство. Самое врученіе результатовъ плебисцита императору, при которомъ, какъ извѣстно читателямъ (см. № 22 *Нивы*), произносилъ рѣчь только г. Шнейдеръ, президентъ законодательнаго корпуса,—возбудило негодованіе сената. Сенатъ, разработавшій проэктъ сенатусъ-консульта, т. е. основанія новой конституціи,—считалъ себя въ правѣ принять участіе въ упомянутомъ торжествѣ—въ лицѣ своего президента г. Руэра, который могъ бы также выразить, отъ имени своихъ сочленовъ, привѣтствія и пожеланія императору и Франціи; но г. Олливье устранилъ его—и тѣмъ вооружилъ противъ себя не только сенатъ, но и правую сторону законодательнаго корпуса, привыкшую все еще считать г. Руэра своимъ главой, и повинующуюся внушеніямъ этого нѣкогда всемощнаго министра, прозваннаго «вице-императоромъ». Другой причиной неудовольствія сената было предложеніе законодательному корпусу г. Эмилемъ Олливье законопроэкта объ уменьшеніи содержанія сенаторамъ на половину (они получаютъ теперь 30,000 фр. въ годъ, и на основаніи новаго законопроэкта будутъ получать по 15,000). Представленіе означеннаго законопроэкта оскорбило также и государственный совѣтъ,—ибо, вопреки правиламъ, предоставляющимъ этому собранію разработку законовъ, кабинетъ внесъ свое предложеніе въ палату помимо его; вслѣдствіе этого президентъ государственнаго совѣта г. де Парьё подалъ-было въ отставку, но такъ какъ онъ членъ кабинета и выходъ его могъ бы повести къ распаденію министерства, то г. Олливье употребилъ всѣ усилія, чтобы удержать г. де-Парьё, и убѣдилъ его наконецъ слѣдующимъ аргументомъ: такъ какъ при законопроэктѣ не было приложено поводовъ къ оному, то кабинетъ не счелъ нужнымъ вносить его предварительно въ государственный совѣтъ,—и воспользовался правомъ, предоставленнымъ ему въ императорскомъ декретѣ 30-го мая, гдѣ сказано, что въ случаѣ надобности кабинетъ можетъ вносить законопроэкты прямо въ ту или другую палату. Правую сторону законодательнаго корпуса г. Олливье вооружилъ противъ себя отказомъ, которымъ онъ отвѣчалъ на требованіе главнаго плебисцитнаго комитета, выразившаго желаніе образовать изъ себя постоянное учрежденіе, которое могло бы и на будущее время руководить подачей голосовъ при выборахъ. Этотъ главный комитетъ образовался изъ членовъ правой стороны и праваго центра подъ предсѣдательствомъ герцога д'Альбюферы, и много содѣйствовалъ успѣху плебисцита (въ числѣ членовъ этого комитета былъ также извѣстный публицистъ, издатель *Liberté*, г. Эмиль де-Жирарденъ, принимавшій дѣятельное участіе въ его трудахъ). Въ засѣданіи законодательнаго корпуса 27-го мая, запросъ по этому поводу представилъ одинъ изъ членовъ правой стороны, г. Бетмонъ,—и всѣ ождали бурныхъ преній, которыя могли окончиться пораженіемъ министерства; но на этотъ разъ оно спасено было личнымъ вмѣшательствомъ императора. Наполеонъ II, не желающій министерскихъ перемѣнъ и лично расположенный къ г. Олливье (за то, какъ увѣряютъ нѣкоторые, что этотъ министръ никогда ни о чемъ его не проситъ и старается ничѣмъ его не тревожить), далъ знать членамъ плебисцитнаго комитета, людямъ вполнѣ преданнымъ царствующей династіи, чтобъ они не настаивали на своемъ требованіи; разумѣется, они исполнили желаніе его величества,—и только г. Клеманъ Дювернуа прикрылъ отступленіе, выразивъ прискорбіе, что «парла-

ментское министерство не позволяетъ конституціоннымъ партіямъ организоваться свободно, какъ то дѣлается въ свободныхъ странахъ.» Лѣвая сторона, не желавшая торжества консерваторовъ, хранила при этомъ молчаніе, —вслѣдствіе чего г. Олливье одержалъ побѣду, и палата рѣшила перейдти къ очереднымъ дѣламъ. Гораздо болѣе упорную борьбу пришлось выдержать кабинету во время преній законодательнаго корпуса 3-го іюня, по поводу новой организаціи генеральныхъ совѣтовъ; къ законопроэкту объ этой организаціи, г. Клеманъ Дювернуа представилъ двѣ поправки: о публичности засѣданій генеральныхъ совѣтовъ и о печатаніи протоколовъ о нихъ,—и обѣ эти поправки, вопреки желанію кабинета, были приняты большинствомъ. На другой день, 4-го іюня порѣшенъ былъ запросъ г. Бетмона о предоставленіи права публичныхъ собраній избирателямъ въ члены генеральныхъ совѣтовъ; но г. Олливье взошелъ на трибуну и объявилъ, что такъ какъ нѣкоторые члены большинства поддерживаютъ его какъ бы противъ воли, то онъ находитъ необходимымъ принудить ихъ высказаться прямо, и ставитъ интерпелляцію г. Бетмона «кабинетнымъ вопросомъ». На этотъ вызовъ отвѣчалъ г. Жеромъ-Давидъ, одинъ изъ вождей правой стороны, осыпавшій упреками министерство за его безсиліе, колебанія, мнимый либерализмъ и произвольныя дѣйствія; казалось, начинается открытая борьба,—но вдругъ ораторъ припомнилъ, что партія его не имѣетъ еще въ виду кабинета, который бы могъ замѣнить настоящее министерство, и къ общему удивленію заключилъ свою рѣчь словами, что не смотря на все имъ сказанное онъ и его друзья утвердятъ вопросъ о довѣріи, предложенный министромъ. Г. Олливье отказывался отъ такого снисхожденія и требовалъ, что бы г. Жеромъ-Давидъ подалъ голосъ противъ кабинета. Странный споръ этотъ продолжался нѣсколько времени, какъ вдругъ г. Бетмонъ объявилъ, что онъ беретъ свой запросъ назадъ. Это разстроило планы г. Олливье, но онъ воспользовался статьей регламента, дозволяющаго каждому члену палаты возобновить въ томъ же засѣданіи запросъ, взятый назадъ его авторомъ, —и далъ знакъ одному изъ своихъ сторонниковъ, молодому депутату г. Рейллю, который и предъявилъ снова запросъ г. Бетмона уже отъ своего имени. Лѣвая сторона протестовала противъ такого маневра—и объявила, что она подавать голосовъ не будетъ. Отказъ ея принять участіе въ голосованіи былъ причиною неожиданнаго результата: палата выразила довѣріе министерству *единогласно*, то-есть 189 голосами, въ числѣ коихъ были конечно голоса г. Жеромъ-Давида и его партіи. Подобное выраженіе довѣрія, по словамъ почти всѣхъ газетъ, равняется пораженію; но тѣмъ не менѣе нынѣшній кабинетъ, благодаря ловкости своего главы, одержалъ рѣшительную побѣду, хотя насмѣшники и называютъ ее побѣдой Пирра,—и впередъ до новыхъ случайностей положеніе его обезпечено.

Много содѣйствовалъ торжеству кабинета разладъ, господствующій въ рядахъ оппозиціи, распавшейся на нѣсколько фракцій. Такъ, между прочимъ, послѣ плебисцита, лѣвая сторона распалась на двѣ партіи: отъ «непримиримыхъ», которые требуютъ непремѣнно республики, отдѣлилась група депутатовъ подъ руководствомъ г. Эрнеста Пикара, готовая примириться съ имперіей, если она допуститъ ея либеральную программу. По общему мнѣнію, групѣ этой суждено сдѣлаться ядромъ значительной партіи, а такъ какъ вождь ея—человѣкъ несомнѣнно умный и даровитый, то легко можетъ случиться, что со временемъ онъ сдѣлается главой кабинета.

Бурныя пренія, возбуждаемыя борьбой партій, препятствовали законодательному корпусу посвятить занятіямъ столько времени, сколько бы слѣдовало. Изъ законовъ утвержденныхъ имъ—важнѣе прочихъ новый законъ о печати, хотя и не вполнѣ удовлетворившій общественное мнѣніе, но все таки составляющій несомнѣнный прогрессъ,—ибо онъ предоставляетъ рѣшенію суда присяжныхъ процессы о печати, и допускаетъ изобличеніе злоупотребленій, учиняемыхъ агентами администраціи. Что касается до штемпельнаго налога на газеты, страшно обременительнаго для нихъ, то отмѣна его, послѣ продолжительныхъ преній въ палатѣ, была отсрочена до 1-го января 1872 года—по настоятельному требованію министра финансовъ, г. Сегри, объявившаго, что до тѣхъ поръ казначейство не можетъ ни чѣмъ замѣнить десяти милліоновъ, которые доставлялъ ему этотъ налогъ; впрочемъ, съ 1-го января 1871 года налогъ будетъ пониженъ.

Большое впечатлѣніе произвели въ парижской печати и въ публикѣ запросы по поводу Сенъ-Готардской желѣзной дороги, представленные въ законодательномъ корпусѣ г-номъ Мони, а въ сенатѣ г-номъ Бренье. Дорога эта служитъ прямымъ соединеніемъ Германіи и Италіи черезъ Швейцарію; для проведенія ея и подписанъ на дняхъ договоръ между Сѣверо-Германскимъ Союзомъ и правительствами италіянскимъ и швейцарскимъ, которыя въ виду общей пользы назначили на построеніе этой линіи значительныя субсидіи. Несомнѣнно, дорога эта поведетъ къ болѣе тѣсному сближенію между Пруссіей и Италіей—и до нѣкоторой степени уменьшитъ значеніе франко-итальянской дороги черезъ Монъ-Сени. Этими двумя обстоятельствами и встревожились французскія палаты, которыя, однако,—послѣ объясненій данныхъ герцогомъ де-Грамономъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ засѣданіи законодательнаго корпуса (21-го іюня) и сената (22-го іюня), что Сенъ-Готардская дорога не будетъ имѣть никакого стратегическаго значенія, а только торговое,—постановили переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Въ англійскихъ палатахъ, послѣ вакацій по случаю праздника Св. Троицы, возобновились засѣданія. Въ палатѣ лордовъ продолжались пренія объ ирландскомъ поземельномъ биллѣ, подробности о которомъ мы сообщимъ читателямъ по окончательномъ его обсужденіи. Въ палатѣ общинъ разсматривался правительственный билль о народномъ обученіи, цѣль коего расширить систему образованія массъ, и уничтожить различныя стѣсненія препятствующія ея развитію. Что касается до мараѳонской катастрофы, то общественное мнѣніе въ Англіи повидимому значительно успокоилось — и по всей вѣроятности въ виду энергическихъ мѣръ, принимаемыхъ греческимъ правительствомъ къ отысканію и наказанію виновныхъ въ убіеніи англійскихъ туристовъ, а равно и для подавленія разбойничества вообще. Сентъ-Джемскій кабинетъ оставилъ свои неумѣренныя требованія, которыя впрочемъ и въ самомъ началѣ не одинаково поддерживались различными членами британскаго правительства. Другой случай захвата англійскихъ подданныхъ разбойниками произошелъ въ концѣ прошедшаго мѣсяца въ Испаніи, близь Гибралтара. Жертвами этого захвата были г.г. Боннель, дядя и племянникъ, которые однако были гораздо счастливѣе ихъ соотечественниковъ въ Греціи. Ис-

панскіе бандиты отпустили сначала г. Боннеля-племянника, который привезъ имъ назначенный выкупъ, а тогда освободили и г. Боннеля-дядю. Случай этотъ, по поводу котораго былъ запросъ испанскому кабинету со стороны англійскаго посланника, заставилъ испанское правительство принять также дѣятельныя мѣры противъ разбойничества, которое давно составляетъ язву Испаніи и держится тамъ благодаря дурной администраціи, низшіе агенты которой имѣютъ постоянно связи съ бандитами. На этотъ разъ разбойники, захватившіе гг. Боннелей, были пойманы близь Севильи—и при нихъ найдена большая часть полученной ими выкупной суммы.

Политическія дѣла Испаніи по прежнему не подвигаются ни на шагъ впередъ, и временное положеніе дѣлъ не прекращается. Въ засѣданіи кортесовъ 10-го іюня маршалъ Примъ объявилъ, что онъ предлагалъ испанскую корону четыремъ кандидатамъ (по словамъ *Mémorial diplomatique*, кандидаты эти: король донъ-Фернандо Португальскій, герцогъ Генуэзскій, графъ д'Э, зять императора Бразильскаго, и принцъ Фридрихъ Гогенцолернскій), но что всѣ они отказались отъ нея. Между тѣмъ, извѣстія изъ Мадрида отъ 14-го іюня сообщаютъ, что адмиралъ Топете и нѣкоторые депутаты представили въ кортесы петицію объ избраніи герцога Монпансье, а г. Мадосъ и другіе выразили снова желаніе предложить корону маршалу Эспартеро. Ни то, ни другое повидимому не будетъ имѣть послѣдствій,—такъ какъ большинство испанцевъ не желаетъ Монпансье, какъ члена фамиліи Бурбоновъ, торжественно устраненной отъ испанскаго престола въ началѣ революціи, низвергнувшей Изабеллу,—а престарѣлый маршалъ настойчиво и рѣшительно отказывается отъ предложенной ему короны. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не прежде осени: засѣданія кортесовъ должны быть закрыты въ концѣ этого мѣсяца—и сессія ихъ возобновится не прежде октября или ноября. Относительно павшей династіи сообщаютъ, будто-бы бывшая королева Изабелла подписала уже свое отреченіе, копія съ котораго привезена въ Мадридъ; но племянникъ ея, претендентъ донъ-Карлосъ, повидимому не думаетъ еще отрекаться отъ своихъ притязаній: приверженцы его, какъ слышно, собираются въ различныхъ мѣстахъ Испаніи—и самъ онъ издалъ манифестъ къ народу, обѣщающій всевозможныя льготы.

Въ Португаллін утвердилось министерство герцога Сальданьи послѣ переворота, совершеннаго имъ 20 мая. По вступленіи въ должность, герцогъ Сальданья издалъ либеральную программу,—и 9-го іюня послѣдовалъ рядъ декретовъ, которыми король донъ-Луисъ утвердилъ эту программу. Декретами этими учреждается коммисія для реформы палаты перовъ, и другая коммисія для измѣненія избирательнаго закона въ либеральномъ смыслѣ,—отмѣняется содержаніе получаемое депутатами кортесовъ, и разрѣшается правительству взимать налоги на основаніи прошлогодняго бюджета для покрытія расходовъ. 18-го іюня послѣдовали другіе декреты, которыми даровано всѣмъ гражданамъ право петицій, сходокъ и собраній, объявлена свобода обученія и отмѣнена смертная казнь въ колоніяхъ.

Ватиканскій соборъ дѣятельно продолжаетъ пренія о схемѣ *De Primatu pontificis romani*; послѣдняя глава этой схемы—есть знаменитый догматъ о непогрѣшимости, утвержденіе котораго есть цѣль всѣхъ желаній Пія IX. Большинство епископовъ будетъ несомнѣнно на сторонѣ папы, но и оппозиція весьма значительна, такъ что утвержденіе означеннаго догмата можетъ имѣть непредвидѣнныя послѣдствія, весьма опасныя для папской власти. Замѣчательнымъ эпизодомъ преній было засѣданіе 4-го іюня, когда предсѣдавшій на соборѣ кардиналъ Биліо насильственно перервалъ рѣчь епископа Маре и объявилъ общія пренія объ означенной схемѣ закрытыми,—вслѣдствіе чего сорокъ членовъ собора, выразившихъ желаніе говорить по этому предмету, лишены были слова. На другой день оппозиція представила собору энергическій протестъ, написанный кардиналомъ Раушеромъ и подписанный 93 епископами. Послѣ этого началось обсужденіе схемы по главамъ, а такъ какъ оппонентовъ желающихъ говорить—очень много, то пренія могутъ затянуться до безконечности; тѣмъ не менѣе, папѣ желательно, чтобы они окончились къ празднику Св. Петра (29-го іюня), а потому легко можетъ быть, что и на этотъ разъ повторится сцена 4-го іюня, пренія будутъ также насильственно закрыты—и желанный догматъ непогрѣшимости будетъ, не смотря ни на что, торжественно провозглашенъ въ Петровъ день.

Въ Австро-Венгерской монархіи теперь въ полномъ разгарѣ избирательная агитація. Правительство всенародно объявило, что оно устраняется отъ выборовъ и предоставляетъ полную свободу населеніямъ высказать ихъ желанія. Заявленіе это плохо согласуется съ дѣйствіями кабинета графа Потоцкаго, который, не смотря на всѣ требованія чеховъ, не дозволяетъ распустить нынѣшній чешскій сеймъ, гдѣ господствуетъ нѣмецкое большинство,—изъ опасенія, чтобы новые выборы не наполнили сейма членами враждебными правительству,—и всѣми силами покровительствуетъ польскому элементу въ Галиціи въ ущербъ элементу русскому составляющему тамъ большинство. Засѣданіе сеймовъ предполагается открыть во второй половинѣ августа, и вслѣдъ за тѣмъ произведены будутъ выборы въ рейхсратѣ на прежнемъ основаніи, противъ чего возставали и возстаютъ славянскія земли Австріи. Вообще въ сложномъ административномъ механизмѣ этой двойственной монархіи—господствуетъ полнѣйшій разладъ, не предвѣщающій ничего добраго; положеніе дѣлъ опредѣлится яснѣе, когда откроются сессіи областныхъ сеймовъ и потомъ засѣданія рейхсрата.

Въ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ самымъ замѣчательнымъ событіемъ было обнародованіе общаго уголовнаго уложенія, о принятіи котораго сѣверо-германскимъ парламентомъ мы уже сообщали въ нашемъ послѣднемъ политическомъ обозрѣніи.

Въ половинѣ іюня въ Бельгіи произошелъ министерскій кризисъ вслѣдствіе торжества—на выборахъ въ палату представителей—католической партіи, враждебной нынѣшнему либеральному кабинету г. Фреръ-Орбана. 26 іюня король принялъ отставку министровъ и поручилъ составленіе новаго кабинета члену католической партіи, сенатору, барону д'Анетану.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 22 Іюня 1870 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр., д. № 26.** Типогр. А. Траншеля. Невск. и Владим. д. № 45—1